Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

JL 572

Digitized by Google

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
JUL 7 1970
AP50
A78
Nos. 38-48, 50-52
1858

ME '78

Digitized by Google

37/3221

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 38.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К°.

—

1858.

Digitized by Google

Digitized by Google

КУРСЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ, СОСТАВЛЕННЫЙ В. ШУЛЬГИНЫМЪ

(для воспитанницъ благородныхъ институтовъ и воспитанниковъ гимназій). Исторія среднихъ вѣковъ. Кіевъ. 1858 г.

—

Не разъ приходится слышать противорѣчащіе и однако не лишенные основанія упреки противъ университетскаго преподаванія въ Россіи. Если одни указываютъ на не совсѣмъ завидную постановку нашихъ университетовъ сравнительно съ ихъ иностранными собратіями, на бѣдность матеріальныхъ пособій, на отсутствіе многихъ каѳедръ, на сжатость и частью на недостатки самаго преподаванія; то другіе, также съ нѣкоторымъ основаніемъ, говорятъ о томъ, что университетскіе курсы не достигаютъ своей цѣли потому, что предполагаютъ въ слушателяхъ несравненно бо́льшій запасъ предварительныхъ свѣдѣній, чѣмъ тотъ, съ которымъ является въ аудиторіи большинство учащихся, что, вслѣдствіе этихъ несоразмѣрно высокихъ требованій относительно предварительныхъ свѣдѣній, университетскія лекціи недоступны огромному большинству слушателей, которое поэтому и ограничивается только внѣшнимъ заучиваніемъ ихъ для экзаменовъ, мало заботясь объ ихъ усвоеніи. Такимъ образомъ, наше университетское преподаваніе съ одной стороны кажется стоящимъ на низшей степени сравнительно съ преподаваніемъ въ иностранныхъ университетахъ, съ другой, его же упрекаютъ въ томъ, что оно поставлено слишкомъ высоко, несоразмѣрно съ средствами лицъ, имъ пользующихся, разсчитано скорѣе на незначительное, избранное меньшинство слушателей, чѣмъ на всю ихъ массу. Какъ от-

Digitized by Google

вѣчать на эти упреки, взаимно уничтожающіе другъ друга? Остановимся на послѣднемъ, какъ имѣющемъ въ себѣ болѣе практической важности. Если справедливо обвиненіе, будто бы университетскіе курсы доступны и слѣдовательно полезны только для меньшинства слушателей, потому что большинство не достаточно къ нимъ подготовлено, тогда необходимо одно изъ двухъ: или совершенно позабыть о томъ, каково должно быть настоящее университетское преподаваніе, позабыть каково оно въ другихъ европейскихъ университетахъ, и заботиться не столько объ его расширеніи, сколько о томъ, чтобы понизить его до уровня тѣхъ предварительныхъ свѣдѣній, съ которыми является большинство лицъ, наполняющихъ университетскія аудиторіи, или же, напротивъ, стараться о томъ, чтобы поднять былъ самый уровень предварительныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для успѣшнаго слушанія университетскихъ курсовъ, усилена была самая подготовка слушателей. Мысль о пониженіи, о сжатіи университетскаго преподаванія даже въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ въ настоящее время въ Россіи, мысль о необходимости отреченія отъ существеннаго значенія университета и о необходимости обращенія его въ школу можетъ родиться только вслѣдствіе печальнаго сознанія, что удержаться на прежней высотѣ, хотя бы и не очень высокой, для нашихъ университетовъ нѣтъ возможности, что нѣтъ средства для усиленія предварительной подготовки слушателей. Мысль объ обращеніи университетовъ въ школы можетъ явиться только при убѣжденіи, что внѣ университетовъ не можетъ быть порядочной школы и что, не имѣя возможности получать изъ среднихъ учебныхъ заведеній уже готовыхъ слушателей, университетъ долженъ готовить ихъ самъ. При такомъ сознаніи намъ нечего будетъ оскорбляться нелестными отзывами о нашихъ университетахъ, которые и теперь иногда попадаются въ иностранныхъ газетахъ. Мы должны будемъ тогда смиренно сознаться, напримѣръ, что австрійская медицинская газета права, когда она преисполнилась негодованіемъ при извѣстіи о томъ, что русскіе университеты (которымъ, по ея мнѣнію, и теперь съ трудомъ можно дать имя высшихъ школъ) * осмѣлились потребовать но-

* Universitäten (die) so niedrig stehen, dass der Name Hochschule wie ein Hohn darauf erscheinen würde. — Wiener Medic. Wochenschrift № 20, 1858.

Digitized by Google

выхъ доказательствъ знанія отъ нѣмецкихъ врачей, желавшихъ вступить въ русскую службу и предъявившихъ свои докторскіе дипломы, полученные ими отъ германскихъ университетовъ. Самое разсужденіе о томъ, выше или ниже стоятъ русскіе университеты сравнительно съ университетами заграничными, будетъ лишено тогда смысла, потому что тѣ и другіе общаго будутъ имѣть одно только имя и ничего болѣе. До такого горькаго сознанія дойдти не дай Богъ нашимъ университетамъ, и пока его еще нѣтъ въ насъ, надобно думать о средствахъ усилить подготовку слушателей, не понижая значенія нашихъ университетовъ. Но дѣйствительно ли университетскіе курсы не вполнѣ соотвѣтствуютъ предварительной подготовкѣ большинства слушателей и доступны только для болѣе или менѣе незначительнаго меньшинства? Къ сожалѣнію, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія и притомъ вовсе не потому, чтобы только меньшинство могло удовлетворять слишкомъ высокимъ требованіямъ университетскихъ преподавателей, а потому, что понизивъ курсъ до уровня предварительныхъ свѣдѣній большинства, университетъ обратился бы въ среднее учебное заведеніе, въ школу. Недостатокъ элементарнаго, гимназическаго образованія рѣзко бросается въ глаза каждому, кто сколько-нибудь знакомъ съ университетскими экзаменами. Студентъ отлично отвѣчаетъ профессору политической экономіи и статистики о важности вліянія желѣзныхъ дорогъ на оживленіе промышленныхъ силъ, говоритъ о результатахъ, какіе даны были проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ между тѣми или другими городами, и вдругъ оказывается, что онъ не знаетъ въ какой странѣ находятся названные имъ же города. Профессору русской исторіи бойко разсказываетъ студентъ подробности о заведеніи Петромъ Великимъ флота въ Воронежѣ и путается отъ вопроса, почему верфь была устроена на рѣкѣ Воронежѣ, путается потому, что не знаетъ или забылъ, что Воронежъ впадаетъ въ Донъ. Не говоримъ о поклоненіи богинѣ Культѣ въ Сиріи, открытомъ на экзаменѣ изъ древней исторіи. Бываетъ еще хуже. Можетъ, напримѣръ, оказаться, что студентъ, держащій экзаменъ на второй курсъ историко-филологическаго факультета, не умѣетъ вовсе читать по-французски или что, читая газеты, молодые люди приходятъ въ раздумье, какое учрежденіе имѣетъ болѣе зна-

Digitized by Google

ченія въ Англіи: парламентъ или палата? Бываетъ и то, что поступающій въ университетъ совершенно не знаетъ, что въ Англіи существуетъ парламентъ. Приводимъ факты, не придуманные, а случившіеся въ дѣйствительности, и притомъ не рѣдкія исключенія, которыя могутъ быть повсюду, а, къ сожалѣнію, факты, повторяющіеся довольно часто. Слѣдуетъ ли профессору объяснять на лекціяхъ, что Ліонъ находится во Франціи, что рѣка Воронежъ впадаетъ въ Донъ, который течетъ въ Азовское море, соединяющееся съ Чернымъ, или что Культъ вовсе не сирійская богиня, и т. д. Нужно ли, что бы лектора французскаго и нѣмецкаго языковъ позабыли, что эти языки ровно 7 лѣтъ проходятся въ каждой гимназіи, и начинали учить съ азбуки своихъ слушателей. Каждый профессоръ въ своемъ курсѣ указываетъ на лучшія иностранныя сочиненія по своему предмету, хотя каждый очень хорошо знаетъ, что большинство слушателей не можетъ, при всемъ своемъ желаніи, воспользоваться этими указаніями, по незнанію новыхъ языковъ. Но, могутъ возразить, повидимому, довольно основательно, во всемъ этомъ виноваты сами же профессора университетовъ: они экзаминуютъ вновь поступающихъ и если допустили въ аудиторію слушателей, не умѣющихъ читать по-французски или не знающихъ главныхъ городовъ Европы, то пусть же они и несутъ всѣ слѣдствія своей же вредной снисходительности и потворства. Они виноваты тѣмъ болѣе, что въ настоящее время уже нѣтъ, слава Богу, тѣхъ обстоятельствъ, которыми прежде, если не вполнѣ оправдывалась, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколько объяснялась излишняя снисходительность на пріемныхъ экзаменахъ. Правительство требуетъ усиленія строгости этихъ экзаменовъ, и это усиленіе строгости прежде всего въ интересахъ самихъ преподавателей, потому что только при немъ можно надѣяться, что аудиторіи будутъ наполнены людьми, дѣйствительно способными вполнѣ воспользоваться университетскими курсами. Къ сожалѣнію, возраженіе только повидимому основательно. Начнемъ съ того, что въ университетъ, какъ въ Римъ, по французской пословицѣ, ведутъ чуть ли не всѣ дороги. Значительная часть слушателей поступаютъ въ университетъ безъ экзамена, и слѣдовательно ихъ предварительныя свѣдѣнія не подлежатъ контролю членовъ университета, на которыхъ не

Digitized by Google

можетъ падать и отвѣтственность за допущеніе въ университетъ людей, совершенно неприготовленныхъ. Очень часто бываетъ, что когда на переходныхъ экзаменахъ случайно откроется незнаніе теченія Дона или неумѣнье читать по-французски, открывается также и то, что молодой человѣкъ, обнаружившій такого рода свѣдѣнія, поступилъ въ университетъ безъ экзамена. Вслѣдствіе права гимназій выдавать своимъ воспитанникамъ аттестаты, освобождающіе ихъ отъ обязанности держать вступительный экзаменъ въ университетахъ, профессора лишены возможности знать достаточно ли приготовлена значительная и, замѣтимъ, лучшая часть поступающихъ въ университетъ, и въ этомъ, по нашему убѣжденію, большое зло. Говоримъ, разумѣется, не о злоупотребленіяхъ, которыя могутъ быть слѣдствіемъ такого увольненія воспитанниковъ гимназій отъ контроля университетскаго пріемнаго экзамена, а преимущественно о томъ, что этимъ увольненіемъ порвана и послѣдняя связь, соединявшая университеты съ гимназіями, а все, что могло бы скрѣплять и поддерживать эту связь, было бы дѣломъ полезнымъ, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ заведеній. Теперь же университетъ не знаетъ гимназій; гимназіи не знаютъ университета. Назначеніе преподавателей въ среднія учебныя заведенія и контроль надъ ихъ преподаваніемъ университету не принадлежитъ. Правда, преподаватели въ гимназіяхъ избираются изъ людей, окончившихъ курсъ въ университетахъ и имѣющихъ большею частію ученую степень кандидата, но зато какъ часты случаи, когда кандидатъ историко-филологическаго факультета, занимавшійся спеціально, положимъ, греческимъ языкомъ, становится учителемъ русской словесности, а занимавшійся преимущественно политической экономіей долженъ преподавать латинскій языкъ. Къ кандидатамъ университета примѣняется еще иногда воззрѣніе Морскаго Устава Петра Великаго на то, чѣмъ подобаетъ быть начальнику флота: кандидатъ университета также иногда считается добраго кондуита (сирѣчь всякой годности), а потому способнымъ занимать всякія мѣста и преподавать всякую науку.

Только въ немногихъ учебныхъ округахъ еще сохранилось нѣкоторое участіе университета въ назначеніи преподавателей гимназій, и кандидатъ, желающій занять мѣсто учителя извѣст-

Digitized by Google

наго предмета, долженъ подвергнуться испытанію въ особомъ комитетѣ, составленномъ изъ профессоровъ университета *. Но это мѣстные остатки отъ когда-то существовавшаго общаго порядка вещей, исключенія, а не правило. Гимназическіе учебники и программы, методъ преподаванія въ гимназіяхъ также не подлежатъ никакому контролю со стороны университета. Профессоръ, экзаминующій поступающихъ въ университетъ по программѣ, изданной университетомъ же, не всегда знаетъ, въ какой степени университетская программа согласуется съ гимназической, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ положительно знаетъ, что первая не можетъ согласоваться съ послѣдней. Поступающаго въ университетъ по экзамену спрашиваютъ, напримѣръ, изъ статистики, тогда какъ поступающій безъ экзамена статистики знать не обязанъ, потому что этотъ предметъ въ гимназіяхъ не преподается.

Возстановленіе обязательности вступительнаго въ университетъ экзамена для окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, какіе бы они аттестаты не имѣли, и само собою разумѣется обязательность вступительнаго экзамена и для всѣхъ, окончившихъ курсъ въ другихъ заведеніяхъ, которые теперь иногда проходятъ въ университетъ безъ всякаго со стороны университета контроля, имѣло бы нѣкоторое благотворное вліяніе на поднятіе уровня предварительныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для желающихъ слушать университетскіе курсы. Обязательность пріемнаго экзамена безъ всякихъ изъятій въ пользу того или другаго заведенія дала бы возможность усилить и самую строгость вступительныхъ экзаменовъ. Разумѣется, мы далеки отъ мысли, что, съ уничтоженіемъ монополіи гимназій поставлять въ университетъ слушателей безъ всякаго контроля со стороны послѣдняго, уничтожатся и самыя причины вообще плохой подготовки слушателей. Этихъ причинъ очень много, и онѣ тѣсно связаны со всей системой гимназическаго образованія. Отстранить ихъ можно только, обративъ серьёзное вниманіе на устройство нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Мы указываемъ на гимназіи, хотя въ университетъ, какъ извѣстно, поступаетъ

* Экзаменъ состоитъ изъ словесныхъ и письменныхъ отвѣтовъ по тому предмету, который желаетъ преподавать ищущій званія учителя гимназіи, изъ сочиненій и пробнаго урока.

Digitized by Google

много молодыхъ людей, получившихъ воспитаніе дома, на образованіе которыхъ гимназіи не имѣютъ, повидимому, особеннаго вліянія, поступаютъ также воспитанники духовныхъ семинарій и другихъ заведеній. Тѣмъ не менѣе, всякое измѣненіе въ характерѣ гимназическаго воспитанія, будетъ ли это измѣненіе въ хорошую или дурную сторону, необходимо должно оказать свое вліяніе вообще на подготовку всѣхъ поступающихъ въ университетъ. Отъ лицъ домашняго образованія, являющихся на университетскій пріемный экзаменъ, профессора-экзаминаторы не могутъ требовать ни болѣе, ни менѣе того, чего требовали бы они отъ воспитанниковъ, кончившихъ курсъ въ гимназіяхъ; преподаваніе въ гимназіяхъ должно служить нормою для оцѣнки домашняго воспитанія. Если можно приложить довольно строгія требованія къ воспитанникамъ гимназій, желающимъ вступить въ университетъ, эти же требованія должны быть предъявлены и тѣмъ изъ поступающихъ, которые явились на пріемный экзаменъ изъ другихъ заведеній и изъ дому. Если же и отъ воспитанниковъ гимназій, нельзя ожидать удовлетворительной подготовки, имѣетъ ли право требовать ее экзаминаторъ отъ другихъ молодыхъ людей?

Едва ли какой-нибудь изъ предметовъ общаго образованія идетъ у насъ такъ неудовлетворительно, какъ географія. Какъ бы умѣренны и даже слабы ни были требованія экзаминатора, большинство экзаминующихся не можетъ удовлетворить имъ, и примѣры самаго полнаго незнанія далеко не рѣдкость. Можно смѣло сказать, что еслибы отъ всѣхъ желающихъ поступить въ университетъ, включая, разумѣется, въ это число и окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, потребовать, какъ необходимое условіе уже ихъ поступленія, сноснаго отвѣта о рѣкахъ и каналахъ въ Россіи, и притомъ отвѣта не подробнаго, а безъ обозначенія мелкихъ притоковъ и т. п., три четверти изъ всего числа поступающихъ не будутъ въ состояніи удовлетворить этому, повидимому, весьма скромному требованію. А многіе ли изъ желающихъ поступить въ университетъ въ состояніи сдѣлать на память очеркъ какого-нибудь изъ европейскихъ государствъ, съ обозначеніемъ теченія главнѣйшихъ рѣкъ и положенія важнѣйшихъ городовъ (надо впрочемъ исключить Испанію и Португалію, которымъ какъ-то особенно посчастливилось сдѣлаться болѣе

Digitized by Google

другихъ извѣстными). Строгость вступительнаго экзамена тутъ мало поможетъ, а только лишитъ университетъ многихъ слушателей, которые могли бы въ университетѣ дополнить недостатки своего предварительнаго образованія, дойдя до ихъ сознанія: причины общаго плохаго знанія географіи лежатъ въ господствущемъ до сихъ поръ взглядѣ на этотъ предметъ и въ самомъ способѣ преподаванія географіи. Воззрѣніе г-жи Простаковой временъ фонъ-Визина на географію, кажется, пустило глубокіе корни въ нашемъ обществѣ. Въ гимназіяхъ географія преподается только въ низшихъ классахъ и не всегда считается однимъ изъ существенно-важныхъ предметовъ общаго образованія. Преподаватель географіи въ гимназіяхъ считается младшимъ учителемъ и не участвуетъ въ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта, и ни знаніе, ни усердіе не могутъ вывести его изъ этого второстепеннаго положенія. Единственная возможность для преподавателя географіи получить званіе старшаго учителя съ правами и жалованьемъ, соединенными съ этимъ званіемъ, заключается въ перемѣнѣ самаго предмета преподаванія, и потому весьма понятно и извинительно, что учитель географіи спѣшитъ воспользоваться первымъ представившимся случаемъ, чтобы сдѣлаться преподавателемъ русской словесности, исторіи, и т. д., то-есть занять мѣсто старшаго учителя. Прибавимъ сюда наши учебники, далеко не вполнѣ удовлетворительные, недостатокъ и дороговизну учебныхъ пособій *, необходимыхъ для нагляднаго изученія географіи, и

* Г. Зуевъ издалъ три части своего географическаго атласа (1853 г. общую часть въ 9 картахъ и 1854 года двѣ спеціальныя части, въ 18 и 34 картахъ), заключающія въ себѣ 61 плохо составленныхъ и плохо исполненныхъ картъ. Болѣе нежели третья часть атласа занята изображеніями, если не совершенно излишними, то по крайней мѣрѣ совсѣмъ не необходимыми въ учебномъ атласѣ (5 таблицъ гербовъ и 17 таблицъ, изображающихъ ордена). За это крайне неудовлетворительное пособіе русскій ученикъ долженъ былъ бы платить 5 рублей серебромъ, еслибы по счастію извѣстный Юстусъ Пертесъ не вывелъ его изъ этого затруднительнаго положенія, издавъ въ Готѣ на русскомъ языкѣ учебный атласъ Сидова изъ 46 отличныхъ картъ, стоющій въ Москвѣ, со всѣми издержками пересылки изъ Готы, 3 рубля серебр. Орогидрографическій атласъ того же Сидова, изданный также на русскомъ языкѣ Юст. Пертесомъ, необходимый для нагляднаго представленія поверхности той или другой страны, стоитъ въ Москвѣ (28 картъ) всего 1 рубл. 50 коп. серебр. Оба атласа, изданные въ Германіи для русскаго юношества и далеко превосходящіе и по составу, и по исполненію наши отечественныя произведенія, стоятъ однакоже дешевле послѣд-

Digitized by Google

мы поймемъ, что плохое знаніе этого предмета у насъ есть только весьма естественное и неизбѣжное слѣдствіе причинъ, коренящихся въ самомъ преподаваніи географіи въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Строгость вступительнаго экзамена безсильна искоренить зло и можетъ существовать тогда только, когда есть возможность удовлетворить ея законнымъ требованіямъ. Пусть попробуютъ на пріемныхъ университетскихъ экзаменахъ потребовать достаточныхъ свѣдѣній въ древнихъ языкахъ. Не говоримъ уже о языкѣ греческомъ; онъ преподается только въ весьма немногихъ гимназіяхъ, и оттого историко-филологическіе факультеты, въ которыхъ должно получать образованіе большинство гимназическихъ преподавателей, пустѣютъ съ каждымъ годомъ, даже понизивъ до послѣдней степени свои требованія знанія греческаго языка отъ вступающихъ въ университеты. Латинскій языкъ, преподающійся во всѣхъ гимназіяхъ и дворянскихъ институтахъ, извѣстенъ поступающимъ въ университетъ далеко не въ той степени, какая необходима для успѣшнаго слушанія университетскихъ лекцій. Первые курсы историко-филологическаго факультета уже утратили свой университетскій характеръ относительно преподаванія древнихъ языковъ и, по необходимости, обратились въ этомъ отношеніи въ школьные, гимназическіе классы, и пока не будетъ усилено преподаваніе древнихъ языковъ въ самыхъ гимназіяхъ и дворянскихъ институтахъ, до тѣхъ поръ нельзя усилить требованій отъ вступающихъ на пріемныхъ экзаменахъ. Усиленными требованіями экзаминаторы могутъ загородить дорогу въ аудиторію боль-

---

нихъ (50 коп. дешевле атласа Зуева). Справедливость требуетъ однакоже замѣтить, что Юст. Пертесъ и Сидовъ, обративъ вниманіе на орографію и гидрографію земнаго шара, упустили изъ виду гербы и ордена, вѣроятно, потому, что изображенія этихъ предметовъ легко найдти въ другихъ изданіяхъ. Даже и у насъ г. Зуевъ, посвящая этимъ изображеніямъ третью часть своего *учебнаго* атласа, ошибется, если подумаетъ, что удовлетворилъ этимъ потребности молодаго поколѣнія. «Живописный сборникъ» Плюшара давно уже въ рукахъ у дѣтей извѣстнаго возраста, и тамъ, на ряду съ памятниками архитектуры, съ костюмами и вооруженіемъ различныхъ народовъ, нашли себѣ приличное мѣсто и гербы, ордена и флаги главнѣйшихъ государствъ, и притомъ несравненно лучше исполненные чѣмъ въ атласѣ г. Зуева. — Стѣнныя карты, по которымъ ученикъ можетъ чертить мѣломъ, какъ по черной доскѣ, получаются у насъ также изъ Германіи, хотя цѣна ихъ, разумѣется, довольно еще высока для учащихся.

Digitized by Google

шинству лицъ, желающихъ войдти въ нее по экзамену, а между тѣмъ они не въ силахъ помѣшать тому, чтобы не вошли въ нее свободно воспитанники гимназій и нѣкоторыхъ другихъ заведеній, благодаря только аттестатамъ, хотя и съ тѣми же скудными свѣдѣніями, за которыя не приняты были въ университетъ лица домашняго воспитанія. Наблюденія, производившіяся въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ надъ пріемными и переводными экзаменами въ одномъ изъ нашихъ университетовъ, показали, что, относительно знанія древнихъ языковъ, первое мѣсто принадлежитъ воспитанникамъ духовныхъ семинарій, за ними слѣдуютъ молодые люди, получившіе образованіе дома, и только послѣднее мѣсто занимаютъ воспитанники гимназій, кончившіе курсъ съ аттестатами, освобождающими ихъ отъ пріемнаго экзамена, или же вступившіе въ университетъ по экзамену.

Возможна ли законная строгость требованій отъ вступающихъ въ университетъ относительно знанія другаго, не менѣе важнаго, предмета общаго образованія — исторіи. Приведемъ одинъ примѣръ, по нашему мнѣнію, достаточно объясняющій настоящее положеніе дѣла. На экзаменѣ, одинъ изъ поступающихъ въ университетъ говоритъ, положимъ, что англійская революція была при Эдуардѣ III или что въ Испаніи послѣ Карла V вступилъ на престолъ Людовикъ Благочестивый. Безъ малѣйшаго колебанія экзаминаторъ прекращаетъ дальнѣйшіе вопросы и уже готовится поставить 1 или 0, преграждающіе доступъ въ университетъ, но отвѣтъ слѣдующаго по очереди молодаго человѣка наводитъ на него раздумье, имѣетъ ли онъ право загородить дорогу въ университетъ смущенному знатоку исторіи Англіи и Испаніи. Положеніе въ самомъ дѣлѣ нѣсколько затруднительное. Съ полной самоувѣренностью, съ сознаніемъ, что онъ можетъ вполнѣ удовлетворить строгимъ требованіямъ, подходитъ экзаминующійся къ столу, беретъ билетъ, бойко отвѣчаетъ на доставшійся ему вопросъ о феодализмѣ, и отвѣчаетъ слѣдующее: «Когда войны мало-по-малу стихли и Германцы стали болѣе обращать вниманіе на улучшеніе своего быта, то имъ естественно пришла мысль объ осѣдлости и отдѣльности владѣній, свойственной семейной жизни. Они потребовали раздѣла фиска, и король съ палатнымъ меромъ, по об-

Digitized by Google

щему приговору, одѣлили всѣхъ членовъ гелейта, смотря по ихъ достоинству и заслугамъ, *доменами* или *аллодіумами;* при чемъ себѣ король бралъ большій и лучшій участокъ; палатный меръ также не упускалъ случая обезпечить свое состояніе. За тѣмъ палатный меръ дѣлался уже только управляющимъ королевскими помѣстьями. Но такъ какъ подобный раздѣлъ фиска могъ разрушить всякую связь между членами гелейта и разстроить грозное положеніе завоевателей въ завоеванной провинціи, слѣдствіемъ чего могло быть возстаніе покоренныхъ или нападеніе сосѣдей, то аллодіальные владѣльцы обязывались присягою въ вѣрности королю и гелейту и назывались въ этомъ отношеніи *феодалами* (fides), а участокъ ихъ *феодомъ*. Такимъ образомъ раздѣленіе фиска, на первый разъ, казалось равно выгоднымъ для членомъ гелейта и для предводителя онаго. Вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ феодальныя отношенія мало-по-малу становились тягостными и для гелейта, и для короля. Пользуясь своимъ превосходствомъ и разъединеніемъ интересовъ гелейта, король, подъ предлогомъ охраненія общаго блага, присвоилъ себѣ, такъ-сказать, власть цензора въ отношеніи къ службѣ своихъ феодаловъ: за вѣрность и усердіе награждалъ увеличеніемъ феода и даже правомъ передать оный сыну, за измѣну или нерадѣніе наказывалъ уменьшеніемъ или даже лишеніемъ феода. Общій порядокъ владѣнія феодами былъ таковъ, что, какъ въ новѣйшее время жалованье, феодъ принадлежалъ феодалу до тѣхъ поръ, пока продолжалась его служба; съ окончаніемъ оной, король присвоивалъ себѣ право распорядиться феодомъ и оставлялъ его за наслѣдникомъ умершаго или передавалъ тому, кто замѣнялъ феодала, выбывшаго изъ службы. А чтобы еще болѣе подчинить себѣ феодаловъ, онъ удѣлялъ имъ участки изъ своего собственнаго домена подъ названіемъ *бенефицій* или *леновъ*, и зато обязывалъ ихъ уже личною къ себѣ вѣрностью: аллодіальный свободный владѣлецъ становился *вассаломъ* своего леннаго владыки—сюзрена (souverain). Условія обладанія леномъ были еще стѣснительнѣе для вассала, нежели условія владѣнія аллодіумомъ», и т. д. и т. д.

Какъ, сравнительно, оцѣнить знанія и права на поступленіе въ университетъ обоихъ отвѣчавшихъ? Если у перваго положительно незнаніе главнѣйшихъ событій и лицъ новой исторіи,

Digitized by Google

то въ бойкомъ отвѣтѣ втораго видно дикое непониманіе сущности и значенія такого важнаго историческаго явленія, какова была ѳеодальная система, смѣшеніе и извращеніе самыхъ общихъ основныхъ понятій о государственномъ устройствѣ Германцевъ, поселившихся на земляхъ Римской Имперіи. Оба равно неприготовлены и, по справедливости, оба должны быть отвергнуты. Еще можетъ быть впрочемъ вопросъ о томъ, кому изъ двухъ будетъ легче слушать университетскіе курсы? Для перваго достаточно нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ, чтобы получить общія и необходимыя свѣдѣнія о главнѣйшихъ событіяхъ исторической жизни человѣчества, прочитавъ какой-нибудь краткій, но порядочный учебникъ всеобщей исторіи. Прочитавъ, напримѣръ, извѣстный учебникъ Г. Н. Берте «*Краткая всеобщая исторія въ простыхъ разказахъ для дѣтей*», онъ уже будетъ несравненно способнѣе своего товарища занять мѣсто на скамьяхъ университета. Второй, прежде чѣмъ думать о пріобрѣтеніи новыхъ свѣдѣній, долженъ совершенно забыть то, что съ такимъ трудомъ усвоилъ себѣ во время своего приготовленія къ университетскому экзамену и что, быть-можетъ, уже глубоко врѣзалось ему въ память. Для перваго все, что ни услышитъ онъ съ университетской каѳедры, будетъ совершенною новостью и легко усвоится. Второму будетъ чрезвычайно страннымъ казаться рѣзкое противорѣчіе того, что говорятъ ему въ университетѣ, съ тѣмъ, что привыкъ онъ считать истиной до поступленія своего въ аудиторію. Что же дѣлать экзаминатору? Легко и съ спокойною совѣстью онъ можетъ поставить неудовлетворительную отмѣтку первому и не пустить его въ университетъ, но такъ же ли спокойно онъ можетъ отвергнуть втораго, котораго знаніе едва ли не хуже незнанія его предшественника. Второй готовился усердно и знаетъ все то, чему его учили. Его нелѣпый отвѣтъ — повтореніе слово въ слово гимназическаго руководства (Учебная книга всеобщей исторіи составлена Н. Зуевымъ. Часть вторая. Средняя исторія. Изданіе третье, дополненное и исправленное по замѣчаніямъ комитета разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ. Спб. 1855 г. стр. 44), и виноватъ ли онъ въ томъ, что это руководство, относительно изложенія ѳеодальной системы, не имѣетъ ничего общаго съ наукой и не только не можетъ по-

Digitized by Google

мочь ему въ слушаніи университетскихъ лекцій, но скорѣе и, можно сказать, навѣрное будетъ мѣшать правильному ихъ пониманію. Экзаминатору трудно не принять всего этого въ соображеніе, и едва ли онъ рѣшится недопущеніемъ въ университетъ вознаградить молодаго человѣка за слишкомъ усердное изученіе той книги, которую дали ему въ руководство въ гимназіи. По всей вѣроятности, экзаминаторъ поставитъ ему отмѣтку удовлетворительную, хотя, разумѣется, далеко не блестящую: но тогда въ правѣ ли онъ не допустить въ университетъ и того, кто не зналъ, что англійская революція была при Карлѣ I и что въ Испаніи Филиппъ II, а не Людовикъ Благочестивый наслѣдовалъ знаменитому Карлу V. Что-нибудь одно: или судъ произносится только на основаніи оказанныхъ на экзаменѣ свѣдѣній, и въ такомъ случаѣ оба отвѣчавшіе не могутъ быть приняты, потому что отвѣты обоихъ не удовлетворяютъ законнымъ требованіямъ; или допускаются при рѣшеніи посторонніе соображенія, и тогда надобно разузнать, не было ли обстоятельствъ, объяснявшихъ и, можетъ-быть, частью извинявшихъ и незнаніе перваго изъ отвѣчавшихъ. Бѣдность, невозможность найдти надежнаго руководителя, проблески даровитости, обнаружившіеся рядомъ съ доказательствомъ недостаточной подготовки и т. п. могутъ въ такомъ случаѣ точно такъ же быть приняты въ соображеніе, какъ и необходимость говорить вздоръ, точно слѣдуя принятому руководству. Если можно принять въ университетъ того, кто не имѣетъ понятія о феодальной системѣ, отчего же не принять и того, кто не помнитъ именъ главнѣйшихъ историческихъ дѣятелей или перепутываетъ годы важнѣйшихъ событій. Наконецъ, какъ не принять обоихъ, зная, что въ университетъ безъ всякаго экзамена уже вошло значительное число кончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, готовившихся по тому же руководству г. Зуева, только, можетъ-быть, приготовившихся не такъ усердно, какъ отвѣчавшій о феодализмѣ. Мы хотимъ доказать, что строгость вступительныхъ экзаменовъ возможна только тогда, когда экзаминаторы будутъ увѣрены во-первыхъ въ томъ, что есть возможность удовлетворить ея требованіямъ, и во-вторыхъ въ томъ, что ею достигнется предположенная цѣль, то-есть, что въ аудиторію университета не войдетъ никто, не удовлетворивъ надлежащимъ тре-

Digitized by Google

бованіямъ, не представивъ достаточныхъ ручательствъ, что онъ получилъ въ извѣстной степени общее образованіе. До тѣхъ поръ, пока не существуетъ этой увѣренности, не можетъ быть и надлежащей строгости, хотя и могутъ соблюдаться всѣ формальныя ея условія. Чтобы поступить въ университетъ, экзаминующіеся должны, напримѣръ, получить не менѣе 3-хъ изъ извѣстныхъ предметовъ, и они будутъ получать эту отмѣтку, только ея внутренняя цѣнность будетъ значительно понижена.

Возвышеніе уровня предварительнаго, общаго образованія, необходимаго для успѣшнаго слушанія университетскихъ лекцій, можетъ быть достигнуто не иначе, какъ улучшеніемъ гимназическаго преподаванія, и безъ этого необходимаго условія не приведетъ къ желаемой цѣли никакая строгость пріемныхъ университетскихъ экзаменовъ. Во внутренней организаціи нашихъ университетовъ, безъ всякаго сомнѣнія, есть много несовершенствъ, требующихъ исправленій; но реформа университетовъ не мыслима и не возможна безъ преобразованій въ устройствѣ гимназій, безъ измѣненій въ самомъ характерѣ гимназическаго преподаванія, иначе она далеко не принесетъ ожидаемой пользы. Слова безсмертнаго Ломоносова, сказанныя сто лѣтъ тому назадъ, не утратили и теперь своей силы, и теперь безъ гимназій «университетъ какъ пашня безъ сѣмянъ». Университетское образованіе можетъ быть прочно только когда оно строится на твердомъ фундаментѣ общаго образованія. Безъ послѣдняго же видимая успѣшность университетскаго преподаванія непремѣнно окажется болѣе или менѣе призрачною или, по крайней мѣрѣ, далеко не соотвѣтствующею въ дѣйствительности тому довольно блестящему виду, какой она иногда имѣетъ. Не указывая вообще на недостатки современнаго гимназическаго преподаванія, ограничимся нѣсколькими соображеніями относительно преподаванія исторіи и притомъ только относительно руководствъ, по которымъ каждый преподаватель *обязанъ* излагать этотъ предметъ. Считаемъ излишнимъ доказывать, какую важность имѣютъ руководства въ преподаваніи того или другаго предмета. Достоинствами или недостатками господствующихъ учебниковъ до нѣкоторой степени можно измѣрять достоинства или недостатки самаго преподаванія. Какъ бы даровитъ и усерденъ ни былъ преподаватель, онъ находится

Digitized by Google

все-таки въ извѣстной зависимости отъ тѣхъ учебныхъ пособій, какія даются въ руководство его воспитанникамъ и, во всякомъ случаѣ, не можетъ обойдтись безъ нихъ, исключая, разумѣется, предметы, изученіе которыхъ идетъ путемъ чисто-практическимъ. Еслибы, по какимъ-нибудь соображеніямъ, преподавателя не удовлетворяли существующіе учебники, онъ по необходимости долженъ замѣнить ихъ собственными записками, и тогда, чтобы судить о достоинствѣ преподаванія, должно будетъ имѣть въ виду и эти письменныя руководства на ряду съ печатными.

Въ такомъ случаѣ очень можетъ быть, что при всей неудовлетворительности печатныхъ руководствъ, преподаваніе въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ можетъ идти сообразно самымъ строгимъ требованіямъ. Письменныя, частныя руководства—лучшій протестъ противъ неудовлетворительности или неприложимости руководствъ печатныхъ, и если первые распространяются на счетъ послѣднихъ, тогда послѣднія сами собою теряютъ свое практическое значеніе и выходятъ изъ оборота, уступая мѣсто новымъ учебникамъ, болѣе сообразнымъ съ педагогическими потребностями. Общее же правило, что господствующіе учебники, будутъ ли они печатные, письменные или литографированные, выражаютъ собою внутреннее достоинство самаго преподаванія, остается во всей своей силѣ. При естественномъ, не стѣсненномъ искусственными преградами ходѣ общественнаго образованія, смѣна одного учебника другимъ совершается сама собою по мѣрѣ того, какъ совершенствуются способы самаго преподаванія, или наука обогащается новыми пріобрѣтеніями, какъ уясняются въ ней вопросы, бывшіе до того времени или спорными, или вовсе неразрѣшимыми. Учебникъ, за исключеніемъ самыхъ первоначальныхъ, не можетъ долго оставаться въ состояніи застоя и неподвижности, разумѣется, если этотъ застой не поддерживается искусственными мѣрами. Если, при естественномъ ходѣ образованія, по господствующимъ учебникамъ можно до нѣкоторой степени судить о характерѣ самаго преподаванія, то еще вѣрнѣй и непогрѣшительнѣй можетъ быть это сужденіе въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстный учебникъ составляетъ conditio sine qua non преподаванія, когда онъ обязателенъ въ равной степени и для преподавателя, и для учащихъ-

Digitized by Google

ся, и когда первый лишенъ права выбора между многими руководствами и принужденъ придерживаться одного, не всегда смѣя замѣнить его даже своими собственными записками. Нѣтъ сомнѣнія, что замѣненіе печатнаго руководства письменнымъ всегда влечетъ за собою нѣкоторыя неудобства и всегда имѣетъ болѣе или менѣе частный и мѣстный характеръ, но иногда, не смотря на всѣ затрудненія, это единственный способъ для того, чтобы согласить требованія педагогической добросовѣстности съ научною несостоятельностью или съ неприложимостью печатныхъ учебниковъ. Приведемъ одинъ примѣръ.

Едва ли какимъ-нибудь заведеніямъ такъ сильно не посчастливилось относительно учебныхъ руководствъ, разумѣется печатныхъ, для изученія всеобщей исторіи, какъ женскимъ, казеннымъ и частнымъ безъ различія. Со временъ устарѣвшаго учебника г. Преображенскаго, употреблявшагося въ нѣкоторыхъ изъ женскихъ учебныхъ заведеній лѣтъ двадцать тому назадъ, трудно указать до настоящаго времени на одно сколько-нибудь удовлетворительное историческое руководство; хотя историческихъ учебниковъ, предназначавшихся спеціально для дѣвицъ, появилось нѣсколько. Г. Смарагдовъ, издавшій въ 1849 году свое довольно щеголеватое «Руководство къ исторіи для женскихъ учебныхъ заведеній», въ предисловіи поставилъ въ числѣ цѣлей, которыхъ должно по возможности достигать преподаваніемъ исторіи дѣвушкамъ, трудную задачу «уроками исторіи облагородить женскій умъ, возвысить его надъ пошлостями, сплетнями и подобными житейскими мелочами, предохранить его отъ сентиментальности, легкомыслія и мечтательности, которыя не рѣдко совращаютъ лучшихъ женщинъ съ пути ихъ назначенія и ставятъ въ противорѣчіе съ самими собою» (Др. ист., пред., стр. 8), но въ текстѣ представилъ только посредственную передѣлку учебника Эзера. Вѣроятно, съ цѣлью развить женскій умъ помѣщены замѣтка о гетерахъ въ Аѳинахъ (Др. ист., стр. 89. Ср. также то, что̀ говоритъ г. Смарагдовъ объ Аспазіи ib, стр. 111) и вызывающій на размышленіе разсказъ о причинахъ гибели Бармекидовъ (Ср. ист., стр. 18). Не смотря на нѣкоторыя относительныя достоинства, руководство г. Смарагдова, сколько мы знаемъ, не удержалось даже въ частномъ преподаваніи, разумѣется, сколько-нибудь разборчи-

Digitized by Google

вомъ и внимательномъ. Отъ него остались только невымышленные расказы о затруднительномъ, напримѣръ, положеніи молодаго учителя, къ которому обратилась ученица съ наивнымъ вопросомъ: кто же были гетеры, которыя такъ далеко превосходили образованіемъ остальныхъ аѳинскихъ дамъ, рѣдко умѣвшихъ читать и писать и, по замѣчанію одного поэта, походившихъ на сапожниковъ (Смар. Др. Ист., стр. 88 и 89), и до какой степени вѣрно ея предположеніе, что гетеры въ древности были тоже, что въ наше время гувернантки? На смѣну г. Смарагдова явился въ 1850 году г. Модестовъ. Не столько заботясь о нравственномъ усовершенствованіи женщины, онъ однакоже еще менѣе думалъ объ удовлетвореніи самыхъ скромныхъ педагогическихъ требованій. Чисто спекулятивнымъ характеромъ отмѣчена каждая страница его учебника. Запутанное, въ иныхъ мѣстахъ совершенно непонятное, изложеніе, фразы, не всегда имѣющія граматическій смыслъ, грубѣйшіе промахи отличаютъ это новое приношеніе на алтарь женскаго просвѣщенія въ Россіи *. Наконецъ въ 1856 г. г. надворный совѣтникъ И. Васильковъ принесъ также свою лепту на пользу этого великаго дѣла и издалъ въ Москвѣ «Краткій очеркъ исторіи общей и отечественной для женскихъ учебныхъ заведеній». Появленіе этого послѣдняго произведенія

---

* «Морская торговля, возвышая цѣну на товары, сближаетъ между собою сосѣдственные народы. Индѣйскіе товары, въ древнія времена привозимые въ Европу, не прямо отправлялись, но черезъ многія торговыя земли. Отправляемые товары торговой земли были по большей части: лошади, верблюды, колесницы. Въ новѣйшія только времена товары отпускались болѣе благородные. Морская торговля — другое дѣло. Одинъ корабль нагружается тяжестію цѣлыхъ каравановъ, управляется малымъ количествомъ людей и помощію вѣтровъ. И какъ много долженъ быть образованъ народъ, когда онъ отваживается на морское путешествіе! онъ долженъ имѣть большое присутствіе духа.» (Древняя Исторія, составленная Василіемъ Модестовымъ, стр. 11.) — «Но не всѣ народы, живущіе у моря — мореплаватели. У Китайцевъ море находилось только на предѣлахъ земли» (ib. стр. 12). «Восточная Азія имѣетъ свои моря и свои заливы; но они омываютъ только берега, которые внутри во многихъ мѣстахъ перерываютъ сообщеніе и лежатъ другъ отъ друга весьма далеко, а потому въ древнія времена затрудняли плаваніе кораблей» (ib.). «Трагики: Софоклъ и Еврипидъ (Эсхилъ жилъ вѣкомъ позже)» (ib., стр. 55). «Еще въ 331 Антипатръ принужденъ былъ оружіемъ усмирить Спартанцевъ; теперь возстали Аѳиняне и заперлись въ Ламіи 323.» (ib. 65.) Такое изложеніе и такіе промахи встрѣчаются на каждомъ шагу въ учебникѣ г. Модестова.

Digitized by Google

нельзя даже объяснить однимъ только разсчетомъ спекулянта на неопытность слишкомъ довѣрчивыхъ потребителей. Въ «Краткомъ очеркѣ исторіи общей и отечественной» недостаетъ очень немногаго, именно вовсе нѣтъ исторіи отечественной. Правда, на 240 страницахъ небольшаго формата, содержащихся въ учебникѣ г. Василькова, находится нѣсколько фактовъ, относящихся къ русской исторіи, встрѣчаются даже подробности въ родѣ слѣдующихъ: что сенатскій гербъ, бывшій въ числѣ московскихъ трофеевъ, былъ потопленъ въ Днѣпрѣ по приказу Наполеона, что послѣ рѣшенія военнаго совѣта русскихъ генераловъ сдать Москву непріятелю, Кутузовъ прослезился и сказалъ: «доведу же я проклятыхъ Французовъ, какъ довелъ Турокъ, до того, что они будутъ жрать падаль» (см. стр. 230 и 233), но о началѣ Русскаго государства напрасно будетъ искать довѣрчивая ученица г. Василькова какихъ-нибудь свѣдѣній въ его книжкѣ. Она не узнаетъ даже самыхъ именъ Рюрика, Владиміра Святаго, Александра Невскаго, Іоанновъ, не узнаетъ, что Татары владѣли Россіей, что были самозванцы, что послѣ смутъ междуцарствія былъ избранъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, и т. д. Въ очеркѣ средневѣковой исторіи ни разу не упоминается самое имя Россіи; замѣчено только вскользь, что «мы Русскіе остались чужды рыцарству». (См. стр. 89.) Въ новой исторіи встрѣчается отдѣлъ, посвященный сѣверо-восточной Европѣ, но и въ этомъ отдѣлѣ говорится только о Скандинавскихъ государствахъ и Польшѣ, а о Россіи все-таки нѣтъ ни слова. Русскіе государи и государственные мужи являются только въ тѣхъ случаяхъ, когда исторіи новой Европы нельзя уже обойдтись безъ упоминанія о нихъ. Отечественной исторіи не оказывается въ учебникѣ г. Василькова, и ни въ заглавіи, ни въ предисловіи, ни на оберткѣ нѣтъ объясненія этого страннаго опущенія. Изъ трехъ названныхъ нами руководствъ, лучше всѣхъ все-таки руководство г. Смарагдова, хотя и оно не только не удовлетворяетъ высказаннымъ намѣреніямъ автора, но и самымъ неприхотливымъ требованіямъ: всѣ они болѣе или менѣе носятъ на себѣ характеръ спекуляціи, и трудно представить себѣ болѣе безотрадное положеніе женскаго воспитанія, если вообразить, что только подобныя руководства находятся въ рукахъ воспитанницъ. Къ счастью, на дѣлѣ выходитъ не то. Част-

Digitized by Google

ная спекуляція, не облеченная характеромъ монополіи, не можетъ быть вредна до такой степени, и нужно потерять всякую вѣру въ добросовѣстность преподавателей и лицъ, завѣдывающихъ общественнымъ и частнымъ воспитаніемъ, чтобы по учебникамъ гг. Модестова и Василькова судить о преподаваніи исторіи русскимъ дѣвицамъ. Сколько мы знаемъ, въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ исторія преподается большею частью по собственнымъ запискамъ преподавателей, которые въ казенныхъ заведеніяхъ соображаются съ утвержденными программами, въ частныхъ же пансіонахъ—съ размѣрами и мѣстными условіями каждаго изъ нихъ. Въ домашнемъ воспитаніи дѣвушкѣ даютъ или также записки, или гимназическое руководство г. Смарагдова, или учебникъ г. Берте, или, если это возможно, какое-нибудь иностранное руководство. Обязательной силы въ казенныхъ заведеніяхъ, кажется, не имѣетъ ни одно изъ названныхъ трехъ руководствъ и этимъ уничтожается вредъ, который могли бы они приносить, хотя, разумѣется, недостатокъ дѣйствительно хорошихъ печатныхъ учебниковъ и появленіе только такихъ фабрикатовъ, каковы руководства гг. Модестова и Василькова, уже сами собою представляютъ весьма печальное явленіе въ исторіи женскаго воспитанія въ Россіи.

Не таково положеніе дѣлъ въ гимназіяхъ. Тамъ извѣстный учебникъ введенъ въ употребленіе и слѣдовательно какъ бы признанъ вполнѣ удовлетворяющимъ оффиціальнымъ требованіямъ отъ преподаванія исторіи. Обязательное введеніе учебниковъ, употребленіе, происходящее, разумѣется, изъ желанія обезпечить заведеніямъ возможно лучшее руководство, не всегда достигаетъ своей цѣли, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда обязательному введенію въ классное употребленіе учебника не предшествовало предварительное испытаніе возможности успѣшно примѣнить его къ дѣлу. Можно въ кабинетѣ провѣрить въ какой степени соотвѣтствуетъ современному состоянію науки то или другое руководство, но сказать, что учебникъ вполнѣ приложимъ къ дѣлу, что онъ вполнѣ отвѣчаетъ педагогическимъ требованіямъ, могутъ только тѣ, кто пробовалъ примѣнить его къ преподаванію. Главными судьями удовлетворительности учебника въ практическомъ отношеніи должны быть естественно прежде всего сами преподаватели, а практическое

Digitized by Google

достоинство руководства по крайней мѣрѣ столь же важно, какъ и теоретическая вѣрность научнымъ началамъ. Существенный характеръ каждаго руководства прежде всего долженъ состоять въ точной, вѣрной и общепонятной передачѣ главнѣйшихъ результатовъ той науки, съ содержаніемъ которой оно хочетъ познакомить учащихся. Каждое новое пріобрѣтеніе науки точно такъ же должно найдти въ немъ мѣсто, какъ и каждое дознанное на практикѣ усовершенствованіе или облегченіе въ способѣ самаго изложенія предмета. Двумъ требованіямъ необходимо должно удовлетворять каждое руководство: оно должно заключать въ себѣ послѣднее слово науки и должно передать ея содержаніе въ возможно доступной для пониманія формѣ, сообразно съ возрастомъ и степенью развитія тѣхъ, для кого оно предназначается. Удовлетворяетъ ли этимъ требованіямъ учебникъ г. Зуева, этотъ «опытъ соединенія прагматическаго и критическаго изложенія Всеобщей исторіи», введенный въ употребленіе въ гимназіяхъ и уже достигшій четвертаго изданія? Вопросъ можетъ показаться излишнимъ и даже нѣсколько страннымъ: такую печальную извѣстность успѣли получить уже учебники г. Зуева. Въ № 67 Московскихъ Вѣдомостей за 1858 годъ помѣщена была небольшая статья: *Русскіе учебники по всеобщей исторіи*, въ которой г. Д. И. разбираетъ руководства гг. Зуева и Берте, хотя самая статья, судя по заглавію, должна бы имѣть болѣе общій характеръ. Она невольно обратила на себя наше вниманіе по чрезвычайно умѣренному тону и по справедливости высказанныхъ въ ней замѣчаній. Кажется, мы не ошибемся въ нашемъ предположеніи, если скажемъ, что ея неизвѣстный авторъ долженъ принадлежать самъ къ числу преподавателей, по необходимости хорошо познакомившихся съ учебною книгой г. Зуева. По крайней мѣрѣ чрезвычайно трудно представить себѣ человѣка, безъ необходимости, а только изъ любознательности прослѣдившаго ошибки названнаго руководства по всѣмъ изданіямъ. Если предположеніе наше справедливо, тѣмъ больше значенія имѣютъ для насъ скромные отзывы г. Д. И. По особому случаю, мы имѣли въ рукахъ нѣсколько письменныхъ отзывовъ гг. учителей исторіи въ гимназіяхъ о практическихъ достоинствахъ или, лучше сказать, о совершенномъ отсутствіи ихъ въ руководствѣ г. Зуева. Эти

Digitized by Google

отзывы совершенно согласны съ тѣмъ, что̀ высказалъ печатно г. Д. И. Послѣдній также останавливается преимущественно на учебной сторонѣ руководства, на его отношеніяхъ къ поколѣнію учащихся. Показавъ недостатки учебника г. Зуева относительно внѣшняго изложенія, слога, группировки событій, соразмѣрности и гармоніи частей, разсмотрѣвъ какое мѣсто даетъ авторъ внутренней исторіи образованія и развитія государства и народовъ и т. д.,г. Д. И. такъ заключаетъ свое обозрѣніе: «Послѣ всего сказаннаго нами, можетъ-быть,нѣкоторые изъ читателей сдѣлаютъ вопросъ: зачѣмъ же мы видимъ въ книгѣ г. Зуева только одни недостатки и не хотимъ указать на ея достоинство? и должна же наконецъ она представить какой-нибудь шагъ впередъ сравнительно съ своими предшественниками. Мы рѣшительно затрудняемся отвѣчать на подобный вопросъ; можетъ-быть, въ исторіи г. Зуева найдутся и достоинства; но пусть отыскиваютъ ихъ другіе, болѣе насъ счастливые рецензенты.» Можно смѣло сказать, что такихъ счастливыхъ рецензентовъ не найдется. Учебная книга г. Зуева, къ сожалѣнію, представляетъ не какое-нибудь движеніе впередъ, хотя бы и весьма малое, но огромный попятный шагъ назадъ, скачекъ назадъ до такой степени далекій, что чрезвычайно трудно въ ряду предшествовавшихъ ей руководствъ найдти то, относительно котораго она могла бы назваться не отсталою книгой. Учебнику г. Зуева предшествовало руководство г. Смарагдова для среднихъ учебныхъ заведеній, и кто же не согласится, что это руководство стоитъ безконечно выше учебника г. Зуева? Въ учебникахъ г. Смарагдова можно найдти довольно много недостатковъ;авторъ сдѣлалъ нѣсколько промаховъ,не совсѣмъ извинительныхъ, но, должно отдать ему справедливость, въ большей части случаевъ онъ выбиралъ себѣ надежныхъ руководителей: такъ напримѣръ онъ особенно слѣдовалъ сочиненіямъ извѣстнаго Лео. У г. Смарагдова нельзя отыскать безсмыслицъ и пустозвонныхъ фразъ и видно совѣстливое исполненіе своего дѣла, видна внимательность къ молодому поколѣнію,на которое онъ смотрѣлъ не только какъ на своихъ оброчныхъ. Г. Смарагдову предшествовалъ г. Кайдановъ, имя котораго сдѣлалось почти притчею въ нашей литературѣ, но чтобы поднять, если не въ глазахъ современниковъ,то по крайней мѣрѣ въ гла-

Digitized by Google

захъ потомства это униженное имя, достаточно сравнить на выдержку страницы учебника г. Кайданова съ соотвѣтствующими страницами учебной книги г. Зуева. Покойному Кайданову на каждомъ шагу бросали въ лицо его фразы, но развѣ фразы такого рода: «въ его правленіе Персы, предводительствуемые своимъ героемъ, разрушили Вавилонъ, и Вальтасарова корона засіяла на челѣ Кира» чѣмъ-нибудь уступаютъ Кайдановскимъ. Выше былъ приведенъ значительный отрывокъ изъ средней исторіи г. Зуева о феодализмѣ, и мы смѣемъ увѣрить, что ничего подобнаго не найдется въ учебникѣ Кайданова. Кайдановъ взялъ одно изъ иностранныхъ руководствъ, по тому времени довольно хорошее, и перевелъ его почти цѣликомъ на русскій языкъ. Самый упрекъ въ фразерствѣ еще можетъ-быть болѣе относится къ избранному авторомъ иностранному образцу и руководителю, нежели къ самому Кайданову. Разсматривая отношеніе его учебника къ современной тогда наукѣ, нельзя сдѣлать ему такихъ упрековъ, какіе на каждомъ шагу приходится дѣлать г. Зуеву. Руководство, изданное при Александрѣ I, еще выше стоитъ въ этомъ отношеніи. Двигаясь назадъ съ учебникомъ г. Зуева, мы не можемъ сказать, гдѣ остановится наше попятное движеніе, и не придется ли намъ дойдти до столповъ геркулесовыхъ, то-есть, до перевода учебника Гильмара Кураса. Г. Д. И. высказалъ справедливое предположеніе объ источникахъ труда г. Зуева. По его догадкѣ, съ которой мы согласны вполнѣ, въ основаніе его книги легли: «Всемірная исторія Беккера, Руководство ко всеобщей исторіи Лоренца, разказы Ламе Флери, учебникъ г. Смарагдова и собственныя идеи автора». Можемъ повести нѣсколько далѣе догадку г. Д. И. и, не безъ нѣкотораго основанія, предположить, что собственныя идеи г. Зуева и были несчастной причиной того, что онъ не сумѣлъ воспользоваться даже и этими источниками. Иначе нечѣмъ объяснить его изложеніе феодальной системы и другихъ не менѣе важныхъ историческихъ явленій. Ни у Беккера, ни у гг. Лоренца и Смарагдова, ни у Ламе Флери нѣтъ ничего подобнаго, и очевидно это изложеніе плодъ самостоятельныхъ размышленій автора учебной книги. Учебнаго, практическаго примѣненія изъ учебной книги г. Зуева почти невозможно сдѣлать безъ большаго вреда для умственнаго развитія учащихся. Ме-

Digitized by Google

лочныя подробности, голословное перечисленіе множества именъ, ничѣмъ не осмысленныхъ, только безъ пользы обременятъ память ученика и тяжелымъ балластомъ лягутъ въ его голову, только задерживая движеніе молодой мысли. Способъ изложенія также не останется безъ вреднаго вліянія. А отношеніе учебника къ современному состоянію? Г. Зуевъ иногда, хотя, правда, и весьма рѣдко, указываетъ на имена и даже на сочиненія знаменитыхъ историковъ. Такъ напримѣръ на стр. 35 (3-го изданія) древней исторіи, онъ перечисляетъ извѣстнѣйшихъ египтологовъ, позабывъ однакоже Лепсіуса, и говоритъ нѣсколько словъ о сочиненіи Бунзена Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte, на стр. 117 упоминаетъ о Нибурѣ и Вальтерѣ; но выводить изъ этихъ немногихъ и случайныхъ упоминаній какое-нибудь заключеніе объ отношеніи учебной книги г. Зуева къ современному состоянію исторической науки совершенно невозможно. Единственно возможный выводъ тотъ, что «Учебная книга» не имѣетъ ничего общаго съ современной наукой и что авторъ не только не имѣетъ понятія о трудахъ тѣхъ историковъ, которыхъ имена помянулъ онъ всуе въ своемъ учебникѣ, но что онъ не воспользовался даже сочиненіемъ орд. проф. Харьковскаго университета А. Рославскаго «Обозрѣніе исторіи древняго міра» (Харьковъ. 1851 и 1852 гг.), а этому уже трудно найдти какое-нибудь извинепіе. Въ «Обозрѣніи» почтеннаго профессора, къ сожалѣнію, остановившемся почему-то на второмъ выпускѣ, представлены результаты современныхъ изслѣдованій и указано на самые источники и пособія. Внутренней исторіи, отсутствіе которой такъ поражаетъ въ учебникѣ г. Зуева, отведено тамъ много мѣста, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что г. Зуевъ, ограничась однимъ только трудомъ г. Рославскаго для изложенія исторіи Востока и начальнаго періода исторіи Греціи, не могъ бы написать тѣхъ страницъ, которыя, къ общему изумленію, встрѣчаются теперь въ его книгѣ. Руководствуясь относительно научнаго матеріала не Бунзеномъ, Нибуромъ и Вальтеромъ, о которыхъ читатель не можетъ повѣрить, чтобы они когда-нибудь были въ рукахъ г. Зуева, а одними только русскими учебными пособіями, не говоря даже объ иностранныхъ, особенно нѣмецкихъ учебникахъ, составитель руководства могъ бы взять «Краткую всеобщую исторію

Digitized by Google

въ простыхъ разказахъ для дѣтей», составленную г. Берте, въ образецъ понятнаго и простаго изложенія,и тогда онъ исполнилъ бы свою задачу несравненно удовлетворительнѣй, чѣмъ исполнена она теперь. Читатели видятъ, что мы говоримъ уже не о соотвѣтствіи руководства г. Зуева съ современнымъ состояніемъ науки, хотя никто, разумѣется, не можетъ отвергнуть законности и необходимости и этого требованія, но о томъ, что оно какъ въ ученомъ, такъ и въ учебномъ отношеніи стоитъ несравненно ниже даже всѣхъ предшествовавшихъ русскихъ руководствъ. И вотъ съ историческими свѣдѣніями, почерпнутыми изъ такого мутнаго источника,является въ университетскія аудиторіи большинство слушателей. Кто же въ правѣ обвинить ихъ въ недостаточности подготовки: ихъ можно только жалѣть; но однимъ сожалѣніемъ трудно исправить вредъ, нанесенный приготовленіемъ по такому руководству. Студенту, желающему воспользоваться университетскимъ образованіемъ, предстоитъ двойная работа: и занятія лекціями,и совершенная переработка отъ начала до конца своего историческаго образованія, полученнаго въ гимназіи. У кого не засѣлъ въ головѣ учебникъ г. Зуева, тотъ еще можетъ похвалиться сравнительно лучшимъ положеніемъ передъ товарищами. По крайней мѣрѣ ему нечего очищать свою память отъ безполезнаго мусора; хотя и безъ этого одна необходимость вновь проходить въ университетѣ то, что̀ должно быть пройдено въ четвертомъ и слѣдующихъ классахъ гимназіи,ставитъ уже каждаго въ весьма неловкое и тягостное положеніе. Всѣ ли рѣшатся на это повтореніе гимназическаго воспитанія заднимъ числомъ и не потерпитъ ли во всякомъ случаѣ отъ этого самое университетское преподаваніе, требующее и безъ того отъ студента много занятій? Профессоръ университета такъ же связанъ въ своемъ преподаваніи мыслью, что его слушатели не имѣютъ самыхъ общихъ историческихъ свѣдѣній. Въ 1856 году г. ад. профессоръ С.-П. университета М. Стасюлевичъ издалъ *Общій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ*, и вотъ что̀ говоритъ онъ на 4 стр. своего предисловія: «Излагать средневѣковую исторію въ порядкѣ ея великихъ явленій, какъ-то, христіанства, варварства, феодализма, и проч. возможно только при предположеніи въ слушателѣ знакомства съ общимъ историческимъ курсомъ, въ кото-

Digitized by Google

ромъ были бы предварительно распутаны узлы между-народныхъ отношеній, показаны политическіе перевороты въ строгой хронологической послѣдовательности, самыя событія размѣщены въ тѣсной зависимости одно отъ другаго, такъ чтобы части рѣзко отличались между собою и въ то же время не представляли бы никакого перерыва. Желая имѣть такую основу для своихъ университетскихъ лекцій въ общемъ историческомъ курсѣ, я приступилъ къ составленію оконченнаго мною нынѣ труда». Для облегченія слушателей же издалъ свой конспектъ древней исторіи и Харьковскій профессоръ г. Рославскій. Необходимость изданія подобныхъ пособій для студентовъ всего лучше доказываетъ, что во всѣхъ университетахъ равно чувствуется недостатокъ твердой основы, на которую могло бы опираться университетское преподаваніе исторіи. Еслибы въ гимназіяхъ было въ употребленіи сколько-нибудь сносное руководство, г. Стасюлевичъ могъ бы избавить себя отъ труда составлять и издавать свою книгу; ему нечего было бы ставить себя на мѣсто преподавателя гимназіи и на ряду съ чтеніемъ лекцій готовить для своихъ слушателей учебное руководство. Слушатели гг. Стасюлевича и Рославскаго вѣроятно благодарны имъ за изданіе руководства.

Сказанное нами о характерѣ учебника, употребляющагося въ гимназіяхъ, и вслѣдствіе этого о неизбѣжномъ характерѣ и самаго преподаванія исторіи, можетъ показаться слишкомъ строгимъ приговоромъ. Мы сочли своимъ долгомъ указать на печальное положеніе дѣла, какъ оно представляется нашимъ глазамъ, не затаивая и не маскируя нашихъ убѣжденій; къ этому побуждала насъ глубокая симпатія къ молодымъ поколѣніямъ, окружающимъ университетскія каѳедры. Всего менѣе можно обвинять эти поколѣнія въ безучастіи къ интересамъ науки, въ холодности и равнодушіи къ ея представителямъ. Каждое живое слово преподавателя всегда встрѣчаетъ сочувственный отзывъ въ аудиторіи, и призывъ къ труду не остается празднымъ словомъ. Если что̀ мѣшало и мѣшаетъ полной успѣшности университетскаго преподаванія, если чего недоставало слушателямъ, безъ всякаго сомнѣнія это не отсутствіе живыхъ интересовъ или готовности трудиться,—главнымъ препятствіемъ слѣдуетъ поставить недостатокъ предварительнаго

Digitized by Google

общаго образованія. Болѣе или менѣе каждый изъ насъ испыталъ на себѣ всю тяжесть борьбы съ этимъ препятствіемъ, всю трудность соединить начало нѣсколько самостоятельнаго изученія предметовъ университетскаго образованія съ необходимостью дополнить или пріобрѣсти вновь тѣ свѣдѣнія, которыя должна была бы дать намъ школа и которыхъ однакоже мы тамъ не получили, или получили не въ достаточной степени. Наше общество начинаетъ проникаться сознаніемъ важности образованія, проснувшіеся и возбужденные общественные интересы требуютъ свѣта и просвѣщенныхъ дѣятелей, и съ каждымъ днемъ становится затруднительнѣй положеніе тѣхъ, которые осуждены сидѣть камнемъ на камнѣ безучастными и не понимающими зрителями въ виду совершающихся событій. Дѣло воспитанія юношества требуетъ самой строгой внимательности и заботливости; съ нимъ нельзя шутить, еще менѣе позволительно на него спекулировать. Покойный Т. Н. Грановскій послѣднее время своей жизни посвятилъ составленію скромнаго учебника исторіи, и этотъ послѣдній трудъ едва ли не болѣе бралъ у него времени, чѣмъ его блестящія чтенія въ университетской аудиторіи, будившія самодѣятельность слушателей, или самостоятельныя историческія изслѣдованія. Нѣсколько разъ передѣлывалъ онъ уже написанные отдѣлы древней исторіи, читалъ ихъ друзьямъ своимъ, и каждый разъ былъ еще не совсѣмъ доволенъ своею работой. Онъ зналъ, что первые уроки кладутъ неизгладимую печать на молодые умы и часто навсегда опредѣляютъ ихъ будущее направленіе; дѣло начальнаго образованія онъ цѣнилъ высоко, и только смерть помѣшала ему исполнить свое давно задуманное намѣреніе и достойнымъ образомъ познакомить русское юношество съ общимъ ходомъ исторической жизни народовъ. Нѣтъ сомнѣнія, учебникъ Т. Н. Грановскаго составилъ бы эпоху въ исторіи нашего общаго образованія и надолго бы сдѣлалъ невозможнымъ появленіе спекулятивныхъ произведеній нашихъ непризванныхъ педагоговъ. Судьба рѣшила иначе, и книгѣ г. Зуева было обезпечено еще нѣсколько лѣтъ небезвыгоднаго для автора существованія.

Странная участь общаго хода нашего образованія! Передовые люди XVIII столѣтія должны были браться за все, чтобы

Digitized by Google

удовлетворить настоятельнымъ потребностямъ еще юнаго, въ умственномъ отношеніи, общества. Знаменитый химикъ принужденъ былъ писать руководства къ русской словесности и къ русской исторіи, оставляя для этой неблагодарной работы свои любимыя занятія, ставившія его высоко въ кругу европейскихъ ученыхъ. Малое число дѣятелей налагало эту тяжкую обязанность на тѣхъ, кто понималъ насущныя потребности общественнаго воспитанія и могъ удовлетворить имъ, хотя бы и не безъ ущерба для своихъ самостоятельныхъ трудовъ на пользу науки. Двигая впередъ современное состояніе науки, они должны были въ то же время закладывать и скромный фундаментъ для общаго образованія. Нѣчто подобное, хотя и не въ такой степени, совершается и на нашихъ глазахъ и отъ той же причины: разумѣемъ малое число дѣятелей. Одна крайняя необходимость могла заставить Т. Н. Грановскаго заняться составленіемъ учебника, обречь себя на эту несвойственную для него работу и съ такою настойчивою добросовѣстностью преслѣдовать ее, откладывая до ея окончанія исполненіе своихъ давшихъ задушевныхъ плановъ. Другой извѣстный спеціалистъ, г. Буслаевъ, трудится въ настоящее время для составленія учебника русскаго языка по порученію военно-учебныхъ заведеній вслѣдствіе такого же полнаго отсутствія учебныхъ руководствъ по этому предмету, которыя бы удовлетворяли настоящимъ педагогическимъ требованіямъ. Мы назвали выше двухъ профессоровъ Харьковскаго и Петербургскаго университетовъ, которые были вынуждены издать руководства, чтобы доставить средство своимъ слушателямъ восполнить недостаточность ихъ гимназическаго образованія и облегчить для нихъ возможность съ пользою слушать университетскіе курсы. Въ настоящую минуту еще одинъ профессоръ университета долженъ былъ заняться потребностями первоначальнаго, общаго образованія, которымъ очевидно немогутъ удовлетворить фабрикаты гг. Зуевыхъ, Модестовыхъ и Васильковыхъ. Мы говоримъ о недавно появившейся книгѣ г. Кіевскаго профессора В. Я. Шульгина, заглавіе которой выписано въ началѣ нашей статьи. Вотъ что говоритъ въ своемъ предисловіи авторъ о характерѣ и основаніяхъ своего труда:

«Издавая нынѣ часть Курса Всеобщей Исторіи для учащихся

Digitized by Google

въ гимназіяхъ и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, которая заключаетъ въ себѣ Исторію среднихъ вѣковъ, составитель ея почитаетъ нужнымъ высказать тѣ основанія, которыхъ онъ держался относительно объема, выбора и расположенія фактовъ въ учебникѣ.

1) Въ исторіи первостепенныхъ народовъ составитель учебника старался съ особенною, переходящею предѣлы большей части руководствъ, полнотою развить главные историческіе моменты въ жизни этихъ народовъ и изобразить личность главнѣйшихъ историческихъ дѣятелей, приводя для этого иногда подробности и даже легенды, повидимому ничтожныя, но нерѣдко рисующія эпоху. Зато исторія второстепенныхъ народовъ и событій изображена въ учебникѣ слегка, въ общихъ характеристическихъ очеркахъ, какъ необходимая связь между капитальными явленіями.

2) Убѣжденный въ безполезности излишней сухой систематики и всѣхъ табличныхъ хронологическихъ методъ въ исторіи, составитель учебника старался по возможности избѣгать дробнаго дѣленія на періоды, особенно исторіи второстепенныхъ государствъ, чтобы не быть вынужденнымъ наполнять происходящія вслѣдствіе такого дѣленія рубрики голыми именами и числами. Эти имена и числа, или лучше сказать, эти клѣтки, обозначенныя извѣстными ярлыками, не давая понятія ни о характерѣ народа, ни о характерѣ историческихъ дѣятелей, безполезно выучиваются, легко вылетаютъ изъ памяти и только отнимаютъ у преподавателя время, необходимое для полной, живой характеристики событій и лицъ, подвигавшихъ впередъ вѣкъ или служившихъ типическими представителями вѣка. — Всѣ табличныя методы, по которымъ заставляютъ дѣтей, особенно дѣвицъ, выучивать цѣлые ряды хронологическихъ чиселъ и именъ государей, Карла Великаго или Колумба, такъ же точно, какъ и князей печенѣжскихъ или половецкихъ — недостойны исторіи и могутъ быть названы историческими фокусами. Учебники, написанные по такой методѣ, обращаютъ исторію въ карманную гомеопатическую аптеку, и польза ихъ для начинающихъ изучать эту науку столь же гадательна, сколько и польза гомеопатическаго способа леченія. Какъ можно менѣе голыхъ чиселъ и безличныхъ именъ и какъ можно болѣе живыхъ людей — вотъ

Digitized by Google

главное правило историческаго преподаванія и изученія. Чтобы по возможности выполнить его въ настоящемъ курсѣ, хотя въ введеніи и предложено подробное дѣленіе средневѣковой исторіи на періоды, но самое изложеніе событій разбито Крестовыми походами на 2 отдѣленія и по нимъ проведена исторія главныхъ историческихъ странъ (Франціи, Англіи, Германіи, Италіи, Восточной Римской имперіи, Аравіи); исторія же второстепенныхъ государствъ (скандинавскихъ, пиренейскихъ, славянскихъ) представлена въ общихъ чертахъ въ концѣ курса, безъ дѣленія на періоды.

3) Изложеніе такъ-называемыхъ внѣшнихъ политическихъ событій въ учебникѣ отодвинуто на второй планъ, и особенное вниманіе обращено на внутреннюю жизнь народовъ въ ея юридическихъ, экономическихъ, нравственно-религіозныхъ, умственныхъ и художественныхъ проявленіяхъ, — впрочемъ опять безъ всякихъ подраздѣленій на періоды, но въ одномъ цѣломъ очеркѣ, проникнутомъ одною идеею.

4) Не увлекаясь притязаніемъ на званіе автора и имѣя въ виду главнымъ образомъ пользу учащихся, составитель предлагаемаго руководства помѣщалъ въ своемъ курсѣ почти безъ измѣненій тѣ статьи изъ иностранныхъ и отечественныхъ монографій и учебниковъ, которыя, по его убѣжденію, вполнѣ удовлетворяютъ назначенію руководства. Поэтому въ немъ встрѣтитъ читатель статьи изъ сочиненій обоихъ Тьерри, Маколея, Мишле, Лео, Грановскаго, Кудрявцева, Лоренца, и другихъ. — Составителю настоящаго курса принадлежитъ главнымъ образомъ выборъ, планъ и наконецъ общая идея, лежащая въ основѣ всего сочиненія».

Въ началѣ книги г. Шульгина помѣщенъ весьма тщательно составленный библіографическій указатель важнѣйшихъ сочиненій по исторіи среднихъ вѣковъ съ цѣлію доставить среднимъ учебнымъ заведеніямъ нормальный списокъ для возможнаго, по ихъ матеріальнымъ средствамъ, укомплектованія историческихъ отдѣловъ въ библіотекахъ и для указаніи преподавателямъ. Къ сожалѣнію, матеріальныя средства нашихъ гимназическихъ библіотекъ слишкомъ недостаточны для пріобрѣтенія самыхъ капитальныхъ сочиненій, даже предполагая, что употребленіе гимназическихъ библіотечныхъ суммъ производится съ крайнею

Digitized by Google

осмотрительностью. Всѣхъ сочиненій, рекомендованныхъ г. Шульгинымъ, болѣе 130, и въ числѣ ихъ есть многія довольно дорогія и многотомныя, а въ большей части нашихъ гимназическихъ библіотекъ едва ли найдется даже Всемірная исторія Шлоссера въ извѣстной переработкѣ Крига для нѣмецкаго народа, книга существенно необходимая и дешевая. Семь лѣтъ тому назадъ г. Рославскій, издавая свое Обозрѣніе исторіи древняго міра, также сдѣлалъ указаніе на главнѣйшія историческія пособія и, къ сожалѣнію, должно сознаться, что эти указанія не принесли вполнѣ желаемой пользы и что не всегда можно найдти въ библіотекахъ гимназій самое «Обозрѣніе» г. Рославскаго. Положеніе преподавателя географіи, повидимому, несравненно обезпеченнѣе въ этомъ отношеніи. «Вѣстникъ географическаго общества и «Mittheilungen» Петерманна, изданія чрезвычайно дешевыя, даютъ ему полную возможность слѣдить за современнымъ состояніемъ географическихъ свѣдѣній, и однакоже всѣ ли гимназіи выписываютъ эти вполнѣ соотвѣтствующія ихъ средствамъ пособія? Сомнѣніе особенно законно относительно изданія Петерманна. Нельзя однакоже не поблагодарить г. Шульгина за приложеніе библіографическаго указателя. Подобныя указанія необходимы и могутъ оказывать по крайней мѣрѣ нѣкоторое частное благотворное вліяніе тѣмъ болѣе, что въ числѣ сочиненій по средневѣковой исторіи авторъ исчислилъ почти всѣ русскія, относящіяся къ этому предмету, число которыхъ, какъ извѣстно, очень невелико.

Вѣрный своему плану поставить на первомъ мѣстѣ не разсказъ о безконечныхъ войнахъ, выигранныхъ или проигранныхъ битвахъ, смѣнѣ правленій и тому подобныхъ внѣшнихъ событіяхъ, а исторію внутренняго развитія европейскихъ народовъ въ эпоху отъ паденія Западной Римской имперіи до открытія Америки, авторъ отступаетъ въ своемъ изложеніи отъ обычной, принятой системы нашихъ учебниковъ. Внѣшняя, хронологическая связь событій уступаетъ мѣсто связи внутренней, и событія группируются сообразно ихъ историческому значенію. Излагая, напримѣръ, исторію Англіи отъ завоеванія ея Норманнами до конца XV столѣтія, г. Шульгинъ прежде всего показываетъ вліяніе факта завоеванія на весь ходъ послѣдующей исторіи Англіи, потомъ, въ особомъ примѣчаніи, перечисляетъ

Digitized by Google

всѣхъ королей Англіи, царствовавшихъ въ теченіе этихъ четырехъ съ половиной вѣковъ, и затѣмъ, по возможности, подробно разсматриваетъ одно за другимъ главнѣйшія явленія англійской исторіи со времени завоеванія Англіи Норманнами: 1) войны съ Франціей, бывшія слѣдствіемъ вассальныхъ и родственныхъ отношеній королей Англіи къ королямъ Франціи, 2) борьбу англійскихъ королей съ духовенствомъ и 3) происхожденіе и развитіе основныхъ началъ англійской конституціи въ борьбѣ королей съ баронами и городами —оба явленія, также ведущія свое начало отъ прямыхъ послѣдствій завоеванія Вильгельма, 4) войны за англійскій престолъ (алой и бѣлой розы) и наконецъ 5) борьбу англійскихъ королей съ кельтскимъ населеніемъ Ирландіи, Шотландіи и Валлиса. Точно такъ же разсматриваетъ авторъ и исторію другихъ европейскихъ государствъ, останавливаясь особенно на замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ внутренней жизни. Нужно ли говорить, что пожертвованіе военными подробностями, отсутствіе множества именъ и годовъ, которыми загромождены были прежніе учебники, нисколько не вредятъ занимательности книги г. Шульгина. Образы главнѣйшихъ дѣятелей, значеніе важнѣйшихъ событій тѣмъ рельефнѣе выступаютъ впередъ и тѣмъ легче могутъ остаться въ памяти учащагося, что авторъ постоянно держится своего правила: *какъ можно менѣе голыхъ чиселъ и безличныхъ именъ и какъ можно болѣе живыхъ людей.* Живость описаній достигается не множествомъ анекдотовъ, къ которымъ прибѣгаютъ часто безъ особенной нужды составители историческихъ учебниковъ, но искусною обрисовкой существенныхъ чертъ въ характерѣ изображаемаго лица, показаніемъ его отношеній къ его времени и къ окружавшему его обществу, и оттого образы историческихъ дѣятелей не скользятъ, подобно китайскимъ тѣнямъ, въ памяти учащихся, а бо́льшая часть именъ вызываетъ воспоминаніе о цѣлой картинѣ, о цѣломъ рядѣ событій. Свои характеристики г. Шульгинъ часто почти цѣликомъ беретъ изъ извѣстныхъ, классическихъ авторовъ, о чемъ онъ и предупреждаетъ читателей въ своемъ предисловіи, но эти заимствованія, нисколько не противорѣчащія значенію и достоинству учебника, первое условіе котораго и состоитъ въ сводѣ и вѣрной передачѣ результатовъ самостоятельнаго развитія совре-

Digitized by Google

менной науки,—эти заимствованія помѣщены и приложены такъ искусно, что только опытный и притомъ уже предупрежденный самимъ авторомъ взглядъ можетъ ихъ замѣтить съ своей стороны. Мы предпочитаемъ изображеніе общественнаго устройства Германцевъ, заимствованное г. Шульгинымъ изъ превосходной статьи Т. Н. Грановскаго (сравн. 10, 11, 12 и частью 13 стр. книги г. Шульгина съ стр. 153, 155, 144 и 154 I-го тома соч. Т. Н. Грановскаго) самостоятельному мышленію г. Зуева о сущности феодализма и думаемъ, что и ученики гимназій также будутъ нашего мнѣнія, если вздумаютъ сличить обѣ книги. Изображенію главнѣйшихъ явленій общественной жизни отведено много мѣста въ книгѣ г. Шульгина, и изложеніе отличается ясностью и простотой. Не дробя свои характеристики на мелкіе отдѣлы и рубрики, въ своемъ изложеніи онъ держится однакоже строгой системы, необходимой для того, чтобы не упустить изъ виду какой-либо существенной черты описываемаго явленія и легче утвердить его въ памяти учащихся. Укажемъ сверхъ изображеній древнѣйшаго быта Германцевъ на отдѣлы: феодализмъ и рыцарство (стр. 47 — 56), возвышеніе папской власти (стр. 64 — 72), возстаніе противъ средневѣковой западной Церкви и папства въ XII и XIII вѣкахъ (Абелярдъ и Альбигойцы стр. 121 — 126) и наконецъ, состояніе промышленности, науки и искусства въ средніе вѣка (208 — 230). Небольшой объемъ книги, разсчитанной на употребленіе въ извѣстныхъ классахъ гимназій и женскихъ институтовъ, не позволялъ, разумѣется, автору пускаться въ длинныя объясненія, заставлялъ его быть скупымъ на подробности и обратить главное вниманіе на сжатость и ясность изложенія. Тѣмъ не менѣе, въ книгѣ г. Шульгина едва ли не въ первый разъ встрѣтятъ учащіеся свѣдѣнія о положеніи земледѣльческаго класса въ средніе вѣка, объ устройствѣ цеховъ и городскихъ корпорацій, объ особомъ характерѣ средневѣковой науки, и т. д.

Въ видѣ дополненія къ курсу средневѣковой исторіи г. Шульгина, изданы г. Самчевскимъ, преподавателемъ гимназіи и института, «Синхронастическія таблицы главныхъ явленій и дѣятелей въ средніе вѣка», и «не какъ руководство для изученія, но какъ пособіе при повтореніи исторіи», — спѣшитъ оговориться составитель. Оговорка необходимая потому, что син-

Digitized by Google

хронистическія и хронологическія таблицы часто служили къ соблазну многихъ преподавателей. Мы еще помнимъ одного почтеннаго начальника заведенія, который усердно *упражнялъ* мальчиковъ по «рѣкѣ временъ» и синхронастическимъ таблицамъ, и въ механическомъ заучиваніи годовъ и именъ, въ искусствѣ мѣтко ткнуть пальцемъ въ извѣстную клѣтку таблицы полагалъ главнѣйшій успѣхъ историческаго преподаванія. Въ таблицахъ, составленныхъ г. Самчевскимъ, мы не найдемъ впрочемъ князей Половецкихъ и Печенѣжскихъ рядомъ съ Карломъ Великимъ и Колумбомъ. Источникомъ исторической мудрости онѣ служить не могутъ и заключаютъ дѣйствительно указанія только на главныхъ дѣятелей и событія средневѣковой исторіи, — указанія не излишнія при повтореніи.

Какъ учебное руководство для среднихъ классовъ гимназій и женскихъ институтовъ, Курсъ всеобщей исторіи г. Шульгина представляетъ всѣ требуемыя условія и по соотвѣтствію съ современнымъ состояніемъ науки и, какъ мы увѣрены, по возможности примѣнить его къ дѣлу, къ преподаванію. Учебное достоинство книги обратитъ на себя, вѣроятно, вниманіе преподавателей и лицъ, завѣдывающихъ воспитаніемъ. Почтенный авторъ предназначилъ свой курсъ равно для гимназій, какъ и для женскихъ институтовъ и поступилъ, какъ кажется, совершенно основательно, не положивъ различія въ преподаваніи исторіи тому или другому полу. Уроки исторіи одинаково дѣйствуютъ на умъ и сердца молодежи обоихъ половъ, и въ извѣстномъ возрастѣ нѣтъ еще разграниченія между тѣмъ, что̀ позволительно знать мущинѣ и чего лучше не знать женщинѣ. Различіе въ назначеніи исторіи для мущины и женщины, которое старается доказать, напримѣръ, г. Смарагдовъ, едва ли можетъ быть оправдано. Ученикъ 4-го класса гимназіи, для котораго предназначается книга г. Шульгина, едва ли можетъ сознавать, что онъ долженъ «изучать исторію прежде всего для нея самой, для ея абсолютнаго достоинства», въ противоположность институткѣ, довольствующейся однимъ приложеніемъ исторіи ради будущаго своего назначенія быть просвѣщенною матерью и воспитательницею юнаго поколѣнія (Руководство къ древней исторіи для женскихъ учебныхъ заведеній, г. Смарагдова. Стр. 6.) И абсолютное достоинство

Digitized by Google

исторіи, и практическое ея примѣненіе раскрываются не въ стѣнахъ гимназій или институтовъ. Дѣло образованія просвѣщенныхъ матерей и преданныхъ супругъ облегчилось бы до послѣдней степени, еслибы для достиженія этой цѣли достаточно было расказать, съ приличнымъ краснорѣчіемъ, о матери Гракховъ, показывавшей своихъ дѣтей съ словами: «вотъ мои сокровища и украшенія», и о доблестномъ подвигѣ вейнсбергскихъ дамъ, на плечахъ которыхъ выѣхали ихъ мужья изъ обреченнаго на гибель города. Если вѣрить въ чудодѣйственную силу историческихъ расказовъ, какъ предотвратить возможную бѣду отъ тѣхъ же самыхъ расказовъ? Что будетъ, если ученица, воспитанная на учебникѣ г. Смарагдова и слѣдовательно готовая быть просвѣщенною матерью, случайно узнаетъ нѣкоторыя подробности изъ исторіи Эммы, дочери Карла Великаго, исторіи такъ трогательно расказанной г. Смарагдовымъ. Что будетъ, если узнаетъ она, что Эмма, до своего водворенія въ бѣдной хижинѣ, носила на своихъ царственныхъ плечахъ своего друга Эгингарда, изъ отцовскаго дворца, черезъ весь дворъ, чтобы утренній снѣгъ не обнаружилъ слѣдовъ тайнаго посѣтителя. Не поколеблется ли сила примѣра вейнсбергскихъ героинь и не будетъ ли сдѣланъ логическій выводъ, что героини исторіи равно носятъ на своихъ плечахъ и мужей, и любовниковъ, и что слѣдовать можно примѣру тѣхъ или другихъ, смотря по собственному влеченію и по обстоятельствамъ? Воспитывать женщину одними историческими примѣрами — мудреное дѣло. Можно еще привести одно соображеніе въ пользу различія историческихъ учебниковъ смотря по полу воспитанниковъ, для которыхъ они предназначаются — это предположеніе различія познавательныхъ, умственныхъ способностей тѣхъ и другихъ. Но развѣ необходимо спартанское воззрѣніе на историческое воспитаніе мальчиковъ, развѣ необходимо непремѣнно давать имъ только неудобоваримую пищу войнъ, битвъ, именъ годовъ и абсолютнаго достоинства исторіи, предоставляя слабѣйшему полу болѣе понятное и болѣе живое изложеніе историческихъ событій. Самое предположеніе о сравнительной слабости дѣвушекъ передъ мальчиками въ дѣлѣ общаго образованія едва ли оправдывается педагогическимъ опытомъ. Въ воспріимчивости, въ способности заниматься, въ памяти, дѣвушка едва ли усту-

Digitized by Google

питъ мальчику, а относительно нѣкоторыхъ предметовъ общаго образованія она даже можетъ стать выше его. Для общаго историческаго образованія одинъ и тотъ же учебникъ, разумѣется, хорошо составленный, можетъ служить равно и для мальчиковъ, и для дѣвушекъ безъ всякаго ущерба ихъ будущему назначенію. Мы надѣемся, что учебникъ В. Я. Шульгина войдетъ въ общее употребленіе въ гимназіяхъ и въ женскихъ институтахъ, и признаемся, особенно рады за гимназіи, которымъ обезпечена теперь по крайней мѣрѣ одна часть историческаго руководства, въ ожиданіи слѣдующихъ. Мы думаемъ также, что по своему характеру учебникъ г. Шульгина могъ бы съ пользою быть введенъ въ употребленіе въ общихъ классахъ военно-учебныхъ заведеній. По крайней мѣрѣ онъ довольно близко подходитъ къ тѣмъ требованіямъ, которыя выражены были просвѣщеннымъ начальствомъ этихъ заведеній отъ учебника средневѣковой исторіи, которымъ не удовлетворяли существующія до сихъ поръ руководства.

Въ заключеніе укажемъ на нѣкоторые, по нашему мнѣнію, недостатки книги г. Шульгина. Нѣкоторыя лица въ его учебникѣ, богатомъ живыми и удачными характеристиками, не достаточно ясно представляются читателю, и ихъ историческое значеніе оставлено какъ бы въ тѣни. Таково особенно лицо Фридриха II-го Гогенштауфена. Его борьба съ папами, его отношенія къ современнымъ понятіямъ не достаточно обозначены. Причина борьбы — медленность въ предпріятіи Крестоваго похода, очевидно не объясняетъ того обоюднаго ожесточенія, съ какимъ велась эта борьба, и лежитъ несравненно глубже. Въ очеркѣ исторіи скандинавскихъ государствъ, кажется, не достаточно обращено вниманіе на религіозныя вѣрованія Скандинавовъ, на ихъ вліяніе на общественную жизнь, не указано на глубокую поэзію сѣверныхъ сагъ и пѣсенъ. Самое имя Эддъ ни разу не упомянуто. Отсутствіе характеристики провансальской поэзіи, также довольно замѣтно. Можетъ-быть авторъ, указавъ на общій характеръ рыцарской поэзіи и на его отличіе отъ поэзіи горожанъ, считалъ это достаточнымъ для своихъ цѣлей, особенно предполагая, что болѣе подробная характеристика провансальской поэзіи должна найдти себѣ мѣсто въ курсѣ исторіи литературы, но въ гимназіяхъ исторія ли-

Digitized by Google

тературы преподается гораздо позже, чѣмъ средневѣковая исторія, и ученику придется ждать довольно долгое время; притомъ же учебникъ словесности, употребляющійся въ настоящее время въ гимназіяхъ, и не много можетъ дать его любознательности. Если не самая характеристика, то по крайней мѣрѣ указаніе на время процвѣтанія и вліянія провансальской поэзіи, во всякомъ случаѣ, кажется, было бы далеко не лишнимъ. Замѣтимъ еще нѣкоторыя неточности, которыя легко будетъ исправить въ слѣдующихъ изданіяхъ. На стр. 179: «Древнѣйшими обитателями Пиренейскаго полуострова были народы *кельтическаго* происхожденія», на стр. 199—«Ягелло не отвергнулъ ни одного изъ условій, предложенныхъ ему Поляками. *Онъ принялъ св. крещеніе* и былъ названъ Владиславомъ II», и т. д. Для непривычнаго взгляда довольно странно также встрѣчать постоянно Остъ-Гот*ѳ*ы, Вестъ-Гот*ѳ*ы, Гот*ѳ*ы.

С. Ешкевскій.

Digitized by Google

УКРАИНСКІЯ ЯРМОНКИ.

Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмонкахъ. И. Аксакова. Издано на иждивеніе Санктпетербурскаго купечества. Санктпетербургъ 1858.

(Окончаніе.)

—

Такимъ образомъ изъ предыдущаго мы могли видѣть, что все торговое движеніе Украйны, всѣ ея промышленныя сношенія съ остальною Россіей совершаются главнымъ образомъ на десяти оптовыхъ ярмонкахъ, потому что Троицкая ярмонка въ Харьковѣ почти исключительно шерстяная. Велико ихъ значеніе для Малороссіи, для всего юга Россіи и для нашего промышленнаго центра, но нельзя не сознаться, — есть много причинъ думать, что бо́льшая часть ярмонокъ падетъ и исчезнетъ, какъ исчезли уже нѣкоторыя изъ украинскихъ подвижныхъ рынковъ. Первый и самый полный признакъ это уже то, что сами торговые люди, какъ замѣчаетъ г–нъ Аксаковъ, съ недовѣріемъ смотрятъ на будущность ярмонокъ. Мы теперь уже видимъ въ стремленіи сократить число ихъ и образовать постоянные скла́ды товаровъ признакъ будущаго паденія ярмонокъ и возникновенія торговли правильной и постоянной. Желѣзная дорога, которая прорѣжетъ Малороссію и Новороссію не останется безъ вліянія на развитіе ея промышленныхъ и торговыхъ силъ, растрачиваемыхъ тетерь даромъ, коснѣющихъ въ бездѣйствіи; желѣзная дорога и возникновеніе богатыхъ промышленныхъ центровъ остановитъ это постоянное

Digitized by Google

кочеванье товаровъ и купцовъ, которые сами стараются сократить переходы и дать своей торговлѣ болѣе осѣдлости. Выхлопотавши себѣ Маслянскую ярмонку въ Ромнѣ, они избавили себѣ отъ лишнихъ проѣздовъ въ Нѣжинъ и Сумы. Имѣя необходимость и находя выгоду завести постоянные склады для Вознесенской и Ильинской ярмонокъ, они предпочли имѣть одну ярмонку еще въ Ромнѣ, нежели двѣ въ Сумахъ и Нѣжинѣ. Теперь многіе торговцы также совершенно не безъ основанія думаютъ о переводѣ въ Полтаву и Роменской Маслянской ярмонки для уменьшенія разъѣздовъ и для основанія склада товаровъ. Но лучшимъ доказательствомъ такого стремленія торговли къ осѣдлости можетъ служить Харьковъ, этотъ главный и центральный складочный пунктъ украинской ярмоночной торговли. Свѣдѣнія и цыфры, приводимыя почтеннымъ изслѣдователемъ, говорятъ громче всего въ пользу такого мнѣнія. Припомнимъ, что четыре мѣсяца въ году производится здѣсь самая могучая и живая торговля. Уже теперь бо́льшая часть пріѣзжихъ купцовъ имѣетъ здѣсь постоянные скла́ды и помѣщенія и многіе внесли капиталъ въ харьковскую думу, чтобы имѣть право торговать въ продолженіе цѣлаго года. Въ теченіе почти 25-ти лѣтъ, съ 1830-го по 1853-й г., число капиталовъ болѣе чѣмъ удвоилось, а иногородныхъ увеличилось болѣе, чѣмъ въ восемь разъ. Но независимо отъ иногородныхъ купцовъ, торгующихъ въ теченіе цѣлаго года, въ Харьковѣ проживаютъ еще, по свѣдѣніямъ оффиціальнымъ, до 50-ти человѣкъ прикащиковъ отъ иногородныхъ купцовъ. Здѣсь имѣютъ кромѣ того ярмоночные купцы главные свои скла́ды и квартиры, изъ которыхъ уже товары отправляются странствовать по всему ярмоночному округу, а такихъ складовъ считается до 150. Будущее рѣшитъ—останется ли за Харьковомъ мѣсто главнаго торжища и посредника между сѣверомъ, сѣверо-западомъ и сѣверо-востокомъ Россіи и Малороссіей и Новороссіей, или торговля найдетъ себѣ болѣе удобный пунктъ, хоть бы Кременчугъ, которому дастъ на это, повидимому, бо́льшее право и его выгодное, болѣе южное положеніе, и судоходство по Днѣпру, — но одно неоспоримо, что мы стоимъ на краю переходной эпохи въ нашей торговлѣ и что кочевой ея характеръ на Украйнѣ въ непродолжительномъ времени долженъ будетъ опредѣлиться. Про-

Digitized by Google

слѣдимъ же теперь за размахомъ этой ярмоночной торговли, посмотримъ, какъ она производится и какія мѣстности Россіи принимаютъ въ ней главное участіе. Во введеніи къ своему труду авторъ представилъ общую характеристику торговаго движенія равно какъ и характеристику торговаго люда; въ отдѣльныхъ же статьяхъ о каждой ярмонкѣ и каждомъ предметѣ торговли, мы находимъ самыя драгоцѣнныя подробности о каждомъ товарѣ, о характерическихъ особенностяхъ производствъ, о доставкѣ, о производителяхъ, о мѣстности, гдѣ товаръ производится. Оторваться нельзя отъ этихъ мастерскихъ, дышащихъ жизнью, бойкихъ харастеристикъ, которыми изобилуетъ изслѣдованіе. Сколько здѣсь видно наблюдательности, сколько труда самаго неутомимаго, дѣятельнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько основательности въ статистическихъ пріемахъ, а главное — сколько любви и сколько теплаго участія къ самому дѣлу и къ народу, торговой дѣятельности котораго посвящено изслѣдованіе. Мы не можемъ здѣсь коснуться всего: это завело бы насъ далеко за предѣлы журнальной статьи, и потому постараемся передать только нѣкоторыя части изслѣдованія о кочеваніи нашихъ товаровъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи на украинскіе рынки. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ почтенный изслѣдователь:

«Съ сѣвера и сѣверо-востока являются главными вкладчиками товаровъ Москва, Московская, Владимірская и Костромская губерніи, или вообще мануфактурный округъ, присылающій сюда бумажныя, шелковыя, шерстяныя и льняныя издѣлія, а отчасти и сукна. Кромѣ того изъ Москвы и черезъ посредство Москвы идетъ сюда глиняная и фарфоровая посуда, строченый кожаный товаръ, золотыя и серебряныя вещи, дорогіе мѣха, овощный, съѣстной, шорный и игольный, русскій и иностранный москотильный и галантерейный товары, чай, книги, и проч. Изъ Владимірской губерніи идетъ кромѣ того стекло, хрусталь и ленъ; изъ Костромской—сборный крестьянскій холстъ, крестьянскія сукна и игольный товаръ; изъ Ярославской губерніи мало бываетъ продавцевъ; изъ Рязанской губ. изъ Егорьевскаго уѣзда бумажныя ткани низкихъ сортовъ, изъ Касимовскаго — произведенія тамошнихъ чугунныхъ и желѣзныхъ заводовъ, калмыцкія овчины,

Digitized by Google

бухарскія мерлушки, бухарская пряденая бумага и казанскіе сафьяны, привозимые сюда касимовскими Татарами; отъ Макарья (Нижегородской ярмонки) — желѣзо и желѣзныя издѣлія, изъ уѣздовъ Нижегородской губ. Горбатовскаго, Семеновскаго и Арзамасскаго—замочный товаръ и ножи, доставляемые крестьянами села Павлова и Ворсмы, сундуки, катунскій опоекъ, простая крестьянская пестрядь, деревянная посуда, валеные сапоги, поярковыя шляпы, зайчины, циновки, рогожи и другой черный товаръ, привозимый самими крестьянами. Изъ Курской губ.—выдѣланныя кожи, свѣчи, восковыя и сальныя, писчая бумага, простыя шерстяныя крестьянскія издѣлія, чулки, кушаки и разный сборный прасольскій товаръ; изъ Орловской губ.—чугунныя издѣлія, стеклянная посуда, мочальный товаръ, канаты, бичева, холстъ, выдѣланная кожа, простой шорный и разный черный крестьянскій товаръ; изъ Калужской губ.—писчая бумага, калужская нить, калужская подошва, стеклянная посуда и чугунныя издѣлія изъ Жиздринскаго уѣзда, ленточный товаръ изъ Тарусскаго уѣзда; изъ Тульской губ. — стальныя и мѣдныя издѣлія, скобяныя вещи, гармоніи и нѣкоторые другіе незначительные предметы торговли. Съ сѣверозапада, изъ Смоленской губ., фарфоровая посуда, изъ Черниговской — фарфоръ же, глиняная посуда, шерстяныя ткани, деревянныя простыя издѣлія, чулочный и тесемочный товаръ; изъ Риги — мануфактурные товары, преимущественно шерсто-гребяныя ткани и сукна; изъ Гродненской губ. и изъ Царства Польскаго — сукна, шерстяныя ткани, нейзильберъ и галантерейный товаръ, качества несравненно высшаго чѣмъ московскій; съ Запада—разный иностранный товаръ, доставляемый Евреями черезъ сухопутную границу, мѣха, шелковыя и шерстяныя издѣлія, голландскія полотна и разныя галантерейныя вещи, довольно грубой нѣмецкой работы, кромѣ того еще австрійскія косы сѣнокосныя и нѣкоторые аптекарскіе припасы; съ югозапада: изъ Бессарабіи, Одессы и изъ Крыма фрукты, вина и разные бакалейные товары; изъ Таврической, Херсонской и Екатеринославской губб.—сырыя кожи, бычачьи, коровьи и шпанскихъ овецъ, лошади; съ юговостока: съ Азовскаго поморья — рыба, сырыя кожи, вина и разная бакалія; съ Дона — рыба, вина и лошади; изъ Кизляра и Моздока — водки и чихирь; изъ Астрахани — рыбій клей, вязига, и проч.; съ во-

Digitized by Google

стока медъ, воскъ, подсолнечное масло, анисъ, небольшія партіи шерсти и овчины — это изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Воронежской губ. Наконецъ сама площадь, на которой совершается ярмоночное движеніе, поставляетъ шпанскую шерсть и сырыя кожи изъ степной части Малороссіи, сахаръ и сахарный песокъ, табакъ, воскъ, медъ, холстъ, сукна, разный черный товаръ для малороссійскаго простонародья и наконецъ прасольскій товаръ, подъ которымъ должно разумѣть щетину, сырой пушной или шкуровой товаръ, пухъ, перо, гриву, косицу, воскъ, медъ, шпанскую муху или майку, отчасти холстъ и другіе предметы мелкой сельской прозиводительности. Впрочемъ, прасольскій товаръ собирается не въ одной Малороссіи, но въ губб. Екатеринославской и Херсонской, по всему Азовскому побережью, даже на Кавказской линіи, а отчасти на Дону и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Воронежской и Курской губб.

«Таковы мѣстности, откуда идетъ товаръ; сбывается же онъ слѣдующимъ путями. Для товаровъ, провозимыхъ изъ Россіи въ Украйну главнымъ рынкомъ служатъ губб. Харьковская, Полтавская, Екатеринославская, Херсонская, Азовское побережье, даже до Кавказской линіи, Таврическая губ. и Бессарабія; въ меньшей степени, однакоже въ довольно значительной: Кіевская, Волынская, Подольская, Черниговская и отчасти Бѣлоруссія; на востокъ сбытъ ограничивается Дономъ и нѣкоторыми уѣздами Воронежской губ.; на сѣверѣ онъ захватываетъ одну Курскую губ. Товары, идущіе съ юга и запада, отправляются съ украинскихъ ярмонокъ въ Россіи по большей части на сѣверъ въ Курскую, Орловскую, Калужскую, Тульскую губ. и на сѣверозападъ — въ Ригу и Литву, куда идетъ разный прасольскій товаръ. Въ сѣверовосточныя губб., за Москву и къ Нижнему-Новогороду, идетъ не много товаровъ; въ Воронежскую и на востокъ идетъ сахаръ; наконецъ нѣкоторые малороссійскіе товары, идущіе съ запада, сбываются отчасти на югъ и на юговостокъ: сукна, табакъ и еврейскій иностранный товаръ».

Подробности о производствѣ, доставкѣ, равно какъ и характеристика торговли каждою отраслью товаровъ, находятся въ 3-мъ отдѣлѣ труда г-на Аксакова, посвященномъ самому тщательному изслѣдованію каждаго товара, привозимаго на Украин-

Digitized by Google

скія ярмонки. Когда мы сообразимъ всю эту массу разнородныхъ продуктовъ, двигающихся сюда изъ разныхъ угловъ Россіи на одноконныхъ подводахъ, на тройкахъ и на волахъ, когда сообразимъ всю разнохарактерность и производства и производителей и продавцевъ и покупателей, и разнообразность условій, и капризный характеръ торговли, и съ одной стороны полную невозможность довѣриться оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, и съ другой — врожденную нашимъ торговымъ людямъ недовѣрчивость и скрытность, — тогда только можно понять какого труда, какихъ усилій, сколько такта, умѣнья, сколько пониманья русскаго быта и русскаго характера должно быть въ почтенномъ изслѣдователѣ, когда при всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ онъ представилъ намъ столь подробную и дышащую жизнью картину украинскихъ торжищъ. До кого или до чего бы ни коснулось перо почтеннаго изслѣдователя, и передъ вами являются живые, прямо съ натуры взятые, образъ или мѣстность, со всѣми характеристическими особенностями, съ ихъ и свѣтлыми и мрачными сторонами. Мы имѣли уже случай представить его характеристику Еврея, но такихъ характеристикъ много. Передъ нами являются и типическія лица извощиковъ и чумаковъ, офеней и прасоловъ, купца-фабриканта и кустарника. Иногда однимъ словомъ, подслушаннымъ въ народѣ, однимъ анекдотомъ умѣетъ онъ оживить разсказъ и охарактеризовать и людей, и дѣло. Изъ многихъ разсказовъ вотъ одинъ, бросающій свѣтъ на многія явленія русской торговли. «Городъ Рыльскъ съ давнихъ временъ торгуетъ косами, получаемыми имъ изъ-за границы. Ни условія мѣстности, ни какія географическія причины не объясняютъ намъ, почему Рыльскъ могъ завязать заграничный торгъ, а не другой какой городъ, лежащій ближе къ границѣ. Явился предпріимчивый человѣкъ, отважно принялся за эту торговлю, завязалъ сношенія и проложилъ дорогу, а за нимъ двинулись и его собраты, рыльскіе купцы, пользуясь его сношеніями, связями съ заграничными купцами и кредитомъ. И вотъ завелась въ городѣ Рыльскѣ торговля косами, и удерживалась за нимъ въ видѣ монополіи по старинной привычкѣ, памяти, то-есть, говоря словами русскаго торговаго люда: «такъ уже повелось, таково въ Рыльскѣ искони заведеніе».

«Преданіе говоритъ, что первый завелъ эту торговлю и от-

Digitized by Google

крылъ для Рыльска сношенія съ заграничными купцами нѣкто купецъ Филимоновъ. Нѣмцы его очень уважали за необыкновенный умъ и торговыя дарованія и называли поэтому фонъ-Филимоновъ. Названіе это перешло и въ Россію, такъ что не только въ Рыльскѣ,но и по всей окрестной странѣ,даже въ простомъ народѣ, знаменитый купецъ извѣстенъ былъ подъ именемъ фонъ-Филимонова. Умеръ Филимоновъ, торговый домъ его рушился, потомки, перейдя въ другое званіе, давно уже покинули городъ, но память о немъ живетъ еще въ народѣ. Въ Рыльскѣ есть и теперь еще купецъ Филимоновъ, тоже знатный торговецъ косами, но не родственникъ, а однофамилецъ основателя косной торговли — и что же? у него есть уличное народное прозваніе *фончиковъ*,въ отличіе отъ титула полнаго фона, которымъ пользовался нѣкогда знаменитый фонъ-Филимоновъ.»

Разнообразны и не менѣе интересны способы доставки и перевоза всей массы товаровъ, заваливающей украинскіе рынки. Перевозятся они на конныхъ извощичьихъ подводахъ и на воловьихъ фурахъ,отправляются же или черезъ подрядчиковъ, или черезъ самихъ извощиковъ, или черезъ конторы транспортовъ. Конторы не много отправляютъ подводъ, и бо́льшая часть послѣднихъ принадлежитъ вольнымъ извощикамъ. Изъ 60,000 подводъ, отправленныхъ въ 1854 году въ разныя мѣста съ Крещенской ярмонки,пришлось на долю конторъ не болѣе 5,000. Купцы не любятъ конторъ точно такъ же, какъ не любятъ и по возможности избѣгаютъ всякія оффиціальныя формальности,убѣдившись не разъ горькимъ опытомъ во что̀ имъ всегда онѣ обходятся. Отправка черезъ контору сто́итъ всегда дороже обыкновеннаго способа, потому что товары большею частью застраховываются. Безъ застраховки контора менѣе представляетъ для купца обезпеченія, чѣмъ подрядчикъ, или давно испытанный и знакомый извощикъ. А застраховка налагаетъ лишній расходъ, котораго купецъ также избѣгаетъ. Съ конторой надо соблюдать формальности и въ случаѣ пропажи заводить переписку, а переписки не любитъ торговый человѣкъ, да и кто къ ней чувствуетъ у насъ симпатію.

Наконецъ контора, нанимая почти всегда тѣхъ же извощиковъ, которые знакомы купцамъ, выходитъ для послѣднихъ совершенно лишнимъ посредничествомъ. Да къ тому же промы-

Digitized by Google

селъ извозный такъ приладился къ торговому быту, что остановки въ передвиженіи товаровъ почти не бываетъ, развѣ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, но такіе случаи могутъ быть и съ отправляемыми черезъ контору возами. Знакомые купцу и вѣрные извощики являются сами къ хозяину, сами нагружаютъ, увязываютъ и доставляютъ товаръ въ назначенный пунктъ, гдѣ также имѣютъ какого-нибудь знакомаго купца, у котораго всегда для нихъ готова работа въ обратный путь. Извощикъ, привезшій товаръ изъ Нижегородской губерніи, тотчасъ же отправляется къ извѣстному бакалейному и табачному оптовому торговцу, у котораго нагружается новыми товарами, и везетъ ихъ въ Ростовъ на ярмонку.

Извозъ и доставка товаровъ совершается самымъ первобытнымъ способомъ. На каждой ярмонкѣ можно увидѣть, какъ останавливается обозъ, доѣхавъ до ярмоночной площади, и какъ извощикъ, вынувъ изъ-за сапога накладныя, обращается то къ тому, то къ другому купцу съ просьбою указать ему лавки хозяевъ, потому что нерѣдко одинъ и тотъ же извощичій транспортъ везетъ товары не одного, а многихъ торговцевъ.

Любопытны пути, проложенные извощиками и чумаками на громадномъ пространствѣ имъ проходимомъ, и проложенные съ удивительною краткостью и прямизною. Про чумаковъ ходятъ расказы, что ихъ тракты обходятъ всѣ горы и переправы: они проложили съ незапамятныхъ временъ дороги черезъ степи, когда степи были еще дики и пустынны, провели пути и черезъ всю Малороссію. То же самое можно сказать о нашихъ извощикахъ, у которыхъ совершенно свои, съ поконъ вѣка заведенные пути, и всегда кратчайшіе противъ почтовыхъ трактовъ. Гдѣ почтовый трактъ совпадаетъ съ ихъ дорогой, тамъ они ѣдутъ имъ; мало того, гдѣ есть шоссе, тамъ они сдѣлаютъ и маленькій крюкъ, чтобы проѣхать хорошей дорогой. Русскій извощикъ вовсе не консерваторъ,—но какая же ему охота ѣхать почтовымъ трактомъ, который по большей части всегда длиннѣе и всегда, въ добавокъ, одинаково плохъ, а въ грязь не проходимъ, какъ и ихъ дороги. Здѣсь извощики выгадываютъ на краткости пути. Я помню очень хорошо дорогу, которою провезъ меня въ 1842 году посѣдѣлый въ извозахъ крестьянинъ Иванъ Емельяновичъ изъ Москвы въ Воронежъ.

Digitized by Google

Много ѣзжалъ онъ на своемъ вѣку, былъ и въ Дубосарахъ, и на Кавказѣ, и въ Ригѣ, и въ Нижнемъ, и въ Казани. Весело было говорить съ старикомъ о его странствіяхъ и любопытно было видѣть какъ онъ зналъ каждую тропинку, каждый поворотъ, гдѣ ближе и гдѣ лучше проѣхать. Ѣхали мы до Воронежа вовсе не почтовымъ трактомъ—на Тулу, Ефремовъ, Елецъ, Задонскъ и Воронежъ, а поѣхали на Каширу, на Епифань, Лебедянь, Задонскъ, выгадавши такимъ образомъ, по его словамъ, верстъ 70. Въ изслѣдованіи объ украинскихъ ярмонкахъ указано на нѣсколько такихъ путей, имѣющихъ особое свое названіе, и носящихъ на себѣ явный признакъ старины. Такъ напримѣръ изъ трактовъ, прорѣзывающихъ Украйну, замѣчательны *Сагайданъ*, *Ромаданъ*, и *Муравскій* шляхъ, о которомъ упоминается еще въ Книгѣ большаго чертежа; подъ нимъ разумѣютъ русскіе извощики непочтовый трактъ отъ города Ливенъ (Орловской губерніи) до Бѣлгорода (Курской). Извощики ѣдутъ изъ Москвы въ Харьковъ слѣдующимъ путемъ: изъ Москвы до Тулы по шоссе (169 верстъ), изъ Тулы сворачиваютъ и по почтовой дорогѣ ѣдутъ до Ефремова 131 версту, изъ Ефремова до Ливенъ 89 верстъ непочтовымъ трактомъ; изъ Ливенъ на Старый Осколъ и Бѣлгородъ 275 верстъ (Муравскій шляхъ), и изъ Бѣлгорода до Харькова почтовымъ трактомъ. Замѣчательны также тракты, которыми везутъ свой товаръ крестьяне села Павлова и Ворсмы, Нижегородской губерніи, этотъ знаменитый по дешевизнѣ ножевый и замочный товаръ, которому г. Аксаковъ посвятилъ весьма интересную статью. Товару этого привозится на 300,000 по крайней мѣрѣ рублей, и благодаря своей дешевизнѣ онъ требуется всюду и преимущественно на югъ и западъ. Половина всей выручки доставляется замочникамъ отъ Евреевъ разныхъ губерній, которые не гонятся за отдѣлкой, а какъ говорилъ г. Аксакову павловскій крестьянинъ Щипахинъ, «норовятъ только, чтобы вещь была по ихнему *габлике*», то-есть похожа на ту, какая требуется. Дешевизнь этихъ вещей поразительна. Есть напримѣръ замки по 70 к. асс. за десятокъ, есть столовые ножи въ 2 р. 50 к. асс. за дюжину. Самый же употребительный сортъ отъ 5 до 10 р. асс. за дюжину. Есть перочинные ножи въ 1 р. 50 к. за дюжину. Эти-то Павловцы ѣздятъ обыкновенно въ Роменъ своимъ трактомъ,

Digitized by Google

сначала проселочной дорогой до Ардатова, оттуда непочтовымъ трактомъ въ Шацкъ, Тамбовской губерніи, изъ Шацка непочтовою же дорогой до Лебедяни, изъ Лебедяни такимъ же непочтовымъ трактомъ въ Елецъ, отсюда почтовымъ въ Ливны, изъ Ливенъ непочтовымъ до Курска, изъ Курска въ Сумы и изъ Сумъ въ Роменъ.

Обращаемся теперь къ изслѣдованію объ итогахъ ярмоночныхъ оборотовъ. Здѣсь предстоялъ почтенному автору трудъ громадный, препятствія неслыханныя. Здѣсь приходилось ему на каждомъ шагу бороться съ невѣжествомъ чиновниковъ, съ небрежностью, съ какою составляются у насъ оффиціальные отчеты, съ недовѣрчивостью и скрытностью лицъ, отъ которыхъ надѣялся и думалъ онъ получить достовѣрныя извѣстія, наконецъ съ пестротой и хаосомъ самой торговли и вообще торговаго быта, гдѣ не установилось еще раздѣленіе занятій, гдѣ нѣтъ рѣзко проведенныхъ границъ между оптовыми и разничными торговцами, гдѣ часто производитель въ то же время является и купцомъ, гдѣ наконецъ не рѣдко и оффиціальныя мѣры запутываютъ и затемняютъ изслѣдователю дѣло.

Мы имѣли уже случай привести слова нашего автора о томъ, какія препятствія встрѣчалъ онъ въ оффиціальныхъ отчетахъ о ярмонкахъ, но вотъ еще нѣсколько примѣровъ, по которымъ можно судить какъ осторожно и деликатно слѣдуетъ обходиться съ оффиціальнымъ статистическимъ матеріаломъ, и какой строгой очисткѣ его надо подвергать. За исключеніемъ, напримѣръ, развѣ только мануфактурныхъ товаровъ, нѣтъ возможности отдѣлить русскіе товары отъ иностранныхъ, потому что сами купцы этого не знаютъ, да и въ оффиціальныхъ вѣдомостяхъ всѣ принятыя дѣленія ошибочны. Французскія вина, напримѣръ, называются иностранными, а греческія русскими, бакалейный и москательный товаръ отнесенъ большею частью къ числу русскихъ. Въ спискахъ оффиціальныхъ мы читаемъ, напримѣръ, бердянскіе купцы съ сукнами и красными товарами; ейскіе купцы съ желѣзомъ и т. д. Но на дѣлѣ выходитъ, что ни бердянскій, ни ейскій купецъ никогда ни Бердянска, ни Ейска въ глаза не видали, а проживаютъ въ Богородскѣ или Ельцѣ. Дѣло въ томъ, что оба города привилегированные, и приписавшіеся къ нимъ достигаютъ скорѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ

Digitized by Google

почетнаго гражданства. Великорусскіе купцы увлеклись этою выгодой, а Евреи создали изъ этого особаго рода спекуляцію. Необходимымъ условіемъ для званія мѣстнаго купца — это недвижимая собственность, земля или домъ. И вотъ нерѣдко являются на ярмонкахъ къ русскимъ купцамъ Евреи съ предложеніемъ приписать къ Ейску или Бердянску, получаютъ довѣренность и деньги, покупаютъ или заказываютъ какую-нибудь хатку изъ камыша, навоза и глины, и привозятъ своему довѣрителю всѣ нужные документы.» Не знай этого,—и статистикъ вообразитъ себѣ что̀ за дѣятельный торговый городъ этотъ Ейскъ и какіе тамъ богачи купцы.

Но поразительнѣе всего — это разница между итогами ярмоночныхъ оборотовъ оффиціальныхъ вѣдомостей и свѣдѣніями, полученными нашимъ изслѣдователемъ. Онъ помѣстилъ въ своемъ трудѣ копію съ оффиціальной вѣдомости объ оборотахъ Крещенской ярмонки за 1854 г. Форма вѣдомости та же, какая была и за 10 лѣтъ тому назадъ, какъ-будто и не происходило никакихъ измѣненій въ торговлѣ. Она раздѣлена на отдѣленія: 1) русскіе товары, 2) иностранные, 3) азіатскіе, 4) разные товары съ заглавіемъ: «сверхъ того» и наконецъ 5) лошади.

Россійскіе товары начинаются шерстяными, и въ эту категорію прежде всего включены сукна высшаго, средняго и низшаго сорта; сумма провоза и продажи. Это дѣленіе совершенно произвольное, тѣмъ болѣе, что не выставлено ни цѣнъ, ни количества аршинъ. Общій итогъ продажи для суконъ составляетъ сумму 369,410 рублей.

По исчисленію же г-на Аксакова суконъ было въ 1854 году въ продажѣ на 400,000 рублей.

Бумажныхъ товаровъ было въ продажѣ, по вѣдомости, на 1,990,615 рубл., по свѣдѣніямъ, собраннымъ изслѣдователемъ ярмонокъ,—на 3,150,000 рубл. Въ такой же степени находимъ мы разницу между числами и относительно другихъ товаровъ. До насъ доходили слухи, что будто купцы опровергаютъ точность свѣдѣній, помѣщенныхъ авторомъ въ его изслѣдованіи. Въ этомъ вопросѣ судьей быть трудно,—ибо на чемъ же основывать критику. Но ежели свѣдѣнія не вѣрны, то невѣрность и вина падаетъ опять-таки на голову тѣхъ, кто сообщилъ свѣдѣнія г-ну

Digitized by Google

Аксакову. Сообщали же ему свѣдѣнія люди, имена которыхъ мы привыкли уважать, какъ лучшихъ представителей нашей мануфактурной и торговой промышленности, и которымъ печатно высказалъ свою благодарность г. Аксаковъ, считая себя глубоко имъ обязаннымъ за содѣйствіе, за то, что они сами собирали свѣдѣнія, сообщали ихъ ему и убѣждали прочихъ своихъ собратій по торговлѣ не чуждаться и не бояться статистическихъ изысканій. Въ числѣ ихъ были московскіе фабриканты Полевой и Гучковъ и прикащики фабрикантовъ Прохорова, Кондрашова, Ремизова, Милютина, курскій почетный гражданинъ Гладковъ, калужскій почетный гражданинъ Фалѣевъ, и др. Трудно себѣ представить, чтобы эти лица намѣренно вовлекли въ ошибку почтеннаго изслѣдователя.

При такомъ разногласіи между цыфрами оффиціальными и цыфрами, полученными нашимъ авторомъ путемъ частныхъ изслѣдованій, не мудрено, что и цыфра общаго итога оборотовъ ярмоночныхъ получена въ изслѣдованіи совершенно иная и далеко превосходящая цыфру оффиціальную. По оффиціальнымъ вѣдомостямъ общіе итоги ярмоночныхъ оборотовъ въ 1854 году были слѣдующіе:

	Привезено:	Продано:
1) Ильинская. . . .	на 14,151,791 рубл.	на 8,247,936 рубл.
2) Крещенская. . .	— 13,652,411 —	— 9,790,563 —
3) Кролевецкая. . .	— 5,754,891 —	— 3,492,410 —
4) Коренная.	— 5,085,806 —	— 2,125,600 —
5) Успенская. . . .	— 5,338,770 —	— 2,071,640 —
6) Маслянская. . . .	— 4,526,680 —	— 1,976,315 —
7) Покровская. . . .	— 4,375,338 —	— 1,365,744 —
8) Вознесенская. . .	— 2,554,615 —	— 1,155,345 —
9) Тройцкая.	— 1,068,170 —	— 920,470 —
10) Сумская.	— 1,801,900 —	— 696,340 —
11) Елисаветградск.	— 979,800 —	— 558,800 —
	Итого на 59,290,172 рубл.	на 32,402,433 рубл.

Здѣсь по вѣдомости первое мѣсто принадлежитъ Ильинской ярмонкѣ, по изслѣдованіямъ же г-на Аксакова мѣсто это должна занимать Крещенская. Вотъ итоги нашего автора:

Digitized by Google

	Привезено:		Продано:	
1) Крещенская. . —	40,000,000	—	25,000,000	—
2) Ильинская . . . —	30,000,000	—	18,000,000	—
3) Успенская. . . —	12,000,000	—	8,000,000	—
4) Коренная. . . . —	10,000,000	—	7,000,000	—
5) Покровская. . . —	9,000,000	—	6,000,000	—
6) Кролевецкая. . —	7,500,000	—	5,000,000	—
7) Маслянская. . . —	7,000,000	—	4,000,000	—
8) Вознесенская. —	6,000,000	—	3,000,000	—
9) Сумская. . . . . —	3,000,000	—	2,000,000	—
10) Елисаветградск. —	2,000,000	—	1,500,000	—
11) Троицкая. . . . . —	1,250,000	—	1,250,000	—
Итого на	127,750,000 рубл.	на	80,750,000 рубл.	

Въ отдѣльныхъ статьяхъ объ ярмонкахъ и товарахъ г-нъ Аксаковъ изложилъ основанія своихъ исчисленій. Изъ всей же суммы проданнаго товара на долю однихъ мануфактурныхъ товаровъ русскихъ приходится 22 милл. р., — цыфра, говорящая громко въ пользу того значенія, какое имѣетъ украинскій рынокъ для нашей мануфактурной промышленности.

Въ введеніи и во второй части изслѣдованія, гдѣ помѣщены статьи о каждомъ обращающемся на ярмоночномъ рынкѣ товарѣ, находимъ мы бездну интересныхъ подробностей о нашихъ мануфактурныхъ товарахъ и объ оригинальныхъ формахъ этого торга, особенно торга краснымъ товаромъ, какъ его называютъ. Выше имѣли мы уже случай привести свидѣтельство г-на Аксакова, что на украинскихъ ярмонкахъ бываетъ до 200 гуртовыхъ лавокъ съ красными товарами, изъ которыхъ до 150 торгуютъ товаромъ изъ первыхъ рукъ. Эти торгующіе производители не всѣ фабриканты. Изъ нихъ до 50 человѣкъ такихъ, которыхъ настоящіе фабриканты называютъ съ презрѣніемъ мастерами, кустарниками, самовозами. Въ фабричныхъ округахъ Московской и Владимірской губерній, тканье миткалей и другихъ дешевыхъ бумажныхъ матерій производится въ деревняхъ и селахъ простыми крестьянскими хозяйствами. Крестьяне работаютъ на своихъ станкахъ, изъ собственныхъ своихъ матеріаловъ, сами возятъ продавать за 1,000 верстъ свои домашнія издѣлія большею частью на своихъ

Digitized by Google

же лошадяхъ. Иные привозятъ на ярмонки не болѣе 3-хъ возовъ. Иногда смышленый крестьянинъ, самъ фабрикующій, скупаетъ у своихъ односельчанъ изготовленные ими товары и вмѣстѣ съ своими везетъ ихъ на Украйну. Эти кустарники возбуждаютъ негодованіе настоящихъ фабрикантовъ, потому что, имѣя у себя товаръ низшаго достоинства, но только на манеръ хорошаго, крестьяне сбиваютъ цѣны. Такое соперничество впрочемъ имѣетъ хорошую сторону, заставляя непремѣнно фабрикантовъ искать перевѣса надъ крестьянской работой въ достоинствѣ товара и въ удешевленіи машиннаго производства. Иностранныхъ же бумажныхъ произведеній на ярмонкахъ бываетъ очень мало. Послѣ убавки пошлинъ въ тарифѣ 1850 года сдѣлана была попытка къ сбыту на Украйнѣ иностраннаго ситца и привезли на Ильинскую ярмонку до 1,000 кусковъ. Но они всѣ были вытѣснены изъ торговли дешевизною русскихъ ситцевъ, съ которою не могли соперничать, и попытки эти болѣе уже не возобновлялись. Торговля мануфактурными товарами сосредоточивалась прежде въ рукахъ купцовъ, которые были посредниками между производителями и потребителями; но фабричная дѣятельность умножилась и росла не по днямъ, а по часамъ. Являлась безпрерывно потребность въ новыхъ рынкахъ, надо было родить запросъ, создать покупателя, показать ему товаръ почти насильно, обольстить и опутать его кредитомъ и прійдти такимъ образомъ къ тому положенію и къ той формѣ, какую имѣетъ въ настоящее время мануфактурная торговля. Размноженіе фабрикъ и соперничество ихъ понизили цѣны до пельзя, если брать въ соображеніе издержки производства. Производителямъ приходилось брать массою, сбывать товаровъ какъ можно болѣе, а эта необходимость заставила ихъ высвободиться изъ-подъ зависимости и опеки купеческой, чтобы отклонить всякое лишнее посредничество. Ярмоночные оптовые купцы стѣсняли фабрикантовъ разными требованіями, видимо обличавшими стремленіе къ монополіи. Купцы брали только то количество, какое было имъ нужно, и поднимая товаръ въ цѣнѣ на ярмонкахъ, обращали барышъ въ свою пользу. Когда же фабриканты рѣшились сами воспользоваться этимъ барышомъ, тогда купцы не могли продавать дороже производителей. Мало-по-малу купцы были отстра-

Digitized by Google

нены, и фабриканты явились сами съ своими товарами на ярмонки.

Но и этого было еще мало для усиленія сбыта. Продажа товаровъ фабрикантами изъ первыхъ рукъ, совмѣстничество производителей, постоянно усиливающаяся масса привоза, породили не только кредитъ, не обуздываемый никакими банкрутствами, но и соперничество въ кредитѣ. Каждый производитель соперничалъ съ другимъ не бо́льшимъ или меньшимъ достоинствомъ товара, не дешевизною, потому что у всѣхъ цѣны одинаковы, а болѣе или менѣе отважнымъ кредитомъ. Отсюда происходитъ и введеніе совершенно особенныхъ пріемовъ въ торговлѣ, именно оцѣнки товаровъ, въ общемъ употребленіи, по кредитной цѣнѣ, и скидки процентовъ изъ общей кредитной цѣны при покупкахъ на наличныя деньги. Продажа въ кредитъ, кромѣ того что дѣлаетъ возможнымъ сбытъ товаровъ въ неимовѣрно огромныхъ массахъ, — является для продавца весьма выгоднымъ способомъ торговли, восполняя недостатокъ наличныхъ денегъ и дешевизну денежной не кредитной цѣны. Этотъ кредитъ обезпечивается только взаимными выгодами продавцовъ и покупателей, и сравнительная сумма векселей и банкрутствъ съ цѣнностью кредитуемаго капитала весьма незначительна. Цѣна товаровъ на Украинскихъ ярмонкахъ почти всегда кредитная, основанная большею частью на 6-ти мѣсячномъ кредитѣ отъ одной ярмонки до другой: отъ Крещенской до Ильинской, отъ Маслянской до Успенской, и т. д. Фабриканты признавались сами г-ну Аксакову, что если покупатель два раза сряду забираетъ товары въ одинаковомъ количествѣ и за одинъ разъ заплатитъ вполнѣ по кредитной цѣнѣ, а за другой и вовсе не заплатитъ, то они, конечно, не въ выгодѣ, но и не въ существенномъ убыткѣ. Кредитная цѣна слѣдовательно чрезвычайно высока, и на этомъ только разсчитана выгода, которую еще могутъ получать купцы, вторые производители товара, въ присутствіи первыхъ производителей. Купецъ-капиталистъ покупаетъ, напримѣръ, у фабриканта извѣстное количество товара, по извѣстной, то-есть кредитной цѣнѣ и въ долгіе сроки, мѣсяцевъ на 12 и 18. Пріобрѣтя товаръ и пустивши его въ оборотъ, онъ старается какъ можно скорѣе, черезъ мѣсяцъ или два, заплатить фабриканту наличныя деньги, вычитая въ свою

Digitized by Google

пользу проценты за всѣ остальные мѣсяцы, а самъ продаетъ товаръ по кредитной цѣнѣ, и даже иногда нѣсколько дешевле самой общепринятой кредитной цѣны. Дерзость кредита и размѣры риска превосходятъ всякое вѣроятіе. Если является новый покупатель и беретъ на 3,000 р. с. товаровъ за наличныя деньги, то можетъ смѣло забрать товаровъ сейчасъ же на 30 тысячъ р. с. въ кредитъ; въ слѣдующій разъ онъ опять заплатитъ 3, 4 тысячи и опять пользуется такимъ же неограниченнымъ кредитомъ.

За фабрикантами двинулось на готовые рынки Малороссіи и Новороссіи цѣлое войско не менѣе дѣятельныхъ агентовъ, разнощиковъ,коробочниковъ, ходебщиковъ Ковровскаго и Вязниковскаго уѣздовъ Владимірской губерніи и старообрядческихъ слободъ Черниговской.

Безъ ихъ содѣйствія нельзя было бы ожидать такого живаго сбыта товару посредствомъ однихъ мѣстныхъ розничныхъ городовыхъ купцовъ. Этотъ классъ торговцевъ, собираясь къ урочному времени ярмонки, мигомъ растаскиваетъ товары, конечно также въ кредитъ, и разбѣгается съ ними во всѣ стороны, разнося и развозя ихъ по деревнямъ, хуторамъ и селамъ, по лѣнивымъ панамъ, по казакамъ-домосѣдамъ, по крестьянамъ-щеголямъ, по крестьянкамъ-щеголихамъ, жинкамъ и дивчатамъ, отъ границъ Австріи и до Кавказа, отъ Дона и до Дуная, разсовываетъ товаръ всюду по мелочи, соблазняетъ покупателей удобствомъ кредита и знакомитъ производителей съ новыми требованіями и съ желаніями потребителей. Прежде, бывало, ворочали всей розничной торговлей Орловскіе ходебщики. Лѣтъ 30 тому назадъ былъ нѣкто торговый крестьянинъ Кособоковъ, глава всѣхъ Орловскихъ ходебщиковъ, пользовавшійся неограниченнымъ кредитомъ и почетомъ у купечества. «Нѣтъ торговли на ярмонкѣ, говорятъ купцы, стоитъ ярмонка день, стоитъ другой, ѣдетъ Кособоковъ — всѣ ожили; пріѣдетъ — полъ-ярмонки заберетъ! Такъ отзывались о немъ старожилы. Но этотъ Кособоковъ, забравъ разъ товару свыше силъ, не успѣлъ сбыть его съ выгодой, и видя, что дѣло плохо, призвалъ своихъ прикащиковъ и работниковъ, роздалъ имъ остальной товаръ, а самъ воротился домой въ деревню. Отсутствіе Кособокова на ярмонкахъ удивило купцовъ, по-

Digitized by Google

томъ встревожило; наконецъ, ярмонки четыре спустя, поѣхали къ нему въ деревню и нашли его въ полѣ, въ крестьянской грубой одеждѣ за сохой: будто ввѣкъ и купцомъ не бывалъ. Объяснились купцы, получили по 30 коп. за рубль, но многіе обанкрутились.

«Такое событіе подорвало однакожь кредитъ Орловскихъофеней и ходебщиковъ, и на мѣсто ихъ явились Ковровцы, которые впрочемъ теперь вытѣсняются Слобожанами и мѣстными купцами, сами же ударились, по словамъ торговцевъ,въ Сибирь. Ходебщики всегда состоятъ при хозяевахъ. У иного хозяина, капиталиста-крестьянина, бываетъ до 8 *счетовъ* или прикащиковъ, съ которыми онъ заключаетъ условіе такого рода: онъ даетъ прикащику тысячъ на 5 сер. товара, да право кредита или забора товару въ кредитъ на хозяйское имя также тысячъ на 5-ть; сверхъ того прикащикъ имѣетъ своего капитала тысячи 3, которые присоединяетъ къ общей суммѣ: барыши пополамъ, расходы общіе, вычитываемые изъ пріобрѣтенныхъ барышей, но долги всѣ на долю прикащика. Если товаръ не распроданъ, то хозяинъ обязанъ взять его у прикащика обратно, но вычитываетъ въ такомъ случаѣ у прикащика 10% стоимости товара. Есть такіе хозяева, у которыхъ нѣтъ счета съ прикащикомъ менѣе 15,000 р.»

Вотъ они, эти дѣятельные агенты нашихъ мануфактуристовъ, разносящіе ихъ товары во всѣ уголки южнаго и юго-западнаго края и пользующіеся самымъ обширнымъ и неограниченнымъ кредитомъ. Какимъ же образомъ держится весь этотъ порядокъ вещей при такомъ отчаянномъ, такъ-сказать поступательномъ, кредитѣ, не обезпеченномъ почти никакими обязательствами? Чѣмъ можетъ обезпечить Еврей заборъ товаровъ, превышающій на 100 разъ его денежныя средства? Какимъ-нибудь домишкомъ, слѣпленнымъ изъ глины и хворосту въ какомъ-нибудь отдаленномъ еврейскомъ захолустьѣ! Взысканіемъ по закону? Но гдѣ же отыскивать Еврея по всему Западному и Новороссійскому краю, да и время ли купцу этимъ заниматься? Обанкрутится Еврей, назовется вмѣсто Мошки Лейбой, и продолжаетъ торговлю въ другомъ мѣстѣ. Чѣмъ, напримѣръ, обезпеченъ кредитъ фабриканта помѣщичьему крестьянину Ковровскаго уѣзда? ничѣмъ. Самъ купецъ ви-

Digitized by Google

новатъ въ томъ, что ему вѣритъ! А попробуй онъ не вѣрить, такъ товаръ и останется на рукахъ.

Купецъ увѣренъ, что добрая слава и взаимная выгода — это лучшее обезпеченіе въ дѣлѣ торговаго кредита, и что злоумышленный неплательщикъ лишится кредита, а безъ кредита не двигается никакая торговля. Еслибы можно было сличить цѣнность кредитуемыхъ товаровъ съ цѣнностью потерь, понесенныхъ отъ банкрутства, то послѣднія составили бы весьма незначительную часть всего кредитуемаго капитала.

Бываетъ, конечно, кромѣ банкрутства оффиціальнаго еще больше банкрутствъ негласныхъ. Приходитъ срокъ расплаты, покупатель видитъ, что забралъ товаровъ не подъ силу. Дѣлать нечего, является онъ къ главнѣйшему и почетнѣйшему изъ своихъ кредиторовъ и объясняетъ свои несчастныя обстоятельства. Купцы отказываются по большей части отъ судебнаго преслѣдованія, разбираютъ и взвѣшиваютъ торговыя обстоятельства должника, возьмутъ копѣекъ по 30 или по полтинѣ на рубль, побранятъ, помылятъ голову и опять кредитуютъ, въ надеждѣ, что авось поправится. Купцы хорошо знаютъ, что судебное преслѣдованіе не принесетъ никакой существенной пользы и что торговое счастье бываетъ перемѣнчиво, но зорко наблюдаютъ за должникомъ, и если повезло ему счастье и дѣла его точно поправились, то настоятельно потребуютъ отъ него уплаты. Росписки должниковъ или покупателей въ забранныхъ товарахъ дѣлаются или на простой бумагѣ, или въ видѣ векселей. Но бываетъ часто, что и срокъ векселя прошелъ, а онъ продолжаетъ ходить какъ денежная бумага съ передаточными надписями, потерявъ уже всякую законную силу.»

Но не въ одной Украйнѣ такъ дѣлается; такое заведеніе и такія формы кредита и торговыхъ сдѣлокъ повсемѣстны у насъ на Руси. Точно такое же довѣріе и обхожденіе всякихъ законныхъ формальностей и на другихъ ярмонкахъ, и въ другихъ отрасляхъ торговли, начиная отъ Сибири и до Москвы, отъ Балтики и до Каспія. Черезъ Рыбинскъ, напримѣръ, переходитъ въ годъ хлѣбными товарами и монетой до 30 милл. р., и кредитъ между рыбинскими торговцами и формы его тѣ же, какія и на Украинскихъ ярмонкахъ. Купцы взаимно довѣряютъ другъ другу значительныя суммы по запискамъ на простомъ листѣ

Digitized by Google

бумаги безъ соблюденія всякихъ формъ. Самые векселя ихъ имѣютъ тотъ же отпечатокъ довѣренности. Они рѣдко свидѣтельствуются у нотаріусовъ, и вообще выдаются и принимаются не въ томъ аккуратномъ видѣ, какой обыкновенно принятъ. Временная рыбинская контора коммерческаго банка, куда представляется ежегодно на 100,000 р. и болѣе такихъ векселей, не можетъ ихъ принимать. И такія явленія повторяются на каждомъ шагу у насъ въ Россіи, начиная отъ ничтожнаго крестьянскаго копѣечнаго или рублеваго кредита до кредита въ нѣсколько десятковъ и въ сотни тысячъ рублей между оптовыми богатыми торговцами. Намъ кажется, что почтенный изслѣдователь, говоря о кредитѣ на Украинскихъ ярмонкахъ, слишкомъ много приписываетъ вліянія тѣмъ условіямъ и формамъ, какія приняла наша мануфактурная промышленность. Одна потребность расширенія рынковъ не могла еще создать такихъ дерзкихъ и отважныхъ формъ кредита, а имѣя передъ глазами подобныя же явленія вездѣ, куда только ни ступало и гдѣ ни водворялось дѣятельное и предпріимчивое великорусское племя, мы смѣло можемъ искать причины и условія такого явленія нѣсколько поглубже. Нашъ народъ прежде всего боится всякихъ оффиціальныхъ формальностей, глубоко убѣжденный, что онѣ ему всегда дороже обойдутся и все-таки рѣдко когда помогутъ въ бѣдѣ. Тѣ же самыя причины, которыя отталкиваютъ нашихъ торговцевъ отъ конторы транспортовъ, тѣ же причины заставляютъ его избѣгать и форменныхъ актовъ. Къ чему они ему послужатъ?

Между купцами московскими и петербургскими или другихъ нашихъ промышленныхъ центровъ торговля ведется конечно правильнѣй, здѣсь и взысканія скорѣй и рѣшительнѣй, хотя все-таки не по заемнымъ письмамъ: но гдѣ же преслѣдовать должника, живущаго тысячи за три верстъ? Это можетъ обойдтись не рѣдко дороже взыскиваемой суммы. Въ такомъ случаѣ, формальный ли и по законной формѣ составленный вексель у кредитора, или росписка, или даже бирка — все равно. Въ торговлѣ важенъ личный кредитъ, и гдѣ онъ развитъ — это явный признакъ, что въ народѣ силенъ промышленный смыслъ. Конечно, можно дать этому личному кредиту болѣе правильныя, болѣе развитыя формы, можно завести и книги, можно ясно и

Digitized by Google

открыто вести дѣла свои, какъ это ведется вездѣ въ развитомъ коммерческомъ и торговомъ бытѣ — все это такъ, но не забудемъ, что эти обороты на сотни милліоновъ производятся у насъ людьми мало образованными и почти, или даже совсѣмъ не знающими грамоты. Припомнимъ далѣе, что въ цѣломъ этомъ народонаселеніи врождено недовѣріе ко всему, что̀ носитъ на себѣ хоть сколько-нибудь признакъ оффиціальности или присутственнаго мѣста, припомнимъ что каждая попытка и каждое желаніе народонаселенія дѣятельно самому взяться за свои дѣла, самому ихъ устроить, или встрѣчало постоянно недовѣріе, или же вызывало черезъ-чуръ бдительную опеку, парализировавшую съ самаго начала благое предпріятіе, — опеку и надзоръ, которыхъ всегда споконъ-вѣка боялась и избѣгала всякая промышленность. Но торговать нужно, энергіи и смысла въ народѣ много, и подобно тому какъ смѣлые бородатые извощики съ незапамятныхъ временъ проложили себѣ пути по всѣмъ направленіямъ широкаго раздолья, дѣятельное наше народонаселеніе, съ врожденнымъ ему коммерческимъ и промышленнымъ смысломъ, нашло средства и возможность приводить въ движеніе дремлющія производительныя силы, нашло себѣ само и развило помимо всякой администраціи, избѣгая, гдѣ только возможно, и ея и дорогой гербовой бумаги, за которую еще нерѣдко вдвое заплатишь, — развило, говоримъ мы, одну изъ величайшихъ двигательныхъ силъ торговли — кредитъ, и притомъ одну изъ самыхъ высшихъ его формъ—кредитъ личный, благодаря которому, среди всѣхъ неудобствъ и помѣхъ, противопоставляемыхъ и природой, и администраціей, разнородныя богатства нашей родины переходятъ изъ одного конца въ другой, развозимыя и разносимыя представителями личнаго кредита — офенями и ходебщиками, отъ Нижняго до Иркутска и до тундръ сибирскихъ, отъ Украйны на Донъ и до Кавказа. Чего намъ ждать, что̀ готовитъ намъ будущее? — это не намъ рѣшать, но когда есть такіе задатки, когда при всѣхъ помѣхахъ кредитъ силенъ — неужели не ожидаетъ нашу торговлю и нашу промышленность великая будущность впереди, когда въ народонаселеніе умное и практическое, освобожденное отъ унизительной крѣпостной зависимости, разольется свѣтъ образованія, когда оно по новымъ быстромчащимъ путямъ будетъ переноситься съ одного

Digitized by Google

конца Россіи на другой, когда никакой не будетъ ему помѣхи отъ людей, поставленныхъ съ цѣлью облегчать ему его дѣятельность, когда наконецъ ему скажутъ, промышляй самъ о себѣ въ твоихъ дѣлахъ, а мы тебѣ не мѣшаемъ, — когда не будетъ уже нужды ни въ офенскомъ языкѣ, ни въ офеняхъ, а когда правильно и стройно будетъ течь торговля, распредѣляя богатства Россіи между многочисленнымъ ея народонаселеніемъ, умѣвшимъ и въ тяжкіе годы, и среди разныхъ неудобствъ, пробиться сквозь всѣ помѣхи и создать себѣ широкій и размашистый кредитъ.

Мы оставляемъ изслѣдованіе объ Украинскихъ ярмонкахъ съ глубокою благодарностью почтенному автору за наслажденіе, доставленное намъ его трудомъ, и за тѣ поучительныя и глубоко занимательныя страницы, въ которыхъ онъ умѣлъ такъ живо и вѣрно передать характеристику украинскаго торга, и за сообщеніе которыхъ читатели «Атенея» не будутъ, надѣемся, на насъ сѣтовать.

И. Бабстъ.

Digitized by Google

СУХОЙ ТУМАНЪ

(Höhenrauch).

—

Каждое почти лѣто, въ средней и южной полосѣ Европы, видимъ бываетъ туманъ особеннаго рода, покрывающій нерѣдко огромныя пространства и поднимающійся на большую высоту. Это не обыкновенный туманъ, покрывающій наши поля передъ восходомъ и послѣ заката солнца и разсѣевающійся по мѣрѣ нагрѣванія воздуха; это не влажный туманъ, освѣжающій растительность, нѣтъ — это какъ бы дымъ, происходящій отъ медленнаго горѣнія, туманъ сухой, не освѣжающій ни растеніе, ни животное. Взгляните сквозь такой туманъ на солнце, и оно представится вамъ въ видѣ шара желто-краснаго цвѣта; вы можете тогда смотрѣть на него простымъ глазомъ прямо, безбоязненно; при закатѣ же, солнце бываетъ темно-краснаго цвѣта, и хотя бы оно было еще довольно высоко, однако вы не увидите нижней части его диска, — до того густъ бываетъ сухой туманъ, разсматриваемый близь горизонта! Смотрите лѣтомъ, во время сухаго тумана, на землю — и та даже получила особенный цвѣтъ желто-зеленоватый, какой бываетъ во время частнаго солнечнаго затмѣнія. Независимо отъ особенностей, представляемыхъ атмосферою, и человѣкъ въ ту пору не чувствуетъ себя совсѣмъ хорошо: на груди какая-то тяжесть, его что-то давитъ, онъ чувствуетъ какъ бы легкій угаръ, — ему душно. Если вздумаете посмотрѣть на метеорологическіе снаряды, то ничего особеннаго не замѣтите: барометръ и термометръ ничего необыкновеннаго не представляютъ; гигрометръ въ большей части случаевъ указываетъ на сухость атмосферы — опять доказательство, что наблюдаемый вами туманъ не обыкновенный, а сухой, не состоящій изъ водяныхъ пузырьковъ.

На вопросъ: откуда берется этотъ туманъ? откуда вдругъ является онъ? куда онъ послѣ исчезаетъ? обыкновенно отвѣтятъ вамъ: «такъ обыкновенно бываетъ послѣ жаровъ»; другіе скажутъ: «лѣса горятъ, торфяныя болота горятъ»; другіе, наконецъ, на подобный во-

Digitized by Google

просъ, пожимая плечами, отзовутся: «а Богъ знаетъ — не рѣдкость-вѣдь, знать отъ засухи». Въ недоумѣніи вы обращаетесь къ курсамъ физической географіи: опять бѣда! Тамъ сухой туманъ отнесенъ къ разряду такъ-называемыхъ *проблематическихъ явленій* (problematische Meteore), то-есть явленій, коихъ истинная причина еще не разгадана, о которой ничего нельзя сказать положительнаго. Тамъ прочтете вы, что сухой туманъ (Höhenrauch) явленіе необъяснимое; нѣкоторые физики объясняютъ его гореніемъ торфяниковъ, другіе — вулканическими изверженіями. Въ нѣкоторыхъ книгахъ вы найдете даже слѣдующее опредѣленіе: «Сухой туманъ есть явленіе электрическое, есть не совершенно востановившееся равновѣсіе двухъ разнородныхъ электричествъ, неудавшаяся гроза». Коротко и ясно — не правда ли?

Обратите вниманіе на названія, данныя этому странному явленію въ сѣверной Германіи и Голландіи, гдѣ сухой туманъ принадлежитъ къ вещамъ весьма обыкновеннымъ и бываетъ особенно густъ, то замѣтите, что въ этихъ странахъ туманъ получилъ имена, ясно напоминающія образъ его происхожденія. Сухой туманъ называется народомъ: Höhenrauch, Landrauch, Moorrauch, Heiderauch (Moor, Torfmoor, Heide — болото, тундра, мѣсто, обильное торфомъ и поросшее сверху травой); на голландскомъ языкѣ—Veenrook, Veendamp (Veene называется колонія, поселенная на торфяныхъ болотахъ, для осушки и обработыванія ихъ). Итакъ въ мѣстахъ, гдѣ сухой туманъ случается чаще всего, въ мѣстахъ, гдѣ, какъ увидимъ послѣ, онъ зарождается, мѣткое народное названіе указываетъ на происхожденіе его, на то, что туманъ этотъ есть продуктъ горѣнія, не туманъ, а *дымъ*, дымъ, имѣющій всѣмъ извѣстный, пригорѣлый запахъ — *ein Rauch, der riecht.*

Прежде, однакоже, чѣмъ разсмотримъ происхожденіе сухаго тумана, скажемъ объ особенностяхъ, представляемыхъ имъ, и изъ огромнаго числа подвергнутыхъ наблюденію тумановъ выберемъ замѣчательнѣйшіе, которые могутъ, такъ-сказать, служить типомъ для подобнаго рода явленій. Послѣ чего, основываясь на самомъ явленіи и произведенныхъ надъ нимъ наблюденіяхъ, станемъ доискиваться истинной его причины.

Мы имѣемъ много свидѣтельствъ, что сухой туманъ наблюдаемъ былъ не только въ новѣйшее время, но и въ средніе вѣка, и что всегда присутствіе его сопровождалось одними и тѣми же явленіями, какъ и въ настоящее время. Ѳеофанъ и другіе писатели упоминаютъ о туманѣ краснаго цвѣта, затѣмнившемъ собою солнце; туманъ этотъ

Digitized by Google

случился въ 526 году, въ седьмой годъ царствованія императора Юстиніана [1]). Шейхцеръ [2]) нѣсколько разъ упоминаетъ о подобныхъ туманахъ, замѣченныхъ въ Швейцаріи и средней Германіи. Туманы эти придавали особый цвѣтъ воздуху, и солнце при закатѣ являлось въ видѣ диска кровавато цвѣта [3]). Въ 1721 году 1-го іюня густой туманъ наблюдаемъ былъ въ Парижѣ; тотъ же туманъ распространился по Оверни и въ Миланѣ; туманъ 1764 года преимущественно наблюдаемъ былъ во Франціи. Но ни одинъ сухой туманъ не пріобрѣлъ болѣе извѣстности и не породилъ въ народѣ болѣе толковъ, какъ знаменитый туманъ 1783 года. Покрывъ собою надолго огромное пространство, онъ наблюдаемъ былъ многими, и потому мы имѣемъ о немъ весьма подробныя свѣдѣнія.

Сухой туманъ 1783 года былъ такъ густъ, что нельзя было различать предметовъ на малыхъ даже разстояніяхъ; иногда же, хотя предметы были видимы, но покрыты какъ бы завѣсой голубоватаго цвѣта. Солнце въ полдень даже казалось краснаго цвѣта и безъ блеска, при восходѣ же и закатѣ исчезало совсѣмъ. Туманъ этотъ покрылъ собою всю Европу, часть Африки, Сирію и Сибирь, также Адріатическое море и Атлантическій океанъ, на разстояніи 50 геогр. миль отъ берега. Появленіе тумана въ разныхъ мѣстахъ сопровождалось различными метеорологическими явленіями: прежде всего появился онъ въ Копенгагенѣ 24 мая, послѣ многихъ ясныхъ и теплыхъ дней; въ другихъ же мѣстахъ наступалъ послѣ сильной грозы, послѣ холодныхъ вѣтровъ, въ Англіи — при продолжительной дождливой погодѣ. Въ Ла-Рошелли показался онъ 6—7 іюня, но скоро исчезъ и появился опять 18 іюня. Около того же дня увидѣли его въ большей части Германіи, Франціи и Италіи, также въ Нидерландахъ; 22 іюня въ Норвегіи, 23 на Сенъ-Готардѣ и въ Офенѣ, 24 въ Стокгольмѣ, 25 въ Москвѣ, въ концѣ іюня въ Сиріи, а 1 іюля на Алтаѣ. Исчезаніе тумана сопровождалось также весьма разнообразными явленіями: ранѣе всего (17 іюля) исчезъ онъ въ Англіи, послѣ грозы, между тѣмъ какъ предшествовавшія грозы не могли его разсѣять; въ Парижѣ исчезъ онъ 21 іюля послѣ сильной грозы; въ Нарбоннѣ 26 іюля, послѣ сѣвернаго вѣтра, продолжавшагося два дня сряду; въ Гаврѣ 31 іюля, при восходѣ солнца. Высота, до которой достигалъ туманъ, была весьма различна: его наблюдали на вершинѣ Сенъ-Готарда, также на дофинейскихъ Альпахъ, имѣющихъ 10,000

---

[1]) Munke, Trokner Nebel, Gehlers physik. Wörterb; T. VII, pg 38.

[2]) Scheuchzer, Naturgeschichte des Schweizerlandes.

[3]) Kämtz, Lehrbuch der Meteorologie; T. III, pg 200.

Digitized by Google

футовъ вышины; напротивъ, въ Нарбоннѣ онъ не доходилъ даже до высоты 400 туазовъ; въ Падуѣ и Римѣ онъ не достигалъ земли, а держался на нѣкоторой высотѣ надъ горизонтомъ. Туманъ этотъ не исчезалъ ни отъ теплоты, ни отъ самыхъ сильныхъ, проливныхъ дождей; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напротивъ того, замѣтили исчезновеніе его послѣ сильной грозы. Весьма замѣчательно преобладаніе, во все время сухаго тумана, сѣвернаго вѣтра; однакоже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ царствовало совершенное безвѣтріе. Вообще замѣтили, что во всѣхъ почти мѣстахъ густота тумана увеличилась начиная съ 16—18 іюня до конца этого мѣсяца; въ первыхъ же числахъ іюля онъ сталъ менѣе густъ, такъ что могли думать, что онъ вовсе исчезъ, однакоже онъ опять возвращался; долѣе всего оставался онъ въ Копенгагенѣ; тамъ въ продолженіе всего августа можно было наблюдать солнце только начиная съ 30° высоты въ видѣ красно-каленаго диска; туманъ въ Копенгагенѣ исчезъ 26 сентября [1]).

Весьма любопытны наблюденія, произведенныя во время сухаго тумана въ 1783 году надъ метеорологическими снарядами. Всѣ наблюдатели свидѣтельствуютъ единогласно, что воздухъ въ то время отличался необыкновенною сухостью; то же самое замѣтилъ и Августъ, производившій наблюденія надъ психрометромъ въ Берлинѣ, въ 1834 году, во время господствованія тамъ подобнаго же сухаго тумана. По наблюденіямъ Геммера (Hemmer), воздушное электричество также не было особенно сильно во время тумана 1783 года, что̀ Кемцъ впрочемъ приписываетъ великой сухости воздуха. Зато грозы въ то время были весьма сильны: такъ Сенебіе (Senebier) разсказываетъ о страшной грозѣ, свирѣпствовавшей 12 іюля въ Женевѣ (тогда тамъ сухой туманъ былъ особенно густъ); то же самое говоритъ и Тоальдо: во время грозы насчиталъ онъ болѣе ста ударовъ грома; молнія продолжалась *одиннадцать минутъ безпрерывно* и ударила въ нѣсколькихъ домахъ разомъ. Все это однакоже, какъ справедливо замѣчаетъ Кемцъ [2]), не даетъ намъ право предполагать, будто бы грозы эти были непосредственныя слѣдствія сухаго тумана. Какъ особенно-замѣчательное происшествіе разсказываютъ, что въ Бромлеѣ (Кентъ) во время сильной грозы, бывшей тамъ 20 іюля, сухой туманъ загорѣлся, свѣтилъ бѣлымъ свѣтомъ, но безъ всякаго шума и столь сильно, что ночью при немъ можно было читать. Явленіе это Мунке приписыва-

---

[1]) Munke, a. a. O. pg 39; Kämtz, Meteor. III, pg 201—206; Ellner, der Höhenrauch und dessen Geburtstätte, 1857; pg 29, 30.

[2]) Lehrb. der Meteor. III, pg 204.

Digitized by Google

етъ сопротивленію, встрѣчаемому электричествомъ при прохожденіи сквозь туманъ [1]).

Туманъ, вообще говоря, не отличался особеннымъ запахомъ; въ одной только Голландіи замѣчали запахъ пригорѣлый. По словамъ Бругмана и Ванъ-Свиндена, тамъ 24 іюня ощущаемъ былъ сѣрный запахъ, и по свидѣтельству послѣдняго ученаго, въ Гренингенѣ, Дрентѣ и Оверисселѣ металлы, выставленные на воздухъ, пострадали отъ сѣры. То же самое оказывается и изъ наблюденій Дювакьѣ (Du Vasquier) въ Нёфшателѣ; тамъ ткани, окрашенныя разными цвѣтами и выставленныя на солнце, претерпѣли болѣе или менѣе сильныя измѣненія: красный цвѣтъ превратился въ оранжевый, а послѣ промытія водою—въ фіолетовый; черный цвѣтъ исчезъ вовсе, фіолетовый цвѣтъ поблекъ; а такъ какъ по опытамъ на фабрикахъ извѣстно, что весьма разжиженная сѣрная кислота производитъ то же самое дѣйствіе, то обстоятельство это указываетъ на присутствіе въ воздухѣ паровъ сѣрнистой кислоты. Въ Неаполѣ растенія отъ сухаго тумана покрылись желѣзнымъ порошкомъ [2]). На растительность сухой туманъ 1783 года оказалъ большею частью вредное вліяніе, хотя вообще годъ этотъ, по словамъ Тоальдо, отличался своей плодовитостью; особенно хорошо уродился виноградъ. Въ Гренингенѣ 25 іюня пожелтѣли листья, травы засохли, поля представляли печальный видъ; въ Москвѣ замѣчено было то же самое. Впрочемъ явленіе это можетъ быть легко объяснено тогдашней всеобщей засухой, и нѣтъ нужды прибѣгать къ другимъ причинамъ.

Таковъ былъ замѣчательный туманъ 1783 года. Но легко было бы привести въ примѣръ множество подобныхъ тумановъ, которые, ограничиваясь меньшимъ пространствомъ, имѣли однако тѣ же почти признаки, какъ и описанный. Въ 1819 году появился сухой туманъ въ сѣверной Америкѣ, сильнѣе всего 23 ноября въ Монреалѣ, въ Канадѣ. Туманъ этотъ былъ необыкновенно густъ и чернаго цвѣта; утромъ, 23 ноября, случился проливной дождь, окрашенный чернымъ цвѣтомъ, послѣ чего туманъ исчезъ, но появился опять 25 числа и причинилъ такую темноту, что въ самый полдень принуждены были зажечь свѣчи; въ третьемъ часу по-полудни опять выпалъ дождь чернаго цвѣта, послѣ чего туманъ окончательно исчезъ. Просимъ читателей обратить особенное вниманіе на описанный здѣсь сухой туманъ 1819 года и прекратившій его черный дождь: это обстоятельство впослѣдствіи послужитъ намъ къ объясненію самаго яв-

---

[1]) Gehler, VII, pg. 41.
[2]) Ibid.

Digitized by Google

ленія. Въ 1821 году 18 августа наблюдаемъ былъ сухой туманъ въ Англіи, распространившійся по направленію отъ сѣвера къ югу; утромъ его наблюдали въ Эссексѣ и Лондонѣ, и въ этихъ мѣстахъ можно было смотрѣть на солнце въ самый полдень; вечеромъ того же дня туманъ достигъ Парижа, а 19 числа Вивіера (Viviers): всѣ наблюденія показываютъ сходство этого тумана съ туманомъ 1783 года. Много разъ сухой туманъ появлялся въ 1754—1766 годахъ, и причину его искали въ горѣніи лѣсовъ; въ 1782 и 1820 годахъ былъ продолжительный сухой туманъ въ Голландіи, въ 1822 году—въ Парижѣ. Особенно сильный туманъ былъ въ Голландіи въ іюнѣ мѣсяцѣ 1826 года; онъ отличался своею густотой и зловоніемъ; продолжался до самаго декабря, но въ этотъ промежутокъ времени то исчезалъ, то появлялся снова. Подобный же туманъ наблюдаемъ былъ Горнбаумомъ въ Гильдбурггаузенѣ; онъ закрывалъ собою самые даже близкіе предметы и отличался запахомъ, похожимъ на запахъ горящаго каменнаго угля; принесенъ онъ былъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ, помрачилъ солнце и былъ дотого густъ, что мѣстная полиція, полагая, что гдѣ-либо произошелъ пожаръ, послала развѣдать повсюду *.

Этими примѣрами мы ограничимся, тѣмъ болѣе, что безъ сомнѣнія многимъ изъ нашихъ читателей приходилось самимъ наблюдать сухой туманъ, случившійся въ Москвѣ и окрестностяхъ ея въ 1856 году, также неоднократно и въ нынѣшнемъ. Вообще можно сказать, что рѣдко проходитъ лѣто, чтобы не замѣтили сухаго тумана въ большей или меньшей степени, въ продолженіи бóльшаго или меньшаго періода времени. Свойства его почти всегда одни и тѣ же; появляется онъ большею частью послѣ засухи и жаровъ и отличается не рѣдко угарнымъ запахомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, намъ самимъ показалось въ 1856 году, когда случилось намъ наблюдать сухой туманъ въ окрестностяхъ Москвы и въ самой столицѣ; мы чувствовали тогда особенное стѣсненіе въ груди и головную боль, и все это исчезло вмѣстѣ съ прекращеніемъ тумана. Случалось намъ также слышать и отъ другихъ подобныя жалобы; многимъ казалось, что вмѣстѣ съ прекращеніемъ тумана, точно тяжесть свалилась съ груди.

Обращаемся теперь къ вопросу относительно самой сущности загадочнаго явленія. Всѣ мнѣнія относительно его можно главнымъ образомъ раздѣлить на три категоріи. Одни физики приписываютъ туману происхожденіе космическое: Хладни, напримѣръ, считаетъ черный туманъ 1819 года тождественнымъ съ твердыми частица-

* Kämtz, l. cit. pg. 207; Gehler, VII, pg 42, 43; Ellner, l. cit. pg. 37.

Digitized by Google

ми, плавающими въ атмосферѣ и пораждающими будто бы аэролиты, такъ что по этому объясненію сухой туманъ есть не что иное, какъ не дообразовавшійся, не сосредоточившійся аэролитъ. Между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что туманъ 1819 года причиненъ былъ горѣніемъ лѣсовъ и черный цвѣтъ его зависѣлъ конечно отъ мелкихъ частицъ углерода, поднятыхъ съ земли теплымъ потокомъ воздуха и носившихся въ атмосферѣ [1]); другіе, наконецъ, находятъ тождество между сухимъ туманомъ и кометными хвостами. Всѣ эти мнѣнія однакоже не имѣютъ никакого основанія: составъ аэролитовъ весьма различенъ; составъ же кометныхъ хвостовъ намъ совершенно неизвѣстенъ. По мнѣнію знаменитаго Біо, сухой туманъ находится въ связи съ сѣвернымъ сіяніемъ. Послѣднее, говоритъ онъ, состоитъ изъ весьма мелкихъ металлическихъ частицъ, плавающихъ въ воздухѣ, повинующихся дѣйствію земнаго магнитизма и принимающихъ поэтому форму столбовъ; происхожденіе же самыхъ металлическихъ частицъ Біо приписываетъ вулканическимъ изверженіямъ. Впослѣдствіи увидимъ до какой степени достовѣрно мнѣніе, приписывающее зарожденіе сухихъ тумановъ вулканамъ.

Второе объясненіе происхожденія сухаго тумана основано на дѣйствіи электричества. Теорія эта имѣла много приверженцевъ. Уже Лаландъ относительно тумана 1783 года замѣтилъ, что онъ причиненъ былъ электричествомъ, освободившимся съ земли въ огромномъ количествѣ во время лѣтнихъ жаровъ, наступившихъ послѣ сырой зимы. Другіе физики искали причины явленія въ минеральныхъ частицахъ, также и въ водяныхъ парахъ, поднятыхъ съ поверхности земли вмѣстѣ съ электрическою матеріей (?). Бертолонъ [2]) полагалъ, что сухой туманъ происходитъ отъ большаго количества электрической матеріи, накопленной внутри земли; матерія эта, при внезапномъ поднятіи своемъ изъ земли, увлекаетъ съ собою и пары; поэтому землетрясеніе, бывшее въ Калабріи въ 1783 году, по его мнѣнію, не должно быть разсматриваемо какъ причина тумана, но какъ явленіе, происходящее отъ одной и той же причины, какъ и послѣднее, то-есть, отъ внезапнаго освобожденія электрической матеріи. И въ новѣйшее время объясненіе это нашло себѣ много приверженцевъ, между прочимъ въ лицѣ Кастнера [3]), отличающаго четыре рода сухихъ тумановъ: Heiderauch, Sonnenrauch, Gewitterrauch und kosmischer

[1]) Gehler, VII, pg. 44.

[2]) Dictionnaire de Physique par Monge, Cassini, Bertholon, etc. Paris, 1793. T. I, pg. 235.

[3]) Kastner, Handbuch der Meteorologie, Bd. I; Achiv für die gesammte Naturlehre, T. II.

Digitized by Google

Rauch, то-есть: торфяной, солнечный, грозовой, и космическій, также и въ фонъ-Гофѣ (Hoff), который по наблюденіямъ, произведеннымъ въ 1828 году вывелъ, что 15 сухихъ тумановъ, случившихся въ этомъ году, всегда начинались и оканчивались грозою.

Этому объясненію сухаго тумана можно противопоставить много возраженій; ограничимся только важнѣйшими. При объясненіи сухаго тумана поднятіемъ изъ земли водяныхъ паровъ посредствомъ электрической матеріи не обращаютъ вовсе вниманія на самую сущность тумана; прямые опыты убѣждаютъ насъ, что онъ всегда сухой, слѣдовательно не можетъ быть приписываемъ водянымъ парамъ, увлекаемымъ будто бы при освобожденіи электрической матеріи. Само накопленіе электричества подъ землею совершенно непонятно и прямо противорѣчитъ всѣмъ нашимъ познаніямъ объ электричествѣ, которое, напротивъ, приходитъ въ равновѣсіе при распространеніи своемъ внутри земли. Наконецъ, на основаніи этой гипотезы, слѣдовало бы, что во время сухаго тумана воздушное электричество должно быть особенно сильно, между тѣмъ, какъ мы уже сказали выше, наблюденія, произведенныя Геммеромъ надъ воздушнымъ электричествомъ въ 1783 году, не показывали ничего особеннаго, и хотя мѣстами грозы были довольно сильны, но во многихъ другихъ мѣстахъ ихъ вовсе не было. Говорятъ, что сухой туманъ приносится вѣтромъ; на краю горизонта виднѣется какъ бы туча, которая послѣ разрѣшается сухимъ туманомъ, имѣющимъ особенный запахъ, а извѣстно, что ударъ молніи, даже искры сильной электрической машины также сопровождаются особеннымъ, характеристическимъ запахомъ: слѣдовательно — сухой туманъ есть неудавшаяся гроза (zerplatztes, krepirtes Gewitter). При этомъ забываютъ однако, что гроза есть только результатъ электрическаго состоянія тучи, что молнія есть только возстановленіе равновѣсія двухъ разнородныхъ электричествъ и нѣчто матеріальное, существующее отдѣльно само по себѣ, независимо отъ вѣсомой матеріи; откуда же берется самъ сухой туманъ? Мы знаемъ, что электричество, находящееся въ тѣлахъ, есть вещество невѣсомое; электричество можетъ разлагать тѣла на составныя части, но никогда и никоимъ образомъ не можетъ произвесть особаго вещества, отличнаго отъ составныхъ частей разлагаемаго тѣла: какимъ же образомъ понять, что электричество превращаетъ водяные пары въ твердое тѣло — углеродъ?! Если допустимъ даже (за неимѣніемъ фактовъ, доказывающихъ противное), что сухой туманъ не всегда состоитъ изъ мельчайшихъ частицъ угля, то, въ замѣнъ, достовѣрно знаемъ, что онъ не состоитъ изъ водяныхъ паровъ, а этого одного довольно, чтобы опровергнуть всю теорію. Кромѣ того, много примѣровъ показываютъ, что во вре-

Digitized by Google

мя сухаго тумана не однократно случались дожди, молнія и громъ: какъ понимать тутъ слова zerplatztes Gewitter? *Неудавшаяся* гроза наконецъ *удалась*, удалась совершенно, а между тѣмъ туманъ продолжаетъ разстилаться и покрываетъ по прежнему огромныя пространства. Если примемъ эту теорію, то придемъ къ заключенію, что послѣ всякаго облака, не разрѣшившагося молніею и громомъ, даже послѣ каждаго заряженія кондуктора сильной электрической машины, долженъ слѣдовать сухой туманъ, что̀ явно несообразно. Самые приверженцы этой теоріи не могутъ сказать, что запахъ сухаго тумана похожъ на запахъ, издаваемый свободнымъ электричествомъ. По мнѣнію Бертолона, запахъ тумана 1783 года похожъ былъ на сѣрный: онъ былъ убѣжденъ, что поднявшіяся изъ земли частицы состояли изъ сѣры, а потому чудился ему и запахъ сѣрный. Другимъ приверженцамъ электрической теоріи запахъ сухаго тумана кажется похожимъ на запахъ, издаваемый электрической машиной; въ дѣйствительности же онъ не похожъ ни на одинъ изъ нихъ. Однимъ словомъ, при нѣкоторомъ вниманіи легко убѣдиться, что теорія эта совершенно несостоятельна и не выдерживаетъ даже самой снисходительной критики. Понятно, однакожь, какъ подобное объясненіе могло родиться въ концѣ прошлаго столѣтія, когда современники Франклина, пораженные великимъ открытіемъ атмосфернаго электричества, стали въ каждомъ загадочномъ явленіи непремѣнно искать участія этого могучаго дѣятеля.

(До слѣдующей книжки.)

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Шербурь. Морское преобладаніе Англіи. Китай.

—

Окончаніе Шербурскихъ укрѣпленій и сопровождавшія его торжества не даромъ надѣлали столько шуму въ Европѣ: это новое и очень важное звено въ томъ непрерывномъ ряду событій, который, допустивъ Англію, повидимому, вполнѣ достигнуть ея задушевныхъ цѣлей на Черномъ морѣ, тѣмъ самымъ неожиданно ускорилъ ростъ ея ближайшаго, опаснѣйшаго соперника на водахъ. Ничто такъ не способствовало изумительному развитію французской морской силы въ послѣднее время, какъ удвоенная дѣятельность и громадныя пожертвованія, вызванныя по необходимости Восточною войной. Числомъ паровыхъ военныхъ кораблей Франція почти уже поравнялась съ своей сосѣдкой, но корабли еще не все: для поддержанія большаго флота и для того, чтобъ онъ былъ вполнѣ дѣйствительнымъ орудіемъ обороны, необходимы укрѣпленныя морскія станціи, снабженныя доками, верфями и всѣмъ, что необходимо для кораблестроенія,—станціи, расположенныя въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ можно ожидать отъ нихъ наивыгоднѣйшихъ результатовъ. Англія обладаетъ цѣлымъ рядомъ такихъ станцій на Британскомъ каналѣ, который, разумѣется, столько же французскій (la Manche), какъ и британскій. Не говоря объ укрѣпленіяхъ, которыми унизанъ южный берегъ Англіи, назовемъ только Норманскіе острова,—эти выдвинутые къ самой Франціи передовые посты англійскаго господства на морѣ. Всего въ *двѣнадцати* верстахъ отъ французскаго берега возвышаются грозныя твердыни маленькаго острова Ориньи (Alderney), которыя, по свидѣтельству одного изъ новѣйшихъ

Digitized by Google

путешественниковъ*, годъ отъ году болѣе принимаютъ характера другаго Гибральтара. А между тѣмъ Франція не имѣла до сихъ поръ ни одного военнаго порта въ Каналѣ. Раззореніе беззащитнаго Шербура Англичанами въ 1758 году подало еще при Людовикѣ XV мысль о постройкѣ здѣсь укрѣпленнаго порта; Людовикъ XVI приступилъ къ ея осуществленію, Наполеонъ I продолжалъ, Бурбоны, такъ много обязанные возстановленіемъ своимъ Англіи, отложили всѣ работы, но Людовикъ-Филиппъ и потомъ Наполеонъ III поспѣшили ихъ окончаніемъ. Такимъ образомъ, ровно черезъ сто лѣтъ послѣ раззоренія Шербура, Англичане явились туда мирными свидѣтелями его обновленія. Въ событіи не было конечно ничего неожиданнаго, кромѣ развѣ медленности, съ какою пришло оно къ концу. Не смотря на то, шербурскія торжества должны были непріятно затронуть Англію, которая, по весьма понятнымъ причинамъ, не сочувствуетъ развитію ни чьихъ морскихъ силъ, кромѣ своихъ, и которая, при этомъ случаѣ, вынуждена была однакожь заявить сердечное участіе въ праздникѣ сосѣдей. Правда, общественное мнѣніе по ту сторону Канала было далеко не въ пользу путешествія королевы въ Шербуръ; собирались даже митинги для протестацій противъ такой уступки французскому союзу, но общественное мнѣніе— не говоря о частой разноголосицѣ, а будь оно даже въ самомъ дѣлѣ выраженіемъ большинства — все-таки не можетъ управлять каждымъ шагомъ въ политикѣ, и кабинетъ лорда Дерби не счелъ возможнымъ уклониться отъ императорскаго приглашенія, а императоръ отплатилъ за это самыми любезными и конечно искренними увѣреніями въ желаніи мира и поддержкѣ дружественныхъ связей между обѣими странами.

Совершенную противоположность съ миролюбіемъ императорскихъ рѣчей и съ приличнымъ вообще тономъ французскихъ журналовъ по этому вопросу составляютъ отзывы англійскихъ газетъ и тѣхъ членовъ парламента, которые изустно передавали своимъ согражданамъ впечатлѣнія, вынесенныя изъ Шербура: и тѣ, и другіе проникнуты явнымъ или чуть прикрытымъ неудовольствіемъ, которое выразилось во всѣхъ постепенностяхъ,

*) Роберта Линдау.

Digitized by Google

отъ тонкой ироніи до грубой, площадной насмѣшки *). Мы не раздѣляемъ такого взгляда въ самомъ его основаніи, не говоря о формѣ. Почему Англіи позволительно имѣть укрѣпленныя морскія станціи не только у себя, но во всѣхъ концахъ міра и даже на не принадлежащихъ ей земляхъ, а Франціи нельзя устроить одного военнаго порта по всему протяженію своего собственнаго берега, прилежащаго къ Британскаму каналу?

Но вы говорите объ однихъ Англичанахъ, скажутъ намъ: а развѣ въ самой Франціи не было слышно подобныхъ мнѣній? развѣ Journal des Débats и Revue des deux mondes не отозвались довольно холодно о значеніи Шербурскаго порта? — Мы приписываемъ это миролюбивой осторожности обоихъ журналовъ, проникнутыхъ, какъ извѣстно, уваженіемъ къ англійскому союзу и къ англійскому обществу: неужелижь одно разногласіе съ существующимъ порядкомъ могло помутить ихъ зрѣніе до того, что они въ самомъ дѣлѣ не видятъ всей важности этого національнаго сооруженія? неужели они забыли, какое униженіе терпѣла Франція, хоть бы въ министерство Гизо, единственно оттого, что не вселяла гордому сосѣду должнаго уваженія своей морскою силой.

По поводу морскихъ вооруженій Франціи слышали мы также проповѣди о пользѣ мира и вредѣ войны, какъ-будто на какую-нибудь новую тему, и какъ-будто никому неизвѣстно, съ другой стороны, что иная война въ десять разъ полезнѣе инаго мира. Будьте вы олицетворенное миролюбіе, принадлежите хоть къ мирному конгрессу въ Лондонѣ, не рѣшитесь же вы отрицать право всякаго народа отстаивать свои матеріяльные и нравственные интересы даже силою, когда надобно. И пока международные интересы еще не соглашены, пока нѣтъ никакой возможности склонить державы на всеобщее обезоруженіе, нечего и обращаться съ укорами къ тѣмъ, кто готовитъ оборону на случай войны, особенно стоя лицомъ къ лицу съ совмѣстникомъ, который шутить не любитъ. Тутъ нельзя даже безоговорочно допустить того довольно-

*) Одинъ только адмиралъ Нѣпиръ, нашъ кронштадскій знакомецъ, отозвался о Шербурѣ и о превосходной постройкѣ французскихъ кораблей съ справедливостью честнаго и знающаго дѣло противника.

Digitized by Google

избитаго возраженія, что большой военный флотъ нуженъ и возможенъ только при соразмѣрномъ развитіи торговаго судоходства. Связь, существующую между этими двумя отраслями морской силы, отрицать нельзя; но на сколько одна изъ нихъ вызываетъ и поддерживаетъ другую — это всего болѣе зависитъ отъ данныхъ обстоятельствъ. Еслибъ Англія не напрягла всѣхъ силъ, чтобъ выставить могущественный военный флотъ для подавленія сперва торговли Голландской, а потомъ Французской и для захвата колоній той и другой, едва ли бы успѣла она опередить ихъ въ такое короткое время путемъ одного мирнаго развитія. Признавая живую связь, соединяющую флоты военный и торговый, отнюдь не должно забывать и разницы между особенными потребностями этихъ флотовъ, — разницы существенной въ наше время до того, что, при недостаткѣ средствъ военной морской силы, нельзя успѣшно замѣщать ихъ личными и матерьяльными средствами купеческаго флота. Во время Восточной войны первый въ свѣтѣ купеческій флотъ Англіи оказался вполнѣ несостоятельнымъ для снабженія способными людьми ея же громаднаго военнаго флота [1]). Напротивъ, дознано, что матросовъ военныхъ судовъ можно съ величайшей пользою прямо переводить на купеческія. Франція, какъ извѣстно, обезпечила положеніе своихъ флотскихъ экипажей такъ-называемою инскрипціей, о которой мы уже имѣли случай говорить [2]).

Морское развитіе Франціи имѣетъ важное всемірное значенье въ наше время, и чувство соперничества со стороны Англичанъ, хотя бы оно даже иногда переходило мѣру, — явленіе понятное. Кто внимательно слѣдитъ за ходомъ событій, того не можетъ не поразить мысль о неотдаленномъ уже перемѣщеніи главныхъ путей, которыми шла до сихъ поръ всемірная торговля съ начала XVI столѣтія. Путь вокругъ мыса Доброй Надежды, по всему видимому, перейдетъ большей частью на Суэзскій каналъ и отчасти на наши русскія желѣзныя дороги

[1]) Этотъ урокъ, кажется, не прошелъ даромъ, и въ Англіи принимаютъ мѣры, чтобъ лучше обезпечить на будущее время пополненіе экипажей военныхъ судовъ. Адмиралъ Нѣпиръ жалуется только на медленность парламентскаго комитета, которому поручено рѣшеніе вопроса объ этомъ.

[2]) См. въ № 19 «*Атенея*» статью: «Морскія силы Англіи и Франціи».

Digitized by Google

и пароходы; путь вокругъ мыса Горна непремѣнно уступитъ мѣсто пути черезъ центральную Америку. Такое перемѣщеніе, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, конечно будетъ не совсѣмъ выгодно для Англіи. Кто знаетъ, какую важную роль въ общемъ итогѣ ея оборота играетъ собственно транспортная торговля, того нисколько не удивятъ старанія этой націи противодѣйствовать зарожденію всякаго новаго совмѣстничества по части прибыльнаго для нея морскаго извоза. А извозу-то именно и грозитъ опасность, въ случаѣ предвидимаго измѣненія торговыхъ путей, на которыхъ Англія уже такъ крѣпко утвердила свое владычество сплошной цѣпью самыхъ выгодныхъ приморскихъ постовъ, и запаслась всѣмъ нужнымъ для правильнаго, непрерывнаго хода своей перевозной торговли. Вотъ почему стремится она всѣми силами отвратить или по крайней мѣрѣ отдалить предстоящую перемѣну. Иначе какъ объяснить ея упорное сопротивленіе прорытію Суэзскаго перешейка, тѣ препятствія, которыми окружала она до сихъ поръ проведеніе канала черезъ центральную Америку, и, наконецъ, даже недавнюю бурю, поднятую англійскими журналами противъ «Русскаго Общества пароходства и торговли» по случаю уступки ему піэмонтскимъ правительствомъ морской станціи въ Виллафранкѣ?

Что Англія смотритъ на все это съ враждебнымъ, преувеличеннымъ опасеніемъ, тутъ — повторяемъ — мудренаго нѣтъ ничего; но какъ сторонніе дѣлу люди, отъ которыхъ можно бы ожидать большаго безпристрастія, не хотятъ видѣть всей важности настоящей минуты и продолжаютъ быть органами одного только англійскаго, глубоко враждебнаго намъ воззрѣнія, этого мы рѣшительно не можемъ понять. Въ виду ежедневно усиливающагося сближенія западнаго міра съ азіатскимъ Востокомъ, — сближенія, въ которомъ Россіи должна принадлежать такая важная роль, въ виду предстоящаго измѣненія путей всемірной торговли и неразлучной съ нимъ перестановки торговыхъ и политическихъ интересовъ, появленіе новой морской силы, способной сдерживать исключительный перевѣсъ Англіи, есть истинное благо для всѣхъ остальныхъ народовъ, не только на Западѣ, но и на Востокѣ. Монополія въ такомъ великомъ дѣлѣ, кому ни принад-

Digitized by Google

лежи она, всегда вредна. Напрасно поборники монопольнаго преобладанія Англіи хотятъ увѣрить насъ, что политическое равновѣсіе мечта, достойная школьной скамейки: политическое равновѣсіе, или просто равновѣсіе силъ имѣетъ, напротивъ, большое практическое значенье, именно въ томъ отношеніи, что оно необходимо умѣряетъ взаимную требовательность, стѣсняетъ сферу излишнихъ притязаній одного народа къ другому и тѣмъ самымъ въ большей части случаевъ устраняетъ поводы крайняго раздраженія и неизбѣжныхъ за тѣмъ кровавыхъ столкновеній. Равновѣсіе это чуть ли еще не больше необходимо на морѣ, чѣмъ на сушѣ: не должно ли море быть «свободною стихіей» по преимуществу, — свободною не только въ поэзіи, но и въ политическомъ смыслѣ? И особенно важно это въ сію минуту, когда кромѣ указанныхъ выше новыхъ поводовъ къ столкновеніямъ въ близкомъ будущемъ, и теперь уже разыгрывается у береговъ восточной Азіи одна изъ самыхъ интересныхъ драмъ, какія когда либо представлялись взорамъ человѣка.

Китай, давно уже гнившій отъ общественной и нравственной неподвижности и повидимому совершенно подрытый въ своихъ мнимо-незыблемыхъ основаніяхъ двухсотлѣтнимъ владычествомъ Маньчжуровъ съ одной стороны и усиліями противодѣйствовавшихъ другъ другу католическихъ и протестантскихъ миссій—съ другой,—Китай шагъза шагомъ уступаетъ неугомонной дѣятельности Европейцевъ новое, обширное, малоизвѣданное поприще. Китай — это цѣлая часть свѣта, почти вдвое пространнѣе и вдвое населеннѣе Европы, вмѣщающая въ себѣ многоразличныя племена, разнообразные климаты, и обильно надѣленная дарами природы. Извлечь эту массу изъ гнилаго броженія, въ которое впала она отъ долгаго застоя и своей невозможной далѣе исключительности, втянуть ее, наконецъ, въ сферу оборота всемірной промышленности и торговли,—вотъ задача, которую сознательно или безотчетно преслѣдовали Европейцы до сихъ поръ; но, дѣйствуя урывками, въ розницу и часто наперекоръ другъ другу, весьма медленно достигали своей цѣли. Между тѣмъ задача такъ громадна, что требуетъ совокупныхъ усилій всего образованнаго міра для ея разрѣшенія. Индія вчетверо меньше Китая и вдвое менѣе населена, а однакожь какихъ трудовъ, какихъ пожертвованій стоило могуществен-

Digitized by Google

ной Англіи подчинить ее своему промышленному вліянью, и все-таки до успѣха еще очень далекò. Въ Китаѣ очевидно необходима совмѣстная дѣятельность всѣхъ образованныхъ націй; но она возможна, она поведетъ къ желаемому успѣху только въ томъ случаѣ, если данъ будетъ просторъ свободному совмѣстничеству, если ни одна изъ этихъ націй не будетъ дѣйствовать въ духѣ исключительнаго преобладанья. Затѣмъ, здѣсь, какъ и вездѣ, главное должно зависѣть отъ умѣнья взяться за дѣло, отъ рѣшительнаго, послѣдовательнаго образа дѣйствій, соединеннаго съ той бережностью въ пріемахъ, которая такъ же необходима между чуждыми другъ другу народами, какъ приличія и вѣжливость между частными людьми.

При разработкѣ этого новаго, обширнаго поля дѣятельности, Россіи, по крайней мѣрѣ въ сѣверномъ Китаѣ, разумѣется, принадлежитъ очень важная роль. Обезпечивъ для себя новымъ Айхунскимъ трактатомъ плаваніе по всѣмъ главнымъ рѣкамъ этого пространства, имѣя по нимъ доступъ въ самое сердце края и облегчивъ себѣ напередъ связи съ нимъ цѣлымъ рядомъ вѣковыхъ сношеній, Русскіе, при своей уживчивости, при своей необыкновенной колонизаторской способности среди чуждыхъ варварскихъ племенъ, доказанной всѣмъ ходомъ нашей исторіи, — Русскіе не могутъ не сдѣлаться проводниками извѣстной степени европейской гражданственности въ Китаѣ, какъ уже сдѣлались ими въ нѣкоторыхъ среднеазіатскихъ краяхъ. Это, если хотите, не колонизація въ западно-европейскомъ смыслѣ слова: Россія, по очень мѣткому выраженію одного германскаго публициста, просто сама разростается на Востокъ; разселеніе русскаго племени идетъ сплошной, непрерывной полосою; Россія — громадный материкъ, и все внутреннее развитіе ея было до сихъ поръ материковое по преимуществу. Занимая почти исключительно сѣверный поясъ Европы и Азіи, развитіе это естественно не сопровождалось ни блескомъ, ни потокомъ богатствъ, но зато оно прочно и вѣковѣчно, какъ природа: гдѣ сталъ твердой ногою русскій человѣкъ, тамъ стала съ нимъ и Россія.

Совершенную противоположность съ этимъ ходомъ исторіи представляетъ намъ быстрое и ослѣпительное возвышеніе ан-

Digitized by Google

глійскаго могущества. Колоніи и факторіи этой страны разбросаны въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ по всему свѣту, и большею частью въ мѣстахъ, надѣленныхъ отъ природы благословеннымъ климатомъ и самыми роскошными произведеніями. Но, посмотрите, къ чему все это идетъ. Американскія колоніи, едва только возмужавъ, спѣшатъ отдѣлиться отъ метрополіи, относятся къ ней болѣе враждебно, чѣмъ дружественно, и надо сказать правду, уже и теперь держатъ ее въ несомнѣнной зависимости: нѣтъ уступки, которой Англія не сдѣлала бы Сѣвероамериканцамъ, только бы не лишиться дешеваго хлопка, необходимаго для нея, какъ насущный хлѣбъ. Не надо быть пророкомъ, чтобъ предвидѣть такую же точно будущность и для Австраліи, которая такъ обильно снабжаетъ нынѣ шерстью англійскія мануфактуры. Человѣчество, въ общемъ итогѣ, разумѣется, ничего не теряетъ отъ подобныхъ отложеній, но Англія собственно неминуемо должна со временемъ болѣе или менѣе пострадать, если не въ матерьяльномъ, то въ политическомъ отношеніи. Все это конечно еще впереди, а покамѣстъ, и вѣроятно довольно долго, Англія, при своихъ громадныхъ средствахъ и при сосѣдствѣ ея индѣйскихъ владѣній съ Китаемъ, будетъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ новой борьбѣ, которая поведется теперь съ разныхъ сторонъ противъ китайскаго застоя. Между тѣмъ нельзя не сказать, что образъ дѣйствій многихъ англійскихъ торговцевъ и англійскихъ оффиціальныхъ лицъ въ Китаѣ (какъ и въ Индіи), на сколько мы видѣли его до сихъ поръ, не даетъ намъ высокаго понятія объ ихъ умѣньи ладить съ восточнымъ человѣкомъ. Не говоря уже о томъ, что холодная флегма и надменная исключительность Англичанина возмущаетъ необыкновенную живость южнаго Китайца, безпристрастный разборъ всѣхъ подробностей печальныхъ кантонскихъ происшествій и особенно сравненіе ихъ съ относительно мирнымъ и успѣшнымъ ходомъ дѣлъ въ Шангаѣ, невольно наводитъ на мысль о томъ, что Европейцы, отчасти по незнанію, отчасти по своей собственной винѣ, не только раздражали безъ нужды старозавѣтную щепетильность китайскихъ мандариновъ, но и возбуждали противъ себя ненависть народной толпы, о которой сами же просвѣщеннѣйшіе изъ Англичанъ относятся какъ объ очень сговорчивой и добродушной.

Digitized by Google

Ссылаемся на свидѣтельства такихъ знатоковъ дѣла, какъ сэръ-Франсисъ Девисъ, бывшій нѣсколько лѣтъ губернаторомъ въ Гонконѣ, и извѣстный ботаникъ Робертъ Форчунъ (Fortune), который не разъ проникалъ въ глубь Китая и вездѣ находилъ одинъ и тотъ же радушный пріемъ. Выписываемъ нѣкоторые изъ его отзывовъ слово въ слово. «Китайцы, какъ нація, говоритъ онъ, народъ смирный и вообще умѣренный. . . Земледѣлецъ силенъ, здоровъ и трудолюбивъ, но независимъ, и чувствуетъ, что не даромъ беретъ наемную плату. . . Здѣсь нѣтъ той лѣни и того пресмыканія, какія видишь, напримѣръ, у Индѣйцевъ и у другихъ восточныхъ народовъ». (A Residence among the Chinese, стр. 37 и 38). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Китайцы своекорыстны и очень много о себѣ думаютъ. . . Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ выйдти изъ себя, имѣя дѣло съ китайской чернью. Но только не теряйте передъ ней веселой бодрости, смѣйтесь и шутите, — все пойдетъ какъ нельзя лучше». (Стр. 135 и 327.) Сообразите съ этими отзывами поступки Англичанъ въ Кантонѣ или точнѣе передъ Кантономъ, начиная съ 1842 года, когда заключенъ Нанкинскій трактатъ, открывавшій имъ ворота этого города. Съ самаго начала они не настаивали на точномъ исполненіи этого важнѣйшаго изъ условій, учредивъ свои факторіи въ предмѣстьѣ и на уступленномъ имъ островѣ Гонконѣ. Китайцы сочли это дѣломъ рѣшенымъ и впослѣдствіи на неоднократныя напоминанія Англичанъ о допускѣ ихъ въ черту города отвѣчали извиненіями или увертками. Между тѣмъ навезено было въ Гонконъ разнаго товару гораздо болѣе, чѣмъ требовалось, и притомъ много такого, въ чемъ Китайцы вовсе не нуждались и о чемъ не имѣли даже понятія. Англичанамъ не хотѣлось оставаться въ убыткѣ; начались разныя контрабандныя продѣлки, подкупы, сношенія съ шайками побродягъ и воровъ. Извѣстно, что первый неудачный приступъ Англичанъ въ Кантону въ концѣ 1856 года, послужившій поводомъ къ возобновленію войны, предпринятъ былъ вслѣдствіе того, что Китайцы захватили судно съ контрабандной солью, которое, только видя уже неизбѣжную опасность, для прикрытія себя выкинуло англійскій флагъ. Начатыя съ слишкомъ недостаточными средствами, враждебныя покушенія Англичанъ противъ Кантона болѣе и болѣе раздражали и вмѣстѣ подзадоривали Китайцевъ. Наконецъ, послѣ долгихъ

Digitized by Google

тщетныхъ нападеній со стороны слишкомъ малочисленныхъ Англичанъ, въ декабрѣ минувшаго года Кантонъ былъ занятъ соединенными англо-французскими силами; но едва эскадры удалились къ сѣверу для блокады рѣки Пей-хо, какъ положеніе оставленнаго ими въ Кантонѣ горнизона снова сдѣлалось опаснымъ, безпокойства и рѣзня возобновились и продолжаются тамъ до сего времени. Уже начиная съ 1845 года бо́льшая часть кантонской торговли постепенно перешла въ Шангай, гдѣ совокупнымъ усиліямъ европейскихъ консуловъ удалось безъ всякой военной грозы настоять на точномъ исполненіи условій Нанкинскаго трактата и поладить съ мѣстными властями до такой степени, что всѣ представленія и совѣты «варваровъ» охотно принимаются въ уваженіе и немедленно прилагаются къ дѣлу.

Опаснымъ соперничествомъ для торговыхъ интересовъ Англіи въ Китаѣ угрожаетъ сѣверо-американскій исполинъ, который зорко глядитъ теперь на оба океана, и не допуская политическаго вліянія Европы въ Америкѣ, самъ высылаетъ стаи кораблей къ берегамъ восточной Азіи, къ Японіи и Китаю. Звѣздоносный флагъ является тамъ всюду рядомъ съ англійскимъ и старается на каждомъ шагу или опередить его, или перебить ему дорогу. Корреспондентъ газеты Times пишетъ, напримѣръ, изъ Шангая, что американскіе тики и широкіе холсты совершенно побили тамъ англійскіе: въ 1856 году на 221,716 кусковъ американскихъ тиковъ привезено только 8,745 англійскихъ, и на 14,420 кусковъ американскаго холста—всего 1,240 англійскаго.

Франція является болѣе въ качествѣ покровительницы многочисленныхъ католическихъ миссій на отдаленномъ Востокѣ: торговыя отношенія ея къ Китаю доселѣ еще не значительны; но постоянное присутствіе французской эскадры въ тамошнихъ водахъ имѣетъ, какъ мы уже сказали, большую политическую важность въ другихъ отношеніяхъ.

Какъ бы то ни было, всѣ четыре державы заключили въ Тянь-Цзинѣ новые трактаты съ «Срединною имперіей», и вездѣ эта вѣсть принята была за вѣрный залогъ будущаго обновленія Китая. Мы еще не знаемъ вполнѣ подробнаго содержанія трактатовъ, но главное состоитъ въ томъ, что важнѣйшіе порты этого края и главныя внутреннія его сообщенія открыты для европейской

Digitized by Google

торговли и европейскихъ путешественниковъ; торговцамъ предоставлено право покупать китайскія произведенія прямо на мѣстахъ, безъ посредства мѣстныхъ спекулянтовъ; тарифы должны быть пересмотрѣны и приведены въ соразмѣрность съ измѣненіями цѣнъ; европейскіе товары не должны болѣе подвергаться произвольнымъ добавочнымъ поборамъ, которыми облагали ихъ областные начальники, и китайское правительство установитъ однообразную транзитную таксу; ластовый сборъ съ европейскихъ судовъ будетъ также пониженъ; самыя дѣятельныя мѣры должны быть приняты къ уничтоженію морскихъ разбоевъ, раззорявшихъ торговлю при китайскихъ берегахъ; миссіонерамъ дозволяется свободно проповѣдывать христіанское ученіе; посольства европейскихъ державъ могутъ жить въ самомъ Пекинѣ и вести переговоры прямо съ китайскимъ кабинетомъ, тогда какъ прежде они велись не иначе какъ черезъ кантонскаго намѣстника, что было всегдашнимъ источникомъ разныхъ недоразумѣній, увертокъ и проволочекъ и сверхъ того часто служило препятствіемъ представить дѣло верховному правительству въ настоящемъ его видѣ; наконецъ, Франція получаетъ 15 милліоновъ франковъ вознагражденія за убытки, понесенные ея купцами, и за расходы по случаю войны; Англія, потерпѣвшая несравненно болѣе, выговорила себѣ, какъ слышно, два милліона фунтовъ стерлинговъ.

Вопросъ о денежномъ вознагражденіи здѣсь слишкомъ частный и второстепенный; главное, — разумѣется, рѣшительное открытіе закупоренной до сихъ поръ внутренности Китая спекуляціямъ европейской торговли, что̀ неминуемо поведетъ къ обмѣну не только товаровъ, но отчасти и идей. Китаю не миновать преобразованій, но какъ поведется дѣло и что̀ изъ него выйдетъ—трудно сказать заранѣе. Можно навѣрное предвидѣть одно, что исполненіе новыхъ трактатовъ на дѣлѣ встрѣтитъ себѣ множество преградъ и потребуетъ самаго бдительнаго и энергическаго надзора со стороны Европейцевъ. При совершенной противоположности нравовъ, воззрѣній и часто даже матерьяльныхъ интересовъ Европы и Китая, при глубокомъ внутреннемъ разладѣ «Срединнаго царства», волнуемаго мятежами и крамолами множества религіозно-политическихъ сектъ, отнюдь нельзя предполагать, чтобъ дѣло обо-

Digitized by Google

шлось безъ множества трудностей, разногласій и недоразумѣній. Постоянное присутствіе значительныхъ военныхъ силъ будетъ необходимо для поддержки европейскаго авторитета въ случаѣ надобности; но одной силы не довольно: не менѣе необходима и крайняя осмотрительность въ дѣйствіяхъ, чтобы сколько можно избѣгать поводовъ къ возобновленію такой отвратительной рѣзни, какая продолжается теперь въ Кантонѣ почти два года. Англійскій уполномоченный въ Китаѣ, лордъ Эльгинъ, очень справедливо сказалъ шангайскимъ купцамъ: «Когда сила и дипломатія сдѣлаютъ все, что могутъ сдѣлать въ своихъ законныхъ предѣлахъ, тогда лишь только начнется тотъ подвигъ, который предстоитъ совершить въ этой странѣ.» Умный дипломатъ понялъ очень хорошо и всю трудность предлежащей задачи, и то, какъ мало сдѣлано по сіе время для удовлетворительнаго ея разрѣшенія.

Digitized by Google

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. М. ЩЕПКИНА И К°.

Коммиссіонера Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Министерства Государственныхъ Имуществъ: *на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина,*

продаются вновь вышедшія:

ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА НАРОДУ. Цѣна 5 р. Съ пересылкою 6 р. сер.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ СНИМОКЪ съ знаменитой картины А. А. Иванова.

Литографированный портретъ извѣстной русской танцовщицы: **НАДЕЖДЫ БОГДАНОВОЙ.** Ц. 1 р. 25 к. Съ пересылкою 1 р. 75 к. серебромъ.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ. Съ приложеніями: 1) Портрета автора, 2) Изображенія памятника надъ его могилою, 3) Автографа, 4) Герба Грибоѣдовыхъ, 5) Сценъ изъ комедіи. «Горе отъ Ума» a) Балъ и b) Явленіе Репетилова, 6) Статей о комедіи «Горе отъ Ума» изъ журналовъ (1825—1827). Изданіе Евграфа Серчевскаго. Спб. 1858 г. Ц. 3 р. Съ пересылкою 3 р. 75 к. сер.

САДОВНИЧЕСТВО. Переводъ Figures pour l'almanach du bon jardinier Д. Ч. Общества В. Делла-Восса, съ добавленіемъ статьи «О размноженіи растеній» И. Палимпсестова. Одесса 1858 г. Ц. 1 р. 75 к. Съ пересылк. 2 р. 25 к. сер.

РУКОВОДСТВО КЪ ТОНКОРУННОМУ ОВЦЕВОДСТВУ для средней и южной полосъ Россіи. Составлено ученымъ агрономомъ, классификаторомъ овчарныхъ заводовъ, дѣйствительнымъ членомъ нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, Редемейстеромъ, въ 2-хъ ч. Одесса 1858 г. Ц. 2 р. 25 к. Съ пересылк. 2 р. 75 к. сер.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ПОСТРОЙКИ И СЕЛЬСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО, основанное на настоящемъ состояніи сельскаго хозяйства, составленное для содѣйствія народному благосостоянію, Э. Г. Нейманомъ. Изд. 3-е съ 207 чертежами, на 21 таблицѣ. Спб. 1858 г. Ц. 3 р. Съ пересылк. 3 р. 75 к. сер.

САТИРЫ КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА. Съ латинскаго, переводъ въ стихахъ, М. Дмитріева, съ объяснительными примѣчаніями. М. 1858 г. Ц. 1 р. 75 к. Съ пересылк. 2 р. 25 к. сер.

МОСКОВСКІЯ ЭЛЕГІИ. М. Дмитріева. М. 1858. Ц. 80 к. Съ пересылк. 1 рубл. сер.

Digitized by Google

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ ШЕКСПИРА. Переводъ съ англійскаго Н. Кетчера, выправленный и пополненный по найденному Пэнъ-Кольфомъ старому экземпляру in folio. 1632 г.

ЧАСТЬ 5-я. Тимонъ Аѳинскій.

Два Веронца.
Юлій Цезарь.
Антоній и Клеопатра.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858 г. Ц. каждой части 1 р. Съ пересылк. 1 р. 50 к. сер.

VIII-й ТОМЪ ИСТОРІИ РОССІИ. Сочиненіе С. Соловьева. М. 1858 г. Цѣна 2 р. Съ пересылк. 2 р. 50 к. сер.

V-й ТОМЪ ИСТОРІИ РОССІИ. Сочиненіе С. Соловьева (2-е изданіе). М. 1858 г. Ц. 2 р. Съ пересылк. 2 р. 50 к. сер.

ДНЕВНИКЪ КАММЕРЪ-ЮНКЕРА БЕРХГОЛЬЦА, веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго, съ 1721-го по 1725 г. Перевелъ съ нѣмецкаго И. Аммонъ. Ч. 2-я (1722-й г). М. 1858 г. Ц. 1 р. 75 к. Съ пересылк. 2 р. 25 к. сер.

ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ АКАДЕМИКА Э. ЛЕНЦА. Руководство для военно-учебныхъ заведеній. (Изданіе 2-е). Съ приложеніемъ особаго атласа. Спб. 1858 г. Ц. 3 р. 30 к. Съ пересылкою 4 р. 25 к. серебромъ.

ПРИРОДА И ЛЮДИ. Уроки географіи, читанные въ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ. Спб. 1858 г. Книга I-я, выпускъ I-й. Ц. 1 р. Съ пересылк. 1 р. 50 к. Книга II-я, выпускъ II-й. Ц. 1 р. 25 к. Съ пересылк. 1 р. 75 к. сер.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА, съ портретомъ автора. Спб. 1858 г. 8 томовъ. Ц. 8 р. Съ пересылк. 11 р. сер.

ЗАПИСКИ ОБЪ ОСАДѢ СЕВАСТОПОЛЯ Н. Берга. 2 тома, съ 2-мя планами. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858. Ц. 2 р. 50 к. Съ пересылк. 3 р. сер.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ АЛЬБОМЪ Н. Берга, съ 37-ю рисунками большаго формата; при нихъ текстъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858 г. Ц 7 р. Съ пересылк. 8 р. сер.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ СТАНКЕВИЧЪ. Переписка его и біографія, написанная П. А. Анненковымъ, съ портретомъ Станкевича. М. 1858 г. Ц. 1 р. 50 к. Съ пересылк. 2 р. сер.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КУРСЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ, СОСТАВЛЕННЫЙ В. ШУЛЬГИНЫМЪ. . . . . С. В. ЕШЕВСКАГО.
УКРАИНСКІЯ ЯРМОНКИ. *(Оконч.)* . . . . И. К. БАБСТА.
СУХОЙ ТУМАНЪ. . . . . Я. И. ВЕЙНБЕРГА.
СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,
и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атеней*, при книжномъ магазинѣ П. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, *десять* рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. съ полтиною*.

Печатать дозволяется. Сентября 20-го, 1858 года.
Цензоръ П. И. Капнистъ.

Digitized by Google

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 39.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К°.

—

1858.

Digitized by Google

Digitized by Google

УЛЬРИХЪ ФОНЪ-ГУТТЕНЪ.

Ulrich von Hutten. Von D. F. Strauss. Leipzig, 1858.

—

Есть въ жизни народовъ эпохи обновленія, когда поборники старыхъ идей, стараго порядка, или, лучше сказать, безпорядка вступаютъ въ отчаянную борьбу съ немногочисленными представителями новой, живой мысли. Кажется, борьба невозможна: на сторонѣ обскурантовъ все, и законная власть, и большинство массы, и привычка ея къ существующему устройству; противники ихъ малочисленны, новое ученіе почти неизвѣстно толпѣ, — а между тѣмъ передовые люди всегда выходятъ изъ борьбы побѣдителями, потому что ученіе ихъ не случайное порожденіе воспаленнаго воображенія, не пылкія бредни безпокойнаго характера, а необходимое слѣдствіе историческаго развитія жизни. Ихъ мало, потому что они прежде всѣхъ ясно сознали современную идею; но коль скоро она сознана, она не умретъ. Самое стараніе обскурантовъ подавить ее раскрываетъ глаза все большему и большему кругу; — каждая жертва ихъ отчаянной злобы порождаетъ тысячи новыхъ поборниковъ прогресса и, не смотря на все свое стараніе, они не могутъ одолѣть врага, потому что этотъ врагъ — новая потребность общества.

Такую картину представляла Германія въ началѣ шестнадцатаго столѣтія. Государственное единство только что начало возрождаться. Хотя власть императора и владѣтельныхъ особъ была еще слаба, но достаточна, чтобы хотя нѣсколько удержать рыцарей отъ ихъ обычнаго занятія—грабежа. Замки рыцарей до того времени были притонами грабителей, признававшихъ только право сильнаго, зараженныхъ сословными пред-

Digitized by Google

разсудками, презиравшихъ купцовъ и ученыхъ, какъ людей, стоящихъ неизмѣримо ниже ихъ. Оттого первыми жертвами ихъ набѣговъ были города, въ особенности на сѣверѣ Германіи, города, гдѣ развивались торговля и промышленность, гдѣ свѣтлыя головы уже пробили брешь въ толстой стѣнѣ схоластики. Рудольфъ Агрикола, Іоаннъ Рейхлинъ положили начало школѣ гуманистовъ, цѣлью которой было основательное изученіе древнихъ языковъ. Знакомство съ древнею литературой быстро развило въ гуманистахъ прямой взглядъ на современное состояніе общества. Въ ихъ средѣ родилась идея о необходимости реформы. Недавно изобрѣтенное книгопечатаніе стало въ ихъ рукахъ благодѣтельнымъ орудіемъ распространенія живыхъ идей. Испугалось германское духовенство, въ рукахъ котораго находилось неограниченное владычество надъ умственнымъ образованіемъ народа, владычество, которое поддерживалось только невѣжествомъ и рутиной. Напрасно пробовало оно въ 1486 г. учредить въ Майнцѣ цензуру; быстро развивалось книгопечатаніе и появлялись книги, въ которыхъ все сильнѣй и сильнѣй высказывалось сознаніе необходимости выйдти изъ ненормальнаго, удушливаго положенія. Слово гуманистъ, означавшее сначала просто человѣка, который посвятилъ себя изученію древнихъ языковъ, получило вскорѣ значеніе прогрессиста и, разумѣется, стало ненавистно людямъ, изъ личныхъ видовъ или по ложному убѣжденію не желавшимъ видѣть перемѣну въ сословныхъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ все было въ разложеніи: рыцари негодовали на владѣтельныхъ князей, за ихъ усиливающуюся власть, и на города, какъ главную ихъ опору; города враждовали на рыцарей за ихъ грабежи, набѣги, за ихъ высокомѣріе; къ этой борьбѣ присоединилась борьба гуманистовъ съ обскурантами, которыхъ главные представители были духовныя лица. Мало-по-малу характеръ этой послѣдней борьбы измѣнялся: появились люди, которые стали непосредственно нападать на злоупотребленіе власти духовенства, на его развратную жизнь и корыстолюбіе, на самовластныя его распоряженія, какъ напримѣръ отпущеніе грѣховъ за деньги, и проч. И борьба, скромно начавшаяся изученіемъ древней словесности, разразилась наконецъ бурею реформаціи.

Digitized by Google

Ульрихъ фонъ-Гуттенъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ личностей этой эпохи. Человѣкъ неукротимо пылкій, желчный, рыцарь и гуманистъ въ одно время, онъ всегда былъ впереди движенія, рѣзко и смѣло обличалъ противную партію, и при перемѣнѣ главнаго пункта борьбы, когда она превратилась въ исключительную борьбу съ римскимъ духовенствомъ, сталъ въ ряду главныхъ двигателей реформаціи. Любопытна жизнь этого человѣка, которому суждено было, кажется, пройдти сквозь всѣ страданія и закалить свою душу въ борьбѣ съ болѣзнью, нищетою и людьми,—жизнь, полная событій, замѣчательная и по важной роли, какую игралъ Гуттенъ въ эпоху реформаціи.

Недавно вышла образцовая біографія Гуттена, написанная Штраусомъ. Не входя въ историческія подробности, которыя должны быть извѣстны образованному читателю, избѣгая общихъ воззрѣній, общей характеристики эпохи, Штраусъ такъ мастерски рисуетъ портреты Гуттена, его друзей и враговъ, такъ удачно группируетъ мелочные факты, что изъ этихъ частностей, изъ этихъ мелкихъ чертъ — слагается въ головѣ читателя ясная картина той эпохи. Книга его сверхъ того отличается совершеннымъ безпристрастіемъ, совершенною объективностью; о критическихъ достоинствахъ ея нечего и говорить.

Гуттенъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые приносятъ все въ жертву принципу, идеѣ, — вещественное благосостояніе, жизнь, даже тѣ предубѣжденія, которыя всосаны съ молокомъ матери и отъ которыхъ отказаться чуть ли не труднѣе, чѣмъ отъ жизни. Мы будемъ счастливы, если нашъ очеркъ дастъ хотя слабое понятіе объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ и его эпохѣ.

Франконскіе рыцари, между которыми находился и родъ Гуттеновъ, принадлежали къ числу самыхъ сильныхъ, воинственныхъ, но зато и самыхъ гордыхъ рыцарей. Они признавали надъ собою только власть императора, что впрочемъ не мѣшало имъ грабить сосѣдей и разбойничать. Что касается до Гуттеновъ, то владѣнія ихъ были не велики, и они жили отправленіемъ придворныхъ и другихъ должностей у болѣе богатыхъ сосѣдей, графа Ганаускаго, епископовъ и архіепископовъ Вюрц-

Digitized by Google

бургскихъ и Майнцскихъ, и проч. Замокъ Ульрихова отца, также Ульриха, Штекельбергъ, находился между Фульдою и Майномъ. Тамъ, на крутой горѣ, окруженной густыми лѣсами, жилъ отецъ Ульриха, человѣкъ крутой, суровый,—натура, сложившаяся подъ вліяніемъ благородныхъ рыцарскихъ занятій, какъ-то: охоты, войны или просто грабежа, среди своей шайки, лошадей, собакъ и волковъ, вой которыхъ раздавался въ стѣнахъ рыцарскаго замка. Тамъ, 21-го апрѣля 1488 г., родился Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Не смотря на то, что онъ былъ старшій въ родѣ, отецъ рѣшился сдѣлать изъ него духовную особу. Что было причиной этого рѣшенія: болѣзненное сложеніе Ульриха или набожность его отца, не извѣстно; какъ бы то ни было, въ 1499 г., то-есть 11-ти лѣтъ отъ роду, отправилъ онъ сына въ Бенедиктинское аббатство Фульду, съ тѣмъ, чтобы онъ остался тамъ навсегда и постригся въ монахи. Но какъ скоро появилось въ Гуттенѣ сознаніе своихъ потребностей, онъ сталъ стремиться на свободу, старался вырваться изъ заключенія, въ которомъ не представлялось пищи для его дѣятельной и пылкой натуры.

Эйтельвольфъ фонъ-Штейнъ, находившійся въ это время на службѣ у курфиршта Бранденбургскаго, человѣкъ замѣчательный, умѣвшій соединить дѣятельность государственную съ гуманистическими занятіями—явленіе въ то время небывалое,—употреблявшій все свое вліяніе, какъ сановникъ, для осуществленія своихъ гуманистическихъ стремленій, для противодѣйствія упорному коснѣнію дворянства въ невѣжествѣ, Эйтельвольфъ увидѣлъ Гуттена въ монастырѣ и отгадалъ его призваніе. Но напрасны были всѣ его старанія уговорить старика-отца, чтобъ онъ перемѣнилъ свое рѣшеніе; упрямый старикъ остался непреклоненъ — и Гуттенъ рѣшился бѣжать изъ монастыря.

Когда, куда, какъ, съ кѣмъ бѣжалъ онъ—не извѣстно. Вскорѣ находимъ его въ Кёльнскомъ университетѣ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Кротомъ Рубіаномъ, который, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, помогалъ ему бѣжать. Странно, что друзья, имѣвшіе въ виду изученіе древней классической словесности—что тогда еще не называлось гуманизмомъ, а bonae literae, — выбрали Кёльнскій университетъ, который былъ гнѣздомъ схоластики и средневѣковой тьмы: если появлялся между профессорами гуманистъ,—его выгоняли. Впрочемъ, самъ Рубіанъ въ

Digitized by Google

то время принадлежалъ еще къ поклонникамъ схоластики. Уже впослѣдствіи развилась въ немъ его характеристическая черта — остроуміе и шутка; его любимое занятіе было смѣяться надъ глупостью людской; послѣднее слово Гуттена былъ гнѣвъ, Рубіана—смѣхъ. Рубіанъ былъ семью годами старше Гуттена и потому опередилъ его на классной скамейкѣ и могъ его многому учить. Мы сказали, что Рубіанъ принадлежалъ сначала къ поклонникамъ схоластики, но выучивши какъ дважды два всѣ діалектическія тонкости философскаго пустозвона того времени, по самой натурѣ своей онъ не могъ не понять комической стороны схоластическаго жонглёрства, игры въ силлогизмы, въ аргументаціи pro и contra, и т. п. При такой обстановкѣ, друзья не могли оставаться долго въ Кёльнѣ, и Гуттенъ отправился въ Эрфуртъ, потомъ во Франкфуртъ на Одерѣ. Штраусъ ловко пользуется этимъ путешествіемъ, чтобы набросать нѣсколько мастерскихъ портретовъ тѣхъ личностей, которыя составляли тогда новорожденную школу гуманистовъ. Тѣсно связанные между собой интересами науки и прогресса, они уже начали подвергаться преслѣдованіямъ обскурантовъ. Такъ, напримѣръ, Вимфелингъ въ 1505 году въ одномъ изъ своихъ сочиненій, высказалъ мысль, что мудрость не въ клобукѣ, что между свѣтскими людьми также могутъ быть ученые, что даже ученѣйшіе теологи принадлежали не къ черному, а къ бѣлому духовенству, что св. Августинъ несправедливо причисляется къ монахамъ. Монахи, въ особенности Августинцы, прибѣгли къ своему обычному аргументу, подали папѣ доносъ на Вимфелинга, и онъ едва отдѣлался отъ путешествія въ Римъ. Въ Эрфуртѣ познакомился Гуттенъ съ Эобаномъ Гессомъ, въ которомъ возрожденная гуманистами латынь нашла своего поэта. Но онъ былъ не только поэтъ, но и извѣстный ученый. Какъ человѣкъ, отличался онъ рѣдкимъ добросердечіемъ и ровнымъ, веселымъ характеромъ, котораго не сломили ни бѣдность, ни разныя семейныя неудачи.

Во главѣ гуманистовъ, кромѣ Рейхлина и Эразма, о которыхъ мы скажемъ ниже, стоялъ Муціанъ Руфъ, или по-просту Конрадъ Мутъ. Изъ Мута вышелъ Mutianus, а рыжіе волосы послужили поводомъ къ прозванію Rufus. Получивъ мѣсто каноника въ Готѣ, жилъ онъ тамъ, предаваясь своимъ люби-

Digitized by Google

мымъ занятіямъ, ходатайствуя о прощеніи политическимъ преступникамъ, принимая живѣйшее участіе въ дѣлахъ и успѣхахъ гуманистовъ. Самъ онъ, кромѣ писемъ, ничего не писалъ.

Въ этотъ кружокъ передовыхъ людей вступилъ Гуттенъ. Общій интересъ долженъ былъ, какъ мы уже сказали, тѣсно связать ихъ между собой противъ поклонниковъ старины. Объ нихъ уже говорили какъ объ опасныхъ вольнодумцахъ. Онъ поэтъ, онъ говоритъ по-гречески, это значило: онъ плохой христіанинъ. Поэты — пагуба университетовъ, говорили гасильники. Называли ихъ также «философами», придавая этому слову значеніе порицанья.

Гуттенъ оставался въ Эрфуртѣ очень не долго, потому что въ это время основанъ былъ Франкфуртскій университетъ, куда онъ и переѣхалъ. Тамъ появились первыя его стихотворенія, въ которыхъ еще нельзя видѣть Гуттена. Его желчная натура требовала внѣшняго толчка для возбужденія своей дѣятельности. Мы увидимъ, что въ этихъ внѣшнихъ толчкахъ у него не было недостатка.

Отецъ продолжалъ на него сердиться и не давалъ ему ни копѣйки, но родственники его присылали ему деньги, а вѣроятно Эйтельвольфъ выхлопоталъ ему пособіе и отъ маркграфа Альбрехта Бранденбургскаго.

Гуттенъ самъ себя называетъ animum irrequietum et versatilem. Путешествіе было для него необходимостью; онъ не могъ довольствоваться однѣми книгами; ему нужно было видѣть города и земли, наблюдать надъ живыми людьми, испытать свои силы въ борьбѣ съ живыми противниками. Самыя опасности, бури и бѣдствія страннической жизни были для него привлекательны. Сверхъ того, былъ онъ честолюбивъ, хотѣлъ пріобрѣсть значеніе въ свѣтѣ, а для этого надо было пуститься въ свѣтъ. Въ немъ лилась кровь странствующаго рыцаря. И вотъ въ 1509 году отправился онъ въ сѣверную Германію. Что̀ звало его именно туда, какъ онъ туда прибылъ, что̀ испыталъ на дорогѣ,—опять не извѣстно. Появляется онъ у береговъ Балтійскаго моря, совершившимъ опасное морское путешествіе, лишеннымъ всѣхъ средствъ къ существованію, больнымъ, питающимся подаяніемъ и между тѣмъ жадно пользующимся всякимъ

Digitized by Google

случаемъ познакомиться съ какимъ-нибудь ученымъ. Такъ дошелъ онъ до Грейфсвальда, гдѣ ректоръ высшаго учебнаго заведенія внесъ его въ университетскій матрикулъ, какъ совершенно безпомощнаго человѣка. Профессоръ правъ Летцъ и отецъ его бургомистръ — въ то время сильная особа — также приняли въ молодомъ человѣкѣ большое участіе. Первый даже одѣлъ его, далъ ему денегъ и былъ съ нимъ очень ласковъ. Но вскорѣ отношенія перемѣнились; Гуттена стали рѣже принимать, обращаться съ нимъ свысока, смѣяться надъ его гуманистическимъ направленіемъ, словомъ, довели его до необходимости удалиться. Но Летцъ требовалъ обратно своихъ денегъ, на которыя онъ былъ такъ щедръ сначала, вѣроятно, надѣясь получить ихъ съ процентами отъ отца Гуттена. Долго не соглашался онъ отпустить Ульриха, наконецъ склонился на его доводы, что единственное средство для него добыть деньги для уплаты долга было—искать счастія въ другомъ мѣстѣ.

Больной, въ сильную стужу, пошелъ Гуттенъ пѣшкомъ въ Ростокъ, надѣясь на лучшій пріемъ въ Мекленбургскомъ университетѣ. Но несчастіямъ его еще не суждено было кончиться. Въ глухомъ мѣстѣ, на замерзшемъ болотѣ, напала на него шайка людей, сняла съ него почти всю одежду, отняла даже тетрадку стиховъ, которую онъ носилъ при себѣ, и пустила полунагого идти далѣе. То были люди стараго Летца, которому жаль стало подареннаго Гуттену платья. Можно себѣ представить, въ какомъ видѣ добрался онъ до Ростока. Тамъ онъ окончательно слегъ въ постель и лежалъ въ какой-то дрянной гостинницѣ, безъ всякихъ средствъ и знакомыхъ. Давши знать университетскимъ профессорамъ о своемъ положеніи, онъ показалъ имъ свои сочиненія и возбудилъ въ нихъ участіе. Профессоръ философіи Экбертъ Гарлемъ принялъ его въ свой домъ, не такъ какъ Летцъ, а какъ человѣкъ въ самомъ дѣлѣ сострадательный, употребилъ всѣ средства къ его излѣченію, далъ ему денегъ, и вскорѣ Гуттенъ сталъ преподавать bonas literas.

Въ продолженіе своего несчастнаго путешествія, Гуттенъ совершенно возмужалъ. Первый толчекъ былъ данъ, желчь его заиграла, и его обличительное сочиненіе противъ Летцовъ носитъ уже характеръ его будущихъ полемическихъ и обличи-

Digitized by Google

тельныхъ образцовыхъ произведеній. Значеніе его сочиненій возрастаетъ въ той мѣрѣ, въ какой возрастаютъ предметы его гнѣва. Сначала дѣйствуютъ въ немъ только личные интересы, но мало-по-малу кругъ этихъ интересовъ расширяется, и врагами его становятся уже не Летцы, а всѣ враги истины и прогресса, къ которымъ они принадлежали.

Пока Гуттенъ мѣнялъ одно мѣстопребываніе за другимъ, переѣзжалъ изъ Виттенберга въ Лейпцигъ, оттуда въ Вѣну, другъ его Рубіанъ, получившій мѣсто воспитателя въ Фульдѣ, старался помирить его съ упрямымъ отцомъ. Но старикъ былъ непреклоненъ; безусловное повиновеніе сына, возвращеніе его въ монастырь, можетъ-быть, помирило бы его съ нимъ, говорилъ онъ. Наконецъ рѣшился онъ сдѣлать уступку: пусть онъ оставитъ свои дурацкія погремушки (то-есть гуманистическія занятія) и по крайней мѣрѣ изучаетъ право; тогда онъ можетъ быть полезенъ своимъ родственникамъ; къ тому же одинъ изъ этихъ родственниковъ живетъ въ Италіи и пріобрѣлъ извѣстность, какъ юристъ: къ нему можно отправить Ульриха. Извѣщая Гуттена о ходѣ переговоровъ, Рубіанъ совѣтуетъ ему пріѣхать, чтобы самому разгадать дѣйствительныя намѣренія скрытнаго старика. Но Гуттенъ не рѣшился на эту опасную пробу. Онъ предпочелъ обратиться прямо къ монастырю Фульдскому съ просьбою выслать ему денегъ, обѣщая въ такомъ случаѣ возвратиться туда. Монахи отправили къ нему отвѣтъ, полный участія, соболѣзнованія, радости о его возвращеніи, но денегъ не прислали ни гроша, боясь, что онъ ихъ надуетъ и не пріѣдетъ.

Между тѣмъ напечаталъ Гуттенъ свою поэму De arte versificandi въ Лейпцигѣ, и вскорѣ потомъ мы видимъ его, по прежнему безпомощнаго, на пути въ Вѣну. Снова нашелся добрый человѣкъ, епископъ Ольмюцскій, поклонникъ Эразма и гуманистовъ, который далъ ему денегъ и лошадь на дорогу. Въ Вѣнѣ, разумѣется, тотчасъ вступилъ онъ въ кружокъ гуманистовъ и возбудилъ къ себѣ сильное участіе съ ихъ стороны, прочитавъ имъ свое увѣщаніе къ императору Максимиліану настойчиво продолжать войну съ Венеціей. Въ первый разъ оставилъ онъ тѣсную сферу личныхъ интересовъ и коснулся государственнаго вопроса. Извѣстно, что Максимиліанъ, увлеченный темною идеей о возстановленіи

Digitized by Google

Римской Имперіи, хотѣлъ, по старому обычаю, идти на Римъ и короноваться, но Венеціанцы не позволяли ему пройдти чрезъ ихъ владѣнія. Вслѣдствіе различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, война съ ними была безуспѣшна, и уступки, которыя они дѣлали, казались Максимиліану слишкомъ ничтожны. Въ это время Гуттенъ написалъ свою Exhortatio, въ которой совѣтуетъ императору не прекращать военныхъ дѣйствій. Въ этомъ стихотвореніи ясно проглядываютъ презрѣніе и ненависть рыцаря-Гуттена къ республикѣ обогатившихся купцовъ. Онъ до конца жизни не могъ совершенно отдѣлаться отъ сословнаго предразсудка, хотя, какъ мы увидимъ далѣе, обстоятельства заставили его протянуть руку людямъ, которыхъ онъ считалъ неизмѣримо ниже себя.

Къ этому же времени относится другое его стихотвореніе, въ которомъ онъ старается доказать, что германское племя не выродилось, не смотря на кажущійся упадокъ храбрости и политическое разстройство. Въ жизни народа, говоритъ онъ, есть періоды развитія внѣшней силы, которые смѣняются другими, періодами внутренняго развитія. Именно такой періодъ насталъ для Германіи. Науки и искусства процвѣтаютъ, торговля и промышленность развиваются; два изобрѣтенія, которымъ не было подобныхъ, порохъ и книгопечатаніе, доказываютъ, что Германцы не отживаютъ свой вѣкъ и не падаютъ.

Путешествіе въ Италію было въ то время нравственною необходимостью для каждаго гуманиста. Видѣть страну, въ которой развились древніе Римляне, которой ясное небо внушало Горацію его поэтическія картины природы, видѣть своими глазами тотъ форумъ, гдѣ гремѣло когда-то слово Цицерона,—это было страстное желаніе людей, посвятившихъ себя изученію древняго міра. Гуттена влекло туда, можетъ-быть, и желаніе уступить волѣ отца и заняться правовѣдѣніемъ, потому что въ самомъ дѣлѣ въ апрѣлѣ 1512 года слушалъ онъ въ Павіи лекціи знаменитаго правовѣда Язона Майнуса. Ломбардія была тогда въ рукахъ Французовъ. Послѣ кровопролитной битвы при Равеннѣ, 20,000 Швейцарцевъ, призванные папою, осадили Павію. — Французы недовѣрчиво смотрѣли на подданныхъ Максимиліана и арестовали Гуттена въ его тѣсной комнатѣ. Но вскорѣ они должны были очистить Павію и впустить Швей-

Digitized by Google

царцевъ. Швейцарцы, въ свою очередь, видя въ Гуттенѣ союзника Французовъ, ограбили его и едва отпустили. Въ іюнѣ отправился онъ въ Болонью, гдѣ снова очутился больной и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Не видя никакого исхода изъ этого бѣдственнаго положенія, онъ, не смотря на разстроенное здоровье, вступилъ въ военную службу. Каждая перемѣна, каждая новая обстановка въ жизненныхъ отношеніяхъ вызывала поэтическую дѣятельность Гуттена. Такъ эта воинственная атмосфера, въ которой вращался онъ теперь, внушила ему книгу Эпиграммъ * къ императору Максимиліану, одно изъ самыхъ свѣжихъ и лучшихъ его произведеній. Это — собраніе совѣтовъ и мнѣній, написанныхъ въ различное время подъ непосредственнымъ вліяніемъ разнообразныхъ происшествій. Всѣ эпиграммы касаются политическихъ военныхъ дѣлъ. То выражается въ нихъ надежда на побѣду, то опасеніе, при видѣ неудачнаго хода войны, и проч. Не можемъ воздержаться, чтобы не привести здѣсь содержаніе одной изъ нихъ, которая показываетъ, какое неизмѣримое разстояніе раздѣляло гуманистовъ отъ схоластиковъ: интересы жизни, откинутые, затемненные, подавленные схоластикой, явно начинаютъ вступать въ свои права.

Италія жалуется Аполлону, что на нее напали съ трехъ сторонъ—вѣроломные Венеціанцы, пьяные Нѣмцы и высокомѣрные Французы. Если ужь суждено мнѣ пасть, говоритъ она, то укажи мнѣ по крайней мѣрѣ, чье иго будетъ для меня сноснѣе. «Венеціанецъ всегда коваренъ, отвѣчаетъ Аполлонъ, Французъ всегда кичливъ, Нѣмецъ—не всегда пьянъ. Выбирай, кого хочешь.»

Но замѣчательнѣе всего для исторіи дальнѣйшаго развитія Гуттена то, что послѣднія эпиграммы его направлены противъ папы. Находясь въ Италіи, онъ могъ видѣть своими глазами какъ Юлій II, въ противность своему священному сану, если и не былъ самъ зачинщикомъ войны, то принималъ личное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ самый годъ прибытія Гуттена въ Италію, Юлій II лично распоряжался осадою Миран-

* Эпиграммъ въ прежнемъ смыслѣ слова, то-есть краткихъ сентенцій и афоризмовъ въ стихахъ.

Digitized by Google

долы и съ мечемъ въ рукахъ взошелъ на осадную лѣстницу. Здѣсь опять видимъ мы, что для Гуттена необходимо было личное столкновеніе, чтобы вызвать въ немъ потокъ кипучихъ чувствъ, который, однажды вырвавшись наружу, уже не переставалъ клокотать и уничтожать то, на что̀ былъ направленъ. Въ своихъ эпиграммахъ онъ не ограничивается отвлеченною идеей о значеніи папы, о противоположности его духовнаго значенія съ воинственными стремленіями; онъ прямо нападаетъ на Юлія II, на его нравы, на продажу индульгенцій и буллъ, на безсовѣстное обираньe Германіи. Но это было только начало. Гуттенъ еще не скоро превратится изъ гуманиста въ реформатора, и мы видимъ въ самомъ слогѣ его вліяніе гуманистической школы. Юпитеръ, Олимпъ, римскія божества играютъ еще роль въ этихъ обличеніяхъ. «Если бы возвратились Титаны, говоритъ онъ, то Юпитеръ бы погибъ; Юлій продалъ бы имъ Олимпъ за деньги».

Голосъ не одного только Гуттена громилъ злоупотребленія Церкви; все чаще и чаще стали появляться памфлеты, сатиры, и т. п. Число ихъ увеличилось, когда умеръ Юлій II. Появились эпитафіи, сатирическіе разговоры въ царствѣ мертвыхъ, и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій ошибочно приписываютъ Гуттену.

Въ 1514 году прибылъ онъ назадъ въ Германію. Отецъ и родственники, видя, что онъ возвратился изъ Италіи ничѣмъ, что курсъ правовѣдѣнія онъ выслушалъ, а степени никакой не получилъ, рѣшили, что онъ не достоинъ никакого вспомоществованія. Но судьба улыбнулась ему съ другой стороны. Эйтельвольфъ фонъ-Штейнъ, о которомъ мы уже упоминали, перешелъ на службу къ новому Майнцскому архіепископу, маркграфу Альбрехту Бранденбургскому. Какъ префектъ города Майнца, Эйтельвольфъ рѣшился употребить все свое вліяніе для того, чтобы подвинуть впередъ возрождавшіяся науки. Изгнать изъ университета старыхъ схоластиковъ и посадить на ихъ мѣста людей новаго направленія, было его первымъ дѣломъ. При этомъ онъ не забылъ Гуттена и просилъ его написать въ стихахъ панегирикъ архіепископу, по случаю его пріѣзда въ Майнцъ. Гуттенъ исполнилъ заказъ и воспользовался случаемъ, чтобы, выхваляя ученаго рыцаря (doctus eques) Эйтель-

Digitized by Google

вольфа, посмѣяться надъ невѣжественною спесью дворянства и его презрѣньемъ ко всякому образованію. Курфиршъ далъ Гуттену 200 золотыхъ гульденовъ, и онъ остался въ Майнцѣ, гдѣ жилъ еще другой его покровитель и родственникъ Фровинъ фонъ-Гуттенъ. Тутъ познакомился онъ въ первый разъ съ Эразмомъ, верховнымъ главою всѣхъ гуманистовъ. Всѣ они почти благоговѣли передъ знаменитымъ ученымъ. Съ этихъ поръ началась между Эразмомъ и Гуттеномъ переписка, изъ которой можно видѣть, какимъ глубокимъ чувствомъ уваженія былъ проникнутъ Гуттенъ къ этому человѣку. Мы увидимъ какъ разорвалась эта связь. Въ ту пору Эразмъ стоялъ во главѣ движенія. Это былъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени, воплощеніе гуманизма. Изученіе древней словесности не только давало внѣшній лоскъ стилю или развивало вкусъ, оно дѣйствовало на весь духовный организмъ человѣка, давало болѣе свободный полетъ мыслямъ, связаннымъ вѣчными авторитетами и схоластикой. Ниже мы разсмотримъ подробнѣе какъ гуманизмъ подѣйствовалъ на Эразма, въ чемъ заключались его отличительныя черты. Теперь скажемъ только, что онъ остановился на половинѣ пути, между тѣмъ такъ Гуттенъ шелъ впередъ неослабно; Эразмъ остался гуманистомъ, — Гуттенъ изъ гуманиста превратился въ реформатора, и съ этой минуты они должны были выступить противниками: — но это еще впереди.

Постоянно больной, Гуттенъ поѣхалъ лѣчиться на воды въ Эмсъ и тамъ получилъ снова одинъ изъ тѣхъ ударовъ, которыми такъ щедро осыпала его судьба. Ударъ на этотъ разъ былъ чувствительнѣе всѣхъ прежнихъ: въ одно время получилъ онъ извѣстіе о смерти Эйтельвольфа и о убійствѣ своего двоюроднаго брата, Ганса фонъ-Гуттена, герцогомъ Ульрихомъ Виртембергскимъ.

Гансъ Гуттенъ, любимый сынъ Людвига Гуттена, который когда-то помогалъ Ульриху въ его стѣсненномъ положеніи, находился при дворѣ герцога Виртембергскаго. Красивый, ловкій молодой человѣкъ, одаренный всѣми достоинствами рыцаря, вскорѣ сталъ любимцемъ герцога, не оставлявшимъ его ни на охотѣ, ни на пирушкѣ, — они были неразлучные друзья. Но Гансъ вздумалъ жениться, и дѣйствительно вступилъ въ бракъ

Digitized by Google

съ Урсулою Тумбъ, дочерью перваго сановника при виртембергскомъ дворѣ. Герцогъ давно уже ухаживалъ за этой красавицей, но теперь, вслѣдствіе ли отвращенія своего къ собственной супругѣ, гордой и бранчивой, вслѣдствіе ли того, что Урсула была замужемъ, и можно было легче скрыть преступную связь,—теперь онъ влюбился въ нее по уши, сталъ безпрестанно ѣздить къ Гансу и наконецъ такъ явно оказывать излишнее вниманіе женѣ его, что тотъ рѣшился сдѣлать ему замѣчаніе. Видно сильно говорила страсть въ герцогѣ, когда онъ бросился въ ноги Гансу, умоляя его, заклиная, чтобы онъ позволилъ ему любить его жену, безъ которой жизнь для него невыносима.

Эта сцена, разумѣется, происходила безъ свидѣтелей, но на другой день весь дворъ только о ней и говорилъ. Герцогъ, можетъ-быть, перенесъ бы все, кромѣ скандала, въ которомъ ему на долю выпала самая жалкая, комическая роль. Нечего было и думать о примиреніи, и Гансъ сталъ собирать мнѣнія родственниковъ и знакомыхъ какъ ему быть. Такъ какъ эти родственники и знакомые жили при разныхъ дворахъ, то вѣсти о поступкахъ герцога распространились по Германіи. Это его еще болѣе раздражило. Онъ сталъ кому угодно расказывать объ измѣнникѣ и злодѣѣ Гуттенѣ, сравнивая его съ Іудой, и т. п. Наконецъ Гансъ просилъ герцога объ отставкѣ, и получилъ отказъ. Тяжко ли было герцогу разстаться съ Урсулой, или участь Ганса уже рѣшена была въ его мысляхъ и не хотѣлъ онъ выпустить звѣря изъ западни, во всякомъ случаѣ не склонился онъ и на просьбу отца Ганса дать его сыну отпускъ во Франконію по семейной надобности.

Чрезъ нѣсколько дней назначена была поѣздка верхомъ всему двору въ Бёблингенъ. Герцогъ подозвалъ Ганса и приказалъ ему ѣхать возлѣ себя, чтобы поговорить о его отпускѣ. Герцогъ былъ въ полномъ вооруженіи и панцырѣ, Гансъ имѣлъ при себѣ только шпагу. Въѣхавши въ лѣсъ, герцогъ отослалъ подальше свою свиту и бросился на Ганса. Ненависть его была такъ неукротима, что онъ нанесъ ему семь ранъ (изъ которыхъ пять были назади: доказательство, что Гансъ не защищался, а хотѣлъ спастись), и уже бездыханному завязалъ

Digitized by Google

шею поясомъ и, воткнувъ мечъ въ землю, привязалъ конецъ пояса къ рукояткѣ.

Эту-то вѣсть получилъ Ульрихъ Гуттенъ въ Эмсѣ. Убійство было такъ нагло, что возстановило противъ герцога все рыцарство. Въ то время можно было безнаказанно убить простаго человѣка, но убить рыцаря—считалось страшнымъ преступленьемъ. Къ этому должно прибавить, что рыцари и безъ того были недовольны вообще возрастающею силой своихъ государей: блаженное время кулачнаго права проходило, и они уже не были такъ независимы какъ прежде, то-есть, уже не такъ свободно производили грабежи по большимъ дорогамъ. Герцогу пришлось выслушать горькую истину отъ графовъ и дворянъ, бывшихъ въ его службѣ. Заговорили и мечемъ, и перомъ. Ульрихъ Гуттенъ, безъ сомнѣнія, не молчалъ: въ его глазахъ убитъ былъ не только свободный рыцарь, но его близкій родственникъ, сынъ его благодѣтеля. Даже отецъ Гуттена, при этомъ несчастіи, постигшемъ весь ихъ родъ, рѣшился помириться съ сыномъ, котораго перо могло быть въ этомъ дѣлѣ такъ же полезно, какъ и мечъ. Дѣйствительно, сначала появилась печальная пѣснь о кончинѣ Ганса, потомъ первая обличительная рѣчь противъ герцога, въ которой Гуттенъ изложилъ весь ходъ дѣла. Рѣчь, эта еще не была напечатана, но ходила по рукамъ въ спискахъ.

Слѣдовало бы ожидать, что Максимиліанъ накажетъ герцога за его преступленіе, но власть императора была въ ту эпоху еще слишкомъ слаба: стѣсненный внѣшнею войной и видя въ герцогѣ Виртембергскомъ покорное орудіе своихъ плановъ, потому что онъ самъ посадилъ его на престолъ, объявилъ его до времени совершеннолѣтнимъ, женилъ его на своей племянницѣ Сабинѣ Баварской; не желая сверхъ того дать перевѣсъ рыцарямъ въ ихъ антагонизмѣ съ владѣтельными лицами, Максимиліанъ не только что не наказалъ герцога, но принялъ его ласково, обѣщалъ свое заступничество и пригласилъ въ Вѣну присутствовать на свадьбѣ своихъ внуковъ. Но чтобы въ то же время не очень вооружить противъ себя рыцарей, назначилъ онъ Пфальцъ и Вюрцбургъ посредниками въ этомъ дѣлѣ, которымъ заранѣе предписалъ объявить Ганса невиннымъ, а убійство его представить какъ несчастное слѣдствіе

Digitized by Google

вспыльчивости герцога, за которое герцогъ могъ внести отцу убитаго 10,000 флориновъ, да 2000 дать на поминки о его душѣ.

Въ это время убѣжала отъ герцога жена его Сабина, никогда не бывшая съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, а вслѣдствіе всѣхъ этихъ событій окончательно рѣшившаяся покинуть его. Это обстоятельство послужило поводомъ къ новой рѣчи Гуттена противъ герцога. Партія Гуттеновъ сдѣлалась очень сильна: Баварія, оскорбленная въ лицѣ Сабины, пристала къ ней. Безъ сомнѣнія, Гуттены не соглашались на сдѣлку, предложенную Максимиліаномъ, и требовали крови за кровь. Дѣло, по тогдашнему,дошло до усобицы. Съ обѣихъ сторонъ дѣятельно готовились къ войнѣ. Это послужило темою для третьей рѣчи Гуттена, въ которой онъ заклинаетъ императора и владѣтельныхъ особъ вступиться въ дѣло съ справедливостью и избавить Германію отъ междоусобія, къ которому Гуттены прибѣгаютъ только по нуждѣ.

Теперь въ интересахъ императора было воспрепятствовать междоусобію, и потому онъ рѣшился дѣйствовать и предписалъ — лишить герцога его владѣній. Но приведеніе этого указа въ исполненіе не избавило бы его отъ войны, и назначенные вновь посредники, въ этотъ разъ успѣшно, примирили соперниковъ. Герцогъ снова получилъ свои владѣнія, Людвигъ Гуттенъ согласился удовольствоваться денежнымъ вознагражденіемъ, — и буря затихла.

Ульрихъ Гуттенъ ничего не зналъ объ этомъ договорѣ и написалъ четвертую обличительную рѣчь, въ отвѣтъ на оправданіе герцога. Этимъ покамѣстъ окончился печальный эпизодъ Гуттеновой жизни, но герой нашъ, какъ мы увидимъ ниже, дожилъ наконецъ до дня мщенія.

Возвратимся теперь къ той минутѣ, когда Ульрихъ пріѣхалъ изъ Италіи домой, и вспомнимъ, что онъ былъ принятъ холодно и даже съ насмѣшками. Тогдашнее дворянство допускало для своихъ представителей дѣятельность военную, духовную и отчасти юридическую. Изучивши рядомъ съ каноническимъ правомъ римское или, какъ называли его въ то время, императорское право, можно было занять почетный постъ при дворахъ. Эту-то перспективу составилъ старикъ Гуттенъ для своего сына, когда, видя, что

Digitized by Google

въ немъ рѣшительно нѣтъ призванія къ духовной карьерѣ, послалъ онъ его учиться правовѣдѣнію въ Италію. И вотъ этотъ сынъ возвратился — ни магистромъ, ни докторомъ, словомъ ничѣмъ, и опять принялся за свое шутовское стихоплетство. Чтобы отклонить его отъ этого постыднаго пути, отецъ и другіе родственники предложили Гуттену денегъ, если онъ только снова поѣдетъ въ Италію продолжать изученіе правъ. Архіепископъ Майнцскій Альбрехтъ обѣщалъ также съ своей стороны помощь и мѣсто при дворѣ, когда онъ возвратится. Первые гуманисты не рѣдко присоединяли юридическія занятія къ занятіямъ по части древней литературы, но новое поколѣніе чувствовало отвращеніе къ правовѣдѣнію и хотѣло посвящать себя единственно любимой наукѣ. Только необходимость заставляла ихъ, какъ теперь Гуттена, измѣнять этой исключительности. Гуттенъ поѣхалъ въ Италію.

Но до отъѣзда еще вспомнилъ онъ о своемъ сочиненіи Nemo, переправилъ его и издалъ съ посвященіемъ Рубіану. Это шуточное стихотвореніе, въ которомъ *Nemo* (никто) является то именемъ собственнымъ, то отрицаніемъ, написано остроумно, но замѣчательно въ особенности по новымъ нападкамъ на духовенство и по вступительному посвященію. Игра словъ не переводима на русскій языкъ потому, что на латинскомъ одно отрицаніе соотвѣтствуетъ двумъ нашимъ. Такъ напримѣръ Гуттенъ говоритъ:

Nemo sacerdotum luxum vitamque supinam,
Nemo audet Latium carpere Pontificem.

«Немо смѣетъ (или никто *не* смѣетъ) порицать роскошь и праздную жизнь духовенства, Немо смѣетъ порицать папу».

Въ посвященіи мы опять видимъ какъ въ произведеніяхъ Гуттена отражаются неудачи собственной жизни. «У насъ теперь двѣ касты, говоритъ онъ, почитаютъ себя единственными обладателями знанія: юристы и теологи. Но юристы—язва правосудія и общественнаго блага; теологи — язва истинной религіи и богословія.» Начертавъ картину современнаго значенія юристовъ при дворахъ,Гуттенъ обращается къ духовенству;отличаетъ истинную, старую теологію, отъ схоластической, заваленной въ продолженіи трехсотъ лѣтъ страшной массой суевѣрія.

Digitized by Google

«Вмѣсто примѣрной жизни, эти люди бьются только изъ-за клобуковъ и привилегій, говоритъ онъ: считаютъ себя за соль земли, между тѣмъ какъ они самыя грязныя созданія; выслушивая исповѣдь владѣтельныхъ особъ и зная тайны женщинъ, они считаютъ себя мудрѣе всѣхъ остальныхъ людей. А попадись кто-нибудь къ нимъ въ руки, какъ еретикъ, — нѣтъ побѣдителя безпощаднѣе ихъ.»

Гуттенъ поѣхалъ въ Римъ. Папскій Римъ не могъ произвесть хорошаго впечатлѣнія на гуманиста, а тѣмъ болѣе на человѣка, который, какъ Гуттенъ, съ гуманизмомъ соединялъ уже ненависть къ чрезмѣрной власти духовенства и къ его злоупотребленіямъ. Рядъ эпиграммъ, одна другой сильнѣй, были плодомъ этого впечатлѣнія. Въ особенности обличалъ онъ продажность всего въ мірѣ, преимущественно отпущеній грѣховъ. «Смѣлѣе! восклицаетъ онъ, обращаясь къ римскому духовенству: смѣлѣе! Наложите руку, живите грабежемъ, убивайте, воруйте священное достояніе, оскорбляйте права! Пусть будутъ рѣчи ваши ужасомъ, дѣла преступленіемъ; погрязайте въ тинѣ разврата! Отрекайтесь отъ Бога на небеси!»

«Кто принесетъ деньги въ Римъ, говоритъ онъ далѣе, тотъ честнѣйшій человѣкъ; въ Римѣ покупаютъ и продаютъ добродѣтель и блаженство. Въ Римѣ можно откупить даже будущее преступленіе.»

Вскорѣ, вслѣдствіе ссоры съ пятью Французами за Максимиліана, Гуттенъ долженъ былъ оставить Римъ и отправился въ Болонью. Болѣзнь не покидала его, занятія юриспруденціею были ему вовсе не по сердцу; однакожь онъ подчинился волѣ родителей и продолжалъ ихъ, не теряя впрочемъ изъ виду собственныхъ цѣлей. Такъ посвятилъ онъ въ Болоньѣ свое свободное время на изученіе греческаго языка и читалъ съ Грекомъ Трифономъ Лукіана и Аристофана. Не прекратилъ онъ также своей поэтической дѣятельности и писалъ воззванія къ Максимиліану противъ Венеціи, которой досталось сверхъ того въ комической поэмѣ Marcus; воззваніе къ нему же отъ лица всей Италіи, спасти ее отъ раззоренія, отъ самовластія флорентинскихъ торгашей (Медичи), — воззваніе, на которое Эобанъ Гессе отвѣчалъ именемъ императора; тамъ же писалъ онъ вторую и третью рѣчь про-

Digitized by Google

тивъ герцога Виртембергскаго. Занятіе греческимъ языкомъ, въ особенности изученіе Лукіана, познакомило его съ разговорною формой произведеній словесности, — формой, которую съ этихъ поръ онъ особенно полюбилъ. Всѣ его лучшія сочиненія написаны въ видѣ разговоровъ. Впрочемъ было и другое, вредное вліяніе изученія греческой словесности на Гуттена: онъ взялъ привычку примѣшивать къ своей чистой и безукоризненной латыни греческія слова.

Первое произведеніе его въ разговорной формѣ было направлено противъ того же герцога Виртембергскаго. То была ѣдкая сатира, въ видѣ разговора въ царствѣ мертвыхъ. Она раздѣляется на двѣ сцены. Первая, на берегу Стикса, происходитъ между Харономъ, Меркуріемъ и тираномъ, — такъ означаетъ Гуттенъ герцога, не называя его по имени. Меркурій приводитъ тирана къ перевозчику. Харонъ удивляется, видя живого человѣка, и Меркурій объясняетъ ему, что давно умершій Фаларисъ*, желая, чтобы и въ Германіи завелись тираны, явился во снѣ этому Швабскому принцу, и далъ ему должныя увѣщанія и совѣты.—Да не тотъ ли это тиранъ, спрашиваетъ Харонъ, на котораго недавно жаловалась тѣнь франконскаго рыцаря, а вскорѣ послѣ того тѣнь его отца (отецъ Ганса умеръ)? Она еще разсказывала при этомъ трагическую исторію объ убійствѣ молодого рыцаря, такъ что всѣ были тронуты. — Онъ самый отвѣчаетъ Меркурій, и за тѣмъ начинается споръ между Хароном и тираномъ, который не хочетъ помогать ему грести: однакожь наконецъ долженъ онъ отложить спесь и приняться за весло. Меркурій ведетъ его въ ущелье, гдѣ находятся подобные ему тираны, и между ними Фаларисъ. Начинается вторая сцена. Тиранъ даетъ отчетъ Фаларису о томъ, какъ онъ пользовался его уроками, какъ убилъ Ганса. Фаларисъ находитъ, что ученикъ превзошелъ его, потому что онъ, Филарисъ, губилъ только враговъ и подозрительныхъ людей, и никогда рука его не поднималась на друзей и благодѣтелей. Чтобы избавиться, продолжаетъ тиранъ, отъ возмездія за это преступленіе, я заключилъ договоръ,

---

* Фаларисъ, тиранъ Агригентскій. Нѣкто Перилай устроилъ ему мѣднаго быка, въ которомъ Фаларисъ жарилъ будто бы свои жертвы. Преданіе прибавляетъ, что Перилай самъ былъ изжаренъ въ этомъ быкѣ.

Digitized by Google

котораго не исполняю, а готовлюсь къ войнѣ подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы возвратить бѣжавшую отъ меня жену. Въ случаѣ побѣды, тиранъ намѣренъ удовлетворить своему звѣрству вполнѣ и потому пришелъ просить у Фалариса новыхъ совѣтовъ. Фаларисъ предлагаетъ ему разныя классическія средства, какъ напримѣръ своего мѣднаго быка, сожалѣетъ, что тиранъ не достаточно воспитанъ и не можетъ прочесть въ подлинникѣ исторію Тиберія, Калигулы, Нерона, и проч., совѣтуетъ ему приказать ее перевести для себя. «Недурно также, прибавляетъ онъ, четвертовать, разстрѣливать изъ пушекъ, какъ недавно дѣлали въ Богеміи, сдирать кожу, а мясо посыпать солью и обливать уксусомъ, отрѣзывать руки, ноги, языкъ, носы, вырывать глаза и зубы, и т. д.»—Да я уже это дѣлывалъ, отвѣчаетъ ученикъ. Въ этомъ родѣ продолжается ихъ разговоръ. Потомъ Фаларисъ представляетъ тирана всѣмъ его предшественникамъ, даетъ ему еще совѣтъ приложить одно изъ разобранныхъ имъ procédés къ его маршалку Тумбу, и Меркурій уводитъ его домой.

Эта сатира, названная Phalarismus, подняла страшную бурю противъ Гуттена. Въ Вюрцбургѣ сожгли ее публично на площади. Герцогъ былъ еще силенъ, могущественъ, и Гуттенъ зналъ чѣмъ рискуетъ. Съ этой поры онъ принялъ для своихъ сочиненій девизъ Цезаря: jacta est alea!

Между тѣмъ болѣзни и споры не покидали Гуттена и въ Болоньѣ. Въ концѣ 1516 года заболѣлъ онъ очень опасно, но едва оправился, какъ въ университетѣ произошли безпорядки, плодъ столкновенія различныхъ національностей: Нѣмцы поспорили съ Ломбардцами, и вооруженною рукой пошли по городу на тѣ дома, гдѣ жили ихъ противники. Безпорядки продолжались два дня, но не было ни убитыхъ, ни раненыхъ; наконецъ губернаторъ успѣлъ возстановить порядокъ и потребовалъ возмутителей къ себѣ на судъ. Можно почти положительно сказать, что Гуттенъ при этомъ не сидѣлъ сложа руки, тѣмъ болѣе, что его выбрали представителемъ нѣмецкой націи, для защиты ея передъ губернаторомъ. Пылкій и смѣлый, къ тому же никогда не забывавшій, что онъ рыцарь, Гуттенъ такъ горячо вступился за своихъ кліентовъ, что счелъ за лучшее бѣжать отъ бѣшенства губернатора. Къ этому еще присоединилось обстоятельство чрезвычайной важности: Гуттенъ величалъ герцогомъ

Digitized by Google

Урбинскимъ Франциска Марію, котораго папа Левъ X лишилъ владѣній, заботясь о судьбѣ одного изъ своихъ племянниковъ, желавшаго получить это герцогство. Послѣ такого преступленія, Гуттену оставалось только бѣжать.

Пробывъ очень не долго въ Феррарѣ, поѣхалъ онъ въ Венецію, — въ Венецію, которой такъ сильно доставалось въ его воззваніяхъ къ Максимиліану и гдѣ онъ, казалось, никакъ не могъ разсчитывать на благосклонный пріемъ. Но Венеція была тогда однимъ изъ центровъ гуманистической партіи, которой члены такъ тѣсно связаны были между собой, что передъ интересомъ науки и прогресса умолкали въ нихъ всѣ другія чувства. Гуттенъ нашелъ у гуманистовъ Венеціи такой пріемъ, какого ему еще нигдѣ не случалось видѣть.

Родственники, съ которыми онъ туда пріѣхалъ, уговаривали его отправиться съ ними дальше, ко Святымъ мѣстамъ, но онъ не согласился, и вскорѣ возвратился въ Германію, только заѣхавъ тайкомъ дня на два въ Болонью.

(До слѣдующей книжки.)

Digitized by Google

О НРАВСТВЕННОЙ СТИХІИ ВЪ ПОЭЗІИ.

Соч. Ореста Миллера.

Статья 2-я.

—

Съ того времени, какъ исторія литературы впервые получила право гражданства въ наукѣ, и до настоящей минуты, когда рѣдкая изъ отраслей человѣческаго вѣдѣнія пользуется такимъ общимъ почетомъ и вниманіемъ, какъ она, — многое измѣнилось и въ самыхъ воззрѣніяхъ ея, и въ матеріальномъ ея благосостояніи. Каждый день приноситъ что-нибудь новое. Съ увеличеніемъ числа фактовъ расширился самый взглядъ историка, и старыя, общеизвѣстныя явленія какъ бы обновились и приняли иной видъ. Стоитъ только взглянуть на новѣйшіе многочисленные труды нѣмецкихъ ученыхъ сравнительно съ трудами ихъ предшественниковъ, чтобы убѣдиться, какъ далеко шагнула наука впередъ въ какія-нибудь десять лѣтъ, подъ вліяніемъ новаго животворнаго сравнительно-историческаго метода.

Отсюда первый вопросъ, представляющійся нашему уму, когда мы имѣемъ дѣло съ трудомъ ученаго содержанія, есть вопросъ *о современности*. Мы требуемъ—и имѣемъ на то полное право, — чтобы сочинитель былъ современенъ своей наукѣ и хорошо знакомъ съ ея наличнымъ капиталомъ. Всякое противорѣчіе только тогда имѣетъ смыслъ и значеніе, когда оно основано на знаніи того, чему противорѣчитъ, и только уполномоченное такимъ знаніемъ оригинальное убѣжденіе автора получаетъ вѣсъ и право на вниманіе, а внѣ его оно относится къ области куріозовъ на ряду съ доморощеною философіей Кифы Мокіевича или судьи, доходившаго *собственнымъ умомъ* до сотворенія міра. Относительно г. Миллера такое требованіе

Digitized by Google

тѣмъ законнѣе, что предметъ его труда — не какое-нибудь спеціальное изслѣдованіе частнаго историческаго явленія, а общій взглядъ на развитіе нравственнаго идеала въ поэзіи; это не пустая игра въ имена, а задача, достойная полнаго вниманія и серьёзнаго изученья.

Къ сожалѣнію, и съ этой стороны, сочиненіе г. Миллера оказывается безотвѣтнымъ передъ нашимъ справедливымъ и законнымъ требованіемъ. Какъ нарочно, онъ сумѣлъ выбрать себѣ такого руководителя, который скорѣе всѣхъ прочихъ могъ подать поводъ къ соблазну и ввести во искушеніе. Я разумѣю Карла Розенкранца, ученика и послѣдователя Гегеля. Назадъ тому три года, онъ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: Die Poesie und ihre Geschichte. Eine Entwickelung der poetischen Ideale der Völker. Это не иное что̀, какъ переработка его стариннаго (1832) руководства ко всеобщей исторіи поэзіи: матеріалъ остался почти тотъ же, измѣнился только планъ и взглядъ на исторію поэзіи вообще. Но измѣнился едва ли къ лучшему.

Не смотря на увѣренія г. Миллера *, будто сочиненіе Розенкранца замѣчательно именно тѣмъ, что представляетъ въ исторіи поэзіи каждаго отдѣльнаго народа послѣдніе выводы изъ всѣхъ доселѣ совершенныхъ научныхъ изслѣдованій въ ея области,—мы не обинуясь позволимъ себѣ отказать въ этомъ качествѣ книгѣ нѣмецкаго ученаго.

Не отрицая его обширныхъ свѣдѣній и основательнаго вообще знакомства съ новѣйшею литературою предмета, можно сказать положительно, что это знакомство обнаружилось на самой книгѣ лишь богатымъ количествомъ цитатъ, а не дѣйствительно современнымъ взглядомъ на предметъ, — и причина этого заключается въ общемъ характерѣ и направленіи всей литературной дѣятельности Розенкранца. Наслѣдовавъ отъ *учителя* уваженіе къ системѣ, къ подведенію всего разнообразнаго содержанія творческой дѣятельности человѣка подъ нѣсколько общихъ рубрикъ, всегда случайныхъ и узкихъ въ отношеніи къ богатому матеріалу, Розенкранцъ раздѣлилъ всю

* Стр. 10 и 105 книги г. Миллера.

Digitized by Google

исторію поэзіи на группы, изъ которыхъ каждая, имѣя свои дальнѣйшія подраздѣленія, развиваетъ особый идеалъ.

За общимъ введеніемъ, которое всего менѣе показываетъ вниманіе автора къ послѣднимъ результатамъ науки, — онъ вступаетъ въ самую исторію поэзіи и различаетъ въ ней три главнѣйшихъ идеала: красоты, мудрости и свободы. Идеалъ красоты, по его мнѣнію, выражается всего полнѣе у народовъ первобытныхъ (ethnische Völker), къ которымъ принадлежатъ, между прочими, Греки, Римляне, Славяне, Кельты и древне-Германцы; идеалъ мудрости находитъ свое выраженіе у группы народовъ теистическихъ (theistische Völker), каковы: Евреи, Арабы, Персы и Турки; наконецъ, идеалъ свободы принадлежитъ народамъ христіанскаго міра, къ которымъ относятся Византійцы, Русскіе (!), племена Романскія и Германскія. Нѣтъ нужды, кажется, долго останавливаться на совершенной произвольности такого логическаго построенія по чисто внѣшнимъ признакамъ. Несостоятельность и случайность его видна изо всего дальнѣйшаго изложенія исторіи поэзіи. Довольно замѣтить, что самая мысль объ идеалѣ, какъ объ извѣстномъ отвлеченномъ принципѣ, развиваемомъ народомъ, рѣшительно противорѣчитъ его живому характеру: прямо исходя изъ жизни, онъ ближе и чувствительнѣе касается жизненныхъ интересовъ народа, чѣмъ полагаетъ нашъ нѣмецкій мыслитель, и никогда не можетъ низойдти на степень одной абстрактной мысли, потому что всякая отвлеченность противна живому народному организму, особенно въ эпоху его юности.

Системоманія заслонила отъ ученаго правильный взглядъ на предметъ, и ему какъ бы осталось непонятнымъ живое отношеніе поэзіи къ народной жизни. Оттого для всей исторіи онъ формулировалъ три главныхъ идеала, изъ которыхъ каждый съ равнымъ успѣхомъ можетъ быть относимъ ко всѣмъ народамъ и племенамъ, но ни одинъ не силенъ дать достаточнаго объясненія творческой дѣятельности народа. Это идеалы случайные, не существенные, идеалы, принадлежащіе системѣ, но не племенамъ и народамъ, къ которымъ они пріурочены. Такъ, напримѣръ, *идеалъ мудрости* отнесенъ только къ народамъ теистическимъ, тогда какъ у всѣхъ племенъ и народовъ мы

Digitized by Google

встрѣчаемъ его въ большей или меньшей степени. Наивный взглядъ простолюдина на природу и ея явленія, находящій полное выраженіе въ свѣжихъ эпическихъ формахъ пословицы, примѣты, загадки, поговорки и т. д., — эта «старина стародавняя», по меткому выраженію русской пѣсни, — развѣ не та же мудрость, капиталомъ которой такъ упорно-долго ведется жизнь народа, вопреки притоку образованности и цивилизаціи. И что̀ значитъ самый *идеалъ мудрости?* Если этимъ именемъ имѣлось въ виду обозначить особое поэтическое направленіе къ возведенію всѣхъ явленій жизни въ одинъ основной принципъ, то не то же ли явленіе мы находимъ у Грековъ въ ихъ древнѣйшей поэтической философіи, у Кельтовъ въ ученіяхъ друидовъ и бардовъ *, и у всѣхъ младенческихъ народовъ въ ихъ обычаяхъ, религіозныхъ и юридическихъ учрежденіяхъ!

Способность рефлексіи и мысли не есть исключительная принадлежность одного какого-нибудь народа или племени, и хотя нѣкоторыя условія могутъ дать ей особое, исключительное развитіе, но она всегда останется способностью, прирожденною человѣку. То же самое должно сказать и о двухъ другихъ идеалахъ Розенкранца, — идеалахъ красоты и свободы: высокимъ созданіямъ христіанскаго средневѣковаго искусства и поэзіи мы не можемъ отказать ни въ поразительной красотѣ, ни въ глубокомъ назидательномъ, или, пожалуй, мудромъ дѣйствіи на душу современниковъ; равнымъ образомъ разверните Лукреція или другихъ поэтовъ стоической школы, и вы увидите, что у нихъ тотъ же идеалъ (sacer orbis amor), который Розенкранцъ отдѣлилъ для эпохи позднѣйшей.

Пожертвовавъ системѣ дѣйствительнымъ содержаніемъ, ученый пренебрегъ и необходимымъ разграниченіемъ между поэзіею народной и позднѣйшею дѣятельностью образованнаго поэта – литератора. Нечего и говорить, что смыслъ и значеніе эпическаго періода народной жизни остались при этомъ совершенно непоняты: отвлеченный мыслитель пребылъ вѣренъ системѣ *учителя*, и вся книга получила характеръ логической схемы, единственное достоинство которой заключается въ изложеніи содержанія главнѣйшихъ произведеній поэзіи.

---

* См. замѣтк., недавно изданный Пикте: Les mystères des bardes. 1856. Brux.

Digitized by Google

Этого-то ученаго взялъ себѣ въ руководители г. Миллеръ. Онъ обязанъ ему не только главною мыслью своего труда, но и большею частью его матеріала: другихъ новѣйшихъ сочиненій онъ касался только слегка *; ибо «изъ существа его задачи само собою явствовало, что для рѣшенія ея спеціальныя изслѣдованія были бы рѣшительно неумѣстны: съ одной стороны *не достаточны*, съ другой *излишни!*»

Слѣдуетъ, однако, оговориться: между Розенкранцомъ и нашимъ авторомъ, при всемъ видимомъ сходствѣ ихъ историко-литературныхъ понятій, есть глубокое и важное различіе.

Многочисленными и долголѣтними трудами по литературѣ, философіи, исторіи Розенкранцъ выработалъ себѣ извѣстный взглядъ на предметъ и счастливо сумѣлъ помирить—на сколько это возможно—спекулятивное направленіе гегелиста съ положительнымъ серьёзнымъ взглядомъ историка. Мы разумѣемъ добросовѣстную передачу фактовъ и отсутствіе тѣхъ уродливо-рѣзкихъ приговоровъ, какіе встрѣчаются на каждомъ шагу у г. Миллера. Система много повредила нѣмецкому ученому: изъ-за нея онъ часто жертвовалъ правильностью взгляда (такъ напримѣръ поэзію Ирана онъ отдѣляетъ отъ ея индѣйскаго первообраза и относитъ къ отдѣлу мухаммеданской поэзіи, и т. д.); но этотъ недостатокъ не сдѣлалъ его книги окончательно безполезною при занятіяхъ исторіею поэзіи, тогда какъ сочиненіе г. Миллера можетъ похвалиться этимъ качествомъ вполнѣ и безпрекословно. Розенкранцъ, не выходя изъ заповѣднаго круга системы, почти всегда остается вѣренъ исторической точкѣ зрѣнія; напротивъ, г. Миллеръ почти никогда не слѣдуетъ ей и остается лишь вѣренъ своей основной мысли о великой безнравственности всего рода человѣческаго, «вслѣдствіе несовершенства и паденія сдѣлавшейся его удѣломъ». Отъ различія во взглядѣ произошло различіе и въ характерѣ самыхъ сочиненій. Трудъ Розенкранца, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, все же историческое изслѣдованіе, а сочиненіе нашего автора—юридическая докладная записка о безнравственности и

* Исключеніе дѣлаютъ старое сочиненіе Genthe и превосходное собраніе Solowicx'a: Polyglotte der Orient. Poesie, съ которыми нашъ авторъ знакомъ довольно близко.

Digitized by Google

поэтическомъ развратѣ нашихъ почтенныхъ предковъ. Тихъ и миренъ да будетъ могильный сонъ ихъ, и да не смутится онъ суетнымъ голосомъ, не уполномоченнымъ ни знаніемъ дѣла, ни прямымъ, безпристрастнымъ взглядомъ на него!

Послѣ этого необходимаго отступленія, обратимся къ самому сочиненію «О нравственной стихіи въ поэзіи», къ его фактической части.

Выше мы видѣли, какъ осторожно обошелъ г. Миллеръ *мелкіе* историческіе факты, обезопасивъ себя мыслью, что «для выполненія его задачи, необходимы только явленія крупныя, въ коихъ творческая сила народа выказалась во всей полнотѣ»; теперь, въ исторической части, мы находимъ достаточное объясненіе такого понятія.

Для изслѣдователя, чуждаго постороннихъ внушеній, историческія данныя такъ обязательны, такъ важны, что онъ не рѣшится произнесть своего приговора, не скрѣпивъ его положительнымъ и честнымъ изученіемъ дѣла. Торопливыя, преждевременныя заключенія по двумъ-тремъ, хотя и *крупнымъ*, явленіямъ, обнаруживаютъ или плохое знакомство съ предметомъ, или непростительную уступку въ пользу предубѣжденія или какой-нибудь домашней симпатіи.

Надо отдать справедливость нашему автору въ строгой послѣдовательности и вѣрности однажды принятымъ началамъ. Рѣшивъ заранѣе, что до *извѣстной* исторической эпохи «нравственность каждаго и даже великаго народа болѣе или менѣе односторонняя», онъ поступилъ бы крайне неосмотрительно, если-бы рѣшился выйдти на широкое, чистое поле историческихъ фактовъ: такимъ рѣзкимъ протестомъ стоятъ они противъ его главной мысли! Но онъ не ходилъ такъ далеко и ограничился только новыми оригинальными варіаціями на тему старыхъ, общественныхъ фактовъ, подводя имъ тѣ удивительные итоги, образчики которыхъ мы имѣли случай показать выше.

Передъ взглядомъ его, историческіе факты блѣднѣютъ до того, что онъ принужденъ бываетъ собственнымъ умомъ восполнять ихъ внутреннюю пустоту и длинными нравственными сентенціями скрадывать недостатокъ содержанія. Отсюда произошла такая мозаическая помѣсь личныхъ оригинальныхъ мнѣній съ историческими данными, что неопытный читатель мо-

Digitized by Google

жетъ приписать индѣйскому Вальмикѣ или греческому Аристофану то, что, по всей справедливости, принадлежитъ только г. Миллеру. Гдѣ же дѣло коснется какихъ-нибудь общихъ выводовъ и заключеній, то онъ, вѣрный своей основной мысли, щедрою рукой разсыпаетъ такія оригинальныя воззрѣнія, которыя невольно приведутъ васъ къ печальному убѣжденію «о великой *ограниченности* человѣческой природы, вслѣдствіе не совершенства и паденія сдѣлавшейся его удѣломъ».

Особенно преслѣдуетъ автора его теорія первобытнаго совершенства. Заговоритъ ли онъ объ олицетвореніи предметовъ природы въ индѣйской поэзіи—и онъ открываетъ въ немъ «*поэтическое* воспоминаніе о томъ состояніи человѣка, когда природа дѣйствительно была ближе къ нему, когда онъ могъ отдыхать на груди ея, *не опасаясь вреднаго вліянія стихій*, когда въ каждой былинкѣ прозрѣвалъ онъ нѣчто духовное—невидимую силу Божества, постоянно близкаго душѣ человѣка, еще *не помрачившейся злоупотребленіемъ своей воли*» (стр. 38). Разоблачите эту индѣйскую характеристику и переложите ее на простой русскій языкъ, — вы получите въ результатѣ два вывода: первый, вполнѣ справедливый, что было время, когда человѣкъ ближе и непосредственнѣе относился къ природѣ; второй, — что въ это время человѣкъ не опасался вреднаго вліянія стихій и не омрачался злоупотребленіемъ своей воли. Любопытно знать откуда почерпнулъ г. Миллеръ такія любопытныя метеорологическія и психологическія подробности. «Чистота и теплота чувства любви и *тонкость* въ выраженіи его индѣйской поэзіи, *безъ сомнѣнія*, есть, тоже, какъ бы отблескъ первообразнаго состоянія человѣческой природы, которое нашло себѣ пріютъ, не смотря на то, что въ дѣйствительности перевѣсъ чувственной любви уже получилъ право гражданства» (стр. 27). И «чистота, величіе чувствованій, которыя мы встрѣчаемъ въ поэзіи Оссіановой, принадлежитъ (къ) инстинктамъ добра, сохраняющимся въ человѣчествѣ, какъ уцѣлѣвшая доля *первобытнаго его совершенства*» (стр. 106).

Мы очень наклонны повѣрить справедливости такихъ объясненій автора: такъ легко и свободно прилагаются они ко многимъ фактамъ исторіи поэзіи, еслибы не случилось двухъ обстоятельствъ, значительно подрывающихъ наше довѣріе:

Digitized by Google

первое—происходящій отсюда отрицательный взглядъ на природу человѣка, и второе—несогласимое противорѣчіе идеи съ историческими явленіями. Все это отразилось и на сочиненіи г. Миллера.

Злоупотребленія воли, *темныя дѣйствія воли*, вотъ термины, которыми онъ обыкновенно живописуетъ природу человѣка. Самые добрые инстинкты ея онъ не рѣшается приписать ей самой, ея собственнымъ силамъ, а обращается къ своей теоріи и въ ней подыскиваетъ приличное объясненіе. «Человѣкъ отъ природы золъ и своеволенъ, въ немъ борются два противоположныя начала: добра и зла, онъ есть самъ виновникъ своихъ дѣлъ добрыхъ и злыхъ, но чаще злыхъ, ибо онъ осмѣлился свободу своей воли направить противъ закона нравственнаго, онъ палъ, и это паденіе есть корень всѣхъ горестей и превратностей его жизни.» Таковъ вообще взглядъ на человѣка русскаго послѣдователя дуалистическаго ученія Зороастра. Иначе и быть не могло. Человѣческій умъ въ своихъ сужденіяхъ руководится исключительно категоріей противоположности, сравненія: коли далекое доисторическое время представляется моимъ глазамъ въ розовомъ свѣтѣ, какъ образецъ или совершенство, то чѣмъ далѣе я отхожу отъ него, тѣмъ болѣе мрака и заблужденія, тѣмъ извращеннѣе становится, въ глазахъ моихъ, человѣческая природа, когда-то свѣтлая и совершенная, а нынѣ руководимая темными дѣйствіями воли, наклонностью ко злу, и т. д. Жаль только, что нашъ авторъ до конца не преслѣдовалъ этой мысли, а остановившись на извѣстной эпохѣ, сдѣлалъ поворотный кругъ назадъ, конечно, опять къ совершенству... Разсматривая человѣка, какъ почву, на которой обильно всходятъ плевелы, и находя источникъ этого въ темныхъ дѣйствіяхъ воли, г. Миллеръ не пощадилъ и не сдѣлалъ уступки и въ пользу человѣческой плоти: съ крайнимъ омерзеніемъ онъ отзывается о *незаконномъ равенствѣ* правъ плоти и духа, и сочувствуетъ, напротивъ, восточнымъ и средневѣковымъ походамъ противъ правъ плоти, вмѣняя въ нравственную обязанность убѣгать всѣхъ соблазновъ *бреннаго* міра сего. Въ самую безвинную красоту онъ мещетъ перуны, какъ красоту преходящую, временную, ничтожную передъ вѣчною красотой духа; воображеніе его, чело-

Digitized by Google

вѣка призваннаго къ жизни духовной, рисуетъ ему подлѣ очаровательной головки страшный и отвратительный черепъ, въ который суждено ей обратиться, можетъ-быть, чрезъ нѣсколько лѣтъ; среди благоуханія ароматовъ чудится ему смрадный воздухъ гніенія, и «по самымъ *роскошнымъ* (?) членамъ его какъ бы ползаютъ уже черви, готовые со временемъ уничтожить ихъ красоту»*... Но довольно,—набросимъ скорѣй покрывало на эту мрачную картину, начертанную искусною кистью нашего автора. Нѣтъ, говоря словами Жоржъ-Сандъ: nous n'avons plus affaire à la mort, — и все это, весь этотъ мрачный взглядъ на природу человѣка такъ далекъ нашего времени, такъ противоположенъ его задачамъ и вѣрованіямъ, что мы находимъ излишнимъ и, скажемъ болѣе, *невозможнымъ* вступать въ споръ съ г. Миллеромъ. Пусть судятъ сами читатели, награждавшіе справедливымъ осужденіемъ тожественное направленіе «Маяка» и извѣстнаго критика комедіи г. Островскаго: «Не такъ живи, какъ хочется». Съ своей стороны мы замѣтимъ только одно. Говоря о положеніи женщины въ средніе вѣка и о супружескихъ отношеніяхъ, авторъ прибавляетъ, что «нравственность этой эпохи была слишкомъ юна, чтобы дорости до такаго *мощнаго* чувства долга, которое бы заставляло *любить мужа* только потому, *что онъ мужъ*» (стр. 180). Слишкомъ юна... а наша современность уже слишкомъ стара передъ этимъ требованіемъ: она *переросла* его и оставила далеко за собою автора съ его мощнымъ долгомъ. Напрасно только онъ рѣшается предписывать такое правило, не справясь напередъ — захотятъ ли другіе признать его истину; а все происходитъ отъ темныхъ внушеній *духа*, мысленнымъ очамъ котораго человѣкъ является въ видѣ дикаго звѣря, имѣющаго нужду въ нравственномъ или физическомъ намордникѣ.

Отъ смерти перейдемъ къ жизни, къ противорѣчіямъ мысли г. Миллера съ историческими явленіями и самой съ собою. Это нашъ punctus consolationis, окончательно утверждающій нашу вѣру въ человѣка и убивающій довѣріе къ теоріи первобытнаго совершенства.

---

* Собственныя слова автора, стр. 220. Смотри также стр. 68, 125, 189, 191, 197, 43, 84. Эти мѣста всего яснѣе показываютъ *современность* понятій г. Миллера.

Digitized by Google

Вотъ слова г. Миллера: «По мѣрѣ удаленія отъ поры младенчества человѣчество утрачивало многіе добрые инстинкты; но врожденное нравственное чувство не могло быть утрачено имъ вполнѣ, а прирожденныя уму его высшія понятія не только не оскудѣвали,но, по мѣрѣ того какъ человѣчество развивалось, становились глубже и зрѣлѣе, хотя иногда и зарождались въ нихъ заблужденія!» (Стр. 46). Какъ же это? Чѣмъ болѣе человѣчество развивается и удаляется отъ поры своего младенчества (ибо это удаленіе и составляетъ развитіе), оно теряетъ многіе добрые *инстинкты*, и вмѣстѣ съ тѣмъ его высшія понятія становятся глубже и зрѣлѣе. «Нравственныя понятія во время Софокла, по мнѣнію автора, были зрѣлѣе и глубже, нежели при Омирѣ» (стр. 48), а между тѣмъ Гомеръ ближе къ эпохѣ младенчества греческаго народа и слѣдовательно ближе къ истинному понятію о добрѣ и нравственности. «Несправедливости, насильства, злодѣянія — являются у г. Миллера — какъ *неизбѣжныя* принадлежности всякаго *первобытнаго* общества» (стр. 110), тогда какъ по его теоріи тутъ слѣдовало бы быть высокимъ нравственнымъ качествамъ и истинному понятію о назначеніи человѣка, потому что чѣмъ ближе человѣчество къ эпохѣ своего младенчества, тѣмъ свѣжѣе сохраняются его добрые нравственные инстинкты, тѣмъ менѣе возможности для зла и порока.

Съ одной стороны теоретическое царство абсолютной правды, съ другой — трезвая сфера историческихъ данныхъ влекутъ къ себѣ нашего автора, и онъ не знаетъ какъ устоять между двухъ такихъ сильныхъ водоворотовъ. Какъ бы чувствуя свое неловкое положеніе, но не желая поступиться кровною мыслію, онъ беретъ *мудрое* правило средины и допускаетъ такое неприглядное объясненіе: «теперь, *кажется*, уже разочаровались въ этомъ (первобытномъ) обществѣ: оно прекрасно только въ *нѣкоторомъ* смыслѣ, то-есть въ немъ есть уцѣлѣвшія природныя начала добра, которыя часто оскудѣваютъ въ періодѣ *полуразвитія*, но въ немъ и *бездна* зла—слѣдствіе грубости» (стр. 110). И, Боже мой! куда должна дѣваться при такомъ взглядѣ ваша смѣлая и хитрая теорія первобытнаго совершенства: ужь коли и въ *первобытномъ* обществѣ вы находите *бездну* зла и такую малую толику добра, то не луч-

Digitized by Google

ше ли, оставивъ сумрачную миѳическую область, когда *люди* не были *людьми*, взглянуть прямо въ глаза человѣку безъ затаенной мысли о паденіи его природы. Тогда бы вы счастливо избѣжали и тѣхъ рѣзкихъ противорѣчій, на какія мы уже указывали и будемъ имѣть случай указать ниже, и нравственныхъ охулокъ тому, во что̀ глубоко вѣритъ наша современность.

Недалекое знакомство г. Миллера съ наличнымъ капиталомъ исторіи литературы, какъ науки, отразилось на его книгѣ многими печальными явленіями.

Въ исторіи поэзіи каждаго народа не только чрезвычайно важно, но и крайне необходимо, отличать двѣ эпохи, два періода времени, разнящіеся другъ отъ друга какъ по направленію и характеру, такъ и по конечнымъ цѣлямъ. Это эпоха непосредственной художественной дѣятельности народа, эпическій періодъ его жизни, и время позднѣйшей, чисто литературной дѣятельности. Встарину поэзія живѣе касалась народной жизни, чѣмъ во времена послѣдующія. Она составляла необходимую, важнѣйшую часть ея — и ея цвѣтомъ окрашивались даже самыя мелкія житейскія обиходныя подробности. Далекій отъ позднѣйшаго отвлеченнаго пониманія поэзіи, какъ искусства, простолюдинъ, тѣмъ не менѣе, былъ поэтомъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни: во взглядѣ на видимую природу и свои отношенія другъ къ другу и къ вѣкоживненнымъ богамъ, правящимъ міромъ. Поэзія въ тѣ отдаленныя времена составляла одно нераздѣльное цѣлое съ религіей и всякимъ убѣжденіемъ и широко входила въ народную жизнь, обнимая всѣ ея отправленія. Эта-то живая связь всѣхъ жизненныхъ элементовъ народа съ поэзіей и породила богатство народныхъ сказаній, пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, отмѣченныхъ чертами свѣжей, поразительной красоты и составляющихъ нынѣ предметъ особаго вниманія науки.

Понятно, послѣ этого, какое высокое значеніе имѣетъ такъ-называемый эпическій періодъ народной жизни для историка: только здѣсь, въ эту эпоху, поэзія принадлежитъ всему народу собща и прямо относится къ жизни его, какъ необходимый нравственный элементъ, безъ котораго эта жизнь была бы черезъ-чуръ бѣдна и непривѣтлива. А далѣе — на сцену высту-

Digitized by Google

паетъ дѣятельность частныхъ лицъ, преслѣдующихъ свои частныя цѣли и стремленія, является литература общества, часто рѣшительно противоположная прежней творческой дѣятельности цѣлаго народа. И поэзія теряетъ свое всеобъемлющее значеніе и то прямое отношеніе къ народной жизни, какое имѣла она въ то время, когда была принадлежностью цѣлаго народа и прямо отвѣчала на его жизненныя потребности.

Нѣтъ нужды много говорить о томъ, какое высокое значеніе имѣетъ народная поэзія для изслѣдователя, задачею котораго было прослѣдить развитіе нравственной стихіи въ исторіи поэзіи. Кажется, г. Миллеръ самъ чувствовалъ это; по крайней мѣрѣ въ этомъ насъ убѣждаютъ его слова, которыми онъ отдаетъ народной поэзіи нравственное преимущество передъ поэзіей искусственной. «Эта (народная) поэзія, говоритъ онъ, при всей *грубой недоконченности образовъ* (?!), набросанныхъ, впрочемъ, мощною кистью, преимущественно отличается *нравственностію* основнаго начала.» (Стр. 6.)

Дѣйствительно такъ! Но почему же дѣло и остановилось на этомъ объясненіи? почему г. Миллеръ, понимая высокое значеніе народной поэзіи, отвелъ ей такой малый уголокъ въ своемъ трудѣ и даже не обратилъ вниманія на внутреннее отличіе ея произведеній отъ позднѣйшихъ литературныхъ явленій, принадлежащихъ уже личному вдохновенію образованнаго писателя? Такой печальный фактъ снова приводитъ насъ къ мысли о недалекомъ знакомствѣ автора съ современнымъ состояніемъ исторіи литературы, какъ науки, хотя по нѣкоторымъ цитатамъ мы вправѣ предполагать въ немъ такое знакомство.

Какъ все высокое, прямо относящееся къ жизни, чуждое лжи и умышленнаго обмана, народная поэзія вся зиждется на чисто нравственной основѣ и имѣетъ конечною цѣлью удовлетвореніе подъ-часъ чрезмѣру возмущеннаго людскою неправдой нравственнаго чувства слушателя, она непосредственно и прямо даетъ отвѣтъ на всѣ живые запросы народа, облегчаетъ грудь отъ накопившихся болей и заботъ, которыми полнится низменная жизнь простолюдина. Возьмите любой сборникъ народныхъ произведеній и вглядитесь въ ихъ заключенія: передъ вами раскроются всѣ симпатіи народа, его нравственный взглядъ на житейскія отношенія; ибо какъ пѣсня, такъ и сказка — ска-

Digitized by Google

зывается *добрымъ людямъ на послушаніе*, веселымъ молодцамъ на утѣшеніе. Чуждаясь сухой дидактики, эпосъ, тѣмъ не менѣе, высоко нравствененъ и поучителенъ.

Закрывъ глаза на этотъ богатый родникъ народнаго творчества, г. Миллеръ добровольно лишилъ себя самаго лучшаго и плодотворнаго матерьяла. Но ему, какъ мы показали въ предыдущей статьѣ, желалось не исторической, реальной нравственности; онъ становится выше, на точку зрѣнія нравственности абсолютной, и отсюда уже обозрѣваетъ *крупныя* явленія исторіи поэзіи. Понятно, что съ такихъ горнихъ странъ и народный эпосъ могъ показаться фактомъ мелкимъ, незначительнымъ. Въ этомъ объстоятельствѣ, какъ мы думаемъ, главнымъ образомъ кроется причина историческихъ ошибокъ автора: его неловкое и неправильное толкованіе фактовъ, неумѣнье отличить явленія дѣйствительно важныя отъ несущественныхъ и, наконецъ, многія оригинальныя объясненія, происходящія долею и отъ *воспоминанія* о первобытномъ совершенствѣ.

Если нашъ авторъ съ одной стороны — моралистъ, то съ другой — онъ спекулятивный философъ. Въ нашъ практическій вѣкъ, не уважающій отвлеченныхъ и неприложимыхъ къ жизни идей, старинная философская эстетика окончательно утратила свой кредитъ и годъ отъ году приходитъ въ забвеніе. Для полной философіи искусства еще не готовы матерьялы, а строить умозрительную храмину на пескѣ — занятіе не достойное ни современной науки, ни серьёзнаго человѣка. И, должно сказать правду, всѣ подобныя попытки приводили къ жалкимъ и несостоятельнымъ результатамъ. Стоитъ только припомнить судьбу всѣхъ нѣмецкихъ эстетикъ послѣдняго времени и нашихъ русскихъ подражаній имъ. Выведенныя a priori, онѣ не произвели рѣшительно никакого благаго вліянія на уразумѣніе законовъ искусства и остались непризнанными наукой. Казалось, достаточно такихъ поразительныхъ примѣровъ, чтобы на время, пока не будутъ разработаны матерьялы, повоздержаться отъ эстетическихъ умозрѣній; но сочиненіе г. Миллера убѣдило насъ въ противномъ. Наклонный къ отвлеченіямъ и желая притомъ сохранить оригинальность мысли, онъ строитъ слѣдующее логически-умозрительное зданіе для поэтическихъ произведеній. Приведемъ его собственныя слова: они не много займутъ мѣста.

Digitized by Google

«Для полнаго овеществленія *поэтической идеи* (?) — необхо-«дима не только сила творчества, но и строгая законченность «въ самыхъ мощныхъ созданіяхъ его (?!). И въ этомъ отноше-«ніи поэзія не рѣдко раздѣляетъ общее несовершенство челове-«ческихъ начинаній. Мы встрѣчаемъ произведенія, высокія по «мысли и основнымъ ударамъ рѣзца (!), но лишенныя докон-«ченности: таковы многія произведенія индійской поэзіи, кото-«рую мы рѣшаемся потому назвать *поэзіею мысли* по преиму-«ществу (!?). Напротивъ, поэзія греческая можетъ назваться «*поэзіею выполненія*, тогда какъ по возвышенности нравствен-«наго начала она не рѣдко уступаетъ поэзіи индійской. Недо-«работанностію и неровностью въ выполненіи отличается пре-«имущественно поэзія *инстинктивная* (?) или такъ-называе-«мая устно-народная, выливающаяся изъ творческой силы на-«рода, безъ всякаго *сознанія изъ законовъ искусства* *, безъ «всякаго предварительнаго соображенія и *критической* повѣрки «умомъ», и т. д. (стр. 6).

Къ чему могутъ послужить подобныя классификаціи исторіи поэзіи? Конечно, ни къ чему. Ваши познанія нисколько не просвѣтлѣютъ отъ нихъ и пониманіе исторіи поэзіи ни на шагъ не подвинется впередъ, а скорѣе придетъ въ бо́льшую запутанность. Дѣло въ томъ, что такое раздѣленіе, подобно тому, какъ мы встрѣчаемъ это и у Розенкранца, есть совершенно внѣшнее, формальное, и давно оставлено наукою. Оно безсильно ввести читателя въ жизненные интересы народа и раскрыть передъ нимъ живую картину его поэзіи и связь ея съ самою жизнью. Поэзія есть живая народная сила; дробить ея произведенія по рубрикамъ — значитъ, по малой мѣрѣ, обращать вниманіе только на одну ея форму и пренебрегать дѣйствительнымъ живымъ содержаніемъ, рѣзать цѣльный организмъ по живому въ угоду своей наклонности къ формальнымъ системамъ и отвлеченнымъ постройкамъ.

Равномѣрно и фактъ *неровности* и *недоработанности* произведеній народной поэзіи есть фактъ несущественный и неважный. Эпосъ обнимаетъ всю жизнь человѣка съ ея тяжелыми

---

* О, великій Буало! какъ долго твой ученый колпакъ виситъ надъ глазами нашихъ эстетиковъ-умозрителей.

Digitized by Google

и свѣтлыми минутами, и смотрѣть на него съ точки зрѣнія одной формы есть такой же ограниченный и недалекій взглядъ, какъ еслибъ кто сталъ заключать о нравственныхъ качествахъ человѣка на основаніи физическаго признака, ставящаго его на одну линію съ *двуногими* животными. Если цѣлыя сотни поколѣній находили въ народной поэзіи удовлетвореніе своимъ духовнымъ потребностямъ и черпали изъ нея новыя свѣжія силы для жизненной борьбы, то здѣсь вопросъ о формѣ — право, вопросъ пустой и безплодной схоластики.

Комизмъ Грековъ и Римлянъ авторъ раздѣляетъ на *смѣшное въ положеніи* и *смѣшное въ характерахъ*, не замѣчая, что первое — только предшествующая фаза литературнаго развитія, и фаза далеко не такая низкая, какъ онъ полагаетъ. Увлекшись эстетическою мыслью о необходимости характеровъ въ поэзіи, онъ произноситъ строгій приговоръ надъ Аристофаномъ, говоря, что въ его комедіяхъ «нѣтъ ни одного почти человѣческаго характера, а какое-то собраніе въ отдѣльныхъ людяхъ различныхъ порочныхъ поступковъ, не составляющихъ ничего психологически общаго» (стр. 72). Съ точки зрѣнія отвлеченной—это вѣрно; но потому-то типы Аристофана и были современны и имѣли значеніе, что они указывали на вопіющія отступленія отъ того, чему — по его понятіямъ — должно было быть. Ясно, что нашъ авторъ придаетъ слишкомъ мало значенія соціальному смыслу комедій Аристофана, тогда какъ это первое и самое важное.

Устарѣлая, ложная мысль, лежащая въ основѣ всего труда, видимо крѣпнетъ и мужаетъ, благодаря плохому знакомству автора съ современнымъ состояніемъ науки исторіи литературы. Когда умъ не обремененъ *излишнимъ* знаніемъ, ему бываетъ какъ-то просторнѣе: онъ судитъ рѣшительнѣе и смѣлѣе, безъ той мелочной осторожности, какою напрасно затрудняютъ себя многіе ученые; онъ не боится ошибки, потому что не предчувствуетъ трудности дѣла, за которое берется. Иные выставляютъ это дорогое качество какъ признакъ цѣльности ума, не тронутаго тлетворнымъ дыханіемъ *ложной* науки, другіе называютъ это просто невѣжествомъ; но г. Миллеръ не даетъ ему никакого опредѣленнаго названія, а рѣшается собственною особой выступить на такую дорогу.

Digitized by Google

Подъ вліяніемъ узкаго взгляда на народную эпическую поэзію, авторъ узко понимаетъ и ея важнѣйшіе историческіе моменты: такъ, напримѣръ, значеніе животнаго эпоса осталось совершенно неизвѣстно ему, не смотря на то, что онъ много разъ указываетъ на классическую книгу Гримма Reinhart Fuchs, гдѣ именно находится самое удовлетворительное объясненіе этого любопытнаго и важнаго явленія въ исторіи поэзіи. Въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ даже прибѣгаетъ къ такому объясненію, простота и умилительность котораго возвращаютъ душу читателя къ первымъ временамъ его дѣтства и школьнаго ученія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не почувствовать себя отрокомъ при чтеніи слѣдующаго ланкастерскаго способа разъясненія фактовъ исторіи литературы: «Понятія человѣка объ отношеніяхъ его къ вещественной природѣ и къ міру животныхъ отразились въ индійской поэзіи также съ младенческимъ простодушіемъ. Кто обращалъ вниманіе на маленькихъ дѣтей, тому *должно* быть извѣстно, что дѣти способны дѣлать вопросы какой-нибудь *кошечкѣ*, давать пить деревяной *лошадкѣ*. Дайте ребенку поиграть какимъ-нибудь предметомъ, *и если вамъ* захочется взять его обратно, то скажите только, что этому предмету пора спать, возьмите и положите; и дитя не заплачетъ: оно будетъ вѣритъ, что неодушевленный предметъ можетъ спать какъ оно само» (стр. 36). И просто, и хорошо! А между тѣмъ, этимъ наивнымъ объясненіемъ порѣшенъ вопросъ о происхожденіи животнаго эпоса. Правда, ниже говорится еще, «что Индійцы, вѣруя въ переселеніе душъ, глядѣли на животныхъ не нашими глазами; для нихъ животное должно было казаться болѣе уважительнымъ, ибо въ немъ могла заключаться душа усопшаго и усопшаго близкаго человѣка»; но вѣроятно этому предположенію самъ авторъ его не придавалъ большаго значенія, послѣдующія его слова служатъ тому лучшимъ и рѣшительнымъ доказательствомъ: въ нихъ онъ прямо — и прибавимъ отъ себя: вполнѣ справедливо — говоритъ, что «явленіе природы олицетворяется на основаніи *своихъ* собственныхъ свойствъ — олицетворяется потому, что человѣкъ въ отношеніи этого явленія къ другому подмѣтилъ что-то похожее на человѣческія отношенія, и тотчасъ придалъ имъ человѣческій образъ». Совершенно справедливо! Но зачѣмъ же г. Миллеръ не остановился здѣсь во́-время

Digitized by Google

и не развилъ этой мысли, а обратился снова къ гаданіямъ, по которымъ олицетвореніе предметовъ природы «объясняется — яко бы — только желаніемъ человѣка отпечатлѣть въ поэзіи слѣдъ *первобытной* гармоніи между духовною и вещественною своею природою»... и къ поэтическимъ воспоминаніямъ о томъ состояніи человѣка, когда еще его воля не принимала злаго и мрачнаго характера?

Сатирическій элементъ является въ литературѣ довольно поздно, когда общество уже успѣло познакомиться съ образованностью и стать въ сознательное отношеніе къ своимъ недостаткамъ. Между этимъ состояніемъ и младенческою спокойною жизнью первобытныхъ народовъ почти не существуетъ внутренней связи и преемственности, а только связь внѣшняя: позднѣйшій сказочникъ-баснописецъ пользуется формою стариннаго аполога или сказки и вводитъ въ свое произведеніе жизнь животныхъ только какъ аллегорію, подъ которою кроется извѣстная нравоучительная мысль. Живая вѣра въ разсказываемое приключеніе исчезла вмѣстѣ съ закатомъ эпическаго періода народной жизни, — исчезло и обаятельное впечатлѣніе, производимое на душу разсказомъ; сатира уже стремится по преимуществу къ тому, чтобы расшевелить спящее сознаніе, мало заботясь о формѣ и средствахъ. Басня позднѣйшая есть такой же ложный родъ поэзіи, какъ и позднѣйшій эпосъ, составленный въ подраженіе старинному народному эпосу. Оба они являются въ эпоху относительно позднѣйшую и никоимъ образомъ нейдутъ въ сравненіе съ старинными произведеніями народной поэзіи. Вопреки мнѣнію г. Миллера, старинный эпосъ не есть произведеніе *одного воображенія* (стр. 204), но и глубокой вѣры народа. Оттого онъ всегда истиненъ, всегда даетъ полное удовлетвореніе нравственному чувству народа; онъ шире, *нравственнѣе*—если хотите — всѣхъ позднѣйшихъ издѣлій образованныхъ писателей; онъ входитъ въ жизнь народа не только какъ одинъ изъ важнѣйшихъ ея элементовъ, но и какъ лучшая, *нравственнѣйшая* ея половина, какъ источникъ новыхъ силъ, отъ общенія съ которымъ человѣкъ обновляется, юнѣетъ. Это подспорье нравственнаго его существованія, часто грубо оскорбляемаго противорѣчіями жизни...

До такого высокаго значенія никогда не доходитъ позднѣй-

Digitized by Google

шая литература, и лучшее доказательство тому мы находимъ въ нашей современности. Наша литература, какъ выраженіе общественной жизни, есть цѣлый реперторій непокончепныхъ вопросовъ, залежавшихся и не переданныхъ въ архивъ бумагъ: нарастаютъ новыя требованія, новые запросы, смыслъ и значеніе которыхъ день ото дня становятся шире, а прежнее остается безъ отвѣта. Почти съ каждымъ днемъ являются новыя произведенія и новые производители — и все та же пустота, та же поразительная тщета усилій удовлетворить требованія современности, то же безмолвіе передъ ея жизненными запросами. Золотая средина и останется золотою срединой, мысль не любитъ такихъ нечестныхъ сдѣлокъ à l'amiable и требуетъ или полнаго *практическаго* признанія своей истины, или полнаго отрицанія. Откуда же это?

Эстетики-идеалисты говорятъ, что это происходитъ отъ отсутствія въ жизни и поэзіи идеала, а практики-реалисты — отъ недостатка внутренней энергіи, растратившейся на неровной жизненной дорогѣ. И это вполнѣ справедливо, по крайней мѣрѣ для нашего времени. Это болѣзнь вѣка, болѣзнь историческая. Весь прогрессъ и движеніе настоящей жизни рѣшительно ничтожны передъ огромными завоеваніями мысли. Жизнь практическая все еще повторяетъ зады, заданные Богъ-вѣсть когда разными временными потребностями и случайными причинами: оттого въ груди человѣка остается такъ много мѣста для требованій и желаній, оттого на вопросъ его о хлѣбѣ—жизнь и литература подаютъ ему камень, на требованіе рыбы — отвѣчаютъ змѣей.

Говоря о существованіи такого глубокаго разлада между убѣжденіемъ, литературою и жизнью современности, мы не предпочитаемъ ей старину, не указываемъ на нее, какъ на камень спасенія или путеводную звѣзду, не закашиваемъ *чужаго* сѣнокоса, а только хотимъ указать на различіе въ характерѣ и направленіи древней и новой литературы. Старина всегда останется мертвою стариной, и въ тысячу разъ менѣе можетъ дать удовлетворенія современному человѣку, чѣмъ его настоящее, которое, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можетъ быть названо *тоже стариною*. Душѣ живаго современнаго человѣка противно въ мрачной темницѣ нравственнаго авторитета, отку-

Digitized by Google

да нѣтъ уже выхода на вольный свѣтъ. Потребна особая слабость *мысли*, чтобы рѣшиться замаривать свое *живое* чувство въ душныхъ клѣтяхъ прошедшаго и выставлять приниженіе личности какъ нравственный принципъ и назначеніе человѣка. Мертвымъ не приходится мѣшаться въ дѣла живыхъ, а живымъ не годится ходить за совѣтомъ на кладбище. Тѣни прошедшаго всегда пугаютъ насъ и опека старины всегда вредна для умственнаго совершеннолѣтія. Наша жизнь потому и не красна, что не покончила еще своихъ счетовъ съ прошедшимъ и не подвела общаго итога. Авторитетъ, *каковъ бы онъ ни былъ*, только тогда можетъ имѣть доброе, благое вліяніе, когда онъ не имѣетъ юридическаго обязательнаго характера, когда къ нему относишься свободно, сознательно, какъ равный къ равному—иначе онъ получитъ полицейское значеніе и необходимо—рано или поздно—вызоветъ реакцію, не всегда безопасную и мирную. Слѣпая преданность авторитету — не только слабость, но и порокъ, самый противучеловѣческій, особенно для того, кто имѣетъ возможность и условія самостоятельнаго умственнаго и нравственнаго существованія. По своей природѣ — человѣкъ долженъ *вѣрить* въ себя самого, и когда онъ переноситъ эту вѣру на *постороннiе* предметы, тогда онъ добровольно создаетъ себѣ кумира, служеніе которому не оправдаетъ ничье современное чувство. И, странная вещь! Мы вѣримъ старинѣ, а не хотимъ повѣрить современности, не хотимъ понять ея смысла и ближе поразсмотрѣть, куда все идетъ. Но возвратимся скорѣе къ нашему предмету.

Мы говорили, что встарину литература имѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ въ позднѣйшее время: она относилась къ народной жизни прямѣе, дѣйствовала на нее рѣшительнѣе. Не будучи намѣренно нравоучительна, она поучала народъ, воспитывая въ немъ нравственное чувство и добрыя человѣческія стремленія. Этой простой мысли какъ-будто не хочетъ понять г. Миллеръ. Оттого онъ, въ своемъ изложеніи исторіи поэзіи, часто приписываетъ многимъ явленіямъ ея такой смыслъ, который, по малой мѣрѣ, принадлежитъ только ему самому. Такъ напримѣръ, при разборѣ средневѣковаго Рейнгарта, онъ говоритъ, «что средневѣковой звѣриный эпосъ имѣетъ *цѣлью*—въ образѣ животныхъ *изобразить нравственное паденіе чело-*

Digitized by Google

вѣческой природы», или нѣсколько выше: «на уподобляемости человѣка животному и зиждется звѣриный эпосъ среднихъ вѣковъ; животныя, въ немъ дѣйствующія, сохраняя свои характеристическія свойства, суть въ то же *время не что̀ иное, какъ люди, ниспадшіе до степени* животныхъ» (стр. 223). Рѣшительная неправда! Дѣло было совершенно наоборотъ. Средневѣковой Рейнгартъ есть только позднѣйшая передѣлка старинаго устнаго народнаго эпоса о жизни и похожденіяхъ животныхъ; мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе явные слѣды его не только у Нѣмецкихъ, но и у Романскихъ племенъ и у Грековъ*. Сатирическое направленіе явилось въ немъ не какъ сознательный принципъ, а въ силу весьма обыкновенной причины, по которой литературное произведеніе всегда отражаетъ на себѣ многія черты современной ему жизни. Средневѣковыя сказанія о Рейнгартѣ заимствовали много чертъ изъ современности, но такое заимствованіе случилось безсознательно или, по крайней мѣрѣ,—вовсе не изъ нравственныхъ видовъ. Это̀ были новыя пробы созданія исторіи звѣрей на старинной основѣ, весьма отличныя отъ позднѣйшей *басни*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, мы предлагаетъ автору сличить сказанія о средневѣковомъ Рейнгартѣ съ нашими народными сказками. Между ними онъ отыщетъ чрезвычайно много сходнаго: но неужели наши сказки будутъ поэтому сознательною сатирой, цѣль которой—исправленіе нравовъ? Очень жаль, что г. Миллеръ, такъ часто цитующій классическую книгу Гримма о Рейнгартѣ не заблагоразсудилъ прочесть X—XV страницы его предисловія: онъ нашелъ бы тамъ удовлетворительное рѣшеніе вопроса объ *отношеніи* дидактическаго начала къ эпосу; справясь съ этимъ, онъ, вѣроятно, не сталъ бы тратить время на такое подробное объясненіе Рейнгарта, какое встрѣчаемъ въ его трудѣ. Если же нашъ авторъ не былъ согласенъ съ мнѣніемъ Гримма, то почему онъ не изложилъ причинъ такого разногласія? Мнѣніе Гримма принято современною наукой какъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію, и, во всякомъ случаѣ, оно заслуживало или серьезнаго вниманья или серьезнаго опроверженья. Конечно, при такомъ

* См. Якоба Гримма. Über Reinhart Fuchs. Handschreiben an Karl Lachmann. Leipzig 1840.

Digitized by Google

взглядѣ Рейнгартъ теряетъ для г. Миллера то высокое нравственное значеніе, какое онъ придавалъ ему доселѣ, но мы, довольно знакомые уже съ приговорами автора, не усомнимся пожертвовать *нравственностью* Рейнгарта (по г. Миллеру) — дѣйствительному факту, добытому положительнымъ изученіемъ. Знакомый съ современною наукой исторіи словесности не болѣе какъ *par ouï dire*, г. Миллеръ и всю средневѣковую литературу разсматриваетъ по особому оригинальному способу.

Средневѣковая европейская литература не есть произведеніе вполнѣ самобытное, независимое отъ чуждыхъ вліяній. Напротивъ. Ранѣе всего она испытала вліяніе классической образованности, а вслѣдъ за тѣмъ явилось и христіанство, вліяніе котораго было еще сильнѣй. Но безъ сомнѣнія основою и грунтомъ средневѣковой поэзіи, ея истинною почвой была та совокупность духовныхъ силъ народа, которую мы привыкли называть именемъ *народности*. Развитіе ея исключительно принадлежитъ племенамъ Нѣмецкимъ. Кельты и вообще племена Романскія, довольно рано, вмѣстѣ съ утратою политической независимости, утратили и многія черты народнаго характера, свой родной языкъ и свою поэзію; народности Славянская и Литовская, при всей свѣжести и неразвитости, сохранившейся и до нашего времени, находились почти внѣ круга литературнаго движенія среднихъ вѣковъ: однимъ племенамъ Нѣмецкимъ суждена была блестящая литературная дѣятельность.

Нѣмецкая народность ни на шагъ не поступилась своей независимостью въ пользу иноземныхъ вліяній, она не утратила своего кореннаго характера и оставалась главнымъ дѣйствующимъ элементомъ какъ въ жизни, такъ и въ поэзіи среднихъ вѣковъ. Нашъ авторъ, кажется, чувствуетъ это. При переходѣ отъ поэзіи древняго міра къ новой, средневѣковой, онъ подвергаетъ анализу главные элементы, которые участвовали въ образованіи романтической поэзіи:—кельтскій и германскій, восточный, классическій и наконецъ христіанскій. Намъ кажется, что въ такомъ воззрѣніи есть своя доля правды и своя ошибка. Для того, чтобы какое-нибудь вліяніе могло имѣть смыслъ, необходимы среда, предметъ для него. При отсутствіи послѣдняго вліяніе не мыслимо: спрашивается, какъ можетъ вліять извѣстный народъ, если у него нѣтъ предмета для вліянія? Эти простыя

Digitized by Google

элементарныя понятія мышленія тѣмъ не менѣе остались какъ-будто неизвѣстны г. Миллеру. Всю романтическую поэзію онъ слагаетъ изъ множества вліяній, не признавая, однако, ни одного изъ нихъ за основу, на которую бы могли вліять другія. Но жизнь и поэзія народа не складываются только изъ однихъ вліяній: у нихъ есть своя положительная сторона, свой фундаментъ, который все-таки остается важнѣе всякихъ вліяній. Г. Миллеръ въ этомъ случаѣ былъ только невольнымъ данникомъ своего формальнаго, отвлеченнаго взгляда на поэзію: оттого онъ не обратилъ никакого вниманія на одинъ чрезвычайно важный пунктъ при изученіи исторіи литературы. Я разумѣю доисторическое сходство преданій, обычаевъ, нравовъ всѣхъ народовъ Индоевропейскаго племени. Чтобы безошибочно опредѣлить вліяніе одной народности на другую, необходимо прослѣдить ихъ историческое развитіе и тщательно изслѣдовать ихъ содержаніе: тогда только опредѣлится, что дѣйствительно принадлежитъ вліянію и что общаго вынесено ими изъ ихъ источника, прежде и помимо всякихъ вліяній. Этого не хочетъ знать нашъ авторъ: онъ прибѣгаетъ къ сравненіямъ только затѣмъ, чтобы вывести отсюда заключеніе о *вліяніи* — и немудрено, что послѣднему онъ даетъ иногда такое пространство, какого оно не имѣло и имѣть не могло. Такимъ характеромъ отличается по преимуществу его анализъ восточнаго и классическаго элементовъ. Въ этомъ, какъ и во всемъ предыдущемъ, г. Миллеръ стоитъ далеко позади современной науки, которая давно бросила, за негодностью, старую изношенную мысль объ огромномъ значеніи *вліяній*, особенно на такія сильныя и богатыя народности, какъ народность племенъ Нѣмецкихъ.

Понятія г. Миллера объ романтизмѣ, какъ переходѣ отъ древняго міра къ христіанскому, скорѣе походятъ на миѳическое гаданье, чѣмъ на серьёзный взглядъ историка. А это одна изъ самыхъ важныхъ и замѣчательныхъ эпохъ въ исторіи литературы: эпоха перехода народной поэзіи въ поэзію литературную и развитія литературныхъ формъ, которыя эстетикою называются родами и видами. Автору слѣдовало привести въ сознаніе отношеніе народнаго поэтическаго начала къ наслѣдію, завѣщанному отходящимъ старымъ міромъ, и указать, что изъ народной литературы перешло въ письменную и въ какомъ ви-

Digitized by Google

дѣ (напримѣръ поэма о Нибелунгахъ): вмѣсто этого мы находимъ знакомыя вѣсти о томъ, что «Кельты, покоренные Римлянами, были покорены римскою образованностью», что «Германцы, покорители Римлянъ, не смотря на это были покорены римскою же образованностью», что «среди безперерывныхъ переселеній, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, смѣшиваясь съ другими племенами, смѣшиваясь съ Римлянами, Германскія племена должны были постепенно забывать свои народныя преданія; но совершенно исчезнуть они не могли, какъ не могли совершенно исчезнуть и слѣды преданій кельтскихъ»; что «они мѣшались одни съ другими, мѣшались и съ поэтическими преданіями Римлянъ, съ одной стороны принимая ихъ характеръ, съ другой — налагая на нихъ свой собственный», что «поэзія представляетъ рыцарей переносящимися изъ края въ край во мгновеніе ока, принадлежащими, кажется, всѣмъ странамъ и народамъ, или, лучше сказать, никакой странѣ и никакому народу»; что «они живутъ въ какомъ-то особенномъ мірѣ чудесъ, поражаютъ различныхъ чудовищъ, созданныхъ сѣверною и восточною фантазіею, похищаютъ принцессъ, бываютъ плѣняемы феями, молятся въ христіанскихъ храмахъ и носятъ при себѣ восточные талисманы; но, что при всемъ этомъ они строго слѣдуютъ правиламъ одной общей нравственности—своей особой нравственности рыцарской.» (Стр. 96 — 7.)

Все это комкомъ ложится въ голову читателя по мѣрѣ чтенія книги, и напрасно пытался бы онъ понять къ чему все это клонится, еслибы слова: *безнравственность*, *развратъ*, *паденіе*, и т. д., не напоминали о главной мысли автора-моралиста.

Разсматриваемая съ историко-литературной точки зрѣнія, вся фактическая часть труда г. Миллера есть самая жалкая компиляція немногихъ литературныхъ явленій, взятыхъ случайно, безъ всякой связи другъ съ другомъ и пересыпанныхъ пустыми разсужденіями. Изъ всей книги терпѣливый читатель выноситъ смутное и тяжелое впечатлѣніе: какъ-будто видитъ великое переселеніе народовъ, изъ которыхъ многіе шатаются по бѣлу свѣту, не знаютъ куда имъ идти, гдѣ искать родины и пріюта. Все это движется передъ вами механически, какъ въ калейдоскопѣ, безъ опредѣленной цѣли и безъ смысла. Факты вытянуты въ парадную струнку, но между ними нѣтъ и признака

Digitized by Google

единства и внутренней связи; словомъ нигдѣ не видно живаго человѣка, вездѣ на первомъ планѣ — форма, форма и форма, да и та съ изъяномъ *.

Спѣшимъ, однако, предупредить возраженіе. Намъ могутъ сказать, что мы дѣлаемъ слишкомъ голословные приговоры и не вступаемъ въ серьёзное опроверженіе взгляда автора на историческіе факты... Но это чистая невозможность: намъ пришлось бы останавливаться на каждой строкѣ, а такая игра, право, не стоитъ свѣчъ, и работа — потеряннаго времени.

Мы ограничимся однимъ и, по нашему убѣжденію, самымъ главнымъ. Это взглядъ автора на миѳологію различныхъ племенъ древняго и новаго міра: здѣсь — средоточіе всѣхъ его ошибокъ и странныхъ взглядовъ, происходящихъ какъ отъ главной анти-исторической мысли, такъ и отъ неблизкаго знакомства съ самымъ предметомъ.

Есть два взгляда на миѳологію, другъ другу противоположные: одинъ изъ нихъ принадлежитъ наукѣ, другой—современной схоластикѣ. Одни думаютъ, что миѳологія есть цвѣтъ, высшее проявленіе духовной жизни народа, въ которомъ сходятся всѣ другія жизненныя отправленія народнаго организма, какъ въ центрѣ. По этому воззрѣнію точное изслѣдованіе жизни народа невозможно безъ глубокаго вниманья къ его миѳологіи; ибо первоначально и поэзія, и право, и всѣ обычаи исходили прямо изъ религіознаго принципа: оттого-то они такъ долго и ненарушимо хранятся въ народной памяти, какъ святыня, на которую налагать руку не смѣетъ частная человѣческая воля.

Другой взглядъ на миѳологію принадлежалъ нашимъ схоластикамъ, воспитаннымъ на чтеніи разной книжной ветоши. Они не могутъ *простить* народу его языческаго заблужденія и караютъ всѣ его старинныя пѣсни, обычаи, называя ихъ срамными и студными обычаями треклятыхъ Эллинъ, пѣснями бѣсовскими и дьявольскимъ наважденіемъ.

---

* Безъ сомнѣнія и въ книгѣ г. Миллера есть правильно освѣщенные факты: такъ, напримѣръ, вся I-я глава очень удачна. Здѣсь авторъ отрѣшился отъ своего юридическаго взгляда, мѣряющаго однимъ идеальнымъ аршиномъ и старое, и новое. Но это не болѣе какъ исключенье, и изъ-за *одной* мысли не стбитъ тратить времени на чтеніе всей книги, тѣмъ болѣе, что эту мысль легко отыскать во всякомъ сносномъ учебникѣ.

Digitized by Google

Этотъ взглядъ возобновленъ въ послѣднее время г. Миллеромъ, магистромъ русской словесности.

«Миѳологія у всякаго народа составляетъ единственную *безнравственную* сторону его поэзіи» (118), говоритъ онъ и во всей книгѣ вы ощущаете десницу доморощеной Немезиды, карающую язычниковъ за ихъ безнравственную миѳологію... По временамъ, однако, Немезида смягчается и впадаетъ въ добродушіе, неприличное ея строгому, суровому лику. Такъ, миѳологія Ирана совершенно нравственна, потому что «различаетъ въ мірѣ два начала — добра и зла, подъ видомъ божествъ свѣта и тьмы» (стр. 137); миѳологія Индіи тоже нравственна, потому что ея тысячерукіе боги напоминаютъ немощному человѣку о его паденіи (стр. 8,9 и слѣд.); миѳологія Грековъ... но здѣсь Немезида, по обычаю праотцевъ, не любившихъ *трекляты́хъ* Эллинъ, воспринимаетъ свою кавалерскую фигуру и предаетъ позору ихъ развратную миѳологію... И знаете ли что? Знаете ли, когда эта миѳологія достигла крайней ступени разврата и заразила собой всю греческую жизнь? Именно тогда, когда она достигла высшей ступени своего развитія и сознаніе радостно отпраздновало свое освобожденіе изъ-подъ гнета грубыхъ природныхъ силъ въ антропоморфическихъ образахъ небожителей. «Греческая жизнь—вѣщаетъ г. Миллеръ — *носила въ себѣ неотразимо развращающее начало — мы разумѣемъ антропоморфическую религію Грековъ. Въ продолженіи долгаго времени искусство умѣло если не уничтожать, то по крайней мѣрѣ умѣрять ея гибельное вліяніе на нравы*» и т. д. (стр. 76). «*Миѳологія Грековъ—безнравственна, и отъ греческихъ боговъ нравственности ожидать нельзя*» (стр. 42, 48).

Боже, что̀ это такое?! Со времени гг. Мартынова и Бурачка, разбиравшихъ сочиненія Пушкина по Кормчей книгѣ и Номоканону, въ русской литературѣ не встрѣчалось еще ничего подобнаго. Гдѣ же и въ чемъ мѣрило для такого нецеремоннаго обращенія съ исторіей, для раздачи лавровыхъ вѣнковъ нравственности однимъ и для бичеванія за безнравственность другихъ? Оно заключается въ той общей идеѣ, о которой мы говорили въ предыдущей статьѣ. Пройдти молчаніемъ значеніе эпическаго періода народной жизни было можно: незна-

Digitized by Google

комство съ современными учеными трудами предлагало къ этому если не законную причину, по крайней мѣрѣ поводъ; но обойдти миѳологію было невозможно: она наполняетъ собой все содержаніе поэзіи нехристіанскихъ народовъ, — и вотъ г. Миллеръ, подъ напѣвомъ темныхъ внушеній духа, приступилъ къ ней съ своими абсолютными запросами: нравственна ли она вообще, и что въ ней можетъ быть признано нравственнымъ и что нѣтъ? Печальные отвѣты на это мы сейчасъ видѣли, и теперь остается узнать причину ихъ.

Причина ихъ—въ отсталости нравственныхъ понятій автора и въ совершенной безпомощности его въ наукѣ исторіи и литературы. Нужно ли приводить примѣры тому и другому, нужно ли говорить какъ узко смотритъ г. Миллеръ на природу человѣка, на его обязанности, какъ онъ не можетъ справиться съ историческими фактами, и въ скандинавскомъ миѳѣ о храненіи золота зміемъ Фафнромъ и о проклятіи, соединенномъ съ этимъ золотомъ, находитъ только *нравственную мысль о пагубности золота, о тѣхъ бѣдствіяхъ, къ которымъ ведетъ страсть къ нему*, какъ онъ не признаетъ въ скандинавскихъ *богахъ образа* *, а видитъ какія-то чудовищныя тѣни, которымъ суждено исчезнуть; какъ онъ, наконецъ, утверждаетъ, что у Кельтовъ совсѣмъ не осталось миѳологіи? Все это только показываетъ, что онъ рѣшительно не знакомъ ни съ пѣснями древней и новой Эдды, ни съ поэзіею Кельтовъ. А такой фактъ тѣмъ печальнѣй, что имъ приходится намъ заключить нашу статью о книгѣ г. магистра русской словесности.

—

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать еще нѣсколько словъ о такомъ явленіи, какъ разобранная нами книга г. Миллера. Для литературы и общества важно не появленіе ея, а *возможность* появленія: она не одинокое, изолированное явленіе, не фактъ, не имѣющій никакой солидарности съ другими, а плодъ цѣлаго направленія, полнаго неуваженія къ наукѣ и умышленнаго непониманія потребностей современнаго общественнаго

* См. Странствованія Тора въ новой Эддѣ.

Digitized by Google

образованія. Скажите, какъ иначе назвать эту заматорѣлую во днехъ своихъ жидкую мораль, эти избитыя понятія, отъ которыхъ вѣетъ могильнымъ холодомъ среднихъ вѣковъ, это дерзкое обращеніе съ исторіей въ угоду своей неисторической мысли? И такія явленія у насъ встрѣчаются сплошь-да-рядомъ! Нѣтъ, наше общество и литература много вынесли, со многимъ разстались и покончили счеты, но далеко не со всѣмъ, съ чѣмъ слѣдовало бы разстаться, что̀ слѣдовало бы бросить какъ вещь непригодную, если не вредную. Мы такъ привыкли ходить по битой колеѣ абсолютовъ, что намъ бываетъ очень трудно освободиться отъ нихъ даже и тогда, когда несостоятельность ихъ очевидна и несомнѣнна. Мы не можемъ *пріучиться* къ мысли, что мы люди только *извѣстнаго* времени, что царство абсолютовъ — не отъ міра сего и не должно смущать его жителей. Всѣ неудовлетворенныя стремленія и столѣтіями накопившіяся боли возникаютъ въ груди современнаго человѣка, обновляются и сильнѣе прежняго предъявляютъ дѣйствительности свои запросы и требованія. Человѣкъ возвращается къ человѣку:

«Der sich lange selbst vergessen,
Ist am Ziel der Unglücksbahn,
Und der Mensch, der sie durchmessen,
Kommt bei'm *Menschen* endlich an.»

Это живая сторона современности. А за нею стоитъ старина мрачная, закрѣпленная привычкой, гордо озирающая новыя начала, исподоволь входящія въ жизнь.

Пусть она доживаетъ свой вѣкъ! лишь бы только не рядилась въ новую одежду, да не мѣшала современному человѣку идти своею дорогой. Иначе можетъ быть еще хуже, чѣмъ случилось съ книгою г. Миллера.

Эк. С—тъ.

Digitized by Google

КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ А. МИЦКЕВИЧА.

Переводъ Н. Луговскаго. Одесса, 1855. Стр. 46.

—

Имя Мицкевича сдѣлалось извѣстнымъ у насъ еще въ двадцатыхъ годахъ, въ блаженную пору тощенькихъ альманаховъ. Долгое время потомъ оно въ литературѣ нашей совершенно не произносилось, и вотъ только недавно вновь стали появляться переводы изъ Мицкевича. Но великому польскому поэту до сихъ поръ у насъ какъ-то не везло: вдохновенныя пѣсни его или бывали переиначены, или, если передавались и вѣрно, то такими дубовыми стихами, что̀ всякая прелесть мысли исчезала подъ топорной отдѣлкой перевода. Изъ поэмъ его, впрочемъ, переведены лишь Конрадъ Валленродъ, въ прежнее время весьма неудачно, а въ нынѣшнее болѣе чѣмъ неудачно, да II-я часть Дзядъ, напечатанная, кажется, въ Невскомъ альманахѣ. Перевелъ еще Козловъ—Крымскіе сонеты, остальное же ограничивается нѣсколькими мелкими піэсами. Конечно, я не говорю о стихотвореніяхъ: Будрысь и Воевода, переданныхъ Пушкинымъ и написанныхъ прекрасно; за то ужь смѣло можно сказать, что всѣ прочіе переводы не выдержатъ критики. Безъ сомнѣнія, «Видъ горъ со степей Козлова» написанъ Лермонтовымъ превосходно, но это скорѣе передѣлка, и передѣлка, отмѣченная колоссальнымъ промахомъ, о которомъ скажу ниже. Гг. Фетъ, Бергъ и Мей пишутъ прекрасные стихи, но не близко переводятъ Мицкевича. У всѣхъ неглубокое знаніе языка замѣтно по значительнымъ отступленіямъ отъ оригинала, а если они дѣлаютъ это умышленно, то все-таки переводы ихъ оттого не вѣрнѣе. Тотъ только переводъ изященъ, въ которомъ,

Digitized by Google

при легкости языка, граціозности изложенія, какъ можно ближе сохраненъ подлинникъ, однимъ словомъ, гдѣ не жертвуется риѳмѣ смысломъ, гдѣ для смысла не патягивается бѣдная риѳма, а вѣрность оригиналу не ложится преградой для художественности.

Какъ поэтъ, Мицкевичъ стоитъ высоко, и о немъ было уже высказано много въ образованныхъ литературахъ. Слова нѣтъ, что съ того времени какъ умолкъ онъ, многое измѣнилось и въ быту общества, и въ мірѣ искусства; притомъ же въ послѣдствіи муза его приняла направленіе политическое, для насъ не весьма интересное, да не думаю, чтобы безвредное и для его поэзіи. Но какъ бы то ни было, Мицкевичъ долго еще будетъ солнцемъ, свѣтомъ котораго пользуются другія свѣтила его родины. Пусть Поляки превозносятъ Залѣсскаго, Одынца, Мальчевскаго, — ни одинъ изъ нихъ не пѣлъ еще такихъ звучныхъ поэтическихъ пѣсенъ, какъ вдохновенный Литвинъ, авторъ Гражыны и Валленрода. Надобно знать польскую поэзію до Мицкевича, надобно перечитать такъ-называемыхъ классиковъ, которыхъ можно сравнить съ нашими, надобно одолѣть всю эту груду стиховъ, чтобы видѣть, — на какую высоту разомъ взлетѣлъ Мицкевичъ. Изъ всѣхъ предшественниковъ его одинъ Нѣмцевичъ (изъ котораго извѣстный поэтъ нашъ заимствовалъ иныя *Думы*) отличался талантомъ и какъ бы сбросилъ риторическія оковы.

Что̀ касается лично меня, я преимущественно люблю тѣ стихотворенія Мицкевича, гдѣ неподражаемымъ языкомъ своимъ, изящнымъ до простоты, онъ передаетъ литовскія преданія. Здѣсь онъ является великимъ художникомъ, и для меня какой-нибудь его Dudarz или Switezianka до того проникнуты свѣжестью народной поэзіи, что послѣ нихъ не хочется приниматься за многія произведенія другихъ поэтовъ, можетъ-быть и блестящія, но слишкомъ вычурныя.

Да, не посчастливилось Мицкевичу въ русской литературѣ. Въ сороковыхъ годахъ вышла въ Варшавѣ на русскомъ языкѣ книжечка: *Страшный гость*, литовское преданіе. Написана она была не совсѣмъ безгрѣшными стихами, но содержаніе говорило за себя. Наконецъ она появилась на берегахъ Невы. И что же? Лучшій нашъ критикъ уничтожилъ ее не за языкъ, о

Digitized by Google

которомъ сказано вскользь, но за мысли и содержаніе. Этотъ *Страшный гость* не что другое, какъ IV-я часть Дзядъ, та знаменитая часть, гдѣ Мицкевичъ собралъ всѣ силы своего таланта. Прочіе критики не сказали ни слова, по той весьма естественной причинѣ, что тогдашніе литераторы не считали нужнымъ знать польскій языкъ.

Я тоже много переводилъ Мицкевича, особенно въ юности не оставилъ въ покоѣ ни одной поэмы; но самому мнѣ мои переводы казались всегда слабыми. Теперь я убѣдился, какой былъ важнѣйшій ихъ недостатокъ, отчего они не удовлетворяли и меня, переводчика: мнѣ въ то время былъ совершенно не извѣстенъ бытъ польскій и литовскій, и оттого для меня становились темными многія мѣста, выходившія у меня Богъ знаетъ на что похожими. Не знаю какъ другіе смотрятъ на это, а я думаю, что переводчику Мицкевича не мѣшаетъ нѣсколько времени пострансствовать по крайней мѣрѣ въ Литвѣ и побывать въ польскомъ обществѣ. Эпиграфомъ къ «Крымскимъ сонетамъ» не напрасно взялъ вдохновенный Литвинъ двѣ строчки изъ Гёте:

Wer den Dichter will verstehen,
Muss in Dichters Lande gehen.

Можетъ-быть я и ошибаюсь; согласенъ напередъ, что талантъ въ переводчикѣ важное условіе, однакоже, пересаживая цвѣтокъ въ другую землю, стараются узнать какая нужна для него почва. Отсутствіе знакомства съ этнографіей замѣтно у насъ иногда и въ области критики: гдѣ дѣло идетъ объ интересахъ общечеловѣческихъ, тамъ рецензентъ вѣрно разбираетъ и лицо, и дѣйствія, но проходитъ мимо страшнаго промаха относительно быта даннаго племени, и о послѣднемъ старается говорить общими мѣстами. Конечно, нельзя требовать, чтобы каждый, вступающій на литературное поприще, достаточно приготовилъ себя въ этомъ отношеніи, но критику нашего времени, кажется, необходимо знать ближайшія къ намъ славянскія нарѣчія и племена.

Читающая наша публика почти незнакома съ Мицкевичемъ, и теперь, по случаю новаго изданія его сочиненій въ Варшавѣ, слѣдовало бы написать подробный разборъ произведеній этого

Digitized by Google

поэта, имѣющаго значеніе не только для Поляковъ, но и для всего образованнаго міра.

Въ настоящемъ году въ журналахъ нашихъ появилось нѣсколько переводовъ изъ Мицкевича и даже вышелъ отдѣльно переводъ его сонетовъ, сдѣланный г. Омулевскимъ. Рецензенты отдали отчетъ объ этомъ послѣднемъ переводѣ, въ которомъ г. Омулевскій такъ жестоко изуродовалъ русскій языкъ и версификацію, и, употребивъ излишнее усердіе къ искаженію русскаго слова, не достигъ даже и этимъ цѣли—передать возможно близко красоты подлинника.

Но вотъ на югѣ Россіи, въ Одессѣ, въ послѣднихъ числахъ августа появилась маленькая книжечка: «Крымскіе сонеты А. Мицкевича. Переводъ П. Луговскаго». Имя переводчика не извѣстно, по крайней мѣрѣ тому, кто не читалъ «Одесскаго Вѣстника», редакція котораго благосклонно отозвалась о переводчикѣ и помѣстила нѣсколько его произведеній. Основательно приготовясь къ своему дѣлу, г. Луговской принялся за совершеніе важнаго подвига, за переводъ Мицкевича на русскій языкъ, и въ коротенькомъ предисловіи говоритъ, почему онъ первоначально взялся за Крымскіе сонеты. «Какъ уроженецъ Новороссіи, или, лучше сказать, Крыма, съ дѣтства знакомый со всѣми мѣстами, вдохновившими великаго художника, невольно я началъ переводить сперва Крымскіе сонеты, съ которыми и рѣшился выступить впервые на литературное поприще.» (Предисл. стр. 3.) Потомъ онъ заключаетъ свое предисловіе: «Крымскіе сонеты будутъ моимъ пробнымъ камнемъ: жду суда просвѣщенной критики, которая рѣшитъ по силамъ ли мнѣ задуманное предпріятіе.» (Стр. 6.)

Заключеніе это должно вызвать безпристрастные разборы нашихъ журналовъ, и хотя я далекъ отъ мысли, что моя рецензія можетъ быть непогрѣшительна и составитъ важную данную *въ судъ просвѣщенной критики*, однакоже, какъ поклонникъ Мицкевича, не считаю лишнимъ высказать и свое откровенное мнѣніе объ этомъ предметѣ.

На Крымскіе сонеты нельзя смотрѣть тѣми глазами, какими смотрятъ вообще на другія произведенія Мицкевича: здѣсь, очевидно, поэтъ задалъ себѣ задачу — сыпать цвѣты восточной

Digitized by Google

поэзіи, и дѣйствительно, когда только не забывалъ дѣлать этого— въ его стихахъ являлись въ изобиліи восточныя метафоры.

Г. Луговской рѣшился на два нелегкія условія для переводчика: близко держаться подлинника и вмѣстѣ не выходить изъ формы сонета, этой стѣснительной формы при передачѣ съ одного языка на другой, требующей отъ перевода почти одинаковаго числа словъ съ оригиналомъ. Но въ нынѣшнее время отъ переводчика требуется еще художественность изложенія и правильность языка, безъ чего самый добросовѣстный трудъ не достигаетъ цѣли.

Постараюсь показать наглядно, въ какой мѣрѣ г. Луговской выполнилъ принятыя имъ на себя условія и удовлетворилъ художественнымъ требованіямъ относительно русскаго перевода.

Всѣхъ сонетовъ 18, и всѣ они Крымскіе, за исключеніемъ перваго: «Аккерманскія степи», который попалъ въ Крымскіе по прихоти Мицкевича, служа какъ бы вступленіемъ въ Тавриду, хотя отъ Бессарабіи до Крыма лежитъ еще большое пространство — поѣдете ли вы изъ Одессы моремъ или сухопутью. Переводъ сдѣланъ чрезвычайно вѣрно, стихъ у г. Луговскаго гладокъ, правиленъ, и только, порой, переводчикъ грѣшитъ кое-гдѣ бѣдностью риѳмы или непріятнымъ расположеніемъ строчекъ, то-есть, когда стоятъ рядомъ мужскія или женскія окончанія, не риѳмующія другъ съ другомъ. Возьмите для сравненія переводъ Козлова. Какая блѣдная копія съ превосходнаго оригинала! А между тѣмъ Козловъ широко выходитъ изъ формы сонета и, кажется, могъ бы при этомъ условіи передать вѣрно красоты подлинника. Есть два-три сонета, удачныхъ у Козлова, а остальные слабы, и читаются лишь потому, что написаны гладкими стихами. Самъ Лермонтовъ вышелъ изъ формы сонета, но скорѣе далъ превосходное подражаніе Мицкевичу, нежели переводъ.

Образчикомъ того, какъ г. Луговской вѣренъ подлиннику,— представляю одинъ сонетъ изъ его книжки и вмѣстѣ прилагаю подстрочный переводъ въ прозѣ, а для сравненія — еще переводы Лермонтова и Козлова.

Digitized by Google

ВИДЪ ГОРЪ СО СТЕПЕЙ КОЗЛОВА.

1. *Переводъ г. Луговскаго.*

—

ПИЛИГРИМЪ и МУРЗА.

Пилигримъ.

Аллахъ ли самъ воздвигъ тамъ море льда стѣною?
Иль ангеламъ отлилъ престолъ изъ мерзлыхъ тучъ?
Иль Дивы двинули преграду *полз-землею*,
Чтобъ караванамъ звѣздъ пресѣчь съ востока путь?
Какое зарево!... Пожаръ то Истамбула?
Аллахъ ли самъ для всѣхъ плывущихъ тамъ свѣтилъ,
Когда покровъ свой ночь надъ міромъ протянула,
Багровый тотъ фонарь средь неба засвѣтилъ?

Мурза.

Тамъ? — былъ я: тамъ зима! Тамъ клювами потоки
И рѣки горломъ пьютъ изъ хладнаго гнѣзда;
Тамъ мерзнетъ паръ изъ устъ въ одно мгновенье ока;
Тамъ тучамъ и орламъ путь замкнутъ навсегда,
И въ лонѣ облаковъ — громъ дремлетъ одиноко...
Тамъ надъ чалмой моей одна была звѣзда:
То Чатыръ-дагъ.

Пилигримъ.

Аа!

2. *Подстрочный переводъ.*

Пилигримъ.

Тамъ! Аллахъ ли поставилъ море льду стѣною? или отлилъ ангеламъ престолъ изъ мерзлой тучи? Или Дивы изъ четверти материка двинули эти стѣны, чтобы не пускать каравана звѣздъ съ востока?

Какое зарево по вершинѣ! пожаръ ли это Царяграда? Или Аллахъ, когда ночь распростерла бурый халатъ свой, зажегъ этотъ фонарь среди небеснаго пространства для міровъ, плавающихъ по морю природы.

Мурза.

Тамъ? — Былъ я; тамъ господствуетъ зима, тамъ видѣлъ я какъ изъ ея гнѣзда пьютъ клювы потоковъ и горла рѣчекъ; дышалъ я, — изъ моихъ устъ вылеталъ снѣгъ; ходилъ я туда, куда орлы не знаютъ дороги и гдѣ кончается путь тучъ; миновалъ я громъ, дремлющій въ облачной колыбели, и былъ тамъ, гдѣ надъ головой моей свѣтилась одна только звѣзда. То Чатыръ-дагъ!

Пилигримъ.

Аа!!

3. *Переводъ Козлова.*

Пилигримъ.

Кто поднялъ волны ледяныя,
И кто изъ мерзлыхъ облаковъ

Digitized by Google

Престолы отлилъ вѣковые
Для роя свѣтлаго духовъ?
Ужь не обломки ли вселенной
Воздвигнуты стѣной нетлѣнной,
Чтобъ караванъ ночныхъ свѣтилъ
Съ востока къ намъ не приходилъ?

Что за луна! взгляни, громада
Пылаетъ, какъ пожаръ Царьграда!
Иль для міровъ, во тьмѣ ночной
Плывущихъ по морю природы,
Самъ Алла мощною рукой
Такъ озарилъ небесны своды?

Мирза.

Не вьется гдѣ орелъ, я тамъ стремилъ мой бѣгъ,
Гдѣ царствуетъ зима свершилъ я путь далекій;
Тамъ пьютъ въ ея гнѣздѣ и рѣки и потоки;
Когда я тамъ дышалъ — изъ устъ клубился снѣгъ;
Тамъ нѣтъ ужь облаковъ и хладъ сковалъ метели,
Я видѣлъ спящій громъ въ туманной колыбели,
И надъ чалмой моей горѣла въ небесахъ
Одна уже звѣзда, — и былъ то...

Пилигримъ.

Чатырдагъ!

4. *Переводъ Лермонтова.*

Пилигримъ.

Аллахъ ли тамъ, среди пустыни,
Застывшихъ волнъ воздвигъ твердыни,
Притоны ангеламъ своимъ?
Иль Дивы, словомъ роковымъ,
Стѣной умѣли такъ высоко
Громады скалъ нагромоздить,
Чтобъ путь на сѣверъ заградить
Звѣздамъ, кочующимъ съ востока?
Вотъ мѣсяцъ небо озарилъ:
То не пожаръ ли Цариграда?
Иль Богъ ко сводамъ пригвоздилъ
Тебя, полночная лампада,
Маякъ спасительный, отрада
Плывущихъ по морю свѣтилъ?

Мирза.

Тамъ былъ я: тамъ, со дня созданья,
Бушуетъ вѣчная метель;
Потоковъ видѣлъ колыбель,
Дохнулъ — и мерзнулъ паръ дыханья;
Я проложилъ мой смѣлый слѣдъ,
Гдѣ для орловъ дороги нѣтъ,

Digitized by Google

И дремлетъ громъ надъ глубиною,
И тамъ гдѣ надъ моей чалмою
Одна сверкала лишь звѣзда
То Чатырдагъ былъ...
Пилигримъ.
А!

Замѣтили ль вы, какая грубая ошибка у Козлова и Лермонтова? Обманутые сходствомъ слова, они приняли зарево за луну и переводятъ, одинъ: «Что за луна!» а другой: «Вотъ мѣсяцъ небо озарилъ!» фразу Мицкевича: Na szczycie jaka łuna.

У г. Луговскаго здѣсь только одинъ весьма неудачный стихъ или, лучше сказать, одно слово въ стихѣ—это *поль-землею*. Оно рѣшительно портитъ прекрасную строфу и невѣрно передаетъ подлинникъ, а, кажется, легко было бы избѣжать этой ошибки.

Тщательно сличая переводъ съ подлинникомъ, мы могли бы сдѣлать г-ну Луговскому еще двѣ-три придирчивыя замѣтки, но предпочитаемъ лучше указать на тѣ сонеты, которые подъ перомъ переводчика сохранили всю свѣжесть и грацію оригинала. Прочтите: Бахчисарай, (VI), Бахчисарай ночью (VII), Алушта днемъ (XI), Алушта ночью (XII), Чатырдагъ (XIII), Развалины замка въ Балаклавѣ (XVII) и Аюдагъ.

Въ заключеніе, полагаю, можно сказать, что «Крымскіе сонеты» въ переводѣ Н. Луговскаго будутъ съ удовольствіемъ прочтены любителями изящнаго, и впервые познакомятъ Русскихъ, не читавшихъ подлинника, съ этимъ произведеніемъ Мицкевича. Смѣлѣе, г. Луговской! Если вы побѣдили Крымскіе сонеты, если васъ не остановилъ такой слишкомъ уже восточный сонетъ, какъ Гора Кикинеизъ, съ которымъ вы сладили, то другія стихотворенія и поэмы будутъ для васъ несравненно легче.

А. Чужбинскій.

1858, Сентября 9.
Одесса.

Digitized by Google

СУХОЙ ТУМАНЪ

(Höhenrauch).

(Окончаніе.)

—

Обращаемся къ третьему мнѣнію о происхожденіи сухаго тумана — именно къ тому, что онъ происходитъ отъ горѣнія торфа и лѣсовъ. Жители сѣверной Германіи и Голландіи никогда и не думали приписать туману другое происхожденіе; изъ словъ Варгентина мы узнаемъ, что въ 1767 году мнѣніе это вездѣ принято было въ Германіи *; издавна уже языкъ простонародный обозначилъ это явленіе именемъ Moordampf, Veendamp — дымъ, происходящій отъ горѣнія торфяныхъ болотъ. На лицѣ всякаго ольденбургскаго или фрисландскаго крестьянина вызовете улыбку, если въ присутствіи его станете приписывать сухому туману другое происхожденіе, назовете его явленіемъ электрическимъ или космическимъ. Онъ убѣжденъ, что причины сухаго тумана искать не долго, что это дымъ, поднимающійся изъ медленно горящихъ торфяныхъ полей и уносимый вѣтромъ на далекое пространство. Дѣйствительно, что̀ сказали бы мы, еслибъ путешественникъ, не видавшій никогда Лондона, но находившійся недалеко отъ громадной столицы, сталъ увѣрять насъ, что ему весьма часто случалось видѣть въ этомъ краѣ странное метеорологическое явленіе — туманъ сухой, весьма густой, затемняющій иногда солнце среди бѣла дня и приносимый вѣтромъ изъ самой столицы? Что̀ сказали бы мы, еслибъ онъ началъ искать причины тумана въ нарушенномъ равновѣсіи разнородныхъ электричествъ, пожалуй, въ прохожденіи земли чрезъ хвостъ кометы? А все это потому, что наблюдателю не приходилось самому быть на мѣстѣ зарожденія тумана, не случалось видѣть многочисленныхъ трубъ, откуда день и ночь поднимаются столбы дыма. Какими глазами смотрѣлъ бы на подобное увѣреніе корен-

* Ellner, der Höhenrauch etc. pg. 26.

Digitized by Google

ной житель Лондона, для котораго причина тумана, носящагося всегда надъ городомъ, слишкомъ хорошо извѣстна? А вѣдь, пожалуй, лондонскій дымъ (London smoke), издали наблюдаемый, можетъ столь же справедливо быть названъ метеорологическимъ явленіемъ, какъ и сухой туманъ, видимый почти каждое лѣто. Попробуйте, однако, увѣрить Джонъ-Буля, что лондонскій туманъ есть электрическая матерія, носящаяся по воздуху, или же часть кометнаго хвоста, — тутъ и хладнокровный сынъ Альбіона не выдержитъ, чтобы не проворчать: very excentrica man!..

Если же сухой туманъ есть продуктъ горѣнія, то гдѣ же находятся матеріалы для горѣнія? Въ сѣверо-западной Германіи, начиная отъ сѣверныхъ провинцій Голландіи до Ольденбурга и Ганновера, между Эмсомъ, Везеромъ и Эльбою лежатъ огромныя пространства, неспособныя къ хлѣбопашеству. Они-то и образуютъ такъ-называемыя Moore, Heide; въ самомъ Ганноверѣ встрѣчаемъ мы знаменитую *Celler*—или *Lüneburger-Heide*. Собственныя, такъ-называемыя *Hochmoore*, въ отличіе отъ торфяныхъ болотъ, представляютъ глубоко-лежащіе торфяные пласты, поросшіе сверху травой и мхомъ; они находятся нѣсколькими футами выше окрестныхъ полей и поэтому позволяютъ дождевой водѣ свободно стекать, особенно, если для этого прорыты будутъ въ извѣстныхъ мѣстахъ водосточные каналы. Весною, когда поля эти высыхаютъ, ихъ зажигаютъ подъ вѣтромъ. Горѣніе не сопровождается пламенемъ, а происходитъ, напротивъ, весьма медленно, съ освобожденіемъ огромнаго количества дыма, ибо при малѣйшемъ оживленіи огня крестьяне бросаютъ мокрую землю, отчего горѣніе опять замедляется, а извѣстно, что дымъ бываетъ тѣмъ гуще, чѣмъ несовершеннѣе самое горѣніе, которое впрочемъ въ этомъ случаѣ скорѣе можетъ быть названо тлѣніемъ, обугливаніемъ. Полученною такимъ образомъ золою неплодоносная почва удабривается и послѣ засѣвается гречихой, потому что на такихъ мѣстахъ этотъ хлѣбъ растетъ превосходно. Лѣтъ черезъ восемь жатва оскудѣваетъ; тогда надо оставить поле лѣтъ на двадцать или на тридцать, пока оно опять поростетъ травою и мхомъ, а затѣмъ почва снова удабривается выжиганіемъ. Этотъ способъ обработки торфяниковъ уже давно употреблялся въ Гренингенѣ и оттуда въ 1712 году введенъ былъ въ восточную Фрисландію проповѣдникомъ Боленіемъ (Bolenius), который для этой цѣли нарочно выписалъ изъ Гренингена Яна Крузе, хорошо знакомаго съ процессомъ выжиганія полей *.

---

* Uhde, Wesen und Ursprung des Höhenrauchs, Westermann's illustrirte Monatshefte; № 15, decemb. 1857, pg. 262; Ellner, der Höhenrauch etc. pg 8.

Digitized by Google

Иногда удобреніе полей происходитъ и другимъ образомъ: трава и мохъ снимаются съ почвы, слоемъ около двухъ дюймовъ толщины, складываются въ кучу и зажигаются; часто же лугъ зажигается прямо для удабриванія почвы золою, получаемой отъ полевыхъ растеній и травъ. Способъ этотъ извѣстенъ былъ давно въ Англіи и Франціи, оттуда въ 1814 году перешелъ въ Фрисландію и употребляется нынѣ въ Lüneburger Heide и повсюду въ Ганноверѣ до самыхъ предѣловъ Брауншвейга; также во многихъ мѣстахъ Вестфаліи.

Время выжиганія полей бываетъ различно, — все зависитъ отъ погоды и отъ сухости поля: если въ мартѣ была сухая погода, выжиганіе начинается въ апрѣлѣ; если же погода стоитъ сырая, къ нему приступаютъ въ маѣ, даже въ іюнѣ; весьма рѣдко бываетъ оно въ сентябрѣ [1]). Но хотя выжиганіе полей оканчивается въ іюнѣ, тѣмъ не менѣе во время сухаго лѣта торфяныя поля часто загораются отъ неосторожности или отъ умысла [2]). Подобное явленіе не рѣдко можно видѣть вдоль линіи Николаевской желѣзной дороги, гдѣ близлежащіе торфняки загораются вѣроятно отъ искръ, выбрасываемыхъ изъ трубы локомотива. Недавно такой пожаръ случился въ большомъ видѣ, на этой же линіи, и былъ причиною замедленія поѣзда; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ не прекратился еще и послѣ.

Количество растеній, сожигаемыхъ въ сѣверо-западной Германіи для удабриванія полей, весьма значительно. Финке [3]) полагаетъ всю поверхность, выжигаемую ежегодно въ одной Германіи = 59,460 Morgen (приблизительно 17,095 десятинамъ); количество же продуктовъ, получаемыхъ при медленномъ горѣніи и поднимающихся въ атмосферѣ = 1800 милліонамъ фунтовъ. Эти-то вещества, уносимыя вѣтромъ, по мнѣнію Финке, причиняютъ сухой туманъ. Эгенъ [4]) вычисляетъ пространство торфяной почвы въ Германіи = 580 квадр. милямъ; пространство, выжженное въ 1820 году = $3^1/_3$ кв. мили; но, по причинѣ повсемѣстнаго распространенія этого способа обработки, должно среднимъ числомъ принять поверхность выжигаемыхъ ежегодно полей равною 6 квадр. милямъ. Можно ли послѣ этого удивляться, что на такомъ огромномъ пространствѣ безпрестанно тлѣющій огонь причиняетъ удушливый, непроницаемый дымъ, который, распространяясь потомъ отъ сѣверной Германіи въ страны,

---

[1]) Ellner, pg 9.

[2]) Finke, der Moorrauch in Westphalen, 1825, pg 26; Kämtz, Meteor. III pg. 209.

[3]) Finke, pg 51.

[4]) Egen, Ueber den Ursprung, Erscheinung und Verbreitung des Höhenrauchs, Elberfeld, 1835.

Digitized by Google

лежащія южнѣе, стелется тамъ сухимъ туманомъ? Стóитъ припомнить себѣ, какой дымъ получается при горѣніи сырой соломы или сырыхъ дровъ; какъ иногда при худой тягѣ печи послѣ нѣсколькихъ даже минутъ огромныя комнаты наполняются невыносимымъ для глазъ дымомъ: что же сказать теперь о количествѣ дыма, поднимающагося отъ полей, тлѣющихъ въ продолженіи многихъ дней?...

Есть много и много доказательствъ, подтверждающихъ несомнѣнно, что сухой туманъ есть не что́ иное, какъ продуктъ горѣнія. Чаще всего туманъ бываетъ въ сѣверо-западной Германіи и Голландіи; въ теченіе 1818—1826 годовъ, въ маѣ и іюнѣ, наблюдаемы были въ Мюнстерѣ 86 туманныхъ дней (среднимъ числомъ 10 ежегодно); въ маѣ 1834 года сухой туманъ тамъ же продолжался десять дней сряду. Въ продолженіе 1822 года въ Лингенѣ сухой туманъ случился 25 дней, въ Вецларѣ 30 дней [1]). Изслѣдованія Финке и Эгена дѣлаютъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ фактъ, что въ сѣверо-западной Германіи сухой туманъ есть не что́ иное, какъ продуктъ горѣнія. Мы сказали уже, что туманъ является большею частью въ началѣ лѣта, именно послѣ выжиганія полей, и не вѣроятно, чтобы онъ случался зимою; по крайней мѣрѣ мы не знаемъ ни одного наблюденія, подтверждающаго это. Выжиганіе полей производится только съ весны до поздней осени, и всѣ наблюденія насчетъ появленія сухаго тумана относятся именно къ тому времени; Эгенъ даже утвердительно говоритъ, что *всѣ* подобные туманы случаются именно во время выжиганія полей. Кромѣ того, появленіе сухаго тумана въ какомъ-нибудь мѣстѣ находится въ прямой зависимости отъ направленія вѣтра: такимъ образомъ туманъ въ Эмденѣ, Амстердамѣ и Утрехтѣ является при восточномъ вѣтрѣ, въ Гренингенѣ — при южныхъ и юго-восточныхъ вѣтрахъ; въ большей же части Вестфаліи—при сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтрахъ [2]). Наблюденія Уде [3]) подтверждаютъ, что сухой туманъ является вмѣстѣ съ вѣтромъ, дующимъ изъ страны, гдѣ производится выжиганіе полей и развѣ въ видѣ исключенія приносится онъ вѣтрами, дующими со стороны противоположной. На десять случаевъ, говоритъ Уде, встрѣчается одно исключеніе. Въ Брауншвейгѣ сухой туманъ всегда почти бываетъ при сѣверныхъ, сѣверо-восточныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтрахъ, въ Ольденбургѣ же при вѣтрахъ восточныхъ, юго-восточныхъ и юго-западныхъ. Докторъ Гейсъ, профессоръ въ Мюнстерѣ,

[1]) **Kämtz, pg 208.**
[2]) **Funke, der Moorrauch etc. pg 66.**
[3]) **Ude, pg 266.**

Digitized by Google

имѣвшій много случаевъ наблюдать сухой туманъ, подтверждаетъ то же самое: «Сухой туманъ, говоритъ онъ, слѣдуетъ вѣтру; выжиганіе полей производится именно при вѣтряной погодѣ, чтобы скорѣе покончить работу и прогнать дымъ съ помощью сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ. Иногда только случается, что вѣтры изъ сѣвернаго румба переходятъ въ южный; тогда, конечно, дымъ остается на поляхъ къ великой досадѣ жителей. Если же продолжается сѣверный или сѣверо-западный вѣтеръ, то провинціи, лежащія при Рейнѣ, Мозелѣ и Майнѣ, получаютъ дымъ съ первой руки, но зато онъ теряетъ свою густоту и является только въ видѣ тумана [1]). По этой причинѣ, въ одной странѣ туманъ случается весьма часто, въ другой его вовсе не бываетъ. Такъ, по наблюденіямъ Финке, въ одномъ и томъ же году туманъ случался весьма часто въ Лингенѣ, но вовсе не было его въ Аурихѣ; такъ и въ Вестфаліи не рѣдко близь горизонта является темная туча, которая считается у жителей предвѣстницей сухаго тумана; послѣдній въ самомъ дѣлѣ наступаетъ скоро, если вѣтеръ дуетъ съ сѣвера; если же онъ перемѣнился въ южный или юго-западный, то тумана не бываетъ, и слѣдовательно туча, видимая близь горизонта, исчезаетъ въ скоромъ времени.

Не только можно доказать, что бо́льшая часть сухихъ тумановъ происходитъ отъ горѣнія, можно даже прослѣдить распространеніе дыма̀, такъ-сказать, шагъ за шагомъ. По изслѣдованіямъ Вельтмана оказывается, что туманъ, замѣченный нѣсколько разъ въ Готѣ и имѣвшій запахъ горящихъ каменныхъ углей, происходилъ отъ выжиганія полей близъ Оснабрюка. Туманъ, видимый въ Европѣ въ 1834 году, должно также приписать горѣнію торфа и вмѣстѣ многочисленнымъ пожарамъ, случившимся именно въ этомъ году. Въ концѣ мая, когда туманъ господствовалъ на Гарцѣ, въ Базелѣ и въ окрестностяхъ Орлеана, горѣлъ мохъ въ Баваріи на глубинѣ 8 футовъ; такой же пожаръ былъ въ Ганноверѣ и близь Мюнстера. Позже, въ іюлѣ мѣсяцѣ, происходили страшные пожары въ окрестностяхъ Берлина, въ Литвѣ, Силезіи, Швеціи и Россіи. Сухое время года весьма много способствовало пожарамъ, и всѣ, имѣвшіе случай наблюдать солнце на мѣстѣ пожара, описываютъ видъ его такимъ, какъ и во время сухаго тумана [2]). Эгенъ приводитъ много примѣровъ, изъ которыхъ ясно видно, какъ сухой туманъ въ одинъ день распространялся на многія тысячи квадратныхъ миль. Онъ составилъ особыя таблицы, по которымъ можно прослѣдить съ часа на часъ распро-

[1]) Ellner, der Höhenrauch, etc. pg 43, 44.

[2]) Kämtz, a. a. O. pg 212.

Digitized by Google

страніе тумана, начиная отъ Эмдена и Ауриха, въ одинъ и тотъ же день, до Галле и Готы, до Эльберфельда и Кобленца, до Амстердама и Брюсселя, то-есть, почти по площади круга, имѣющаго радіусомъ 50 географическихъ миль. Уде разсказываетъ, что въ бытность его въ Ольденбургѣ въ 1834 году случался тамъ весьма часто сухой туманъ, и дня черезъ два жители Базеля замѣчали то же самое явленіе. Въ іюнѣ 1854 года пришлось ему видѣть густой туманъ въ Брауншвейгѣ около полудня; вечеромъ того же дня туманъ этотъ появился въ Карлсбадѣ, при сильной грозѣ отъ NW. Въ 1857 году, когда сухая весна особенно способствовала горѣнію торфа въ Брауншвейгѣ, въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ были частые, весьма густые туманы, и въ то же самое время, особенно при сѣверномъ, сѣверо-восточномъ и сѣверо-западномъ вѣтрахъ, слышались тѣ же жалобы изъ Саксоніи, Тюрингіи, Баваріи и Рейнскихъ провинцій. Дошло до того, что совѣтникъ окружнаго правленія въ Аншпахѣ просилъ баварское правительство ходатайствовать, чтобы запрещено было выжиганіе полей въ нижней Саксоніи. Уже въ 1726 году послѣдовало запрещеніе герцога Эрнста Августа выжигать поля въ Оснабрюкѣ, но оно должно было остаться безсильнымъ, ибо это составляло жизненный вопросъ для бѣдныхъ поселянъ, вопросъ — быть или не быть!

Въ двадцатыхъ годахъ существовало въ Вестфаліи повѣрье, что сухой туманъ происходитъ отъ неудавшейся грозы (zersetztes Gewitter). Но тогдашній президентъ Винке производилъ много наблюденій и пришелъ наконецъ къ заключенію, что сухой туманъ въ Вестфалію приходитъ всегда съ сѣверной стороны. Въ самомъ дѣлѣ, гонцы нарочно посылаемые изъ странъ, гдѣ производилось выжиганіе полей, во время сѣвернаго вѣтра, всегда возвѣщали сухой туманъ, имѣвшій наступать въ скоромъ времени *. Въ 1817 году въ Канадѣ горѣло много лѣсовъ, и это-то безъ сомнѣнія причинило сухой туманъ чернаго цвѣта, видѣнный два года спустя въ Монреалѣ. Мы сказали уже, что туманъ этотъ кончился чернымъ дождемъ. Здѣсь какъ нельзя лучше открывается истина предложеннаго объясненія: частицы углерода, плававшія въ воздухѣ, осѣли на землю дѣйствіемъ дождя и сообщили водѣ черный цвѣтъ; въ самомъ дѣлѣ химическій анализъ воды показалъ присутствіе въ ней углерода. То же самое происходило и въ Линцѣ 31 мая 1847 года, потомъ въ Шомбергѣ и въ Фрейзингенѣ: осадокъ состоялъ изъ веществъ животнаго и растительнаго царства. Во время сухаго тумана,

* Ellner, pg. 44.

Digitized by Google

наступившаго 17 мая 1857 года въ Бамбергѣ, при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, г. Эльнеръ обратился съ письменными вопросами ко всѣмъ мѣстамъ, гдѣ можно было предполагать выжиганіе полей, и получилъ въ отвѣтъ, что, начиная съ 6 мая, въ восточной Фрисландіи торфяныя поля (Mooge) горѣли повсемѣстно и оттуда, носимый сѣвернымъ вѣтромъ, дымъ распространился на югъ: 16 числа былъ онъ въ Мюнстерѣ, 17 въ Бамбергѣ, 20 въ Аншпахѣ, 25 мая близъ Констанцскаго озера. Такимъ образомъ сухой туманъ—другими словами, дымъ отъ тлѣющихъ полей -- въ теченіе нѣсколькихъ дней разошелся по Ганноверу, Рейнскимъ провинціямъ, Гессену, Саксоніи, восточной Пруссіи, Баваріи, Виртембергу и Бадену.

Нѣкоторые ученые приписываютъ сухой туманъ однимъ лишь вулканическимъ изверженіямъ,именно пеплу,выбрасываемому вулканами въ большомъ количествѣ и уносимому иногда на огромныя разстоянія. Уже Лапи старался объяснять туманъ 1783 года парами, поднявшимися изъ нѣдръ земли во время знаменитаго землетрясенія въ Калабріи, которое случилось въ этомъ именно году; одинаковаго мнѣнія держались Тоальдо и Спалланцани; другіе объясняютъ туманъ вулканическими изверженіями, бывшими тогда же на островѣ Исландіи. Въ самомъ дѣлѣ, есть много примѣровъ совпаденія появленій сухаго тумана съ вулканической дѣятельностью нашей планеты. Такъ въ 526 году случился сухой туманъ вмѣстѣ съ землетрясеніемъ въ Сиріи; въ 1721 году то же самое было и на Кавказѣ; въ 1764 году весьма сильно дымилась Этна, а еще болѣе вулканъ Котопахи; пепелъ, извергаемый послѣднимъ, былъ такъ густъ, что мѣстные жители принуждены были зажигать огни среди дня. Но особенно страшно было вулканическое изверженіе на островѣ Исландіи въ 1783 году. Тамъ въ іюнѣ мѣсяцѣ поднялись изъ земли три огненные столба, извергающіе пепелъ и камни на огромную высоту; воздухъ былъ до того наполненъ пескомъ и сѣрными испареніями, что днемъ нельзя было ни читать, ни писать; огненные столбы видны были на разстояніи 30 — 40 геогр. миль; солнце явилось въ видѣ раскаленнаго до красна шара; лава наполняла собой огромныя пространства и зажгла *семнадцать* деревень и всѣ растенія, встрѣчаемыя на пути. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ необитаемыхъ частяхъ острова случились лѣсные пожары и на поляхъ выгорѣли травы на огромныя пространства, вслѣдствіе чего воздухъ совершенно помрачился. Еще прежде въ Гренландіи случились подобные пожары, и продукты горѣнія уносимы были сѣвернымъ вѣтромъ въ Исландію.

Все это подало поводъ предполагать, что сухіе туманы, особенно же туманъ 1783 года, зависятъ единственно отъ вулканическихъ из-

Digitized by Google

верженій. Но если иногда подобныя изверженія могутъ причинить помраченіе атмосферы, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы они были *единственною* причиной сухихъ тумановъ.—Есть, какъ мы видѣли, много и много примѣровъ появленія сухаго тумана, не сопровождаемаго никакимъ вулканическимъ изверженіемъ, ни землетрясеніемъ. Правда, что темный столбъ, поднимающійся изъ жерла вулкановъ имѣетъ сходство съ облакомъ дыма; но извѣстно, что вулканическія изверженія состоятъ изъ водяныхъ паровъ, различныхъ газовъ и вулканическаго пепла, и ни одному наблюдателю не удалось замѣтить присутствія собственно такъ-называемаго дыма, то-есть, продуктовъ несовершеннаго горѣнія *. Съ другой стороны вспомнимъ, что при распространеніи лавы по острову Исландіи въ 1783 году, она зажигала всѣ растенія, встрѣчаемыя на пути, слѣдовательно тутъ могло повториться фрисландское выжиганіе полей, только въ огромномъ видѣ и притомъ не рукою человѣческой. Вспомнимъ еще, что лѣто 1783 года всѣ описываютъ необыкновенно сухимъ и жаркимъ; не мудрено, что отъ этого произошли многіе лѣсные пожары, и вѣроятно отъ этого же горѣнія зависѣлъ сильный запахъ, замѣченный въ Голландіи во время тогдашняго тумана.

Обращаемся къ возраженіямъ, сдѣланнымъ противъ предложеннаго объясненія происхожденія сухихъ тумановъ. Спрашиваютъ: какимъ образомъ дымъ отъ выжиганія полей можетъ такъ долго находиться въ воздухѣ и уноситься на огромныя разстоянія въ столь непродолжительное время? Почему сухой туманъ приносится иногда вѣтромъ, дующимъ со стороны, гдѣ выжиганія полей не происходитъ, гдѣ нельзя замѣтить ни малѣйшаго слѣда горѣнія? Почему во время тумана запахъ дыма, то-есть гарь, замѣчается довольно рѣдко, между тѣмъ какъ запахъ этотъ долженъ быть ощущаемъ всегда, если туманъ дѣйствительно есть продуктъ горѣнія? Не много нужно вниманія, чтобы убѣдиться, что всѣ эти возраженія весьма слабы и совершенно устраняются фактами, взятыми изъ науки и подтвержденными наблюденіемъ — слѣдовательно несомнѣнными. Правда, если сухой туманъ — продуктъ горѣнія, дымъ, то главная составная часть дыма есть углеродъ, вещество болѣе чѣмъ въ тысячи разъ тяжелѣйшее воздуха и слѣдовательно не могущее плавать въ немъ. Но не слѣдуетъ забывать, что по причинѣ мелкости частей углерода, сопротивленіе, оказываемое имъ воздухомъ при паденіи ихъ на землю огромное. На первыхъ страницахъ физики говорится, что чѣмъ меньшій объемъ имѣетъ какое-нибудь тѣло, тѣмъ большее препятствіе встрѣ-

* Kämtz, a. a. O. pg. 215.

Digitized by Google

чаетъ оно въ воздухѣ при своемъ паденіи на землю, и на этомъ началѣ объясняютъ поднятіе дыма изъ нашихъ трубъ, также и плаваніе облаковъ въ атмосферѣ. Прибавьте къ тому восходящій теплый потокъ воздуха, поднимающійся изъ трубы и удѣльно-легчайшій атмосфернаго воздуха, и вы поймете, что частицы углерода могутъ подняться на огромную высоту и оставаться на этой высотѣ долгое время, ибо сопротивленіе воздуха препятствуетъ имъ падать внизъ. Не только дымъ, но и вулканическій пепелъ несется долго по воздуху и переносится вѣтромъ на огромныя разстоянія. Въ 1835 году 20 января на Ямайкѣ упалъ пепелъ, извергнутый вулканомъ Коссигуина въ Никарагвѣ; въ 1812 году на островѣ Барбадосѣ выпалъ пепелъ, выброшенный вулканомъ, острова С. Винцента. Произойдетъ ли охлажденіе, польется ли дождь, — и онъ принесетъ на землю твердыя частицы, плавающія въ атмосферѣ. Такъ въ 1819 году выпавшій въ Канадѣ черный дождь положилъ конецъ сухому туману. Кромѣ того простое вычисленіе доказываетъ, что воздушное теченіе, имѣющее только скорость 12 футовъ въ секунду, можетъ уносить дымъ въ одинъ день на 43,2 мили, то-есть почти на 3° широты; слѣдовательно, дымъ употребляетъ десять дней, чтобы отъ Исландіи достигнуть береговъ Франціи *.

Спрашиваютъ: почему не всегда сухой туманъ приносится вѣтромъ, дующимъ отъ страны, гдѣ происходитъ горѣніе? Какимъ образомъ объяснить появленіе сухаго тумана въ Нѣмецкомъ морѣ, приносимаго сѣвернымъ вѣтромъ? — Но развѣ когда-либо вѣтеръ доходитъ къ намъ прямымъ путемъ? развѣ онъ не измѣняется до того, что подъ конецъ направленіе его можетъ быть совершенно противоположно первоначальному? Кому не извѣстно, что сѣверо-восточный и юго-восточный пассаты по происхожденію своему суть вѣтры чисто сѣверные и чисто южные? Кому не извѣстно, что, по удачному выраженію Дове, вѣтры бо̀льшею частію лгутъ, приходя не оттуда, откуда сказываются? Что̀ касается запаха, ощущаемаго при сухихъ туманахъ, то онъ вездѣ похожъ на горѣлый, только по причинѣ большаго распространенія частицъ углерода на огромныя пространства становится менѣе ощутительнымъ. Мунке говоритъ, что солнце, видимое сквозь густой лондонскій туманъ, имѣетъ тотъ же самый цвѣтъ, что̀ и во время тумана 1783 года. Дѣйствительно, говоритъ онъ, сто̀итъ посмотрѣть на большіе промышленные города, напримѣръ Лондонъ или Манчестеръ съ ихъ окрестностями, сто̀итъ взглянуть на огромныя трубы, находящіяся одна возлѣ другой и извергающія густой, удушливый дымъ денно и

* Gehler, phys. Wört. VII, pg. 51.

Digitized by Google

ночно, стóитъ посмотрѣть, на какія иногда пространства уносится этотъ дымъ, и невольно придетъ въ голову, что и сухой туманъ долженъ имѣть одинаковый источникъ, долженъ происходить отъ горѣнія. Этимъ, конечно, объясняются всѣ густые туманы, наблюдаемые въ большихъ городахъ. Не рѣдко Лондонъ покрытъ такимъ непроницаемымъ туманомъ, что днемъ должно въ лавкахъ зажигать огни, вечеромъ же огни фонарей видимы бываютъ такъ слабо, что экипажи безпрестанно сталкиваются другъ съ другомъ. Подобный туманъ случился, между прочимъ, въ Лондонѣ 16 января 1826 года, въ Парижѣ— 12 ноября 1797, также въ Вѣнѣ. Въ 1832 году 24 февраля въ Лондонѣ на улицахъ нельзя было ровно ничего видѣть; въ этотъ день случилось рожденіе короля, и вечеромъ городъ былъ великолѣпно иллюминованъ; мальчики бѣгали по улицѣ съ факелами, чтобы *отыскать* иллюминацію. Вѣроятно, въ такихъ случаяхъ, по причинѣ внезапнаго охлажденія воздуха, частицы углерода, уносимыя теплымъ потокомъ вверхъ, опускаются внезапно и причиняютъ чрезвычайную непрозрачность атмосферы *.

Читатели могли видѣть, сколько фактовъ говорятъ въ пользу предложеннаго объясненія сухаго тумана, какъ продукта горѣнія. До сихъ поръ однакоже туманъ этотъ отнесенъ къ явленіямъ проблематическимъ, хотя и теперь уже бóльшая часть ученыхъ убѣждена, что это явленіе объясняется весьма просто, что нé за чѣмъ искать постороннихъ причинъ тамъ, гдѣ причина явная. Будемъ надѣяться, что со временемъ новыя изслѣдованія придадутъ еще болѣе достовѣрности этому объясненію, и тогда въ наукѣ будетъ однимъ загадочнымъ явленіемъ менѣе, слѣдовательно еще шагъ впередъ на пути познанія природы.

Я. Вейнвергъ.

---

* Munke, Gehler VII, pg. 51.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. М. ЩЕПКИНА И К°.

Коммиссіонера Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Министерства Государственныхъ Имуществъ: *на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина,*

ПРОДАЮТСЯ ВНОВЬ ВЫШЕДШІЯ:

ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА НАРОДУ. Цѣна 5 р. Съ пересылкою 6 р. сер.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ СНИМОКЪ съ знаменитой картины А. А. Иванова.

Литографированный портретъ извѣстной русской танцовщицы:

НАДЕЖДЫ БОГДАНОВОЙ. Ц. 1 р. 25 к. Съ пересылкою 1 р. 75 к. серебромъ.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ. Съ приложеніями: 1) Портрета автора, 2) Изображенія памятника надъ его могилою, 3) Автографа, 4) Герба Грибоѣдовыхъ, 5) Сценъ изъ комедіи. «Горе отъ Ума» a) Балъ и b) Явленіе Репетилова, 6) Статей о комедіи «Горе отъ Ума» изъ журналовъ (1825—1827). Изданіе Евграфа Серчевскаго. Спб. 1858 г. Ц. 3 р. Съ пересылкою 3 р. 75 к. сер.

САДОВНИЧЕСТВО. Переводъ Figures pour l'almanach du bon jardinier Д. Ч. Общества В. Делла-Восса, съ добавленіемъ статьи «О размноженіи растеній» И. Палимпсестова. Одесса 1858 г. Ц. 1 р. 75 к. Съ пересылк. 2 р. 25 к. сер.

РУКОВОДСТВО КЪ ТОНКОРУННОМУ ОВЦЕВОДСТВУ для средней и южной полосъ Россіи. Составлено ученымъ агрономомъ, классификаторомъ овчарныхъ заводовъ, дѣйствительнымъ членомъ нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, Редемейстеромъ, въ 2-хъ ч. Одесса 1858 г. Ц. 2 р. 25 к. Съ пересылк. 2 р. 75 к. сер.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ПОСТРОЙКИ И СЕЛЬСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО, основанное на настоящемъ состояніи сельскаго хозяйства, составленное для содѣйствія народному благосостоянію, Э. Г. Нейманомъ. Изд. 3-е съ 207 чертежами, на 21 таблицѣ. Спб. 1858 г. Ц. 3 р. Съ пересылк. 3 р. 75 к. сер.

САТИРЫ КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА. Съ латинскаго, переводъ въ стихахъ, М. Дмитріева, съ объяснительными примѣчаніями. М. 1858 г. Ц. 1 р. 75 к. Съ пересылк. 2 р. 25 к. сер.

МОСКОВСКІЯ ЭЛЕГІИ. М. Дмитріева. М. 1858. Ц. 80 к. Съ пересылк. 1 рубл. сер.

Digitized by Google

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ ШЕКСПИРА. Переводъ съ англійскаго Н. Кетчера, выправленный и пополненный по найденному Пэнъ-Кольеромъ старому экземпляру in folio. 1632 г.

ЧАСТЬ 5-я. Тимонъ Аѳинскій.

Два Веронца.
Юлій Цезарь.
Антоній и Клеопатра.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858 г. Ц. каждой части 1 р. Съ пересылк. 1 р. 50 к. сер.

VIII-Й ТОМЪ ИСТОРІИ РОССІИ. Сочиненіе С. Соловьева. М. 1858 г. Цѣна 2 р. Съ пересылк. 2 р. 50 к. сер.

V-Й ТОМЪ ИСТОРІИ РОССІИ. Сочиненіе С. Соловьева (2-е изданіе). М. 1858 г. Ц. 2 р. Съ пересылк. 2 р. 50 к. сер.

ДНЕВНИКЪ КАММЕРЪ-ЮНКЕРА БЕРХГОЛЬЦА, веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго, съ 1721-го по 1725 г. Переведъ съ нѣмецкаго И. Аммонъ. Ч. 2-я (1722-й г). М. 1858 г. Ц. 1 р. 75 к. Съ пересылк. 2 р. 25 к. сер.

ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ АКАДЕМИКА Э. ЛЕНЦА. Руководство для военно-учебныхъ заведеній. (Изданіе 2-е). Съ приложеніемъ особаго атласа. Спб. 1858 г. Ц. 3 р. 30 к. Съ пересылкою 4 р. 25 к. серебромъ.

ПРИРОДА И ЛЮДИ. Уроки географіи, читанные въ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ. Спб. 1858 г. Книга I-я, выпускъ I-й. Ц. 1 р. Съ пересылк. 1 р. 50 к. Книга II-я, выпускъ II-й. Ц. 1 р. 25 к. Съ пересылк. 1 р. 75 к. сер.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА, съ портретомъ автора. Спб. 1858 г. 8 томовъ. Ц. 8 р. Съ пересылк. 11 р. сер.

ЗАПИСКИ ОБЪ ОСАДѢ СЕВАСТОПОЛЯ Н. Берга. 2 тома, съ 2-мя планами. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858. Ц. 2 р. 50 к. Съ пересылк. 3 р. сер.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ АЛЬБОМЪ Н. Берга, съ 37-ю рисунками большаго формата; при нихъ текстъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858 г. Ц 7 р. Съ пересылк. 8 р. сер.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ СТАНКЕВИЧЪ. Переписка его и біографія, написанная П. А. Анненковымъ, съ портретомъ Станкевича. М. 1858 г. Ц. 1 р. 50 к. Съ пересылк. 2 р. сер.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

УЛЬРИХЪ ФОНЪ-ГУТТЕНЪ. . . . . А. Н. КРОНЕБЕРГА.
О НРАВСТВЕННОЙ СТИХІИ ВЪ ПОЭЗІИ. . ЭК. С—ТА.
КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ А. МИЦКЕВИЧА. Переводъ Луговскаго. . . . . А. С. ЧУЖБИНСКАГО.
СУХОЙ ТУМАНЪ. *(Окончъ.)* . . . . . Я. И. ВЕЙНБЕРГА.

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;

2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,

и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атенея*, при книжномъ магазинѣ Н. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, *десять* рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. сѣ полтиною*.

Печатать дозволяется. Сентября 27-го, 1858 года.

Цензоръ П. И. Капнистъ.

Digitized by Google

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 40.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К°

1858.

Digitized by Google

Digitized by Google

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЖИВОПИСЬ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Umrisse zur Veranschaulichung alt-christlicher Kunst in Italien vom Jahre 1200 bis 1600. Nach Durchzeichnungen und mit Erläuterungen des Herausgebers Joh. Anton Ramboux. Köln. Eisen.

—

Не давно приведено къ окончанію очень важное и обширное изданіе, которое отнынѣ должно послужить однимъ изъ главнѣйшихъ пособій для изученія итальянской живописи въ средніе вѣка.

Составитель этого долголѣтняго и колоссальнаго труда, живописецъ І. А. Рамбу, нынѣ консерваторъ кёльнскаго музея, родился въ городѣ Трирѣ, одномъ изъ древнѣйшихъ и самыхъ могущественныхъ центровъ католицизма въ Германіи. По сосѣдству съ Франціею, всегда сильно вліявшей на развитіе западной Германіи, молодой Рамбу былъ отправленъ въ эту страну для полученія первоначальнаго художественнаго образованія и возвратился оттуда строгимъ классикомъ школы Давида. Но путешествіе въ Италію и преимущественно знакомство тамъ съ представителями нѣмецкой романтической школы дали вскорѣ его глубоко-религіозному чувству и таланту совершенно иное направленіе: онъ посвятилъ себя исключительному изученію развитія итальянской живописи среднихъ вѣковъ, начиная отъ первыхъ ея опытовъ, созданныхъ подъ вліяніемъ византійскихъ живописцевъ до появленія Рафаэля и Микель-Анджело. Съ рѣдкимъ въ талантливомъ художникѣ * самоотреченіемъ, онъ отказался отъ самобытнаго творчества и началъ воспроиз-

* Лучшимъ свидѣтельствомъ талантливости Рамбу служатъ его композиціи къ Дантовой «Божественной комедіи», находящіяся во франкфуртскомъ музеѣ.

Digitized by Google

водить памятники средневѣковой живописи для поученія и на сохраненіе потомству. Странное впечатлѣніе произвела на него эта средневѣковая живопись: видя ея произведенія, Рамбу не возымѣлъ, подобно многимъ изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ живописцевъ, желанія возвести незрѣлыя ея формы въ норму современной живописи, установить для послѣдней закономъ ея наивныя воззрѣнія, теперь уже невозвратно прошедшія, но онъ избралъ цѣлью своей жизни изученіе историческаго ея развитія, отъ котораго, по его мнѣнію, могло произойдти единственно возрожденіе современнаго религіознаго искусства. Эти воззрѣнія, это изученіе создали въ немъ въ высшей степени замѣчательнаго живописца – археолога. Отлично понимая историческое и художественное значеніе каждаго памятника средневѣковой итальянской живописи, онъ тѣмъ не менѣе съ особенною любовью старался передавать своею кистью тѣ старинныя произведенія, которыя или мало извѣстны, или находятся въ отдаленныхъ отъ большихъ дорогъ мѣстахъ, почти вовсе не посѣщаемыхъ не только туристами, но даже и знатоками живописи. Онъ долго жилъ въ Равеннѣ, въ Субіако, и въ Ассизи; онъ посѣтилъ самыя незначительныя, но важныя по своимъ художественнымъ сокровищамъ, мѣстечки Умбріи и герцогства Урбинскаго. Преслѣдуя свою цѣль, онъ не жалѣлъ ни времени, ни денегъ; переносилъ въ церквахъ и монастыряхъ, въ необитаемыхъ палаццо и въ городскихъ ратушахъ усталость, жаръ и холодъ, и тысячи мелкихъ страданій, чтобы внести въсвое собраніе неизвѣстное или погибающее произведеніе итальянской средневѣковой кисти. Я видѣлъ въ его портфёляхъ не изданные еще снимки съ фрескъ, нынѣ уже не существующихъ: вотъ все, что̀ осталось отъ художественнаго вандализма, который въ нынѣшнемъ столѣтіи истребилъ столько замѣчательныхъ произведеній въ Италіи.

Слѣдя за историческимъ развитіемъ итальянской живописи отъ четвертаго до начала шестнадцатаго столѣтія, Рамбу тѣмъ не менѣе дѣлалъ въ безчисленномъ количествѣ памятниковъ этой эпохи выборъ, сообразовавшійся преимущественно съ его художественными наклонностями и религіознымъ настроеніемъ ума. Не только менѣе извѣстное, мало или плохо переданное рѣзцомъ гравера привлекало его, но чѣмъ отдаленнѣе

Digitized by Google

по времени было произведеніе, чѣмъ несовершеннѣе по формамъ, но наивнѣе по духу и глубже по религіозному выраженію было оно, тѣмъ болѣе посвящалъ онъ ему свою кисть, всю свою любовь и вниманіе. Эта любовь къ *архаизму* въ живописи составляетъ отличительную черту Рамбу и, по моему мнѣнію, главное его достоинство. Мы безконечно должны быть ему обязаны: онъ первый познакомилъ насъ, хотя исключительно съ религіозной точки зрѣнія, со множествомъ до сихъ поръ мало извѣстныхъ или и вовсе неизвѣстныхъ произведеній, которыя указываютъ на чрезвычайно обширную художественную дѣятельность въ Италіи во все теченіе среднихъ вѣковъ, и дѣятельность, кромѣ того, сосредоточенную не въ однихъ центрахъ тогдашней жизни, но распространенную по самымъ темнымъ угламъ этой, кипѣвшей въ ту пору жизнью, производительной страны.

Результатомъ такого долговременнаго преслѣдованія одной цѣли и долголѣтняго пребыванія Рамбу въ Италіи, было нѣсколько артистическихъ коллекцій, изъ которыхъ двѣ нынѣ доступны публикѣ. Первая изъ нихъ составляетъ особое отдѣленіе и, можетъ-быть, одно изъ замѣчательнѣйшихъ украшеній академіи художествъ въ Дюссельдорфѣ. Она состоитъ изъ 305 акварельныхъ рисунковъ, довольно большихъ размѣровъ, въ которыхъ съ замѣчательнымъ искусствомъ переданы не только стиль и колоритъ оригиналовъ, но даже всѣ ихъ особенности, такъ что, глядя на эти редуцированныя, или умаленныя копіи, легко отгадать, фреска или мозаика оригиналъ, написанъ онъ масляными красками или a tempera. Рамбу умѣлъ даже передать испорченныя въ картинахъ мѣста, и все это довольно скудными средствами, которыя представляетъ живопись акварелью. Дворянство Рейнской провинціи, съ содѣйствіемъ нынѣшняго короля прусскаго, пріобрѣло у художника это въ своемъ родѣ единственное, драгоцѣнное собраніе и принесло его въ даръ Дюссельдорфской академіи. Нынѣ въ трехъ залахъ выставлены тамъ въ рамахъ подъ стекломъ 248 копій, которыя для юныхъ поколѣній художниковъ служатъ источникомъ самыхъ глубокихъ поученій.

Въ самомъ дѣлѣ, это собраніе въ высшей степени поучительно, потому что обнимаетъ ту эпоху христіанскаго искус-

Digitized by Google

ства, изъ всесторонняго изученія которой можетъ произойдти единственно возрожденіе современной религіозной живописи. Рядъ видовъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, древнѣйшихъ церквей Рима и Равенны открываетъ это собраніе, чтобы произвесть на душу зрителя то архитектурное впечатлѣніе, которое находится въ гармоніи съ характеромъ первоначальныхъ памятниковъ христіанскаго искусства. Они начинаются мозаиками, покрывающими стѣны этихъ зданій; за ними слѣдуетъ, начиная съ XII-го вѣка, уже непрерывный рядъ картинъ, написанныхъ или al fresco, или a tempera, или масляными красками. Я не стану исчислять имена и произведенія великихъ художниковъ, вошедшія въ составъ этого собранія, но нельзя не замѣтить, что Рамбу съ особенною любовью воспроизвелъ въ многочисленныхъ копіяхъ созданія того времени, когда живопись въ Италіи начала изъ рукъ византійскихъ мастеровъ переходить къ Итальянцамъ. Вотъ почему, увлекаемый религіознымъ настроеніемъ души своей, онъ обратилъ такое вниманіе на фрески, украшающія церковь св. Франциска въ Ассизи, монастырь св. Бенедикта въ Субіако, и на произведенія, по преданію приписываемыя Петролино, Гвидуччіо, Джіунтѣ Пизанскому и Гвидо Сіенскому. Весьма богато это собраніе далѣе копіями съ большихъ композицій Джіотто и его школы, находящихся во многихъ мѣстахъ Италіи, тщательно изученныхъ Рамбу, съ произведеній школъ сіенской, умбрійской и урбинской. Оно достойно заключается передачею нѣкоторыхъ изъ лучшихъ произведеній эпохи полнаго развитія итальянской живописи въ XVI-мъ столѣтіи.

Но въ то время, какъ дюссельдорфское собраніе, хотя и открытое для художниковъ и жителей этого города и, разумѣется, для путешественниковъ всѣхъ націй (все это лишь счастливыя исключенія относительно всей массы образованной Европы), остается, къ глубочайшему сожалѣнію всѣхъ истинныхъ любителей искусства, до сихъ поръ неизданнымъ и слѣдовательно далеко не всѣмъ доступнымъ, Рамбу рѣшился издать въ свѣтъ другую, сдѣланную имъ въ Италіи, коллекцію снимковъ съ произведеній итальянской живописи среднихъ вѣковъ, тоже единственную въ своемъ родѣ, хотя и совершенно отличную отъ дюссельдорфской. Это небывалое въ художе-

Digitized by Google

ственной литературѣ явленіе, котораго значеніе и важность я постараюсь въ немногихъ словахъ объяснить. Заглавіе этого драгоцѣннаго и высокаго по цѣли своей изданія (оно состоитъ изъ 300 литографированныхъ листовъ большаго формата и стоитъ на обыкновенной бумагѣ 160 рубл. сер.) выписано въ началѣ этой статьи.

Рамбу, копируя акварельными красками большія композиціи итальянскихъ художниковъ (копіи, которыя нынѣ составляютъ собственность академіи художествъ въ Дюссельдорфѣ и потому могутъ быть только ею изданы), возымѣлъ мысль, въ минуты отдыха между работой, снимать, накладывая на оригиналъ прозрачную бумагу, очерки съ замѣчательнѣйшихъ головъ, въ натуральную величину подлинника. Эти снимки (кальки), состоящіе изъ немногихъ штриховъ, проведенныхъ смѣлымъ и опытнымъ карандашомъ, передаютъ почти рабски оригиналъ, и такъ какъ они сохраняютъ его размѣры, то даютъ чрезвычайно близкое о немъ понятіе. Какъ бы ни былъ искусенъ рисовальщикъ, но, передавая чужой рисунокъ, онъ незамѣтно вноситъ въ копію свою манеру или свое пониманье. Подобное же воспроизведеніе оригинала по точности своей можетъ быть сравнено развѣ съ фотографіей. Работая такимъ образомъ въ теченіи многихъ лѣтъ, Рамбу собралъ новую коллекцію, единственную въ своемъ родѣ: каждый зритель имѣетъ передъ собой истинные документы для исторіи итальянской живописи, которые проходятъ передъ его глазами, какъ подлинники. Но этотъ родъ воспроизведенія наложилъ, правда, и на художника свои тяжкія условія: по размѣрамъ старинныхъ фресокъ и картинъ, писанныхъ вообще въ натуральную величину, онъ не могъ калькировать и потомъ передавать литографіею цѣлыя картины, а долженъ былъ ограничиться однимъ выборомъ головъ, съ частью туловища и иногда руками. Такимъ образомъ получили мы самую замѣчательную коллекцію *типовъ* средневѣковыхъ итальянскихъ живописцевъ. Во-вторыхъ, онъ долженъ былъ отказаться отъ передачи мозаичныхъ картинъ, которыя суть единственные дошедшіе до насъ памятники монументальной живописи въ Италіи отъ IV-го до XII-го вѣка. Вотъ почему изданіе Рамбу обнимаетъ только пространство времени отъ 1200 до 1600 года. Но какъ обширна была ху-

Digitized by Google

дожественная дѣятельность въ Италіи въ теченіе этихъ четырехъ столѣтій можно судить по тому, что далеко еще не всѣ художники и школы этой эпохи дали составителю огромный матеріалъ для трехсотъ его очерковъ.

Само собою разумѣется, что новое изданіе Рамбу всего ближе примыкаетъ къ его же дюссельдорфской коллекціи: для тамошнихъ художниковъ и любителей оно есть самое необходимое дополненіе его акварельныхъ копій. Изучая цѣлую композицію какого-либо стариннаго живописца, необыкновенно важно увидать также и типы его, воспроизведенные въ натуральную величину, потому что въ лицахъ своихъ созданій,— лицахъ, которыя составляютъ главнѣйшую часть картинъ вышеозначенной эпохи, эти живописцы умѣли возпроизвесть безконечно глубокій міръ самыхъ возвышенныхъ религіозныхъ чувствъ. Такимъ образомъ одна коллекція пополняетъ другую. Но и для тѣхъ, кто не можетъ имѣть постоянно передъ глазами дюссельдорфское собраніе, новое изданіе Рамбу тѣмъ не менѣе имѣетъ весьма важное значенье. Недостатокъ перваго можно замѣнить, хотя и очень слабо, собраніями гравюръ, въ которыхъ находятся полныя композиціи старинныхъ мастеровъ. Правда, число такихъ изданій весьма ограничено и почти всѣ они безъ исключенія не передаютъ тонкихъ особенностей и различія въ стилѣ старинныхъ мастеровъ. Притомъ Рамбу, примыкая къ дюссельдорфскому собранію, и въ новомъ изданіи своемъ сообщаетъ намъ только типы своихъ любимыхъ мастеровъ, ограничивается одними вышеуказанными мѣстностями и школами и вноситъ множество типовъ изъ мало извѣстныхъ затерянныхъ въ глуши произведеній, которыя гравировались чрезвычайно плохо или не были гравированы никогда. Поэтому, не смотря на рѣшительную невозможность устранить это затрудненіе, дюссельдорфское собраніе должны замѣнить для насъ многочисленныя изданія Лазиніо, преимущественно его гравюры съ флорентійскихъ фресокъ, съ фресокъ въ Campo Santo въ Пизѣ и далѣе изданія д'Аженкура, Рипенгаузена, Кубейла, Розини Феа, д'Алоэ, и др. Съ этою, хотя и далеко недостаточною помощью, можно приступить къ разсмотрѣнію драгоцѣннаго изданія Рамбу. Только зритель не долженъ забывать, что передъ нимъ находятся одни фрагменты, части изъ великихъ произведеній

Digitized by Google

старинныхъ итальянскихъ живописцевъ: головы, иногда половинныя и только изрѣдка цѣлыя фигуры, послѣднія преимущественно изображающія Младенца Спасителя. Изданіе Рамбу не знакомитъ его съ ихъ манерою сочинять картины, не даетъ понятія о впечатлѣніи, производимомъ полными, цѣлыми созданіями, но въ частностяхъ его содержится исторія типовъ весьма обширной художественной эпохи, которой главное значеніе именно заключается въ высочайшемъ развитіи духовнаго выраженія въ формахъ лица.

Любопытно бросить хотя и бѣглый взглядъ на богатое содержаніе этого изданія: оно познакомитъ насъ съ обширною художественною дѣятельностью Италіи въ вышеозначенную эпоху, съ мѣстностями этой, преимущественно религіознаго характера, дѣятельности, съ именами дѣятелей и характеристическими чертами различныхъ ея школъ.

Темно начало пробужденія и развитія новой самобытной художественной жизни въ Италіи: въ теченіи цѣлыхъ столѣтій существовали тамъ рядомъ другъ съ другомъ два стиля въ живописи, древній—туземный, впадшій впослѣдствіи въ чрезвычайную грубость, и стиль византійскій. Въ разныхъ городахъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, въ одномъ — ранѣе, въ другомъ позже, они оба сливаются въ одно цѣлое, въ которомъ преобладаетъ иногда то тотъ, то другой элементъ, но вездѣ уже чувствуется начало біенія новой жизни. Разсматривая изданіе Рамбу, вы увидите, что съ самыхъ первыхъ лѣтъ XIII-го вѣка слѣдующія мѣста были центрами художественной жизни въ Италіи: въ Тосканѣ — города Пиза, Сіена и Флоренція; въ Умбріи — Ассизи; въ Папской области — Субіако. Первый очеркъ въ изданіи Рамбу принадлежитъ еще чисто-византійскому живописцу—Аполлонію Греку, жившему около 1200 года; онъ изображаетъ Спасителя на крестѣ. Оригиналъ написанъ a tempera на пергаментѣ и наклеенъ на деревянномъ распятіи. Но уже въ началѣ XIII столѣтія въ Пизѣ появляется живописецъ, въ которомъ впервые высказалось сильное и нескрытое желаніе, отвергнувъ оцѣпененіе современной византійской школы, создать болѣе чистыя формы, придать болѣе одушевленія движеніямъ фигуръ въ композиціи. Это явленіе нисколько не должно насъ удивлять: гор-

Digitized by Google

дый республиканскій городъ уже съ XI-го вѣка началъ украшаться зданіями, которыя до нынѣшняго дня составляютъ лучшую его славу. Въ самомъ началѣ XIII-го вѣка уроженецъ этого же города, ваятель Николо Пизанскій, подъ вліяніемъ образцовъ античнаго рѣзца, достигъ въ развитіи пластической формы до такой высокой степени совершенства, что его созданія не могли остаться безъ огромнаго вліянія и на отечественную живопись. Въ самомъ дѣлѣ, оно и проявилось въ Джіунтѣ Пизанскомъ, хотя у него видна вся трудность борьбы съ старыми преданіями. Кромѣ родины своей, этотъ художникъ, вѣроятно очень славившійся въ то время, работалъ и въ другихъ мѣстахъ Италіи: всего же чаще онъ и его послѣдователи, повидимому, были призываемы въ Ассизи, гдѣ надъ гробомъ св. Франциска возникла великолѣпная святыня, въ которой сосредоточены древнѣйшія произведенія живописи. Базилика св. Франциска въ Ассизи играетъ чрезвычайно важную роль въ исторіи итальянскаго искусства. Уже въ исторіи архитектуры она замѣчательна тѣмъ, что чужеземные строители, — Нѣмцы, призванные сюда въ началѣ XIII-го вѣка, построили ее въ чуждомъ тогда для Италіи готическомъ стилѣ. Кромѣ того, она состоитъ изъ двухъ церквей, сооруженныхъ одна надъ другою, изъ которыхъ нижняя, болѣе уважаемая, воздвигнута была надъ гробомъ св. Франциска, а верхняя назначена для ежедневной службы. Великое почитаніе, которымъ пользовалась эта святыня, явствуетъ всего болѣе изъ богатаго ряда фрескъ, которыми итальянское искусство покрыло ея стѣны въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Нѣсколько поколѣній знаменитѣйшихъ древнихъ художниковъ Италіи содѣйствовали ея изукрашенію. Мистическая легенда объ аскетической жизни св. Франциска, исполненная чудесъ и видѣній; обѣты этого святаго, полные поэзіи; высокое уваженіе, съ которымъ чтилась его память, его мощи и всѣ предметы, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе, служили источникомъ художественнаго вдохновенія, сюжетами для кисти мастеровъ. Рамбу, долгое время жившій въ Ассизи и въ его окрестностяхъ, исчерпалъ художественныя сокровища этихъ мѣстъ съ неизвѣстною до сихъ поръ въ лѣтописяхъ литературы полнотою. Такимъ образомъ, мы впервые встрѣчаемъ у него нѣсколько весьма древнихъ портретовъ св. Франциска,

Digitized by Google

свидѣтельствующихъ о глубокомъ и раннемъ почитаніи, которое воздавалось этому святому на главномъ поприщѣ его дѣятельности: одинъ изъ нихъ (листъ 13-й) написанъ на доскѣ, служившей ему ложемъ при жизни и въ минуты кончины; другой (листъ 25-й), приписываемый Джіунтѣ, написанъ на доскѣ, которая служила для омовенія тѣла усопшаго; два другіе (листы 26-й и 33-й) носятъ на себѣ еще печать византійскаго стиля и приписываются Маргаритоне и Чимабуэ. Кромѣ этихъ произведеній, Рамбу сообщаетъ полные очерки и другихъ древнѣйшихъ созданій итальянской кисти, находящихся въ Ассизи и его окрестностяхъ: таково огромное распятіе, писанное тоже Джіунтою и находящееся въ церкви S. Maria degli Angeli, близь Ассизи, построенной надъ молельнею св. Франциска. Оно литографировано на пяти листахъ (листы 16—20). Характеръ этого произведенія вообще еще очень сухъ, но въ половинныхъ фигурахъ, находящихся въ боковыхъ частяхъ креста, видна даже прекрасная драпировка и стремленіе выразить глубокое чувство.

Когда готическая базилика надъ гробомъ св. Франциска была окончена, то первыми художниками, покрывшими ея стѣны живописью, были византійскіе живописцы, а послѣ нихъ тотъ же Джіунта Пизанскій. Онъ выбралъ предметомъ для своихъ картинъ разныя сцены изъ Священнаго Писанія и, можетъ-быть, ему же, но вѣроятнѣе его школѣ, принадлежатъ и нѣкоторыя сцены изъ жизни св. Франциска. Во всякомъ случаѣ художникъ, написавшій эти фрески, еще очень далекъ въ нихъ отъ того поэтическаго пониманія и воспроизведенія легенды святаго, которое позднѣе прославило столь высоко одного изъ флорентійскихъ живописцевъ. Всѣ эти фрески Джіунты Пизанскаго и его школы, находящіяся въ нижней церкви, съ которой началось изукрашеніе базилики, можно видѣть въ акварельныхъ копіяхъ Дюссельдорфской академіи; онѣ сильно пострадали отъ времени, и поэтому не удивительно, если Рамбу въ изданіе свое включилъ только два очерка (листы 11 и 12), впрочемъ не очень важные и болѣе замѣчательные въ иконографическомъ отношеніи.

Послѣ Джіунты Пизанскаго и его школы изукрашеніе базилики св. Франциска перешло въ руки Чимабуэ и Джіотто, ос-

Digitized by Google

нователей одной изъ самыхъ знаменитѣйшихъ школъ Италіи, именно—школы флорентійской. Тѣ, которые судятъ о Чимабуэ по его Мадоннамъ и преимущественно по знаменитой Мадоннѣ, въ церкви S. Maria Novella во Флоренціи, не могутъ имѣть полнаго понятія объ этомъ великомъ художникѣ; необходимо видѣть его фрески въ Ассизи, чтобы познакомиться съ благородствомъ его рисунка, съ его пониманіемъ композиціи и группировки, чтобы убѣдиться, какія глубокія наблюденія дѣлалъ онъ надъ выраженіемъ страстей въ человѣкѣ. Не извѣстно, работалъ ли Чимабуэ въ нижней церкви въ Ассизи; фрески его въ хорѣ и въ поперечномъ нефѣ почти совершенно исчезли, и сохранились однѣ только фрески въ верхнихъ частяхъ стѣнъ и въ сводахъ. Рамбу въ дюссельдорфскомъ собраніи сохранилъ нѣкоторыя изъ нихъ; но въ изданіи своемъ онъ, вслѣдствіе мѣстныхъ неудобствъ, не могъ снять ни одной кальки. Вотъ почему, къ сожалѣнію, оно ни сколько не знакомитъ насъ съ этой менѣе извѣстною стороной дѣятельности великаго художника, потому что разныя Мадонны Чимабуэ были часто гравированы. Зато изданіе Рамбу передаетъ намъ необыкновенно богато нижнія картины стѣнъ верхней церкви, изображающія различныя сцены изъ жизни св. Франциска, которыя принадлежатъ школѣ втораго великаго флорентійскаго живописца — Джіотто. На 28 листахъ (листы 39 — 66), Рамбу снялъ 95 фигуръ, дающихъ совершенно ясное представленіе о характерѣ и достоинствѣ этихъ картинъ. Не смотря на довольно счастливую передачу природы и другія качества, въ нихъ вообще замѣтно отсутствіе высшаго духовнаго стремленія, такъ что съ большею вѣроятностью исполненіе ихъ должно приписать ученикамъ Джіотто, школѣ великаго живописца, тутъ работавшаго и оставившаго въ этой же церкви несомнѣнныя произведенія своей кисти, гравированныя въ сочиненіи Феа: Descrizione della basilica di S. Francesco d'Assisi. Roma 1820. Ученики Джіотто украсили своими фресками также и другія святыни въ Ассизи, напримѣръ церковь св. Клары и церковь св. Даміана, близь Ассизи. Рамбу сообщаетъ самыя замѣчательныя фигуры изъ фрескъ этихъ двухъ послѣднихъ церквей, изъ которыхъ первыя онъ приписываетъ ученикамъ Джіоттино (листы 34 и 35 и 67 — 72). Наконецъ ученикамъ Джіотто

Digitized by Google

принадлежатъ также фигуры изъ разныхъ фрескъ, находящихся въ разныхъ капеллахъ и другихъ мѣстахъ нижней церкви св. Франциска, на листахъ 89, 90, 95, 96, 98 — 100. Всѣ эти работы доказываютъ, что школа Джіотто была весьма многочисленна, и безъ сомнѣнія ни по одному изданію нельзя получить о ней столь обширнаго понятія, какъ по настоящему труду Рамбу.

Въ то время какъ такимъ образомъ самобытная художественная жизнь въ XIII-мъ столѣтіи пробудилась въ Пизѣ и Флоренціи и нашла обширное поприще для своей религіозной дѣятельности въ горахъ Умбріи, она и на другихъ пунктахъ Италіи, почти въ одно и то же время, начала пробуждаться съ одинаковою силой. Замѣчательнѣйшія изъ этихъ мѣстностей, съ которыми, опять преимущественно съ малоизслѣдованныхъ сторонъ и въ весьма богатомъ выборѣ, знакомитъ насъ Рамбу, суть Субіако и Сіена. Въ высшей степени замѣчательны памятники художественной дѣятельности, принадлежащіе къ древнѣйшимъ въ Италіи, въ первой мѣстности. Рамбу обнародованіемъ ихъ оказалъ большую услугу исторіи искусства. Нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ мы не имѣемъ исторіи вліянія Бенедиктинскаго ордена на науку и искусство въ средніе вѣка. Это задача, необыкновенно обширная и поэтому чрезвычайно трудная, въ которой Субіако играетъ весьма важную роль. Именно , знаменитое Бенедиктинское аббатство этого имени, лежащее въ одной изъ прекраснѣйшихъ горныхъ долинъ Кампаньи, въ 24 миляхъ отъ Рима, есть древнѣйшій монастырь ордена на всемъ Западѣ. Здѣсь жилъ и дѣйствовалъ св. Бенедиктъ Нурсійскій. Изъ этихъ безплодныхъ горъ вышли монахи, распространившіе іерархію Рима надъ Италіею, Германіей, Франціей и отдаленною Британіей. Въ темные вѣка варварства положили они въ этихъ странахъ первые зачатки новой цивилизаціи. Сидя въ мрачныхъ кельяхъ, они съ необыкновеннымъ усердіемъ переписывали классическихъ писателей древности, собирали ихъ,и только имъ обязаны мы тѣмъ, что древній міръ и его знанія не совершенно для насъ погибли. Эти отшельники одни умѣли заносить въ лѣтописи повѣсть о смутныхъ временахъ, которыхъ были свидѣтелями. И въ сферѣ искусства дѣятельность этого ордена, преимущественно

Digitized by Google

въ раннюю эпоху среднихъ вѣковъ, вездѣ была необыкновенно обширна. Понятно, что въ Субіако и его окрестностяхъ,—отчизнѣ ордена,—должно было бы сохраниться много древнѣйшихъ памятниковъ ея, но бо́льшая часть погибла при различныхъ перестройкахъ, произведенныхъ тутъ въ разныя времена. Тѣмъ не менѣе изданіе Рамбу показываетъ, что отъ XIII-го до XVI-го столѣтія въ Субіако существовала обширная школа живописцевъ, работавшихъ подъ вліяніемъ разныхъ школъ Италіи. Древнѣйшіе памятники ея, изъ которыхъ иные принадлежатъ къ первымъ годамъ XIII-го вѣка, носятъ на себѣ отпечатокъ различныхъ школъ: одни изъ нихъ писаны подъ вліяніемъ византійскимъ, другіе отличаются грубостью стиля, наконецъ третьи замѣчательны идеальными формами и высокою граціей. Таково въ особенности изображеніе Мадонны, сидящей на тронѣ съ Младенцемъ и окруженной двумя ангелами (листъ 4 и 5). Надъ головою одного изъ ангеловъ этой фрески находится надпись: Magister Confolus pinxit hoc opus. Тотъ же характеръ носитъ и изображеніе св. Анатоліи (листъ 6). Произведенія XIV-го вѣка, находящіяся въ Субіако, отличаются тонкою характеристикой и принадлежатъ по надписямъ какому-то Stamatico greco (листъ 116). Въ XV-мъ столѣтіи Субіакская школа по стилю своему приближается то къ сіенской, то къ умбрійской.

Столь же богатая художественная жизнь развилась съ XIII-го вѣка и въ Сіенѣ, но обширная сіенская школа пошла своимъ особымъ путемъ. Долго, повидимому, не могла она освободиться изъ-подъ византійскаго вліянія, что̀ придало ей въ теченіе цѣлыхъ столѣтій совершенно особый характеръ. Въ то время какъ флорентійская школа съ самаго начала стремилась быстро сбросить съ себя оковы, наложенныя на нее до того господствовавшимъ византійскимъ вліяніемъ, сіенская остается подъ властью византійскихъ типовъ, слаба въ рисункѣ, не богата красками и, наконецъ, она удаляется отъ изображенія міра драматическихъ страстей. Она сосредоточивается на изображеніи отдѣльныхъ группъ, въ которыхъ высказывается безконечная любовь, и этотъ идеальный міръ души становится ея главною областью. Ясно, что такое направленіе не могло допустить въ Сіенѣ обширнаго раз-

Digitized by Google

витія стѣнной живописи al fresco, которое можно было бы сравнить съ стѣнною живописью во Флоренціи. Направленію сіенской школы болѣе соотвѣтствовала живопись на доскахъ, съ золотыми фонами, какъ у Византійцевъ, и вотъ почему Рамбу, съ необыкновенною любовью посвятившій около 70 листовъ этой школѣ, находилъ матеріалы для своего собранія не на украшенныхъ фресками стѣнахъ церквей и дворцовъ, но въ картинной галлереѣ академіи художествъ въ Сіенѣ, собраніи, единственномъ для изученія этой школы. Это идеальное направленіе свое сіенская школа сохраняетъ, разумѣется съ замѣчательными исключеніями, во все теченіе XIII и XIV столѣтій; въ XV-мъ она не можетъ выдержать сравненія съ могущественно развивающеюся школой флорентійскою; но въ XVI, въ эпоху величайшаго блеска искусства, она снова производитъ весьма замѣчательныхъ живописцевъ.

Первые образцы сіенской живописи, сообщаемые Рамбу на листахъ 121—123, 126 и 127, носятъ на себѣ еще печать сильнаго византійскаго вліянія. Они принадлежатъ художникамъ, которыхъ только одни имена, безъ всякихъ біографическихъ извѣстій, дошли до насъ. Таковы: Гвидуччіо, Петролино, Діетисальви, и т. д. Трудно рѣшить, на какомъ основаніи приписаны имъ эти произведенія. Гораздо болѣе замѣчательнымъ и, лучше сказать, первымъ художникомъ является въ Сіенѣ Гвидо Сіенскій. Рамбу, въ очень тщательно исполненномъ очеркѣ (листъ 124), сообщаетъ намъ колоссальное изображеніе знаменитой его Мадонны, находящееся въ церкви св. Доминика въ Сіенѣ, во второй капеллѣ налѣво. Эта картина написана была въ 1221, и подъ нею находится слѣдующая подпись:

Me Guido de Senis diebus depinxit amoenis,
Quem Christus lenis nullis velit angere poenis.

Anno D.M.CCXXI.

Хотя и это изображеніе создано подъ вліяніемъ византійскихъ преданій, тѣмъ не менѣе оно отличается возвышенною граціей. Этому же живописцу, хотя и съ меньшею вѣроятностью, приписывается второе изображеніе Мадонны, тоже сообщаемое Рамбу (листы 128 и 129.) За нимъ слѣдуютъ четыре очерка съ знаменитѣйшаго произведенія древней Сіенской школы: это

Digitized by Google

большая запрестольная картина, писанная Дуччіо, сыномъ сіенскаго гражданина Буонинсенья (листы 138—141). Онъ началъ этотъ трудъ по заказу для знаменитаго по своей готической архитектурѣ Сіенскаго собора въ 1308 году, покончилъ его въ 1311; еще до нынѣшняго дня онъ находится въ этомъ зданіи. Когда картина была окончена, то ее, подобно Мадоннѣ Чимабуэ, понесли въ торжественной процессіи изъ мастерской художника въ соборъ. Хотя фигуры, сообщаемыя Рамбу, и въ высшей степени замѣчательны, потому что онѣ отличаются большою пріятностью и вѣрнымъ воспроизведеніемъ природы, тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что Рамбу не перевелъ на бумагу сценъ изъ жизни Спасителя, въ которыхъ—что̀ составляетъ рѣдкое исключеніе у сіенской школы—Дуччіо, при изображеніи многосложныхъ драматическихъ событій, достигъ до классической красоты. Если Дуччіо не пріобрѣлъ въ свѣтѣ той славы, которою покрыто имя Чимабуэ, —въ этомъ виновны Данте, Вазари и еще то обстоятельство, что онъ работалъ только на своей родинѣ, а не въ столь много посѣщаемомъ и славномъ мѣстѣ, какъ Ассизи.—За тѣмъ Рамбу сообщаетъ очерки, чрезвычайно важные (листы 143—145, 147—150), съ большой фрески, находящейся въ главной ратушѣ маленькаго города Санджеминьяно, написанной въ 1317 году сіенскимъ живописцемъ Липпо Мемми. Она представляетъ Мадонну, окруженную разными святыми, и отличается идеальнымъ характеромъ; головы различныхъ святыхъ изображены еще счастливѣй, чѣмъ ликъ Мадонны. За Липпо Мемми слѣдуютъ очерки съ произведеній его учениковъ. Рядъ великихъ сіенскихъ живописцевъ XIV столѣтіи, вѣка высшаго процвѣтанія этой школы, самымъ достойнымъ образомъ замыкаютъ: Симоне Сіенскій, которому принадлежитъ необыкновенно торжественное и идеальное изображеніе архангела, находящееся на листѣ 142, и Амброджіо ди-Лоренцо или Лоренцетти. Послѣдній художникъ написалъ на одной изъ стѣнъ городской ратуши (palazzo publico), въ такъ называемой Sala delle Balestre превосходную и большую фреску, изображавшую, на поученіе засѣдавшимъ тутъ гражданамъ правителямъ Сіенской республики, послѣдствія дурнаго и хорошаго правленія. Эта фреска существовала съ XIV вѣка до нашихъ дней: всѣ новѣйшіе путешественники, гиды, какъ напримѣръ

Digitized by Google

Валери и Фёрстеръ, видѣли ее, и Рамбу снялъ съ нея акварельную копію и очеркъ. Но, кажется, аллегорическіе намеки этого произведенія не понравились правителямъ нашихъ дней, и оно, по повелѣнію ихъ, забѣлено. Такъ по крайней мѣрѣ расказывали мнѣ въ Сіенѣ, и я, разсматривая красивый и знаменитый по своимъ художественнымъ произведеніямъ правительственный дворецъ Сіенской республики, не имѣлъ счастія видѣть этой знаменитой фрески. Но можетъ быть, она находится и въ залѣ, по какимъ-либо неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ недоступной для публики. Изъ аллегорическихъ фигуръ этой фрески Рамбу сообщаетъ въ высшей степени замѣчательное поясное изображеніе Правосудія, которое отличается почти классическою красотой (листъ 160). Прочіе очерки съ сіенскихъ художниковъ XIV-го вѣка, напримѣръ Сальванелло, Уголино, Біаджіо, Мино, Берно, и т. д., отличающіеся всѣми качествами этой школы, очень важны для спеціальной ея исторіи.

Въ то время, какъ такимъ образомъ художественная школа Сіены въ XIV столѣтіи вся сосредоточилась на изображеніи тихаго міра глубокихъ чувствъ, выраженнаго въ немногихъ лицахъ, флорентійская школа, которой славу уже гораздо ранѣе основалъ Чимабуэ, въ томъ же столѣтіи пошла совершенно инымъ путемъ, который въ отношеніи художественнаго совершенства поставилъ ее въ XV-мъ — во главѣ всѣхъ школъ Италіи. Одаренная необыкновенно живымъ воображеніемъ и твердымъ сознаніемъ предстоящей ей цѣли, она устремилась возсоздавать дѣйствительную жизнь со всѣми ея разнообразными явленіями. Когда она изображала отношенія человѣка къ духовнымъ началамъ, тогда представляла эти отношенія въ глубоко-поэтическихъ и аллегорическихъ образахъ, но и въ нихъ, какъ и вездѣ, высказывалось рѣзко ея реальное направленіе. Оно-то и привело ее къ глубокому изученію природы и рисунка. Въ то время, какъ сіенская школа устремляетъ все свое вниманіе на то, чтобы, въ почти условномъ типѣ, выразить безконечное чувство, флорентійская стремится чертамъ каждаго лица придать индивидуальную печать.

Высшая цѣль ея стремленій есть богатство мыслей въ композиціи и глубокая характеристика каждой личности. Имена великихъ художниковъ XIV и XV-го вѣковъ, ее прославившихъ,

Digitized by Google

всѣмъ извѣстны. Само собою разумѣется, что въ этомъ стремленіи не всѣ они принимаютъ одинаковое участіе: одни изъ нихъ примыкаютъ болѣе къ стариннымъ преданіямъ живописи, другіе, преимущественно въ XV столѣтіи, выступаютъ рѣшительными представителями здраваго и мощнаго реализма. Но каждый изъ замѣчательнѣйшихъ флорентійскихъ живописцевъ этихъ двухъ вѣковъ имѣетъ свою рѣзкую, индивидуальную личность. Рамбу, сочувствующій въ живописи особенно выраженію міра религіозныхъ чувствъ, а не передачѣ дѣйствительной жизни, въ огромномъ числѣ памятниковъ, оставленныхъ намъ этою дѣятельною и обширною школой, выбралъ преимущественно тѣ, которые гармонировали съ его религіозными идеями и убѣжденіями. Художественныя произведенія, въ которыхъ преобладаютъ сильные реальные элементы, имъ почти обойдены совершенно. По обычаю, онъ и въ этомъ отдѣлѣ знакомитъ насъ по бо́льшей части съ мало извѣстными или неизданными произведеніями, къ сожалѣнію, оставляя въ сторонѣ тѣ, которыя пользуются большою славой: многочисленные примѣры этому увидимъ мы сейчасъ.

Флорентійскую школу XIV-го вѣка открываетъ знаменитый Джіотто, современникъ и другъ Данта. Это былъ одинъ изъ плодовитѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ художниковъ, когда-либо существовавшихъ. Хотя, безъ всякаго сомнѣнія, множество изъ его произведеній погибло, тѣмъ не менѣе изумительно число дошедшихъ до насъ. Судя по нимъ, Джіотто, призываемый со всѣхъ сторонъ, работалъ въ Флоренціи, Ассизи, въ Римѣ, Неаполѣ, Падуѣ, и, можетъ-быть, въ Авиньонѣ. Къ сожалѣнію, Рамбу, скопировавшій для дюссельдорфскаго собранія нѣсколько несомнѣнныхъ произведеній Джіотто, въ настоящемъ своемъ изданіи ограничился передачею только одного очерка, хотя и весьма любопытнаго, но мало дающаго понятія объ геніи этого великаго живописца: это тщательно исполненный портретъ Данта, изображающій его въ лучшую пору жизни (листъ 38-й). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ былъ открытъ во Флоренціи, на стѣнахъ одной комнаты, вѣроятно служившей капеллою, во дворцѣ Подесты, украшенной удивительными, но сильно пострадавшими фресками, написанными этимъ же великимъ художникомъ. Любопытную исторію находки и реставраціи

Digitized by Google

этого портрета я раскажу при другомъ случаѣ. Нельзя не пожалѣть, что Рамбу не позаботился о томъ, чтобъ дать публикѣ болѣе достойное представленіе о Джіотто передачею очерковъ, хоть, напримѣръ, съ неподражаемыхъ фрескъ въ церкви S. Maria dell' Incoronata въ Неаполѣ, или его поэтическихъ и въ духѣ Данта созданныхъ аллегорій въ церкви св. Франциска въ Ассизи. Что они знакомы публикѣ посредствомъ гравюры, не можетъ ему послужить извиненіемъ. Кто знакомъ съ изданіями Феа и д'Лзоэ и сравнитъ ихъ съ характеромъ настоящаго изданія Рамбу, съ перваго взгляда убѣдится не только въ ихъ недостаточности, но даже въ рѣшительной ничтожности. Передалъ же Рамбу съ необыкновенною и даже отчасти ненужною полнотой знаменитое произведеніе, которое прежде приписывалось Джіотто, но теперь съ большею вѣроятностью признается за произведеніе ученика Джіотто — Таддео Гадди. Эта огромная фреска, изображающая Тайную Вечерю, находится на стѣнѣ трапезы въ монастырѣ S. Grose во Флоренціи. Три листа (отъ 73 — 75), изображающіе всю композицію въ уменьшенномъ размѣрѣ, не имѣя достоинствъ снимка, излишни, потому что въ этомъ уменьшенномъ видѣ она очень хорошо передана двумя граверами — Лазиніо и въ особенности Рушвеемъ. Зато нельзя не поблагодарить отъ всей души издателя за превосходную передачу тринадцати колоссальныхъ головъ этой фрески (листы 76 — 88): эти величественныя изображенія даютъ очень полное представленіе типовъ школы Джіотто. Дальнѣйшими, чрезвычайно любопытными образцами ея служатъ очерки фрескъ, находящихся въ капеллѣ degli Spagnuoli въ церкви S. Maria Novella во Флоренціи, замѣчательныхъ и по содержанію своему (листы 94 — 94 и 100). Рамбу, слѣдуя Вазари, приписываетъ ихъ Таддео Гадди, но это не справедливо. Не говоря о замѣчательныхъ типахъ Аристотеля и Діонисія Ареопагитскаго, созданныхъ неизвѣстнымъ ученикомъ Джіотто, эти фрески замѣчательны тѣмъ, что художникъ сохранилъ въ нихъ для потомства портреты многихъ знаменитыхъ своихъ современниковъ. Такъ мы находимъ тутъ портреты многихъ флорентійскихъ красавицъ и между ними Лауры, воспѣтой Петраркою (листъ 92-й); далѣе, портреты знаменитыхъ архитекторовъ Лапо и Арнольфо, сына Лапо,

Digitized by Google

(что̀ впрочемъ не правильно); живописцевъ Липпо Мелини, Симона Сіенскаго, Чимабуэ, Джіотто (листы 93 и 94). Рядъ послѣдователей Джіотто въ XIV-мъ вѣкѣ оканчивается очерками съ фрескъ, находящихся въ Пизѣ: таково прекрасное изображеніе какой-то вѣнчанной женщины, заимствованное изъ одной фрески великаго Органьи въ Campo Santo въ Пизѣ (листъ 97-й), и нѣсколько головъ, заимствованныхъ изъ фрескъ, въ монастырѣ св. Франциска (листы 101 и 102). Фрески эти приписываются одними Антонію делла-Вите, другими Николо да-Пьетро и принадлежатъ концу XIV-го вѣка. Въ этихъ превосходныхъ, хотя мало-извѣстныхъ фрескахъ, сообщеніемъ коихъ Рамбу оказалъ большую услугу исторіи искусства, старинный художникъ умѣлъ придать типу, созданному его учителемъ Джіотто, необыкновенно глубокое, серьёзное и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненное красоты выраженіе. Выражая искреннюю благодарность Рамбу за это сообщеніе малоизвѣстныхъ, но вполнѣ достойныхъ извѣстности, произведеній, нельзя не изъявить глубокаго сожалѣнія о томъ, что составитель совершенно обошелъ знаменитую сокровищницу древне-итальянской живописи—Campo Santo въ Пизѣ, предполагая ее всѣмъ извѣстною по гравюрамъ Лазиніо. Хотя послѣднія и даютъ слабое понятіе о композиціи находящихся тамъ напримѣръ знаменитыхъ фресокъ Органьи, тѣмъ не менѣе онѣ совершенно неудовлетворительны относительно стиля и типовъ этого многосторонняго и великаго художника. Грандіозныя его произведенія: Торжество Смерти и Страшный судъ, съ ихъ безпощаднымъ реализмомъ, не согласуются съ настроеніемъ души Рамбу, и вѣроятно это обстоятельство, какъ въ большей части замѣченныхъ мною опущеній, лишило насъ очерковъ, столь важныхъ для исторіи искусства.

То же должно замѣтить относительно выбора, сдѣланнаго Рамбу изъ произведеній флорентійской школы XV-го вѣка, которой реальное направленіе ему совершенно не по сердцу: какъ ревностный католикъ, онъ болѣе сочувствуетъ глубоко-религіозному и духовному направленію въ живописи. Странно, что при этомъ сочувствіи Рамбу ограничился передачею только одного произведенія Фра Беато Анд-

Digitized by Google

желино да-Фьезоле, процвѣтавшаго въ началѣ этого столѣтія. Правда, произведенія этого великаго художника-монаха были часто гравированы, и три головы, находящіяся въ изданіи Рамбу и заимствованныя изъ величайшаго его произведенія — знаменитой фрески, изображающей «Распятіе Спасителя» въ монастырѣ св. Марка во Флоренціи, изданы въ новѣйшей монографіи Маркезе: San Marco, convento de'Frati Predicatori in Firenze, illustrato etc., но именно превосходнѣйшее изъ произведеній Фьезоле передано въ этомъ сочиненіи самымъ неудовлетворительнымъ образомъ. Напротивъ, три очерка Рамбу (листы 108—110), изображающіе св. Іеронима, св. Франциска изъ Ассизи и св. Бернарда, сохраняютъ всю выразительность этихъ физіогномій и всю глубину индивидуальнаго религіознаго чувства, которымъ отличается оригиналъ. Они принадлежатъ къ самымъ удачнымъ очеркамъ всего собранія. О великой дѣятельности прочихъ флорентійскихъ живописцевъ XV-го вѣка, изъ изданія Рамбу нельзя получить удовлетворительнаго понятія. Такъ Масаччіо, съ котораго флорентійскихъ фресокъ еще въ прошломъ столѣтіи были гравированы снимки, нынѣ весьма рѣдко встрѣчаемые даже въ лучшихъ библіотекахъ, удѣленъ только одинъ листъ (107), потому что приписанный ему на листѣ 106 портретъ есть, можетъ-быть, картина Филиппино Липпо. Таково мнѣніе Куглера, но я осмѣливаюсь думать, что если портретъ, извѣстный подъ именемъ Масаччіо и находящійся въ галлереѣ Уффицій во Флоренціи, въ самомъ дѣлѣ ему принадлежитъ, то и портретъ на листѣ 106 есть тоже портретъ Масаччіо, имъ самимъ писанный. Съ Беноццо Гоццоли мы тоже знакомимся здѣсь только въ первую эпоху его развитія: во фрескахъ церквей св. Фортуната и св. Франциска въ мѣстечкѣ Монтефалько (въ Папской области) онъ является еще исполненнымъ нѣжной граціи (листы 203—205); но съ его фресками въ капеллѣ дворца Медичи во Флоренціи и преимущественно съ знаменитыми картинами Campo Santo въ Пизѣ, въ которыхъ дѣйствительный міръ отражается во всемъ его многообразномъ богатствѣ съ необыкновенною полнотой, Рамбу насъ вовсе не знакомитъ. За тѣмъ слѣдуютъ очень любопытныя произведенія Бастіано Майнарди, Лоренцо изъ Витербо, Пьеро дель-Поллайуоло и наконецъ

Digitized by Google

очерки съ превосходныхъ фрескъ и другихъ произведеній Луки Синьіорелли, находящихся въ соборѣ города Орвіето. И здѣсь должно выразить сожалѣніе, что Рамбу ограничилъ только двумя очерками число изображеній, снятыхъ имъ съ фрескъ этого великаго художника (листы 179 и 190). Хотя фрески Синьіорелли и гравированы въ описаніи этого собора, сдѣланномъ отцемъ делла-Валле, тѣмъ не менѣе отличные снимки Рамбу придали бы новое значеніе этому описанію, сдѣланному еще въ прошломъ столѣтіи.

Выше я уже замѣтилъ, что въ XV столѣтіи, во время могущественнаго развитія живописи во Флоренціи, сіенская школа теряетъ свое общеисторическое значеніе, и мѣсто ея заступаетъ школа, которая въ этомъ вѣкѣ возникаетъ въ Умбріи. Тѣмъ не менѣе, Рамбу посвятилъ очень много очерковъ сіенской школѣ XV-го вѣка, любопытныхъ для ея спеціальной исторіи. Тутъ встрѣчаемъ мы имена: Берна, Бартоло ди-Фреди, Сано ди-Пьетро, Нероччіо, Франческо ди-Джіорджіо и т. д. Умбрійская школа развиваетъ то же направленіе, какъ и сіенская: безконечная жизнь въ божественной любви — вотъ ея область. Само собою разумѣется, что Рамбу посвятилъ ей особое вниманіе: онъ хотѣлъ показать, какія до сихъ поръ еще неисчерпанныя сокровища истинно-религіозной живописи ею созданы. Рядъ живописцевъ этой школы открываетъ Бенедетто Буонфильіо (листъ 208); за нимъ слѣдуетъ истинный основатель этой школы — Никколо Алунно (листъ 209). Но высшую степень процвѣтанія ея составляетъ учитель Рафаэля — Пьетро Перуджино. Рамбу переноситъ насъ во множество городовъ, которые этотъ великій живописецъ украшалъ своими глубоко-поэтическими, исполненными какой-то тайной грусти, произведеніями. Перуджино работалъ на своей родинѣ въ Читта делла-Пьеве, въ Монтефалько, въ Паникале, въ Орвіето, и особенно въ Перуджіи. Рамбу посвятилъ ему болѣе двадцати очерковъ и болѣе тридцати—его очень обширной школѣ, въ которой встрѣчаются имена въ высшей степени замѣчательныхъ художниковъ, каковы: Пинтуриккіо, Ингеньо, Спанья, Тиберіо изъ Ассизи, и т. д.

Съ умбрійскою школой, вслѣдствіе одинаковаго направленія, Рамбу соединилъ школу урбинскую. Самымъ замѣчательнымъ

Digitized by Google

представителемъ ея былъ Джіованни Санти, отецъ великаго Рафаэля. Въ настоящемъ изданіи Рамбу онъ является живописцемъ, то необыкновенно величественнымъ, то очень граціознымъ и наивнымъ въ созданіи своихъ типовъ. Рамбу сообщаетъ болѣе двадцати очерковъ съ картинъ и фрескъ его, находящихся въ Урбино, Кальи и другихъ окрестныхъ мѣстечкахъ.

Въ высшей степени замѣчательнымъ явленіемъ выступаетъ въ этомъ же столѣтіи въ Неаполѣ, до тѣхъ поръ не имѣвшемъ самобытной школы съ явно высказаннымъ направленіемъ, живописецъ, Антоніо Соларіо, прозванный Цингаро. Онъ оставилъ по себѣ въ церкви св. Северина рядъ превосходныхъ фрескъ, взятыхъ изъ жизни св. Бенедикта, изданныхъ съ описательнымъ текстомъ Неаполитанцемъ д' Алоэ: Le famose pitture dello Zingaro nel chiostro del S. Severino in Napoli. Napoli. 1846. Рамбу сообщаетъ нѣсколько замѣчательныхъ головъ изъ этихъ фрескъ и въ томъ числѣ портретъ самого художника (листъ 193).

Этими очерками собственно и оканчивается задача, которую возложилъ на себя почтенный составитель новаго обширнаго и превосходнаго изданія. Въ XVI столѣтіи итальянская живопись преслѣдуетъ совершенно иныя цѣли, которыя слишкомъ мало гармонируютъ съ личными убѣжденіями нѣмецкаго художника. Кромѣ того, полная картина ея потребовала бы другаго изданія, столь же объемистаго, какъ и настоящее. Тѣмъ не менѣе, Рамбу сообщаетъ нѣсколько замѣчательныхъ произведеній XVI вѣка, которыя по характеру своему еще носятъ на себѣ печать средневѣковыхъ убѣжденій. Таковы произведенія флорентійскаго художника Фра Бартоломмео; въ высшей степени замѣчательныхъ художниковъ процвѣтавшей въ этомъ столѣтіи сіенской школы: Содомы, Пакіаротто, Перуцци и Беккафуми, и даже нѣкоторыя картины флорентійскихъ живописцевъ Вазари и Поччети, въ которыхъ, среди господствовавшаго въ концѣ этого вѣка манеризма, иногда проглядываетъ еще наивное наблюденіе природы.

Таково содержаніе и характеръ этихъ двухъ собраній, составленныхъ живописцемъ Рамбу, — плодовъ упорнаго и долголѣтняго труда его въ Италіи. Но богатый запасъ его портфелей далеко этимъ не ограничивается: въ одно изъ пребы-

Digitized by Google

ваній моихъ въ Кёльнѣ, я имѣлъ удовольствіе, при изустныхъ объясненіяхъ художника, разсматривать сдѣланные имъ въ этой неисчерпаемой по своимъ художественнымъ богатствамъ странѣ еще неизданные очерки съ самыхъ разнообразнѣйшихъ произведеній искусства. Такимъ образомъ, Рамбу снялъ всѣ видѣнныя имъ замѣчательныя распятія, изображенія Мадонны и т. д., и всѣ эти драгоцѣнныя для христіанской иконографіи матеріалы онъ намѣренъ издать въ свѣтъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Въ его же портфеляхъ нашелъ я безчисленное количество легко набросанныхъ небольшихъ очерковъ со множества замѣчательнѣйшихъ памятниковъ живописи. Такъ, живя болѣе года въ Ассизи, снялъ онъ, исключительно для себя, просто для памяти, болѣе осьмидесяти очерковъ со всѣхъ фрескъ, украшающихъ знаменитую базилику св. Франциска. Эти очерки, иногда слишкомъ легко набросанные, поэтому вѣроятно никогда и не будутъ изданы. Такая сознательная и неутомимая дѣятельность внушаетъ глубочайшее уваженіе къ Рамбу, какъ художнику и человѣку. Поэтому я надѣюсь, что читатели не припишутъ мои указанія многочисленныхъ и важныхъ опущеній въ новомъ его изданіи желанію найдти недостатки въ такомъ огромномъ трудѣ. Подобная мысль была далека отъ меня. Напротивъ, я имѣлъ въ виду совершенно другія цѣли. Мнѣ хотѣлось только показать, что подобный же, но полный трудъ, обнимающій всю исторію развитія живописи въ Италіи отъ IV до конца XVI вѣка, не есть дѣло одного человѣка, но задача жизни нѣсколькихъ художниковъ. Только тогда, когда задача эта всестороннимъ образомъ будетъ приведена въ исполненіе, мы, жители сѣвера, удаленные тысячами верстъ отъ классической почвы Италіи, получимъ воспроизведенія, которыя достойно осуществятъ передъ нашими глазами развитіе и лучшіе образцы христіанской живописи. Подобные образцы необходимо нужны не только для воспитанія нашихъ художниковъ, но и для постояннаго поученія насъ самихъ и, наконецъ, для эстетическаго воспитанія нашего общества. Различныя собранія Рамбу указываютъ намъ только на способы для достиженія этой цѣли, но они нисколько не суть эта самая цѣль. Дюссельдорфское его собраніе для насъ не доступно; новое изданіе, по высокой цѣнѣ своей, доступно столь

Digitized by Google

незначительному числу нашихъ любителей въ Москвѣ, что до сихъ поръ почти совершенно не извѣстно. Еслибы оно и находилось въ заведеніяхъ, назначенныхъ для воспитанія нашихъ художниковъ, то и тамъ не принесло бы, по неумѣнію имъ пользоваться, значительной пользы. Публичной библіотеки, въ которой оно лежало бы на столѣ для общаго употребленія, у насъ нѣтъ, да и кромѣ того употреблять его съ пользою можно только при помощи огромной библіотеки по части исторіи искусства. Притомъ, какъ я неоднократно замѣчалъ, оба собранія, составленныя въ одномъ духѣ, съ одною мыслью, далеко не обнимаютъ всѣхъ школъ Италіи: они опускаютъ совершенно всѣ сѣверо-итальянскія школы и не даютъ никакого представленія о такихъ великихъ художникахъ, каковы: Мантенья, Франчіа, Беллини, Леонардо да-Винчи, и т. д. Всѣ эти пробѣлы, понятные въ трудѣ одного человѣка, должны быть и могутъ быть восполнены, если только въ насъ самихъ есть твердое намѣреніе дать истинное эстетическое воспитаніе нашимъ художникамъ и нашему обществу. Или станемъ мы, вслѣдствіе природной лѣни или по чувству равнодушія ко всему безкорыстно высокому, увѣрять себя, что ни художники, ни общество не нуждаются въ немъ?

Нѣтъ, положа руку на сердце, все наше общество должно смиренно сознаться, что искусство для него — невѣдомая область; что не только оно не имѣетъ ясныхъ представленій о развитіи его въ восточномъ или классическомъ мірѣ, но что ему даже совершенно неизвѣстна сфера высшихъ духовныхъ созерцаній, созданныхъ христіанскою живописью на Западѣ. А, повидимому, этотъ міръ долженъ бы быть такъ близокъ къ намъ, такъ хорошо знакомъ намъ!

Есть средство, хотя и трудное, но возможное, лежащее въ нашей власти, достигнуть до этой возвышенной цѣли. Есть средство оказать невещественную услугу цѣлому обществу, сообщить его вкусамъ благородное направленіе и воспитать цѣлыя будущія поколѣнія на любовь къ истинѣ и добру, выраженныхъ въ изящномъ. Это эстетическое воспитаніе дается, эти вкусы пріобрѣтаются только разсматриваніемъ, созерцаніемъ и изученіемъ художественныхъ произведеній. А у насъ въ Москвѣ именно нѣтъ никакого публичнаго собранія художе-

Digitized by Google

ственныхъ произведеній, нѣтъ, однимъ словомъ, *художественнаго музея*, открытаго для всего общества. Я уже однажды изложилъ эту мысль и не перестану развивать ее со всѣхъ сторонъ, если даже голосъ мой останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Такъ, по настоящему поводу, да позволено мнѣ будетъ сказать нѣсколько словъ о значеніи и важности у насъ художественнаго музея для изученія развитія христіанской живописи: эти слова вытекутъ, какъ естественный результатъ, изъ настоящей статьи. Мы видѣли глубоко-религіозный характеръ старинной итальянской живописи: для того, чтобы воспріять его въ себя, не достаточно самыхъ краснорѣчивыхъ описаній: произведенія искусства создаются для того, чтобы быть созерцаемыми, а мы лишены всѣхъ средствъ для подобнаго воспріятія. Мы видѣли, что всѣ пособія, находящіяся у насъ до сихъ поръ подъ руками, не достаточны: гравюры не даютъ полнаго понятія о старинной итальянской живописи, которой великое значеніе вполнѣ понято и оцѣнено только въ новѣйшее время, да кромѣ того и пріобрѣтеніе ихъ для каждаго частнаго лица сопряжено съ огромными издержками. Число же счастливыхъ людей между нами, которые на мѣстѣ изучали произведенія этой живописи, сравнительно крайне ограничено. Художники наши обыкновенно отправляются въ Италію уже по совершенномъ окончаніи своего художественнаго образованія. Кромѣ того, къ несчастію, не приготовленные наукой, они не знаютъ, какія именно мѣста посѣтить имъ, какихъ художниковъ изучать и обыкновенно ограничиваютъ свое пребываніе въ Италіи Римомъ и его окрестностями. Что людямъ, посвятившимъ себя исторической живописи, необходимо было бы знать наизусть величайшія сокровища итальянской религіозной живописи, имъ никогда не говорили. Наконецъ, пора нашему обществу, знакомому съ искусствомъ только по парижскимъ литографіямъ, вывѣшеннымъ въ окнахъ нашихъ плохихъ эстампныхъ магазиновъ, ознакомиться съ тѣми безсмертными произведеніями, которыхъ одно созерцаніе облагораживаетъ человѣка. Учрежденіе художественнаго музея въ Москвѣ позволило бы покрыть нѣкоторыя стѣны изъ многочисленныхъ его залъ копіями, сдѣланными съ умѣньемъ и по строгому выбору,

Digitized by Google

со всѣхъ величайшихъ произведеній христіанской живописи. Для подробнѣйшаго изученія тѣхъ изъ нихъ, которыя были бы переданы въ уменьшенныхъ размѣрахъ, въ музеѣ находились бы полные снимки, или кальки, разумѣется въ величину оригинала. Эти кальки во многомъ имѣли бы преимущество передъ новымъ изданіемъ Рамбу. Польза подобнаго учрежденія для воспитанія не только художниковъ и любителей, но и цѣлаго общества, была бы неизмѣрима; оно стало бы прилагать совершенно другія, новыя требованія къ отечественному искусству, и въ свою очередь, эти требованія имѣли бы благодѣтельное вліяніе на развитіе самихъ художниковъ. Въ то время, какъ во всемъ обширномъ отечествѣ нашемъ пробуждается къ жизни новый и лучшій духъ, старое положеніе дѣлъ относительно эстетическаго воспитанія нашихъ художниковъ и общества оказывается несостоятельнымъ и долѣе не возможнымъ. Таково въ особенности положеніе нашей столицы, нашей Москвы. Здѣсь уже нѣсколько лѣтъ существуетъ спеціальное заведеніе, назначенное для воспитанія будущихъ поколѣній русскихъ художниковъ, которыхъ имена и произведенія должны нѣкогда составить гордость нашего отечества. Покажите этимъ юношамъ на живыхъ примѣрахъ въ залахъ художественнаго музея, какими трудными путями и послѣ сколькихъ усилій великіе художники-мыслители прошлыхъ вѣковъ довели искусство до высшаго выраженія глубочайшихъ отношеній человѣка, и какими путями должно идти для созданія великаго народнаго искусства. Но когда въ этотъ открытый для всѣхъ чертогъ искусства, вмѣстѣ съ молодыми художниками, войдетъ и доступный всѣмъ возвышеннымъ впечатлѣніямъ народъ, то и ему откроется новый міръ, котораго существованіе каждый предчувствуетъ, но, безъ наглядnаго пособія, сознать не можетъ. Неужели у насъ не встрѣтится никто, чье сердце исполнилось бы радостью при видѣ, что онъ доставилъ не одному, но тысячамъ своихъ собратій длинный рядъ безконечныхъ, самыхъ чистыхъ и возвышенныхъ наслажденій?

К. Гёрцъ.

Digitized by Google

УЛЬРИХЪ ФОНЪ-ГУТТЕНЪ.

Ulrich von Hutten. Von D. F. Strauss. Leipzig, 1858.

(Окончаніе.)

—

Жизнь Гуттена такъ полна разнообразныхъ событій, что весьма трудно излагать ее въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Мы слѣдуемъ эпизодическому изложенію Штрауса, которое позволяетъ сосредоточивать вниманіе на каждомъ отдѣльномъ событіи жизни Гуттена, не отвлекаясь въ сторону. Такъ представили мы сначала все дѣло герцога Виртемберскаго, хотя послѣднія обличительныя рѣчи были написаны Гуттеномъ въ Италіи; такъ и теперь, когда онъ возвратился въ Германію, мы должны будемъ бросить взглядъ назадъ, потому что еще въ Италіи принялъ онъ участіе въ знаменитомъ спорѣ Рейхлина съ кёльнскимъ духовенствомъ, — спорѣ, къ которому обратилась отнынѣ вся его дѣятельность.

Іоаннъ Рейхлинъ, или Капніонъ, какъ грецизировали его имя, въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія занималъ первое мѣсто между людьми, стремившимися разогнать мглу среднихъ вѣковъ, побороть схоластику и невѣжество при помощи основательнаго изученія древнихъ, — словомъ — первое мѣсто между гуманистами. Гуттенъ выразилъ только всеобщее мнѣніе, назвавъ Рейхлина и Эразма очами Германіи. Правда, что въ началѣ XVI вѣка Эразмъ пользовался бо̀льшею славой. Онъ больше писалъ, сочиненія его касались непосредственно жизненныхъ вопросовъ эпохи, все свое время, всѣ силы посвящалъ онъ литературнымъ занятіямъ. Ученые труды Рейхлина были, напротивъ того, плодами его досужныхъ часовъ, потому что онъ

Digitized by Google

занималъ важные гражданскіе посты. Рейхлинъ былъ правовѣдъ по ремеслу, филологъ и философъ по охотѣ. Его латынь была не такъ безукоризненна, какъ латынь Эразма; зато кромѣ латинскаго и греческаго языковъ онъ изучалъ еврейскій, имѣя въ виду не столько филологическую, сколько теологическую цѣль. Рейхлинъ былъ мистикъ, и видѣлъ въ знаніи еврейскаго языка не только ключъ къ истинному познанію Св. Писанія, но и доступъ къ таинствамъ каббалы. Въ каждомъ словѣ, въ каждой буквѣ Ветхаго Завѣта искалъ онъ какого-нибудь таинственнаго значенія, хотя истину ставилъ выше всего на свѣтѣ. Эразмъ, напротивъ того, одаренъ былъ свѣтлымъ, немного ироническимъ умомъ, и въ своемъ «Похвальномъ словѣ глупости» не забылъ упомянуть о мистическихъ бредняхъ Рейхлина.

Въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ (1510 г.) Рейхлинъ вступилъ въ шестой десятокъ жизни и, удалясь отъ дѣлъ, жилъ съ женою въ деревушкѣ. Въ это время крещеный Еврей Пфефферкорнъ сталъ взывать ко всѣмъ правительствамъ, чтобы изгнали Евреевъ и предали сожженію ихъ книги. Происки его нѣкоторое время оставались безуспѣшны, наконецъ получилъ онъ отъ императора Максимиліана, при помощи подкупленнаго имъ секретаря, разрѣшеніе вытребовать книги у всѣхъ Евреевъ въ ратуши, гдѣ ихъ должны были разсмотрѣть Пфефферкорнъ и кое-какія назначенныя лица изъ духовенства, чтобы отобрать и сжечь тѣ, въ которыхъ найдется порицаніе христіанской религіи. Съ этимъ полномочіемъ пріѣхалъ Пфефферкорнъ къ Рейхлину, предлагая ему отправиться вмѣстѣ по Рейну исполнять приговоръ. Рейхлинъ отказался. Вскорѣ пришелъ отъ курфиршта майнцскаго запросъ: не слѣдуетъ ли, по мнѣнію Рейхлина, отобрать у Евреевъ и сжечь всѣ ихъ книги, кромѣ Ветхаго Завѣта? Тотъ же вопросъ предложенъ былъ доминиканскому пріору въ Кёльнѣ Гохштратену, Виктору фонъ-Карбену, когда то бывшему раввиномъ, а теперь церковному саповнику, и университетамъ кёльнскому, майнцскому, эрфуртскому и гейдельбергскому. Отвѣтъ Рейхлина можетъ служить прекраснымъ образцомъ его ума, прямодушія и умѣренности. По его мнѣнію, можно было сжечь только тѣ книги, въ которыхъ заключалось непосредственное порицаніе христіанской вѣры. Всѣ голоса отданы были на разсмотрѣніе Пфеф-

Digitized by Google

ферркорну, который получилъ уже большую довѣренность Максимиліана. Въ негодованіи на Рейхлина, написалъ Пфефферкорнъ памфлетъ, въ которомъ обвинялъ его въ незнаніи еврейскаго языка и въ покровительствѣ Евреямъ, которые будто бы его подкупили. Рейхлинъ жаловался императору, но видя, что жалоба его забыта вопреки обѣщаніямъ, написалъ отвѣтъ, въ которомъ изложилъ весь ходъ дѣла и оправдывался отъ гнусныхъ обвиненій Пфефферкорна. Дѣло завязалось. Пфефферкорнъ, находясь въ 1511 году во Франкфуртѣ, выхлопоталъ отъ священника Мейера запрещеніе продавать книгу Рейхлина, но майнцскій архіепископъ не утвердилъ этого запрещенія.

Тогда Мейеръ, въ противность всѣмъ постановленіямъ Церкви того времени, позволилъ Пфефферкорну, не смотря на то что онъ былъ женатъ, проповѣдывать у церковныхъ дверей противъ Рейхлина. Разумѣется, книга Рейхлина стала раскупаться въ десять разъ быстрѣе прежняго. Тогда богословы кёльнскаго университета, большею частью доминиканцы, въ рукахъ которыхъ Пфефферкорнъ былъ только орудіемъ, рѣшились лично вступить въ споръ и отдали книгу Рейхлина на просмотръ доктору и профессору Арнольду Тунгерну, чтобы онъ рѣшилъ — нѣтъ ли въ ней какой-нибудь ереси.

Трудно провести точную границу между трусостью и благоразумной предусмотрительностью. Трудно согласиться съ Штраусомъ, который приписываетъ послѣдней дальнѣйшія дѣйствія Рейхлина; во всякомъ случаѣ непріятно видѣть какъ представитель передовой партіи, наполненной такими людьми, какъ Гуттенъ, то-есть людьми, готовыми принесть все въ жертву того дѣла, которое составляло цѣль ихъ жизни, склоняется передъ сторонниками противной партіи и, еще не дождавшись удара, пишетъ къ нимъ унизительное извиненіе, обѣщаетъ прекратить полемику, изъявляетъ сожалѣніе, что неумышленно оскорбилъ кёльнскій университетъ, и т. п. Но вскорѣ Рейхлинъ долженъ былъ испытать на себѣ какъ опасно поддаваться обскурантамъ и отступать отъ своихъ убѣжденій хоть на одинъ шагъ. Кёльнцы обрадовались, что ихъ страшный противникъ повинился и видѣли въ этомъ самый удобный случай забить и уничтожить его окончательно. Деканъ богословскаго факультета и епархіальный *кецермейстеръ* (ересеисправникъ) Гох-

Digitized by Google

штратенъ лично повелъ походъ на Рейхлина. Требованія его были до того наглы и неосновательны, что Рейхлинъ потерялъ наконецъ терпѣніе и написалъ на нѣмецкомъ языкѣ защитительное объясненіе, а вслѣдъ за тѣмъ, на латинскомъ, жестокую діатрибу противъ «своихъ кёльнскихъ клеветниковъ». Въ послѣдней онъ главнымъ образомъ защищается противъ обвиненія въ ложномъ толкованіи словъ Священнаго Писанія, и не воздерживается отъ личностей. Императорское повелѣніе прекратило этотъ споръ; Максимиліанъ закрылъ уста той и другой партіи. Тогда сторонники Гохштратена рѣшились во что бы ни стало перенести распрю на другое поприщѣ, и Гохштратенъ потребовалъ Рейхлина на духовный судъ. Рейхлинъ явился въ Майнцъ и подалъ апелляцію на имя папы. Уже Гохштратенъ сидѣлъ на судейскихъ креслахъ и готовился объявить свой приговоръ, какъ отъ архіепископа пришло запрещеніе, потому что онъ принялъ апелляцію Рейхлина. Гохштратенъ удовлетворилъ своей ярости, предавъ въ Кёльнѣ книгу Рейхлина сожженію, какъ сочиненіе еретическое, потворствующее Іудеямъ, непочтительное къ учителямъ церкви, и т. д.

Папа Левъ X поручилъ дѣло епископу шпейерскому, молодому пфальцграфу Георгу, который съ своей стороны избралъ себѣ въ помощь двухъ канониковъ, изъ которыхъ одинъ былъ послѣ въ числѣ друзей Гуттена. Рейхлинъ былъ оправданъ, Гохштратенъ приговоренъ къ молчанію и денежной пенѣ, съ обязательствомъ въ продолженіе тридцати дней примириться съ Рейхлиномъ. Гохштратенъ въ свою очередь аппеллировалъ на имя папы. Споръ перенесенъ былъ въ самый Римъ и порученъ кардиналу Гримани. Личная борьба между Рейхлиномъ и Кёльномъ приняла громадные размѣры борьбы между прогрессистами и обскурантами. Все, что было мыслящаго въ Германіи и Италіи, вступилось за Рейхлина, и друзья его издали въ свѣтъ собраніе писемъ, полученныхъ имъ отъ знаменитыхъ его современниковъ (Epistolae illustrium virorum), чтобы показать всѣмъ, какія духовныя силы находятся на его сторонѣ. Тутъ въ первый разъ партія гуманистовъ увидѣла все свое значеніе и могущество. Между тѣмъ рѣшеніе судной коммиссіи въ Римѣ не появлялось, и наконецъ, только въ 1516 г., состоя-

Digitized by Google

лось Mandatum de supersedendo, то-есть, споръ былъ не рѣшенъ, а оставленъ безъ послѣдствій.

Читатель достаточно уже познакомился съ Гуттеномъ, и излишне было бы говорить о томъ горячемъ участіи, съ какимъ слѣдилъ онъ за ходомъ дѣла, будучи еще въ Италіи. Сильно желалъ Гуттенъ вступить въ прямыя сношенія съ Рейхлиномъ, но Рейхлинъ былъ уже и безъ того на замѣчаніи у герцога Виртембергскаго, и переписка съ Гуттеномъ, личнымъ врагомъ герцога, могла быть для него пагубна. Только въ 1517 г., въ январѣ, рѣшился онъ отвѣчать на полученное отъ него грустное письмо. «Заклинаю тебя жизнью, пишетъ онъ, и тѣмъ, что̀ для насъ можетъ быть дороже жизни, — не предавайся мрачнымъ мыслямъ. Что̀ значитъ твоя фраза: «если я скоро умру»? Кто жилъ такъ, какъ ты, тотъ не умираетъ». Послѣ самыхъ горячихъ утѣшеній и поощреній, Гуттенъ говоритъ между прочимъ: «Давно тлится пожаръ, который, я надѣюсь, вспыхнетъ во-время. — Будь ты обо мнѣ справедливаго мнѣнія, ты бы не сталъ мнѣ писать: «не покидай дѣло истины». Мнѣ покинуть это дѣло, или тебя, его предводителя! Маловѣрный Капніонъ! не знаешь ты Гуттена! нѣтъ, брось ты сегодня это дѣло, я бы всѣми своими силами возобновилъ борьбу, и не думаю, чтобы въ такомъ предпріятіи не нашелъ добрыхъ помощниковъ».

Многіе приписываютъ Гуттену стихотвореніе *Тріумфъ Капніона*, торжественный въѣздъ Рейхлина въ его родной городъ, разумѣется въѣздъ вымышленный, въ которомъ аллегорическія фигуры участвуютъ въ процессіи, и въ особенности терпятъ монахи-проповѣдники, которыхъ свойства и дѣла красуются среди трофеевъ побѣдителя.

Въ 1516 году, между прочими сочиненіями по поводу Рейхлинова спора, появилась сатира, подъ названіемъ «*Письма темныхъ людей*» (Epistolae obscurorum virorum). Самое названіе указываетъ на параллель письмамъ «Знаменитыхъ людей» къ Рейхлину, о которыхъ мы упоминали выше. Эта книга, одна изъ удачнѣйшихъ сатиръ, какія когда-либо были написаны. Лица, принадлежащія къ партіи обскурантовъ, схоластики, и т. п. отчасти вымышленныя, отчасти дѣйствительныя, ведутъ между собой переписку, въ которой повѣряютъ другъ другу свои

Digitized by Google

изслѣдованія и задушевныя мысли. Содержаніе и слогъ этихъ писемъ были такъ вѣрно схвачены съ натуры, что «Темные люди» сначала не раскусили пилюли и приняли ихъ за дѣйствительное сочиненіе кого-нибудь изъ своей братіи, обрадовались, что появилась такая капитальная вещь противъ Рейхлина, и только изъ послѣдняго письма втораго тома увидѣли ясно, что они въ чистыхъ дуракахъ.

Войдемъ въ нѣкоторыя подробности о содержаніи этихъ писемъ, потому что въ нихъ, какъ въ фокусѣ, собраны всѣ темныя стороны «темныхъ людей», съ которыми должны были бороться свѣтлыя головы гуманистовъ. Мы тѣмъ болѣе имѣемъ права это сдѣлать, что послѣ появился еще одинъ дополнительный томъ, въ составленіи котораго несомнѣнно участвовалъ и самъ Гуттенъ.

«Письма темныхъ людей» подвергаютъ бичу своей безпощадной сатиры самыя разнообразныя формы схоластическаго направленія. Кто-то, напримѣръ, съѣлъ яйцо и замѣтилъ въ немъ зародышъ. Вдругъ вспомнилъ онъ, что день былъ постный. Отсюда подробное изслѣдованіе вопроса: когда зародышъ начинаетъ быть скоромнымъ. Ученый Ортуинъ рѣшаетъ этотъ вопросъ такъ: слышалъ онъ отъ врача, хорошо знающаго естественную исторію, что черви принадлежатъ къ рыбамъ, а зародышъ цыпленка тотъ же червякъ. Такъ какъ рыба кушанье постное, то и зародышъ, пока онъ еще не развился, тоже постный. При обсужденіи подобныхъ задачъ, мнимые схоласты безпрестанно высказываютъ свое вопіющее невѣжество, перепутываютъ лица и эпохи, грамматика Діомеда смѣшиваютъ съ героемъ Иліады, жалуются, что Рейхлинъ, прозванный по-еврейски Капніонъ, и другой гуманистъ, по имени Proverbia Erasmi, хотятъ ввести въ теологію новую латынь. Между прочимъ рѣшаютъ такой вопросъ: совмѣстно ли съ душеспасеніемъ изучать грамматику по свѣтскимъ поэтамъ, каковы Виргилій, Цицеронъ, Плиній, и др? Нѣтъ, потому что, по свидѣтельству Аристотеля (Metaphys 1), поэты много лгутъ; кто лжетъ, тотъ грѣшитъ, и кто свое ученье основываетъ на лжи, тотъ основываетъ его на грѣхѣ; но что основано на грѣхѣ, не хорошо и противно Богу, который врагъ грѣху. Хороша также ихъ филологія. Magister, по ихъ мнѣнію, происходитъ отъ magis и ter, потому

Digitized by Google

что онъ долженъ знать *втрое* болѣе другаго, или отъ magis и terreo, потому что ученики его больше всего *боятся*, и т. д. Часто въ задушевной бесѣдѣ высказываются самыя низкія страсти, которыми богато надѣлены были эти люди, и съ величайшимъ цинизмомъ разсматриваются и разрѣшаются такіе вопросы, которые мы должны пройдти молчаніемъ, но которые способны вызвать смѣхъ у самаго степеннаго читателя.

Сверхъ всѣхъ своихъ внутреннихъ достоинствъ, эти письма отличаются удивительною пародіей той латыни, какою дѣйствительно писали «темные люди». Одна фраза будетъ краснорѣчивѣе цѣлой страницы толкованія: ego amo unam virginem, Margarettam cum nomine, пишетъ одинъ корреспондентъ.

А между тѣмъ, чрезъ всѣ эти письма, протянута одна, связующая ихъ нить, дѣло Рейхлина. «Темные люди» то радуются минутному успѣху, то предаются гнѣву или отчаянію, смотря по обстоятельствамъ. Въ какой степени Гуттенъ участвовалъ въ составленіи этихъ писемъ, вопросъ не рѣшеный, который Штраусъ изслѣдуетъ со всею подробностью. «Письма темныхъ людей» возбудили безчисленные толки. Въ самой партіи гуманистовъ нашлись голоса, возставшіе противъ излишней ихъ рѣзкости, даже Рейхлинъ былъ недоволенъ; Эразмъ, сначала смѣялся, но потомъ, при появленіи второго тома, гдѣ и объ немъ было довольно рѣчи, и между прочимъ одинъ изъ корреспондентовъ писалъ: «Эразмъ—человѣкъ самъ по себѣ (homo pro se), но, разумѣется, никогда не будетъ другомъ теологовъ и монаховъ», Эразмъ выразилъ свое неудовольствіе, говоря, что подобный примѣръ можетъ только возбудить ненависть къ гуманистическому направленію. Лютеръ, увидѣвъ письма, разсердился и назвалъ издателя гаеромъ (Hanswurst). Чтожь касается до «темныхъ людей», то разчуявъ ѣдкость направленной на нихъ сатиры, они прибѣгли къ своему обычному аргументу, — къ власти папы, и купили (говорятъ, очень дорого) папскій указъ, которымъ, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви, повелѣвалось каждому, у кого была эта книга, сжечь ее въ теченіе трехъ дней *.

* Какіе глубокіе корни пустила схоластика въ Германіи, можно судить по тому, что черезъ 200 лѣтъ послѣ Гуттена, въ 1736 году, могла появиться книга, которая лежитъ теперь передъ нами, и съ которою мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателя: это — Biblischer Mathematicus, «Библейскій Математикъ»; въ

Digitized by Google

Возвратясь изъ Болоньи, Гуттенъ прибылъ въ Аугсбургъ въ одно время съ императоромъ, и былъ радушно принятъ ученымъ вельможей Бейтингеромъ. Тутъ совѣтовали ему поднести Максимиліану его итальянскія, еще неизданныя, эпиграммы, а между тѣмъ Максимиліану расказали о всѣхъ бѣдствіяхъ и талантахъ Гуттена, о томъ какъ онъ чуть-было не погибъ отъ руки пятерыхъ Французовъ, вступившись за честь своего государя и проч. Слѣдствіемъ всего этого было торжественное возложеніе лавроваго вѣнка на голову Гуттена императоромъ, дарованіе ему титула придворнаго поэта и оратора, съ правомъ преподавать словесныя науки гдѣ угодно, а въ изъявленіе особеннаго монаршаго благоволенія, дарована ему привилегія быть подсуднымъ только самому императору и его совѣту. Но эта привилегія не давала ѣсть, и Гуттену все-таки надо было искать службы. Онъ нашелъ ее у того самаго майнцскаго архіепископа, Альбрехта, который помогъ ему побывать въ Италіи.

Еще до вступленія въ эту службу издалъ Гуттенъ найденное имъ въ Болоньѣ сочиненіе Лаврентія Валлы о мнимомъ дарѣ Константина римскимъ епископамъ. Валла былъ извѣстный итальянскій гуманистъ половины XV столѣтія: ужь одного этого было довольно, чтобъ обратить на эту находку вниманіе Гут-

---

ней рѣшаются, напримѣръ, слѣдующіе вопросы, точно будто взятые изъ «Писемъ темныхъ людей»: во что обходился придворный штатъ царя Соломона? Какого именно роста былъ Голіаѳъ и сколько вѣсилъ его панцырь? Что вѣсили волоса Авессалома? и т. д. Къ сочиненію приложены подробные планы Ноева ковчега, Вавилонской башни, Соломонова храма, и проч. Вотъ, напримѣръ, какъ ученый авторъ доказываетъ ничтожество человѣческаго разума: «Разумъ, который въ состояніи обнять все, что происходитъ на земномъ шарѣ въ 400 тысячъ трилліоновъ разъ меньше разума, могущаго обнять все, что происходитъ во вселенной. (Прежде онъ положительно доказалъ, что вселенная въ 400 тысячъ трилліоновъ разъ больше земнаго шара). Земля имѣетъ видъ шара; нашъ умъ также есть родъ шара 16-ти дюймовъ (?) въ діаметрѣ,—такъ онъ ничтоженъ! Слѣдовательно нашъ умъ, который можетъ обнять только шаръ въ 16 дюймовъ діаметра, въ 257 трилліоновъ разъ меньше ума, обнимающаго земной шаръ, и, *говоря ясные*, если примемъ человѣческій умъ за единицу длины, то получимъ для ума, обнимающаго всю вселенную, линію въ 1250 септилліоновъ такихъ единицъ.»— Подобными-то глубокомысленными изслѣдованіями наполненъ томъ почти въ 700 страницъ. Что же удивительнаго, что во время Гуттена появлялись напримѣръ ученыя разсужденія о томъ, какимъ образомъ малолѣтныя дѣти называютъ всякаго пущаго дядей, всякую женщину—тетей (по-латыни patres et matres), не имѣя никакого понятія о разности половъ?

Digitized by Google

тена; но самое содержаніе рукописи такъ гармонировало съ главнымъ направленіемъ его идей, что онъ рѣшился ее напечатать. Дѣло въ томъ, что Валла поражалъ въ своемъ сочиненіи папскую власть въ самое чувствительное мѣсто. Главною опорой всѣмъ притязаніямъ папъ служилъ мнимый эдиктъ императора Константина, въ силу котораго римскому епископу Сильвестру и его преемникамъ отдавались не только дворецъ въ Римѣ, но и городъ Римъ, вся Италія и вся Западная имперія. Валла очевидными, положительными и сверхъ того краснорѣчивыми аргументами доказывалъ въ своемъ сочиненіи, что такого эдикта никогда не бывало и даже быть не могло. Къ изданію этого-то сочиненія Гуттенъ приложилъ посвященіе, которое только ему могло придти въ голову, посвященіе — самому папѣ Льву X. Подъ видомъ добродушія и чуть не юродивости, скрывается въ этомъ посвященія самый злой сарказмъ. Гуттенъ начинаетъ хвалить Льва X, говоритъ, что между нимъ и его предшественниками не можетъ быть сравненія. Тѣ запретили сочиненіе Валлы, но онъ, поборникъ истины, даже согласится съ тѣмъ, что говоритъ Валла. То, что̀ сказано здѣсь о дурныхъ папахъ, къ нему не относится, потому что онъ хорошій папа. Дурные папы придумали этотъ небывалый подарокъ Константина, но Левъ X, разумѣется, какъ хорошій папа, не замедлитъ отказаться отъ того, что̀ ему не принадлежитъ. Мира между грабителемъ и ограбленнымъ, прибавляетъ Гуттенъ, существовать не можетъ, пока первый не возвратитъ послѣднему то, что награбилъ. Называя такимъ образомъ папъ грабителями, Гуттенъ убѣжденъ, что Левъ X не обидится этимъ; сомнѣваться въ этомъ было бы величайшимъ оскорбленіемъ для папы, который не имѣетъ ничего общаго съ предшественниками. (Не мѣшаетъ замѣтить, что Гуттенъ въ письмахъ къ друзьямъ говоритъ о Львѣ X раньше этого посвященія, что онъ такой же папа какъ и другіе, — легкомысленный, корыстолюбивый Флорентинецъ, святѣйшій, котораго нечестивость бросается въ глаза всякому, у кого есть здравый смыслъ; впрочемъ сарказмъ посвященія и безъ этого замѣчанія очевиденъ.) Потомъ онъ перечисляетъ всѣ злоупотребленія и притѣсненія предшественниковъ Льва X. «Нельзя достаточно порицать тѣхъ людей, говоритъ онъ, которые пользовались малѣйшимъ предлогомъ, что-

Digitized by Google

бы награбить себѣ денегъ, торговали буллами, установили таксу на отпущеніе грѣховъ, сдѣлавъ такимъ образомъ источникъ доходовъ изъ наказанія грѣшника въ будущей жизни; продавали духовныя должности; не довольствуясь ежегодною обременительною податью, разсылали собирать деньги подъ разными вымышленными предлогами: то для войны противъ Турокъ, то для построенія церкви св. Петра въ Римѣ, которая никогда не отстроится (!);—людей, наконецъ, которые поступая такимъ образомъ, титуловались святѣйшими и не терпѣли не только никакого поступка, даже никакого слова, направленнаго противъ ихъ дѣйствій. И если кто осмѣлится сравнить тебя съ этими разбойниками, съ этими чудовищными тиранами, не почтешь ли ты его, великій Левъ, твоимъ врагомъ заклятымъ?» Доводя иронію до высшей степени, Гуттенъ заключаетъ свое посвященіе тѣмъ, что онъ не сомнѣвается въ благосклонномъ пріемѣ своей книги со стороны папы, но все-таки проситъ его выразить публично эту благосклонность, для поощренія его къ отысканію еще какого-нибудь подобнаго сочиненія.

Мы не можемъ входить въ подробности жизни Гуттена, и потому упомянемъ только, что онъ не надолго съѣздилъ во Францію, куда посылалъ его архіепископъ, и возвратившись, занялся новымъ сочиненіемъ, въ которомъ доказывалъ необходимость турецкой войны. Въ этомъ сочиненіи, какъ почти во всѣхъ послѣдующихъ, онъ не упускаетъ случая сказать нѣсколько ѣдкихъ словъ относительно папскихъ злоупотребленій. Въ лицѣ папы видѣлъ Гуттенъ главнаго врага прогресса, и гуманистъ началъ уже превращаться въ реформатора, хотя до сихъ поръ онъ не ожидалъ ничего хорошаго отъ монаха Лютера и выразился въ одномъ изъ своихъ писемъ о спорѣ доминиканцевъ съ францисканцами: «Пожирайте другъ друга, да взаимно пожретесь!»

Пропускаемъ извѣстныя изъ исторіи событія Аугсбургскаго сейма, въ которыхъ Гуттенъ принималъ мало участія, потому что въ это время боролся со смертью, угрожавшею ему въ самомъ гнусномъ видѣ. Еще годъ не прошелъ со времени его поступленія на службу къ майнцскому курфиршту, какъ уже придворная жизнь стала ему невыносима. Не смотря на страшную болѣзнь, не смотря на враговъ, которыхъ онъ могъ нажить

Digitized by Google

себѣ этимъ, написалъ онъ картину придворной жизни своего времени, обращая разумѣется свое вниманіе преимущественно на темную ея сторону.

Десять лѣтъ сряду страдалъ Гуттенъ тою болѣзнью, которая появилась въ Европѣ въ концѣ XV столѣтія, чтобы не покидать ее болѣе никогда. Въ первую эпоху своего появленія она была такъ заразительна и опасна, что почти всегда оканчивалась смертью страдальца. Конечно, этому много содѣйствовало и неискусство врачей. Какъ бы то ни было, Гуттенъ заразился ею и, не смотря на лѣченіе, болѣзнь принимала все болѣе и болѣе ужасные размѣры. Все тѣло его было покрыто нарывами и наростами, лѣвая рука сгнила до локтя.... Оставимъ эту страшную картину, и скажемъ только, что Гуттенъ одиннадцать разъ прошелъ чрезъ курсъ варварскаго лѣченія, истерзавшаго его чуть не хуже самой болѣзни. Наконецъ употребленіе гвайяковаго дерева въ продолженіе 40 дней поставило его на ноги. Чувствуя себя снова здоровымъ, чуть не воскресшимъ отъ смерти, написалъ онъ похвальное слово гвайяковому дереву, какъ средству, ниспосланному Богомъ для спасенія человѣчества. Тутъ же помѣщенъ краткій очеркъ появленія и распространенія болѣзни и исторія его собственнаго лѣченія.

Онъ лѣчился въ Аугсбургѣ. Еще несовсѣмъ оправившись, въ жестокую стужу, поѣхалъ онъ въ Штекельбергъ къ отцу и тамъ узналъ, что друзья его, находившіеся на службѣ у императора, выпустили изъ его рѣчи противъ Турокъ самыя сильныя мѣста. Онъ рѣшился издать ее вполнѣ и умножить воззваніемъ ко всѣмъ Германцамъ.

Въ февралѣ 1519 году появился сатирическій разговоръ Гуттена, названный «Лихорадкою» и весь направленный на роскошную жизнь духовенства и богачей, а въ особенности на кардинала Каетана, возбудившаго въ Аугсбургѣ негодованіе своею спесью и великолѣпіемъ. Содержаніе сатиры заключается въ томъ, что Гуттенъ прогоняетъ отъ себя Лихорадку и совѣтуетъ ей идти къ Каетану, присланному изъ Рима въ Германію собирать деньги, будто-бы для войны противъ Турокъ, а на дѣлѣ для удовлетворенія расточительности римскаго двора. Завязывается у него съ Лихорадкою разговоръ о Каетанѣ и вообще о духовенствѣ, и т. д.

Digitized by Google

Надоѣла Гуттену придворная жизнь, сталъ онъ хлопотать при помощи Эразма объ исходатайствованіи себѣ средствъ жить на свободѣ, какъ важное политическое событіе дало новый поворотъ его жизни и дѣятельности: императоръ Максимиліанъ умеръ, и тотчасъ начались междоусобія. Ульрихъ Виртембергскій и Швабскій союзъ, во главѣ котораго стояли Баварскіе герцоги, собрали войска и готовились напасть другъ на друга. Гуттены со многими другими франконскими рыцарями воспользовались случаемъ отмстить своему врагу и стали въ ряды швабскихъ войскъ. Ульрихъ Гуттенъ безъ сомнѣнія не оставался сложа руки и сблизился при этомъ съ Францомъ фонъ-Зикингенъ, чтобы не разлучаться съ нимъ до конца его бурной жизни. Изъ происшествій этого похода мы упомянемъ только объ одномъ: по настоянію Гуттена и Зикингена начальники швабскаго войска, передъ взятіемъ Штутгарда, гдѣ доживалъ дни свои Рейхлинъ, обѣщали повѣстить войскамъ, чтобы домъ знаменитаго ученаго остался неприкосновенъ.

Первый походъ кончился отступленіемъ герцога Виртембергскаго, и Гуттенъ поѣхалъ въ Вильдбадъ поправить снова разстроившееся свое здоровье, оттуда въ Эслингенъ, гдѣ союзники, завоевавшіе Виртембергъ, держали совѣщанія. Тутъ наконецъ Гуттенъ почувствовалъ усталость страннической жизни и сталъ мечтать о женѣ, о постоянномъ и спокойномъ пребываніи, — мечты, которымъ не суждено было сбыться.

Мы должны теперь познакомить читателей съ замѣчательною личностью Зикингена. «Для насъ, говоритъ Штраусъ, живущихъ въ совершенно другую эпоху, трудно сохранить безпристрастіе при обсужденіи рыцарскихъ образовъ того времени, каковы Зикингенъ, Гёцъ фонъ-Берлихингенъ, и т. п. Мы ставимъ ихъ или слишкомъ высоко, или слишкомъ низко. Первое случается обыкновенно, если мы знаемъ объ нихъ только общія, неопредѣленныя черты; второе,—если мы войдемъ въ мелочи и частности. Въ этомъ случаѣ совершенно разсѣивается ложная мысль, что эти рыцари обнажали мечъ только на защиту угнетенныхъ изъ безкорыстной любви къ свободѣ и справедливости. Въ ихъ бранях возмущаетъ насъ не только жестокосердіе, съ которымъ они грабятъ имѣнья бѣдныхъ людей, предаютъ пламени деревни, опустошаютъ поля, но чуть ли

Digitized by Google

не болѣе еще то соображеніе, что все это у нихъ считается какимъ-то ремесломъ, что добыча или выкупъ плѣнныхъ составляютъ ихъ главную цѣль, а право, проистекающее изъ оскорбленія ихъ другимъ дворяниномъ, городомъ, и пр., большею частью служитъ только предлогомъ, чтобы у одного ограбить крестьянъ, у другаго купцовъ.» Зикингенъ получилъ рыцарское, то-есть весьма плохое воспитаніе; онъ не понималъ латинскаго языка, составлявшаго въ то время ключъ ко всѣмъ знаніямъ безъ изъятія, потому что все писалось тогда по-латыни. Отецъ его былъ казненъ, и ему должно было поднять прежнюю славу Зикингеновъ. Храбрый и буйный, онъ дѣйствительно является защитникомъ угнетенныхъ, требуетъ удовлетворенія, и въ случаѣ отказа идетъ на отказавшаго, который обыкновенно большою суммой денегъ откупается отъ него. При этомъ, какъ истинный рыцарь, Зикингенъ не обращалъ вниманія ни на нарушеніе правъ, ни на императорскія замѣчанія и выговоры; былъ бы походъ торжественно объявленъ съ совершеніемъ всего церемоніала, и совѣсть его была покойна. Онъ могъ играть роль независимаго владѣтеля, потому что власть императора была слишкомъ слаба и онъ по неволѣ щадилъ рыцаря, который могъ быть ему сильнымъ и храбрымъ помощникомъ. Впрочемъ Зикингенъ, хотя и не получившій порядочнаго воспитанія, по натурѣ своей не былъ чуждъ идеальныхъ стремленій и высшихъ потребностей; это доказывается его заступничествомъ за Рейхлина, его связью съ Гуттеномъ, вводившимъ его въ новый, еще незнакомый ему міръ идей. Эти двѣ личности дополняли другъ друга, одинъ — богатствомъ своего внутренняго міра, другой—внѣшнею силой, которая позволяла имъ на дѣлѣ защищать свои стремленія.

Мы предполагаемъ извѣстными читателю политическія событія, слѣдовавшія за смертью Максимиліана. Для насъ важно то обстоятельство, что государь Гуттена, курфиршъ Альбрехтъ Майнцскій, Зикингенъ, равно какъ вообще всѣ гуманисты и передовые люди того времени стояли за избраніе Карла, между тѣмъ какъ папа, его легаты и обскуранты изо всѣхъ силъ домогались доставить престолъ французскому королю Франциску I. Карлъ былъ еще молодъ, братъ его Фердинандъ покровительствовалъ гуманистамъ, и потому избраніе Карла казалось имъ

Digitized by Google

новою эрою возрожденія. Для Гуттена это была самая удобная минута поднять голосъ противъ самаго корня всѣхъ золъ,—чужеземной власти въ Германіи, открыть глаза юному правителю и указать ему прямой путь къ прочной славѣ. . . Они не знали съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Между тѣмъ Гуттенъ перемѣнилъ свое мнѣніе о Лютерѣ. Онъ уже не видѣлъ въ его дѣлѣ споръ монаха, онъ понялъ, что они ратуютъ за одно и то же, и гуманистъ окончательно превратился въ реформатора. Можетъ-быть эта перемѣна и не совершилось бы такъ быстро, еслибы дальнѣйшій ходъ Рейхлинова дѣла не вооружилъ Гуттена рѣшительно противъ духовенства. По окончаніи виртембергскаго похода, Зикингенъ, безъ сомнѣнія по настоянію Гуттена, потребовалъ отъ Гохштратена и всего ордена доминиканцевъ-проповѣдниковъ (Predigerorden), чтобы шпейерскій приговоръ былъ исполненъ и Рейхлинъ получилъ полное вознагражденіе. Не исполнить подобное требованіе значило навлечь на себя весь гнѣвъ пылкаго рыцаря, то-есть грабежъ и раззореніе. Доминиканцы повиновались, отрѣшили Гохштратена отъ должности, противъ воли заплатили пеню Рейхлину и даже написали къ папѣ адресъ, прося его предать это дѣло вѣчному забвенію. Вслѣдъ за этою бумагой отправили они другую, въ которой изъяснялось, что они дѣйствовали по принужденію. Въ Римѣ рады были придраться къ Рейхлину, въ которомъ видѣли зародышъ Лютера, и слѣдствіемъ всего этого было уничтоженіе шпейерскаго приговора и осужденіе Рейхлина. Зикингенъ снова вступился въ дѣло,—но все кончилось смертью осужденнаго.

Между сочиненіями Гуттена, относящимися къ этому времени (1520—1521), первое мѣсто занимаетъ *Вадискъ, или римская тройственность*. Форма разговорная, — любимая форма Гуттена, — содержаніе: бесѣда Гуттена съ другомъ, только что возвратившимся изъ Рима. Между прочимъ Гуттенъ говоритъ ему, что какой-то Вадискъ написалъ памфлетъ на Римъ, придавъ ему странную форму *тріадъ*. Такъ, по словамъ Вадиска, *трехъ* вещей въ Римѣ всякій желаетъ: краткихъ мессъ, стараго золота и роскошной жизни; о *трехъ* вещахъ тамъ не любятъ слушать: о реформѣ духовенства, всеобщемъ соборѣ и о томъ, что Нѣмцы становятся умнѣе; *три* вещи до сихъ поръ препятствовали Нѣмцамъ поумнѣть: тупоуміе правителей, паденіе на-

Digitized by Google

уки и суевѣріе народа; въ Римѣ боятся *трехъ* вещей: чтобы государи не были единодушны, чтобы у народа не открылись глаза, чтобы римскіе обманы не обнаружились. Исправить Римъ могутъ только *три* средства: серьёзная дѣйствительность правителей, нетерпѣніе народа, или турецкое войско у городскихъ воротъ.—Есть тріады гораздо сильнѣе, но и этихъ достаточно, чтобы видѣть съ какою энергіей взялся Гуттенъ за дѣло. Разговоръ кончается пламеннымъ воззваніемъ къ Германцамъ.

Вслѣдъ за этимъ разговоромъ выдалъ Гуттенъ другой, подъ названіемъ *Зрители*. Фебъ, съ своимъ сыномъ Фаэтономъ, смотритъ на землю, видитъ что̀ дѣется на Аугсбургскомъ сеймѣ 1518 г. и разсуждаетъ о событіяхъ на землѣ. Всего больше достается тутъ папскому легату Каетану. Мы не станемъ входить въ подробности объ этомъ сочиненіи, потому что въ немъ повторяются тѣ же обвиненія, высказываются тѣ же мысли и желанія какъ и прежде.

Въ это время случилось Гуттену найдти какой-то старый, запыленный манускриптъ, безъ начала и конца, временъ Григорія VII и Генриха IV. Это былъ трактатъ о папской власти, написанный очевидно противъ притязаній Гильдебрандта и какъ нельзя лучше приходившійся къ жизненному вопросу эпохи. Такъ какъ Карлъ былъ еще въ Испаніи, то Гуттенъ посвятилъ изданіе этого сочиненія эрцгерцогу Фердинанду, думая, что оно произведетъ цѣлебное дѣйствіе на новаго императора.

Замѣчательно, что вмѣстѣ съ перемѣной главнаго пункта борьбы, произошла перемѣна въ слогѣ Гуттена. Гуманистическіе цитаты изъ древнихъ авторовъ уступили мѣсто цитатамъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Но Гуттенъ былъ рыцарь по рожденію и по натурѣ; эта манера, перенятая имъ у Лютера, не шла ни къ его слогу, ни къ роду его воззрѣнія. Между тѣмъ какъ у Лютера она проистекала изъ самой сущности духовной организаціи, у Гуттена была она посторонней прививкой, а не необходимой потребностью.

Послѣднія сочиненія и изданія Гуттена обратили на себя всеобщее вниманье. Похвалы, предостереженія, злобные укоры посыпались со всѣхъ сторонъ; Эразмъ убѣждалъ его обуздать пылъ своего пера, чтобы не потерять милости Курфиршта, другіе говорили объ изгнаніи, темницѣ, даже о кинжалѣ и ядѣ;

Digitized by Google

извѣстный Экъ, одинъ изъ упорнѣйшихъ противниковъ новаго движенья, послалъ въ Римъ доносъ на Гуттена: но Гуттенъ не обращалъ вниманія ни на что, и нетерпѣливо ждалъ прибытія Карла, надѣясь на его поддержку. Наконецъ Карлъ прибылъ въ Нидерланды. Гуттенъ рѣшился ѣхать туда, лично представить Фердинанду свое посвященіе и дѣйствовать на Карла непосредственно. До сихъ поръ онъ не имѣлъ личныхъ сношеній съ Лютеромъ изъ уваженія къ курфирштту Альбрехту. Теперь, когда настала минута дѣйствовать рѣшительно, Гуттенъ написалъ къ реформатору патетическое письмо, полное уваженія и удивленія къ его подвигу. На пути заѣхалъ онъ къ Эразму, получилъ отъ него рекомендательныя письма ко двору и увѣщанія — оставить сумасбродное предпріятіе. Не извѣстны подробности его пребыванія въ Брюсселѣ; знаемъ только, что онъ долженъ былъ скоро уѣхать совершенно разочарованнымъ въ Фердинандѣ. Изъ Италіи шла на него грозная туча; друзья удивлялись какъ онъ еще возвратился невредимъ изъ Брюсселя, но не совѣтовали ему оставаться въ Майнцѣ, гдѣ непремѣнно ожидалъ его ядъ, или кинжалъ. Гуттенъ удалился во Франкфуртъ и узналъ здѣсь, что папа требуетъ отъ всѣхъ владѣтельныхъ лицъ, въ особенности же отъ майнцскаго архіепископа, чтобы Гуттена задержать и въ цѣпяхъ препроводить въ Римъ. Гуттенъ видѣлъ, что рискуетъ головой, но смѣлѣй и смѣлѣй шелъ онъ впередъ, нисколько не помышляя объ опасности и готовый принести себя въ жертву своему дѣлу. «Наконецъ, пишетъ онъ одному пріятелю, запылало пламя, и можно считать истиннымъ чудомъ, если его не погасятъ моею кровью. Но во мнѣ больше храбрости, нежели въ нихъ силы. Впередъ, впередъ, на проломъ! Пора покончить мнѣ съ кроткими мѣрами; я вижу, что римскіе львы алчутъ крови. Но если я не обманываюсь во всемъ, они сами скорѣе изойдутъ кровью, сами прежде истомятся въ оковахъ и тюрьмѣ, которыми мнѣ угрожаютъ.» Это письмо писано изъ Штекельберга. Оставаться въ одномъ и томъ же мѣстѣ было опасно: съ часу на часъ могли Гуттена арестовать, но онъ нашелъ убѣжище, безопасное отъ всѣхъ угрозъ и преслѣдованій, — у своего друга Зикингена, который, оставивъ его въ своемъ замкѣ Эбернбургѣ, поѣхалъ встрѣчать Карла, передать ему записку Гуттена и упо-

Digitized by Google

требить всѣ средства для его защиты. Записка эта была не прошеніе, а жалоба. Гуттенъ доводилъ до свѣдѣнія императора обо всемъ и просилъ его приказать считать недѣйствительнымъ требованіе папы, разосланное циркулярно ко всѣмъ владѣтельнымъ лицамъ Германіи, объ его арестѣ. «Что римскому епископу до нѣмецкаго рыцаря?» спрашиваетъ Гутенъ. Дѣло, за которое онъ стоитъ, старается онъ представить дѣломъ самого Карла, говоритъ о противодѣйствіи духовенства его избранію, о безпрестанномъ нарушеніи правъ его, какъ независимаго государя, нисколько не отрицаетъ, что всѣ его сочиненія клонятся къ совершенному перевороту настоящаго порядка дѣлъ, но что онъ не видитъ никакого преступленія въ этой цѣли, направленной къ благу отечества и самого Карла, и впередъ будетъ всѣ свои силы употреблять на ту же борьбу. Какимъ неподдѣльнымъ безкорыстіемъ, даже самоотверженіемъ, дышатъ слѣдующія строки:

«Дѣло, которое я преслѣдую, не частное дѣло: я забочусь не о собственныхъ, не о личныхъ моихъ интересахъ. Какъ бы порадовались враги мои, съ какимъ высокомѣріемъ одержали бы они верхъ надо мной, еслибы въ моихъ предпріятіяхъ хотя что-нибудь касалось лично меня. Но они все-таки меня преслѣдуютъ, и твою власть хотятъ употребить противъ меня, какъ орудіе. Мнѣ служитъ оплотомъ моя совѣсть и твоя справедливость. Въ моихъ свободно написанныхъ книгахъ ратовалъ я за истину; я хотѣлъ служить тебѣ—по чувству долга, отечеству—изъ любви къ нему. На твердыхъ основаніяхъ пошелъ я противъ папскаго обмана, старался уничтожить посяганія какъ на вмѣшательство въ твою власть, такъ и на общественную свободу. Гдѣ награда за такую заслугу? — спрашиваю я, чтобъ никто не подумалъ, будто я боюсь наказанія, какъ преступникъ.»

Вслѣдъ за этимъ идетъ перечисленіе злоупотребленій папской власти, и въ заключеніе Гуттенъ говоритъ, что хотя бы и былъ въ состояніи поднять на враговъ своихъ оружіе, но предпочитаетъ просить Карла о наказаніи ихъ его императорскою властью. — Въ это же время написалъ онъ письмо къ курфиршту Фридриху Саксонскому, на котораго было больше надежды, нежели на Карла. Къ своему курфиршту Альбрехту и къ Лютеру Гуттенъ также отправилъ письма, и наконецъ обнародо-

Digitized by Google

валъ воззваніе къ Германцамъ всѣхъ сословій и состояній. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ возрастаніемъ препятствій, вмѣстѣ съ измѣненіемъ цѣли, которая принимала все бо́льшіе и бо́льшіе размѣры, росла и энергическая дѣятельность Гуттена. Война была объявлена на жизнь или смерть. Булла папы противъ Лютера послѣдовала непосредственно за приговоромъ Гуттену, и имена ихъ стали нераздѣльны въ глазахъ народа. Появились памфлеты въ защиту того и другаго; послѣднія письма Гуттена, вышедшія изъ печати, расходились въ народѣ, не смотря ни на какія запрещенія; сочиненія Лютера были преданы огню, но изъ этого огня возникали новыя, гораздо сильнѣе прежнихъ. Дѣятельность Гуттена въ эту эпоху была изумительна. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ пущено имъ пять памфлетовъ противъ папы. Тутъ въ первый разъ Гуттенъ сталъ писать по-нѣмецки, чтобы сочиненія его были доступны массѣ, не знавшей латинскаго языка. Къ числу самыхъ сильныхъ памфлетовъ его надо отнести толкованія на папскую буллу противъ Лютера. Она была издана съ папскимъ гербомъ и печатью, а между строками и на поляхъ находились замѣчанія въ родѣ слѣдующаго, къ тому мѣсту, гдѣ папа говоритъ о сожженіи сочиненій Лютера: «Твое желаніе достигнуто, замѣчаетъ Гуттенъ: они горятъ, горятъ въ сердцахъ всѣхъ благонамѣренныхъ людей. Пламя пагубное для тебя! Попробуй загасить его, если можешь!» Вѣрный своей новой мысли знакомить съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ большинство, онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ почти всѣ свои латинскія сочиненія.

Отношенія Гуттена къ Лютеру обусловливались ихъ личностями. Они преслѣдовали одну, общую цѣль; но Лютеръ видѣлъ въ этой цѣли торжество истины, освобожденіе слова Божія отъ плевелъ католицизма, — Гуттенъ видѣлъ въ ней независимость отечества, освобожденіе Германіи отъ чужеземной власти. Поэтому Лютеръ не одобрялъ дѣйствій Гуттена. «Я не хотѣлъ бы, пишетъ онъ, доставить побѣду Евангелію путемъ крови и убійства. Словомъ должно возстановить Церковь, основанную Словомъ». Но и Лютеръ не ограничивался словомъ, а собственноручно сжегъ папскую буллу въ Виттенбергѣ.

Живя у Зикингена, посвящая его въ ученіе Лютера, Гуттенъ продолжалъ переводить свои прежнія сочиненія и писать

Digitized by Google

новыя, на нѣмецкомъ и на латинскомъ языкахъ. Такъ какъ всѣ они только варіанты на одну и ту же тему и какъ читатель уже знакомъ съ характеромъ произведеній Гуттена, то мы объ нихъ не будемъ говорить.

Въ Вормсѣ надлежало рѣшиться дѣлу Лютера. Приверженцы его не ждали уже ничего добраго отъ Карла, который ѣхалъ въ сопровожденіи толпы духовенства, для котораго Испанія и Нидерланды были важнѣе Германіи, который, однимъ словомъ, не понялъ и не могъ понять важнаго значенія реформаціи. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ Гуттенъ за ходомъ дѣла на сеймѣ, и разумѣется, не сидѣлъ сложа руки. То выходили изъ-подъ пера его памфлеты противъ поборниковъ католицизма, то новое посланіе къ императору... Приговоръ надъ Лютеромъ нанесъ страшный ударъ Гуттену. Онъ не ослабилъ его энергіи, и однакожь дѣятельность Гуттена съ этой минуты обратилась въ краснорѣчивыя, но тщетныя слова. Оставалась одна надежда — на Зикингена. Но реформа не была призваніемъ сильнаго рыцаря, — его увлекли въ это дѣло бесѣды съ Гуттеномъ; когда пришлось дѣйствовать, личные интересы взяли верхъ. Хотя онъ и не отступилъ отъ интересовъ реформаціи, но не рѣшался выйдти за нее въ полѣ; готовилась война съ Франціей тутъ служба его Карлу могла доставить Зикингену существенныя выгоды, и угрозы, которыя Гуттенъ щедро разсыпалъ противной партіи, остались пустыми словами. Онъ долженъ былъ сознаться, что повелъ дѣло слишкомъ далеко, что тѣ самые, за чьи интересы стоялъ онъ, отставали и не хотѣли идти за смѣлымъ предводителемъ. Должно было покориться необходимости. Къ этому присоединилось новое непріятное обстоятельство: Зикингенъ отправился въ походъ; вновь обнаружившіеся припадки болѣзни не позволили Гуттену сопровождать его, и онъ долженъ былъ скрываться въ тайномъ убѣжищѣ до возстановленія своего здоровья.

Въ началѣ 1522 года обстоятельства, казалось, перемѣнились къ лучшему. Отецъ Гуттена умеръ, Штекельбергъ долженъ былъ перейдти къ нему и къ его братьямъ, и могъ, по своему неприступному положенію, доставить ему вѣрное убѣжище; Зикингенъ окончательно объявилъ себя защитникомъ реформаціи: можно было возобновить борьбу. Но Гуттенъ не успѣлъ до-

Digitized by Google

стигнуть обладанія Штекельбергомъ. Противъ него издавались приговоръ за приговоромъ, и до самой смерти не получилъ онъ достоянія предковъ. Карлъ между тѣмъ уѣхалъ въ Испанію, учредивъ въ Германіи верховный правительственный совѣтъ, въ которомъ участвовали представители курфирштовъ, князей, прелатовъ, графовъ, и проч., но гдѣ рыцарство не имѣло своихъ представителей и потому сильно негодовало. Города, съ другой стороны, были недовольны тѣмъ, что число депутатовъ, которыхъ предоставлено имъ было выслать въ верховный совѣтъ, не соотвѣтствовало ихъ силѣ и значенію. Такимъ образомъ рыцари и города, эти вѣчные и непримиримые враги, встрѣтились въ общемъ чувствѣ неудовольствія. Предразсудокъ силенъ, предразсудокъ сословный чуть ли не сильнѣе другихъ: какъ рыцарю подать руку какому-нибудь торговцу? Для этого нуженъ переворотъ во взглядахъ и мнѣніяхъ. Гуттенъ пожертвовалъ этимъ предразсудкомъ; онъ увидѣлъ, что тѣсный союзъ рыцарства съ городами можетъ придать важный вѣсъ церковнополитической реформѣ, и направилъ сочиненія свои къ примиренію враждующихъ сословій, доказывая купцамъ, что не всякій рыцарь грабитель, что есть между ними люди безкорыстные, готовые дѣйствительно вступаться за обиженныхъ, а рыцарямъ внушая, что союзъ съ городами необходимъ для сверженія политическаго и религіознаго ига правителей, въ особенности духовныхъ: Мы говоримъ политическаго ига, потому что свободное, неподначальное рицарство должно было теперь уступить мѣсто власти владѣтельныхъ особъ и подчиниться общимъ законамъ. Бо́льшая часть этихъ особъ стояли за прежній религіозный порядокъ, были врагами реформы, и такимъ образомъ въ глазахъ рыцарей вопросъ церковный смѣшивался съ политическимъ; ратуя за свободу исповѣданія, они ратовали и за свою независимость, дѣлали такимъ образомъ въ одно время шагъ впередъ по одной дорогѣ и шагъ назадъ по другой, потому что свобода рыцарства равнялась средневѣковой безурядицѣ. Зикингенъ, въ лицѣ котораго воплощены были всѣ хорошія и дурныя качества рыцаря, который былъ достаточно силенъ, чтобы стать въ ряду независимыхъ государей, созвалъ всѣхъ рейнскихъ рыцарей на совѣщаніе, гдѣ заключенъ былъ союзъ на шесть лѣтъ. Рыцари обязались призна-

Digitized by Google

вать надъ собой только судъ своихъ собратій, въ противномъ случаѣ — идти вооруженною рукой на обидчика. Зикингенъ выбранъ былъ главою союза. Самыя разнообразныя побужденія заставляли его дѣйствовать такимъ образомъ: — личныя отношенія его къ императору, которыя въ послѣднее время стали не хороши; сословныя убѣжденія, вслѣдствіе которыхъ всѣ рыцари считали себя униженными; наконецъ, религіозныя начала, которыя могли быть средствомъ къ одушевленію войска. Онъ желалъ упрочить свою независимость во всѣхъ отношеніяхъ. Врага и предлогъ найдти было не трудно. Зикингенъ пошелъ на трирскаго архіепископа - курфиршта, своего личнаго врага, и врага всѣхъ исповѣдуемыхъ имъ принциповъ. Походъ кончился отступленіемъ: Зикингенъ былъ побѣжденъ.

А Гуттенъ, противъ котораго воздвиглось страшное гоненіе, сначала скрывался тамъ и сямъ, и наконецъ долженъ былъ бѣжать изъ Германіи. Не извѣстно, гдѣ именно онъ скрывался, пока мы не находимъ его, томимаго болѣзнью, въ Базелѣ, подъ гостепріимнымъ покровительствомъ городскаго совѣта. Всѣ приняли его здѣсь съ почетомъ, городъ поднесъ ему подарокъ, правители посѣщали его; — одинъ только человѣкъ не хотѣлъ его видѣть, человѣкъ, котораго присутствіе, можетъ-быть, заставило Гуттена избрать Базель своимъ мѣстопребываніемъ. Этотъ человѣкъ былъ Эразмъ.

Эразмъ, характера тихаго, хотя и съ значительною примѣсью ироніи, привыкъ къ своимъ мирнымъ кабинетнымъ занятіямъ, привыкъ слыть главою всѣхъ ученыхъ и литераторовъ, видѣть уваженіе отъ владѣтельныхъ особъ, благоговѣніе отъ молодыхъ людей, стекавшихся отовсюду, чтобы только взглянуть на него. При такомъ характерѣ и при такомъ исключительномъ положеніи, Эразмъ не могъ стоять за реформацію: она отдаляла его личность на второй планъ, она лишала его того спокойнаго существованія, съ которымъ онъ такъ свыкся, наконецъ она заставляла людей терять изъ виду то, чѣмъ прославился Эразмъ, что, по его мнѣнію, было важнѣе всѣхъ реформъ на свѣтѣ — гуманизмъ.

А между тѣмъ духовенство видѣло въ Эразмѣ, какъ и въ Рейхлинѣ, главнаго виновника движенія. Эразмъ снесъ яйцо, говорили они, а Лютеръ его высидѣлъ. Хотя Эразмъ и оправ-

Digitized by Google

дывался, говоря, что онъ снесъ куриное яицо, а Лютеръ высидѣлъ совершенно иную птицу, но обвинители были правы отчасти. Всякій человѣкъ, распространявшій образованіе, способствовалъ движенію умовъ, а особенно такіе люди, какъ Эразмъ, Рейхлинъ, Муціанъ, и проч. Есть въ сочиненіяхъ Эразма даже положительные зародыши реформаціонныхъ идей, которые не развились по вышесказаннымъ причинамъ. Такъ въ своихъ Colloquia familiaria (Обиходныхъ бесѣдахъ), изображаетъ онъ человѣка, опасно больнаго, который не рѣшается ѣсть скоромное, какъ ему совѣтуютъ врачи, а между тѣмъ даетъ ложную клятву. Сначала Эразмъ былъ и съ Лютеромъ въ короткихъ отношеніяхъ, но ему не нравились рѣзкость, пылъ, съ которымъ онъ извергалъ свои идеи. Онъ совѣтовалъ ему въ письмахъ выражаться помягче, — но напрасно. Лютеръ выступалъ все рѣзче и рѣшительнѣй, все смѣлѣе и безпощаднѣй, а Эразмъ все болѣе и болѣе отъ него отдалялся. Но человѣкъ не можетъ оставаться на одной точкѣ: онъ или идетъ впередъ, или отступаетъ назадъ. Послѣднее случилось съ Эразмомъ. Думая остаться на своемъ гуманистическомъ пьедесталѣ, подрытомъ реформаціей, онъ долженъ былъ принять отрицательное участіе въ борьбѣ, дѣйствовать заодно съ своими естественными врагами, обскурантами; онъ не могъ быть простымъ зрителемъ, потому что реформація и всѣ споры за и противъ нее опутали его безвыходными сѣтями. Отброшенный на второй планъ, не избавясь своимъ нейтральнымъ положеніемъ отъ подозрѣній и ежеминутно ожидая преслѣдованія, видя, что ряды гуманистовъ рѣдѣютъ, что бо́льшая часть ихъ переходитъ на сторону реформы,—Эразмъ увидѣлъ въ новомъ движеніи несчастнѣйшее для него событіе, начало варварства и тьмы.

Изъ всего этого можно уже предугадать, что отношенія Эразма къ Гуттену должны были измѣниться. Эразмъ видѣлъ въ Гуттенѣ, болѣе и болѣе примыкавшемъ къ реформаціи, дезертира изъ арміи гуманистовъ. Если сочиненія Лютера казались ему жесткими, то сочиненія Гуттена должны были привести его въ ужасъ. Гуттенъ, съ своей стороны, видѣлъ въ Эразмѣ человѣка, отрекшагося отъ началъ, которые онъ самъ проповѣдывалъ всю жизнь, и хотѣлъ воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Базелѣ, чтобы побесѣдовать съ Эразмомъ и

Digitized by Google

постараться раскрыть ему глаза. Но Эразмъ уже считалъ его за человѣка опаснаго, съ которымъ не слѣдовало имѣть сношеній, и не постыдился передать ему черезъ третье лицо просьбу не компрометировать его своимъ посѣщеніемъ; что, впрочемъ, если онъ въ силахъ быть ему чѣмъ-нибудь полезнымъ, Гуттенъ можетъ на него разсчитывать. Не для чего говорить о томъ какъ принялъ Гуттенъ подобное предложеніе. Эразмъ лишился самаго жаркаго поклонника и пріобрѣлъ опаснаго врага.

Но еще минута рѣшительной ссоры не наступила. Гуттенъ вскорѣ долженъ былъ бѣжать изъ Базеля, гдѣ духовенство побудило городскія власти отказать ему въ покровительствѣ. Онъ уѣхалъ въ ближній городъ Мюльгаузенъ, скрылся въ Августинскомъ монастырѣ и думалъ провести тамъ всю зиму. Безпрестанно слышалъ онъ объ Эразмѣ вещи, которыя были ему не по сердцу. Наконецъ, письмо Эразма къ Лавринусу прорвало плотину, и потокъ непріязненныхъ чувствъ, накопившихся въ груди Гуттена, хлынулъ со всею силой. Въ этомъ письмѣ Эразмъ хотѣлъ оправдаться отъ взводимыхъ на него обвиненій съ обѣихъ сторонъ, старался доказать свою нейтральность, но гораздо тщательнѣе отвергалъ свою привязанность къ реформаціи, нежели къ ея врагамъ. Въ этомъ письмѣ, по самому содержанію, непріятномъ для Гуттена, заключалась сверхъ того ложь, касавшаяся лично его самого. «Гуттенъ былъ въ Базелѣ, писалъ Эразмъ, но мы другъ друга не посѣщали. Впрочемъ, еслибы онъ пришелъ ко мнѣ, я бы не отказалъ въ бесѣдѣ старому другу, котораго талантъ мнѣ и теперь дорогъ. Поступки Гуттена до меня не относятся, но болѣзнь его требовала такой температуры, которую я не могу переносить, и потому свиданіе наше не состоялось.» Таково было содержаніе письма Эразма, относившееся къ Гуттену.

Друзья донесли Эразму, что Гуттенъ готовитъ противъ него обличительный памфлетъ. Желая сохранить свой нейтралитетъ, можетъ-быть и сознавая, что Гуттенъ такой врагъ, съ которымъ мѣряться опасно, Эразмъ написалъ ему письмо, въ которомъ сначала именемъ ихъ прежнихъ отношеній заклиналъ оставить пагубный замыселъ, рѣшить частнымъ образомъ непріятное недоразумѣнье, и т. п. Но конецъ письма не былъ такъ

Digitized by Google

удачно разсчитанъ, какъ начало. Въ немъ заключались угрозы. «Какъ бы ты желчно ни писалъ,говоритъ онъ,—не забудь, что ты пишешь къ человѣку, который привыкъ къ подобнымъ нападеніямъ и молчать не станетъ. Но еслибы я даже и молчалъ, ты повредишь своей славѣ болѣе, нежели моей... Жду твоихъ запросовъ», заключаетъ онъ письмо (Expecto tuam expostulationem).

За запросами дѣло не стало. Въ этомъ, довольно большомъ сочиненіи, Expostulatio, Гуттенъ отзывается объ Эразмѣ съ чувствомъ, въ которомъ смѣшано уваженіе къ его талантамъ съ желчной горестью, что такой талантъ погибъ. Разумѣется, главный пунктъ обвиненій составляетъ не личный интересъ Гуттена, а отношеніе Эразма къ Лютеру. «О, недостойное зрѣлище! восклицаетъ Гуттенъ: Эразмъ предался папѣ! — Геркулесъ у ногъ Омфалы! и т. д.» Немедленно появился отвѣтъ Эразма, подъ страннымъ названіемъ: «Губка Эразма противъ взбрызговъ Гуттена» (Spongia Erasmi adversus adspergines Hutteni), — сочиненіе многословное и неудачное. Въ немъ высказалась вся темная сторона Эразма. Такъ, между прочимъ, говоритъ онъ, что друзьямъ истинной религіи, ученымъ, которые участвовали въ религіозныхъ спорахъ, не слѣдовало бы вести эти споры всенародно, а пссылать свои изслѣдованія въ запечатанныхъ пакетахъ папѣ и императору. Кромѣ того «Губка» наполнена была грубостями и личностями, которыя никому не могли понравиться. Многіе были недовольны сочиненіемъ Гуттена, потому что орёолъ, окружавшій Эразма, еще не исчезъ; но прочитавъ отвѣтъ Эразма, они примирились съ Гуттёномъ.

Между тѣмъ Гуттенъ получилъ печальную вѣсть о смерти Зикингена: онъ палъ отъ раны, побѣжденный соединившимися противъ него князьями западной Германіи. Гуттена продолжали преслѣдовать и гнать; онъ долженъ былъ покинуть свое убѣжище и бѣжалъ въ Цюрихъ, гдѣ тогда находился Цвингли. Молодой реформаторъ принялъ несчастнаго подъ свое покровительство и помогалъ ему сколько было силъ. А Гуттенъ былъ дѣйствительно несчастливъ. Яростно преслѣдуемый врагами, безъ всякихъ средствъ къ существованію, измученный болѣзнью, на чужой сторонѣ, онъ даже не имѣлъ надежды, что

Digitized by Google

когда-нибудь положеніе его измѣнится къ лучшему. На островкѣ Уфнау, Цюрихскаго озера, началъ онъ новый и послѣдній курсъ лѣченія, но уже его нельзя было спасти. Передъ смертью довелось ему перенести еще одно горе, — совершенно разочароваться въ Эразмѣ, который написалъ въ цюрихскій совѣтъ письмо, наполненное предостереженій противъ Гуттена. Человѣкъ, говорилось въ немъ, который не щадилъ ни папы, ни императора, ни владѣтельныхъ особъ, ни авторитетовъ, — человѣкъ опасный и можетъ употребить гостепріимство во зло. Они доставятъ удовольствіе Эразму и пользу наукамъ, если укротятъ немного самовольство Гуттена.

Гуттенъ умеръ тридцати пяти лѣтъ. Скорбь друзей и радость враговъ была соразмѣрна той роли, какую онъ игралъ въ послѣднее время. Мы не станемъ здѣсь входить въ подробности о различныхъ элегіяхъ, памфлетахъ, и проч., появившихся по этому случаю.

Эразмъ, отставшій отъ вѣка, имѣлъ несчастіе пережить свою славу. Вмѣсто прежняго уваженія, видѣлъ онъ насмѣшки, и наконецъ долженъ былъ оставить Базель, гдѣ реформація пріобрѣтала все болѣе и болѣе приверженцевъ. Онъ удалился было въ Фрейбургъ; потомъ, на дорогѣ въ Нидерланды, куда пригласила его правительница Марія, скончался семидесяти лѣтъ отъ роду.

А. Кронебергъ.

Digitized by Google

ЭМѢ БОНПЛАНЪ,

другъ и товарищъ А. Гумбольдта.

—

Еще такъ недавно говорили мы здѣсь о смерти знаменитаго ботаника Роберта Броуна, и вотъ уже снова приходится помѣщать некрологъ одного изъ величайшихъ тружениковъ на томъ же поприщѣ, спутника А. Гумбольдта въ его ученыхъ странствованіяхъ по Новому Свѣту, почтеннаго осьмидесяти-пяти лѣтняго старца Эмѣ Бонплана.

Подобно Гумбольдту, онъ принадлежалъ къ поколѣнію той бурной эпохи, которая произвела величайшихъ геніевъ новаго времени въ области не одной только науки. Онъ родился 22 августа 1773 года въ Ла-Рошели. Слѣдуя примѣру отца, онъ съ молоду принялся за медицину, и двадцати-лѣтнимъ юношей поступилъ уже лѣкаремъ на одинъ изъ фрегатовъ, крейсеровавшихъ противъ Англичанъ. Отслуживъ свой срокъ, онъ снова исключительно обратился къ своему ученому образованію и для лучшаго достиженія этой цѣли отправился въ Парижъ. Благодаря хорошимъ рекомендаціямъ, онъ скоро познакомился съ знаменитымъ Корвизаромъ и сдѣлался ревностнѣйшимъ его ученикомъ. Эта связь имѣла, кажется, и въ другомъ отношеніи вліяніе на дальнѣйшую судьбу Бонплана. Корвизаръ-Демаре, медикъ по страсти, былъ тогда врачемъ Наполеона и Жозефины, съ которою сошелся у Барраса. Лучшее сочиненіе его: «Опытъ о болѣзняхъ сердца и большихъ сосудовъ» имѣло, говорятъ, первоначальнымъ источникомъ мнѣніе Корвизара, что Наполеонъ подверженъ болѣзнимъ сердца. Вотъ почему, будучи еще генераломъ, онъ просилъ своего врача тщательно обработать этотъ предметъ. Изъ дружескихъ отношеній Бонпланова учителя къ императрицѣ Жозефинѣ возникли и тѣ, которыя привязали потомъ самого Бонплана къ великому императору

Digitized by Google

и благородной его супругѣ, такъ что внезапная ея кончина побудила его предпринять то вторичное странствованіе, изъ котораго ему уже не суждено было возвратиться. Наблюденія Корвизара отличались необыкновенною тщательностью и добросовѣстностью, а это имѣло большое значеніе для позднѣйшихъ изслѣдованій Бонплана. Нельзя безъ глубокаго удивленія слѣдить работы, предпринятыя имъ вмѣстѣ съ Гумбольдтомъ. Какая осторожная недовѣрчивость въ выводахъ! Какое чувство долга къ наукѣ! Какое страстное самоотверженіе на службѣ истины и изслѣдованія. Къ этому же времени относятся и дружескія отношенія Бонплана къ Гэ-Люссаку и Арагò.

Знакомство его съ Гумбольдтомъ, перешедшее послѣ въ тѣсную пріязнь, было случайно. Александръ Гумбольдтъ находился тогда въ Парижѣ собственно для того, чтобъ предпринять путешествіе въ Египетъ, какъ вдругъ французское правительство стало дѣлать приготовленія къ путешествію для открытій въ Южномъ морѣ, которое должно было совершиться подъ начальствомъ капитана Бодена. Гумбольдтъ самъ разсказываетъ, что имѣлъ къ Бодену весьма мало довѣрія, потому что тотъ очень дурно выполнилъ принятое имъ на себя порученіе вѣнскаго двора доставить Гумбольдтова пріятеля, Фанъ-деръ Шотта, въ Бразилію. Но какъ политическія обстоятельства вынудили Гумбольдта отказаться отъ поѣздки на Востокъ, то онъ просилъ разрѣшенія присоединиться къ французской экспедиціи, и просилъ тѣмъ охотнѣе, что первоначальный ея планъ былъ чрезвычайно смѣлъ и обширенъ. Естествовѣдами на оба Боденовы корвета назначены были гг. Мишò и Бонпланъ. Вотъ какимъ образомъ познакомились два будущіе друга. Такъ какъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ прежде чѣмъ судьба экспедиціи была окончательно рѣшена, то Гумбольдтъ и Бонпланъ принялись собща за нѣкоторую часть предуготовительныхъ изученій и при этомъ взаимно обмѣнивались своими знаніями, такъ что между ними существовала уже тѣсная связь, когда возобновленіе войны въ Германіи и Италіи побудило французское правительство приберечь назначенныя на экспедицію суммы и отправку ея на неопредѣленное время отложить. Но стремленіе покорить наукѣ новыя области было такъ сильно и у Гумбольдта, и у Бонплана, что крушеніе ихъ ближайшихъ надеждъ только придало имъ еще болѣе энергіи. Оба они рѣшились выполнить первоначальный Гумбольдтовъ планъ насчетъ путешествія въ Египетъ, тѣмъ болѣе, что представлялся отличный случай кстати посѣтить и другую часть сѣверной Африки. Можно было примкнуть къ шведскому консулу Счёлебранду, который везъ отъ своего двора подарки дею алжирскому, и чрезъ его ходатайство получить дозволеніе на путешествіе по горному хребту Атла-

Digitized by Google

са, котораго въ то время не изслѣдовалъ еще ни одинъ минералогъ. Съ этимъ намѣреньемъ Гумбольдтъ и Бонпланъ отправились въ Марсель, снабженные лучшими инструментами, какими только можно было запастись, и ожидали тамъ шведскаго фрегата, который долженъ былъ доставить ихъ въ Алжиръ.

Не находимъ никакихъ указаній, на общій ли счетъ предпринималось это путешествіе, имѣвшее совершенно частный характеръ. Бонпланъ, сколько извѣстно, не имѣлъ никакихъ средствъ, а Гумбальдтъ, напротивъ, значительныя, которыя всѣ до послѣдняго гроша употреблены имъ на пользу науки. Надо полагать, что на него пали и всѣ издержки состоявшагося потомъ общаго ихъ путешествія, равно какъ и приготовленій къ нему, хотя ни въ одномъ изъ сочиненій Гумбольдта нѣтъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго намека. Это можетъ-быть самая рѣдкая черта ученаго рвенія, соединеннаго съ самопожертвованіемъ и необыкновенной деликатностью чувства; отрадно видѣть и въ характерѣ Гумбольдта ту же самую высоту, какою отличается его умственная дѣятельность. Но шведскій фрегатъ не появлялся; сильное поврежденіе вынудило его зайдти въ Кадиксъ. Неудача эта побудила обоихъ друзей воспользоваться первымъ любымъ случаемъ для переѣзда въ Африку куда бы то ни было. Они совсѣмъ уже готовы были сѣсть на небольшое судно, отходившее въ Тунисъ и задержанное лишь случайными обстоятельствами, какъ вдругъ узнали, что тамошнее правительство свирѣпствуетъ противъ поселившихся въ Берберіи Французовъ и бросаетъ въ тюрьмы всѣхъ прибывающихъ изъ французскихъ портовъ. Находя дальнѣйшее житье въ Провансѣ невыносимымъ, они рѣшились провесть зиму въ Испаніи, а на слѣдующую весну отправиться изъ Картахены или Кадикса въ Африку, если только политическое положеніе Востока это дозволитъ.

Такъ объѣхали они Каталонію и Валенсію и прибыли въ Мадридъ. Тамъ находился тогда саксонскій посланникъ, баронъ фонъ-Флорелль. Самъ страстный минералогъ, онъ съ распростертыми объятіями принялъ Вернерова питомца, Гумбольдта, и предложилъ исходатайствовать ему разрѣшеніе на путешествіе по Испанской Америкѣ. Гумбольдтъ съ радостью согласился. Вскорѣ друзья представлены были министру де-Уркихо и двору, а вслѣдъ за тѣмъ выданы имъ открытые листы на имя перваго статсъ-секретаря въ Индіи и тамошняго Совѣта,—листы, которые обезпечили для нихъ полную свободу ученыхъ изслѣдованій и содѣйствіе со стороны мѣстныхъ начальствъ. Въ половинѣ мая 1799 года Гумбольдтъ и Бонпланъ покинули Мадридъ, чтобы изъ Коруньи на корветѣ «Пизарро» отправиться въ Кубу; 5-го іюня вышли они въ море. Присоединимъ къ краткому очерку этого путешествія от-

Digitized by Google

ѣнъ самого Гумбольдта о трудностяхъ, какими сопровождалось составленіе ихъ ученыхъ коллекцій и производство наблюденій; это дастъ лучшую мѣру того самоотверженнаго рвенія, которое должно было воодушевлять обоихъ изслѣдователей, такъ много сдѣлавшихъ, такъ много пріобрѣтшихъ для науки. «Такъ какъ въ бытность нашу въ Америкѣ, пишетъ Гумбольдтъ во введеніи къ своему «Путешествію по равноденственнымъ странамъ Новаго Свѣта», морская война крайне затрудняла сообщеніе съ Европой, то, чтобъ уменьшить вѣроятность грозившихъ намъ утратъ, мы были вынуждены составлять свои коллекціи каждую въ трехъ экземплярахъ. Одинъ отправляли мы черезъ Испанію во Францію, другой—черезъ Соединенные Штаты въ Англію, третій постоянно оставляли при себѣ. Послѣдняя коллекція была всѣхъ полнѣе и, къ концу нашего путешествія, состояла изъ сорока двухъ ящиковъ, заключавшихъ въ себѣ гербарій изъ шести тысячъ экваторіальныхъ растеній, сѣмянъ, раковинъ, насѣкомыхъ и — чего еще никогда не бывало въ Европѣ — образцы геологическаго строенія Чимборасо, Новой Гранады и береговъ Амазонской рѣки. Послѣ путешествія по Ориноко оставили мы это собраніе на островѣ Кубѣ, съ тѣмъ, чтобы захватить его на возвратномъ пути изъ Перу и Мексики. Все прочее мы постоянно возили съ собой въ теченіе пяти лѣтъ, и по Андскому хребту, и по Новой Испаніи, отъ горной цѣпи у береговъ Тихаго океана до Вестъ-индскаго архипелага. Перевозка этихъ матеріаловъ и доходившая до послѣдней мелочи заботливость, которую намъ слѣдовало наблюдать, лежала на насъ такимъ тяжкимъ бременемъ, о которомъ нельзя составить себя понятія, путешествуя даже по самымъ малообразованнымъ странамъ Европы. Только крайне медленно подвигались мы впередъ, потому что намъ часто приходилось по пяти или шести мѣсяцевъ сряду постоянно имѣть при себѣ до пятнадцати, иногда и болѣе двадцати муловъ; надо было перемѣнять ихъ каждые восемь или десять дней и сверхъ того смотрѣть за Индѣйцами, необходимыми при столь значительномъ обозѣ. Часто, когда намъ хотѣлось взять съ собой нѣсколько новыхъ минераловъ, мы должны были оставлять тѣ, которые собрали задолго прежде. Подобныя жертвы были для насъ такъ же тяжелы, какъ и нѣкоторыя случайныя потери. Слишкомъ поздно убѣдились мы къ своему прискорбію, что при зноѣ климата и частыхъ паденіяхъ муловъ не было никакой возможности сберечь рыбъ и гадовъ въ спиртѣ или сохранить наскоро препарированныя звѣриныя шкуры. Не смотря на эти препятствія и на расходы по перевозкѣ, я все-таки поздравляю себя съ тѣмъ, что еще до отправленія въ дальнюю дорогу рѣшился пересылать исподволь въ Европу только дублеты нашего со-

Digitized by Google

бранія. Нельзя не повторять при каждомъ случаѣ: когда моря покрыты каперами, путешественникъ можетъ разсчитывать только на то, что̀ везетъ при себѣ. Изъ всѣхъ дублетовъ, которые во время нашего американскаго путешествія отправляли мы въ Европу, весьма немногое было спасено. Бо̀льшая часть попала въ руки людей, безъ ученаго образованія: когда суда, приведенныя въ европейскія гавани, объявлялись законнымъ призомъ, то ящики съ сушеными растеніями или съ минералами вовсе не доставлялись ученымъ, которымъ были адресованы, а просто оставлялись въ небреженіи и пропадали.

Къ этимъ затрудненіямъ для путешественниковъ присоединялись еще многія другія. Не говоря о личной опасности, было пропасть такихъ обстоятельствъ и помѣхъ, которыя способны были охладить самое горячее усердіе къ дѣлу. Упомянемъ только объ одномъ: по случаю войны, на судахъ, которыя они употребляли для своихъ переѣздовъ, имъ не позволялось зажигать въ каютѣ огня. Эта предосторожность, которая принималась на всѣхъ купеческихъ корабляхъ и предписывалась также испанскимъ казеннымъ пакетботамъ, причиняла смертельную скуку во время переѣздовъ, которые совершали они въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ. При изслѣдованіи температуры морской воды, равно какъ и при чтеніи чиселъ на астрономическихъ инструментахъ, они постоянно были вынуждены прибѣгать къ потаеннымъ фонарямъ. Въ жаркомъ поясѣ, гдѣ сумерки продолжаются всего нѣсколько минутъ, вы уже съ шести часовъ вечера осуждены на бездѣйствіе.

«Пизарро» 16 іюня достигъ Канарскихъ острововъ, а 25 снова направилъ путь къ Южной Америкѣ. Невѣроятно велико число изслѣдованій, произведенныхъ обоими друзьями въ это короткое время; извѣстно, что ихъ выводы принимаются за норму и до сихъ поръ. Вотъ что говоритъ Гумбольдтъ о способѣ, какого они держались въ своихъ изслѣдованіяхъ: «Въ запискахъ, излагающихъ различные предметы нашихъ наблюденій, мы старались каждое явленіе разсмотрѣть съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, и наблюденія располагать въ той связи, какую обнаруживаютъ между собой самые предметы. Чтобы дать вѣрное понятіе о нашемъ способѣ, я только вкратцѣ приведу тѣ матеріалы, которые имѣемъ мы подъ рукой для описанія вулкановъ Антизаны и Пичинчи[1]), равно какъ и Хорульіо[2]), — того самаго, который появился въ ночь на 29 сентября 1759 года и воз-

[1]) Оба въ Перувіанскихъ Андахъ, въ области Квито.

[2]) Jorullo — мексиканскій вулканъ, во ста верстахъ къ югозападу отъ Вальядолида.

Digitized by Google

вышается надъ окрестными мексиканскими равнинами на 263 туаза. Положеніе этихъ замѣчательныхъ горъ, въ долготѣ, какъ и въ широтѣ, было опредѣлено астрономически, а высота различныхъ частей ихъ измѣрена съ помощью барометра; вмѣстѣ съ тѣмъ производились наблюденія надъ наклоненіемъ магнитной стрѣлки и надъ напряженностью магнитическихъ силъ. Растенія, покрывающія покатости этихъ вулкановъ, разныя горныя породы, образующія своимъ наслоеніемъ ихъ наружную кору, — все это находится у насъ въ коллекціяхъ. На основаніи довольно точныхъ измѣреній, можемъ мы указать для каждой группы растеній и для каждой вулканической горной породы линіи высоты надъ морскимъ уровнемъ, на которой они попадаются. Въ дневникахъ многихъ нашихъ путешествій означены наблюденія надъ влажностью, температурой, электричностью и прозрачностью воздуха около кратеровъ Пичинчи и «Хорульо. Не забыты также топографическіе очерки и геологическіе профили этихъ горъ, основанные отчасти на измѣреніи вертикальныхъ базисовъ и угловъ высоты. Каждое наблюденіе вычислено по таблицамъ и способамъ, которые почитались лучшими по современному состоянію человѣческихъ знаній,и чтобы судить, въ какой степени добытые результаты заслуживаютъ довѣрія, всѣ черновыя работы по каждой операціи сохранены нами вполнѣ.» Въ этихъ показаніяхъ нѣтъ ничего лишняго, какъ достаточно свидѣтельствуютъ труды обоихъ путешественниковъ; никогда прежде и быть-можетъ никогда послѣ не совершались при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ изслѣдованія столь всестороннія и основательныя.

Черезъ 41 день по отплытіи изъ Коруньи, именно 16 іюля 1799 года, «Пизарро» сталъ на якорь въ Куманской гавани, и оба изслѣдователя вступили на почву Новаго Свѣта для того, чтобъ покорить ее наукѣ, между тѣмъ какъ народы ихъ европейскаго отечества были увлечены въ кровавую войну, грозившую опасностью всему образованному міру.

«Намъ предстояло проѣхать обширную равнину, — такъ начинается общій отчетъ Гумбольдта и Бонплана о путешествіи ихъ по Новому Свѣту, — равнину, которая отдѣляетъ предмѣстье Гуяквери отъ морскаго берега. Необычайный зной атмосферы еще усиливался отраженіемъ отъ раскаленной земли, мѣстами совершенно голой и не прикрытой никакою растительностью. Стоградусный термометръ, опущенный въ бѣлый песокъ, поднимался на 37°, 7; въ небольшихъ лужахъ соленой воды онъ показывалъ 30°, 5, а температура океана, на поверхности, въ Куманской гавани, обыкновенно держалась между 25°, 2 и 26°, 3. Первое растеніе, которое мы сорвали на американскомъ материкѣ, было Avicennia tomentosa, не достигающая на этомъ мѣ-

Digitized by Google

стѣ даже двухъ футовъ вышины. Этотъ кустикъ, а также Sesuvium, желтая гомфрена и кактусы покрывали землю, пропитанную соленокислой содой; они принадлежатъ къ небольшому числу растеній, живущихъ обществами, подобно европейскимъ верескамъ, и встрѣчаются въ жаркихъ поясахъ только по берегу моря и на высокихъ плоскогорьяхъ Андовъ. Куманская авиценнія отличается еще другою, не менѣе замѣчательною особенностью: она представляетъ собою примѣръ растенія, общаго странамъ Южной Америки и Малабарскимъ берегамъ». Какъ характеристично это мѣсто! Какъ ясно выражаются въ немъ рѣдкія способности обоихъ наблюдателей, которые, не смотря на всю силу впечатлѣнія, произведеннаго на нихъ вступленіемъ на почву Новаго Свѣта, не упускаютъ ни одной минуты для наблюденій, тотчасъ же и вездѣ умѣютъ найдти связь между малѣйшею частною чертой и всецѣлою областью природы и, ради общаго, никогда не забываютъ изслѣдованія мельчайшихъ подробностей. Но для полной оцѣнки необыкновенной дѣятельности обоихъ ученыхъ не достаточно одного обозрѣнія всего того, что они открыли и изслѣдовали; чтобы составить себѣ вѣрное понятіе объ ихъ личныхъ заслугахъ, надобно знать обстоятельства и условія, при которыхъ они работали: тогда удивленіе наше и уваженіе къ нимъ превратится въ благоговѣніе.

Послѣдуемъ же за ними, за этимъ нѣмецкимъ металлургомъ и за этимъ французскимъ врачемъ. «Куда бы я ни пріѣхалъ въ Южной Америкѣ, пишетъ А. Гумбольдтъ, вездѣ, узнавъ о мѣстѣ моего рожденія, тотчасъ показывали мнѣ куски руды. Всякаго Француза считаютъ здѣсь за врача, всякаго Нѣмца за металлурга». — И на этотъ разъ предположеніе дѣйствительно было вѣрно. Посмотримъ, какъ, измученные до нельзя утомительнымъ переходомъ, они проводятъ цѣлую ночь, наблюдая затмѣніе одного изъ спутниковъ Юпитера; какъ они босикомъ взбираются на вершину горы Сильи, единственно для опредѣленія ея высоты; какъ, томимые страшнымъ зноемъ и утоляя жажду процѣженною сквозь платки илистою, болотною водою льяновъ, они собираютъ флору этихъ луговыхъ степей; какъ они проводятъ цѣлые мѣсяцы въ плаваніи по Апуре, Ориноко и Кассиквіарѣ, не зная отдыха ни днемъ, ни ночью; какъ въ тѣсной пирогѣ *, подъ знойными лучами тропическаго солнца, истязаемые несносными москитами, окруженные ягуарами и дикими Индѣйцами, они, съ молоткомъ, секстантомъ и компасомъ въ рукахъ, проникаютъ все далѣе и далѣе, не сводя глазъ съ природы. «Въ такой тѣсной пирогѣ, пишетъ Гумбольдтъ съ

* Туземная лодка.

Digitized by Google

свойственною ему простотой, не было другаго мѣста для высушенныхъ растеній, чемодановъ, секстанта, компаса и метеорологическихъ инструментовъ, кромѣ какъ на днѣ лодки подъ рѣшетчатою настилкой изъ сучьевъ, положенныхъ на ея края и торчавшихъ по обѣ стороны. Къ несчастію, лиственой навѣсъ поверхъ этой настилки былъ до того низокъ, что приходилось или лежать въ растяжку и ничего не видѣть, или сидѣть, согнувшись. Необходимость переносить лодку на рукахъ чрезъ быстрые пороги, или черезъ волоки, и опасеніе дать слишкомъ большой упоръ вѣтру поднятіемъ навѣса нѣсколько выше, заставляютъ устроивать такимъ образомъ суда, назначенныя для плаванія вверхъ по Ріо-Негро. Навѣсъ былъ разсчитанъ на четырехъ человѣкъ, которые проводили едва ли не бо́льшую часть дня на настилкѣ изъ сучьевъ въ самомъ неудобномъ положеніи; ноги высовывались далеко изъ-подъ навѣса, и когда шелъ дождь, половина тѣла была въ водѣ. Къ довершенію бѣдствія мы лежали на бычачьихъ или тигровыхъ шкурахъ, разостланныхъ сверхъ сучьевъ, и сучья эти невыносимо кололи насъ сквозь тонкую покрышку. Чтобы вынуть что-нибудь изъ чемодана или употребить какой-нибудь инструментъ, надобно было выходить на берегъ и распаковывать поклажу. Ко всѣмъ этимъ неудобствамъ присоединялось еще мученье отъ москитовъ, накоплявшихся подъ низкимъ навѣсомъ, и отъ жары, которая проникала сквозь крышу изъ пальмовыхъ листьевъ, постоянно обращенныхъ къ солнцу своею верхней стороной. Всѣ старанія наши каждую минуту были устремлены на то, чтобы какъ-нибудь улучшить свое положеніе, но всегда безъ успѣха. Одинъ покрывалъ себѣ лицо платкомъ, чтобы защититься отъ назойливыхъ насѣкомыхъ, другой предлагалъ зажечь подъ навѣсомъ сырое дерево, чтобы прогнать ихъ дымомъ, но оба средства оказывались неудобопримѣнимы, потому что и безъ того уже у всѣхъ горѣли глаза и всѣ задыхались отъ жару. Впрочемъ, подкрѣпляемый врожденною бодростью, отношеніями взаимнаго дружескаго расположенія и высокими красотами природы въ этихъ обширныхъ рѣчныхъ долинахъ, путешественникъ мало-по-малу можетъ привыкнуть ко всѣмъ несудобствамъ и уже легче переносить ихъ. Я упомянулъ здѣсь объ этихъ мелочахъ единственно для того, чтобы описать всю обстановку плаванія по Ориноко и объяснить, почему мы съ Бонпланомъ въ этотъ періодъ нашего путешествія не могли произвесть многостороннихъ наблюденій, какихъ, собственно, требовали отъ насъ всѣ достопримѣчательности окружавшей насъ природы.» Сильные электрическіе удары гимнотовъ не помѣшали путешественникамъ изслѣдовать это животное, ягуары не могли удержать ихъ отъ ботаническихъ экскурсій; руки у нихъ вспухали,

Digitized by Google

изжаленныя мошками, арадоры (микроскопическіе клещи) забирались имъ подъ кожу и производили болѣзненный зудъ; все это въ высшей степени затрудняло употребленіе инструментовъ, требующее невозмутимаго спокойствія,—но любовь къ наукѣ превозмогала всѣ препятствія.

(До слѣдующей книжки.)

Digitized by Google

НОВАЯ РУССКАЯ ОБЩИНА.

Письмо къ Редактору.

—

М. Г.

Въ послѣднихъ нумерахъ «*Атенея*» подробно, чуть ли даже не слишкомъ подробно, говорено о «сухихъ туманахъ» въ атмосферѣ. Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ о сухихъ туманахъ въ журналистикѣ. Первые бываютъ обыкновенно лѣтомъ и по всему видимому происходятъ отъ горѣнія лѣсовъ и торфяныхъ болотъ; вторые являются осенью, но отъ горѣнія чего именно — еще не извѣстно.

Къ числу такихъ туманныхъ явленій принадлежитъ, по моему крайнему убѣжденію, статья о Русской сельской общинѣ въ № 17 «Русскаго Вѣстника». Вы можетъ-быть возразите, что я ошибаюсь,—что туманъ только у меня въ глазахъ; но я могу представить не трехъ, а хоть тридцать благородныхъ свидѣтелей, которые подтвердятъ вамъ мое показанье. Воля ваша, не могу взять въ толкъ этой статьи, и очень буду радъ, если вы пособите мнѣ разогнать туманъ, разъяснить недоумѣнія. Но ужь разъясняйте не такъ, какъ «Русскій Вѣстникъ». Онъ два года сряду толковалъ намъ во множествѣ статей о недостаткахъ, слабости, несостоятельности Русской общины, и все это для того, чтобъ вдругъ повернуть на-право кругомъ и объявить своимъ ошеломленнымъ сотрудникамъ и читателямъ:

Вѣдь я шутилъ, вѣдь я шутилъ!

«Мы стоимъ за русскую сельскую общину не только въ политическомъ и административномъ отношеніи, но и въ отношеніи экономическомъ.»

Digitized by Google

Я хоть сначала и удивился перемѣнѣ, но перечитавъ страницу нѣсколько разъ и усладившись ея искусно-разсчитаннымъ пафосомъ, уже готовъ былъ уступить довѣрчивости, свойственной провинціалу, какъ вдругъ увидѣлъ къ новому удивленію, что «Русскій Вѣстникъ» стоитъ не за прежнюю, извѣстную намъ общину, а за совсѣмъ иную, за свою, которую онъ строитъ и регламентируетъ по новому плану. Вѣдь это настоящая комедія сюрпризовъ, чтобъ не сказать прежде времени «Комедія ошибокъ»! Оказывается, что «Русскій Вѣстникъ» опять-таки врагъ общиннаго владѣнія, онъ считаетъ его радикально противорѣчащимъ законамъ политической экономіи, но за *общину* стоитъ и въ экономическомъ отношеніи. «Нѣтъ, говоритъ онъ, жизнь нашего народа не есть нарушеніе законовъ всемірной экономіи! Нѣтъ, факты, сложившіеся въ ней, не составляютъ аномаліи». Но вѣдь, конечно, одинъ изъ самыхъ главныхъ, самыхъ характеристическихъ ея фактовъ—есть общинное владѣніе, а оно, по собственнымъ словамъ «Русскаго Вѣстника», радикально противорѣчитъ законамъ политической экономіи: какъ же согласить или хоть закрасить такое вопіющее противорѣчіе? Кажется, трудно! Но у «Русскаго Вѣстника» есть и на это отличный рецептъ. Разложивъ составленное по немъ снадобье, вы увидите впрочемъ, что дѣло не такъ хитро, какъ кажется съ перваго начала: «Возьми стараго выдохшагося взгляда на происхожденіе права поземельной собственности, смѣшай съ двойнымъ количествомъ школьныхъ ошибокъ противъ исторіи, мелко на мелко истолки и брось эту пыль въ глаза читающему люду, предваривъ напередъ, что всякой, кто назоветъ ее настоящимъ именемъ,—безсмысленный навѣжда, пустой болтунъ, враль, лишенный *даже* энтузіазма», (а извѣстно, что энтузіазмъ въ наше время дешевле всего: онъ отпускается почти за даромъ, потому что мало требуется).

Осуждая существующее у насъ общинное владѣніе землей, какъ такую экономическую форму, о которой и говорить не стоитъ, «Русскій Вѣстникъ» восторгается теперь общинной собственностью, находя въ ней вѣрное предохранительное средство противъ всѣхъ экономическихъ золъ, настоящихъ и будущихъ. Это открытіе сдѣлано «Русскимъ Вѣстникомъ» въ весьма недавнее время, потому что еще въ предыдущей своей книж-

Digitized by Google

кѣ, какъ и во многихъ прежнихъ, печаталъ онъ самые убѣдительные доводы противъ того, что̀ утверждаетъ теперь: онъ всегда и при всякомъ случаѣ отстаивалъ личную собственность и ее именно противопоставлялъ дознаннымъ недостаткамъ общиннаго владѣнія; теперь онъ вооружается противъ *личной* собственности и предлагаетъ замѣнить ее *общинною*. Не знаемъ, надолго ли «Русскій Вѣстникъ» останется при этомъ убѣжденіи, которое онъ высказалъ съ такимъ энтузіазмомъ, что даже забылъ и вѣжливость: но, или мы совсѣмъ не понимаемъ по-русски, или открытіе это — очень странная, непостижимая для насъ вещь. Какъ исходъ изъ всѣхъ экономическихъ затрудненій, настоящихъ и будущихъ, какъ лучшее средство противъ далекаго отъ насъ пролетаріата, «Русскій Вѣстникъ» предлагаетъ слѣдующее: передать въ *полную* собственность общинамъ государственныхъ крестьянъ занимаемыя ими земли, утвердить наличный раздѣлъ участковъ на вѣчныя времена, чтобъ навсегда устранить неудобства передѣловъ, и за это обложить каждый участокъ особымъ оброкомъ въ пользу общины, гораздо выше нынѣшняго, соразмѣрно существующей арендной платѣ за землю и, разумѣется, съ правомъ увеличивать оброкъ, смотря по общему возвышенію этой платы въ цѣломъ краѣ. Община собираетъ съ себя оброкъ и дѣлитъ его поровну между всѣми своими членами, безъ всякаго различія, владѣютъ ли они какимъ-нибудь участкомъ или нѣтъ, трудятся или не трудятся, даже живутъ ли въ общинѣ или странствуютъ далече. «Русскій Вѣстникъ» полагаетъ, что это — самое правомѣрное распредѣленіе той ренты, или даровой преміи, какую доставляетъ собственнику земля, какъ главное, вѣковѣчное орудіе производительности.

Признаюсь Вамъ, я этого никакъ не понимаю. Начать съ того, что собственность, предоставленная не лицу, а общинѣ, становится неотчуждаемою, слѣдовательно не будетъ уже *полною*, а ограниченною собственностью; тогда не должно ожидать отъ нея и тѣхъ выгодныхъ послѣдствій, въ которыхъ нельзя же отказать полной земельной собственности, хотя бы мы и сознавали съ другой стороны многія ея неудобства. «Русскій Вѣстникъ» думаетъ, что если связать землю неотчуждаемостью и обложить ее новымъ оброкомъ, то она также быстро поды-

Digitized by Google

мется въ цѣнѣ какъ и земля, пущенная въ оборотъ безъ всякихъ стѣсненій; онъ разсчитываетъ на это возвышеніе и видитъ въ немъ возможность обезпечить поземельнымъ доходомъ не только всѣхъ наличныхъ членовъ общины, но и всѣхъ отсутствующихъ со всѣмъ ихъ потомствомъ въ роды родовъ. Правда, и самъ онъ какъ-будто приходитъ въ сомнѣніе, не сдѣлается ли наконецъ число принадлежащихъ къ общинѣ безземельныхъ людей слишкомъ тягостно для настоящихъ, трудящихся членовъ, но онъ утѣшаетъ себя мыслью, что можно переоброчивать землю, то-есть постоянно возвышать оброкъ, какъ-будто отъ этого станетъ легче бѣднымъ труженикамъ, обязаннымъ содержать безчисленную ватагу дармоѣдовъ, на томъ только основаніи, что земля помогаетъ своей производительною силой всякому, кто кладетъ въ нее свой трудъ и свои средства! Не правда ли, все это какъ-то не вяжется? Вы покидаете свой участокъ, уходите Богъ знаетъ куда, дѣлаете не извѣстно что, быть-можетъ, ровно ничего не дѣлаете, бродяжничаете или занимаетесь составленіемъ пустыхъ плановъ, можетъ-быть отъ скуки вы женитесь, наплодите дѣтей, и за это, по числу лицъ своей семьи, преспокойно получаете тройную, шестерную ренту, а я, заступая ваше мѣсто на общинномъ участкѣ, чтобъ его обрабатывать, разумѣется тѣмъ дороже плачу за наемъ. Нѣтъ, воля ваша! эта даровая рента — просто премія за лѣность, а ваша новая община — общество застрахованія отъ труда. Зачѣмъ компротеривовать страховую систему несбыточными затѣями, когда этой благодѣтельной системѣ у насъ еще такъ много дѣла впереди.

«Русскій Вѣстникъ», кажется, и самъ побаивается за прочность своей новой общины: быстрое размноженіе безземельныхъ трутней и естественное желаніе ихъ получать побольше даровой ренты отъ рабочихъ общниковъ пугаетъ немножко и его. Вы помните какъ ревностно проповѣдывалъ онъ объ отрицательномъ значеніи государства въ обществѣ, а теперь, какъ дошло дѣло до выполненія затѣйливой общины, онъ допускаетъ уже самое положительное вмѣшательство государства въ частныя дѣла собственника-общины: законъ долженъ предусмотрительно заботиться о томъ, чтобъ трутни и рабочіе, въ борьбѣ своей «не разнесли самой общины, чтобы меньшинство не

Digitized by Google

превратилось въ подавляющій деспотизмъ для большинства». Этого мало: законъ же долженъ особенно хлопотать о томъ, чтобъ «удерживалось справедливое отношеніе между чистою рентою, или даровою преміею, и тою частью поземельнаго дохода, который составляетъ вознагражденіе производителя и процентъ съ его капитала». А оно, по словамъ самого же «Вѣстника», дѣло совсѣмъ не легкое. «Отношеніе это, говоритъ онъ, какъ бы явственно ни представлялось въ понятіи, *никогда* не можетъ въ точности быть опредѣлено на практикѣ». Судите же о затруднительномъ положеніи закона, который долженъ дѣйствовать именно на практикѣ, а не въ области явственныхъ или смутныхъ понятій. На помощь ему «Русскій Вѣстникъ» спѣшитъ пригласить «какое-нибудь третье юридическое лицо», которому всякій разъ и поручается щекотливое для самой общины переоброчиванье. Бѣдная эта община! мы готовы за нее вступиться. Только слава, что зовется она собственникомъ, а вѣдь въ сущности лишена всѣхъ правъ: даже земли не можетъ отдать въ пользованіе за какую пожелаетъ цѣну безъ разрѣшенія «какого-нибудь третьяго лица», не говоря ужь объ ограниченіяхъ, которыя призываетъ на нее «Русскій Вѣстникъ» со стороны «особой предусмотрительности закона» и которыя должны привести ее къ совершенному нулю. Вотъ вамъ и новая община, и изъ-за чего же ставить ее такъ высоко и въ политическомъ, и въ административномъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ? По истинѣ не понимаю.

Въ ожиданіи Вашего благосклоннаго отвѣта, я можетъ-быть на сихъ же дняхъ передамъ вамъ еще нѣсколько сомнѣній, возбужденныхъ во мнѣ статьею «Русскаго Вѣстника». Она такъ ошеломила меня, что на первый разъ всего вдругъ не сообразишь. Въ слѣдующемъ письмѣ я займусь ея историческою частью, которая тоже отличается большою оригинальностью.

Имѣю честь быть и проч.

Н. Тупицынъ *.

Богородскъ
1-го октября 1858 г.

---

* Мы готовы, по мѣрѣ силъ, отвѣчать на вызовъ почтеннаго корреспондента, но не иначе какъ выждавъ втораго его письма. *Ред.*

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЖИВОПИСЬ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА. . . . . К. К. ГЁРЦА.
УЛЬРИХЪ ФОНЪ-ГУТТЕНЪ. *(Оконч.)* . . . А. И. КРОНЕБЕРГА.
ЭМЕ БОНПЛАНЪ. . . . . (Съ нѣмецкаго.)
НОВАЯ РУССКАЯ ОБЩИНА. Письмо къ Редактору. . . . . Н. ТУНИЦЫНА.

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,
и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атенея*, при книжномъ магазинѣ Н. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, *десять* рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. съ полтиною.*

Печатать дозволяется. Октября 4-го, 1858 года.

Цензоръ П. И. Капнистъ.

Digitized by Google

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 41.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К°.

—

1858.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ ЗЕМНОЙ КОРЫ.

С. Куторги. С. Петерб. 1858.

—

Земную кору составляютъ различные слои, слѣдующіе одни за другими въ извѣстномъ опредѣленномъ порядкѣ. Ясно, что земля наша подвержена была различнымъ, болѣе или менѣе продолжительнымъ переворотамъ, и что образованіе ея имѣетъ свою исторію. Но какъ приступить къ этой исторіи? Какъ опредѣлить эпохи, разграничивающія различные періоды этой исторіи? По какимъ источникамъ или памятникамъ мы будемъ изучать ее?

Историческіе памятники земли, безъ сомнѣнія, должны быть не таковы, по какимъ мы судимъ объ исторіи человѣческаго рода. Они должны быть начертаны самою природой. Дѣйствительно, такими памятниками служатъ намъ не хартіи, не надписи, не монументы, а произведенія самой природы, именно растенія и животныя, которыя погребены внутри земли, и представляютъ остатки прежняго органическаго міра. Нѣкогда они были *живыми* свидѣтелями всѣхъ событій, происходившихъ на земной поверхности. Точнѣе сказать, они сами участвовали въ этихъ событіяхъ, и если въ теченіе столь долгаго времени уцѣлѣли, то вѣроятно для того, чтобы было кому расказать намъ о былomъ. Но какимъ образомъ мы будемъ вопрошать этихъ свидѣтелей, уже давно почившихъ могильнымъ сномъ? Къ счастію, мы не имѣемъ нужды тревожить ихъ священнаго покоя: то же самое могутъ расказать намъ ихъ живые потомки, то-есть нынѣшнія растенія и животныя. Дѣйствительно, по сродству своему съ прежними, они служатъ превосходными данными для разгаданія того, что происходило нѣкогда на земной

Digitized by Google

поверхности. Органическая жизнь во всѣ времена дѣйствовала по однимъ и тѣмъ же законамъ, и потому прежнія живыя тѣла, безъ всякаго сомнѣнія, требовали для своего существованія такого же соотвѣтствія внѣшнихъ условій, при какомъ существуютъ нынѣшніе, подобные имъ, организмы. Напримѣръ, никакъ нельзя предполагать, чтобы птицы или звѣри были когда-нибудь обитателями воды, а рыбы обитателями суши. Также весьма невѣроятно, чтобы, напримѣръ, величественныя пальмы, деревянистые папоротники или огромные крокодилы жили когда-нибудь не въ жаркомъ климатѣ, а въ холодныхъ странахъ, вмѣстѣ съ бѣлыми медвѣдями. Напротивъ, можно полагать навѣрное, что и наземные и водяные организмы всегда были таковыми и размѣщались по земной поверхности сообразно съ физическими условіями. Распредѣленіе организмовъ въ самомъ морѣ необходимо было такое же, какое замѣчается теперь: то-есть, одни жили при берегахъ, въ устьяхъ рѣкъ, въ бухтахъ или заливахъ, другіе далѣе отъ берега, а нѣкоторые еще далѣе или еще глубже, — сообразно своей организаціи и свойствамъ морскаго дна. Если это такъ, въ чемъ и сомнѣваться невозможно, то сравнивая растенія и животныя, встрѣчающіяся въ земныхъ слояхъ, съ нынѣшними, подобными имъ, мы въ состояніи судить о томъ, какими физическими условіями они были окружены, можемъ судить, былъ ли тутъ материкъ или море, въ какомъ климатѣ находились они,—въ жаркомъ, умѣренномъ или холодномъ. Вникая еще глубже въ эти сравненія, мы можемъ даже опредѣлить обширность материка, обширность моря, глубину его, мѣста, гдѣ впадали въ него рѣки, гдѣ были бухты или заливы, гдѣ острова, и т. д. Однимъ словомъ, мы можемъ возстановить въ своемъ воображеніи всю земную поверхность, на которой существовали принадлежащія къ данной эпохѣ, или собранныя нами въ извѣстныхъ слояхъ, животныя и растенія.

Наука, съ помощію такихъ возстановленій, пришла къ удивительнымъ результатамъ. Открылось, что земля наша подвергалась многимъ переворотамъ, прежде чѣмъ получила нынѣшній видъ. Эти перевороты всякій разъ измѣняли лицо земли въ полномъ значеніи слова. Растенія и животныя, въ то время существовавшія, также всякій разъ уничтожались и замѣнялись потомъ другими, болѣе или менѣе отличными отъ первыхъ,

Digitized by Google

смотря по тому, какъ различны были новыя физическія условія. Но понятно, что по мѣрѣ приближенія къ нашему времени, эти условія и самая органическая жизнь съ каждымъ переворотомъ должны были болѣе и болѣе сближаться съ нынѣшними условіями и съ нынѣшнею органическою жизнью. Справедливость этого подтверждается всѣми геологическими изслѣдованіями. Ископаемые организмы, совершенно сходные съ нынѣшними, находятся только въ самыхъ верхнихъ или позднѣйшихъ слояхъ; напротивъ, спускаясь глубже, или переходя къ слоямъ болѣе древнимъ, мы ясно видимъ какимъ образомъ эти организмы становятся менѣе и менѣе похожими на нынѣшніе и наконецъ являются совершенно особенными типами.

Нельзя обозначить точное число всѣхъ переворотовъ, которымъ подвергалась земная кора, но значительнѣйшіе изъ нихъ обнаружили себя очень рѣзко и составляютъ особые періоды въ исторіи земли. Каждому изъ этихъ періодовъ образованія земной коры соотвѣтствуетъ болѣе или менѣе значительное число слоевъ, всегда заключающихъ въ себѣ какія-либо особенныя ископаемыя. Совокупность слоевъ, принадлежащихъ одному извѣстному періоду, называется обыкновенно *системою* или *формаціею*. Безъ всякаго сомнѣнія, въ составѣ земли они должны слѣдовать въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ происходили перевороты. Прослѣдить ихъ въ этомъ порядкѣ не значитъ ли прослѣдить исторію земли отъ начала до настоящаго времени? Не значитъ ли расказать что было съ нею послѣ каждаго переворота, что было съ растеніями и животными, на ней обитавшими, какой имѣли они характеръ сравнительно съ нынѣшними ея обитателями, какимъ образомъ, наконецъ, и земная поверхность и самая органическая жизнь перешли въ настоящее состояніе?

Такова дѣйствительно задача той науки, которая описываетъ земную кору,—задача геологіи: задача прекрасная, увлекательная, но съ этимъ вмѣстѣ и чрезвычайно трудная.

Сочиненіе профессора Куторги представляетъ попытку рѣшить эту задачу сообразно съ нынѣшними понятіями геологіи, и въ такомъ объемѣ, въ какомъ необходимо это для учебной книги, предназначаемой авторомъ для среднихъ заведеній и отчасти для университетскаго курса. Во Франціи, Германіи и Англіи

Digitized by Google

такихъ учебниковъ написано много, но русская литература до сихъ поръ насчитывала у себя не болѣе трехъ: два первые, по времени изданія, принадлежатъ покойному профессору Соколову [1]), а третье академику Эйхвальду [2]). Одно изъ сочиненій Соколова есть сокращеніе геогнозіи д'Обюиссона и Бюра́, съ дополненіемъ того, что̀ было извѣстно въ то время о русскихъ формаціяхъ изъ Горнаго журнала [3]). Другое сочиненіе—переводъ небольшаго Ляйелева руководства, также съ болѣе подробнымъ описаніемъ формацій и рудныхъ мѣсторожденій въ Россіи [4]). Оба означенныя сочиненія, и особенно первое, послѣ того что̀ сдѣлано въ послѣднее время для геологіи вообще и для геологіи Россіи въ частности, слишкомъ устарѣли. Руководство, написанное Эйхвальдомъ, принадлежитъ къ самымъ недавнимъ. Это сочиненіе, какъ и всѣ прочія вышедшія изъ-подъ пера знаменитаго академика, чисто ученое, и попреимуществу касающееся Россіи. Судя по обширности и направленію, оно назначалось авторомъ для серьёзнаго изученія предмета, именно для университетовъ и горнаго института. Но вѣдь не всѣ же имѣютъ въ виду глубокое изученіе геологіи; многіе желали бы получить объ ней ясное понятіе изъ одной любознательности, или по связи ея съ тѣми науками, которыми они занимаются. Для этой цѣли нужно руководство другаго рода, именно такое, гдѣ бы наука, не теряя своего ученаго достоинства, была изложена безъ большихъ подробностей, общепонятнымъ языкомъ

---

1) Курсъ геогнозіи, составленный корпуса горныхъ инженеровъ полковникомъ С. Петербургскаго университета профессоромъ Д. Соколовымъ. Три части. С. Петербургъ 1839 г. Руководство къ геогнозіи, составленное корпуса горныхъ инженеровъ генералъ-маіоромъ С. Петербургскаго университета профессоромъ Д. Соколовымъ. Въ 2 частяхъ. С. Петербургъ 1841—1842 г.

2) Геогнозія преимущественно въ отношеніи къ Россіи. Соч. академика Э. Эйхвальда. Съ 2 литограф. картами. С. Петербургъ, 1846 г.

3) Traité de géognosie, ou éxposé des connaissances actuelles sur la constitution physique et minérale du globe terrestre, par J. F. D' Aubuisson de Voisins. Tom. 1-er. Paris 1828 г. Второй и третій томы, заключающіе въ себѣ описаніе формацій, нептуническихъ, плутоническихъ и вулканическихъ, принадлежатъ извѣстному геологу Бюра́, 1834—1835 г.

4) Кромѣ вышепоименованныхъ руководствъ на русскомъ языкѣ есть и другія, прежде изданныя, но они остаются только какъ матеріалъ для геологической литературы въ Россіи. Таковы *Севастьянова* геогнозія. С. Петербургъ 1810 г.; *Іовскаю*, опытъ руководства къ познанію внутренняго строенія земнаго шара, Москва 1828 г.

Digitized by Google

и притомъ въ занимательной формѣ. Все искусство состоитъ тутъ въ выборѣ фактовъ и въ умѣньи группировать ихъ между собою. Но искусство это дается не всякому, и потому вообще весьма немного такихъ руководствъ, которыя бы вполнѣ удовлетворяли своему назначенію. Къ сожалѣнію, изданіе подобнаго руководства въ Россіи сопряжено еще съ бо́льшими затрудненіями, нежели въ Германіи, Англіи или Франціи. Геологическій учебникъ не можетъ быть понятенъ, если предметы, въ немъ описываемые, не будутъ объяснены рисунками, картами, пейзажами и другими наглядными пособіями. Но кому не извѣстно, что исполненіе этого до самаго послѣдняго времени у насъ было почти невозможно, или по крайней мѣрѣ требовало издержекъ слишкомъ значительныхъ.

Профессоръ Куторга, издавая свое сочиненіе, вѣроятно имѣлъ въ виду удовлетворить всѣмъ требованіямъ общепонятнаго или популярнаго руководства: но удовлетворилъ ли имъ? Наука представлена ли тутъ дѣйствительно въ той формѣ, о которой мы говорили выше, а книга снабжена ли всѣми тѣми пособіями, какія необходимы для яснаго пониманія ея содержанія? Постараемся разсмотрѣть сочиненіе г. Куторги въ этихъ двухъ отношеніяхъ.

Земной шаръ можетъ быть изучаемъ съ разныхъ сторонъ, и потому составляетъ предметъ многихъ естественныхъ наукъ. Въ какомъ же значеніи или съ какой стороны составляетъ онъ предметъ геологіи? Рѣшить этотъ вопросъ значитъ опредѣлить геологію и показать что́ принадлежитъ ей и что́ другимъ ближайшимъ къ ней наукамъ. Такое опредѣленіе необходимо: въ противномъ случаѣ мы не будемъ знать предѣловъ изучаемой нами науки и того, какое мѣсто занимаетъ она въ ряду прочихъ естественныхъ наукъ. Г. Куторга не послѣдовалъ этому весьма обычному и логическому порядку. Предполагая вѣроятно, что предметъ геологіи долженъ быть всѣмъ извѣстенъ, онъ прямо начинаетъ описывать главныя составныя части земнаго шара, или собственно земной коры.

Земная кора состоитъ изъ чрезвычайнаго множества и простыхъ, и сложныхъ минераловъ; чтобы описать ихъ, автору надобно было перенестись въ область минералогіи, приготовительной наукѣ, и употребить тѣ же самыя средства, какія пред-

Digitized by Google

лагаетъ она для изученія такого разнообразія предметовъ. Какія же это средства?

Изученіе минераловъ, подобно изученію растеній или животныхъ, достигается *системою*. Поэтому система съ давняго времени была однимъ изъ самыхъ главныхъ предметовъ для занимавшихся минералогіею, какъ наукой. Всѣ извѣстные ориктологи—Вернеръ, Гаюи, Берцеліусъ, Бёданъ и другіе, старались отыскивать между минералами ближайшія отношенія, соединять ихъ по этимъ отношеніямъ въ особыя группы, и наконецъ самыя группы, подчиняя однѣ другимъ, сливать въ одно цѣлое, или въ систему. Такое постоянное усиліе ума не можетъ быть напраснымъ: съ одной стороны оно доказываетъ, что система составляетъ необходимую потребность нашей познающей способности, а съ другой, что она дѣйствительно есть во внѣшней природѣ; умъ, отыскивая систему, ловитъ не мечту какую-либо, а то, что̀ дѣйствительно есть. Система минералогическая, это точное выраженіе того состоянія науки, въ какомъ она находится въ данное время. Мы всегда были такого мнѣнія о системѣ, и потому чрезвычайно удивились, когда на первой же страницѣ разсматриваемаго сочиненія прочли, что системы минералогическія почти безполезны, *польза отъ нихъ едва осязаема!* Еще болѣе удивило насъ то, что будто бы такого же мнѣнія о системахъ не одинъ авторъ, но и какіе-то *знаменитые знатоки науки*. Кто же эти знаменитости? По крайней мѣрѣ мы не знаемъ ни одного, сколько-нибудь извѣстнаго минералога, который бы проповѣдывалъ такія истины. Наконецъ, на какомъ основаніи самъ авторъ отвергаетъ систему? На томъ, что до сихъ поръ нельзя опредѣлить минерала такъ, какъ опредѣляются животныя и растенія, что до сихъ поръ не отыскано *всѣхъ* соотношеній между химическимъ составомъ и наружными или физическими признаками минераловъ. Намъ кажется, что изъ этого слѣдуетъ только одно, что система минералогическая не достигла еще того совершенства, какое представляютъ ботаническія и зоологическія системы; но нисколько не слѣдуетъ, чтобы она, даже при теперешнемъ состояніи, не доставляла намъ существенной пользы. Мы не можемъ согласиться съ авторомъ и въ томъ еще, чтобы минералогическая система была именно тѣмъ, чѣмъ онъ ее представляетъ. «Минералы, говоритъ

Digitized by Google

онъ, разбросанные по системѣ, описываются каждый самъ по себѣ, *безъ всякой общей связи.*» Быть-можетъ и есть такія системы, но развѣ онѣ имѣютъ какое-нибудь значеніе въ наукѣ? Развѣ *ими* опредѣляется достоинство системы? При оцѣнкѣ системъ надобно избирать такія, въ которыхъ наука выразилась бы со всѣми своими оттѣнками, вполнѣ.

Минералогія и система ея находятся въ тѣсной зависимости отъ двухъ ближайшихъ къ ней наукъ, физики и химіи. Успѣхи той и другой всегда отзывались въ минералогіи, но не всегда въ одинаковой степени: иногда преобладала въ ней физика, иногда химія, и потому система минералогическая принимала различныя направленія. Самыя первыя системы, принадлежащія Линнею, Валлерію, и отчасти самому Вернеру съ его послѣдователями, основаны большею частью на одной внѣшности минераловъ; физическіе признаки играютъ въ нихъ главнѣйшую роль. Само собою разумѣется, что эти системы, обнимая одну внѣшнюю сторону минераловъ, не могли достигнуть своей цѣли, и особенно при тогдашнемъ состояніи физики. Съ успѣхами химіи, именно въ началѣ нынѣшняго столѣтія, минералогія приняла другое направленіе, химическое. Предетавителями этого направленія почитаются Гаюи, Берцеліусъ и Бёданъ. Ихъ системы, по преимуществу обнимающія внутреннюю сторону или химическій элементъ минераловъ, въ общемъ имѣютъ одинаковые недостатки съ физическими системами, но гораздо выше ихъ по тѣмъ частнымъ усовершенствованіямъ, какія доставила имъ химія. Физическій элементъ въ этихъ системахъ также обработанъ гораздо болѣе, нежели въ прежнихъ. Недоставало только того, чтобы онъ получилъ въ системѣ такое же значеніе, какое имѣлъ въ нихъ химическій элементъ. Но могъ ли онъ не получить этого значенія при нынѣшнемъ состояніи физики? Въ наше время для физическаго элемента минераловъ сдѣлано чрезвычайно много; стоитъ только припомнить себѣ въ этомъ отношеніи труды Біо, Брустера, Френеля, Соре, Савара, Мичерлиха и другихъ. Послѣ такого всесторонняго изслѣдованія минераловъ, и физическаго и химическаго, весьма естественно родилось желаніе сколько возможно согласовать ихъ въ системѣ. И дѣйствительно, въ нынѣшнее время есть попытка создать настоящую *физико-химическую* систему, и рас-

Digitized by Google

положить минералы такими же сродственными группами, какія представляютъ намъ растенія и животныя. Представителемъ этого направленія мы почитаемъ извѣстнаго минералога и геолога Неккера. Въ его системѣ оба элемента, и физическій и химическій, имѣютъ одинаковое значеніе и проведены чрезъ всѣ группы, отъ вида до класса. Сверхъ того, въ каждой группѣ его системы сродство минераловъ выражается не однимъ какимъ-либо изъ физическихъ и химическихъ признаковъ, но совокупностью многихъ, подобно тому какъ это бываетъ во всѣхъ сродственныхъ группахъ растеній и животныхъ. Сходство Неккеровой системы съ ботаническими и зоологическими еще болѣе увеличивается тѣмъ, что означенные признаки расположены по закону *подчиненности*, то-есть, каждая группа имѣетъ признаки двоякаго рода: частные, составляющіе ея особенность, и общіе, соединяющіе ее со всѣми прочими. При такомъ расположеніи признаковъ, минералы представляются уже не отдѣльными или разрозненными группами, а цѣлою системою. Замѣтимъ, что подобное расположеніе растеній въ системѣ начинается только съ Жюсьё. До его времени, собственно говоря, не было настоящей растительной системы, а были только отдѣльныя естественныя группы или семейства. Жюсьё первый, подчиненностью признаковъ, соединилъ ихъ въ одно цѣлое. Минералогія имѣетъ своего Жюсьё, именно Неккера.

Но тутъ можетъ родиться вопросъ: расположеніе минераловъ, принятое Неккеромъ, дѣйствительно ли можетъ назваться естественнымъ, то-есть согласнымъ съ природой? Чѣмъ выражается естественность сближенія минераловъ въ системѣ? Она должна выражаться согласіемъ физическихъ признаковъ между собой, и физическихъ съ химическими; чѣмъ болѣе такого согласія или соотвѣтствія между признаками въ какой-либо группѣ, тѣмъ она естественнѣе. Но какъ поступить съ тѣми минералами, въ которыхъ анализъ не открылъ еще такого близкаго соотвѣтствія между наружными и внутренними признаками? Неккеръ въ такомъ случаѣ отдавалъ преимущество наружнымъ признакамъ, какъ болѣе яснымъ и понятнымъ для каждаго. Точнѣе сказать, онъ руководствовался при этомъ *физіономіею* минераловъ (habitus), тѣмъ, что̀ служитъ внѣшнимъ выраженіемъ той внутренней связи, которая находится между

Digitized by Google

физическимъ и химическимъ образованіемъ минерала. Но можно ли положиться на этотъ признакъ? Я скажу объ немъ то же самое, что̀ сказалъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій: «Физіономіею обозначаются цѣлыя націи; ею различаемъ семейства животныхъ, не входя въ частное разсмотрѣніе признаковъ, но основываясь на одномъ общемъ ихъ выраженіи; сродственное соединеніе растеній, опредѣленное темнымъ, но необманчивымъ чувствомъ ботаника, основывается также на ихъ физіономіи; и минералы имѣютъ свою физіономію: въ ней, какъ въ лицѣ человѣка, отпечатлѣвается внутренняя жизнь минерала, его значеніе, идея. Она не выразима словами, но понятна для привычнаго взгляда. Нѣтъ сомнѣнія, при различеніи минераловъ необходимо соображаться съ ихъ физіономіею, даже покорять ей наши признаки; она прямо указываетъ на сущность минераловъ, на ихъ ближайшее сродство. Прежніе минералоги, руководимые этимъ внѣшнимъ выраженіемъ, угадывали такія истины, которыя оправдались по истеченіи цѣлаго столѣтія. Такъ, физіономія есть вѣрный вожатый для системы, но не для всѣхъ доступный. Еслибы можно было уловить всѣ малѣйшіе оттѣнки минеральной физіономіи и на ней основать сближеніе минераловъ, то это сближеніе было бы естественнѣйшее, самое согласное съ природой; точнѣе сказать, система въ такомъ случаѣ была бы самою природой, превратившеюся въ понятія и мысли» *.

Послѣ всего этого можно ли сказать, чтобы минералы въ системахъ были *разбросаны* и описывались *безъ всякой общей связи?* Мы согласны съ авторомъ, что до сихъ поръ еще не отыскано всѣхъ соотношеній между наружными и внутренними признаками минераловъ, согласны, что по тому самому и система минералогическая еще далека отъ искомаго совершенства. Такъ; но развѣ системы другихъ естественныхъ тѣлъ, достигли этого совершенства? Развѣ растенія и животныя расположены въ нихъ вполнѣ естественно, или согласно съ природой? Безъ сомнѣнія, нѣтъ; но слѣдуетъ ли изъ этого, что онѣ безполезны? Совершенной же естественной системы мы ни-

---

* *Объ участіи физики и химіи въ успѣхахъ минералогіи.* Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи московскаго университета, 1836 г. іюня 9-го.

Digitized by Google

когда не дождемся. Вотъ что̀ сказалъ объ ней одинъ изъ извѣстныхъ мыслителей-натуралистовъ. «Совершенная естественная система существуетъ только въ возможности, а не дѣйствительно, есть только идеалъ; и всякая система, по крайней мѣрѣ относительно формы своей, есть уже искусственная. Точно такъ не можетъ быть и чисто-искусственной системы, поелику основаніе всякой изъ нихъ берется изъ природы... Мы называемъ одну систему искусственною, другую естественною, только *сравнительно:* потому система, которая въ свое время почиталась естественною и удовлетворительною, впослѣдствіи (когда приложатся и объяснятся наблюденія, когда родятся новыя идеи и требованія) становится искусственною и недостаточною... Въ каждой (разумѣется *значительной*) системѣ есть нѣчто истинное, естественное, остающееся для системы *вообще;* есть нѣчто и произвольное, *своевременное*, преходящее, что̀, какъ искусственное, оставляется впослѣдствіи. Такимъ образомъ *различныя системы* проходятъ, сохраняясь только какъ историческіе памятники, а между тѣмъ *система* совершенствуется, идетъ впередъ вмѣстѣ съ временемъ. Такъ всѣ части растенія растутъ и истощаются для произведенія плода» *.

Мы полагаемъ, что и самъ авторъ точно такого же мнѣнія о системѣ, и если вооружился противъ нея, то единственно для того, что находилъ неудобнымъ излагать минералогію отдѣльно отъ геологіи; ему хотѣлось въ своемъ сочиненіи слить обѣ науки въ одну. Но это можно было бы сдѣлать и не вооружаясь противъ системы. Описаніе простыхъ минераловъ вмѣстѣ съ горными породами дѣйствительно представляетъ болѣе интереса для читателя, нежели описаніе тѣхъ же минераловъ въ системѣ. Но съ другой стороны, посредствомъ такого отрывочнаго знакомства съ минералами, никогда не узнаешь ихъ надлежащимъ образомъ; оно хорошо только для припоминанія, послѣ предварительнаго систематическаго изученія предмета. Доказательствомъ этого служитъ собственный примѣръ г. Куторги. Не смотря на желаніе автора описывать простые минералы вмѣстѣ съ горными породами, все-таки бо́льшую часть изъ нихъ пришлось ему описывать особо, по системѣ. Но это описаніе,

* М. Максимовича, Систематика растеній. Москва, 1831. Стр. 6 и 7.

Digitized by Google

уже по необходимости, составлено изъ клочковъ, не имѣющихъ между собою никакой органической связи. Таковы именно слѣдующія статьи: кристаллы (стр. 114 — 130), минералы по системѣ Вейса (стр. 134 — 146), химическій составъ минераловъ, и тѣ минералы, которымъ не нашлось мѣста въ другихъ главахъ (стр. 411 — 455).

Изъ горныхъ породъ авторомъ описаны только самыя замѣчательныя по своему приложенію въ общежитіи, и описаны весьма отчетливо и занимательно. Въ этомъ отношеніи скорѣе можно упрекнуть его въ излишествѣ, чѣмъ въ недостаткѣ. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ излишне подробенъ. Такъ, описывая различныя измѣненія мрамора, паросскій, пентелическій и другія, авторъ вычисляетъ всѣ художественныя произведенія, для которыхъ они служили матерьяломъ, даже съ коротенькою біографіею самихъ художниковъ, когда родились, умерли, и т. п. Статья очень занимательная, но нисколько не принадлежащая къ минералогіи. Неужели все занимательное можно помѣщать въ минералогію? Вѣдь это не складочный магазинъ.

Описавъ горныя породы или матерьялъ, изъ котораго состоитъ земная кора, авторъ перешелъ къ описанію самаго земнаго шара, сперва относительно только поверхности (*рельефъ земной коры*), а потомъ и относительно внутренняго строенія (*нептуническія формаціи*).

Поверхность земнаго шара разсматривается у него въ двухъ состояніяхъ, въ видѣ *суши* и въ видѣ *морскаго дна*. Суша, какъ ни разнообразна съ перваго вздяда, но вообще представляетъ либо низменныя, либо высокія страны, либо наконецъ горы. Послѣднія авторъ дѣлитъ слѣдующимъ образомъ: *горы первородныя*, или состоящія единственно изъ первоначальной плутонической коры, именно изъ гнейса и сланцевъ; горы *поднятыя*, въ которыхъ плутоническая кора, покрытая уже нептуническими слоями, выдвинута наружу какою-либо огненною массой, составляющею для нихъ родъ остова или стержня; горы *складочныя*, гдѣ нептуническіе пласты, подвергавшіеся боковому давленію, согнулись волнообразными складками, какова напримѣръ Юра; горы *вылившіяся*, состоящія преимущественно изъ трахита или базальта, выступившихъ изъ тре-

Digitized by Google

щинъ земной коры огненножидкою, либо тѣстообразною массою, и застывшихъ надъ ними, въ видѣ купола или конуса; наконецъ горы *вулканическія* или *вулканы*. За образецъ послѣднихъ авторъ избралъ ближайшій къ намъ и болѣе извѣстный, Везувій, съ окружающими его Флегрейскими полями. Описавъ нынѣшнее состояніе этой вулканической области, онъ перенесся въ прошедшее и показалъ тѣ перевороты, какіе, надобно предполагать, происходили въ Италіи до образованія Везувія; потомъ первое появленіе Монте-Соммы, той части Везувія, которая окружаетъ его въ видѣ полуцирка; наконецъ образованіе самаго Везувія, этого внутренняго конуса, которому начало положено было помпейскимъ изверженіемъ, въ 79 году по Рождествѣ Христовѣ. Для сравненія съ Соммою и Везувіемъ, авторъ указываетъ еще на другіе вулканы, имѣющіе съ ними сходство и образовавшіеся уже на исторической памяти, именно Монте-Ново, близь Пуццоли, къ западу отъ Неаполя, Іорулло (Хорульіо), въ мексиканской равнинѣ, и нѣкоторые вулканы, поднявшіеся прямо со дна моря.

Познакомивъ читателя съ строеніемъ вулкановъ въ обыкновенномъ, покойномъ ихъ состояніи, авторъ переходитъ къ ихъ дѣятельности, или къ тѣмъ явленіямъ, которыми они себя обнаруживаютъ. Къ этимъ явленіямъ преимущественно относятся землетрясеніе и изверженіе. Авторъ остановился только на самыхъ замѣчательныхъ случаяхъ землетрясенія, особенно на лиссабонскомъ, съ нѣкоторыми предшествовавшими ему обстоятельствами. Въ описаніи самаго изверженія онъ также ограничился одною общею формой и нѣсколькими замѣчаніями о томъ, что вулканическая дѣятельность находится въ связи съ огненножидкою массой, составляющею ядро земнаго шара и что вулканы—не что̀ иное какъ *оборонительныя* (охранныя?) отдушины.

Изъ предыдущаго видно, что вулканы, представляющіе вообще такъ много интереснаго, описаны авторомъ чрезвычайно коротко. У него говорится почти единственно о Везувіи, а Везувій — это пигмей въ сравненіи съ тѣми вулканами, которые находятся въ Исландіи, Америкѣ и на островахъ Тихаго и Индѣйскаго океановъ. Въ этихъ колоссахъ, безъ сомнѣнія, много такого, о чемъ нельзя составить себѣ понятія по Везувію. У автора не описаны даже Этна и Липарскіе вулканы,

Digitized by Google

находящіеся въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Везувіемъ. А какъ они различны отъ Везувія! Этна—это огромный *щитъ*, съ выдающеюся верхушкой въ срединѣ, и весь усѣянный конусами. Какіе же это конусы, и почему ихъ нѣтъ на Везувіи? Везувій имѣетъ съ небольшимъ три тысячи съ половиною футовъ высоты, и потому лава, во время изверженія, большею частью достигаетъ самаго жерла и льется черезъ край огненными потоками. Шлаки и пепелъ, выбрасываемые тѣмъ же путемъ, при паденіи нагромождаютъ надъ жерломъ конусъ. Этна втрое выше Везувія; лава, по причинѣ своей тяжести, не можетъ подняться до такой высоты, до самаго жерла; она прокладываетъ себѣ дорогу черезъ боковыя трещины и образуетъ надъ ними такіе же конусы, какіе образуются надъ жерломъ; ихъ называютъ *паразитными* (чужеядными) конусами, въ отличіе отъ главнаго. На Этнѣ считается болѣе 600 такихъ конусовъ. Вулканы южной Америки въ полтора или даже въ два раза выше Этны, и потому вовсе не извергаютъ лавы. Самое основаніе, съ котораго поднимаются конусы тамошнихъ вулкановъ, уже такъ высоко, какъ Этна. Кромѣ этой особенности, они имѣютъ много другихъ. Американскіе вулканы расположены не въ равнинѣ, какъ Везувій, а на самой вершинѣ Андовъ, въ одинъ или въ нѣсколько рядовъ; по всей видимости, они выступили изъ трещинъ, образовавшихся во время поднятія Андовъ. По недостатку лавъ и пепла, американскіе вулканы не имѣютъ того вида, какой получаютъ всѣ невысокіе вулканы отъ нагроможденія только пепла и лавъ. Форма ихъ чрезвычайно различна, начиная отъ геометрически правильнаго конуса Котопахи до какихъ-то зубчатыхъ и фантастическихъ формъ длинной цѣпи Пичинчи. Большею частью они состоятъ изъ огромныхъ, одна на другую наваленныхъ трахитовыхъ глыбъ, выступившихъ изъ земли въ твердомъ состояніи и съ чрезвычайнымъ усиліемъ.

Много ли же во всемъ этомъ похожаго на Везувій?

Явленія вулканичной дѣятельности описаны авторомъ съ тѣми же недостатками, какіе мы видѣли выше, и это произошло оттого, что онъ отступилъ отъ обыкновеннаго порядка. Говоря о землетрясеніи, онъ разказываетъ гдѣ оно случилось, сколько времени продолжалось, сколько разрушено имъ селеній или

Digitized by Google

городовъ, сколько жителей погибло подъ развалинами, и т. д. Но вѣдь это частныя обстоятельства, перечислить ихъ не возможно; притомъ, сколько ни вычисляй, они все останутся отдѣльными, отрывочными явленіями. Не лучше ли было бы всѣ обстоятельства, относящіяся къ землетрясенію, предварительно распредѣлить на категоріи, и каждую изъ нихъ описать особо? Такъ прежде исчисленія несчастныхъ случаевъ, произшедшихъ отъ землетрясенія, автору надобно было бы указать на различные виды землетрясенія: волнообразное, ударяющее или толчковое, и вращательное или круговое. Онъ не говоритъ объ нихъ ни слова; а не отъ нихъ ли зависитъ бо́льшая или ме́ньшая степень разрушенія земной коры? Самымъ обыкновеннымъ изъ землетрясеній почитается *волнообразное*, которое можно сравнить съ движеніемъ морскихъ волнъ; почва послѣдовательно то поднимается, то опускается, и движеніе это идетъ по извѣстному направленію. Оно наименѣе опасно, потому что движимыя части земли при этомъ случаѣ, сохраняя взаимную связь, остаются на мѣстѣ въ томъ же относительномъ положеніи, въ какомъ были прежде. Гораздо опаснѣе предыдущаго движеніе *ударяющее* или *толчковое*. Этимъ движеніемъ земля, въ данной какой-нибудь мѣстности, взбрасывается вверхъ какъ бы толчкомъ, который иногда бываетъ такъ силенъ, что походитъ на взрывъ пороха, образуетъ пади и воронкообразные провалы. При самыхъ разрушительныхъ землетрясеніяхъ, каковы лиссабонское, калабрское и другія, всегда замѣчали еще *вращательное* движеніе, при которомъ земля, какъ бы крутясь, взбрасывалась вверхъ. Само собою разумѣется, что такому движенію не могутъ противиться никакія зданія; все тутъ перемѣшивается и уравнивается; самые обломки до того раздробляются, что не возможно бываетъ распознать планъ разрушеннаго города. Но вездѣ ли, на всемъ ли пространствѣ землетрясенія, эти разрушительныя дѣйствія обнаруживаются одинаково? Какъ велико бываетъ самое пространство потрясаемой земли? Чѣмъ доказать, что вулканы находятся въ связи съ землетрясеніемъ? Эти и другіе вопросы во всѣхъ лучшихъ руководствахъ къ геологіи также разсматриваются особо и выясняютъ цѣлый рядъ самыхъ замѣчательныхъ явленій. У г. Куторги они сбиты въ одинъ общій расказъ, довольно короткій, который однако

Digitized by Google

гораздо труднѣе удержать въ памяти, нежели подробное, но систематическое изложеніе того же предмета.

Другое явленіе вулканической дѣятельности—самое изверженіе, описано авторомъ еще неудовлетворительнѣй. У него излагается одна общая форма изверженія, и та далеко не вполнѣ противъ той, какую обыкновенно представляетъ намъ Везувій. Изъ такого скуднаго описанія можно ли составить себѣ понятіе объ этомъ удивительномъ явленіи? Изложивъ весь ходъ вулканическаго изверженія, автору слѣдовало бы потомъ разобрать его по частямъ, и каждую изъ нихъ пояснить замѣчательнѣйшими случаями изъ тѣхъ или другихъ вулкановъ, случаями, изъ которыхъ можно было бы судить о разнообразіи и могучести этого подземнаго процесса. Пропустивъ это, авторъ лишилъ свое сочиненіе самыхъ любопытныхъ страницъ. Дѣйствительно, кому не любопытно знать, изъ какихъ газообразныхъ веществъ составляется то облако, которое клубится надъ жерломъ вулкана во время изверженія? Во всѣхъ ли случаяхъ оно одинаково? Какъ велико бываетъ количество выбрасываемыхъ шлаковъ и вулканическаго пепла? На какое разстояніе заносится иногда вулканическій пепелъ? Какъ течетъ лава, есть ли это ровная огненная рѣка, или представляется она иначе? Какіе изъ лавовыхъ потоковъ почитаются самыми обширными? и т. д. Это вопросы, относящіеся къ тому состоянію вулкана, когда онъ находится въ полномъ дѣйствіи: а какія явленія замѣчаются въ немъ, когда онъ начинаетъ успокоиваться, потухать? Изъ всѣхъ явленій этой утихающей вулканической дѣятельности у автора упоминается только объ одномъ, о *грязныхъ вулканахъ*. А солфатары, лагоны и сафеоны? Отдѣленіе углеводороднаго газа, нефти и углекислоты?

Не получивъ достаточнаго понятія о вулканахъ, вы надѣетесь, вѣроятно, вознаградить себя болѣе обстоятельнымъ описаніемъ прочихъ горъ; но онѣ описаны еще короче, нежели вулканы. Авторъ раздѣляетъ ихъ, какъ мы видѣли выше, на первородныя, поднятыя, складочныя и вылившіяся. Мы не будемъ входить въ пренія относительно того, въ какой мѣрѣ вѣрно такое раздѣленіе; замѣтимъ только, что это большею частью только воображаемыя, а не дѣйствительныя горы: въ природѣ онѣ почти никогда не встрѣчаются такими *отдѣльны-*

Digitized by Google

ми и *простыми* формами, какими онѣ представлены у автора. Ему самому, какъ опытному геологу, извѣстно, что въ природѣ почти вовсе нѣтъ такихъ горныхъ хребтовъ, которые бы состояли изъ одного геологическаго члена; напротивъ, всѣ состоятъ изъ двухъ или многихъ членовъ, обнаруживающихъ особенное направленіе, и особенное строеніе. Иногда эти составныя части располагаются рядами, иногда же разбросаны безъ всякаго порядка и представляются въ весьма запутанныхъ формахъ. Пиренейскія горы образуютъ одну изъ самыхъ простыхъ горныхъ цѣпей, и та состоитъ изъ двухъ членовъ, составляющихъ между собою тупой уголъ, именно долину Арранскую, съ истоками Гаронны. Въ Альпахъ, Гималаяхъ, Андахъ, Уралѣ и Алтаѣ находится много такихъ независимыхъ членовъ, въ весьма разнообразныхъ положеніяхъ одинъ къ другому.

Представивъ однѣ только простыя или идеальныя формы горъ, авторъ не обратилъ почти никакого вниманія на тѣ обстоятельства, которыя встрѣчаются во всѣхъ сложныхъ или дѣйствительныхъ горахъ, и которыя такъ необходимы для точнѣйшаго ихъ опредѣленія. У него почти вовсе не говорится о разчлененіи горъ, о долинахъ (поперечныхъ и продольныхъ), объ осяхъ или направленіи горъ, о группированіи ихъ, о линіяхъ антиклинальныхъ и синклинальныхъ, и т. д.

Послѣ горъ, г. Куторга описываетъ болота, озера и рѣки, протекающія по сушѣ и производящія въ ней большія измѣненія. Эта статья полнѣе предыдущихъ и заключаетъ въ себѣ очень много интереснаго. Морское дно, и особенно острова (континентальные, вулканическіе и коралловые), также описаны довольно занимательно.

Но, прочитавъ все то, что авторъ называетъ рельефомъ земной коры, чувствуешь, что чего-то не достаетъ. Казалось, чего же не достаетъ? Тутъ есть и горы, и равнины, и острова? Въ описаніи рельефа у г. Куторги, по нашему мнѣнію, не достаетъ самаго *рельефа*. У него нѣтъ ни наружнаго очертанія материковъ, ни общаго размѣщенія горъ и равнинъ, ни относительнаго положенія ихъ между собою. А это-то собственно и есть рельефъ, или то, отъ чего зависятъ всѣ важнѣйшія физическія явленія, обусловливающія существованіе на земной ко-

Digitized by Google

рѣ и растеній, и животныхъ, и самого человѣка. Авторъ представилъ однѣ частности, не сказавъ ни слова о томъ, какому цѣлому онѣ принадлежатъ. Всего естественнѣе было бы начать съ общаго обозрѣнія суши, какое пространство занимаетъ она сравнительно съ морями, какъ размѣщена относительно экватора, и проч. и проч., но объ этомъ нигдѣ не говорится ни слова.

Для любопытства читателей мы укажемъ на нѣкоторыя черты, которыя пропущены у автора и которыя необходимы для рельефа земной коры.

Начнемъ съ наружной формы материковъ или континентовъ. Уже со временъ Бакона вниманіе знаменитыхъ натуралистовъ не разъ обращалось на то, что всѣ континенты къ югу оканчиваются остріями, а къ сѣверу широкими массами. Такъ американскій континентъ оканчивается къ югу узкимъ языкомъ Огненной земли, Африка простымъ шпицемъ, Новая Голландія Вандименовою землей, Азія двумя Индіями и Аравіею, Европа тремя полуостровами, — Италіею, Греціею и Пиренейскимъ полуостровомъ. Такую же форму представляютъ и прочія части континентовъ, которыми они обращены къ югу и вдаются въ море; Калифорнія, Флорида, Камчатка, Скандинавія и другіе полуострова служатъ яснымъ тому доказательствомъ. Исключеній изъ этого общаго закона весьма немного: такова, напримѣръ, Великобританія.

По остроумному замѣчанію Риттера, каждый большой континентъ можно представить себѣ въ видѣ *тѣла*, или ствола, и простирающихся отъ него *членовъ*, или вѣтвей. Отъ бо́льшаго или меньшаго количества этихъ членовъ въ континентѣ зависитъ отношеніе береговой линіи къ его внутреннему пространству или къ тѣлу. Такъ Африка имѣетъ самую простую форму; это тѣло безъ членовъ, дерево безъ вѣтвей. Вся масса ея сжата и какъ-будто заперлась отъ всякаго посторонняго вліянія. У ней нѣтъ ни одного значительнаго полуострова. Безъ Гвинейскаго залива она представила бы почти правильное яйцо, тупымъ концомъ своимъ обращенное къ сѣверу. По этому самому отношеніе береговаго протяженія къ внутренней площади въ африканскомъ континентѣ меньше, нежели у всѣхъ другихъ, именно: на 150 квадратныхъ миль внутренняго про-

Digitized by Google

странства приходится только одна миля береговаго протяженія. По своей сомкнутости, на Африку всего болѣе походитъ Южная Америка; она образуетъ почти прямоугольный треугольникъ безъ выдающихся частей,—треугольникъ, въ которомъ отношеніе внутренняго пространства къ берегу равно 94: 1. Новая Голландія имѣетъ нѣсколько большее разчлененіе, выражающееся отношеніемъ 73: 1. Азію и Европу можно разсматривать и вмѣстѣ, и порознь. Если принять ихъ за одинъ континентъ, то Азія должна почитаться тѣломъ, а Европа только ея членомъ или вѣтвію. Въ такомъ видѣ площадь этого обширнаго континента къ его береговому протяженію выразится отношеніемъ 80: 1, слѣдовательно нѣсколько меньшимъ, нежели въ Новой Голландіи, и нѣсколько бо́льшимъ, нежели въ Южной Америкѣ. Но если Азію будемъ разсматривать какъ особый континентъ, то ея члены, именно Камчатка, Корея, обѣ Индіи, Аравія и Малая Азія составятъ около пятой части всего континента, и своею береговою линіею къ внутренней площади будутъ относиться какъ 105: 1. Европа собственно не имѣетъ ствола или тѣла, но если допустить его у ней, то можно представить его въ видѣ треугольника, котораго одна сторона изобразится протяженіемъ Урала, а противолежащая ему вершина будетъ находиться въ Пиренеяхъ. Существенными членами ея должны почитаться Скандинавія, Ютландія, сѣверная Голландія, Бретань, Пиренейскій полуостровъ, Италія, Турція съ Греціею, и Крымъ. Отношеніе внутренней площади Европы къ ея береговой линіи гораздо меньше, нежели у всѣхъ предыдущихъ континентовъ, именно 37: 1. По степени разчлененія, къ ней подходитъ только Сѣверная Америка, съ своими многочисленными членами: Лабрадоромъ, Новою Шотландіею, Флоридою, Панамскимъ перешейкомъ, Калифорніею и Аляскою; отношеніе этихъ членовъ къ внутренней площади или къ тѣлу равно 50: 1.

Если отъ наружнаго очертанія континентовъ перейдемъ къ ихъ поверхности, то увидимъ, что она то разстилается равнинами, то подымается горами. Но вообще можно постановить такое правило, что значительные горные хребты, имѣющіе наибольшее вліяніе на рельефъ континентовъ, съ обѣихъ сторонъ соединяются съ равнинами, и притомъ такимъ обра-

Digitized by Google

зомъ, что съ одной стороны простирается равнина высокая, а съ другой—низменная и постепенно спускающаяся въ море. Такъ на одной сторонѣ Альповъ лежатъ высокія равнины Швейцаріи, Баваріи и Австріи, на другой — низменная береговая равнина Ломбардіи; въ юго-американскихъ Андахъ, съ запада крутая прибрежная полоса Перу и Чили, съ востока — высокая страна Бразиліи, исподволь переходящая въ назменныя пампы и саванны; къ Гималайскимъ горамъ, съ одной стороны примыкаетъ Остъ-Индія, эта азійская Ломбардія, а съ другой высокая равнина центральной Азіи. Такимъ образомъ каждый изъ континентовъ можно представить себѣ въ видѣ горъ, имѣющихъ высокіе неравные склоны.

Этихъ немногихъ примѣровъ довольно для того, чтобы судить, чего именно недостаетъ въ книгѣ г. Куторги для точнаго изображенія рельефа или облика земной коры. Мы сожалѣемъ о такомъ пропускѣ тѣмъ болѣе, что въ настоящее время на этотъ предметъ обращено большое вниманіе. Формы и относительное размѣщеніе континентовъ разсматриваются нынѣ не съ одной физической точки зрѣнія; нѣтъ, они имѣютъ еще другое значеніе, гораздо высшее: они находятся въ тѣсной связи съ историческимъ развитіемъ человѣческихъ обществъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ знаменитый нашъ натуралистъ, академикъ Беръ: «Ходъ всемірной исторіи опредѣляется внѣшними физическими условіями. Вліяніе отдѣльныхъ личностей въ сравненіи съ ними ничтожно. Онѣ всегда почти приводили только въ исполненіе то, что уже было подготовлено, и такъ или иначе, а должно было совершиться. Стремленіе установить что-нибудь совершенно новое и не подготовленное остается безуспѣшно, или влечетъ за собою только разрушеніе. Никто, конечно, не возьмется опредѣлить какъ сложилась бы исторія человѣчества, еслибы физическія свойства обитаемой имъ мѣстности были не тѣ, какія теперь. Но нельзя не обратить вниманія на то, что небольшія отступленія отъ дѣйствительно существующихъ нынѣ свойствъ необходимо были бы причиною очень значительныхъ отклоненій въ ходѣ всемірной исторіи. Еслибы, напримѣръ, при неизмѣнности всего остальнаго на поверхности земли, Суэзскій заливъ, простирался градусомъ дальше на сѣверъ, то-есть достигалъ бы Средиземнаго моря, то нѣтъ ни-

Digitized by Google

какого сомнѣнія, что рано установилось бы дѣятельное сообщеніе между берегами Средиземнаго моря и Индіи, не говоря уже о берегахъ Аравіи и Африки. Особенности, которыми запечатлѣна природа человѣка въ Индіи, гораздо раньше смѣшались бы съ особенностями Европы. — Или, не измѣняя очертанія Чермнаго моря, предположимъ, что воды Абиссиніи и окрестныхъ странъ текутъ не въ долину Нила, а кратчайшимъ путемъ въ Чермное море. Для этого надо было только, чтобы мѣстность на сѣверъ отъ Абиссиніи понизилась отъ запада къ востоку. Тогда исчезъ бы великій путь сообщенія между сѣвернымъ краемъ Африки и ея срединой. Египетъ, не оплодотворяемый приносимымъ съ юга органическимъ веществомъ, былъ бы пустыней, безплоднѣе Триполиса. Онъ не имѣлъ бы уже вліянія на развитіе Греціи, и, конечно, судьбы народа Израильскаго были бы тогда иныя, которыхъ мы не въ состояніи разгадать. Но зато Абиссинія пришла бы въ тѣсное соприкосновеніе съ южнымъ берегомъ Азіи, и весьма вѣроятно, что тогда развились бы двѣ отдѣльныя, надолго чуждыя другъ другу цивилизаціи, — цивилизація Европы и цивилизація Индѣйскаго океана, точно такъ, какъ теперь мы не можемъ не признать двѣ отдѣленныя другъ отъ друга, и потому различныя цивилизаціи, — восточную въ Китаѣ, и противоположную ей на Западѣ, которую мы привыкли считать единственною. Желать исчислить слѣдствія еще бо́льшихъ измѣненій значило бы вдаваться въ область вымысловъ» *.

Переходимъ къ самой главной части разсматриваемаго нами сочиненія, — къ внутреннему образованію земной коры (*нептуническія формаціи*).

Земная кора, какъ изложено выше, состоитъ изъ различныхъ осадочныхъ слоевъ, раздѣленныхъ на системы или формаціи, и кое-гдѣ прорѣзанныхъ огневыми породами. Каждая изъ этихъ системъ или формацій соотвѣтствуетъ извѣстному періоду развитія земли, со всѣми принадлежавшими ей въ то время растеніями и животными. При нынѣшнемъ состояніи гео-

* Статья академика Бера «О вліяніи внѣшней природы на соціальныя отношенія народовъ и исторію человѣчества», помѣщенная въ Карманной книжкѣ Русскаго географическаго общества, 1848 года.

Digitized by Google

логіи насчитываютъ двѣнадцать такихъ системъ. Древнѣйшими изъ нихъ почитаются: *силурская*, *девонская*, *каменноугольная* и *пермская*; далѣе слѣдуютъ: *тріасовая*, *юрская*, *мѣловая*, *эоценовая*, *неогеновая*, *дилювіальная* и *аллювіальная*, или *современная*. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы земная кора повсюду состояла изъ всѣхъ означенныхъ системъ; напротивъ, есть много такихъ странъ, въ которыхъ замѣчаются только три системы, или даже менѣе. Это зависѣло или отъ того, что недостающія системы были смыты при послѣдующихъ переворотахъ, или отъ того, что во время образованія этихъ системъ, страна составляла материкъ. Трудно представить себѣ такую мѣстность, которая бы при всѣхъ движеніяхъ земной коры была постоянно подъ морями, послѣдовательно смѣнявшимися и отлагавшими на ней всѣ извѣстныя формаціи. Можно сказать навѣрное, что нѣтъ ни одной системы, которая бы принадлежала всей земной поверхности. По крайней мѣрѣ, одна и та же система вездѣ ли одинакова? Нимало: каждая система, принадлежащая той или другой мѣстности, непремѣнно представляетъ что-нибудь особенное. Это могло зависѣть, и дѣйствительно зависило, во-первыхъ, отъ того, въ какой части моря образовалась система, въ прибрежной или пелагической, то-есть въ мелкой или глубокой; во-вторыхъ, отъ качества и количества матеріала, доставляемаго морю. Поэтому одна и та же система въ одномъ мѣстѣ состоитъ изъ известняка, въ другомъ изъ глины; притомъ, въ одномъ мѣстѣ она имѣетъ нѣсколько тысячъ метровъ, а въ другомъ только сто метровъ или менѣе. Тѣ же причины измѣняли и органическій характеръ системъ: въ прибрежной системѣ должны быть одни животныя, а въ пелагической или образовавшейся въ глубокой части моря— другія. Сверхъ того, на органическій характеръ имѣли вліяніе климатическія условія или географическое положеніе мѣста. Дѣйствительно, чѣмъ далѣе отстоитъ какая-либо система отъ другой такой же, тѣмъ менѣе оказывается въ нихъ одинаковыхъ или тождественныхъ видовъ (species); въ такомъ случаѣ они большею частью замѣняются *подобными* видами; иногда же такую систему можно опредѣлить только *общимъ органическимъ характеромъ* или *общею органическою физіономіей* (habitus organicus).

Digitized by Google

Нѣкоторые изъ геологовъ въ изложеніи системъ употребляютъ нисходящій способъ, то-есть, прежде описываютъ нынѣшнія формаціи и потомъ переходятъ къ болѣе и болѣе древнимъ; другіе, напротивъ, употребляютъ восходящій или историческій способъ, какъ болѣе согласный съ развитіемъ растеній и животныхъ, послѣдовательно смѣнявшихся на земной поверхности. Впрочемъ, будетъ ли употребленъ тотъ или другой способъ, но описаніе каждой системы въ частности обыкновенно начинаютъ съ той страны, гдѣ эта система находится въ полнѣйшемъ развитіи, и потомъ уже переходятъ къ другимъ странамъ, гдѣ она менѣе развита, или представляетъ какія-либо особенности. Безъ сомнѣнія, въ томъ же порядкѣ разсматривается и органическій характеръ системы, и чрезъ то получается болѣе или менѣе полное понятіе о существовавшихъ въ то время растеніяхъ и животныхъ, а это понятіе въ свою очередь ведетъ и къ другому, — мы можемъ судить о тогдашнемъ состояніи зомнаго шара.

Такой порядокъ описанія формацій находится во всѣхъ болѣе замѣчательныхъ сочиненіяхъ, напримѣръ у Фохта *, Наумана и другихъ. Но слѣдовалъ ли этому порядку профессоръ Куторга? Въ общемъ изложеніи формацій онъ принялъ восходящій порядокъ, относительно же частнаго ихъ описанія у него нѣтъ ничего опредѣленнаго или постояннаго; описаніе однѣхъ формацій онъ начинаетъ съ полной или типичей формы, описаніе другихъ съ менѣе полной. Что̀ касается до органическаго характера формацій, то вообще онъ обрисованъ чрезвычайно слабо. Изъ всѣхъ растеній или животныхъ, принадлежащихъ какой-либо системѣ, онъ упоминаетъ объ однихъ только характеристическихъ или чаще встрѣчающихся. Изъ такого опредѣленія учащемуся нельзя получить надлежащаго понятія объ ископаемыхъ флорахъ или фавнахъ, тѣмъ менѣе о томъ, какъ онѣ смѣнялись однѣ другими. Онъ можетъ даже подумать, что во всѣхъ одноименныхъ формаціяхъ, гдѣ бы онѣ ни встрѣтились, непремѣнно находятся означенныя характери-

* Lehrbuch der Geologie und Petrefactenkunde, von L. Vogt. In zwei Bänden. Braunschweig 1854.

Digitized by Google

стическія ископаемыя, и что слѣдовательно на всей земной поверхности въ этотъ періодъ жили одинаковыя растенія и животныя. Но такое заключеніе можетъ быть справедливо только относительно самыхъ древнихъ формацій; въ эти періоды дѣйствительно температура земли была еще такъ высока, что обезразличивала всѣ наружные климаты, и потому растенія и животныя были повсюду болѣе или менѣе одинаковы. Въ формаціяхъ болѣе поздняго происхожденія мы не находимъ уже этой одинаковости характера; напротивъ, почти съ каждою мѣстностью представляются какія-либо особенныя растенія и животныя. Какія же эти растенія и животныя? Ограничивались ли они только тѣми видами, какіе вычислены въ сочиненіи г. Куторги, или ихъ было гораздо болѣе? Какой характеръ они имѣли сравнительно съ нынѣшнею флорою или фавною? Въ какомъ климатѣ они жили? На обширномъ ли материкѣ, или на разсѣянныхъ островахъ? Я никакъ не думаю, чтобы на эти вопросы можно было отвѣчать по тѣмъ немногимъ ископаемымъ, о которыхъ упоминаетъ авторъ при описаніи каждой формаціи. Послѣ этого, какой же интересъ можетъ имѣть для учащихся самое исчисленіе глинистыхъ, известняковыхъ или песчаныхъ слоевъ, составляющихъ формаціи? Положимъ, что тутъ упоминается иногда о нѣкоторыхъ раковинахъ или другихъ ископаемыхъ, но при всемъ томъ это — мертвое изученіе, которое невозможно удержать въ памяти.

Чтобы нѣсколько оживить это изученіе, авторъ приложилъ къ описанію формацій рисунки ископаемыхъ животныхъ, весьма хорошіе и въ достаточномъ количествѣ. Дѣйствительно, это одно изъ тѣхъ важныхъ пособій, которыя такъ необходимы въ каждомъ учебникѣ и которыхъ нельзя замѣнить никакими описаніями, какъ бы они подробны ни были. За это пособіе авторъ заслуживаетъ полной признательности. Жаль только, что онъ ограничился однимъ этимъ пособіемъ и не обратилъ вниманія на другія, которыхъ довольно много. Одно описаніе этихъ пособій могло бы гораздо болѣе познакомить учащихся съ образованіемъ земной коры, нежели самое подробное исчисленіе пластовъ.

Задача геологіи, какъ мы выразились выше, прекрасная, увлекательная, но и чрезвычайно трудная для рѣшенія. Причины,

Digitized by Google

затрудняющія ея рѣшеніе, понятны изъ того что́ мы сказали въ самомъ началѣ нашей статьи. Изслѣдуя формаціи, мы постоянно носимся своею мыслью въ такомъ мірѣ, который только отчасти похожъ на нынѣшній; точнѣе сказать, мы нигдѣ не находимъ этого міра такимъ, какимъ онъ былъ въ его цѣлости, а витаемъ только между его развалинами и обломками. Сколько же требуется соображенія, чтобы по однимъ обломкамъ составить вѣрное понятіе о прежнемъ цѣломъ мірѣ! Явленія этого міра такъ разнообразны и многочисленны, что самое воображеніе затрудняется иногда овладѣть ими и сдѣлать ихъ для себя видимыми и осязательными. Въ настоящее время, желая облегчить воображеніе, всѣ геологическіе выводы стараются превращать въ видимые образы, именно въ карты, разрѣзы и пейзажи.

Конечно, нельзя требовать, чтобы учебная книга была снабжена всѣми означенными пособіями, особенно пейзажами; но нѣкоторые изъ нихъ, именно карты и разрѣзы, составляютъ существенную потребность. У г. Куторги во всей книгѣ находится только одна карта, Европейской Россіи, но такая, которая нисколько не уясняетъ предмета; такъ что лучше, если бы ея вовсе не было. Мы нѣсколько остановимся на этомъ предметѣ, дабы показать читателю, чего недостаетъ въ сочиненіи г. Куторги для живаго изложенія формацій.

Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія (1720 г.) Фонтенель, говоря о предположеніяхъ Реомюра касательно туренскихъ ископаемыхъ, сказалъ: «Для такого серьёзнаго предмета надобно было бы составить родъ географическихъ картъ, и изобразить на нихъ всѣ мѣста, гдѣ находятся ископаемыя раковины. Но сколько наблюденій и сколько времени нужно для того, чтобы составить такія карты! Впрочемъ, какъ знать, быть-можетъ когда-нибудь наука и достигнетъ до этого, если не вполнѣ, такъ отчасти». Карты, предполагаемыя Фонтенелемъ, въ настоящее время составлены для всей Европы, и показываютъ не только мѣста, гдѣ находятся раковины, но и тѣ формаціи, къ которымъ онѣ принадлежатъ вмѣстѣ съ другими ископаемыми.

На геологическихъ картахъ формаціи обозначаются обыкновенно красками и представляются въ видѣ извѣстныхъ полосъ

Digitized by Google

различной величины и различной формы, смотря по тому, какое пространство занято тою или другою формаціей. Иногда краски замѣняются различными штрихами. При взглядѣ на такую карту вы тотчасъ видите, какія формаціи составляютъ страну, или по крайней мѣрѣ, какія изъ нихъ вышли на поверхность земли. Для гористыхъ странъ, гдѣ пласты большею частью бываютъ подняты и разорваны, обыкновенныя плоскія карты замѣняются иногда выпуклыми или рельефными. Послѣднія гораздо естественнѣе первыхъ и даютъ лучшее понятіе о строеніи горъ. Но ни плоскія, ни рельефныя карты не въ состояніи показать намъ внутренней связи между формаціями и того, что̀ залегаетъ подъ ними. Для этого къ геологическимъ картамъ всегда прилагаются такъ-называемые *разрѣзы* или *профили*. Это — изображеніе того, что̀ мы увидѣли бы, еслибы формаціи были разрѣзаны вертикальною плоскостью въ томъ или другомъ направленіи.

Нельзя не согласиться, что карты и разрѣзы составляютъ весьма важное пособіе для нагляднаго изученія формацій. Но съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы они вполнѣ удовлетворяли нашему любопытству. Они изображаетъ только *готовыя* формаціи, формаціи въ ихъ *теперешнемъ* состояніи, а мы желали бы перенестись въ періодъ самаго образованія формаціи, мы желали бы видѣть, какъ велики были тогдашнія моря и материки, какія существовали въ то время растенія и животныя, въ какомъ климатѣ они жили, однимъ словомъ, мы желали бы воссоздать земную поверхность каждаго геологическаго періода и сравнить ее съ нынѣшнею. Кому не любопытно знать, какимъ измѣненіямъ въ теченіе времени подвергалось, напримѣръ, то пространство земли, на которомъ онъ живетъ? Какія животныя тутъ обитали и какіе лѣса покрывали прежнюю сушу?

Первая попытка удовлетворить этимъ требованіямъ принадлежитъ знаменитому французскому геологу Эли-де-Бомону. Руководствуясь извѣстными наблюденіями, онъ составилъ для нѣкоторыхъ формацій карты, въ которыхъ ясно обозначено, какія пространства въ то время были заняты моремъ и какія сушею. Такъ, напримѣръ, въ юрскій періодъ, на картѣ Европы прежде всего бросаются въ глаза обширныя моря на тѣхъ мѣстахъ, которыя въ настоящее время заняты самыми цвѣтущими

Digitized by Google

городами, каковы Лондонъ, Парижъ, Берлинъ, Миланъ, Флоренція, Римъ, Неаполь, Мадридъ. Пространство, занимаемое нынѣ Альпійскими горами, подымающимися до пяти тысячъ метровъ высоты, также было залито моремъ. Напротивъ, нынѣшняя Скандинавія составляла большой материкъ; онъ протягивался чрезъ Ботническій заливъ въ Финляндію, такъ что мѣста, занимаемыя нынѣ городами Або и Гельзингфорсомъ, находились посреди материка. Нынѣшнихъ прибалтійскихъ земель—Даніи, Ганновера, Пруссіи и Польши, тогда еще не было; но страны, лежащія нѣсколько южнѣе, каковы Селезія, Моравія, Богемія, Саксонія и Белгія, составляли обширный островъ посреди юрскаго моря. Въ томъ же морѣ средняя часть Франціи составляла другой островъ, который былъ разрѣзанъ весьма многими заливами, и посредствомъ узкаго перешейка соединялся съ частью Пиренеевъ, въ то время еще очень низкихъ. Мѣстность города Autun находилась на самомъ берегу этого острова, а городовъ Ліона и Перпиньяна—около берега въ морѣ. Въ окрестностяхъ Тулона былъ уже небольшой островокъ, начало образованія Эстерельскихъ горъ, еще южнѣе — Корсика. Островъ, составлявшій среднюю часть Франціи, около нынѣшняго города Поатье, отдѣлялся проливомъ отъ твердой земли, которая тянулась чрезъ города Angers, Шербуръ, Ливерпуль, до Эдинбурга и далѣе. Пролива, называемаго Ламаншемъ, въ это время не существовало. Между Британскими островами также не было пролива, Ирландія непосредственно примыкала къ этому обширному материку.

Такія же карты составлены Эли де-Бомономъ для всей западной Европы въ періодъ существованія тамъ мѣловаго моря. Для Франціи у него есть еще особая карта, представляющая ее въ одинъ изъ третичныхъ періодовъ (эоценовый).

Ничто не можетъ быть нагляднѣе этихъ картъ для сравненія нынѣшней поверхности земнаго шара съ тѣми, какія онъ имѣлъ въ прежнія геологическія времена. Но при всемъ томъ, это — мертвое изображеніе земнаго шара. Мы видимъ моря, сушу, но не видимъ того, что̀ населяло эти моря и сушу, не видимъ ни растеній, ни животныхъ, составлявшихъ главную отличительность каждаго геологическаго періода. Для пополненія этого недостатка надобно было науку соединить съ искусст-

Digitized by Google

вомъ. Честь такого сближенія принадлежитъ вѣнскому ученому Унгеру, великому знатоку живыхъ и ископаемыхъ растеній. Ему пришла счастливая мысль, животныя и особенно растенія, принадлежащія каждому геологическому періоду, представить въ видѣ отдѣльныхъ пейзажей, и сообщить имъ ту самую физіономію, какую они должны были имѣть по нынѣшнимъ научнымъ понятіямъ объ ископаемыхъ. Предпріятіе чрезвычайно трудное для выполненія, и оно могло удаться только тому, кто съ глубокимъ знаніемъ ископаемыхъ соединяетъ въ себѣ такое же эстетическое образованіе. Унгеру предстоялъ двоякій трудъ,—удовлетворить требованіямъ науки и требованіямъ искусства, и потому онъ совершилъ его вмѣстѣ съ отличнѣйшимъ пейзажистомъ Кувасегомъ.

Своими геологическими пейзажами Унгеръ оказалъ чрезвычайную услугу и геологамъ, и любителямъ естествознанія. До того времени ископаемыя растенія и животныя большею частью были намъ извѣстны только по отдѣльнымъ стволамъ, листьямъ, кистямъ и т. д., а тутъ эти отдѣльныя части собрались въ цѣльные организмы и ожили передъ нами. Этого мало: онѣ соединились въ прекрасные лѣса и разнообразныя группы животныхъ, въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ слѣдовали по времени образованія земнаго шара. Все это такъ наглядно, такъ осязательно, что, казалось, ничего болѣе нельзя было требовать отъ науки. Но всякая счастливая мысль необходимо влечетъ за собой другую, столь же или еще болѣе счастливую.

Когда пейзажи Унгера сдѣлались извѣстными, одинъ изъ берлинскихъ художниковъ – ученыхъ сдѣлалъ попытку превратить ихъ въ живыя картины, по способу Гроппіуса. Точнѣе сказать, онъ беретъ не отдѣльные моменты образованія земли, какъ Унгеръ, но весь процессъ въ движеніи, со всѣми его измѣненіями. Онъ показываетъ намъ самое начальное состояніе земли по космогенетической теоріи Лапласа, первое образованіе коры на огненножидкомъ ядрѣ, разсѣданіе этой коры, поднятіе горъ, послѣдовательное происхожденіе формацій, съ растеніями и животными въ ихъ тогдашнемъ быту. Однимъ словомъ, вы видите передъ собой происхожденіе и образованіе

Digitized by Google

нашей планеты въ томъ самомъ порядкѣ, какой открытъ нынѣшнею геологіей. Это самый практическій и наглядный курсъ геологіи.

Пейзажи Унгера я бы сравнилъ съ картинами Одюбона, а живыя картины берлинскаго художника съ зоологическими и ботаническими садами. Для изученія ископаемыхъ наши палеонтологическія собранія столько же недостаточны, сколько гербаріи и зоологическіе музеи для нынѣшнихъ животныхъ и растеній. Для полнаго знакомства съ флорою необходимо наблюдать живыя растенія, и притомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они произведены самою природой. Пальма, перенесенная въ наши теплицы, есть больное растеніе, тоскующее по своей родинѣ, и потому не можетъ дать надлежащаго понятія о той пальмѣ, которая растетъ на всемъ привольи, въ тропическихъ лѣсахъ. Тоже самое надо сказать о животныхъ. Въ настоящее время, вполнѣ понимая различіе между изученіемъ живаго животнаго, въ его естественномъ быту, отъ того, въ какомъ находится оно у насъ въ кабинетѣ, или въ звѣринцахъ, за желѣзными рѣшетками, — вездѣ стараются заводить зоологическіе сады, имѣющіе цѣлью окружить каждое животное тѣми самыми условіями, какія необходимы для его естественнаго существованія. Для ископаемыхъ животныхъ подобныя предпріятія невозможны. Но мнѣ приходитъ иногда на мысль, что̀ еслибы эти подземныя животныя, столь различныя отъ нынѣшнихъ, могли сбросить съ себя могильный сонъ и явиться передъ нами во всемъ своемъ разнообразіи! Какое было бы это чудное зрѣлище! Но, чтобы наслаждаться этимъ зрѣлищемъ и наблюдать его, надо прежнихъ животныхъ поставить въ тѣ же физическія условія, въ какихъ находились они во время своего существованія; другими словами, для палеонтологическихъ садовъ потребовалось бы ни больше ни меньше, какъ возстановить всѣ условія, какія были на земной поверхности въ различныя эпохи ея образованія, потребовалось бы заставить нашу планету снова пережить всѣ свои возрасты. Безъ сомнѣнія, это мечта, которая никогда не можетъ осуществиться. Талисманъ осуществленія ея въ одной наукѣ. Одна наука въ состояніи собрать остатки прежней жизни и окружить ее тою самою природой, тѣмъ самымъ

Digitized by Google

климатомъ, въ которомъ она нѣкогда существовала. Картины берлинскаго художника служатъ яснымъ тому доказательствомъ.

Представляя читателю то что̀ сдѣлано въ наше время для наглядnаго и живаго изученія геологіи, мы желали только сказать, что посредствомъ этихъ пособій скорѣе можно достигнуть цѣли, нежели подробнымъ исчисленіемъ плановъ, особенно въ полулярномъ курсѣ, каково сочиненіе г. Куторги. Мысль наша не та, чтобы всѣ Унгеровы пейзажи были приложены къ учебному курсу, нѣтъ, это было бы слишкомъ дорого; достаточно приложить только нѣкоторые, съ болѣе замѣчательными измѣненіями въ характерѣ растеній и животныхъ. Карты Эли де-Бомона въ художественномъ отношеніи такъ просты, что не потребовали бы со стороны издателя значительныхъ издержекъ. Наконецъ, еслибы автору, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, нельзя было исполнить этого требованія, то можно ли но крайней мѣрѣ умолчать объ этихъ пособіяхъ?

Въ заключеніе нашей статьи мы сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній.

Пробѣгая разсматриваемое нами сочиненіе, особенно въ главной части его, въ описаніи формацій, мы почти нигдѣ не встрѣчали историческаго изложенія предмета. Обо всемъ говорится большею частью положительно. Даже не знаемъ, кому мы обязаны всѣми этими свѣдѣніями. Въ цѣлой главѣ о нептуническихъ формаціяхъ упоминается не болѣе, какъ о четырехъ или пяти извѣстныхъ ученыхъ! Какъ-будто вся наука создана самимъ авторомъ, или въ одно прекрасное утро упала съ луны! Странно! Чѣмъ же болѣе можно заставить разсуждать учащагося, какъ не историческимъ развитіемъ предмета? Притомъ, какъ не знать ему представителей изучаемой науки и не отдать имъ должной справедливости за ихъ безкорыстный трудъ? Можетъ случиться, что молодой человѣкъ не шутя полюбитъ нашу науку и захочетъ самъ заняться ею болѣе серьёзно и положительно: къ кому же онъ обратится за этими свѣдѣніями, къ какимъ источникамъ? У г. Куторги онъ не найдетъ указанія источниковъ, у него вовсе нѣтъ литературы геологіи.

Еще одно обстоятельство. Авторъ описываетъ довольно подробно русскія формаціи, которыя преимущественно были из-

Digitized by Google

слѣдованы въ два послѣднія десятилѣтія. И что же? Упоминаетъ объ одномъ Мурчисонѣ и Ле-Пле. Читателю или учащемуся невольно приходитъ на мысль, что̀же дѣлали русскіе ученые, или ихъ вовсе нѣтъ? Его не познакомили даже съ такими именами, каковы Пандеръ, Эйхвальдъ, Абихъ и Гельмерсенъ. А питомцы горнаго института? Самъ профессоръ Куторга? Этотъ пропускъ мы перенесли бы съ бо́льшимъ хладнокровіемъ, если бы авторъ, по своему обыкновенію, вовсе не упоминалъ ни объ одномъ геелогѣ, но, упомянувши о Мурчисонѣ и Ле-Пле, нельзя было не говорить о своихъ. Полковнику Озерскому мы очень благодарны за переводъ Мурчисона, но еще болѣе благодарны за то, что онъ въ своихъ прибавленіяхъ познакомилъ насъ съ заслугами русскихъ ученыхъ. Прочитавъ эти драгоцѣнныя прибавленія, невольно подумаешь, какіе же мы скромные труженики! Работаемъ, и много работаемъ, и никто объ этомъ не знаетъ, а все происходитъ оттого, что мы очень хладнокровны къ своему, и въ то же время почитаемъ за грѣхъ не сказать о Мурчисонѣ. Мы сами чрезвычайно уважаемъ ученыя заслуги Мурчисона, но это нисколько не мѣшаетъ намъ отдавать должную справедливость заслугамъ другихъ.

Наконецъ, мы желали бы видѣть въ сочиненіи г. Куторги болѣе легкій и правильный языкъ. Въ его слогѣ чрезвычайная неровность. Вездѣ проглядываетъ желаніе быть краткимъ и выразительнымъ, но краткость его (особенно отъ пропуска необходимыхъ глаголовъ) не рѣдко обращается въ темноту, а выразительность становится напыщенностью. Для этой же выразительности онъ прибѣгаетъ иногда къ сравненіямъ, но сравненія его не всегда отзываются эстетическимъ вкусомъ. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ описываетъ поднятыя горы. «Наибо́льшая часть горныхъ хребтовъ земнаго шара подъемнаго происхожденія: Гималайскій хребетъ, Уралъ, Балканы, Карпаты, Альпы, Кордильеры. Это огромные рты земли, ведущіе въ расплавленное зерно; губы ртовъ, — края долевыхъ трещинъ; языки, свидѣтельствующіе о расплавленномъ зернѣ, гранитные стержни горъ. Губы часто надрѣзаны въ сторону: это долевые переломы боковыхъ отроговъ главнаго хребта. Разрѣзы различной глубины, вдругъ черезъ обѣ губы, представляютъ поперечныя горныя долины, оживленныя живописными каска-

Digitized by Google

дами!; на ихъ отвѣсныхъ стѣнахъ, какъ на картинѣ, начертано все строеніе горнаго хребта; ихъ глубокое дно—удобный проходъ черезъ хребетъ. Складки земной коры между двумя горными отрогами называются долевыми долинами; ихъ обѣ стороны покаты; въ бороздѣ ихъ дна всегда бѣжитъ къ выходу ручей» (стр. 157). Можно ли читать такое описаніе горъ безъ особенно тяжелаго чувства? Попробуйте нарисовать въ своемъ воображеніи эту картину горы, состоящую изъ какихъ-то огромныхъ надрѣзанныхъ губъ и съ высунутыми языками. Невольно отвернешься отъ этого непріятнаго зрѣлища.

Сочиненіе профессора Куторги мы разсматривали только относительно общихъ положеній науки и сожалѣемъ, что не имѣемъ времени указать на частные промахи въ этой книгѣ, а ихъ много и очень много. Желательно, чтобы кто-нибудь занялся этимъ особо.

Г. Щуровскій.

Сентября 30-го дня
1858 г.

Digitized by Google

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ВѢРНОСТИ ВЪ РОМАНАХЪ И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА.

—

Въ № 32 «Атенея» напечатана статья по поводу новаго, недавно-законченнаго изданія сочиненій г. Лажечникова, въ которой, между прочимъ, находимъ слѣдующія строки: «По глубинѣ концепціи, оригинальности завязки, красотѣ отдѣльныхъ эпизодовъ и *замѣчательному пониманію духа описываемаго времени*, соединенному съ знаніемъ его быта въ малѣйшихъ подробностяхъ, романы эти («Басурманъ», «Ледяной домъ» и «Послѣдній Новикъ») составляютъ самое увлекательное и вмѣстѣ поучительное чтеніе... Нѣкорые, критики упрекали г. Лажечникова въ томъ, что въ созданіяхъ своихъ онъ не буквально воспроизводитъ историческія событія. Мы хотѣли вооружиться на такое странное обвиненіе...» и проч. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о романѣ «Колдунъ на Сухаревой башнѣ», рецензентъ прибавляетъ: «Г. Лажечниковъ, повидимому, хотѣлъ написать весь этотъ романъ въ формѣ писемъ. Четыре письма были напечатаны тому уже давно. *Въ нихъ превосходно обрисовались характеры фаворита Петра II, несчастнаго Ивана Алексѣевича Долгорукова*, старухи-матери его и вице-канцлера барона А. И. Остермана.»

Взглянемъ ближе, на-сколько справедливы эти вѣжливые отзывы, и такъ ли они безспорны, какъ кажутся автору статьи. Мы совершенно согласны съ нашимъ романистомъ и его рецензентомъ, что нельзя вмѣнять въ преступленіе сочинителю историческихъ романовъ и повѣстей двухъ, трехъ анахронизмовъ въ мѣсяцахъ или годахъ, но никакъ не анахронизмовъ въ обычаяхъ и нравовъ; его задача не въ томъ, чтобы быть рабомъ чи-

Digitized by Google

селъ; онъ долженъ быть вѣренъ только характеру эпохи и ея двигателей, которыхъ взялся изобразить. Вопросъ слѣдовательно идетъ не о буквальномъ воспроизведеніи всѣхъ подробностей историческихъ событій въ романахъ г. Лажечникова; нѣтъ, намъ желательно повѣрить, успѣлъ ли онъ съ должною осторожностью и правдою возсоздать характеры историческихъ дѣятелей. Остановимся на этотъ разъ на двухъ лицахъ, равно знаменитыхъ своимъ паденіемъ: на И. А. Долгорукомъ и Волынскомъ *.

Въ романѣ «Колдунъ на Сухаревой башнѣ» князь И. А. Долгорукой въ первомъ письмѣ своемъ къ статскому совѣтнику Финку извѣщаетъ его, что вскорѣ отправляется въ чужіе краи и прибавляетъ: «Хотя я съ вами долго жилъ и учился въ отечествѣ Лейбница и вашего любимаго преобразователя Лютера, *все-таки не мѣшаетъ еще поучиться*. Не прежде увижу Россію, какъ тогда, когда увижу надъ ней внука Петра Великаго и моего товарища дѣтства, моего задушевнаго друга! *О, тогда ожидайте перемѣнъ, и перемѣнъ большихъ. Россія, милое отечество! ты будешь счастлива*... Тогда и вы, любезнѣйшій наставникъ, постучитесь у моего сердца: будьте благонадежны, что *въ немъ найдете отголосокъ на все высокое и доброе. По вашимъ совѣтамъ переймемъ что-нибудь отъ Шведовъ*, которыхъ вы такъ хорошо знаете. *Тогда, Боже сохрани васъ сказать, что они живутъ счастливѣе насъ, Русскихъ: мы до этого нареканія васъ не допустимъ*... Еще одно порученіе— и самое важное. Передайте, какъ можно осторожнѣй, графинѣ Шереметевой Натальѣ Борисовнѣ, что есть человѣкъ, который за тысячи верстъ, при чужихъ дворахъ, подъ впечатлѣніями путевыхъ измѣненій, безпрестанно новыхъ, не перестаетъ... Нѣтъ, нѣтъ не говорите ей ничего обо мнѣ. Боюсь, чтобы эта гордая, возвышенная душа не оскорбилась вашими словами, какъ бы осторожно вы ихъ ни сказали. Пускай заочно, мысленно, сердечно повторю ей то, что̀ хотѣлъ вамъ передать...» Какимъ изъ этихъ, немногихъ, но живыхъ, дышащихъ откровенностью строкъ, долженъ представляться читателю князь Долго-

* По поводу «Басурмана» уже было высказано съ этой стороны нѣсколько дѣльныхъ замѣтокъ въ статьѣ *Дм. С. Пр— — —*, въ «Современникѣ» 1839 г., № 2, стр. 77—132.

Digitized by Google

рукой? Это пылкій юноша, получившій образованіе за границею подъ руководствомъ «изступленнаго поклонника новизны», Финка; онъ любитъ просвѣщеніе, готовъ еще поучиться; съ честолюбіемъ соединяетъ глубокій патріотизмъ, съ мечтами о благородной и полезной дѣятельности во славу роднаго края мечты первой юношеской любви, скромной, чистой и боязливой: по всему видно, авторъ готовитъ въ немъ героя романа и желаетъ возбудить къ нему симпатію читателя. Но таковъ ли онъ былъ, по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ историческихъ источниковъ? Къ сожалѣнію, мы должны отвѣчать отрицательно. Отецъ его, князь Алексѣй Григорьевичъ, человѣкъ безъ особенныхъ дарованій и безъ всякаго образованія, отличался ожесточенною ненавистью ко всему иноземному, фанатическою привязанностью къ старинѣ и ея обычаямъ, и былъ извѣстенъ только высокомѣріемъ, а не заслугами; могъ ли онъ, захотѣлъ ли бы дать своему сыну европейское воспитаніе? Конечно, нѣтъ. По свидѣтельству, занесенному въ «Сказанія о родѣ князей Долгорукихъ», князь Иванъ Алексѣевичъ воспитывался въ Польшѣ подъ надзоромъ дѣда своего, князя Григорія Ѳедоровича († 15 авг. 1723 года), и по кончинѣ его возвратился въ Россію; здѣсь жилъ онъ при отцѣ и далеко не могъ похвалиться любовью къ умственнымъ занятіямъ; праздное время было посвящаемо болѣе обаятельнымъ наслажденіямъ. Дюкъ Лирійскій, лично съ нимъ знакомый, говоритъ о князѣ И. А Долгорукомъ: «ума въ немъ было очень мало, а проницательности никакой, но зато много спеси и высокомѣрія, мало твердости духа и никакого расположенія къ трудолюбію; любилъ женщинъ и вино. Но въ немъ не было коварства. Онъ хотѣлъ управлять государствомъ, но не зналъ съ чего начать; могъ воспламеняться жестокою ненавистью, не имѣлъ воспитанія и образованія, — словомъ, былъ очень простъ.» По словамъ Манштейна, князь Иванъ Алексѣевичъ грубымъ обращеніемъ со всѣми, безъ разбора, и неуваженіемъ людей самыхъ пожилыхъ и почетныхъ, постоянно умножалъ число своихъ враговъ. Прибавимъ къ этому склонность къ разврату и готовность на самую бузумную дерзость, и мы будемъ имѣть довольно верный портретъ этого временщика. При такихъ нравственныхъ условіяхъ, какая политическая роль была ему по силамъ? Въ паденіи Меньшикова онъ является послушнымъ орудіемъ Остермана, который хитро

Digitized by Google

воспользовался его юношескою запальчивостью и сильною привязанностью къ нему Петра II: привязанность эта основывалась на близости лѣтъ и на страсти къ удовольствіямъ, свойственной ихъ возрасту. Любимый царственнымъ отрокомъ за свою угодливость и рѣзвую любезность, князь Иванъ Алексѣевичъ умѣлъ привязать его къ себѣ до того, что даже спа́лъ съ нимъ на одной постели. Самъ онъ ни по уму, ни по характеру не могъ быть и не былъ политическимъ дѣятелемъ; сдѣлавшись могучимъ *фаворитомъ*, онъ увлекъ государя въ одни безпрерывныя и утомительныя удовольствія, вымышлялъ для него разныя потѣхи и устроивалъ праздники; уроки были забыты и, вопреки совѣтамъ Остермана, царь, еще слишкомъ молодой и неопытный, нисколько не думалъ объ ученьи. Въ Москвѣ, разсказываетъ въ своихъ рукописныхъ запискахъ князь М. Щербатовъ, по мѣсяцу и болѣе отлученіе государево для ѣзды съ собаками (на охоту) останавливало теченіе дѣлъ; не смотря на погоду, ежедневно выѣзжали въ поле со множествомъ лошадей и собакъ и спокойно топтали хлѣба́, эту надежду земледѣльца; а по вечерамъ устроивались балы, продолжавшіеся во всю ночь. Кто желалъ угодить «роскошному» Долгорукому князю Ивану Алексѣевичу, тотъ, давалъ пиры со всею пышностью, не щадя своихъ богатствъ. Отецъ фаворита только и твердилъ, что о введеніи старинныхъ обычаевъ; дѣйствительное же управленіе государствомъ сосредоточивалось въ рукахъ Остермана.

Въ запискахъ Щербатова личность князя Ивана Алексѣевича обрисована такими яркими чертами, которыя устраняютъ всякую возможность идеализировать его подвиги: «Князь «И. А. Долгорукой (говоритъ авторъ) былъ молодъ, лю- «билъ распутную жизнь, и всѣми страстями, къ каковымъ «подвержены молодые люди, не имѣющіе причины обуздывать «ихъ, былъ обладаемъ. Пьянство, роскошь, любодѣяніе и на- «силіе мѣсто прежде-бывшаго порядку заступили. Въ примѣръ «сего, къ стыду того вѣка скажу, что слюбился онъ, или, лучше «сказать, взялъ на блудодѣяніе себѣ между прочими жену князя «Н. Е. Т., рожденную Головкину, и не токмо безъ вся- «кой закрытости съ нею жилъ, но при частыхъ съѣздахъ у «князя Т. съ другими своими младыми сообщниками пивалъ «докрайности, бивалъ и ругивалъ мужа, бывшаго тогда офице-

Digitized by Google

«ромъ кавалергардовъ, имѣющаго чинъ генералъ-маіора, и съ «терпѣніемъ стыдъ свой отъ прелюбодѣянія жены своей снося- «щаго. И мнѣ самому случилось слышать, что единажды бывъ «въ домѣ сего князя Тр—го, по исполненіи многихъ надъ нимъ «ругательствъ, хотѣлъ наконецъ выкинуть его въ окошко, и «если бы Степанъ Васильевичъ Лопухинъ, свойственникъ го- «даревъ по бабкѣ его Лопухиной, первой супругѣ Петра Вели- «каго, бывшій тогда камеръ-юнкеромъ у двора и въ числѣ лю- «бимцевъ князя Долгорукова, сему не воспрепятствовалъ, то «бы сіе исполнено было. Но любострастіе его одною или многи- «ми не удовольствовалось; согласіе женщины на блудодѣяніе «уже часть его удовольствія отнимало, и онъ иногда пріѣзжаю- «щихъ женщинъ изъ почтенія къ матери его—затаскивалъ къ «себѣ и насиловалъ. Окружающіе его однородцы и другіе моло- «дые люди, самымъ распутствомъ дружбу его пріобрѣтшіе, се- «му примѣру подражали, и можно сказать, что честь женская «не менѣе была въ безопасности тогда, какъ отъ Турковъ во «взятомъ градѣ.» Этотъ строгій отзывъ подтверждается и пока- заніемъ Ѳеофана Прокоповича: «Но скоро явилось, что Иванъ «сей пагубу паче, нежели помощь, роду своему приносилъ, по- «неже бо и природою былъ злодерзостенъ, и еще къ тому толи- «кимъ счастіемъ надменный, ни о чемъ не думалъ, не только «весьма всѣхъ презиралъ, но и многимъ зѣло страхъ задавалъ, «однихъ возвышая, а другихъ низлагая, по единой прихоти «своей, а самъ на лошадяхъ, окружась драгунами, часто по «всему городу необычнымъ стремленіемъ, какъ бы изумленный, «скакалъ; но и по ночамъ въ честные домы вскакивалъ *гость «досадный и страшный*, ибо толикой продерзости пришелъ, «что, кромѣ зависти нечаянной славы, уже и праведному все- «народному ненавидѣнію, какъ самого себя, такъ и всю фами- «лію свою аки бы нарочно подвергалъ.» Могъ ли такой чело- вѣкъ питать къ женщинѣ чувство истинной, стыдливой и скром- ной привязанности? По крайней мѣрѣ, въ этомъ позволительно сомнѣваться. Графиня Наталья Борисовна Шереметева, по соб- ственному ея признанію, *не имѣла съ нимъ никакого знаком- ства* прежде нежели онъ сдѣлался ея женихомъ. Бракъ этотъ легко могъ состояться, ибо для обѣихъ сторонъ казался и вы- годнымъ, и приличнымъ. Князь Иванъ Алексѣевичъ былъ «пер-

Digitized by Google

вой въ государствѣ персоною»; а графиня Наталья Борисовна считалась тогда первою невѣстой по знаменитости своего рода, богатству и красотѣ. Объявленная невѣстою, она скоро и искренно увлеклась молодымъ, красивымъ и знатнымъ женихомъ своимъ. «Я тогда, говоритъ она сама, ничего не разумѣла; молодость лѣтъ не допускала ни о чемъ предбудущемъ разсуждать, а радовалась, видя себя цвѣтущею въ такомъ благополучіи. Казалось, ни въ чемъ нѣтъ недостатка; милый человѣкъ въ глазахъ, а притомъ природныя чести, богатство, отъ всѣхъ людей почтеніе, всякой ищетъ милости, рекомендуется подъ мою протекцію, — подумайте, будучи дѣвкою въ 15 лѣтъ такъ обрадованной, я не иное что́ воображала, какъ вся сфера небесная для меня перемѣнилась!» Что же во всемъ этомъ сходнаго съ тѣмъ изображеніемъ, какое угодно было нарисовать г. Лажечникову? Трагическая судьба рода князей Долгорукихъ, быстрое возвышеніе и паденіе князя Ивана Алексѣевича и благородный, возвышенный характеръ его жены, бывшей графини Шереметевой, придали несчастіямъ злополучнаго *фаворита* особенное примиряющее значеніе и возбудили къ нимъ живое чувство симпатіи и состраданія: но это прекрасное чувство, пробивающееся изъ лучшихъ источниковъ нашей души, не должно закрывать отъ насъ истины; во имя его не должны мы щедрою рукой расточать свѣтлыя краски на изображеніе тѣхъ личностей, которыя требуютъ болѣе мрачнаго колорита. И развѣ не лучше, не полнѣе характеризуетъ эпоху то грустное обстоятельство, что именно люди, слишкомъ далекіе отъ героизма и высокихъ стремленій, всплывали на верхъ и готовы были дерзко насмѣяться надъ всѣми правами человѣчества?

Должно, однако, сознаться, что подобная ошибка, ведущая къ идеальнымъ представленіямъ историческихъ личностей только изъ участія къ ихъ трагической судьбѣ, весьма обыкновенна; ее вмѣстѣ съ романистами нерѣдко раздѣляютъ и самые историки. Ошибка эта повторяется и въ характеристикѣ Волынскаго — въ романѣ «Ледяной домъ». Еще Пушкинъ, съ свойственнымъ ему вѣрнымъ критическимъ тактомъ, замѣтилъ по поводу этого романа, что истина историческая въ немъ не соблюдена, и это, по его мнѣнію, со временемъ, когда дѣло Волынскаго будетъ обнародовано, должно повредить созданію г. Лажечнико-

Digitized by Google

ва. Теперь обнародована подробная и тщательно составленная записка изъ этого дѣла (см. Чтенія общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ, 1858 г., кн. 2, смѣсь, стр. 135 — 170), и отзывъ поэта находитъ въ ней осязательное подтвержденіе.

Какимъ изображаетъ намъ Волынскаго авторъ «Ледянаго дома?»—Это одинъ изъ красивѣйшихъ мущинъ, и по наружности нельзя дать ему болѣе 30 лѣтъ, хоть онъ и старѣе; «огонь черныхъ глазъ его имѣетъ такую силу, что тотъ, на комъ онъ ихъ останавливаетъ, невольно потупляетъ свои: даже замужнія, бойкія женщины приходятъ отъ нихъ въ смущеніе, а прихожимъ дѣвицамъ мамки строго наказываютъ на куртагахъ беречься пуще огня глаза Волынскаго, отъ котораго не одна погибла ихъ сестра.» Съ обольстительною красотой онъ соединяетъ юношескую способность увлекаться, мечтать и «видѣть въ фантазіи переплетенные огнемъ шифры, пылающіе алтари, потаенныя бесѣдки, всю фантасмагорію влюбленныхъ.» Въ сердечныхъ привязанностяхъ своихъ онъ не простой волокита, но пылкій, безумный любовникъ, и какія страстныя, реторически-подкрашенныя посланія пишетъ онъ къ *божественной* Маріорицѣ! (См. ч. I, стр. 134.) Его любовныя признанія достойны семнадцатилѣтняго юноши, воспитаннаго на французскихъ романахъ позднѣйшаго времени. Но это только одна сторона характера Волынскаго. Вообще, онъ является передовымъ человѣкомъ своего суроваго вѣка. Въ домѣ его нѣтъ ни шутовъ, ни дуръ: «ужь поэтому можно судить, что Волынскій, смѣло пренебрегая обычаями времени, опередилъ его»; его щедрость, чувствительность и благородство превозносятся до небесъ; въ отношеніи къ слугамъ своимъ онъ добрый, милостивый господинъ, и наказанія его — и то за важный проступокъ — ограничиваются однимъ удаленіемъ провинившагося отъ барскаго лица: «не баринъ, а родной отецъ!» говорятъ о немъ дворовые. Въ душѣ его владычествуютъ страсти добрыя и худыя, и все въ немъ непостоянно, кромѣ чести и любви къ отечеству, и еслибъ порывы пламенной души Волынскаго не разрушали иногда созданій ума его, то Россія имѣла бы въ немъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ министровъ. Любя отечество выше всего, онъ готовъ открыто бросать громы красно-

Digitized by Google

рѣчія на притѣсненія и ябеду, готовъ уступить политическое первенство и быть хоть десятымъ, но за человѣкомъ, который бы дѣлалъ Россію счастливою; тѣмъ съ бо́льшимъ негодованіемъ долженъ былъ смотрѣть онъ на ужасы Бирона могущества. Одинъ Волынскій, съ своими друзьями, не склоняетъ передъ нимъ своего благороднаго чела и ищетъ случая, открывъ все государынѣ, вырвать изъ его рукъ орудія казни. А Бирону, добиваясь возможности погубить своего соперника, не только не показываетъ, что оскорбляется его гордостью; напротивъ, старается быть къ нему особенно внимательнымъ и при всякомъ случаѣ обращаетъ на него милости государыни. Получивъ въ награду 20,000 р. по поводу заключеннаго съ Турками мира, Волынскій въ романѣ г. Лажечникова восклицаетъ: «А! временщикъ думаетъ купить меня; но ошибается. Что́ бы ни было, не продамъ выгодъ своего отечества ни за какія награды и милости!» Въ другой разъ онъ выражается еще сильнѣе: «Какъ? изъ того, что я могу навлечь на себя немилости, пожалуй ссылку, что могу себя погубить, смотрѣть мнѣ равнодушно на раны моего отечества, слышать безъ боли крикъ русскаго сердца, раздающійся отъ края Россіи до другаго!» Самъ Бирон признается, что этого человѣка ничѣмъ не задобришь и не испугаешь. Волынскій постоянно говоритъ ему грубыя колкости и наконецъ безъ докладу врывается въ его кабинетъ, чтобы бросить въ него нѣсколько фразъ. Друзья Волынскаго — всѣ заклятые враги неправды, непоколебимые столбы отечества, способные забыть себя для общественнаго блага; они не боятся говорить истину передъ сильными за утѣсненныхъ, не избираютъ кривыхъ путей въ своихъ дѣйствіяхъ даже противъ враговъ, и вездѣ — въ сенатѣ, во дворцѣ, передъ Государынею, готовы обличать зло.

Таковъ Волынскій въ романѣ г. Лажечникова: таковъ ли онъ на самомъ дѣлѣ? — Нѣтъ и нѣтъ! Манштейнъ увѣряетъ, что онъ былъ человѣкъ съ умомъ, но тщеславный, напыщенный, сварливый, *любилъ подыскиваться* и не умѣлъ скрывать этихъ недостатковъ. Изъ слѣдственнаго дѣла видно, что, подобно большей части тогдашнихъ вельможъ, онъ не чуждъ былъ взятокъ: еще гораздо раньше несчастнаго столкновенія его съ Бирономъ, Волынскій былъ обвиняемъ и самъ винился въ

Digitized by Google

самовольномъ сборѣ съ иновѣрцевъ Казанской губерніи; государыня не только простила его, но вскорѣ еще пожаловала въ званіе оберъ-егермейстера, а по смерти графа Левенвольда поручила ему въ управленіе придворную конюшенную часть. При допросахъ, человѣкъ его, Василій Кубанецъ, показалъ, что Волынскій, будучи въ Казани губернаторомъ, бралъ съ Татаръ и купцовъ взятки, а сдѣлавшись министромъ, — съ разныхъ другихъ лицъ; у нѣкоторыхъ, подъ видомъ займа, вымогалъ многія тысячи безъ росписокъ, отъ другихъ получалъ въ подарокъ лошадей, мѣха, богатыя парчи, китайскія рѣдкости, съѣстные припасы, при чемъ и онъ, Кубанецъ, съ секретаремъ Гладковымъ, имѣли свои выгоды; нерѣдко и казенныя деньги употреблялъ на собственные расходы; самыя мѣста чиновникамъ раздавалъ за подарки. Кабинетный секретарь Яковлевъ обвинялъ Волынскаго въ личной злобѣ на себя за то будто, что онъ не скрылъ присланнаго изъ Астрахани рапорта о тайнопровезенномъ въ этотъ городъ винѣ человѣкомъ Волынскаго; уличалъ его въ произвольныхъ поборахъ въ Казани съ иновѣрцевъ, сверхъ положенія — на многія тысячи, хотя повинную принесъ только въ 3,000 р., въ неплатежѣ пошлинъ съ хлѣба и хмелю по винокуреннымъ заводамъ и въ держаніи у себя казенныхъ людей для собственныхъ услугъ. Показанія о взяткахъ Волынскій подтвердилъ добровольнымъ сознаніемъ, но съ оговоркою, что не вымогалъ, а бралъ ихъ отъ сущаго своего недостатка, что если и тратилъ изъ казенныхъ суммъ отъ сотни до тысячи рублей, то всегда ихъ возвращалъ. На недостаточность состоянія, впрочемъ, онъ не могъ жаловаться: у него было около 2,000 душъ крестьянъ; въ Казанскомъ уѣздѣ большой винокуренный заводъ, откуда ставилъ онъ вино въ Москву, Казань, Симбирскъ и Чебоксары; въ обѣихъ столицахъ, въ подмосковномъ селѣ Вороновѣ и на четырехъ конскихъ заводахъ въ губерніяхъ были у него лошади нѣмецкой, неаполитанской, черкасской, грузинской, турецкой и калмыцкой породъ; онъ имѣлъ нѣсколько дворовъ въ С.-Петербургѣ и одинъ въ Москвѣ; въ описи конфискованныхъ его имуществъ тринадцать страницъ занято исчисленіемъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, а девятнадцать страницъ исчисленіемъ золотыхъ и серебряныхъ вещей; также богаты были его гардеробъ, конскіе

Digitized by Google

уборы, оружіе и мягкая рухлядь. Въ С.-Петербургѣ находилось при немъ 60 человѣкъ дворни. — Мягкостью, человѣчностью характера Волынскій вовсе не отличался. Ослѣпленный счастіемъ и вспыльчивый отъ природы, онъ былъ высокомѣренъ и дерзокъ на руку. Въ письмахъ графа Салтыкова къ нему есть увѣщанія держать себя умѣреннѣе. «Я вѣдаю (пишетъ графъ), что друзей вамъ почти нѣтъ и никто съ добродѣтелью о имени вашемъ и помянуть не хочетъ. На кого осердишься, велишь бить при себѣ и самъ изъ своихъ рукъ бьешь: что въ томъ хорошаго? Всѣхъ на себя озлобилъ!» Въ дѣлахъ — много примѣровъ его жестокости: за несниманіе шапки полицейскими служителями, проходившими мимо его двора, онъ подвергалъ ихъ тяжкому наказанью кошками; одного изъ конюшенныхъ служителей заставлялъ нѣсколько часовъ ходить вокругъ столба по деревяннымъ спицамъ; мичмана кн. Мещерскаго посадилъ на деревянную кобылу, вымаравъ ему лицо сажею, и привязалъ къ его ногамъ гири и живыхъ собакъ, и т. п. Но дѣла эти были оставляемы безъ всякаго изслѣдованія: одни боялись на него жаловаться, а жалобы другихъ оставлялись безъ удовлетворенія. Яковлевъ обвинялъ его въ ругательствахъ и побояхъ, наносимыхъ просителямъ; исторія съ Тредьяковскимъ слишкомъ убѣдительно подтверждаетъ это обвиненіе. — Во время слѣдствія, Волынскій не показалъ ни благородства, ни твердости духа; надменный въ счастіи, онъ становится передъ слѣдователями на колѣни, кланяется и проситъ милости. Не таковъ былъ Остерманъ, когда взвели его на плаху! *Борьба* Волынскаго съ Бирономъ, строго говоря, не заслуживаетъ этого названія. Гдѣ и когда выступалъ онъ прямо противъ могучаго временщика? Несчастное прошеніе его на имя Императрицы, послужившее поводомъ къ обвиненію Волынскаго, по отзыву современниковъ, было «самой портретъ Остермана», и сочинитель возилъ его въ нѣмецкомъ переводѣ показывать герцогу. Очевидно, вражда главнымъ образомъ была направлена на Остермана, этого знаменитаго умомъ и хитростію министра своего времени; но съ нимъ трудно было совладать и не Волынскому. Остерманъ сумѣлъ возстановить противъ него герцога: честолюбіе Волынскаго, неосторожныя его фразы и недавнее дерзкое самоуправство въ покояхъ Бирона

Digitized by Google

съ Тредьяковскимъ,—все было истолковано и пущено въ ходъ. Когда неожиданно для Волынскаго послѣдовало запрещеніе пріѣзжать ему ко двору, онъ свѣдалъ отъ своихъ пріятелей о гнѣвѣ герцога, думалъ въ тотъ же день умилостивить его, но не былъ допущенъ. Гдѣ же тутъ благородный патріотизмъ? Гдѣ возвышенныя чувства въ борьбѣ съ временщикомъ за счастіе родины и святость человѣческихъ правъ?

Авторъ «Ледянаго дома» думаетъ оправдать себя въ искаженіи исторической истины тѣмъ, что слѣдствіе надъ Волынскимъ ведено людьми, ему непріязненными. «Безпристрастная исторія, говоритъ онъ, спроситъ: кѣмъ, при какихъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ оно было составлено, кто были слѣдователи?» Совершенно справедливо, и мы вовсѣ не думаемъ доказывать, да и ни кто не захочетъ утверждать, что судъ надъ Волынскимъ совершенъ законно. «Мнѣ, говоритъ князь Щербатовъ, случилось слышать отъ самой Императрицы (Екатерины II), что она, прочетши съ прилежностью дѣло Волынскаго, запечатавъ, отдала въ Сенатъ съ надписаніемъ, дабы наслѣдники ея прилежно прочитывали оное и остерегались бы учинить такое неправосудное безчеловѣчіе». То же чувство возбуждается чтеніемъ извлеченной изъ дѣла записки, которою мы сейчасъ пользовались. Волынскаго осудили Шемякинымъ судомъ въ такихъ преступленіяхъ, о которыхъ ему и на мысль не приходило, осудили за то, будто онъ питалъ на Государыню злобу, поносительно отзывался о Высочайшей фамиліи, сочинялъ злодѣйскія разсужденія съ укоризною настоящаго управленія, причиталъ свое потомство къ наслѣдію Россійскаго престола, и проч. Но это еще не дастъ права отвергать всѣ сподрядъ указанія, находимыя въ слѣдственномъ дѣлѣ. Чтобы погубить Волынскаго, достаточно было обвинить его въ важныхъ государственныхъ преступленіяхъ, и не за чѣмъ было нарочно сочинять обвиненія въ жестокомъ обращеніи и взяткахъ, — обвиненія, которыя и самими слѣдователями цѣпились не высоко; они изо всѣхъ силъ добивались сдѣлать изъ Волынскаго преступника, опаснаго для самодержавной власти; къ этому клонились всѣ допросы и пытки, а вовсѣ не къ тому, чтобы уличить его въ лихоимствѣ и дерзкомъ обхожденіи съ подчиненными и просителями. Послѣднія обвиненія сами по себѣ не могли бы навлечь

Digitized by Google

на Волынскаго тѣхъ бѣдствій, какимъ предавали его Остерманъ и Бирономъ; важныя въ глазахъ историка, для возсозданія нравственнаго образа Волынскаго, они не имѣли той цѣны въ глазахъ его враговъ. Во взяткахъ онъ уличенъ еще прежде, и это нисколько не повредило его служебному возвышенію; жалобы на жестокое обращеніе Волынскаго (если и находились такіе храбрецы, что рѣшались на него жаловаться!) оставлялись безъ всякаго вниманія, пока не подвергся онъ гнѣву Бирона: что за бѣда, что кабинетъ-министръ былъ грубъ съ своимъ секретаремъ и скоръ на собственноручную расправу съ надоѣдавшими ему просителями! Теперь же все это само-собою всплыло наверхъ, пользуясь благопріятнымъ временемъ; ибо теперь готовы были выслушать обиженныхъ и удовлетворить ихъ: не такъ были бы приняты они въ прежнюю пору! Слѣдственное дѣло важно еще потому, что обнаруживаетъ крайнюю слабость духа Волынскаго и объясняетъ его отношенія къ герцогу, нисколько не отличающіяся ни прямотою, ни самостоятельностью. Къ Бирону везетъ онъ показывать письмо свое, направленное противъ Остермана; Бирона ѣдетъ онъ умилостивлять при первыхъ слухахъ о его гнѣвѣ: настоящее поведеніе Волынскаго далеко отъ героизма и не знаетъ той благородной гордости, какою дышатъ слова и дѣйствія его въ романѣ г. Лажечникова.

Даже и вымышленный, исторически-невѣрный характеръ Волынскаго въ романѣ «Ледяный домъ» не имѣетъ достаточной выдержанности. Въ борьбѣ съ Бирономъ кабинетъ-министръ потому только теряетъ побѣду, что пылкая любовь къ Маріорицѣ затемнила его политическій разумъ. Участіе къ этой любви Анны Ивановны и желаніе ея соединить любовниковъ—ниже всякой критики; отношенія ея къ Бирону не таковы были, чтобъ она рѣшилась пожертвовать ими любовному увлеченію Волынскаго. Страсть послѣдняго къ Маріорицѣ въ томъ видѣ какъ она представлена въ романѣ, обличаетъ въ немъ не министра, не вельможу, опытнаго въ придворной борьбѣ, а семнадцати-лѣтняго юношу, плѣненнаго смазливымъ личикомъ: ему чудятся пылающія сердца и алтари, онъ является на тайныя свиданія чуть не на улицѣ, пишетъ самыя чувствительныя посланія. Какъ соединить эту черту характера съ его лѣтами,

Digitized by Google

политическимъ положеніемъ и еще болѣе съ его умомъ? Автору необходима была пламенная любовь (что и за романъ безъ любви!), и онъ не усомнился надѣлить этимъ чувствомъ Волынскаго, далъ ему для бо́льшаго эффекта жену и отнялъ дѣтей, подарилъ его обаятельною красотой, нѣжнымъ сердцемъ и прекраснымъ слогомъ. Положимъ, что онъ не прочь былъ приволокнуться, но дѣлалъ это по-свóему: въ числѣ дворовыхъ людей Волынскаго, слѣдственное дѣло упоминаетъ двухъ побочныхъ его сыновей: Нѣмчинова—19 лѣтъ, и Курочкина 7 лѣтъ. Для него не нужно было возвышенной любви Маріорицы; въ своей дворнѣ онъ находилъ и болѣе дешевыя и менѣе опасныя наслажденія! Но авторъ правъ: если характеръ Волынскаго измѣненъ имъ въ самыхъ существенныхъ его чертахъ, то, конечно, нечего было церемониться съ подобными мелочами... Далѣе: въ исторіи привязанности Волынскаго къ Маріорицѣ Тредьяковскій играетъ роль переносчика любовныхъ записокъ, и потому является человѣкомъ, близкимъ и необходимымъ кабинетъ-министру. «Да, говоритъ Волынскій своему секретарю, Василій Кириловичъ въ глазахъ моихъ великій, неоцѣненный человѣкъ: не онъ ли выучилъ Маріорицу первому слову, которое она сказала по-русски? И еслибы ты зналъ, какое слово! Въ немъ заключается краснорѣчіе Демосѳеновъ и Цицероновъ, вся поэзія избранной братіи по Аполлону»... На самомъ дѣлѣ, отношенія ихъ имѣли другаго рода близость. Тредьяковскій долженъ былъ написать стихи для шутовской свадьбы, и «благородный патріотъ» Волынскій, ревностно занимавшійся устройствомъ этого празднества, въ безразсудномъ гнѣвѣ на придворнаго піита прибилъ его по щекамъ. На другой день послѣ печальнаго событія, Тредьяковскій отправился во дворецъ, въ покои герцога — просить защиты, встрѣтился тамъ съ Волынскимъ; этотъ нанесъ ему еще нѣсколько ударовъ и отослалъ въ маскарадную коммиссію; здѣсь содержали его два дня подъ карауломъ и били, по приказанію кабинетъ-министра, палкою: всѣхъ ударовъ дано около сотни. Освобожденный изъ-подъ ареста, Тредьяковскій тогда же, 10-го февраля (то-есть за два мѣсяца до учрежденія слѣдственной коммиссіи надъ Волынскимъ), письменно рапортовалъ объ этомъ происшествіи академіи наукъ. Свидѣтельство профессора медицины Дювер-

Digitized by Google

нуа доказываетъ, что у него была избита вся спина отъ самыхъ плечъ далѣе поясницы и подбитъ лѣвый глазъ. «Пусть на меня сердятся, говорилъ Волынскій, а я себя потѣшилъ и свое взялъ!» Впрочемъ, онъ не забылъ извиниться передъ Бирономъ въ нарушеніи должнаго уваженія къ его высокогерцогскимъ покоямъ. Г. Лажечниковъ говоритъ: «Волынскій поступилъ съ нимъ (Тредьяковскимъ) жестоко, *пожалуй* (!) безчеловѣчно, если все то правда, что въ донесеніи написано». А почему же нѣтъ? происшествіе—въ духѣ времени, сходно съ другими показаніями о характерѣ Волынскаго и засвидѣтельствовано профессоромъ Дювернуа; наконецъ оно случилось еще тогда, когда ни Тредьяковскій, ни Дювернуа не могли и предчувствовать близкаго паденія *патріота* – Волынскаго. Г. Лажечниковъ оправдываетъ своего героя грубыми нравами того времени; но вѣдь это оправданіе не исключаетъ совершенно всякой отвѣтственности, и сверхъ того оно въ равной степени должно простираться и на Тредьяковскаго, и на Бирона. Зачѣмъ же придавать одному лицу ненужный блескъ, а на другихъ налагать слишкомъ мрачныя тѣни? Мы не беремся защищать нравственный характеръ Тредьяковскаго: пускай онъ вѣрилъ пословицѣ, что за всякимъ тычкомъ не угоняешься; но чѣмъ же Волынскій лучше? Позоръ одинаково долженъ падать и на того, кто принимаетъ пощечины, и на того, кто раздаетъ ихъ! — Упрекали меня, прибавляетъ романистъ, въ томъ, что я заставилъ Тредьяковскаго говорить какъ педанта; но вѣдь онъ въ самомъ дѣлѣ былъ педантъ. Такъ, но все же онъ могъ говорить по-человѣчески. Въ предисловіи своемъ къ переводу книги: «Ѣзда на островъ любви» онъ проситъ читателей не гнѣваться, что перевелъ ее не славянскимъ языкомъ, который ему кажется теменъ и жестокъ ушамъ, а простымъ русскимъ слогомъ, *каковымъ мы межъ собой говоримъ*. Если Тредьяковскій высказалъ это весьма замѣчательное по времени желаніе приблизить книжный прозаическій языкъ къ простому разговорному, неужели могъ онъ говорить такимъ напыщеннымъ и страннымъ языкомъ, какимъ заставляетъ говорить его г. Лажечниковъ? Къ чему эти яркія, суздальскія краски? Отъ нихъ изображеніе ничего не выигрываетъ въ достоинствѣ, а только кидается въ глаза своею неизящною пестротой. Зачѣмъ, напри-

Digitized by Google

мѣръ, въ кабинетѣ Тредьяковскаго очутилась хлопушка для мухъ? (Ч. IV, стр. 40.)

Наконецъ, еще одна замѣтка: замѣчаніе Пушкина о характерѣ Бирона вовсе не такъ ничтожно, какъ показалось почтенному автору «Ледянаго дома». Не оправдывая и нисколько не желая оправдывать Бирона въ его политической дѣятельности, мы однако считаемъ нужнымъ сказать, что, въ видахъ исторической истины, прежде произнесенія надъ нимъ окончательнаго приговора, необходимо всѣ его дѣйствія подвергнуть осторожной и тщательной критической провѣркѣ, основанной на близкомъ знакомствѣ и съ напечатанными, и еще болѣе съ неизданными матеріалами. Князь Щербатовъ называетъ Бирона гордымъ, злымъ, кровожаднымъ человѣкомъ, безъ малѣйшаго просвѣщенія, правленіе его — тираническимъ; но тѣмъ не менѣе прибавляетъ: «хотя трепеталъ весь дворъ, хотя не было ни единаго вельможи, который бы отъ злобы Бирона не ждалъ себѣ несчастія, но народъ былъ порядочно управляемъ, не былъ отягощенъ налогами, законы издавались ясны, а исполнялись въ точности; страшилися вельможи подать какую-либо причину къ несчастію своему, а не бывъ ими защищаемы, страшились и судьи что̀ неправое сдѣлать, мздоимству коснуться».

А. Аѳанасьевъ.

Digitized by Google

ЭМЕ БОНПЛАНЪ,

другъ и товарищъ А. Гумбольдта.

(Окончаніе.)

«Кто не плавалъ по большимъ рѣкамъ равноденственныхъ странъ Америки, замѣчаетъ Гумбольдтъ, напримѣръ по Ориноко и Магдаленѣ, тотъ не можетъ составить себѣ понятія о безпрерывныхъ мученіяхъ, претерпѣваемыхъ отъ кишащихъ въ воздухѣ насѣкомыхъ, тому трудно объяснить, почему огромныя пространства земли остаются почти необитаемыми вслѣдствіе безчисленнаго множества такихъ животныхъ. При всемъ навыкѣ къ безропотному перенесенію боли, при всѣмъ участіи къ изслѣдуемымъ предметамъ, нѣтъ никакой возможности, чтобы вниманіе не развлекалось безпрестанно *москитами*, *сандуками*, *хегенами* и *темсанерами*, которыя облѣпляютъ лицо и руки, проникаютъ своими жалами сквозь платье и набиваются въ ротъ и въ носъ до того, что если вздумаешь заговорить на воздухѣ, то непремѣнно начнешь чихать и кашлять». Въ другомъ мѣстѣ, описывая плаваніе по Калаквіарѣ, Гумбольдтъ разсказываетъ: «Часто мы хотѣли выйдти на берегъ и не находили возможности ступить изъ лодки. Иногда подъ вечеръ, когда солнце уже склонялось къ закату, мы по цѣлому часу искали на берегу не поляны въ лѣсу (ихъ тамъ нѣтъ), но по крайней мѣрѣ не слишкомъ густо заросшаго мѣстечка, гдѣ Индѣйцы съ большимъ трудомъ и съ помощью топора могли бы расчистить пространство, достаточное для ночлега двѣнадцати или тринадцати человѣкамъ. Москиты, которые терзали насъ въ продолженіе дня, по ночамъ цѣлыми роями набивались подъ навѣсъ изъ пальмовыхъ листьевъ, устроенный надъ пирогою; лицо и руки никогда не распухали у насъ до такой степени. Патеръ Целль, который до сихъ поръ хвалился, что у него въ миссіяхъ водятся самые крупные и самые злые москиты, постепенно началъ сознаваться, что насѣкомыя на Калаквіарѣ ку-

Digitized by Google

саются больнѣе всѣхъ, которыхъ жала случалось ему отвѣдать. Среди самаго густаго лѣса, мы часто затруднялись достать дровъ для разведенія огня, потому что въ этихъ равноденственныхъ странахъ, вслѣдствіе безпрестанныхъ дождей, сучья деревъ до такой степени бываютъ сочны, что почти вовсе не горятъ. Гдѣ нѣтъ выжженныхъ солнцемъ побережьевъ, тамъ нѣтъ никакой возможности достать стараго, сухаго дерева, про которое Индѣйцы говорятъ, что оно изжарилось на солнцѣ. Впрочемъ огонь былъ намъ нуженъ только какъ предохранительное средство отъ дикихъ звѣрей; что же касается до съѣстныхъ припасовъ, то у насъ наступилъ такой недостатокъ въ нихъ, что для приготовленія кушанья намъ почти не требовалось огня.»

Наконецъ, однакожь, оправдались слова самого Гумбольдта: что изо всѣхъ физическихъ страданій самыя несносныя тѣ, которыя длятся однообразно и противъ которыхъ нѣтъ другаго средства, кромѣ безконечнаго терпѣнія. «Прибывъ въ Ангостуру послѣ нашего путешествія по рѣкѣ, разсказываетъ онъ, мы уже чувствовали усталость и разслабленіе, но, покуда, все еще были совершенно здоровы. Бонпланъ началъ пересматривать небольшое количество собранныхъ растеній, которыя онъ старался уберечь отъ вліянія сыраго климата; я же занялся опредѣленіемъ долготы и широты главнаго города, посредствомъ астрономическихъ наблюденій, и изслѣдованіемъ отклоненія магнитной стрѣлки.

«Эти работы скоро были прерваны болѣзнью, постигшей насъ обоихъ почти въ одинъ день и принявшей у моего спутника характеръ злокачественной лихорадки. Воздухъ въ Ангостурѣ былъ въ то время чрезвычайно здоровъ, и такъ какъ у единственнаго слуги нашего, Мулата, котораго мы привезли съ собою изъ Куманы, обнаружились припадки той же самой болѣзни, то лица, ухаживавшія за нами со всевозможнымъ попеченіемъ, почти не сомнѣвались, что мы вынесли зародышъ этого тифа изъ сырыхъ кассаквіарскихъ лѣсовъ. Бонпланъ былъ очень труденъ и мы боялись за него нѣсколько недѣль; но къ счастью онъ сохранилъ столько силы, что могъ самъ себя пользовать. Лихорадка была очень упорна, и на бѣду—какъ это почти всегда бываетъ въ тропическихъ странахъ — къ ней присоединился еще кровавый поносъ. Въ продолженіе этой мучительной болѣзни Бонпланъ не потерялъ ни твердости духа, ни спокойствія характера, которыя вообще никогда не оставляли его даже въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ жизни. Нѣсколько дней лихорадка все усиливалась и дошла до ужасной степени, потомъ начала постепенно утихать. Воспаленіе въ кишкахъ прошло, но выздоровленіе больнаго подвигалось чрезвычайно медленно, какъ это обыкновенно бываетъ у Европейцевъ, еще не

Digitized by Google

совершенно свыкшихся съ климатомъ. Время дождей приближалось, а для того, чтобы возвратиться къ Куманскимъ берегамъ, надобно было снова пройдти на половину затопленные льяны, гдѣ рѣдко встрѣтишь кровъ, и гдѣ нѣтъ другой пищи, кромѣ высушеннаго на солнцѣ мяса. Боясь подвергнуть Бонплана опасному рецидиву, мы рѣшились остаться въ Ангостурѣ до 10-го іюля.» Намѣреніе путешественниковъ было пробраться черезъ Венесуэлу въ Кубу, а оттуда въ Мексику; потомъ они хотѣли прожить годъ въ Новой Испаніи, переправиться на акапулькскомъ галліотѣ въ Манилью и возвратиться въ Европу черезъ Бассору и Алеппъ.

Затрудненія, испытанныя путешественниками въ первый годъ, могутъ дать нѣкоторое понятіе о безднѣ препятствій, съ которыми приходилось имъ безпрестанно бороться во время ихъ странствованія. Гдѣ представлялось менѣе опасности со стороны климата и дикихъ, пустынныхъ мѣстностей, тамъ начиналъ угрожать имъ человѣкъ, то въ видѣ разбойника, то въ видѣ даже самихъ правительствъ. Такъ, напримѣръ, во время вторичнаго прибыванія въ Куманѣ, Бонпланъ, прогуливаясь по морскомъ берегу, встрѣтился съ однимъ Самбо *, который сшибъ его съ ногъ дубиною и вѣроятно бы поранилъ, потому что уже схватился за ножъ, еслибы не подоспѣли другіе гуляющіе, при видѣ которыхъ разбойникъ обратился въ бѣгство. Бразильскія начальства, узнавъ, вѣроятно, изъ газетъ, что путешественники пробираются отъ Ріо-Негро къ Амазонской рѣкѣ и имѣютъ въ виду изслѣдовать взаимную связь перепутанныхъ между собой рѣчныхъ системъ, отдали съ своей стороны приказаніе захватить ихъ самихъ, ихъ инструменты и, въ особенности, составленныя ими описанія астрономическихъ наблюденій, опасныхъ въ рукахъ непріятеля въ случаѣ войны. Путешественниковъ хотѣли отправить въ Гран-Пару и оттуда въ Лиссабонъ. Если гдѣ начальства не причиняли путешественникамъ никакихъ затрудненій — о помощи съ ихъ стороны тогда не чего было и говорить, — то любопытство и навязчивость жителей отнимали у нихъ самое драгоцѣнное ихъ достояніе—время. «Насъ развлекали безпрестанныя посѣщенія, разсказываетъ А. Гумбольдтъ, и чтобы не возбудить неудовольствія людей, которымъ, повидимому, доставляло такое счастіе разсматривать въ Доллондову трубу пятна луны и наблюдать взаимное поглощеніе двухъ газовъ въ эвдіометрической трубкѣ или дѣйствіе гальванизма на движенія лягушки, мы должны были, скрѣпя сердце, отвѣчать на вопросы, не рѣдко весьма

* Или мулатомъ. Самбами называется помѣсь южныхъ Американцевъ съ Неграми.

Digitized by Google

темные, и по цѣлымъ часамъ повторять одни и тѣ же наблюденія. Такія сцены возобновлялись въ продолженіе пяти лѣтъ во всѣхъ городахъ, гдѣ мы останавливались, если только жители узнавали, что у насъ есть микроскопы, телескопы и электро-гальваническіе снаряды. Онѣ были тѣмъ утомительнѣе, чѣмъ запутаннѣе были понятія нашихъ посѣтителей объ астрономіи и физикѣ, двухъ наукахъ, которыя въ испанскихъ колоніяхъ извѣстны подъ страннымъ названіемъ—nueva filosofia.» Повторимъ еще разъ, что для правильной оцѣнки необыкновенныхъ заслугъ нашихъ изслѣдователей отнюдь не должно упускать изъ виду всѣхъ страшныхъ затрудненій, съ которыми они принуждены были бороться почти на каждомъ шагу. Едва успѣли они въ ноябрѣ убраться съ материка черезъ новую Барселону и употребить нѣсколько мѣсяцевъ на приведеніе въ порядокъ собранныхъ матеріаловъ и на обозрѣніе острова Кубы, какъ извѣстіе объ отправленіи кругосвѣтной французской экспедиціи, которую они должны были сопровождать по первоначальному плану, заставило ихъ внезапно приготовиться въ новому путешествію Изъ Ферроля А. Гумбольдтъ писалъ Бодену: «Если правительство настаиваетъ на томъ, чтобы я обогнулъ мысъ Горнъ то я буду стараться съѣхаться съ вами или въ Монтевидео, или въ Чили, или въ Лимѣ, или въ какой бы то ни было испанской колоніи, гдѣ вы остановитесь».

Вѣрный своему обѣщанію, Гумбольдтъ измѣнилъ планъ своего путешествія, лишь только американскія газеты въ 1801 году объявили, что французская экспедиція вышла изъ Гавра съ цѣлью совершить путешествіе вокругъ свѣта по направленію отъ востока къ западу. Онъ нанялъ небольшую барку, и путешественники отправились съ острова Кубы въ Портобелло, чтобы отдуда, сухимъ путемъ по перешейку, пробраться на берега Южнаго океана. Ошибка журналиста заставила Гумбольдта и Бонплана проѣхать болѣе 800 миль по странѣ, которая совсѣмъ не входила въ планъ ихъ путешествія. Уже въ Квито Гумбольдтъ узналъ изъ письма Деламбра, непремѣннаго секретаря французскаго института, что капитанъ Боденъ направилъ свой путь къ мысу Доброй Надежды. Путешествіе съ цѣлью настигнуть экспедицію Бодена было, если можно, еще затруднительнѣе путешествія по областямъ нынѣшней Венесуэлы. Въ обозрѣніи этого путешествія, написанномъ, вѣроятно, съ согласія Гумбольдта, сказано, что такъ какъ переѣздъ чрезъ перешеекъ оказался неудобоисполнимымъ, то они плыли почти два мѣсяца вверхъ по Могдаленѣ до Гонды, взобрались на Боготскую террасу, потомъ, не взирая на дождливое время, подвигались все далѣе и далѣе къ югу, и наконецъ, послѣ почти девяти-мѣсячнаго странствованія чрезъ Ибагуэ, Кордильеру

Digitized by Google

де Квиндіу, Картахо, Попайанъ, рѣку Парану де Альмагуэръ и большое плоскогорье Лосъ Пастосъ, прибыли въ Квито въ январѣ 1802 года. — Относящіяся къ этому времени восхожденія на горы и измѣренія горъ, въ особенности Чимборасо, всего болѣе прославили эту часть путешествія. Проведя четыре мѣсяца въ изслѣдованіяхъ обширной нагорной страны, путешественники продолжали свое странствованіе по Перу въ Мексико. Чрезъ ущелье Андовъ, вдоль Параны де Ассуай, чрезъ Куэнсу и хинные лѣса Лохи они спустились въ долину верхней Амазонской рѣки и по Кахамарскому плоскогорью достигли города Микуи-Пампа и западнаго склона перуанскихъ Кордильеровъ; при Трухильіо коснулись морскаго берега и потомъ безводною степью нижняго Перу пробрались до Лимы. Окончивъ главное дѣло, составлявшее цѣль перуанскаго путешествія — наблюденія надъ прохожденіемъ Меркурія, — путешественники въ концѣ декабря 1802 года отправились моремъ изъ Каллао въ Гваяквиль и 23-го марта 1803 года прибыли въ Акапулко. Въ апрѣлѣ они чрезъ Тоско и Куэрнараху достигли главнаго города мексиканскихъ владѣній, гдѣ пробыли нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ, своротивъ на сѣверъ, посѣтили Гуанахуато и Вальядолидъ, проѣхали область Мехоаканъ, снова приблизились къ берегу Великаго океана, произвели знаменитыя наблюденія свои надъ вулканомъ Хорульіо и чрезъ Толуку возвратились въ Мексику. Въ январѣ 1804 года они опять покинули этотъ городъ, взошли на вулканы Толуку и Кофре де Пероте и въ началѣ марта прибыли въ Веракрусъ, откуда немедленно отправились далѣе.

Черезъ Гавану ученые друзья направили свой путь въ Филадельфію и 9-го іюля простились съ Новымъ Свѣтомъ, чтобы возвратиться въ Парижъ: 3-го августа они прибыли въ Бордоскую гавань. Плодомъ этого путешествія было необыкновенное богатство новыхъ наблюденій и открытій въ области почти всѣхъ царствъ природы,—открытій, которыя, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, послужили основаніемъ для дальнѣйшаго развитія точныхъ наукъ и въ особенности сравнительной естественной исторіи. Бонплану, какъ и слѣдовало ожидать и какъ ясно видно изъ позднѣйшихъ его трудовъ, принадлежитъ главная заслуга въ ботаническомъ отношеніи. Въ своемъ гербаріумѣ, собранномъ съ ужаснѣйшими трудами и лишеніями всякаго рода, онъ привезъ въ Европу болѣе 6,000 растеній, и въ томъ числѣ 3,500 такихъ, описаніемъ и опредѣленіемъ которыхъ наука обязана собственно ему. Ограничивая такимъ образомъ кругъ дѣйствія Бонплана, мы нисколько не умаляемъ заслугъ его. Не только онъ, но и ни одинъ изъ современныхъ намъ естествоиспытателей не могъ вознестись духомъ на высоту, занимаемую Гумбольдтомъ, ко-

Digitized by Google

торый изъ-за общаго никогда не забывалъ малѣйшей частности и, основываясь на точномъ знаніи и глубокомъ изслѣдованіи мельчайшихъ подробностей, путемъ наведенія выводилъ изъ нихъ великіе законы міра. Во всякомъ случаѣ заслуги Бонплана были такъ велики, что пріобрѣли ему всеобщую извѣстность и обратили на него вниманіе императора Наполеона. Ученику Корвизара было легче, чѣмъ всякому другому, вступить въ близкія отношенія съ новою державною четой. Превосходныя свойства его характера, о которыхъ столько разъ упоминаетъ Гумбольдтъ, такъ же скоро снискали ему благосклонность императрицы, какъ заслуги его на пользу науки были оцѣнены императоромъ. Вскорѣ послѣ того Наполеонъ начначилъ его мальмезонскимъ интендантомъ, и Бонпланъ, могъ безъ затрудненія принять это мѣсто, потому что оно, не возлагая на него почти никакой обязанности, обезпечивало ему значительное содержаніе и способствовало сближенію его съ императорскимъ дворомъ. Освобожденный такимъ образомъ отъ матерьяльныхъ заботъ, Бонпланъ имѣлъ тѣмъ болѣе возможности помогать Гумбольдту въ изданіи ихъ общихъ трудовъ. Труды эти явились подъ заглавіями: Voyage aux régions équinoxiales du Nouveau Continent. Paris 12 vol. 1815 и Vue des Cordillères et monuments des peuples indigènes de l'Amerique, avec Atlas pittoresque. Paris 1816. Кромѣ того, въ сообществѣ съ Гумбольдтомъ и Кунтомъ, который въ особенности завѣдывалъ редакціею примѣчаній Бонплана, изданы Mimosées et autres légumineuses du Nouveau Continent. Paris 1819 и Nova genera et species plantarum. 1815. Самостоятельныя сочиненія Бонплана слѣдующія: Plantes équinoxiales, recueillies au Mexique, à l'ile de Cuba etc. Paris 1805; Monographie des melastomèes, Paris 1805, и Description des plantes rares de Navarre et de la Malmaison.

Если съ одной стороны щедрость императора обезпечила Бонплану досугъ, которымъ рѣдко могутъ пользоваться ученые при своихъ скудныхъ средствахъ, то съ другой личныя отношенія, завязавшіяся между нимъ и мальмезонскимъ дворомъ, были причиною, что этотъ ученый вдругъ снова былъ отнятъ у міра науки. Бонпланъ остался вѣренъ императору и императрицѣ Жозефинѣ въ постигшемъ ихъ несчастіи и, между прочимъ, придумалъ несбыточный планъ, по которому Наполеонъ долженъ былъ направиться въ Мексику и пріобрѣсти тамъ положеніе, которое снова сдѣлало бы его повелителемъ міра. Наполеонъ, какъ извѣстно, не согласился на этотъ планъ; онъ предпочелъ островъ Эльбу, а Бонпланъ остался между тѣмъ при постели умиравшей Жозефины. 29 мая 1814 года онъ принялъ ея послѣдній вздохъ. Жестокіе удары судьбы, сокрушавшіе державную чету, до такой степени охладили любовь Бонплана къ оте-

Digitized by Google

честву, что онъ отказался отъ своего мѣста и, не взирая на убѣдительнѣйшія просьбы принца Евгенія, въ концѣ 1816 года снова сѣлъ на корабль въ Гаврѣ и отправился на Новый материкъ, гдѣ ему суждено было сойдти въ могилу.

О вторичномъ пребываніи Бонплана въ Южной Америкѣ доходили въ Европу все болѣе и болѣе скудныя извѣстія; вынужденное пребываніе его въ странахъ, не имѣвшихъ цѣлые годы никакого сообщенія съ остальнымъ міромъ, постепенно отчуждало его отъ отечества, которое однакожь «сотрудникъ Александра Гумбольдта» никогда не могъ забыть совершенно. Прибывъ въ Буэносъ Айресъ, куда онъ первоначально отправился изъ Европы съ цѣлымъ грузомъ разныхъ полезныхъ растеній, Бонпланъ былъ принятъ съ особеннымъ отличіемъ, сдѣланъ профессоромъ естественной исторіи и получилъ множество самыхъ лестныхъ обѣщаній. Но недоброжелательство и зависть скоро сдѣлали ему дальнѣйшее пребываніе въ этомъ мѣстѣ не выносимымъ и до такой степени ограничили средства, предоставленныя въ его распоряженіе, что въ 1821 году ему даже было отказано въ залѣ для лекцій и для выставки собранныхъ имъ ученыхъ сокровищъ. Чтобъ избѣжать всѣхъ этихъ дрязговъ и столкновеній, Бонпланъ рѣшился предпринять дальнее путешествіе по пампамъ, провинціямъ Сантафе, равнинѣ Гранъ-Чако и Боливіи. Онъ хотѣлъ еще разъ изучить Анды и распространить изслѣдованія, произведенныя вмѣстѣ съ Гумбольдтомъ. На пути вверхъ по Паранѣ онъ встрѣтилъ нѣсколько іезуитскихъ миссій на лѣвомъ берегу этой рѣки, неподалеку отъ Итапуи. Парагвай и Аргентинская конфедерація оспоривали тогда другъ у друга эту область. Чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, Бонпланъ тотчасъ же увѣдомилъ тогдашняго парагвайскаго диктатора, доктора Франсію, о своемъ прибытіи и сообщилъ ему самыя подробныя свѣдѣнія насчетъ своего предположенія разводить и обработывать тамошній чай съ помощью находившихся въ его услуженіи Индѣйцевъ. Но именно этими-то свѣдѣніями онъ и навлекъ на себя бѣду. Парагвайскій чай (матѣ) составлялъ до того времени нѣчто въ родѣ монополіи этого края, и докторъ Франсія вообразилъ себѣ, что ученый намѣренъ отбить у него эту монополію. Онъ отвѣчалъ на сообщеніе Бонплана посылкою отряда изъ четырехсотъ человѣкъ, которые перешли чрезъ Парану, совершенно неожиданно напали на маленькую колонію во время сна, умертвили нѣсколько человѣкъ изъ прислуги Бонплана, а его самого взяли въ плѣнъ. Это было ночью съ 3-го на 4-е декабря 1821 года, и съ этого времени начинается десятилѣтній плѣнъ Бонплана. Во время нападенія, ученый самъ былъ раненъ ударомъ сабли по головѣ, но это нисколько не по-

Digitized by Google

мѣшало ему тотчасъ же оказать медицинскаго пособія раненымъ противникамъ. Закованнаго въ цѣпи его повлекли чрезъ Парану и назначили Санта-Марію мѣстомъ его пребыванія. Диктаторъ положительно отказался отъ свиданія съ ученымъ и навсегда запретилъ ему въѣздъ въ столицу Асунсіонъ. Такимъ образомъ Бонпланъ нѣсколько лѣтъ жилъ въ окрестностяхъ Санта-Маріи, болѣе доходами отъ маленькой аптечки, нежели отъ врачебной практики, потому что, при безконечной добротѣ и мягкости своего характера, онъ никому не отказывалъ въ пособіи своей науки. Находясь, особенно первое время, въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, онъ ни на минуту не измѣнилъ своему человѣколюбію, и до сихъ поръ еще во всѣхъ концахъ страны имя Бонплана произносится съ величайшимъ уваженіемъ. Тщетно Шатобріанъ, во время управленія министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, по настоятельнымъ просьбамъ Гумбольдта дѣлалъ неоднократныя попытки склонить диктатора на освобожденіе ученаго узника; столь же тщетнымъ оказалось ходатайство бразильскаго двора, — ходатайство, которымъ многолѣтній спутникъ Гомбульдта также былъ обязанъ великому своему другу. Освобожденіе Бонплана послѣдовало только въ 1829 году, такъ же неожиданно и такъ же безъ всякаго повода, какъ и его ссылка.

12-го мая означеннаго года окружный начальникъ вдругъ объявилъ Бонплану, что онъ можетъ оставить Парагвай; на приготовленіе къ пути ему дано было лишь нѣсколько сутокъ. Но когда, слѣдуя обратно тою же дорогой, онъ прибылъ въ Итапуу, то оказалось, что диктаторъ не заблагоразсудилъ прислать туда приказа о его освобожденіи; приказъ этотъ, наконецъ, послѣдовалъ 6-го февраля 1831 года, послѣ новыхъ продолжительныхъ допросовъ. Тогда Бонпланъ возвратился въ Буэносъ Айресъ и въ 1832 году писалъ оттуда Гумбольдту, что онъ ожидаетъ только своихъ коллекцій изъ Парагвая и, по полученіи ихъ, возвратится въ Европу. Кажется, что опасенія за эти коллекціи побудили его снова воротиться въ Парагвай. Впослѣдствіи онъ поселился въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Параны, въ маленькомъ бразильскомъ городкѣ Санъ-Франсиско де-Борха.

Въ Biographie générale Фирмена Дидо, изъ которой мы заимствовали свѣдѣнія о вторичномъ пребываніи Бонплана въ Южной Америкѣ, между прочимъ сказано: «Если путникъ направитъ свои стопы отъ старыхъ іезуитскихъ миссій къ Урагвайскому ущелью, то онъ съ особеннымъ любопытствомъ остановится передъ большимъ садомъ, усаженнымъ померанцевыми деревьями и европейскимъ кустарникомъ. Живая изгородь отдѣляетъ эту мѣстность отъ сосѣднихъ; посреди сада возвышается домикъ самой скромной наружности. Здѣсь-то убѣ-

Digitized by Google

жище Банплана, изъ котораго онъ отлучается только на самое кокороткое время въ Ла-Платскія владѣнія; здѣсь онъ проводитъ послѣдніе дни своей жизни, посвященной наукѣ и служенію человѣчеству; здѣсь осьмидесятилѣтній старецъ, сохранившій необыкновенную въ его лѣта бодрость и силу памяти, радушно и гостепріимно встрѣчаетъ всякаго Француза, котораго случай, судьба или любовь къ наукѣ заводятъ въ эти отдаленные края.»

Въ 1840 году Бонпланъ писалъ Гумбольдту, что, по смерти доктора Франсіи онъ намѣренъ продолжать свои изслѣдованія въ Парагваѣ, и принялъ мѣры, чтобы въ случаѣ его смерти, его гербаріумъ и рукописи не пропали для науки. Нѣсколько разъ распространялся слухъ, что онъ самъ привезетъ ихъ въ Европу, и, кажется, маститый ученый не разставался съ этою мыслью до самой смерти, послѣдовавшей въ маѣ нынѣшняго года. Переписка Бонплана съ другомъ его юности, прерывавшаяся иногда на долгое время, но никогда не прекращавшаяся совершенно, можетъ служить доказательствомъ, что онъ имѣлъ рѣдкое счастіе сохранить до самой глубокой старости всю силу духа и неутомимую ученую дѣятельность. Но и независимо отъ этихъ рѣдкихъ писемъ, которыми Бонпланъ напоминалъ о себѣ Европѣ, имя его никогда не было бы забыто во всемъ образованномъ мірѣ. При закладкѣ фундамента того громаднаго зданія, возведенію котораго Гумбольдтъ посвятилъ дѣятельность всей своей жизни, Бонпланъ, по собственному свидѣтельству великаго зодчаго, работалъ съ полнымъ самоотверженіемъ и уже этимъ самымъ пріобрѣлъ право на вѣчную благодарность потомства. Сами Французы, извѣстные ревнители своей народной славы, не умѣютъ лучше опредѣлить заслугъ своего соотечественника, Эме Бонплана, какъ называя его «сотрудникомъ Гумбольдта».

(Съ нѣмецкаго.)

Digitized by Google

НОВАЯ РУССКАЯ ОБЩИНА.

Второе письмо къ Редактору.

—

М. Г.

Прежде чѣмъ приступить къ обзору той юридико-исторической декораціи, которою, «Русскій Вѣстникъ» обставилъ свою общину, позвольте мнѣ указать Вамъ на одно совершенно спутывающее меня противорѣчіе. Вы знаете, какую важную роль играетъ въ новой общинѣ поземельная рента; на равномъ распредѣленіи ея между титулярными членами общины основано все мнимое преимущество новаго рода поземельной собственности передъ тѣмъ, который извѣстенъ былъ до нашихъ дней. Надобно было думать, что «Русскій Вѣстникъ» особенно выяснитъ себѣ вопросъ о рентѣ, прежде чѣмъ полагать ее въ основу своему гордому зданію. Выходитъ совсѣмъ наоборотъ: сравните то, что сказано о ней на одной страницѣ, съ тѣмъ, что говорится на слѣдующей, и Вы убѣдитесь, что «Вѣстникъ» такъ же далекъ отъ пониманія своей статьи, какъ и я, его прилежный читатель. Въ концѣ стр. 202 о рентѣ читаемъ такой рѣшительный отзывъ: «Важно еще то, что эта даровая цѣнность увеличивается съ движеніемъ общаго благосостоянія и уменьшается съ его упадкомъ. Итакъ, чѣмъ болѣе ростетъ народное благосостояніе, тѣмъ бо́льшая премія достается въ пользу поземельной собственности». Кажется, недвусмысленно и ясно? А между тѣмъ въ началѣ страницы 203 такимъ же недвусмысленнымъ образомъ высказано совсѣмъ противное: «Съ дальнѣйшимъ развитіемъ свободной торговли послѣдуетъ для Англіи то, что цѣна этой преміи будетъ совпадать только съ

Digitized by Google

цѣною провоза иноземнаго хлѣба, и премія эта будетъ тѣмъ болѣе *понижаться*, чѣмъ болѣе вслѣдствіе новыхъ открытій и изобрѣтеній, будетъ сокращаться пространство, хотя ни то, ни другое не можетъ дойдти до нуля». Согласитесь, что два совершенно противорѣчащія другъ другу положенія въ результатѣ даютъ еще менѣе будущей англійской ренты, они даютъ ровно нуль. Тутъ нельзя вывернуться даже тѣми оговорками, къ какимъ прибѣгаетъ «Вѣстникъ» въ другихъ мѣстахъ своей статьи, чтобы превозносить у Англичанъ сосредоточеніе поземельной собственности, находя его въ то же время не нормальнымъ и пагубнымъ для всѣхъ другихъ народовъ.

Пристрастіе къ англійскому общественному устройству, соединенное кажется съ недостаточнымъ знаніемъ его существенныхъ отношеній, вовлекаетъ «Русскій Вѣстникъ» въ разныя ошибочныя заключенія. Такъ напримѣръ (стр. 225) онъ отрицаетъ всѣми признанную и для всякаго очевидную важность распредѣленія поземельной собственности, ссылаясь на успѣхи англійскаго земледѣлія и на благосостояніе края вообще. А между тѣмъ распредѣленіе поземельной собственности имѣетъ особенную важность именно въ такой странѣ, какъ Англія, гдѣ, при сильномъ развитіи самоуправленія, съ большимъ землевладѣніемъ естественно соединено множество важныхъ политическихъ преимуществъ. Позвольте мнѣ, въ подтвержденіе моихъ словъ, привести свидѣтельство такихъ знатоковъ дѣла, какъ извѣстный французскій ученый Лабулѐ (Laboulaye) и какъ Гнейстъ, котораго сочиненіе объ Англіи пролило такъ много свѣта на исторію ея политической организаціи. Оба они—ревностные почитатели англо-саксонскихъ учрежденій, и заподозрить ихъ въ непріязненности къ Англіи не возможно; оба начинаютъ съ горячихъ, даже слишкомъ горячихъ похвалъ умѣнью англійской аристократіи выкупать свои преимущества заботами объ общемъ благѣ, но оба невольно приходятъ къ такимъ заключеніямъ, которыя должны заставить призадуматься всякаго, кто смотритъ на Англію, какъ на великій образецъ. Изложивъ прежнія заслуги англійской аристократіи и признавая въ нихъ крѣпкую ея опору, Лабулѐ говоритъ: «Еще одна причина объясняетъ намъ, какимъ образомъ аристократія ни мало не утратила своей силы (?): она заполонила поземель-

Digitized by Google

ную собственность въ своихъ рукахъ, а съ землею связаны значительныя привилегіи: церковный патронатъ, судебная расправа, администрація. Церковь, вельможи и помѣщики, то-есть ограниченное число дворянъ, завладѣли англійскою почвою, а законъ разсчитанъ такимъ образомъ, чтобъ наслѣдіе не выскользало у нихъ изъ рукъ и переходило къ потомству. Монополія земли — вотъ что составляетъ истинную силу англійской аристократіи. Это самое важное препятствіе господству равенства. *Благодаря праву первородства*, земля болѣе не дѣлится; благодаря субституціямъ, она скопляется въ однѣхъ рукахъ, такъ что съ каждымъ днемъ сосредоточеніе возрастаетъ и число владѣльцевъ уменьшается. До французской революціи, въ Англіи и Вельсѣ считалось двѣсти пятьдесятъ шесть тысячъ собственниковъ, но и это, сравнительно съ остальной Европой, крайне малое число убыло къ 1816 г. до тридцати двухъ тысячъ, изъ которыхъ шесть тысячъ составляли разныя корпораціи [1]). Въ 1831 послѣдовало новое, значительное пониженіе, которое потомъ и не останавливалось: это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ иммобилизаціи. Передъ возникающими вновь огромными помѣстьями мелкій собственникъ исчезаетъ поневолѣ; фермеръ не болѣе какъ промышленникъ, подрядчикъ, въ полной зависимости отъ землевладѣльца; земледѣлецъ, который у насъ во Франціи стремится быть самъ хозяиномъ, — по ту сторону Канала такой же наемникъ, какъ и фабричный; поземельная собственность, которая освобождаетъ у насъ поселянина отъ тяжкой зависимости, тамъ для него не доступна, и конечно не ничтожные какіе-нибудь вклады сберегательныхъ кассъ помогутъ ему когда-либо добраться до этихъ имѣній, которыя съ каждымъ днемъ все болѣе рѣдчаютъ въ продажѣ и обращаются въ пользу нѣсколькихъ семействъ, растущихъ и процвѣтающихъ. Такимъ-то образомъ за чертою городовъ все вліяніе перешло въ руки немногихъ землевладѣльцевъ» [2]).

Посмотримъ теперь, что говоритъ о землевладѣльческой аристократіи Гнейстъ, еще болѣе сочувствующій политическимъ

---

[1]) Церковныя, ученыя и городскія. По статистическимъ разсчетамъ число имѣній не превышало тогда 7,200.

[2]) Laboulaye. Historie politique des Etats-Unis. Paris 1855.

Digitized by Google

учрежденіямъ Англіи. Коснувшись перемѣны, которая началась въ ея общественномъ быту съ исхода минувшаго столѣтія, онъ такъ рисуетъ картину ея въ настоящемъ: «Самымъ очевиднымъ дѣйствіемъ этой перемѣны» (то-есть насильственно крутаго поворота къ фабричному дѣлу, вынужденнаго ненормальнымъ распредѣленіемъ поземельной собственности) «было столпленіе народа въ городахъ, гдѣ живетъ теперь болѣе половины всего народонаселенія Англіи и Вельса; потомъ — совсѣмъ новое положеніе рабочихъ классовъ, которые, благодаря денежному хозяйству [1]), пріобрѣли формальную самостоятельность, тогда какъ матерьяльная зависимость ихъ отъ хозяевъ въ сущности осталась та же самая. И вотъ въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ развертывается передъ нами картина того домашняго быта рабочихъ классовъ, тѣхъ помѣщеній, той пищи и одежды, того небреженія о здоровьи, того одичанія или той совершенной гибели женщинъ и дѣтей, какіе извѣстны изъ парламентскихъ донесеній и отъ очевидцевъ. Вина такихъ обстоятельствъ очень многосложна. Отчасти лежитъ она въ существѣ самого денежнаго хозяйства и поэтому дѣйствуетъ столько же пагубно и на положеніе рабочихъ поселянъ; отчасти замѣчаются здѣсь явленія, наступающія въ первое время при всякомъ преобразованіи хозяйственныхъ отношеній; отчасти — это прямыя слѣдствія торговаго положенія Англіи; но отчасти виною въ томъ и законы о водвореніи [2]), землевладѣльческая система, *особенно субституціи (entails) и право первородства, — этотъ неизсякающій источникъ* волнующагося пролетаріата. Нѣсколько времени обѣ противоположныя стороны пытались сваливать грѣхъ одна на другую; потомъ стало какъ-будто проявляться затаенное сознаніе, что главный корень зла односторонность всей государственной машины, какъ сложилась она въ теченіе осьмнадцатаго вѣка.

---

[1]) Тому хозяйству, гдѣ переведенъ на чистыя деньги всякій непосредственный обмѣнъ экономическихъ услугъ. Послѣдній называется въ противоположность первому натуральнымъ хозяйствомъ.

[2]) Водвореніе, или избраніе мѣста жительства крайне затруднено для рабочихъ потому, что каждый приходъ обязанъ содержать своихъ бѣдныхъ, и ни одинъ не хочетъ принимать бѣдняка или кандидата въ бѣдняки изъ другихъ приходовъ. Господа, толкующіе у насъ о свободѣ и благоденствіи англійскаго народа, вѣроятно не знаютъ этого мелочнаго обстоятельства. *Тум.*

Digitized by Google

«Правленіе политическихъ партій, представительницъ сословнаго интереса, конечно могло возвыситься до уваженія гражданской свободы; могло безпристрастно наблюдать правосудіе, сохранить Церкви достойное, даже блистательное положеніе, замѣщать высшія правительственныя мѣста лицами неоспоримой честности; но обязанность государственной власти воспитывать и поднимать низшіе классы была выше его силъ. Въ правительственныхъ программахъ различныхъ вигскихъ и торійскихъ министерствъ, которыя чередовались каждые три-четыре года въ теченіе полутора вѣка, нашлось довольно мѣста для всѣхъ интересовъ высшихъ сословій, нашлось и для самыхъ настоятельныхъ требованій средняго класса, но не нашлось его для систематическаго воспитанія народа и для устраненія язвъ, неразлучныхъ съ цѣлымъ составомъ англійскаго землевладѣнія *. Вопіющія злоупотребленія, особенно всѣ тѣ, которыя слишкомъ явно оскорбляютъ чувство чести и правосудія, конечно находили себѣ въ этой системѣ противодѣйствіе; но для всякихъ другихъ мѣръ, которыхъ прочныя слѣдствія оказываются только съ теченіемъ времени, правленіе партій не имѣло или силы, или смысла. Вмѣсто того принимались только мѣры палліативныя, выказныя, которыя среди тактики партій легко отклонялись отъ своихъ первоначальныхъ цѣлей. Даже простѣйшій изъ всѣхъ вопросовъ—обязанность государства пещись о обученіи четырехъ милліоновъ дѣтей, даже этотъ вопросъ былъ затертъ и задавленъ парламентскою діалектикой. Господствующая Церковь и старое помѣщичество (gentry), равно какъ и диссентерское населеніе большихъгородовъ оспорило у государственной власти обязанность и право народнаго образованія: Церковь и старье — изъ-за того, чтобъ не умалилось непосредственное вліяніе духовенства на низшіе классы, а диссентеры-фабриканты — изъ-за того, чтобы государство не вмѣшалось въ работу дѣтей на фабрикахъ. Вслѣдъ за тѣмъ стали оглашать передъ публикой въ статистическихъ таблицахъ мнимые плоды новыхъ школъ и новыхъ классовъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ тамъ господствуетъ одинъ пустозвонный механизмъ (Mechanismus und Scheinwesen).

* Гнейстъ—урожденецъ Пруссіи, гдѣ въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ государство не только открыло всему народу средства къ образованію, но и сдѣлало послѣднее обязательнымъ.

Digitized by Google

«Большіе капиталисты, особенно знатные фабриканты и купцы, также слишкомъ наклонны въ своихъ взглядахъ признавать успѣхи системы «добровольныхъ складчинъ», неоспоримые на поприщѣ наживы, за общее правило и въ дѣлахъ государственнаго управленія. Скачкомъ изъ купеческой конторы въ государство возникаютъ теоріи, которыя хотятъ ограничить государственную власть однимъ только охраненіемъ права; теоріи эти обстанавливаются иногда какъ-будто бы съ большимъ умѣньемъ, а между тѣмъ все-таки онѣ не болѣе какъ абстракціи изъ жизни какого-нибудь акціонернаго общества. Изъ этихъ «радикальныхъ» системъ можетъ выйдти устраненіе иной помѣхи къ лучшему, но никогда не выйдетъ исполненіе положительныхъ обязанностей государства. Парламентъ и журналистика доказываютъ лучше всего, съ какою бездною софистики обсуждаютъ иногда высшіе классы вопросъ объ этихъ обязанностяхъ.... Страсть къ «сильнымъ» руководящимъ статьямъ и парламентскимъ рѣчамъ показываетъ только совершенное безмысліе взглядовъ многоразличныхъ группъ общества, такъ-сказать втиснутыхъ одна въ другую. На слѣдующее же утро «сильная» статья или рѣчь забыты и смѣняются новыми» *.

При всемъ томъ, заключу я вмѣстѣ съ Гнейстомъ и Лабулѐ, нельзя не удивляться многому, что̀ сдѣлано въ Англіи за послѣднее время и законодательствомъ, и частными обществами! Но вы видите, М. Г., какую огромную политическую, экономическую и моральную важность придаютъ первокласные знатоки дѣла распредѣленію поземельной собственности, не говоря уже о томъ, что въ самой Англіи появляются краснорѣчивые, хотя и тщетные протесты противъ ненормальности тамошняго землевладѣнія. Поэтому меня очень удивили слова «Вѣстника»: «Для экономическаго движенія совершенно все равно, въ чьихъ рукахъ находится чистое право собственности на землю; важно только то, чтобы владѣли землею тѣ люди, которые могутъ и умѣютъ извлекать изъ нея какъ можно болѣе продуктовъ». Онъ забываетъ при этомъ, что владѣлецъ-несобственникъ всегда остается въ зависимости отъ собственника, и чѣмъ болѣе онъ платитъ за право владѣнія, тѣмъ болѣе долженъ выручать на

* Gneist. Das heutige englische Verfassungs-und Verwaltungsrecht. Berlin. 1857.

Digitized by Google

трудѣ рабочихъ силъ, на крайнемъ ихъ обремененіи. Говоря это, «Вѣстникъ» вѣроятно имѣлъ въ виду только нѣсколько тысячъ зажиточныхъ англійскихъ фермеровъ, и не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на сотни тысячъ мелкихъ кортомщиковъ и батраковъ. Послѣдніе, работая въ богатыхъ помѣстьяхъ, часто не имѣютъ даже избъ, гдѣ бы укрыться на ночь, или отъ ненастья. Жалобы на это безпрестанно слышатся въ англійскихъ журналахъ, но къ сожалѣнію только слышатся, а проку отъ того все нѣтъ. Странно также послѣ этого читать въ «Русскомъ Вѣстникѣ», что землевладѣніе не составляетъ здѣсь никакой привилегіи. Свобода покупки земли, притомъ еще по возможности стѣсненная обычаемъ и закономъ, ровно ничего не значитъ, когда вся земля захвачена въ немного рукъ и когда ея почти нѣтъ въ продажѣ.

Однакожь, пора мнѣ оставить эти печальныя картины и перейдти къ чему-нибудь болѣе забавному, — къ обзору юридическихъ и историческихъ взглядовъ «Вѣстника», напримѣръ, которые привели его прямо къ новой русской общинѣ.

Спѣшу заявить полное согласіе мое съ нимъ насчетъ того, что земля отнюдь не можетъ быть предметомъ безусловной собственности, и не только потому, что она, какъ гласитъ «строгая формула римскаго права», не можетъ подлежать уничтоженію, но еще, не во гнѣвъ премудрой формулѣ, и потому, что она общая, неизмѣнная кормилица всего живущаго, и что безъ такой подставки, какъ земля, человѣку обойдтись довольно трудно. Но именно вслѣдствіе такого *согласія*, я рѣшительно не возьму въ толкъ, какъ съ нашей общей точки зрѣнія можно допустить, чтобъ *право* собственности имѣло своимъ первоначальнымъ источникомъ только «фактъ», да еще «фактъ во всей его грубости и случайности», именно: фактъ насильственнаго захвата. «Русскій Вѣстникъ» рисуетъ намъ кровавую картину этого захвата, призываетъ на помощь *римское копье* и сперва говоритъ, что начало собственности теряется въ одномъ источникѣ съ началомъ государства, а потомъ представляетъ государство освящающимъ этотъ кровавый фактъ и условно возводящимъ его на степень права, хотя «въ сущности», по словамъ «Вѣстника», фактъ все-таки остается фактомъ, и, что всего поучительнѣе, эта фактическая примѣсь раз-

Digitized by Google

ливается на весь міръ юридическихъ отношеній!! Поймите это, если можете, а «Вѣстникъ», въ доказательство, что этого нельзя понять, самъ сознается, что практически нѣтъ возможности «указать, гдѣ оканчивается фактъ, гдѣ начинается право.» Съ такими шаткими понятіями о правѣ можно совершить самый неблаговидный фактъ, полагаясь на то, что нельзя вѣдь практически указать, гдѣ оканчивается фактъ, гдѣ начинается право. Шутки въ сторону, а это, воля ваша, переходитъ всякую мѣру: можно ли до такой степени полагаться на неопытность публики, чтобъ выдавать за науку этотъ устарѣлый и пустой наборъ словъ? Для кого же не очевидно въ наше время, что право должно имѣть источникомъ не грубый и случайный фактъ, а природу свободной личности человѣка, которая необходимо предшествуетъ всѣмъ фактамъ отъ нея исходящимъ, и которая для поддержанія себя и для дальнѣйшаго развитія заложенныхъ въ ней силъ не можетъ обойдтись безъ употребленія средствъ внѣшней природы и, разумѣется, главнаго изъ нихъ — земли. Стало-быть, источникомъ и разумно-нравственною нормой права собственности, какъ и всякаго другаго права, необходимо признать сродную каждому человѣку свободу внѣшней дѣятельности, на сколько она совмѣстна съ равною свободою другихъ. Опредѣленіе это можетъ противорѣчить многимъ грубымъ фактамъ не только въ дикомъ, но и въ образованномъ обществѣ, тѣмъ не менѣе оно единственное, какое можно разумнымъ образомъ допустить. Даже положительное право, помимо всякой теоріи, не опредѣляется ли тою степенью свободы, какая осуществима для каждаго отдѣльнаго лица въ данномъ состояніи общества? Самъ по себѣ фактъ перваго занятія, или перваго «захвата», какъ выражается «Вѣстникъ», отнюдь не можетъ служить источникомъ права не только потому, что онъ уже предполагаетъ свободную личность человѣка съ ея правомъ, но еще и потому, что въ большей части случаевъ физически не возможно опредѣлить, кто былъ виновникомъ перваго захвата, и что большею частью владѣетъ не тотъ, кто первый захватилъ, а тотъ, кто послѣдній одолѣлъ противниковъ. Самое желаніе захватить что-либо въ постоянную, исключительную собственность, какъ справедливо замѣчаетъ Кембль, предполагаетъ уже существующую форму собствен-

Digitized by Google

ности: напримѣръ, по отношенію къ землѣ, извѣстную степень воздѣлки или обстройки. Наконецъ, государство, какъ организмъ правомѣрной жизни общества, не можетъ принять на себя освященіе и увѣковѣченіе насильственнаго захвата, только на томъ основаніи, что это «грубый фактъ». Уже для того, чтобъ рѣшить, каковъ этотъ фактъ, грубъ онъ или нѣтъ, необходимо имѣть какое-нибудь чувство, если не сознаніе права. Или человѣкъ — просто звѣрь, или есть же у него и въ первобытномъ состояніи зерно тѣхъ нравственныхъ свойствъ, которыми отличается онъ отъ животныхъ.

Если вы согласитесь со мной въ этихъ выводахъ, которые впрочемъ я не выдаю за свои, то кудажь мы дѣнемъ всю теорію, всю исторію «Русскаго Вѣстника», построенную на совсѣмъ противоположномъ взглядѣ? Еслижь Вы, сверхъ чаянія, примкнете къ противной сторонѣ, то по крайней мѣрѣ не вооружайтесь ея методомъ и логикой: не смѣшивайте историческаго хода жизни и историческихъ воззрѣній на различныя ея стороны съ началами, выработанными потомъ въ наукѣ; не говорите, какъ «Русскій Вѣстникъ»: «Нѣтъ, жизнь нашего народа не есть нарушеніе всемірныхъ законовъ общественной экономіи!» Я на это возражу Вамъ: укажите мнѣ хоть одинъ народъ, который бы не нарушалъ ихъ не только въ прошедшемъ, но и въ настоящемъ, — и это по самой простой причинѣ. Природа, надѣливъ человѣка высшимъ своимъ даромъ, свободой, не могла подчинить его такому же безсознательно-точному исполненію законовъ его дѣятельности, какому подчинила жизнь другихъ существъ и даже его собственнаго организма: поэтому онъ постоянно ищетъ удовлетворенія своихъ потребностей подъ вліяніемъ свободы, руководимой сознаніемъ, и сознанія, побуждаемаго свободой. Законъ всякой человѣческой дѣятельности является въ сознаніи не иначе какъ плодомъ долгихъ опытовъ и наблюденій: мы умны особенно заднимъ умомъ. «Всемірный законъ общественной экономіи», какъ выражается «Вѣстникъ», также можетъ быть только завершеніемъ пройденнаго развитія и указаніемъ дальнѣйшаго или точнѣй—ближайшаго пути впередъ: поэтому онъ никогда не совпадетъ ни съ одной изъ пережитыхъ эпохъ экономическаго быта, которыя относительно къ нему всегда должны представляться

Digitized by Google

какъ бы нарушеніемъ. Но этого мало: когда рѣчь идетъ о законѣ одной какой-нибудь стороны быта, хоть напримѣръ экономической, никогда не должно при этомъ забывать, что бытъ народа держится не исключительно на экономіи, а имѣетъ еще много другихъ сторонъ, которыя могутъ увлечь его къ бо́льшему или меньшему нарушенію экономическихъ законовъ, точно такъ же, какъ и иныхъ. Ктожь послѣ этого возьметъ на себя обвинять какой бы то ни было народъ въ уклоненіи отъ несознанныхъ или невольно нарушенныхъ имъ законовъ? Онъ самъ страдаетъ отъ того болѣе всякаго непрошенаго судьи, и надо стараться только о томъ, чтобъ нарушенное наконецъ возстановилось.

Но я чувствую, что впалъ въ слишкомъ серьёзный тонъ, да и письмо мое вышло длиннѣе, чѣмъ слѣдовало. Позвольте мнѣ изложить Вамъ въ слѣдующій разъ *остальныя* мои сомнѣнія по поводу новой Русской общины и особенно историческихъ ея основаній.

Имѣю честь быть и проч.

Н. Тупицынъ.

Богородскъ
8-го октября 1858 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. М. ЩЕПКИНА И К°.

Коммиссіонера Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Министерства Государственныхъ Имуществъ: *на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина,*

ПРОДАЮТСЯ ВНОВЬ ВЫШЕДШІЯ:

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ СКАЗКИ. А. Н. Аѳанасьева. (Изданіе 2-е) К. Солдатенкова и Н. Щепкина, выпускъ 1-й. Москва 1858 г. Цѣна 50 к., съ пересылкою 75 к. сер.

ФИЛОСОФСКІЙ ЛЕКСИКОНЪ. С. Г. Томъ I-й, А. Б. В. Кіевъ 1857 г. Цѣна 2 рубл. 50 к., съ пересылкою 3 рубл. сер.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА. 7-й дополнительный томъ. Изданіе П. В. Анненкова. Спб. 1857 г. Цѣна 1 рубль, съ пересылкою 1 рубль 50 к. сер.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ. Съ приложеніями: 1) Портрета автора, 2) Изображенія памятника надъ его могилою, 3) Автографа, 4) Герба Грибоѣдовыхъ, 5) Сценъ изъ комедіи «Горе отъ Ума» a) Балъ и b) Явленіе Репетилова, 6) Статей о комедіи «Горе отъ Ума» изъ журналовъ (1825—1827). Изданіе Евграфа Серчевскаго. Спб. 1858 г. Ц. 3 р. Съ пересылкою 3 р. 75 к. сер.

САДОВНИЧЕСТВО. Переводъ Figures pour l'almanach du bon jardinier Д. Ч. Общества В. Делла-Восса, съ добавленіемъ статьи «О размноженіи растеній» И. Палимпсестова. Одесса 1858 г. Ц. 1 р. 75 к. Съ пересылк. 2 р. 25 к. сер.

РУКОВОДСТВО КЪ ТОНКОРУННОМУ ОВЦЕВОДСТВУ для средней и южной полосъ Россіи. Составлено ученымъ агрономомъ, классификаторомъ овчарныхъ заводовъ, дѣйствительнымъ членомъ нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, Редемейстеромъ, въ 2-хъ ч. Одесса 1858 г. Ц. 2 р. 25 к. Съ пересылк. 2 р. 75 к. сер.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ПОСТРОЙКИ И СЕЛЬСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО, основанное на настоящемъ состояніи сельскаго хозяйства, составленное для содѣйствія народному благосостоянію, Э. Г. Нейманомъ. Изд. 3-е съ 207 чертежами, на 21 таблицѣ. Спб. 1858 г. Ц. 3 р. Съ пересылк. 3 р. 75 к. сер.

Digitized by Google

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ ШЕКСПИРА. Переводъ съ англійскаго Н. Кетчера, выправленный и пополненный по найденному Пэнъ-Колльеромъ старому экземпляру in folio. 1632 г.

ЧАСТЬ 5-я. Тимонъ Аѳинскій.

Два Веронца.
Юлій Цезарь.
Антоній и Клеопатра.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858 г. Ц. каждой части 1 р. Съ пересылк. 1 р. 50 к. сер.

VIII-Й ТОМЪ ИСТОРІИ РОССІИ. Сочиненіе С. Соловьева. М. 1858 г. Цѣна 2 р. Съ пересылк. 2 р. 50 к. сер.

V-Й ТОМЪ ИСТОРІИ РОССІИ. Сочиненіе С. Соловьева (2-е изданіе). М. 1858 г. Ц. 2 р. Съ пересылк. 2 р. 50 к. сер.

ДНЕВНИКЪ КАММЕРЪ-ЮНКЕРА БЕРХГОЛЬЦА, веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго, съ 1721-го по 1725 г. Перевелъ съ нѣмецкаго И. Аммонъ. Ч. 2-я (1722-й г). М. 1858 г. Ц. 1 р. 75 к. Съ пересылк. 2 р. 25 к. сер.

ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ АКАДЕМИКА Э. ЛЕНЦА. Руководство для военно-учебныхъ заведеній. (Изданіе 2-е). Съ приложеніемъ особаго атласа. Спб. 1858 г. Ц. 3 р. 30 к. Съ пересылкою 4 р. 25 к. серебромъ.

ПРИРОДА И ЛЮДИ. Уроки географіи, читанные въ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ. Спб. 1858 г. Книга I-я, выпускъ I-й. Ц. 1 р. Съ пересылк. 1 р. 50 к. Книга II-я, выпускъ II-й. Ц. 1 р. 25 к. Съ пересылк. 1 р. 75 к. сер.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА, съ портретомъ автора. Спб. 1858 г. 8 томовъ. Ц. 8 р. Съ пересылк. 11 р. сер.

ЗАПИСКИ ОБЪ ОСАДѢ СЕВАСТОПОЛЯ Н. Берга. 2 тома, съ 2-мя планами. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858. Ц. 2 р. 50 к. Съ пересылк. 3 р. сер.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ АЛЬБОМЪ Н. Берга, съ 37-ю рисунками большаго формата; при нихъ текстъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858 г. Ц 7 р. Съ пересылк. 8 р. сер.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ СТАНКЕВИЧЪ. Переписка его и біографія, написанная П. А. Анненковымъ, съ портретомъ Станкевича. М. 1858 г. Ц. 1 р. 50 к. Съ пересылк. 2 р. сер.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ ЗЕМНОЙ КОРЫ. Г. Е. ЩУРОВСКАГО.
ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ВѢРНОСТИ ВЪ РОМАНАХЪ И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА. . . А. Н. АѲАНАСЬЕВА.
ЭМѢ БОНПЛАНЪ. *(Оконч.)* . . . . . (Съ нѣмецкаго.)
НОВАЯ РУССКАЯ ОБЩИНА. Второе письмо къ Редактору. . . . . Н. ТУПИЦЫНА.

Являясь еженедѣльно книжками. отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,

и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атенея*, при книжномъ магазинѣ П. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, *десять* рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. съ полтиною*.

Печатать дозволяется. Октября 11-го, 1858 года.
Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе*.

Digitized by Google

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 42.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К°.

—

1858.

Digitized by Google

Digitized by Google

ТРИ МѢСЯЦА ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Письмо первое.

—

Я обѣщалъ подѣлиться съ Вами, Е. Ѳ., впечатлѣніями и замѣчаніями, собранными мною въ теченіе моего, къ сожалѣнію, слишкомъ краткаго путешествія. Вѣрный своему слову, я берусь за перо; но не забудьте, что я первый разъ переѣхалъ границу, что все для меня было ново, что эта новая жизнь, окружившая и охватившая меня со всѣхъ сторонъ, поразила меня, что трудно мнѣ поэтому было остановиться на томъ или другомъ предметѣ, когда меня, какъ новичка, все занимало, начиная отъ университетовъ нѣмецкихъ до послѣдняго полицейскаго чиновника, отъ дымящихся аллей силезскихъ доменныхъ печей до четырехсотлѣтняго Швейдницкаго пивнаго погребка, гдѣ ежедневно перебываетъ до 1000 человѣкъ, отъ лейпцигской книжной биржи до ночнаго сторожа, приглашающаго въ 10 часовъ, трубой, мирныхъ жителей ко сну. Все хотѣлось видѣть, обо всемъ справиться, и все это на лету; не успѣешь еще обжиться, ознакомиться, а тутъ календарь говоритъ: поѣзжай далѣе — и вашъ путешественникъ записываетъ наскоро свои замѣтки, собираетъ свои пожитки, прячетъ записную книжку въ карманъ, спѣшитъ на станцію желѣзной дороги и скачетъ далѣе. Цѣль этихъ писемъ — подѣлиться съ Вами тѣми впечатлѣніями, какія произвели на меня многія стороны жизни, мнѣ до тѣхъ поръ знакомой только по книгамъ и расказамъ. Не смотря на краткость пребыванія за границей, я, благодаря рекомендательнымъ

Digitized by Google

письмамъ и радушному пріему, успѣлъ увидѣть много любопытнаго, и постараюсь сообщить вамъ преимущественно о томъ, къ чему имѣлъ возможность ближе приглядѣться и что наиболѣе приковало къ себѣ мое вниманіе.

Не стану писать вамъ о томъ, какъ я добрался до Варшавы, но не могу не замѣтить одного, что семидневное путешествіе по Бѣлорусскому и Западному краю не можетъ не оставить тяжкаго и грустнаго впечатлѣнія. Печальная, бѣдная природа, несчастное, нищенское, загнанное и забитое народонаселеніе, грязныя жилища, мелкій скотъ, мелкія лошади, тощія, запряженныя въ маленькія двухколесныя телѣги, — Жиды, всюду снующіе и такіе же грязные и несчастные — все это наводитъ тоску и уныніе. Глазу не только не на чемъ остановиться, но смотрѣть даже не хочется, — и только за Брестомъ вы вздыхаете свободнѣй, когда въѣдете въ Царство Польское. Въ Брестѣ встрѣчаете вы каштановыя деревья, говорящія уже громко, что вы далеко оставили за собой холодную Москву съ ея березой, осиной и елью, за Брестомъ ѣдете вы уже по шоссе, усаженному аллеями изъ пирамидальныхъ тополей. За Брестомъ Царство Польское, и все принимаетъ ужь иной видъ. Здѣсь чувствуется, что вы уже на чужбинѣ. Иная упряжь, почтарь на козлахъ съ рожкомъ, на которомъ безпрестанно наигрываетъ, чистенькіе домики, тщательно выбѣленные. Подъѣзжаемъ мы къ первой станціи, и на крыльцо выходитъ прилично одѣтый господинъ. Это станціонный смотритель. Въ его конторѣ все чисто и опрятно прибрано. Здѣсь и бюро, и нѣсколько полокъ съ книгами. На другой половинѣ хлопотала смотрительша, не грязная, растрепанная смотрительша, къ которымъ мы привыкли у себя, а очень чисто и мило одѣтая барыня въ чепчикѣ, съ приличными манерами. Однимъ словомъ, вы разомъ чувствуете невольно, что уровень цивилизаціи выше въ Царствѣ Польскомъ, и что ранѣе пахнуло не него европейскою образованностью, что потребности въ цѣломъ народѣ и утонченнѣе и выше. Войдите въ первую корчму, замѣняющую здѣсь вмѣстѣ и постоялый дворъ, и наши кабаки, — и разомъ убѣдитесь, что народъ развитѣе и потребности его выше. Многія корчмы имѣютъ надъ дверьми надпись съ претензіей на остроуміе, правда, по большей части тяжеловатое. Надъ дверьми корчмы,

Digitized by Google

куда я вошелъ, покуда закладывали лошадей, красовалось крупными буквами слѣдующіе двустишіе:

Kto chce miec godnosc widzenia i trunku
Niech tu wstąpi i wszystno będzie bez frasunku.

Въ сѣняхъ былъ прилавокъ, за которымъ стоялъ хозяинъ, подлѣ бочекъ и боченковъ съ пивомъ и виномъ. По правую руку дверь вела въ большую и чистую комнату съ бѣлыми занавѣсками на окнахъ, со столами, покрытыми бѣлыми скатертями; по стѣнамъ висѣли картины отчасти тѣ же, какія встрѣчаемъ мы и у насъ на постоялыхъ дворахъ, но только къ Полю и Виржини, къ Женевьевѣ и Атталѣ, присоединялся еще Понятовскій, Чарнецкій и сцены изъ походовъ Наполеона. Сюда-то, въ эту большую горницу, собирается народъ, пьетъ пиво, вудку-стару и пляшетъ подъ звуки жидовской музыки, потому что Жиды и ее захватили въ свои руки. О Жиды, Жиды, гдѣ васъ здѣсь не встрѣтишь. Жидъ здѣсь шинкарь, Жидъ содержитъ станцію, у Жида вся торговля и мелочная и оптовая, Жидъ музыкантъ, Жидъ портной, сапожникъ, и вездѣ онъ поспѣетъ, и вездѣ въ лавкахъ, въ корчмахъ, по дорогѣ снуетъ передъ вами. Тощая жидовская фигура, въ засаленномъ длиннополомъ кафтанѣ, съ закрученными висками (пейсами), въ картузѣ на затылкѣ, со спущенными чулками, въ дырявыхъ башмакахъ и непремѣнно съ тростью въ рукѣ. На каждомъ шагу попадались намъ жидовскія большія фуры съ полотняным верхомъ, запряженныя тройкой или четверней лошадей такихъ же тощихъ, какъ сами Жиды, и съ такими же, казалось, плутовскими физіономіями. Чего не было въ тѣхъ фурахъ, начиная отъ полдюжины Жиденятъ и черныхъ и рыжихъ, и съ веснушками и безъ веснушекъ, и до разнаго скарба. А что тамъ далѣе поглубже скрыто, это ужь Богу одному извѣстно. Вѣрно только одно, что Жиды разносятъ контрабанду по всему Западному краю и даже по Бѣлоруссіи. Не одни бѣдные Евреи занимаются этимъ промысломъ — они только исполнители велѣній Евреевъ-аристократовъ, которые и покровительствуютъ имъ, и выручаютъ ихъ. Попадается бѣдный Еврей съ контрабандой, и вотъ его тянутъ къ отвѣту, и судъ готовитъ уже грозное опредѣленіе судьбы бѣднаго Шмуля. Но о Шмулѣ заботятся его богатые покровители и патроны, за ко-

Digitized by Google

торыхъ онъ попался. И вотъ собираются они дружно выручать несчастнаго, и обыкновенно выручаютъ. Одинъ патронъ, разсказывали мнѣ, уговаривая судей, дошелъ до такого поѳоса, что убѣдительно доказывалъ какъ неприлично ссылать грязнаго Жида въ Сибирь. Сибирь только для господъ хороша, убѣждалъ онъ (tylko dla wielkich panow): отъ него вся Сибирь провоняетъ (cały Sybir zasmierdzi). Конечно, не такими доводами уговорилъ онъ къ облегченію судьбы бѣднаго Еврея, но понятіе о значеніи Сибири удивительное.

Много было уже говорено и писано о Евреяхъ, объ ихъ коммерческомъ тактѣ, объ ихъ дѣятельности и изворотливости, объ ихъ положеніи въ нашемъ Западномъ краѣ и въ Бѣлоруссіи, объ отношеніи ихъ къ сельскому народонаселенію и о той эксплуатаціи, которой подвергается послѣднее отъ Евреевъ, стоящихъ неизмѣримо выше крестьянина по умѣнью вести коммерческія дѣла, и имѣющихъ перевѣсъ уже тѣмъ, что они всегда при деньгахъ, а главное тогда, когда крестьянину до зарѣзу нужны деньги.

Что все это вѣрно, что Евреи захватили въ свои руки всю мелочную торговлю, что безъ посредства ихъ не можетъ крестьянинъ ничего продать, что крестьянинъ у нихъ почти всегда въ долгу — это не подлежитъ никакому сомнѣнію и повторяется въ одинъ голосъ всѣми, кому только пришлось побывать въ этомъ краю. Но развѣ Евреи одни въ томъ виновны? Не болѣе ли здѣсь виновны законодательства всѣхъ христіанскихъ государствъ и тѣ судьбы еврейскаго народа, которыя лежатъ у насъ ясно передъ глазами, поражая своими ужасами и вызывая омерзѣніе въ каждомъ истинномъ христіанинѣ. Съ молокомъ матери всасываемъ мы въ себя уже понятіе, что Еврей не такой же человѣкъ, какъ мы, точно такъ же, какъ съ дѣтства каждый барченокъ привыкаетъ смотрѣть на своего Мишку или Ваньку, какъ на существа низшія, у которыхъ и шкура создана какъ-то иначе. Съ своей же стороны и Ванька и Мишка всасываютъ также не совсѣмъ пріязненныя чувства къ своимъ Михаиламъ Васильичамъ и Иванамъ Петровичамъ. Отсюда эта вражда между сословіями, отсюда это раболѣпіе и плутовство со стороны однихъ, и презрѣніе со стороны дру-

Digitized by Google

гихъ. Отсюда это глубокое убѣжденіе, что *хамы* не могутъ быть честны, что они всегда готовы надуть насъ, за грошъ меня продать готовы! какъ говоритъ Фамусовъ, — и убѣжденіе совершенно вѣрное, потому что рабъ не можетъ быть честенъ, особенно когда естественныя патріархальныя условія этихъ подначальныхъ отношеній пропадаютъ, хотя откровенно сознаемся, что и при существованіи ихъ Васильи Шибаевы явленія исключительныя.

Точно то же самое можно сказать о Евреяхъ. Покуда Еврей угнетенъ, покуда онъ сознаетъ свою слабость и невозможность высвободиться изъ-подъ гнета надъ нимъ тяготѣющаго, до тѣхъ поръ онъ будетъ прибѣгать ко всѣмъ возможнымъ и позволительнымъ и непозволительнымъ средствамъ, чтобы какънибудь устранить этотъ гнетъ. Покуда мы христіане не скажемъ нашему брату Еврею, что онъ точно такой же гражданинъ, какъ и мы, что онъ такія же долженъ имѣть права, какъ и мы — до тѣхъ поръ Еврей никогда не будетъ считать грѣхомъ прибѣгать къ нечестнымъ средствамъ противъ христіанина. Око за око, зубъ за зубъ. Въ этомъ взаимномъ недоброжелательствѣ и презрѣніи кроется все зло; здѣсь гнѣздятся причины той низкой степени развитія, до котораго низошли западные Евреи; отсюда отсутствіе сознанія собственнаго достоинства, раболѣпіе, трусость; отсюда возможность такой фразы, что Сибирь провоняетъ отъ смердящаго Еврея, и въ то же самое время его неуклонное стремленіе нажить себѣ всѣми возможными средствами деньги, и позволенными, и непозволенными.

У Еврея нѣтъ родины, онъ вѣчный странникъ среди чуждаго и враждебнаго ему народонаселенія, отъ котораго онъ постоянно, и въ средніе вѣка, и теперь, откупается только деньгами. Деньги для Еврея такъ же необходимы, какъ насущный хлѣбъ, и иной разъ пожалуй деньги нужнѣе ему хлѣба, потому что трудно встрѣтить человѣка умѣреннѣе Еврея. Представимъ же себѣ теперь среди грубаго неразвитаго сельскаго народонаселенія, народонаселенія въ добавокъ также угнетеннаго, бродячее, но многочисленное еврейское народонаселеніе съ врожденною ему склонностью къ торговому промыслу, народонаселеніе умѣренное и трезвое, постоянно съ наличными деньгами, ничтожными, правда, но которыя все-таки всегда и вездѣ даютъ

Digitized by Google

перевѣсъ. Представимъ себѣ далѣе, что цѣлое это народонаселеніе крѣпко держится другъ за друга, начиная отъ богатаго капиталиста и до послѣдняго шинкаря, или прасола, что всѣ они, въ довершеніе всего, поставлены и законодательствомъ, и своими обычаями, и религіей, и историческими условіями во враждебныя отношенія ко всему остальному народонаселенію, то-есть къ неимущему и угнетенному сельскому люду, а съ другой стороны къ лѣнивому, надменному сословію землевладѣльцевъ, постоянно нуждавшихся въ деньгахъ, которыми Жиды вѣчно ихъ снабжали за громадные проценты, — землевладѣльцевъ, у которыхъ они покупали сельскія произведенія или завѣдывали хозяйствомъ. Сообразивши всѣ эти обстоятельства, легко понять отъ чего вся торговля здѣшняго края перешла въ руки Евреевъ, отчего они въ этомъ промыслѣ совершенные монополисты; а гдѣ монополія какого бы то ни было промысла въ однѣхъ рукахъ, тамъ отзывается подобная натянутая промышленная организація неблагопріятно на цѣломъ остальномъ народонаселеніи. А что у Евреевъ въ рукахъ вся торговля мелочная и оптовая — въ этомъ можетъ каждый убѣдиться, проѣхавъ по Бѣлорусскому краю или по Царству Польскому. Они всеобщіе банкиры, начиная отъ помѣщиковъ и до крестьянина, — послѣдній же всегда у нихъ въ долгу и всегда отъ нихъ въ зависимости.

Еврей не требуетъ своего долга непремѣнно деньгами — онъ беретъ произведеніями, но тутъ-то и кроется все зло, потому что мужикъ платитъ ужасные проценты. Тѣсная связь и солидарность между Евреями, обширный кредитъ, которымъ они пользуются другъ у друга, общіе интересы, ихъ связующіе, безпрерывная и неуклонная взаимная поддержка содѣйствуютъ точно также перевѣсу ихъ надъ остальнымъ народонаселеніемъ, которое не можетъ дѣйствовать такъ дружно, тогда какъ у Евреевъ союзный духъ поддерживается и религіозными, и общественными условіями ихъ жизни, и наконецъ тѣмъ гнетомъ, который они испытывали постоянно и который заставилъ ихъ сомкнуться въ тѣсную массу, чтобы противодѣйствовать окружающему ихъ быту и защищаться отъ притѣсненій, постоянно и на каждомъ шагу для нихъ готовыхъ. Евреевъ тутъ винить не за что. Несправедливость съ одной стороны вызвала противодѣйствіе съ другой, и мы скорѣе должны еще

Digitized by Google

удивляться и даровитости, и энергіи, и живучести этого народа, который среди всѣхъ бѣдствій не только сохранилъ свою національность, но и заявилъ свое существованіе такъ сильно. Если я здѣсь говорю о вредномъ вліяніи торговой монополіи Евреевъ на весь Бѣлорусскій и Западный край, то конечно уже не съ тѣмъ, чтобы заставить подозрѣвать въ моихъ словахъ намекъ на необходимость новыхъ стѣсненій для Евреевъ и для ихъ торговли. Въ этой монополіи виноваты сами христіане болѣе Евреевъ, и имъ самимъ предстоитъ задача измѣнить такія неестественныя отношенія. Безденежье и угнетеніе крестьянъ, неразсчетливость и барская лѣность землевладѣльцевъ, отсутствіе промышленнаго смысла въ остальныхъ сословіяхъ, лихоимство администраціи, оказывающей всегда предпочтеніе людямъ денежнымъ,—все это вмѣстѣ содѣйствовало къ полному господству еврейскихъ капиталовъ въ Западномъ и Бѣлорусскомъ краѣ. Столпленные и скученные только въ этихъ мѣстностяхъ, не имѣя возможности расширить далѣе свои дѣла, Евреи сосредоточили всю свою дѣятельность здѣсь и не встрѣчаютъ себѣ соперниковъ. Все народонаселеніе въ рукахъ Евреевъ — это правда, но что же оно будетъ безъ нихъ дѣлать? Еврей-прасолъ, Еврей-арендаторъ выжимаютъ изъ народа весь сокъ, это правда, но какъ же обойдтись безъ Еврея? Самъ крестьянинъ, ежели его спросить объ этомъ, согласится съ вами, будетъ неистовствовать противъ Еврея и все-таки сознается, что не будь Еврея, ему и некому и негдѣ было бы продать избытки своего ничтожнаго хозяйства, неоткуда было бы достать денегъ. Запретить Евреямъ таскаться отъ двора во дворъ, отъ села къ селу, съ базара на базаръ — значило бы остановить разомъ промышленность цѣлаго края, которую они одни только поддерживаютъ. Пустите сюда русскихъ прасоловъ, — и при настоящемъ положеніи Бѣлоруссіи и Западныхъ губерній, они оберутъ до-чиста сельское народонаселеніе, конечно если отнять у Евреевъ это право, или ограничить ихъ торговлю: но развѣ такія мѣры возможны, и развѣ можно стѣснять кого бы то ни было въ промыслахъ, закономъ дозволенныхъ. Чѣмъ ближе мы, однимъ словомъ, вглядимся въ это дѣло, тѣмъ болѣе должны убѣдиться, что зло кроется въ общественныхъ условіяхъ края и что вина падаетъ не на однихъ торгашей-Ев-

Digitized by Google

реевъ, такъ же по большей части загнанныхъ и бѣдныхъ, какъ и остальное народонаселеніе. Здѣсь полный вопросъ въ томъ, чтобы поднять уровень и матерьяльнаго благосостоянія, и нравственнаго развитія цѣлаго края, какъ христіанъ, такъ и Евреевъ, уничтожить рѣзкія отличія между гражданскими правами разныхъ сословій и главнымъ образомъ между Евреями и христіанами. Не стѣснительными мѣрами еврейскихъ промысловъ, не насильственнымъ обращеніемъ ихъ къ земледѣльческимъ промысламъ, не тѣмъ, что будутъ имъ стричь пейсы или запрещать женщинамъ брить волосы, можно сравнять Евреевъ съ остальными гражданами, — такія мѣры возможны и понятны только въ эпохи варварства и дикости. Законодатель обязанъ глубже вникать въ общественныя язвы, поразившія цѣлое племя или цѣлый край. Наружными средствами трудно лѣчить болѣзни, глубоко таящіяся въ организмѣ. Въ такихъ вопросахъ необходимо доискиваться основныхъ причинъ общественнаго недуга и искоренять его, точно такъ же какъ поднять уровень народной нравственности можно не кровавымъ уголовнымъ законодательствомъ, не болѣе или менѣе строгими тѣлесными наказаніями, но гражданскою свободой, развитіемъ въ народѣ сознанія его правъ, чувства собственнаго достоинства, а главное—образованіемъ. Народъ, знающій свои права, необходимо будетъ знать и обязанности.

У насъ передъ глазами примѣръ сосѣдняго государства, гдѣ вопросъ о Евреяхъ возбуждалъ такіе же толки, гдѣ изъ разныхъ провинцій часто подымались жалобы сельскаго сословія на Евреевъ прасоловъ и барышниковъ, гдѣ противъ нихъ также принимались стѣснительныя и ограничивающія ихъ торгъ и ихъ промыслы мѣры, и гдѣ наконецъ правительство обратилось совершенно къ другимъ мѣрамъ и избрало путь иной, болѣе достойный образованной христіанской націи. Примѣръ Пруссіи для насъ особенно важенъ, потому что здѣсь мы встрѣчаемъ еврейское народонаселеніе, разсѣянное на большомъ пространствѣ и въ добавокъ еще на разныхъ степеняхъ образованія. Изъ оффиціальныхъ отчетовъ, представленныхъ правительствомъ сейму въ 1847 году, можно ясно видѣть до какой степени свободныя учрежденія благодѣтельно подѣйствовали на еврейское народонаселеніе, и какъ ясно замѣтны были успѣхи

Digitized by Google

эти по мѣрѣ расширенія гражданскихъ правъ Евреевъ. Познаньская провинція, гдѣ еврейское народонаселеніе во многомъ напоминаетъ намъ Евреевъ Царства Польскаго и Западнаго края, представляетъ намъ самый разительный примѣръ, какіе громадные успѣхи сдѣлало оно и въ нравственномъ, и въ общественномъ отношеніяхъ, благодаря не стѣснительнымъ, или понудительнымъ мѣрамъ, но, наоборотъ, мѣрамъ, расширившимъ права Евреевъ и вызвавшимъ въ нихъ чувство собственнаго достоинства и любовь къ общей родинѣ. Опытомъ уже дознано, что чѣмъ свободнѣе учрежденія, чѣмъ шире гражданскія права въ народѣ, тѣмъ всегда выше его образованіе, и то и другое идутъ дружно рука объ руку. Въ своемъ отчетѣ правительство говоритъ само, что вездѣ Евреи болѣе развиты въ тѣхъ частяхъ королевства, гдѣ законодательство имъ благопріятствуетъ и гдѣ они болѣе сравнены въ правахъ съ остальными гражданами. Въ Познаньской провинціи такое измѣненіе весьма замѣтно. Число Евреевъ, занимающихся полезными ремеслами, мануфактурною промышленностью и не кочевою бродячею торговлею, а солидною и осѣдлою, замѣтно увеличилось, образъ жизни ихъ весьма улучшился, на свѣтское воспитаніе дѣтей они начали гораздо болѣе обращать вниманія, и наконецъ еще замѣтнѣе оказалось въ нихъ стремленіе сложить съ себя свои внѣшнія національныя особенности, такъ рѣзко ихъ отличавшія отъ остальнаго народонаселенія. Это еще тѣмъ было поразительнѣй, что бо́льшая часть познаньскихъ Евреевъ бѣдны и убоги, и не имѣли средства дать своимъ дѣтямъ начальнаго образованія. Не менѣе утѣшительные результаты расширенія гражданскихъ правъ Евреевъ сообщало прусское правительство и относительно другихъ провинцій. Почти во всѣхъ провинціальныхъ отчетахъ находятся, правда, единогласные отзивы, что Евреи занимаются по преимуществу торговлею и притомъ торговлей мелочною, прасольствомъ и барышничествомъ, что къ ремесламъ они мало оказываютъ наклонности, еще менѣе къ земледѣлію, что даже посвятившіе себя земледѣлію Евреи не оставляютъ своихъ любимыхъ занятій, — но не смотря на все это, ни одно провинціальное управленіе не подало голоса въ пользу стѣсненія ихъ; напротивъ, всѣ сознавались, что расширеніе гражданскихъ правъ

Digitized by Google

Евреевъ, заключавшееся въ эдиктѣ 1812 года, имѣло самыя благодѣтельныя послѣдствія. Изъ Бреславля, изъ Оппельна поднялись громкіе голоса въ пользу Евреевъ; изъ Франкфурта на Одерѣ доносили, что между низшими слоями народонаселенія еврейскаго и христіанскаго не замѣтно уже большой разницы, что школы посѣщаются правильно еврейскими дѣтьми. Отовсюду шли похвальные отзывы Евреямъ; относительно же вреднаго ихъ вліянія на сельское сословіе, которое въ долгу у ростовщиковъ-Евреевъ, многія провинціи отозвались, что это болѣе происходитъ отъ стѣсненнаго и безпомощнаго вообще положенія бѣдныхъ земледѣльцевъ. Не должно никогда забывать, что въ цѣломъ народѣ или сословіи трудно себѣ представить нравственное паденіе и дурныя позорныя качества, которыя бы не были результатомъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, кроющихся въ его исторіи. Мекленбургскій помѣщикъ, котораго великій прусскій министръ Штейнъ назвалъ плотоядным животнымъ, распространяющимъ всюду вокругъ себя запустѣніе, точно такъ же измѣнился, когда на него пахнуло образованіемъ и человѣчностью XIX-го столѣтія, какъ и крѣпостной его, который изъ угнетеннаго и раболѣпнаго холопа сдѣлался, съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, гражданиномъ. Точно то же относится и къ Евреямъ. Къ какому же промыслу имъ можно было обратиться, когда всѣ пути были для нихъ закрыты; какъ же имъ не обманывать, не барышничать, когда въ теченіи 2000 лѣтъ Еврей и мошѣнникъ были чуть не синонимами для христіанскаго народонаселенія, когда на Евреевъ смотрѣло такъ даже само законодательство. Но чуть только падаютъ преграды, отдѣлявшія Евреевъ отъ остальнаго народонаселенія, заграждавшія ему пути къ честнымъ заработкамъ, такъ тотчасъ же это умное и обладающее многими драгоцѣнными нравственными качествами племя предается разнымъ промысламъ и занятіямъ съ настойчивостью, неутомимымъ трудомъ и, по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, далеко оставляетъ за собой въ отношеніи къ нравственному и духовному развитію остальное народонаселеніе. Въ наше время всеобщей эманципаціи европейскія законодательства не могутъ оставить и не оставили безъ вниманія многочисленное племя Евреевъ. Дружно со всѣхъ сторонъ раздались крики въ пользу сравненія

Digitized by Google

Евреевъ въ правахъ со всѣми остальными гражданами, и сравненіи безусловномъ, а не постепенномъ, какъ того еще требуютъ во многихъ мѣстахъ Германіи. Если начала истинны и потребность ихъ лежитъ въ духѣ нашего времени, то къ чему же тутъ медлить и прибѣгать къ полумѣрамъ.

«Если вы хотите помочь разумному и дѣловому человѣку въ его предпріятіи, сказалъ одинъ изъ представителей прусскаго народа, то неужели вы найдете болѣе полезнымъ отпускать ему деньги по грошамъ, чѣмъ вручить ему весь капиталъ, дабы онъ былъ въ состояніи приняться разомъ за производство. По моему мнѣнію, послѣдній путь гораздо вѣрнѣе и разумнѣе, и его-то мы должны избрать въ отношеніи къ Евреямъ. Мы должны, мы обязаны передать имъ въ руки, черезъ посредство эманципаціи, капиталъ полнѣйшей гражданской свободы, чтобы они пустили его въ оборотъ честно и благородно на пользу себѣ и цѣлой родинѣ.» Нашему времени предстоитъ безспорно завидная доля принять въ свою среду столь долго отверженныхъ, вслѣдствіе религіозныхъ и политическихъ предразсудковъ, братьевъ; предстоитъ — можемъ мы смѣло сказать, когда Еврей пробилъ себѣ дорогу въ англійскій парламентъ и занялъ мѣсто среди представителей свободнаго великобританскаго народа. Но отдавая полную дань уваженія этому великому дѣлу англійскаго парламента, заявившаго снова столь громко разрывъ промышленной денежной Англіи съ отживающими общественными формами Англіи феодальной — не забудемъ, что впервые раздался голосъ въ пользу уравненія Евреевъ съ остальными гражданами изъ Франціи, и что полнѣйшее равенство между Евреями и христіанами существовало въ Европѣ только во Франціи да въ земляхъ, вошедшихъ въ составъ первой Имперіи.

Но я слишкомъ уже распространился о Евреяхъ, которымъ каждый проѣзжій по нашему Западному краю не можетъ не остаться признателенъ и за тѣ немногія удобства, которыми онъ пользуется. Безъ Евреевъ врядъ ли что́ можно было бы себѣ достать, и притомъ за такую сходную цѣну.

Утромъ часовъ въ 9-ть остановились мы на площади городка Biala. Намъ тотчасъ же указали на кондитерскую, гдѣ можно было достать и кофе, и чай, и завтракъ. Маленькій уѣздный городокъ — и кондитерская чистая, опрятная, со всѣми удобствами,

Digitized by Google

съ газетами на столикахъ. И это въ каждомъ городкѣ. Часу въ 5-мъ мы пріѣхали въ Сѣдльце, и тамъ тоже нашли кондитерскую съ такими же удобствами. Такъ какъ время было уже вечернее, то мы застали здѣсь цѣлое общество: двухъ отставныхъ кавалеристовъ игравшихъ въ домино, учителя читавшаго газеты, и еще кой-кого или за лимонадомъ, или за кофе.

Я и здѣсь не могъ не припомнить нашихъ уѣздныхъ городовъ, и здѣсь невольно пришло въ голову сравненіе между нашей харчевней и кондитерской польскаго городка. Разница здѣсь таже какъ и между корчмой и нашимъ кабакомъ, этимъ гнѣздилищемъ разврата, воровства и разбоя. Не потому, что кондитерская въ городѣ, вижу я болѣе развитости,—надѣюсь, Вы не заподозрите меня въ этомъ,—а потому что здѣсь кондитерская и корчма, а не кабакъ и не грязная харчевня — вотъ въ чемъ преимущество. Уже внѣшній видъ городовъ иной. Другая постройка домовъ, по большей части каменныхъ съ крутобокими черепичными кровлями, иное расположеніе города, городская площадь съ ратушей, надъ которой возвышается каланча съ часами—однимъ словомъ вся наружность напоминаетъ уже города Германіи. На васъ вѣетъ дѣйствительно городовою жизнью, не то что наши села-города, произведенные въ послѣдніе по приказу, и гдѣ только каменныя присутственныя мѣста, да колодезнымъ журавлемъ тарчащій шлагбаумъ напоминаютъ вамъ, что вы въѣхали въ городъ, отданный въ одно и то же время и въ кормленіе и на откупъ, вопреки нашей пословицѣ, что съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ.

Въ Варшавѣ пробылъ я всего два дня, и 8-го мая рано утромъ вышелъ на таможнѣ въ Мысловицѣ. И вотъ я за границей. День былъ отвратительный, сыро, холодно, шелъ мелкій дождь, холодный вѣтеръ пронизывалъ васъ насквозь, мѣстность самая грустная, кругомъ песокъ и тощій ельникъ — а на душѣ было все-таки весело. Удивительное чувство выѣхать въ первый разъ за границу. Васъ все занимаетъ: и прислуга на желѣзной дорогѣ, и новыя лица, и чуждый языкъ, и другіе мундиры пожалуй, и иные обычаи. Вы съ любопытствомъ вглядываетесь во все, и вамъ какъ-то странно, и въ то же время весело. Bitte um den Pass, mein Herr, и длинная фигура въ синемъ сертукѣ протягиваетъ руку. Отдалъ паспортъ, а за тѣмъ передалъ и себя, и свои

Digitized by Google

пожитки въ руки таможеннымъ. Ich kenne die Gesetze, ich habe nichts, раздавался за мной пискливый голосъ. Ich bin Beamter, russischer Beamter. Я оглянулся. Въ фуражкѣ съ краснымъ околышкомъ пробирается маленькій человѣчекъ, и за нимъ носильщики тащатъ два огромныхъ тюка. Ich bin russischer Beamter. Das sind Kissen, продолжаетъ онъ, указывая на тюки и приподымая фуражку. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ приложилъ длинный таможенный чиновникъ палецъ къ козырьку и посмотрѣлъ подозрительно на тюки. Federbette? спросилъ онъ и ткнулъ кулакомъ въ тюки, чтобы удостовѣриться точно ли russischer Collegienrath везетъ съ собой перины и подушки. Но дѣло кончилось благополучно, и подушки были избавлены отъ пошлины. Таможенные чиновники не придирчивы — нельзя имъ не отдать справедливости, но какъ всѣ чиновники прусскіе — грубоваты и важны. Зато какой порядокъ, какъ все хорошо прилажено, какъ покоенъ и обозпеченъ путешественникъ. Носильщики берутъ вещи, они же отпираютъ чемоданы для досмотра, они же вамъ запрутъ и снесутъ, не требуя нечего за труды, не надоѣдая вамъ чайными и водочными деньгами. Но когда вы подходите къ конторкѣ платить за вещи, одинъ изъ носильщиковъ стоитъ тутъ и собираетъ съ каждаго по $2^1/_2$ гроша въ пользу носильщиковъ. Хотите дать лишнее—это отъ васъ зависитъ, но такса опредѣлена, и никто не смѣетъ у васъ требовать больше, точно также какъ и путешественникъ не смѣетъ не заплатить. Но вотъ раздался звонокъ, всѣ мы усѣлись по своимъ мѣстамъ, всѣмъ намъ возвратили паспорты, машина свиснула и помчалась. Грустнѣе и печальнѣе этой части Силезіи, именно ея сѣверовосточнаго угла, трудно себѣ что-нибудь представить. Одинъ песокъ и глина, на которомъ безпрестанно торчатъ стройными рядами еловые лѣсные участки, выровненные, выхоленные, говорящіе громко въ какомъ отличномъ порядкѣ здѣсь находится лѣсное хозяйство, и какъ здѣсь дорожатъ лѣсомъ. Но не смотря на грустную и печальную природу этой части Силезіи, уголокъ этотъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между провинціями прусскаго королевства по широко развившемуся здѣсь горнозоводскому дѣлу, по обилію желѣза и каменнаго угля, цинка и свинцу, за дѣятельную разработку которыхъ принялись весьма въ недавнее

Digitized by Google

время. Горизонта не видно за дымомъ, подымающимся изъ громадныхъ трубъ, за паромъ изъ машинъ. То и дѣло мчитесь вы мимо желѣзныхъ, цинковыхъ заводовъ, то и дѣло проѣзжаете мимо вновь строющихся печей, служащихъ яснымъ доказательствомъ, что промышленность эта получаетъ безпрерывно бо́льшіе размѣры. Весь этотъ уголъ, сѣверовосточный уголъ Силезіи, прорѣзывается польско-силезскими горами, невысокими, состоящими главнымъ образомъ изъ изветняка, и заключающими въ себѣ все это минеральное богатство не только здѣсь, но, какъ мнѣ разсказывали и далѣе въ тѣхъ отрасляхъ, которыя тянутся на востокъ по Царству Польскому. Изъ Польши возятъ желѣзную руду въ Силезію. Но главнымъ образомъ сосредиточивается все это минеральное богатство въ Бейтенскомъ округѣ, гдѣ ко всему этому присоединяются еще богатѣйшія каменноугольныя копи, благодаря которымъ только и могло развиться въ такихъ размѣрахъ производство чугуна и желѣза, доставившее громкую извѣстность Силезіи. Счастливый случай послалъ мнѣ въ спутники преобязательнаго, предобраго старичка, силезскаго помѣщика, который сообщилъ мнѣ много весьма интересныхъ подробностей о здѣшней промышленности. Онъ ѣхалъ въ Бреславль на шерстяную ярмонку, предостерегъ сначала меня отъ воровъ бреславскихъ, которымъ, по его словамъ, нѣтъ подобныхъ въ цѣломъ прусскомъ королевствѣ, повздыхалъ о томъ что и травы, и сурѣпица, и хлѣба плохи, на что его сосѣдъ, длинный здоровый Померанецъ, отвѣчалъ что тѣмъ лучше, что чѣмъ голоднѣе работники, тѣмъ лучше работать станутъ, и за тѣмъ закидалъ меня распросами объ Россіи. Я проклиналъ его любопытство. Мнѣ хотѣлось его распрашивать о Силезіи, а онъ меня вдругъ спрашиваетъ, хорошо ли будетъ въ Россіи крестьянамъ на волѣ. Сильно озадачилъ меня этотъ добродушный вопросъ. «Вамъ это лучше всего знать, отвѣчалъ я. Развѣ Силезія была такъ богата при крѣпостномъ народонаселеніи, развѣ эта промышленность могла такъ развиться какъ она теперь развилась?»—Ахъ, bester Herr, да вѣдь если бы вы знали что это за народъ здѣсь. Вѣдь эти Поляки (diese Polacken) ничего не хотятъ дѣлать безъ водки. Вотъ теперь мы не смѣемъ ихъ пальцемъ тронуть — а вѣдь это право не удобно. Прежде бывало выпорешь его, ну онъ на время

Digitized by Google

и ведетъ себя лучше. — Ну, въ Берлинѣ, я думаю, на эти отношенія нѣсколько иначе смотрятъ, возразилъ я. — Ach sprechen sie nicht von dieser Judenstadt (не говорите объ этомъ жидовскомъ гнѣздѣ), воскликнулъ старичекъ и набожно перекрестился. Они тамъ вогнятъ во гробъ нашего добраго короля, точно такъже какъ въ Бреславлѣ загубили они нашего Дипенброка. — Я замолчалъ. Первое знакомство на чужбинѣ странное, подумалъ я, и невольно спросилъ его о мѣстѣ жительства. Оказалось, что это помѣщикъ изъ окрестностей Ратибора, и сколько могъ я понять, оставившій Галицію послѣ смутъ 1846 года. Поѣздъ остановился на станціи Königshütte; здѣсь же находится образцовый и притомъ громаднѣйшій желѣзный заводъ въ Силезіи. Его основалъ, лѣтъ пятьдесять тому назадъ, министръ Реденъ, и съ этого времени, говорятъ, началось развитіе желѣзнаго производства въ Силезіи. На горѣ близь Königshütte поставленъ красивый памятникъ основателю знаменитаго завода, который доставляетъ ежегодно до 150,000 центнеровъ чугуна.

Много, впрочемъ, причинъ содѣйствовало разомъ къ быстрому развитію желѣзнаго и вообще горнозаводскаго дѣла въ Силезіи. Реформы, совершенныя въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Пруссіи, не остались безъ благодѣтельнаго вліянія и на силезскую промышленность. Снятіе всѣхъ оковъ, которыми была спутана промышленность, проложеніе хорошихъ путей, освобожденіе народонаселенія отъ крѣпостной и цеховой зависимости, техническія усовершенствованія въ администраціи—всѣ эти перемѣны не прошли и не могли пройдти мимо Силезіи не затронувъ ея и не вызвавъ ее къ дѣятельности и къ пользованію богатствами, лежавшими до тѣхъ поръ безъ всякаго оборота. Капиталы не замедлили броситься сюда, на эту непочатую еще и богатую почву, какъ скоро открылось имъ свободное поле для дѣятельности, не стѣсняемое никакими произвольными помѣхами или отжившими свой вѣкъ общественными учрежденіями. Не забудемъ также, что развитіе здѣшней промышленности совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда вездѣ въ Европѣ началась дѣятельность акціонерныхъ компаній, когда передовыя промышленныя общества Европы пришли къ сознанію всѣхъ неисчислимыхъ выгодъ, доставляемыхъ промыш-

Digitized by Google

ленными товариществами, и когда помѣщеніе капиталовъ въ такого рода предпріятія стало любимою и самою употребительною формой большаго производства. Въ этомъ отношеніи нельзя не остановиться съ чувствомъ глубокаго уваженія передъ просвѣщеннымъ правительствомъ Пруссіи и ея государственными людьми, которые со времени великихъ реформъ держались постоянно и неуклонно того правила, что каждое правительство необходимо обязано стараться уклоняться отъ вмѣшательства въ промышленныя дѣла, предоставить самое широкое и свободное поле частной дѣятельности и предпріимчивости, сохранивъ себѣ иниціативу только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ у частной промышленности недостанетъ средствъ, или гдѣ, вообще, частные эгоистическіе и корыстные интересы мѣшаютъ общему благу. Бывали и здѣсь конечно ошибки и попытки регламентаціи, особенно послѣ событій 1848 года, но отъ крайностей и реакціонныхъ попытокъ спасли Пруссію съ одной стороны мощно двинувшаяся впередъ промышленность, которую не было уже возможности остановить и стѣснить мѣрами регламентарными, а съ другой образованіе и просвѣщенное пониманіе народныхъ потребностей и истинныхъ началъ народнаго хозяйства въ людяхъ, стоящихъ въ челѣ прусскаго правительства, между которыми на первомъ планѣ стоитъ министръ фонъ-Гейдтъ, личность въ высшей степени достойная уваженія. Его ждали въ Бреславлѣ въ бытность мою тамъ. Онъ инспектировалъ заводы, желѣзныя дороги и всюду былъ принимаемъ съ выраженіями искренней любви и преданности.

Его неутомимыя старанія объ расширеніи путей сообщенія, его мѣры къ преобразованію почтоваго устройства, къ устройству телеграфовъ по всѣмъ направленіямъ монархіи, останутся навсегда памятными Пруссіи, ибо такимъ только путемъ и такими преобразованіями можно было расшевелить и вызвать къ дѣятельности дремавшія въ разныхъ мѣстахъ производительныя силы. Положимъ, что многія мѣры и улучшенія вызваны были самимъ временемъ, самою промышленностью, но заслуга государственнаго человѣка состоитъ именно въ томъ, чтобы прислушиваться чуткимъ ухомъ къ народнымъ требованіямъ, облегчать пути народной дѣятельности, а не задерживать ихъ — отъ непониманія ли ихъ, или отъ привычки къ про-.

Digitized by Google

извольному и безсмысленному распоряженію. Геніальные государственные люди рѣдки; они являются въ тяжкія переходныя минуты народной жизни; въ нихъ выражаетъ народъ свои задушевныя стремленія, свои потребности, свое неукротимое требованіе порѣшить со старымъ, дабы выйдти на новую дорогу и продолжать жизнь свою по пути прогресса, но такія переходныя эпохи наступаютъ для народа вѣками и, сильно сдается намъ, задачи ихъ и значеніе въ исторіи чуть ли не прошли безвозвратно. Запасъ свѣдѣній и знаній въ европейскомъ человѣчествѣ сталъ гораздо богаче, гражданскія права расширились, сознаніе правъ усилилось и наконецъ довѣріе къ насильственнымъ переворотамъ, вслѣдствіе горькихъ опытовъ, угасаетъ. Потребности государственныя и общественныя принимаются всѣми близко къ сердцу, гласность допускаетъ всеобщій народный контроль, уваженіе къ общественному мнѣнію въ образованномъ правительствѣ воздерживаетъ его отъ произвольныхъ распоряженій, и оно же заставляетъ невольно выбирать въ государственные дѣятели людей, пользующихся извѣстностью, людей, спеціально знакомыхъ съ частью государственнаго управленія, въ челѣ которой ихъ ставятъ, а не перваго проходимца; широко же разлитое въ народѣ образованіе, и общее и спеціальное, даетъ возможность выбора достойнѣйшаго. Въ Европѣ прошло или проходитъ по крайней мѣрѣ то время, когда еще думали что хорошій кавалеристъ можетъ быть и отличнымъ правителемъ, плохой шефъ полиціи или попросту полицмейстеръ—директоромъ важнаго спеціальнаго училища. Такія явленія возможны были прежде, когда государственная жизнь была проще и не такъ сложна, когда хорошій полководецъ могъ быть дѣйствительно хорошимъ администраторомъ. Что было въ жизни, то отражалось и въ наукѣ. Non defuit homini sed scientiae quod nescivit Salmasius, служитъ только яснымъ свидѣтельствомъ, какъ тѣсна была еще въ то время область науки. То же самое было и въ государственномъ управленіи. Припомнимъ простоту средневѣковыхъ финансовъ, военнаго управленія или другой какой-нибудь части, которыя въ настоящее время требуютъ спеціально и глубоко знающаго свою часть администратора. Оттого-то едва только приступили въ Австріи послѣ 1849 года къ реформамъ, какъ тотчасъ же вызвали для управленія фи-

Digitized by Google

нансами прямо изъ конторы Лойда опытнаго купца Брука. Прусскій министръ торговли, Августъ Гейдтъ, также не новичекъ въ своемъ дѣлѣ, а человѣкъ опытный, узнавшій торговлю не по отчетамъ, присылаемымъ въ министерство, не въ канцеляріи, а на самомъ дѣлѣ. Молодымъ человѣкомъ еще провелъ онъ нѣсколько лѣтъ, по окончаніи своихъ учебныхъ годовъ, во Франціи и Англіи, потомъ поступилъ въ банкирскую контору отца своего въ Эльберфельдѣ, которою управлялъ потомъ самъ. Пользуясь всеобщимъ уваженіемъ своихъ согражданъ, онъ, по достиженіи опредѣленнаго закономъ возраста, выбранъ былъ въ члены эльберфельдскаго коммерческаго суда, гдѣ былъ потомъ президентомъ до призыва его въ министерство. Здѣсь-то обнаружилъ онъ свое глубокое пониманіе торговыхъ и промышленныхъ потребностей, свой свѣтлый взглядъ и практическій смыслъ въ дѣлѣ торговой политики, обратившіе на него вниманіе правительства, которое и поручило ему управленіе министерствомъ торговли.

Что за движеніе, что за дѣятельность по всей верхнесилезской желѣзной дорогѣ и по обѣимъ ея сторонамъ. Ежедневно ходятъ по этой линіи 26 поѣздовъ, на протяженіи 26½ миль. Ежегодно провозится здѣсь до 12-ти милліоновъ центнеровъ грузу. Доходъ съ этой линіи простирается до 2,103,494 талеровъ, расходы до 946,514 т.; акціонеры этой компаніи получаютъ 18% дивиденда. Такое движеніе и такія выгоды объясняются конечно мѣстными условіями, именно громаднымъ отпускомъ произведеній здѣшней горнозаводской промышленности, — все это такъ, но трудно рѣшить что̀ чему болѣе содѣйствовало. Если силезская промышленность обусловила такое движеніе по желѣзной дорогѣ, зато послѣдняя дала возможность и средства къ провозу и слѣдовательно къ расширенію производства. Въ организмѣ народнаго хозяйства всѣ силы, приводящія его въ движеніе, такъ тѣсно связаны между собою, такъ взаимно обусловливаютъ другъ друга, что нѣтъ никакой возможности рѣшить на чьей сторонѣ болѣе заслуги въ дѣлѣ умноженія народнаго благосостоянія. Если оба фактора 3 и 6 содѣйствуютъ въ умноженіи къ полученію произведенія 18-ти, то какъ же тутъ рѣшить на чьей сторонѣ болѣе услуги. Ни безъ того, ни безъ другаго фактора мы не имѣли бы

Digitized by Google

произведенія. Верхнесилезская дорога, содѣйствовавшая такъ много къ развитію промышленности въ здѣшнемъ краѣ, можетъ служить яснымъ доказательствомъ, какое вліяніе имѣютъ вѣрно-проложенные пути на народное хозяйство. Подобные примѣры громче всего опровергаютъ толки, поднимающіеся противъ нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ у насъ въ Россіи на томъ основаніи, что народонаселеніе у насъ рѣдкое, что промышленность развита мало и что дороги будутъ чисто въ убытокъ. Менѣе, можетъ-быть, нежели кто-либо вѣрю и я въ большіе доходы отъ проектированныхъ у насъ линій, но я глубоко убѣжденъ, что онѣ вызовутъ къ дѣятельности коснѣющія производительныя силы, пробудятъ предпріимчивость, умножатъ производство, облегчатъ, ускорятъ обороты и обмѣнъ продуктовъ, не имѣвшихъ доселѣ рынковъ, и за тѣмъ будутъ сами уже получать барыши. Назначеніе и цѣль многихъ изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ—расшевелить промышленность; правительство, обезпечивая проценты компаніи, платитъ покуда премію начинающему народному производству, премію, которая возвратится ему впослѣдствіи сторицею.

Давно уже было извѣстно, что Силезія заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ богатѣйшіе запасы цинка, но еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ этомъ уголкѣ Силезіи добывалось не болѣе 10,000 центнеровъ галмею (Galmei). Было время, что не знали куда дѣваться съ этимъ продуктомъ, высылали за границу галмей, и получали въ замѣнъ дорогою цѣной цинкъ. Не далѣе какъ въ послѣднія десятилѣтія принялись энергически за разработку этого богатства. Теперь количество добываемаго галмею простирается до 3-хъ милліоновъ центнеровъ, и цинку производится до 680,000 центнеровъ. Пріиски, которые прежде бывало покупались за 800 или 1000 талеровъ, отдаются теперь въ аренду за 12 и 14,000 талеровъ. И такіе же успѣхи замѣтны въ добычѣ желѣза и каменнаго угля. Такъ, напримѣръ, число чугунныхъ заводовъ утроилось въ промежутокъ времени съ 1847—1856 годъ.

Около девяти часовъ утра мы были въ Козелѣ, главномъ перевалочномъ пунктѣ для товаровъ и пассажировъ. Здѣсь сходятся поѣзды изъ Бреславля, Вѣны и Варшавы, потому что отъ Козеля идетъ вѣтвь верхнесилезской дороги, соединяю-

Digitized by Google

щая послѣднюю съ сѣверною австрійскою линіей (Kaiser Ferdinands-Nordbahn). Здѣсь сѣло къ намъ въ вагонъ нѣсколько новыхъ пассажировъ, по большей части помѣщиковъ, спѣшившихъ на шерстяную ярмонку въ Бреславль. Между ними былъ офицеръ прусскаго ландвера, съ блаженною бѣлокурою физіономіей и съ сладенькими глазками. Напротивъ меня сѣлъ длинный, пожилой господинъ, извинился, что обезпокоилъ своимъ дорожнымъ мѣшкомъ, три раза повторялъ свои извиненія и три раза наступалъ мнѣ на ногу, желая приладить свой мѣшокъ.

— Нѣтъ, началъ такъ мой длинный сосѣдъ, возобновляя повидимому разговоръ съ своимъ ближайшимъ сосѣдомъ: — нѣтъ, вы не знаете еще астраханскихъ куръ. Попробуйте. Я ихъ развелъ у себя.

— Ihr Gesicht scheint mir so bekannt zu sein, прервалъ его сосѣдъ, обращаясь ко мнѣ. (Ваше лицо мнѣ чрезвычайно знакомо.) — Я видѣлъ васъ прошлый годъ на ярмонкѣ. Вы не изъ Ратибора ли?

— Нѣтъ.

— Такъ вѣроятно вы изъ Варшавы?

— Нѣтъ, я изъ Москвы.

— Ah, aus Moskau. Tantchen, der Herr ist aus Moskau, прибавилъ онъ, обращаясь къ старушкѣ въ черномъ платьѣ, сидѣвшей возлѣ него.

— Oh, Russland hat eine grosse Zukunft. Diese Reformen! раздался голосъ изъ противоположнаго угла вагона.

Я обернулся, мой новый знакомый также. — Ваше лицо мнѣ такъ знакомо, началъ онъ, приподымая шляпу, и обращаясь къ новому лицу, вмѣшавшемуся въ разговоръ. Я видѣлъ васъ, кажется, прошлый годъ на ярмонкѣ въ Бреславлѣ. Вы изъ Рыбника, кажется.

— Извините. Bitte um Entschuldigung. Я изъ Нейссы. Крѣпостное право уничтожается у васъ, продолжалъ нашъ новый знакомый. Давно пора. Russland hat eine grosse Zukunft. Я читалъ въ газетахъ указы. Это хорошо. Императоръ вашъ благородно дѣйствуетъ. Онъ далъ толчекъ Россіи. Oh, eine grosse Zukunft! и при этомъ онъ послалъ мнѣ рукой поцѣлуй.

— Я ни разу не видалъ вашего молодаго Императора, заговорилъ мягкимъ голоскомъ бѣлокурый офицеръ, до сихъ поръ

Digitized by Google

хранившій строгое молчаніе,—но я видѣлъ блаженной памяти Императора Николая. (Ich habe den seligen Kaiser Nicolaus gesehen). Это было на смотру въ Литицѣ. Тамъ было собрано до 50,000 войска. Es war grandios. (Это было величественно). Da wurde Bosche Zarja chrani gespielt mit Kanonen in tempo (музыка играла: Боже царя храни, и пушки палили въ тактъ.)

Разговоръ перешелъ опять на Россію, и опять, вмѣсто того чтобы слушать и распрашивать, пришлось мнѣ отвѣчать. Но весело и хорошо было бесѣдовать съ этими загорѣлыми коренастыми помѣщиками. Изъ ихъ словъ можно было замѣтить какъ они пристально слѣдятъ за событіями и въ Европѣ и у насъ, какъ они живо интересуются реформами намъ предстоящими. Изяществомъ разговора и манеръ они не отличались; каждый изъ нихъ, смѣло можно сказать, былъ не прочь схватиться за вилу, чтобы помочь своему работнику, но каждый зиъ нихъ прошелъ курсъ земледѣльческихъ наукъ; одинъ, не далѣе какъ три года тому назадъ, кончилъ курсъ въ извѣстной земледѣльческой академіи въ Тарандѣ. Не тунеядцы это, однимъ словомъ, а люди, собственнымъ усиленнымъ трудомъ добывающіе себѣ состояніе, и въ то же время люди образованные, живо интересующіеся современными вопросами въ наукѣ, литературѣ и политикѣ. Отъ нашихъ крестьянъ разговоръ какъ-то перешелъ къ принцу прусскому, и отвсюду послышались похвалы его откровеннымъ конституціоннымъ убѣжденіямъ; но этотъ оживленный разговоръ прерывался очень часто вздохами о плохомъ состояніи хлѣбовъ и травъ, и всѣ были того убѣжденія, что придется покупать хлѣбъ въ Польшѣ нынѣшнимъ годомъ. Но вотъ мы проѣхали и Оппельнъ, и Бригъ, и Олау; показались вдали высокія башни, сады, свиснула машина, и мы въ Бреславлѣ, третьей столицѣ прусскаго королевства и главномъ городѣ силезской провинціи. Еще четверть часа, и вотъ Альбрехтова улица, улица темная, узкая, съ высокими домами, а вотъ и гостинница Zum Deutschen Hause, гдѣ мы и поселились съ моимъ добродушнымъ спутникомъ. Гостинница была ему хорошо знакома, потому что и толстый швейцаръ, и корридорный, и Stubenmädchen, съ веселыми лицами, съ громкими привѣтствіями выбѣжали къ намъ навстрѣчу, и каждаго изъ нихъ мой спутникъ зналъ по имени, и всѣмъ онъ поручилъ заботиться о

Digitized by Google

новомъ гостѣ изъ Россіи. Schon gut, промычалъ толстый Генрихъ, взвалилъ на плеча всѣ мои пожитки, потащился по узкой лѣстницѣ на верхъ, а я вслѣдъ за нимъ. Вотъ и моя комната, съ окнами на маленькій дворъ, гдѣ постоянно что-нибудь мылось или чистилось, съ кроватью, на которой горой воздымалась груда перинъ, съ портретами Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы. Въ этой скромной гостинницѣ пробылъ я четыре дня, посвященные Бреславлю, о которомъ сообщу подробнѣе въ слѣдующемъ письмѣ.

Digitized by Google

РУССКІЕ ЕВРЕИ.

По поводу статьи объ нихъ въ «Иллюстраціи».

—

Procul estote profani!

Horat.

Русская литература представляетъ теперь отрадное явленіе для мыслящаго читателя: въ ней ясно замѣчается стремленіе къ прогрессу и изысканіе средствъ для исправленія недостатковъ какъ частной, такъ и общественной жизни нашей. Вопросы общественные, имѣющіе для насъ животрепещущій интересъ, поглотили теперь всю дѣятельность почти всѣхъ нашихъ писателей, особенно журнальныхъ. Нельзя не порадоваться этому. Вмѣсто пустыхъ толковъ о погодѣ, модахъ, загородныхъ гуляньяхъ, и проч., теперь въ журналахъ, даже и самыхъ мелкихъ, подняты вопросы важные, касающіеся интересовъ народной жизни.

Но въ числѣ благородныхъ дѣятелей литературы, одушевленныхъ возвышенною и безкорыстною любовью къ правдѣ, поднимаютъ голосъ и многіе недостойные, будто бы тоже жаркіе защитники прогресса, но на самомъ дѣлѣ тайные враги всего новаго, закоснѣлые въ старинныхъ предразсудкахъ, съ которыми разстаться вовсе не такъ легко, какъ обыкновенно думаютъ. Говорить о прогрессѣ, объ исправленіи многихъ сторонъ нашей общественной жизни — сдѣлалось модою; но многіе ли могутъ похвалиться искренностью своихъ убѣжденій, правдивостью своихъ высокопарныхъ фразъ?... Всякій готовъ поспорить при случаѣ, покричать о нашихъ недостаткахъ, лишь бы только не показаться въ глазахъ другихъ человѣкомъ от-

Digitized by Google

сталымъ, не слѣдующимъ за современными вопросами. Хотя и грустно сознаваться въ этомъ, — тѣмъ не менѣе оно правда. Съ другой стороны, это явленіе почти всегда замѣчалось во времена, избиравшія себѣ лозунгомъ многозначительное слово «впередъ!» Всегда водились ложные ревнители прогресса, которые, сознательно или безотчетно, по мѣрѣ силъ отодвигали умы назадъ. Но пусть ихъ проповѣдуютъ что̀ угодно, — имъ не удержать, не остановить духа времени въ его стремленіи. Пусть они изливаютъ свой избытокъ желчи на благородныхъ защитниковъ гуманности и проповѣдниковъ правды,—это трудъ напрасный: ихъ голосъ замретъ въ притонахъ мелкой, неразборчивой журналистики...

Мысли эти вызвала у насъ недавно появившаяся статья (въ Иллюстраціи, 4 сентября, № 35), подъ заглавіемъ: «Западнорусскіе Жиды и современное ихъ положеніе». Она помѣщена подъ рубрикой «Дневникъ знакомаго человѣка», и авторъ не почелъ нужнымъ, или побоялся подписать подъ нею свое имя. Мы не посвящены на столько въ таинства современной журналистики, чтобы знать, кто такой этотъ неизвѣстный авторъ, — но кто бы онъ ни былъ, мы не можемъ поздравить съ нимъ Иллюстрацію. Читая его статью, невольно подумаешь, что онъ опоздалъ рожденіемъ на свѣтъ по крайней мѣрѣ нѣсколькими вѣками и что ему, по его убѣжденіямъ и взглядамъ, гораздо приличнѣе быть гдѣ-нибудь великимъ инквизиторомъ, чѣмъ сотрудникомъ современнаго журнала. Почтенный неизвѣстный намъ авторъ и замѣчательная его статья — чистѣйшій анахронизмъ.

Признаться откровенно, мы никогда не вздумали бы отвѣчать на подобную статью, потому что она, въ нашихъ глазахъ, не болѣе ни менѣе какъ печатный пасквиль, на который обыкновенно лучше вовсе ничего не отвѣчать. Но авторъ статьи «О западно-русскихъ Жидахъ» говоритъ, что она написана имъ по поводу отзывовъ «Русскаго Инвалида» и «Одесскаго Вѣстника», которые замолвили доброе слово о Евреяхъ. Кромѣ того, и во многихъ другихъ журналахъ нашихъ поднятъ также этотъ важный, какъ говоритъ самъ авторъ, современный вопросъ, и мы поэтому рѣшились разобрать статью его. Мы выбрали именно ее, потому что она, съ первой до послѣд-

Digitized by Google

ней строчки, сводъ обвинительныхъ пунктовъ, обыкновенно возводимыхъ на русскихъ Евреевъ и выставленныхъ здѣсь въ самыхъ рѣзкихъ, непріязненныхъ чертахъ.

Да! онъ совершенно правъ: вопросъ этотъ очень важенъ, можетъ-быть еще важнѣе, чѣмъ онъ думаетъ, но не ему бы говорить о немъ. Онъ, можетъ-быть, очень хорошо разсуждаетъ о городскихъ новостяхъ и тому подобныхъ очень интересныхъ предметахъ, но не о такомъ важномъ вопросѣ. Мы постараемся доказать и выставить въ настоящемъ свѣтѣ всю узкость его взглядовъ на исторію, всю странность его убѣжденій, всю шаткость его логики. Пусть онъ извинитъ насъ, если въ словахъ нашихъ отзовется мѣстами невольная горечь: они сорвались съ пера на защиту не личной обиды, а цѣлой націи, на которую неизвѣстный фельетонистъ возводитъ клеветы, внушенныя ему недоброжелательствомъ и дикими теперь средневѣковыми понятіями.

Мы разберемъ сначала мысли автора, каждую отдѣльно, чтобы можно было выставить ихъ въ болѣе ясномъ свѣтѣ и послѣ постараемся вывести общее заключеніе.

Начинаемъ ab ovo.

Авторъ прежде всего возстаетъ противъ слова «Евреи» и старается доказать, что у насъ въ Россіи нѣтъ Евреевъ, Израильтянъ, Іудеевъ, а есть только «Жиды». Онъ непремѣнно требуетъ, чтобы нашихъ Евреевъ называли Жидами, а иностранныхъ — Іудеями, Израильтянами, какъ имъ угодно. Признаться, сначала подумаешь, что это со стороны автора не болѣе, какъ шутка, парадоксъ, сказанный такъ себѣ, безъ всякой цѣли. Но на самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ. Онъ и знать не хочетъ о русскихъ Евреяхъ, говоритъ, что ихъ нѣтъ и быть не можетъ, что это миѳъ (!!), и знаетъ только русскихъ Жидовъ. Онъ очень настаиваетъ на этомъ парадоксѣ и посвятилъ развитію его бо̀льшую часть своей статьи. Авторъ основываетъ свое мнѣніе на слѣдующихъ фактахъ. Наши теперешніе русскіе Евреи потомки древнихъ Іудеевъ, а караимы происходятъ отъ Самаритянъ (племени Израильскаго); поэтому первые ничего болѣе какъ — Жиды, а вторые—настоящіе, истори-

Digitized by Google

ческіе Евреи. Удивительный взглядъ на исторію! Какъ думаетъ авторъ, называли себя Евреи до раздѣленія царства ихъ на Іудейское и Израильское? Неужели Жидами? Нѣтъ, у нихъ были особенныя имена для отдѣльныхъ колѣнъ, вся же нація называла себя не иначе, какъ Израильскою. Къ раздѣленію Израильскаго царства подали поводъ чисто политическіе интересы, а не что-нибудь другое. Да и послѣ раздѣленія, жители царства Самаритянскаго и царства Іерусалимскаго все называли себя тѣмъ же одинаковымъ именемъ. Всѣ Израильтяне, сколько ихъ ни было въ Сиріи, какіе бы политическіе интересы ихъ ни раздѣляли, составляли одну неразрывную націю, потому что ихъ соединяли языкъ, историческія преданія и религія. Царство Іерусалимское играло роль гораздо болѣе важную, чѣмъ Самарянское, и по политическому значенію своему, и по духовному вліянію. Съ Іерусалимомъ связаны были великія народныя событія, храмъ іерусалимскій составлялъ палладіумъ всей націи, въ него стекались молельщики со всѣхъ концовъ Палестины. Когда Самаритянское царство пало, царство Іерусалимское еще держалось на древнихъ основаніяхъ своихъ и не рѣдко противопоставляло грозный отпоръ воинственнымъ сосѣдямъ. Когда оно пришло въ столкновеніе съ Римлянами, оно уже значительно ослабѣло и не могло долѣе противиться всемірнымъ завоевателямъ, располагавшимъ огромнымъ войскомъ, которое превосходило всѣ арміи тогдашняго міра и своимъ удивительнымъ устройствомъ, и опытностью въ военномъ дѣлѣ. Однако и тогда еще царство Іерусалимское возстало въ послѣдній разъ, и римскіе историки съ какимъ-то ужасомъ расказываютъ о послѣднихъ дняхъ существованія его, запечатлѣннаго геройскою кровью Маккавеевъ.

Римляне называли завоеванную ими страну «Іудеей». Прежде они имѣли очень смутное понятіе о жителяхъ ея и познакомились съ нею ближе только въ царствованія послѣднихъ императоровъ, предшествовавшихъ Веспасіану и Титу. Да и послѣ завоеванія Палестины, Римляне всю страну безъ различія называли Іудеею, потому что не принимали въ соображеніе политическаго раздѣленія Палестины: они придавали ей названіе того царства, значеніе котораго признаваемо было

Digitized by Google

почти всею нынѣшнею Сиріей. Странно было бы, въ самомъ дѣлѣ, еслибъ Римляне вздумали называть завоеванную ими страну Самаріею, хоть бы въ угоду сотрудника Иллюстраціи, расположеннаго болѣе къ этой провинціи, чѣмъ къ царству Іерусалимскому. Да кромѣ того, Римляне какъ-то свыклись съ названіемъ «Іудеи» вѣроятно потому, что имъ, по свойству ихъ языка, легче было произносить это слово, чѣмъ Israilitae и Hebraei. Можетъ-быть, они называли Евреевъ преимущественно этимъ именемъ и оттого, что у нихъ было повѣрье, что Евреи — выходцы съ острова Крита и что имя ихъ происходитъ отъ находящейся на немъ горы Иды, и поэтому считали названіе «Іудеи» болѣе раціональнымъ, чѣмъ другія *.

Какъ бы то ни было, но съ этимъ именемъ, послѣ завоеванія Палестины Римлянами, Евреи пришли въ западную Европу. Позже, когда на развалинахъ латинскаго языка образовались языки романскіе, то, согласно *фонетическимъ* законамъ каждаго изъ нихъ, Римское «Iudaei» искажено было различнымъ образомъ. Такъ же произошло и славянское «Жидъ», которое употреблялось въ Польшѣ и Россіи. Но спрашивается: почему имъ нельзя называться древнимъ, классическимъ ихъ именемъ оттого, что народы, незнакомые съ идіотизмомъ еврейскаго языка, исковеркали его на свой ладъ? Отчего же авторъ называетъ Евреевъ иностранныхъ — Евреями, Израильтянами, а русскимъ Евреямъ отказываетъ въ этомъ имени? «Что въ нихъ, говоритъ авторъ, Еврейскаго? ни языка, ни обрядовъ (sic!!), ни той вѣры отцовъ (?!)» и т. д. А французскіе, англійскіе, голландскіе, нѣмецкіе Евреи говорятъ развѣ библейскимъ языкомъ? Развѣ у русскихъ Евреевъ въ ихъ повседневной жизни не такое же нарѣчіе, какъ у нѣмецкихъ Евреевъ? Отчего же первымъ называться Жидами, а вторымъ Израильтянами? Чѣмъ вѣра русскихъ Евреевъ отличается отъ вѣры Евреевъ нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ? Сотрудникъ

---

* Iudaeos, Creta insula profugos, novissima Libyae insedisse memorant, qua tempestate Saturnus, vi Iovis pulsus, cesserit regnis. Argumentum e nomine petitur: inclytum in Creta Idam montem, adcolas Idaeos, aucto in barbarum cognomento, Iudaeos vocitari.

C. Corn. Taciti Histor. Lib. V. C. 2.

Digitized by Google

Иллюстраціи сильно ошибся, если думалъ приведенными выше словами доказать справедливость названія «Жидъ». Нѣтъ, у всѣхъ Евреевъ, сколько ихъ ни есть на земномъ шарѣ, одна вѣра какъ на берегахъ днѣпровскихъ, такъ и на равнинахъ, омываемыхъ Гангомъ...

«Кромѣ того сами даже западно-русскіе Жиды называютъ себя Жидами, а не Евреми». Это чистѣйшая выдумка. Сами Евреи русскіе никогда не думали называться этимъ искаженнымъ именемъ, а всегда называли себя и теперь называютъ, какъ и всѣ Евреи другихъ странъ, «сынами Израиля» (Bene Israël), а Палестину — «обѣтованною страной» или «землею Изральской» (Erez Israël).

Переходимъ къ той части статьи, въ которой авторъ старается унизить русскихъ Евреевъ, выхваляя изо-всѣхъ силъ караимовъ. Здѣсь мы не можемъ не замѣтить всю шаткость историческихъ познаній его и легкомысліе, съ какимъ онъ безцеремонно относится къ историческимъ фактамъ. Или, быть можетъ, авторъ хотѣлъ щегольнуть новою исторической гипотезой. Изъ всего сказаннаго имъ о караимахъ видно, что онъ не имѣетъ никакого понятія объ этой сектѣ. Мы подтверждаемъ слова наши приведеніемъ тѣхъ мѣстъ изъ статьи его, которыя лучше всего могутъ выказать блестящую его эрудицію..... «Въ послѣдствіи этотъ небольшой остатокъ Израильскаго племени перекочевалъ въ Китай (horribile dictu!!), оттуда (это кратчайшій путь по мнѣнію автора) въ Арменію и, въ царствованіе Камбиза, въ Персію; здѣсь они встрѣтили часть Іудейскаго племени, которое будучи гораздо позже отведено въ Вавилонскій плѣнъ Навуходоносоромъ, получило отъ Кира позволеніе возвратиться на родину; съ ужасомъ увидѣло племя Изральское, до какой степени искажено было, съ этого раздѣленія до окончанія плѣна, ученіе соплеменныхъ имъ Іудеевъ введеніемъ талмуди раввинами (sic!!) и, не желая сближаться съ ними, перекочевало въ Тавриду, гдѣ сохранилось до нашего времени подъ именемъ караимовъ, т. е. блюстителей, хранителей Моисеева закона (Библіи). Въ Тавридѣ въ VIII вѣкѣ (750) они успѣли привлечь къ своему ученію Хазаровъ» и т. д.

Мы удивляемся смѣлости и важному докторальному тону, съ

Digitized by Google

какими авторъ ведетъ свой историческій расказъ о караимахъ. Мы можемъ предположить только два обстоятельства: или факты, приводимые авторомъ, его собственная выдумка, или они списаны, можетъ-быть, слово въ слово съ какой-нибудь польской хроники [1]).

Авторъ приписываетъ происхожденіе секты караимовъ непріязни ихъ къ талмудистамъ, слѣдовательно причинѣ религіозной. Съ перваго поверхностнаго взгляда раждается невольно вопросъ: неужели до эпохи отдѣленія караимовъ отъ общей религіи Евреевъ, они не знали о талмудѣ? Авторъ, какъ видно, думаетъ, что это должно быть такъ; мы же, съ своей стороны, никакъ не можемъ согласиться съ этимъ... Первые слѣды талмуда (или, лучше, основанія его — мишны) должно искать уже въ то время, когда, по убіеніи Цезаря, Маркъ Антоній получилъ на свою долю Востокъ, то-есть около 41 года до Р. Х. Первое письменное собраніе талмуда, дошедшее до насъ, можно съ достовѣрностью отнести къ 135 году по Р. Х. Спрашиваемъ теперь: неужели караимы до отдѣленія своего отъ Евреевъ, то-есть въ теченіе почти *шести столѣтій*, не слыхали о талмудѣ, а узнали объ немъ только, встрѣтившись съ Евреями въ Персіи? Нисколько; они и прежде очень хорошо знали объ немъ и исполняли предписанія его какъ всѣ Евреи, потому что учители ихъ вышли изъ Тиверіадской, Сурской и другихъ знаменитыхъ талмудическихъ школъ.

Секта караимовъ происхожденіемъ своимъ обязана гораздо болѣе причинѣ политической, чѣмъ религіозной. Она возникла въ самое цвѣтущее время калифата, именно въ царствованіе калифа Абу-Джіафаръ-аль-Мансура. Евреи, признавая себя подданными калифовъ, сохранили однако право избирать изъ своей среды главу, имѣвшаго какъ политическій, такъ и духовный характеръ. Главы эти назывались «решъ-гумтами» [2]). Они избирались народомъ, но нуждались въ утвержденіи царствующаго калифа. Во время избранія новаго решъ-гумты,

---

[1]) Авторъ, какъ увидимъ ниже, ссылается часто на польскихъ писателей.

[2]) Въ буквальномъ переводѣ: глава выходцевъ, эмигрантовъ. Этимъ именемъ назывались также еврейскіе главы и во время Вавилонскаго плѣна.

Digitized by Google

въ царствованіе Абу-Мансура, Евреи калифата раздѣлились на двѣ партіи; произошли несогласія, и главою недовольныхъ сдѣлался нѣкто Ананъ, имѣвшій многочисленныхъ приверженцевъ. Онъ былъ посаженъ въ темницу, но, заплативъ за себя значительный выкупъ, получилъ позволеніе возвратиться съ учениками своими въ Палестину. Все это произошло въ 750 году по Рождествѣ Христовѣ, слѣдовательно гораздо позже, чѣмъ думаетъ авторъ. Ананъ назвалъ свою секту «караимами» [1]). Отдѣлившись отъ Евреевъ въ политическомъ отношеніи, секта эта, конечно, въ скоромъ времени должна была получить и другіе интересы, духовные. Новая колонія отказалась отъ традиціональныхъ вѣрованій метрополіи и не признавала авторитета мишны.

До взятія Іерусалима крестоносцами, караимы оставались въ Палестинѣ и послѣ перешли въ различныя страны и, вѣроятно въ эту же эпоху, пришли въ Крымъ и наши караимы [2]). Какимъ же образомъ авторъ думаетъ, что они въ 750 году обратили въ свою вѣру Хазаровъ? Видно, что онъ говоритъ объ этомъ чисто наобумъ, и мы отсылаемъ его къ превосходному сочиненію по этому предмету нашего академика Френа [3]).

Секта караимовъ съ самаго происхожденія своего была очень немногочисленна и, за исключеніемъ нѣсколькихъ караимскихъ обществъ на Востокѣ, ихъ въ россійскихъ предѣлахъ не болѣе 5 или 6 тысячъ человѣкъ.

Авторъ возноситъ до небесъ караимовъ точно такъ же безъ всякаго основанія и знанія дѣла, какъ недостойно и несправедливо обвиняетъ во всемъ русскихъ Евреевъ. Онъ говоритъ, напримѣръ, что секта караимовъ сохранила чистую вѣру отцовъ, что она слѣдуетъ одному только Ветхому Завѣту, и т. д. Мы ниже увидимъ, что іудаизмъ, когда политическій бытъ Евреевъ пришелъ въ упадокъ, необходимо нуждался въ мишнѣ и талмудѣ, противъ которыхъ такъ возстаютъ караимы. Талмудъ

---

[1]) Авторъ переводитъ: «блюстителями закона». Видно, что онъ такой же филологъ, какъ историкъ. Если производить слово «караимъ» отъ еврейскаго Karam, то оно значитъ «изслѣдователи Священнаго Писанія». Многія справедливо думаютъ, что слово караимъ скорѣе арабское, чѣмъ еврейское.

[2]) См. Dr. Jost, Geschichte der Israeliten, Bd. II, p. 163.

[3]) C. M. Frähn, de Chasaris. Petrop. 1822.

Digitized by Google

есть необходимое слѣдствіе древняго іудаизма: онъ объясняется историческими событіями.

Авторъ сильно ошибается, говоря, что караимы придерживаются строго одной только Библіи. Сочиненія многихъ древнихъ и новѣйшихъ писателей своей секты они почитаютъ каноническими, и придаютъ имъ такое же почти значеніе, какое имѣетъ талмудъ для прочихъ Евреевъ. Таковы сочиненія Іефета Галлеви, Аарона-бенъ-Эліа, Моисея Бёшици, и др. Въ подтвержденіе словъ нашихъ, приведемъ спорный пунктъ изъ караимской догматики, имѣющій явно талмудическій характеръ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ запрещается Евреямъ въ субботу зажигать огонь въ своихъ жилищахъ. Одни караимскіе хахамы утверждаютъ, что законъ этотъ долженъ быть строго соблюдаемъ, другіе же, напротивъ, говорятъ, что онъ неудобоисполнимъ и поэтому не можетъ имѣть вѣса. На этомъ основаніи, караимы раздѣляются на двѣ секты, изъ которыхъ одна не зажигаетъ огня въ субботу, другая же, слѣдуя ученію Моисея Бёщици, не соблюдаетъ этого закона. Спрашиваемъ: гдѣ же здѣсь строгое послѣдованіе Библіи, и развѣ это не одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ догматическихъ споровъ, которыми наполненъ талмудъ? Развѣ Моисей Бёщици въ глазахъ караимовъ не такой же непреложный авторитетъ, какъ ребе Гилелъ въ глазахъ прочихъ Евреевъ?

Какъ ни слаба историческая часть статьи, какими важными ошибками она ни наполнена, — ихъ можно еще извинить, потому что незнаніе не есть преступленіе, и мы не беремъ на себя роли литературнаго критика. Непростительна только смѣлость, съ какою авторъ старается навязать свои ошибочныя мнѣнія и ложные взгляды читателямъ. Въ какой мѣрѣ справедливы слова наши, мы старались, сколько могли, доказать фактами. Можно было бы написать обширное сочиненіе, еслибы разбирать каждую мысль автора, но мы ограничимся только тѣмъ, чтобы указать на главныя его ошибки. Онъ хвастается знакомствомъ съ талмудомъ и не находитъ словъ для выраженія всего ужаса, который внушаетъ ему страшный талмудъ.

Мы должны сдѣлать здѣсь невольное отступленіе и очертить, хотя въ немногихъ словахъ, талмудъ, который авторъ выставляетъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ.

Digitized by Google

Съ тѣхъ поръ какъ Евреи столкнулись съ западною Европой, о талмудѣ между христіанами существуютъ самые нелѣпые толки. Въ средніе вѣка изступленные фанатики почитали его твореніемъ діавола, и рука палача не разъ сожигала талмудъ на публичныхъ площадяхъ. Кромѣ того, гоненіе на талмудъ имѣло еще другую цѣль: ревностные миссіонеры думали, что съ уничтоженіемъ талмуда непремѣнно падетъ все зданіе іудаизма, и что это, слѣдовательно, лучшее средство для обращенія Евреевъ въ христіанство. Назначаемы были часто синоды изъ духовныхъ для разсмотрѣнія талмуда, кончавшіеся всегда однимъ и тѣмъ же приговоромъ: что онъ есть наважденіе нечистой силы, что все зло отъ него, что содержаніе его обидно и оскорбительно для христіанства, а потому — сжечь его... Можно ли было ожидать другаго приговора отъ судей-монаховъ, не понимавшихъ языка, на которомъ писанъ талмудъ, и основывавшихъ свое сужденіе о немъ на расказахъ другихъ и на внушеніяхъ безпредѣльнаго, неумолимаго фанатизма? . .

Мы уже сказали выше, что мишна послужила основаніемъ талмуда. — Мишна возникла въ первые годы христіанской вѣры и состоитъ изъ толкованія Ветхаго Завѣта и разсужденій о различныхъ вопросахъ догматическихъ и юридическихъ. Нѣсколько вѣковъ спустя, когда Евреи пришли въ столкновеніе съ другими народами, когда частный и спеціальный бытъ ихъ измѣнился, невольно начали возникать новые вопросы, на которые не находили объясненія въ мишнѣ. Поэтому высшія тогдашнія еврейскія школы начали систематически излагать и собирать въ одно цѣлое толкованія на возникавшіе спорные вопросы, и такимъ образомъ со временемъ образовалось дополненіе мишны, которое названо «гемарою» *. Мишна вмѣстѣ съ гемарою составляютъ талмудъ. Талмудовъ два: іерусалимскій и вавилонскій, но они разнятся между собою только въ дополнительной части (гемарѣ), потому что мишна какъ перваго, такъ и втораго одинакова.

---

* Въ буквальномъ переводѣ: «дополненіе». Мишну Греки называли вторымъ закономъ, что ясно показываетъ, что они не были знакомы съ содержаніемъ ея. Мишна не есть второй законъ, а только истолкованіе перваго (Моисеева) закона. Въ буквальномъ переводѣ мишна значитъ и «возстановленіе» закона.

Digitized by Google

Немногими словами можно опредѣлить талмудъ (ученіе, руководство), назвавъ его «сводомъ уложеній, касающихся догматической и юридической жизни еврейскаго народа». Характеръ изложенія его чисто полемическій. Кромѣ того, въ немъ, къ дѣлу и при случаѣ, расказываются историческія событія, народныя легенды, преданія, и проч. Нарѣчіе, на которомъ написанъ талмудъ, смѣсь многихъ симитскихъ нарѣчій и извѣстно подъ именемъ арамейскаго. Оно довольно легко понятно для Евреевъ, владѣющихъ древне-библейскимъ языкомъ.

Изъ этого видно, что талмудъ возникъ вслѣдствіе чисто-практической потребности, какъ всѣ законодательства у другихъ народовъ. Конечно, талмудъ отличается отъ другихъ законодательствъ болѣе ѳеософическимъ характеромъ, — но вѣдь это главная черта еврейской жизни искони вѣковъ. Прибавимъ здѣсь кстати, что многія страницы талмуда запечатлѣны духомъ высокой мудрости, носящей часто отпечатокъ греческой философіи въ самые блестящіе періоды ея.

Сотрудникъ Иллюстраціи часто смѣшиваетъ кабалу (лучше— кабалистику) съ талмудомъ. Это опять доказываетъ, что онъ ни о томъ, ни о другомъ не имѣетъ никакого понятія. Кабала возникла почти въ одно время (а можетъ-быть и раньше) съ талмудомъ и въ содержаніи своемъ не имѣетъ съ послѣднимъ ничего общаго. Кабала — это еврейская философія, но философія, конечно, чисто космогоническая, какъ всѣ философскія системы глубокой древности. Впослѣдствіи, кромѣ метафизическихъ разсужденій о явленіяхъ природы и мистическомъ ученіи о божествѣ, кабала начала заниматься также дисциплиною болѣе практическою, астрологіею и алхиміею. Но это практическое направленіе она приняла, когда Евреи познакомились съ науками Арабовъ и христіанскаго Запада.

Вотъ, что мы почли нужнымъ сказать о талмудѣ въ опроверженіе нелѣпостей автора разбираемой нами статьи. Онъ приводитъ изъ перевода талмуда Вагензейля два листа, которые, по словамъ его, доказываютъ «дикость кабалистическаго вѣроученія»: а) «Для однихъ Іудеевъ сотворенъ міръ», и т. д. Но неужели онъ думаетъ, что это — выдумка талмуда? Вѣдь эти слова цѣликомъ изъ Ветхаго Завѣта, и въ нихъ проявляется гордое сознаніе народа, избран-

Digitized by Google

ника Божія... Еслибы онъ зналъ это, то вѣрно не нападалъ бы на «дикость приговора» Ветхаго Завѣта, который равно чтится у христіанъ, какъ и у Евреевъ. Можно не знать хронологіи, а не знать Ветхаго Завѣта, да еще выказывать это печатно — стыдно... Далѣе, авторъ вооружается противъ другаго листа талмуда: b) «Еврей можетъ безъ грѣха нарушить клятву, данную невѣрному», и т. д. Во-первыхъ, ни одинъ Еврей не руководствуется и не можетъ руководствоваться подобнымъ правиломъ, потому что оно противно врожденному каждому человѣку понятію о правдѣ. Во-вторыхъ, такъ какъ изложеніе талмуда, какъ сказано выше, полемическое, то мѣсто это выражаетъ только личное воззрѣніе какого-нибудь ученаго или учителя, какъ поводъ къ спору, а не окончательный выводъ или правило, обязательное для Еврея. Впрочемъ, понятіе о честности и морали, въ тѣсномъ смыслѣ, какого-нибудь народа нельзя выводить изъ его религіознаго ученія, его догматики. Сколько примѣровъ могли бы мы привести, гдѣ папы формально разрѣшали христіанскихъ королей отъ слова, даннаго невѣрнымъ (Туркамъ). И это дѣлали, цѣлое тысячелѣтіе спустя послѣ сочиненія талмуда, папы, главы тогдашняго міра! Можно развѣ вывести изъ этого заключеніе, что по христіанскому ученію можно нарушить слово, данное нехристіанину?

Нѣтъ, мы смѣло утверждаемъ, что сотрудникъ Иллюстраціи нисколько не знакомъ съ содержаніемъ талмуда, и мнѣніе свое объ немъ почерпнулъ изъ какого-нибудь полемическаго богословскаго сочиненія, которыхъ въ средніе вѣки появлялось такое безчисленное множество. На талмудъ всегда и вѣчно нападали, именно потому, что не знали его. И чѣмъ могли Евреи опровергнуть эти ложные толки, эти клеветы? Развѣ имъ кто-нибудь повѣрилъ бы или хотѣлъ бы вѣрить! Легко нападать на врага, который не можетъ или не хочетъ защищаться... Можетъ-быть, эта самая всегдашняя безотвѣтность ихъ, эта безгласность побудили также и неизвѣстнаго намъ автора написать знаменитую статью...

Далѣе авторъ говоритъ, что Евреевъ христіане ненавидятъ справедливо, что они сами вызываютъ христіанъ на вражду, называя ихъ постыднымъ именемъ «гой». Слово это въ переводѣ

Digitized by Google

его значитъ «идолопоклонникъ»; онъ изо всѣхъ силъ старается придать этому невинному слову самый небывалый, враждебный смыслъ и проповѣдуетъ противъ него чуть ли не крестовый походъ... Мы опять должны повторить, что онъ не сдѣлалъ бы этого, еслибы хоть сколько-нибудь былъ знакомъ съ предметомъ, о которомъ взялся писать. Слово «гой» встрѣчается въ Ветхомъ Завѣтѣ *, слѣдовательно очень задолго до Рождества Христова, и означаетъ просто «народъ». Евреи и прежде, и теперь употребляютъ его въ этомъ смыслѣ, называя имъ всѣ другіе народы вообще, не Евреевъ. Они не относятъ его преимущественно ни къ одному вѣроисповѣданію и не придаютъ ему никакого особеннаго значенія, какъ старается доказать авторъ. Если христіане обижаются этимъ словомъ, то это происходитъ отъ незнанія еврейскаго языка и отъ статей, подобныхъ нами разбираемой, имѣющихъ цѣлью распространять полезныя свѣдѣнія... Извѣстно, въ какомъ смыслѣ теперь почти во всѣхъ европейскихъ языкахъ употребляется слово «варваръ». Но неужели авторъ также думаетъ, что и это слово — постыдное? Римляне и Греки постоянно и искони употребляли его въ очень простомъ, невинномъ значеніи, называя имъ всѣхъ иностранцевъ безъ исключенія, то-есть не Грековъ и не Римлянъ. А между тѣмъ, какое чудовищное значеніе приняло это слово въ устахъ позднѣйшихъ народовъ, именно только вослѣдствіе незнанія историческаго смысла его. Въ первыя времена христіанства жители города Рима, принявшіе уже новое ученіе, называли сельскихъ жителей, не отставшихъ еще отъ язычества, «pagani» (отъ pagus — деревня, село), для отличія отъ своихъ одновѣрцевъ. Въ этомъ смыслѣ оно употребляется у первыхъ христіанскихъ писателей, но какое значеніе слово это приняло послѣ, когда народы, употреблявшіе его, забыли латинское его происхожденіе!... Итакъ, мы смѣло можемъ увѣрить автора, что слово «гой» не заключаетъ въ себѣ ничего постыднаго и

* Указываемъ напримѣръ на то мѣсто Ветхаго Завѣта, гдѣ Богъ говоритъ Ревеккѣ, что въ утробѣ ея залогъ двухъ «народовъ». Въ еврейскомъ текстѣ мѣсто это выражено слѣдующими словами: «schne goim bebitnech». Въ англійскомъ (оксфордскомъ) переводѣ оно передано слѣдующимъ образомъ: «And the Lord said unto her, Two nations are in thy womb» etc.

Genes. XXV, 23.

Digitized by Google

что такимъ прокричали его христіане, не понимавшіе хорошо значенія его и по этому только считавшіе его унизительнымъ.

Вражда христіанъ и Евреевъ, говоритъ авторъ, поддерживается преимущественно послѣдними. Надо быть довольно смѣлымъ, надо не знать исторіи на столько, сколько авторъ, чтобы утверждать это. Вражда эта не вчерашняя; она принадлежитъ исторіи, она — слѣдствіе слабости ума человѣческаго. Религія не разъ раздѣляла одноплеменные народы; что же удивительнаго, если религія послужила историческою причиной вражды между народами чуждыми, различными по происхожденію, языку и историческимъ преданіямъ? Евреи пришли въ столкновеніе съ христіанскими народами въ качествѣ плѣнниковъ, они приходили въ христіанскія земли, прося пріюта и защиты; но они часто жестоко обманывались, думая найдти у нихъ мирный пріютъ: ихъ встрѣчали съ ненавистью и позволяли селиться въ христіанскихъ земляхъ изъ милости, на правахъ рабовъ... Такими они считались въ первыхъ христіанскихъ государствахъ, только что возникавшихъ въ то смутное и темное время, предвѣстіе среднихъ вѣковъ, справедливо названныхъ исторіею тысячелѣтнею ночью нравственнаго міра. Пришельцы-Евреи считались «собственностью» королей и вассаловъ: ихъ продавали, закладывали какъ вещь... Не смотря на это, Евреи оставались всегда вѣрными своимъ владѣтелямъ и строго исполняли законы тѣхъ странъ, въ которыхъ ихъ принимали. Но гражданскія добродѣтели ихъ не обращали на себя вниманіе королей, которые выдумывали только новые налоги, постоянно тяжкимъ гнетомъ тяготѣвшіе надъ этимъ несчастнымъ народомъ. Евреи платили налоги и молчали. Но этого мало было ихъ христіанскимъ патронамъ: нашлись между ними ревнители вѣры, думавшіе сдѣлать богоугодное дѣло насильнымъ, обращеніемъ Евреевъ къ ученію Христа. Только въ этомъ случаѣ Евреи какъ бы вышли изъ своего нравственнаго оцѣпенѣнія и осмѣлились противиться своимъ притѣснителямъ: здѣсь дѣло шло уже не объ уплатѣ налоговъ, а о вѣрѣ отцовъ, наслѣдьѣ дальняго Востока... Сопротивленіе Евреевъ, конечно, еще болѣе ожесточало противъ нихъ христіанъ, вызывая ихъ часто на самыя страшныя неистовства. Начали взводить на нихъ различныя клеветы, стоившія часто жизни еврейскимъ народона-

Digitized by Google

селеніямъ цѣлыхъ городовъ. Говорили, напримѣръ, что они крадутъ Св. Дары изъ церквей, что они во время Пасхи употребляютъ христіанскую кровь для различныхъ обрядовъ, и т. д. Чего только на нихъ не выдумывали?! Никто не слушалъ ихъ оправданій, никому и дѣла не было до того, справедливо ли обвиненіе или нѣтъ; никого не трогали ихъ мольбы и слезы, — и на публичныхъ площадяхъ пылали для нихъ костры и на всѣхъ перекресткахъ возвышались висѣлицы. . . Ни одного голоса не поднималось въ защиту притѣсненныхъ, — фанатики торжествовали. Впрочемъ, нечего удивляться преслѣдованіямъ, поднятымъ христіанами на Евреевъ во времена изступленія, необузданнаго фанатизма, когда религіозныя идеи между самими христіанами служили часто поводомъ къ кровопролитнымъ войнамъ. Вспомнимъ преслѣдованія, какимъ подвергались христіанскіе сектаторы въ южной Италіи, крестовый походъ противъ Альбигойцевъ и страшныя смуты, порожденныя на западѣ Европы реформаціей, отъ которыхъ съ справедливымъ ужасомъ отвращаетъ взоры свои позднѣйшее потомство. . . .

Нужно было имѣть всю гибкость, всю стойкость и энергію характера Евреевъ, чтобы не погибнуть въ этой кровавой борьбѣ. Это, по истинѣ, необъяснимая психологическая задача.

Спрашиваемъ сотрудника Иллюстраціи: неужели онъ думаетъ, всѣ эти преслѣдованія, всѣ эти гоненья на Евреевъ основаны были на справедливой разумной причинѣ? Онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно и говоритъ, что преслѣдованья христіанъ были вызваны самими Евреями. Но обращаемся къ благомыслящимъ читателямъ, лучше его знакомымъ съ исторіей, и спрашиваемъ ихъ: можно ли оправдать эти гоненія? гдѣ же побудительныя причины, вызвавшія преслѣдованіе, гдѣ историческіе факты? Мы напрасно обращались бы съ этими вопросами къ сотруднику Иллюстраціи: еслибы даже были какіе-нибудь факты, онъ не могъ бы воспользоваться ими, потому что не слишкомъ силенъ въ исторіи, и всю свою историческую мудрость почерпаетъ изъ польскихъ писателей и хроникъ, которые въ этомъ случаѣ совсѣмъ не авторитетъ.

Прилагая разсужденія свои о Евреяхъ вообще къ Евреямъ западной Россіи въ частности, сотрудникъ Иллюстраціи гово-

Digitized by Google

ритъ, что послѣдніе хуже всѣхъ Евреевъ другихъ странъ и что они заслуживаютъ свое незавидное историческое положеніе.

Евреи въ Польшу и западную Россію пришли изъ Германіи тоже по причинѣ гоненія на нихъ. Они сначала пользовались сноснымъ положеніемъ, пока наконецъ не почувствовали страшнаго гнета польской неурядицы. Вспомнимъ вѣчные раздоры и смуты, раздиравшіе политическую жизнь Польши. Они постоянно находились между двухъ огней: между враждебными партіями, изъ которыхъ каждая, одержавъ верхъ надъ прочими, хозяйничала въ Польшѣ, какъ въ вражеской странѣ. . . Евреи, конечно, играли роль чисто пасивную, откупаясь постоянно своимъ золотомъ. А золота было у нихъ довольно, потому что они вели весьма дѣятельную торговлю, которая считалась всегда унизительнымъ занятіемъ въ глазахъ Поляковъ. Торговля всего королевства была въ рукахъ выходцевъ-Нѣмцевъ и Евреевъ. Въ различныхъ городахъ были многочисленныя еврейскія общества, сильныя своимъ богатствомъ и поддерживавшія постоянно дѣятельныя торговыя сношенія съ своими германскими одноплеменниками. Многія европейскія общества въ Польшѣ имѣли знаменитыхъ ученыхъ, служившихъ авторитетомъ не только для Евреевъ одной Польши, но и Германіи, Франціи и Италіи. Какъ на Западѣ, такъ и въ Польшѣ, процвѣтала еврейская ученость и, не смотря на всѣ смуты тогдашняго времени, къ этой эпохѣ относятся многія знаменитыя сочиненія, пользующіяся въ еврейской литературѣ заслуженною славой. Подъ звукъ польскихъ сабель и брань необузданной шляхты тогдашнихъ временъ, Евреи, вѣрные всегда преданіямъ своего народа, находили еще возможность мирно заниматься науками. Не смотря на всѣ преслѣдованія, на всѣ гоненія извнѣ, Еврей во всѣхъ странахъ и во всѣ эпохи всегда былъ силенъ своимъ нравственнымъ духомъ, не оставлявшимъ его и въ годину самыхъ тяжкихъ бѣдствій. Этимъ могутъ похвалиться не многіе наролы.

Одною изъ побудительныхъ причинъ къ враждѣ западнорусскихъ христіанъ противъ Евреевъ послужили, говоритъ авторъ разбираемой статьи, неблаговидные ихъ поступки во время уніи. Этотъ фактъ, важный съ перваго взгляда, при болѣе глубокомъ воззрѣніи на него, опровергается самъ собою. Западно-

Digitized by Google

русскіе христіане возненавидѣли Евреевъ за то, что они брали на аренду православные храмы. Мы признаемъ всю неблаговидность этого дѣйствія Евреевъ, но не можемъ считать его справедливымъ поводомъ къ гоненіямъ на всѣхъ западно-русскихъ Евреевъ вообще. Если положимъ даже, что сто, двѣсти Евреевъ занимались нѣкогда такою постыдною торговлей, то даетъ ли это поводъ къ тому, чтобы за давній грѣхъ немногихъ обвинять теперь сплошь все еврейское народонаселеніе Россіи, простирающееся до полутора милліона душъ? Согласно ли это съ справедливостью и здравою историческою критикой? Евреи, бравшіе на аренду православные храмы, подлежатъ строгому суду потомства, но можетъ ли оно, если не хочетъ быть пристрастнымъ, обвинять за это цѣлую націю? Что̀ въ такомъ случаѣ придется сказать о тогдашнихъ Полякахъ, которые придумали этотъ родъ торговли, что̀ сказать объ ихъ духовенствѣ, продававшемъ православныя церкви съ молотка? Кто больше виноватъ передъ судомъ исторіи,—христіане-продавцы или покупатели-Евреи? . . . Но унію проповѣдывали іезуиты, папа посылалъ свое благословеніе польскому воинству, отправлявшемуся распространять унію огнемъ и мечемъ,—а виновными оказались опять одни Евреи. . . Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ авторъ статьи.

Рисуемая имъ картина настоящаго положенія русскихъ Евреевъ—самая мрачная. Нѣтъ недостатка, котораго онъ не приписывалъ бы имъ. Онъ представляетъ ихъ изувѣрами, фанатиками, мошенниками,и проч. Не смотря на увѣреніе его, что онъ хорошо знакомъ съ западно-русскимъ краемъ, мы, однако имѣемъ полное право сомнѣваться въ этомъ, — иначе онъ не такъ бы судилъ о нихъ. Онъ говоритъ, напримѣръ, что ни одинъ изъ нихъ не понимаетъ древняго языка. Это въ высшей степени нелѣпо. Въ буквальномъ смыслѣ, нѣтъ ни одного еврейскаго мальчика десяти лѣтъ, который бы не понималъ древняго языка. Нѣтъ ни одного самаго низкаго Еврея, простолюдина, который не былъ бы въ состояніи читать и понимать Святое Писаніе въ оригиналѣ. Теперь замѣтна особенная дѣятельность въ еврейской литературѣ, особенно беллетристикѣ. Начали появляться собранія стихотвореній на еврейскомъ языкѣ, выходить журналы, и проч. Цензурный комитетъ можетъ засвидѣтельствовать, сколько каж-

Digitized by Google

дый годъ является сочиненій на древне-еврейскомъ. Гдѣ же тотъ народъ, который могъ бы похвалиться такимъ обширнымъ распространеніемъ граматности, какъ видимъ это у Евреевъ? Откуда авторъ почерпалъ свои свѣдѣнія?

Дальше онъ говоритъ, что нынѣшніе русскіе Евреи погрязли въ грубомъ невѣжествѣ, что они чуждаются современной науки, и т. д. Это опять не больше, какъ нелѣпая клевета. Кто знакомъ получше автора съ западно-русскими Евреями, тотъ знаетъ, что они глубоко уважаютъ науки и не щадятъ никакихъ средствъ для доставленія современнаго образованія молодому поколѣнію. Западно-русскіе Евреи давно занимались науками, но только въ тишинѣ, и поэтому оно не бросалось въ глаза христіанамъ. Многіе изъ ихъ молодежи, влекомые жаждой познаній, съ котомкою на плечахъ и страннническимъ посохомъ отправлялись за границу и дѣлались впослѣдствіи знаменитыми учеными, пользовавшимися европейскою славой. Припомнимъ здѣсь только Саломона Маймона, философа и математика, одного изъдаровитѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ учениковъ Канта. Этотъ знаменитый ученый былъ сынъ западно-русскаго Еврея-корчмаря, отправившійся пѣшкомъ въ Кёнигсбергъ и Берлинъ учиться философіи. . . Мы могли бы привести много подобныхъ примѣровъ; но укажемъ только на Еврея современника, г. Слонимскаго, объ ученыхъ (математическихъ) сочиненіяхъ котораго наша Академія Наукъ отзывалась не разъ самымъ лестнымъ образомъ.

Когда въ царствованіе Александра I разрѣшено было Евреямъ посѣщать среднія и высшія учебныя заведенія имперіи, то этою милостію благодушнаго монарха поспѣшили воспользоваться не одни караимы, какъ говоритъ авторъ, но и Евреи западныхъ губерній. Всѣ среднія учебныя заведенія тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ они живутъ, наполнены еврейскими учениками, оканчивающими потомъ свое образованіе во всѣхъ университетахъ имперіи. Начальства этихъ заведеній могутъ засвидѣтельствовать, что Евреи находятся всегда на счету самыхъ даровитыхъ студентовъ. Во всѣхъ еврейскихъ городахъ найдете врачей, учившихся въ русскихъ медицинскихъ факультетахъ и пользующихся большею или меньшею извѣстностью и уваженіемъ.

Digitized by Google

Гдѣ же этотъ мракъ, который будто бы господствуетъ между русскими Евреями? Не явная ли это клевета?

Мы надѣемся, что достаточно опровергли слова автора, который написалъ свою статью по наслышкѣ и подъ внушеніемъ явной непріязни къ Евреямъ. Онъ, впрочемъ, говоритъ, что готовъ сказать Евреямъ слово любви и примиренія, если они обнаружатъ интересъ къ цивилизаціи, и т. д. Но Евреи явно стремятся къ прогрессу, въ этомъ согласится съ нами всякій безпристрастный наблюдатель. Надо быть слѣпымъ или фанатическимъ врагомъ всего еврейскаго, чтобы отказать имъ въ желаніи образоваться и сдѣлаться полезными гражданами страны, въ которой они живутъ. Мы не принадлежимъ къ числу оптимистовъ въ этомъ вопросѣ; мы откровенно сознаемъ многіе недостатки, такъ-сказать, приставшіе къ характеру Евреевъ вслѣдствіе вѣковаго гнета. Но развѣ нынѣшній характеръ Грековъ соотвѣтствуетъ тому высокому нравственному типу, какой мы привыкли приписывать древнимъ Эллинамъ? Развѣ на Грекахъ не отзываются слѣды мусульманскаго владычества? И Евреи имѣютъ свои пятна, но они наложены на нихъ историческою судьбой, они объясняются фактами. И неужели авторъ думалъ своею статьей исправить эти недостатки, послѣдовательныя боли старыхъ ранъ?... Нѣтъ, не такъ проповѣдуютъ любовь и миръ; не съ бранью на устахъ и злобою въ сердцѣ простираютъ руку въ знакъ примиренія несчастному народу, имѣющему полное право на уваженіе со стороны другихъ націй.... Вы являетесь не проповѣдникомъ мира, а возжигаете ту старую вражду, которою, къ сожалѣнію, запечатлѣны всѣ страницы средней исторіи. . . . Въ нашъ вѣкъ гуманности и прогресса вы являетесь проповѣдникомъ фанатизма и нетерпимости. . . Мы надѣемся, что недалеко то время, когда статьи, подобныя вашей, будутъ встрѣчаемы въ русской литературѣ съ заслуженнымъ презрѣніемъ.

М. Горвицъ.

Digitized by Google

ЛѢТОПИСЬ КАЯ КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА.

Переводъ Алексѣя Кронеберга. Москва, 1858.

—

Sine ira et studio, quorum caussas procul habeo. Tacitus.

Слѣдуя примѣру англійскихъ эссеистовъ, наши литературные судьи нерѣдко прибѣгаютъ къ юридическимъ фикціямъ, чтобы заняться разсмотрѣніемъ дѣла, не подлежащаго прямому и непосредственному ихъ вѣдѣнію. Для этого они берутъ какую-нибудь книгу, выписываютъ ея заглавіе въ началѣ своей статьи и потомъ, оставляя самую книгу совершенно въ сторонѣ, высказываютъ свое собственное мнѣніе о предметѣ, составляющемъ ея содержаніе. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ нашихъ журналовъ мы прочли прекрасную статью, написанную по поводу издаваемой г. Клевановымъ библіотеки римскихъ писателей. Статья эта наполнена весьма интересными разсужденіями о Саллюстіи, какъ гражданинѣ и писателѣ, о Цицеронѣ, Катилинѣ, характерѣ его заговора, состояніи современнаго ему римскаго общества, и т. д.; но почти ничего не говоритъ о переводѣ г. Клеванова. Мы не думаемъ возставать противъ этого способа составленія критическихъ статей: онъ имѣетъ свои хорошія и полезныя стороны, особенно въ такихъ случаяхъ, когда о самой книгѣ сказать нечего, а между тѣмъ ея содержаніе можетъ служить предметомъ интересной журнальной статьи; но, съ другой стороны, не можемъ не замѣтить, что переводы древнихъ классическихъ писателей составляютъ въ нашей литературѣ такое важное явленіе, что на нихъ слѣдовало бы обратить нѣкоторое вниманіе, тѣмъ болѣе, что они ча-

Digitized by Google

сто не удовлетворяютъ даже самымъ умѣреннымъ требованіямъ и представляютъ русской публикѣ знаменитыя произведенія древности въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ.

Это печальное обстоятельство побудило насъ сказать нѣсколько словъ объ изданномъ г. Кронебергомъ переводѣ Тацитовой лѣтописи. Предоставляя нашимъ критикамъ-эссеистамъ составленіе общезанимательныхъ статей, для которыхъ помянутая книга можетъ послужить прекрасною темой, мы исключительно займемся неблагодарною и скучною работой разсмотрѣнія самаго перевода. Начнемъ прямо съ выписокъ, изъ которыхъ читатели, интересующіеся трудомъ г. Кронеберга, могутъ получить самое вѣрное объ немъ понятіе, и такъ какъ переводъ первой книги сдѣланъ покойнымъ братомъ издателя, то выпишемъ изъ нея хоть одно мѣсто, а потомъ уже перейдемъ къ собственнымъ его трудамъ, при разсмотрѣніи которыхъ ограничимся одною четвертою книгой, взятою на удачу изъ числа прочихъ.

Книга I. Глава 7.

.... Tiberius cuncta per Consules incipiebat, tamquam vetere republica et ambiguus imperandi. ne edictum quidem, quo Patres in curiam vocabat, nisi Tribuniciae potestatis praescriptione posuit, sub Augusto acceptae. verba edicti fuere pauca et sensu permodesto: «de honoribus parentis consulturum: neque abscedere a corpore: idque unum ex publicis muneribus usurpare». Sed, defuncto Augusto, signum praetoriis cohortibus ut imperator dederat: excubiae, arma, cetera aulae: miles in forum, miles in curiam comitabatur. litteras ad exercitus, tamquam adepto principatu, misit: nusquam cunctabundus, nisi cum in Senatu loqueretur. Caussa praecipua ex formidine, ne Germanicus, in cujus manu tot legiones, immensa sociorum auxilia, mirus apud populum favor, habere imperium quam exspectare mallet.

Переводъ: Тиберій все начиналъ съ консуловъ, какъ бывало въ старые годы республики; онъ все еще не рѣшался повелѣвать; даже эдиктъ, которымъ сенаторы приглашались въ курію, издалъ онъ за своею подписью не иначе, какъ въ силу трибунической власти, полученной имъ еще при Августѣ. Эдиктъ заключался въ немногихъ словахъ и содержаніе его было самое скромное: — Я хочу, писалъ онъ, посовѣтоваться о погребеніи отца. Не отойду отъ тѣла. Присвоиваю себѣ только эту изъ публичныхъ обязанностей. Но послѣ смерти Августа онъ отдалъ пароль преторіанскимъ когортамъ, назначилъ ка-

Digitized by Google

раулы, распорядился во дворцѣ, какъ императоръ. На форумъ ли, въ сенатъ ли шелъ онъ, всюду сопровождали его солдаты. Войскамъ разослалъ онъ приказы, какъ вступившій въ права командованія. Нигдѣ не оставался онъ долго, исключая, когда говорилъ въ сенатѣ. Главнѣйшею причиною этого былъ страхъ: что̀, если Германикъ, предводитель столькихъ легіоновъ, сильный помощью союзниковъ, дивный любимецъ народа, вздумаетъ не дожидаться власти, а взять ее?

Здѣсь во-первыхъ не переведено слово tamquam, *какъ бы*, и отъ этого вышло, что Тиберій въ самомъ дѣлѣ не рѣшался повелѣвать, между тѣмъ какъ онъ показывалъ только видъ, что не рѣшается. Далѣе, Тиберій издалъ указъ именемъ трибунской власти, то-есть поставилъ передъ своимъ именемъ титулъ трибуна, а г. Кронебергъ переводитъ: «издалъ эдиктъ за своею подписью не иначе, какъ въ силу трубунической (почему же не трибунской?) власти». Ему непремѣнно хотѣлось сохранить въ переводѣ слово praescriptio, но вѣдь оно означаетъ не подпись, а имя, выставляемое во главѣ эдикта (praescriptio legis sun nomina auctorum, quae legi praescribuntur. *Facciol. tot. lat lex.* Ne edictum quidem etc. i. e. praescripto nonime suo et titulo tribuni. ibid). Содержаніе эдикта Тиберія объясняли многіе комментаторы, и все-таки не объяснили удовлетворительно. О такихъ мѣстахъ, которыхъ у Тацита очень много, слѣдовало бы приводить въ примѣчаніяхъ мнѣнія истолкователей и объяснять причины, на основаніи которыхъ переводчикъ держался того или другаго мнѣнія *. Германика переводчикъ называетъ «дивнымъ любимцемъ народа», тогда какъ у Тацита онъ только необыкновенно любъ народу, пользуется чрезвычайной популярностью. In cujus manu immensa auxilia sociorum г. Кронебергъ перевелъ: сильный помощью союзниковъ, между тѣмъ какъ это значитъ: въ чьихъ рукахъ было множество вспомогательныхъ союзныхъ войскъ: auxilium и auxilia двѣ вещи разныя, хотя, повидимому, отличаются только граматическимъ числомъ. Но любопытнѣе всего то, что Тиберій «нигдѣ не оста-

---

* Еще нужнѣе было бы объяснять въ примѣчаніяхъ мѣста, которыя могутъ быть непонятны читателямъ, незнакомымъ съ римскими древностями, напримѣръ: «До сихъ поръ по древнему обычаю представляемы были (въ должность жреца Юпитера) три патриція, рожденные отъ родителей, сочетавшихся бракомъ по *конфарреаціи*.» Кн. IV, гл. 16.

Digitized by Google

вался долго, исключая, когда говорилъ въ сенатѣ, и что главною причиной этого былъ страхъ, чтобы Германикъ не вздумалъ взять (то-есть захватить) власть». Неужели самого переводчика — мы обращаемся не къ мертвому, а къ живому, который, издавая переводъ своего покойнаго брата, можетъ-быть, вовсе не назначенный для печати, этимъ самымъ принялъ на себя всю отвѣтственность за него — неужели, повторяемъ, самого переводчика не поразила странность этихъ словъ? Тиберій нигдѣ не оставался долго, потому что боялся Германика, который, однакожь, не гонялся за нимъ изъ дома въ домъ, а находился съ своими легіонами за тридевять земель отъ Рима! И почему же онъ не боялся оставаться долго въ сенатѣ, когда говорилъ тамъ? или, заговорившись, онъ забывалъ объ опасности? Вся бѣда произошла оттого, что переводчикъ не зналъ настоящаго значенія глагола cunctari, который значитъ медлить, то-есть дѣйствовать не рѣшительно, какъ можно видѣть изъ нижеслѣдующаго буквальнаго перевода разобраннаго нами мѣста *.

«Тиберій начиналъ все чрезъ консуловъ, какъ-будто въ старые годы республики и какъ бы не рѣшаясь принять верховную власть. Даже самый эдиктъ, которымъ онъ приглашалъ сенаторовъ въ курію, издалъ онъ только именемъ трибунской власти, полученной имъ при Августѣ. Эдиктъ этотъ заключался въ немногихъ словахъ весьма скромнаго смысла: «что онъ намѣренъ совѣщаться о погребеніи отца, что онъ не отходитъ отъ тѣла, и что это единственная изъ общественныхъ обязанностей, которую онъ присвояетъ себѣ. Но лишь только Августъ умеръ, онъ отдалъ пароль преторіанскимъ когортамъ, какъ главный военачальникъ (imperator). По прежнему остались караулы, солдаты и прочія принадлежности двора; на форумъ сопровождали его воины, въ курію также; къ войскамъ онъ разослалъ приказы, какъ бы уже вступившій въ права верховной власти (а не командованія, какъ переводитъ г. Кронебергъ), *и нигдѣ не показывалъ нерѣшительности, какъ только на словахъ, въ сенатѣ.* Главною причиной былъ страхъ, чтобы Германикъ, въ рукахъ котораго находилось столько легіоновъ, такое несмѣтное число союзныхъ вспомога-

* Не излишнимъ считаемъ замѣтить, что какъ здѣсь, такъ и въ слѣдующихъ выноскахъ, мы переводимъ слово въ слово и не думаемъ выставлять своего перевода за образецъ.

Digitized by Google

тельныхъ войскъ, и который пользовался удивительною любовью народа, не вздумалъ лучше захватить верховную власть, нежели выжидать ее.»

Книга IV, глава 3.

Atque illa, cui avunculus Augustus, socer Tiberius, ex Druso liberi, seque ac majores et posteros municipali adultero foedabat; ut, pro honestis et praesentibus, flagitiosa et incerta exspectaret.

«И племянница Августа, сноха Тиберія, мать Друзовыхъ дѣтей, посрамила своихъ предковъ и потомковъ, отдавшись провинціялу, промѣнявъ почетное настоящее на преступную неизвѣстность будущаго.»

Что же преступнаго въ «неизвѣстности будущаго»? Еслибы г. Кронебергъ перевелъ: на неизвѣстность преступнаго будущаго, то переводъ его, хотя и не вѣрный, былъ бы, по крайней мѣрѣ, понятенъ. Слово *seque*, которое Тацитъ поставилъ на первомъ мѣстѣ, придавая ему этимъ особенную силу, вовсе пропущено въ переводѣ. Тацитъ говоритъ, что жена Друза запятнала *и себя*, и предковъ, и потомковъ преступною связью съ муниципаломъ *, для того, чтобы почетное и вѣрное промѣнять на позорное и не вѣрное.

Глава 4.

Exin vetus et saepe simulatum proficiscendi in provincias consilium refertur. multitudinem veteranorum praetexebat Imperator, et delectibus supplendos exercitus. nam voluntarium militem deesse; ac si suppeditet, non eadem virtute ac modestia agere: quia plerumque inopes ac vagi sponte militiam sumant.

«Затѣмъ Тиберій возобновилъ свой старый, и часто мнимый, проектъ,— путешествія по провинціямъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что число ветерановъ чрезмѣрно увеличилось и что надо пополнить войска избранными солдатами; волонтеровъ нѣтъ; а если и есть, то нѣтъ въ нихъ ни прежней храбрости, ни хорошаго поведенія, большею частью въ военную службу идутъ нищіе да бродяги.»

Здѣсь мы во-первыхъ не понимаемъ выраженія: *часто мнимый проектъ*. Во-вторыхъ не видимъ связи между предполагаемымъ путешествіемъ Тиберія и чрезмѣрнымъ увеличеніемъ

* Любимцемъ Тиберія, Сеяномъ, который, прокладая себѣ путь къ верховной власти разными гнусными средствами, съ этою же цѣлью соблазнилъ жену Друза и, обѣщая жениться на ней, уговорилъ ее отравить мужа.

Digitized by Google

числа ветерановъ. У насъ подъ словомъ «ветеранъ» обыкновенно разумѣютъ стараго испытаннаго воина; если число такихъ воиновъ и безъ того уже чрезмѣрно увеличилось, то зачѣмъ же еще пополнять войска избранными солдатами? Но дѣло въ томъ, что у Тацита veteranus значитъ солдатъ, выслужившій свой срокъ, и это необходимо слѣдовало выразить въ переводѣ. Въ-третьихъ, г. Кронебергъ не извѣстно почему существительное delectus, наборъ, принялъ за причастіе delectus, выбранный. Отъ этой ошибки у него вышла не только не вѣрная съ подлинникомъ, но и непонятная сама по себѣ фраза: *пополнить войска избранными солдатами.* Въ-четвертыхъ, Тиберій говоритъ, что охотники или вольноопредѣляющіеся не отличаются ни *такой* храбростью, ни *такимъ* хорошимъ поведеніемъ, какъ солдаты, поступившіе на службу по набору, а г. Кронебергъ переводитъ: *прежней* храбрости. Ужь не заставляетъ ли онъ Тиберія сожалѣть о временахъ республики? Вотъ сколько ошибокъ въ немногихъ строкахъ! Теперь постараемся передать точный смыслъ приведеннаго мѣста.

«Потомъ упоминается (то-есть въ рѣчи Тиберія, содержаніе которой приводитъ Тацитъ) о давнишнемъ и уже не разъ притворно выраженномъ намѣреніи ѣхать въ провинціи. Предлогомъ императоръ выставляетъ накопленіе солдатъ, выслужившихъ сроки, и необходимость пополнить войска наборами. Охотниковъ, говорилъ онъ,—мало, а еслибы и было достаточно, то они не отличаются ни храбростью, ни такимъ хорошимъ поведеніемъ, потому что *охотою* (sponte, это слово пропущено въ переводѣ г. Кронеберга) идутъ на службу преимущественно бѣдняки и бродяги.»

Глава 6.

At frumenta et pecuniae vectigales, cetera publicorum fructuum, societatibus Equitum Romanorum agitabantur.

«Римскіе всадники завѣдывали общественнымъ продовольствіемъ, сборомъ податей и другихъ государственныхъ доходовъ.»

Подъ словомъ frumenta, по объясненію Эрнести, должно разумѣть десятину съ государственныхъ и обложенныхъ податью полей (decumae ex agris publicis et vectigalibus). Мнѣніе это подтверждается словами cetera publicorum fructuum, изъ которыхъ можно заключить, что Тацитъ относитъ и frumenta къ

Digitized by Google

государственнымъ доходамъ. Впрочемъ, нѣкоторые понимаютъ подъ frumenta поставку хлѣба, которою, какъ извѣстно, также занимались всадники, но уже ни въ какомъ случаѣ *не общественное продовольствіе*, составлявшее обязанность особыхъ должностныхъ лицъ *. По переводу г. Кронеберга можно подумать, что на римскихъ всадникахъ лежала обязанность продовольствовать общество и проч., между тѣмъ какъ по смыслу подлинника сборъ натуральной повинности хлѣбомъ, пошлинныхъ денегъ и прочихъ государственныхъ доходовъ (или поставка хлѣба, сборъ пошлинныхъ денегъ и проч.) производился *товариществами* (это слово въ переводѣ пропущено) римскихъ всадниковъ. Дѣло идетъ о чисто-коммерческой операціи.

Глава 11.

Quis enim mediocri prudentia, nedum Tiberius, tantis rebus exercitus, inaudito filio exitium offerret, idque sua manu, et nullo ad poenitendum regressu?

«Неужели, не только опытный Тиберій, но даже какой-нибудь человѣкъ посредственнаго ума, подалъ бы собственною рукою смертную чашу своему сыну, не выслушавъ его, *не оставивъ никакого исхода упрекамъ совѣсти?*»

Послѣдняго выраженія мы рѣшительно не понимаемъ. У Тацита сказано: безъ возврата къ раскаянію, то-есть, не оставивъ себѣ даже возможности раскаяться и загладить свою вину.

Глава 12.

Ceterum, laudante filium pro rostris Tiberio, Senatus populusque... domum Germanici revirescere, occulti laetabantur. Quod principium favoris, et mater Agrippina, spem male tegens, perniciem acceleravere.

«Впрочемъ, пока Тиберій говорилъ съ ростръ надгробное слово сыну, сенатъ и народъ... въ душѣ радовались новому возвышенію новаго дома Германика. Это возрожденіе народной любви, а также и неосторожность матери Агриппины въ выраженіи своихъ надеждъ, ускорили *ея* погибель.»

Не *ея*, а всего семейства Германика. Черезъ двѣ строки въ

* Эдилей, квесторовъ и praefecti annonae, которыхъ г. Кронебергъ не вѣрно называетъ префектами хлѣбной продажи. Вотъ ихъ-то бы слѣдовало назвать префектами общественнаго или народнаго продовольствія.

Digitized by Google

самомъ же переводѣ сказано, что Сеянъ началъ замышлять какъ бы извести *дѣтей* Германика.

Neque spargi venenum in tres poterat, egregia custodum fide, et pudicitia Agrippinae impenetrabili.

«Противъ всѣхъ трехъ невозможно было употребить ядъ, ихъ окружали вѣрные люди и неусыпная добродѣтель Агриппины.»

Трудно представить себѣ какъ *добродѣтель* Агриппины, да еще *неусыпная*, *окружала* ея дѣтей. Тацитъ говоритъ: «Нельзя было употребить ядъ противъ троихъ, при отличной вѣрности приставленныхъ къ нимъ людей и *непоколебимомъ цѣломудріи* Агриппины.» Онъ намекаетъ этими словами на смерть Друза, котораго погубила жена, не устоявшая противъ соблазновъ Сеяна.

Глава 18.

Destrui per haec fortunam suam Caesar, imparemque tanto merito rebatur. Nam beneficia eo usque laeta sunt, dum videntur exsolvi posse.

«Цезарь видѣлъ во всѣхъ этихъ заслугахъ подрывъ своему могуществу и *не считалъ себя въ силахъ бороться съ Силіемъ*. Благодѣянія только тогда принимаются благосклонно, когда за нихъ можно отплатить.»

Какая же тутъ связь между предложеніями, отдѣленными точкою, и къ какой стати Тацитъ пустился въ общія разсужденія о благодарности, сказавъ, что Тиберій будто бы считалъ себя не въ силахъ бороться съ Силіемъ? Вѣрный переводъ выведетъ насъ изъ этого недоумѣнія: «Цезарь полагалъ, что это * колеблетъ его могущество, что ему не по силамъ вознаградить такую великую заслугу: ибо благодѣянія до тѣхъ поръ только пріятны, пока мы считаемъ себя въ состояніи отплатить за нихъ.»

Глава 21.

Trahere in jus Urgulaniam, domoque Principis excire ausus erat.

«Онъ потребовалъ на судъ Ургуланію и *вывелъ* ее изъ дворца.»

Можно ли догадаться, что это должно значить: «онъ осмѣлился позвать Ургуланію къ суду и вытребовать ее изъ императорскаго дворца?»

* То-есть, похвальбы Силія, который разсказывалъ всѣмъ и каждому, что Тиберій не остался бы императоромъ, еслибъ онъ (Силій) не сумѣлъ удержать въ повиновеніи свои легіоны.

Digitized by Google

Глава 30.

Dictis dein sententiis, ut Serenus more majorum puniretur quo molliret invidiam, intercessit.

«Стали собирать голоса, и Серенъ приговоренъ къ смертной казни *по обычаю предковъ;* но Тиберій самъ вступился за него, какъ бы желая удержать *порывъ гнѣва* сенаторовъ.»

Что у древнихъ Римлянъ былъ обычай приговаривать къ смертной казни, это мы узнали только изъ перевода г. Кронеберга. О порывѣ гнѣва сенаторовъ также нѣтъ ни слова въ подлинникѣ. Слово invidia употребляется въ дѣйствительномъ и страдательномъ значеніи, о томъ, кто ненавидитъ, и о томъ, кого или что̀ ненавидятъ. Здѣсь оно употреблено въ послѣднемъ значеніи, и смыслъ приведеннаго мѣста слѣдующій: Когда были поданы мнѣнія, чтобъ наказать Серена по обычаю предковъ, онъ (Тиберій) протестовалъ, желая (не какъ бы, а въ самомъ дѣлѣ желая) смягчить ненависть, то-есть ненавистный, возмутительный характеръ этого дѣла, — das Gehässige, какъ говорятъ Нѣмцы *.

Глава 45.

Iisdem Consulibus, facinus atrox in citeriore Hispania admissum a quodum agresti nationis Termestinae, is Praetorem provinciae L. Pisonem, pace incuriosum, ex improviso in itinere adortus, uno vulnere in mortem adfecit.

«При этихъ консулахъ *какой-то человѣкъ изъ земледѣльческаго племени Терместовъ* совершилъ страшное злодѣяніе въ *дальней* Испаніи. *Подступивъ* неожиданно къ претору провинціи Луцію Пизону, который *ѣхалъ мирно* и ничего не опасаясь, онъ поразилъ его и ранилъ до смерти.»

Здѣсь г. Кронебергъ принялъ творительный падежъ *agresti* за родительный и согласовалъ его съ родительнымъ *nationis*. Отъ этого у него вмѣсто какого-то земледѣльца изъ племени Терместинцевъ вышелъ какой-то человѣкъ изъ земледѣльческаго племени Терместовъ. Не дуренъ также переводъ словъ pace incuriosum! Но лучше передадимъ все мѣсто: «При этихъ

* Серенъ былъ обвиненъ собственнымъ сыномъ въ злоумышленіи противъ Тиберія. На допросѣ всѣ свидѣтели показали противъ обвинителя. Испуганный ропотомъ народа, онъ бѣжалъ изъ Рима, но Тиберій воротилъ его, заставилъ продолжать обвиненіе и добился того, что сенатъ приговорилъ обвиненнаго къ смертной казни.

Digitized by Google

же консулахъ ужасное преступленіе совершено было *въ ближней* (а не въ дальней) Испаніи * какимъ-то поселяниномъ изъ племени Терместинцевъ. Напавъ внезапно, на дорогѣ, на претора провинціи, Л. Пизона, ничего не опасавшагося въ мирное время, онъ поразилъ его на смерть однимъ ударомъ.»

Sed Piso Termestinorum dolo caesus habetur: qui pecunias, e publico interceptas, acrius, quam ut tolerarent barbari, cogebat.

«*Полагали*, что всѣ Терместинцы замышляли смерть Пизона, за то, что онъ взыскивалъ *подати* слишкомъ строго, *по мнѣнію варваровъ*.

Не такъ. Не полагали, а полагаютъ, что Пизонъ былъ убитъ по злоумышленію Терместинцевъ, за то что онъ взыскивалъ не подати, а утаенныя или похищенныя изъ общественной казны деньги, и притомъ не слишкомъ строго по мнѣнію варваровъ, а такъ строго, что варвары не могли этого выносить.

Такихъ промаховъ у г. Кронеберга очень много. По всему видно, что онъ принялся за переводъ, не изучивъ предварительно своего автора, и что онъ сверхъ-того поторопился. Иначе, какъ объяснить себѣ, что даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у него видно полное пониманіе подлинника, онъ не вездѣ старался передать его съ надлежащей точностью и позволилъ себѣ небрежности даже въ отношеніи къ русскому языку. Впрочемъ, нѣкоторыя мѣста переведены очень удачно, и это еще болѣе заставляетъ насъ сожалѣть, что г. Кронебергъ не исполнилъ своего дѣла такъ, какъ могъ бы исполнить при большей строгости къ самому себѣ. Мы слышали, что его Тацитъ расходится очень хорошо, и весьма можетъ быть, что уже въ скоромъ времени понадобится второе изданіе. Надѣемся, что переводчикъ воспользуется этимъ случаемъ для необходимыхъ поправокъ. Конечно, это будетъ не совсѣмъ легко; но вѣдь репутація хорошаго переводчика классиковъ не дается даромъ и, право, стóитъ того, чтобъ изъ-за нея прилежно поработать.

Л. Р. П.

---

* Ближнею Испаніей, Hispania Citerior, называлась часть этого края по сю сторону рѣки Эбро (Iberus).

Digitized by Google

НОВАЯ РУССКАЯ ОБЩИНА.

Третье письмо къ Редактору.

—

М. Г.

Прочитавъ послѣднее мое письмо къ Вамъ, одинъ изъ моихъ Богородскихъ пріятелей не шутя разсердился и пришелъ ко мнѣ для объясненія. «Чтожь это въ самомъ дѣлѣ, говорилъ онъ: не станете же вы отвергать участія силы и завоеванія въ историческомъ образованіи поземельной собственности по крайней мѣрѣ у западныхъ Европейцевъ?» — Не только у нихъ, но, съ позволенія вашего, и у насъ, — отвѣчалъ я для полнаго его успокоенья: — я никакъ не думаю, чтобъ, напримѣръ, финскія племена безъ сопротивленія удалились передъ нами на крайній сѣверъ.

Очевидно, мой пріятель, подобно «Русскому Вѣстнику», не только смѣшалъ вопросъ объ основаніи права съ вопросомъ о различныхъ способахъ пріобрѣтенія, правыхъ и неправыхъ, и съ еще болѣе сложнымъ вопросомъ объ историческихъ измѣненіяхъ въ характерѣ собственности, зависѣвшихъ отъ движенія всего общественнаго быта и особенно экономической его стороны, но и перескочилъ, не замѣтивъ этого, изъ области частнаго права, вѣдающаго частной собственностью, въ область международныхъ отношеній, куда безспорно принадлежитъ завоеваніе чужихъ странъ. Только благодаря такой путаницѣ всѣхъ элементарныхъ понятій, и могъ «Русскій Вѣстникъ» дойдти до не совсѣмъ скромнаго убѣжденія, что «полно и удачно разрѣшаются формой общинной собственности всѣ споры европейскихъ экономистовъ и публицистовъ о свободѣ

Digitized by Google

крестьянской собственности» (стран. 224). Я думаю, что притязаніе на окончательное рѣшеніе этихъ споровъ преждевременно уже и потому, что вполнѣ свободная крестьянская собственность только недавно начала свое существованіе въ западной Европѣ, да и то еще далеко не вездѣ. Во всякомъ случаѣ для произнесенія ей приговора, необходимо было привесть болѣе убѣдительныя доказательства.

Вопреки мнѣнію «Вѣстника», я убѣжденъ вполнѣ, что въ вопросѣ о большемъ или меньшемъ развитіи поземельной собственности и о связи ея съ аристократическимъ началомъ главную роль играетъ не воинственность племени, а обширность страны относительно ея населенія, то экономическое значеніе, ту цѣнность, какія имѣетъ для даннаго народа земля. Чтобы удостовѣриться въ этомъ стóитъ лишь взглянуть на Англію по сю сторону Океана и на Соединенные Штаты по другую. Къ какимъ племенамъ причислитъ «Русскій Вѣстникъ» Англосаксовъ? къ воинственнымъ, или къ мирнымъ и патріархальнымъ, какими считаетъ онъ неизвѣстно почему Славянъ? Племя одно, а то ли значеніе имѣетъ поземельная собственность въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи? Но я возвращусь еще къ этому, говоря о правѣ первородства, а теперь позвольте мнѣ обратить Ваше вниманіе на то, что̀ по-моему проглядѣлъ «Русскій Вѣстникъ» въ исторіи человѣчества, глядя на нее съ точки зрѣнія новой общины.

Обсуждая невыгодныя стороны личной собственности, необходимо было отдѣлить эту собственность отъ прививавшихся къ ней до сихъ поръ чисто аристократическихъ элементовъ. «Вѣстникъ» какъ нарочно смѣшиваетъ эти два вопроса: оттого и приходитъ онъ къ невѣрному заключенію, будто личная поземельная собственность неизбѣжно ведетъ къ тѣмъ послѣдствіямъ, къ какимъ привела она подъ вліяніемъ патриціанскихъ и потомъ феодальныхъ понятій, которыя отчасти держатся еще и по сей день. Онъ забываетъ при этомъ, что аристократія прежде чѣмъ явиться съ притязаніями на исключительную полную собственность, какъ въ древнемъ Римѣ, а потомъ на исключительную родовую собственность, какъ въ среднихъ вѣкахъ, была долго жреческою и военною кастой, которыя имѣли свои обширныя земли и владѣли ими на правѣ общинной неот-

Digitized by Google

чуждаемой собственности, предлагаемой теперь за новость. Въ Египтѣ треть земли отдѣлена была жрецамъ, и такая же треть воинамъ. Плоды этого порядка вещей намъ извѣстны. Отрѣшеніе Европы отъ кастоваго устройства и появленіе въ Греціи и Римѣ начатковъ родовой аристократіи было уже значительнымъ шагомъ впередъ не только въ смыслѣ постепеннаго освобожденія лица, но и въ смыслѣ освобожденія собственности. Мы знаемъ однакожь, какъ дѣйствовали эвпатриды въ Аттикѣ и патриціи въ Римѣ; тайна ихъ антимонархическихъ стремленій намъ теперь ясна: они захватывали власть и землю только для того, чтобъ упрочить себѣ исключительное положеніе въ обществѣ, насчетъ всѣхъ остальныхъ его классовъ. При этомъ они должны были прибѣгать къ мѣрамъ, которыя, какъ ни прикрыты онѣ торжественной религіозной обстановкой, какъ ни искусно связаны съ древнѣйшимъ преданіемъ, всегда оказывались стѣснительными для естественнаго хода народной жизни. Противорѣчіе это ни въ чемъ не обнаруживается такъ явно, какъ именно въ развитіи римскаго законодательства, на которое «Русскій Вѣстникъ» оперся не совсѣмъ впопадъ. Ища въ немъ исторической опоры, своимъ гипотезамъ объ основаніи права собственности, онъ остановился па одной только древней формѣ этого законодательства, на правѣ квиритовъ, правѣ чисто-патриціанскомъ, дышащемъ исключительностью привилегіи въ каждомъ словѣ, въ каждомъ судебномъ обрядѣ и до того противорѣчащемъ всякому экономическому и вообще жизненному движенію, что рядомъ съ этимъ «строгимъ» правомъ, по сущей необходимости, является другое, плебейское, смягчающее нестерпимую исключительность перваго, основанное на народномъ обычаѣ, естественной справедливости и здравомъ смыслѣ *; рядомъ съ квиритской полной собственностью, мы видимъ добросовѣстное владѣніе, рядомъ съ res mancipi — res non mancipi, рядомъ съ договорами по строгому праву — договоры по совѣсти, рядомъ съ безусловнымъ правомъ завѣщанія — наслѣдство по кровному родству, и т. д. Струя жизни неудержимо пробивается сквозь крѣпкую оболочку

* Не даромъ издѣвался надъ строгимъ римскимъ правомъ уже Цицеронъ, разумѣется сопоставляя хитрости его съ тѣмъ, что всѣми признается справедливымъ на дѣлѣ.

Digitized by Google

религіозно-патриціанской исключительности. Не смотря, однакожь, на естественное противодѣйствіе народнаго быта и его потребностей стѣснительному преобладанію кореннаго патриціанскаго начала, послѣднее, какъ извѣстно, уступало только очень неохотно, не упуская случая съ своей стороны пользоваться выгодами даже и помимо всякаго права. Такъ, напримѣръ, патриціи присвоивали себѣ государственныя земли (ager publicus) вовсе не по квиритскому праву, и не хотѣли потомъ разстаться съ ними, отстаивая свой захватъ тоже не съ квиритскимъ копьемъ въ рукѣ, а часто съ кинжаломъ убійцы и предателя. Между тѣмъ этотъ неправедный захватъ имѣлъ самыя вредныя послѣдствія для государства, рабскій трудъ на обширныхъ земляхъ убивалъ вольную работу мелкихъ собственниковъ; они мало-по-малу почти совсѣмъ перевелись и находили себѣ прибѣжище только въ войскѣ. А когда впослѣдствіи стали раздавать земли выслужившимъ срокъ солдатамъ, эти люди, уже чуждые сельскихъ работъ, тотчасъ же сбывали свои участки большимъ владѣльцамъ. Послѣдніе, посредствомъ рабскаго труда, захватили въ свои руки всѣ выгоднѣйшіе промыслы и сверхъ того страшно наживались ростовщичествомъ, которому неумолимая строгость закона противъ несостоятельныхъ должниковъ долго служила надежною опорой *.

Вотъ какимъ образомъ произошли тѣ «обширныя помѣстья, которыя погубили Италію»: они явились не слѣдствіемъ правильнаго экономическаго развитія личной собственности, а горькимъ плодомъ стѣсненій вольнаго труда, плодомъ хитраго насилія и привилегій! При такомъ ненормальномъ положеніи вещей, понятно, что Римъ не могъ существовать безъ постоянной поддержки внѣшними завоеваніями. Извѣстно, что задолго до паденія республики, онъ жилъ уже не своимъ, а привознымъ хлѣбомъ, доставлявшимся изъ покоренныхъ областей.

Не таково было положеніе средневѣковаго общества: ему суждено было кормиться отъ собственной земли, а для этого

* Строгость древняго закона простиралась до того, что кредиторы имѣли право раздѣлить между собой тѣло должника, оказавшагося несостоятельнымъ. Разумѣется, этотъ законъ не исполнялся никогда; но замѣчательно, что ростовщичествомъ наживались въ Римѣ такіе люди, какъ старшій Катонъ, извѣстный противникъ всѣхъ нововведеній.

Digitized by Google

потребовалось сосредоточить на ней какъ можно болѣе рабочей силы. Заставъ у Римлянъ рабство и родъ крѣпостнаго состоянія — колонатъ, Германцы сначала не коснулись этой насильственной организаціи труда, тѣмъ болѣе, что и у нихъ самихъ былъ классъ обязанныхъ работниковъ, который впослѣдствіи совсѣмъ приравнялся къ римскому колонату. Рабочій сталъ крѣпкимъ землѣ, а землю подѣлили между собой начальные люди. Когда германская землевладѣльческая аристократія мало-по-малу обратила свои служебныя помѣстья, или лены, въ наслѣдственныя, этотъ низшій классъ, прикрѣпленный къ почвѣ, пріумножился беззащитными мелкими собственниками; обязанный трудъ и личная зависимость, иногда переходившіе всякую мѣру, сдѣлались тогда общимъ удѣломъ большинства западно-европейскаго населенія. Въ новѣйшую эпоху освобожденіе труда и образованіе многочисленнаго класса мелкихъ собственниковъ стало, въ свою очередь, первымъ условіемъ дальнѣйшаго движенія. Теперь я снова возвращусь къ Риму.

Римъ, наперекоръ мнѣнію «Русскаго Вѣстника», представляетъ намъ поучительный примѣръ того, что самая строгая и исключительная система собственности явилась тамъ въ первоначальный періодъ его исторіи, который никому въ голову не прійдетъ назвать завоевательнымъ; а напротивъ смягченіе этой системы, по очень ясному экономическому закону, шло потомъ рядомъ съ завоеваніями, и подъ конецъ сообщило римскому праву такой свободный, общепримѣнимый характеръ, что благодаря содѣйствію христіанской Церкви, оно вскорѣ принялось у германскихъ племенъ и смѣшалось съ ихъ обычнымъ правомъ до такой степени, что никто не возьмется провесть рѣшительную черту между вліяніями римскаго права и народными германскими началами.

Поэтому я не безъ удивленія прочелъ въ «Вѣстникѣ» рѣзкій отзывъ и о французскомъ правѣ, въ которомъ будто бы всего менѣе отозвалось германскихъ началъ. Я новичекъ въ этомъ дѣлѣ, но сошлюсь Вамъ на такого великаго знатока, какъ Миттермайеръ; онъ находитъ, что ни въ одномъ изъ современныхъ законодательствъ германскій взглядъ на порядокъ наслѣдованія не развитъ такъ сильно, какъ во французскомъ,

Digitized by Google

хотя далеко еще не вполнѣ *; нигдѣ наслѣдованію по кровному родству не дано такого важнаго значенія. Что̀ касается до права первородства, на которое «Вѣстникъ» (стран. 194) указываетъ такъ положительно, какъ на существенную особенность германскаго міра, то едва ли нужно говорить, что это право, не извѣстное ни древности, ни первобытнымъ Германцамъ, и въ строгомъ смыслѣ противное природѣ, было необходимымъ слѣдствіемъ феодальнаго устройства и имѣло цѣлью нераздѣльность лена, съ которымъ было связано отправленіе извѣстныхъ службъ и обязанностей относительно верховнаго владѣльца или господина. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что право первородства никогда не уполномочивало на соединеніе двухъ или болѣе леновъ въ лицѣ одного старшаго наслѣдника, при братьяхъ: каждый изъ нихъ получалъ особый ленъ, чтобъ не отнять лишняго слугу у господина. Что главная роль принадлежитъ здѣсь не-родовому началу, а феодальному способу землевладѣнія, доказывается еще и перемѣною родовыхъ прозвищъ на заимствованныя отъ имени лена. Наконецъ всѣмъ извѣстно, что господскія родовыя отчины въ Германіи приняли окончательную форму не ранѣе XV или XVI вѣка, подъ обновившимся тогда вліяніемъ римскихъ понятій о субституціяхъ и фидеикомиссахъ, тогда какъ негосподскія земли дѣлились по старому не только между сыновьями умершаго, но нерѣдко и между дочерьми. Кажется, дѣло совершенно ясно? Такъ нѣтъ! «Только при условіи родовой собственности, говоритъ «Вѣстникъ», могло развиться аристократическое начало». Неужели онъ не замѣтилъ развитія этого начала съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ существуетъ на свѣтѣ человѣческое общество?

Но, положимъ, онъ проглядѣлъ его въ древности, можетъ-быть слишкомъ отдавшись современнымъ вопросамъ. Да какъ же, говоря объ Англіи, не обратилъ онъ кстати вниманія на ея «братца Іонаѳана», на Соединенные Штаты? Вѣдь Англичане пришли туда съ тѣмъ же «германскимъ» взглядомъ на право первородства; вѣдь извѣстно, что многія части нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ пожалованы были королями англійскимъ

* Mittermayer. Grundsätze des gemeinen Deutschen Privatrechts. 1847.

Digitized by Google

лордамъ на ленномъ правѣ, что не только лорды-собственники, но и многіе другіе колонисты пытались водворить законъ первородства на свѣжей почвѣ Америки, и однакожь этотъ законъ не могъ пустить тамъ никакихъ корней и замеръ своей собственной немощью въ борьбѣ съ широкимъ просторомъ, съ необъятнымъ запасомъ земли, которую Богъ далъ человѣку въ Новомъ Свѣтѣ. Всего замѣчательнѣе то, что ни въ Англіи, ни въ Соединенныхъ Штатахъ законъ не связываетъ волю завѣщателя, а между тѣмъ въ Англіи право первородства крѣпчаетъ и ростетъ, а по ту сторону Океана оно зачахло. На иной почвѣ, при иныхъ экономическихъ и общественныхъ условіяхъ естественно перемѣняется и взглядъ на многія вещи. «Русскій Вѣстникъ» можетъ самъ служить тому примѣромъ: перенесшись на почву «новой русской общины» онъ вынесъ совсѣмъ новый взглядъ на исторію человѣчества.

Позвольте еще нѣсколько мелкихъ замѣчаній. Не войду съ «Вѣстникомъ» въ раздоръ по вопросу о плохихъ заслугахъ французскаго дворянства передъ народомъ, даже и о томъ, что маіораты не пустили тамъ глубокихъ корней, хоть, правду сказать, для того чтобъ вырвать эти корни потребовалось полнаго общественнаго переворота, не менѣе. Но оставимъ мертвымъ хоронить мертвыхъ! Замѣчу только, что все высказанное «Вѣстникомъ» объ устройствѣ бывшей французской и нынѣшней англійской аристократіи совершенно несправедливо. Маіораты во Франціи точно такъ же переходили по праву первородства къ ближайшему наслѣднику, какъ переходятъ теперь въ Англіи, и только въ видѣ исключенія допускались такъ-называемые неправильные маіораты (majorats irréguliers), которые передавались старшему въ родѣ, хотя бы онъ былъ и не ближайшій покойному. Напрасно также «Русскій Вѣстникъ» потратилъ столько краснорѣчивыхъ словъ о несуществованіи въ Англіи дворянства въ собственномъ смыслѣ: ему бы не слѣдовало забывать, что Вильгельмъ Завоеватель перенесъ изъ Нормандіи въ Англію всѣ формы французской феодальной іерархіи, которыя сохранились тамъ и до сихъ поръ. Не говоря о спеціальныхъ сочиненіяхъ, въ каждомъ энциклопедическомъ словарѣ можно найдти эту обветшалую табель о рангахъ англійскаго дворянства (gentry), начиная съ *баронетта* до *найтъ-баннеретта* (knight banneret—

Digitized by Google

родъ хорунжаго въ феодальномъ порядкѣ) и до простаго *сквайра* или конюшаго. Въ Англіи чинопочитанія больше нежели въ какой-либо другой изъ европейскихъ странъ: это подтвердитъ всякій, кому случалось бывать въ англійскомъ обществѣ, особенно за англійскимъ обѣдомъ. Тамъ издаются даже особыя руководства для прислуги (servant's manuels), въ которыхъ съ самою практическою цѣлью объяснены всѣ степени и оттѣнки общественной іерархіи, всѣ ходы хитроизвитаго лабиринта.

Забывъ о Вильгельмѣ Завоевателѣ, «Русскій Вѣстникъ» кстати забываетъ ужь и о первыхъ основаніяхъ феодализма: по данной ему власти онъ жалуетъ перовъ въ ровни королю, тогда какъ они называются перами только потому, что считаются равными между собою. Какъ удивились бы и сами перы и особенно королева Викторія, еслибъ до нихъ дошелъ этотъ слухъ. А что̀ сказали бы они, прочитавъ далѣе, что «лорды суть какъ бы медіатизированные владѣтельные князья», что они «какъ бы повторяютъ собою въ маломъ видѣ и внутри одной страны то явленіе, какое представляетъ цѣлая федерація независимыхъ другъ отъ друга государствъ,» и «какъ бы нейтрализируютъ въ себѣ излишекъ королевской власти, раздробляя ее въ своей средѣ?» God almighty, всемогущій Боже! сказали бы они— сколько клеветъ и небылицъ на одной 196 страницѣ «Русскаго Вѣстника», а мы еще наивно почитали его своимъ другомъ!— Нѣтъ, въ англійскую аристократію не втѣснишь никакъ чуждаго и враждебнаго ей смысла вольной федераціи. А для меня всего важнѣе смыслъ, а не форма: есть, по свидѣтельству Крапфа, двухкамерный парламентъ въ восточной Африкѣ, у племени Ваникъ, но это не англійскій парламентъ; есть чисто демократическія общины у Малайскихъ племенъ Батта, но это не общины Соединенныхъ Штатовъ...

Заключу свое письмо однимъ общимъ взглядомъ на главный вопросъ.

Слѣдя исторію землевладѣнья, нельзя не прійдти къ тому же самому выводу, къ какому пришла сама собою жизнь. Всегдашнія стремленія всѣхъ большихъ землевладѣльцевъ извлекать изъ своей собственности наиболѣе выгоды посредствомъ то невольнической, то обязательной, то наконецъ наемной работы вели или къ малопроизводительности и застою въ земледѣліи,

Digitized by Google

или къ тяжкому положенію рабочихъ силъ; вездѣ, напротивъ, гдѣ рабочіе пріобрѣтали право *полной* собственности на землю, они даже и при самыхъ небольшихъ участкахъ получали отъ нея гораздо болѣе выгоды, чувствовали себя гораздо независимѣе и довольнѣе, и во всякомъ случаѣ не захотѣли бы промѣнять свое новое положеніе на то, въ какомъ были ихъ дѣды.

Чтòжь, по отношенію къ землѣ, составляетъ отличіе полной собственности отъ неполной?—Это именно соединеніе права владѣнія или вѣчнаго пользованія съ правомъ распоряжаться своимъ участкомъ, округлять его новыми прикупками, въ случаѣ нужды обмѣнивать на другой, закладывать, продавать сообразно своимъ цѣлямъ и потребностямъ. Пока нѣтъ этого послѣдняго права, права полнаго распоряженія, владѣльцу, при нынѣшней организаціи общества и государства, не достаетъ главнаго нерва человѣческой дѣятельности—свободы. Можно однако представить себѣ и такое, повидимому совсѣмъ противоположное состояніе общества, гдѣ земледѣлецъ, не будучи вовсе собственникомъ, только нанималъ бы общественную землю на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, съ правомъ удержать ее за собой за ту же плату и по истеченіи срока, если другой соискатель не предложитъ выгоднѣйшихъ условій. Въ случаѣ передачи участка другому кортомщику, возведенныя первымъ постройки и проч. должны переходить ко второму по оцѣнкѣ посредниковъ. Эта форма владѣнія, чтò бы ни говорилось противъ нея теперь, можетъ имѣть въ отдаленномъ будущемъ многое въ свою пользу. «Вѣстникъ» основываетъ свой новый планъ на совершенно другомъ началѣ: хотя онъ тоже отдѣляетъ отъ владѣнія, или экономическаго пользованія землею, право собственности, но предоставляетъ это право не цѣлому обществу, а частной общинѣ, налагая на нее при этомъ тяжкое стѣсненіе вѣчной неизмѣнностью участковъ. — Но не рано ли намъ вообще, изъ боязни непредвидимаго у насъ земледѣльческаго пролетаріата, помышлять объ ограниченіи не развившейся еще личной собственности, которая изъ всѣхъ формъ пользованія землею безспорно наиболѣе поощряетъ производительность и наиболѣе вызываетъ трудъ у человѣка, не ставя его въ тяжкую зависимость отъ другихъ?

Digitized by Google

Вотъ всѣ сомнѣнія и вопросы, возбужденные во мнѣ статьей «Русскаго Вѣстника», и я буду Вамъ очень благодаренъ, если Вы, или кто-нибудь изъ Вашихъ сотрудниковъ, возьмете на себя трудъ помочь моему недоумѣнію, указать мои ошибки и направить меня на путь истины, по которому такъ желалось бы идти.

Имѣю честь быть и проч.

Н. Тупицынъ.

Богородскъ
14-го октября 1858 г.

Digitized by Google

Поправки въ № 41 Атенея.

—

Стран. 344, вмѣсто *оборонительныя* (охранныя?) отдушины, должно быть: предохранительныя отдушины.

— 342, вмѣсто приложатся, умножатся.

— 361, вмѣсто плановъ, пластовъ.

— 390, число 7,200 нишній, показанное въ первой выноскѣ, на второй строкѣ снизу, относится не къ 1816 году, а къ 1831.

Digitized by Google

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. М. ЩЕПКИНА И К°.

Коммиссіонера Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Министерства Государственныхъ Имуществъ: *на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина,*

ПРОДАЮТСЯ ВНОВЬ ВЫШЕДШІЯ:

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ СКАЗКИ. А. Н. Аѳанасьева. (Изданіе 2-е) К. Солдатенкова и Н. Щепкина, выпускъ 1-й. Москва 1858 г. Цѣна 50 к., съ пересылкою 75 к. сер.

ФИЛОСОФСКІЙ ЛЕКСИКОНЪ.. С. Г. Томъ I-й, А. Б. В. Кіевъ 1857 г. Цѣна 2 рубл. 50 к., съ пересылкою 3 рубл. сер.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА. 7-й дополнительный томъ. Изданіе П. В. Анненкова. Спб. 1857 г. Цѣна 1 рубль, съ пересылкою 1 рубль 50 к. сер.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ. Съ приложеніями: 1) Портрета автора, 2) Изображенія памятника надъ его могилою, 3) Автографа, 4) Герба Грибоѣдовыхъ, 5) Сценъ изъ комедіи. «Горе отъ Ума» a) Балъ и b) Явленіе Репетилова, 6) Статей о комедіи «Горе отъ Ума» изъ журналовъ (1825—1827). Изданіе Евграфа Серчевскаго. Спб. 1858 г. Ц. 3 р. Съ пересылкою 3 р. 75 к. сер.

САДОВНИЧЕСТВО. Переводъ Figures pour l'almanach du bon jardinier Д. Ч. Общества В. Делла-Восса, съ добавленіемъ статьи «О размноженіи растеній» И. Палимпсестова. Одесса 1858 г. Ц. 1 р. 75 к. Съ пересылк. 2 р. 25 к. сер.

РУКОВОДСТВО КЪ ТОНКОРУННОМУ ОВЦЕВОДСТВУ для средней и южной полосъ Россіи. Составлено ученымъ агрономомъ, классификаторомъ овчарныхъ заводовъ, дѣйствительнымъ членомъ нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, Редемейстеромъ, въ 2-хъ ч. Одесса 1858 г. Ц. 2 р. 25 к. Съ пересылк. 2 р. 75 к. сер.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ПОСТРОЙКИ И СЕЛЬСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО, основанное на настоящемъ состояніи сельскаго хозяйства, составленное для содѣйствія народному благосостоянію, Э. Г. Нейманомъ. Изд. 3-е съ 207 чертежами, на 21 таблицѣ. Спб. 1858 г. Ц. 3 р. Съ пересылк. 3 р. 75 к. сер.

Digitized by Google

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ ШЕКСПИРА. Переводъ съ англійскаго Н. Кетчера, выправленный и пополненный по найденному Пэнъ-Колльеомъ старому экземпляру in folio. 1632 г.

ЧАСТЬ 5-я. Тимонъ Аѳинскій.

Два Веронца.
Юлій Цезарь.
Антоній и Клеопатра.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858 г. Ц. каждой части 1 р. Съ пересылк. 1 р. 50 к. сер.

VIII-Й ТОМЪ ИСТОРІИ РОССІИ. Сочиненіе С. Соловьева. М. 1858 г. Цѣна 2 р. Съ пересылк. 2 р. 50 к. сер.

V-Й ТОМЪ ИСТОРІИ РОССІИ. Сочиненіе С. Соловьева (2-е изданіе). М. 1858 г. Ц. 2 р. Съ пересылк. 2 р. 50 к. сер.

ДНЕВНИКЪ КАММЕРЪ-ЮНКЕРА БЕРХГОЛЬЦА, веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго, съ 1721-го по 1725 г. Перевелъ съ нѣмецкаго И. Аммонъ. Ч. 2-я (1722-й г). М. 1858 г. Ц. 1 р. 75 к. Съ пересылк. 2 р. 25 к. сер.

ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ АКАДЕМИКА Э. ЛЕНЦА. Руководство для военно-учебныхъ заведеній. (Изданіе 2-е). Съ приложеніемъ особаго атласа. Спб. 1858 г. Ц. 3 р. 30 к. Съ пересылкою 4 р. 25 к. серебромъ.

ПРИРОДА И ЛЮДИ. Уроки географіи, читанные въ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ. Спб. 1858 г. Книга I-я, выпускъ I-й. Ц. 1 р. Съ пересылк. 1 р. 50 к. Книга II-я, выпускъ II-й. Ц. 1 р. 25 к. Съ пересылк. 1 р. 75 к. сер.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА, съ портретомъ автора. Спб. 1858 г. 8 томовъ. Ц. 8 р. Съ пересылк. 11 р. сер.

ЗАПИСКИ ОБЪ ОСАДѢ СЕВАСТОПОЛЯ Н. Берга. 2 тома, съ 2-мя планами. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858. Ц. 2 р. 50 к. Съ пересылк. 3 р. сер.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ АЛЬБОМЪ Н. Берга, съ 37-ю рисунками большаго формата; при нихъ текстъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858 г. Ц 7 р. Съ пересылк. 8 р. сер.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ СТАНКЕВИЧЪ. Переписка его и біографія, написанная П. А. Анненковымъ, съ портретомъ Станкевича. М. 1858 г. Ц. 1 р. 50 к. Съ пересылк. 2 р. сер.

Digitized by Google

КНЕХТА И К°

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТРИ МѢСЯЦА ЗА ГРАНИЦЕЙ. Письмо первое. . . . . И. К. БАБСТА.
РУССКІЕ ЕВРЕИ. . . . . М. ГОРВИЦА.
ЛѢТОПИСЬ КАЯ КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА. . . Л. Р. П.
НОВАЯ РУССКАЯ ОБЩИНА. Третье письмо къ Редактору. . . . . Н. ТУПИЦЫНА.

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,
и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атенея*, при книжномъ магазинѣ Н. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годово[illegible] состоящему изъ 52-хъ книжекъ, *десять* [illegible]*ять рубл. съ пошлиною.*

Октября 18-го, 1858 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

Digitized by Google

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 43.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРИСТА БАРФКНЕХТА И К°

1858.

Digitized by Google

Digitized by Google

О ПРЕПОДАВАНІИ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

(По поводу книги г. Смирнова: «Матеріалы для учебной теоріи словесности». Москва, 1858.)

—

Недавно вышла въ свѣтъ книга г. Смирнова, подъ названіемъ: «Матеріалы для учебной теоріи словесности», и, скажемъ откровенно, навѣяла много грусти на насъ своимъ появленіемъ. Въ ней мы видимъ новое доказательство того, что схоластическое преподаваніе словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ еще и въ наше время свирѣпствуетъ во всей своей силѣ. Неужели словесность, какъ наука, осуждена на вѣчную неподвижность въ преподаваніи? Когда же она освободится отъ оковъ схоластики? Вѣдь въ настоящее время почти всѣ понимаютъ, на какихъ основаніяхъ должна преподаваться наука; а между тѣмъ дѣло идетъ все попрежнему. Самъ г. Смирновъ въ предисловіи говоритъ противъ схоластики, а въ книгѣ весь подчиняется ей. Что за странность? Оставляя пока въ сторонѣ сочиненіе г. Смирнова, обратимся къ изложенію причинъ, которыя главнымъ образомъ замедляютъ, или препятствуютъ правильному, живому преподаванію словесности и нѣсколько оправдываютъ возможность появленія и въ настоящее время такой схоластической книги. Причины эти, по нашему мнѣнію, заключаются во-первыхъ въ томъ воззрѣніи на словеснось, какъ науку, которое укоренилось въ воспитателяхъ старой школы; во-вторыхъ — въ тѣхъ стѣснительныхъ условіяхъ, которымъ долженъ у насъ подчиняться всякій преподаватель въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Digitized by Google

Выяснимъ сначала настоящую точку зрѣнія на словесность и на способъ ея преподаванія. Подъ словесностью какого бы то ни было народа обыкновенно разумѣется совокупность словесныхъ произведеній, въ которыхъ выражается его умственная дѣятельность. Всѣ они могутъ быть раздѣлены на два разряда: на произведенія поэтическія и прозаическія. Въ первыхъ выражается тотъ идеалъ, которому служитъ народъ въ извѣстный періодъ своего развитія; во вторыхъ — та дѣйствительность, которою окруженъ человѣкъ въ своей жизни. Между дѣйствительною и и идеальною стороной жизни находится самая тѣсная связь, самое живое, непосредственное отношеніе. Развитіемъ одной изъ нихъ обусловливается развитіе другой стороны: такъ извѣстно, что въ первоначальную эпоху развитія, у каждаго народа идеальная сторона оказываетъ вліяніе на развитіе дѣйствительной; а позднѣе беретъ перевѣсъ послѣдняя надъ первой. Далѣе идетъ живая цѣпь взаимнодѣйствія ихъ одной на другую. Безпрестанно смѣняются старыя идеи новыми, а вмѣстѣ съ ними мѣняются и поэтическіе образы. Поэтому и живое изученіе словесныхъ произведеній, въ которыхъ выражается развитіе той и другой стороны жизни народной, становится возможнымъ только на ихъ исторической почвѣ. Слѣдовательно, останавливаться на изученіи какихъ-нибудь словесныхъ произведеній съ тѣмъ, чтобы выводить изъ нихъ правила, или такъ-называемую теорію, для послѣдующихъ произведеній, когда дальнѣйшее развитіе народа еще не прекратилось, кажется намъ дѣломъ совершенно неосновательнымъ. Можно ли предложить правила какъ должно описывать, расказывать, разсуждать, убѣждать, составлять идеалы и выражать ихъ въ словѣ, когда совершенно неизвѣстно кто и о чемъ будетъ расказывать, что̀ описывать, и т. д.? Оно пожалуй и можно, только эти правила окажутся изъ рукъ вонъ пошлыми, похожими на слѣдующее: всякое сочиненіе должно имѣть начало, средину и конецъ. Какъ-будто кто-нибудь въ состояніи начать съ конца! Есть ли хоть въ какой-нибудь другой наукѣ подобное правило? Скажутъ: надо же предписать правила, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы выражались всѣ ясно, точно и правильно. Но зачѣмъ? по нашему мнѣнію, вовсе не нужно, потому что безполезно и даже невозможно представить ихъ;

Digitized by Google

ибо исторія языка насъ убѣждаетъ достаточно, что все то, что̀ прежде было ясно, точно, правильно, стало теперь и не ясно, и не точно, и не правильно, а такой фактъ можетъ повториться и впослѣдствіи. Показать, въ чемъ заключается ясность, точность и правильность выраженія по отношенію къ современному развитію языка, конечно, надо; но объяснить эти свойства возможно лишь на основаніи историческихъ данныхъ: слѣдовательно, всѣ подобныя объясненія не будутъ уже правилами и никакъ не составятъ теоріи слога, а прямо входятъ въ исторію языка. Точно также объяснить описаніе, повѣствованіе, разсужденіе, эпосъ, драму и т. п. опять-таки возможно лишь на историческихъ основаніяхъ, и никакъ нельзя предложить правилъ для каждаго изъ этихъ родовъ и видовъ словесныхъ произведеній. Извѣстно, что не вдругъ образовались проза и поэзія, не вдругъ появились всѣ роды и виды, а развивались постепенно, выраждаясь одинъ изъ другаго при тѣхъ, или другихъ обстоятельствахъ исторической жизни народа. Оттого нѣтъ никакого основанія думать, что они не пойдутъ далѣе въ своемъ развитіи, тѣмъ болѣе, что опытъ постоянно убѣждаетъ насъ въ противномъ; и поэтому всякое усиліе подчинить ихъ извѣстнымъ правиламъ не только тщетно, но даже безумно. Правда, подобная теорія возможна; но лишь для словесности такого народа, котораго историческое развитіе уже кончилось и словесность совершила свое призваніе въ его жизни. Доказательствомъ служитъ теорія Аристотеля, сбившая всѣхъ впослѣдствіи съ толку. На нее слѣдуетъ смотрѣть какъ на конечный, заключительный выводъ изученія словесныхъ произведеній Греціи въ то время, когда изящная словесность закончила свое развитіе. Теорія Аристотеля оправдывается лишь одними греческими произведеніями, какъ теорія Горація—произведеніями римской поэзіи, какъ теорія героической поэмы Тассо (Discorsi del poema eroico) объясняется его же собственнымъ произведеніемъ: «Освобожденный Іерусалимъ», и т. п. Изъ этого выходитъ прямое заключеніе, что сколько есть словесныхъ произведеній, столько можетъ быть и теорій. Поэтому всякое примѣненіе той или другой теоріи къ словесности иного народа, или даже къ послѣдующимъ ея произведеніямъ того же народа, оказывается рѣшительно невозможнымъ. Сто́итъ при-

Digitized by Google

помнить словесность французскую того времени, когда писались теорін по образцу худо понятаго Аристотеля, чтобы убѣдиться въ ихъ несостоятельности для литературы, развивающейся вмѣстѣ съ историческою жизнью народа. Однимъ словомъ, кто понимаетъ живую, неразрывную связь между историческою жизнью народа и его словесностью, тотъ не возьмется за перо писать какія-то безжизненныя, сухія правила объ описаніи, повѣствованіи, разсужденіи и т. д., и не осмѣлится опутывать схоластическою паутиной живые цвѣты словесности. Послѣ этого понятно, что словесность, какъ наука, должна заключаться не въ кодексѣ какихъ-то безчисленныхъ и пошлыхъ правилъ, а въ непосредственномъ изученіи по самымъ произведеніямъ хода тѣхъ идей, которыми жилъ и живетъ народъ въ своей словесности. Съ этой точки зрѣнія, какъ словесность въ смыслѣ науки, такъ и ея преподаваніе получаютъ живой интересъ въ образованіи человѣка. Взгляните безпристрастно на эту кучу правилъ, которую собралъ въ своихъ «Матеріалахъ» г. Смирновъ: что въ нихъ живаго, дѣльнаго? Всѣ они вертятся около формы словесныхъ произведеній, потому что содержаніе, мысли нѣтъ никакой возможности подчинить правиламъ, да и форма-то ихъ мало слушается: къ чему же они?...

Опредѣливъ точку зрѣнія на предметъ и на способъ его преподаванія, мы опасаемся, что нѣкоторые преподаватели вознегодуютъ на насъ: одни — потому, что имѣютъ совершенно противоположный взглядъ на дѣло; другіе — потому, что находятся подъ вліяніемъ стѣснительныхъ условій, о которыхъ мы скажемъ нѣсколько далѣе. Что касается до первыхъ, то ихъ можно оставить въ покоѣ. Было бы слишкомъ нечеловѣколюбиво съ нашей стороны требовать отъ нихъ, чтобы они отказались отъ тѣхъ убѣжденій относительно языка и словесности, которыя черпались ими такъ любознательно изъ нынѣшнихъ нашихъ граматикъ, риторикъ и курсовъ словесности. Кто привыкъ думать, что граматика учитъ правильно говорить и писать, а риторика съ піитикой и ораторіей — сочинять, то-есть, изобрѣтать, располагать и потомъ выражать мысли такъ, какъ лучше требовать нельзя, тому, конечно, очень больно сознаться, что все это вздоръ, — тѣмъ болѣе, что обо всемъ этомъ было писано не молокососами, а людьми почтенными, заслу-

Digitized by Google

женными. Скажите-ка имъ, что граматика излагаетъ законы языка, выведенные изъ сравнительно-историческаго изученія его: они или не поймутъ этого хорошенько, или назовутъ васъ, того и гляди, вольнодумцемъ; скажите имъ, что риторика, піитика, стилистика суть тощія чада схоластики: они непремѣнно сочтутъ это чѣмъ-то въ родѣ кощунства. Какъ въ самомъ дѣлѣ, скажутъ они дружнымъ хоромъ, не знать ученику что̀ такое синекдоха, метонимія, усугубленіе, видѣніе, восхожденіе, и т. п.? Не значитъ ли это оставить его совершеннымъ невѣждою въ знаніи словесности?.. Нѣтъ, неправда, господа! Лишиться кому-нибудь изъ васъ этихъ знаній, дѣйствительно значитъ потерять многое изъ своей учености, а ученику даже и не надо знать этого. Что толку въ томъ, что ученикъ наизусть высчитаетъ по порядку всѣ эти тропы и фигуры, рѣшительно не понимая (нерѣдко вмѣстѣ съ своимъ учителемъ), какое они имѣютъ значеніе въ языкѣ, откуда они взялись и какимъ образомъ? Какой смыслъ въ томъ, что ученикъ будетъ полчаса говорить о языкѣ *украшенномъ*, котораго вовсе не существуетъ? Что за надобность знать ученику всѣ роды и виды прозаическихъ и поэтическихъ произведеній, когда онъ не знаетъ, откуда они взялись, какъ образовались? Неужели онъ оттого будетъ образованнѣе?—не думаемъ, если подъ образованіемъ слѣдуетъ разумѣть правильное развитіе умственныхъ способностей, а не знаніе бо̀льшаго или мѐньшаго количества пустыхъ названій изъ той или другой науки. Не лучше ли было бы, еслибъ ученикъ могъ расказать содержаніе того или другаго словеснаго произведенія, сопровождая его сознательнымъ разборомъ историческимъ и критическимъ?.. Впрочемъ, мы и не надѣемся разубѣдить такихъ преподавателей въ неосновательности ихъ воззрѣнія на науку и способъ ея преподаванія. Для насъ гораздо важнѣе удовлетворить отвѣтомъ тѣхъ гг. преподавателей, которые очень хорошо сами понимаютъ въ чемъ дѣло, но сомнѣваются въ возможности избавиться отъ схоластики въ преподаваніи вообще при настоящихъ условіяхъ образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вѣдь еще существуютъ и списки для балловъ, и безпрестанные экзамены, и даже розги... И во всемъ этомъ виновата схоластика, нѣтъ сомнѣнія. Какимъ же образомъ из-

Digitized by Google

бавиться словесности отъ схоластическихъ пріемовъ? При настоящемъ положеніи дѣла, это, дѣйствительно, нѣсколько трудно. Но самымъ важнымъ препятствіемъ къ тому служатъ программы и руководства, ниспосылаемыя свыше. Будучи твердо убѣждены, что живое, сознательное преподаваніе словесности возможно только тогда, когда преподаватель будетъ свободенъ въ выборѣ той или другой части изъ своего предмета, и притомъ не стѣсненъ никакою мнимою необходимостью пройдти въ годъ именно столько-то, — мы считаемъ самымъ важнымъ шагомъ впередъ уничтоженіе строгой обязательности программъ и плохихъ руководствъ, потому что здѣсь таится зло формализма относительно преподаванія. Объяснимъ это на самыхъ лучшихъ программахъ словесности, изданныхъ для военно-учебныхъ заведеній. Кто не знаетъ, что онѣ составлены превосходно, съ истинно профессорскимъ знаніемъ дѣла? Всякій согласится, что еслибъ онѣ исполнялись какъ слѣдуетъ, то ничего не оставалось бы желать. Но дѣло въ томъ, что нѣтъ никакой возможности исполнить ихъ добросовѣстно самому ревностному преподавателю. Такъ, прочтите любой вопросъ по теоріи поэзіи или по исторіи литературы и сообразите сколько нужно имѣть времени учителю для того, чтобы обработать его самому какъ слѣдуетъ и потомъ передать его въ отчетливомъ, ясномъ изложеніи своимъ воспитанникамъ. Вотъ вамъ вопросъ изъ теоріи эпической поэзіи: «*Видоизмѣненія эпической поэзіи. Поэзія эпическая самородная, или безыскусственная: древнеклассическій эпосъ, восточный, средневѣковой, русскій. Изложить содержаніе главнѣйшихъ поэмъ, относящихся къ этому роду эпоса*». Чтобы дать по возможности краткій отвѣтъ на этотъ вопросъ, слѣдуетъ познакомить воспитанниковъ съ слѣдующими произведеніями (замѣтьте: это *предписывается* конспектами!): съ Иліадой, Одиссеей, Рустемомъ и Зорабомъ, романсами о Сидѣ въ переводѣ Жуковскаго, сказками и пѣснями эпическаго склада по книгѣ Кирши Данилова и по переложеніямъ и сочиненіямъ Жуковскаго и Пушкина. А вотъ вамъ и другой вопросъ изъ теоріи драматической поэзіи: «*Трагедія христіанскаго міра (Лопе-де-Вега, Кальдеронъ, Шекспиръ, Шиллеръ). Содержаніе главнѣйшихъ трагедій Шекспира и Шиллера. Борисъ Годуновъ Пушкина. Содержаніе. Различные*

Digitized by Google

виды трагедіи въ литературѣ христіанскихъ народовъ». Такихъ вопросиковъ въ программѣ имѣется 28! А въ новой программѣ исторіи русской и иностранной литературы считается 57 вопросовъ, и послѣдній вотъ какой: «*Нѣмецкіе поэты: Клопштокъ, Шиллеръ и Гёте*»!.. Каждую изъ этихъ программъ обязывается учитель пройдти непремѣнно въ годъ. Кромѣ того требуются сочиненія отъ воспитанниковъ и переводы съ иностранныхъ языковъ. Учитель долженъ все это пересмотрѣть и поправить, само собою разумѣется, добросовѣстно. Спрашиваемъ: возможно ли учителю со всѣмъ этимъ справиться въ одинъ годъ, заработывая себѣ кусокъ хлѣба уроками по найму въ разныхъ заведеніяхъ? Да можетъ ли прочесть самъ профессоръ основательно все это въ одинъ годъ, съ каѳедры университетской, гдѣ онъ не обязанъ спрашивать своихъ слушателей, знаютъ или нѣтъ они предыдущія его лекціи и ставить баллы?.. Что же дѣлать учителю?.. Ясно, поговорить кое-что объ одномъ, кое-что о другомъ. А это *кое-что* возможно только на основаніи прежнихъ учебниковъ, или руководствъ; потому что всякая дѣльная книга здѣсь только собьетъ съ толку преподавателя: прочитавъ дѣльное изслѣдованіе по какому-нибудь отдѣлу словесности, онъ не въ состояніи удержаться не высказать несравненно болѣе, чѣмъ сколько бы нужно было для того, чтобы успѣть пройдти въ годъ предписанное. Естественное дѣло, что въ этомъ случаѣ онъ долженъ прибѣгать къ устарѣлымъ книжонкамъ и по нимъ проповѣдовать свое ученіе. Пройдя вышесказаннымъ образомъ всѣ эти вопросы, по настоящему только тотъ изъ преподавателей можетъ сказать, что исполнилъ свое дѣло добросовѣстно, который никогда не бралъ въ руки ни Шиллера, ни Гёте, ни Шекспира.

Но какъ же было писать подобныя программы для годоваго курса? какъ же требовать отъ преподавателей, чтобъ они успѣвали проходить ихъ въ годъ, когда сами составители пишутъ на нихъ руководства по нѣскольку лѣтъ сряду? Неужели преподаватель долженъ менѣе заниматься для объясненія своей лекціи воспитанникамъ устнымъ образомъ, чѣмъ составитель руководства для написанія своей страницы? Или преподавателю позволительнѣе говорить вздоръ во время объясненія урока, чѣмъ составителю учебника писать подобный вздоръ въ

Digitized by Google

книгѣ? Но не можетъ быть также и того, чтобы извѣстные намъ ученые составители программъ при составленіи ихъ имѣли въ виду такихъ преподавателей, о которыхъ мы говорили нѣсколько выше. Это было бы крайнею обидой для всякаго изъ преподавателей, сколько-нибудь глубже понимающаго свое дѣло. Наконецъ, такое понятіе о преподавателяхъ совершенно противорѣчило бы той цѣли, съ какою извѣстные ученые взялись за составленіе программъ... Но какъ бы то ни было, добросовѣстное исполненіе ихъ остается дѣломъ невозможнымъ; а формальное ведетъ опять-таки къ схоластицизму и заставляетъ преподавателя опустить руки, отказаться отъ истинно научныхъ занятій и къ 25-лѣтнему сроку отупѣть окончательно, получивши чинъ коллежскаго совѣтника, а пожалуй и статскаго, съ Анною или безъ Анны на шеѣ. Вотъ и вся ученая дѣятельность преподавателя. Какое же послѣ этого можетъ быть движеніе въ образованіи юношества, когда наставники его поставляются въ такую печальную необходимость? Когда мы перестанемъ заботиться о формѣ и обратимся къ мысли, хоть по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ воспитанія и образованія юношества?.. Вотъ такимъ-то образомъ и при самыхъ блистательныхъ программахъ преподаваніе поневолѣ остается тѣмъ же сухимъ, безжизненнымъ схоластицизмомъ, какимъ было и прежде. Какъ программы въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, такъ точно руководства въ гимназіяхъ отбиваютъ всякую охоту къ дѣлу. Тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ нѣтъ ни одного руководства, которое хоть сколько-нибудь удовлетворяло бы современнымъ требованіямъ науки, не исключая, конечно, и «Матеріаловъ» г. Смирнова, которые по истинѣ могутъ быть названы *несвѣжими*.

Итакъ, пока нѣтъ удовлетворительныхъ руководствъ по предмету словесности, не слѣдуетъ стѣснять преподавателей ни программами, ни нелѣпыми учебниками. Пусть каждый преподаватель изберетъ для чтенія то, чѣмъ онъ самъ занимается спеціально. Будучи воодушевленъ своимъ предметомъ, онъ лучше сумѣетъ передать его и увлечь воспитанниковъ къ дѣльнымъ занятіямъ. Онъ хоть сколько-нибудь посѣетъ въ нихъ любви къ наукѣ; а въ этомъ и заключается самый важный задатокъ для ихъ будущаго развитія. Что воспитанники гимназій и корпусовъ, особенно въ высшихъ классахъ, болѣе лю-

Digitized by Google

бятъ и уважаютъ того преподавателя, который, по ихъ мнѣнію, знаетъ лучше свой предметъ, — это фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію,—и его въ настоящее время не слѣдуетъ выпускать изъ виду всѣмъ, кому дорого отечественное образованіе: имъ надо воспользоваться какъ можно скорѣе. Чтобы поддержать довѣріе воспитанниковъ, учитель долженъ являться въ классъ, вооруженный отчетливымъ знаніемъ и полнымъ сочувствіемъ къ своей лекціи. А для этого необходимо развязать ему руки. Положимъ, что онъ взялся читать лекціи о поэзіи; пусть же онъ читаетъ и разбираетъ тѣ поэтическія произведенія, которыя самъ онъ основательно изучилъ, а не тѣ, которыя предписываются. Отчего, напримѣръ, ему нельзя разбирать нѣсколько времени Гомера, Шекспира, Гёте, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, положимъ хоть въ продолженіе цѣлаго года? Развѣ основательное изученіе многихъ произведеній этихъ великихъ поэтовъ будетъ недостаточно? Да по произведеніямъ этихъ поэтовъ можно прочитать цѣлую исторію поэзіи. Разумѣется, преподаватель, и самъ по себѣ, не будетъ входить при изученіи этихъ поэтовъ въ такія подробности, которыя почему-либо останутся недоступными для его слушателей. Всякій преподаватель понимаетъ, что передъ нимъ сидятъ не ученые, а тѣ, которыхъ еще надо учить; стало-быть онъ поневолѣ долженъ ограничиться существенною главною характеристикой каждаго произведенія и поэта — и на это потребно много времени. Важнѣйшая задача заключается въ томъ, чтобы преподаваніе основывалось на хорошемъ критическомъ и историческомъ разборѣ самыхъ произведеній. Нѣтъ нужды, если учитель не успѣетъ въ годъ прочитать о всѣхъ знаменитыхъ поэтахъ, иностранной ли, своей ли словесности: дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ. Скажутъ, такое преподаваніе возможно только въ университетѣ. Неправда: основательное преподаваніе возможно всюду, — какъ въ университетѣ, такъ и въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Университетское образованіе всегда будетъ выше гимназическаго. То, что̀ въ гимназіи было усвоено воспитанникомъ въ главныхъ чертахъ, въ университетѣ должно быть развито ему полнѣй и основательнѣй; то, что̀ въ гимназіи имѣло характеръ отрывочности, въ университетѣ должно принять строгую систему. Тогда не бѣда,

Digitized by Google

если воспитаннику не было досказано чего-нибудь даже въ университетѣ: онъ узналъ основательный, вѣрный путь къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ и легко можетъ доканчивать самъ свое образованіе. Тогда кончившій курсъ гимназіи, прійдя на экзаменъ въ университетъ и объявивъ профессору программу свойхъ знаній, не поразитъ послѣдняго такою безсмыслицей въ отвѣтѣ, какую случилось слышать профессору Ешевскому по предмету исторіи. Напрасно думаютъ, что въ гимназіи должны быть разрѣшены всѣ вопросы по какой-нибудь наукѣ: этого не дѣлаетъ и университетъ по той простой причинѣ, что этого сдѣлать невозможно. Безпрестанно являются новые вопросы въ жизни, на которые наука должна отвѣчать основательно; стало-быть всѣхъ ихъ, какимъ бы ни было сокращеннымъ образомъ, не въ состояніи передать ни гимназія, ни университетъ, ни даже всѣ вмѣстѣ взятыя заведенія. Слѣдственно, вся задача образованія заключается въ томъ, чтобы дать правильное развитіе умственнымъ способностямъ человѣка; а это возможно лишь подъ условіемъ основательнаго, а не формальнаго преподаванія какой хотите науки. Все это, конечно, можетъ быть отнесено и къ словесности; поэтому мы и не считаемъ нужнымъ извиняться въ нашемъ отступленіи.

Но обратимся опять къ рѣчи о преподаваніи словесности. При тѣхъ новыхъ условіяхъ, которыя мы изложили нѣсколько выше, преподаваніе необходимо потребуетъ многихъ занятій отъ самихъ преподавателей; а для этого нужно имѣть не только нравственныя, но и матеріальныя средства. Опять слышатся мнѣ голоса: а гдѣ эти средства? дайте намъ ихъ!—Позвольте, сейчасъ. Во-первыхъ считаемъ долгомъ прежде всего замѣтить, что у кого свои собственныя нравственныя средства для научныхъ занятій истощились или сильно поиспортились, тѣ не должны разсчитывать и на матеріальныя. Такъ, нѣкоторые преподаватели, слишкомъ свыкшіеся со старымъ методомъ преподаванія, конечно не могутъ уже приняться за современную науку: они столько лѣтъ ужь учатъ, имъ ли учиться вновь? Въ ихъ кабинетахъ вмѣсто книгъ давнымъ-давно поселился самоваръ съ своими атрибутами, или что-нибудь другое въ этомъ родѣ; притомъ же они по большей части люди семейные: какъ же имъ удѣлить часть изъ своего скуднаго жалованья на покупку необходимыхъ

Digitized by Google

книгъ, когда ученыя книги такъ дороги? Но мы опять-таки съ почтеніемъ оставляемъ ихъ въ сторонѣ. Пусть новые преподаватели, или всѣ тѣ, которые слѣдили, сколько могли, за наукой, поведутъ свое дѣло иначе. Ихъ труды и записки могутъ оживить нѣсколько и отсталыхъ товарищей.

Но, пожалуй, кто-нибудь возразитъ: «какъ же довѣриться вашимъ новымъ преподавателямъ? кто ихъ знаетъ? можетъ-быть, они люди неблагонамѣренные? можетъ-быть новые-то преподаватели при такой свободѣ употребятъ во зло довѣріе начальства, и не только не двинутъ дѣло преподаванія впередъ, но и не сдѣлаютъ того, что̀ дѣлали ихъ предшественники?..» Съ своей стороны, эти самые преподаватели требуютъ средствъ матеріальныхъ для того, чтобы продолжать свои занятія наукой. Чтобы согласить между собой съ одной стороны недовѣріе, съ другой — требованіе матеріальныхъ средствъ, мы бы предложили издавать *учебный журналъ* по предмету словесности, въ который, конечно, входили бы только тѣ статьи, или уроки, которые окажутся болѣе достойными; да и нѣтъ надобности помѣщать статьи всѣхъ преподавателей, потому что этотъ журналъ могъ бы служить нѣкотораго рода руководствомъ для всѣхъ учебныхъ заведеній. Тогда и учителя могли бы получать вознагражденіе за свои статьи на общепринятыхъ условіяхъ во всѣхъ журналахъ. А между тѣмъ этимъ средствомъ можно пробудить жизнь въ дѣлѣ преподаванія. Съ одной стороны явится непремѣнно соревнованіе между самими преподавателями; съ другой — возбудится сочувствіе и любознательность въ воспитанникахъ. Кромѣ того, мало-по-малу накопится много данныхъ для изученія словесности, и дѣло преподаванія пойдетъ, можно впередъ сказать, живо и плодотворно. А главное, незамѣтно воспитается, такъ-сказать по преданію, любовь къ научнымъ занятіямъ въ новомъ поколѣніи. Мы не думаемъ, чтобы этимъ изданіемъ можно было устранить необходимость хорошихъ руководствъ, по той простой причинѣ, что дѣльная книга никогда не можетъ быть лишнею; между тѣмъ оно дастъ возможность преподавателямъ не обременять себя огромнымъ количествомъ уроковъ, вслѣдствіе чего откроется болѣе ваканцій на учительскія мѣста, которыхъ многіе достойные люди не рѣдко ищутъ по три, по четыре года безуспѣшно, по выходѣ изъ университета. Но съ

Digitized by Google

другой стороны оно дѣйствительно послужитъ самымъ лучшимъ средствомъ къ устраненію такихъ книгъ, какова книга г. Смирнова: «Матеріалы для учебной теоріи словесности».

Мы не намѣрены вдаваться въ подробное изложеніе всѣхъ ея недостатковъ: они сами собою бросаются въ глаза всякому, кто знакомъ съ настоящими требованіями науки и съ отжившими теоріями, или лучше сказать, тѣми руководствами, которыя ей предшествовали. Въ книгѣ г. Смирнова нѣтъ ничего новаго: она повторяетъ то же самое, только въ болѣе подробномъ схоластическомъ изложеніи. Съ этой точки зрѣнія она представляетъ даже нѣкоторый шагъ впередъ, если только бо́льшую путаницу, доходящую до мельчайшаго формализма, позволительно привѣтствовать такимъ выраженіемъ. Чего въ ней нѣтъ? Въ ней вы найдете и психологію, и логику, и грамматику, и стилистику, и теорію прозы, и эстетику, и теорію поэзіи, и теорію критики, и теорію дѣловыхъ бумагъ!—точь въ точь какъ мелочная лавка въ любомъ уѣздномъ городѣ, въ которой продаются и крендели, и огурцы, и конфеты, и деготь, и лапти. Это почти полная энциклопедія теорій словесности на утѣшеніе рутинистамъ-преподавателямъ и на непрестанный плачъ и воздыханіе учащимся. Бѣдные, они должны все это знать, совершенно не понимая для какой надобности. Сколько должны они потратить времени на изученіе этихъ испортившихся матеріаловъ, — и для чего? — для того, чтобы надолго испортить свою молодую голову схоластическимъ взглядомъ на науку! Право, жаль молодое поколѣніе, если будутъ вести его на пути образованія съ помощью подобныхъ книгъ.

Н. Некрасовъ.

Digitized by Google

ПОПУЛЯРНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ПО ЧАСТИ БОТАНИКИ.

—

Въ наше положительное время, между писателями больше ученыхъ, нежели беллетристовъ, и наука вошла до такой степени въ жизнь просвѣщенныхъ народовъ, что образовалась особая, учено-народная, популярная литература. Эта новая отрасль литературы особенно развилась въ Германіи. Прежде чѣмъ говорить о причинахъ такого явленія, постараемся уяснить себѣ въ чемъ именно состоитъ популярное или, какъ говорятъ — впрочемъ довольно неправильно, — *общепонятное* изложеніе.

Популярнымъ собственно называется не только такое сочиненіе, которое написано ясно и для всѣхъ понятно, но которое привлекаетъ читателя изящностью языка и художественностью въ расположеніи самаго содержанія.

Основателемъ учено-популярной литературы въ настоящемъ смыслѣ слова можно считать Александра фонъ-Гумбольдта, котораго *Картины природы* * появились еще въ 1808 году. Правда, французскіе ученые всегда писали такимъ яснымъ и изящнымъ языкомъ, даже при изложеніи весьма спеціальныхъ предметовъ, что всенародному распространенію ихъ книгъ скорѣе препятствовала дороговизна изданій и сравнительно малое число читающихъ. Германія же, никогда не отличавшаяся общепонятностью своихъ сочиненій, только въ новѣйшее время прибѣгла къ популярной литературѣ, но зато она и развилась тамъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ.

---

* A. v. Humboldt, Ansichten der Natur. I. B. Tübingen, 1808, и его же Essai sur la géographie des plantes, accompagné d'un tableau physique des régions équinoxiales. Paris, 1805, in 4°, и еще брошюра: Ideen zu einer Physionomik der Gewächse. Tübingen, 1806.

Digitized by Google

Надо однакоже сказать, что между этими популярными нѣмецкими книгами есть много такихъ, которыя вовсе не заслуживаютъ этого названія.

Цѣль учено-популярныхъ сочиненій заключается въ томъ, чтобы облегчить распространеніе научныхъ свѣдѣній. Этой цѣли авторы достигаютъ различными путями. Одни вполнѣ излагаютъ предметъ своихъ спеціальныхъ занятій, и если изложеніе это соединяетъ въ себѣ тѣ качества, о которыхъ мы говорили, то популярное сочиненіе такого рода всего болѣе соотвѣтствуетъ своему назначенію и удовлетворяетъ потребностямъ любознательнаго большинства. Этимъ объясняется почему книги, написанныя даже и не съ большимъ искусствомъ, выдерживаютъ большое количество изданій. Другіе выбираютъ одну какую-нибудь часть своего предмета, или съ особою цѣлью излагаютъ лишь нѣсколько главъ науки, по своему усмотрѣнію, стараясь, чтобы изъ этихъ главъ читатель вынесъ какую-нибудь одну общую идею. Нѣкоторые соединяютъ въ своемъ изложеніи нѣсколько разныхъ отраслей науки вмѣстѣ; есть также книги, содержащія въ себѣ описаніе и изъясненіе одного какого-нибудь ряда явленій, одной стихіи, напримѣръ; есть наконецъ такія, въ которыхъ фантазіи писателей относительно выбора предметовъ выходятъ ихъ всякихъ границъ. . .

Мы перечислили различныя категоріи популярныхъ сочиненій такъ-сказать по старшинству не только значенія ихъ, но и пользы въ примѣненіи; теперь обратимся къ самому предмету.

Мы сказали, что французскіе ученые издавна отличались простотой и популярностью изложенія, — примѣромъ тому можетъ служить старый Бюффонъ. Пріемы этого знаменитаго натуралиста заключаются въ томъ, что онъ начинаетъ обыкновенно каждую статью величавыми общими возгласами, весьма нравившимися читателямъ его времени. Въ этихъ приступахъ Бюффонъ, ради риторики, часто выражаетъ мысли не только невѣрныя, по отношенію къ совокупности знаній той эпохи, но даже не согласныя съ его собственными серьёзными воззрѣніями.

Одинъ остроумный писатель новѣйшаго времени, отдавши должную дань удивленія Одюбону, говоритъ: «Это ужь не графъ де-Бюффонъ, начисто выбритый, расчесанный, распудренный,

Digitized by Google

съ широкимъ жабо на груди и со шпагою при бедрѣ, который, усѣвшись передъ своимъ бюро, хладнокровно злобствуетъ на тигра, и рукою, увѣнчанной кружевомъ, передаетъ потомству звучныя фразы».

«Единственный инстинктъ тигра, повѣствуетъ графъ, состоитъ въ постоянномъ бѣшенствѣ, свирѣпой злобѣ, ничего не различающей и заставляющей его нерѣдко пожирать собственныхъ дѣтей и растерзывать мать, которая силится защитить ихъ. Пусть бы ужь жажда эта къ собственной крови была доведена въ немъ до крайности, пусть бы тогда утолилъ онъ ее уничтоженіемъ всей породы чудовищъ, имъ производимыхъ!..» [1])

Но здѣсь не мѣсто критически разбирать Бюффоново твореніе. Мы хотѣли указать только на способъ его изложенія, которое тамъ, гдѣ авторъ не увлеченъ риторикой, отличается большою заманчивостью до сихъ поръ. Кромѣ того, Естественная Исторія Бюффона потому уже имѣетъ право быть поставленною во главѣ популярныхъ сочиненій по части естествознанія, что она впервые пробудила въ просвѣщенномъ обществѣ вкусъ къ ближайшему познанію природы. Большія in-quarto, съ многочисленными гравюрами, встрѣчались даже въ глуши степныхъ нашихъ деревень, на полкахъ иныхъ помѣщиковъ, тому назадъ лѣтъ пятьдесятъ и больше.

Цѣль Бюффона, впрочемъ, вовсе не состояла въ томъ, чтобы опопуляризировать науку, тѣмъ болѣе, что на однѣхъ съ нимъ страницахъ трудолюбивый Добантонъ подробно описывалъ анатомическое строеніе животныхъ. Въ твореніи Гумбольдта [2]), напротивъ, видно явное намѣреніе сдѣлать науку общимъ достояніемъ. Знаменитость геніальнаго автора и неоспоримый литературный талантъ его скоро вызвали толпу подражателей, и вотъ явилась цѣлая учено-популярная литература.

Шлейденъ, говоря о способѣ изложенія новѣйшихъ ботаниковъ, сердится на нихъ за то, что они вводятъ *личности* въ свои сочиненія. «Въ наукѣ, говоритъ онъ, нѣтъ формы хуже тѣхъ писемъ, изъ которыхъ открывается, что авторъ, будучи студентомъ, страдалъ отъ бѣдности, — что̀ должно̀ интересо-

[1]) Histoire Naturelle, générale et particulière etc. Amsterdam. 1751. T. IX. p. 59.

[2]) *Картины природы*, вѣроятно извѣстныя читателю изъ русскаго перевода.

Digitized by Google

вать развѣ только коммиссію о вспоможеніи неимущимъ. Или: что онъ, во время своихъ ботаническихъ экскурсій, ѣлъ много форели, гдѣ она лучше и гдѣ дороже... Если, среди величавыхъ картинъ Кордильеръ, намъ живо и внезапно представляется личность *Гумбольдта*, то мы охотно отклоняемся съ прямаго пути розысканій,—намъ сопутствуетъ *Гумбольдтъ*, присутствіе котораго еще возвышаетъ величіе природы. Тѣмъ же, которые силятся передразнивать стиль и манеры *Гумбольдта*, можно только сказать съ Виргиліемъ: quod licet Jovi non licet bovi». [1])

Но если дѣйствительно нѣкоторые изъ писателей грѣшатъ разными недостатками, кромѣ даже указанныхъ Шлейденомъ, то, въ несчетномъ количествѣ популярныхъ книгъ, которыми особенно надѣляетъ насъ Германія, встрѣчается не мало сочиненій, достойныхъ всякой похвалы.

Мы намѣрены обратить вниманіе только на нѣкоторыя, и во избѣжаніе сбивчивости расположимъ ихъ по предметамъ. Начнемъ съ Географіи Растеній, какъ предмета, созданнаго творцомъ учено-популярной литературы, Гумбольдтомъ.

Лучшими и полнѣйшими по этой части можно считать сочиненія Мейена [2]) и Рудольфа. [3])

Первое заключаетъ въ себѣ все, что̀ касается до распредѣленія растеній по земному шару: то-есть, не только картину растительности всѣхъ поясовъ, но и разборъ климатическихъ условій, имѣющихъ вліяніе на это распредѣленіе, съ прибавленіемъ свѣдѣній о главнѣйшихъ воздѣлываемыхъ (культурныхъ) растеніяхъ. Второе представляетъ картину растительности и культурныя растенія. Сочиненіе Мейена служило основою для большей части послѣдующихъ, не исключая и Рудольфа: мы могли бы указать на выписки изъ этой книги, повторяющіяся у трехъ и даже четырехъ авторовъ. [4])

---

[1]) Schleiden's Grundzüge der wissenschaftlichen Botanik. Leipzig. 1849. T. I. p. 159.

[2]) Grundriss der Pflanzengeographie etc. von Meyen. Berlin 1836. Сочиненіе это устарѣло теперь, особенно въ общей своей части.

[3]) Die Pflanzendecke der Erde. Populäre Darstellung der Pflanzengeographie etc. von Rudolph. Berlin. 1853.

[4]) Такъ, напримѣръ, картина урагана въ экваторіальномъ лѣсу, мастерски

Digitized by Google

Гумбольдтъ, съ обычною проницательностью своею, начерталъ смѣлою кистью и яркими красками нѣсколько растительныхъ *физіономическихъ формъ*, особенно способствующихъ къ характеристикѣ пейзажа. Это тотчасъ подало поводъ къ образованію въ наукѣ особаго отдѣла, подъ названіемъ *физіономики растеній**, составляющаго теперь часть географіи прозябаемаго царства. Дѣйствительно, если вдругъ, силою фантазіи, вызвать передъ собою разнообразныя растительныя формы, то изъ нихъ особенно вырѣжутся именно тѣ, на которыя указалъ знаменитый старецъ.

Такъ,— въ нашихъ сѣверныхъ и умѣренныхъ странахъ, гдѣ, какъ вездѣ, деревья играютъ такую важную роль въ пейзажѣ, невольно различаешь чернолѣсье отъ бора: широколиственныя деревья (чернолѣсье) съ кудрявыми, разнообразными вершинами, съ опадающими листьями, которые шепчутся, трепещутъ, или шумятъ при вѣтрѣ, — представляютъ разительную противоположность съ хвойнымъ лѣсомъ (краснолѣсье, боръ), темнымъ и однообразнымъ, съ вѣтвями, расположенными по большей части весьма правильно: — боръ издаетъ смолистый ароматъ, глухо гудитъ и стонетъ при вѣтрѣ.

Не менѣе характерны деревья болѣе теплыхъ странъ, съ блестящею, жесткою листвою, никогда вполнѣ не отпадающею, нерѣдко напоенною летучими веществами, издающими сладкій ароматъ: таковы померанцы, лавры....

Въ жаркихъ странахъ поражаетъ своею особенностью форма пальмъ. Стройныя колонны стволовъ ихъ, безъ листьевъ и вѣтвей, то гладкія, усаженныя вѣтвями, увѣнчаны громадными пучками вѣерныхъ или перистыхъ листьевъ, изъ-подъ которыхъ висятъ чудовищной величины плоды или кисти плодовъ, вѣсящія иногда пудъ и болѣе.

написанная Мейеномъ, бывшимъ въ Бразиліи, повторена Рудольфомъ, Гартингомъ въ его Skizzen aus der Natur (Leipzig, 1854) и Карломъ Миллеромъ въ его Buch der Pflanzenwelt (Leipzig 1857.)

На русскомъ языкѣ существуетъ популярное изложеніе географіи растеній, составленная пишущимъ эти строки, преимущественно по А. Декандолю и Рудольфу (Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества 1856 г.).

* Über Pflanzenphysiognomik im allgemeinen und diejenige der Insel Java von H. Zollinger. Zürich, 1855.

Digitized by Google

Ліаны, или вьющіяся растенія, не менѣе пальмъ сообщаютъ особенности тропичнымъ лѣсамъ. Наши жидкія повилики, даже плющи и дикій виноградъ, даютъ лишь слабое понятіе о ліанахъ жаркаго пояса. Тамъ путаются онѣ непроходимою сѣтью; крѣпкіе, деревянистые стебли ихъ перебѣгаютъ, подобно корабельнымъ канатамъ, съ дерева на дерево; только тамъ и сямъ выпускаютъ онѣ пуки яркихъ листьевъ, огненныхъ или золотыхъ цвѣтовъ. А вьющіяся пальмы! горе неопытному, который неосторожно ступитъ на подобный стволъ: шипы ихъ, какъ острые кинжалы, способны наносить глубокія раны. Эти пальмовыя стебли, неимовѣрной длины, такъ крѣпко связываютъ деревья между собою, что нерѣдко поддерживаютъ въ стоячемъ положеніи погибшіе и давно изсохшіе пни.

Рѣзко характерное разнобразіе придаютъ лѣсамъ жаркихъ странъ безчисленныя чужеядныя растенія. Орхидеи, съ великолѣпными, яркими цвѣтами, которыя гнѣздятся во всѣхъ развилинахъ гигантскихъ фиговыхъ и другихъ деревъ;—свинцово-сѣрыя, или серебристыя тилляндзіи, которыя нерѣдко одѣваютъ деревья отъ основанія до верхушки и висятъ огромною бахрамой, качаясь по вѣтру, какъ серебристые кудри таинственнаго царя лѣснаго. Въ числѣ чужеядныхъ поражаетъ удивленіемъ цвѣтокъ раффлезіи, безъ стебля и листьевъ, какъ грибъ, выростающій на стволахъ яванскихъ деревъ и достигающій четырехъ футовъ въ поперечникѣ.

Между характерными формами Америки особенно замѣчательны кактусы, растущіе дико только тамъ* и такъ прекрасно описанные Шлейденомъ на нѣсколькихъ страницахъ. Странными наплывами, колючими шишками, нагими фантастическими канделабрами, высятся они на сухой почвѣ, храня свѣжесть и влагу подъ суровымъ покровомъ въ то время, когда все кругомъ изсушено тропическимъ солнцемъ — и развертываютъ огненные или бѣлые цвѣты, которые издаютъ сильный ароматъ.

Вспомнимъ также міръ водяныхъ растеній, міръ прибрежныхъ и луговыхъ травъ.

Наша милая бѣлая Нимфа и желтый кувшинчикъ даютъ лишь слабое понятіе даже о каспійской водяной розѣ, еще менѣе о

* Кактусы Испаніи и сѣверной Африки развелись отъ вывезенныхъ изъ Америки.

Digitized by Google

великолѣпной викторіи, дремлющей на водахъ Ориноко, на черныхъ струяхъ Ріо-Негро или на желтоватыхъ волнахъ Амазонки,—а въ океанѣ цѣлыми необозримыми равнинами и островами зеленѣютъ листовыя пластины водорослей, задерживающихъ плаваніе судовъ и удивлявшихъ еще Колумба и его спутниковъ.

Кромѣ тѣхъ, которыхъ мы здѣсь коснулись, есть еще нѣсколько физіономическихъ растительныхъ группъ, принятыхъ Гумбольдтомъ и Мейеномъ: мимозовыя съ листвою, легкою какъ кружево, плавающею въ синевѣ неба на тончайшихъ вѣтвяхъ, банановыя, алойныя.... Но для того чтобы составить себѣ понятіе о значеніи физіономики растеній, достаточно и тѣхъ немногихъ очерковъ, которые мы предложили читателю.

Познакомимъ его только съ небольшимъ образчикомъ картиннаго представленія растительности, и для этого возьмемъ у Рудольфа * очеркъ равнины Гвадалквивира. Описавъ однообразіе сосѣдняго хребта Сіерры-Морены, авторъ говоритъ:

«Но съ послѣдняго уступа этихъ однообразныхъ горъ, взоръ падаетъ на благоухающую равнину Гвадалквивира. Изъ печальной пустыни попадаешь вдругъ въ долину, гдѣ соединено все богатство южно-европейской флоры, въ смѣшеніи съ нѣкоторыми формами, напоминающими даже о тропикахъ. Померанцевыя рощи переходятъ въ каштановые перелѣски, почва которыхъ покрыта душистыми фіалками; прелестнѣйшій рододендръ, съ крупными красными цвѣтами и блестящими листьями, самый красивый изъ южно-европейскихъ кустарниковъ, повсюду осѣняетъ струи потоковъ; американскія агавы и колючіе кактусы непроницаемой стѣной окружаютъ поля; стелющаяся пальма, вышиною отъ 3 до 4 футовъ, покрываетъ мѣстами большія пространства и широкими вѣерными листьями своими придаетъ картинѣ нѣчто особенно странное. Легко и горделиво подымается тамъ и сямъ финиковая пальма, бросая легкую тѣнь отъ своей увѣнчанной перьями главы; на поляхъ, искусственно орошенныхъ, произрастаютъ сахарный тростникъ и хлопчатобумажникъ. Благовонный нарциссъ, съ крупными золотыми цвѣтами, и множество красивыхъ луковочныхъ украшаютъ луга.»

* Die Pflanze und ihr Leben.

Digitized by Google

Обратимся теперь къ ботаникѣ вообще. Тутъ можемъ мы располагать огромнымъ количествомъ книгъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ: «Растеніе и его жизнь», Шлейдена, извѣстное читателямъ нашимъ изъ русскаго перевода. Въ этомъ сочиненіи живо и ясно переданы главнѣйшія черты строенія и жизни растеній, указана цѣль науки и средства ею употребляемыя. Между остальными книгами, по простотѣ и легкости изложенія, занимаютъ первое мѣсто французскія сочиненія; но здѣсь, на бѣду, содержаніе большею частью далеко не соотвѣтствуетъ формѣ.

Отличительный недостатокъ французскихъ ученыхъ писателей есть часто совершенное незнаніе иностранной литературы, въ особенности нѣмецкой. Слѣдствіемъ этого выходитъ, что франнузскія книги, при многихъ спеціальныхъ достоинствахъ, обыкновенно не содержатъ въ себѣ того, что̀ составляетъ уже достояніе науки, и часто проповѣдуютъ давно оставленныя теоріи. Возьмемъ въ примѣръ хоть послѣднее сочиненіе академика Пейе (Payer), весьма извѣстнаго своими обширными учеными трудами.

Сочиненіе это написано такъ ясно, что не смотря на назначеніе его служить учебникомъ, оно далеко превосходитъ въ этомъ отношеніи *популярныя нѣмецкія ботаники*, и читается весьма легко.

Первая часть ботаники Пейе (а второй мы до сихъ поръ еще не видали) заключаетъ въ себѣ *органографію растеній*. Многіе знаменитые авторы оставили даже и самое это названіе. Цѣль этой части ботаники — *изучить значеніе и формы разныхъ орудій или органовъ растеній*. Но тутъ является сейчасъ вопросъ: въ какомъ отношеніи слѣдуетъ изучать эти органы? Въ этомъ-то и задача настоящаго ученаго. Пейе, очевидно, не задавалъ ея себѣ: онъ толкуетъ объ органахъ растеній во всѣхъ отношеніяхъ и въ особенности налегаетъ на практическую сторону ради популярности. Тѣ же, которые поступаютъ съ ботаникой какъ съ наукой, нашли, что органографія, называемая ими *морфологіей*, *должна открыть законы, которымъ повинуются формы растеній*, законы растительной архитектоники, и поэтому *значеніе органовъ искать въ признакахъ формъ, признакахъ морфологическихъ*. Иначе, одинъ и тотъ же органъ

Digitized by Google

въ разныхъ случаяхъ прійдется называть разными именами, какъ то дѣлается въ простонародьи и у Пейе. Такъ напримѣръ, по мнѣнію Пейе, вѣрнѣйшій способъ отличить стебель отъ корня состоитъ будто бы въ томъ, что корень никогда не даетъ листьевъ и вѣтвей, а изъ этого окажется, что многія деревья вовсе лишены корня, ибо корни ихъ весьма часто даютъ почки, превращающіяся въ вѣтви съ листьями. И такая нелѣпость выставлена у автора въ первомъ параграфѣ! Не въ правѣ ли послѣ этого всякій закрыть книгу, не въ правѣ ли всякій сказать, что если ботаника, послѣ столѣтнихъ трудовъ, дошла до такихъ результатовъ, то нельзя отъ нея ожидать ничего дѣльнаго. Многіе называютъ въ растеніяхъ плодомъ все то, что мясисто и что ѣдятъ, такъ же какъ Пейе хочетъ увѣрить, что все подымающееся въ растеніи кверху, или, какъ онъ говоритъ, къ небу, есть стебель, а что идетъ книзу, то корень. По первому опредѣленію, картофель, яблоко, цвѣточная головка артишока, корневая шишка земляной груши, и проч., суть плоды; по второму—висячіе и подземные стебли суть корни, а корни, направляющіеся нерѣдко вверхъ, у чужеядныхъ растеній, — стебли.

Такого-то рода грубыми ошибками наполнена книга Пейе. Значеніе органовъ вовсе не опредѣлено рѣзкимъ образомъ, такъ что по прочтеніи сочиненія, читатель остается при своихъ познаніяхъ, почерпнутыхъ имъ случайно изъ природы, лишь съ прибавкою нѣсколькихъ заблужденій. О законахъ растительной архитектоники Пейе говоритъ мало; о метаморфозисѣ растеній едва упоминаетъ, но распространяется нѣсколько о правильности листорасположенія, при чемъ онъ принимаетъ ученіе о листорасположеніи совершенно законченнымъ, и тѣмъ вводитъ читателя въ заблужденіе.

Одною изъ главнѣйшихъ нелѣпостей у Пейе можно считать его способъ изложенія: il ne doute de rien, ему море по колѣно. Самымъ рѣзкимъ тономъ говоритъ онъ о предметахъ далеко не дознанныхъ. Такъ напримѣръ, въ статьѣ о морфологическомъ значеніи пестика, авторъ приводитъ много примѣровъ, слѣдуетъ, повидимому, методу истинно аналитическому, а въ сущности это рядъ афоризмовъ, безъ малѣйшихъ доказательствъ. Доказательства Пейе состоятъ въ слѣдующихъ фразахъ: *такъ*

Digitized by Google

какъ разсматриваемая часть *очевидно* стеблеваго или листоваго происхожденія, *то* и проч. Но въ чемъ состоитъ очевидность, не извѣстно.

Прибавимъ ко всему этому, что книга Пейе составлена чрезвычайно небрежно. Прекрасные и многочисленные политипажи мѣстами изображаютъ вовсе не то, что подъ ними подписано. Такъ на стр. 102 подъ № 160 нарисованъ пучекъ цвѣтовъ одного изъ видовъ дикой вишни (Cerasus Mahaleb), а подписано по-латыни *Prunus Padus*, то-есть черемуха, по-французски Corymbe de Prunus Padus, *коримбъ черемухи*, тогда какъ очень хорошо извѣстно, что у черемухи цвѣторасположеніе не коримбомъ, а кистью. На той же страницѣ, подъ изображеніемъ красной смородины (№ 157), подписано: кисть смородины (Groseillier), а по-латыни: Ribes Grossularia, названіе крыжовника.

Можно ли послѣ этого довѣриться автору, можно ли книгу его предлагать ученику? а Пейе читаетъ публичныя лекціи въ Сорбоннѣ!

Лучшими ботаническими книгами на французскомъ языкѣ остаются до сихъ поръ сочиненія покойнаго Альфреда Пирама Декандоля и сына его Альфонса. Оба извѣстны многочисленными учеными трудами, но я разумѣю здѣсь только тѣ изъ ихъ твореній, которыя назначены для изученія общихъ началъ ботаники [1]) и написаны прекраснымъ языкомъ. Многое въ нихъ устарѣло, многое совершенно ошибочно, но они содержатъ въ себѣ массу любопытныхъ фактовъ и очень пригодны къ тому, чтобы познакомить читателя, если не съ наукой въ строгомъ смыслѣ, то, по крайней мѣрѣ, съ растеніемъ.

Можно еще назвать здѣсь сочиненіе Августа Сентъ-Илера [2]), въ которомъ съ любовью описаны формы растеній и разобрано значеніе частей. Конечно, и тутъ много ошибокъ, и тутъ все болѣе или менѣе поверхностно, но по крайней мѣрѣ нѣтъ такого грубаго незнанія.

---

1) Organographie, 2 vol. in 8°. Paris 1828 et 1831. Physiologie, 3 vol. in 8°. Paris 1832. Introduction à l'étude de le Botanique, par Alphonse De Candolle, Bruxelles 1837.

2) Leçons de Botanique par Auguste Saint-Hilaire. Paris 1847.

Digitized by Google

Учебникъ покойнаго Адріена Жюссьё * назову здѣсь потому, что онъ, безъ сомнѣнія, выше книги Пейе, а между тѣмъ Пейе хотятъ переводить на русскій языкъ! Мы считаемъ себя обязанными предупредить противъ него русскую читающую публику.

Упомянутыя нами книги, собственно говоря, не принадлежатъ къ числу настоящихъ популярныхъ, но изложеніе ихъ несравненно общепонятнѣе и изящнѣе большей части нѣмецкихъ, такъ-называемыхъ популярныхъ сочиненій.

Между новѣйшими популярными ботаниками во Франціи слѣдуетъ указать на Ле-Мау (Le Maout). Изъ многочисленныхъ его сочиненій, лучшимъ кажется можно считать ту ботанику, которая составляетъ часть сочиненія, озаглавленнаго: Les trois règnes de la nature, Paris 1852. Сочиненіе это украшено превосходными политипажами, гравюрами на деревѣ и менѣе удачными иллюминованными картинками.

Очень игриво написанное предисловіе, въ видѣ письма къ Адріену де-Жюссьё, заключаетъ въ себѣ объясненіе цѣли автора — популяризовать ботанику, облегчить способы къ изученію растеній. За тѣмъ онъ тотчасъ же высказываетъ крайне неосновательныя идеи. Онъ не намѣренъ заниматься трансцендентальною ботаникой, тайны которой доступны лишь однимъ ученымъ по призванію. Онъ не намѣренъ вникать и въ физіологію, не желаетъ вмѣстѣ съ ученымъ, вставшимъ до разсвѣта, восхищаться проростаніемъ *споры* какого-нибудь тайнобрачнаго; онъ не желаетъ также спускаться въ нѣдра земли, съ ботаникомъ геологомъ, ни даже философствовать надъ составленіемъ системъ растительнаго царства. Чего же хочетъ нашъ авторъ? «Все это, говоритъ онъ, *царская забава* (plaisirs de princes); я же долженъ заняться здѣсь лишь тѣми удовольствіями, которыя дозволены *мелкой черни* (tourbe menue), то-есть тѣми, которыя доставляютъ *собираніе*, *сушеніе* и *опредѣленіе растеній*.»

При этомъ авторъ проситъ у Жюсьё слѣдующаго оригинальнаго позволенія: «Позвольте мнѣ, милостивый государь, раздѣ-

---

* Cours élémentaire d'Histoire naturelle. *Botanique* par Adrien de Jussieu. Paris.

Digitized by Google

лить васъ на двѣ, совершенно разныя между собою личности: на *ученаго* и *литератора*. Обращаюсь ко второму. Смотрите на ботанику только съ ея литературной стороны, вспомните радости, сопровождавшія первые шаги ваши въ царствѣ растеній.»

Послѣ такого воззванія, Ле-Мау очень мило описываетъ восторги и стремленія ботаника-собирателя. Въ описаніяхъ этихъ сочинитель не только прозою, но и стихами налегаетъ на *поэзію ботанической терминологіи*, на *прелесть воспоминаній*, соединенныхъ съ пересмотромъ гербарія, на восхищеніе, наполняющее душу ботаника при отысканіи *новаго вида или рода* растеній; но *улучшеніе*, предлагаемое имъ для облегченія науки, состоитъ лишь въ передѣлкѣ многихъ некрасивыхъ именъ растеній — вотъ и все!

Чему же, спрашивается, хочетъ Ле-Мау научить профановъ? Намъ кажется, что вся его цѣль заключается въ томъ, чтобы прилично меблировать память читателя хорошенькими названіями растеній; чтобы около звучныхъ историческихъ именъ, украшающихъ голову каждаго благовоспитаннаго человѣка, были еще звучныя и гармоническія имена тѣхъ деревъ, кустарниковъ и травъ, которые встрѣчаются въ нашихъ поляхъ, цвѣтникахъ и оранжереяхъ.

Претензія, какъ видно, небольшая; тутъ, слѣдовательно, должно искать не науки, а только забавы, въ соединеніи съ нѣкоторыми любопытными придаточными свѣдѣніями. Книга Ле-Мау походитъ на тѣ игрушечныя дѣтскія карточки, на которыхъ есть и маленькія географическія карты, и которыя сдѣланы съ тѣмъ, чтобы дитя *играючи* могло запомнить кое-что полезное. Это доказываютъ и самые политипажи, изображающіе, впрочемъ весьма вѣрно, цвѣты или вѣтви съ цвѣтами и плодами вмѣстѣ, такъ однакоже, что нельзя видѣть ясно ни числа, ни положенія различныхъ частей: однимъ словомъ, анализовъ нѣтъ вовсе.

Все сочиненіе, не смотря на общность своего заглавія, заключается въ описаніи семействъ однихъ цвѣтковыхъ растеній: тайнобрачныя едва упомянуты. Описанія состоятъ въ краткой и сухой характеристикѣ семействъ, въ перечисленіи красивыхъ и полезныхъ растеній и означеніи ихъ употребленія.

Достоинство книги заключается въ томъ, что по ней можно

Digitized by Google

отыскать мѣсто, занимаемое растеніемъ въ естественной системѣ, когда извѣстно имя самаго растенія. Если требуемое растеніе окажется въ книгѣ, то тутъ же отыщется и его значеніе въ хозяйствѣ человѣка: садовое ли оно, аптечное, хлѣбное или какое другое. Ле-Мау сумѣлъ придать интересъ своему сочиненію посредствомъ разныхъ историческихъ свѣдѣній касательно важнѣйшихъ растеній, въ садоводствѣ или земледѣліи, въ медицинѣ или въ торговлѣ, и проч. Тутъ найдете извѣстія о времени введенія въ наши сады георгинъ, объ открытіи цѣлебныхъ свойствъ хины и о ея собираніи, исторію кофе, чая, и проч. Подобныя свѣдѣнія составляютъ лучшую часть книги, потому что они дѣйствительно любопытны и не безполезны; притомъ же авторъ нашъ разсказываетъ все это очень ясно, живо и нерѣдко забавно.

Вотъ, напримѣръ, какого рода разсказами Ле-Мау занимаетъ своихъ читателей.

«Франція обязана распространеніемъ въ ней картофеля ученымъ трудамъ и неистощимой дѣятельности Пармантье. Онъ первый сообразилъ всю важность этого растенія и обратилъ на него вниманіе короля Людовика XVI. Чтобы привлечь на сторону скромныхъ, но питательныхъ шишекъ *моду*, эту царицу, которой нерѣдко поклоняются и сами цари, король явился однажды на балѣ, съ букетомъ картофельныхъ цвѣтовъ. Всѣ обратили на него вниманіе, любовались нѣжными вѣнчиками и красиво-разрѣзнымъ листомъ; вельможи поспѣшили подражать королевской фантазіи; картофель былъ допущенъ въ ихъ сады, но оставался тамъ забытымъ, прозябая незамѣтно въ какомъ-нибудь закоулкѣ. Тогда Пармантье сталъ разводить драгоцѣнное растеніе на своихъ собственныхъ земляхъ. Первый годъ продавалъ онъ его шишки за безцѣнокъ; почти никто ихъ не покупалъ, каждый опасался употреблять въ пищу картофель, нѣкоторые считали его даже негоднымъ для скота. На второй годъ настойчивый другъ человѣчества сталъ раздавать свой картофель даромъ. Еще хуже,— никто его не бралъ. Тогда человѣколюбіе Пармантье возвысило его до геніальности. Онъ огласилъ по деревнямъ, что будетъ преслѣдовать по всей строгости законовъ каждаго, кто осмѣлится занесть ногу на его картофельныя поля. Вскорѣ поля эти подверглись опустошенію, картофель получилъ достоинство

Digitized by Google

запрещеннаго плода, распространеніе его пошло быстро, а Пармантье плакалъ отъ радости, слушая донесенія о разграбленіи своихъ полей».

Вотъ все, что мы можемъ сказать о французскихъ общепонятныхъ сочиненіяхъ по части ботаники. Кто хочетъ получить серьёзное понятіе о наукѣ, тому не совѣтуемъ обращаться къ нимъ. Сами Французы, повидимому, сознаютъ это, переводя наконецъ *Растеніе и его жизнь* Шлейдена, отъ котораго имъ много, много досталось за неосновательность и поспѣшность въ заключеніяхъ. Къ этому-то сочиненію Шлейдена мы и обращаемъ своихъ читателей, тѣмъ болѣе, что оно, какъ мы уже сказали, существуетъ на русскомъ языкѣ.

Въ этомъ превосходномъ сочиненіи авторъ не боится знакомить читателя ни съ тайнобрачными, ни съ внутреннею жизнью растеній, ни съ растеніями древняго міра. Всѣ существенные вопросы затронуты имъ. Показано значеніе микроскопа, значеніе пріемовъ и методовъ, употребляемыхъ въ наукѣ, и крупными чертами, въ самой привлекательной формѣ, изображено внутреннее и наружное строеніе растеній.

Кромѣ сочиненія Шлейдена, можно указать еще читателю, въ нѣмецкой популярной литературѣ, на ботаническія книги Росмеслера. Онѣ легко и хорошо написаны, и притомъ заключаютъ въ себѣ много серьёзнаго. Ошибка, въ которую впадаетъ авторъ, состоитъ въ самомъ планѣ сочиненій. Они, какъ намъ кажется, невѣрно задуманы.

Обратимъ, напримѣръ, вниманіе на хорошенькую книжечку, названную авторомъ: *Флора въ зимнемъ уборѣ* *.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что онъ не желаетъ сдѣлать изъ своей книги учено-популярнаго сочиненія. Задача ея выше и труднѣе: *Она назначена на радость* (Es will erfreuen). «Радовать добрыхъ людей есть несомнѣнно высшая задача человѣка», говоритъ авторъ.

Далѣе авторъ увѣряетъ, что онъ ненавидитъ сентиментальность; намъ же кажется, что только одна крайняя сентиментальность и могла вложить человѣку въ голову странную мысль, что доставленіе радости, да еще помощью книги, есть высо-

* Flora im Winterkleide, von Rossmässler. Leipzig, 1854.

Digitized by Google

чайшая задача человѣка. Ужели г. Росмеслеру не пришла въ голову та простая мысль, что, напримѣръ, голоднаго бѣдняка надо сначала накормить, а потомъ справиться, не голодны ли еще его жена и дѣти, накормить и ихъ, потомъ постараться о будущемъ ихъ пропитаніи и о прочемъ, и тогда тогда уже можно предложить имъ книгу *на радость*.

Однакоже, не смотря на странное намѣреніе Росмеслера, онъ составилъ хорошенькую книгу, изъ которой читатель можетъ прекрасно познакомиться съ *пролетаріями растительнаго царства*, какъ ихъ называетъ авторъ. Это *лишайники*, *грибы*, *водоросли* и *мхи*. Послѣднія главы посвящены хвойнымъ и почкамъ, и хотя въ своемъ родѣ не дурны, но представляются отрывочными и не полными. Причина этому именно въ планѣ сочиненія. Еслибы авторъ просто взялся познакомить читателя съ главными чертами строенія и жизни растительныхъ семействъ, то и книга его была бы стройнѣе и полнѣе; а такъ какъ ему пришла въ голову странная мысль порадовать добрыхъ людей въ холодное зимнее время, то треть его книги вышла чѣмъ-то лишнимъ, какъ бы случайно придѣланнымъ.

Тѣмъ же грѣшатъ и остальныя сочиненія автора, какъ напримѣръ «Четыре времени года» [1]), не смотря на большую обширность, сравнительно съ *Флорою въ зимнемъ уборѣ*.

Въ ошибку, подобную Росмеслеровой, впали многіе Нѣмецкіе писатели, очень дѣльные и серьёзные: таковъ, напримѣръ, Морицъ Вилькомъ, со своими во многихъ отношеніяхъ интересными «Чудесами микроскопа» [2]). Учебникъ этого ботаника можетъ служить съ пользою всякому. Онъ весьма ясно изложенъ и представляетъ науку въ томъ видѣ, въ какомъ она дѣйствительно находится въ новѣйшее время, за исключеніемъ нѣкоторыхъ новостей, открытыхъ послѣ изданія книги Вилькома.

Но и у Нѣмцевъ много есть такъ-называемыхъ популярныхъ сочиненій, отъ которыхъ слѣдуетъ остеречь читателя. Изъ по-

---

[1]) Die vier Jahreszeiten von E. A. Rossmässler, Gotha, 1856. Есть два изданія: народное и роскошное. Первое стоитъ дешевле и украшено только одною таблицей, вмѣсто четырехъ.

[2]) Die Wunder des Mikroskops oder die Welt im kleinsten Raume. Von M. Willkomm, Leipzig, 1856.

Digitized by Google

добныхъ назову популярную ботанику Шмидлина *. Толстая книга въ большую осьмушку, заключающая 700 слишкомъ страницъ сжатой нѣмецкой печати, пугаетъ съ перваго раза того, кто не намѣренъ спеціально предаться изученію ботаники. Изъ предисловія, такъ же какъ изъ разсмотрѣнія самой книги, явствуетъ, что г. Шмидлинъ желаетъ научить профановъ *основательно*. Съ этою цѣлью онъ позаботился главное о томъ, чтобы не было мудреныхъ терминовъ и чтобы читатель могъ легко опредѣлить *каждое* изъ многочисленныхъ растеній германской флоры. Не говоря объ общей части, которая написана весьма сухо, скучно и безталанно, занимая притомъ мѣньшую часть сочиненія, обращаемся къ спеціальной.

Сначала идутъ длинныя разсужденія о *собираніи* и *сушеніи* растеній, за тѣмъ авторъ поучаетъ какъ опредѣлять растенія: какія части гдѣ искать и какъ за это приниматься.

Это рѣшительно невыносимо! Нѣмецъ безъ дарованія несноснѣйшій изъ педантовъ! Васъ хотятъ научить по книгѣ тому, чему можно научиться только на практикѣ: «Возьми между такимъ-то и такимъ-то пальцемъ предметъ, приложи къ нему лезвее хорошей англійской бритвы, наточенной у цирюльника, и рѣжь смѣло, но не быстро, къ себѣ, а не отъ себя...» Въ такомъ родѣ вся книга Шмидлина. Вы посмотрите два, три раза на дѣлѣ, сходите разъ пять на экскурсію съ опытнымъ человѣкомъ, и научитесь не только тому какъ приниматься за анализъ цвѣтка, плода и проч., но привыкнете даже къ любой латинской флорѣ, въ состояніи будете сами продолжать изслѣдованія, одни, безъ посторонней помощи; а г. Шмидлинъ и ему подобные считаютъ профановъ (Laien) какимъ-то тупоумнымъ народомъ, которому надо все вбивать въ голову, и притомъ съ величайшимъ усиліемъ, какъ плохо заостренный колъ. Въ этомъ убѣжденіи нашъ авторъ, послѣ толковъ о гербаріи и проч., предлагаетъ цѣлый большой отдѣлъ, состоящій изъ краткихъ характеристикъ германскихъ родовъ растеній. Затѣмъ слѣдуетъ еще большой отдѣлъ съ характерами видовъ. Но тутъ для большей легкости автору пришло въ голову раздѣлить растенія не по

* Populäre Botanik von E. Schmiedlin, Stuttgart 1857.

Digitized by Google

сходству ихъ организаціи, какъ то дѣлается въ каждой ботаникѣ, имѣющей претензію согласоваться съ природой, а по росту, по мѣсяцамъ, въ которые они цвѣтутъ, и по мѣстности, гдѣ растутъ!

Такое дикое и противоестественное раздѣленіе несомнѣнно ведетъ къ тому, чтобы сбить съ толку начинающаго и затруднить его до крайности.

Уже подъ конецъ г. Шмидлинъ вкратцѣ описываетъ естественныя семейства растеній по Рейхенбаху, котораго система кажется ему самою удобной. А между тѣмъ Рейхенбахъ считаетъ совершеннѣйшими растеніями померанцевыя, потому между прочимъ, что ихъ цвѣты пахнутъ лучше всѣхъ, а плоды —самые красивые и вкусные. Какъ бы онъ сталъ разсуждать съ тѣми, кто предпочитаетъ ароматъ фіалокъ или гвоздикъ аромату апельсиновъ и лимоновъ, а вкусъ персиковъ или клубники вкусу тѣхъ же померанцевыхъ!

Книга Шмидлина заканчивается 62-мя прехорошенькими иллюминованными картинками, на которыхъ, не смотря на мелкость изображеній, растенія и отдѣльныя части ихъ представлены весьма отчетливо. Къ несчастію и тутъ авторъ перехитрилъ. Чтобы отыскать названія изображенныхъ растеній, читатель долженъ рыться по всей книгѣ: особыхъ объяснительныхъ таблицъ нѣтъ.

Этимъ мы закончимъ рѣчь о популярныхъ сочиненіяхъ по части ботаники: говорить обо всѣхъ нѣтъ ни возможности, ни нужды. Къ какому же пришли мы общему выводу? Кто хочетъ познакомиться съ ботаникой, тому слѣдуетъ взять хорошій учебникъ, а между популярными книгами истинно полезно только сочиненіе Шлейдена: «Растеніе и его жизнь», которое всегда можетъ быть прочтено съ пользою не только профаномъ, но и спеціалистомъ.

А. Бекетовъ.

Digitized by Google

НЕЗАТѢЙЛИВОЕ ВОСПИТАНІЕ.

Изъ записокъ А. Щ.

—

I.

Отецъ мой и мать были въ преклонныхъ уже лѣтахъ, когда я родился: отцу было за пятьдесятъ, матери за сорокъ. Я былъ послѣдній сынъ изъ числа многихъ дѣтей обоего пола. Родители мои не чувствовали уже радости при моемъ появленіи на свѣтъ, какую обыкновенно чувствуютъ при рожденіи первенцевъ. Они смотрѣли на меня какъ на новую обузу, которая свалилась имъ на шею. Первое воспитаніе мое началось, сколько я помню, на кухнѣ. Отцу и матери надоѣло уже слушать крики дѣтей, и потому отдали меня на попеченіе старухѣ Бабѣ Лисихѣ, которая смотрѣла въ то же время за курами, утками, индѣйками и гусями. Эта старуха одинаково была внимательна, какъ къ птицамъ, такъ и къ хозяйскимъ дѣтямъ. Попадалъ ли цыпленокъ въ лахань, или хозяйскій сынъ падалъ со скамейки на полъ, — она, съ тѣмъ же равнодушіемъ, перваго вынимала изъ лахани и бранила, зачѣмъ онъ туда лазилъ, а втораго поднимала съ полу и бранила, зачѣмъ онъ смирно не посидитъ на лавкѣ. Впрочемъ, это была предобрая старуха. Она перенянчила чуть ли не всѣхъ дѣтей у отца, и никогда никто не слышалъ отъ нея ни ропота, ни жалобъ, и служила притомъ она безъ всякаго жалованья. Подъ старость, разумѣется, ей надоѣло безпрестанно возиться съ дѣтьми.

Изъ оставшихся во мнѣ темныхъ воспоминаній о моемъ дѣтствѣ и изъ обычаевъ, существовавшихъ въ кругу людей самаго низкаго разряда, подъ надзоромъ которыхъ я находился въ дѣтскомъ возрастѣ, я о моемъ первоначальномъ воспитаніи могу вывесть заключеніе такого рода: по всей вѣроятности крики мои не нравились обитателямъ кухни. Чтобъ избавиться отъ нихъ и заставить меня молчать, они, по грубо-

Digitized by Google

сти своей, обыкновенно употребляли для этого самыя, по ихъ мнѣнію, невинныя средства, то-есть: когда я начиналъ плакать, мнѣ тотчасъ указывали на какое-нибудь насѣкомое, — муху, или таракана, и стращая говорили: смотри, вонъ коза! тотчасъ съѣстъ, если не перестанешь плакать! Когда же не попадалось на глаза ничего подобнаго, указывали на горшокъ, или на что другое, говоря: перестань! а то вонъ горшокъ такъ и стукнетъ тебя по лбу! И когда увидѣли, что я всегда переставалъ послѣ этого плакать, то стали злоупотреблять этимъ средствомъ до излишества. Часто, уходя всѣ изъ избы и оставляя меня одного, чтобъ я не шалилъ въ это время и не плакалъ, говорили на прощанье: смотри, если будешь шалить, или плакать, то вотъ сковорода такъ и кинется на тебя! или на кочергу указывали, или стращали, что волкъ съѣстъ. Я дѣйствительно сталъ наконецъ бояться и горшка, и сковороды, и всякаго предмета, когда оставался одинъ въ кухнѣ. Когда сталъ я подростать, меня не только не избавляли отъ подобныхъ пустыхъ страховъ, но выдумывали еще новыя средства, чтобъ я боялся: стали пугать вѣдьмами, домовыми и прочими суевѣріями или выдумками народнаго остроумія. Отъ этого произошло очень естественно, что воображеніе мое во всемъ и вездѣ представляло мнѣ присутствіе невидимой силы, которая готова была преслѣдовать меня каждую минуту, и я сталъ вѣрить всѣмъ нелѣпостямъ безъ малѣйшаго сомнѣнія.

У насъ былъ большой фруктовый садъ; но дѣтямъ запрещено было рвать яблоки, а позволялось только собирать тѣ, которыя падали, — и то сперва надо было принести и показать отцу или матери. Такъ какъ я имѣлъ нещастіе вставать послѣ всѣхъ и находилъ обыкновенно всѣ яблоки уже подобранными, то однажды рѣшился сорвать одно и принесъ показать матери, говоря, что нашелъ его. Мать, посмотрѣвъ на яблоко, сказала: «Да ты это сорвалъ!» — «Нѣтъ, нашелъ» отвѣчалъ я. — «А постой, я пойду спрошу у яблони», молвила мать, и чрезъ минуту возвратясь, сказала: «Ну вотъ видишь, яблонь говоритъ, что ты сорвалъ». Послѣ этого, разумѣется, я уже долженъ былъ сознаться. Всѣ эти выходки очень забавляли, какъ родныхъ моихъ, такъ и всѣхъ домашнихъ. Они безпрестанно, то смѣялись надо мною, то стращали, желая постоянно держать меня въ подобномъ состояніи. Воображеніе мое стало наконецъ представлять мнѣ такія чудеса, что я самъ себѣ дивился. Однажды пришелъ я въ садъ и увидѣлъ за садомъ, на другой сторонѣ рѣчки, собаку. Прежде всего представился мнѣ вопросъ, что ежлибъ это былъ волкъ? а потомъ, что ежлибъ онъ рѣшился броситься въ рѣчку, переплыть на эту сторону, перелѣзть черезъ плетень сада и погнаться за мною? — И въ туже ми-

Digitized by Google

нуту бросился я со всѣхъ ногъ изъ сада, крича: «волкъ! волкъ!» — Отецъ, мать и всѣ домашніе перепугались, спросили: гдѣ? — «У насъ въ саду», отвѣчалъ я. — Хотѣли посылать за крестьянами. — Въ какомъ мѣстѣ? спросилъ отецъ. — «*Подъ яблонью, ѣстъ яблоки!*» Я и самъ не знаю, для чего я это сказалъ. Тутъ отецъ, замѣтивъ, что я что-нибудь совралъ, обратился къ матери и сказалъ ей: «Пойди посмотри, Маша, какой тамъ волкъ? — Однакожь Маша взяла на всякій случай и кучера съ дубиной. По приходѣ нашемъ въ садъ, спросила она: «Ну, гдѣ ты видѣлъ волка?» Я указалъ на первую, попавшуюся мнѣ на глаза, яблонь. — «Да ты совралъ? признайся!» сказала мать. — «Нѣтъ!» — Обошли весь садъ, волка нигдѣ не было. — Впрочемъ, я стоялъ на томъ, что волкъ точно ѣлъ въ саду яблоки. Въ другой разъ шелъ я вмѣстѣ съ сестрой по дорогѣ мимо лѣсу. Навстрѣчу намъ попался крестьянинъ нашей деревни, старикъ Абрамъ Власьевичъ, который шелъ изъ шинка домой. Онъ всегда ходилъ безъ шапки, въ одной сорочкѣ и исподнемъ, и подпоясывался ремнемъ, къ которому привѣшенъ былъ большой ножъ въ кожаныхъ ножнахъ. Мнѣ представилось, что это былъ разбойникъ: въ одну минуту бросился я въ чащу лѣса съ крикомъ: «разбойникъ!» и спрятался въ кустахъ. — Сестра погналась за мной, крича: «куда ты? куда ты?» И отыскавъ меня спросила: «чего ты испугался? вѣдь это Абрамъ Власьевичъ!» — Я и самъ зналъ, что это былъ Абрамъ Власьевичъ; но мнѣ казалось, что разбойникъ нарочно переодѣлся Абрамомъ Власьевичемъ, чтобъ удобнѣе зарѣзать насъ.

II.

Когда исполнилось мнѣ шесть лѣтъ, я зналъ уже русскую азбуку. Въ это время отецъ старался пріискать мнѣ какого-нибудь учителя, чтобъ *занялся моимъ образованіемъ*. — Но какъ мы жили въ деревнѣ, въ совершенной глуши, гдѣ не только учителя, но и грамотные люди были за рѣдкость, и какъ пріисканіе такого рода людей требовало денегъ, которыхъ у отца не было, то онъ и сталъ безпокоиться и хлопотать, чтобъ найдти человѣка, которому могъ бы навязать меня на шею, то-есть, чтобъ взялся содержать меня, кормить, поить посылать въ школу и смотрѣть за моимъ ученьемъ. Въ вознагражденіе за все это отецъ щедро предлагалъ — *бить меня, безъ всякой пощады, сколько душѣ угодно!* Но какъ онъ не могъ пріискать такого человѣка, то рѣшился сбыть меня съ рукъ зятю своему, купцу Алексѣеву, который былъ женатъ на старшей сестрѣ моей и жилъ въ городѣ К.... Замѣтивъ, что зять не умѣетъ искусно отговориться отъ

Digitized by Google

этого предложенія, онъ, сверхъ меня, взвалилъ ему на шею и сестру мою, которая была двумя годами старше меня. Странный былъ человѣкъ отецъ мой! Онъ былъ много лѣтъ управляющимъ въ имѣніи графа В...., привелъ въ совершенный порядокъ и устройство дѣла его, улучшилъ доходы его значительно, едва ли не втрое противъ прежняго, и могъ бы составить и себѣ обезпеченное состояніе; но желая выказать себя честнымъ передъ помѣщикомъ, онъ не рѣшался ни зачто въ свѣтѣ воспользоваться отъ него даже копѣйкою,— и лучше хотѣлъ быть въ тягость всякому бѣдному и трудолюбивому человѣку, навязать ему все свое семейство и самъ сѣсть ему на плечи, нежели повредить свою репутацію передъ помѣщикомъ, для того только, чтобъ какой-нибудь откупщикъ, или барышникъ сказалъ: «*Ахъ, какой добрый и честный человѣкъ* этотъ Семенъ Григорьевичъ!»

Такимъ образомъ отправили меня съ сестрою въ городъ К..., къ нашему зятю Никанору Агапьевичу. Онъ былъ очень не зажиточный человѣкъ и только что начиналъ торговать на свой небольшой капиталъ, имѣлъ маленькую квартиру и, кромѣ насъ, свое большое семейство. Однакожь онъ добросовѣстно принялъ меня съ сестрой на свое попеченіе, отдалъ насъ для обученія къ приходскому священнику,— и это было первымъ моимъ шагомъ на поприщѣ образованія. У священника, въ продолженіе года, выучилъ я краткій катехизисъ и нѣсколько молитвъ на латинскомъ языкѣ, то-есть: Pater noster... Deipara virgo... Miserere mei Deus... и Символъ вѣры, Credo in unum Deum... Все это зналъ я наизусть очень хорошо,—разумѣется, безъ всякаго пониманія смысла. Такъ, напримѣръ, я зналъ, что молитва *Отче нашъ* начинается по-латыни Pater Noster; но чтобъ Pater значило отецъ и noster — нашъ, — этого мнѣ и въ голову не приходило. Кромѣ того выучился я у священника читать довольно порядочно по-русски и даже по-латыни кое-какъ, писать и начальнымъ правиламъ ариѳметики. Къ несчастію торговыя дѣла зятя нашего, и прежде не завидныя, пришли еще въ большее разстройство. Сперва потерялъ онъ брата, съ которымъ вмѣстѣ торговалъ, а потомъ и самъ началъ расхварываться. Поэтому сестра моя просила отца взять насъ къ себѣ, впредь до поправленія ихъ обстоятельствъ. Вслѣдствіе этого я опять возвратился домой.

III.

Между тѣмъ въ городѣ К... я успѣлъ уже прославиться необыкновенною своею способностью вѣрить всякимъ нелѣпостямъ, и каждый старался поддержать во мнѣ этотъ талантъ, — вѣроятно потому, что

Digitized by Google

это доставляло каждому удовольствіе подтрунить надо мною. Сколько разъ, когда я приходилъ въ кухню, какой-нибудь прикащикъ обращался ко мнѣ съ подобными словами: «Ну вотъ смотри, я сдѣлаю, что ты не подойдешь къ этому столу», или: «что ты не дотронешься до этого подсвѣчника. — Ну, вотъ, подойди! — или: «ну, дотронься!» Разумѣется, я ни зачто на свѣтѣ не рѣшался ни къ столу подойдти, ни до подсвѣчника дотронуться — и послѣ долго не отваживался на это. Всѣ такимъ образомъ пользовались моею слабостью, находя въ этомъ забаву. Даже священникъ, учитель мой, и тотъ однажды жестоко подшутилъ надо мной: разъ какъ-то сестра моя сказалась больною, и Никаноръ Агапьевичъ велѣлъ ей остаться дома, а мнѣ и Варинькѣ, родственницѣ, жившей у него и вмѣстѣ съ нами же ходившей къ священнику, приказалъ идти учиться. Мы, выйдя изъ дома, стали разсуждать между собою, что сестра нарочно притворилась больной, чтобъ не учиться — и тутъ же сами рѣшились нейдти въ школу. А какъ и домой мы не смѣли вернуться, то и отправились за Московскія ворота, гдѣ, сѣвши между лавками, разговаривали, какъ мы хорошо сдѣлали, что не пошли въ школу. Варинька говорила: «Смотри какъ здѣсь весело! тутъ и булки продаютъ и зелень всякую, и народъ безпрестанно приходитъ и уходитъ, а тамъ, кромѣ книги, и смотрѣть никуда нельзя!» Наконецъ, когда мы разсудили, что пора возвратиться, отправились тихонько домой, и вдругъ навстрѣчу намъ кухарка наша, Акулина! «А гдѣ это вы были, голубчики?» спросила она. Мы отвѣчали, что изъ школы прошлись немного къ Московскимъ воротамъ. «Да врете! Вы въ школѣ совсѣмъ и не были! возразила она: ступайте-ка домой. Вотъ вамъ дадутъ школу!» Прежде всего, по приходѣ домой, меня высѣкли, а потомъ обоихъ насъ отправили къ священнику. Не знаю что̀ было съ Варинькой, а меня какъ только увидѣлъ священникъ: «А, дружище! сказалъ онъ, такъ ты обманывать! Погодишь, мы тебѣ покажемъ какъ обманываютъ. Эй! Матрена! разожги покрѣпче сковороду, мы посадимъ его да и поджаримъ!»—Кухарка тотчасъ отозвалась, что сковорода уже готова. — «Ну, раздѣвайте его и сажайте на горячую сковороду!» Тутъ я сталъ сражаться, какъ левъ, и противиться изъ всѣхъ моихъ силъ. Священникъ говорилъ: «Скорѣе, скорѣе раздѣвайте, пока сковорода горяча!» Хотя и кухарка, и всѣ тутъ бывшіе хохотали, не исключая самого священника, но я такъ твердо былъ убѣжденъ въ разожженіи сковороды, что еслибъ имъ удалось посадить меня, у меня навѣрное вскочили бы пузыри. Наконецъ священникъ спросилъ: «Не будешь впередъ обманывать?» — Не буду, отвѣчалъ я. — «Ну, смотри же! теперь прощаю, а впередъ берегись.»

Однажды, по приходѣ моемъ въ кухню, прикащикъ спросилъ меня:

Digitized by Google

«Хочешь, я привяжу твою голову къ стѣнѣ вотъ этимъ волоскомъ — и ты, сколько бъ ни рвался, никакъ не перервешь волоска?» Я ни за что на свѣтѣ не соглашался. Но другой мальчикъ, изъ лавки моего зятя, бывшій при этомъ и не знавшій фокуса, тотчасъ вызвался, говоря: «Ну, привяжи! посмотрю я, какъ не перерву.» Тутъ я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ фокусъ: онъ состоялъ въ томъ, чтобъ одною рукой приложить ко лбу волосокъ, а кулакомъ другой руки стукнуть человѣка такъ, чтобъ въ головѣ затуманило! и потомъ, когда онъ опомнится, надобно сказать: «*а волоска-то вѣдь не перервалъ!*» Этотъ фокусъ такъ сильно поразилъ меня своимъ остроуміемъ, что я тутъ же хотѣлъ попробовать его надъ кѣмъ-нибудь. Первая попалась на дворѣ Варинька, и какъ для меня весь интересъ фокуса состоялъ въ томъ, чтобъ ударить какъ можно сильнѣе по лбу, я такъ сильно взмахнулъ кулакомъ, что не попалъ въ лобъ, а прямо въ носъ. Кровь полилась ручьемъ, Варинька закричала, всѣ выскочили. «Что такое? что такое?» и меня тутъ же высѣкли. Однакожь, не смотря на первый не удавшійся опытъ, фокусъ этотъ казался мнѣ до такой степени остроумнымъ, что я только о немъ и думалъ. Мнѣ думалось, что послѣ этого я уже *все* зналъ. По пріѣздѣ въ деревню, нѣсколько разъ порывало меня блеснуть имъ даже передъ отцомъ, но всегда какой-то страхъ удерживалъ отъ этого. Однакожь я не утерпѣлъ, чтобъ не показать его дѣвушкѣ, которая жила тогда у насъ: прислонилъ голову ея къ печкѣ, и на этотъ разъ такъ ловко потрафилъ ей въ лобъ, что у бѣдной слезы изъ глазъ выступили, и она была точно отуманена нѣсколько минутъ. Къ удивленію, добрая дѣвушка не разсердилась, а только-опомнившись, сказала мнѣ: «Ей, Богу, я думала, что головою печь проломила, такъ больно стукнули!» Но я тутъ же прибавилъ: —а вѣдь волоска-то не перервала!—«Стоило изъ-за этого такъ больно бить!» сказала она. Тутъ мнѣ самому стало совѣстно, и я никогда ужь болѣе ни надъ кѣмъ не повторялъ своего фокуса.

IV.

Въ деревнѣ, по обыкновенію, я долженъ былъ слушать въ одно время насмѣшки надъ собою родныхъ и всѣхъ домашнихъ, что вѣрю всякимъ нелѣпостямъ, и вмѣстѣ разсказы ихъ о вѣдьмахъ, домовыхъ и прочихъ нечистыхъ силахъ, въ истинѣ которыхъ божились тѣ, кто разсказывалъ. Такъ, напримѣръ, кухарка божилась, что ее три ночи къ ряду душилъ домовой. Кучеръ божился, что его однажды въ лѣсу обошелъ лѣшій, и сколько онъ ни старался идти прямымъ путемъ, все приходилъ къ одному и тому же мѣсту. Нѣкоторыя почтенныя женщины, въ томъ

Digitized by Google

числѣ и моя мать увѣряли и божились, что онѣ видѣли въ подлинникѣ самого чорта, то-есть, въ настоящемъ его видѣ, какъ онъ есть въ натурѣ: мать сказывала, что онъ былъ черноязый и курчавый. Когда онъ подошелъ къ ея кровати и дунулъ, она спросила: «къ добру, или къ худу?» онъ отвѣчалъ: къ худу, и въ тотъ же годъ умеръ братъ ея Елисей. Но если я, съ своей стороны, начиналъ что-нибудь разсказывать, тотчасъ мнѣ зажимали ротъ словами: «Ну! опять волкъ пришелъ яблоки ѣсть!» Этого мало: когда пріѣзжали къ намъ гости, родители мои, чтобъ доставить имъ удовольствіе, разсказывали на мой счетъ анекдоты: какъ волкъ кушалъ яблони, какъ Абрамъ Власьевичъ хотѣлъ меня зарѣзать, и гости помирали со смѣху. Признаюсь, мнѣ очень прискорбно было переносить эти насмѣшки. Я слушалъ ихъ, скрѣпя сердце, Богъ знаетъ что̀ бы готовъ былъ дать, чтобъ избавиться отъ нихъ: такъ безпощадно всѣ на мой счетъ гуляли! — Полагаю, что съ этого времени сдѣлался я скрытенъ: мнѣ легче казалось имѣть дѣло со всѣми нечистыми силами, нежели переносить подобныя насмѣшки. И потому я твердо рѣшился съ того времени, какія бъ чудеса ни увидалъ въ мірѣ, не говорить ни слова никому. Первое испытаніе было ужасно! Однажды, когда я хотѣлъ войдти въ садъ и взялся уже за ручку калитки, чтобъ отворить ее, какъ увидѣлъ направо въ корридорцѣ, образовавшемся между стѣною ледника и плетнемъ сада, горшокъ, или чугунъ, или не знаю что̀ — и когда сталъ всматриваться, чтобъ узнать, что̀ это такое,—этотъ горшокъ, или чугунъ, вдругъ бросился на меня! Въ одно мгновеніе влетѣлъ я въ садъ, пробѣжалъ шаговъ сто и упалъ отъ страха. Почти вслѣдъ за мною вошла мать, и я не сказалъ ни слова. Я былъ увѣренъ, что еслибъ разсказалъ объ этомъ, то мнѣ бъ житья не было отъ насмѣшекъ. Немного погодя мать опять пошла изъ саду, и поплелся вмѣстѣ съ нею и нарочно, при выходѣ изъ калитки, смотрѣлъ въ корридоръ: никакого горшка и ничего совершенно не было! Послѣ этого, разъ нѣсколько, нечистая сила бросала въ меня цѣльными кирпичами. Я опять никому не сказалъ ни слова, и даже не испугался этого. А что это была дѣйствительно нечистая сила, я увѣренъ былъ потому, что никакой человѣкъ не въ состояніи былъ бросить кирпичъ на такое огромное разстояніе и такъ высоко.

V.

Отцу моему было очень непріятно возвращеніе мое въ деревню, хотя съ моей стороны вины въ томъ совершенно никакой не было. Чтобъ я не избаловался и не позабылъ чему учился у священника, онъ заставлялъ меня каждый день повторять выученное прежде. За-

Digitized by Google

давалъ мнѣ уроки изъ священной исторіи, заставлялъ ихъ вытверживать наизусть, и самъ всегда прослушивалъ. Кромѣ того, онъ упражнялъ меня въ ариѳметикѣ. Въ это время я окончательно выучился складывать, вычитать, множить и дѣлить, и даже нѣсколько познакомился съ именованными числами. При этомъ узналъ нѣкоторыя задачи, которыми отецъ любилъ пощеголять передъ знатоками. Напримѣръ: *Дано сто рублей и велѣно купить сто штукъ скота. Цѣна: быку десять рублей, коровѣ пять рублей, и теленку полтина. Сколько чего нужно купить?* Отецъ самъ показалъ мнѣ результатъ этой задачи, замѣтивъ, что у меня сталъ заходить умъ за разумъ надъ нею: вышло, что должно купить одного быка, девять коровъ и девяносто телятъ. Эта задача и нѣкоторыя другія были у отца не что иное, какъ *квинты-эссенціи*, которыми онъ любилъ похвастать подъ веселый часъ, и я эти *квинты-эссенціи* изучилъ очень рано. Признаюсь однакожь, что священная исторія меня страшно изнуряла. Каждый день я долженъ былъ вытвердить изъ нея заданное; безъ этого отецъ не выпускалъ меня изъ комнаты, и я часто приходилъ въ такое умственное безсиліе, что иногда цѣлый день, сидя за урокомъ, не могъ его одолѣть, а отецъ очень сердился за это. Между тѣмъ онъ не переставалъ хлопотать, чтобъ найдти человѣка, кому бы сдать меня на руки, то-есть, чтобъ онъ взялъ меня на свое попеченіе, содержалъ меня, пріискалъ бы мнѣ учителя и смотрѣлъ бы за моимъ ученьемъ, въ вознагражденіе за что просилъ пороть меня, безъ всякаго милосердія, сколько душѣ угодно! Но какъ поиски его оставались тщетными, и никто не рѣшался на предлагаемыхъ условіяхъ взять меня на свое попеченіе, то отецъ сталъ обращаться со мной очень сурово и очень непріязнено посматривать. Я боялся его до такой степени, что не въ силахъ даже передать этого чувства. Онъ почти безпрестанно придирался ко мнѣ, чтобъ имѣть случай бранить: *баллай, кнурь, дармоѣдъ!* вотъ слова, которыми онъ угощалъ меня почти каждый день. Однажды, не понимаю для чего, вздумалъ онъ послать меня за Ца́рину *, пасти свиней. Хотѣлъ ли онъ наказать меня за то, что я безъ всякаго вниманія учился, или думалъ, не имѣю ли какихъ особенныхъ дарованій быть свинопасомъ, или не хотѣлъ одолжаться деревенскими мальчиками, которые смотрѣли за его свиньями, рѣшительно не понимаю: только онъ довольно спокойно задалъ мнѣ поутру урокъ, чтобъ я

---

* *Ца́риною* называлось особенно огороженное мѣсто, гдѣ вдоль по горѣ тянулся крупный лѣсъ, а внизу горы протекала рѣчка Удава, по берегамъ которой простирались болота, обыкновенное пастьбище свиней нашей деревни; тутъ же, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были и топи.

Digitized by Google

выучилъ, и велѣлъ идти за Ца́рину, говоря: тамъ ты и урокъ будешь учить, и посматривать на свиней, чтобъ не разошлись куда. Послѣ этого приказалъ выпустить свиней и дать мнѣ палку, чтобъ гнать ихъ на пастьбище. Я, безъ всякихъ размышленій, взялъ палку, захватилъ съ собой книгу и погналъ свиней, или лучше сказать, онѣ повели меня за Ца́рину, потому что онѣ дорогу туда знали лучше меня.

VI.

Между тѣмъ удалось наконецъ отцу найдти человѣка, который согласился взять меня на свое попеченіе, то-есть содержать меня, отдать въ школу и смотрѣть за моимъ ученьемъ. Это былъ секретарь земскаго суда города С... Владиміръ Васильевичъ С..., который, извѣщая отца о своемъ согласіи, писалъ къ нему въ то же время, чтобъ присылали меня прямо къ нему безъ церемоній, не откладывая вдаль этого дѣла. Отецъ былъ такъ радъ случаю наконецъ сбыть меня съ рукъ, что почти во все время, до самаго отъѣзда моего, не кричалъ на меня и предоставилъ мнѣ полную свободу ничему не учиться. Я сталъ бѣгать съ мальчиками по деревнѣ, игралъ въ шаро́вни и жадно прислушивался къ расказамъ про вѣдьму, которая портила коровъ, овецъ и весь почти скотъ въ нашей деревнѣ.

Здѣсь долженъ я объяснить, что какъ съ самаго дѣтства моего, почти до 14-лѣтняго возраста, находился я постоянно въ кругу людей, у которыхъ расказы о вѣдьмахъ, оборотняхъ и прочихъ нечистыхъ силахъ, предпочитались всему на свѣтѣ, и другихъ болѣе интересныхъ разговоровъ для нихъ не существовало, поэтому необходимо въ составъ моего воспитанія должно было войдти и ученіе о вѣдьмахъ. — Эта наука преподавалась мнѣ не въ систематическомъ порядкѣ, а такъ по-просту: что̀ каждый крестьянинъ, или каждая баба, или мальчикъ знали и слышали по этой части, все это пересказывали безъ всякихъ прикрасъ, съ полною увѣренностью, что ихъ всегда выслушаютъ охотно. И я такъ пріучился къ языку и выраженіямъ, употреблявшимся въ этихъ расказахъ, что часто одного намека достаточно было для меня, чтобъ понять вполнѣ все, что̀ пересказывалось. Напримѣръ, если мальчишка сказывалъ, что *его тетка увязла въ болотѣ* и если прибавлялъ къ тому, что *ее Вакулиха завела*, то для меня все становилось яснымъ и не требовалось болѣе никакихъ толкованій. Происхожденіе мѣстной «Вѣдьмологіи» всего лучше объяснить примѣромъ. Въ деревнѣ нашей была женщина, въ которой крестьяне подозрѣвали вѣдьму, но уличить ее не могли потому, что она искусно прятала концы въ воду и вела дѣла свои такъ мастерски, что

Digitized by Google

никто ничего не могъ сказать вѣрнаго. Но одинъ случай открылъ всѣмъ глаза и всѣ увѣрились, что она точно была вѣдьма. Однажды лѣтомъ поссорилась она крѣпко съ женщиной нашей же деревни, и въ ту же ночь явилась къ ней въ домъ черною кошкой, съ намѣреніемъ задушить въ люлькѣ сына ея. Къ счастью мужъ этой бѣдной женщины не спалъ въ это время и, замѣтивъ, что большая кошка крадется въ окно избы ихъ, притаился возлѣ окна и сталъ наблюдать, — и, когда кошка впрыгнула осторожно изъ окна на лавку, онъ вдругъ схватилъ ее за хвостъ и ударилъ со всего размаху головой объ уголъ скамейки, потомъ, приподнявъ, ударилъ опять головою о скамью и бросилъ съ размаху наполъ. — Но кошка вдругъ вскочила на ноги и выпрыгнула въ окно такъ быстро, что онъ даже удивился крѣпости и живучести ея. — Когдажь, на другой день по утру, у сказанной женщины голова оказалась разбитою, високъ проломленнымъ и лицо посинѣлымъ, и она сама, на вопросы крестьянъ о причинѣ ушибовъ ничего не отвѣчала и сильно смущалась: тогда всѣмъ уже сдѣлалось очевиднымъ, что она точно была вѣдьма! И съ того времени начали всѣ почти разсказывать, какія пакости отъ нея прежде потерпѣли. У одной, послѣ ссоры съ этой женщиной, корова не стала доиться; у другой, тоже послѣ ссоры съ ней, куры перестали нестись; у третьей — индѣйки всѣ передохли; четвертая, въ ссорѣ съ нею, назвала ее неприличнымъ словомъ, и въ тотъ же день прикащикъ высѣкъ очень больно мужа ея, — никто даже и не зналъ, за что, и мужъ ничего не говорилъ: сколько ни спрашивали его, только и сказалъ: «*все это изъ-за тебя, чортова баба!*» Мущины были не лучше женщинъ. Одинъ увѣрялъ, что какъ только поссорился съ этой вѣдьмой, въ тотъ же день пойманъ былъ объѣзчиками съ корчемнымъ виномъ. У другаго, послѣ ссоры съ ней, въ тотъ же день опознана была краденая лошадь. Третій въ ссорѣ толкнулъ ее — и въ тотъ же день столкнулся на дорогѣ съ писаремъ земскаго суда, который взялъ съ него пять рублей за то, что избавилъ его отъ какого-то взысканія, а какого? Богъ его знаетъ. Даже Абрамъ Власьевичъ Асмоловъ, старикъ нашей же деревни, лѣтъ 90, о которомъ я упоминалъ выше, — и тотъ не избавился отъ бѣды. Эта женщина не могла ничѣмъ повредить ему въ хозяйствѣ, потому что все уже было пропито, — такъ сдѣлала пакость ему самому. Побранясь съ нею, Абрамъ Власьевичъ, въ продолженіи цѣлой ночи, не могъ дойдти изъ шинка до своего дома, тогда какъ на это требовалось времени не болѣе четверти часа. Вечеромъ, еще за-свѣтло, вышелъ онъ изъ шинка и колесилъ до самаго утра, и самъ даже не помнилъ гдѣ. Во всякое жь другое время онъ могъ, зажмурясь, дойдти изъ дому до шинка и об-

Digitized by Google

ратно. — Всѣ эти и другіе подобные имъ расказы, даютъ, кажется, ясное понятіе, какъ понимались вѣдьмы въ кругу тѣхъ людей. Хотя расказы про вѣдьму и интересовали меня сначала; но подъ-конецъ я вовсе потерялъ охоту слушать ихъ, потому что настало время отъѣзда моего изъ деревни въ городъ С..., и мнѣ тогда было уже не до нихъ.

Странное это чувство — любовь къ родинѣ! Я увѣренъ, что трудно найдти мѣсто болѣе угрюмое, дикое и негостепріимное, какъ деревня, гдѣ я родился. Представьте себѣ нѣсколько горъ, безобразно расположенныхъ. Между этими горами овраги, болота, трясины, и все это окружено лѣсомъ. Рѣчка *Удава*, текущая съ юга на сѣверъ, похожая болѣе на ручей, имѣла топи, въ которыя, если попадали лошадь, или другое животное, тутъ и погибали безслѣдно. На полдень отъ нашего дома, за садомъ и за рукавомъ рѣчки Удавы, которая была поднята высокою плотиной и образовала глубокій прудъ, была еще большая гора, покрытая сплошнымъ лѣсомъ, который былъ отчасти границею Великой Руси, и за нимъ начиналась уже Малороссія. Всѣ эти лѣса служили прежде притонами шайкамъ разбойниковъ, которые въ окрестностяхъ грабили проѣзжихъ. Потомъ, когда главные притоны, которые считались непроходимыми, были вырублены и населены крестьянами, то это мѣсто, или деревня, получило названіе: *Проходы* (малороссійское слово, означающее: *проходи*). Вотъ моя родина! Прибавьте къ этому, что самые крестьяне этой деревни были воры, мошенники, конокрады, корчемники, все, что̀ вамъ угодно. Самыя названія мѣстностей, прилежащихъ *Проходамъ*, какъ-то: *Прикдлъ*, *Турья* и даже рѣчка *Удава*, въ которой я чуть было не утонулъ и былъ свидѣтелемъ утонувшаго въ ней мальчика-сосѣда, все это навѣвало такой холодъ, что у меня подъ-часъ кровь стынула. Но не смотря на все это, когда мнѣ объявили, что завтра меня отправятъ въ городъ С..., меня это извѣстіе поразило какъ громомъ. Тоска и грусть давили такъ сильно, что̀ въ день отъѣзда, отецъ, желая развеселить меня, спросилъ полушутя: «Что̀ жь ты повѣсилъ голову? Развѣ не хочешь учиться? хочешь остаться дуракомъ?» Разумѣется, я отвѣчалъ, что хочу учиться и не хочу быть дуракомъ. Впрочемъ, со мной церемониться не стали. Не смотря на мои слезы, страданія, тоску при разставаньи съ родиной, отправили меня преспокойно въ тотъ же день въ городъ С... и сдали Владиміру Васильевичу съ рукъ на руки.

Digitized by Google

VII.

Теперь я долженъ объяснить причину, которая заставила секретаря земскаго суда Владиміра Васильевича С... рѣшиться на такой человѣколюбивый поступокъ, то-есть, чтобъ взять на свое содержаніе и попеченіе мальчика, совершенно ему чужаго, и воспитать его почти какъ сына. Этотъ поступокъ могъ бы сдѣлать честь даже и президенту филантропическаго общества!

У Владиміра Васильевича С... былъ сынъ, почти однихъ со мною лѣтъ, который имѣлъ такое сильное отвращеніе къ ученью, что его никакими средствами не могли заставить ходить въ школу къ приватному учителю Ивану Васильевичу Ш..., который въ то время почитался въ городѣ за очень знающаго и образованнаго человѣка. Владиміръ Васильевичъ имѣлъ съ сыномъ очень сильныя объясненія по этому случаю; говорилъ: «Если ты не хочешь учиться и желаешь остаться дуракомъ на всю жизнь, то ты ни на что больше не годенъ, какъ только свиней пасти. Говори прямо: хочешь ли ты быть порядочнымъ человѣкомъ, или свинопасомъ?»—Свинопасомъ, отвѣчалъ сынъ. — «Ну, хорошо, сказалъ Владиміръ Васильевичъ, скиньте съ него это платье и надѣньте на него мужицкій армякъ!» Одѣли его по мужицки. «Ну, дайте ему кнутъ!» и кнутъ подали. «А на голову надѣньте кулекъ изъ рогожи вмѣсто шапки», и это сдѣлали. «Ну, ступай теперь!» Сынъ отправился. Отецъ въ дверяхъ остановилъ его: «Постой! Ну, скажи, куда ты идешь?» — Свиней пасти, отвѣчалъ сынъ. Тутъ Владиміръ Васильевичъ, потерявъ всякое терпѣніе, схватилъ сына за волосы, повалилъ на полъ и сталъ таскать немило-сердо. Жена и мать прибѣжали и насилу уговорили его оставить мальчика до времени. Не извѣстно, посовѣтывалъ ли кто Владиміру Васильевичу, или онъ самъ придумалъ, найдти сыну товарища, съ которымъ бы онъ могъ ходить вмѣстѣ въ школу учиться, полагая, что вѣроятно онъ охотнѣе станетъ ходить вдвоемъ, нежели одинъ, и этотъ товарищъ — былъ я!

Дѣйствительно, по пріѣздѣ моемъ, на другой же день отправились мы вмѣстѣ въ школу, безъ всякихъ скандалезныхъ приключеній. Учитель, Иванъ Васильевичъ Ш..., принялъ меня, казалось, довольно ласково, спросилъ, чему я учился? Я сказалъ, что выучилъ краткій катехизисъ и началъ священную исторію, потомъ прочиталъ ему наизусть молитвы на латинскомъ языкѣ: Pater noster и другія. А когда онъ спросилъ объ ариѳметикѣ, я, къ несчастью, расхвастался свѣдѣніями своими по этой части: не только объявилъ, что знаю всѣ четыре правила и именованныя числа, но даже имѣлъ неосто-

Digitized by Google

рожность показать ему всѣ *квинты-эссенціи*, которымъ научилъ меня отецъ. Эти *квинты-эссенціи* сгубили меня! и я долго послѣ раскаивался, что упомянулъ объ нихъ.

Иванъ Васильевичъ казался изумленнымъ, когда я объяснялъ ему свои квинты, но не сказалъ ни слова. Онъ задалъ мнѣ урокъ изъ священной исторіи, къ счастію съ самаго начала, а я прежде заучилъ уже страницъ 20 слишкомъ, чего однакожь не успѣлъ ему высказать, и разумѣется, я въ тотъ же день вытвердилъ свой урокъ. Иванъ Васильевичъ удивился моей памяти. На другой день, первые два часа, я учился чтенію изъ латинскаго языка, а другіе два часа заданъ былъ урокъ изъ пространнаго катехизиза. Послѣ обѣда учились всѣ чистописанію. Такъ прошли недѣли три. Въ это время съ товарищемъ моимъ повторились раза два припадки отвращенія къ ученью. Но его, безъ церемоніи, приказали человѣку взять на руки и нести въ школу. Дорогой онъ рвалъ человѣка за волосы, крича «*пусти! пусти!*» Но человѣкъ тоже крича: «*ой! помилуйте! не смѣю!*» продолжалъ нести его до самой школы, которая была, впрочемъ, не далеко. Потомъ припадки эти уже не повторялись, и наше ученіе пошло обычнымъ порядкомъ.

Недѣли черезъ три Иванъ Васильевичъ приказалъ мнѣ на будущее время заниматься по очереди, первые два часа, одинъ день, священною исторіею, другой катехизисомъ, третій латинскимъ языкомъ, а послѣдніе два часа, каждый день, ариѳметикой. Я, признаюсь, думалъ, что ариѳметика была изучена уже мною вполнѣ, и мнѣ даже странно показалось, чему еще онъ станетъ учить меня? Въ назначенные часы Иванъ Васильевичъ взялъ аспидную доску и написалъ мнѣ задачу: *Нѣкто купилъ 12 саженъ дровъ 9-ти вершковыхъ по 7 р. 20 к., за сажень, и столько же, такою жь качества, 3-хъ четвертныхъ, по 8 р. 40 к. за сажень. Спрашивается сколько онъ получилъ выгоды при покупкѣ послѣднихъ дровъ, въ сравненіи съ первыми?* Я взялъ доску, сѣлъ и сталъ думать, что мнѣ дѣлать съ этой задачею? Прежде всего выписалъ я всѣ числа, которые были въ задачѣ, написалъ ихъ одно подъ другимъ, сложилъ и подалъ учителю. Иванъ Васильевичъ, посмотрѣвъ, сказалъ: «Нѣтъ, это не то. Ты подумай хорошенько.» Я еще подумалъ: половину чиселъ написалъ особо и сложилъ, другую половину тоже особо сложилъ, потомъ изъ бо́льшаго числа вычелъ мѣньшее и подалъ. Иванъ Васильевичъ посмотрѣлъ: «Нѣтъ, опять не то». Этимъ кончился первый день. Въ слѣдующій день Иванъ Васильевичъ, прослушавъ урокъ изъ священной исторіи, сказалъ: «Ну додѣлай же задачу.» Я началъ множить и дѣлить и вычитать на всѣ возможные манеры. «Все не то.» Въ слѣдующій день я еще

Digitized by Google

пробовалъ на нѣсколько новыхъ манеровъ складывать, вычитать, множить и дѣлить; но, какъ всегда получалъ одинъ и тотъ же результатъ: «*нѣтъ, не такъ*», то, признавъ задачу неразрѣшимою, пересталъ и думать о ней. На слѣдующій день я даже и не подходилъ къ учителю. При отпускѣ домой обѣдать, Иванъ Васильевичъ спросилъ: «А чтожь ты задачу?» — Не сдѣлалъ, отвѣчалъ я. — «Ты не смѣй мнѣ впередъ такъ отвѣчать, сказалъ Иванъ Васильевичъ, слышишь?» Но я и на слѣдующій день осмѣлился отвѣтить, что не сдѣлалъ. «Э! да ты съ нóровомъ, я вижу», возразилъ Иванъ Васильевичъ. «Постой же, я съ тобой расправлюсь по своему.» Разложилъ меня и высѣкъ. На другой день послѣ этого онъ опять спросилъ про задачу и, получивъ въ отвѣтъ: «не сдѣлалъ», опять высѣкъ; на третій день — опять высѣкъ; на четвертый — опять высѣкъ... Такъ продолжалось недѣли съ двѣ. Послѣ чего Иванъ Васильевичъ, видя, что со мной такимъ образомъ не справится, оставилъ меня безъ обѣда, съ тѣмъ, чтобъ я разрѣшилъ задачу, — и послѣ обѣда, когда прочіе ученики занимались чистописаніемъ, мнѣ приказано было сидѣть надъ задачей, пока не разрѣшу. Но какъ я и тутъ не разрѣшилъ, онъ при отпускѣ, въ вечеру, опять высѣкъ. Въ слѣдующій день опять оставилъ безъ обѣда и опять высѣкъ. Такимъ образомъ продолжалось ученіе мое у Ивана Васильевича Ш... полтора года.

Въ послѣдніе четыре мѣсяца, передъ выходомъ моимъ изъ этой школы, Иванъ Васильевичъ сѣкъ меня изрѣдка, и даже какъ-будто не охотно: вѣрно усталъ наконецъ! Однакожь сохранялъ постоянно суровый и грозный видъ. Впослѣдствіи, когда я былъ уже въ уѣздномъ училищѣ, и слышалъ имя Іоанна Васильевича Грознаго, мнѣ казалось, что это говорили про моего учителя. Ибо я не могъ представить себѣ, чтобъ могъ быть еще другой Иванъ Васильевичъ Грозный, кромѣ того, у котораго я учился ариѳметикѣ.

(До слѣдующей книжки.)

Digitized by Google

РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Литература Русской библіографіи. Опись библіографическихъ книгъ и статей, изданныхъ въ Россіи. Составилъ Григорій Геннади. Спб. 1858 г.

Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края (сост. Ал. Лазаревскимъ). Выпускъ I. Спб. 1858 г.

Указатель къ статьямъ серьёзнаго содержанія, помѣщеннымъ въ русскихъ журналахъ прежнихъ лѣтъ. Изданіе Н. Бенардаки и Ю. Богушевича. Выпускъ I. Сынъ Отечества. (1812—1852.) Выпускъ II. Библіотека для чтенія. (1834—1854). Спб. 1858 г.

—

Библіографія интересна для немногихъ; она полезна только для ученыхъ; по сущности своей, она суха... Такъ разсуждаютъ нѣкоторые дѣльные библіографы *, и ихъ мнѣнія, какъ мнѣнія спеціалистовъ, даютъ большинству публики право смотрѣть подозрительнымъ взглядомъ на предметъ ихъ спеціальности и улыбкой сомнѣнія улыбаться, глядя на библіографическіе труды и изданія. Но именно эти мнѣнія заставляютъ насъ взяться за перо, чтобъ замолвить доброе слово о предметѣ, который такъ часто порицается.

Библіографія есть книгоописаніе. Задача ея — привести въ извѣстность и описать книгу или рукопись, другими словами, опредѣлить ея отдѣльное существованіе. Нѣкоторые идутъ дальше и полагаютъ, что сверхъ сказаннаго библіографъ обязанъ *опредѣлить качество* изданія, то-есть, если сочиненіе было издано нѣсколько разъ, сличить текстъ разныхъ изданій, подвести варіянты и представить луч-

* См. статью г. Р. Минцлофа въ Библіографическихъ Запискахъ, 1858 г., № 12: «Что такое библіографія и что отъ нея требуется»? и послѣсловіе къ вышеуказанной книгѣ г. Геннади.

Digitized by Google

шій текстъ или чтеніе, указать источники сочиненія, заимствованія, въ немъ находимыя, и т. д. Съ одной стороны, такія требованія частью выходятъ изъ ближайшей задачи библіографіи и необходимымъ образомъ предполагаютъ въ библіографѣ критическій талантъ и спеціальныя знанія, что̀ на самомъ дѣлѣ не всегда можно встрѣтить; но съ другой стороны, нельзя не сознаться, что снабженное такими замѣтками библіографическое описаніе много выигрываетъ: поэтому, не требуя ихъ отъ всякой росписи, какъ требуемъ отъ нея отчетливости и полноты, мы никакъ не вправѣ назвать ихъ лишними и неумѣстными въ каталогѣ. Библіографія вызывается движеніемъ литературы и науки, потребностью знать что̀, когда и кѣмъ было писано и печатано, гдѣ что̀ хранится, куда обращаться за источниками для ученыхъ работъ. Это — значеніе библіографіи, какъ знанія вспомогательнаго; въ такомъ смыслѣ она необходима для всѣхъ наукъ, такъ какъ всякому ученому необходимо знать по крайней мѣрѣ бо́льшую часть сочиненій въ области спеціальныхъ его занятій. Напротивъ того, незнакомство съ литературою библіографической можетъ быть причиной важныхъ ученыхъ ошибокъ, можетъ вызвать безполезное изслѣдованіе по предмету, о которомъ прежде было писано съ бо́льшимъ успѣхомъ, можетъ породить пропуски, непростительные въ серьёзномъ трудѣ, и — что̀ всего хуже — есть корень невѣдѣнія литературной исторіи народа. Все это чувствуется въ нашей литературѣ: правда, наша книжная старина начинаетъ помаленьку разрабатываться, но сколько разъ выдавалось у насъ за новость то, о чемъ было обстоятельно писано много лѣтъ тому назадъ въ какой-нибудь старой книгѣ, въ забытомъ нумерѣ давнишняго журнала, сколько разъ наши изслѣдователи являлись до-нѣльзя отсталыми относительно Западной науки! И все это оттого, что наши ученые подчасъ не знакомы со своей наукой библіографически. Въ свою очередь, и съ публикой бываютъ наивные промахи: она превозноситъ новое сочиненіе, простодушно не вѣдая, что тотъ же предметъ обстоятельнѣе изложенъ былъ другимъ писателемъ. Не таковъ библіографъ: онъ стоитъ на сторожѣ всей литературы и знаетъ всѣ ея явленія; какъ чичероне въ могильномъ склепѣ указываетъ какой гдѣ спитъ покойникъ и говоритъ, что̀ онъ оставилъ по-смерти, — такъ библіографъ знаетъ исторію всѣхъ книгъ и мѣсто ихъ храненія. Каждой наукѣ отдѣльно библіографія подаетъ важную помощь; она же связываетъ всѣ науки между собой, служа проводникомъ изъ области одной въ другую. Мало того: она сводитъ итоги всѣхъ книгъ и является статистикой литературы и слѣдовательно внѣшнимъ мѣриломъ внутренней жизни народа во все его существованіе или же въ какой-нибудь

Digitized by Google

извѣстный періодъ. Кто хочетъ въ краткомъ обзорѣ ознакомиться съ нравственнымъ движеніемъ какой-нибудь эпохи, тотъ съ пользою можетъ просмотрѣть подробную библіографическую роспись книгъ этой эпохи: здѣсь передъ нимъ очевидные акты, онъ увидитъ, на какой предметъ обращено было особенное вниманіе умовъ, къ какимъ писателямъ была особенно благосклонна публика, потому что найдетъ счетъ томовъ по каждой отрасли, счетъ изданій каждой книги. Это — высшее значеніе библіографіи; тутъ она является самостоятельною наукой; въ такомъ смыслѣ она можетъ быть любопытна для всякаго образованнаго человѣка. Библіографія дѣлается мѣриломъ литературной производительности только тогда, когда всѣ, или почти всѣ, книги какой-нибудь литературы отмѣчены въ библіографическихъ лѣтописяхъ. Трудно достигнуть этой полноты: сколько частныхъ, кропотливыхъ изысканій, сколько неудовлетворительныхъ еще попытокъ общаго свода должно сдѣлать прежде, чѣмъ появится полная, хорошая роспись; а между тѣмъ литература обогащается новыми пріобрѣтеніями, и библіографъ долженъ ихъ заносить въ свои каталоги... Какъ и во всѣхъ знаніяхъ, мы не далеко ушли и въ библіографіи. Лучше всего подтверждаетъ наши слова книга г. Геннади, съ которою мы намѣрены познакомить читателей. Заглавіе ея уже отчасти опредѣляетъ ея содержаніе. Слѣдующія слова предисловія еще болѣе уясняютъ его: «Цѣлью труда моего было приведеніе въ извѣстность и указаніе въ систематическомъ спискѣ по возможности *всего, что печатано въ Россіи по предмету библіографіи*, въ книгахъ, брошюрахъ и статьяхъ въ журналахъ и газетахъ. Разумѣя значеніе библіографіи въ обширномъ смыслѣ, какъ *книговѣдѣніе*, или книгознаніе, и по смыслу названія, какъ *книгоописаніе*, я указалъ какъ статьи объ этомъ предметѣ, такъ и всѣ собственно библіографическіе труды, то-есть всякаго рода каталоги или списки книгъ и статей и словари писателей, въ какомъ бы объемѣ и видѣ они ни являлись. Кромѣ произведеній по преимуществу и существенно библіографическихъ, я постарался исчислить всѣ труды русскихъ библіографовъ, содержаніемъ своимъ подходящіе подъ вѣдѣніе библіографіи, понимаемой въ обширномъ смыслѣ. Такъ я указываю книги или статьи, имѣющія предметомъ во-первыхъ исторію книжнаго производства въ древности и книгопечатанія, во-вторыхъ описаніе и исторію библіотекъ, въ-третьихъ торговлю книгами и библіофильство, библіоманію, и наконецъ извѣстія о русскихъ библіографахъ, типографахъ *.» Цѣль обширная, и

* Читатели замѣтятъ отсутствіе трудовъ по русской палеографіи; эти труды составятъ предметы другаго списка г. Геннади.

Digitized by Google

должно сказать, что она достигнута прекрасно. Нѣсколько пропусковъ и промаховъ не уменьшаютъ достоинства «Описи». Списокъ г. Геннади раздѣленъ на тринадцать отдѣловъ и подведенъ подъ одну нумерацію, въ каждомъ отдѣлѣ, сочиненія расположены въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія; къ нѣкоторымъ особенно замѣчательнымъ статьямъ присоединены объяснительныя примѣчанія; въ концѣ книги приложенъ списокъ всѣхъ трудившихся на поприщѣ отечественнаго книговѣдѣнія (числомъ 256 человѣкъ) и помѣщено послѣсловіе, въ которомъ представлены результаты описанія. Эта часть книги заключаетъ въ себѣ краткій, но любопытный обзоръ современнаго состоянія русской библіографіи *. Мы сказали уже, что она молода; тѣмъ не менѣе, прослѣдивъ постепенное появленіе трудовъ по этой части, можно замѣтить какъ мало-по-малу они разрастаются, увеличиваются въ числѣ, выражаютъ все болѣе и болѣе строгія и дѣльныя требованія и, по мѣрѣ своего улучшенія, становятся полезнымъ подспорьемъ трудовъ ученыхъ и литературныхъ. Мы еще не имѣемъ полной росписи доселѣ изданныхъ русскихъ книгъ, но имѣемъ нѣсколько частныхъ списковъ по разнымъ отраслямъ знаній (списокъ книгъ по морскому дѣлу, списокъ граматикъ русскаго языка, литературу ботаники), — списковъ весьма отчетливо составленныхъ. Еще нѣтъ у насъ общаго списка статей во всѣхъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, но есть два, три прекрасныхъ и подробныхъ указателя, преимущественно статей о Россіи, помѣщенныхъ въ «Сѣверномъ Архивѣ», Отечественныхъ запискахъ» Свиньина, «Москвитянинѣ» и проч. Нѣкоторыя описанія нашихъ библіотечныхъ сокровищъ, напр. Описаніе славянскихъ и русскихъ рукописей Румянцевскаго музея, составленное А. Х. Востоковымъ, Описаніе восточныхъ рукописей Публичной Библіотеки, составленное академикомъ Дорномъ, могутъ быть названы образцовыми. Текущая литература съ 1856 года подробно описывается въ «Библіографическихъ листкахъ», составляемыхъ при петербургской Публичной Библіотекѣ; московскія «Библіографическія Записки» дали нѣсколько прекрасныхъ частныхъ изслѣдованій о старыхъ и рѣдкихъ русскихъ книгахъ; словомъ, въ настоящее время наша библіографія процвѣтаетъ, и это подаетъ надежду на успѣхъ ея въ будущемъ. Поприще ея широко, и работы на немъ много: библіографы наши должны пересмотрѣть прежнія работы по книговѣдѣнію, извлечь изъ нихъ всѣ дѣльныя свѣдѣнія, дополнить и исправить ихъ, продолжать ихъ соби-

* Изъ послѣсловія г. Геннади мы заимствуемъ предложенныя здѣсь замѣтки о современномъ состояніи нашей библіографіи и отчасти даже выражаемся словами составителя «Описи».

Digitized by Google

раніе и такимъ образомъ мало-по-малу приближаться къ осуществленію полной и всеобщей росписи русскихъ книгъ по всѣмъ отраслямъ литературы. Этотъ трудъ требуетъ много времени и много рукъ, и потому хорошо было бы, еслибъ для него соединились лучшіе и дѣятельнѣйшіе наши библіографы. «Частными же трудами, говоритъ г. Геннади, пусть разработываются отдѣльныя части исторіи литературы на основаніи библіографическихъ розысканій, пусть отыскиваются неизвѣстные факты и произведенія писателей и подготовляются матеріалы для полныхъ изданій сочиненій ихъ, пусть разъясняются сомнѣнія и ошибки въ прежнихъ показаніяхъ, составляются спеціальные списки, указатели книгъ и журналовъ, каталоги библіотекъ, описываются рѣдкія и неизвѣстныя книги.»

Какъ бы въ осуществленіе этихъ словъ, появились въ Петербургѣ два полезные библіографическіе труда, названные нами въ заглавіи рядомъ съ книгою г. Геннади. Изданіе г. Лазаревскаго раздѣлено на три выпуска: въ первомъ, нынѣ вышедшемъ, заключается перечень источниковъ, изданныхъ въ Россіи, на русскомъ языкѣ; во второмъ будутъ помѣщены статьи губернскихъ вѣдомостей и полное, по возможности, указаніе рукописныхъ матеріаловъ; въ третьемъ—источники иностранные. Сочиненія исчисляются въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія: такое расположеніе принято составителемъ потому, что облегчаетъ изученіе источниковъ и показываетъ постепенную обработку ихъ. «Исчисляя книги и журнальныя статьи, говоритъ г. Лазаревскій, я ограничиваюсь выпискою однихъ заглавій, и дѣлаю исключенія лишь при тѣхъ сочиненіяхъ, заглавія которыхъ не опредѣляютъ вполнѣ содержанія ихъ. Во второмъ выпускѣ, при недоступности для большинства губернскихъ вѣдомостей, содержаніе статей и памятниковъ изложено будетъ по возможности полно.» Это замѣчаніе, вѣроятно, относится и къ рукописямъ; въ такомъ случаѣ наука пріобрѣтетъ въ указателѣ г. Лазаревскаго драгоцѣннѣйшій матеріалъ. Впрочемъ и первый выпускъ, составленный чрезвычайно тщательно, безъ сомнѣнія будетъ принятъ съ благодарностью занимающимися малороссійскою исторіей. При обширности его указаній, много любопытнаго найдутъ здѣсь и тѣ, которые изучаютъ общую исторію Россіи, русскую этнографію и археологію.

Болѣе широкая рамка опредѣляетъ предметъ, котораго библіографическое обозрѣніе представляетъ изданіе гг. Бенардаки и Богушевича. Они предприняли трудъ, въ которомъ давно чувствовалась необходимость. Въ началѣ нашей статьи мы сказали, что въ русскихъ журналахъ погребено много отдѣльныхъ изысканій и матеріаловъ для русской науки и что изученіе ихъ необходимо всякому русскому уче-

Digitized by Google

ному. Помочь этому изученію, перечислить русскіе ученые труды, помѣщенные въ журналахъ, предприняли гг. Бенардаки и Богушевичъ. Они ограничивались голословнымъ перечнемъ однихъ заглавій статей, не излагая ихъ содержанія. По словамъ издателей, подробный указатель, съ изложеніемъ содержанія статей, во-первыхъ потребовалъ бы отъ составителей много смѣлости и увѣренности въ своихъ знаніяхъ и сужденіяхъ, а во-вторыхъ занялъ бы много времени. Первый аргументъ дѣйствителенъ, но второй, по нашему мнѣнію, никуда не годится. «Надо было бы, говорятъ издатели, прочесть болѣе или менѣе внимательно всѣ статьи, вносимыя въ указатель, слѣдовательно бо́льшую часть каждой книжки указываемаго журнала, цѣлыя сотни составляющихъ его томовъ! Всякій согласится, что такого рода дѣло для одного только журнала поглотило бы цѣлые годы, а для многихъ, всѣхъ журналовъ цѣлые десятки лѣтъ, чуть не сотни.» Если наша наука и дѣйствительно нуждается въ указателѣ журналовъ и высказывала эту необходимость, она никакъ не налагала ея исполненія именно на гг. Бенардаки и Богушевича; если гг. Бенардаки и Богушевичъ не могутъ жертвовать на свой трудъ столько времени, сколько надо, чтобы сдѣлать его вполнѣ удовлетворительнымъ, то это обстоятельство еще не оправдываетъ ихъ передъ лицомъ науки. Съ другой стороны, въ какой степени необходимо изложеніе содержанія *всѣхъ* статей серьёзнаго содержанія, помѣщенныхъ въ журналахъ? По нашему мнѣнію, тутъ должно отличать статьи, касающіяся Россіи (въ какомъ бы то ни было отношеніи), и статьи, трактующія о какомъ-нибудь вопросѣ безъ отношенія къ нашему отечеству. Первыя чаще предлагаютъ самостоятельныя изслѣдованія или, по крайней мѣрѣ, содержатъ въ себѣ матеріалы для будущихъ изыскателей; изъ вторыхъ только немногія составляютъ прочныя пріобрѣтенія въ наукѣ, и тѣ безъ сомнѣнія появились въ видѣ отдѣльно изданныхъ книгъ: статьи втораго разряда большею частью суть поверхностные обзоры своего предмета, составленные по иностраннымъ источникамъ, имѣющіе компилятивный характеръ, любопытныя и полезныя въ свое время (какъ средство для распространенія знаній), иногда прекрасно написанныя, но теперь, по прошествіи десяти или болѣе лѣтъ, едва ли сохранившія свою важность. Наконецъ, оставимъ имъ и это значеніе, — но неужели желающій познакомиться съ какой-нибудь отраслью знаній не найдетъ ничего лучше, какъ обратиться за свѣдѣніями къ журналамъ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ, и неужели ему такъ легко будетъ отыскать нумера и полные годы старыхъ нашихъ періодическихъ изданій? Сомнѣваемся. Поэтому-то мы полагаемъ, что для статей, касающихся Россіи, необходимо изложеніе содержанія, хотя бы на первый разъ и не полное, не удовлетворительное, составленное не

Digitized by Google

спеціалистомъ, безъ критической оцѣнки (которая собственно и не дѣло библіографа), а для статей общаго научнаго содержанія можно довольствоваться голословнымъ спискомъ заглавій, можно даже и совершенно не исчислять ихъ, потому что, какъ мы уже сказали, едва ли этотъ перечень будетъ имѣть практическое примѣненіе. Такая внѣшняя несоразмѣрность частей въ указателѣ будетъ замѣняться соразмѣрностью внутреннею... Гг. Бенардаки и Богушевичъ разсуждаютъ иначе и представили голословный списокъ всѣхъ статей ученаго содержанія. но они говорятъ, что готовы сдѣлать измѣненія во второмъ изданіи указателя, если таковое состоится; быть-можетъ осуществятъ они тогда желаніе, которое мы высказали. Теперь же будемъ имъ благодарны и за то, что они намъ дали. Въ каждомъ указателѣ всѣ статьи раздѣляются на отдѣлы по наукамъ; каждый отдѣлъ расположенъ въ группы по содержанію, послѣдовательно, въ связи одной группы съ другою; напримѣръ: въ отдѣлѣ словесности слѣдующія группы: языкознаніе, теорія словесности, общая литература, начиная съ древней, переводы классическихъ писателей, литература русская и литература восточная, и т. д. Въ концѣ каждаго указателя приложенъ алфавитный списокъ сотрудниковъ. Кромѣ статей собственно ученыхъ. въ указатель внесены значительнѣйшіе критическіе разборы; напротивъ того, изъ состава журналовъ опущены (что отчасти видно изъ заглавія): произведенія изящной словесности, политика, фельетонъ и новости. Такой выборъ въ основаніи своемъ справедливъ, хотя и допускаетъ нѣкоторый произволъ при осуществленіи; но мы полагаемъ, что слѣдовало вносить въ указатель даже и мелочи, касающіяся Россіи. Что и они могутъ пригодиться доказываетъ, напримѣръ, слѣдующее: въ «Сынѣ Отечества» 1839, № 10, объявлено о статьяхъ, приготовленныхъ для этого журнала на 1840 годъ. Въ числѣ ихъ названа статья А. С. Грибоѣдова «*О торговлѣ* (должно быть Россіи) *съ Азіею*». Статья помѣщена не была, гдѣ она находится — не извѣстно, но для библіографа важно одно указаніе на ея существованіе. Трудъ свой издатели весьма разумно начали съ журналовъ послѣдняго времени на томъ основаніи, что литература послѣднихъ 25-ти лѣтъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ нынѣшней. Такъ теперь вышли указатели къ «Библіотекѣ для Чтенія» и «Сыну Отечества» и готовятся указатели къ «Московскому Телеграфу», «Московскому Наблюдателю», и проч. Вышедшіе указатели составлены вообще удовлетворительно. Небольшое введеніе къ каждому изъ нихъ заключаетъ въ себѣ краткій, но отчетливый очеркъ исторіи журнала. Кое-гдѣ попадаются пропуски, но мы о нихъ не будемъ говорить, какъ не говорили о пропускахъ у гг. Геннади и Лазаревскаго. Въ журналѣ не спеціально

Digitized by Google

библіографическомъ не мѣсто частностямъ библіографіи. Притомъ же указатель г. Лазаревскаго вызвалъ замѣчанія г. Срезневскаго въ «Извѣстіяхъ II отд. Имп. Академіи Наукъ», а указатель гг. Бенардаки и Богушевича, какъ мы слышали, будетъ предметомъ подробнаго разбора въ «Библіографическихъ Запискахъ». Вѣроятно, появятся замѣчанія и на книгу г. Геннади.

Въ заключеніе прибавимъ, что внѣшность всѣхъ трехъ изданій — красива.

М.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

О ПРЕПОДАВАНІИ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ. Н. П. НЕКРАСОВА.
ПОПУЛЯРНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ПО ЧАСТИ БОТАНИКИ. . . . . А. Н. БЕКЕТОВА.
НЕЗАТѢЙЛИВОЕ ВОСПИТАНІЕ. Изъ записокъ . . . . . А. Щ.
РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ. . . . . М.

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;

2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,

и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атенея*, при книжномъ магазинѣ Н. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, *десять* рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. сер полтиною*.

Печатать дозволяется. Октября 25-го, 1858 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе*.

Digitized by Google

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 44.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К°

—

1858.

Digitized by Google

Digitized by Google

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

подъ редакціею Е. Корша.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

СЕНТЯБРЬ и ОКТЯБРЬ 1858 года.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА ВАРФОЛОМЕЯ И КОМП.

—

1858.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

—

		Стр.
Изъ исторіи русской живописи XVI вѣка. По поводу Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей при Московскомъ университетѣ. Апрѣль — іюнь 1858 года.	Ѳ. И. Буслаева.	1
Изъ записокъ.	М. С. Щепкина.	25
Новыя доказательства обращенія земли около оси.	Я. И. Вейнберга.	34
Нынѣшнее состояніе англійскихъ почтъ.	(Изъ Allgem. Zeitung.).	42
Гаити.	(Изъ Ausland.).	46
О нравственной стихіи въ поэзіи на основаніи историческихъ данныхъ. Соч. Ореста Миллера, на степень магистра русской словесности. Спб. 1858 г.	Эк. С—та.	53
— . — —	— —	223
Украинскія ярмонки. Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмонкахъ. И. Аксакова. Издано на иждивеніе Сантпетербургскаго купечества. Спб. 1858 г.	И. К. Бабста.	92
— — —	— —	161
Островъ Ванкувера и новые золотые пріиски по Фрезеровой рѣкѣ.		117

Digitized by Google

Стр.

Курсъ всеобщей исторіи, составленный В. Шульгинымъ (для воспитанницъ благородныхъ институтовъ и воспитанниковъ гимназій). Исторія среднихъ вѣковъ. Кіев. 1858. **С. В. Ешевскаго**. 126

Сухой туманъ (Höhenrauch). **Я. И. Вейнберга**. 182

— — — — — 258

Современная исторія. Шербуръ. Морское преобладаніе Англіи. Китай. 191

Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. . . . **А. И. Кронеберга**. 204

— — — — — 294

Крымскіе сонеты А. Мицкевича. Переводъ Н. Луговскаго. Одесса, 1855. **А. С. Чужбинскаго**. 250

Итальянская живопись въ средніе вѣка. . . . . **К. К. Гёрца**. 269

Эме Бонпланъ, другъ и товарищъ А. Гумбольдта. . **(Съ нѣмецкаго)**. 319

— — — — — 379

Новая русская община. Письмо къ Редактору. . . . **Н. Тупицына**. 328

Второе письмо къ Редактору. 388

Третье письмо къ Редактору.. 450

Естественная исторія земной коры. С. Куторги. Спб. 1858 г. . . . . **Г. Е. Щуровскаго**. 333

Объ исторической вѣрности въ романахъ И. И. Лажечникова. . . . . **А. Н. Аѳанасьева**. 364

Три мѣсяца за границей. Письмо 1-е. . . . . **И. К. Бабста**. 399

Русскіе Евреи. По поводу статьи объ нихъ въ «Иллюстраціи».. . . . . **М. Горвица**. 421

Лѣтопись Кая Корнелія Тацита. Переводъ Алексѣя Кронебера. М. 1858 г. **Л. Р. П.** 440

Digitized by Google

Стр

О преподаваніи словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. (По поводу книги г. Смирнова: «Матеріалы для учебной теоріи словесности». Москва, 1858 г.). . . . . **Н. Н. Некрасова.** 461

Популярныя сочиненія по части ботаники. . . . . **А. Н. Бекетова.** 473

Незатѣйливое воспитаніе. Изъ записокъ. . . . . **А. Щ.** 490

Русская библіографія.

Литература русской библіографіи. Опись библіографическихъ книгъ и статей, изданныхъ въ Россіи. Составилъ Григорій Геннади. Спб. 1858 г.

Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края (сост. Ал. Лазаревскимъ). Выпускъ I. Спб. 1858 г.

Указатель статьямъ серьёзнаго содержанія, помѣщеннымъ въ русскихъ журналахъ прежнихъ лѣтъ. Изданіе Н. Бенардаки и Ю. Богушевича. Выпускъ I. Сынъ Отечества. (1812 — 1852.) Выпускъ II. Библіотека для чтенія. (1834 — 1854). Спб. 1858 г. . . . . **М.** 504

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОПРАВКИ.

—

Въ № 42 «Атенея».

На стран.	*Вмѣсто:*	*Напечатано:*
416	въ Лигницѣ	въ Литицѣ
436	Многія еврейскія общества	Многія европейскія общества
451	та цѣнность	ту цѣнность

Digitized by Google

Digitized by Google

ФРЕГАТЪ ПАЛЛАДА.

Очерки путешествія Ивана Гончарова. С.-Петербургъ. 1858 г., 2 тома.

—

Это путешествіе г. Гончарова, впрочемъ знакомое уже читателямъ по прежде напечатаннымъ отрывкамъ, намъ желалось бы разсмотрѣть съ точки зрѣнія *педагогической* критики.

Да! она должна существовать, эта педагогическая критика, если мы только не думаемъ сдѣлать литературу какимъ-то заколдованнымъ теремомъ, въ который могутъ входить одни сильные-могучіе богатыри, если мы дѣйствительно хотимъ признать ее однимъ изъ главнѣйшихъ двигателей нашего образованія, однимъ изъ главныхъ пособій всѣмъ тѣмъ, въ чьихъ рукахъ находится домашнее и общественное воспитаніе—родителямъ, воспитателямъ и школамъ. Пора педагогіи обратиться къ литературѣ и искать въ ней того, что̀ нужно для ея цѣлей. Эти поиски не останутся тщетными: добыча будетъ хотя небогатая, но на первый разъ достаточная. Ничего нѣтъ хуже нашего русскаго сидѣнья сложа руки, въ чаяніи будущихъ благъ отъ какой-то невѣдомой посторонней силы, дѣйствующей внѣ насъ и помимо насъ. Педагогія непростительно погрѣшитъ, если послѣдуетъ этой системѣ, если сложа руки будетъ ожидать, что вотъ-вотъ явится писатель, или даже цѣлый рядъ писателей, которые будутъ трудиться собственно для ея цѣлей. Въ ожиданіи этого, ей слишкомъ долго придется наслаждаться своимъ восточнымъ кейфомъ, и едва ли когда дождется она исполненія своихъ надеждъ. Мы крѣпко сомнѣваемся въ возможности появленія писателя исключительно-педагогическаго, понимая подъ этимъ словомъ

Digitized by Google

не составителя дѣтскихъ книгъ на живую нитку, а писателя-художника, дѣятельность котораго была бы направлена только на созданіе произведеній, служащихъ на пользу дѣтямъ и юношамъ. Во-первыхъ, трудно разграничить эти рубрики возрастовъ и опредѣлить, гдѣ начинается и гдѣ оканчивается, напримѣръ, юность: едва ли не для каждаго индивидуума придется составлять особенныя рубрики, а слѣдовательно такая же трудность предстоитъ и при выборѣ книгъ; а во-вторыхъ (и это важнѣе всего), если невозможно требовать отъ художника-ваятеля или живописца, чтобы онъ всю свою дѣятельность употребилъ на дѣтскія игрушки, то тѣмъ болѣе странно желаніе заставить художника-поэта упражняться въ композиціи только однихъ этихъ игрушекъ. Жалѣть ли о такой невозможности? Если сладенькая мораль считается необходимою принадлежностью дѣтскихъ книгъ, то мы вполнѣ раздѣляемъ отвращеніе къ ней юныхъ читателей. Искусство само себѣ служитъ цѣлью, или, пожалуй, оно служитъ и постороннимъ цѣлямъ, но непосредственно, по внутреннему побужденію художника, а не по какой-нибудь внѣшней принудительной силѣ: оно, по преимуществу, свободно. Обладая болѣе другихъ искусствъ средствами воспроизводить жизнь въ образахъ изящнаго, поэзія представляетъ въ созданіяхъ своихъ множество фактовъ, которые разумѣть, которыми наслаждаться можетъ всякій, безъ различія пола и возраста: такъ они доступны человѣку, не лишенному здраваго смысла и чувства человѣческаго. Подмѣчать эти факты и указывать на нихъ — вотъ прямое назначеніе педагогической критики.

Считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о значеніи изящной литературы для воспитанія. Литература, во-первыхъ, служитъ единственнымъ средствомъ для изученія нашего книжнаго языка, какъ орудія мысли и образованія, о чемъ мы уже не разъ говорили; во-вторыхъ, она была до сихъ поръ единственнымъ проводникомъ идей гуманныхъ, распространеніе которыхъ въ нашемъ неразвитомъ обществѣ составляетъ насущную потребность, а въ дѣлѣ воспитанія главную задачу, и, въ-третьихъ, наконецъ, она у насъ, какъ и вездѣ, должна служить главнымъ средствомъ для эстетическаго воспитанія. На послѣднее наша педагогическая литература еще не обратила

Digitized by Google

должнаго вниманія, а между тѣмъ оно для насъ болѣе чѣмъ для кого-нибудь важно. Оно-то скорѣе всего дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Эстетическое воспитаніе возвышаетъ, облагораживаетъ и смягчаетъ самую грубую и черствую натуру. Конечно, не въ немъ одномъ спасеніе отъ грубости невѣжества: безъ содѣйствія науки оно вполнѣ и не воспріемлемо; но тѣмъ не менѣе оно уже само по себѣ есть одинъ изъ надежнѣйшихъ путей къ образованію. Говорятъ, что эстетическое воспитаніе изнѣживаетъ, придавая иногда грубой натурѣ мущины несвойственную ей женственность, отучая своихъ питомцевъ отъ практической дѣятельности. Но неспособность къ практической дѣятельности едва ли порождается эстетическимъ воспитаніемъ, а если и порождается, то, мы увѣрены, только при такого рода дѣятельности, которая способна парализировать самую сильную энергію: конечно, эстетически развитый человѣкъ опуститъ руки и даже погрузится въ апатію, если неизбѣжно предстоитъ ему дѣйствовать на поприщѣ энергичнѣйшаго изъ русскихъ людей, Павла Ивановича Чичикова съ братіей; но въ этомъ случаѣ даже изнѣженность, женственность — и то добро, и то благо. Сколькихъ людей спасали и спасаютъ онѣ отъ конечной нравственной порчи, отъ непосредственной грубости или одичанія! Сколько благъ доставляло и доставляетъ самое даже умѣренное эстетическое воспитаніе! Если изъ молодаго человѣка, со страстью читающаго поэтическія произведенія, не выйдетъ поэта; то, повѣрьте, всегда выйдетъ человѣкъ, по крайней мѣрѣ выработаются данныя для того, чтобы стать человѣкомъ. Не люди вырабатываются изъ такихъ господъ, могутъ возразить намъ, а коптители неба, мечтатели. Что дѣлать, если и мечтатели! Если они безполезны для практической жизни, то виновато не эстетическое воспитаніе, а много другихъ постороннихъ условій. Съ Тентѣтниковымъ и Рудинымъ еще можно примириться: при другой обстановкѣ изъ нихъ вышли бы и другіе люди; но кто же будетъ утверждать, что такія практическія личности, какъ Чичиковъ и Ноздревъ, лучше ихъ и полезнѣе для нашего общества? Кто мечтаетъ, въ томъ уже есть стремленіе къ лучшему; даже мечты Манилова, какъ ни смѣшны онѣ, если не лучше, по крайней мѣрѣ безвреднѣе грубыхъ инстинктовъ какого-нибудь господина. Да притомъ моч-

Digitized by Google

тательность есть только одна темная сторона эстетическаго воспитанія: безъ поддержки воспитанія нравственно-религіознаго, научнаго и соціальнаго, эстетическое воспитаніе, дѣйствительно, способствуетъ къ образованію мечтателей, придавая какой-то болѣзненный колоритъ своимъ питомцамъ; но не забудемъ и о другой его сторонѣ, просвѣщающей и освѣщающей нашу духовную природу, что̀, смѣемъ думать, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Все сказанное нами о значеніи литературы въ дѣлѣ воспитанія, конечно, не ново, да мы и далеки отъ всякой претензіи на новое. Незнакомые съ школьнымъ устройствомъ его, пожалуй еще болѣе — съ нимъ знакомые, могутъ возразить намъ: къ чему ваши толки о литературѣ въ дѣлѣ воспитанія? Мы согласны, что она необходимое звено въ цѣпи учебныхъ предметовъ; но вѣдь зато въ каждомъ среднемъ учебномъ заведеніи назначаются для нея особенныя занятія, продолжающіяся цѣлый годъ и знакомящія воспитанниковъ съ русскими писателями, отъ Кирилла Туровскаго до Гоголя включительно. Но въ томъ-то и дѣло, что одного знакомства со всѣми русскими писателями, одного знанія характеристикъ ихъ произведеній слишкомъ недостаточно. Исторія литературы еще не даетъ эстетическаго образованія. Пускай она проходится, гдѣ и когда вамъ угодно, въ какомъ хотите классѣ, мы не отвергаемъ ея пользы; но только не смѣшивайте ея съ знакомствомъ съ изящными произведеніями нашей словесности, преимущественно способствующими къ эстетическому образованію. Исторія русской письменности дѣйствительно требуетъ извѣстнаго возраста и извѣстныхъ предварительныхъ свѣдѣній для знакомства съ нею; изученіе же изящныхъ произведеній словесности должно начинаться гораздо раньше и быть свободнымъ отъ стѣснительныхъ школьныхъ предразсудковъ относительно времени и методы изученія. Изученія этого вы не достигнете, заставляя своихъ питомцевъ затверживать наизусть составленныя вами характеристики и критическія статейки, какъ бы онѣ ни были добросовѣстны; готовые, составленные другими взгляды на изящныя произведенія, безъ живаго непосредственнаго знакомства съ ними, не принесутъ никакой пользы. Задача воспитанія здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы доставить воспитанникамъ полную воз-

Digitized by Google

можность такого собственнаго, самодѣятельнаго знакомства. Намѣренное же уклоненіе отъ этой цѣли приноситъ одинъ положительный вредъ: вступивъ въ жизнь непріученными къ свѣжей, здоровой пищѣ, съ самодовольными, заученными, нерѣдко односторонними взглядами (ибо кто же изъ педагоговъ, положа руку на сердцѣ, поручится за непогрѣшительность своихъ взглядовъ?), которые такъ легко бросать свысока,—воспитанники, а еще болѣе воспитанницы, съ жадностью бросаются на родъ чтенія, который такъ справедливо осуждается всѣми—чтенія, имѣющаго въ виду сказочный интересъ и художественную неправду. Знакомство съ изящными произведеніями словесности, служащее единственнымъ средствомъ для изученія литературнаго языка и способствующее къ эстетическому образованію, должно быть въ числѣ главныхъ, начальныхъ предметовъ въ дѣлѣ домашняго и общественнаго воспитанія. Воспитаніе, въ обширномъ смыслѣ этого слова, имѣющее цѣлію изъ *ветхаго* непосредственнаго человѣка развить новаго черезъ образованіе его ума, чувства и воли, должно, преслѣдуя свои задачи, не упускать ни одного случая, который доводитъ до желаемыхъ результатовъ. Литература — старый и добрый другъ нашего образованія; итакъ, пусть же школьное и домашнее воспитаніе пользуется ея средствами вполнѣ.

Но какъ именно пользоваться средствами литературы для воспитальныхъ цѣлей? Что̀ читать, какъ читать и съ котораго времени начинать чтеніе образцовыхъ произведеній словесности? Эти вопросы не представляютъ особенныхъ трудностей для рѣшенія; постараемся отвѣчать на нихъ. Питомцамъ домашняго и школьнаго воспитанія нельзя всего читать, тѣмъ болѣе не всякую книгу можно дать имъ въ руки. Хотя изящное само по себѣ нравственно и благо, но многія, отчасти гигіеническія, отчасти психологическія причины, препятствуютъ знакомить воспитанниковъ съ полнымъ проявленіемъ его въ искусствѣ вообще, въ поэзіи едва ли не въ особенности. Поэзія, какъ идеальное воспроизведеніе жизни во всей полнотѣ ея, представляетъ много такого, съ чѣмъ преждевременное знакомство можетъ быть вредно для юной души. Даже о такомъ общечеловѣческомъ, возвышенномъ и благородномъ чувствѣ, какъ любовь, которая помогаетъ поэту, какъ солнечный лучъ живописцу,

Digitized by Google

при освѣщеніи характеровъ, и которая сама по себѣ бываетъ предметомъ его пѣсни,—даже и о немъ, по извѣстнымъ гигіеническимъ причинамъ, слѣдуетъ говорить осторожно и своевременно. Но неужели воспитатель долженъ говорить о любви? Не обходить ли въ школахъ этого вопроса? А если говорить, то когда и какъ? Что невозможно обойти, это доказываетъ поэзія и другія искусства, которыя не могутъ не входить въ кругъ воспитанія, если мы пожелаемъ доставить своимъ питомцамъ эстетическое образованіе; это доказываетъ даже наука жизни—исторія: но что, съ другой стороны, положительно вредно разсуждать о любви съ ранняго дѣтскаго возраста — это говоритъ здравый смыслъ и подтверждаютъ печальные факты школьной и вообще дѣтской жизни. — Во всякомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, въ воспитаніи неизбѣжно и необходимо говорить о любви, разумѣется, не въ дѣтскомъ раннемъ возрастѣ, а съ шеснадцати, по крайней мѣрѣ, лѣтъ; но говорить слѣдуетъ осторожно, не смѣшивая этого высокаго чувства съ животною чувственностью, не приходя въ экстазъ, а хладнокровно, какъ и обо всѣхъ истинахъ, которыя провозглашаетъ педагогъ. Нечего умалчивать о томъ, о чемъ, безъ нашего вѣдома, громко заговоритъ сама природа. Дѣло воспитанія—слѣдить за этимъ внутреннимъ голосомъ природы и прислушиваться, когда онъ начнетъ лепетать: каждый по собственному опыту знаетъ, когда наступило для него это время, и потому небольшаго труда стóитъ опредѣлить это время и для другихъ. А между тѣмъ, говоря о томъ, о чемъ умалчивать безполезно, воспитаніе развязываетъ себѣ руки: оно можетъ свободнѣе дѣйствовать въ интересахъ эстетическаго образованія, — и, кто знаетъ? быть-можетъ, даже способствовать къ тому, что у его питомцевъ впослѣдствіи это гуманнѣйшее изъ чувствъ (то-есть любовь) приметъ на дѣлѣ истинно эстетическій характеръ. А если нѣтъ? намъ скажутъ. Можетъ-быть и нѣтъ, но тогда будетъ виновата не любовь, о которой просто и съ достоинствомъ говорилось въ школѣ, а или воспитатели, или сами воспитывающіеся, или постороннія обстоятельства. Мы говоримъ только объ идеѣ: чтò дѣлать, если осуществленіе идей выходитъ неудовлетворительно въ частности! Но тѣмъ-то и отличается отъ рутины всякая работа, имѣющая въ виду прогрессъ, что идея всегда служитъ

Digitized by Google

ей путеводною звѣздою, высокою цѣлію, между тѣмъ какъ характеръ рутины — полнѣйшее равнодушіе къ осуществленію идеи, путь, проходимый съ зажмуренными глазами, *плетеніе лаптей*, по народному выраженію.

Итакъ, читатель видитъ, что съ нашей точки зрѣнія чтенію придается самый широкій смыслъ и что его, хотя бы и просто какъ чтеніе, слѣдуетъ начинать съ ранняго возраста, съ первыхъ школьныхъ классовъ, и вести во весь періодъ учебной жизни. За исключеніемъ немногихъ отдѣловъ поэзіи, представляющихъ положительно дурную и презрѣнную стороны жизни, бо́льшую часть произведеній изящной словесности можно сдѣлать предметомъ чтенія. Изъ этого нисколько не слѣдуетъ заключить, чтобы мы уменьшали высокое значеніе юмора и предлагали бы прикрывать общественныя раны плотной завѣсой, сквозь которую не могъ бы проникнуть пытливый взоръ молодаго поколѣнія. Горе воспитанію, если оно увлечется тупымъ оптимизмомъ! Но пока еще слишкомъ юнъ возрастъ вашихъ питомцевъ, пока еще вполнѣ дѣвственны души ихъ, знакомьте ихъ прежде всего съ положительно-прекраснымъ. Потомъ, когда поокрѣпнетъ духовная ихъ природа, слѣдовательно въ самомъ старшемъ школьномъ возрастѣ, смѣло сбрасывайте покровъ съ общественныхъ ранъ (насколько онѣ отразились въ литературѣ), смѣло разсѣкайте больное мѣсто зараженнаго трупа. Но во всякомъ случаѣ выборъ матерьяла для чтенія, по полу, возрасту и развитію учениковъ, долженъ быть строгій, и конечно тѣмъ строже, чѣмъ моложе воспитанники. Эта строгость будетъ уменьшаться съ лѣтами и совершенно уничтожаться въ послѣднемъ классѣ среднихъ училищъ, въ которомъ надобно предоставить воспитанникамъ возможную свободу въ выборѣ книгъ и статей для чтенія. О томъ, какимъ образомъ слѣдуетъ читать, то-есть о процессѣ воспитательнаго чтенія, мы уже говорили (см. Моск. Вѣд. Литер. Отд. 1857 г. № 29 и Атеней № 6). Занимаясь такимъ образомъ литературой, мы достигнемъ двухъ цѣлей: 1) главной, состоящей въ усвоеніи литературнаго языка и въ матерьялахъ для эстетическаго образованія, и 2) второстепенной, имѣющей предметомъ познакомить воспитанниковъ съ матерьялами для исторіи литературы. Изученіе исторіи литературы мы поставили

Digitized by Google

на второмъ планѣ, нисколько не думая умалять значеніе этой науки. Но въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, вообще въ дѣлѣ воспитанія, ни одинъ учебный предметъ не долженъ самъ себѣ служить цѣлію, а особенно насчетъ другихъ предметовъ. Каждый, напротивъ того, во-первыхъ, долженъ гармонически содѣйствовать съ другими въ важномъ дѣлѣ развитія духовной нашей природы, во-вторыхъ—пролагать, по возможности, путь къ дальнѣйшему спеціальному изученію предмета, для желающихъ: не важно знать число поэтическихъ произведеній Пушкина и время ихъ созданія, но весьма важно образовать эстетическое чувство молодыхъ людей по сочиненіямъ великаго поэта.

Педагогическая критика должна слѣдить за литературными произведеніями, отыскивать въ нихъ годное для своихъ цѣлей и подвергать отысканное разбору. Она не есть нѣчто совершенно особенное и независимое отъ критики литературной: критеріумъ ея не многимъ отличается отъ послѣдней, хотя и не совсѣмъ одинъ и тотъ же. Дѣло педагогической критики состоитъ въ разборѣ отдѣльныхъ статей, или цѣлыхъ сочиненій, важныхъ для воспитательныхъ цѣлей, въ опредѣленіи ихъ достоинствъ и недостатковъ, на основаніи общихъ эстетическихъ или психологическихъ законовъ, въ указаніи, какія изъ этихъ сочиненій и почему именно болѣе полезны; но она можетъ пройдти молчаніемъ все, до нея не касающееся. Отсюда слѣдуетъ, что приговоры педагогической критики могутъ иногда и не согласоваться съ приговорами критики литературной: она, напримѣръ, можетъ одобрять такую книгу, или такой отдѣлъ какой-нибудь книги, о которыхъ литературная критика отзовется не совсѣмъ одобрительно. Послѣдняя оцѣниваетъ литературное произведеніе болѣе въ цѣломъ, чѣмъ по частямъ, оцѣниваетъ его само по себѣ, безъ всякой примѣнимости къ какимъ-нибудь постороннимъ цѣлямъ, между тѣмъ какъ задача первой именно и состоитъ въ этой частной примѣнимости. Но само собою разумѣется, что все отвергаемое, какъ негодное, критикою литературной, не можетъ признавать годнымъ и критика педагогическая.

Есть книги и статьи, которыя педагогическая критика должна назвать классическими; таковы: «*Дѣтскіе годы Багрова-внука*»

Digitized by Google

г. Аксакова, «*Бѣжинъ Лугъ*» и «*Пѣвцы*» г. Тургенева, «*Сонъ Обломова*» г. Гончарова и нѣкоторыя изъ идиллическихъ картинъ г. Григоровича. Эти книги и статьи смѣло давайте въ руки вашимъ питомцамъ; ихъ прочтутъ не одинъ разъ, и всегда съ равнымъ наслажденіемъ, воспитанники обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ. Можетъ-быть найдется и еще что прибавить къ поименованнымъ сочиненіямъ; но, по крайней мѣрѣ, какъ мы знаемъ изъ опыта, такого полнаго, такого всесторонняго и благодатнаго дѣйствія поэзіи на молодыя души, такой прелести языка не представляютъ другія сочиненія: вотъ почему педагогическая критика должна считать гг. Аксакова, Гончарова, Григоровича и Тургенева образцовыми своими писателями-прозаиками. Независимо отъ высокаго поэтическаго достоинства, педагогическая критика потому должна назвать образцовыми поименованныя сочиненія этихъ авторовъ, что: *во-первыхъ*, ихъ можно дать въ руки даже ребенку, такъ какъ въ нихъ ни слова не говорится о любви, какъ страсти; *во-вторыхъ* потому, что изображая чудныя картины русской природы, они раздуваютъ искру поэтическаго чувства, таящуюся въ душѣ каждаго, въ яркое пламя, слѣдовательно, начинаютъ дѣло эстетическаго воспитанія и возбуждаютъ горячую любовь къ родинѣ, родному краю, и, *въ-третьихъ*, наконецъ, рисуя въ своихъ картинахъ русскаго человѣка, хотя и въ различныхъ образахъ — подъ видомъ ли помѣщичьяго сына, или деревенскихъ мальчиковъ, стерегущихъ табунъ, или же просто нашихъ мужичковъ и деревенскихъ женщинъ, они заставляютъ юнаго читателя въ этихъ образахъ видѣть людей, — созданіе, подобное Создавшему, а не существа низшаго разряда; они проникнуты гуманностью въ самомъ широкомъ, благодатномъ смыслѣ этого слова. Но если педагогическая критика будетъ ожидать выхода сочиненій только въ этомъ родѣ, то ей, какъ мы сказали, долго можетъ-быть придется сидѣть сложа руки, а читать одно и то же беспрестанно, даже превосходныя вещи, надоѣстъ. Есть и выходитъ вновь достаточно сочиненій, хотя не равныхъ образцовымъ, но тѣмъ не менѣе важныхъ въ педагогическомъ отношеніи; для примѣра укажемъ на «*Богомольцевъ*» и «*Святочный разсказъ*» Н. Щедрина: въ первомъ педагогъ найдетъ превосходную картину русской сѣверной природы, во

Digitized by Google

второмъ (главы 1 и 3) должна обратить на себя его вниманіе прелесть идиллическаго расказа. Говоря о критикѣ педагогической и литературной, мы понимаетъ въ обоихъ случаяхъ критику произведеній поэтическихъ. И хотя чтеніемъ и изученіемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ прозы (какъ, напримѣръ, повѣствовательными сочиненіями) можно также съ успѣхомъ пользоваться для педагогическихъ цѣлей, но разборъ ихъ имѣетъ много общаго съ произведеніями поэтическими.

Если книга (разумѣется, написанная хорошимъ современнымъ языкомъ — это первое условіе всякаго сочиненія, годнаго для педагогическаго употребленія) богата картинами природы, если она содержитъ въ себѣ увлекательные расказы о дѣйствительныхъ или вымышленныхъ происшествіяхъ, то педагогическая критика смѣло можетъ подвергать ее своему разбору. Таковъ «*Фрегатъ Паллада*», новое сочиненіе автора «Обыкновенной исторіи» и «Сна Обломова».

Въ формѣ писемъ къ друзьямъ, г. Гончаровъ описываетъ свое кругосвѣтное путешествіе на фрегатѣ «Паллада». Описаніе путешествій принадлежитъ къ тому роду книгъ, который никогда не потеряетъ своей занимательности; тѣмъ болѣе онъ нравится юнымъ читателямъ: какое раздолье фантазіи, мечтѣ! Пятьсотъ Русскихъ, отправившихся къ берегамъ Японіи, *по синимъ волнамъ океана*, они сочтутъ дѣйствительно аргонавтами, а Японію — Колхидой. Г. Гончаровъ является Орфеемъ этого похода, пѣвцомъ его, хотя ex officio, какъ самъ онъ выражается. Отправляясь въ путешествіе и сознавая важность принятой имъ на себя обязанности, какъ туриста, и отвѣтственности передъ публикой, какъ писателя, авторъ самъ себѣ задалъ много вопросовъ: «Я боялся, говоритъ онъ, выдержитъ ли непривычный организмъ массу суровыхъ обстоятельствъ, этотъ крутой поворотъ отъ мирной жизни къ постоянному бою съ новыми и рѣзкими явленіями бродячей жизни? Да наконецъ хватитъ ли души вмѣстить вдругъ неожиданно развившуюся картину міра? Вѣдь это дерзость почти титаническая! Гдѣ взять силы, чтобы воспринять массу великихъ впечатлѣній? И когда ворвутся въ душу эти великолѣпные гости, не смутится ли самъ хозяинъ среди своего пира?» «Писатель (путешествій), говоритъ далѣе г. Гончаровъ, свободенъ пробираться въ нѣ-

Digitized by Google

дра горъ, или опускаться въ глубину океановъ, съ ученою пытливостію, *или*, пожалуй, *на крыльяхъ вдохновенія скользить по нимъ быстро и ловить мимоходомъ на бумагу ихъ образы...*» и далѣе: «отошлите это (то-есть собственно ученое описаніе путешествій) въ ученое общество, въ академію, говорите вы, *а бесѣдуя съ людьми всякаго образованія, пишите иначе. Давайте намъ чудесъ, поэзіи, огня, жизни и красокъ.*»

Сочиненіе г. Гончарова не ученое, а поэтическое описаніе кругосвѣтнаго путешествія. И изъ приведенныхъ словъ автора, и изъ другихъ мѣстъ его книги видно какъ онъ самъ смотрѣлъ на свое сочиненіе. Съ этой же точки должна смотрѣть на этотъ трудъ критика и не требовать отъ него того, чего онъ не даетъ, что̀ не входило въ планы автора—научнаго интереса. Естествовѣдѣніе, исторія, этнографія и географія, конечно, не пріобрѣли ничего съ выходомъ въ свѣтъ «Фрегата Паллады»; но зато не мало пріобрѣла литература по отдѣлу морскихъ путешествій и тѣмъ еще большее пріобрѣтеніе сдѣлала литература педагогическая. Хотя авторъ и говоритъ, что путешествія утратили свой чудесный характеръ, что онъ не сражался со львами и тиграми, не пробовалъ человѣческаго мяса, что поэзія измѣнила свою священную красоту и что въ мірѣ властвуетъ самый прозаическій о́бразъ, о́бразъ англійскаго купца, но все это говорится только относительно приключеній, случавшихся въ прежнее время съ путешественниками, и почти уже невозможныхъ теперь, благодаря успѣхамъ цивилизаціи. А чудеса и поэзія все-таки есть! «Дайте договориться до этихъ чудесъ по порядку», восклицаетъ самъ авторъ, отвергавшій все чудесное въ путешествіи. Но чудеса эти не покорились никакимъ выкладкамъ, цыфрамъ, грубымъ прикосновеніямъ науки (т. I, стр. 190); чудеса эти — природа и люди, особенно природа, словомъ—все, окружающее сѣверныхъ плавателей. Все имъ незнакомое и невѣдомое тѣмъ болѣе кажется чудомъ, если представить фрегатъ «Палладу» маленькой русской колоніей, плавающей по неизмѣримой пучинѣ, какъ представляетъ его авторъ. «Увижу новое, чужое говоритъ онъ: и сейчасъ въ умѣ прикину на свой аршинъ. Я вѣдь уже сказалъ вамъ, что искомый результатъ путешествія—это параллель между чужимъ и своимъ. Мы такъ глубоко вросли корнями у себя дома, что ку-

Digitized by Google

да и какъ надолго бы я низаѣхалъ, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногахъ, и никакіе океаны не смоютъ ее» (т. I. стр. 100). Эта параллель между чужимъ и своимъ придаетъ особенный интересъ книгѣ; авторъ очень любитъ дѣлать такія параллели: онъ не только проводитъ ихъ между русскою природой и природой посѣщенныхъ имъ мѣстностей, но даже между лѣнивымъ, погруженнымъ въ физическій и нравственный сонъ русскимъ бариномъ и вѣчно бодрымъ Англичаниномъ, образъ котораго властвуетъ въ мірѣ. Здѣсь кстати сказать, что авторъ далеко на англоманъ; это всего лучше доказываютъ слѣдующія выраженія: « безстыдство этого скотолюбиваго народа доходитъ до какого-то героизма, чуть дѣло коснется до сбыта товара, какой бы онъ ни былъ, хоть ядъ» (т. II, стр. 195) и нѣкоторые подобные упреки. Но не смотря на явное несочувствіе къ Британцамъ, образъ этого цивилизующаго народа, быть-можетъ помимо воли автора, выходитъ изъ-подъ пера его величественнымъ и привлекательнымъ. Иначе и быть не могло: автора, какъ друга цивилизаціи, въ пользу которой онъ написалъ не одну теплую страницу, какъ поэта наконецъ, не могъ не поразить этотъ образъ, носящійся во всемъ мірѣ, хоть, положимъ, и не очень приглядный.

Читая « Фрегатъ Палладу », вы почти на каждой страницѣ убѣждаетесь, что авторъ его поэтъ; вмѣсто догадки, изслѣдованія, разсужденія, прозаическаго описанія, у него тотчасъ же создается картина, образъ, и образъ и картина такъ хороши, что вы нисколько не требуете повѣрки съ дѣйствительностью: вы наслаждаетесь ими, переходя отъ предмета къ предмету по волѣ капризнаго автора. Что дѣлать, если этотъ эпитетъ приличествуетъ всѣмъ поэтамъ, хотя бы многимъ и не понравилась такая капризность въ путешественникѣ. Путешественникъ не виноватъ въ томъ, что онъ не ученый, а поэтъ. Помимо его и своей воли, вы слѣдуете за нимъ туда, куда онъ ведетъ васъ. «Если мнѣ гдѣ-нибудь хорошо, говоритъ г. Гончаровъ: я начинаю пускать корни. Удобна ли квартира, покойно ли кресло, есть хорошій видъ, прохлада — мнѣ не хочется дальше. Меня влечетъ уютный домикъ съ садомъ, съ балкономъ, останавливаетъ добрый человѣкъ, хорошенькое личико. Сколько страстишекъ успѣетъ забраться въ сердце!

Digitized by Google

Сколько тонкихъ, сначала неосязаемыхъ нитей протянется оттуда въ разныя стороны! Поживи еще—и эти нити окрѣпнутъ, обратятся въ такъ-называемые узы. Жаль будетъ покинуть знакомый домъ, улицу, любимую прогулку, видъ добраго человѣка» (т. I. стр. 380). Кому не нравится такое свойство поэтическихъ путешествій, тотъ пусть обратится для насыщенія неудовлетвореннаго любопытства къ ученымъ; но для насъ, то-есть для нашихъ воспитательныхъ цѣлей, это свойство очень важно: мы лучше поймемъ эти чудеса, эту картину міра, *всю массу великихъ впечатлѣній*, незнакомыхъ душѣ сѣвернаго жителя, въ художественныхъ образахъ, въ картинѣ, чѣмъ въ подробныхъ, анатомическихъ разсѣченіяхъ, которыя, чтобы составить изъ нихъ нѣчто цѣлое, требуютъ и предварительныхъ знаній, доступныхъ рѣдкому читателю, и своего, особаго рода, творчества. Но, спрашивается,—будемъ говорить словами автора: — хватило ли у него души вмѣстить эту картину міра? Нашлось ли столько силъ, чтобы воспринять массу великихъ впечатлѣній? Не смутился ли онъ, когда ворвались въ душу ему эти великолѣпные гости? — Отвѣчать на эти вопросы утвердительно — значитъ погрѣшить противъ строгой правды, потому что въ такомъ случаѣ пришлось бы сказать, что «Фрегатъ Паллада» принадлежитъ къ числу величайшихъ произведеній искусства, и авторъ его долженъ стать во главѣ современныхъ поэтовъ, на что, конечно, не имѣлъ претензіи нашъ скромный путешественникъ. Изобразить все видѣнное и перечувствованное въ поэтической картинѣ — «вѣдь это дерзость почти титаническая», замѣчаетъ г. Гончаровъ, и совершенно справедливо: не говоря о степени поэтическаго дарованія, достанетъ ли средствъ поэзіи для изображенія всего этого, достанетъ ли совокупныхъ средствъ другихъ искусствъ? Еслибы, положимъ, и достало этихъ совокупныхъ средствъ (средствъ одной поэзіи недостаточно), то вышло бы, конечно, нѣчто прекрасное въ частностяхъ; но что за пестрота и дисгармонія получились бы въ цѣломъ, между тѣмъ какъ цѣлое всего этого міра чудесъ такъ гармонически-стройно въ частяхъ своихъ! Итакъ, идея художественнаго путешествія слишкомъ громадна, а средства для ея воплощенія крайне скудны; остается цѣнить приближеніе къ идеѣ. Въ этомъ отношеніи г. Гончаровъ сдѣлалъ

Digitized by Google

много хорошаго: ему необыкновенно удалось уловить общій колоритъ нѣкоторыхъ мѣстностей, бойкою кистью нарисовать не одну чудную картину природы, составить вѣрныя характеристики нѣкоторыхъ народовъ и даже иногда правильно оцѣнить самыя событія, хотя авторъ намѣренно отклоняетъ отъ себя всякую историческую работу. Впрочемъ, поэтическое чутье доводитъ его до тѣхъ же результатовъ, которые добываются только путемъ историческаго анализа. Въ разбираемомъ нами сочиненіи особенно хороши отдѣлы: *Атлантическій океанъ и островъ Мадера*, *Плаваніе въ Антлантическихъ тропикахъ*, *Русскіе въ Японіи*, *Ликейскіе острова*, *Манилла* и *Путешествіе по Сибири*. Но указанныя нами достоинства «Фрегата Паллады» много выиграли бы и въ литературномъ, и въ педагогическомъ отношеніи, еслибы не уменьшала ихъ самая форма сочиненія. Форма эта—эпистолярная, письма къ друзьямъ. Собственно говоря, читателю нѣтъ дѣла до друзей автора, а между тѣмъ авторъ слишкомъ много даетъ мѣста интимной бесѣдѣ съ ними, шуткѣ, переходящей нерѣдко въ балясничество. Эта шутка, особенно когда она слѣдуетъ какъ разъ за прекраснымъ поэтическимъ описаніемъ (что такъ часто случается во «Фрегатѣ Паллада»), очень иногда непріятно дѣйствуетъ на читателя. Форма дружеской бесѣды заставила автора говорить о томъ, что конечно могло бы и не войдти въ книгу, посвященную путешествію, и что только безполезно увеличило объемъ ея. Другія длинноты еще можно извинить, хотя не мѣшало бы и ихъ избѣгнуть; онѣ встрѣчаются тамъ, гдѣ, благодаря ли долгой стоянкѣ на одномъ и томъ же мѣстѣ, и слѣдовательно за недостаткомъ новыхъ впечатлѣній, или, благодаря, такъ-сказать, пресыщенію чудными картинами незнакомаго автору міра, вниманіе его притупляется, творчество ослабѣваетъ. Въ такомъ случаѣ авторъ рисуетъ будничную жизнь своихъ спутниковъ или на фрегатѣ, или въ иномъ какомъ мѣстѣ, и рисуетъ не всегда удачно: часто при описаніи этихъ картинъ даже живость расказа и изящество языка, на что г. Гончаровъ такой мастеръ, ему измѣняютъ; такова, напримѣръ, IV-я глава 1-й части: *На мысъ Доброй Надежды*, утомительная по мелочности содержанія, въ которой героемъ является г. Б., спутникъ автора, замѣчательный своимъ гомерическимъ аппетитомъ. Во-

Digitized by Google

обще тамъ, гдѣ авторъ бросаетъ кисть пейзажиста и начинаетъ принимать на себѣ роль, если не историка (чего онъ тщательно избѣгаетъ), то просто раскащика и юмориста, талантъ его отчасти теряетъ свой блескъ. Оно и естественно: чтобы быть тѣмъ или другимъ, надобно глубже изучить эту чуждую намъ жизнь, а одной бѣглой наблюдательности, единственно-возможной для путешественника, тутъ недостаточно. Но пейзажистъ г. Гончаровъ—превосходный. Въ этомъ читатель убѣдится почти изъ каждой главы его путешествія. Что̀, напримѣръ, можетъ быть прекраснѣе вотъ этой картины острововъ Зеленаго Мыса:

«Направо утесы, налѣво утесы, между ними уходитъ за горы долина, оканчивающаяся песчанымъ берегомъ, въ который хлещетъ бурунъ. У самаго берега, слѣва отъ насъ, виденъ пустой маленькій островокъ, направо масса накиданныхъ другъ на друга утесовъ. По одному изъ нихъ идетъ мощеная дорога къ верху, въ Порто-Прайя. Пониже дороги, ближе къ морю, въ ущельи скалъ, кроется какъ-будто трава,—такъ кажется съ корабля. На берегу, въ одномъ углу подъ утесами, видно зданіе и шалаши. Остальной берегъ между скалами весь пустой, низменный, просто куча песку, и на немъ растетъ тощій рядъ кокосовыхъ пальмъ. Какъ все это вмѣстѣ взятое печально, скудно, голо, опалено! Пальмы уныло повѣсили головы; никто нейдетъ искать подъ ними прохлады: онѣ даютъ столько же тѣни, сколько метла. Все спитъ, все немѣетъ. Нужды нѣтъ, что вы въ первый разъ здѣсь, но вы видите, что это не временный отдыхъ, награда дѣятельности, но покой мертвый, не пробуждающійся, что картина эта никогда не мѣняется. На всемъ лежитъ печать сухости и безпощаднаго зноя. Пріѣзжайте черезъ годъ, вы, конечно, увидите тотъ же песокъ, тѣ же пальмы счетомъ, валяющихся въ пескѣ негровъ и негритянокъ, тѣ же шалаши, то же голубое небо съ бѣлымъ отблескомъ пламени, которое мертвитъ и жжетъ все, что̀ не прячется гдѣ-нибудь въ ущельи, въ тѣни утесовъ, когда нѣтъ дождя, а его не бываетъ здѣсь иногда по нѣсколько лѣтъ сряду. И это же солнце вызоветъ здѣсь жизнь изъ самаго камня, когда тропическій ливень хоть на нѣсколько часовъ напоитъ землю. Ужасно это вѣчное безмолвіе, вѣчное нѣмѣніе, вѣчный сонъ, среди неизмѣримой водяной пустыни. Безконечныя воды разстилаются здѣсь, какъ безконечные пески той же Африки, черезъ которые торопливо крадется караванъ, боясь, чтобы жажда не застигла его въ безводномъ пространствѣ. Здѣсь торопливо скользитъ по глади водъ судно, боясь

Digitized by Google

штилей, а съ ними и жажды и голода. Пароходъ заброситъ немногія письма, возьметъ другія и спѣшитъ пройдти мимо обреченной на мертвый покой страны. А какія картины неба, моря! Какія ночи! Пропадаютъ эти втунѣ истраченныя краски, это пролитое на голые скалы безконечное тепло. Человѣкъ бѣжитъ изъ этого царства дремоты, которая сковываетъ энергію, умъ, чувство и обращаетъ все живое въ подобіе камня. Я припоминалъ сказки объ окаменѣломъ царствѣ. Вотъ оно: придетъ богатырь, принесетъ трудъ, искусство, цивилизацію, разбудитъ и эту спящую отъ вѣка красавицу, природу, и дастъ ей жизнь. Время, кажется, недалеко. А теперь, глядя на эту безжизненность и безмолвіе, ощущаешь что-то похожее на ужасъ или на тоску. Ничто не шевелится тутъ; все молчитъ подъ блескомъ будто разгнѣванныхъ небесъ. Въ морѣ, о, въ морѣ совсѣмъ иначе говоритъ этотъ царственный покой сердцу.» (Т. I, стр. 166—168.)

Въ заключеніе мы должны сказать, что «Фрегатъ Паллада» г. Гончарова, и по своему содержанію, и по мастерскому языку, принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ книгъ, о которыхъ педагогическая критика должна отозваться съ полнымъ одобреніемъ; сочиненіе это займетъ почетное мѣсто въ библіотекѣ родителей, воспитателей и училищъ, и надолго будетъ капитальнымъ для нея пріобрѣтеніемъ.

М. де-Пуле.

Digitized by Google

СПОРЪ

ОБЪ ОБЩИННОМЪ ВЛАДѢНІИ ЗЕМЛЕЮ.

Голосъ за общинное владѣніе *.

—

Существованіе общиннаго землевладѣнія, какъ факта у насъ въ Россіи, и какъ теоріи, волнующей умы на Западѣ, ставитъ его на очередь вопросовъ, почти всемірно-любопытныхъ. Для насъ его значеніе особенно глубоко. Общинное владѣніе лежитъ краеугольнымъ камнемъ въ устройствѣ сельскаго быта нашего, а сельскій бытъ, обнимая почти всю массу русскаго народа, въ свою очередь является главнѣйшимъ основаніемъ народной нашей жизни. Такимъ образомъ вопросъ объ общинѣ касается и національныхъ и общечеловѣческихъ нашихъ интересовъ, и самое возникновеніе его въ литературѣ могло бы уже служить положительнымъ свидѣтельствомъ о значительномъ развитіи общественнаго у насъ сознанія. Но вѣкъ нашъ — вѣкъ интересовъ матерьяльныхъ. Они безспорно въ немъ преобладаютъ, и на нихъ, какъ на любимой почвѣ, воздѣлываются большинствомъ изслѣдователей всѣ современные вопросы. На той же самой почвѣ разработывается ими и нашъ вопросъ объ общинѣ. На первомъ планѣ стоитъ практическая польза общиннаго владѣнія землею, а нравственныя и по-

---

* Допуская этотъ «Голосъ» на страницы нашего журнала, мы, разумѣется, допустимъ и тѣ возраженія, какимъ онъ очевидно подлежитъ. Между общиннымъ владѣніемъ, какъ фактомъ, и теоріею, на которую указываетъ «Голосъ», лежитъ, по нашему убѣжденію, цѣлая исторія. *Ред.*

Digitized by Google

литическія его стороны исчезаютъ въ блескѣ экономическихъ соображеній и хозяйственныхъ разсчетовъ. Такого рода направленіе рѣшать какія бы то ни было задачи — можетъ весьма уважаться одними и казаться не состоятельнымъ въ глазахъ другихъ; но оно согласно съ духомъ времени и въ немъ находитъ свое оправданіе или объясненье. Зато едва ли можно въ той же степени оправдать поползновенье многихъ изъ противниковъ общиннаго владѣнія заявлять себя сторонниками права собственности, въ законности котораго у насъ никто не сомнѣвается. Еще менѣе справедливо указывать на нѣкоторое уваженіе къ новымъ западнымъ ученіямъ, извѣстнымъ подъ именемъ соціализма, какъ на преступное и беззаконное. Не отступая ни на шагъ отъ хозяйственной задачи, споръ принимаетъ въ этомъ случаѣ характеръ уже ссоры, взывающей къ полиціи, а не къ общественному мнѣнію.

Соціализмъ — слово страшное для Запада. Онъ родился и взросъ въ той передовой сторонѣ Европы, гдѣ самое высокое и идеальное для жизни весьма легко становится практическимъ стремленіемъ народа и принимаетъ видъ пагубныхъ теорій. Его начала, подлежавшія научному анализу и очень долгой, философской обработкѣ, попали разомъ въ красные параграфы какихъ-то политическихъ проектовъ и стали во вражду со всѣми условіями жизни и мысли западныхъ народовъ. Его поклонники дошли до всѣхъ возможныхъ отрицаній дѣйствительнаго быта и предались фанатической надеждѣ пересоздать этотъ бытъ въ идеальный міръ совершенно особыхъ отношеній, исполнимыхъ и возможныхъ только въ глазахъ политическаго изувѣрства и глубоко потрясенныхъ умовъ. Франція, упитанная кровью іюньскихъ дней, смотритъ съ ужасомъ на новыя свои ученія и ждетъ отъ нихъ какого-то погрома. Ея тревоги, нѣтъ сомнѣнья, касались до Россіи мало и вовсе не касаются теперь. Но, по старой памяти былаго подражанія французскимъ нравамъ, мы стали заодно съ французскимъ буржуа, воспламенились ненавистью къ научнымъ даже выводамъ соціализма, и заодно съ испуганнымъ французскимъ правительствомъ, увидѣли въ соціализмѣ проповѣди грабежа и всеобщаго разбоя. Паническій страхъ къ нему Французовъ оправдывается ихъ исторіей; паническій страхъ Русскихъ не оправдывается ни чѣмъ, пото-

Digitized by Google

му что стремленіе походить во что̀ бы то ни стало на Француза, давно не служитъ оправданіемъ безсмысленныхъ поступковъ и давно сдѣлалось добычею комедіи. Дѣйствительно, намъ нельзя не сознаться, что смотрѣть на все сквозь очки Запада, даже и на себя самихъ, есть наша давняя, глубоко застарѣлая болѣзнь. Изъ спутанныхъ и затемнѣнныхъ междоусобною враждой вопросовъ Запада, мы доселѣ робѣемъ выдѣлять всеобщую ихъ человѣческую сторону, и съ большимъ задоромъ прилѣпляемся къ его очереднымъ заботамъ, лишая тѣмъ себя и самодѣятельности, и свободы. Намъ было бы весьма полезно воспользоваться вполнѣ готовыми уже результатами и европейской жизни, и европейской мысли; но, вѣря на слово Европѣ, мы ихъ не различаемъ въ мусорѣ мелкихъ дрязгъ революціонной Франціи и въ омутѣ всѣхъ полицейскихъ мѣръ ея правительствъ. Пущенное въ ходъ мнѣніе Европы становится для насъ закономъ, и будь казакъ не жителемъ Россіи, а какой-нибудь далекой страны, нѣкоторые изъ насъ вѣроятно такъ же бы чистосердечно возненавидѣли его за 1812-й годъ, какъ возненавидѣла его потерявшаяся la grande armée великаго Наполеона.

Соціализмъ — съ научной точки зрѣнія — всего менѣе похожъ на пропаганду грабежа и всеобщаго разбоя. Соціализмъ не болѣе, какъ дальнѣйшіе выводы политико-экономической науки о трудѣ, о собственности и о богатствѣ. — Если извлечь его изъ хаоса партейныхъ нареканій и политическихъ обвиненій, передъ нами явится простая, отвлеченная теорія науки, подлежащая, конечно, обсужденію и разбору, но не подлежащая ни въ какомъ случаѣ прямому осужденію или ненависти.

Идея Адама Смита, что трудъ есть основаніе богатства и единственный источникъ матерьяльнаго и нравственнаго благосостоянія народовъ, послужила главною основой политико-экономическихъ ученій, появившихся къ концу XVIII вѣка. Идея эта сознана уже всѣми и созидаетъ цѣлую область новыхъ знаній. Изъ нея-то были сдѣланы тѣ рѣзкіе для западныхъ государствъ выводы, которые, совершенно согласуясь съ основными положеніями того же Смита, не приняты однако же его строгими послѣдователями. — Но голосъ, раздавшійся однажды въ мірѣ, говоритъ Мишле, заглушенъ уже быть не можетъ.

Digitized by Google

Ежели благосостояніе общества зависитъ отъ труда, а благосостояніе отдѣльнаго человѣка, какъ животнаго общественнаго, зависитъ отъ общества, то и благосостояніе отдѣльнаго человѣка зависитъ также отъ труда. Слѣдовательно, существованіе своимъ трудомъ — непремѣнная обязанность отдѣльнаго члена общества, а жить трудомъ другаго—вопіющая несправедливость или логическое противорѣчіе. Отсюда вытекаетъ само собою, какъ разумная необходимость, отвлеченная идея такого человѣческаго быта, въ которомъ все живетъ однимъ трудомъ и не допускаетъ никакого другаго существованія. Но идеальный этотъ бытъ не согласуется во многомъ ни съ дѣйствительностью, ни съ понятіями, преобладающими въ современныхъ обществахъ. Существованіе исключительно трудомъ, разумѣя трудъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его находимъ, признается незавидной долей для человѣка. Очень часто намъ представляется печальнымъ положеніе того, кто обреченъ судьбою заработывать свой хлѣбъ своими собственными силами и ими обезпечивать себя и семью свою нравственно и матерьяльно. Стóитъ прослѣдить дѣятельность какого-нибудь поденьщика, безземельнаго батрака, работника-землевладѣльца или жизнь западнаго пролетарія, чтобы понять однажды навсегда всю тяготу трудовой жизни, всю мрачную ея необезпеченность и то отсутствіе въ ней всякаго досуга, который такъ рѣшительно необходимъ для нравственнаго существованія. Послѣ этого естественно спросить, да чтоже такое трудъ, который такъ высоко ставится Адамомъ Смитомъ, и что такое работа, которая должна быть единымъ основаніемъ человѣческаго быта?

«Отъ работы будешь горбатъ, но не будешь богатъ», говоритъ русская пословица. Вмѣсто «заработаю себѣ — загорюю себѣ», говоритъ нашъ Малороссъ. «Трудъ есть мученіе» говоритъ остроумнѣйшій изъ экономистовъ — Бастіа [1]); отсюда ясно, что жить трудомъ значитъ быть несчастливымъ, и трудъ, оставаясь основою общественнаго благосостоянія, есть вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ многихъ страданій для отдѣльныхъ членовъ общества. «Намъ остается выборъ только зла» [2]). Противъ

[1]) Harm. écon. p. 40, Paris, 1851.
[2]) Тамъ же.

Digitized by Google

массы такихъ печальныхъ понятій возстали тѣ писатели, которые впослѣдствіи назвались соціалистами *.

Фурье первый сталъ доказывать, что трудъ — неизбѣжная и единственная почва для развитія не только общества, какъ говорили экономисты, но и всякаго отдѣльнаго лица, какъ человѣка. Чувство жизни въ человѣкѣ есть ощущеніе потребностей и ихъ удовлетворенія. Потребности суть только выраженіе тѣхъ неизбѣжныхъ отношеній, въ которыхъ поставленъ онъ къ природѣ и къ существамъ себѣ подобнымъ; внѣ этихъ отношеній не мыслимы потребности по логикѣ природы. Сознаніе потребностей и ихъ удовлетвореніе составляетъ всю человѣческую дѣятельность во всемъ ея объемѣ, и къ ней относятся всѣ безъ изъятія способности, наклонности, стремленія, таланты, дарованія и даже страсти человѣка. Все, что̀ живетъ, то ищетъ счастья, а счастье есть удовлетвореніе потребностей. Всѣ дѣйствія, направленныя къ этой цѣли человѣкомъ, называемъ мы его дѣятельностью, а дѣятельность, удовлетворяющую дѣйствительно положительнымъ потребностямъ его, — производительнымъ трудомъ. Очевидно, что трудъ такого рода объемлетъ равномѣрно какъ нравственную, такъ и физическую нашу дѣятельность. Дѣятельность физическая есть именно работа въ тѣсномъ смыслѣ слова; но отдѣлять ее отъ труда нравственнаго и разграничивать ихъ бытіе, намъ такъ же невозможно, какъ раздѣлять матерію и духъ, душу и живое тѣло. Mens sana in corpore sano древнихъ (здравый духъ въ здоровомъ тѣлѣ) здѣсь получаетъ безусловное свое значеніе, и такая совокупная дѣятельность физическихъ и нравственныхъ силъ нашихъ есть сама жизнь, и стало-быть наслажденіе. Возможно ли представить, напримѣръ, существованіе желудка, требующаго такой пищи, какой нельзя найдти въ природѣ, въ которой онъ зародился и развился? Или возможенъ ли такой желудокъ въ нормальномъ состояніи, который, требуя и находя наконецъ пищу, не можетъ переработать ее въ плоть и кровь иначе, какъ съ величайшими мученіями? Точно такъ же нельзя представить такихъ дѣйстви-

* Dr. Hildebrand, Nat. Econ. der Gegenw. und der Zukunft, 1848. T. I, стр. 98—155. Etudes sur les réformateurs par M. Louis Raybaud, 6 éd. T. I. Paris.

Digitized by Google

тельныхъ потребностей въ натурѣ человѣка, для которыхъ нѣтъ удовлетворенія во всей вселенной, и, еще страннѣе, представлять ихъ въ такомъ смыслѣ, что путь для ихъ удовлетворенія есть въ существѣ своемъ страданіе. Тогда бы жизнь была дѣйствительнымъ мученіемъ, мученіемъ въ буквальномъ смыслѣ, ибо жить и дѣйствовать производительно — одно и то же. Стало-быть трудъ, какъ дѣятельность, самъ по себѣ и независимо отъ цѣлей, есть, по логикѣ природы, основа нашего существованія, — «страстное влеченіе» человѣка, отъ удовлетворенія которой зависитъ міръ его души и счастіе. Трудиться — для человѣка почти то же, что для жизни — жить. Но если трудъ является мучительнымъ, то мы должны искать тому причины не въ немъ самомъ, а въ внѣшней обстановкѣ, въ его насильственности, или въ положительномъ разрывѣ съ природными наклонностями человѣка. Трудъ, свободно избранный, трудъ по душѣ не можетъ быть мучителенъ. Точно также вліяніе работы можетъ быть гибельно на умъ и на духовное развитіе не само по себѣ, но по своему сплошному «однообразію». Если раздѣленіе труда дѣйствительно основывается на спеціальности, присущей каждому изъ насъ, то она имѣетъ же предѣлъ въ многосторонности природы нашей, въ которой много есть способностей, и каждая изъ нихъ стремится жить и развиваться. Нелѣпо требовать отъ человѣка умѣнья и знанія во всѣхъ возможныхъ родахъ дѣлъ; но ограничить всю жизнь его открываніемъ и закрываніемъ клапана хоть самой удивительной машины—едва ли не нелѣпѣе. Положимъ, что нельзя быть мастеромъ всего, но легко быть мастеромъ въ нѣсколькихъ занятіяхъ, была бы къ тому наклонность и желаніе и не имѣть бы дѣла съ идіотомъ. Однообразное умѣнье ткача приводитъ въ движеніе свой станокъ не исключаетъ разнообразнѣйшихъ умѣній работника-землевладѣльца, который можетъ выстроить себѣ жилище, разработать свое поле, сдѣлать домашнюю утварь, разводить домашнихъ животныхъ, въ то же время быть промышленникомъ или ремеслепникомъ, и даже, пожалуй, упражняться на ткатцомъ станкѣ, не хуже ткача-спеціалиста. Не забывая въ работникѣ человѣка, гораздо вѣрнѣе можно полагаться на его охоту и свободное влеченіе къ ряду дѣлъ, возбуждающихъ своимъ разнообразіемъ многостороннія и человѣческія силы его

Digitized by Google

духа, нежели на одну только животненную привычку и тупую силу навыка вѣчно упражнять какую-нибудь одну свою способность, за исключеніемъ всѣхъ прочихъ. Слѣдовательно, *разнообразіе* труда и *перемѣну* въ немъ мы должны сознать такими же разумными условіями, какъ и раздѣленіе его. Тяжелъ и убійственъ для здоровья опять-таки не трудъ самъ по себѣ, но неумѣренность его и непосильная напряженность. Трудъ, свободно избранный, перемѣнный въ извѣстной степени и приноровленный къ силамъ организма, можетъ быть не чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ только жизненности, слѣдовательно, самымъ чистымъ и реальнымъ наслажденьемъ.

Но чтобы осуществить такія условія труда, нужна извѣстная среда, потребна обстановка. Всякая обстановка создается и непосредственно—самою жизнью, и посредственно—сознаніемъ человѣка, его волею. Поэтому неминуемой задачей разума остается разъясненіе не только тѣхъ началъ, которыя осуществляются, но и тѣхъ, которыя должны осуществляться. Такими непремѣнными началами предполагалъ Фурье соединеніе въ организованныя общины трудящихся: *ассоціаціи*, совокупленіе въ нихъ возможно-разнообразныхъ по родамъ и видамъ производствъ (*группы* и *серіи* работъ) и наконецъ, возможность члену общины переходить отъ одного занятія къ другому (или работать *по группамъ* и *по серіямъ*). Только соединеніемъ разорванныхъ силъ въ одно правильное цѣлое, общеніемъ труда, дѣйствіемъ каждаго за всѣхъ и за себя и всѣхъ за каждаго, возможно уничтожить въ трудѣ его гнетущее вліяніе на жизнь обществъ и человѣка. Безъ этихъ внѣшнихъ для труда условій, онъ, по мнѣнію Фурье, никогда не достигнетъ своего внутренняго назначенія и останется бо́льшимъ или ме́ньшимъ мученіемъ для каждаго, кто трудится.

Таковы въ сущности были мысли, высказанныя Фурье о значеніи труда и его общественныхъ условіяхъ. Надо слишкомъ много воображенія, чтобы открыть въ нихъ разрушительные матерьялы, и слишкомъ много полицейской мнительности, чтобы заподозрить въ нихъ возмутительныя для общества идеи. Сперва ихъ встрѣтили пасмѣшками. Онѣ были высказаны въ такомъ безобразномъ хаосѣ уродливыхъ представленій, космологическихъ и физическихъ несодѣянностей, антинаучныхъ вы-

Digitized by Google

водовъ и мистическихъ аналогій, такого непроходимаго изложенія и исковерканнаго техническими выраженіями языка, что сущность ихъ затерялась въ глубокомъ мракѣ безумнаго проекта преобразить человѣка и человѣчество, въ десять лѣтъ покрыть весь міръ «фалангами» и ожидать какого-то небеснаго вѣнца, который обовьетъ землю и распространитъ по ней всемѣстную тропическую роскошь. Зато фантастическая сторона ученія выдалась во всемъ болѣзненномъ сіяніи. Она породила себѣ на Западѣ поклонниковъ и изувѣровъ, легла въ основу прочихъ системъ соціализма и даже коммунизма, крайнѣйшаго и безсмысленнѣйшаго проявленія практическихъ претензій перваго, и возбудила къ фурьеризму несправедливое презрѣніе людей науки и справедливое негодованіе людей практическихъ. Геній, но безъ всякаго научнаго образованія, съ преобладающимъ элементомъ самаго пылкаго воображенія, смѣлый до дикости въ понятіяхъ и нисходящій безпрестанно до безумныхъ представленій, Фурье мечтаетъ перегнать процессъ исторіи, остановить органическое развитіе общественной жизни, обойдти ея привычки и безсознательно создаетъ партіи, стремящіяся къ насильственному разрушенію цивилизаціи и возбуждающія противъ себя гоненіе и ненависть. Тѣмъ не менѣе его начала исполнены свѣжести и правды. Уразумѣвши ихъ въ главнѣйшихъ основаніяхъ, едваль возможно успокоиться на тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя построены всецѣло на опредѣленіи труда, какъ неизбѣжнаго мученія. Притомъ мы очень знаемъ, что освѣжающая и глубоко нравственная, даже поэтическая, сторона труда, никогда не умирала въ человѣчествѣ. Въ каждомъ, крѣпостномъ даже селеніи, мы найдемъ у насъ крестьянъ, носящихъ прозвище «завистныхъ» работниковъ, то-есть людей, работающихъ со страстью и увлеченіемъ, не смотря на всю неблагодарность невольнаго труда. Для больной души и для растленнаго бездѣйствіемъ и праздностью тѣла, конечно, всякаго рода дѣятельность можетъ показаться истиннымъ мученіемъ, и какой-нибудь изнѣженный богачъ XIX-го вѣка воленъ предпочесть вѣчное сидѣніе въ мягкой мебели и ѣзду въ убаюкивающихъ экипажахъ всякому тѣлесному движенію и необходимому упражненію физическихъ своихъ силъ: отъ этого законъ природы не потеряетъ своего смысла, и приложеніе благодатныхъ началъ труда и

Digitized by Google

работы къ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка не перестанетъ быть главнѣйшею задачей всякаго общества. По крайней мѣрѣ исторія человѣческаго труда доказываетъ намъ это положительно.

Древность, какъ извѣстно, никогда не трудилась въ экономическомъ смыслѣ слова. Трудъ являлся невыносимымъ для грубаго, первоначальнаго состоянія народовъ, и всякій, кто только могъ, сваливалъ свой трудъ съ себя и подчинялъ ему слабѣйшаго. Отсюда безправное состояніе дѣтей и женщинъ въ быту дикихъ племенъ и патріархальныхъ обществъ, отсюда касты, порабощеніе людей и присвоеніе нелѣпыхъ привилегій. Даже лучшіе представители древняго человѣка — Греки и Римляне — работами гнушались. Они преслѣдовали высокія общественныя цѣли, были въ упоеніи политической дѣятельности, но позорили всякую работу, если она не носила признаковъ государственныхъ или чисто умственныхъ занятій. Оттого существенная сторона ихъ дѣятельности сдѣлалась войною и грабежемъ, жизнью чужимъ трудомъ и заѣданіемъ чужаго хлѣба. Война обогащала народъ и въ особенности вождей его, но въ то же время разоряла дѣйствительныхъ работниковъ. Въ такомъ разладѣ съ естественнымъ назначеніемъ человѣка и общества — жить трудомъ, древніе люди старались обойдти роковой вопросъ о значеніи труда, но старались безуспѣшно. Они поработили живаго и разумнаго представителя труда — человѣка-работника, наровнѣ съ живымъ, но не разумнымъ его представителемъ — животнымъ, признали работящаго человѣка вещью и внесли въ свою жизнь юридическій догматъ servus est res — рабъ есть вещь. Но и догматъ этотъ имъ не помогъ. Работать для древняго человѣка хотя и значило рабствовать, но безъ работы было жить нельзя ни физіологически, ни политически. Вслѣдствіе этого рабъ неотступно преслѣдуетъ древняго человѣка и парализируетъ всѣ его силы. Представить себѣ древняго Грека или Римлянина безъ раба намъ такъ же невозможно, какъ представлять матерьяльные предметы внѣ пространства и времени. Безъ раба онъ не мыслимъ и совершенно безсиленъ заявить себя какимъ бы то ни было самостоятельнымъ и независимымъ дѣйствіемъ, ибо единственно только рабъ поддерживаетъ его матерьяльное существованіе и слѣдовательно обезпечиваетъ ему

Digitized by Google

нравственную дѣятельность. Рабъ пріобщенъ древнему человѣку какъ реальная, вещественная сторона его, какъ тѣло пріобщено душѣ, или слово мысли. Въ такомъ видѣ прошелъ въ исторіи древній человѣкъ съ полнымъ блескомъ ума и силы, но въ отвратительномъ сопутничествѣ рабства, голодной черни, всемѣстной нищеты и кровавыхъ преступленій. Въ концѣ своего историческаго поприща онъ встрѣтилъ Спасителя человѣческаго рода, отринувшаго рабство, и началъ медленно умирать, терзаемый всѣми окончательными выводами своего антиэкономическаго существованія: безконечными войнами, несоразмѣрными завоеваніями, голодомъ, развратомъ, пресыщеніемъ праздности, и наконецъ варварскими нашествіями дикихъ, но не истощенныхъ рабствомъ, племенъ. Явились новые люди, живущіе и мыслимые безъ рабовъ, и началась новая жизнь.

Средневѣковой человѣкъ, какъ христіанинъ, не могъ отвергнуть такъ римски-послѣдовательно завѣщанное ему отъ Бога назначеніе «въ потѣ лица своего ѣсть хлѣбъ свой». Но въ немъ жила еще долго неодолимая наклонность взваливать трудъ свой на другаго, и высшее сословіе феодальнаго міра представляется совокупностью людей, живущихъ праздностью и насиліемъ, хотя и съ смутнымъ сознаніемъ грѣховности такой жизни. Зато для низшихъ слоевъ общества пройденныя школы кастъ и рабства, въ которыхъ воспиталось человѣчество, не пропало даромъ. Они заимствовали оттуда раздѣленіе работъ, значительное усовершенствованіе производительныхъ орудій, привычку къ труду и сноровку къ матерьяльной дѣятельности. Съ такимъ запасомъ опытности, все работящее, благословивъ свой вольный трудъ, устремилось къ освобожденію его отъ всякаго рода насилій и угнетеній со стороны празднаго сословія, и къ концу среднихъ вѣковъ сумѣло явиться грознымъ и неодолимымъ противникомъ феодальныхъ господъ. Трудъ пріобрѣлъ рѣшительную гражданственность, и все болѣе и болѣе сталъ захватывать въ свою область людей, одаренныхъ смысломъ, силою и дарованіемъ. Великія промышленныя изобрѣтенія XVIII-го вѣка докончили процессъ его развитія: производительныя машины сложили съ человѣка на себя громадную массу тяжелыхъ, механическихъ работъ, замѣнивъ собою раба древняго міра, и къ началу французской революціи сословіе трудящихся людей уже

Digitized by Google

получило великое, преобладающее значенье. Къ тому же времени появилось сознательное, чисто-раціональное воззрѣніе на трудъ въ наукѣ, внесенное туда фалангой умныхъ политическихъ и теоретическихъ дѣятелей и завершенное наиподробнѣйшимъ анализомъ Адама Смита. Съ тѣхъ поръ съ изумительною быстротой развивается сознаніе непреложности и разумности трудовой жизни, и люди перестаютъ превозносить ту праздность и то бездѣліе, передъ которыми когда-то благоговѣли. Въ новое время самая грубая и безправная масса работниковъ составляетъ неспокойную и грозную силу на Западѣ. Въ виду ея, бездѣліе становится постыднымъ, и, гонимые духомъ вѣка, начинаютъ трудиться даже тѣ, которые имѣютъ всѣ средства не трудиться. Когда-то гнушаясь трудомъ, люди, съ бѣлыми руками и изнѣженнымъ тѣломъ, говорятъ теперь съ гордостью: я работаю, я тружусь. Европа, для внимательнаго наблюдателя, представляетъ собой картину, исключительно трудовой, суетящейся, озабоченной жизни, жизни, не имѣющей ни смысла, ни значенья внѣ труда, за предѣлами котораго одинъ развратъ, да спекуляціи. Все, что одарено головой и сердцемъ, теперь смѣется надъ мечтами лѣниваго и празднаго блаженства, и очевидно близится для Европы время настоящаго труда, положительной работы и дѣйствительной трудовой жизни. Передъ такими результатами, какъ бы ни желалось всѣмъ «добрымъ малымъ, въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалымъ», поэтически болѣть и вянуть въ аристократическомъ бездѣйствіи,—желанія безплодны. Тѣмъ не менѣе они еще существуютъ и давятъ какъ общество, такъ и тѣхъ, которые, упорно отказываясь отъ труда, продолжаютъ обезсиливать свой организмъ и служить яснымъ доказательствомъ, что всестороннее приложеніе труда къ жизни обществъ и еще болѣе къ жизни отдѣльныхъ лицъ далеко не окончено ни на практикѣ, ни въ идеяхъ.

Но если экономистамъ принадлежитъ честь сознанія экономическаго значенія труда для обществъ и необходимости для него свободы, то соціализму, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ сознаніе внутренняго значенія этого труда для человѣка, необходимости для трудовой дѣятельности организованной среды и раціональное сознаніе началъ такого быта, который весь основанъ на трудѣ и исключаетъ радикально всякое иное

Digitized by Google

основаніе. Отъ этихъ началъ, какъ бы ни были фантастичны, преждевременны и глупы подробности ихъ абсолютнаго осуществленія, человѣчество не отступалось во всей своей исторіи и не можетъ отступиться впредь, если ему суждено жить и развиваться. Оно неукоснительно стремится свой трудъ, какъ главную основу благосостоянія людей, вызвать къ жизни во всей возможной полнотѣ и дать ему весь мыслимый просторъ, созданіемъ для него разумной организованной среды и возбудить всю творческую его силу. Къ сознанію этого стремленія приходятъ всѣ науки и со всѣхъ сторонъ. Отдавая все на произволъ случайныхъ обстоятельствъ, людскихъ инстинктовъ и вольной воли, экономисты съ своимъ воззваніемъ: laisser faire, laisser aller вдаются въ такую же точно крайность, какъ и соціалисты, предоставляющіе все построеніе жизни одному только сознанію, какъ будто человѣкъ — ходячій разумъ, а не живое существо страстей, преданій и вѣковыхъ привычекъ. Laisser faire, laisser aller имѣетъ, безспорно, ту разумную основу, что создать насиліемъ всю обстановку для труда и осуществить путемъ переворота категорическія его условія нельзя, ибо личному разуму принадлежитъ только ихъ сознаніе, а осуществленіе, по тому непреложному закону, что новое является лишь въ силу подготовки, принадлежитъ, кромѣ личнаго разума, времени и исторіи, долгому воспитанію и практическимъ привычкамъ. Но когда экономическій принципъ «вольной воли» доходитъ до логическаго отрицанія этой обстановки и этихъ условій, то его противорѣчіе бросается въ глаза и почти не стоитъ возраженій. Страшася произвола и насилій и, поклоняясь безусловно всякому случайному ходу явленій, какъ самому будто бы естественному, экономисты отвергаютъ въ то же время силу вещей и законы причинности. Безъ извѣстной организаціи, безъ разумной внѣшней обстановки, безъ правильнаго отношенія къ опредѣляющимъ явленіямъ, не возможна никакая жизнь, и такая безусловная свобода, которая бы стояла внѣ всего этого,— мечта, гораздо болѣе фантастическая, нежели даже фурьеровская фаланстерія. Человѣкъ, пущенный безъ всякихъ средствъ, какъ вольный вѣтеръ, на всѣ четыре стороны, въ общественную европейскую среду, съ правомъ: «иди, куда хочешь, и живи, какъ знаешь», мы видимъ, недалеко обгоняетъ въ своемъ развитіи Но-

Digitized by Google

возеландца или того разряда англійскихъ работниковъ, которые не слыхали объ имени Христа. Съ этимъ инстинктивно соглашаются всѣ даровитые экономисты, и тотъ же Бастіа, трактуя о заработной платѣ, говоритъ объ ассосіаціяхъ, какъ о единственномъ исходѣ для работниковъ изъ ихъ плачевнаго состоянія *. Слѣдовательно, соціализмъ составляетъ только часть науки о богатствѣ и неразрывно связанъ съ нею своими основаніями и творческимъ началомъ идеи Адама Смита о человѣческомъ трудѣ. Но въ силу обстоятельствъ, совершенно мѣстныхъ и революціонныхъ, западные экономисты отрицаютъ большею частью соціальныя ученія. Французскій народъ, въ своемъ стремленіи мгновенно осуществлять желаемое и уважать только *дѣлаемое*, но не *мыслимое*, сообщилъ имъ революціонный разрушительный характеръ. Соціалисты сами явились главными виновниками такого направленія, ибо въ своихъ воззрѣніяхъ не ограничились однимъ только сознаніемъ раціональныхъ началъ трудоваго быта: они пришли къ фантастическому представленію его во всѣхъ подробностяхъ и устремились къ насильственному его осуществленію. Отсюда противоположное значеніе соціализма, съ одной стороны теоретическое—для науки, съ другой—практическое—для жизни западныхъ народовъ и въ особенности Франціи. Исказивъ, однако, его значеніе и сдѣлавъ изъ него лозунгъ революціонныхъ своихъ плановъ, Французы ни въ какомъ отношеніи не могли измѣнить теоретическаго его смысла, и онъ остался безобиднымъ для всѣхъ народовъ вообще и для русскаго особенно.

По разуму всего нашего быта, революціонный характеръ соціализма не имѣетъ для насъ смысла. Мы имѣемъ своеобразное и самостоятельное развитіе, у насъ есть наше собственное, неотъемлемое прошедшее и своя оригинальная, особливая исторія. Всѣ страшные перевороты западной Европы, весь нескончаемый рядъ ея революцій и реставрацій шли мимо насъ боковыми тучами съ ихъ отдаленнымъ гуломъ грозъ и наводненій. Мы оставались чуждыми житейскимъ, страстнымъ вопросамъ европейскихъ революцій, когда они разыгрывались, и брали только, на выборъ, готовые ихъ результаты, когда они разрѣ-

* Harm. Soc. p. 388 — 390. Paris, 1857.

Digitized by Google

шались окончательно. Если съ своими самобытными, чисто нашими вопросами, мы никогда не могли и не можемъ принимать дѣйствительнаго участія во всеобщихъ западныхъ движеніяхъ, то тѣмъ менѣе мы можемъ брать живое участіе въ партейныхъ догматахъ ихъ эксцентричныхъ партій. Потому-то и безсмысленно представлять себѣ въ русскомъ обществѣ какого-нибудь соціалиста въ западномъ смыслѣ слова, и одинъ только идіотизмъ или разстройство умственныхъ способностей можетъ осуществить такое представленіе. Русскій фурьеристъ, русскій овенистъ или русскій икаріецъ, суть воображаемые паціенты дома умалишенныхъ, а не дѣйствительные люди, о которыхъ можно было бы серьёзно разсуждать въ нелѣпомъ чаяніи ихъ появленія. За это намъ ручается и здравый смыслъ, и положительность русскаго народа, давно ужь сознанные отличительными его чертами. Дѣйствительно, во всей его исторіи мы нигдѣ не видимъ ни мечтательныхъ порывовъ, ни французскихъ увлеченій. Русскій человѣкъ даже и въ сраженіяхъ, гдѣ онъ такъ неодолимъ, беретъ спокойствіемъ и стойкостью, а не французскою силой натиска и не порывомъ безумной ярости. Даже отвлеченнѣйшія ученія нашихъ малочисленныхъ сектаторовъ, какъ напримѣръ скопцевъ и духоборцевъ, черезвычайно плотно прилаживаются къ ихъ вещественному быту и уживаются съ ихъ обогащеніемъ, съ житейскими дѣлами и всѣми доступными имъ удовольствіями рѣшительно не идеальной жизни. Надобно быть ослѣпленнымъ западникомъ, чтобы представлять себѣ возможность какого-нибудь французскаго проекта объ общественномъ устройствѣ съ положительнымъ воздѣйствіемъ на бытъ русскаго человѣка. Масса нашего народа — масса громадная, свѣжая и не голодная; поэтому она силы необъятной. Двигать ее французскимъ способомъ поэтическихъ воззваній и неопредѣленнѣйшихъ идей по крайней мѣрѣ такъ же нелѣпо и невозможно, какъ вѣровать въ дѣйствительность богатырскихъ подвиговъ нашихъ сказочныхъ героевъ. Наконецъ, помимо исторіи и національныхъ нашихъ свойствъ, для насъ всего важнѣе, что тѣ начала соціализма, которыя грозятъ гибелью и разрушеніемъ Европѣ, давнымъ-давно присущи нашему народу. Ихъ даже крайнія послѣдствія, отрицаніе той жизненной основы Запада, которая извѣстна подъ словомъ «права личной собственности»,

Digitized by Google

у насъ немощны и безсильны противъ нашей собственности, живущей иными силами и проникнутой иною душей.

Собственность есть результатъ труда, и только какъ послѣдствіе труда имѣетъ свой логическій и непреложный смыслъ. Она является совсѣмъ не потому, что есть вознагражденіе за претерпѣнное мученіе труда, какъ увѣряетъ Бастіа, но просто потому, что трудъ имѣетъ цѣлью удовлетвореніе потребностей и внѣ ея безсмысленъ. Произведенное имъ на потребу и есть то неотъемлемое «мое», то сдѣланное для «себя», что̀ составляетъ мою собственность. Но собственность въ дѣйствительности не всегда является съ логическимъ, естественнымъ зачатіемъ. Пріобрѣтенная насиліемъ, завоеваніемъ, захватомъ, завладѣніемъ — она не есть ужь результатъ экономическаго труда, а слѣдовательно не есть и собственность въ строжайшемъ смыслѣ права. На Западѣ, въ противоположность съ нами, земельная собственность образовалась именно, по преимуществу, путемъ захвата и завоеванья, а потому гораздо болѣе имѣетъ смыслъ экономическаго *учрежденія*, нежели строгаго, естественнаго *права*. Въ этомъ и заключается вся сущность западнаго вопроса о правѣ собственности, вся раздражительная и революціонная сторона его. Дѣло уже тутъ не въ собственности, а въ исторіи ея на Западѣ. Завоеватели нашли здѣсь обработанныя поля, повсемѣстные результаты труда, и захватывали ихъ силой, въ тѣхъ размѣрахъ, какіе каждому пришлись по случаю или по нраву. Оттуда неимовѣрное неравенство состояній, крайне несоразмѣрное распредѣленіе богатствъ, бездомность и всѣ язвы, которыми страдаетъ жизнь Европы. Трудъ заключаетъ въ себѣ уравнительное начало въ высочайшей степени. Въ одномъ человѣкѣ онъ сильнѣе, въ другомъ слабѣе, въ одномъ шире, въ другомъ уже, въ одномъ искуснѣе, въ другомъ проще, — но, не ведя къ обсолютному равенству, онъ тѣмъ не менѣе ведетъ къ большему или меньшему уравненію результатовъ человѣческой работы по закону ея спеціальности, ея особенностей. У каждаго свое умѣнье, своя способность, свое преимущество въ трудовой силѣ, особливо, если она направлена согласно внутреннему своему содержанію, а не произволомъ другихъ или не насиліемъ обстоятельствъ. Въ завоеваніи, въ насиліи преобладаетъ элементъ вполнѣ противо-

Digitized by Google

положный. На сколько трудъ уравниваетъ состоянія, на столько насиліе ихъ разнитъ и производитъ крайнія различія. Насиліе старается взять все, и завоеваннымъ не дать не только ничего, но изъ нихъ самихъ, если можно, сдѣлать ничто. Тѣмъ не менѣе собственность, даже завоеванная и отнятая, не какъ естественное право, но какъ учрежденіе, имѣетъ свое разумное значеніе и историческое оправданіе. Она-то преимущественно создала досугъ для человѣка, давая тѣмъ возможность развиться ему шире и выработать ту полноправную человѣческую личность, которая явилась великолѣпнымъ рычагомъ исторіи и усильной дѣятельности на Западѣ. Европа воспользовалась всѣми возможными благами собственности, какъ положительнаго учрежденія, и насладилась всѣми богатствами ея послѣдствій; зато она испытываетъ также всѣ отрицательныя стороны этихъ послѣдствій и все зло, неразрывно съ ними связанное. Обойденные собственностью и обдѣленные богатствомъ, когда-то сами быть-можетъ собственники, ограбленные завоевателями, теперь работники и слуги завоевавшихъ ихъ же собственность, составили въ Европѣ тотъ страшный элементъ, то разрушительное начало, тотъ революціонный демократизмъ, котораго такъ трепещутъ западныя государства и такъ глубоко ненавидятъ съ кровавыхъ дней французскаго террора. Мы въ исключительно счастливомъ положеніи. У насъ нѣтъ такой исторіи, у насъ не имѣетъ никакого смысла разрушительный элементъ Запада, и съ тѣмъ вмѣстѣ не только не существуетъ, но и не можетъ существовать вопроса о правѣ собственности. Сознаиное наукой начало, что собственность должна являться результатомъ лишь труда, разрушительное для общественныхъ условій Запада, для насъ сознаніе только факта, освященіе нашего инстинкта и оправданье быта нашего народа. Собственность его есть дѣйствительно лишь результатъ его посильнаго труда. Самый захватъ и завладѣніе — первоначальныя и неизбѣжныя формы поземельной собственности, уступаютъ у него мѣсто передѣлу, какъ скоро не хватаетъ земли на каждаго, и такимъ образомъ не переходятъ въ собственность, какъ учрежденіе, хотя бы и очень благодѣтельное. Собственность, имѣющая у насъ источникомъ не трудъ, а иное основаніе, есть только небольшое исключеніе изъ громадной

Digitized by Google

массы трудовой народной собственности, и заключаетъ въ себѣ всѣ благія стороны необходимаго учрежденія, не имѣя никакихъ тяжелыхъ, западныхъ послѣдствій. У насъ она, пока, единственно возможная среда для возникновенія и развитія раціональнаго хозяйства и необходимѣйшій источникъ государственныхъ доходовъ. Безпредѣльныя пространства нашей родины, ея неисчерпаемыя земельныя богатства и скудость населенія сообщаютъ учрежденной у насъ собственности еще бо́льшую законность и ставятъ внѣ всякой мыслимой опасности ея существованіе, столь благое для народа. Наилучшіе результаты поземельной частной собственности не невозможны и для общинной; въ идеѣ они даже ближе къ ней и ей сподручнѣй: наше общинное землевладѣніе, напримѣръ, представляетъ само собою желаемое въ возможности соединеніе земельныхъ маленькихъ участковъ въ одно обширное хозяйство, совмѣщаетъ идеальныя стороны мелкой и крупной поземельной собственности и служитъ наиудобнѣйшею сферой для будущаго развитія и организаціи правильной земельной обработки путемъ ассоціаціи. Но эти результаты существеннѣе ей лишь подъ условіемъ дальнѣйшаго прогресса, зависящаго отъ времени, отъ воспитанія, отъ органическаго поступанія впередъ, отъ чисто историческихъ условій, но ни въ какомъ смыслѣ не отъ насильственнаго переворота, или внезапной перемѣны, которые безсмысленны и положительно ничтожны въ средѣ экономической, домашней и лично человѣческой. Насильно измѣнить всѣ ежечасныя отношенія человѣка, всю массу микроскопическихъ его понятій, привычекъ, вѣрованій, предразсудковъ, весь частный міръ его заботъ, упованій, наклонностей и всякихъ стремленій — это какая-то нелѣпая и вздорная надежда, больное и раздраженное стремленіе людей, безъ вѣры въ силу жизни и въ природу. При этихъ-то логическихъ условіяхъ и при общинномъ нашемъ бытѣ, *соціализмъ для насъ консервативное начало*, могущее лишь упрочить и осмыслить наше гражданское существованіе, а никакъ не заносить въ него убійственной тоски и мрачныхъ ожиданій. Его раціональныя основы согласуются совершенно съ понятіями и коренными убѣжденіями русскаго народа.

Въ чемъ наша община, общинное землевладѣніе, общинное

Digitized by Google

устройство? — въ радикальномъ *убѣжденіи, что для каждаго необходима земля*. Такое убѣжденіе лежитъ недосягаемо глубоко въ природѣ нашего народа. Исконное оно, или продуктъ новѣйшій, удачно или неудачно примѣнено и выражено въ нашей сельской общинѣ народомъ — намъ все равно: оно все-таки одинъ изъ неприкосновенныхъ догматовъ народнаго воззрѣнія. Напрасно указываютъ на недовольства крестьянъ нашихъ передѣломъ и общиннымъ пользованіемъ землею. Въ трудную минуту жизни человѣкъ мало ли чѣмъ бываетъ недоволенъ. Крестьянинъ, обремененный многочисленнымъ семействомъ, можетъ плакаться на свою судьбу и выражать даже ужасное желаніе, чтобы Господь прибралъ его младенцевъ. Но никто не станетъ выводить изъ этихъ жалобъ, что семейное начало невыносимо для русскаго крестьянина. Для него возможно точно такъ же проклинать и передѣлъ земли, и свое общинное владѣніе. Да и почему богатому крестьянину не поскорбѣть, что нѣтъ ему возможности воспользоваться убогими участками своихъ собратій, завербовать ихъ въ батраки и сдѣлаться помѣщикомъ, почти не сходя съ мѣста? Но тѣмъ не менѣе, инстинктъ того начала, которое лежитъ въ основѣ передѣла и способа владѣнія землею, остается нерушимымъ и уважаемымъ глубоко. Мать-сыра-земля, въ глазахъ нашего крестьянина, не перестаетъ быть матерью для всѣхъ его согражданъ, для всѣхъ безъ исключенія, и не даромъ, говоритъ онъ: земля *наша* кормилица, земля *наша* поилица. Но если стойкость этого инстинкта безспорна, то и разумность его по отношенію къ праву собственности, какъ естественному праву, а не полезной только монополіи, и по отношенію къ народной нашей жизни — едва ли можетъ быть не признана.

Земля — особый предметъ права. Къ ней никакъ не прилагается во всей строгости экономическое ученіе о правѣ собственности, какъ о естественномъ послѣдствіи труда. По этой-то причинѣ стараніе экономистовъ примѣнить къ землѣ свою научную теорію осталось безуспѣшно. Они сумѣли только доказать, что право обсолютной, личной собственности на землю есть хотя и монополія, но необходимая для благосостоянія народовъ. Кери и Бастіа, желая провести на основаніи науки свое воззрѣніе, что цѣнность какой бы то ни было земли зависитъ

Digitized by Google

только отъ труда, и потому источникомъ собственности поземельной является лишь трудъ, забыли, къ сожалѣнію, исторію земель западной Европы, гдѣ завоеваніе и захватъ служили преобладающимъ основаніемъ праву собственности на земли, и разумѣется само собою, ни коимъ образомъ не въ силахъ были доказать, чтобы не насажденные людьми лѣса, естественная доброкачественность почвы, родники въ мѣстахъ безводныхъ, заливные луга и тому подобные предметы присвоенія, получали свою цѣнность отъ «экономическихъ усилій» человѣка. Разъяснивъ затѣмъ научнымъ образомъ, что земля во многихъ случаяхъ, но въ извѣстныхъ лишь предѣлахъ, представляетъ собой цѣнность человѣческаго труда, они не опредѣлили ни этихъ случаевъ, ни предѣловъ. Такимъ путемъ обойденъ былъ существенный вопросъ—въ какомъ размѣрѣ земля можетъ становится экономически исключительною собственностью отдѣльнаго лица, если трудъ признать ея источникомъ,—обойденъ въ такой степени, что, для многочисленныхъ ихъ послѣдователей, его совсѣмъ не существуетъ. А въ томъ и заключается едва ли не вся сущность европейскаго вопроса о землѣ. Если трудъ отдѣльнаго лица состоитъ въ безпредѣльной, но положительно опредѣленной силѣ, весьма немного отклоняющейся отъ извѣстной средней нормы количества и качества труда, то, по чисто экономическимъ понятіямъ того же Бастіа, присвоить себѣ землю каждому возможно лишь въ той равной степени, въ какой она потребна для индивидуальнаго, для личнаго, для отдѣльнаго труда каждаго человѣка. За тѣмъ, все остальное, внѣ такихъ предѣловъ присвоенное имъ количество земли будетъ послѣдствіемъ ужь не производительнаго труда, но прочихъ способовъ пріобрѣтенія. Противъ неумѣреннаго и крайняго развитія именно этихъ послѣднихъ способовъ оградилъ себя русскій человѣкъ убѣжденіемъ, что земля есть неминуемая, роковая среда для дѣятельности каждаго, что она нужна для всѣхъ безъ исключенія. Впрочемъ, такого рода убѣжденіе не исключаетъ всесовершенно воззрѣніе другихъ народовъ на собственность земли.

Ни на одномъ предметѣ собственности у всѣхъ народовъ земнаго шара не лежитъ такихъ громадныхъ юридическихъ ограниченій и исключеній, какъ на землѣ. Римскій афоризмъ: cujus est

Digitized by Google

solum ejus est usque ad coelum—чья земля, того она до неба—не мыслимъ въ дѣйствительности. Онъ безпрестанно парализируется началами другаго рода, въ силу коихъ власть общественная противопоставляется личной власти собственника. Всякій властенъ проѣзжать чужую собственность, приходить ея полями, стоять на чужой землѣ, согрѣваться разведеннымъ на ней огнемъ, дышать запахомъ ея растеній, питаться ея дикими плодами и пить изъ разныхъ ея источниковъ. Во имя абсолютнаго права своей собственности, собственникъ не можетъ въ ней замкнутся, безсиленъ исключить ее всецѣло изъ всеобщаго употребленія. Ничего подобнаго мы не знаемъ относительно капиталовъ и всѣхъ возможныхъ остальныхъ предметовъ истребленія. Всѣ почти цивилизованные народы переживали въ исторіи своей моментъ, когда земля находилась не въ личной, а въ общей собственности, но мы не знаемъ такого момента, гдѣ были бы предметомъ общей собственности человѣческія жилища, обувь, одѣяніе, и т. п., если только подъ обществомъ мы не будемъ разумѣть случайнаго соединенія отдѣльныхъ лицъ въ какое-нибудь цѣлое. Стало-быть въ землѣ дѣйствительно есть нѣчто, чего нѣтъ въ другихъ экономическихъ предметахъ, и первоначальныя понятія человѣка о «твоемъ» и о «моемъ», по логикѣ, иначе прилагаются къ землѣ, чѣмъ къ остальнымъ предметамъ присвоенія. Долго остается она въ общей, а не въ исключительно личной собственности людей, и долго не прилаживаютъ они къ ней основныхъ идей своихъ: «твое», «мое».—Слѣдовательно, безпристрастно глядя,—русскій человѣкъ имѣетъ полное право призадуматься надъ этимъ историческимъ моментомъ (если общинный его бытъ признать исконнымъ), и возвышаясь постепенно отъ жизни патріархальной и исключительно гражданской до быта государственнаго, сохранить свято и нерушимо первобытный элементъ общиннаго владѣнія землею, какъ основный догматъ своей народности. Общинное владѣніе другихъ народовъ совпадало большей частью съ ихъ гражданскимъ или даже патріархальнымъ существованіемъ; у насъ одно изъ двухъ: или оно перешло патріархальность и гражданство,—уцѣлѣвъ всецѣло, и тогда какъ Богъ знаетъ отъ чего не отказался русскій человѣкъ во имя централизаціи и государственныхъ началъ, онъ отъ общиннаго землевладѣнія ни-

Digitized by Google

когда не отрекался; или, что̀ еще важнѣе,—*создалъ* его *потомъ*, *пришелъ* къ нему путемъ исторіи, принялъ его во имя общественной нужды и государственной идеи! Фактъ глубоко поучительный! Признавъ его, едва ли кто откажетъ русскому народу въ логичной силѣ разумѣнія.

Еще менѣе мы можемъ отказать ему въ практическомъ, глубокомъ и гуманномъ пониманіи экономической своей среды. Окруженный необозримыми пространствами, непроходимыми лѣсами и болотами, осьми-мѣсячными зимами, скоротечностью рабочихъ временъ года, осенними дождями и трескучими морозами, — онъ истинктивно разрѣшилъ неперевариимый вопросъ Запада «о правѣ человѣка на работу», и далъ возможность *каждому всегда* работать, пользуясь землею. Русскій человѣкъ, живущій на воздухѣ, который способенъ сжиматься на 20, 30 и болѣе градусовъ холода, — быть можетъ мыслимъ безъ земли съ точки зрѣнія кабинетнаго философа и свѣтскаго писателя, но никакъ не мыслимъ съ положительной точки зрѣнія русскаго, глубоко-практическаго человѣка. Безземельности и бездомности онъ не могъ допустить ни по климату, ни по географическому положенію, ни по свойству своей родимой, безпредѣльной почвы. Эта почва громко вопіетъ о земледѣліи, о сельскомъ бытѣ, о крестьянствѣ, и не внемля скорбнымъ сѣтованіямъ любителей всѣхъ фабрикъ и фабричныхъ, упорно и могуче отрицаетъ ненавистное ей батрачество. Пусть вверхъ ногами текутъ у насъ рѣки, пусть нѣтъ для насъ возможности уподобиться въ промышленности и торговлѣ великимъ Англичанамъ, — мы обречены судьбою жить на поляхъ, а не на фабрикахъ, и будемъ жить какъ Богъ велѣлъ, не завидуя ни фабричному воздуху дымнаго Альбіона, ни участи его работниковъ, свободно мрущихъ съ голоду среди богатаго народа. А европейскій пролетарій — все еще богачъ въ сравненіи съ нашимъ русскимъ бездомовникомъ. Первый можетъ проживать свои шомажи подъ открытомъ небомъ благодатныхъ своихъ родинъ, послѣдній — еслибы дана была ему европейская возможность появиться — можетъ прожить такъ много три, четыре мѣсяца. Открытое небо остальныхъ мѣсяцевъ составляетъ собственность ужь бѣлаго медвѣдя, но никакъ не человѣка. Конечно, мы не въ такой степени національны, какъ можетъ

Digitized by Google

думаютъ славянофилы, но и не такъ обще-народны, чтобы не приноравливать своего быта къ законамъ и явленіямъ насъ окружающей природы. Потому-то превращать въ переходную ступень или въ историческій моментъ догматъ нашего народа о безусловной возможности для каждаго владѣть землею и имѣть свой теплый уголъ, куда бы можно было укрыться отъ житейскихъ непогодъ исключительно рабочей жизни, и расположать, во имя западныхъ началъ богатства, безпріютныхъ скитальцевъ по снѣговымъ степямъ великой русской земли есть трудъ, безъ всякаго сомнѣнія, безплодный, но тѣмъ не меньше— очень не гуманный. Едва ли и самые пламенные враги общиннаго владѣнія землею порадуются тому, если исчезновеніе его снесетъ съ лица земли полнаселенія крестьянъ-землевладѣльцевъ и превратитъ ихъ въ безземельныхъ батраковъ, въ поденщиковъ, или въ ту особую породу нищихъ, которую на Западѣ зовутъ сословіемъ пролетаріевъ.

Весь общественный бытъ западной Европы зиждется исключительно на правѣ личной поземельной собственности. Всѣ отношенія сложились тамъ по этому началу и развились до всѣхъ возможныхъ, крайнихъ результатовъ. Мы живемъ въ то поучительное время, когда дробленая мелкая собственность земли крестьянской на Западѣ вянетъ, изнуряемая долгами и безсиліемъ землевладѣльца обработывать ее какъ слѣдуетъ, и вопіетъ объ ассосіаціи, когда сосредоточеніе землевладѣнія и капиталовъ въ рукахъ немногихъ богачей парализируетъ всю трудовую жизнь, возвышая цѣнность жизненныхъ продуктовъ и низводя на милостыню плату за работу, когда спекуляціи и биржевыя игры развращаютъ экономическую нравственность народовъ и гибельно для производства перемѣщаютъ капиталы, когда громадныя богатства западныхъ государствъ оказались не благосостояніемъ народовъ, но достояніемъ немногихъ, когда бездомные и безземельные ихъ илоты, въ голодной зависти и почти въ скотскомъ состояніи, грозятъ гибелью и разрушеніемъ всѣмъ человѣческимъ условіямъ жизни, когда моментъ исключительной и разобщенной собственности оказывается несостоятельнымъ со всѣхъ сторонъ, когда передовые всего народа мучительно стремятся перейдти къ иному быту, когда дѣйствительно образованное меньшинство сознаетъ необходимость, чтобы жить

Digitized by Google

разумно и счастливо, сравнять съ собою людъ, погрязшій въ нищенство, въ грязь и въ предразсудки, когда вся дѣятельная жизнь Европы переходитъ въ ассосіацію товариществъ, промышленныхъ компаній и къ организованному соединенію разорванныхъ, раздробленныхъ и враждующихъ между собою силъ, и когда всѣ взоры обратились, наконецъ, на насъ какъ на народъ великаго будущаго и своеобразнаго прошедшаго. Въ такое знаменательное время вступать въ пробитыя Европою колеи мѣщанской жизни, изъ которыхъ и сама она, достигнувъ ими не того чего желала и чего такъ страстно и упорно добивалась, усиливается выбраться на свѣжую дорогу,—было бы самоубійствомъ и безсиліемъ, идіотическимъ повтореніемъ изученныхъ задовъ, восточной астрологіей въ замѣну астрономіи, алхимическими бреднями въ замѣнъ минералогіи и химіи, гаданіемъ въ замѣну логики. Надобно имѣть, дѣйствительно, всѣ свойства обезьянъ, чтобы рѣшаться слѣдовать поступкамъ, потерявшимъ всякій смыслъ, и перебивать дорогу русскому человѣку за то, что онъ по ней идетъ мимо Запада. Мы вѣримъ на слово какъ исключительная собственность роскошно развиваетъ энергическую дѣятельность и святое право личности. Мы упрямо не желаемъ видѣть какъ она же, одиночно поставленная, развиваетъ тотъ жалкій, срамный эгоизмъ, то искаженіе инстинктовъ и свѣтлаго пониманія дѣлъ истинно-общественныхъ и тотъ типическій характеръ мѣщанскаго воззрѣнія на міръ, которые свирѣпо убиваютъ истинный смыслъ жизни, въ наиобразованнѣйшихъ, напримѣръ, народахъ утверждаютъ рабство и торгъ невольниками на философскихъ основаніяхъ, или изъ-за хлопчато-бумажныхъ интересовъ допускаютъ звѣриную охоту за людьми. Никто въ то же время не докажетъ, что развитіе личности и дѣятельной жизни зависятъ только отъ исключительно-личной собственности, а не просто отъ просвѣщенія, отъ сознанія собственныхъ своихъ правъ и человѣческаго достоинства, отъ исканія разумныхъ наслажденій, отъ обезпеченія труда и отъ развитія потребностей. Частные собственники у насъ въ Россіи не много обогнали хозяйство нашихъ общинъ и во многомъ не догнали того же самаго общиннаго хозяйства нѣмецкихъ нашихъ колонистовъ. И мало ль, наконецъ, у насъ земель, которыя воз-

Digitized by Google

можно присвоять въ отдѣльную и независимую собственность лица, не разоряя послѣдняго прибѣжища русскаго работника, не трогая его избы и тягловыхъ надѣловъ.

Но убѣжденье нашего народа, что каждому нужна земля, имѣетъ свою форму и выражается въ устройствѣ сельской общины, во всемъ ея составѣ. Очень можетъ быть, что эта община пережила себя, какъ форму, и ближе къ разрушенію, чѣмъ думаютъ ея безусловные защитники. Очень можетъ быть, что необходимо произвести въ ней перемѣны и, путемъ дѣйствительнаго, серьёзнаго изученія, ввести раціональный передѣлъ земли въ замѣнъ произвольныхъ распорядковъ сходки, что стало тѣсно жить въ ней человѣку и надобно освободить его, сведя подушные оклады съ отдѣльныхъ лицъ на земельные участки, что надо дать ему возможность и жить на сторонѣ и пріобрѣтать тамъ неограниченную собственность въ свое распоряженье. Очень можетъ быть, что міру не слѣдуетъ существовать ни «сильнымъ, какъ волна, ни глупымъ, какъ свинья», говоря словами крестьянской поговорки. Очень можетъ быть, что настоятельна потребность въ разумной иниціативѣ со стороны науки и правительства къ распространенію въ народѣ здравыхъ соціальныхъ началъ, къ организаціи сельской общины и къ возбужденію въ ней общихъ предпріятій, или можетъ-быть, въ угоду экономистамъ, дѣйствительно полезнѣй предоставить силѣ обстоятельствъ и произволу самого крестьянства устроивать ея порядки. Несомнѣнно только то, что можно отыскать тысячу неудобствъ общиннаго землевладѣнія и указать тысячи способовъ ихъ устраненія. Нѣтъ ни малѣйшей надобности старообрядчески держаться за существующую нынѣ форму, если есть въ виду возможность лучшаго, и нѣтъ причинъ носиться съ нею, какъ съ роковымъ вопросомъ о судьбѣ отечества. Но надобно понять одно: принципъ ея «надѣлъ землею каждаго» не можетъ и не долженъ ни умереть, ни измѣниться. Въ немъ цѣлая система скрытыхъ, но великихъ истинъ. Въ немъ трудъ, работа, являются какъ *право* человѣка, въ немъ предчувствіе необходимости благообразно устроенной среды для личной дѣятельности, въ немъ есть зачатки ужь такаго быта, который весь основанъ на трудѣ, а не на искусныхъ спекуляціяхъ, въ немъ инстинктивное пониманіе, что цѣль на-

Digitized by Google

рода есть *благосостояніе*, а не одно *богатство*. Въ немъ великое будущее и дорогое намъ прошедшее: онъ продуктъ всей нашей жизни, онъ практическій результатъ ея и въ то же время умозрительный выводъ западной науки—«жить каждому своимъ трудомъ, а не трудами другаго». Жизнь (не капиталомъ, но) исключительно трудомъ, безъ всякаго сомнѣнія, вполнѣ удовлетворительна и радостна только въ правильной ассоціаціи труда. Безъ нея человѣкъ, обдѣленный достояніемъ и обреченный на вѣчный трудъ, видимо теряется въ работахъ о насущномъ кускѣ хлѣба, если только не возвышается онъ самымъ униженіемъ, стеченіемъ исключительныхъ обстоятельствъ, случайностью, или если не одаренъ особыми силами духа. При всемъ отрицательномъ своемъ характерѣ, наша сельская община, съ своими неопредѣленными началами общиннаго владѣнія землею, передѣломъ и міромъ, съ ощутительнымъ недостаткомъ въ себѣ точныхъ, рѣзкихъ, угловато выработанныхъ понятій о правѣ собственности, очевидно представляетъ почву, болѣе готовую для ассоціаціи труда, нежели исключительная собственность на Западѣ. Рѣзкія понятія западныхъ простолюдиновъ о безусловной необходимости личной абсолютной собственности и привычка къ разобщенной жизни, дѣлаютъ безнадежнымъ всякое соединеніе ихъ одиночныхъ и гибнущихъ въ ничтожествѣ рабочихъ силъ въ какое-нибудь самостоятельное и мощное цѣлое. Всѣ попытки филантроповъ склонять кой-гдѣ французскихъ поселянъ къ ассоціаціямъ, при откровенномъ сознаніи послѣднихъ въ необходимости и плодотворности общинной обработки ихъ разрозненныхъ, микроскопическихъ участковъ, разбиваются обыкновенно въ прахъ о тупое возраженіе французскаго крестьянина: гдѣ же будетъ тогда моя собственность? Его одиночное существованіе развило въ немъ съ такою ужасающею силой корыстное недовѣріе къ совмѣстной съ кѣмъ бы то ни было работѣ, что всякій предлагаемый переходъ къ ней ему кажется хитро сплетенною уловкой разорить его въ копецъ и пустить по міру. Онъ еще можетъ, мучимый корыстью, подъ раздражающимъ вліяніемъ внезапнаго обогащенія отъ спекуляцій, внести свои деньжонки въ какое-нибудь товарищеское предпріятіе; но не понесетъ онъ туда ни живаго, дѣйствительнаго труда своего, ни основнаго своего достоянія. Онъ жи-

Digitized by Google

вотненно держится за попавшійся ему клочекъ земли, какъ утопающій за соломенку, и ничего не видитъ далѣе, какую бы помощь ему ни предлагали. Ничего подобнаго не существуетъ въ мозгу русскаго человѣка. Мірское дѣло онъ считаетъ святымъ дѣломъ, вѣритъ безусловно въ его неодолимое могущество и безпрекословно идетъ за нимъ съ своимъ трудомъ въ предпоставленной ему цѣли. Въ русскомъ человѣкѣ скорѣе противоположная крайность парализируетъ силы: онъ уже слишкомъ мало довѣряетъ себѣ, преклоняясь передъ авторитетомъ міра. Но мы не можетъ же не чувствовать всѣмъ сердцемъ какъ неудержимо должна воспрянуть личность русскаго крестьянина при первомъ пробужденіи его духа свободою, образованіемъ и развитіемъ потребностей, какое могучее начало внесетъ она въ общину и какая просторная и роскошная почва готовится въ сельскомъ его быту для свободной экономической ассоціаціи, не капиталовъ только, на что и западный человѣкъ способенъ, но ассоціаціи производительнаго труда и дѣйствительной работы. Потому-то невозможно отрицать, что народъ нашъ, при всемъ отсутствіи въ немъ опредѣленныхъ воззрѣній на трудъ, на собственность и на богатство, стоитъ ближе къ своей цѣли, нежели народы западной Европы, и имѣетъ несравненно больше данныхъ достигнуть всѣхъ естественныхъ и трудовыхъ условій общественной жизни. Вдаваться въ положительное представленіе послѣднихъ и во всѣ подробности ихъ будущаго осуществленія по примѣру соціалистовъ, намъ и не надобно и не возможно. Въ астрологію и хиромантію давно никто не вѣритъ. Нельзя предречь—какой выйдетъ человѣкъ изъ эмбріона, какимъ выростетъ родившійся младенецъ и какъ дозрѣетъ недозрѣлая жизнь. Но если начало нами сознано за разумное, сила жизни есть и первый шагъ уже ею сдѣланъ, то *жизнь будетъ*, въ этомъ трудно усомнится. Мы лишь обязаны ее лѣлѣять и хранить, не смущаясь ни бреднями соціалистовъ, ни эпиктетовскими отрицаніями крайнихъ политико-экономовъ, ни чужеземной ненавистью къ ней ослѣпленныхъ нашихъ западниковъ. Мы успокоимся пока на той идеѣ, что не *богатство*, не уподобленіе Англичанамъ, не сплошныя фабрики и не промышленная только жизнь составляютъ высшую цѣль общества: ихъ цѣль — *благосостояніе* народовъ. Ботатство то же, что̀ и власть: вещь пре-

Digitized by Google

восходная какъ средство, ни коимъ образомъ какъ цѣль. Какъ цѣль, богатство есть томительное иго и для человѣка, и для общества. Общество, стремящееся къ одному богатству, современность, ищущая исключительно хозяйственныхъ и промышленныхъ успѣховъ, все-таки назёмъ, которымъ удобряется лишь почва *будущаго* человѣчества. Они полезны въ томъ же смыслѣ, но и противны въ одинаковой степени. Если удобрять возможно только для растеній, то и богатѣть умно только для благосостоянія и для счастливой жизни. Исчезновеніе у насъ общиннаго землевладѣнія, быть-можетъ, временно и повело бы къ умноженію богатства; но да подумаютъ противники общиннаго владѣнія, возвысило ли бы оно или разрушило на очень долго благосостояніе нашего народа? Рѣшеніе вопроса съ этой точки зрѣнія, быть-можетъ, приведетъ ихъ къ убѣжденію, что общинное владѣніе землею лежитъ гораздо глубже чисто-матерьяльныхъ интересовъ, и самый вопросъ о немъ гораздо многосложнѣй всѣхъ возможныхъ хозяйственныхъ разсчетовъ и экономическихъ соображеній.

М. Юрьинъ.

25 сентября
1858 г.

Digitized by Google

НЕЗАТѢЙЛИВОЕ ВОСПИТАНІЕ.

Изъ записокъ А. Щ.

—

VIII.

Послѣ полугодовой муки у Ивана Васильевича, воротившись однажды изъ родительскаго дому, куда брали меня на Рождество, я узналъ, что товарищъ мой, сынъ Владиміра Васильевича, ходитъ уже въ уѣздное училище. Черезъ недѣлю и мнѣ приказано было идти туда же. Какъ теперь помню: это случилось *въ понедѣльникъ, 25 января 1814 года.* Мнѣ было тогда девять лѣтъ съ половиною. Тотчасъ познакомился я почти со всѣми учениками, которыхъ было человѣкъ до пятидесяти въ первомъ классѣ. Классныя залы поразили меня своею обширностью. Ученики, вѣрно уже слышавшіе о методѣ преподаванія наукъ Иваномъ Васильевичемъ, распрашивали меня: правда ли, что онъ жестоко обращается съ учениками? и когда я сталъ расказывать, какъ онъ училъ меня ариѳметикѣ, всѣ ученики пришли въ негодованіе. Нѣкоторые говорили, что Иванъ Васильевичъ не имѣетъ даже права учить и что, если донести на него, то ему не только не позволятъ продолжать имѣть учениковъ, но и штрафъ возьмутъ съ него. Какую же методу преподаванія нашелъ я въ С—мъ уѣздномъ училищѣ? *Метода* состояла въ томъ, что учитель, во время уроковъ, очень спокойно и съ достоинствомъ прохаживался по классной залѣ, или сидѣлъ съ величественною задумчивостью, за учительскимъ столомъ, поставленнымъ на возвышенномъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ ученики твердили каждый про себя свои уроки: ибо это ученіе происходило всегда въ классѣ, дома они чѣмъ хотѣли могли сами заниматься; поэтому выучиваніе каждаго урока продолжалось по большей части недѣли двѣ или три. Учитель почти никогда не прослушивалъ уроковъ, а если изрѣдка и прослушивалъ, то больше изъ любопытства или для препровожденія

Digitized by Google

времени, и никогда не взыскивалъ, если ученикъ плохо отвѣчалъ. Объясненія сомнительныхъ или неудобопонятныхъ мѣстъ дѣлались учителемъ очень рѣдко, и притомъ въ самыхъ короткихъ словахъ. Авдиторы имѣли правиломъ никогда не спрашивать у учениковъ урока: это почиталось въ то время невѣжливымъ и неприличнымъ. Авдитора непремѣнно поколотили бы, еслибъ онъ рискнулъ на такой дерзкій поступокъ; а потому въ спискахъ учениковъ, противъ имени каждаго, писалась всегда буква S, то-есть *scit*, *знаетъ*. Надобно сказать, что всѣ термины въ авдиторскихъ спискахъ, по заведенному издавна порядку, употреблялись всегда, для большей важности, латинскіе. Въ авдиторы избирались лучшіе калиграфы. Все достоинство ихъ списковъ заключалось въ томъ, что они были написаны самымъ лучшимъ почеркомъ и со всѣми возможными украшеніями. Первая обязанность учителя, по приходѣ въ классъ, состояла въ томъ, чтобъ пересмотрѣть всѣ авдиторскіе списки, и если онъ замѣчалъ какую помарку, или неопрятность въ спискѣ авдитора, тотчасъ дѣлалъ строгій выговоръ. Уроки задавались старшимъ ученикомъ, съ общаго согласія всѣхъ прочихъ товарищей; такъ, напримѣръ: если выучившіе урокъ тотчасъ предлагали задавать слѣдующій, а другіе, не успѣвъ выучить, настаивали, чтобъ оставался прежній, то дѣло рѣшалось по большинству голосовъ. Если большинство было на сторонѣ выучившихъ, тогда старшій ученикъ дѣлалъ въ книгѣ отмѣтки, что должно учить и что выбросить, какъ ненужное, и такимъ образомъ переходили къ слѣдующему уроку.

Порядокъ или обрядъ вступленія новаго ученика въ училище былъ тогда самый патріархальный. Обыкновенныя нынѣ предварительныя требованія и формальныя дознанія для насъ не существовали, то-есть никто не спрашивалъ вступающаго: «изъ котораго ты царства? котораго государства? котораго отца и матери сынъ? и какъ тебя по имени зовутъ? имѣешь ли свидѣтельство, что ты точно родился и крестился? имѣешь ли свидѣтельство, что точно здоровъ? имѣешь ли свидѣльство, что тебѣ привита была оспа? имѣешь ли..?» Я готовъ божиться, что, при этихъ мѣрахъ предосторожности и предусмотрительности, даже Сократу и Димосѳену не легко было бы попасть въ нынѣшнее уѣздное училище. Зато я увѣренъ, что они были бъ приняты въ наше съ тѣмъ же искреннимъ радушіемъ, съ какимъ былъ принятъ я и всѣ прочіе принимались. Время многое измѣнило. Но тогда, при вступленіи новаго ученика въ классъ, если онъ совершенно никому не былъ извѣстенъ, товарищи спрашивали у него только: умѣетъ ли онъ читать и писать? и если оказывалось, что умѣетъ, совѣтовали ему запастись книгами, по которымъ преподавались науки. Еслижь

Digitized by Google

и книги были, то его вписывали тотчасъ въ одинъ изъ автидорскихъ списковъ, и онъ, съ того же самаго времени, пользовался всѣми правами учащихся въ этомъ классѣ, какого бы ни былъ происхожденія, званія и возраста. Поэтому-то въ первомъ классѣ встрѣчались ученики, начиная съ 7-ми до 15-ти, 20-ти и даже до 30-ти-лѣтняго возраста. Впрочемъ, этихъ возмужалыхъ было очень немного. Я помню одного сильнаго мущину, съ смуглымъ и продолговатымъ лицомъ, лѣтъ подъ тридцать. Онъ приходилъ въ классъ обыкновенно въ тяжиновомъ халатѣ и подпоясанный ремнемъ. Съ виду былъ онъ похожъ на казака, ѣздившаго можетъ-быть нѣсколько разъ и въ Крымъ за солью и торговавшаго таранью и дегтемъ; но потомъ, вѣроятно почувствовавъ жажду просвѣщенія, явился въ с — ое уѣздное училище въ 1-й классъ, и подчинилъ себя существовавшему въ то время порядку, съ такимъ усердіемъ и добродушіемъ, что я часто любовался имъ невольно и находилъ въ немъ много интереснаго. Однажды, послѣ совѣщанія учениковъ о новомъ урокѣ, когда большинство рѣшило перейдти къ слѣдующему, онъ не увѣренъ былъ въ себѣ, что прежній урокъ хорошо выучилъ, и потому сталъ просить авдитора, чтобъ прослушалъ его. Хотя авдиторъ отговаривался, но онъ такъ убѣдительно упрашивалъ, что тотъ рѣшился удовлетворить его просьбу. Оказалось, что урокъ былъ выученъ имъ очень хорошо. Какая радость изобразилась послѣ этого на лицѣ его, и какое самодовольствіе!... Но къ крайнему его сожалѣнію, чистописаніе ему не удавалось, хотя онъ наиболѣе объ немъ старался. Всякій разъ, когда учитель дѣлалъ отмѣтку на его тетрадкѣ чистописанія: *не хорошо*, онъ схватывалъ себя за затылокъ и представлялъ самую грустную физіономію. По правдѣ сказать, гусиное перо для его мощной длани и перстовъ было слишкомъ субтильное орудіе. Я увѣренъ, что еслибъ ему, вмѣсто пера, очинили оглоблю, то онъ могъ бы заниматься чистописаніемъ гораздо успѣшнѣе. Мнѣ сказывали, что въ старые годы даже особы женскаго пола обучались въ этомъ училищѣ вмѣстѣ съ мущинами: по крайней мѣрѣ заподлинно извѣстно, что мой старшій братъ ходилъ туда вмѣстѣ съ моею же старшею сестрой. Но въ мое время дѣвицы уже не допускались.

Учитель, Илья Ивановичъ Ѳ..., иногда, пересматривая авдиторскіе списки, съ усмѣшкой приговаривалъ: «вишь, у всѣхъ написано *scit*, а если спросить порядкомъ, такъ, я чай, никто не умѣетъ и слова сказать.» Мы скромнымъ молчаніемъ и кроткимъ наружнымъ видомъ давали знать учителю, что онъ говоритъ истинную правду. Илья Ивановичъ оставался этимъ доволенъ и не продолжалъ болѣе подобныхъ оскорбительныхъ замѣчаній. По справедливости должно сказать, что

Digitized by Google

хотя Илья Ивановичъ мало входилъ въ объясненія съ учениками по части наукъ: граматики, исторіи, ариѳметики и латинскаго языка; но зато съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за нами во время чтенія книги: *О должностяхъ человѣка и гражданина*. Это чтеніе происходило такимъ образомъ: одинъ изъ учениковъ, по порядку, прочитывалъ громко главу изъ этой книги, а прочіе всѣ должны были слѣдить молча за нимъ, каждый по своей книжкѣ. Въ это время очень часто Илья Ивановичъ подходилъ вдругъ къ какому-нибудь ученику и спрашивалъ: гдѣ читаютъ? и если ученикъ не могъ тотчасъ указать на то мѣсто, то Илья Ивановичъ давалъ ему или щелчокъ въ лобъ, или треуха, или дралъ за волосы. Кромѣ того, онъ аккуратно слѣдилъ за чистописаніемъ. Передъ окончаніемъ класса всѣ ученики должны были подавать ему свои тетрадки чистописанія, и онъ на каждой дѣлалъ всякій разъ отмѣтки собственноручно, смотря по достоинству каждаго письма: *хорошо*, *не дурно*, *изрядно*, *рачительно*, *должно лучше*, и проч. Закону Божію, то-есть пространному катехизису, съ объясненіемъ и священной исторіи, обучалъ соборной церкви священникъ П..., который не употреблялъ никогда авдиторовъ, а выслушивалъ всѣхъ учениковъ самъ. Онъ имѣлъ особенный даръ не только переспросить у всѣхъ уроки, но даже успѣвалъ, сверхъ того, дѣлать репетиціи. Въ теченіи двухъ-трехъ классовъ непремѣнно были переспрошены имъ почти всѣ ученики. Онъ обращался съ нами кротко и снисходительно; но иногда, въ случаѣ надобности, употреблялъ *пальи*, и мы, для избѣжанія этого поощренія, принуждены были учить уроки изъ пространнаго катехизиса даже и дома.

Вообще я долженъ сказать, что, при переходѣ изъ школы Ивана Васильевича Ш... въ с—ое уѣздное училище, мнѣ казалось, будто я изъ нѣдръ мрачнаго ада или чистилища переселился вдругъ на злачныя поля, гдѣ тихій и кроткій свѣтъ согрѣвалъ меня своими животворными лучами. Въ меня вселилось какое-то спокойствіе и какая-то увѣренность въ высокое предназначеніе народныхъ училищъ, что̀ приводило меня въ необыкновенный восторгъ! Правда, что я никогда не училъ уроковъ, ни въ классѣ, ни дома, и вслѣдствіе того, по окончаніи курса, не былъ переведенъ во 2-й классъ. Но я не унывалъ, тѣмъ болѣе, что и товарищъ мой, сынъ Владиміра Васильевича, оставленъ былъ въ томъ же классѣ. Искренно сознаюсь, что не только въ с — омъ уѣздномъ училищѣ, но потомъ въ гимназіи и въ высшихъ учебныхъ мѣстахъ, не оказалъ я никакихъ отличій. Я всегда смотрѣлъ съ какимъ-то отвращеніемъ на науки, которыя требовали затверживанія наизусть. Безконечныя названія городовъ, областей, рѣкъ, горъ, и проч., безчисленные роды номенклатуръ, употребляемыхъ

Digitized by Google

въ наукѣ, казались мнѣ варварскимъ изобрѣтеніемъ, придуманнымъ только для того, чтобъ лишать людей истиннаго свѣта познаній. С — ое уѣздное училище, въ моихъ глазахъ, имѣло высокое предназначеніе и казалось мнѣ храмомъ свѣта потому только, что тамъ не принуждали зубрить уроки, а предоставляли это на произволъ самихъ учениковъ. Но къ этому я долженъ присовокупить, что всякое замѣчаніе и объясненіе учителя, по самой рѣдкости подобныхъ явленій, глубоко врѣзывалось въ моей памяти. Напримѣръ, однажды учитель, упражняя насъ въ правописаніи и диктуя одно мѣсто изъ книги, сказалъ: «замѣтьте, что передъ относительнымъ мѣстоименіемъ *который*, *причастіями и дѣепричастіями* всегда должно писать запятую», и это на вѣки уже осталось въ моей головѣ. Граматика и другія науки, по большей части, изучались мною такимъ образомъ. На все прочее, требовавшее ученія наизусть, я смотрѣлъ съ отвращеньемъ. Полагаю, причиною всему этому было дурно начатое, дурно направленное и притомъ слишкомъ насильственное образованіе мое какъ дома, у отца, такъ и у учителя Ивана Васильевича Ш...

Не останавливаясь на этомъ долѣе, скажу теперь нѣсколько словъ о моемъ домашнемъ воспитаніи въ городѣ С..., то-есть, съ кѣмъ я обращался, что дѣлалъ внѣ школьныхъ занятій и какъ, вообще, препровождалъ время. Это воспитаніе имѣло страшное дѣйствіе не только на мои учебныя занятія, но и на всю дальнѣйшую мою жизнь. Для этого я долженъ прежде познакомить читателя съ людьми, которые такъ могущественно дѣйствовали на мое воображеніе и на всѣ мои умственныя способности. Владиміръ Васильевичъ С... жилъ очень богато. Онъ не любилъ роскоши; но домъ его былъ, что называется, полною чашей. Дворовыхъ людей держалъ онъ гораздо болѣе, нежели сколько надо было. По смерти первой жены, онъ вскорѣ женился на другой, за которою получилъ въ приданое новый штатъ прислуги. Такимъ образомъ у него было: два кучера, два дворника, два лакея, три горничныхъ, три кухарки (двѣ для барскаго стола и одна для людскаго); прибавьте къ этому дѣтей обоего пола, и вы получите очень вѣрное понятіе о народонаселеніи кухни Владиміра Васильевича, потому что и горничныя и лакеи, при всякомъ удобномъ случаѣ, для избѣжанія скуки, которая давила ихъ въ барскихъ покояхъ, большею частью находились въ кухнѣ же и только по необходимости являлись въ переднихъ и дѣвичьихъ. Для избѣжанія той же скуки, и я, если не могъ бѣгать по улицамъ и играть въ бабки, мячи и проч., все остальное время препровождалъ въ кухнѣ, иногда съ товарищемъ, а по большей части одинъ. Люди эти, какъ и вообще всѣ дворовые, были народъ продувной. Каждый изъ нихъ былъ готовъ обмануть, провести

Digitized by Google

и одурачить своего барина, при всякомъ удобномъ случаѣ. Они жаловались, что завалены работою съ утра до ночи. Поэтому Владиміръ Васильевичъ, для облегченія имъ, взялъ на поручительство изъ тюрьмы арестанта Ивана, съ тѣмъ, чтобъ онъ служилъ при его домѣ. Иванъ ходилъ постоянно съ обритою половиной головы, и только одинъ и работалъ за всѣхъ: и дрова рубилъ, и воду носилъ, и сараи чистилъ, и дворъ подметалъ, однимъ словомъ, все дѣлалъ, а прочіе только жаловались, что завалены работой, между тѣмъ какъ рѣшительно ничего не дѣлали. У всѣхъ этихъ людей было безчисленное множество знакомыхъ, которые ежедневно, съ утра до глубокой ночи, просиживали въ кухнѣ Владиміра Васильевича. Обыкновенные разговоры ихъ, когда они собирались вечерами вмѣстѣ, состояли въ тѣхъ же разсказахъ о нечистыхъ силахъ, которые еще въ родительскомъ домѣ производили на меня такое сильное дѣйствіе.

Не могу не передать одного изъ этихъ безчисленныхъ разсказовъ, который тѣмъ болѣе врѣзался въ моемъ воображеніи, что разсказчица, извѣстная намъ кухарка Акулина, страшно божилась, ручаясь за его истину. Вотъ онъ слово въ слово: «У моей родной тетки, говорила она, была золовка, которая жила очень бѣдно. Однажды пошла она къ сосѣдкѣ занять мѣрку муки, съ тѣмъ, чтобъ возвратить ее въ назначенный срокъ. Вошла въ избу—никого нѣтъ... Она вышла въ сѣни и стала кликать хозяйку — нѣтъ нигдѣ! Опять вошла въ избу. Тутъ увидѣла она на лавкѣ пять клубковъ нитокъ, которыя сосѣдка напряла и приготовила, чтобъ намотать на пасмы. Лукавый что ли соблазнилъ ее, золовка взяла одинъ клубокъ, да съ нимъ и ушла домой. Пришедши, положила его на лавку и хотѣла куда-то отойдти, но клубокъ скатился съ лавки, упалъ и ударилъ ее по ногамъ. Она подняла его и опять положила на лавку; клубокъ опять скатался, упалъ и опять по ногамъ! Она еще разъ поднила его, и, чтобъ онъ болѣе не скатывался, подложила подъ него дощечку; но клубокъ и черезъ дощечку перекатился, упалъ, и опять ее по ногамъ. Тутъ золовка перепугалась, и бѣжать, — а клубокъ за нею, и все по ногамъ ее! Она стала творить крестное знаменіе и читать молитву, а клубокъ пуще разсвирѣпѣлъ, сталъ подпрыгивать и бить даже по колѣнамъ. Бѣдная женщина совсѣмъ растерялась, клубокъ то и дѣло прыгъ, да по колѣнамъ!.. прыгъ, да по колѣнамъ!.. Вдругъ пришло ей въ голову — видно ужь Господь ее надоумилъ — отнести этотъ клубокъ опять къ сосѣдкѣ и повиниться передъ нею. Только что она это подумала, клубокъ вдругъ присмирѣлъ! Она взяла его, отнесла къ сосѣдкѣ, стала просить у ней прощенія и пересказала какъ было дѣло. Сосѣдка сжалилась. «Напрасно, говоритъ, ты не сказала мнѣ, что нуждаешься въ

Digitized by Google

ниткахъ, я бы тебѣ и такъ удѣлила. Ну, да возьми себѣ этотъ клубокъ, я тебѣ дарю его.» Золовка поблагодарила и взяла опять клубокъ съ собой. А онъ, голубчикъ мой, такъ и прижался къ ея груди! Чтожь бы вы думали? изъ этихъ нитокъ золовка вывязала себѣ чулки. Пятнадцать лѣтъ съ ногъ не скидала,—крѣпёхоньки! какъ-будто только что сейчасъ вывязала! а какъ вымоетъ, бывало, такъ они еще крѣпче дѣлаются. Потомъ отдала она эти чулки дочери въ приданое, и дочь лѣтъ десять носила, не скидая съ ногъ, и до сихъ поръ, говорятъ, ни одной петельки не протерлось! Такъ вотъ, сударь мой, какія чудеса есть на свѣтѣ!» Слушатели, по обыкновенію, качали сомнительно головой; нѣкоторые даже сказали: «Должно быть теткина золовка была очень глупа. Сама же дурно сдѣлала, да и хотѣла отдѣлаться крестнымъ знаменіемъ! Крестное знаменіе въ такихъ случаяхъ не помогаетъ. Коли что дурно самъ сдѣлалъ, такъ ужь самъ и терпи!»—«Да тутъ еще и то можетъ быть, говорили другіе, что тетка твоя, или ея золовка, все это и набрехали!»—«Вотъ ужь за тетку поручусь, спорила Акулина, она ни за что на свѣтѣ не возьметъ на себя такой грѣхъ, чтобъ солгать. Да къ тому жь она говѣть собиралась, когда мнѣ это разсказывала.» Тутъ мнѣ досадно стало, что эти люди не вѣритъ и сомнѣваются въ возможности клубку броситься на человѣка; я не утерпѣлъ и разсказалъ имъ, что на меня самого однажды бросился горшокъ, или чугунъ какой, со страху я не разглядѣлъ... А они мнѣ: «Да ужь это что за человѣкъ, который боится, что горшокъ бросится на него, или чугунъ какой-нибудь, или тарелка въ зубы полетитъ! Это дѣла житейскія, это со всякимъ человѣкомъ бываетъ!» —и посыпались со всѣхъ сторонъ разсказы о подобныхъ чудесахъ, послѣ которыхъ надо бы, казалось, вѣрить и клубку, Богъ знаетъ почему возбудившему сомнѣніе... Странная логика этихъ людей путала меня не меньше ихъ суевѣрій.

Точно такой же интересъ, но гораздо большее удовольствіе, въ сравненіи съ разсказами о чудесахъ невидимыхъ силъ, возбуждали сказки, которыя слушались всѣми безъ исключенія съ особеннымъ наслажденіемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ пересказывались болѣе двадцати разъ, и не смотря на это, каждый готовъ былъ прослушать ихъ еще столько же. Люди наши не мастера были сами разсказывать сказки, но любили слушать мастеровъ въ этомъ дѣлѣ и пріискивали иной разъ дѣйствительныхъ художниковъ. Я помню одного молодца, который приходилъ къ намъ нѣсколько разъ по просьбѣ людей Владиміра Васильевича и разсказывалъ сказку *о Еруслапѣ Лазаревичѣ*. Совершенный художникъ! — Кажется, онъ былъ портной, или другой какой цеховой, не знаю. Мущина лѣтъ 30, съ открытою физіономіей.

Digitized by Google

Въ разсказѣ онъ употреблялъ чрезвычайно интересную интонацію, выколачивалъ каждый слогъ и говорилъ громко и ровно, какъ-будто читая по книгѣ. Очень живо помню, когда онъ началъ: «въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ былъ царь *Картаусъ*», — у меня по всему тѣлу мурашки такъ и заходили! Чтобъ показать какое сильное впечатлѣніе и нравственное вліяніе производили на меня сказки, я приведу одинъ примѣръ: когда этотъ сказочникъ кончилъ *Еруслана Лазаревича* и обѣщалъ сказать другую сказку о *Бовѣ Королевичѣ*, въ это время, часовъ въ 9 вечера, товарищъ мой попросилъ меня сходить за пряниками, и не смотря на то, что одинъ изъ кучеровъ, возвратясь на ту пору не извѣстно откуда, замѣтилъ, что теперь страшно ходить по улицамъ, что его самого чуть не изорвали собаки, я, одушевленный рыцарской храбростью, взялъ палку и отправился къ пряничнику. Въ самомъ дѣлѣ, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ я уже попался разъ въ передѣлъ къ собакамъ, выскочили онѣ со всѣхъ сторонъ и бросились на меня съ остервенѣніемъ. Въ другое время я бы пропалъ: но тутъ почувствовалъ вдругъ непонятное мужество. Такое геройство овладѣло мною, что я считалъ даже за низость отмахиваться отъ собакъ, продолжалъ идти совершенно спокойно и только посматривалъ на нихъ съ презрѣніемъ. Собаки, послѣ нѣсколькихъ самыхъ отчаянныхъ приступовъ, вдругъ замолчали, будто разинули ротъ отъ удивленія. Онѣ никакъ не могли представить себѣ, чтобъ это былъ я, тотъ самый, который трепеталъ при каждомъ ихъ вяканьи. Присѣвъ на заднія лапы и упершись передними въ землю, всѣ онѣ смотрѣли на меня съ изумленіемъ, а я неустрашимо продолжалъ свой путь!

Къ несчастью, это мужественное настроеніе было у меня непродолжительно: на другой же день я попрежнему становился робокъ и трусливъ какъ заяцъ, а особливо, когда заслушивался разсказовъ объ оборотняхъ и выходцахъ съ того свѣта. Къ крайнему сожалѣнію, я долженъ сознаться, что эти дурныя качества привились ко мнѣ въ самомъ дѣтствѣ, и сколько я ни старался потомъ искоренить ихъ, никогда не могъ себя преодолѣть. По крайней мѣрѣ сказки о богатыряхъ, и впослѣдствіи рыцарскіе романы, какъ-то: «Неистовый Орландъ» Аріоста и другіе, заставляли меня часто забывать природную робость, и я чувствовалъ въ это время, что могъ сдѣлаться самостоятельнымъ и независимымъ человѣкомъ. Къ этому считаю нужнымъ присовокупить, что хотя я много разъ читалъ сказки съ удовольствіемъ, но никогда онѣ не производили на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ когда я слушалъ ихъ въ разсказахъ отъ художниковъ по этой части. Я всегда питалъ къ этимъ людямъ глубокое уваженіе, точно такъ, какъ

Digitized by Google

и къ бандуристамъ, которые, подъ струны своего инструмента, разсказывали на распѣвъ старинныя поучительныя легенды или баллады. Теперь уже ничего не слышно о бандуристахъ, и сказочники вышли изъ моды; но я долженъ по справедливости сказать, что эти люди были самымъ отраднымъ явленіемъ, при моемъ грубомъ и тягостномъ шествіи по пути образованія, въ первыхъ моихъ лѣтахъ.

(До слѣдующей книжки.)

Digitized by Google

ЧЕРНОЗЕМЪ И ЧЕРНОЗЕМНАЯ ПОЛОСА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ.

—

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ, въ статьѣ агронома г. Подрузскаго, «Статистическое описаніе Тверской губерніи», нашли мы новый и очень замѣчательный взглядъ на происхожденіе нашего знаменитаго чернозема и значеніе его въ экономіи природы. Мы увѣрены, что всѣ, интересующіеся изученіемъ отечественной почвы, поблагодарятъ насъ за указаніе на счастливую попытку г. Подрузскаго примѣнить къ объясненію чернозема новѣйшія изслѣдованія агрономической физики и химіи.

Описавъ флору Тверской губерніи и остановясь на богатствѣ ея хвойнымъ лѣсомъ и особенно мхомъ, авторъ задаетъ себѣ вопросъ: «во что̀ превращаются, во-первыхъ, тѣ густые мхи, въ которыхъ не только на болотахъ, но весьма часто и на сухихъ мѣстахъ, нога тонетъ чуть не по колѣно, а во-вторыхъ, огромныя кучи тѣхъ иголъ, которыя столь щедро на землю роняетъ сосникъ, въ особенности же ельникъ, и для устраненія которыхъ земледѣльцы столь усердно истребляютъ какъ ту, такъ и другую породу на сѣнокосахъ? Этотъ, повидимому очень странный, вопросъ порождается фактомъ, что въ Тверской губерніи, вмѣсто толстаго слоя земли, состоящей изъ перегноя, котораго бы надлежало ожидать при видѣ столь многихъ растительныхъ остатковъ, господствуетъ тонкослойная, пепельно-сѣрая, бѣдная перегноемъ почва, а нерѣдко еще на весьма значительныхъ пространствахъ является даже чисто минеральная земля, почти совершенно лишенная перегноя. Всего же удивительнѣе, продолжаетъ авторъ, то, что на мѣстахъ наиболѣе заваленныхъ еловыми иглами, или же покрытыхъ кучами валежника и медвѣжьихъ сопокъ, мы весьма часто находимъ болѣе тонкій и бѣдный перегноемъ слой земли, чѣмъ на другихъ мѣстахъ, лишенныхъ этихъ органическихъ остатковъ. Ученый міръ считаетъ вопросъ объ этомъ предметѣ уже давно окон-

Digitized by Google

чательно рѣшеннымъ; но какъ ни велика моя покорность авторитету этого свѣтильника истинъ, я рѣшаюсь однакожь замѣтить, что скудость перегноя въ почвѣ, свойственная не одной Тверской, но и всѣмъ прочимъ сѣвернымъ лѣсистымъ губерніямъ Россіи, говоритъ какъ нельзя очевиднѣе, что скопляющіяся на поверхности земли органическія тѣла, въ большемъ числѣ случаевъ, разлагаются безъ остатка, или же съ самымъ ничтожнымъ, и то преимущественно землистымъ (минеральнымъ) остаткомъ, и что, слѣдовательно, общепринятое мнѣніе о происхожденіи верхняго слоя земли, или почвы, путемъ накопленія перегноя растительныхъ и животныхъ остатковъ, за исключеніемъ торфянистыхъ почвъ, не имѣетъ основанія. Еслибы почвы образовались черезъ накопленіе перегноя, то черноземъ — которому всѣ, кромѣ г. Мурчисона, приписываютъ такое же происхожденіе, какъ и другимъ родамъ почвы — намъ слѣдовало бы находить не въ тѣхъ степныхъ мѣстахъ, въ которыхъ господствуютъ мелкостебельные злаки (gramineae), мгновенно исчезающіе съ лица земли по прекращеніи своей однолѣтней жизни, а, напротивъ того, этой драгоцѣнной почвѣ надлежало бы, въ такомъ случаѣ, залегать преимущественно въ сѣверныхъ лѣсистыхъ странахъ, въ которыхъ поверхность земли большею частью еще и теперь загромождается сплошными кучами валежника, листьевъ, шишекъ и мховъ. Можетъ-быть найдутся приверженцы опровергаемой мною теоріи, которые, для объясненія отсутствія черноземной почвы въ лѣсистыхъ сѣверныхъ странахъ, захотятъ прибѣгнуть къ истребляющимъ органическіе остатки пожарамъ; но желающимъ придавать случайнымъ явленіямъ столь обширное значеніе будетъ предстоять трудъ навѣрно безуспѣшнаго пріисканія причинъ, объясняющихъ скудость перегноя въ почвѣ тѣхъ дѣвственныхъ вѣковыхъ лѣсовъ, которые, находясь въ необитаемыхъ странахъ, носятъ на себѣ явные признаки искони неприкосновенной цѣлости. Кромѣ того мы видимъ, что степные пожары, случающіеся гораздо чаще чѣмъ лѣсные, не помѣшали однакоже образованію черноземной почвы. Но если невозможно допустить, что всѣ почвы образовались путемъ простаго накопленія перегноя растеній и другихъ органическихъ веществъ, то, съ другой стороны, весьма неосновательно было бы и совершенно отвергать необходимое въ этомъ дѣлѣ ихъ участіе. На болотныхъ и отчасти потныхъ низинахъ это участіе слишкомъ очевидно; тамъ, вслѣдствіе постояннаго присутствія бо́льшаго или меньшаго количества воды, растительные остатки подвергаются безпрестанному обугленію, и оттого накопляются иногда очень значительными отдѣльными пластами. Но такія низины составляютъ исключеніе изъ общаго правила, и притомъ въ большемъ числѣ мѣстностей ис-

Digitized by Google

ключеніе весьма рѣдкое. Въ обыкновенныхъ же господствующихъ случаяхъ, всякая почва, не исключая и черноземной, есть не иное что, какъ верхняя часть первобытнаго минеральнаго слоя земли, окрашенная просачивающимся въ нее растворомъ геина, или же другаго рода вытяжныхъ веществъ, образующихся въ процессѣ разложенія или гніенія органическихъ остатковъ. Какъ ни велико бываетъ, судя по цвѣту, различіе почвы отъ непосредственно подъ нею лежащей земли, называемой подпочвою, но въ сущности это различіе почти всегда ограничивается нѣсколькими процентами органическаго вещества; по главной же основной части состава, равно какъ и по времени образованія, та и другая представляютъ одинъ и тотъ же слой, одно неразрывное цѣлое. Почему же въ черноземныхъ странахъ, гдѣ органическіе остатки на поверхности земли едва примѣтны, почва окрашена въ совершенно черный цвѣтъ и притомъ отъ 1 до 3 аршинъ въ глубину, тогда какъ въ сѣверныхъ странахъ, въ которыхъ поверхность земли большею частью еще и теперь завалена кучами органическихъ остатковъ, почва окрашена очень слабо, и притомъ не далѣе какъ на 2, на 3 и много на 4 или на 5 вершковъ въ глубину?

«Причина такой разницы между черноземными и сѣверными почвами (которая, замѣтимъ, по разложеніи какъ тѣхъ, такъ и другихъ на составныя части, вмѣсто огромной, какъ того можно бы ожидать по наружному виду, почти всегда выходитъ очень ничтожною) заключается въ слѣдующемъ. Въ сѣверныхъ странахъ, по причинѣ низкой температуры, разложеніе органическихъ остатковъ совершается, сравнительно съ черноземными и другими болѣе южными странами, гораздо медленнѣе; растворимыхъ вытяжекъ образуется при этомъ гораздо менѣе, а главное, эти вытяжки въ недостаточно согрѣтой водѣ растворяются гораздо слабѣе. Кромѣ того почва холодныхъ сѣверныхъ краевъ, независимо отъ тяжелой массы покрывающихъ или же покрывавшихъ ее лѣсовъ, валежника и другихъ органическихъ остатковъ, пригнетается еще глубокими снѣгами и прибивается ударами частыхъ дождей. Вслѣдствіе того, равно какъ и по причинѣ почти всегдашней влажности почвы, дѣлающей ее болѣе тяжеловѣсною, она сильно слегается, плотнѣетъ и становится почти непроницаемою даже для жидкихъ растворовъ, а потому и окрашивается ими очень слабо, и то почти въ самой верхушкѣ, которая нѣсколько болѣе согрѣвается, иногда высыхаетъ и оттого становится сколько-нибудь скважистою, болѣе или менѣе доступною для жидкаго раствора перегнойныхъ вытяжекъ. Что всѣ эти причины, а въ особенности разная температура, имѣютъ сильное вліяніе на бо́льшую или меньшую окраску почвы, вполнѣ убѣждаетъ насъ фактъ, замѣчаемый въ

Digitized by Google

Орловской, Тульской, Рязанской и во всѣхъ прочихъ губерніяхъ, въ которыхъ совершается переходъ отъ сѣверныхъ къ черноземнымъ почвамъ. Въ каждой изъ этихъ губерній мы постоянно находимъ, что, если на открытыхъ пространствахъ почва не имѣетъ совершенно чернаго цвѣта, то въ ближайшихъ рощахъ, — куда слабѣе проникаютъ теплота и осущающіе вѣтры, и гдѣ по этой причинѣ долѣе обременяютъ землю снѣга, — она является уже почти съ такимъ свѣтлосѣрымъ цвѣтомъ, какой характеризуетъ почвы, господствующія въ Калужской, Московской и другихъ губерніяхъ. Это явленіе столь постоянно, что, основываясь на немъ, мы безошибочно можемъ сказать, что въ означенныхъ губерніяхъ поля, представляющія сѣрую почву, занимаютъ мѣста прежде бывшихъ лѣсовъ, а поля съ черноземною почвою образовались на прежде бывшихъ открытыхъ мѣстахъ. Хотя въ Воронежской, Харьковской и другихъ болѣе южныхъ губерніяхъ, въ противоположность предъидущимъ, въ лѣсахъ и рощахъ почва большею частію бываетъ гораздо чернѣе, чѣмъ на открытыхъ степныхъ мѣстахъ; но этотъ фактъ, какъ сейчасъ объясню, ни сколько не опровергаетъ вѣрности приводимыхъ мною причинъ болѣе или менѣе сильной окраски почвы. — Въ послѣднихъ губерніяхъ, при избыткѣ теплоты, обнаруживается недостатокъ другаго необходимаго условія для образованія и раствора перегнойныхъ вытяжекъ, — именно недостатокъ влаги, которою съ избыткомъ надѣлены сѣверныя страны при недостаткѣ теплоты. Поэтому и не удивительно, что въ странахъ, подверженныхъ продолжительнымъ засухамъ, на открытыхъ мѣстахъ, гдѣ эти засухи дѣйствуютъ сильнѣе, почва имѣетъ менѣе черный цвѣтъ, чѣмъ на мѣстахъ, отѣненныхъ лѣсами.

«Какъ ни велика неосновательность общепринятаго мнѣнія о происхожденіи почвъ вообще и чернозема въ частности, все же оно не такъ далеко уклоняется отъ истины, какъ мнѣніе объ этомъ предметѣ г. Мурчисона. Знаменитый геологъ, который своими геогностическими изслѣдованіями Европейской Россіи и Уральскаго хребта заслужилъ полную признательность каждаго просвѣщеннаго Русскаго, въ этомъ отношеніи уже слишкомъ увлекся главными геологическими образователями. При видѣ столь огромныхъ пространствъ, какія у насъ покрыты единообразнымъ пластомъ чернозема, онъ никакъ не могъ допустить мысли, чтобы эта, одна изъ самыхъ распространенныхъ формацій Россіи, могла быть дѣломъ не того же самаго могущественнаго дѣятеля, которому обязаны своимъ происхожденіемъ другія горныя породы. Повинуясь этой, отчасти извинительной въ спеціалистѣ-геогностѣ, мысли, онъ со всею готовностію склоняется къ заключенію, что нашъ черноземъ есть не иное что, какъ тина, ско-

Digitized by Google

пившаяся на днѣ самыхъ глубокихъ частей послѣдняго моря, покрывавшаго Россію, вдали отъ тѣхъ сильныхъ волненій и теченій, которыя произвели наносы съ глыбами нерѣдко огромныхъ валуновъ въ сѣверной части Россіи. Матеріалъ же для этой глины, по мнѣнію г. Мурчисона, могъ происходить отъ размытой водами черной слоистой глины, которой образцы, выходящіе наружу на берегахъ Москвы и ея притоковъ, въ окрестностяхъ столицы, и на берегахъ Волги въ Костромской губерніи, по заключающимся въ нихъ аммонитамъ и белемнитамъ, причислены къ Оксфордскому ярусу Юрской группы.

«Что наши черноземныя и даже солонцовыя степи составляли самую глубокую и покойную часть послѣдняго моря, покрывавшаго Россію, съ этимъ не только возможно, но и должно согласиться, суди по тому, что тамъ господствуютъ почвы, состоящія изъ тончайшихъ частицъ, весьма рѣдко съ примѣсью песку и хряща, а еще рѣже съ примѣсью мелкихъ и крупныхъ камней. Но чтобы нашъ черноземъ происходилъ отъ подводнаго накопленія тины, тому сильно противорѣчатъ слѣдующіе факты. 1) Черноземъ, какъ уже сказано, не составляетъ отдѣльнаго слоя, подобно другимъ господствующимъ почвамъ; напротивъ того, онъ есть не иное что, какъ верхняя окрашенная часть непосредственно подъ нимъ лежащей земли, съ которою онъ совершенно сливается, теряя, по мѣрѣ приближенія къ ней, свой черный цвѣтъ. 2) Хотя во многихъ мѣстностяхъ дѣйствительно огромныя пространства представляютъ почву единообразно-чернаго цвѣта, но, съ другой стороны, есть не мало мѣстностей, въ которыхъ замѣчается тому совершенно противоположное; такъ напримѣръ въ заволжскихъ степяхъ бывшей Саратовской, нынѣ Самарской, губерніи нерѣдко на пространствѣ одной десятины встрѣчается по нѣскольку десятковъ клочковъ настоящаго чернозема, съ неменьшимъ числомъ клочковъ желтоватой или красноватой, суглинистой нечерноземной почвы. Слѣдуя изложенному мнѣнію г. Мурчисона, надлежало бы предполагать, что вторые изъ этихъ крошечныхъ клочковъ составляли подверженныя смывающему дѣйствію теченій и сильныхъ волненій морскія мели, а первые — невозмутимую глубину; но есть ли хоть малѣйшая возможность допустить такое неестественное предположеніе? 3) Болѣе или менѣе чернаго цвѣта почвы, какъ объяснено выше, вполнѣ совпадаютъ съ болѣе или менѣе благопріятными мѣстными условіями разложенія органическихъ остатковъ и образованія при этомъ растворимыхъ вытяжекъ: спрашивается теперь — неужели эти метеорологическія условія совпадаютъ съ бывшими глубинами и мелями морскими? 4) Не смотря на то, что сѣверныя губерніи Россіи представляютъ

Digitized by Google

множество очевиднѣйшихъ признаковъ сильныхъ морскихъ волненій и теченій, мы однакожь въ нихъ, хотя изрѣдка, находимъ черноземную почву, и притомъ съ такими принадлежностями, какъ напримѣръ примѣсь значительнаго количества песку, хряща, мелкихъ и даже крупныхъ камней, которые вполнѣ опровергаютъ мысль о подводной тишинѣ, необходимой, по мнѣнію г. Мурчисона, для образованія черноземной тины. Наконецъ 5), независимо отъ клочковъ природнаго чернозема, мы находимъ въ сѣверныхъ губерніяхъ множество примѣровъ искусственнаго образованія этой почвы, которые доказываютъ, какъ нельзя яснѣе, что черноземъ можетъ образоваться не только безъ малѣйшаго участія океановъ и морей, но и внѣ всякаго другаго скопленія воды. Таковы пространства, занимаемыя усадьбами существующихъ, или же существовавшихъ, болѣе или менѣе продолжительное время, городовъ и селеній. Подъ этими усадьбами обыкновенная нечерноземная почва, долгое время пропитываясь растворомъ перегнойныхъ вытяжекъ, теперь уже превратилась въ тучный черноземъ, который былъ бы весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ для земледѣлія, если бы усадьбы перенести на другія мѣста. Мнѣ довольно часто, особенно же въ Тверской губерніи, случалось видѣть бывшія усадьбы между пахотными землями. Роскошнѣйшій ростъ хлѣбовъ и травъ, столь рѣзко отдѣляющій эти мѣста, называемыя дворищами, отъ прочихъ частей поля, внушаетъ непреодолимое желаніе предложить замѣну постоянныхъ усадебъ, или по крайней мѣрѣ скотныхъ дворовъ,—подвижными. Не могу скрыть, что мысль о примѣненіи къ осѣдлой жизни кочеваго элемента слишкомъ смѣла, пожалуй болѣе чѣмъ утопическая; но какъ не подчиниться ея обаянію, навѣрно зная, что этимъ средствомъ безплодныя страны обогатились бы самыми тучными пажитями?

«Не задолго до появленія въ свѣтъ мнѣнія о происхожденіи нашего чернозема, предложеннаго г. Мурчисономъ, «Отечественныя Записки», кажется въ мартовской книжкѣ 1843 г., сообщили мнѣніе объ этомъ предметѣ г. Сабурова, въ статьѣ подъ заглавіемъ «Записки Пензенскаго Земледѣльца». Авторъ этой статьи, отвергая всякое участіе органическихъ веществъ въ образованіи нашего чернозема, утверждаетъ, что этотъ родъ почвы есть совершенно тотъ же самый, который въ Maison rustique du XIX siècle называется sabloargilo-ferrugineux, то-есть не иное что, какъ желѣзистый суглинокъ, только почернѣвшій, какъ думаетъ г. Сабуровъ, отъ дѣйствія воздуха. Главнѣйшее доказательство, приводимое г. Сабуровымъ въ опроверженіе господствующаго мнѣнія о происхожденіи чернозема, заключается въ слѣдующемъ. Еслибы черноземъ происходилъ отъ накопленія перегноя, то въ верхней части своей, гдѣ этого вещества больше, онъ

Digitized by Google

былъ бы чернѣе, чѣмъ въ глубинѣ, гдѣ его менѣе; между тѣмъ какъ, по наблюденіямъ г. Сабурова, выходитъ наоборотъ, что черноземъ, чѣмъ далѣе въ глубину, тѣмъ чернѣе. Этимъ наблюденіямъ, относящимся вѣроятно къ одному или нѣсколькимъ имѣніямъ одного изъ уѣздовъ Пензенской губерніи, я смѣло могу противопоставить мои четырнадцати-лѣтнія наблюденія во многихъ губерніяхъ, по которымъ выходитъ, что черноземъ, какъ и другія господствующія почвы, по мѣрѣ углубленія въ него, становится все менѣе и менѣе чернымъ, такъ что подъ конецъ цвѣтъ его почти не отличается отъ цвѣта подпочвы. Каждый можетъ повѣрить мои слова опытомъ, взявъ на разной глубинѣ образцы почвы и высушивъ ихъ въ одинаковой мѣрѣ. Я предлагаю такой опытъ потому, что, такъ какъ въ сыромъ состояніи почва чернѣе, чѣмъ въ сухомъ, и, за исключеніемъ сильныхъ и продолжительныхъ засухъ, на разной глубинѣ имѣетъ разную степень влажности или сухости, то испытанія посредствомъ однѣхъ выимокъ легко могутъ привести къ такому же заключенію, какое на этотъ счетъ выходитъ по наблюденіямъ г. Сабурова. Въ доказательство того, что черноземъ есть не иное что, какъ желѣзистый суглинокъ, почернѣвшій отъ дѣйствія воздуха, г. Сабуровъ приводитъ извѣстные ему случаи пріобрѣтенія нѣкоторыми глинами чернаго цвѣта, отъ пребыванія ихъ на открытомъ воздухѣ. Не споривая возможности подобныхъ случаевъ, не говоря даже и о томъ, что, слѣдуя мнѣнію г. Сабурова, надлежало бы сдѣлать одно изъ самыхъ невѣроятныхъ предположеній, что черноземъ образовался только тамъ, гдѣ находилась способная чернѣть отъ дѣйствія воздуха глина,—я замѣчу, что еслибы черноземъ былъ почернѣвшимъ отъ дѣйствія воздуха желѣзистымъ суглинкомъ, или какой бы то ни было землею, то онъ имѣлъ бы черный цвѣтъ только на поверхности, а не въ глубинѣ, куда мало или вовсе не проникаетъ воздухъ. Если же г. Сабуровъ имѣлъ довѣріе къ своимъ наблюденіямъ, по которымъ выходитъ, что черноземъ чѣмъ далѣе въ глубину, тѣмъ чернѣе, то этому довѣрію надлежало бы сдѣлать его мнѣніе о подобномъ происхожденіи чернозема логически невозможнымъ.

«Затѣмъ остается сказать, что изложенный взглядъ г. Сабурова на черноземную почву замѣчателенъ, какъ первая попытка практическаго земледѣльца освободиться отъ господствующаго о томъ мнѣнія теоретиковъ. Кромѣ того, при всей ошибочности главныхъ положеній этого взгляда, онъ не лишенъ однакожь и нѣкоторой основательности. Такъ во-первыхъ, утверждая, что черноземъ есть не перегнойная, какъ вообще полагаютъ, а напротивъ того чисто минеральная земля, г. Сабуровъ только преувеличиваетъ, но этимъ весьма не много искажаетъ

Digitized by Google

истинное о немъ понятіе. Дѣйствительно, по однимъ лишь наружнимъ осязательнымъ признакамъ не трудно убѣдиться, что черноземъ есть преимущественно минеральная земля, которая подобно глинѣ нерѣдко можетъ быть употреблена и употребляется на выдѣлку кирпичей, а иногда и на другія лѣпныя работы. Во-вторыхъ, хотя почвы чернѣютъ не отъ дѣйствія воздуха, и способностію чернѣть одаренъ не одинъ желѣзный суглинокъ, но несомнѣнно то, что въ ряду всѣхъ земель ему принадлежитъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто; несомнѣнно также и то, что есть земли совершенно лишенныя способности дѣлаться черными, къ каковымъ принадлежатъ чисто-кремнеземистыя, чисто-известковыя (мѣловыя) и многія рухляковыя почвы. По крайней мѣрѣ иначе мы не можемъ объяснить того замѣчательнаго явленія, что даже въ странахъ, отличающихся самыми благопріятными условіями для образованія перегнойныхъ растворовъ, мы нерѣдко находимъ въ слоѣ настоящаго чернозема бо́льшіе или меньшіе камни мѣлу и свѣтложелтаго рухляка, называемаго глинкой, оставшіеся вовсе не окрашенными.

«Прекращая рѣчь о происхожденіи чернозема, вызванную отсутствіемъ его въ Тверской и другихъ губерніяхъ, не смотря на то, что въ нихъ еще и теперь земля столь часто покрывается кучами органическихъ остатковъ, обращаюсь къ разсмотрѣнію значенія, какое эта и другія господствующія почвы имѣютъ въ области явленій природы; но прежде скажу нѣсколько словъ въ оправданіе столь продолжительнаго отступленія отъ главнаго предмета настоящей статьи. Можетъ-быть строгіе систематики, основываясь на томъ, что минеральныя вещества составляютъ количественно главный элементъ почвы, а органическій—второстепенный, сравнительно весьма ничтожный, найдутъ, что рѣчь о почвахъ здѣсь неумѣстна. Какъ неестественнымъ однакожь ни кажется сочетаніе такихъ двухъ предметовъ, но въ дѣйствительности оно основано на самой тѣсной связи между ними. Связь эта заключается въ томъ, что не только живыя растенія, но и безжизненные, совершенно измѣненные и поглощенные почвою ихъ остатки, какъ мы сейчасъ увидимъ, продолжаютъ служить не менѣе вѣрными указателями климатическихъ, топографическихъ и другихъ различій, обуловливающихъ степень развитія органической жизни.

«До сихъ поръ на большее или меньшее количество содержащихся въ почвѣ перегнойныхъ веществъ и на бо́льшую или меньшую глубину, до которой ими проникнута почва, смотрятъ, какъ на главную причину и отличительные признаки бо́льшаго или меньшаго ея плодородія; причины же этихъ различій оставляются безъ вниманія, какъ

Digitized by Google

явленія случайныя или по крайней мѣрѣ не подчиняющіяся видимому закону.

«Черноземная почва, образующая у насъ сплошную полосу около 600 верстъ ширины, направляется отъ юго-запада на сѣверо-востокъ, такъ что одинъ восточный конецъ ея въ Европейской Россіи находится въ широтѣ Тверской и смежныхъ съ нею губерній, въ которыхъ черноземъ составляетъ весьма рѣдкое явленіе, а другой западный, въ широтѣ степей астраханскихъ, южно-саратовскихъ, самарскихъ, оренбургскихъ и нижнедонскихъ, въ которыхъ господствующими оказываются тоже нечерноземныя почвы, называемыя солонцами. Образуя пространное царство злаковъ, вмѣщающее до 1,440,000 квадратныхъ верстъ, то-есть безъ малаго $^1/_3$ всего пространства Европейской Россіи, эта полоса отдѣляетъ собою нечерноземную сѣверо-западную часть Россіи отъ нечерноземной же юго-восточной, изъ коихъ первая, начинаясь постепенно усиливающимся господствомъ лѣсовъ, оканчивается полярными степями моховыхъ тундръ, мѣстами съ ползучею лозой, называемой яраномъ или ерникомъ, а вторая обнимаетъ безводныя, безлѣсныя и, за исключеніемъ немногихъ оазовъ, почти безтравныя степи, которыя съ удаленіемъ на югъ постепенно превращаются въ совершенныя пустыни, съ оазами растеній, свойственныхъ знойнымъ климатамъ. Предѣлы черноземной полосы обозначаются чертами, по большей части незначительно извивающимися около прямаго направленія отъ гор. Проскурова (Подольской губерніи) на гор. Верхотурье (Пермской губерніи) и отъ г. Херсона на г. Оренбургъ; такъ что восточные концы этихъ предѣловъ находятся почти на 10 градусовъ ближе къ полярнымъ странамъ, чѣмъ западные. Внѣ этихъ предѣловъ, черноземъ встрѣчается какъ исключеніе на лучшихъ мѣстахъ, каковы: въ юго-восточной Россіи низовыя, котловатыя равнины, обыкновенно же отѣненныя лѣсами и рощами, и скаты, обращенные къ сѣверу и западу, на которыхъ долѣе удерживается влага, а въ сѣверо-западной—легкіе набережные скаты, особенно обращенные къ востоку и югу, которые болѣе согрѣваются лучами солнца. Подобно тому и нечерноземныя почвы встрѣчаются въ черноземной полосѣ тоже какъ исключеніе: въ сѣверной половинѣ ея — на мѣстахъ, которыя занимаютъ или недавно занимали лѣса и рощи, а въ южной — на близкихъ къ рѣкамъ овражистыхъ и чисто песчаныхъ пространствахъ, особенно же обращенныхъ скатами къ востоку и югу. Какъ перваго рода исключенія становятся болѣе частыми, по мѣрѣ приближенія къ черноземной полосѣ, такъ исключенія втораго рода дѣлаются болѣе и болѣе рѣдкими, по мѣрѣ приближенія къ чертѣ, которая проходитъ въ прямомъ направленіи отъ г. Балты (Подольской губерніи)

Digitized by Google

черезъ города Воронежъ, Пензу, Симбирскъ и Каменскіе заводы (Пермской губерніи). Эта черта, составляя ось чорноземнаго образованія, имѣетъ еще значеніе экватора, по отношенію къ слѣдующимъ явленіямъ. 1) Чѣмъ ближе къ ней, тѣмъ болѣе почва становится черною, такъ что вслѣдствіе того черноземная область подраздѣляется на три полосы: а) сѣверную, въ которой преобладаетъ сѣрый черноземъ, называемый еще черноземомъ съ бѣлиной; б) среднюю, распространяющуюся на 150 вер. въ обѣ стороны отъ указанной черты, въ которой господствуетъ почти исключительно одинъ совершенно черный черноземъ, называемый просто черноземомъ, безъ всякихъ прилагательныхъ, и в) южную, въ которой преобладаетъ бурый черноземъ. 2) Этой чертѣ параллельны линіи равной глубины, до которой почвы проникаются растворомъ перегнойныхъ веществъ и линіи равной садкости почвы, то-есть способности осѣдать, слегаться или плотнѣть послѣ обработки, хотя глубина безъ исключенія увеличивается, а садкость почвы тоже безъ исключенія уменьшается до прямой противоположности, по направленію отъ сѣверо-запада на юго-востокъ, не останавливаясь на черноземной оси. 3) Ей же параллельны: линіи равно богатаго и равно скуднаго произрастанія злаковъ; экваторіальные или южные предѣлы господства лѣсовъ, воздѣлыванія конопли и льна, озимыхъ хлѣбовъ (ржи и пшеницы) и многихъ огородныхъ овощей, каковы: капуста, лукъ, свекла, морковь, рѣпа и картофель; а также полярные (сѣверные) предѣлы переложно-степной системы полеводства, вызванной непреодолимою способностію почвы разрыхляться отъ обработки и исключительнаго воздѣлыванія яровыхъ хлѣбовъ, пшеницы, проса, кукурузы, арбузовъ, дынь и табаку. 4) Ей же параллельны еще линіи равныхъ урожаевъ и неурожаевъ, такъ что съ удаленіемъ отъ этой черты къ сѣверо-западу усиливаются неурожаи хлѣбовъ, совпадающіе съ неурожаями ихъ въ большей части западной Европы, между тѣмъ какъ съ удаленіемъ отъ нея на юго-востокъ усиливаются урожаи, избытками которыхъ продовольствуется какъ сѣверо-западная Россія, такъ и западная Европа; въ обратномъ же случаѣ, за неимѣніемъ избытковъ хлѣба въ сѣверо-западныхъ странахъ, жители юго-восточной половины Россіи принуждены терпѣть голодъ. Наконецъ 5) черноземной оси параллельны линіи равномѣрнаго разчлененія возвышенныхъ, особенно же набережныхъ, пространствъ изсушающими почву оврагами, которыхъ число, увеличиваясь по мѣрѣ приближенія къ означенной чертѣ и уменьшаясь съ удаленіемъ отъ нея какъ на сѣверо-западъ, такъ и на юго-востокъ, составляетъ главную причину мѣстныхъ уклоненій отъ параллели къ этой чертѣ всѣхъ предыдущихъ явленій.

Digitized by Google

«При такомъ соотношеніи указанныхъ явленій, значеніе разныхъ оттѣнковъ чернозема и распространяющихся отъ занимаемой имъ полосы на сѣверо-западъ и на юго-востокъ нечерноземныхъ почвъ, по одному географическому ихъ расположенію, становится какъ нельзя болѣе очевиднымъ. Они представляютъ разныя краски, или вѣрнѣе говоря, разныя тѣни одной и той же краски, которыми природа изобразила на поверхности земли климатическое распредѣленіе теплоты и влаги, — этихъ двухъ главнѣйшихъ условій органической жизни вообще и растительной въ особенности.

«Итакъ: 1) черноземная полоса есть полоса наиболѣе равномѣрнаго сочетанія въ почвѣ теплоты и влаги, если не вообще, то весной и лѣтомъ, въ эти самыя важныя для жизненнаго развитія растеній времена года. Отъ такого равномѣрнаго сочетанія въ этой странѣ теплоты и влаги происходитъ и плодородіе, которымъ она искони славится; черноземная же почва есть только слѣдствіе, а не причина плодородія этой страны. Въ вѣрности этого мнѣнія ясно убѣждаютъ неурожаи, случающіеся и въ черноземной полосѣ въ неблагопріятные годы, какими бываютъ для сѣверной ея половины слишкомъ холодные, а для южной слишкомъ сухіе. Направленіе этой полосы отъ юго-запада на сѣверо-востокъ, или, говоря словами нашихъ простолюдиновъ, отъ зимняго заката на лѣтній восходъ солнца, показываетъ направленіе равно-теплаго и въ равной мѣрѣ освѣжаемаго дождями весенняго и лѣтняго времени, то-есть направленіе линій изотерическихъ. 2) Какъ черноземная полоса есть страна болѣе или менѣе равномѣрнаго сочетанія въ почвѣ весенней и лѣтней теплоты и влаги, то распространяющіяся отъ нея на сѣверо-западъ и на юго-востокъ страны нечерноземныхъ почвъ суть страны, въ которыхъ сочетаніе этихъ двухъ стихій въ почвѣ болѣе или менѣе значительно уклоняется отъ такой равномѣрности. Въ юго-восточной нечерноземной странѣ это уклоненіе состоитъ въ возрастающемъ, по мѣрѣ отдаленности отъ черноземной полосы, избыткѣ теплоты и недостаткѣ влаги, и выражается болѣе и болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ, постепенно увеличивающеюся толщиною окрашеннаго слоя и способностію чрезмѣрно разрыхляться отъ обработки. Въ сѣверо-западной же, нечерноземной странѣ, оно состоитъ въ возрастающемъ недостаткѣ теплоты и излишествѣ влаги, и выражается все болѣе и болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ почвы, уменьшающеюся толщиною окрашеннаго слоя и увеличивающеюся садкостію, или способностію сильно осѣдать послѣ обработки. Присовокупивъ сюда еще тотъ несомнѣнный фактъ, что возрастающее въ составѣ почвы количество переглоя, особенно же обугленныхъ остатковъ растеній, есть слѣдствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ и

Digitized by Google

выраженіе увеличивающагося въ ней излишества влаги,—мы увидимъ, что каждая почва служитъ сама для себя термометромъ и гигрометромъ; то-есть она, безъ помощи этихъ орудій, рѣшаетъ вопросъ о степени своей теплоты и влажности слѣдующимъ непогрѣшительнымъ образомъ: именно, чѣмъ глубже почва, тѣмъ она теплѣе и способнѣе разрыхляться, и чѣмъ мельче, тѣмъ холоднѣе и способнѣе крѣпко слегаться послѣ обработки; чѣмъ болѣе почва содержитъ перегноя, или чѣмъ она чернѣе, тѣмъ она влажнѣе, а чѣмъ менѣе—тѣмъ суше. По этому естественному орудію измѣренія сравнительной степени теплоты и влажности почвы, Тверская губернія, въ которой господствуютъ почвы слабо окрашенныя перегноемъ и отличаются весьма незначительною глубиной, даже въ случаѣ преобладанія въ нихъ перегноя, принадлежитъ къ болѣе сѣвернымъ, чѣмъ соотвѣтственныя ей по географической широтѣ части Нижегородской, Вятской и Пермской и даже сосѣднихъ—Владимірской и Ярославской губерній, потому что и въ послѣднихъ растительность нѣсколько богаче, а мертвые остатки ея окрасили почву вообще сильнѣе и глубже, и мѣстами, какъ напримѣръ около Ростова или Переславля Залѣсскаго, превратили ее даже въ настоящій, или очень близкій къ настоящему, черноземъ.»

Digitized by Google

ИЗЪ ПАРИЖА.

(Отрывокъ изъ частнаго письма отъ 23 октября н. ст.)

—

Не могу не подѣлиться съ вами однимъ изъ лучшихъ впечатлѣній, какія я испыталъ со времени отъѣзда изъ Россіи. Сегодня поутру я собрался къ К... съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ ѣхать въ Bicêtre. Вдругъ онъ вспомнилъ, что нынче засѣданіе академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, и мы отправились туда вмѣстѣ.

Читали довольно скучные мемуары, но я ничего не слушалъ: я весь превратился въ глаза. Не могу сказать вамъ какое дѣйствіе произвело на меня собраніе этихъ знаменитостей, которыхъ имена были мнѣ такъ хорошо извѣстны по книгамъ и къ которымъ я издавна привыкъ обращаться съ уваженіемъ. Я подсѣлъ къ одному изъ служителей и сталъ его распрашивать объ именахъ, какъ Пріамъ распрашивалъ Елену о греческихъ герояхъ; только моя Елена была плѣшивая и въ очкахъ.

Предсѣдательствовалъ Пасси; подлѣ него, на секретарскомъ мѣстѣ, сидѣлъ Миньé. Вы не можете себѣ представить, что̀ это за прелестная физіономія! Сколько въ ней мысли, спокойствія, благородства, добродушія, тонкости! Мы съ К... все время на него любовались. Подлѣ Миньé — Бартелеми Сентъ-Илеръ. На другой сторонѣ залы — старикъ Дюнуойé (Dunoyer); съ нимъ говоритъ Léonce de Lavergne; далѣе Villermé, Moreau de Jonnès, Faustin Hélie. Я спросилъ объ имени господина, который сидѣлъ поодаль, писалъ письма и все время ни съ кѣмъ не говорилъ и не кланялся. Это былъ Cormenin,— физіономія очень умная, выразительная, но не симпатическая. Среди засѣданія отворилась дверь, и вошелъ старичекъ, съ зонтикомъ и въ бѣлой

Digitized by Google

шляпѣ, котораго всѣ привѣтствовали съ уваженіемъ. Я спросилъ, кто такой?— Mr. Cousin.—Опять отворяется дверь, входитъ высокій господинъ въ синемъ фракѣ, застегнутый, лысый, съ навислыми бровями, съ величавой осанкой — Odilon Barrot. Послѣдній, впрочемъ, не очень мнѣ понравился; а у Cousin наружность чрезвычайно привлекательная: онъ нѣсколько дряхлъ, но лицо умное, подвижное, добродушное, съ необыкновенно пріятною улыбкой. Вѣдь не важный, кажется, человѣкъ; когда объ немъ говоришь, то и подтруниваешь немножко: а между тѣмъ видъ его привелъ меня въ умиленіе. Не знаю отчего, но отъ него еще болѣе чѣмъ отъ другихъ повѣяло на меня старой Франціей, блистательнѣйшей эпохою Франціи, съ парламентскими битвами, съ краснорѣчіемъ профессоровъ, съ бурной журналистикой, съ живой общественной жизнью, въ которой было столько увлеченія, столько сочувствія ко всему прекрасному, такая страсть къ мысли, такая любовь къ свободѣ, такое участіе ко всему человѣческому. И на всемъ этомъ лежитъ поэзія *погибшаго невозвратно*. Бо́льшая часть этихъ людей отжила свой вѣкъ, многіе изъ нихъ оказались несостоятельными; но каждый совершилъ въ своей жизни что-нибудь серьёзное, каждый изъ нихъ посвятилъ себя мысли и труду, оставилъ по себѣ слѣдъ, каждый изъ нихъ принималъ дѣятельное участіе въ этой обаятельной средѣ,—и жизнь его полна, имя его нельзя произносить безъ участія и уваженія. И теперь эти люди сходятся и жмутъ другъ другу руку, въ святилищѣ, которое не подлежитъ вліянію политической борьбы. Тутъ я понялъ какъ имъ должно быть горько и больно!

Чтобы дополнить впечатлѣніе, надобно сходить въ Père Lachaise и видѣть тамъ гробницу Бенжаменъ Констана рядомъ съ монументомъ генерала Фуа, и Беранжѐ, погребеннаго съ Манюэлемъ, съ которымъ онъ не хотѣлъ разстаться даже послѣ смерти. Да много, много тамъ и другихъ!...

Digitized by Google

АТЕНЕЙ,

будетъ издаваться и въ слѣдующемъ году съ тѣмъ же направленіемъ и по той же программѣ, какъ издавался въ нынѣшнемъ. Пользуясь указаніями опыта, Редакція допуститъ только измѣненіе въ срокѣ выхода и въ объемѣ книжекъ, которыя будутъ являться не еженедѣльно, а по два раза въ мѣсяцъ, и содержать въ себѣ отъ осьми до десяти листовъ каждая. Это дастъ болѣе возможности избѣгать всегда непріятнаго нерерыва значительныхъ статей и сообщать, кромѣ критики, библіографію замѣчательнѣйшихъ литературныхъ явленій русскихъ и иностранныхъ, которая будетъ постоянно вестись людьми, снеціально занимающимися тою или другою отраслью науки. Расширеніе объема книжекъ дозволитъ удѣлять болѣе мѣста и Современной Исторіи, которая не получила въ Атенеѣ того развитія, какое для нея предполагалось и которое оказалось неудобоисполнимымъ при слишкомъ спѣшномъ и малообъемистомъ еженедѣльномъ изданіи. Но Редакція будетъ попрежнему держаться той осповной мысли, что Современная Исторія должна быть не отголоскомъ новседневныхъ извѣстій, составляющихъ исключительную область газетъ, а болѣе обдуманнымъ обзоромъ важнѣйшихъ явленій современной жизни, съ указаніемъ, по возможности, на ихъ причины, поводы и ожидаемыя послѣдствія. Неисполнимое притязаніе замѣнить собой летучіе листки газетъ не входило и не войдетъ въ программу Атенея, и въ избѣжаніе всякихъ недоразумѣній съ этой стороны, Редакція считаетъ своей обязанностью разъ навсегда заявить объ этомъ передъ читателями.

Мѣста и условія подписки остаются прежнія.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. М. ЩЕПКИНА И К°.

Коммиссіонера Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Министерства Государственныхъ Имуществъ:

на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина,

ПРОДАЮТСЯ ВНОВЬ ВЫШЕДШІЯ:

ОПЫТЫ ПО ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА. Б. Чичерина. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858 г. Ц. 1 р. Съ пересылкою 1 р. 50 к.

ОЧЕРКИ АНГЛІИ И ФРАНЦІИ. Б. Чичерина. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858 г. Ц. 1 р. Съ пересылкою 1 р. 50 к.

ЛИСТКИ БАРОНА БРАМБЕУСА. Спб. 1858 г. 2 части. Ц. 2 р.; съ пересылкою 2 р. 50 к. сер.

СТИХОТВОРЕНІЯ М. РОЗЕНГЕЙМА. Спб. 1858 г. Ц. 1 р. 50 к.; съ пересылкою 2 р. сер.

СЛОВАРЬ ПОВЫЙ (ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ЧЕТЫРЕХЪ ЯЗЫКОВЪ), составленный Рейфомъ. Часть французская. Изданіе 3-е. Карлсруе. 1858 г. Ц. 2. р. 50 к. съ пересылк. 3 р.

ПИСЬМО СЕЛА НИКОЛЬСКАГО СТАРОСТЫ КУЗЬМЫ ФЕДОРОВА ПѢТУХОВА къ помѣщику своему Ивану Петровичу Бѣлкину о бывшей въ селѣ Никольскомъ мірской сходкѣ на счетъ улучшенія крестьянскаго бытья. Написано для простаго народа, чтобы уразумѣли всѣ какая для крѣпостныхъ людей перемѣна будетъ. М. 1858 г. Ц. 15 к. Съ пересылкою 40 к. сер.

УКАЗАТЕЛЬ ДОСТОПАМЯТНОСТЕЙ ГОРОДА ПСКОВА, составленный инспекторомъ псковской семинаріи А. Князевымъ. М. 1858 г. Ц. 50 к. Съ пересылкою 80 к. сер.

ДМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ. Драма. Соч. Н. Полозова. М. 1858 г. Ц. 1 р. 50 к. Съ пересылкою 1 р. 80 к. сер.

ОПЫТЫ РУССКО-КАВКАЗСКОЙ ФЛОРЫ въ примѣненіи къ сельскому хозяйству и домашнему быту. Составленъ А. Оверинымъ и Н. Ситовскимъ. Ливрезонъ IV-й. Тифлисъ 1858 г. Ц. 1-му тому, состоящему изъ 6-ти ливрезоновъ, 4 р. сер.; съ пересылкою 5 р. 50 к. сер. Вмѣстѣ съ вышедшими ливрезонами выдается билетъ на полученіе послѣдующихъ выпусковъ.

Digitized by Google

О ФИЗИЧЕСКОМЪ ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ въ періодъ ихъ первоначальнаго развитія, или наставленіе матерямъ ходить за ними въ это время, и вообще о наблюденіи за ними во все продолженіе ихъ младенческаго періода и послѣ отнятія ихъ отъ груди. Соч. доктора Н. Массе. М. 1858 г. Ц. 1 р. 50 к. Съ пересылкою 2 р. сер.

ИСТОРІЯ РОССІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ. Сочиненіе С. Соловьева. Томъ V. Изданіе 2-е. М. 1858 г. Ц. 2 р. Съ пересылкою 2 р. 50 к. сер.

ИСТОРІЯ РОССІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ. Сочиненіе С. Соловьева. Томъ VIII-й. М. 1858 г. Ц. 2 р. Съ пересылкою. 2 р. 50 к. сер.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА, VII-й дополнительный томъ. Изданіе П. В. Анненкова. С.П.Б. 1857 года. Цѣна 1 р. Съ пересылкою 1 р. 50 коп.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ СТАНКЕВИЧЪ. Переписка его и біографія, написанная П. В. Анненковымъ, съ портретомъ Станкевича. М. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к. Съ пересылк. 2 р. сер.

МАГАЗИНЪ ЗЕМЛЕВѢДѢНІЯ и ПУТЕШЕСТВІЙ. Географическій сборникъ Н. Фролова. Томъ V-й, съ картой и 4-мя рисунками. М. 1858 г. Цѣна 3 р. Съ пересылкою 3 р. 75 коп.

СОЧИНЕНІЯ И ПИСЬМА СВЯТОГОРЦА, собранныя послѣ его смерти. С.П.Б. 1858 г. Цѣна 2 р. Съ пересылкою 2 р. 50 коп.

ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ. Эриста Курціуса. Переводъ съ нѣмецкаго. I-го тома I-е отдѣленіе. (Изданіе Попова). М. 1858 г. Ц. 1 р. Съ пересылкою 1 р. 40 коп.

СМЫШЛЕНОСТЬ ЖИВОТНЫХЪ. Соч. С. Жолкевича. С.П.Б. 1858 г., съ 43-мя политипажами въ текстѣ. Цѣна 60 к. Съ пересылкою 85 коп.

КОШЕЛЕКЪ, ПОДЕНЬЩИНА И ПУСТОМЕЛЯ. Сатирическіе журналы 1760, 1770 и 1774 годовъ. Изданіе А. Аѳанасьева. М. 1858 года. Цѣна 1 р. Съ пересылкою 1 р. 50 коп.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ ШЕКСПИРА. Переводъ съ англійскаго Н. Кетчера, выправленный и пополненный по найденному Пэнъ-Колльеромъ старому экземпляру in folio 1632 г.

ЧАСТЬ 5-я. Тимонъ Аѳинскій.
Два Веронца.
Юлій Цезарь.
Антоній и Клеопатра.

Изданіе Солдатенкова и Н. Щепкина М. 1858 г. Цѣна каждой части 1 р. Съ пересылк. 1 р. 50 к. сер.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ ОБЪ ОСАДѢ СЕВАСТОПОЛЯ Н. Берга. 2 тома, съ 2-мя планами. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858. Ц. 2 р. 50 к. Съ пересылк. 3 р. сер.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ АЛЬБОМЪ Н. Берга, съ 37-ю рисунками большаго формата; при нихъ текстъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858 г. Ц. 7 р. Съ пересылк. 8 р. сер.

ШИЛЛЕРЪ ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, изданный подъ редакціею Н. В. Гербеля. Спб. 1858 г. 4 части. Ц. 5 р. 25 к., съ пересылкою 6 р.

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ СКАЗКИ. А. Н. АѲАНАСЬЕВА. Изданіе 2-е. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, выпускъ 1-й. М. 1858 г. Ц. 50 к. Съ пересылкою 75. к. сер.

ВСЕОБЩАЯ ФЛОРА ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ. Составилъ и издалъ Д. Ч. Московскаго Общества Любителей Садоводства П. В. Романовъ. Часть 1-я. М. 1857 г. Ц 1. 50 к. Съ пересылкою 1 р. 80 к. сер.

ИСТОРІЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Соч. Н. Устрялова. 3 тома, съ портретомъ его и альбомомъ картъ, плановъ и снимковъ. Спб. 1858 г. Ц. 8 р. Съ пересылкою 11 р. сер.

СОЧИНЕНІЯ И ПИСЬМА Н. В. ГОГОЛЯ, съ его портретомъ. VI томовъ. Изданіе П. А. Кулиша. Спб. 1857 г. Ц. 12 р. Съ пересылкою 15 р. сер.

ФИЛОСОФСКІЙ ЛЕКСИКОНЪ (А. Б. В.). Томъ I-й. Кіевъ, 1857 г. Ц. 2 р. 50 к. Съ пересылкою 3 р. сер.

ДѢТСКІЕ ГОДЫ БАГРОВА-ВНУКА, служащіе придолженіемъ Семейной Хроники С. Аксакова. Москва, 1858 г. Ц. 3 р. Съ пересылкою 3 р. 50 к. сер.

ЧЕТЫРЕ СТАТЬИ Н. Т. о нѣкоторыхъ современныхъ вопросахъ и поэтѣ Віоло. Спб. 1858 г. Ц. 40 коп. Съ пересылкою 65 к.

ЗАДУШЕВНЫЯ БѢСѢДЫ. Изданіе Н. Токарева. Спб. 1858 г. Цѣна 35 коп. Съ пересылкою 60 коп.

ВЗГЛЯДЪ на настоящія отношенія между помѣщиками и ихъ крѣпостными людьми. Н. Т. Спб. 1858 г. Цѣна 20 коп. Съ пересылкою 45 коп.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ФРЕГАТЪ ПАЛЛАДА.. . . . . М. Ѳ. де-ПУЛЕ.
СПОРЪ ОБЪ ОБЩИННОМЪ ВЛАДѢНІИ ЗЕМЛЕЮ. . . . . М. Н. ЮРЬИНА.
НЕЗАТѢЙЛИВОЕ ВОСПИТАНІЕ. Изъ записокъ. . . . . А. Щ.
ЧЕРНОЗЕМЪ И ЧЕРНОЗЕМНАЯ ПОЛОСА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ.
ИЗЪ ПАРИЖА. . . . . (Частн. письмо).

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,

и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атенея*, при книжномъ магазинѣ Н. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, *десять* рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. сь полтиною*.

Печатать дозволяется. Ноября 1-го, 1858 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе*.

Digitized by Google

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 45.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К°.

—

1858.

Digitized by Google

Digitized by Google

ТРИ МѢСЯЦА ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Письмо второе.

Бреславль.

—

Бреславль не можетъ не произвесть глубокаго впечатлѣнія на насъ, Русскихъ, впервые выѣзжающихъ за границу и не имѣющихъ никакого понятія о томъ, что̀ такое старинный, средневѣковой городъ, что̀ такое городовая жизнь. Рига, Ревель имѣютъ, правда, такой же отпечатокъ, но многіе ли изъ насъ заглядываютъ туда, въ тотъ отдѣльный уголокъ имперіи, живущій совершенно особенною жизнью, гдѣ объ Россіи знаютъ только по слуху. Вѣроятно, каждому изъ насъ скорѣе придется побывать за границей, нежели тамъ, и уже однимъ внѣшнимъ своимъ видомъ Бреславль долженъ поразить каждаго. Мы въѣзжаемъ въ городъ, гдѣ кипѣла средневѣковая, городовая жизнь, гдѣ боролись князья съ богатыми свободолюбивыми горожанами, гдѣ узкія улицы, съ высокими массивными домами, изъ которыхъ многіе имѣютъ до сихъ поръ еще свой отличительный, отъ среднихъ вѣковъ еще перешедшій знакъ, гдѣ каждый домъ, можно сказать, имѣетъ свою исторію, гдѣ гордо возвышается древняя ратуша, — городъ, сто́ящій на рубежѣ Германіи и восточнаго славянскаго міра, гдѣ невольно должна чувствоваться и сознаваться вся неизмѣримая разница между нашею исторіей, нашимъ общественнымъ и политическимъ бытомъ и бытомъ западной Европы. Не будемъ говорить о томъ, какой это былъ городъ — нѣмецкій или славянскій; у насъ передъ глазами одинъ фактъ, что Нѣмцы рано придвинулись къ Одру (Одеру), что здѣшнее славянское народонаселеніе рано втянулось въ круговоротъ

Digitized by Google

средневѣковой жизни западной Европы, и Бреславль своею исторіей, своими учрежденіями доказываетъ, что онъ, подобно многимъ другимъ славянскимъ городамъ, подпалъ подъ вліяніе нѣмецкое и вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ событіяхъ и борьбахъ, волновавшихъ средневѣковую Европу. Жизнь эта не была лишена величія; она воспитала въ этихъ городовыхъ центрахъ тотъ свободный союзный духъ, котораго не могли сломить вполнѣ удары центральной власти и новаго бюрократическаго, полицейскаго и военнаго государства. Средневѣковая городовая жизнь успѣла воспитать тотъ духъ самоуправленія, котораго ничѣмъ нельзя было заглушить, благодаря которому каждый городъ умѣлъ сохранить хоть извѣстную тѣнь самостоятельности, и ревниво отстаивая послѣднюю, умѣлъ отучить центральную власть отъ докучливаго и несноснаго вмѣшательства въ его собственныя домашнія дѣла. — Оттого-то каждый городъ, не только такой, какъ Бреславль, но каждый даже незначительный теперь городокъ имѣетъ и свои благотворительныя общества, и свою библіотеку, самъ заботится своими средствами объ общественныхъ гуляньяхъ, о театрѣ, обо всемъ, что только можетъ доставить удобство жителямъ. Положимъ, что болѣе высокій уровень образованія имѣетъ также свою долю вліянія на жизнь каждаго нѣмецкаго города, но возможность къ тому далъ все-таки этотъ союзный духъ, который поддержалъ самостоятельность и самоуправленіе въ каждомъ захолустьѣ, въ самомъ ничтожномъ, иной разъ, городкѣ. Много здѣсь бываетъ смѣшныхъ сторонъ мелкаго мѣщанства, но Богъ съ ними. Эти мелкія мѣщанскія натуры скромно ограничивающіяся своею средой, съ гордостью и самодовольствомъ показывающія чужестранцамъ свои заведенія, свои памятники, свои гулянья, созданные на ихъ деньги, ихъ пожертвованіями, могутъ, пожалуй, вызывать высокомѣрную улыбку со стороны такъ-называемыхъ широкихъ натуръ, мечтающихъ о великихъ всемірныхъ вопросахъ, не находящихъ дѣятельности ихъ достойной, но широкія натуры сидятъ себѣ сиднемъ и не въ состояніи устроиться даже въ своемъ домашнемъ быту, а мелкія мѣщанскія натуры всегда за дѣломъ и всегда общими силами создадутъ себѣ удобную жизнь, найдутъ себѣ по силѣ дѣятельность, и дружно созидаются ими дѣла

Digitized by Google

общеполезныя, за которыя благодаритъ ихъ потомство и которымъ дивятся потомъ сами широкія натуры, не понимая отчего этого у нихъ дома нѣтъ, когда, кажется, такъ просто и легко можно все это устроить. Около маленькаго фонтана на бреславскомъ публичномъ гуляньѣ вы встрѣтите постоянно гуляющихъ дамъ съ дѣтьми. Фонтанъ изображаетъ мальчика съ лебедемъ, — группа очень милая и граціозная и поставлена весьма красиво. Ежели вы случайно спросите объ этой группѣ, вамъ съ удовольствіемъ отвѣтятъ, что городъ это сдѣлалъ по подпискѣ и что сдѣлано это художникомъ, силезскимъ уроженцемъ, Каллиде, если я не ошибаюсь. Еще до 1813 года Бреславль былъ обнесенъ стѣнами, валомъ и рвомъ. Теперь грозныя когда-то укрѣпленія обращены въ бульвары, окаймляющіе городъ и въ прекрасныя гулянья, на которыхъ вы найдете подъ вечеръ пеструю толпу гуляющихъ. У входа вы не встрѣтите сторожа, но зато вамъ тотчасъ же кинется въ глаза дощечка съ надписью: садъ находится подъ покровительствомъ публики (die Anlagen stehen unter dem Schutze des Publicum's), и вы можете быть увѣрены, что ничья рука не коснется цвѣтовъ, насаженныхъ въ разныхъ мѣстахъ по бульвару. Бульвары состоятъ въ вѣдѣніи ученаго общества (Schlesische Gesellschaft für vaterländische Cultur), и поддерживаются частными средствами. Къ бульварамъ примыкаютъ уже предмѣстія. Это совершенно новыя части города съ красивыми домами, широкими улицами — словно новый городъ въ противоположность къ мрачному, старому городу съ узкими улицами и древними строеніями. Въ старомъ городѣ самое интересное и замѣчательное мѣсто — это безспорно Ring, то-есть старая городская площадь съ ратушей. Средневѣковая жизнь здѣсь словно окаменѣла.

Днемъ, когда площадь усѣяна подвижными лавченками, когда отперты магазины, занимающіе нижніе этажи окружающихъ площадь домовъ, она не производитъ на васъ еще особеннаго впечатлѣнія; но когда стоишь на ней вечеромъ, или рано утромъ, когда лавки заперты, когда нѣтъ пестрой толпы, не бросаются вамъ въ глаза изъ блестящихъ магазиновъ продукты современной промышленности и ничто не напоминаетъ вамъ XIX столѣтія, тогда Ring является совершенно въ иномъ видѣ.

Digitized by Google

На площади, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими домами, старинной постройки, съ выдающимися на крутобокихъ кровляхъ окнами, и шпицами, съ различными изображеніями, служившими каждому дому отличительнымъ признакомъ — на площади возвышается громадное и величавое зданіе ратуши, съ башнями, вышками и балкончиками. Солнце освѣщало одну сторону почтеннаго зданія, именно ту, которая почти до верху покрыта вьющеюся дикою лозой. Смотритель, къ которому я обратился, съ величайшею готовностью повелъ меня показать зданіе, но его нельзя было, къ сожалѣнію, видѣть вполнѣ, потому что оно перестроивалось, и мнѣ пришлось только мелькомъ осмотрѣть его. Мимо двухъ сильно уже вывѣтрившихся и испорченныхъ статуй, изображающихъ старинныхъ магистратскихъ служителей, взошли мы въ такъ-называемую Botenstube, прихожую, откуда прекрасная, рѣзьбой покрытая дверь ведетъ въ палату засѣданій, стѣны которой выложены также деревянной рѣзьбой, и гдѣ стоитъ громадная печь, восходящая къ XVI столѣтію. Отсюда ведетъ одна дверь на верхъ. Это замѣчательная дверь. На ней сохранились и видны еще до сихъ поръ слѣды сѣкиръ, которыми рубили ее во время религіозныхъ смутъ 1418 года. Наконецъ привелъ меня смотритель въ большой залъ, гдѣ въ старину происходили общественныя увеселенія, гдѣ, бывало, праздновали свадьбы и гдѣ происходили нерѣдко ученые диспуты. Узкая лѣстница шла на тѣсный маленькій балкончикъ, нѣчто въ родѣ хоръ, гдѣ помѣщались во время танцевъ или празднествъ музыканты. Не великъ бывалъ должно быть оркестръ въ старину, потому что на балкончикѣ едва, едва могло бы помѣститься 4 или 5 человѣкъ. Но внѣшній видъ старой ратуши, построеніе которой относятъ къ XV столѣтію, и вся площадь произвели на меня все-таки больше впечатлѣнія, нежели внутренность почтеннаго зданія. Каждый домъ имѣетъ свою исторію, и всѣ вмѣстѣ они воскрешаютъ передъ вами средневѣковую жизнь богатаго Бреславля и его гордыхъ патриціевъ, дружбу которыхъ заискивали не разъ и князья, и императоры, и римскіе первосвященники. Вотъ съ одной стороны домъ семи курфирштовъ, гдѣ, бывало, останавливались Чешскіе короли и гдѣ до сихъ поръ еще сохранились статуи курфирштовъ и императора, а вотъ еще старый домъ,

Digitized by Google

занимаемый теперь книжнымъ магазиномъ, но извѣстный до сихъ поръ подъ именемъ Schwedenhalle (шведская гридница), гдѣ сохранились въ большой комнатѣ прекрасные барельефы, изображающіе военныя дѣла Густава Адольфа и относящіеся къ 1633 году. Противоположный рядъ старинныхъ домовъ, занятый по большей части магазинами золотыхъ и серебряныхъ вещей, носитъ и теперь еще названіе шорнаго ряда (Riemenzeile), и здѣсь когда-то жилъ цехъ сѣдельниковъ; сѣверная сторона называется теперь еще обжорнымъ рынкомъ. Многіе дома до сихъ поръ еще красуются изображеніями разныхъ животныхъ: вотъ домъ съ медвѣдемъ, а вотъ другой съ изображеніемъ льва, или оленя, или коня. Говорятъ, что лѣтъ 50 тому назадъ было еще до 450 домовъ съ такими изображеніями, которыя замѣняли въ старину наши нумера—обыкновеніе, господствовавшее во всѣхъ средневѣковыхъ городахъ. Я видѣлъ эти изображенія вездѣ, и въ Прагѣ, и во Франкфуртѣ, и въ Лейпцигѣ.

Выходя изъ старой ратуши, нельзя же было не зайдти и въ знаменитый Швейдницкій погребъ, помѣщающійся подъ ратушей и существующій здѣсь съ XV столѣтія. Когда-то онъ былъ монополіей городоваго магистрата, который одинъ имѣлъ право продавать здѣсь швейдницкое пиво и получалъ значительные доходы. По грязной и крутой лѣстницѣ спускаешься въ подвалъ, и тутъ представляется вамъ самая пестрая и занимательная картина.

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній.

Офицеры, солдаты, богатые и бѣдные, извощики, торговки и дамы, порядочно одѣтыя, все это сидитъ мирно за столиками, и передъ каждымъ по кружкѣ пива, и каждый, проходя мимо, непремѣнно зайдетъ выпить на $1^1/_2$ гроша пива, и все это такъ скромно и чинно, ни крику, ни гама, и на всю эту пеструю толпа одна дѣвушка, да старикъ прислужникъ. Стѣны черныя и мрачныя, освѣщеніе газомъ, но блѣдно освѣщаетъ газъ старый погребъ, гдѣ когда-то прислужники ходили въ монашескомъ платьѣ, гдѣ граждане обязывались въ иныхъ случаяхъ праздновать свадьбы, гдѣ такъ-называемый Lümmel (дурацкой

Digitized by Google

колокольчикъ) звонилъ всякій разъ, когда кто-нибудь позволялъ себѣ какую-нибудь непристойность. На одной стѣнѣ сохранилась курьезная подпись: «Еслибъ иной зналъ, кто иной былъ, тогда бы иной оказалъ иногда иному больше чести.» (Wenn mancher Mann wüsste wer mancher Mann wäre, thät mancher Mann manchem Mann manchmal mehr Ehre.) Преданіе говоритъ, что старый Фрицъ зашелъ какъ-то разъ вскорѣ послѣ взятія Бреславля въ Швейдницкій погребъ. Великій король не былъ, какъ извѣстно, щеголемъ. Были на немъ старый кафтанъ, дырявые сапоги и потертая шляпа. Пришелъ онъ и потребовалъ пива. А тутъ начались шушуканья и насмѣшки надъ чудакомъ-Пруссакомъ, надъ его нарядомъ, потому что въ Бреславлѣ много было народа, не расположеннаго къ Пруссіи. Спокойно всталъ старый Фрицъ, написалъ угольком надпись, и вышелъ. Потомъ только узнали Бреславцы надъ кѣмъ они подшутили. Надпись же сохранилась до сихъ поръ.

Когда я вышелъ изъ погреба, солнце напоминало, что надо спѣшить, чтобы успѣть осмотрѣть еще за-свѣтло старый соборъ. Какъ архитектурное произведеніе, зданіе не замѣчательно, особенно если сравнить его съ величественными соборами Кёльна и Страсбурга, но и онъ на первый разъ не можетъ не приковать къ себѣ глазъ, привыкшихъ къ казенной академической или строительно-училищной архитектурѣ нашихъ храмовъ, наложившей свою руку даже и на тѣ немногіе драгоцѣнные и намъ всѣмъ дорогіе остатки нашей старины, прожившіе не менѣе старыхъ соборовъ Запада свои бурные годы. Сколько мнѣ ни пришлось проѣхать старыхъ городовъ Германіи, вездѣ поражало меня это уваженіе къ памятникамъ сѣдой старины, поддержка ихъ, и ежели необходимо возстановленіе, то уже непремѣнно возстановленіе въ прежнемъ видѣ, поручаемое людямъ знающимъ, которые не изуродуютъ, не исказятъ старинные дворцы, замки или соборы, а возстановятъ ихъ въ томъ же видѣ, въ какомъ они были. Богатство памятниковъ временъ минувшихъ и прошедшей исторіи не можетъ не имѣть вліянія на характеръ народа, на политическія и общественныя условія его жизни. Они привязываютъ народъ къ родному городу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ старинным учрежденіямъ, съ которыми народъ раз-

Digitized by Google

стается туже, и отсюда всѣ измѣненія соціальнаго быта не имѣютъ характера произвольности. Они гораздо естественнѣе, правильнѣе и полнѣе содержаніемъ нежели тамъ, гдѣ народъ или самъ разрываетъ всякую связь съ прошедшею жизнью или, втиснутый въ новыя, чуждыя и ему извнѣ навязанныя формы жизни, торопѣетъ, замѣшивается и не знаетъ гдѣ искать выхода, куда приткнуться и за что ухватиться, чтобы выйдти на торную дорогу. Какъ ни великъ былъ произволъ, какъ ни тяжекъ деспотизмъ въ Германіи въ XVIII столѣтіи, гдѣ каждый князекъ повторялъ слово Людовика XIV: tel est notre plaisir, но и онъ не смѣлъ коснуться до многихъ сторонъ общественнаго быта, до извѣстныхъ правъ городскихъ, которыя никогда не нарушались, и при первой удобной минутѣ народу можно было за нихъ ухватиться и на основаніи ихъ вытребовать себѣ права, болѣе соотвѣтствующія новому времени и новымъ потребностямъ. И кто же станетъ отрицать, что преданія старинной городовой жизни много имѣли вліянія на реформы въ Германіи; къ сохраненію же ихъ способствовали и почернѣвшія ратуши, и гильдіи съ своими собраніями, и университетскія корпораціи съ своими правами и преимуществами, до которыхъ рѣдко дерзалъ коснуться княжескій произволъ. Формы городоваго устройства были готовы, преданія живы, стоило только обновить и освѣжить ихъ, и благородные люди, начертавшіе реформы Прусскаго королевства въ началѣ нынѣшняго столѣтія, дѣйствовали именно такимъ путемъ. Трудно бываетъ часто рѣшить — характеръ ли народа опредѣляетъ въ извѣстныя эпохи характеръ учрежденій. Гдѣ тутъ причина и гдѣ слѣдствіе: Богъ знаетъ. Но нельзя, кажется, не сознаться, что нерѣдко характеръ народный измѣняется и искажается вслѣдствіе дурнаго и произвольнаго управленія, вслѣдствіе разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Дурныя, вредныя учрежденія портятъ народъ; эта порча имѣетъ за тѣмъ съ своей стороны вліяніе на администрацію. Тутъ два исхода: или само правительство, сознавая всю необходимость реформъ, мощною рукой пересоздаетъ учрежденія и администрацію сообразно съ новыми потребностями, или народъ самъ станетъ промышлять о себѣ. Пруссіи выпала завидная доля совершить свое преобразованіе путемъ мирнымъ и спокойнымъ, но зато великіе ея государственные люди желали дѣйствительно блага ро-

Digitized by Google

дины, не останавливались на полдорогѣ, не пугались послѣдствій, а ровно и неуклонно шли къ однажды предположенной цѣли пробудить уснувшія въ народѣ силы и дать ему по возможности болѣе участія въ управленіи своими собственными дѣлами. «Когда убѣдишься, пишетъ Штейнъ, что оттѣсненіе народа отъ всякаго участія въ управленіи общественными дѣлами заглушаетъ въ немъ сочувствіе къ общему дѣлу, и что отсутствіе послѣдняго не замѣнить управленіемъ наемными чиновниками, тогда необходимо должно послѣдовать измѣненіе въ государственныхъ учрежденіяхъ. Навязчивое вмѣшательство администраціи въ частныя и мірскія дѣла должно прекратиться, и его мѣсто, пускай, заступитъ дѣятельность самихъ гражданъ, которые не знаютъ бумажныхъ канцелярскихъ формальностей, но дѣйствуютъ тѣмъ не менѣе правильнѣе, потому что собственный интересъ вызываетъ ихъ въ жизнь практическую и вынуждаетъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Мы должны стараться направить всѣ кроющіяся въ народѣ силы на промышленіе о своихъ собственныхъ дѣлахъ, потому что никому они такъ хорошо не извѣстны, какъ народу, а тогда и само управленіе получитъ сообразное съ этими требованіями направленіе и не будетъ расходиться ни съ условіями, ни съ потребностями народной жизни. Законодательство будетъ всегда плохо, когда оно составляется на основаніи воззрѣній однихъ чиновниковъ или ученыхъ. Первые такъ завалены всегда мелочами, что теряютъ изъ виду и цѣлость народной жизни и общія начала, и въ добавокъ, такъ привязаны къ старымъ формамъ и къ старому порядку вещей, что смотрятъ враждебно на всякое желаніе реформы; ученые же не знаютъ практической жизни, видятъ ее только издали и врядъ ли въ состояніи сдѣлать тутъ что-либо полезное. Если только народъ вышелъ изъ грубаго скотскаго состоянія, ежели въ обществѣ накопилась значительная масса свѣдѣній и есть хоть извѣстная доля свободомыслія, тогда общество начинаетъ необходимо само обращать вниманіе на свои общинныя и государственныя потребности. Дадите вы ему въ нихъ живое и дѣятельное участіе, и разомъ окажутся самые благодѣтельные признаки любви къ родинѣ и интересъ къ общему дѣлу; откажите ему въ этомъ, и тогда раждается недовольство и негодованіе, которое или прорвется

Digitized by Google

самымъ вреднымъ путемъ, или будетъ подавлено насильственными и убивающими духовныя силы народа средствами. Рабочее и среднее сословіе при этомъ подлѣютъ и грубѣютъ, потому что вся дѣятельность ихъ направляется исключительно только на наживу, или на развратъ; высшія сословія предаются позорной лѣни или также разгульной жизни, и необходимо падаютъ въ общественномъ мнѣніи, или дѣйствуютъ еще вреднѣе тѣмъ, что безсмысленно и дико порицаютъ всякія мѣры правительства». Такимъ-то взглядомъ руководился Штейнъ и люди, работавшіе съ нимъ вмѣстѣ въ коммиссіи для преобразованія государственныхъ учрежденій Прусскаго королевства, и они тогда же рѣшили преобразовать городовое устройство на основаніи стариннаго свободнаго участія самихъ гражданъ въ управленіи своими городскими дѣлами. Должно, впрочемъ, къ сожалѣнію замѣтить, что надежды Штейна и его сотрудниковъ не оправдались вполнѣ и планы ихъ не осуществились такъ, какъ они желали. Стóитъ только прослѣдить за правительственными распоряженіями относительно городоваго и общиннаго устройства, чтобы убѣдиться какъ прусское правительство всѣми мѣрами старалось обрѣзать права, дарованныя народу въ тѣ тяжкія минуты, когда онъ отъ мала до велика возсталъ на защиту роднаго края и королевской фамиліи. Боязливо слѣдило оно за начатками народнаго самоуправленія, и на каждомъ шагу давало чувствовать, что неохотно разстается съ началами опекунства и надзора, возникшими въ прошломъ столѣтіи. Не смотря на всѣ улучшенія и уступки, прусскому правительству придется еще много сдѣлать уступокъ своимъ городамъ и общинамъ, если оно только хочетъ остаться вѣрнымъ началамъ имъ признаннымъ въ 1808 и въ 1848 годахъ. Бюрократія и полиція, какъ бы онѣ ни были организованы, — а онѣ въ Пруссіи дѣйствительно образцовыя, — не только не въ состояніи знать вполнѣ что нужно и чего требуетъ народъ, не только не въ состояніи замѣнить всѣхъ благодѣяній, доставляемыхъ дѣятельнымъ участіемъ всѣхъ гражданъ въ ихъ собственныхъ дѣлахъ, но онѣ, пожалуй, еще опаснѣе всѣхъ народныхъ собраній, журналовъ и всѣхъ проявленій общественнаго мнѣнія. Это доказалъ намъ въ Пруссіи 1848 годъ, во время котораго правительство въ бюрократіи не нашло себѣ никакой опоры.

Digitized by Google

Но возвратимся къ собору, по которому меня водилъ старикъ-звонарь, набожно преклоняя колѣно передъ каждымъ образомъ и передъ алтаремъ въ каждомъ придѣлѣ. Не буду вамъ разсказывать о всѣхъ остаткахъ старины, не стану передавать разсказовъ моего проводника объ исторіи каждаго изъ многочисленныхъ придѣловъ. Много интересныхъ вещей въ соборѣ, много гробницъ прежнихъ епископовъ, но врядъ ли одну гробницу найдешь цѣлою и не попорченною. У одного епископа носа недостаетъ, у другаго руки. «Das haben Alles die verdammten Hussiten gethan (это все проклятые Гусситы надѣлали), сказалъ мнѣ старикъ, они и библіотеку сожгли. Да Пруссаки тоже попортили соборъ снаружи. Ядра прусскія до сихъ поръ еще замѣтны въ стѣнахъ стараго собора.» Выходя изъ алтаря, дряхлый пономарь подвелъ меня къ надгробной доскѣ, вдѣланной въ полъ. «Здѣсь покоится, сказалъ онъ, блаженной памяти кардиналъ князь-епископъ Диппенброкъ. Это былъ не человѣкъ, а ангелъ, сударь.» — Его, говорятъ, не любили въ Силезіи, возразилъ я. Требовали даже въ 1848 году, чтобы онъ оставилъ Бреславль. — «Знаю откуда всѣ эти слухи, прервалъ меня старикъ. Das sind die lutherischen Pfaffen, die das alles erzählen (это все лютеранскіе попы вамъ насказали). То ли они еще дѣлали. Они нарочно возстановляли своихъ прихожанъ противъ покойнаго кардинала. Бреславскіе студенты плевали, проходя мимо его дома. Sie brachten ihm eine Katzenmusik. И все это лютеранское духовенство. Тяжелыя были это времена, сударь. Es war eine harte Zeit, mein Herr.» Почтенный старичекъ покачалъ головой и набожно перекрестился. Не онъ, впрочемъ, одинъ отзывался такъ о Диппенброкѣ. Воспоминанія объ этомъ дѣйствительно благородномъ человѣкѣ живы въ Бреславлѣ. Въ тяжкій для Пруссіи 1848 годъ, когда всѣ страсти, и религіозныя и политическія, вырвались наружу, когда правительство потеряло голову, когда Силезія втянута была также въ общій круговоротъ, Диппенброкъ одинъ не потерялся и сохранялъ добрый миръ между протестантами и католиками. Въ 1848 г., послѣ своего возвращенія съ Франкфуртскаго съѣзда, куда его выбрали въ трехъ мѣстахъ, онъ, можно сказать, одинъ управлялъ Силезіей. О его благотворительности, терпимости и рыцарскомъ благородномъ характерѣ, отзы-

Digitized by Google

ваются даже люди противоположныхъ съ нимъ убѣжденій, и религіозныхъ и политическихъ, а это много значитъ, потому что вражда религіозная между двумя почти равносильными по числу вѣроисповѣданіями въ Силезіи сильна. Старый пономарь раза три повторялъ мнѣ, что покойный кардиналъ во всемъ старался подражать кардиналу Карлу Борромео. О Диппенброкѣ, вообще, онъ не могъ равнодушно говорить.

На другой день, въ субботу утромъ, пошелъ я въ университетскую библіотеку. Я хотѣлъ сначала идти въ университетъ, но оказалось, что, по случаю предстоявшаго праздника св. Троицы (Pfingstferien), лекцій уже не читаютъ. Библіотекарь съ величайшею любезностью водилъ меня по всему зданію. Библіотека помѣщается въ бывшемъ монастырѣ августинскихъ монаховъ. Она имѣетъ болѣе 300,000 томовъ и до 2000 рукописей. Особенно богатъ отдѣлъ богословскихъ наукъ, потому что значительныя книгохранилища упраздненныхъ монастырей поступили сюда, равно какъ и библіотека франкфуртскаго университета, соединеннаго въ 1811 году съ бреславскимъ. Какъ профессора политической экономіи, библіотекарь подвелъ меня къ отдѣлу политико-экономическихъ и статистическихъ сочиненій, но онъ чрезвычайно какъ бѣденъ и далеко уступаетъ библіотекамъ университетовъ московскаго и казанскаго. Какъ рѣдкость показалъ мнѣ библіотекарь нѣсколько полокъ, уставленныхъ единственно сочиненіями по части часоваго мастерства, пожертвованными однимъ ученымъ бреславскимъ часовщикомъ Шаде, подъ условіемъ, чтобы бреславскіе часовщики пользовались библіотекой. Но это условіе было, кажется, совершенно лишнимъ, потому что библіотека открыта всѣмъ, и свобода пользованія книгами весьма обширна. Книгами пользуется не только цѣлый городъ, но цѣлая, можно сказать, Силезія, потому что библіотека снабжаетъ ими учителей гимназій и школъ даже внѣ Бреславля, высылая имъ какія нужно книги конечно на ихъ счетъ. «Для чего же и быть библіотекѣ, какъ не для того, чтобы всѣ могли ею пользоваться, отвѣчалъ библіотекарь на мое замѣчаніе о возможности пропажи книгъ. У учителей средствъ мало, а они между тѣмъ желали бы можетъ-быть заняться; они пишутъ монографіи, а послѣднія много содѣйствуютъ успѣху наукъ.» Я замолчалъ. Мнѣ

Digitized by Google

совѣстно было, что я сдѣлалъ такое скиѳское замѣчаніе, хотя и вырвавшееся у меня невольно, потому что знаю условія нашихъ библіотекъ и опасность, которой онѣ подвергаются, даже не разсылая книгъ по губерніямъ. Намъ всѣмъ очень хорошо извѣстно много ли книгъ и особенно журналовъ возвращается въ цѣлости изъ обращенія, и все это отъ какой-то непростительной небрежности, распущенности и неуваженія къ чужой собственности. Не помню кто-то совершенно справедливо замѣтилъ, что у насъ удержать у себя чужую собаку или книгу вовсе не считается преступленіемъ, но удержать чужую собаку все-таки нѣсколько позорнѣе.

На пополненіе бреславской библіотеки отпускается ежегодно 3,500 талеровъ, — сумма во всѣхъ отношеніяхъ высокая противъ суммъ, отпускаемыхъ на наши университетскія библіотеки. Ежели мы примемъ въ разсчетъ книжныя цѣны за границей и у насъ, примемъ въ разсчетъ удобство и легкость пріобрѣтать по дешевой цѣнѣ дорогія и часто рѣдкія сочиненія на аукціонахъ и черезъ антикваріевъ, которыхъ вездѣ въ Германіи много, и съ которыми библіотека находится въ постоянныхъ сношеніяхъ, то мы смѣло можемъ сказать, что бреславская библіотека пользуется двойною противъ нашихъ библіотекъ суммою.

Библіотекарь жаловался на упадокъ филологіи въ университетѣ. Филологовъ такъ мало, что Силезія страдаетъ отъ недостатка учителей, которыхъ приходится выписывать изъ другихъ мѣстъ Пруссіи и Германіи. Дороговизнь жизни, обнаружившаяся въ послѣднее время, ставитъ учителей въ положеніе самое бѣдственное, потому что ихъ жалованье по старому еще штату не даетъ никакой возможности существовать хоть сколько-нибудь сносно, особенно человѣку семейному. Молодые люди бросаются въ послѣднее время съ жаромъ на естественныя науки, находя себѣ потомъ вѣрный кусокъ хлѣба въ частной службѣ, при разныхъ промышленныхъ заведеніяхъ. Юная же и еще развивающаяся промышленность Силезіи нуждается въ людяхъ. Жалованье въ 700 и 900 талеровъ, говорили мнѣ, не рѣдкость на заводахъ и при желѣзныхъ дорогахъ, а какой школьный учитель получитъ подобное вознагражденіе.

— Вы вѣрно ужь видѣлись съ профессоромъ Телькампфомъ? спросилъ меня библіотекарь.

Digitized by Google

— Нѣтъ еще. Я думаю сейчасъ къ нему ѣхать, только не знаю адреса.

— Я вамъ сейчасъ дамъ адресъ. Er ist Mitglied des Herrenhauses (онъ членъ верхней палаты), прибавилъ онъ и пошелъ со мною внизъ, въ коморку къ привратнику, длинному и усатому, отставному прусскому солдату. Здѣсь записалъ я адресъ и простился съ обязательнымъ библіотекаремъ. Droschke! Droschke! Лѣниво поворачиваетъ назадъ свою маленькую карету извощикъ въ длинныхъ сапогахъ, въ лосинныхъ брюкахъ, плотно облегающихъ ноги, въ красномъ жилетѣ, въ какомъ-то странномъ, синемъ суконномъ капотѣ, съ безчисленнымъ количествомъ воротниковъ, напоминающимъ старинныя наши шинели. На головѣ у извощика кожаный картузъ. Taunzienеr Platz, № 72. Ja, Ja, и щелкнулъ бичъ, и лошадки побѣжали дробною рысью по Швейдницкой улицѣ, въ предмѣстіе того же имени, къ члену верхней палаты и профессору политической экономіи Бреславскаго университета — Телькампфу.

Телькампфу на видъ лѣтъ 50. У него наружность и манеры очень пріятныя. Принялъ меня онъ очень радушно, какъ вообще всѣ въ Германіи, гдѣ вы смѣло у всѣхъ и у каждаго можете разсчитывать на пріемъ самый дружелюбный и на безграничную услужливость. Въ этомъ отношеніи Германія оставила по себѣ во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. Кого мнѣ ни случалось видѣть, къ кому бы я ни пришелъ, съ рекомендательнымъ ли письмомъ или безъ него — вездѣ радушно отворялись двери, и не только не встрѣчалъ я нигдѣ педантизма, но, наоборотъ, предупредительность и полную готовность служить всѣмъ, чѣмъ только могли служить. Я нашелъ у Телькампфа какого-то господина, котораго онъ рекомендовалъ, какъ ассессора NN, занимающагося политической экономіей, съ которымъ вмѣстѣ онъ предпринялъ переводъ сочиненій Бостіа. Телькампфъ человѣкъ бывалый. Онъ прожилъ четыре года въ Нью-Іоркѣ, гдѣ также читалъ политическую экономію, былъ во Франціи и въ Англіи. «Когда вы поѣдете въ Парижъ, непремѣнно познакомьтесь съ Бастіа, сказалъ Телькампфъ. Это безспорно одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ французскихъ экономистовъ.» Я вытаращилъ глаза. — Да вѣдь Бастіа умеръ. — «Въ самомъ дѣлѣ? Нѣтъ вы ошибаетесь.» — Да какъ же, г-нъ профессоръ, вы

Digitized by Google

вѣроятно забыли.—«Можетъ-быть, можетъ-быть, признаюсь, я этого не зналъ. Представьте себѣ, обратился онъ къ ассесору, вѣдь Бастіа-то умеръ.» Ассесоръ скоро ушелъ, и мы остались вдвоемъ. Разговоръ зашелъ, конечно, сейчасъ же объ освобожденіи крестьянъ. Телькампфъ участвовалъ въ редакціи всѣхъ постановленій и законовъ, изданныхъ съ 1850 года по этому дѣлу въ Пруссіи, когда приступлено было къ окончательному устраненію обязательнаго труда и натуральныхъ повинностей, и дѣла эти ему, слѣдовательно, совершенно знакомы. Онъ сообщилъ мнѣ весьма любопытный и многознаменательный фактъ относительно земледѣльческаго народонаселенія. Уничтоженіе обязательнаго труда и натуральныхъ повинностей сдѣлало изъ недовольныхъ крестьянъ величайшихъ консерватировъ, тогда какъ, наоборотъ, дворяне-консерваторы перешли въ оппозицію. Уплачивая свой выкупъ деньгами, сельское народонаселеніе имѣетъ всѣ выгоды на своей сторонѣ. Деньги вездѣ, а равнымъ образомъ и въ Пруссіи, упали въ цѣнѣ, а продукты земледѣлія въ цѣнѣ поднялись. Сельское сословіе находится теперь въ такомъ же положеніи, въ какомъ были въ XVI столѣтіи, во время переворота въ стоимости драгоцѣнныхъ металловъ и денегъ, англійскіе фермеры, у которыхъ контракты были заключены на долгіе сроки: матеріальное и общественное положеніе этихъ фермеровъ видимо тогда улучшилось. При такомъ переворотѣ положеніе людей промышленныхъ вообще улучшается, или же мало терпитъ измѣненія, потому что, платя по прежнимъ условіямъ проценты за занятый капиталъ или прежнюю наемную сумму, они въ то же время продаютъ дороже свои продукты. Если же кто, при такомъ переворотѣ въ цѣнахъ, теряетъ, если чье положеніе дѣйствительно ухудшается, такъ это всѣхъ тѣхъ, кто живетъ постоянными доходами или опредѣленнымъ жалованьемъ. Послѣднее замѣчается вездѣ и у насъ, и въ Европѣ. Положеніе чиновниковъ и учителей вызываетъ въ цѣлой Германіи громкія жалобы, и было еще въ прошломъ году предметомъ жаркихъ преній въ разныхъ палатахъ и ландтагахъ. Въ Дрезденѣ я присутствовалъ при преніяхъ о необходимости возвысить жалованье сельскимъ учителямъ, и сообщу вамъ въ свое время подробности объ этомъ важномъ общественномъ вопросѣ. Въ своей брошюрѣ «Ueber die Ent-

Digitized by Google

wicklung des Bankwesens in Deutschland». Телькампфъ сдѣлалъ много очень дѣльныхъ замѣчаній относительно вопроса о возвышеніи оклада служащимъ, и его взглядъ на совершающійся у насъ передъ глазами переворотъ въ стоимости денегъ, высказанный имъ въ продолженіе моего съ нимъ разговора, совершенно вѣренъ, именно, что умножившееся въ послѣднее время количество всякаго рода представителей цѣнностей, выпускаемыхъ новыми, ростущими какъ грибы, банками и промышленными предпріятіями не могло остаться безъ вліянія на стоимость денегъ вообще.

Телькампфъ много видѣлъ на своемъ вѣку, жилъ долго среди народа промышленнаго, дѣятельнаго, и провелъ эти года не безъ пользы. Его взглядъ отличается глубокою практичностью, запасъ свѣдѣній своихъ почерпалъ онъ не изъ однѣхъ книгъ, а прямо изъ жизни, и оттого-то у него ни въ его, къ сожалѣнію, немногихъ сочиненіяхъ, ни въ разговорѣ, не встрѣтишь тѣхъ избитыхъ общихъ мѣстъ, тѣхъ неумолимыхъ и по большей части односторонникъ выводовъ, которыми нерѣдко угощаютъ кобинетные экономисты, забывая, что они имѣютъ дѣло съ жизнью, съ людьми, а не съ алгебраическими формулами.

Что за рослый народъ прусскіе офицеры! Выходя отъ Телькампфа, я наткнулся на двѣ группы. Одна шла по одной сторонѣ улицы, другая по другой. Поровнявшись, всѣ офицеры, какъ благовоспитанные люди, приложили руку къ козырьку. Офицеры взаимно такимъ образомъ отдаютъ другъ другу честь. Въ этомъ должно выражаться уваженіе къ мундиру, ими носимому. Дѣлается это съ величайшимъ пендатизмомъ и невозмутимымъ спокойствіемъ, какъ актъ величайшей государственной важности. Вы можете часто любоваться въ Бреславлѣ этою умилительною сценой, потому что здѣсь главная квартира одного изъ корпусовъ прусской арміи. Особенно много попадается кирасировъ, нѣсколько полковъ ихъ расположено въ Силезіи. Имъ выпала во время моего проѣзда непріятная и грустная обязанность разгонять гдѣ-то на заводѣ сборища рабочихъ, требовавшихъ возвышенія заработной платы.

Вечеромъ, провожая меня на верхъ въ мою комнату, толстый Генрихъ сообщалъ мнѣ, что гдѣ-то около Бреславля было безпокойство между рабочими. «Haben sie was vom Arbeiter-

Digitized by Google

krawall gehört, Herr Professor».—Nein.—«Es sind Cuirassieren dahin gegangen, haben auseinandergejagt». (Послали туда кирасиръ, и они разогнали работниковъ). Дѣло въ томъ, что на нѣкоторыхъ заводахъ хозяева понизили задѣльную плату, работники отказались ходить на работу, конечно начали собираться, толковать между собой. Это показалось бунтомъ, послали кирасиръ, и бѣдныхъ рабочихъ заставили разойдтись и воротиться къ хозяевамъ на прежнихъ условіяхъ. Начни работники дѣйствительно бунтовать, позволь они себѣ насиліе, безчинства — тогда для охраненія общественнаго спокойствія и благочинія правительство самаго свободнаго государства въ мірѣ не только вмѣшивается, но и полное на это имѣетъ право, а какое же дѣло правительству до того, что работники не хотятъ работать занизкую плату. Употребляетъ ли когда-нибудь полиція мѣры для вынужденія у фабрикантовъ возвышенія заработной платы? Такіе случаи чрезвычайно какъ рѣдки, а потому не слѣдуетъ притѣснять рабочихъ, иначе всѣ проповѣди о благахъ свободной промышленности останутся пустыми и лишенными всякаго смысла фразами. Кто смѣетъ меня принудить работать, когда я не сошелся въ цѣнѣ? «Да зачѣмъ же они соединяются въ общества — это грозитъ общественной безопасности?» — Такъ велите фабрикантамъ прибавить жалованье. — Нѣтъ, это, говорятъ, будетъ противно здравымъ началамъ политической экономіи, и на этомъ основаніи стачка капиталистовъ допускается, къ нимъ являются даже на помощь королевско-прусскіе кирасиры, а такое кирасирское рѣшеніе экономическихъ вопросовъ, должно сознаться, очень вредно. Оно только доказываетъ, что въ современномъ намъ европейскомъ обществѣ не выдохлась еще старая феодальная закваска, и старыя привычки смотрѣть на рабочаго какъ на человѣка подначальнаго и служащаго. Подобные примѣры полицейскаго вмѣшательства въ дѣла рабочихъ и фабрикантовъ, къ сожалѣнію, не рѣдки, и мы можемъ утѣшаться только тѣмъ, что лучшіе публичные органы не перестаютъ громко и энергически возставать противъ всякаго произвольнаго вмѣшательства въ отношенія между хозяевами и рабочими, капиталомъ и трудомъ. Такой произволъ всегда наноситъ глубокія раны промышленности, и если не навсегда, то по крайней мѣрѣ надолго оставляетъ горечь и озлобленіе

Digitized by Google

между двумя сторонами, а послѣдствія этого бываютъ всегда болѣе или менѣе опасны для общественнаго спокойствія.

Что мнѣ сказать вамъ еще о Бреславлѣ? О его торговомъ значеніи? Но для этого нужно было бы долѣе прожить, чтобы ближе ознакомиться съ его промышленностью и торговыми оборотами. Судя по донесеніямъ бреславской торговой камеры, судя по разсказамъ нѣкоторыхъ купцовъ, Бреславль, далеко не имѣетъ уже того торговаго значенія, какъ прежде. Желѣзныя дороги, столь мощно содѣйствовавшія развитію международной торговли и къ облегченію международныхъ сношеній, много въ то же время измѣнили путей, и обошедши нѣкоторые прежде цвѣтущіе торговые центры, вредно подѣйствовали на послѣдніе. Прошло уже то время, когда богатый Бреславль былъ посредникомъ и центромъ торговыхъ сношеній между Германіей, Польшей, придунайскими землями, Турціей и даже Персіей, и прошло безвозвратно; теперь онъ не болѣе какъ складочный пунктъ продуктовъ и мануфактурныхъ произведеній Силезіи, да колоніальныхъ продуктовъ, сбываемыхъ имъ тамъ же, да въ пограничныхъ округахъ Моравіи, Богеміи, Галиціи и Царства Польскаго. Но и здѣсь соперничаютъ съ нимъ Тріестъ, это любимое дѣтище Австріи, для оживленія и поднятія торговли котораго не щадитъ ничего австрійское правительство, который, снабжая и австрійскія провинціи, и часть пограничныхъ государствъ привозными изъ-за моря продуктами, отнялъ значительную часть рынковъ у Бреславля. Прежде, бывало, торговые пункты, лежащіе вдали отъ моря, въ срединѣ государства, служили или переваломъ, или посредниками между приморскими городами и внутренними потребителями и производителями; теперь, при измѣненіи средствъ сообщеній, все стараніе торговыхъ людей направлено по преимуществу на то, чтобы избѣгать по возможности всякаго лишняго и дорогаго посредничества и завести прямыя торговыя сношенія. Вѣнскій, краковскій купецъ сносится, напримѣръ, прямо съ Гамбургомъ, минуя Бреславль, и наоборотъ. Это и скорѣе для него и дешевле, тѣмъ болѣе, что разныя линіи желѣзныхъ дорогъ берутъ по взаимному между собой соглашенію за товары, назначенные для транзита, мѣньшую провозную плату. Много и крѣпко жалуются также въ Бреславлѣ на нашъ тарифъ, затрудняющій

Digitized by Google

сбытъ мануфактурныхъ продуктовъ Силезіи въ Царство Польское, — когда-то обширный и выгодный рынокъ для Бреславля. Въ этомъ отношеніи силезскіе фабриканты, конечно, самые ревностные поклонники началъ свободной торговли. Но не такія ведутъ они рѣчи относительно промышленной Саксоніи, которая на каждомъ шагу перебиваетъ имъ дорогу и соперничаетъ съ ними даже на прусскихъ рынкахъ. Но нельзя не отдать опять справедливости попечительности прусскаго правительства, зорко слѣдящаго за всѣми потребностями каждой части монархіи. Бреславль соединенъ уже теперь желѣзными дорогами со всѣми главными торговыми пунктами королевства, со всѣми областями, гдѣ силезская промышленность находитъ себѣ удобные и богатые рынки. Онъ связанъ уже желѣзными дорогами съ Балтійскимъ моремъ и недавно еще окончена линія до Познани, о которой давно уже дѣлало представленія бреславское торговое сословіе, ожидая отъ нея большихъ выгодъ для расширенія торговой и промышленной дѣятельности Силезіи и Бреславля.

Чуть-чуть не отправился я противъ воли въ Дрезденъ вмѣсто Берлина. Скорый поѣздъ идетъ въ Берлинъ въ десятомъ часу вечера. Я пріѣхалъ за четверть часа, взялъ билетъ, сдалъ вещи, заплатилъ за нихъ, и только въ пассажирской комнатѣ взглянулъ на билетъ. Представьте же себѣ мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что мнѣ выдали билетъ въ Дрезденъ. Я къ кассѣ,— не могу пробиться сквозь толпу. Я къ какому-то чиновнику желѣзной дороги, и спасибо ему, тотъ пошелъ къ кассиру и обмѣнялъ мнѣ билетъ. Но съ вещами было болѣе возни. За вещи принималъ деньги и выдавалъ квитанціи ужасно толстый и сердитый господинъ. Я подошелъ къ нему и спѣшилъ объяснить въ чемъ дѣло, потому что раздавался уже первый звонокъ.

— Ist mir niemals passirt (никогда еще этого не случалось), отвѣчалъ онъ мнѣ, вытаращивъ глаза.

— Да со мной случилось, сдѣлайте же милость, перемѣните ярлыки.

— Fatale Geschichte! продолжалъ онъ не трогаясь съ мѣста. — Вамъ придется приплатить. А между тѣмъ вещи начали ужь выносить.

— Сколько хотите, только пожалуста поскорѣе.

Digitized by Google

— Успѣемъ. Не сколько хочу, а по тарифу 15 грошей еще. Confusion!

Билетики успѣли, славу Богу, перемѣнить, второй звонокъ прозвенѣлъ, и я кой-какъ успѣлъ найдти себѣ мѣсто, но увы въ вагонѣ, гдѣ сидѣли двѣ барыни, гдѣ, слѣдовательно, и думать было нечего о куреніи и гдѣ сидѣть пришлось на кончикѣ скамейки, потому что барыни распорядились мѣстами самымъ деспотическимъ образомъ.

И. Бабстъ.

Digitized by Google

ГЕОРГЪ ФРИДРИХЪ ГЕНДЕЛЬ.

G. F. Händel, von Fr. Chrisander. I. B. Leipzig. 1858.

—

Понятіе о значеніи Баха въ исторіи музыки, которое мы постарались дать въ одной изъ прежнихъ статей *, не можетъ быть полно безъ сравненія его дѣятельности съ дѣятельностью другаго гиганта, его современника, — Георга Фридриха Генделя. Оба они подвинули музыку быстро впередъ, оба почерпали вдохновеніе изъ религіознаго чувства, и капитальныя произведенія того и другаго принадлежатъ къ области духовной драматической музыки. Мы воспользуемся вышедшимъ недавно сочиненіемъ Хризандера, къ сожалѣнію еще недоконченнымъ, чтобы познакомить читателей съ жизнью Генделя, и постараемся сравнить его дѣятельность и значеніе съ значеніемъ Баха.

Дѣдъ его, Валентинъ Гендель, былъ мѣдникъ, родомъ изъ Бреславля. Онъ поселился впослѣдствіи въ Галле и умеръ въ 1636 г., оставивъ послѣ себя замужнюю дочь и трехъ сыновей. Старшіе сыновья продолжали заниматься ремесломъ отца, но младшій, Георгъ, отецъ нашего Генделя, пошелъ въ цырюльники, потомъ въ костоправы или хирурги: онъ женился на вдовѣ другаго цырюльника, своего хозяина, которая была старше его десятью годами. Чрезъ нѣсколько времени онъ сдѣланъ былъ придворнымъ «тайнымъ» камердинеромъ и лейбъ-хирургомъ (fürstlich-sächsischer und churfürstlich-brandenburgischer geheime Kammerdiener und Leibchirurg). Въ 1682 г. умерла его жена, и на 62 году отъ роду женился онъ во второй разъ на Доротеѣ, дочери пастора Георга Тауста, съ которымъ

* Атеней, часть I, стран. 240.

Digitized by Google

былъ давно знакомъ и друженъ. Доретеѣ Таустъ было съ небольшимъ 32 года. Супруги, не смотря на неравенство лѣтъ, жили въ полномъ согласіи и прижили четырехъ дѣтей, изъ которыхъ зрѣлаго возраста достигли трое: Георгъ Фридрихъ и двѣ дочери. Георгъ Фридрихъ окрещенъ 24-го февраля 1685 г., и такъ какъ въ то время крестили тотчасъ по рожденіи, то можно навѣрное положить 23-е февраля 1685 года днемъ рожденія Генделя. Бахъ родился въ томъ же году 21-го марта.

Преданіе говоритъ, что съ самаго ранняго дѣтства Гендель полюбилъ міръ звуковъ. Но отецъ предназначалъ его въ юристы: надо было подавить, заглушить, уничтожить все яснѣе и яснѣе проявлявшееся влеченіе къ музыкѣ, — и музыка была строго запрещена Генделю; даже странствующихъ музыкантовъ слушалъ онъ исподтишка. Къ счастію, какая-то благодѣтельная фея — быть-можетъ тетка его Анна — сжалилась надъ ребенкомъ, и маленькій клавихордъ, который можно нести подъ-мышкой, былъ тайкомъ поставленъ на чердакъ. Тамъ Гендель могъ играть въ свободныя минуты; его никто не слыхалъ.

Отцу понадобилось какъ-то по дѣлу ѣхать къ герцогу въ Вейсенфельсъ, гдѣ жилъ племянникъ его сына, Георгъ Христіанъ, который, впрочемъ, былъ гораздо старше дяди. Генделю очень хотѣлось видѣть своего племянника, но, не смотря на просьбы, отецъ не согласился взять его съ собой и отправился одинъ. Отъѣхавъ довольно далеко отъ города, онъ увидѣлъ своего сына, бѣгущаго со всѣхъ ногъ вслѣдъ за экипажемъ.

— Куда ты бѣжишь?

— За вами, въ Вейсенфельсъ.

Началась проповѣдь, отеческое наставленіе, но цѣль была достигнута. Возвращаться было поздно, оставить истомленнаго мальчика на дорогѣ невозможно. Гендель, выслушавъ нагоняй отца, пріѣхалъ съ нимъ въ Вейсенфельсъ. Тамъ отецъ сталъ расказывать знакомымъ объ упрямствѣ своего сына, о его пагубной страсти къ музыкѣ, о планѣ его воспитанія, о томъ какъ этотъ планъ оказывается недѣйствительнымъ, какъ ничѣмъ нельзя преодолѣть музыкальныхъ наклонностей мальчишки. Въ Вейсенфельсѣ музыку понимали нѣсколько лучше, нежели въ Галле. Тамъ родился «отецъ нѣмецкой музыки», Шютцъ

Digitized by Google

тамъ жилъ курфиршть, покровитель музыкантовъ; — не мудрено, что въ числѣ знакомыхъ Генделя нашлись такіе, которые совѣтовали ему не заглушать въ сынѣ призваніе, которое высказывается такъ рѣзко и сильно.

Мальчика взяли въ капеллу, и органистъ, убѣдясь въ его способностяхъ, посадилъ его однажды послѣ службы за органъ. Курфиршть спросилъ, кто играетъ, подозвалъ къ себѣ обоихъ Генделей — отца и сына, узналъ обо всемъ что̀ мы расказали и подалъ отцу такой же совѣтъ, какой онъ прежде получилъ отъ друзей. Тутъ уже «тайному камердинеру» нельзя было не повиноваться; правовѣдѣніе не было оставлено, оно все-таки составляло главный предметъ занятій, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено — не стѣснять музыкальныхъ наклонностей мальчика и найдти для него въ Галле хорошаго учителя. Старикъ никакъ не могъ понять, что геній рано или поздно сброситъ съ себя цѣпи, и Гендель все-таки будетъ не юристомъ, а музыкантомъ.

Впрочемъ и не удивительно, что старикъ Гендель всѣми силами старался подавить въ сынѣ наклонность къ музыкѣ; на профессію музыканта большинство смотрѣло тогда какъ на унизительное ремесло. Другое дѣло—заниматься ею изъ удовольствія, для развлеченія, чтобы убить время; но дѣлать изъ нея цѣль жизни,—это предоставлялось развѣ лишь тому, у кого и отецъ уже былъ музыкантомъ. А между тѣмъ музыка шла впередъ, насколько могли ее подвигать обыкновенные таланты: читатель видѣлъ уже въ другой статьѣ, въ какомъ видѣ застали ее Гендель и Бахъ.

Учителемъ Генделя былъ органистъ Цахау. Судя по отзыву Хризандера, который анализируетъ нѣсколько сочиненій Цахау, это былъ односторонній музыкантъ, плохой композиторъ, которому было недоступно высокое, который не любилъ вдаваться въ контрапунктъ, а предпочиталъ всему легкія, сантиментальныя мелодіи. Какъ органистъ, онъ не зналъ условій пѣнія, и мелодіи его были органныя мелодіи. Въ ту переходную эпоху, когда онъ сочинялъ, произведенія его имѣли значеніе какъ попытки новаго, какъ стремленіе къ чему-то еще несознанному, что̀ вскорѣ осуществили Бахъ и Гендель. Натуры учителя и ученика были совершенно противоположны, но во-первыхъ Цахау былъ самъ еще 30-лѣтній юноша, когда Гендель

Digitized by Google

поступилъ къ нему въ ученье, а во-вторыхъ, какъ учитель, онъ могъ имѣть достоинства, какихъ не имѣлъ композиторъ. Гендель всегда съ благодарностью и почтеніемъ отзывался о своемъ наставникѣ, что̀ породило у Англичанъ ошибочное мнѣніе о Цахау, какъ почитателѣ контрапункта и представителѣ «старой школы». Во всякомъ случаѣ вѣрно, что Цахау знакомилъ Генделя со всѣми лучшими авторами того времени. До конца жизни хранилъ Гендель книгу, на которой было написано: «1698, G. F. H.», и въ которой заключались сочиненія Фробергера, Керля, Кригера и другихъ, также и самого Цахау. Въ свободные часы знакомился Гендель со всѣми современными ему инструментами, и при помощи лучшаго учителя — своего генія, пріобрѣлъ вскорѣ основательное и твердое знаніе музыки.

Въ 1696 году Гендель былъ въ Берлинѣ. Еще тогда образовался тамъ особенный центръ музыкальнаго міра, отдѣльный отъ другихъ, и это отчужденіе сохранилось до нынѣ. Тамъ была въ то время извѣстная «королева-философъ» Софія Шарлотта, пускавшаяся въ метафизическія пренія съ Лейбницемъ и такъ основательно знавшая музыку, что могла состязаться съ любымъ капельмейстеромъ и дирижировала оркестромъ на придворныхъ концертахъ, тогда какъ другіе принцы и принцессы пѣли, играли и танцовали. Генделю было тогда одиннадцать лѣтъ: игра его на клавирѣ возбудила удивленіе при дворѣ. Во главѣ берлинскихъ музыкантовъ стояли Итальянцы — Джіованни Буонончини и Аттиліо Аріости: первый отличался какъ композиторъ, второй какъ виртуозъ. Аттиліо радушно принялъ и обласкалъ маленькаго Генделя, но Буонончини сначала не хотѣлъ даже его слушать, говоря, что одиннадцатилѣтній мальчикъ не можетъ быть музыкантомъ. Однакожь, слыша ему безпрестанно похвалы и возгласы удивленія, онъ рѣшился испытать, дѣйствительно ли Гендель знаетъ генералъ-басъ, и задалъ ему хроматическую симфонію съ цыфрованнымъ басомъ. Гендель разумѣется исполнилъ ее безъ ошибки, и Буонончини не могъ не похвалить его; однако похвалилъ холодно: то былъ первый зародышъ ссоръ и интригъ, которыя впослѣдствіи разыгрались въ Лондонѣ, когда Гендель явился туда страшнымъ соперникомъ Буонончини.

Digitized by Google

Курфирштъ Фридрихъ I предлагалъ взять Генделя къ себѣ на службу и послать на свой счетъ въ Италію, что̀ было тогда неизбѣжно для музыканта; но отецъ Генделя имѣлъ благоразуміе и твердость не согласиться на предложеніе; иначе сынъ его закабалился бы потомъ навсегда въ Берлинѣ. Впрочемъ, причина отказа вѣроятно была другая: старикъ еще не покинулъ своей мечты сдѣлать изъ Генделя юриста, а согласившись на предложеніе Фридриха, онъ явно долженъ былъ отказаться отъ нея.

Въ слѣдующемъ 1697 г. умеръ 75-лѣтній отецъ Генделя, оставивъ послѣ себя троихъ дѣтей 7, 10 и 12 лѣтъ, двадцать восемь внуковъ (отъ первой жены) и двухъ правнуковъ. Не смотря на смерть отца, ученіе Генделя не прерывалось, и въ 1702 г. онъ вступилъ въ университетъ. Тутъ же получилъ онъ мѣсто органиста въ главной лютеранской церкви въ Галле, съ жалованьемъ по 50 талеровъ въ годъ. Это не опечатка. Въ 1689 г. органистъ той же церкви Шмидъ получалъ только 20 талеровъ. Всѣ сочиненія Генделя, относящіяся къ этой эпохѣ, погибли. Это было множество церковныхъ кантатъ, которыя, по мнѣнію самого Генделя, не стоили никакого вниманія.

Прошелъ еще годъ, и въ 1703 г., получивъ послѣднюю треть жалованья, Гендель уложилъ свои вещи и поѣхалъ въ Гамбургъ. Юриспруденція была окончательно брошена, и передъ нами уже развившійся 19-лѣтній юноша, сознавшій свое призваніе.

Зачѣмъ поѣхалъ онъ въ Гамбургъ? Что̀ влекло его туда? Мы уже говорили, въ статьѣ о Моцартѣ, о первыхъ попыткахъ нѣмецкой оперы въ Гамбургѣ: здѣсь мы войдемъ въ бо́льшія подробности. Будучи главнымъ изъ ганзейскихъ городовъ, Гамбургъ пользовался богатствомъ и независимостью, какъ ни какой другой городъ Германіи. Гласность и въ дѣлѣ искусства такъ же необходима, какъ и вездѣ: при нѣмецкихъ владѣтельныхъ домахъ были капеллы, давались оперы, герцогъ Брауншвейгскій считалъ свою оперную труппу лучшею въ Германіи, но она была такова только по мнѣнію самого герцога и его свиты; слушать придворныхъ пѣвцовъ могла только избранная публика, разумѣется избранная не въ музыкальномъ смыслѣ слова; направленіе, оцѣнка, выборъ піэсъ, словомъ—все за-

Digitized by Google

висѣло отъ личности владѣтельной особы и отдавалось на судъ ея свиты, ея придворныхъ, которые, безъ сомнѣнія, находили все прекраснымъ. Совершенно въ другія отношенія поставлена была музыка въ вольномъ городѣ Гамбургѣ. Съ 1698 г. существовалъ тамъ публичный театръ, куда всякій могъ имѣть доступъ за полталера: отъ этого въ Гамбургѣ образовалась первая музыкальная публика. Туда стремились всѣ лучшіе композиторы и поэты, если ихъ не приковывала къ мѣсту служба при дворѣ; тамъ находили они почетъ и уваженіе, вмѣсто презрѣнія къ ихъ *ремеслу*; тамъ находили они вѣрную оцѣнку таланта, вмѣсто пристрастнаго покровительства. На гамбургской сценѣ давались грубыя, площадныя комическія оперы, но въ то же время и мистеріи духовнаго содержанія: первыя большею частью заимствовались у чужихъ, послѣднія были чисто нѣмецкія произведенія, и произведенія чрезвычайно плохія, которыя не могли долго удержаться и вскорѣ совсѣмъ были оставлены. Съ тѣхъ поръ укоренилось мнѣніе, что либретто духовнаго содержанія не годятся для оперы...

Десятилѣтіе съ 1692 по 1703 было золотымъ временемъ для гамбургской сцены. Рейнгардъ Кейзеръ, далеко опередившій своихъ предшественниковъ, высоко поставилъ тамошнюю оперу. Это была замѣчательная личность. Человѣкъ совершенно безнравственный, преданный роскоши и разврату, легкомысленный и тщеславный, онъ соединялъ въ себѣ всѣ качества, нужныя для того, чтобы прослыть въ ту эпоху свѣтскимъ и геніальнымъ человѣкомъ. То появлялся онъ въ сопровожденіи двухъ ливрейныхъ лакеевъ, то, промотавъ всѣ деньги, исчезалъ на нѣкоторое время поправлять свои обстоятельства новымъ музыкальнымъ произведеніемъ и снова начиналъ прежнюю жизнь. Всѣ были согласны въ томъ, что музыка его хороша; оперы его распространились по всѣмъ сценамъ сѣверной и средней Германіи. Въ его музыкальныхъ идеяхъ не было той сухости, которою отличаются всѣ нѣмецкіе композиторы XVII столѣтія.

Что касается до содержанія нѣмецкой оперы въ то время, то сюжеты большею частью заимствовались изъ миѳологіи, и главную роль играла въ нихъ чувственная любовь. Пѣніе составляло слабую сторону нѣмецкой оперы: лучшая пѣвица Конради, кажется, вовсе не знала нотъ, потому что знаменитый тогда

Digitized by Google

Маттесонъ долженъ былъ пѣть ей партію до тѣхъ поръ, пока напѣвы напечатлѣвались въ ея памяти.

Маттесонъ играетъ довольно важную роль въ жизни Генделя, и потому здѣсь не мѣшаетъ познакомить съ нимъ читателей поближе. Онъ родился въ Гамбургѣ, въ 1681 г. Отецъ его былъ сборщикъ податей. Замѣтивъ у него отличный голосъ и наклонность къ музыкѣ, родители дали ему всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства для развитія его способностей. Лучшіе учителя, Преторіусъ, Кернеръ и другіе, преподавали ему правила контрапункта и пѣнія. Съ 8 до 24 лѣтъ отъ роду пѣлъ онъ на театрѣ, куда взялъ его директоръ Шоттъ. Это не препятствовало другимъ его занятіямъ: онъ, кромѣ нѣмецкаго, зналъ французскій, англійскій и итальянскій языки. Отличительными чертами его характера были неутомимая дѣятельность и безмѣрное самолюбіе. Какъ композиторъ, написалъ онъ множество оперъ и кантатъ, какъ литераторъ—множество музыкально-критическихъ сочиненій, памфлетовъ, теоретическихъ изслѣдованій, и проч. Слогъ его отличается самоувѣренностью и грубостью; впрочемъ, это послѣднее качество, какъ мы увидимъ ниже, раздѣлялъ онъ съ большею частью своихъ соотечественниковъ. Слѣдующее заглавіе брошюрки, напечатанной противъ него въ 1728 г., говоритъ само за себя: «Ein Paar derbe musikalisch-patriotische Ohrfeigen, dem nichts weniger als musikalischen Patrioten und nichts weniger als patriotischen Musico, salv. ven. Herrn Mattheson, welcher zum neuen Jahre eine neue Probe seiner gewohnten Calumnianten-Streiche unverschämter Weise an den Tag gelegt hat, zu Wiederherstellung seines verlornen Gehörs und Verstandes, und zu Bezeugung schuldiger Dankbarkeit, auf beiden Backen in einem zufälligen Discours wohlmeinend ertheilt von zwein brauchbaren Virtuosen Musandern und Harmonio. Erstes Gespräch.—Таково было время!

Маттесонъ приносилъ много пользы музыкѣ, иногда даже пользы вещественной. Такъ пожертвовалъ онъ для церкви св. Михаила 44,000 марокъ на сооруженіе органа. Маттесонъ умеръ въ 1764 г., въ глубокой старости.

Гендель пріѣхалъ въ Гамбургъ, когда блистательное десятилѣтіе тамошней оперы только что кончилось смертью театральнаго директора Шотта. Маттесонъ принялъ Генделя подъ свое

Digitized by Google

покровительство, далъ ему квартиру и столъ, возилъ его въ Любекъ, гдѣ было вакантное мѣсто органиста по смерти извѣстнаго Букстегуде, но такъ какъ это мѣсто можно было занять не иначе, какъ съ обязательствомъ жениться на вдовѣ Букстегуде — замѣчательная черта нравовъ!—то Гендель возвратился въ Гамбургъ, предоставивъ это другому соискателю, Шифердеккеру. Маттесонъ въ своихъ сочиненіяхъ много говоритъ о Генделѣ и его гамбургской дѣятельности; но демонъ самолюбія заставлялъ его часто искажать факты, толковать преимущественно о тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ самъ игралъ роль, и т. п., такъ что его извѣстіями надо пользоваться съ большою осторожностью. Гамбургскій поэтъ и либреттистъ Христіанъ Постель, котораго дѣятельность относится къ исторіи германской литературы, былъ очарованъ игрою Генделя на органѣ и клавирѣ и написалъ для него текстъ *Passionsmusik* по Евангелію Іоанна. Въ 1704 г. готова была на этотъ текстъ музыка. Впослѣдствіи, когда Гендель былъ въ Англіи на верху своей славы, Маттесонъ напечаталъ въ своемъ музыкальномъ журналѣ критику на это первое сочиненіе, чтобы показать съ чего начинаютъ великіе люди. Разумѣется, это первое сочиненіе слабо, въ особенности въ речитативахъ; въ инструментовкѣ нѣтъ никакого разнообразія, большею частью пѣніе сопровождается однимъ цыфрованнымъ басомъ, по старой методѣ; всѣ хоры въ пять голосовъ, потому что всѣ такъ писали въ Гамбургѣ. Гораздо выше этого стоитъ второе сочиненіе Генделя: *Альмира*, опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

По мѣрѣ того какъ подвигалась впередъ работа, Гендель приносилъ ее на судъ Маттесону, но эти отношенія вскорѣ пресѣклись. Маттесонъ отбилъ у Генделя уроки музыки, которые онъ давалъ сыну англійскаго посланника; между ними пробѣжала черная кошка, и вскорѣ заносчивость и самолюбіе Маттесона едва не привели къ трагической развязкѣ. Давали оперу его «Клеопатру», въ которой самъ Маттесонъ игралъ роль Антонія, и «такъ естественно закалывался, увѣряетъ онъ въ своей автобіографіи, что публика вскрикивала отъ ужаса». Гендель дирижировалъ оркестромъ, но Маттесонъ, заколовшись на сценѣ, хотѣлъ замѣнить его и дирижировать окончаньемъ оперы. Не обращая на него вниманія, Гендель не оставилъ

Digitized by Google

своего мѣста. Маттесонъ, оскорбленный, осмѣянный публикой, которая знала его слабость, подстрекаемый друзьями, далъ Генделю пощечину при выходѣ изъ театра, и вслѣдъ затѣмъ, на торговой площади, всенародно, обнажили они шпаги. Въ нѣсколько пріемовъ Гендель отразилъ аттаку, и шпага Маттесона разлетѣлась вдребезги.

Маттесонъ имѣлъ безстыдство печатно хвастать, какъ онъ проучилъ дерзкаго ученика, не хотѣвшаго ему повиноваться; Гендель, казалось, совершенно забылъ объ этомъ происшествіи, и если вспоминалъ о Маттесонѣ, то не иначе, какъ съ похвалами.

Либретто «Альмиры» принадлежитъ кандидату теологіи Фейстингу, бездарнѣйшему, грубому риѳмоплету. Поссорившись съ другимъ подобнымъ ему господиномъ Фейндомъ, онъ затѣялъ съ нимъ печатную перебранку, которая мало-по-малу разросталась; сюда впутались демократическія броженія, неудовольствіе духовенства на безнравственное направленіе театра, и вся непріятная исторія кончилась вмѣшательствомъ отряда императорскихъ войскъ въ 1708 году, когда Гендель уже былъ въ Италіи. Эта куча площадныхъ памфлетовъ наполнена личностями и бранью; имя Генделя встрѣчается въ нихъ изрѣдка, но онъ оставался въ сторонѣ и не принималъ участія въ этомъ спорѣ. Текстъ «Альмиры» написанъ на двухъ языкахъ: есть въ ней аріи нѣмецкія и аріи итальянскія. Это чудовищное сочетаніе покажется не столько удивительнымъ тому, кто знакомъ съ нѣмецкимъ стилемъ того времени: нѣтъ ничего нелѣпѣе этого тяжелаго, утомительнаго слога, пересыпаннаго иностранными словами, исковерканными на нѣмецкій ладъ.

Въ «Альмирѣ» Генделя особенно хороши речитативы и итальянскія аріи. Впослѣдствіи онъ воспользовался многими мѣстами изъ этой оперы и перенесъ ихъ въ лучшемъ видѣ въ другія свои произведенія. «Альмира» была дана разъ 20 сряду, и за нею вторая его опера, *Нероиъ*, которой партитура утрачена.

Кейзеръ, недовольный успѣхами Генделя, видя начало конца собственной славы, вздумалъ написать новую музыку для «Альмиры», заказавъ новый текстъ, но удержавъ то же содержаніе. Начался рядъ интригъ, сплетенъ, между тѣмъ прежняя ссора пам-

Digitized by Google

флетистовъ разгоралась, и Гендель, написавъ еще двѣ оперы — *Флориндо* и *Дафна*, въ 1707 г. уѣхалъ въ Италію, куда тянули его и вызовъ принца Тосканскаго, Гастона де-Медичи, и собственное желаніе познакомиться съ этимъ музыкальнымъ міромъ, къ которому всѣ стремились, и, наконецъ, необходимость вырваться изъ грязной атмосферы гамбургскихъ интригъ. Живя въ душномъ омутѣ грубыхъ и самолюбивыхъ развратниковъ, Гендель имѣлъ достаточно силы воли, чтобы не погрязнуть въ немъ и не заразиться безнравственностью.

Мы не станемъ здѣсь повторять того, что̀ было уже сказано въ другомъ мѣстѣ о значеніи Италіи; замѣтимъ только, что во время Генделя оно было то же, что и во время Моцарта: всѣ стремились въ эту благословенную землю, гдѣ были лучшіе композиторы, лучшіе пѣвцы и пѣвицы, лучшая музыкальная публика; гдѣ получили начало и развивались всѣ новыя формы искусства: опера, ораторія, и проч.

Гендель побывалъ во Флоренціи, въ Римѣ, въ Венеціи, въ Неаполѣ,—и вездѣ работалъ дѣятельно; безчисленное множество кантатъ и нѣсколько оперъ относятся къ этой эпохѣ. Разсматривая ихъ, замѣчаемъ весьма любопытную особенность Генделя. При всемъ своемъ разнообразіи, при всемъ богатствѣ идей, онъ часто развивалъ одну и ту же мелодію въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ. Не смотря на все желаніе оправдать его въ присвоеніи чужихъ идей, Хризандеръ самъ приводитъ два мѣста, почти тожественныя, одно изъ кантаты Итальянца Чести, ученика Кариссими, другое изъ аріи Скарлатти, которыя послужили Генделю сначала для аріи *Агриппины*, въ оперѣ того же имени, написанной въ Венеціи, потомъ вошли въ составъ ораторіи *Resurrezione*, еще разъ въ оперу *Ринальдо* и наконецъ разрослись въ великолѣпный хоръ ораторіи *Іисусъ Навинъ*. Можетъ-быть, говоритъ Хризандеръ, это былъ народный напѣвъ, или напѣвъ, такъ распространенный въ Италіи, что Гендель часто слыхалъ его и, обладая способностью удерживать всѣ хорошіе напѣвы для дальнѣйшаго развитія, ввелъ его въ свою оперу. Это одно предположеніе; но не знаю, для чего оно нужно? Въ области звуковъ трудно рѣшить, гдѣ начинается предѣлъ воровства (plagiat). Самостоятельнѣйшій геній можетъ усвоить себѣ чужую музыкальную идею и развить ее по-своему, другой можетъ свою собственную развивать,

Digitized by Google

подражая пріемамъ и оборотамъ извѣстнаго автора, и второй, по моему мнѣнію, болѣе воръ, нежели первый *.

Во Флоренціи примадонна Витторія Тези, которая пѣла въ оперѣ Генделя *Родриго*, вздумала въ него влюбиться. Это была пылкая, страстная Итальянка, причудливая и открытая натура, впослѣдствіи прославившаяся своимъ голосомъ и похожденіями. Гендель устоялъ противъ искушенія. Хризандеръ говоритъ, что онъ въ Гамбургѣ жилъ въ такомъ кругу, который былъ для него спасительнымъ громоотводомъ. Врядъ ли это такъ. Подобный громоотводъ не можетъ удержать человѣка отъ истинной страсти. Вся жизнь Генделя доказываетъ, что чувство любви къ женщинѣ было ему вовсе незнакомо. Это была странная натура, способная только къ самымъ возвышеннымъ чувствамъ. Все житейское, общечеловѣческое, также все комическое было для него недоступно. Онъ умѣлъ лучше всякаго пѣть паденіе Іерихона, но не въ состояніи былъ создать звуковъ человѣческой любви.

Мы не станемъ входить въ подробности его путешествія по Италіи; это завело бы насъ слишкомъ далеко. Возвратясь въ Германію, онъ получилъ мѣсто капельмейстера въ Ганноверѣ, но уже въ слѣдующемъ, 1710 году былъ въ Лондонѣ. Только что освободившись отъ страшныхъ смутъ, отъ религіозныхъ и политическихъ междоусобій, Англичане съ жадностью ловили удовольствія, и Лондонъ наполнился множествомъ Итальянцевъ. Но смуты эти остановили развитіе музыки въ Англіи, и только въ прошедшемъ она могла отыскать имя Перселя (Percell), чтобы поставить его наряду со множествомъ иностранныхъ именъ. Гендель пріѣхалъ въ Лондонъ, какъ извѣстный сочинитель оперъ, кантатъ, и какъ первокласный исполни-

* О музыкальномъ воровствѣ можно бы написать очень много. Такъ Мендельсонъ, при всемъ своемъ громадномъ талантѣ, дѣлалъ часто заимствованія, можетъ-быть совершенно невольныя, у Бетховена, — даже у Генделя. Такъ въ его H-mol-ной фантазіи есть мѣсто, напоминающее сонату *C-mol Op. 111* Бетховена, Allegro его квартета Ist es wahr? есть чистое подражаніе Allegro A-mol квартета *(Op. 132)* Бетховена, въ Adagio того же квартета ходъ басовъ взятъ изъ каватины *B-dur Op. 130* квартета Бетховена. Наконецъ хоръ Baal, erhöre uns въ ораторіи его Elias напоминаетъ хоръ 2-й части ораторіи Messias Генделя: All we like sheep... Уменьшатъ ли подобныя заимствованія талантъ и значеніе Мендельсона? Зная, откуда взята мелодія, мы не менѣе прежняго будемъ наслаждаться его звуками.

Digitized by Google

тель на органѣ и клавирѣ. Молодой Ааронъ Гилль, «левъ» и директоръ Геймаркетскаго театра, принялъ его съ распростертыми объятіями, и тотчасъ заказалъ ему оперу. То былъ *Ринальдо*, либретто Росси на итальянскомъ языкѣ. Глукова «Армида» основана на той же завязкѣ. Оконченная въ двѣ недѣли, опера была дана пятнадцать разъ сряду съ громаднымъ успѣхомъ. Тотчасъ появилась и оппозиція въ лицѣ Аддисона и Стиля, знаменитыхъ друзей-журналистовъ, подпавшихъ грозу на Генделя изъ личныхъ видовъ. Аддисонъ былъ раздраженъ паденіемъ своей оперы «Розамунда», Стиль—изъ денежныхъ выгодъ заботился о томъ, чтобы Дрюриленскій театръ былъ полонъ, да сверхъ того онъ отдалъ свою залу для концертовъ Клейтону и компаніи, представителямъ итальянской школы. Не обращая вниманія на яростные возгласы этихъ заклятыхъ враговъ, Гендель спокойно прожилъ въ Лондонѣ нѣсколько мѣсяцевъ и возвратился въ Ганноверъ, гдѣ замѣнилъ извѣстнаго въ то время Стеффани. Въ 1712 г. онъ снова поѣхалъ въ Лондонъ. Директоромъ театра былъ въ то время Mac Owen Swiney. Гендель написалъ въ этотъ сезонъ (1712—13) двѣ оперы, *Il pastor fido* и *Theseus*, но то были уже второстепенныя работы. Онъ оставилъ итальянскую сцену и сроднился съ Англичанами. Въ январѣ 1713 г. окончилъ онъ англійское Te Deum, для готовившагося торжества по случаю заключенія мира. Но не рѣшенъ еще былъ вопросъ о томъ, дозволятъ ли исполненіе этого Te Deum, которое по закону должно было принадлежать англійскому автору. Королевская капелла состояла изъ Англичанъ, и иностранецъ не иначе могъ быть туда допущенъ, какъ съ разрѣшенія парламента. По совѣту друзей, Гендель предварительно написалъ торжественную оду на приближавшійся день рожденія королевы: ода открыла дорогу кантатѣ, и она была исполнена въ присутствіи всего парламента въ церкви св. Павла. Гендель не очень былъ доволенъ всѣмъ происходившимъ, отчасти потому, что уже минулъ срокъ его отпуска, отчасти потому, что королева Анна ненавидѣла Ганноверскій домъ. Правительственныя отношенія эти были такъ непріязненны, что друзья совѣтовали Генделю переждать въ Лондонѣ, пока всѣ бури пройдутъ и политическій горизонтъ прояснится. Графъ Берлингтонъ пригласилъ его къ себѣ въ домъ, гдѣ онъ и прожилъ до смерти Анны

Digitized by Google

и провозглашенія Георга Ганноверскаго королемъ Англіи. Тутъ обстановка совершенно перемѣнилась: Гендель сначала не смѣлъ явиться во дворецъ, но о немъ какъ-будто забыли, и онъ свободно могъ продолжать свою дѣятельность внѣ двора. Впрочемъ, это фальшивое положеніе скоро прекратилось; Гендель написалъ музыку для торжественнаго катанья по Темзѣ, и она такъ понравилась королю Георгу, что Гендель получилъ прежнее жалованье, сталъ давать уроки принцессамъ, и т. д. Поправивъ такимъ образомъ свои дѣла, онъ долженъ былъ сопровождать короля въ Германію, куда тотъ шелъ завоевывать Ганноверъ.

Возвратясь на родину, Гендель принесъ ей дань, написавъ Passionsmusik, — но больше уже никогда не возвращался къ этому роду музыки. Причина этому становится понятна, если мы поближе вникнемъ въ сущность дѣла. Призваніемъ Генделя была, очевидно, духовная опера. Но мы знаемъ уже какъ она сошла со сцены и какъ мало-по-малу выродилась въ ораторію, по самой сущности своей — несовершенную форму искусства. Ораторія — это драматическое сочиненіе, декламируемое безъ костюмовъ и декорацій. Но Лютеръ не допустилъ въ Евангелическую церковь и этого вида драматической духовной музыки. Все замѣнила проповѣдь. Только страданія Спасителя позволилъ онъ пѣть: такъ образовалась Passionsmusik. Текстъ Евангелиста, безъ всякаго измѣненія, только со вставками хораловъ, хоровъ и арій, вотъ поэтическая основа Passionsmusik, единственнаго вида ораторіи, доступнаго для новой Церкви. Этотъ видъ былъ слишкомъ тѣсенъ для полета генія, онъ сталъ брать для своихъ ораторій ветхозавѣтныя личности; страданіе, радость, страсть *одного* человѣка были для него слишкомъ ничтожны; ветхозавѣтные герои въ его глазахъ были гигантами, рѣшавшими вопросы, которые относились до *всего* человѣчества.

Джемзъ, герцогъ Чандосъ, живя вблизи могущественнаго двора, хотѣлъ жить какъ владѣтельная особа. Надъ нимъ смѣялись, называли его великимъ герцогомъ; при Аннѣ занималъ онъ какой-то неважный постъ съ огромными окладами; потомъ удалился отъ службы, построилъ роскошнѣйшую виллу со всѣми прихотями въ Каннонѣ, въ девяти миляхъ отъ Лондона, и поселился тамъ, окруженный многочисленною свитой. Когда Гендель

Digitized by Google

возвратился изъ Германіи, Чандосъ предложилъ ему мѣсто капельмейстера, Гендель принялъ предложеніе и переѣхалъ въ Каннонъ. Тутъ появилась, наконецъ, въ 1720 г. первая ораторія Генделя *Эсѳирь*, и первая ораторія вообще на англійскомъ языкѣ. Текстъ ея переведенъ съ французскаго текста Расина, написаннаго для Моро: вообще французскія духовныя драмы, мистеріи, монастырскія представленія, были главнымъ источникомъ англійскихъ ораторій.

Въ «Эсѳири» еще видна недозрѣлость Генделя въ созданіи этого вида музыки. Не надо забывать, что форма оратоpіи тогда не установилась, что окончательное ея введеніе въ искусство принадлежитъ самому Генделю; онъ долженъ былъ почти создать ее вновь.

За «Эсѳирью» слѣдовала *Acis and Galatea* (1720 г.), ораторія миѳологическаго содержанія, чисто свѣтская музыка. Свѣтская музыка была развита гораздо болѣе духовной, и потому «Акисъ и Галатея» гораздо выше «Эсѳири». Впрочемъ, Гендель въ ней еще не покинулъ общепринятой формы арій: всѣ онѣ раздѣлены на двѣ части, и первая, длиннѣйшая, въ концѣ повторяется.

Извѣстіе о смерти сестры заставило Генделя поѣхать въ Галле. На этомъ мѣстѣ кончается первый томъ сочиненія Хризандера, которое должно стать на полкѣ истиннаго любителя музыки рядомъ съ книгою Яна о Моцартѣ. Жаль только, что самая личность Генделя у него не такъ ярко очерчена, какъ у Яна личность его героя. Прочитавъ Хризандера, можно составить себѣ ясное и вѣрное понятіе о произведеніяхъ Генделя, но о характерѣ его, о Генделѣ, какъ человѣкѣ, можно только догадываться. Впрочемъ, по первому тому нельзя судить обо всемъ сочиненіи. Подождемъ остальныхъ, а теперь возвратимся къ разсказу.

Обстоятельства Генделя были хороши. За «Эсѳирь» герцогъ Чандосъ заплатилъ ему 1000 ф. стерл., оклады его были соразмѣрны съ этою суммой. Безпрестанные заказы посыпались на него именно съ 1720 года. Въ этомъ году король и дворянство основали по подпискѣ королевскую академію музыки, которой главною цѣлью было исполненіе лучшихъ оперъ. Гендель былъ сдѣланъ директоромъ. Онъ выписалъ изъ Дрездена кастрата Сенезино и пѣвицу Дуристанти, и сталъ писать оперы. Въ это время были въ Лондонѣ Буонончини и Аттиліо, о которыхъ мы

Digitized by Google

прежде упоминали. Начались, какъ водится, интриги. Въ 1721 г. была дана опера «Муцій Сцевола», въ которой первые два акта принадлежали Буонончини и Аттиліо, третій Генделю: эта опера убила Итальянцевъ. До 1729 г. Гендель былъ неограниченнымъ директоромъ и единственнымъ композиторомъ. Но тутъ счастіе повернулось къ нему спиной. У него произошла ссора съ Сенезино. Гендель хотѣлъ его удалить, а члены академіи не соглашались. Ссоры кончились тѣмъ, что Гендель отказался отъ директорства, и академія рушилась. Гендель сталъ ставить свои оперы на Геймаркетскій театръ, привезъ изъ Италіи новыхъ пѣвцовъ; но аристократія по подпискѣ основала новую оперу, пригласила композитора Порпору, пѣвца Фаринелли, и Гендель палъ. Пріѣхалъ въ Лондонъ и сладенькій Гассе, поклонникъ Итальянцевъ, и сталъ также въ числѣ противниковъ Генделя. Четыре года держался Гендель на Геймаркетскомъ театрѣ, понесъ значительныя потери, перешелъ въ Lincoln's-Inn-Fields, оттуда въ Ковентъ-Гарденъ, наконецъ разорился, заболѣлъ и поѣхалъ лѣчиться въ Ахенъ.

Заключалась ли причина его болѣзни въ этихъ неудачахъ, трудно рѣшить. Но вѣроятно онѣ остались не безъ дѣйствія на его желѣзную натуру. Его колоссальный ростъ, мощное тѣлосложеніе, повелительный, рѣзкій голосъ, дѣйствовали на всѣхъ. Дирижируя оркестромъ, онъ ни на что не обращалъ вниманія; если придворныя дамы начинали болтать во время исполненія какой-нибудь музыкальной піэсы, онъ окликалъ ихъ, называя по имени, и заставлялъ молчать, а наслѣдная принцесса, которой иногда также доставалось, если она поздно пріѣдетъ на репетицію, обращалась, съ своей стороны, къ разговаривавшимъ, говоря: «Тише, Гендель сердится!» Можетъ-быть Гендель поступалъ и не хорошо, обзывая такимъ образомъ болтливыхъ барынь, но надо бы пріискать какое-нибудь средство, чтобъ въ театрахъ и концертахъ было нѣсколько потише. Что можетъ быть убійственнѣе болтливыхъ сосѣдей, пріѣхавшихъ въ концертъ pour voir du monde? Что можетъ быть невѣжливѣе господъ, воображающихъ, что они въ ложѣ у себя дома, и своими разговорами оглушающихъ несчастнаго любителя театра, котораго судьба помѣстила возлѣ нихъ?

Возвратясь изъ Ахена, Гендель снова пытался ставить

Digitized by Google

оперы на Ковентгарденскомъ театрѣ, и снова безуспѣшно. Жаль его, какъ человѣка, избалованнаго славою, но для искусства всѣ эти неудачи были безцѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Онѣ заставили наконецъ Генделя совершенно бросить оперу и посвятить себя исключительно ораторіи. Съ 1733 года началась его новая дѣятельность, которой онъ обязанъ своимъ безсмертіемъ. Вотъ его лучшія ораторіи въ хронологическомъ порядкѣ: 1733—«Гоѳолія», 1735—«Пиръ Александра», 1738—«Израиль въ Египтѣ» и «Саулъ», 1739—«Весельчакъ и меланхоликъ» (Allegro e penseroso), 1741—«Мессія», 1742 — «Самсонъ», 1746 — «Іуда Маккавей», 1747—«Іисусъ Навинъ». Съ Генделемъ повторилось знакомое уже намъ явленіе: современники не могли понять лучшихъ его произведеній. При второмъ исполненіи «Мессіи» зала была пуста: явился только король съ немногочисленной свитой.

— Тѣмъ слышнѣе будетъ, сказалъ Гендель.

Зато въ Дублинѣ принятъ былъ «Мессія» съ энтузіазмомъ. Наконецъ послѣднюю ораторію «Іефта» написалъ Гендель въ 1751 г., уже слѣпой. Съ 1743 г. страдалъ онъ подагрою, и 13 или 14-го апрѣля 1759 г. умеръ отъ удара. Кто не знаетъ, что Англичане похоронили его въ Вестминтерскомъ аббатствѣ, среди всѣхъ знаменитостей Англіи? Забывъ свою національную гордость, отвели они тамъ мѣсто пришельцу изъ чужой земли, и теперь, говорятъ, многіе Англичане увѣрены, что Гендель былъ ихъ соотчичъ.

Но что же его ораторіи? Мы не можемъ вдаваться здѣсь въ подробный разборъ ихъ. Замѣтимъ только, что съ «Мессіи» собственно достигаетъ Гендель высшей точки своего развитія. Всякій любитель *настоящей* музыки долженъ непремѣнно запастись ими, хотя бы только въ извлеченіи (Klavierauszug).

Во время Генделя инструментовка стояла еще на низшей степени развитія; духовые инструменты на имѣли той самостоятельности, какую дали имъ Гайднъ и Моцартъ. Отъ этого въ ораторіяхъ Генделя нѣтъ тѣхъ красокъ, которыя получаются отъ различной звучности (timbre) инструментовъ. Моцартъ передѣлалъ инструментовку нѣкоторыхъ ораторій; но въ послѣднее время начинаютъ опять возвращаться къ простѣйшей первоначальной инструментовкѣ Генделя.

Такова была дѣятельность современника и совмѣстника Баха.

Digitized by Google

Оба они въ одно и то же время быстро подвигали впередъ свое искусство: но какая разница между ними! Жизнь Генделя была въ высшей степени подвижна, онъ находился въ безпрестанныхъ столкновеніяхъ съ обществомъ, въ безпрестанныхъ путешествіяхъ, Бахъ никогда не покидалъ Германіи и сидѣлъ у своего органа. «Замѣчательнѣйшіе и вліятельнѣйшіе нѣмецкіе музыканты времени Генделя, говоритъ Хризандеръ, — Бахъ и Кейзеръ, никогда не бывали въ Италіи, и вообще ни въ какихъ чужихъ земляхъ, Маттесонъ возвратился въ Голландію, Телеманнъ былъ всего одинъ разъ въ Парижѣ, и то въ позднихъ годахъ. Кейзеръ считалъ себя и безъ того опытнымъ, Маттесонъ не зналъ чего тамъ искать, а Бахъ пошелъ по такому пути въ своемъ искусствѣ, гдѣ Италія не могла ему пособить. Эти люди развивали или отдѣльную отрасль искусства, или національный ходъ его, или, наконецъ, ложное его проявленіе, а не все искусство въ его универсальности, въ его общедоступной сферѣ, выходящей за предѣлы народности, какъ музыка Генделя. Поэтому привязанность ихъ къ очагу не была случайна, въ особенности у Баха. Извѣстно его упорство. Чувствуй онъ потребность учиться въ Италіи, онъ бы съѣздилъ туда, сходилъ бы пѣшкомъ, еслибъ не на что было ѣхать. Натура его была совершенно противоположна натурѣ Генделя: онъ остался дома, и отсюда уже можно заключить о Баховомъ идеалѣ музыки. Главные города, гдѣ процвѣтало германское органное искусство, были для него обѣтованною землей, куда стремился онъ тайно не смотря на препятствія. Предложи ему кто-нибудь нѣсколько тысячъ талеровъ на поѣздку въ Италію, онъ, вѣроятно, еслибы только принялъ предложеніе, попросилъ бы соорудить ему на эти деньги органъ по его собственному плану, между тѣмъ какъ Генделя ничѣмъ бы нельзя было отклонить отъ путешествія, котораго ожиданіе услаждало первые годы его трудовъ. Этого совершенно различнаго развитія Генделя и его геніальнѣйшаго современника не должно терять изъ виду: противоположность произошла чисто вслѣдствіе противоположности натуръ, тѣмъ болѣе, что оба они начали съ одной исходной точки, оба были учениками нѣмецкихъ органистовъ. Бахъ остался въ кругу, изъ котораго Гендель вырвался и поднялся выше; Бахъ пробивалъ себѣ боковую тропинку, между тѣмъ

Digitized by Google

какъ Гендель пошелъ прямою, всенародною дорогой и пошелъ вверхъ.»

Хризандеръ пристрастенъ къ своему герою. Онъ какъ-будто не рѣшается прямо высказать, что не любитъ Баха.

Дѣйствительно, натуры Баха и Генделя были діаметрально противоположны, и каждый шелъ по своей дорогѣ, развивая свою область искусства. Если родъ Генделевой музыки богаче рода Баховой, — что̀ еще составляетъ вопросъ, — зато Бахъ довелъ свою до такого совершенства, какое недоступно было Генделю. Сравните ихъ речитативы, и вы увидите, что у Баха каждое слово живетъ; это лучшіе речитативы, какіе когда-либо были написаны. У Генделя, не смотря на весь его геній, этого нѣтъ. Самое заимствованіе одной и той же мелодіи для совершенно различныхъ текстовъ показываетъ у него недостатокъ музыкально-драматической характеристики. Агриппина, доставивъ престолъ Нерону, поетъ:

L'alma mia frà le tempeste
Ritrovar spera il suo porto;

на тотъ же голосъ въ ораторіи Resurrezione поютъ:

Dia si lode in cielo, in terra,
A chi regna in terra, in ciel;

въ «Ринальдѣ»:

Molto voglio, molto spero,
Nulla devo dubitar;

наконецъ въ ораторіи Iosua хоръ:

Heroes, when with glory burning,
All their toil with pleasure bear.

Безъ сомнѣнія, характеръ мелодіи не можетъ подходить подъ всѣ эти тексты. Свѣтлый, торжественный, широкій характеръ ея всего болѣе подходитъ къ послѣднему.

«Сравненіе жизни Генделя съ жизнью Баха, говоритъ Рохлицъ, чрезвычайно любопытно даже и не для музыкантовъ.

«Оба они родились въ ту эпоху, когда вообще художественная и въ томъ числѣ музыкальная оригинальность покоилась долгимъ и глубокимъ сномъ; оба умерли въ глубокой старости, сохранивъ свою силу и дѣятельность до послѣдняго издыханія.

Digitized by Google

Оба были родомъ изъ Саксоніи. Оба возрасли въ низкомъ званіи и въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ. Оба имѣли колоссальное тѣло и желѣзное здоровье. У того и другаго въ самыхъ раннихъ лѣтахъ проявилось непреодолимое стремленіе къ музыкѣ; оба они, еще мальчиками, противъ обыкновеннаго порядка вещей, получили строгое и основательное образованіе въ теоріи и практикѣ своего искусства, оба учились у извѣстныхъ органистовъ и оба стали сами извѣстны, какъ органисты. Оба достигли позже, и также противъ обыкновеннаго хода вещей, болѣе обширнаго и возвышеннаго призванія, пріобрѣли всеобщую извѣстность, получали отличія отъ знаменитѣйшихъ современныхъ имъ государей; оба были признательны за эти отличія, но ни на волосъ не отклонились изъ-за нихъ отъ пути, по которому шли. Оба они испытали свои силы во всѣхъ современныхъ имъ родахъ и формахъ музыки, но преимущественно посвятили себя возвышенному, торжественному, широкому, полному стилю, и преимущественно любили прилагать его къ религіознымъ предметамъ и цѣлямъ. Оба были люди честные и прямые, глубоко проникнутые духомъ христіанской вѣры, и подъ конецъ жизни оба превратились въ мистиковъ, получили туманный, но возвышенный взглядъ на предметы вѣрованія, что́ однакожь не отвлекло ихъ отъ исполненія гражданскихъ и свѣтскихъ обязанностей. Оба потеряли зрѣніе, не измѣнивъ своему художеству. Оба кончили жизнь спокойно, съ глубокою вѣрой, не понятые, но уважаемые современниками, постигнутые и оцѣненные только потомствомъ. Не мало сходства: а между тѣмъ какая разница!

«Безпокойная, страстная душа Генделя рано влекла его въ даль и въ ширь; еще юношей бросился онъ въ свѣтскій водоворотъ и провелъ тамъ полъ-жизни; ему по сердцу была эта борьба страстей, любви, вліянія и власти. Онъ хотѣлъ тамъ изучить все, что́ выступало изъ обыкновенныхъ границъ, что̀ сильно дѣйствовало на людей, что́ ими правило, какъ въ его искусствѣ, такъ и въ жизни. Изъ всего почерпалъ онъ силы духа и характера, но самъ ничему не поддавался. Онъ любилъ имѣть дѣло съ массами народа, у котораго жилъ, съ тѣми, которые этимъ народомъ правили, тогда какъ художникомъ не управлялъ никто; зато служилъ онъ всѣмъ вѣрой и правдой. Онъ хотѣлъ всего испробовать,

Digitized by Google

со всѣми помѣриться въ жизни и въ искусствѣ; все хотѣлъ онъ испытать на себѣ. Не утомляясь шелъ онъ впередъ, какъ никто изъ ему подобныхъ; много испыталъ онъ радости и горя. Только въ полной силѣ мужества сталъ онъ давать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ пережилъ; тутъ избралъ онъ путь, всего болѣе согласовавшійся съ его личностью, и остался ему вѣренъ до гроба, достигнувъ на этомъ пути того, чего никто не достигалъ ни прежде, ни послѣ него. Онъ не былъ женатъ, умеръ въ богатствѣ и покоится въ Вестминстерскомъ аббатствѣ между великолѣпными памятниками. Въ жизни его преобладаетъ *героическій* элементъ.

«А Бахъ! Достигнувъ счастія получить мѣсто органиста въ Арнстадтѣ, съ жалованьемъ въ 70 или 80 талеровъ, онъ былъ совершенно доволенъ судьбою. Онъ не искалъ лучшаго мѣста, а слѣдовалъ только призванію.... Въ каждой новой должности онъ старался только исполнять ее какъ можно совершеннѣе. Онъ приспособлялъ къ ней даже свой поэтическій даръ. Какъ органистъ, писалъ онъ піэсы для органа, какъ церковный композиторъ въ Веймарѣ, составлялъ псалмы и духовныя кантаты, какъ директоръ музыки главныхъ церквей въ Лейпцигѣ и канторъ большаго, опытнаго хора пѣвчихъ, сочинялъ онъ свои большія, многоголосныя, трудныя и ученыя вещи, тѣ вещи, для которыхъ не достаточно слуха, какъ бы онъ ни былъ утонченъ, которыя для полной оцѣнки и пониманія требуютъ, подобно капитальнымъ произведеніямъ древняго ваянія, пособія другаго чувства: тутъ осязанія, тамъ зрѣнія. Не рѣдко царствующіе государи желали слушать Баха: скромно являлся онъ, исполнялъ ихъ волю, и также скромно удалялся въ свой тѣсный уголокъ, совершенно довольнымъ. Онъ, безъ сомнѣнія зналъ, что выше его нѣтъ органиста въ мірѣ; это было слишкомъ очевидно и всѣми признано; онъ зналъ, что исполненіе на органѣ было въ то время самою доходною частью практической стороны музыки, что покровительствовать игрѣ на органѣ считалось, особенно во Франціи, Англіи и Голландіи, хорошимъ тономъ, — и не смотря на то ему ни разу не вспало на умъ покинуть отечество.

«Въ ранней молодости онъ женился, имѣлъ цѣлую колонію дѣтей, умеръ въ бѣдности и похороненъ — никто не знаетъ гдѣ! Въ его жизни преобладаетъ характеръ *патріархальности.*»

Digitized by Google

Рохлицъ, характеризуя дѣятельность Генделя и Баха, очень мѣтко называетъ перваго *героемъ*, втораго *патріархомъ*. Гендель — эпическій поэтъ, широко звучитъ его мощная пѣснь, и всякій, кого онъ воспѣвалъ, превращался у него въ героя. Бахъ — сосредоточенный въ себѣ поклонникъ Божества; созданія его — гласъ вопіющаго въ пустынѣ; ему не было дѣла до внѣшняго міра: это былъ жрецъ своего искусства, внѣ котораго ничего для него не существовало; судъ публики для него ровно ничего не значилъ, — между тѣмъ какъ Гендель переходилъ съ театра на театръ, чтобы возвратить себѣ потерянную благосклонность толпы. Впрочемъ, мы видѣли, что только эта потеря поставила его на настоящую стезю. Бахъ не создалъ новой формы искусства, онъ довелъ только до послѣдняго развитія уже прежде установившіяся формы полифоніи, онъ вдохнулъ жизнь туда, гдѣ прежде преобладала сухая форма. Гендель создалъ новую форму въ искусствѣ: онъ превратилъ ораторію изъ духовной драмы въ духовную кантату; онъ умѣлъ отдѣлаться отъ оковъ общепринятой формалиститики. Такъ, напримѣръ, въ «Мессіи» уже мы не встрѣчаемъ da capo въ аріяхъ, каждая изъ нихъ составляетъ одно цѣлое, безъ рѣзкаго раздѣленія на двѣ части.

Эпическій элементъ Генделя приковалъ его исключительно къ героямъ древности: Александръ Македонскій, миѳологическія божества, ветхозавѣтныя личности, наполняли собою міръ его звуковъ. Бахъ, преданный своей лютеранской Церкви, остановился на личности Спасителя, съ любовью и благоговѣніемъ поклонялся только Ему, съ глубокимъ чувствомъ скорби и участія воспѣвалъ Его человѣческія страданія на крестѣ и не переходилъ за предѣлы Новаго Завѣта. Оттого музыка Баха гораздо строже сохраняетъ въ себѣ чистый характеръ духовной музыки; эпосъ увлекаетъ Генделя за эту, у Баха рѣзко ограниченную сферу. Я не рѣшусь сказать вмѣстѣ съ Хризандеромъ, чтобъ взглядъ Генделя на искусство былъ выше взгляда Баха: ихъ взгляды были совершенно различны, и — Генделевъ былъ безспорно *обширнѣе*, но развѣ это то же, что́ *выше*?

А. Кронебергъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Письма изъ Берлина къ Редактору.

—

I.

Въ Пруссіи произошла перемѣна правительства. Кто знаетъ эту страну и ея настоящее положеніе, тотъ пойметъ какъ важна здѣсь въ государственномъ отношеніи простая смѣна одного лица другимъ. Не смотря на родственныя отношенія королевскихъ домовъ Пруссіи и Англіи, не смотря на то, что давно уже прусскіе публицисты твердятъ о томъ, что Пруссія должна примкнуть къ англійской политикѣ, что ея государственное устройство во многомъ похоже на англійское, между обѣими странами существуетъ большая разница. Перемѣна правительственнаго лица въ Англіи не измѣняетъ ея политики, ни внѣшней, ни внутренней; тамъ государственные обычаи крѣпки, давни, наслѣдственны, и никогда англійскія газеты, при вступленіи на престолъ новаго короля, не заговорятъ какъ здѣшнія, что государство вступаетъ въ другой историческій фазисъ. Духовная жизнь Пруссіи, основанная на идеѣ, укрѣпленная мыслящими государственными людьми, чрезвычайно глубока и разнообразна. Образованіе проникло во всѣ классы народа; о личныхъ правахъ своихъ каждый Пруссакъ имѣетъ понятія ясныя и разностороннія, которыхъ достало бы на десятокъ подданныхъ другаго государства, но конституціонная жизнь въ Пруссіи слишкомъ молода еще, и политическое сознаніе правъ доступно слишкомъ немногимъ. Восемь лѣтъ этой жизни, но жизни колеблющейся, неопредѣленной, гдѣ было такъ много противорѣчій, такъ

Digitized by Google

много шаговъ назадъ, къ старому порядку, гдѣ даже все новое походило на сожалѣніе о старомъ, не могли пріучить Пруссаковъ къ той мысли, что они живутъ подъ новыми политическими условіями. Я пріѣхалъ въ Берлинъ въ то время, когда созвано было чрезвычайное собраніе обѣихъ палатъ, чтобъ подтвердить конституціоннымъ образомъ, на основаніи § 56 государственнаго уложенія, передачу власти больнымъ королемъ брату-регенту, когда регентъ торжественно клялся въ вѣрности уложенію передъ палатами, когда послѣднія можетъ-быть въ первый разъ поняли, что онѣ что-нибудь значатъ въ государствѣ, что ихъ спрашиваютъ, что желаютъ ихъ участія. Перемѣнилась ли въ это важное для Пруссіи время сколько-нибудь физіономія столицы? Нисколько. Берлинъ, какъ всегда, былъ совершенно спокоенъ подъ туманнымъ осеннимъ небомъ, тяжело нависшимъ надъ этою грустною плоскостью; никакого особеннаго движенія; также мало читающихъ газеты въ кофейняхъ; тотъ же спокойный, умѣренный шагъ Берлинца Unter den Linden. Только въ извѣстные часы катились кареты господъ, засѣдающихъ въ первой палатѣ, да еще многочисленнѣе казались знакомому съ Берлиномъ и безъ того многочисленныя и разнообразныя ливреи. Ни въ одной европейской столицѣ нѣтъ ихъ въ такомъ множествѣ. Здѣсь каждый незначительный помѣщикъ наряжаетъ своего слугу во фракъ съ гербовыми пуговицами и пестрымъ шитьемъ. Право, кажется, что еслибъ не существовало длинныхъ, сѣрыхъ, мелконапечатанныхъ столбцевъ англійскихъ и французскихъ газетъ, наполненныхъ корреспонденціями изъ Пруссіи о современномъ ея положеніи и кризисѣ, Берлинцы съ трудомъ догадались бы въ чемъ дѣло.

А между тѣмъ нельзя не уважать прусской журналистики: такъ много въ ней дѣльныхъ, благородныхъ, проникнутыхъ чистою любовью къ отечеству мыслей. Изъ ежедневныхъ берлинскихъ газетъ «Фоссова газета», «Національная», «Народная» и «Публицистъ» постоянно боролись за уложеніе 1850 года и выдержали свой характеръ, не смотря на всѣ стѣсненія, запрещенія, конфискаціи. Со времени министерства Радовица, съ 1850 года, положеніе ихъ было всегда прямое, открытое. Въ каждой изъ нихъ есть, конечно, свои оттѣнки, характеризующіе политическія партіи въ Пруссіи, но послѣднія такъ неясны, такъ мало

Digitized by Google

высказались и такъ мало опредѣлились, что мы безъ всякой ошибки можемъ назвать всѣ четыре упомянутыя нами газеты просто защитницами началъ уложенія. Къ нимъ надобно присоединить еще «Кельнскую газету», ежемѣсячное обозрѣніе «Preussische Jahrbücher» Гайма и «Прусскій еженедѣльный листокъ». Въ теченіе послѣднихъ осьми лѣтъ они постоянно воевали съ холоднымъ министерскимъ «Zeit» и особенно съ пресловутою «Крестовою газетой», которая была почти органомъ правительства, выступая знаменемъ отсталой, но сильной партіи, прикрывая собою антинародныя желанія королевы-Австрійки и длиннаго ряда старыхъ графинь и баронессъ, близкихъ къ переходу изъ протестантизма въ самый отчаянный іезуитскій католицизмъ. Не смотря на всѣ стѣсненія, уваженіе къ гласности и свободѣ печати уже такъ велико въ Пруссіи, что всѣ эти газеты говорили по большей части громко, рѣшительно, благородно. На сколько онѣ приготовили народъ къ политическому сознанію — это другой вопросъ, на который можно отвѣчать только въ будущемъ, и разбирая вообще характеръ Нѣмца. Издатели этихъ газетъ — люди честныхъ и благородныхъ убѣжденій, съ искреннимъ желаніемъ добра своей странѣ; ихъ голосъ силенъ и звученъ; они не похожи на воронъ и совъ, гнѣздящихся въ феодальныхъ развалинахъ и подымающихъ нескладный вой при первыхъ проблескахъ свѣта. Молодое поколѣніе ихъ слушаетъ, приготовляясь къ жизни.

Въ настоящее время всѣ эти газеты радостно привѣтствуютъ перемѣну правительства въ Пруссіи, считая ее чрезвычайно важною въ политическомъ развитіи страны и смотрятъ на принца-регента, какъ на защитника уложенія. На какихъ данныхъ изъ прошедшаго, кромѣ общихъ слуховъ, кромѣ общаго уваженія къ прямому и честному характеру регента, основывается это послѣднее мнѣніе — право не знаю. Здѣсь важно уже и то обстоятельство, что одно лицо смѣнилось другимъ: и въ этомъ уже видятъ залогъ спасенія, потому что всѣ не довольны прошедшимъ, послѣдними осьмью годами прусской исторіи. Одно слово: *регентство*, слово новое, неизвѣстное въ германской исторіи, уже много значитъ, какъ-будто оно одно подымаетъ нравственно Пруссію, такъ много потерявшую въ общественномъ мнѣніи Европы, начиная съ 1850 года. Эти восемь лѣтъ прус-

Digitized by Google

ской исторіи — незавидные для нея годы. Вмѣсто спокойнаго, законнаго утвержденія молодаго уложенія, въ которомъ, не смотря на всѣ его недостатки, было такъ много положено началъ для будущаго добра, мы видимъ какое-то неопредѣленное, шаткое положеніе правительственныхъ мнѣній. Ни одного шагу впередъ и постоянное обращеніе къ прошедшему. А какое блестящее начало, когда Пруссія была въ главѣ германскаго развитія, когда *мысль о соединеніи*, подымающая умы всѣхъ лучшихъ людей въ Германіи, невольно обращалась къ ней. Но это не надолго. Пруссія скоро принимаетъ на себя полицейскую должность въ Германскомъ союзѣ, какъ бы въ доказательство, что въ Берлинѣ самая лучшая полиція, и унижается передъ Австріей въ то самое время, когда эта погибала, когда одна Россія спасала ее. Неясный средневѣковой романтизмъ, глухая реакція, стали въ челѣ государственнаго развитія. Они отзывались во всемъ внутреннемъ состояніи Пруссіи, которая почти отказалась отъ того, чѣмъ доселѣ гордилась: отъ свободы и могущества идеи. Въ этой неопредѣленной атмосферѣ, при колеблющемся состояніи правительства, нельзя было ожидать воспитанія общества на началахъ уложенія 1850 года. Твердый и ясный голосъ людей добра заглушался хоромъ толпы людей, боящихся свѣта какъ ночныя птицы, этихъ «Dunkelmänner», которые чрезвычайно усилились, забрали въ свои руки все, проникли во всѣ сферы жизни. Ихъ хриплые голоса кричали свободно; ихъ ультрамонтанныя идеи сказывались даже въ наукѣ, въ искусствѣ. Вспомнимъ о недавнемъ, явномъ, подтвержденномъ всѣми газетами, присутствіи Іезуитовъ въ Пруссіи, странѣ протестантизма по преимуществу. Спрашивается: могло ли войдти въ жизнь при такомъ ходѣ дѣлъ и при такомъ общемъ направленіи — уложеніе, могъ ли приучиться народъ къ сознанію своихъ политическихъ правъ, могло ли общественное мнѣніе одобрить такое состояніе? Гдѣ было уложеніе? Кто говорилъ о немъ? Вездѣ къ нему общее равнодушіе, отношеніе чисто апатическое. Палаты, представители народа и его интересовъ, какъ-будто не существовали. Кто интересовался ихъ засѣданіями, кто съ жадностью читалъ рѣчи прусскихъ депутатовъ? Развѣ иногда подымется общій смѣхъ въ Европѣ при предложеніи какого-нибудь господина Герлаха;

Digitized by Google

а Герлаховъ было много, ими были всѣ, и особенно могущественная партія «Крестовой газеты», теперь нѣсколько опустившая голову и выжидающая. Вотъ почему одна перемѣна правительственнаго лица, одна побѣда уложенія надъ интригами партіи «Крестовой газеты», которая, какъ извѣстно, хотѣла осуществить свою собственную комбинацію регенства, подымаетъ уже надежды всѣхъ, недовольныхъ прошедшимъ. Даже начинаютъ появляться утопіи: какой просторъ имъ будетъ — скажетъ будущее, но общественное мнѣніе, всѣ газеты, говорятъ о регентствѣ, какъ о торжествѣ уложенія; онѣ всѣ соединились въ одномъ: въ желаніи дѣйствительной, а не мнимой жизни этому уложенію, въ желаніи, чтобъ оно вошло въ общественный бытъ, перестало быть словами, писаною бумагой, вошло въ сознаніе народа. Всѣ соединились, кромѣ министерской и «Крестовой» газетъ, въ общемъ чувствѣ недовольства прошедшимъ, хотя на дняхъ «Кёльнская газета», за статью, перепечатанную изъ Times, гдѣ разбирались послѣднія восемь лѣтъ прусской исторіи, и «Preussische Jahrbücher», за осужденіе политики современнаго министерства, были конфискованы полиціей.

Посмотримъ на событія послѣдней недѣли: высказывается ли въ нихъ рѣшительно то, что̀ даетъ право вѣрить въ полное осуществленіе уложенія и оправдываетъ восторгъ общественнаго мнѣнія? Важнѣйшее событіе — это самое регентство. Оно установлено законнымъ порядкомъ, согласно уложенію. Но регентъ созвалъ палаты не для того, чтобъ онѣ высказали свое мнѣніе, а чтобъ утвердили фактъ, уже совершившійся. Не уложеніе, можетъ-быть, торжествовало здѣсь, а болѣе сильная воля регента, разрушившая интриги «Крестовой» партіи. Коммиссія собранія единогласно, безъ всякихъ разсужденій, признала необходимость регентства. Регентъ объявилъ собранію, что онъ принимаетъ управленіе страною вслѣдствіе королевскаго рескрипта и по милости Божіей, и что и въ уложеніи всему этому *также находится соотвѣтственное выраженіе*. Всякая возможность иниціативы была отнята у палатъ. Онѣ явились чисто страдательными зрительницами и вели себя все это время страдательно. Необходимость регентства признана была безъ нихъ. Поднятъ было вопросъ о томъ, чтобъ послать ад-

Digitized by Google

ресъ королю и регенту, но онъ не имѣлъ послѣдствій, частью оттого, какъ говорятъ, что первая палата не хотѣла къ нимъ допустить депутатовъ, частью оттого, что адресы должны были сопровождаться обсужденіями, а они повели бы ко многимъ щекотливымъ вопросамъ. Въ собраніи не было общаго сознанія о важности уложенія, и бо́льшая часть членовъ его смотрѣла на регентство, не какъ на слѣдствіе § 56 этого уложенія, а какъ на слѣдствіе личной воли короля. Регентство не было поводомъ къ вопросу о правѣ. При докладѣ коммиссіи палаты *молчали;* онѣ не были такимъ образомъ *парламентомъ*, хотя докладчикъ г. Гомейеръ и называетъ ихъ молчаніе краснорѣчивымъ. Вообще объ этихъ палатахъ должно сказать, что въ нихъ не было ничего открытаго, свободнаго, сильнаго; онѣ не сознавали своего высокаго призванія — быть представительницами націи. Была ли довольна нація своими депутатами — мы увидимъ изъ новыхъ выборовъ. Октября 26-го регентъ присягалъ уложенію передъ собраніемъ обѣихъ палатъ, въ присутствіи принцевъ крови и знатныхъ тайныхъ совѣтниковъ. Никто изъ посторонникъ, ни одинъ журналистъ, какъ представитель общественнаго мнѣнія, не былъ допущенъ зрителемъ этого торжественнаго событія. Трудно видѣть во всемъ этомъ какой-то совершенно новый порядокъ вещей. Одни твердыя и простыя слова регента, произнесенныя при присягѣ, свидѣтельствуютъ о его искреннемъ чувствѣ. Замѣтимъ, что король въ подобномъ случаѣ, въ февралѣ 1850 года, говорилъ длинную и неопредѣленную рѣчь.

Какъ бы то ни было, одно то обстоятельство, что регентство явилось необходимостью, согласною съ словами уложенія, заставляетъ приверженцевъ его надѣяться на торжество его при настоящемъ правленіи. Желать этого, конечно, надобно всѣмъ: въ немъ, не смотря на всѣ его недостатки, заключается будущее развитіе Пруссіи. Но оправдаются ли всѣ возбужденныя теперь надежды, мы увидимъ скоро. Въ настоящее время всѣ партіи стихли; всѣ онѣ только и говорятъ, что объ уваженіи и вѣрности уложенію, торжественно утвержденному присягой регента. Онъ призналъ его безусловно, и десять лѣтъ переходнаго, неопредѣленнаго состоянія кончились. Теперь самымъ существеннымъ дѣломъ остается вѣрно хранить это уложеніе,

Digitized by Google

развивать законное чувство въ народѣ, пріучать его къ мысли, что у него дѣйствительно есть уложеніе. Всѣ желаютъ имѣть увѣренность въ правѣ, «Rechtssicherheit». Пересмотръ, измѣненія, улучшенія уложенія надобно предоставить будущему. Одна газета, по поводу присяги регента, напечатала первоначальный текстъ уложенія, мало извѣстнаго народу и много измѣненнаго разными частными постановленіями. Другая требуетъ, чтобъ само правительство его издало. Подобныя явленія не мыслимы въ Англіи, гдѣ политическое устройство выработалось вѣками изъ жизни народа. А въ Пруссіи это требованіе и естественно, и необходимо: такъ еще молодо здѣсь политическое сознаніе.

Всего яснѣе будутъ видны желанія и дѣйствія новаго правительства при предстоящихъ выборахъ въ палату депутатовъ. Прежняя кончила свое трехъ-лѣтнее существованіе и нельзя сказать, чтобъ она заслужила общее уваженіе. Здѣшній юмористическій журналъ «Kladderradatch» провожаетъ ея членовъ похоронною пѣснью, пародируя извѣстное посвященіе Гётева Фауста. Каковы будутъ новыя «schwankende Gestalten»—я увѣдомлю васъ въ свое время. Выборы избирателей назначены на 12-е, а депутатовъ на 24-е ноября. До сихъ поръ мнѣ случилось видѣть немногія программы выборовъ, всѣ онѣ составлены только съ желаніемъ призвать къ жизни уложеніе, хотя, конечно, трудно себѣ представить, чтобъ дѣло обошлось безъ участія партій. Весь вопросъ заключается въ томъ, свободны, или несвободны будутъ выборы, и не будетъ ли стѣснено дѣйствіе журналовъ. Характеръ выборовъ будетъ зависѣть, разумѣется, отъ свободнаго сознанія націи, а каково оно — мы увидимъ. Предшествовавшіе выборы, въ октябрѣ 1855 года, происходили несвободно. Участіе полиціи, угрозы, настращиванье были очевидны, а потому бо́льшая часть выборныхъ, состоящихъ изъ чиновниковъ, ландратовъ, принадлежала просто реакціи, стояла въ противорѣчіи со всѣми духовными стремленіями народа, вооружалась противъ всякаго либерализма. Прежній министръ внутреннихъ дѣлъ Вестфаленъ требовалъ, напримѣръ, въ своемъ циркулярѣ 1855 года, чтобъ всѣ чиновники (по всѣмъ вѣдомствамъ) или подавали голоса въ пользу кандидатовъ правительства, или не участвовали въ выборахъ

Digitized by Google

въ случаѣ несогласія съ нимъ и прямо выходили въ отставку. Тогда полицейскіе чиновники представляли себя въ кандидаты. Недавнюю отставку Вестфалена объясняютъ желаніемъ регента дать бо́льшую свободу выборамъ. * Заступившій его мѣсто министръ Флотвель издалъ циркуляръ, въ которомъ воспрещается всякое вмѣшательство полиціи въ выборы и всякія угрозы. И это уже чрезвычайно важно. Но циркуляръ этотъ не достаточно ясенъ, недостаточно высказываетъ желанія и намѣренія правительства. Его темный, чиновническій языкъ позволяетъ толковать смыслъ разно. И дѣйствительно, «Кёльнская газета», на основаніи этого циркуляра, совершенно увѣрена, что выборы будутъ свободны, а «Крестовая» говоритъ, что все останется по прежнему. Конечно, правительство не можетъ остаться равнодушнымъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ выборъ депутатовъ въ палату, рядомъ съ движеніями и дѣйствіями партій. Во всѣхъ конституціонныхъ правительствахъ существуютъ кандидаты власти и кандидаты партій; но правительственная программа должна выражаться опредѣленнѣе, прямѣе. Отъ ясности зависитъ успѣхъ дѣла. Если дѣло идетъ объ утвержденіи уложенія, то правительство заодно съ націей; разницы въ ихъ намѣреніяхъ быть не можетъ. Что же значатъ совѣты ландратамъ въ циркулярѣ дѣйствовать сильно на выборы, прямо и не прямо? Къ чему этотъ цѣлый рядъ указаній, требующій *моральнаго* вліянія со стороны чиновниковъ на выборъ «достойныхъ личностей», tüchtige Persönnlichkeiten? Съ какой точки зрѣнія и для кого онѣ будутъ достойными? Такія общія достоинства могутъ принадлежать людямъ всѣхъ партій. Что такое «желательные выборы», erwünschte Wahlen? Если дѣйствительно государственная жизнь Пруссіи измѣняется, то многое должно измѣниться въ воззрѣніяхъ. То, что̀ за три года было «желаннымъ», противно теперь общимъ желаніямъ; прежняя правая сторона въ палатѣ будетъ теперь лѣвою и, конечно,

---

* Въ примѣръ наивной радости здѣшнихъ газетъ при извѣстіи о выходѣ въ отставку этого министра, замѣчу, что одна газета упомянула, что въ день отставки (24-го октября) здѣшняя академія пѣнія (а Вестфаленъ—страстный любитель музыки) исполняла Requiem Моцарта и «Аллилуію» Генделя. — Другая газета желаетъ, чтобъ новые депутаты въ палату были чистые Пруссаки, а не *Вестфальцы* (приверженцы Вестфалена).

Digitized by Google

нельзя желать, чтобъ она была многочисленна и парализировала дѣйствія партіи уложенія. Не циркуляры нужны, а прямой смыслъ уложенія, правильное понятіе о немъ, открытое дѣйствіе. Особенно важно, чтобъ правительство не хлопотало о выборѣ въ депутаты своихъ чиновниковъ, которыми оно можетъ безусловно распоряжаться. Какая гарантія для страны, если ея выборнымъ, ея представителямъ впередъ уже предписано мнѣніе, впередъ указана цѣль дѣйствія извнѣ, не отъ избирателей? Увидимъ что̀ скажетъ близкое будущее.

Не могу не сказать здѣсь нѣсколько словъ о довольно замѣчательной брошюрѣ, недавно здѣсь появившейся и вызванной современнымъ положеніемъ Пруссіи: «Европейское равновѣсіе въ будущемъ» *. Она трактуетъ больше о внѣшнихъ вопросахъ и отношеніяхъ, но интересна потому, что въ ней видна чисто-германская точка зрѣнія, особенно по поводу сближенія англійской и прусской политики. Авторъ вовсе не космополитъ; онъ очень правильно смотритъ на отношенія народовъ между собою, принимая въ соображеніе ихъ національныя стремленія, ихъ народное призваніе. Въ политикѣ нѣтъ дружбы, какъ между людьми частными; не на основаніи сентиментальныхъ воззрѣній рѣшаются судьбы народовъ. Ложна та политика, которая смотритъ на внѣшній союзъ, какъ на постоянную цѣль, на мѣру государственныхъ отношеній. Политика Англіи ей принадлежитъ; она англійская и очень легко можетъ случиться, что она совершенно противоположна прусской. Настоящій рычагъ внѣшней политики государства есть начало народное. Брошюра хочетъ развить для Пруссіи особенную политику: *прусско-нѣмецко-австрійскую*, какъ чисто народную, согласную съ германскимъ духомъ. Грустно спрашиваетъ она — почему въ газетахъ говорятъ о вліяніи Россіи, Франціи, Англіи въ Германіи, и никогда на оборотъ, какъ-будто Германія не равна этимъ государствамъ въ матеріальной силѣ, въ нравственномъ достоинствѣ, въ общей культурѣ? Авторъ говоритъ объ европейской пентархіи, возникшей въ началѣ XVIII вѣка и разбираетъ критически пять государствъ, считая, какъ Пруссакъ, свое отечество настоя-

* Das europäische Gleichgewicht der Zukunft. Berlin 1859. (Bei Julius Springer.)

Digitized by Google

щимъ центромъ Европы, по географическому положенію и духовному развитію. Больше всего, разумѣется, обращено вниманіе на Германію со времени Вестфальскаго мира, на ея несчастное, раздробленное состояніе, покуда не возникъ ея спаситель на Сѣверѣ, въ лицѣ Фридриха II. Вѣнскіе трактаты испортили его дѣло. Довольно говорится о призваніи государствъ, объ особенномъ призваніи каждаго въ европейской пентархіи. Вотъ что̀ сказано о нашемъ отечествѣ: «Призваніе «Россіи имѣетъ преимущественно внутренній характеръ. Кругъ «ея дѣятельности заключается въ ея границахъ, но эти гра«ницы обнимаютъ седьмую часть земнаго шара. Россія, кото«рая въ будущемъ можетъ считать своихъ жителей сотнями «милліоновъ, дѣйствительно не нуждается въ другомъ полѣ «дѣйствія(?). Какъ исполинъ является она передъ величайшими «и могущественнѣйшими народами земли, но ей предлежитъ и «дѣятельность исполинская, на которую потребны вѣка, тысяче«лѣтія. Россія должна узнать, переработать, перестроить, об«лагородить себя самое. Поэтому на Сѣверѣ она представляетъ «соединительное звено между Европой и Азіей, между Азіей «и Америкой. Россія не можетъ имѣть сильнѣйшаго и могу«щественнѣйшаго вліянія на судьбы міра, какъ образуя сама «себя. По мѣрѣ того какъ она будетъ хлопотать о своемъ «внутреннемъ развитіи, внутреннемъ богатствѣ, будетъ воз«растать ея вліяніе на судьбы міра, но ея непосредственное въ «нихъ вмѣшательство будетъ всегда возбуждать недовѣріе и «порождать противодѣйствіе». Призваніе Австріи—внести германскій элементъ на Востокъ, соединить его съ Европой. Она является наслѣдницей крестовыхъ походовъ!

Больше всего и подробнѣе всего авторъ говоритъ объ англійской политикѣ, по отношенію къ Германіи и Пруссіи. Эту политику онъ хорошо знаетъ, хотя его и нельзя назвать англоманомъ. Его сужденіе о настоящемъ союзѣ Англіи и Франціи очень вѣрно. Къ сожалѣнію, взглядъ его касается только внѣшней политики, и мало беретъ онъ въ соображеніе характеръ народа и внутреннее содержаніе его исторіи. Для Пруссіи онъ желаетъ особенно развитія морской силы, повторяя слова Гизо: c'est la marine qui fait fleurir l'état — и тутъ же сознается, что Пруссія, при одномъ Балтійскомъ морѣ, никогда не будетъ мор-

Digitized by Google

скою державой. Ей нужно владѣть берегами Нѣмецкаго моря, но какъ того достигнуть? — въ этомъ весь вопросъ. Опять неизбѣжная мысль о соединеніи, опять сожалѣніе о «Kleinstaaterei», но привести эту мысль въ исполненіе не такъ легко, какъ Zollverein. Недѣлю назадъ тому въ Бременѣ были проданы съ публичнаго торга послѣднія rudera германскаго флота, послѣдній якорь и послѣдняя цѣпь. Для развитія прусской морской силы авторъ предлагаетъ переселить въ Померанію, на берега моря, работниковъ изъ Силезіи, чтобъ оживить эту пустынную, дикую страну, пріучить ихъ къ рыболовству и береговой торговлѣ. «Такимъ образомъ они скоро познакомятся съ моремъ «и его особенностями и, какъ послѣрожденное племя Тритона, «выучатся искусству отъ античнаго морскаго бога, или отъ Уоги и «супруги его Раганы, «голубой морской царицы». Трудно сказать что-нибудь о достоинствѣ этихъ морскихъ школъ. «Тамъ, въ «этой классической землѣ Кашубовъ и Вильцевъ (а племена «эти были славянскія, давно истребленныя Нѣмцами), лежатъ «еще не открытыя сокровища для Пруссіи».

Что́ касается до могущества Пруссіи на материкѣ, до отношенія ея къ другимъ нѣмецкимъ государствамъ, то авторъ особенно разбираетъ ея положеніе относительно Австріи, это постоянное соперничество между двумя государствами, cette heureuse rivalité, cette rivalité si nécessaire au répos de l'Europe, по словамъ Journal des Débats, соперничество, которое должно съ горечью отзываться въ сердцѣ истиннаго Германца. Здѣсь корень слабости Германіи. Авторъ доказываетъ необходимость, въ случаѣ войны въ срединѣ Европы, соединенія всей военной нѣмецкой силы подъ главнымъ начальствомъ одного лица. Онъ не хочетъ полнаго соединенія, слитія всѣхъ нѣмецкихъ государствъ, устраненія мелкихъ правительствъ (значеніе ихъ въ смыслѣ распространителей по Германіи духовной жизни и образованія — обычное оправданіе Kleinstaaterei — онъ подвергаетъ сомнѣнію), но *тѣсное соединеніе* всѣхъ ихъ подъ одной главою. Какая простодушно-нѣмецкая утопія! Для него все равно какое бы германское государство ни играло первую роль. Онъ готовъ ее уступить даже княжеству Рейсъ. Переходя къ тому тяжелому вопросу, отъ рѣшенія котораго зависитъ будущность человѣчества, къ вопросу восточному,

Digitized by Google

авторъ, разсматривая всѣ средства защиты противъ «сѣвернаго исполина» и не находя ихъ удовлетворительными, обращается къ Германіи, къ Нѣмецкому союзу, какъ единственной точкѣ опоры. «На защиту Востока противъ Россіи, говоритъ онъ, призвана Австрія». Но ей необходима въ этомъ всемірно-историческомъ призваніи подпора Пруссіи и Германіи, и для этого должны исчезнуть нѣмецкія соперничества и вражда. Въ Австро-Германіи, вотъ гдѣ рѣшеніе во восточнагпроса. Вся дѣятельность Австріи на Югѣ, на Дунаѣ, къ Черному морю. Но Австрія не должна противодѣйствовать въ Германіи стремленіямъ къ единству. За все, отъ чего она откажется въ Германіи, ей вознаградится десятерицею на Востокѣ *. Пруссія, съ своей стороны, не должна противиться австрійскимъ стремленіямъ на Югѣ. Для Германіи очень выгодно (еще бы!), если Австрія будетъ владѣть Дунайскими княжествами, *да и для нихъ самихъ это лучшая участь* (спросить бы объ этомъ у Молдаванъ и Валаховъ). «Какое богатое поле открылось бы «тогда для нѣмецкой промышленности и нѣмецкой торговли, и «какой превосходный случай для распространенія (насильствен-«наго?) нѣмецкаго духа и нѣмецкой культуры! И какая блестящая «будущность для Австріи, какъ увеличатся ея могущество, сила, «слава! И будто трудно достигнуть этой цѣли? Пусть Австрія «великодушно и добровольно уступитъ Пруссіи первое мѣсто «въ Германіи и подкрѣпитъ ее на Сѣверѣ; Пруссія же пусть «помогаетъ Австріи на Востокѣ, подкрѣпляетъ ее изъ всѣхъ «силъ!... Дунайскія княжества ожидаютъ только нѣмецкой дѣя-«тельности(!), чтобъ сдѣлаться богатыми и цвѣтущими...» Но довольно. Не напоминаютъ ли вамъ эти взаимныя уступки, это взаимное принесеніе въ жертву разныхъ интересовъ, послѣднихъ римскихъ тріумвировъ, также жертвовавшихъ другъ другу своими интересами и приверженцами, въ виду владычества надъ цѣлымъ міромъ? И это вѣчное навязываніе, помимо народныхъ требованій, нѣмецкой культуры, это германизированіе, отъ котораго стонутъ западныя славянскія племена, эта страшная гордость духовная, какъ высказывается во всемъ этомъ Нѣмецъ! Авторъ забываетъ о враждѣ принциповъ. Какъ

* Вотъ что называется faire son compte sans l'hôte!

Digitized by Google

сгладить германское соперничество, когда, напримѣръ, теперь, при первой попыткѣ Пруссіи вступить на прямую дорогу своего внутренняго развитія, Австрія уже смотритъ на это неблагопріятно?

Самый свѣжій интересъ послѣднихъ берлинскихъ дней заключается въ вопросѣ: смѣнятся ли министры теперь, или подождутъ пока соберутся новые выборные *. Болѣе вѣроятности на сторонѣ перваго предположенія. Перемѣна министерства является необходимою въ виду предстоящихъ выборовъ. Новыя личности въ министерствѣ указали бы ясно націи, чего хочетъ отъ нея правительство и подѣйствовали бы благопріятно на выборы. Что̀ касается до сихъ послѣднихъ, то не смотря на то, что до нихъ остается двѣ недѣли, не замѣтно никакого общаго движенія, участія. Состояніе общества чисто апатическое, что̀ легко и объясняется. Въ продолженіе послѣднихъ девяти лѣтъ въ Пруссіи опасно было высказать независимое мнѣніе; къ нему не привыкли, его боялись. Вообще современное положеніе Пруссіи весьма любопытно для наблюдателя: теперь рѣшается вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ германская натура одарена политическими способностями, восторжествуетъ ли наконецъ практическій смыслъ надъ абстрактными государственными теоріями, на которыя такіе мастера Нѣмцы? Недавно «Times» совѣтовала Пруссакамъ избѣгать, какъ чумы, абстрактныхъ метафизическихъ основаній;—совѣтъ, въ высшей степени полезный для Пруссіи, гдѣ старыя теоріи, могущественная рутина, еще чрезвычайно сильны. Посмотримъ чѣмъ кончится начатое здѣсь.

Н. Булычъ.

19—31 октября.

---

* Извѣстно, что бо́льшая часть прежнихъ министровъ уже уступила мѣсто другимъ.

Digitized by Google

НЕЗАТѢЙЛИВОЕ ВОСПИТАНІЕ.

Изъ записокъ А. Щ.

—

IX.

Какъ ни отрадны были для меня сказки и рыцарскіе романы въ дѣтскомъ возрастѣ, но постоянное, исключительное чтеніе ихъ, при отсутствіи всякаго противодѣйствія со стороны мертвой тогда у насъ школьной науки, вскорѣ породило во мнѣ рядъ самыхъ странныхъ понятій, убѣжденій и фантазій. Когда изъ уѣзднаго училища я перешелъ въ П... кую гимназію (потому что и все семейство наше, по обстоятельствамъ, переселилось въ П...ву), почти всѣ извѣстные тогда романы уже были мною перечитаны. Наибольшій вредъ, который они могли произвести во мнѣ, состоялъ въ томъ, что они развили во мнѣ странное и непонятное самолюбіе, которому первое начало положили сказки. Это самолюбіе, или лучше сказать, увѣренность въ собственныхъ своихъ необыкновенныхъ способностяхъ, доходила во мнѣ до совершенной глупости. Я невольнымъ образомъ, слушая сказки, переселялся мыслію въ главныхъ героевъ, съ такимъ увлеченіемъ, что все случившееся съ ними приписывалъ себѣ самому — и почти увѣренъ былъ, что все это происходило со мною лично. Когда перешелъ я отъ сказокъ къ чтенію рыцарскихъ романовъ — это чувство развилось во мнѣ еще сильнѣе. Первый рыцарь, поразившій меня выше всякаго вѣроятія, былъ Донъ-Кихотъ Ламанчскій! Къ несчастію попался мнѣ не самый романъ Сервантеса, а составленная изъ него комедія, именно изъ того мѣста, гдѣ Карраско, другъ Донъ-Кихота, переодѣвшись рыцаремъ и отыскавъ героя въ лѣсу, сталъ съ намѣреніемъ разсказывать ему свои подвиги и свое торжество надъ Донъ-Кихотомъ, чтобъ раздражить его, выманить у него вызовъ на единоборство, и послѣ побѣды надъ нимъ, по

Digitized by Google

заключенному напередъ условію принудить его оставить рыцарство, словомъ, съ цѣлію излѣчить сго отъ болѣзни. Но успѣхъ не соотвѣтствовалъ его ожиданіямъ. Донъ-Кихотъ, побѣдивъ Карраско, приказалъ ему явиться къ Дульцинеѣ, и отъ его имени пасть къ ея ногамъ. Эти хвастливыя слова Карраско и возвышенная рѣчь Донъ-Кихота и, наконецъ, самый бой, страшно подѣйствовали на мое воображеніе. Не понявъ дѣйствительнаго смысла комедіи, я почелъ Донъ-Кихота истиннымъ героемъ, и немедленно самъ превратился въ Донъ-Кихота. Не помню какимъ образомъ досталъ я большую старинную саблю въ родѣ турецкихъ, или черкесскихъ, съ кожаными ножнами, и отправился съ нею въ лѣсъ, гдѣ очень долго ходилъ въ ожиданіи приключеній; однако, слава Богу, ничего не приключилось. Не довольствуясь этимъ, я нѣсколько разъ потомъ по цѣлымъ днямъ блуждалъ въ лѣсахъ, съ подобною же цѣлію. Но къ счастію не только не встрѣчалъ противниковъ, но даже, по странному случаю, совершенно ничего не попадалось мнѣ на глаза: ни звѣрь не пробѣгалъ, ни птица не пролетала! Въ это время я совершенно былъ убѣжденъ, что не могло быть въ лѣсахъ такого крѣпкаго и толстаго дуба, котораго я однимъ ударомъ этой сабли не разсѣкъ бы на двое, и даже, отъ излишней увѣренности въ этомъ, не хотѣлъ ни разу и попробовать своихъ силъ. Первый рыцарскій романъ, прочтенный мною былъ: *Исторія о Полиціанѣ и о дивномъ въ герояхъ сынѣ его Херсонѣ*. Потомъ, сколько мнѣ помнится, *Неистовый Роландъ* Аріоста, потомъ *Рихардетъ* и другіе въ томъ же родѣ. Между тѣмъ, успѣлъ я прочитать и Матильду, или Записки изъ Крестовыхъ походовъ. Послѣ каждаго чтенія рыцарскій духъ пробуждался во мнѣ, съ неимовѣрною силою: по всей вѣроятности я могъ бы очень легко надѣлать разныхъ глупостей въ рыцарскомъ духѣ; но къ счастію происходившіе въ гимназіи кулачные бои, въ которыхъ и я принималъ участіе, очень много содѣйствовали къ отвращенію меня отъ неумѣстныхъ рыцарскихъ попытокъ. Эти бои оставляли послѣ себя чрезвычайно продолжительное непріятное впечатлѣніе, и даже, можно сказать, совсѣмъ почти вышибали изъ меня духъ рыцарства! Я утѣшалъ себя только тѣмъ, что дѣло происходило на кулакахъ, а не на мечахъ, и что еслибъ я, вмѣсто кулака, выступилъ съ мечемъ въ рукѣ, то всѣ бойцы тотчасъ бы попрятались. Въ такомъ заблужденіи оставался я долгое время. Наконецъ одинъ разъ, подгулявши порядкомъ, послѣ представленія домашняго спектакля, въ присутствіи многихъ гимназистовъ, взялъ я въ руки большую палку и вообразивъ, что это былъ мечь, сказалъ: «что̀ еслибъ схватился со мною кто на этомъ оружіи? плохо было бы ему, думаю, еслибъ рискнулъ на бой!» Тотчасъ же одинъ

Digitized by Google

изъ гимназистовъ, который считался впрочемъ первымъ кулачнымъ бойцомъ во всей гимназіи, взявъ въ руки чубукъ, объявилъ, что онъ готовъ выступить на бой. При первомъ взмахѣ моемъ палкою, чтобъ поразить противника и сокрушить его, онъ вышибъ чубукомъ палку у меня изъ рукъ, такъ что она отлетѣла на нѣсколько шаговъ. Я точно съ неба свалился! и пересказать не могу смущенія, которое овладѣло мною при этомъ случаѣ. Хотя я былъ въ это время и крѣпко навеселѣ, но не могъ скрыть своего смущенія и стыда. Мнѣ сказали при этомъ, что соперникъ мой учился долго фехтовальному искусству — и очень хорошо навострился въ немъ, поэтому ничего не было удивительнаго, что онъ вышибъ у меня изъ рукъ палку. Не смотря на это утѣшеніе, мысль, что я и съ мечемъ въ рукахъ ничего не въ силахъ былъ сдѣлать, мучила меня день и ночь почти безпрерывно. Въ это время, размышляя о своемъ печальномъ состояніи, вздумалъ я однажды, что при помощи огнестрѣльнаго оружія, я могъ бы гораздо проще и легче достигнуть цѣли, еслибъ случилось схватиться съ противникомъ. Эта мысль точно свѣтомъ озарила меня вдругъ и такъ сильно подѣйствовала на мое воображеніе, что я тогда же рѣшился привести ее въ исполненіе, досталъ немедленно пистолетъ у одного изъ товарищей и сталъ упражняться въ стрѣльбѣ. Но къ несчастію и эти воинскія упражненія, не смотря на все мое стараніе и на безчисленные опыты, совершенно не имѣли успѣха: кромѣ воробья, котораго убилъ я при первомъ выстрѣлѣ, такіе непостижимые промахи дѣлались мною постоянно во все время занятія стрѣльбою, что мнѣ самому даже казались невѣроятными. Я убѣжденъ былъ вполнѣ, что эти промахи принадлежали къ сверхъестественнымъ явленіямъ природы: ну скажите, возможное ли это дѣло, въ двухъ, трехъ шагахъ въ стѣну не попасть? Когда наконецъ убѣдился я совершенно, что къ воинственнымъ подвигамъ во мнѣ рѣшительно никакихъ способностей не было, я чуть не умеръ: отчаяніе, уныніе и тоска овладѣли мною, не давая покою мнѣ ни день, ни ночь. Можетъ быть такое состояніе послужило бы мнѣ и въ пользу, еслибъ и прочія обстоятельства были благопріятны для этого. Но выходило все напротивъ: чтеніе романовъ, которое непосредственно слѣдовало за чтеніемъ рыцарскихъ повѣстей и исторій, всякой разъ заставляло меня забывать дѣйствительныя мои качества и способности и воображать мнимыя, вовсе несогласныя съ моею натурою. Въ то время были въ большомъ ходу романы г-жи Радклифъ: я всѣ почти прочелъ съ необыкновеннымъ любопытствомъ, болѣе всѣхъ поразилъ меня *Монахъ*. Романы г-жи Радклифъ нравились мнѣ въ особенности потому, что поддерживали во мнѣ склонность къ сверхъестественнымъ явленіямъ и

Digitized by Google

ми необыкновенными происшествіями, хотя, правду сказать, развязка въ этихъ романахъ казалась мнѣ часто натянутою. Кромѣ Радклифъ, были прочитаны мною и другіе писатели и писательницы романовъ, какъ-то: *Дюкре-Дюминиль*, *Крамеръ*, *Шписъ*, *г-жа Коттенъ*, и т. д. При этомъ чтеніи развилась во мнѣ нечувствительнымъ образомъ особенная склонность къ романамъ, въ которыхъ представлялись героями разбойники, какъ-то: *Саксонскій разбойникъ; Разбойникъ по неволѣ и незнанію, или ужасы лѣсовъ шварцвальдскихъ; Глоріозо, Абеллино, Ринальдо Ринальдини*, и проч. Отъ богатырей, въ родѣ Бовы королевича, Еруслана Лазаревича и прочихъ, былъ самый естественный переходъ къ странствующимъ рыцарямъ, а отъ сихъ послѣднихъ къ разбойникамъ. По крайней мѣрѣ всѣ эти три разряда лицъ представлялись мнѣ постоянно однимъ и тѣмъ же сортомъ людей, только отъ разныхъ обстоятельствъ являвшимся въ разныхъ видахъ. Даже въ то время, когда я находился еще въ С...омъ уѣздномъ училищѣ и размышлялъ, сидя за уроками, о могучихъ богатыряхъ и витязяхъ, почти всегда разумѣлъ при этомъ убійства, разбои, кровопролитія — и себя непремѣнно участникомъ всего этого. Такъ напримѣръ, меня очень часто интересовала мысль: что̀ еслибъ Бова королевичъ, Еруланъ Лазаревичъ, Илья Муромецъ и я — вызвали на бой всѣхъ жителей города С..., то-есть всѣхъ мѣщанъ и купцовъ и дворянъ и всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ, однимъ словомъ—все, что тамъ ни было: какой бы мы задали имъ трезвонъ и переполохъ! — думалъ я, просто искрошили бы всѣхъ въ мелкіе куски и на вѣтеръ развѣяли! Такое неестественное состояніе и переселеніе себя самого въ героевъ сказокъ, повѣстей и романовъ, съ совершеннымъ самозабвеніемъ, произвело во мнѣ очень странный и не естественный образъ мыслей. Мнѣ постоянно казалось, что если *Абеллино* могъ схватиться разомъ съ пятью или шестью человѣками—самыми сильными разбойниками—и всѣхъ вдругъ побороть, то какъ же мнѣ послѣ этого не сдѣлать того же самаго? Если *Глоріозо* могъ такъ мастерски дурачить сыщиковъ и жандармовъ, преслѣдовавшихъ его ежеминутно, то какъ же мнѣ не съумѣть одурачить всѣхъ подобныхъ людей? При этомъ совершенно исчезали изъ мыслей моихъ и неловкость моя и нерасторопность и безсиліе и трусость, — однимъ словомъ я ничего не видалъ за собою въ это время, что могло̀бъ напомнить мнѣ мою совершенную неспособность къ подобнымъ дѣламъ. Кромѣ геройской отваги ничего не представлялось! — Такое странное состояніе усиливалось во мнѣ постепенно болѣе и болѣе. Мысли мои почти безпрерывно блуждали на герояхъ — разбойникахъ. Болѣе всѣхъ поражалъ меня *Глоріозо:* съ какимъ искусствомъ отви-

Digitized by Google

ливалъ онъ отъ всѣхъ поисковъ и преслѣдованій! какъ мастерски поступилъ онъ, когда жандармы въ одной харчевнѣ, подозрѣвая не онъ ли самъ Глоріозо (хотя онъ переодѣтъ былъ крестьяниномъ), требовали отъ него, чтобъ показалъ свой паспортъ, а онъ вынулъ вмѣсто паспорта пару пистолетовъ, застрѣлилъ ихъ и вышелъ очень спокойно изъ харчевни. А когда онъ, переодѣвшись жандармомъ, прибылъ въ одинъ дѣвичій монастырь, обокралъ его — и самъ же, по долгу званія своего, обыскивалъ всѣхъ живущихъ въ монастырѣ, чтобъ найдти вора, я просто приходилъ въ умиленіе: невозможно было натуральнѣе представить жандарма! Однимъ словомъ, во мнѣ стала вкореняться постоянная мысль, что на этомъ свѣтѣ только и были одни честные и благородные и достойные люди, это разбойники! потому что они не признавали, какъ я думалъ, законными началъ общественнаго благоустройства и отвергали ихъ открыто. По моему мнѣнію, имъ очень хорошо извѣстны были эти начала, основанныя на рабскомъ игѣ, подчинявшемъ бѣдныхъ людей произволу богатыхъ, которые постоянно опиваясь, объѣдаясь, предаваясь роскоши и всякому невоздержанію, преслѣдовали въ то же время, со всею жестокостію, бѣдныхъ людей, за то что замѣчали въ нихъ такія жъ гнусныя наклонности, которымъ слѣдовали сами такъ рабски усердно. Чѣмъ болѣе обстоятельства тѣснили и угнетали меня, чѣмъ безнадежнѣе представлялись мнѣ средства къ существованію и пріобрѣтенію добраго имени въ обществѣ, тѣмъ убѣжденія мои дѣлались сильнѣе, и наконецъ я совершенно укрѣпился въ мысли, сдѣлаться разбойникомъ на самомъ дѣлѣ, не зналъ только какъ приняться за разбои: самъ по себѣ я былъ слишкомъ негоденъ для этого, я это чувствовалъ. Еслибъ, думалъ я, существовало гдѣ-либо общество людей, прославившихъ себя отважностію и величіемъ духа въ разбояхъ и грабежахъ, то я навѣрное тотчасъ же явился бы къ нему съ предложеніемъ услугъ: но такого общества не существовало! Думая долго объ этомъ предметѣ я наконецъ рѣшилъ, что всего лучше составить самимъ это общество. Я зналъ нѣкоторыхъ гимназистовъ, готовыхъ на всякій отважный подвигъ, предпріимчивыхъ, сильныхъ рѣшительныхъ, чего же лучше? Сообщу имъ свои мысли и убѣжденія. Они тотчасъ увидятъ истину и поймутъ дѣло какъ нельзя лучше.

Вслѣдствіе такихъ соображеній, выбравъ удобное время при репетиціяхъ, дѣйствительно передалъ я тремъ гимназистамъ мысли свои объ этомъ великомъ и достойномъ уваженія подвигѣ: представилъ имъ живо состояніе несчастнаго человѣка въ обществѣ, всѣ несправедливости и притѣсненія, которыя онъ долженъ переносить для того, чтобъ имѣть возможность влачить скудную и безотрадную жизнь, потомъ

Digitized by Google

напомнилъ имъ о великихъ людяхъ, которые умѣли стать гораздо выше общественнаго мнѣнія, какъ напримѣръ *Глоріозо*, *Абеллино* и проч. Они знали этихъ людей такъ же хорошо и сочувствовали имъ почти съ такимъ же одушевленіемъ, какъ и я самъ. Они не только признали основательнымъ мое сужденіе объ этомъ предметѣ; но даже объявили притомъ, что было бы съ ихъ стороны подло и низко отказываться отъ такого благороднаго и честнаго предложенія. Вслѣдствіе чего тутъ же положили составить изъ себя общество разбойниковъ: дали другъ другу обѣщаніе скрывать до нѣкотораго времени отъ всѣхъ намѣреніе наше и хранить свято тайну, пока представится случай привести въ исполненіе наши замыслы. Такъ какъ мы разсудили, что нельзя уже было бы намъ оставаться долѣе въ обществѣ людей и производить открыто разбои, то стали придумывать мѣсто удобное для такихъ подвиговъ и безопасное для насъ самихъ. Одинъ гимназистъ сталъ говорить, что онъ знаетъ такое мѣсто изъ подробнаго описанія, которое удалось ему прочесть въ какомъ-то письмѣ, и изъ разсказовъ одного человѣка, лично тамъ находившагося: это мѣсто было не далеко отъ береговъ Чернаго моря, тамъ существовали развалины какого-то зданія очень обширнаго, и въ этихъ развалинахъ оставались нѣкоторыя мѣста, удобныя для житья, со многими скрытными переходами, такъ что всегда легко можно было бы, при случаѣ, или спрятаться, или уйдти. Между тѣмъ стали размышлять, какими правилами должны мы руководствоваться, чтобъ дѣйствовать единодушно? И въ случаѣ, еслибъ представилась возможность привлечь кого въ наше общество изъ людей, которые подавали большія надежды сдѣлаться хорошими разбойниками, то какъ поступать при этомъ? Одинъ изъ насъ, тотъ самый, который рекомендовалъ мѣсто для разбоевъ, сталъ утверждать, что необходимо нужно для этого избрать изъ среды насъ одного главнаго атамана, которому непремѣнно должны подчиняться другіе; а безъ этого никакъ нельзя надѣяться на единодушіе. На вопросъ же нашъ: «въ какихъ именно случаяхъ необходима была наша подчиненность? и чѣмъ должна ограничиваться власть атамана?» онъ вызвался сочинить по всѣмъ этимъ предметамъ правила, и представить намъ ихъ на обсужденіе при слѣдующихъ репетиціяхъ. Составленіе общества съ возвышенными идеями, планы, проекты и проч., все это служило для моихъ товарищей только пріятнымъ и интереснымъ препровожденіемъ времени. Они, какъ казалось, не имѣли ни малѣйшаго желанія приводить въ исполненіе наши замыслы. Одинъ только я чаялъ движенія воды, и думалъ, что изъ этого могъ произойдти переходъ изъ дѣйствительно несчастной жизни къ другой, которая, какъ бы дурна ни была, я увѣренъ былъ, не могла быть хуже

Digitized by Google

этой, чтобы ни случилось! Исполненіе предпріятія откладывалось со дня на день. Наконецъ товарищи мои вышли изъ Гимназіи. Я хотя и переведенъ былъ въ 3-й классъ; но познанія мои въ наукахъ почти нисколько не подвинулись впередъ. Въ это время кругъ знакомыхъ мнѣ гимназистовъ постепенно сталъ сокращаться болѣе и болѣе, и наконецъ, ужь незнаю, самъ ли я измѣнился, или они перемѣнились, только въ скоромъ времени почти всѣ оставили меня и я для всѣхъ сдѣлался совершенно чужимъ человѣкомъ. Странное дѣло! у меня были отецъ и мать, братъ и сестры, я жилъ среди родныхъ, въ кругу большаго семейства, и при всемъ томъ чувствовалъ, что я былъ совершенно круглымъ сиротою въ этомъ мірѣ. А еще болѣе страннымъ покажется, что съ этого времени сталъ я убѣждаться вполнѣ, что только одинъ я и былъ въ цѣломъ свѣтѣ честнымъ человѣкомъ, а прочіе всѣ безъ исключенія, были мерзавцы и подлецы — и это убѣжденіе усилилось во мнѣ наконецъ до того, что я изъ общительнаго человѣка начиналъ дѣлаться почти совершеннымъ нелюдимомъ. Можетъ показаться страннымъ и то, что угрызенія совѣсти и раскаяніе, которыя прежде съ такимъ постоянствомъ сопутствовали всѣмъ моимъ дѣйствіямъ, при намѣреніи моемъ сдѣлаться разбойникомъ и при составленіи плановъ, какъ удобнѣе и вѣрнѣе достигнуть этой цѣли, ни мало меня не безпокоили. Но въ замѣнъ этого стали слишкомъ тревожить меня сновидѣнія, которыя, по истинѣ, чрезвычайно много содѣйствовали къ ослабленію во мнѣ мысли, что разбои — дѣло честное и благородное, и къ отвращенію меня отъ дерзкихъ предпріятій. Во снѣ видѣлъ я вдругъ нелѣпые планы свои исполненными и положеніе свое до такой степени ужаснымъ, что проснувшись отъ всей души радовался неосуществленію ихъ на самомъ дѣлѣ. Сознаніе, сбитое съ толку на яву, какъ будто возстановляло власть свою въ сновидѣніяхъ!..

X.

Когда наконецъ послѣднія мечты о моихъ геройскихъ способностяхъ и совершенствахъ вполнѣ разсѣялись, и я убѣдился въ ничтожествѣ собственныхъ своихъ силъ для произведенія разбоевъ и грабежей, во мнѣ произошла новая перемѣна, хоть очень странная сама по себѣ, однакожь сообразная съ тогдашнимъ моимъ положеніемъ. Мнѣ вскорѣ стало казаться невыносимымъ — жить постоянно въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Куда бы ни направить путь свой, только бы не оставаться тамъ, гдѣ былъ: это для меня сдѣлалось совершенною необходимостью. Мнѣ стало представляться, что самое лучшее благо, которое дано отъ природы человѣку, это возможность пере-

Digitized by Google

ходить, или переселяться, по произволу своему, изъ одного мѣста въ другое, какъ скоро первое мѣсто становилось непріятнымъ, или безпокойнымъ. Между тѣмъ я уже до того привыкъ быть постоянно въ обществѣ людей знакомыхъ, что и при избраніи бродяжнической жизни хотѣлъ сперва найдти себѣ товарищей. Не смотря на видимую прелесть этой жизни, какъ она представлялась въ моемъ воображеніи, мнѣ становилось скучно даже при мысли о томъ, чтобъ одному сдѣлаться бродягою: я чувствовалъ необходимость блуждать по свѣту вмѣстѣ съ хорошей компаніей; но товарищей къ этому я не могъ уже имѣть, потому что, какъ я объяснилъ выше, кругъ знакомыхъ моихъ до того сократился въ то время, что я почти оставался совершенно одинъ, и чужимъ казался для всякаго. Не знаю въ точности съ какого именно времени начали поселяться во мнѣ такія мысли? Можетъ быть способствовало къ тому чтеніе *Робинсона Крузе*, который увлекъ меня до такой степени, что я немедленно, по прочтеніи его, еще въ первомъ классѣ гимназіи, сталъ предлагать воспитанникамъ, какъ хорошо было бы въ самомъ дѣлѣ переселиться на какой-нибудь необитаемый островъ, и жить совершенно независимо. Мое мнѣніе подхватили тотчасъ нѣкоторые изъ товарищей, и стали немедленно составлять планы, какъ сдѣлать это удобнѣе, что должно взять съ собою въ дорогу, какія вещи необходимо перевозить на мѣсто будущаго жительства. Но потомъ, въ скоромъ времени, все это было забыто и не представлялось мнѣ до тѣхъ поръ, пока я не былъ совершенно разочарованъ во всѣхъ своихъ надеждахъ на будущность. Тогда самое положеніе мое, вѣроятно, способствовало къ пробужденію подобныхъ мыслей, которыя не оставляли уже меня до самаго переселенія семейства нашего изъ П.... вы въ Москву. Послѣдній годъ пребыванія моего въ П...., я только и думалъ, какъ бы сдѣлаться бродягою! Даже, рѣшался одинъ пуститься въ бродяжество, и сталъ наконецъ серьёзно готовиться къ этому подвигу. Вмѣсто того, чтобъ ходить въ гимназію, я отправлялся обыкновенно каждый день въ лѣса, на довольно далекое разстояніе отъ города, имѣя твердое намѣреніе переночевать тамъ, чтобъ пріучить себя такимъ образомъ къ подобнымъ ночлегамъ и на будущее время. Но по странному характеру, или лучше сказать, по слабой натурѣ своей, всякій разъ, когда наступалъ вечеръ, и я, выбравъ въ лѣсу удобное мѣсто для ночевки, ложился уже чтобъ уснуть, въ это время начинали пробуждаться во мнѣ мысли: «Какъ бы хорошо было теперь поужинать! То ли дѣло лечь спать поѣвши съ аппетитомъ!» Нѣсколько времени я противился этимъ мыслямъ и продолжалъ лежать, надѣясь уснуть: но какъ онѣ не переставали тревожить меня, я вста-

Digitized by Google

валъ съ крайней досадою и возвращался торопливо домой, гдѣ въ самомъ дѣлѣ, поужинавъ плотно, ложился спать, съ твердою рѣшимостью въ другой разъ не поддаваться болѣе этому искушенію; однако и въ другой разъ происходило то же самое, и въ третій тоже. Наконецъ я совершенно убѣдился, что не въ силахъ совладать съ собою, и сталъ разочаровываться даже и въ этой мечтѣ, и опять печальныя и грустныя мысли налегали на меня, и чувствовалось желаніе умереть скорѣе. Потомъ пришла мнѣ въ голову мысль, что бродяжества можно достигнуть гораздо проще и удобнѣе: вмѣсто того чтобъ дѣлать пробы и пріучать себя къ ночевкамъ въ лѣсахъ, мнѣ стоило только пристать къ какому-нибудь цыганскому табору, упросить Цыганъ, чтобъ приняли меня какъ товарища, или спутника, и дѣло кончилось бы безъ всякихъ хлопотъ; а я съ своей стороны готовъ былъ бы оказывать имъ небольшія услуги, къ чему только могъ быть способнымъ. Чего же лучше? Вдали отъ городовъ, въ обширныхъ степяхъ, странствовать вмѣстѣ съ людьми опытными и знающими хорошо и мѣстности и всѣ удобства кочевой жизни,—что могло быть пріятнѣе этого? Эти мысли развивались во мнѣ сильнѣе и сильнѣе. Я начиналъ предпринимать походы верстъ за десять и болѣе отъ города съ цѣлью, не набреду ли гдѣ на цыганскій таборъ; однако, при всемъ моемъ стараніи, я ни разу не встрѣтилъ его. Впрочемъ, сказать по правдѣ, еслибъ и удалось встрѣтить, то едва ли достало бы у меня присутствія духа, чтобъ въ самомъ дѣлѣ пристать къ Цыганамъ, потому что я, при всемъ расположеніи своемъ къ неосѣдлой жизни, которую вели они, до чрезвычайности боялся Цыганокъ и никакъ не въ силахъ былъ преодолѣть этого страха, который вселили въ меня съ самаго дѣтства. Еще ребенкомъ, я былъ однажды свидѣтелемъ того, какъ прибыли къ нашей деревнѣ до двадцати кибитокъ или жилищъ цыганскихъ и остановились подлѣ самого лѣса нашего. Всѣ крестьяне нашей деревни сильно взволнованы были появленіемъ этихъ гостей. Они пробыли тамъ около трехъ сутокъ. Многіе изъ крестьянъ ходили изъ любопытства смотрѣть ихъ таборъ, а нѣкоторые съ цѣлью купить у нихъ что-нибудь нужное для домашняго обихода: у нихъ всегда можно было найдти разныя стальныя и желѣзныя издѣлія очень хорошей работы и контрабандныя вещи. Нѣкоторые покупали у нихъ порохъ, селитру, другіе соль и проч. Эти покупки происходили большею частію поздно вечеромъ. Въ это время и я былъ въ числѣ любопытныхъ: здѣсь-то поразили меня Цыгане своимъ образомъ жизни и всѣми пріемами—и во мнѣ осталось чрезвычайно глубокое впечатлѣніе отъ ихъ трехъ-дневнаго пребыванія близъ нашихъ лѣсовъ. Въ особенности удивляли меня Цыганки, которыя занимали мѣста въ

Digitized by Google

этомъ таборѣ позади кибитокъ, къ лѣсу; мущины находились впереди кибитокъ, къ большой дорогѣ. Съ совершеннымъ безмолвіемъ каждая изъ нихъ занималась своимъ дѣломъ: одна готовила кущанье разведя огонь на землѣ, другая, подсѣвъ къ огню, очень внимательно занималась шитьемъ, или иною какою работою. Не смотря на то, что многіе изъ любопытныхъ, въ томъ числѣ и я, подходили къ нимъ очень близко и стояли около часу, наблюдая пристально за всѣми ихъ движеніями, на лицѣ ихъ ни гнѣва, ни досады, никакого непріязненнаго чувства но было замѣтно: совершенное спокойствіе и безмолвіе продолжались во все время. Если кто изъ мужчинъ-Цыганъ подходилъ къ нимъ съ какимъ-нибудь вопросомъ, онѣ отвѣчали однимъ почти незамѣтнымъ движеніемъ головы. Эта тишина, безмолвіе и спокойное исправленіе хозяйственныхъ надобностей поселили во мнѣ какое-то благоговѣйное чувство, оставшееся во мнѣ на долго и приходившее мнѣ на память именно тогда, какъ я рѣшился обречь себя бродяжнической жизни...

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТРИ МѢСЯЦА ЗА ГРАНИЦЕЙ. . . . . Н. БАБСТА.
ГЕОРГЪ ФРИДРИХЪ ГЕНДЕЛЬ. . . . . А. И. КРОНЕБЕРГА.
СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ. . . . . Н. И. БУЛИЧА.
НЕЗАТѢЙЛИВОЕ ВОСПИТАНІЕ. Изъ записокъ. . . . . А. Щ.

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,

и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атенея*, при книжномъ магазинѣ Н. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, *десять* рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. съ полтиною*.

Печатать дозволяется. Ноября 7-го, 1858 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе*.

Digitized by Google

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 46.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К°

1858.

Digitized by Google

Digitized by Google

О БІОГРАФИЧЕСКОМЪ И УГОЛОВНОМЪ ЭЛЕМЕНТѢ ВЪ ИСТОРІИ.

Жизнь и историческое значеніе князя Андрея Михайловича Курбскаго, соч. Сергѣя Горскаго. *Казань, 1858 г., стр. 446 in — 8.*

—

Съ нѣкотораго времени въ нашей литературѣ стало высказываться довольно сильное желаніе внести біографическій элементъ въ русскую исторію. Къ сожалѣнію, эти попытки, повидимому очень законныя, чаще всего оставались безуспѣшными. Дѣло, впрочемъ, объясняется просто. Русская жизнь долго не знала такой среды, гдѣ бы отдѣльное лицо могло вполнѣ развиться. Если взять, напримѣръ, древнія времена нашей исторіи, то біографія любаго лица должна будетъ ограничиться лишь немногими чертами, какія придется заимствовать изъ современной ему эпохи. Понятно послѣ этого, почему наши біографы предпочитаютъ брать въ герои своихъ расказовъ людей, жившихъ въ XVI, XVII и особенно XVIII столѣтіяхъ. Чѣмъ ближе историческое лицо ко временамъ реформы, совершенной Петромъ, тѣмъ болѣе представляется матеріаловъ для его біографіи. Но если по ту сторону реформы личный элементъ еще не успѣлъ занять должной ему части въ общественной жизни, то за неимѣніемъ первостепенныхъ дѣятелей изъ среды самого общества, нашимъ біографамъ гораздо сподручнѣе отыскивать своихъ героевъ между лицами, занимавшими наиболѣе видныя мѣста въ исторіи собственно государственнаго развитія Россіи. Тутъ, по крайней мѣрѣ, можно встрѣтить немало громкихъ дѣлъ. Операція пріискиванія такихъ героевъ съ недавняго времени значительно упростилась. Русская наука въ послѣдніе

Digitized by Google

годы такъ усердно работала надъ вопросомъ объ устройствѣ у насъ государственнаго начала, что лица, игравшія въ исторіи его болѣе или менѣе важную роль, сдѣлались извѣстны наперечетъ каждому читателю любаго журнала. Мало того: уяснились степень ихъ участія въ исторіи, характеръ ихъ дѣятельности, даже личныя свойства. Этими-то успѣхами науки поспѣшили воспользоваться смѣтливые біографы. Появились изслѣдованія, разсужденія, рѣчи, журнальныя статьи объ историческомъ значеніи того, или другаго, или третьяго лица. Писали уже не просто, какъ бывало въ старину: о достопамятныхъ людяхъ россійскихъ, о россійскихъ сановникахъ, управлявшихъ посольскимъ приказомъ и министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, о россійскихъ полководцахъ, о россійскихъ іерархахъ. Современные успѣхи науки обязывали нѣкоторымъ образомъ говорить уже объ историческомъ значеніи всѣхъ этихъ лицъ. Да отчего же бы и не поговорить? Недаромъ же наука усвоила себѣ критическіе пріемы, необходимые для первоначальной разработки матеріаловъ, и пустила эти матеріалы во всеобщее обращеніе; создала извѣстный теоретическій взглядъ на свой предметъ, успѣла освѣтить мыслью массу собранныхъ матеріаловъ; наконецъ — и это вѣнецъ всѣхъ ея усилій — умѣла оцѣнить относительныя достоинства различныхъ методовъ, возможныхъ при изученіи исторической жизни народовъ и государствъ, умѣла выбрать для своей цѣли лучшій изъ этихъ методовъ. Казалось бы, отчего нельзя воспользоваться матеріалами, данными наукой, и мыслями, пущенными ею въ ходъ. Стóитъ лишь повести дѣло по однажды проложенной дорогѣ, — и біографія, еще не привившаяся въ нашей литературѣ, за исключеніемъ развѣ всеобщей исторіи да исторіи русской словесности, окончательно займетъ должное ей мѣсто въ ряду другихъ писаній. Казалось, и біографы добьются своей лучшей цѣли, и литература будетъ не въ накладѣ. Но на первыхъ порахъ результатомъ такихъ соображеній было то, что писавшій разсужденіе, или говорившій рѣчь, силился привести своихъ читателей, или слушателей, въ восхищеніе: кто — неуклоннымъ стремленіемъ московскихъ дипломатовъ временъ царя Алексѣя Михайловича къ одной какой-либо постоянной цѣли, стремленіемъ, зависившимъ будто бы отъ ихъ личной воли; кто — энер-

Digitized by Google

гическими, исполненными будто бы всесильнаго вліянія на эпоху, давшими ей «новый полетъ», дѣйствіями нѣкоторыхъ іерарховъ русской Церкви XVII вѣка. Однакожь эти неожиданные результаты были встрѣчены критикою очень неблагосклонно. Оказалось, что біографы уже слишкомъ подняли историческое значеніе своихъ героевъ; оказалось, что, усвоивъ матеріалы и общій взглядъ на предметъ, біографы не овладѣли надлежащимъ методомъ и такимъ образомъ сбились съ вѣрнаго пути.

Но было бы странно пугаться первой неудачи и отказаться навсегда отъ дальнѣйшихъ попытокъ въ этомъ родѣ. На второй разъ можно попробовать идти нѣсколько инымъ путемъ. До сихъ поръ въ ходу былъ пріемъ воскуренія ѳиміама передъ тѣнью избранныхъ героевъ, біографіи ихъ носили характеръ панегириковъ, похвальныхъ словъ; теперь можно испытать противоположное средство. Въ нашей исторіи были люди, стоявшіе за старину, мѣшавшую развитію государственнаго начала, дѣйствовавшіе не безъ нѣкоторой энергіи, даже оставившіе потомству свои громкія жалобы на произволъ и насиліе людей, сознававшихъ безусловную пользу нововведенія. Этихъ-то обскурантовъ уже не стоило жалѣть, не только что воспѣвать: съ нихъ можно подъ-часъ сорвать ореолъ мученичества и приписать паденіе, на которое они такъ горько жаловались, ихъ убійственному эгоизму, ихъ грубому непониманію таинственнаго смысла эпохи, въ которой они жили, ихъ личнымъ свойствамъ. Но если начинать новую попытку, такъ ужь начинать ее съ начала. А едва ли не самое видное и первое мѣсто въ сомкнутомъ ряду немногочисленныхъ дѣятелей въ исторіи государственнаго развитія Россіи принадлежитъ Іоанну Грозному. Рядомъ съ нимъ стоитъ оригинальная личность его антагониста, воина и писателя, князя Курбскаго. Послѣдняго нельзя обойдти, говоря объ Іоаннѣ; точно такъ же, какъ невозможно умолчать объ Іоаннѣ, изучая жизнь Курбскаго. Сочиненія, полемика Курбскаго съ царемъ, навсегда останутся необходимымъ матеріаломъ при объясненіи характера эпохи, дѣятельности и взаимныхъ отношеній обоихъ соперниковъ. Эпоха замѣчательна вообще по своему историческому значенію; дѣйствующія лица отличаются необыкновеннымъ богатствомъ внутренней природы, неотступною въ началѣ дѣя-

Digitized by Google

тельностью и трагической развязкой своей судьбы. Для историка особенно важно рѣшить вопросъ, въ какой степени характеръ эпохи имѣлъ вліяніе на ихъ отношенія, до какой мѣры участвовали въ томъ ихъ личныя свойства. Не обратить должнаго вниманія на которую-нибудь изъ этихъ сторонъ вопроса значило бы сдѣлать непростительную ошибку. Кромѣ того, не менѣе важно прослѣдить жизнь Курбскаго въ Литвѣ, куда онъ бѣжалъ послѣ разрыва съ Грознымъ. Новая обстановка, новое общественное устройство встрѣтили здѣсь московскаго отъѣзжика: чего же лучше для біографа, желающаго опредѣлить личныя свойства Курбскаго, которыя, при перемѣнѣ обстоятельствъ, должны были обнаружиться еще яснѣе, нежели въ невыгодной, односторонней борьбѣ за старину. Вотъ въ общихъ чертахъ то, что̀ требовалось отъ біографа князя Курбскаго для произнесенія строгаго приговора надъ послѣднимъ, если уже была нужда въ такомъ приговорѣ.

Посмотримъ прежде всего, что̀ было сдѣлано въ этомъ отношеніи до нашего автора.

Еще Карамзинъ, въ девятомъ томѣ Исторіи Государства Россійскаго, коснулся вопроса объ отношеніяхъ князя Курбскаго къ Іоанну Грозному и къ современной ему эпохѣ. Извѣстно, что онъ раздѣлилъ жизнь Іоанна IV на двѣ половины: сперва — царь мудрый, слѣдующій благимъ совѣтамъ мудрыхъ совѣтниковъ; потомъ — тиранъ, злодѣй, удалившій отъ себя мудрыхъ совѣтниковъ. Согласно съ такою двойственностью лица Іоаннова, и Курбскій въ исторіи Карамзина является сначала юнымъ, бодрымъ воеводой, мужемъ битвы и совѣта, потомъ — государственнымъ преступникомъ, измѣнникомъ. Односторонность взгляда на дѣятельность Грознаго привела къ такой же невѣрности и въ сужденіи о Курбскомъ: такъ неразрывна историческая связь между обоими лицами. Не одна, впрочемъ, ошибочная мысль смотрѣть на историческія лица съ точки зрѣнія нравственнаго суда повела Карамзина къ ложному взгляду. Объясненія тому надо искать въ личныхъ свойствахъ историографа и въ его отношеніяхъ къ современной эпохѣ. Гуманнѣйшая личность своего времени, чтитель всего, что̀ носитъ на себѣ слѣды смягчающей цивилизаціи, объяснитель высокаго значенія мирной гражданственности, Карамзинъ былъ свидѣ-

Digitized by Google

телемъ одного изъ величайшихъ политическихъ переворотовъ, который въ продолженіи нѣкотораго времени сопровождался эпохою террора. Въ такія минуты онъ не былъ чуждъ страшнаго сомнѣнія въ прогрессивный ходъ исторіи человѣчества. Ужасъ событій закрывалъ отъ него историческій смыслъ ихъ. Но, побѣдивъ эти сомнѣнія, Карамзинъ навсегда, и совершенно справедливо, сдѣлался врагомъ кровавыхъ мѣръ, откуда бы онѣ ни шли. Вотъ почему, сказавъ (въ своей Запискѣ о древней и новой Россіи) объ эпохѣ смутъ: «самовольныя управы народа бываютъ для гражданскихъ обществъ вреднѣе личныхъ несправедливостей или заблужденій государей», Карамзинъ тѣмъ не менѣе выразился объ Іоаннѣ Грозномъ довольно рѣшительно: «нигдѣ и никогда грозное самовластіе не представляло столько жестокихъ искушеній для народной добродѣтели, для вѣрности или повиновенія.» Это обстоятельство значительно оправдываетъ въ нашихъ глазахъ отзывы Карамзина: они теряютъ характеръ мнѣній ученаго о данномъ лицѣ или времени и переходятъ изъ области науки въ сферу дѣйствительной жизни. Но само собою разумѣется, что литература не могла успокоиться на этихъ отзывахъ. Историческаго смысла эпохи, къ которой они относились, нельзя было уловить въ нихъ. Къ тому же накопились и новые матеріалы для исторіи этого времени. Были собраны и изданы г. Устряловымъ: сочиненіе Курбскаго «Исторія Князя Великого Московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима», переписка его съ Іоанномъ, переписка во время жизни въ Литвѣ, и указаны нѣкоторые переводы, сдѣланные имъ тамъ же. Кромѣ того издатель всѣхъ этихъ «Сказаній князя Курбскаго» присоединилъ къ нимъ еще синодики, въ которыхъ записаны были имена казненныхъ, избитыхъ и утопленныхъ, по повелѣнію Іоанна, сравнилъ этотъ матеріалъ съ извѣстіями другихъ источниковъ, и написалъ обильные комментаріи къ разсказу Курбскаго о казняхъ Іоанновыхъ. Позднѣе открыты г. Иванишевымъ матеріалы и для біографіи Курбскаго во время жизни его въ Литвѣ и на Волыни. Издатель этихъ матеріаловъ составилъ, въ видѣ предисловія къ нимъ, обстоятельный очеркъ пребыванія Курбскаго въ югозападной Россіи: этотъ очеркъ до нѣкоторой степени могъ замѣнить для читателей самые матеріалы; тѣмъ болѣе, что полной

Digitized by Google

біографіи Курбскаго въ литературѣ еще не было. За тѣмъ г. Погодинъ въ своихъ Историко-критическихъ отрывкахъ посвятилъ двѣ статьи объясненію характера Іоанна Грознаго. Низведя его на степень простаго исполнителя чужихъ совѣтовъ, устранивъ его участіе въ составленіи Судебника, Стоглава, закона о мѣстничествѣ, о присяжныхъ, во взятіи Казани, Астрахани, ограничивъ его собственную дѣятельность, и то съ оговоркой, несчастною войной за Ливонію, онъ не коснулся отношеній Іоанна къ Курбскому. Далѣе, г. Кавелинъ въ своей статьѣ: «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи», первый посмотрѣлъ съ исторической точки зрѣнія на Іоанна IV, не теряя при этомъ изъ виду и его личныхъ свойствъ: «одаренный натурой энергической, страстной, поэтической, менѣе реальной, нежели преемникъ его мыслей (Петръ Великій), говоритъ г. Кавелинъ, Іоаннъ изнемогъ наконецъ подъ бременемъ тупой, полупатріархальной, тогда уже безсмысленной среды, въ которой суждено было ему жить и дѣйствовать. Борясь съ ней на смерть много лѣтъ и не видя результатовъ, не находя отзыва, онъ потерялъ вѣру въ возможность осуществить свои великіе замыслы. Тогда жизнь стала для него несносной ношей, непрерывнымъ мученіемъ: онъ сдѣлался ханжой, тираномъ и трусомъ. Іоаннъ IV такъ глубоко палъ именно потому, что былъ великъ. Его отецъ Василій, его сынъ Ѳеодоръ не падали. Этимъ мы не хотимъ оправдывать Іоанна, смыть пятна съ его жизни; мы хотимъ только объяснить это до сихъ поръ загадочное лицо въ нашей исторіи. Его многіе судили, очень немногіе пытались понять, да и тѣ увидѣли въ немъ только жалкое орудіе придворныхъ партій, чѣмъ Іоаннъ не былъ. Всѣ знаютъ и всѣ помнятъ его казни и жестокости; его великія дѣла остаются въ тѣни; о нихъ никто не говоритъ. Добродушно продолжаемъ мы повторять отзывы современниковъ Іоанновыхъ, не подозрѣвая даже, что они-то всего больше объясняютъ, почему Іоаннъ сдѣлался такимъ, каковъ былъ подъ конецъ: равнодушіе, безучастіе, отсутствіе всякихъ духовныхъ интересовъ, вотъ что встрѣчалъ онъ на каждомъ шагу. Борьба съ ними, ужаснѣе борьбы съ открытымъ сопротивленіемъ. Послѣднее вызываетъ силы и дѣятельность, воспитываетъ ихъ; первыя ихъ притупляютъ, оставляя безотрадную скорбь въ ду-

Digitized by Google

шѣ, развивая безумный произволъ и ненависть.» (Соврем. 1847, № 1, стр. 36—37.) Для насъ въ этомъ отзывѣ важны не столько самыя выраженія, въ какія облеклась мысль историка: вниманіе наше прежде всего должно быть обращено на тѣ пріемы, съ какими приступилъ онъ къ изученію характера Іоаннова. Эти пріемы могутъ служить полезнымъ примѣромъ для иныхъ біографовъ. Писатель, считающій своею обязанностію выяснить передъ читателемъ черты историческаго лица, не забываетъ, что такая же обязанность лежитъ на немъ и относительно нравственныхъ свойствъ этого лица. Объясняя въ немъ оба элемента, историческій и личный, онъ не возвышаетъ одного насчетъ другаго, точно такъ же, какъ не считаетъ возможнымъ безусловно оправдывать, или безусловно обвинять. Еще яснѣе, еще понятнѣе выступаютъ достоинства такого метода для каждаго внимательнаго читателя, когда онъ знакомится съ исторіей Іоанна Грознаго и князя Курбскаго, съ исторіей ихъ жизни и взаимныхъ отношеній, по сочиненіямъ г. Соловьева, такъ подробно изучившаго ее. И въ «Исторіи отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», и въ шестомъ томѣ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», посвященномъ только одному царствованію Іоанна IV, г. Соловьевъ успѣлъ разъяснить многое въ жизни Грознаго и Курбскаго: имъ разсмотрѣны всѣ событія, всѣ черты эпохи, которыя могли имѣть то или другое вліяніе на образованіе характера Іоаннова, вліяніе благодѣтельное или неблагопріятное; имъ сняты съ Іоанна всѣ болѣе или менѣе ложныя обвиненія, указана несправедливость многихъ упрековъ, которые сдѣлалъ ему Курбскій въ своихъ сочиненіяхъ; но при этомъ не скрыты также и личныя свойства Іоанна, такъ далеко завлекшія его на пути кровавой борьбы со стариною и произволомъ людей, стоявшихъ къ царю ближе другихъ; а что всего важнѣе, опредѣлена та степень свободы, съ какою умъ Іоанна сознательно относился къ современной жизни: «мы обнаруживаемъ глубокое сочувствіе, уваженіе къ падшимъ въ борьбѣ, говоритъ г. Соловьевъ, но когда мы знаемъ, что они пали, истощивъ всѣ зависившія отъ нихъ средства къ защитѣ: въ Іоаннѣ же этой борьбы съ самимъ собою, съ своими страстями мы вовсе не видимъ. Мы видимъ въ немъ сознаніе своего паденія: «я знаю, что я золъ»,

Digitized by Google

говорилъ онъ... Человѣкъ плоти и крови, онъ не созналъ нравственныхъ, духовныхъ средствъ для установленія правды и наряда; или, что̀ еще хуже, сознавши, забылъ о нихъ; вмѣсто цѣлѣнія, онъ усилилъ болѣзнь, пріучилъ еще болѣе къ пыткамъ, кострамъ и плахамъ; онъ сѣялъ страшными сѣменами и страшна была жатва: собственноручное убійство старшаго сына, убіеніе младшаго въ Угличѣ, самозванство, ужасы смутнаго времени! Не произнесетъ историкъ слово оправданія такому человѣку; онъ можетъ произнести только слово сожалѣнія, если, вглядываясь внимательно въ страшный образъ, подъ мрачными чертами мучителя подмѣчаетъ скорбныя черты жертвы; ибо и здѣсь, какъ вездѣ, историкъ обязанъ указать на связь явленій: своекорыстіемъ, презрѣніемъ общаго блага, презрѣніемъ жизни и чести ближняго, сѣяли Шуйскіе съ товарищами: выросъ Грозный (VI, 447—449)». По прочтеніи всего тома, читатель выноситъ впечатлѣніе полное: Іоаннъ представленъ лицомъ живымъ, властолюбивымъ и дѣятельнымъ, но лицомъ, принадлежащимъ только извѣстной эпохѣ, которая наложила на его образъ неизгладимую печать, оставивъ однакожь возможность снять съ него эту историческую маску и познакомиться съ собственными чертами лица. То же самое, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, сдѣлано было г. Соловьевымъ и для объясненія характера Курбскаго. Упомянувъ не разъ его имя въ своемъ разсказѣ о дѣлахъ противъ Казани, Крымскихъ Татаръ и Ливоніи, гдѣ Курбскій явился честнымъ воиномъ, г. Соловьевъ объяснилъ потомъ, насколько позволяли изданные источники, причину отъѣзда Курбскаго въ Литву, объяснилъ характеръ переписки его съ царемъ и привелъ нѣсколько свѣдѣній о жизни его въ Литвѣ, его отзывъ о тогдашнемъ польскомъ обществѣ *. Впрочемъ, обстоятельства, сопровождавшія бѣгство Курбскаго въ Литву, не были вполнѣ выяснены: причина — недостатокъ положительныхъ извѣстій о томъ. Знаемъ только, что Курбскій долгое время былъ любимцемъ Іоанна, часто и со славою бился

* Въ седьмомъ томѣ исторіи (стр. 191—200), изслѣдуя внутреннее состояніе русскаго общества во времена Іоанна IV, г. Соловьевъ еще разъ и довольно подробно познакомилъ читателей съ частною жизнью Курбскаго въ Литвѣ и его литературною дѣятельностью.

Digitized by Google

съ врагами отечества; но, не умѣя забыть ни заслугъ своихъ предковъ, прежнихъ удѣльныхъ князей, ни своихъ собственныхъ, мало-по-малу разошелся съ Іоанномъ, не хотѣвшимъ придавать особеннаго значенія этимъ заслугамъ; сталъ за старый обычай, дозволявшій дружинникамъ и совѣтникамъ великаго князя брать болѣе близкое участіе въ дѣлахъ правленія, нежели какое хотѣлъ имъ дать самъ Іоаннъ, уже принявшій титулъ царя, и, видя неудачу и паденіе приверженцевъ этой старины, узнавъ объ одномъ гнѣвномъ словѣ Іоанна за проигранную имъ Невльскую битву, воспользовался инымъ обычаемъ исчезавшей старины, обычаемъ отъѣзда отъ князя обидчика къ другому, обѣщавшему ему покровительство и земли. За неимѣніемъ въ это время удѣльныхъ князей, прежнюю роль ихъ, какъ покровителей всѣхъ отъѣзжавшихъ изъ Москвы, принялъ на себя Сигизмундъ Августъ, король польскій и великій князь литовскій. Литва, по своимъ давнимъ связямъ съ югозападною Русью, по своимъ близкимъ отношеніямъ къ областямъ московскаго государства, по языку, религіи и быту значительной части своего населенія, имѣла нѣкоторое право, въ глазахъ людей того времени, на такую роль. Курбскій воспользовался этимъ обычаемъ не одинъ: и прежде, и съ нимъ, и послѣ немало было отъѣзжавшихъ изъ Москвы въ Литву, точно такъ же какъ были люди, отъѣзжавшіе въ Москву изъ Литвы. Но воспользовавшись стариннымъ обычаемъ, Курбскій и бѣжавшіе съ нимъ, должны были подвергнуться всѣмъ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ его: какъ прежде дружинники, отъѣзжавшіе отъ одного князя къ другому, сражались противъ старыхъ товарищей своихъ; такъ и они должны были теперь биться въ рядахъ литовскихъ войскъ противъ воиновъ московскихъ. По поводу этого-то обстоятельства, Карамзинъ сказалъ знаменитыя слова: «бѣгство не всегда измѣна; гражданскіе законы не могутъ быть сильнѣе естественнаго: спасаться отъ мучителя; но горе гражданину, который за тирана мститъ отечеству!» Афоризмъ временъ французской эмиграціи, чуждый понятіямъ вѣка, въ которомъ жили Іоаннъ и Курбскій. А исторія не можетъ судить своихъ героевъ на основаніи идей, съ которыми они не были знакомы, точно такъ же какъ въ практической жизни не судятъ христіанъ по законамъ магометанскимъ или наоборотъ. Исто-

Digitized by Google

рическая терпимость должна быть столь же священна, какъ и терпимость религіозная: на нее имѣютъ равное право и Курбскій, и Іоаннъ Грозный, оба павшіе искупительными жертвами той неизбѣжной борьбы, въ которую втянула ихъ роковая необходимость времени. Остается прибавить, что вмѣстѣ съ другими вопросами, возникающими при изученіи отношеній Курбскаго къ Іоанну, былъ разсмотрѣнъ и вопросъ о той степени исторической достовѣрности, съ какою должно принимать извѣстія, сообщаемыя какъ въ сочиненіи и письмахъ Курбскаго, такъ и въ письмахъ самого царя. «Безпристрастія въ исторіи Курбскаго и въ перепискѣ его съ царемъ искать нельзя: оба—и царь и Курбскій суть не иное что, какъ адвокаты своего дѣла; рѣчь ихъ страстна; они щедры на сильные эпитеты, щедры на неумѣренную брань чужимъ, на неумѣренную похвалу своимъ [1]». Столь же ясно опредѣлено и то положеніе, которое долженъ занять безпристрастный историкъ относительно обоихъ лицъ: «Историкъ не долженъ быть адвокатомъ того или другаго историческаго лица; его обязанность при описаніи подобной борьбы состоитъ въ томъ, чтобы, основываясь на актахъ несомнѣнныхъ, уяснять смыслъ борьбы, ея значеніе въ исторіи народа [2]».

Таковы въ общихъ чертахъ результаты, которыхъ достигла въ послѣднее время наука при объясненіи предмета, насъ интересующаго. Поле для изысканій было значительно воздѣлано и принесло обильную жатву: оставалось убрать ее, если только надо было это дѣлать. Нельзя сказать, чтобы подобная работа представляла особенныя трудности, хотя, разумѣется, и не освобождала отъ нѣкоторыхъ частныхъ розысканій. Но они были вполнѣ доступны: біографа не ожидала тяжелая, часто утомительная необходимость разбираться въ нестройной кучѣ матеріаловъ. Оставалось только прослѣдить и сличить мнѣнія прежнихъ писателей, развить біографическій элементъ событій, досказать немногое, что́ было опущено историками, и, если можно, сообщить всему сочиненію внутреннее единство и при-

[1] Ист. отношеній между кн. Рюрик. дома, стр. 656.
[2] Тамъ же, стр. 650—651.

Digitized by Google

личную форму. Послѣ столькихъ серьёзныхъ трудовъ литература, кромѣ научныхъ достоинствъ, вправѣ требовать хорошаго расказа. Свободная, благодарная работа должна была отразиться въ легкости и красотѣ самаго языка.

Что же сдѣлалъ г. Горскій?

Много такого, чего мы никакъ не могли ожидать отъ біографа князя Курбскаго, и гораздо менѣе того, чего въ правѣ были отъ него требовать послѣ тѣхъ успѣховъ, которые сдѣлала наша наука въ послѣдніе годы. Тѣмъ законнѣе это требованіе, что автору хорошо была извѣстна литература изучаемаго имъ вопроса. Иначе и быть не могло. Вопросъ самъ по себѣ не сложный; главные матеріалы, необходимые для близкаго знакомства съ нимъ, собраны въ двухъ, трехъ книгахъ и притомъ уже давно пущены въ обращеніе. Было бы болѣе, чѣмъ странно, еслибъ авторъ не зналъ сочиненій своихъ предшественниковъ: но будучи знакомъ съ ними, онъ обязанъ былъ нѣкоторымъ образомъ имѣть ихъ постоянно въ виду и, высказывая что-либо новое, долженъ былъ сперва показать ошибочность и несостоятельность прежнихъ выводовъ. Мы увидимъ ниже, сдѣлалъ ли это авторъ. Здѣсь пока замѣтимъ, что онъ, повидимому, считаетъ свое сочиненіе непосредственнымъ слѣдствіемъ, прямо вытекающимъ изъ трудовъ его предшественниковъ: «не принимая на себя смѣлости, говоритъ онъ, приписывать моему сочиненію полную самостоятельность, скажу откровенно, что сочиненія гг. Соловьева, Кавелина и другихъ знаменитыхъ дѣятелей на поприщѣ отечественной исторіи руководили меня». (Стр. 15.) Долгъ критики возлагаетъ на насъ печальную обязанность, провѣряя вообще справедливость выводовъ автора, рѣшить и вопросъ о томъ, имѣлъ ли онъ право такимъ образомъ выразиться объ отношеніяхъ своего сочиненія къ трудамъ нашихъ историковъ. И какой смыслъ въ его словахъ: простая ли это скромность писателя, только что начинающаго свою литературную дѣятельность, или не менѣе понятное желаніе ущититься за авторитетомъ болѣе извѣстныхъ именъ, связать свое дѣло съ ихъ собственнымъ? Увидимъ также, кто это другіе знаменитые дѣятели и въ чемъ именно руководили они г. Горскаго.

Скажемъ прежде всего о результатахъ, которыхъ достигъ

Digitized by Google

авторъ. Это не трудно, потому что всѣ выводы, сдѣланные имъ, немногочисленны, довольно опредѣленны, и не оставляютъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ томъ, что авторъ не вполнѣ высказался. Не менѣе любопытно будетъ познакомиться и съ тѣми путями, съ тѣми учеными пріемами, посредствомъ которыхъ авторъ пришелъ къ своимъ убѣжденіямъ. Если пріемы вѣрны, то могутъ быть истинны и мнѣнія автора; пути кривые неизбѣжно отразятся въ ложности самыхъ результатовъ.

Г. Горскій отправляется отъ той мысли, что Курбскій, по самому происхожденію своему, по убѣжденіямъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ, бывшихъ когда-то удѣльными князьями, принадлежалъ къ числу приверженцевъ старины: въ понятіяхъ Курбскаго еще не утратили своего смысла и значенія ни обычай князей совѣтоваться съ боярами, ни обычай отъѣзда бояръ къ другому князю. Но эта вполнѣ вѣрная мысль, давно уже высказанная, развитая и доказанная въ нашей литературѣ прежде автора другими писателями, послужила для него главнымъ обвинительнымъ аргументомъ противъ Курбскаго. Полагая въ основаніе сочиненія своего неудачную попытку, построить на этомъ обстоятельствѣ возможность безусловнаго обвиненія Курбскаго, какъ лица историческаго и какъ лица нравственнаго, авторъ впадаетъ въ недостойную историка роль уголовнаго судьи своего героя: ведетъ противъ него слѣдственный процессъ, поминутно допрашивая Курбскаго, не вѣря ему ни въ чемъ, и въ то же время совершенно полагаясь на показанія соперника подсудимаго; словомъ, изъ историка превращается въ адвоката. Онъ разомъ возвращаетъ насъ ко временамъ Карамзина, ставъ, подобно ему, на исключительную точку зрѣнія моралиста, ложную какъ въ исторіи, такъ и въ жизни: но съ тою разницей, что добросовѣстный историографъ осудилъ и Грознаго, и Курбскаго; а обвиненія г. Горскаго всею тяжестью падаютъ только на послѣдняго. Автора нельзя упрекнуть въ томъ, что онъ забылъ историческую сторону вопроса: онъ ввелъ ее въ свое сочиненіе, но допустилъ только внѣшнимъ образомъ, какъ опору своихъ моралистическихъ сужденій. Оттого и біографическій элементъ исчезъ изъ расказа его; мѣсто его заняли собственныя фантазіи

Digitized by Google

автора, блѣдныя, безжизненныя, ошибочныя. Познакомимся съ ними поближе.

«Курбскій увидѣлъ свѣтъ въ то время, когда Москва оканчивала собираніе сѣверо-восточной Руси. Князья удѣльные и потомки ихъ одинъ за другимъ, волею или неволею, должны были становиться въ ряды слугъ московскаго князя. Ясно, какъ день для насъ, что въ собираніи Руси князья московскіе преслѣдовали болѣе пользы государства, нежели выгоды личныя; иначе объясняли себѣ это удѣльные и потомки ихъ» (стр. 21). Мы думаемъ, что при рѣшеніи этого, впрочемъ не важнаго, вопроса нельзя держаться ни односторонняго мнѣнія самого автора, ни такого же мнѣнія его противниковъ, удѣльныхъ князей. Оба мнѣнія ошибочны. Первое потому, что авторъ его не вдумался въ тотъ образъ жизни, когда лицо и власть, въ понятіяхъ современниковъ, поглощались взаимно, составляли нѣчто нераздѣльное. Извѣстныя слова самого Іоанна къ сыновьямъ въ завѣщаніи: «А что есми учинить опришнику, и то на волѣ дѣтей моихъ Ивана и Ѳедора, какъ имъ прибыльнѣе и чинятъ», нельзя объяснять исключительно личными выгодами князей, тѣмъ менѣе однѣми государственными пользами. Мнѣніе удѣльныхъ не можетъ быть принято, какъ вытекающее изъ чувства вражды; но его нельзя оставлять безъ должнаго вниманія при объясненіи этой борьбы. Самъ же авторъ, вслѣдъ за другими историками, повторяетъ: «Нѣтъ нужды доказывать, что потеря самостоятельности возбуждаетъ непріятное чувство въ подвергшихся этой невзгодѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ненависть къ виновнику потери. Вотъ почему потомки удѣльныхъ князей были проникнуты ненавистью къ Москвѣ и ея государямъ, видѣли въ нихъ беззаконныхъ нарушителей стародавнихъ правъ, грабителей, кровопійцъ, которымъ не дорога была жизнь ближняго, если только смерть его влекла за собою значительныя выгоды. Сознаніе происхожденія отъ одного корня съ московскими князьями еще болѣе усиливало эту вражду» (стр. 21). Но этими словами и оканчивается вся несамостоятельность автора, далѣе же онъ становится вполнѣ оригинальнымъ. Онъ старается доказать, что Курбскій сталъ въ ряды противниковъ Іоанна «съ самаго начала своей государственной жизни» (стр. 32); а слѣдовательно нѣтъ никакого сомнѣнія, что,

Digitized by Google

во время болѣзни Іоанновой, когда многіе изъ бояръ, не хотя присягать сыну Грознаго, малюткѣ Димитрію, держали сторону князя Владиміра Андреевича Старицкаго, Курбскій «также принялъ сторону послѣдняго» (стр. 75). Что̀ касается характера всей партіи Сильвестра и Адашева; то она, по мнѣнію автора, — «состояла изъ людей вовсе не понимавшихъ современныхъ требованій государства, изъ людей устарѣлыхъ, составившихъ себѣ, въ интересахъ старины, самое нелѣпое понятіе о верховной власти, изъ людей, для которыхъ не были доступны великія идеи Іоанна Грознаго, которые себялюбивые разсчеты ставили выше всего на свѣтѣ» (стр. 53). Должно однакожь сознаться, что эта партія «дѣйствовала чрезвычайно хитро» (стр. 64), и скоро овладѣла дѣйствіями Іоанна, который тяготился такою зависимостью, но «не предпринималъ никакихъ мѣръ къ уничтоженію ея, полагая, что, сознавъ несвоевременность своихъ притязаній, Сильвестръ и Адашевъ сами откажутся отъ нихъ» (стр. 67), что партія ихъ, тронутая его милостями, забвеніемъ вины ея, устыдится своихъ притязаній (стр. 79): «можетъ-быть, думалъ Іоаннъ, я не умѣлъ оцѣнить и достойно наградить ихъ заслуги, а потому они и возстали противъ меня. Поправлю свою ошибку» (стр. 302). «Но вышло иначе: зашедши слишкомъ далеко, сбившись съ предписаннаго закономъ и благоразумiемъ пути, противники Іоанна уже не могли отступить. Съ самой дурной стороны выказавъ себя передъ Іоанномъ, они продолжали дѣйствовать попрежнему» (стр. 79). «Должно думать, что во всѣхъ этихъ противозаконныхъ поступкахъ Сильвестровой партіи принималъ участіе и Курбскій» (стр. 85): между прочимъ потому, что «Іоаннъ обвиняетъ Курбскаго въ разныхъ преступленіяхъ, а этотъ отвѣчаетъ однѣми дерзостями, нисколько не оправдывая ни себя, ни другихъ» (стр. 87). Наконецъ, Ливонская война положила конецъ преступленіямъ сторонниковъ Сильвестра: она была камнемъ преткновенія для нихъ. Самъ Курбскій, проигравъ битву подъ Невлемъ, бѣжалъ въ Литву, но бѣжалъ не потому, что хотѣлъ воспользоваться стариннымъ правомъ отъѣзда изъ страха смерти: ибо если Курбскій и утверждаетъ это, то «мы можемъ признать его слова клеве-

Digitized by Google

тою» (стр. 123). Напротивъ, Курбскій бѣжалъ, измѣнивъ отечеству изъ корыстныхъ разсчетовъ: «не носитъ эта измѣна на себѣ характера мгновенной рѣшимости и неизбѣжной необходимости, но имѣетъ характеръ глубокой обдуманности и произвола. Тяжела для души эта убійственная холодность, съ которою Курбскій обдумываетъ свою измѣну» (стр. 128). Самое пораженіе Курбскаго подъ Невлемъ подозрительно и странно (стр. 129 — 130). Что̀ касается жизни Курбскаго въ Литвѣ, его отношеній къ Сигизмунду Августу; то «руководясь одними эгоистическими побужденіями, онъ не былъ способенъ чувствовать благодѣяній, ему оказываемыхъ. Благодѣтель въ его глазахъ имѣлъ цѣну только до тѣхъ поръ, пока можно было отъ него ожидать еще чего-нибудь. Въ противномъ случаѣ, Курбскій готовъ былъ пожертвовать имъ, если это только влекло за собою большія выгоды (стр. 162). Всѣ подвиги Курбскаго во время перваго похода его на Московскія области изъ Литвы «состояли въ разграбленіи церквей и опустошеніи селъ» (стр. 154.) Литературныя занятія Курбскаго въ Литвѣ проистекали не изъ внутренняго побужденія: онъ «писалъ письма къ православнымъ, убѣждая ихъ быть твердыми, непреклонными, крѣпко держать вѣру отцовъ своихъ; совѣтовалъ не вступать въ споры съ іезуитами, не ходить въ ихъ бесѣды, разоблачалъ хитрости и заблужденія іезуитовъ, переводилъ сочиненія знаменитыхъ церковныхъ писателей... Но предположить, что въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ изъ чистыхъ побужденій, кажется, не возможно. Прочитавъ внимательно сочиненія Курбскаго, мы увидимъ, что вездѣ Святое ученье служитъ у него средствомъ къ достиженію какой-нибудь, отнюдь не высокой цѣли; слѣдовательно, вездѣ оно играетъ у него роль страдательную. Употребленіе во зло религіозныхъ убѣжденій другаго, по его мнѣнію, ничего не значило, если только это было полезно для злоупотребляющаго... Неуваженіе Курбскаго къ религіи часто доходило до явной насмѣшки и презрѣнія... Часто Курбскій доходитъ въ своихъ сочиненіяхъ до явнаго кощунства... Руководясь такими соображеніями, мы прійдемъ къ такому заключенію, что стремленіе Курбскаго къ поддержанію, защитѣ православія

Digitized by Google

проистекало не изъ религіозной ревности, а изъ причинъ иного рода» (стр. 177 — 180). Послѣ Полоцкаго похода и торжеству Курбскаго наступилъ конецъ: «своимъ примѣромъ онъ доказалъ, что для измѣнниковъ не существуетъ прочнаго счастія. Безпрестанныя неудачи преслѣдуютъ его со времени Полоцкаго похода» (стр. 183.) Таковы въ общихъ чертахъ жизнь и характеръ Курбскаго, по выводамъ г. Горскаго. Приверженецъ старины, противникъ нововведеній Іоанна Грознаго, а слѣдовательно государственный преступникъ и измѣнникъ (стр. 122—216 и др.), Курбскій вмѣстѣ съ тѣмъ — человѣкъ безнравственный, себялюбивый, человѣкъ убійственнаго эгоизма; историческія убѣжденія, унаслѣдованныя имъ отъ рожденія, развитыя воспитаніемъ и потомъ самой жизнью, служатъ для него только предлогомъ: убѣжденія, дескать сами по себѣ, а я тоже самъ по себѣ; мое дѣло — личныя выгоды, мелкіе разсчеты. Этотъ двойственный взглядъ автора на характеръ Курбскаго отразился и въ окончательномъ приговорѣ о всей дѣятельности его. Г. Горскій говоритъ: «воспитаніе развило въ Курбскомъ ненависть къ Москвѣ и совершенное равнодушіе къ тому, что̀ понимаемъ мы (бѣдный Курбскій: не было въ твое время ни гимназій, ни университетовъ!) подъ именемъ общественнаго блага; воспитаніе внушило ему любовь только къ самому себѣ и своимъ интересамъ, поэтому-то всѣ дѣйствія его запечатлѣны самымъ убійственнымъ эгоизмомъ. Старина была для Курбскаго второю природою, она была для него плотію и кровію, была насущною потребностію, такой средой, безъ которой онъ не могъ ни жить, ни двигаться. И вотъ, возстановленіе старины онъ полагаетъ главною задачею своей жизни; за старину онъ вступаетъ въ кровавую, отчаянную борьбу съ царемъ; старинѣ онъ жертвуетъ всѣмъ, что̀ только имѣлъ святаго и дорогаго сердцу: и религіей, и отечествомъ, и родными, и добрымъ именемъ. Но...» Что значитъ это но? Какая логическая связь между этимъ но и предыдущими словами? Быть-можетъ авторъ хочетъ сказать теперь, что Курбскій, будучи приверженцемъ отжившей старины и врагомъ нарождавшагося государственнаго начала, имѣлъ позволительное несчастіе только заблуждаться насчетъ значе-

Digitized by Google

нія современныхъ ему событій, думалъ иначе, нежели Іоаннъ, лишь потому, что не зналъ другаго способа дѣйствій и не могъ его знать? Мы ошиблись: авторъ вовсе не хочетъ выводить такого заключенія, непремѣнно слѣдующаго изъ приведенныхъ выше словъ. Прерванный нами здѣсь, онъ въ своемъ расказѣ продолжаетъ такимъ образомъ: «Но не потому преданъ онъ (Курбскій) ей (старинѣ) всѣми силами души, не потому не имѣетъ для нея ничего завѣтнаго, что въ торжествѣ ея (старины) видѣлъ поруку славы и благоденствія отечества: интересы отечества мало занимали его, были ему чужды, а дѣйствовалъ онъ такъ потому, что этого требовали его личные интересы. Какая выгода могла проистечь тогда для Россіи изъ возстановленія обычая боярскаго совѣта? Какую пользу могли принести ей право отъѣзда, право мѣстничества и возстановленіе стараго порядка престолонаслѣдія? Какую выгоду могла она извлечь изъ старинной своей политики?..» (Стр. 413). На всѣ эти вопросы не такъ было легко отвѣчать въ ту эпоху, какъ думаетъ г. Горскій. «Итакъ, ратуя за старину, Курбскій руководился не интересами отечества, а одними чисто эгоистическими побужденіями. Но...» Опять это роковое, неизбѣжное но? Какъ однакожь тверды мысли автора? Онъ покидаетъ ихъ безпрестанно одну для другой: «но дѣятельность Курбскаго была дѣятельностью запоздалою, а слѣдовательно (?) и самою неблагодарною. Запоздала она потому, что государственная идея сдѣлалась уже насущною потребностью русскаго общества, потребностью, которая все болѣе и болѣе должна была приходить къ ясному сознанію; а потому, стараясь возвратить старину, Курбскій хотѣлъ возвратить то, что было не возвратимо. Идеалъ...» Авторъ опять противорѣчитъ этимъ словомъ самому себѣ, забывая, что для людей безнравственныхъ, убійственно-эгоистическихъ, себялюбивыхъ не существуетъ идеаловъ; и не смотря на то, онъ говоритъ: «идеалъ его (Курбскаго) былъ не въ будущемъ, а въ прошедшемъ, одряхлѣвшемъ, отживавшемъ свой вѣкъ; слѣдовательно, желая дать торжество этому прошедшему, вдохнуть новую жизнь въ его разрушающіеся члены, Курбскій хлопоталъ о невозможномъ, превышающемъ силы человѣческія. Итакъ

Digitized by Google

напрасно тратилъ онъ свои силы въ борьбѣ противъ новизны, напрасно истощилъ ихъ, стремясь удержать неудержимое: не благодарности потомства онъ могъ ожидать въ награду за свои усилія; напротивъ, защищая отжившее, онъ предъ строгимъ судомъ потомства, является защитникомъ неподвижности и застоя, шедшимъ наперекоръ исторіи, наперекоръ развитію общества. Въ такихъ людяхъ потомство видитъ враговъ развитія человѣчества, слѣдовательно, людей, достойныхъ не участія, а осужденія (стр. 414—415)». Въ этихъ словахъ яснѣе всего выразилось направленіе цѣлаго сочиненія. Авторъ, очевидно, принадлежитъ къ числу тѣхъ полуисториковъ, полуроманистовъ, которые, описывая жизнь какого-либо героя, берутъ изъ исторіи данной эпохи лишь нѣкоторыя, извѣстныя имъ черты, потомъ знакомятся съ дѣлами своего героя: и если эти дѣла отвѣчаютъ той сторонѣ времени, которая извѣстна автору,—пишутъ страстные панегирики имъ, безжалостно чадятъ высокимъ слогомъ и риторикой; въ противномъ случаѣ, при помощи тѣхъ же средствъ, появляются раздраженныя выходки, сѣтованія, слезы. Точь въ точь, какъ прежде литературные судьи, разбирая какое-либо сочиненіе, прилагали къ нему правила, заимствованныя у Буало: и если сочиненіе приходилось по ихъ эстетической мѣркѣ, его превозносили; если же нѣтъ, то сильно доставалось и автору, и произведенію. На такихъ основаніяхъ не трудно составить изъ чертъ, привлекательныхъ для безпристрастнаго историка, безобразное, безжизненное лицо. Всѣ *послѣдніе* люди какой бы и когда бы то ни было отживавшей старины представятся столь фальшиво настроенному воображенію безнравственными, себялюбивыми, людьми убійственнаго эгоизма, безпримѣрнаго холода души. Безнравственны будутъ послѣдніе греческіе и римскіе философы — потому, что не умѣли понять *лучшаго* ученія, начинавшаго распространяться на развалинахъ древняго міра; безнравственны послѣдніе рыцари—потому, что считали средневѣковыя идеи вѣчными, единственно справедливыми. Ограниченное пониманіе современности, успокоившееся на легкомъ, не стоившемъ ни малѣйшаго труда усвоеніи тѣхъ основъ жизни, которыя достались намъ послѣ кровавой борьбы и скорбныхъ трудовъ предшествовавшихъ поколѣній, не можетъ отнестись съ покойною, серьёзною мыслью къ дѣламъ этихъ поколѣній. Оно

Digitized by Google

не пытается понять, уяснить себѣ характеръ и значеніе ихъ, оно только судитъ, то-есть, оправдываетъ или обвиняетъ. Оно забываетъ ту простую истину, что еслибъ народъ шелъ прямо къ какой-нибудь заранѣе заданной цѣли, тогда не было бы исторіи, была бы одна логика. Само собою разумѣется, что законы историческаго развитія не противоположны законамъ логики; но они не совпадаютъ въ своихъ путяхъ съ путями мысли. Вотъ почему уголовная точка зрѣнія неприложима къ исторіи. Понимать и въ то же время обвинять гораздо нелѣпѣе, чѣмъ не понимать и казнить. Вина г. Горскаго еще больше: понялъ не онъ, онъ только заналъ у другихъ это пониманіе: ему принадлежитъ лишь несчастная мысль обвинить, засудить. Его предшественники указали, что̀ было ложнаго съ обѣихъ сторонъ, дѣйствовавшихъ въ эпоху , о которой идетъ рѣчь. При такихъ указаніяхъ не нужно было даже отыскивать вѣрной дороги, она была подъ ногами; не смотря на то, авторъ ухитрился сбиться съ нея: оборачиваясь назадъ, онъ начинаетъ еще ругаться. Мало того, утверждаетъ, что его руководили при этомъ другіе: а между тѣмъ мы видѣли, что эти другіе иначе понимали обязанности историка и, кажется, очень ясно говорили о нихъ.

Познакомившись съ направленіемъ и теоретическимъ взглядомъ автора, посмотримъ теперь, въ какой степени владѣетъ онъ критическими пріемами и самымъ матеріаломъ, который необходимо долженъ былъ представиться при изученіи жизни Курбскаго. Читатели могли замѣтить, что общій взглядъ автора, при всей внутренней несправедливости своей, имѣетъ однакожь, повидимому, нѣкоторыя основанія въ самыхъ фактахъ. Такъ, по мнѣнію т. Горскаго, Курбскій съ самаго начала своей дѣятельности принималъ рѣшительное участіе во всѣхъ противозаконныхъ поступкахъ ослушниковъ Іоанна Грознаго, хотѣлъ возвести на московскій престолъ Владиміра Андреевича Старицкаго, склонялъ на свою сторону народъ, чтобы сдѣлать собственное дѣло дѣломъ народнымъ * и т. п. Между тѣмъ изъ источниковъ мы этого не видимъ. Курбскій, не щадя ни въ Исторіи

---

* На стр. 83 — 85 и другихъ авторъ, высчитавъ дѣла Сильвестра, Адашева и ихъ партіи, прибавляетъ: «должно думать, что во всѣхъ этихъ противозаконныхъ поступкахъ принималъ участіе и Курбскій.»

Digitized by Google

своей, ни въ письмахъ дѣйствій Іоанновыхъ, не беретъ подъ защиту поступковъ боярскихъ партій, смѣнявшихъ другъ друга во время молодости Грознаго: «питаша его, говоритъ онъ, велицые гордые паны, по ихъ языку боярове, его на свою и дѣтей своихъ бѣду, ретящеся другъ подъ другомъ, ласкающе и угождающе ему во всякомъ наслажденію и сладострастію» [1]). Изъ этихъ словъ нельзя заключать, что Курбскій сочувствовалъ поведенію бояръ: напротивъ, онъ высказываетъ свое недовольство ими. Другой вопросъ: принималъ ли Курбскій дѣятельное участіе въ намѣреніи бояръ возвести Старицкаго князя на Московскій столъ помимо сына Іоаннова? Вотъ какъ говоратъ объ этомъ Грозный и самъ Курбскій. Первый въ своемъ отвѣтѣ на епистолію непослушнаго отъѣзжика пишетъ: «малу же времени минувшу, еже убо владыкамъ быти случается, намъ немощію одержиму быти и зельнѣ изнемогшу: тогда убо еже отъ тебе нарицаемые доброхоты возшаташася, яко пьяніи, съ попомъ Сильвестромъ и съ начальникомъ вашимъ Алексѣемъ, мнѣвше насъ въ небытію быти, забывше благодѣяній нашихъ и своихъ душъ, еже отцу нашему цѣловали крестъ и намъ, еже кромѣ нашихъ дѣтей, иного государя себѣ искали: они же хотѣша воцарите еже отъ насъ разстоящася въ колѣнѣ, князя Владиміра; младенца жъ нашего, еже отъ Бога даннаго намъ, хотѣша подобно Ироду погубити, воцаривъ князя Владиміра [2]). «И только во второмъ письмѣ, когда полемика между нимъ и Курбскимъ разгорѣлась сильнѣе, Іоаннъ уже, не различая болѣе лица, защищающаго казнимыхъ и опальныхъ отъ тѣхъ, кого онъ защищалъ, говоритъ: «а князя Владиміра на царство для чего есте хотѣли посадити, а меня съ дѣтьми извести?» [3]). На такое обвиненіе Курбскій отвѣчаетъ: «а о Володимірѣ братѣ воспоминаешь, аки бы есть мы его хотѣли на царство: во истину, о семъ не мыслихъ: понеже и недостоинъ былъ того.» Курбскій былъ родственникъ какъ Старицкаго князя, такъ и жены Іоанновой Анастасіи: «а тая твоя царица мнѣ убогому ближняя сродница, яко узришь сродство оно на странѣ того

[1]) См. кн. Курбскаго; стр. 6.
[2]) Тамъ же, стр. 190.
[3]) Тамъ же, стр. 224.

Digitized by Google

листа написано.... А тогды жъ есмь угадалъ грядущее мнѣніе твое на мя, когда еще сестру мою насиліемъ отъ меня взялъ еси за того то брата твоего, наипаче же, могу поистинѣ рещи со дерзновеніемъ, въ тотъ вашъ издавна кровопивственный родъ» [1]). Какъ родствомъ съ Анастасіею, Курбскій хочетъ оправдать себя въ страшномъ въ то время нареканіи, будто вмѣстѣ съ другими причинилъ посредствомъ чаръ смерть царицѣ, такъ родственныя отношенія къ Владиміру Андреевичу не подкупили его въ пользу послѣдняго: «понеже недостоинъ былъ того» удѣльный князь. Другихъ свидѣтельствъ объ этомъ событіи мы не имѣемъ. Самъ Іоаннъ выдѣляетъ Курбскаго изъ числа дѣйствовавшихъ въ пользу Старицкаго князя: второе обвиненіе его, высказанное въ общихъ выраженіяхъ, указываетъ лишь на раздраженіе человѣка, не разборчиво ведущаго споръ. Всѣ эти свидѣтельства г. Горскій понялъ по-своему. Слова Курбскаго: «понеже и недостоинъ былъ того» онъ отнесъ къ самому писавшему, видя въ нихъ «неискреннее смиреніе, личину, которою въ крайнихъ случаяхъ прикрывалась сторона Сильвестра, имѣвшая, по словамъ Іоанна, обычай устами благословлять, а сердцемъ клясть; говоря о добрѣ, думать злое» (стр. 73). Авторъ не сообщаетъ, почему онъ предпочелъ такое объясненіе объясненію г. Соловьева [2]), которое мы привели выше, и изъ чего видна крайность положенія Курбскаго, который, находясь уже въ Литвѣ, не имѣлъ нужды скрывать своего образа мыслей. Не смотря на отсутствіе уликъ противъ Курбскаго даже у самого Іоанна, г. Горскій настаиваетъ на одномъ: «нѣтъ сомнѣнія, что Курбскій принялъ сторону Владиміра Андреевича». Равнымъ образомъ ему извѣстно, что одинъ изъ стоявшихъ за Старицкаго князя (отецъ Адашева), прямо объявилъ больному Іоанну: «тебѣ и сыну твоему крестъ цѣлуемъ: но Захарьинымъ (братьямъ Анастасіи, дядьямъ малютки Димитрія), Данилѣ съ братьею, служить не хотимъ; сынъ твой еще въ пеленахъ, а владѣть нами Захарьинымъ. Мы же отъ бояръ до возраста твоего бѣды видѣли многія» (стр. 69). Но авторъ не даетъ вѣры этимъ словамъ и говоритъ:

---

[1]) Тамъ же, стр. 233.
[2]) Томъ VI, стр. 206.

Digitized by Google

«основываясь на данныхъ, характеризующихъ намъ Сильвестра, мы не можемъ предположить, чтобы онъ держалъ сторону князя Старицкаго изъ желанія добра Россіи. Скорѣе (?) можно прійдти къ такому заключенію: вѣроятно (а развѣ это не предположеніе?) Сильвестръ и его сторона заключили съ княземъ Старицкимъ выгодныя для себя условія» (стр. 71); но не прибавляетъ ни слова о характерѣ сдѣлки, такъ что читатель, заинтересованный злымъ намекомъ автора, остается въ невѣдѣніи относительно любопытнаго вопроса: сколько именно денегъ и какія почести выговорили себѣ эти безчувственные эгоисты? Вообще доказательства для г. Горскаго ровно ничего не значатъ; его критическіе пріемы напоминаютъ тѣ счастливые дни, когда можно было строить предположеніе на предположеніи и создавать цѣлыя теоріи по своему благоусмотрѣнію. Дѣло ясное: съ одной стороны, полное довѣріе словамъ Іоанна Грознаго; съ другой, такое же недовѣріе словамъ Курбскаго, и—наконецъ собственныя соображенія. О первой части своихъ доказательствъ г. Горскій повторяетъ очень часто, между прочимъ на стр. 381: «по нашему мнѣнію, въ словахъ Іоанна нѣтъ ничего, подлежащаго опроверженію;» то же самое доказываетъ и все сочиненіе. О второй онъ говоритъ такъ: «наши историки весьма опрометчиво поступали, принявъ ихъ (сочиненія Курбскаго) въ основаніе своихъ изслѣдованій объ Іоаннѣ... эти сочиненія не могутъ служить для насъ достовѣрнымъ источникомъ, мы не можемъ поручиться за несомнѣнность и истину сообщаемыхъ Курбскимъ извѣстій» (стр. 214—215). Затѣмъ указаны шесть причинъ, почему г. Горскій не можетъ поручиться за Курбскаго: между прочимъ потому, что послѣдній былъ «измѣнникъ, преступникъ государственный и ожесточенный врагъ Россіи и ея царя» (стр. 216). О главномъ же, существенномъ элементѣ своихъ ученыхъ доказательствъ авторъ свидѣтельствуетъ нѣсколько разъ, напримѣръ: «чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно однихъ простыхъ соображеній» (стр. 27).... «для насъ довольно и того, что есть, потому что вслѣдствіе нѣкоторыхъ соображеній, свидѣтельства Іоанна получаютъ надлежащій вѣсъ» (стр. 75);... «всѣ эти, предложенныя нами, соображенія должны вести къ тому заключенію, что во время

Digitized by Google

болѣзни Іоанна, Курбскій былъ на сторонѣ крамольниковъ» (стр. 78);... «руководясь *такими соображеніями*, мы придемъ къ тому заключенію, что стремленіе Курбскаго къ поддержанію, защитѣ православія проистекало не изъ религіозной ревности, а изъ причинъ иного рода (см. выше)»;... «къ этому (то-есть къ недовѣрію извѣстіямъ Курбскаго) можно прійдти *даже путемъ самыхъ простыхъ соображеній*» (стр. 215: мы видѣли одно изъ этихъ шести соображеній), и т. д. Всего чаще и въ то же время яснѣе для читателя такія соображенія г. Горскаго замѣняются лаконическими словами: *вѣроятно, по всей вѣроятности, нѣтъ сомнѣнія, можно думать, надобно полагать, намъ кажется*. Не беремся исчислять, сколько разъ употреблены эти аргументы средневѣковой науки въ разбираемомъ нами сочиненіи: ихъ много; они любимцы автора. Но мы обязаны остановиться на тѣхъ соображеніяхъ, при помощи которыхъ г. Горскій рѣшаетъ главный, капитальный вопросъ своего сочиненія: было ли измѣною, государственнымъ преступленіемъ со стороны Курбскаго, его бѣгство въ Литву? Авторъ ясно сознавалъ, что рѣшеніе этого вопроса — существенная необходимость для его книги, что тутъ заключается страшная проблема жизни и смерти ея. Понимая это, онъ заранѣе долженъ былъ подготовить неопытныхъ читателей въ свою пользу; и вотъ еще въ предисловіи, на стр. 13-й, мимоходомъ, какъ бы безъ умысла, однакожь рѣшительнымъ тономъ говоритъ: «съ паденьемъ Новгорода и удѣловъ при Іоаннѣ III-мъ право отъѣзда совершенно уничтожилось: внутри Россіи отъѣзжать было некуда, а *отъѣздъ въ другія земли стали считать измѣною, слѣдовательно государственнымъ преступленіемъ*.» Чтобы убѣдить скептиковъ поставлена даже и цитата. — Авторъ заранѣе торжествуетъ: вѣрно какой-нибудь лѣтописецъ, монахъ, дьякъ, чужеземный писатель, жившій въ XV или XVI вѣкахъ, современникъ Іоанна III-го, подслужился своимъ извѣстіемъ въ пользу г. Горскаго, и онъ, *руководимый имъ*, уже смѣлѣе перешелъ отъ предисловія къ самому сочиненію. Скептики, люди вѣчнаго отрицанія, однакожь остаются неисправимы и, хоть не безъ трепета, но заглядываютъ въ примѣчанія, которыхъ у автора собрано 1014!.. Писателемъ XV вѣка, къ удив-

Digitized by Google

ленію читателей, оказывается г. Бѣляевъ; писаніе его носитъ титло: «Служилые люди»; а средневѣковой сборникъ, въ которомъ найдено оно г. Горскимъ, назывался Временникъ. Не нужно прибавлять, что ни въ Словарѣ Евгенія, ни у Филарета, ни въ одной Исторіи русской древней письменности мы не отыскали бы въ XV, ни даже XVI и XVII вѣкахъ такого писателя; а позднѣйшимъ да позволено будетъ не вѣрить въ этомъ случаѣ, даже еслибъ они были тѣми знаменитыми дѣятелями на поприщѣ отечественной исторіи, о которыхъ авторъ, называя ихъ своими руководителями, глухо отозвался: «и другіе». Послѣ, приступая уже къ самому разсказу о бѣгствѣ Курбскаго, г. Горскій начинаетъ опять исподволь готовить читателя къ своему задушевному мнѣнію о поступкѣ опальнаго князя: «времена перехода общества отъ одного состоянія къ другому самыя мрачныя (говоритъ онъ новѣйшимъ высокимъ слогомъ), самыя тяжкія въ жизни народовъ, и не будь идеи, одушевляющей дѣятелей этихъ временъ, они были бы самыми безотрадными страницами исторіи. Обыкновенно въ эти времена передъ глазами историка развертывается страшная картина измѣнъ и гоненій; но въ нихъ есть та утѣшительная сторона, что изъ борьбы рождается новый, лучшій порядокъ вещей». Такъ и ждешь, что авторъ начнетъ молиться Кроносу, пожиравшему собственныхъ дѣтей, или пѣть хвалебные гимны дикарямъ, убивавшимъ своихъ дряхлыхъ родителей! Въ цѣломъ сочиненіи его отразился преувеличенный взглядъ на такъ-называемыя переходныя эпохи. Этимъ выраженіемъ, заимствованнымъ изъ исторической азбуки, авторъ злоупотребляетъ до крайности, забывая, что всякая эпоха, строго говоря, есть переходная, и что судьба любаго народа представляетъ собою цѣлый рядъ такихъ взаимно смѣняющихся эпохъ различнаго историческаго содержанія. Непосредственной, прямой задачи для жизни народовъ исторія не указываетъ; она лишь изучаетъ законы этой жизни по тѣмъ формамъ, въ какихъ они отразились. «При такомъ состояніи переходныхъ временъ исторіи, повторяетъ г. Горскій, при томъ ожесточеніи, съ какимъ борются между собою защитники стараго и новаго, естественно не всегда дѣйствуетъ въ нихъ высокая справедливость: цѣль какъ тѣхъ, такъ и другихъ — во что бы то ни стало остаться побѣдителями,

Digitized by Google

удержать за собой поле битвы» (стр. 112.) Полагая, что этими фразами читатель уже достаточно приготовленъ къ мрачнымъ, страшнымъ, безотраднымъ картинамъ, авторъ начинаетъ говорить о состояніи русскихъ нравовъ въ половинѣ XVI вѣка, и, кто знаетъ — по какой логикѣ? приводитъ для этой цѣли слова «Шаума, служившаго около 1613 года въ шведскомъ войскѣ». Какъ-будто не было иностранныхъ и своихъ свидѣтельствъ изъ эпохи, въ которую жили Грозный и Курбскій? Какъ-будто ихъ самихъ мало для исторіи тогдашнихъ нравовъ? Или, можетъ-быть, г. Горскому хотѣлось показать, что кромѣ сочиненій Іоанна и Курбскаго, онъ еще читалъ Шаума въ русскомъ переводѣ? Мы не рѣшимъ этихъ вопросовъ. Самъ авторъ напуганъ своей ученой храбростью и, выписавъ съ грѣхомъ по-поламъ, съ пропусками, слова Шаума, приноситъ горькое раскаяніе въ своей неумѣстной довѣрчивости иноземному писателю: «конечно, говоритъ онъ, это изображеніе неудовлетворительнаго состоянія нравственности русскаго общества относится къ позднѣйшему времени; конечно, многое въ этомъ свидѣтельствѣ уже слишкомъ преувеличено, по обыкновенному расположенію большей части иностранцевъ выставлять въ русскомъ народѣ одну только дурную сторону. Если даже допустимъ мы дѣйствительное существованіе на Руси такихъ пороковъ, какіе исчисляетъ Шаумъ, то и тогда Русскіе не будутъ еще грѣшнѣе другихъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать изображеніе состоянія Германіи послѣ тридцати-лѣтней войны (у какого писателя?), и мы увидимъ, что въ порокахъ перевѣсъ будетъ на сторонѣ благочестивыхъ Нѣмцевъ» (стр. 113). Облегчивъ свое правдолюбіе такой оговоркой, авторъ набирается новой отваги и еще разъ говоритъ противъ современниковъ Іоанна: «должно, впрочемъ сознаться, что свидѣтельство Шаума въ главныхъ чертахъ подтверждается (больше вѣдь и не требовалось!) Стоглавомъ, посланіемъ Макарія митрополита къ свіяжскому войску, и наконецъ посланіями Іоанна къ разнымъ монастырямъ.» Почему же авторъ не привелъ этихъ родныхъ извѣстій? Не потому ли, что изъ нихъ нельзя вывести такого заключенія о нравахъ той эпохи, какое сдѣлалъ онъ самъ? Вотъ эти классическія слова: «Безнравственность тогдашняго

Digitized by Google

общества открывается въ томъ, что въ борьбѣ съ царемъ бояре не пренебрегали никакими средствами; безнравственность тогдашняго общества скорѣе (!?) заключается въ безчувственномъ эгоизмѣ и, вслѣдствіе этого, въ нерадѣніи о благѣ общественномъ» (стр. 114). Даже Шаумъ не произносилъ подобной клеветы: за что же обидѣлъ его г. Горскій? Послѣ такой подготовки читателей, авторъ переходитъ къ разсказу Мартина Бѣльскаго о Невльской битвѣ: въ этомъ разсказѣ, по мнѣнію его, справедливо только «то, что Курбскій, предводительствуя превосходными силами, былъ разбитъ подъ Невлемъ Поляками и бѣжалъ въ Польшу» (стр. 115), то-есть авторъ хотѣлъ сказать: въ Литву, потому что Люблинская унія Польши и Литвы совершилась только въ 1569 году, позднѣе бѣгства Курбскаго шестью годами. Сдѣлавъ такое важное открытіе въ географіи XVI вѣка, г. Горскій уже не выдерживаетъ болѣе, перестаетъ хитрить съ читателемъ и объявляетъ начистую: «Мы смотримъ на бѣгство Курбскаго изъ Россіи, какъ на измѣну. Да мы и не можемъ смотрѣть иначе». Читатель готовъ спросить: почему же не можемъ? «Такъ смотритъ на это событіе и Грозный», отвѣчаетъ догадливый авторъ, приводя слова Іоанна: «Собацкимъ измѣннымъ обычаемъ преступилъ крестное цѣлованіе и ко врагамъ христіанства соединился еси», на что Курбскій отвѣчаетъ: «А еже пишеши, имянуеще насъ измѣнники, для того, иже есмя принуждены были отъ тебя поневолѣ крестъ цѣловати, яко тамо есть у васъ обычай, аще бы кто не присягнулъ, горчайшею смертію да умретъ; на сіе тебѣ отвѣтъ мой: всѣ премудрые о семъ згажаются, аще кто по неволѣ присягаетъ или клянется, не тому бываетъ грѣхъ, кто цѣлуетъ, но паче тому, кто принуждаетъ, аще бы и гоненія не было; аще ли же кто, прелютаго ради гоненія, не бѣгаетъ, аки бы самъ себѣ убійца, противящеся Господню словеси: аще, рече, гонятъ васъ во градѣ; бѣгайте въ другій... Затворилъ еси царство Русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, аки во адовѣ твердынѣ; и кто бы изъ земли твоей поѣхалъ, по пророку до чужихъ земель, яко Іисусъ Сираховъ глаголетъ: ты называешь того измѣнникомъ... А еже пишеши, аки бы тебѣ не покорихся и землею твоею хотѣлъ владѣти, измѣнникомъ и изгнанцемъ нарицающе мене: сіе отвѣщаніе

Digitized by Google

оставляю, явственнаго ради отъ тебе навѣту, или потвору... А всяко посылаю ти двѣ главы, выписавъ изъ книги премудраго Цицерона, римскаго наилѣпшаго сиклита, яже еще тогда владѣли Римляне всею вселенною. А писалъ тотъ отвѣтъ къ недругомъ своимъ, иже укоряше его изогнанцемъ и измѣнникомъ, тому подобно, яко твое величество насъ убогихъ не могуще воздержати лютости твоего гоненія, стрѣляюще насъ издалече стрѣлами огнепными сикованцы творя туне и всуе *». Прежніе историки, изучившіе жизнь своего народа въ неразрывной связи преданій, отживающихъ и нараждающихся, останавливались на этихъ словахъ Іоанна и Курбскаго, стараясь разъяснить, откуда такое противорѣчіе въ ихъ взглядѣ на одинъ и тотъ же фактъ. Г. Горскій идетъ по ихъ слѣдамъ, повторяетъ ихъ объясненія (стр. 116—121); но не довольствуется простою передачей этихъ объясненій, а основываетъ на нихъ новый трибуналъ для преслѣдованія Курбскаго уголовнымъ судомъ. Между тѣмъ, какъ ни мало самостоятельности въ этихъ словахъ автора, но они важны потому, что объясняютъ цѣлый рядъ явленій изъ эпохи, о которой мы ведемъ рѣчь: «Самая многочисленность клятвенныхъ записей (которыя брали князья у бояръ и другихъ отъѣзжиковъ) показываетъ, что право отъѣзда боролось еще съ возникающею идеею государства, и боролось очень сильно, явленіе очень естественное. Съ одной стороны боярамъ не хотѣлось отказаться отъ того важнаго права, потому что оно обезпечивало ихъ независимость отъ князя, давая имъ законное право оставлять его при первомъ покушеніи его на какое-нибудь изъ ихъ преимуществъ, а съ другой стороны для совершеннаго уничтоженія этого права Россія еще не созрѣла. Идея государства въ полномъ и сознательномъ видѣ начала развиваться при Іоаннѣ IV, и много еще времени нужно было пережить народу, чтобы проникнуться этою идеею, сознать ее, а вмѣстѣ понять и тѣ требованія, какія налагала она на каждаго члена общества. И такъ какъ никакая новая идея не прививается къ обществу безъ борьбы, то и государственная

* Сказанія кн. Курбскаго, стр. 231, 235, 236. У г. Горскаго отвѣтъ Курбскаго Іоанну на обвиненіе въ измѣнѣ сокращенъ въ пять строкъ и даже цитированъ не вѣрно.

Digitized by Google

идея должна была вступить въ борьбу съ идеею, господствовавшею до этого времени на Руси, идеею ей совершенно противоположною, именно съ идеею родоваго быта» (стр. 120 — 121). Эти немногія строки, повторенныя авторомъ со словъ другихъ, проливаютъ гораздо болѣе свѣта на отношенія Курбскаго къ Іоанну, нежели вся его книга. Но и тутъ мы должны замѣтить, что внутренняя борьба, совершавшаяся въ XVI вѣкѣ въ сферѣ руской политической жизни, не была уже борьбою между началомъ родовымъ и другимъ, новымъ, еще несознаннымъ достаточно ясно самими приверженцами его. Родовыя, кровныя связи давно были прерваны и забыты: какъ соперники Іоанна выросли и воспитались въ привычкахъ, объясняющихся силою частнаго права; такъ и самъ Іоаннъ мечталъ о государствѣ не въ тѣхъ чистыхъ формахъ, какія теперь перешли въ сознаніе большинства, а въ формахъ, заимствовавшихъ свои черты изъ того самаго быта, противъ котораго сражался Іоаннъ. Созидалась московская вотчина въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ, прикрѣплялось къ ней все населеніе служебными, финансовыми и поземельными повинностями: формы государственной жизни въ значительной степени искажались понятіями, унаслѣдованными отъ предшествовавшей эпохи. Не вина Іоанна, что онъ не могъ понять чище своихъ стремленій, называлъ всѣхъ холопами, рабами, которыхъ воленъ казнить и миловать по произволу; еще менѣе вины со стороны его противниковъ, не подмѣтившихъ за этими уже слишкомъ извѣстными и ненавистными имъ формами новаго, лучшаго содержанія, которое должно было со временемъ побѣдить эти формы. И Грозный, и Курбскій сражались на одной и той же почвѣ, хотя и разнымъ оружіемъ. Извѣстно, что побѣда осталась не на сторонѣ Іоанна: его реформы пали со смертію нововводителя. Конецъ XVI и начало XVII вѣка еще разъ показали, какъ много было элементовъ, не покорившихся государственному началу; весь внутренній административный и домашній бытъ русскаго общества въ XVII вѣкѣ, передъ Петромъ Великимъ, доказываетъ какъ еще слабо было это начало внѣ политической, правительственной сферы. Гдѣ же тутъ какая-либо возможность обвинять и судить Грознаго или Курбскаго? Г. Горскій однакожь видитъ эту возможность и потому

Digitized by Google

говоритъ: «Такимъ образомъ мы видимъ, что Курбскій возстаетъ противъ Іоанна за уничтоженіе права отъѣзда, полагая, что каждый боярин, какъ свободный человѣкъ, имѣетъ полное право отъѣзжать въ другія земли, если сочтетъ нужнымъ, и что, слѣдовательно, въ этомъ отъѣздѣ нѣтъ никакого преступленія; такимъ образомъ, мы опять видимъ, что Курбскій вовсе не понималъ или не хотѣлъ понять переворота, совершавшагося въ его время на Руси, видимъ, что Московское государство въ его глазахъ было тоже удѣльное княжество, и вслѣдствіе такихъ-то превратныхъ понятій, онъ не считаетъ измѣною бѣгства своего изъ Россіи» (стр. 121). Что̀ дѣлать критикѣ съ подобнаго рода ученой логикой: патологическія явленія не подлежатъ ея разбору. Другое дѣло, когда приводятся фактическія доказательства въ подкрѣпленіе такой логики; прямая обязанность критика оцѣнить ихъ. Г. Горскій самымъ сильнымъ доказательствомъ въ пользу своего мнѣнія считаетъ поручныя записи по боярахъ. Выше мы видѣли, что авторъ указалъ на эти записи, какъ на лучшее свидѣтельство продолжающейся еще борьбы новаго порядка вещей со старымъ; и точно, записи были временными уступками послѣдняго, въ ожиданіи лучшихъ обстоятельствъ, принудительными сдѣлками съ цѣлію перемирія болѣе или менѣе непрочнаго. Какъ широко разумѣлъ право отъѣзда самъ Іоаннъ, лучше всего видно изъ поручной записи по князѣ Иванѣ Турунтаѣ Пронскомъ, который задумалъ отъѣздъ вмѣстѣ съ родственникомъ Іоанна, княземъ Михайломъ Васильевичемъ Глинскимъ, былъ схваченъ и принужденъ дать запись — не отъѣзжать ни «въ Литву къ Жигимонту Августу королю Польскому и великому князю Литовскому, и къ ихъ дѣтемъ, или кто иной будетъ государь на Польской землѣ и на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и съ его дѣтьми, и съ ихъ паны Лятцкими и Литовскими, и къ папѣ Римскому, и къ Угорскому королю и къ его братье, и къ Цесарю и къ его братье, и ко Өренцовскому королю и къ его братье, и къ ихъ дѣтемъ, и въ Крымъ къ царю и къ царевичамъ, и въ Ногай ко княземъ и къ мырзамъ, и въ Астрахань, и въ Казань, ни къ инымъ государемъ не отъѣхати» *. Поручниками обыкновенно были своя братья — бо-

* Собран. госуд. гр. и дог., т. I, № 165,

Digitized by Google

яре, по которыхъ бралась иногда еще другая запись; иногда учавствовало духовенство въ поручительствѣ; въ случаѣ неустойки назначались деньги: такія ручательства лучше всякихъ соображеній объясняютъ характеръ этой мѣры, вызванной обстоятельствами времени и не имѣвшей силы закона. Г. Горскій соображаетъ иначе: «бояре соглашались подвергать себя наказанію за попытку къ отъѣзду *; слѣдовательно они считали отъѣздъ уже не законнымъ правомъ, а преступленіемъ. Такимъ образомъ запрещеніе отъѣзда сдѣлалось непремѣннымъ государственнымъ закономъ, слѣдовательно Курбскій, какъ нарушитель закона, сдѣлался преступникомъ» (стр. 122). Ужь если искать непремѣнныхъ государственныхъ законовъ при Іоаннѣ Грозномъ, то надо бы обратиться къ Судебнику. Но и тамъ, къ несчастію г. Горскаго, нѣтъ ни малѣйшаго намека о государственномъ преступленіи отъѣзжиковъ, точно такъ же какъ не говорится о казняхъ, которыя изобрѣтались опричниками и самимъ Іоанномъ. Авторъ, безусловный сторонникъ Грознаго, не можетъ даже въ этомъ случаѣ сослаться на мнѣніе г. Погодина, отрицавшаго участіе Іоанна въ составленіи Судебника: онъ не можетъ сказать, что безчувственные эгоисты, бояре, ради себялюбивыхъ разсчетовъ, ради личныхъ выгодъ, не внесли этого закона

---

* Авторъ приводитъ, впрочемъ, единственный случай, какъ въ декабрѣ 1532 года, за годъ до кончины великаго князя Василія Ивановича, отца Грознаго, Михайло Андреевичъ Плещеевъ въ своей записи говорилъ: «ино не буди на мнѣ на Михайлѣ, и на моихъ дѣтехъ на Ѳедорѣ и на Дмитріе милости Божіей и пречистые его Матери, и святыхъ великихъ чудотворцевъ не буди на насъ милости; также ни благословенія господина моего Даніла митрополита всеа Русіи не буди на мнѣ и на моихъ дѣтехъ ни въ сій вѣкъ ни въ будущій. А государь мой князь Василій Ивановичъ всеа Русіи и его дѣти въ моей винѣ волны надо мною и надъ моими дѣтьми, и по нашей винѣ и казнити волны» (С. г. гр. и дог., т. I, № 162). Въ другихъ записяхъ послѣднихъ словъ нѣтъ ни въ одной. За тѣмъ ниже, г. Горскій говоритъ, что гораздо прежде еще бояре признавали отъѣзжика измѣнникомъ князю, и ссылается на 324 прим. IV тома Ист. Гос. Росс., гдѣ изъ Ростовской лѣтописи Карамзинъ приводитъ разсказъ о битвѣ въ 1333 году между Тверскимъ и Московскимъ князьями: «и бысть сѣча зла, и поможе Богъ великому князю... а самого Акинѳа (отъѣзжика изъ Москвы) Родіонъ рукама своима уби, и главу его воткнувъ на копіе, привезе къ *Іоанну* и рекъ: се, господине, *твоего* измѣнника, а *моего* мѣстника глава.» Жаль, что авторъ не прочелъ далѣе словъ Карамзина: «сія повѣсть есть *новѣйшая* вставка въ Ростовскую лѣтопись».

Digitized by Google

въ Судебникъ. Такого закона не могло быть въ самыхъ понятіяхъ вѣка: въ такія времена не знаютъ иного закона, кромѣ закона необходимости; натуры людей—далеко не безчувственныя, не убійственно-эгоистическія, какъ говоритъ авторъ, однакожь вовсе и не изъ числа тѣхъ, которыя можно бы назвать ангельскими; вмѣсто убѣжденія и гласности, вмѣсто закона и знаній — сила матеріальная, право родовой чести и привычка къ насиліямъ. Г. Горскій толкуетъ современникамъ Іоанна объ отвлеченномъ значеніи слова: отечество; сердится, когда они съ этимъ словомъ соединяютъ иное представленіе: объ извѣстномъ происхожденіи, и въ негодованіи на исключительность такого пониманія, начинаетъ громко браниться. Не трудно рѣшить, на чьей сторонѣ вина больше: на сторонѣ ли Русскихъ XVI столѣтія, или на сторонѣ почтеннаго біографа, не умѣющаго владѣть своею мыслью и такъ странно понимающаго обязанность историка.

Но это еще не все. Оказывается, что, говоря объ обычаѣ отъѣзда и о правахъ Курбскаго на этотъ обычай, г. Горскій только шутилъ. Курбскій отъѣхалъ въ Литву не изъ страха опалы за проигранную битву и даже не изъ-за того, что Іоаннъ отнялъ у бояръ ихъ прежнія права. Курбскій вовсе не отъѣзжикъ ради своей чести; его нельзя ставить рядомъ съ другими его товарищами – отъѣзжиками: онъ просто измѣнникъ «изъ корыстныхъ разсчетовъ». Іоаннъ его любилъ по прежнему, у него было много и земель, и денегъ, и почестей: но Сигизмундъ Августъ «прибѣгнулъ къ коварству и интригамъ, обыкновенному орудію слабаго противъ сильнаго», и захотѣлъ переманить къ себѣ храбраго воеводу московскаго, посуливъ ему богатства и почести. Вѣроятно, Курбскому не совсѣмъ непріятно было подобное предложеніе; но онъ тянулъ время, желая получить отъ короля выгодныя и опредѣленныя условія» (стр. 127). Король поступился еще; сенаторы подтвердили его обѣщанія; и Курбскій, этотъ убійственный эгоистъ, безчувственнѣйшій между современниками, бѣжалъ: «не носитъ эта измѣна на себѣ характера мгновенной рѣшимости и неизбѣжной необходимости, но имѣетъ характеръ глубокой обдуманности и произвола. Тяжела для души (авторъ выдумалъ измѣну, пускай же и тяжесть падаетъ на его душу) эта

Digitized by Google

убійственная холодность, съ которою Курбскій обдумываетъ свою измѣну» (стр. 128). Съ чего авторъ взялъ, что «Курбскому невыгодно было служить Россіи», что «Сигизмундъ Августъ сулилъ ему бо́льшія выгоды»; гдѣ онъ могъ узнать, что Ковельское помѣстье Курбскаго было лучше и богаче московскаго: это все остается неразгаданною тайной для читателя, принадлежа къ числу самыхъ простыхъ соображеній, которыя душевно любитъ г. Горскій. Неизвѣстно также, почему авторъ, приводя разныя извѣстія о бѣгствѣ Курбскаго, не упомянулъ о словахъ самого Іоанна: «единаго ради слова моего гнѣвна душу свою погубилъ еси», или словъ гонца Колычева, который долженъ былъ сказать Сигизмунду Августу отъ имени Іоанна: «Курбскаго и его совѣтниковъ измѣны то, что онъ хотѣлъ надъ государемъ нашимъ и надъ его царицею Настасьею и надъ ихъ дѣтьми умышляти всякое лихое дѣло; и государь нашъ, увѣдавъ его измѣны, хотѣлъ было его посмирити, и онъ побѣжалъ *». Извѣстно, какъ Іоаннъ Грозный смирялъ. Мы здѣсь не рѣшаемъ вполнѣ вопроса объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ бѣгство Курбскаго: наша обязанность только указать, въ какой степени вѣрны соображенія г. Горскаго.

Но мы не можемъ добровольно отказаться отъ удовольствія, хотя сколько-нибудь возстановить искаженныя г. Горскимъ черты Курбскаго. Родственникъ Анастасіи и князя Владиміра Андреевича, Курбскій былъ гордъ своимъ происхожденіемъ отъ удѣльныхъ князей. Онъ уменъ, храбръ, очень начитанъ по своему времени: самъ г. Горскій не можетъ отнять у него этихъ качествъ, хотя иногда и старается заподозрить мужество своего героя. Въ немъ нѣтъ этого свойства людей дикихъ, которое придаетъ ему біографъ: врожденной склонности къ измѣнѣ (стр. 31). Напротивъ, онъ сближается съ Іоанномъ; вовсе не сочувствуетъ поведенію бояръ во время молодости Грознаго; участвуетъ во всѣхъ славныхъ походахъ противъ Татаръ. Начинается война противъ Ливоніи. Курбскій вмѣстѣ съ другими настаиваетъ на продолженіе войны съ Крымомъ, Іоаннъ не соглашается. Оба считаютъ себя правыми въ

* Сказ. кн. Курбскаго, стр. XVII.

Digitized by Google

своихъ рѣшеніяхъ. Курбскому, прославившемуся въ битвахъ съ Татарами, естественно желать завоеванія Крыма. Въ немъ впервые пробуждается наслѣдственная вражда къ роду Московскихъ князей, къ самому Іоанну. По крайней мѣрѣ мы не знаемъ ни одного событія, въ которомъ бы Курбскій показалъ себя прежде врагомъ Грознаго. Онъ могъ быть въ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ къ Сильвестру, Адашеву и ихъ партіи; могъ, отъѣхавши въ Литву, оправдывать ихъ дѣла передъ Іоанномъ: изъ этого еще нельзя заключать, что онъ самъ участвовалъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ; отъ защиты до участія очень далеко. Изъ всѣхъ обвиненій Грознаго, которыя онъ иногда обращаетъ къ лицу Курбскаго вмѣстѣ съ защищаемыми имъ, лишь одно относится непосредственно къ нему: «и тако убо оттолѣ всѣмъ измѣнникамъ благо время улучися; намъ же убо оттолѣ въ большомъ утѣсненіи пребывающимъ; отъ нихъ воединомъ и ты былъ еси: явлено, еже съ Курлятевымъ насъ хотѣсте судити про Сицкаго [1]).» Подробности этого дѣла неизвѣстны. Знаемъ только, что оно было уже въ началѣ Ливонской войны: «та же убо наченшася война, еже на Германы», слова Іоанна, прямо слѣдующія за приведеннымъ сейчасъ упрекомъ. Во второмъ письмѣ своемъ, Іоаннъ повторяетъ нѣчто похожее на первый упрекъ: «съ какою есте укоризною ко мнѣ судили Сицкаго съ Прозоровскими, и какъ обыскивали, кабы злодѣя... А Курлятевъ былъ почему меня лучше? Его дочерямъ всякое узорочье покупай благословено и здорово, а моимъ дочерямъ проклято и заупокой!.. [2])» Курбскій отвѣчалъ на послѣднія обвиненія такъ: «А еже пишеши о Курлятевѣ, о Прозоровскихъ и о Сицкихъ, и не вѣмъ о якихъ узорочьяхъ и за-упокой,... на сіе отвѣту не потреба, по премудрому Соломону: глупающему, рече, отвѣщати не подобаетъ [3]).» Г. Горскій нигдѣ не объяснилъ этого дѣла. Какъ бы то ни было, оно не порвало еще близкихъ отношеній Курбскаго къ Іоанну. Когда лучшіе воеводы ходили противъ Крымскихъ Татаръ, а оставшіеся въ Ливоніи были не разъ побиты Нѣмцами; тогда

[1]) Тамъ же, стр. 191.
[2]) Тамъ же, стр. 224.
[3]) Тамъ же, стр. 234.

Digitized by Google

Іоаннъ призвалъ къ себѣ Курбскаго. Вотъ какъ расказываетъ объ этомъ самъ Курбскій: «введе мя царь въ ложницу свою и глаголя ми словесами, милосердіемъ растворенными и зѣло любовными, и къ тому жо обѣщаньми многими: принужденъ быхъ, рече, отъ иныхъ прибѣгшихъ воеводъ моихъ, або самъ итти противъ Лифлянтовъ, або тебя, любимаго моего, послати, да охрабрится паки воинство мое, Богу помогающу ти; сего ради иди и послужи ми вѣрнѣ. Азъ же съ потщаніемъ поидохъ; послушливъ былъ, яко вѣрный слуга, повелѣнію царя моего *.» Словомъ, мы видимъ Курбскаго, почти такимъ же любимцемъ Іоанна въ первые годы дѣятельности послѣдняго, каковымъ потомъ былъ Борисъ Годуновъ. Между тѣмъ Іоаннъ покончилъ свои отношенія съ Сильвестромъ и Адашевымъ, сталъ преслѣдовать сторонниковъ ихъ. Курбскій также принадлежалъ къ числу противниковъ Іоанна по тѣмъ убѣжденіямъ, въ которыхъ онъ выросъ, какъ потомокъ удѣльныхъ князей. Сопротивленіе Іоанну Сильвестра и Курбскаго должно было проистекать изъ разныхъ побужденій: они сошлись лишь въ самомъ фактѣ. Г. Горскій не понялъ этого. Несчастная Невльская битва, которую только онъ одинъ объяснилъ умысломъ со стороны Курбскаго, окончательно разрушила добрыя отношенія между Курбскимъ и Грознымъ. Жизнь взяла свое и, вмѣсто отчаянія, вмѣсто желанія гибели, Курбскій хотѣлъ жить: въ его время этотъ гордый разрывъ съ современностью не называли даже бѣгствомъ, это былъ просто отъѣздъ; г. Горскій заклеймилъ поступокъ Курбскаго позорнымъ именемъ измѣны и государственнаго преступленія. Но ушедши въ Литву, Курбскій успокоился и отправилъ къ Іоанну посланіе, исполненное укоризнъ въ жестокостяхъ его гоненій; Грозный принялъ вызовъ и отвѣтилъ отъѣхавшему боярину: онъ не подозрѣвалъ, что Курбскій человѣкъ безчувственный, и что съ нимъ нельзя имѣть дѣла порядочнымъ людямъ.

И жизнію подобнаго человѣка такъ тщедушно воспользовался его біографъ. Что онъ хотѣлъ сказать своей книгой? Какого рода историческое значеніе можетъ имѣть для насъ эгоистъ, заботящійся лишь о себѣ, о своихъ выгодахъ, без-

* Тамъ же, стр. 69—70.

Digitized by Google

чувственный къ интересамъ современной жизни? Такихъ людей можно найдти въ какое угодно время: чтоже историческаго въ нихъ? какое право имѣютъ они на наше вниманіе? Какъ не подумалъ авторъ, что низводя Курбскаго столь низко, тѣмъ самымъ подрывалъ онъ его историческое значеніе, подрывалъ собственную книгу, задачею которой было придать это значеніе Курбскому? Много и другихъ вопросовъ слѣдовало бы предложить почтенному автору; но вѣдь отвѣта на нихъ нѣтъ въ его сочиненіи.

А между тѣмъ судьба Курбскаго такъ полна интереса; изъ всѣхъ лицъ до-Петровской эпохи едвали это не единственное лицо, оставившее наиболѣе матеріаловъ для своей біографіи. Трудъ мыслящаго біографа могъ быть самымъ благодарнымъ, самымъ привлекательнымъ трудомъ; не говоримъ уже объ исторической сторонѣ его: ибо зависимость Курбскаго отъ среды, въ которой онъ жилъ, отъ эпохи, въ которой онъ родился, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Тутъ была связь физіологическая, наслѣдованная вмѣстѣ съ рожденіемъ; Курбскаго тянуло участвовать въ томъ, что дѣлалось вокругъ него, продолжать начатое его предками; ему естественно было дѣйствовать въ томъ смыслѣ, въ какомъ дѣйствовали они. Была еще между Курбскимъ и эпохой его связь историческая; привитая современностью. Были отношенія сознательныя: они выразились въ томъ отвѣтѣ, который далъ Курбскій на зопросы исторіи; — отвѣтъ его былъ полонъ гордой самостоятельности. Если для историка главною задачей должно быть объясненіе государственнаго развитія Россіи XVI вѣка, то для біографа столь же важно было указать на характеръ того вліянія, которое оказывало это развитіе на дѣйствовавшія лица: ибо государство, будучи извѣстною ступенью исторической жизни, есть вмѣстѣ и среда, въ которой воспитывается отдѣльное лицо. Потому-то исторія государства и человѣка такъ не похожи другъ на друга. Эта мысль не наша; она стара какъ XIX вѣкъ. Но г. Горскій спуталъ всѣ части предстоявшей ему задачи, слилъ ихъ въ одинъ слѣдственный процессъ противъ Курбскаго. Результатомъ было то, что лицо Курбскаго утратило одну за другою черты своего историческаго значенія: изображеніе вышло неполное, безразличное; можно его перенести въ любую эпоху, въ любую мѣ-

Digitized by Google

стность, — впечатлѣніе останется тоже самое. Между Курбскимъ — лицомъ дѣйствительнымъ, и Курбскимъ г. Горскаго нѣтъ ничего общаго, кромѣ имени и хронологіи; этого уже нельзя было исказить никакими соображеніями автора.

Озлобленіе г. Горскаго противъ Курбскаго до того сильно, что отразилось и на расказѣ о самыхъ мелкихъ событіяхъ, напримѣръ: «Не могу при этомъ умолчать, что Курбскіе отличались наслѣдственнымъ нерасположеніемъ къ Москвѣ» (стр. 31), какъ-будто безпристрастный историкъ имѣетъ право умалчивать о чемъ бы то ни было? «Хотя и нѣтъ указаній на то, чтобы князь Андрей Курбскій съ кѣмъ-нибудь считался отечествомъ, но мы должны предположить и въ немъ стремленіе къ мѣстничанью» (стр. 145): какъ-будто мѣстничество было страшнымъ преступленіемъ въ глазахъ людей XVI вѣка? Авторъ сильно не доволенъ, зачѣмъ Курбскій, описывая взятіе Казани, такъ подробно говоритъ о своихъ подвигахъ въ то время (стр. 248), и только однажды рѣшается не обвинять Курбскаго, говоря: «зная, что при взятіи Казани, нѣкоторые воины устремились на грабежъ, мы не можемъ, не имѣя никакихъ данныхъ, винить въ томъ же и Курбскаго» (стр. 387).

Но самое классическое мѣсто въ сочиненіи г. Горскаго — тамъ, гдѣ онъ говоритъ о литературной дѣятельности Курбскаго въ Литвѣ. Мы уже знакомы въ половину съ нимъ: мысль автора та, что Курбскій занимался переводами церковныхъ писателей, велъ полемику противъ іезуитовъ вовсе не изъ религіозныхъ убѣжденій, а просто потому, что считалъ это выгоднымъ лично для себя. «По нашему мнѣнію, говоритъ г. Горскій, объясненіе дѣятельности Курбскаго въ пользу православія, объясненіе, совершенно съ его характеромъ согласное, будетъ слѣдующее: господствующею вѣрою въ великомъ княжествѣ литовскомъ была православная; пародъ и вельможи литовскіе были преданы ей; она была залогомъ русской народности, которую Поляки старались уничтожить, слѣдовательно сильную оппозицію должно было встрѣтить и встрѣтило дѣйствительно желанье польскихъ королей ввести въ Литвѣ католичество. Такое положеніе дѣлъ было выгодно для Курбскаго. Застѣняемый сильными магнатами, онъ не могъ играть

Digitized by Google

значительной роли, не могъ имѣть сильнаго вліянія на дѣла; а, склонившись на сторону оппозиціи, могъ, при своемъ образованіи, разсчитывать, что сдѣлается однимъ изъ главнѣйшихъ ея членовъ и, при удачномъ ходѣ дѣла, можетъ вынудить у короля и магнатовъ утвержденіе за нимъ, въ качествѣ родовой, полной собственности, пожалованныхъ ему имѣній, а при богатствѣ и обширности этихъ послѣднихъ, пріобрѣсти въ обществѣ значеніе и вѣсъ. Вотъ чѣмъ, по нашему мнѣнію, можно объяснить ревностное заступничество Курбскаго за дѣло православія, а не истинною ревностію его къ пользамъ церкви, чего никакъ не слѣдуетъ изъ предыдущаго; Курбскій никогда не дѣйствовалъ безкорыстно; дѣйствія его всегда имѣли на заднемъ планѣ эгоистическіе разсчеты» (стр. 180). Талантъ автора блеститъ здѣсь во всей своей силѣ; любой слѣдственный судья можетъ позавидовать г. Горскому. Въ самомъ дѣлѣ, сколько нужно непринужденной, незастѣнчивой рѣшимости для того, чтобы обнаружить такую тонкую способность быть сыщикомъ con amore; какъ мало надо имѣть уваженія къ себѣ и другимъ, чтобы не подумать серьёзно о нравственномъ смыслѣ своихъ словъ. Тутъ все клевета: начиная съ того, что Курбскому выгоднѣе было бы пристать къ сторонѣ католицизма, а не наоборотъ, какъ соображаетъ авторъ; унія лучше всего показала на чьей сторонѣ было выгоднѣе. А потомъ, могъ ли Курбскій что-нибудь вынудить себѣ у короля безъ согласія сейма и сената, которые, конечно, не были покровителями оппозиціи католицизму. До сихъ поръ никто еще не считалъ возможнымъ взглянуть съ такой точки зрѣнія на литературную дѣятельность Курбскаго и вмѣнить ее въ преступленіе. Даже эти грустныя слова Курбскаго, въ которыхъ выразилась печаль его о случившемся: «принужденъ былъ отъ короля Сигизмунда Августа Луцкія волости воевати, и тамо зѣло стерегли есмы съ княземъ Корецкимъ, иже бы невѣрные (Татары) церквей Божіихъ не жгли и не разоряли; и воистинну не возмогохъ, понеже пять на десять тысящей тогда было войска, между которыми не мало было ово варваровъ измаильтсскихъ, ово другихъ еретиковъ, обновителей древнихъ ересей, враговъ креста Христова, и безъ нашего вѣдома, по исхожденію нашему, закрадшеся нечести-

Digitized by Google

вые, сожгли едину церковь и съ монастыремъ»; даже эти слова послужили для г. Горскаго матеріаломъ къ обвиненію Курбскаго (стр. 154). Мы не считаемъ нужнымъ объяснять читателямъ ученыя достоинства такого хода мысли; думаемъ, что каждый изъ нихъ понялъ это лучше насъ. Повторимъ кстати слова Грановскаго: «Тотъ не историкъ, кто не способенъ перенести въ прошедшее живаго чувства любви къ ближнему;... тотъ не историкъ, кто не сумѣлъ прочесть въ изучаемыхъ имъ лѣтописяхъ и грамотахъ начертанныя въ нихъ яркими буквами истины: въ самыхъ позорныхъ періодахъ жизни человѣчества есть искупительныя, видимыя намъ на разстояніи столѣтій стороны, и на днѣ самаго грѣшнаго передъ судомъ современниковъ сердца таится какое-нибудь одно лучшее и чистое чувство» *.

Н. Поповъ.

Казань, октября 25.

---

* Сочиненія, т. I, стр. 29 — 30. Въ заключеніе намъ слѣдовало бы сказать, какимъ образомъ защищаетъ г. Горскій Іоанна отъ обвиненій, сдѣланныхъ Курбскимъ. Но какъ почти вся эта защита основывается на любимыхъ авторомъ словахъ: *кажется*, *вѣроятно*, *по всей вѣроятности*, *безъ всякаго сомнѣнія* и тому подобныхъ *простыхъ соображеніяхъ*; то мы и считаемъ лишнимъ утомлять читателей разборомъ этихъ страницъ сочиненія. Замѣтимъ только, что лицо самого Іоанна, къ которому авторъ такъ пристрастенъ, искажено: Грозный является на сцену дѣйствія актеромъ, махающимъ мечемъ картоннымъ правосудія, не имѣющимъ ни одной живой мысли; онъ весь преданъ на жертву исторической необходимости, отъ лица которой авторъ заблагоразсудилъ дать ему роль законнаго орудія казни, не причастнаго ни малѣйшей отвѣтственности за свои дѣйствія. Хуже этого никто еще не отзывался объ Іоаннѣ,—даже самъ Курбскій.

Digitized by Google

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ГИМНАЗІЯХЪ.

По поводу статьи г. Ешевскаго, помѣщенной въ № 38 Атенея.

—

Современная русская литература дѣятельно обратилась къ обличенію всего, что̀ есть дурнаго въ нашей жизни, во всѣхъ отрасляхъ нашего развитія. Расказы, повѣсти, романы, журнальныя статьи — все стремится къ тому, чтобы выставлять и преслѣдовать всякаго рода недостатки. Направленіе благотворное. Только тогда можно уничтожить недостатокъ, когда его ясно сознаешь. Но съ другой стороны, и самое это направленіе только тогда можетъ быть благотворно, когда указываются дѣйствительные недостатки, когда тотъ, кто беретъ на себя обязанность указывать ихъ, хорошо изучилъ сферу дѣятельности, о которой говоритъ. Еще благотворнѣѐ будетъ оно, если укажутъ не только на то, что̀ дурно, но и на то, отчего это дурно, на причину недостатка: тогда слова обвинителя получаютъ высокое значеніе и прямо примѣняются къ жизни. Но иногда мы не находимъ этихъ условій въ обвинительныхъ статьяхъ. Иногда, стремясь къ лучшему и негодуя на настоящее, пишущій слишкомъ увлекается, видитъ все въ дурномъ свѣтѣ, преувеличиваетъ зло: даже случается, что не ознакомясь съ предметомъ своихъ обвиненій, указываетъ на недостатки, которыхъ нѣтъ, видитъ зло тамъ, гдѣ оно не существуетъ. Эти обвиненія, мнѣ кажется, скорѣе вредны, нежели полезны: ибо они вмѣсто разъясненія вопроса, только затемняютъ его; вмѣсто указанія истинныхъ средствъ къ уничтоженію зла, отвлекаютъ вниманіе совершенно въ другую сторону. Такого

Digitized by Google

рода ошибки нашелъ я въ статьѣ г. Ешевскаго по поводу «Курса Всеобщей Исторіи», составленнаго г. Шульгинымъ.

Выставляя всѣ достоинства этой книги, г. Ешевскій указываетъ на страшный у насъ недостатокъ учебныхъ руководствъ, и строго перебираетъ всѣ наши учебники по всеобщей исторіи. Обвиненіе въ высшей степени справедливое, недостатокъ, сильно препятствующій успѣшному ходу воспитанія. По нѣкоторымъ предметамъ, учитель рѣшительно ничего не можетъ дать ученикамъ въ руки, и мы вполнѣ сочувствуемъ всему, что̀ говоритъ критикъ. Но г. Ешевскій не ограничился указаніемъ этого важнаго недостатка; онъ кстати указываетъ на недостатки въ нашемъ университетскомъ преподаваніи; онъ говоритъ, что «университетскіе курсы доступны только для болѣе или менѣе незначительнаго меньшинства» слушателей. Такимъ образомъ, по его словамъ, болѣе или менѣе значительное большинство не въ состояніи слѣдить за лекціями профессора и безполезно проводитъ время въ университетѣ. Какъ ни грустно было мнѣ, какъ бывшему питомцу университета, прочесть такой отзывъ о студентахъ нынѣшняго времени, я не считаю себя въ правѣ отвергать свидѣтельство профессора, которому настоящее положеніе университетскихъ дѣлъ должно быть хорошо извѣстно. Да и самъ г. Ешевскій только вскользь коснулся этого вопроса, и собственно лишь для того, чтобы всею тяжестью обвиненія обрушиться на гимназіи. Гимназіи, по его словамъ, а особенно право ихъ переводить лучшихъ своихъ учениковъ въ университетъ, безъ предварительнаго университетскаго испытанія,— вотъ причина всего зла. Это право, опять по его словамъ, лишаетъ профессора возможности быть справедливымъ на вступительномъ экзаменѣ, потому что изъ гимназій безъ экзамена поступаютъ ничего не знающіе студенты. Это обвиненіе до того противорѣчитъ всей моей многолѣтней учительской опытности, всему тому, что̀ я знаю о поступающихъ въ университетъ и учащихся въ немъ, что я рѣшился подробнѣе заняться этимъ вопросомъ. Но прежде нежели приведу доказательства, я обращусь къ нѣкоторымъ своимъ университетскимъ воспоминаніемъ. Лѣтъ 25 тому назадъ изъ университета не выходило преподавателей древнихъ языковъ; изученіе ихъ было очень слабо

Digitized by Google

въ университетѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и очень не много лѣтъ, и занятіе древними языками въ Московскомъ университетѣ вдругъ поднялось на высокую степень; нѣкоторые изъ нынѣшнихъ профессоровъ могутъ засвидѣтельствовать эти замѣтельно быстрые успѣхи, совершившіеся въ очень короткое время. Отчего такое быстрое развитіе филологіи? Неужели гимназіи причиною его? Но гимназіи тогда были такія же, какъ прежде; онѣ только получили въ промежутокъ этого времени право переводить лучшихъ учениковъ въ университетъ безъ предварительнаго испытанія, право, которое, по словамъ г. Ешевскаго такъ губительно дѣйствуетъ на университетъ въ настоящее время. Должно быть причины лежали не въ гимназіяхъ, а въ чемъ-нибудь другомъ. То же самое было съ исторіею: учителя исторіи постоянно выписывались изъ Петербургскаго педагогическаго института; изъ Московскаго университета ихъ почти не выходило. Прошло нѣсколько лѣтъ, и опять не много лѣтъ, — и не только изъ университета вышло много прекрасныхъ учителей гимназіи, много дѣятелей науки, но и каѳедры разныхъ университетовъ и лицеевъ заняты воспитанниками Московскаго университета. Отчего опять такое быстрое развитіе исторіи въ университетѣ? Неужели причина его лежитъ въ гимназіяхъ? Но если съ одной стороны смѣшно бы было приписать эти успѣхи гимназіямъ, то съ другой стороны, въ высшей степени несправедливо и недостатки университетскаго образованія приписать тѣмъ же гимназіямъ.

Въ университетъ поступаетъ изъ гимназій безъ экзамена значительное меньшинство: такъ, въ 1857 году поступило изъ гимназій безъ экзамена 171, а по экзамену 263; въ 1856 безъ экзамена изъ гимназій Московскаго округа 142, по экзамену 273; въ 1855 безъ экзамена 98, по экзамену 197, и т. д. Изъ этого меньшинства было за 1857 годъ въ отчетѣ университета показано отличныхъ, по юридическому факультету, гимназистовъ Московскаго округа, не экзаменованныхъ при вступленіи ихъ въ университетъ, 16; экзаменованныхъ 9; въ 1856 отличныхъ гимназистовъ Московскаго округа, не экзаменованныхъ 15, экзаменованныхъ 4; въ 1855 году—первыхъ 23, вторыхъ 10. Такимъ образомъ, изъ почти половиннаго меньшинства вышло въ эти годы болѣе, нежели двойное большинство отличныхъ.

Digitized by Google

Слѣдовательно, гимназисты, по отчетамъ университетскимъ, оказались болѣе нежели вчетверо лучше экзаменованныхъ. Возьмемъ посредственныхъ: въ отчетахъ показано: въ 1857 г. изъ гимназистовъ Московскаго округа 14, изъ экзаменованныхъ 32; въ 1856—изъ первыхъ 13, изъ вторыхъ 23; въ 1855—изъ первыхъ 14, изъ вторыхъ 20, и т. д.

Результатъ почти тотъ же, что и для отличныхъ.

Мы видимъ вездѣ гимназистовъ Московскаго округа, безъ экзамена, въ первыхъ рядахъ. Въ 1857 г., золотыя медали получены 8 человѣками, изъ нихъ 4 гимназиста; въ 1856 золотой медали удостоенъ одинъ; въ 1855 трое, изъ нихъ гимназистовъ 2; въ 1854 двое, изъ нихъ гимназистовъ 1. Гимназисты составляютъ $^1/_3$ всего числа студентовъ; изъ нихъ равное число получило золотыя медали: гимназисты оказываются по этому втрое лучше.

Г. Ешевскій говоритъ: «наблюденія показали, что, относительно знанія древнихъ языковъ, первое мѣсто принадлежитъ воспитанникамъ духовныхъ семинарій; за ними слѣдуютъ молодые люди, получившіе образованіе дома, и только послѣднее мѣсто занимаютъ воспитанники гимназій». Вѣроятно эти наблюденія производимы были въ историко-филологическомъ факультетѣ, потому что только на немъ серьёзно занимаются древними языками. Повторимъ же эти наблюденія.

Отличныхъ показано въ отчетахъ:

	Изъ не экзаменованныхъ.	Изъ экзаменованныхъ.	Въ томъ числѣ семинарист.
въ 1847	— — 13	— — 7	— — 1 —
— 1848	— — 16	— — 3	— — 2 —
— 1849	— — 16	— — 8	— — 2 —
— 1850	— — 21	— — 9	— — 1 —
— 1851	— — 18	— — 7	— — 0 —
— 1852	— — 10	— — 5	— — 1 —
— 1853	— — 9	— — 5	— — 1 —
— 1854	— — 7	— — 1	— — 0 —
— 1855	— — 7	— — 7	— — 1 —

Digitized by Google

	Изъ не экзаменованныхъ.	Изъ экзаменованныхъ.	Въ томъ числѣ семинарист.
— 1856	2	1	0
— 1857	7	8	2 *

Посредственныхъ было гимназистовъ Московскаго округа:

	Безъ экзамена.	Экзаменованныхъ.	Изъ нихъ семинаристовъ.
въ 1847	0	6	2
— 1848	2	7	0
— 1849	6	12	3
— 1850	0	2	1
— 1851	0	0	0
— 1852	2	1	1
— 1853	1	1	0
— 1854	0	0	0
— 1855	3	3	1
— 1856	0	3	2
— 1857	0	2	0

Итакъ, наблюденія за 11 лѣтъ показываютъ, что изъ гимназистовъ Московскаго округа отличныхъ было въ девять разъ болѣе, нежели посредственныхъ; а изъ экзаменованныхъ только вдвое; въ томъ числѣ семинаристовъ было столько же отличныхъ, сколько и посредственныхъ. Поэтому, гимназисты оказались въ девять разъ лучше семинаристовъ.

Результаты совершенно противоположны наблюденіямъ г. Ешевскаго. Правда, онъ не называетъ университета, къ которому относятся его наблюденія; но онъ профессоръ *Московскаго* университета, упоминаетъ въ статьѣ факты, случившіеся въ *Московскомъ* университетѣ, помѣстилъ статью въ *Московскомъ* журналѣ; а потому всякій, прочитавъ статью, сочтетъ неназванный университетъ Московскимъ университе-

---

* Уменьшеніе числа отличныхъ въ послѣдніе годы объясняется во-первыхъ тѣмъ, что пріемъ въ университетъ былъ ограниченъ, и во-вторыхъ, тѣмъ, что по Высочайшему повелѣнію латинскій языкъ въ гимназіяхъ стали преподавать только съ 4-го класса.

Digitized by Google

томъ, и обвиненіе припишетъ прямо гимназіямъ Московскаго округа. Если г. Ешевскій зналъ результаты наблюденій въ нашемъ университетѣ, то нельзя не пожалѣть, зачѣмъ онъ не оговорился болѣе положительнымъ образомъ. Если же не зналъ, то долженъ былъ справиться. Этотъ предметъ точно такъ же требуетъ внимательнаго изученія, какъ и какой-нибудь вопросъ изъ всеобщей исторіи. Московскій университетъ такое мѣсто занимаетъ въ ряду университетовъ, что нельзя высказывать общихъ положеній, не освѣдомясь о томъ, какъ дѣло происходитъ именно въ немъ. А факты въ Московскомъ университетѣ показываютъ, что гимназіи хорошо служатъ университету, что ихъ воспитанники всегда стоятъ въ первыхъ рядахъ, что онѣ доставляютъ хорошихъ студентовъ болѣе, нежели домашнее воспитаніе, и гораздо болѣе, нежели семинаріи.

Чтоже заставило г. Ешевскаго произнести такое обвиненіе на гимназіи? На чемъ онъ основалъ его? На нѣсколькихъ частныхъ случаяхъ. Г. Ешевскій вѣроятно знаетъ, что такъ не выводятъ заключеній: надобно обращать вниманіе на среднее число, на общую цыфру. Притомъ и эти частные случаи не показываютъ того, что̀ выводитъ изъ нихъ г. Ешевскій. Онъ говоритъ, напримѣръ, что одинъ студентъ помѣстилъ въ Сирію богиню Культа. Я знаю этого студента: онъ кончилъ курсъ въ одной изъ московскихъ гимназій и не получилъ права вступить въ университетъ безъ экзамена; потомъ выдержалъ экзаменъ въ университетѣ и сдѣлался студентомъ. Этотъ фактъ удостовѣряетъ лишь въ одномъ, что молодой человѣкъ, признанный отъ гимназіи недостойнымъ быть въ университетѣ, дѣйствительно оказался недостойнымъ. Говоритъ ли этотъ фактъ противъ гимназій? Г. Ешевскій приводитъ другіе факты: упоминаетъ о совершенномъ незнаніи латинскаго языка, оказавшемся при переходѣ на 2-й курсъ, о совершенномъ незнаніи французскаго языка, и проч. Я не знаю, о комъ именно говоритъ г. профессоръ; но мнѣ извѣстно, что нѣкто, кончившій курсъ въ одной изъ московскихъ гимназій, вовсе не учился въ ней латинскому языку, а шелъ по отдѣленію законовѣдѣнія. При окончаніи же курса, онъ перемѣнилъ свое намѣреніе, и съ разрѣшенія г. попечителя держалъ изъ латин-

Digitized by Google

скаго языка вступительный экзаменъ въ университетѣ. Отвѣчаетъ ли гимназія за его познанія въ латинскомъ языкѣ? Другой, учившійся въ одной изъ губернскихъ гимназій, былъ въ пятомъ классѣ; по переводному экзамену остался въ немъ на другой годъ; потомъ остался на третій. Соскучившись сидѣть въ одномъ классѣ, онъ вышелъ изъ гимназіи, и черезъ годъ или два очутился въ университетѣ, и оказалось, что онъ вовсе не знаетъ французскаго языка: отвѣчаетъ ли гимназія за такого ученика, когда она сама признала его совершенно неспособнымъ? И если разберемъ случаи, приводимые г. Ешевскимъ, то большею частью окажется то же самое — и они никакъ не могутъ подтвердить такого сильнаго обвиненія, взводимаго на гимназіи и учителей ихъ. Но соглашусь, что и встрѣтятся случаи, говорящіе противъ гимназій (во всякомъ случаѣ очень не многіе), чтоже они докажутъ? могутъ ли они заставить согласиться, что гимназіи пускаютъ въ университетъ людей по большей части неспособныхъ, когда общія цыфры даютъ такое преимущество гимназіямъ? Притомъ же иногда источникъ этихъ случаевъ лежитъ въ самомъ университетѣ: представьте себѣ порядочнаго ученика, который хорошо можетъ пересказать замѣчательные города всѣхъ государствъ. Онъ назначаетъ себя, напримѣръ, на занятіе древними языками, и разумѣется, въ продолженіи цѣлаго года не имѣетъ ни охоты, ни случая повторять замѣчательные города разныхъ государствъ. На другой годъ его заставляютъ слушать политическую экономію: занимаясь преимущественно древними языками, онъ опять цѣлый годъ не повторяетъ городовъ разныхъ государствъ, а по предмету политической экономіи довольствуется только лекціями профессора, и притомъ лекціями, которыя онъ слушаетъ только по обязанности: не естественно ли, что названіе нѣкоторыхъ городовъ забудутся имъ, и онъ не укажетъ тѣ города, между которыми проведена желѣзная дорога, упоминаемая профессоромъ? То же явленіе можетъ повториться со всякимъ другимъ предметомъ, и будетъ непремѣнно повторяться, пока у насъ нельзя будетъ освободить студентовъ отъ обязательныхъ лекцій и предметовъ. Но чтоже эти случаи могутъ сказать противъ гимназій? Что ученики ея могутъ забывать кое-что? А кромѣ этого они ничего не говорятъ. Разумѣется, наши гим-

Digitized by Google

назіи еще далеки отъ совершенства, еще многое можно сказать противъ нихъ; особенно вредитъ имъ множество предметовъ преподаванія и обширность курсовъ: ученикъ слишкомъ быстро пріобрѣтаетъ самыя разнородныя свѣдѣнія, онъ не успѣваетъ достаточно приглядѣться къ нимъ, свыкнуться съ ними; оттого-то и происходитъ, что ученики гимназіи отчасти забываютъ пройденное. Я далекъ отъ мысли о совершенствѣ; но я положительно утверждаю, что гимназисты, поступившіе въ университетъ безъ экзамена, стоятъ впереди поступившихъ съ экзаменомъ.

Г. Ешевскій указываетъ и на причины такого недостаточнаго приготовленія, лежащія въ устройствѣ самыхъ гимназій. Но здѣсь онъ ограничивается весьма немногими указаніями.

Такъ, онъ говоритъ, почему въ гимназіяхъ неуспѣшно преподаваніе географіи: онъ приводитъ двѣ причины; но обѣ ясно показываютъ, что г. Ешевскій совершенно не знаетъ устройства гимназій, и потому его показанія не имѣютъ достаточнаго основанія. — Первую причину полагаетъ онъ въ томъ, что географія въ гимназіяхъ не преподается въ высшихъ классахъ; но это положительно несправедливо: географія въ гимназіяхъ преподается въ 1, 2, 3, 4, 5 и 7 классахъ, седьмой классъ есть высшій. Значитъ г. Ешевскому не случалось даже поговорить объ этомъ дѣлѣ ни съ однимъ изъ учителей, не только не удалось изучить основательно преподаваніе въ гимназіи. Вторая причина, выставляемая авторомъ, есть та, что учитель географіи, какъ младшій учитель, не участвуетъ въ педагогическомъ совѣтѣ: но и это опять рѣшительно несправедливо. Педагогическій совѣтъ состоитъ изъ старшихъ и изъ младшихъ учителей, совершенно на равныхъ правахъ (младшіе учителя только не контролируютъ денежныхъ суммъ гимназіи, но это часть хозяйственная, а не педагогическая). Этимъ-то гимназіи и отличаются отъ всѣхъ другихъ среднихъ заведеній, что оцѣнка ученика принадлежитъ въ нихъ только людямъ, участвующимъ въ его ученіи, что ничто, кромѣ его успѣховъ въ наукахъ, не можетъ быть принято въ основаніе оцѣнки, потому что оцѣнивающіе только и видятъ эти успѣхи. Можно утверждать, что это установленіе вредно, что при оцѣнкѣ ученика на-

Digitized by Google

добно непремѣнно призвать кого-нибудь со стороны и дать ему болѣе значенія, нежели учителю, который нѣсколько лѣтъ уже знаетъ ученика; это все можно утверждать, тогда произойдетъ споръ. Но, говоря объ устройствѣ гимназій, *нельзя* не знать такого важнаго установленія. — Изъ общихъ причинъ г. Ешевскій ограничивается одною, именно той, что въ гимназіяхъ есть обязательные учебники, и что эти учебники очень дурны. Но и это обвиненіе показываетъ, что, если г. Ешевскій очень хорошо знакомъ съ просвѣщеннымъ начальствомъ военно-учебныхъ заведеній, зато нисколько не знакомъ съ начальствомъ гимназій. Въ гимназіяхъ учитель нисколько не стѣсненъ ни программами, ни учебниками, ни чѣмъ внѣшнимъ. Начальство даетъ ему право отступать отъ учебника, сокращать его, дополнять; и если дурные учебники есть дѣйствительно зло (въ чемъ никто и не сомнѣвается), то они гораздо большее зло для другихъ заведеній, гдѣ учитель не имѣетъ права отступить отъ руководства, нежели для гимназій, гдѣ онъ гораздо болѣе свободенъ. Какое же средство предлагаетъ г. Ешевскій, чтобы устранить всѣ дурныя слѣдствія такого устройства? Онъ предлагаетъ лишить гимназіи права выпускать студентовъ безъ предварительнаго испытанія. Какъ? скажете вы. Но этимъ ослабится авторитетъ совѣта гимназическаго, а безъ этого авторитета дѣло не можетъ идти успѣшно? Съ другой стороны это прибавитъ только скучной и безполезной работы профессорамъ? Но объ этомъ не думаетъ г. Ешевскій. Разсмотримъ же, чѣмъ недоволенъ онъ. Опредѣляетъ право вступленія въ университетъ педагогическій совѣтъ, состоящій изъ лицъ, которые уже много лѣтъ учили ученика, которые экзаменовали его уже семь разъ, которые необходимо слѣдили за постепеннымъ его развитіемъ. Всѣ предметы равно участвуютъ въ опредѣленіи оцѣнки. Далѣе, оцѣнивъ воспитанника, учители передаютъ его въ университетъ, если не на фактическую, то на нравственную провѣрку. Здѣсь принимаются въ разсчетъ не только его знанія, но и степень его развитія, привычка къ умственному труду, способность идти далѣе. Люди оцѣнивающіе всѣ кончили полный курсъ образованія, слѣдовательно въ состояніи понять всѣ вопросы, встрѣчающіеся въ этомъ дѣлѣ: чего можетъ недоставать при такой оцѣнкѣ? Г. Ешевскій просто утверждаетъ, что

Digitized by Google

тутъ долженъ быть контроль: но балъ, контролирующій эту оцѣнку, какую онъ имѣетъ гарантію въ своей безошибочности? На какомъ основаніи этотъ балъ можетъ успокоить того, кто не довѣряетъ оцѣнкѣ, выведенной многими изъ семилѣтняго изученія воспитанника? Какое преимущество его? Надъ нимъ-то какой контроль? Случается иногда, что учитель гимназіи поступаетъ въ число преподавателей университетскихъ; нѣкоторые изъ товарищей г. Ешевскаго точно также были прежде учителями гимназіи. Они иногда назначаются экзаменаторами: какое же противорѣчіе у г. профессора. Съ одной стороны, онъ считаетъ человѣка неспособнымъ въ семь лѣтъ опредѣлить достоинство ученика; съ другой, онъ совершенно доволенъ тѣмъ, что тотъ же самый человѣкъ, только переименованный въ адъюнктъ-профессоры, будетъ сразу, безотвѣтственно и безошибочно опредѣлять степень развитія ученика. Скажу еще болѣе: университетскими преподавателями дѣлаются молодые люди, занимающіеся наукой, а не ученіемъ; можетъ случиться, что молодой преподаватель во всю жизнь свою не имѣлъ ни одного ученика, и поэтому не имѣетъ никакой педагогической опытности. Неужели и его отмѣтка, поставленная съ перваго взгляда, безъ опытности, вѣрнѣе и справедливѣе оцѣнки педагогическаго совѣта? Но разсмотримъ внимательнѣй, какъ ставится тотъ балъ, который будетъ уничтожать оцѣнку, выведенную изъ семилѣтней педагогической работы. Экзаменъ производится въ университетѣ по программамъ, напечатаннымъ и всѣмъ извѣстнымъ. И это справедливо: безъ программъ нельзя экзаменовать готовившихся дома. Для каждаго предмета въ программѣ есть 50, 60 или 80 вопросовъ: эти, *и только* эти вопросы предлагаются желающимъ поступить въ университетъ. Всякій шестнадцатилѣтній молодой человѣкъ (раньше въ университетъ не принимаютъ), хотя бы ничего не знающій, легко можетъ въ двѣ недѣли вызубрить отвѣты на эти немногіе вопросы. Чтоже вы узнаете объ немъ на экзаменѣ? Вы ему поставите непремѣнно хорошую отмѣтку. Но вѣдь извѣстно, что предметъ, выученный въ двѣ недѣли, позабывается также въ двѣ недѣли, и хорошо отмѣченный на экзаменѣ можетъ положительно ничего не знать. Оттого-то приготовленіе къ университету весьма въ рѣдкихъ случаяхъ начинается раньше, нежели за годъ (это мы, учители,

Digitized by Google

знаемъ), и приготовленіе состоитъ въ возможно быстрѣйшемъ заученіи болѣе или менѣе удачно составленныхъ отвѣтовъ на вопросы программы. Положимъ, что ученикъ твердо вызубритъ эти отвѣты: неужели вы сочтете это приготовленіе достаточнымъ для университетскихъ занятій? Здѣсь вѣдь нѣтъ даже и ученія. Только по-латыни нельзя приготовиться слишкомъ на скорую руку: но оттого-то на вступительномъ экзаменѣ получаютъ единицы преимущественно изъ латинскаго языка. Да надобно еще привыкнуть писать безъ большихъ орѳографическихъ ошибокъ, а впрочемъ и это лишнее: добрый сосѣдъ поправитъ ихъ въ сочиненіи. Посмотримъ съ другой стороны: въ прошедшемъ году экзаменовалось 359 учениковъ, экзаменовались они изъ 10 или 11 предметовъ — вѣдь это около 3,800 экзаменовъ — въ 10 дней. Вѣдь едвали на экзаменъ изъ каждаго предмета придется болѣе 5 минутъ, не смотря на раздѣленіе ихъ по четыремъ факультетамъ. А прибавьте 171 гимназиста поступившихъ безъ экзамена; это будетъ около 5000 экзаменовъ: сколько придется на каждый экзаменъ? Что же можно узнать объ ученикѣ послѣ этого трехъ-минутнаго знакомства съ нимъ, да еще при помощи программы? Только и можно узнать, прочиталъ ли экзаменующійся — передъ экзаменомъ— исторію Берте, какъ вы и говорите въ вашей статьѣ. А степень развитія? а привычка къ умственному труду? Все это рѣшительно остается неизвѣстнымъ. Прибавьте къ этому случайность, которая, очевидно, играетъ здѣсь громную роль, немного болѣе или менѣе разстроенные въ этотъ день нервы у отвѣчающаго, и тогда понятно будетъ, почему всѣ экзаменаторы очень снисходительны. Они боятся сдѣлать ошибку. Если они по ошибкѣ допустятъ въ университетъ недостойнаго, то это никому не повредитъ; напротивъ, недостойный все-таки получитъ нѣкоторую пользу, проживъ годъ или два (предполагая, что онъ не кончитъ курса) среди образованныхъ людей, среди ученыхъ занятій. Если же они по ошибкѣ не допустятъ въ университетъ достойнаго, то сколько вреда они этимъ сдѣлаютъ, во-первыхъ, молодому человѣку, лишивъ его возможности образоваться, потомъ обществу, лишивъ его образованнаго гражданина, наконецъ, можетъ-быть, самому университету и наукѣ, лишивъ ихъ полезнаго и ревностнаго дѣятеля! Оттого-то всѣ экзаменаторы очень снисхо-

Digitized by Google

дительны (и не можетъ быть иначе); только абсолютное невѣжество, только явное доказательство совершеннаго незнанія—клеймится единицей и не допускается въ университетъ. Оттого-то гимназисты, не удостоенные совѣтами гимназическими поступленія въ университетъ, выдерживаютъ этотъ экзаменъ; оттого-то часто ученики, некончившіе курса въ гимназіи, опять-таки выдерживаютъ этотъ экзаменъ. Иначе быть не можетъ, иначе было бы несправедливо при нынѣшней формѣ экзаменовъ. Еслибы возможно было вступающихъ въ университетъ экзаменовать только изъ одного или двухъ предметовъ, тогда бы и экзаменаторы могли экзаменовать подробно и серьёзно, и ученикъ могъ бы готовиться не послѣдніе только 2 мѣсяца, а изучилъ бы предметы серьёзно. Тогда бы отчасти понятно было и желаніе г. Ешевскаго экзаменовать гимназистовъ, удостоенныхъ похвальнаго аттестата отъ совѣтовъ. А теперь, при настоящей формѣ экзаменовъ, при программахъ, при трехъминутномъ знакомствѣ съ экзаменующимся—эта страсть экзаменовать рѣшительно непонятна.

Впрочемъ, и самъ г. Ешевскій какъ бы сознаетъ недостаточность предлагаемой имъ мѣры, и объясняетъ ее желаніемъ поддержать связь университета съ гимназіями. Но неужели эта внѣшняя трехъ-минутная связь можетъ имѣть какія-нибудь выгодныя слѣдствія? Неужели она чѣмъ-либо въ состояніи будетъ вознаградить ослабленіе авторитета гимназическаго совѣта въ глазахъ учениковъ гимназій? Эта внѣшняя связь была прежде. Въ чемъ же она состояла? Ежегодно одинъ изъ профессоровъ отправляется объѣзжать всѣ гимназіи (а ихъ въ Московскомъ округѣ 12); мѣсяца два или три онъ оторванъ отъ своихъ занятій и въ это время успѣетъ побывать во всѣхъ гимназіяхъ, и посидѣть съ 1/4 часа въ каждомъ классѣ (замѣтьте не у каждаго учителя); неужели эти 1/4 часа принесутъ такое благодѣяніе гимназическому образованію, что вознаградятъ потерю двухъ или трехъ мѣсяцевъ лекцій въ университетѣ. Нѣтъ, кто хочетъ принести пользу гимназіямъ, тотъ всего себя долженъ отдать этому дѣлу, а не урывками дѣлать его. У насъ и безъ того много остановокъ въ дѣлахъ по другимъ сферамъ общественной жизни происходитъ оттого, что слишкомъ много посторонникъ начальниковъ; зачѣмъ увеличивать число ихъ? Г. Ешевскій жа-

Digitized by Google

лѣетъ объ экзаменахъ учителей, которые производятся въ одномъ изъ университетовъ. Мнѣ кажутся эти экзамены немного странными. Представимъ себѣ молодаго кандидата, прекрасно кончившаго курсъ: онъ прекрасно выдержалъ словесный и письменный экзаменъ и оказался вполнѣ достойнымъ. Черезъ недѣлю онъ получаетъ мѣсто — и вотъ тотъ же профессоръ, изъ того же предмета снова дѣлаетъ ему тотъ же экзаменъ словесный и письменный, даже, можетъ-быть, въ той же комнатѣ... Какое же значеніе этого экзамена?

И притомъ опредѣлится ли достоинство учителя по этому экзамену? Представимъ себѣ молодаго человѣка, прекрасно кончившаго курсъ, даже съѣздившаго за границу и постигшаго науку во всемъ ея современномъ объемѣ, и другаго, положимъ — учителя уѣзднаго училища. Оба они являются конкуррентами на мѣсто учителя ариѳметики въ низшихъ классахъ гимназіи: кого по экзамену предпочтетъ университетъ? Разумѣется, перваго; а онъ, можетъ-быть, какъ учитель, никуда не годится, второй же, напротивъ, прекрасный учитель, и въ этомъ случаѣ рѣшеніе по экзамену будетъ совершенно невѣрно. Вѣдь учитель долженъ *выучить* учениковъ: онъ долженъ умѣть держать классъ, умѣть постоянно поддерживать вниманіе въ дѣтяхъ, совершенно не понимающихъ пользы ученія и всегда готовыхъ уклониться отъ работы; онъ долженъ умѣть почти насильно научить дѣтей: чтоже можно узнать изъ этого экзамена? Еслибы можно было дѣлать экзаменъ изъ педагогическихъ способностей, тогда бы понятно было желаніе профессора; но педагогическія способности открываются только на дѣлѣ, въ классѣ. Это уже англійское пристрастіе къ старымъ формамъ, да и Англичане, разъ отказавшись отъ старой формы, не возвращаются къ ней. Далѣе, г. Ешевскій видитъ въ отсутствіи этой внѣшней, начальнической связи между университетомъ и гимназіями причину перемѣны нѣкоторыми учителями своихъ предметовъ. Но во-первыхъ я не понимаю, какъ экзамены уничтожатъ эти перемѣны; а во-вторыхъ, неужели это такое большое зло? Въ университетѣ бываетъ то же самое: нѣкоторые изъ товарищей г. Ешевскаго перемѣнили предметы своихъ занятій, и это нисколько не по-

Digitized by Google

мѣшало нѣкоторымъ изъ нихъ пріобрѣсти заслуженную ученую извѣстность по предмету, къ которому они себя не готовили. А гдѣ болѣе нужна спеціальность занятій — въ университетѣ, или въ гимназіи? Если эта перемѣна не мѣшаетъ научной разработкѣ предмета, то какъ она помѣшаетъ преподаванію дѣтямъ? Въ учителѣ, вѣдь, первое достоинство есть педагогическій тактъ, и уже второе — обширность познаній, — и сожалѣнія г. Ешевскаго объ этомъ совершенно напрасны. Притомъ же эти перемѣны бываютъ вовсе не часто; большею частью, учитель, избравъ себѣ предметъ, всю жизнь остается на немъ, и только рѣдко обстоятельства заставляютъ его обратиться къ другому. Наконецъ, осталось мнѣ отвѣтить на одно, не совсѣмъ ясно, впрочемъ, высказанное обвиненіе на учителей. Г. Ешевскій удивляется, что Ломоносовъ, «знаменитый химикъ, принужденъ былъ писать руководства къ русской словесности и къ русской исторіи». Но во 1-хъ, Ломоносовъ былъ знаменитый химикъ, правда, но въ то же время онъ былъ образователь русскаго языка, образователь русской литературы, образователь русскаго стихосложенія: онъ былъ по крайней мѣрѣ такой же великій ученый по этимъ предметамъ, какъ по химіи; а во 2-хъ, кому же было писать тогда учебники? Въ томъ и состояло значеніе Ломоносова, что онъ былъ великій учитель Россіи; написать тогда учебникъ по русской словесности значило въ первый разъ разработать всю науку; еслибы другой написалъ тогда хорошій учебникъ, то онъ былъ бы другой Ломоносовъ, такъ же бы высоко стоялъ между своими современниками, какъ Ломоносовъ. Если въ этомъ можно чему-нибудь удивляться, то развѣ тому, что Ломоносовъ не написалъ учебника химіи.

Далѣе, г. Ешевскій находитъ, повидимому, страннымъ, что Грановскій, что Ѳ. И. Буслаевъ взялись составить учебники. Кто же долженъ взяться за это дѣло? Учебникъ, говоритъ самъ г. Ешевскій, есть послѣднее слово науки: гдѣ же возьметъ учитель это послѣднее слово, когда у насъ и первое-то еще не сказано? Учебная книга извлекается изъ ученыхъ изслѣдованій, она результатъ ихъ, а гдѣ у насъ изслѣдованія? Какъ учитель возьмется написать учебникъ русскаго языка, когда у насъ почти ничего не сказала наука по этому предмету? Онъ долженъ будетъ научно изслѣдовать *почти всю* науку; не одинъ

Digitized by Google

какой-нибудь вопросъ, а *почти всѣ*. Что мы, напримѣръ, скажемъ въ учебникѣ о народной поэзіи, о русской литературѣ XVII вѣка, объ исторіи дома Романовыхъ, о любомъ вопросѣ по русскому языку? Нѣтъ, и справедливо, и разумно поступили Грановскій, Ѳ. И. Буслаевъ и люди, подобно имъ стоящіе высоко въ наукѣ, когда взялись составить учебники; только они и въ состояніи исполнить это дѣло. Можно сказать, что по нѣкоторымъ предметамъ учителя могутъ пользоваться изслѣдованіями и учебными книгами другихъ народовъ, для составленія учебника. Противъ этого я укажу на того же Грановскаго. «Онъ, какъ говоритъ самъ г. Ешевскій, послѣднее время своей жизни, посвятилъ составленію скромнаго * учебника исторіи». Онъ занимался имъ съ любовью, «потому что зналъ, что первые уроки кладутъ неизгладимую печать на молодые умы». Онъ посвящалъ этому труду много времени, интересовался имъ, и въ восемь лѣтъ такой работы написалъ только Древнюю Исторію до Исторіи Греціи. Если Грановскій, при его несомнѣнно высокихъ дарованіяхъ, при его огромномъ знакомствѣ съ ученой и учебной литературой Запада, при большей свободѣ располагать своимъ временемъ, наконецъ при такомъ сознаніи важности этого дѣла, далеко не могъ въ столько лѣтъ исполнить его, то не естественно ли всякому учителю поостеречься взять его на себя? Нѣтъ, при нынѣшнемъ состояніи нашей ученой литературы, не мы учителя должны писать учебники... И мы съ нетерпѣніемъ и благодарностью ожидаемъ учебника Ѳ. И. Буслаева, съ радостью встрѣчаемъ всякое изслѣдованіе профессора, и первые спѣшимъ сообщить результатъ его нашимъ ученикамъ; но пока не всѣ главные вопросы изслѣдованы въ подробности, до тѣхъ поръ учебная книга есть самое обширное, хотя — повторяю эпитетъ г. Ешевскаго — и самое скромное ученое дѣло.

Я вполнѣ высказалъ свою мысль. Я знаю, что въ гимназическомъ устройствѣ есть много недостатковъ; мы первые, участвующіе въ гимназическомъ образованіи, видимъ и знаемъ ихъ,

---

* Не могу не замѣтить всей силы и вѣрности этого эпитета: при огромности научной работы, въ учебникѣ выставляются на свѣтъ только конечные результаты, въ которыхъ рѣшительно не замѣтна громадность труда.

Digitized by Google

первые и стали говорить объ этомъ. Нѣкоторые съ своими указаніями обратились къ тѣмъ, которые имѣютъ право измѣнить устройство гимназій. Если кто укажетъ новый недостатокъ, то всякій благомыслящій человѣкъ приметъ съ благодарностью это указаніе, какъ единственное средство сдѣлаться лучше. Но чтобы указать съ пользою эти недостатки, надобно знать не только въ какихъ классахъ преподается какой-нибудь предметъ, или кто участвуетъ въ оцѣнкѣ способностей ученика, —предметы всякому бросающіеся въ глаза; но и отношенія начальниковъ къ учителямъ и воспитанникамъ, отношенія учителей къ ученикамъ, однимъ словомъ, все то, что̀ имѣетъ вліяніе на весь характеръ ученья, на духъ всего заведенія. Тогда только обвиненія будутъ основываться не на частныхъ случаяхъ, которые, положимъ, могутъ указать случайное злоупотребленіе, но никакъ не могутъ доказать несостоятельности самого устройства; тогда только эти обвиненія будутъ дѣло серьёзное и полезное, а не простыя громкія слова.

А. Роберъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Письма изъ Берлина къ Редактору.

—

II.

Больше двухъ мѣсяцевъ (начиная съ 1 сентября) открыты были для публики залы академіи художествъ, подъ Липами, гдѣ помѣщалась выставка. Посѣтителей, особенно послѣдніе дни, было очень много; толпами двигались они въ небольшихъ комнатахъ, гдѣ разставлено было 1575 нумеровъ художественныхъ произведеній. Тысяча пятьсотъ семьдесять пять нумеровъ для двухгодичной выставки и толпы посѣтителей! Отсюда легко сдѣлать прямое заключеніе, что и искусство процвѣтаетъ (лучшія эпохи его всегда отличались продуктивностью), и общество неравнодушно къ нему. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Я не имѣю никакого права подозрѣвать берлинскую публику въ равнодушіи къ искусству, въ неестественности, въ холодности ея восторговъ. Нѣмецъ — двойная натура. У него самая узкая, самая мелкая жизнь, съ самыми пошлыми интересами, легко переходитъ въ неестественный идеализмъ. Театръ, когда даютъ въ немъ драмы Шиллера, всегда полонъ; прекрасные, знакомые стихи приводятъ зрителей въ восторгъ, хотя чужой человѣкъ, со стороны, никакъ не можетъ понять, какъ не возмущаетъ ихъ это кричащее противорѣчіе, когда идеальные образы Теклы, Жанны д'Аркъ, Позы или Макса Пикколомини бросаются въ грязь исполнителями, похожими или на берлинскую Stubenmädchen или на прусскаго ефрейтора. На выставкѣ мнѣ очень хотѣлось поймать смыслъ этой публики: передъ какими картинами,

Digitized by Google

напримѣръ, было больше толпы, куда было направлено общее участіе? Бо́льшая часть зрителей толпилась не столько передъ картинами, замѣчательными художественнымъ исполненіемъ, сколько передъ тѣми, гдѣ художникъ разсчитывалъ на эффектъ, или, гдѣ для публики встрѣчались интересы, слишкомъ знакомые, слишкомъ любимые, какъ, напримѣръ, изображенія королевскихъ охотъ, гдѣ вѣрные Берлинцы могли любоваться портретами всей королевской фамилія и всѣмъ придворнымъ штатомъ. Около такихъ картинъ постоянно было тѣсно.

Нѣкоторыя здѣшнія газеты доставляютъ своимъ подписчикамъ длинные ряды статей объ этой выставкѣ, гдѣ подробно разсуждается, со всею научной основательностью, чуть ли не о каждой картинѣ, гдѣ повторяются всѣ свѣдѣнія, пріобрѣтенныя авторомъ въ исторіи искусства, начиная съ ниневійскихъ барельефовъ и оканчивая фресками въ Новомъ музеѣ Берлина. Статьи эти нашпигованы до нельзя техническими выраженіями и разсуждаютъ докторальнымъ тономъ, точно съ каѳедры. Трудно сказать — читаетъ ли кто-нибудь эти диссертаціи, да отъ нихъ и въ головѣ ничего не останется, кромѣ винегрета большею частію незнакомыхъ именъ и милыхъ терминовъ, которыми спеціалистъ пугаетъ профановъ. Я постараюсь избавить васъ отъ этихъ претензій, зная какъ невыгодно вдаваться въ техническія подробности о картинахъ, которыхъ читатель не видалъ, или передавать сухо ихъ содержаніе, чувствуемое глазами и сердцемъ. Мы искали въ выставленныхъ произведеніяхъ не столько эстетическаго наслажденія, сколько мысли современной эпохи, просвѣтленнаго искусствомъ, выраженія тѣхъ идеаловъ, за которыми гоняются современные намъ люди. Что намъ за дѣло до техническаго совершенства. Право, если мысль художественнаго произведенія вѣрна, если оно вылилось изъ крови и сердца художника—исполненіе придетъ само собой. Идея и форма соединены неразрывнымъ тайнымъ союзомъ и нельзя вѣрить въ возможность прекрасной идеи безъ воплощенія, при чемъ такъ смѣшны должны казаться всѣ эти поэты, художники *безъ души*. Если внутреннее чувство сильно затронуто, если душа дрожитъ отъ восторга при видѣ красоты созданія, — что̀ мнѣ за дѣло до мелкихъ подробностей исполненія, къ чему замѣчать недостатки, на что такіе мастера художественные ремесленники.

Digitized by Google

Берлинская художественная выставка нынѣшняго года заключала въ себѣ работы не однихъ берлинскихъ художниковъ, профессоровъ здѣшней академіи и частныхъ; въ ней участвовали и бельгійскіе, и французскіе артисты, имена уже прежде встрѣчавшіяся и довольно извѣстныя. Притомъ, тысяча пятьсотъ семьдесять пять нумеровъ произведеній художниковъ живыхъ, дѣйствующихъ, раздѣляющихъ надежды и страданія эпохи. Какъ, кажется, не подмѣтить тутъ идеаловъ современности, не уловить ея души, ея особенностей? Невольно эта мысль приходитъ въ голову, когда открывается передъ посѣтителемъ длинный рядъ комнатъ, сверху до низу наполненный картинами. Перенеситесь въ какую угодно эпоху искусства; возьмите, напримѣръ, время перваго возрожденія, возьмите XVI вѣкъ: вездѣ одна общая идея господствуетъ въ художественныхъ созданіяхъ, идея — выраженіе времени, вездѣ видна одна общая красная нитка, проведенная по нимъ. Не только идеалы одни, но силы, стремленія одинаковы, все дышетъ одною жизнью; при всемъ разнообразіи талантовъ и направленій, какъ гармонически-обще ихъ движеніе, не смотря на отдѣленіе школъ одна отъ другой, не смотря на ихъ особенности. Ничего подобнаго нельзя увидать хоть бы въ послѣдней берлинской выставкѣ. Разнообразіе поражающее, одуряющее; трудно найдтись въ этомъ множествѣ произведеній, между которыми нѣтъ ничего общаго, ни по содержанію, ни по исполненію. Ни въ какомъ случаѣ не ищите здѣсь того, что̀ въ исторіи искусства называется *школою*. Совершенное разнообразіе художественныхъ направленій господствуетъ здѣсь. Художникъ совершенно свободенъ отъ условій школы; въ его власти не-подчиняться никакимъ требованіямъ. Всѣ воззрѣнія, всѣ методы, всѣ преданія имѣютъ значеніе здѣсь, равное право на уваженіе. Школъ нѣтъ въ Германіи; даже дюссельдорфская, которая еще въ тридцатыхъ годахъ возбуждала къ себѣ общее участіе, и та не представляетъ теперь никакихъ особенностей. Ея мечтательная чувствительность уступила другимъ требованіямъ. Ни Овербекъ, ни Корнеліусъ, ни Каульбахъ не имѣютъ школъ въ прежнемъ значеніи этого слова. Одни общіе термины, столь любимые Нѣмцами, напримѣръ, идеализмъ и реализмъ въ искусствѣ, имѣютъ

Digitized by Google

значеніе для художника. Кажется, что германскій художникъ приступаетъ къ дѣлу уже съ готовою теоріей, съ общею идеей, вычитанною или услышанною, и на голосъ ея уже вытаскиваетъ изъ таланта своего гнѣздящееся въ немъ созданіе. Оттого почти во всякомъ произведеніи вы увидите если не мысль, то претензію на нее, но рѣдко хорошее исполненіе. Эта германская крайность столь же вредна въ искусствѣ, какъ и другая, когда художникъ, при всемъ техническомъ совершенствѣ, страдаетъ бѣдностью, чахоточностью идеи, и такъ какъ ни жизнь народная, ни полученное имъ образованіе не въ состояніи ему дать ея, онъ гоняется за ней во всѣ стороны и ловитъ ее съ вѣтру. Обѣ крайности—отличительныя черты нашего времени, гдѣ искусство не можетъ стоять высоко, въ уровень съ развитіемъ общества, выражающаго идеалы свои въ другихъ сферахъ человѣческой дѣятельности, не такъ какъ въ исчезнувшія эпохи, когда искусство было проникнуто всѣмъ современнымъ движеніемъ жизни.

Числительное богатство берлинской выставки объясняется однакожь слишкомъ большимъ гостепріимствомъ совѣта Академіи. Сюда попали такія произведенія, которыя по всей вѣроятности не заслуживали того и вѣрно не были бы такъ охотно приняты въ другомъ мѣстѣ. Впрочемъ, говоря строго, ихъ не много. Общее впечатлѣніе выставки очень удовлетворительно. Многія картины невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе, но зато нѣтъ ни одной, которая бы стояла высоко надъ другими, которая завоевала бы себѣ прочное мѣсто въ исторіи искусства. Большіе таланты размѣнены здѣсь на мелкую монету, но хорошаго чекана. Эта посредственность произведеній — отличительная черта времени; никто не выдается впередъ, никто не блещетъ яркими особенностями. Общій уровень, къ которому стремится современное общество, кажется, прошелъ и въ царствѣ искусства, а оно двигается, однакожь, впередъ не массою раздѣленныхъ силъ, а выдающимися личностями. Обойдя нѣсколько разъ залы выставки, вы не можете сказать, чтобъ остались недовольными, а между тѣмъ въ сердце не запонилось просто ни одного свѣтлаго образа, ни одно произведеніе не тронуло васъ до глубины. Вы холодно-довольны и только, и вы можете дѣлать ваши наблюденія и замѣчанія только въ массѣ, точь въ точь какъ въ политической экономіи, прини-

Digitized by Google

мая въ соображеніе среднее число. Вы замѣтите, если видали прежде нѣмецкія выставки, что на этой техническое совершенство ушло нѣсколько впередъ, — значитъ нѣмецкое искусство развивается, что реальное направленіе беретъ верхъ, хотя, впрочемъ, никакое историческое развитіе не уничтожитъ въ Нѣмцахъ стремленій къ идеализму, что художники обращаются больше въ народной жизни, что въ этомъ вѣчно живомъ источникѣ, а не въ мечтательномъ царствѣ идеаловъ—они ищутъ теперь своего вдохновенія. И только. Что̀ касается до того, чтобъ отъ художественныхъ произведеній сдѣлать посылку къ интересамъ времени, къ содержанію настоящаго общества — откажитесь отъ этой мысли. Не въ искусствѣ теперь надобно искать современной жизни; оно еще не освободилось отъ могущественныхъ преданій, во власти которыхъ живетъ столько вѣковъ, оно не стало еще на свои ноги; попытки слишкомъ слабы и неопредѣленны. Или не искать ли современности въ этомъ множествѣ портретовъ, составляющемъ чуть ли не третью часть нумеровъ выставки, портретовъ всевозможныхъ величинъ, формъ, лѣтъ, красокъ, одеждъ, во фракахъ со звѣздами и безъ звѣздъ, въ разнообразнѣйшихъ мундирахъ, въ самыхъ модныхъ дамскихъ платьяхъ. О, если хотите, тутъ самая живая современность! Мы живемъ и дѣйствуемъ посреди этихъ людей; эти лица провожаютъ насъ отъ колыбели до гроба. Посмотрите на нихъ, въ этихъ чертахъ отражается наша эпоха; она вся тутъ. Ни энергіи, ни воли, ни красоты, ни силы, ни рѣзкости. Гордое, холодное, безсердечное спокойствіе важныхъ господъ—личина, прикрывающая пустоту жизни, эгоизмъ, мелкій развратъ закулисный; іезуитскія физіономіи евангелическихъ пасторовъ съ бѣлыми воротничками; мѣщанскія лица денежныхъ людей, на которыхъ написаны ажіотажъ и надувательство, подъ маскою для міра семейныхъ добродѣтелей, взятыхъ напрокатъ изъ драмъ Коцебу или романовъ Лафонтена; фальшивыя улыбки продажныхъ женщинъ, аристократически изнѣженныя дѣти въ шотландскихъ пледахъ. Вотъ вамъ современная галлерея портретовъ. Какая огромная разница между этими пошлыми лицами и старыми портретами Тиціановыхъ современниковъ, также похожихъ другъ на друга, но похожихъ энергіею дѣйствія, страстностью убѣжденій, полнотою жизни.

Digitized by Google

Зато, какъ и скучно между этими условными, стереотипными лицами и какъ бы хотѣлось другихъ лицъ, типовъ, физіономій, у которыхъ нѣтъ денегъ, чтобъ написать свои портреты, но которымъ принадлежитъ будущее. Этимъ лицамъ не въ состояніи придать типичности даже лучшіе артисты, и только тамъ, кажется, удается портретъ, гдѣ помогаетъ тому богатое духовное содержаніе жизни, какъ, напримѣръ, въ прекрасномъ портретѣ скульптора Зусмана — работы берлинскаго художника *Оскара Бегаса*. Его портреты — лучшіе на выставкѣ. Другими замѣчательными портретистами являются: Берлинецъ *Густавъ Рихтеръ*, представившій нѣсколько женскихъ лицъ, *Юлій Шрадеръ*, профессоръ здѣшней академіи и довольно извѣстный историческій живописецъ, *г-жа Вигманъ* изъ Дюссельдорфа и блестящій придворный живописецъ французскаго императора — *Винтергальтеръ*, приславшій, впрочемъ, одинъ только портретъ.

Изъ современныхъ нѣмецкихъ знаменитостей, на выставкѣ является только одинъ *Лессингъ*, ученикъ Шадова и дюссельдорфской школы, теперь директоръ картинной галлереи въ Карлсруэ. Лессингъ — замѣчательное лицо въ исторіи новаго нѣмецкаго искусства. Начавъ общимъ характеромъ той школы, къ которой принадлежалъ, фантастическимъ романтизмомъ тридцатыхъ годовъ, переводя на полотно баллады Уланда, онъ прославился потомъ своими мрачными ландшафтами съ средневѣковымъ содержаніемъ, съ молящимися рыцарями, монастырскими кладбищами, похоронными процессіями монахинь, чѣмъ онъ вздумалъ обставить при-рейнскую природу, вѣрно имъ изображаемую. Наконецъ перешелъ онъ къ исторической живописи, избравъ предметомъ своихъ картинъ — борьбу папъ съ религіозными движеніями реформаціи въ лицахъ Гусса и Лютера. Его картины: «Проповѣдь Таборитовъ», «Гуссъ на соборѣ» и «Лютеръ, сжигающій папскую буллу», доставили ему извѣстность, но вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніе ихъ нарушило свѣтлый міръ дюссельдорфской школы. Его развитіе въ содержаніи произведеній напоминаетъ развитіе другаго знаменитаго Берлинца — Мейербера. Лессингъ, никогда не бывшій въ Италіи, очень оригиналенъ. Онъ отличный рисовальщикъ, но не смотря на энергію колорита, у него нѣтъ большаго умѣнья да-

Digitized by Google

вать гармоническія краски предметамъ и лицамъ, которое узнается только у великихъ мастеровъ Италіи. Лессингъ для картинъ своихъ историческаго содержанія много трудился, много изучалъ. Этотъ трудъ виденъ на каждомъ шагу, и непосредственно наслаждаться его произведеніями невозможно. Приведу слова одного замѣчательнаго нѣмецкаго историка искусства по этому поводу: «Мы видимъ изъ этого недостатка въ характерѣ изображенія Лессинга, какъ трудно вообще всѣмъ Нѣмцамъ вдумываться въ историческій міръ явленій. Мы слишкомъ удалены отъ шума и движенія общественной жизни, мы слишкомъ мало знаемъ изъ собственнаго опыта политическую борьбу, природу историческихъ страстей,—мы говоримъ здѣсь о времени передъ февральской революціей,—чтобъ быть въ состояніи изображать свѣжимъ и непосредственнымъ образомъ историческія личности. На этомъ основаніи наши художники предпочитаютъ философское построеніе исторіи реально-историческому изображенію ея, или заимствуютъ у поэтовъ характеристику историческихъ героевъ» *.

На послѣдней берлинской выставкѣ Лессингъ представилъ большую картину историческаго содержанія изъ великой борьбы папъ съ германскими императорами: «Взятіе въ плѣнъ папы Пасхалія II императоромъ Генрихомъ V въ 1111 году». Представленіе очень простое и понятное; смыслъ событія и теперь еще вполнѣ не утраченъ для западныхъ народовъ. Сцена происходитъ въ церкви, куда вторглась свѣтская власть. Картина раздѣлена на двѣ половины: налѣво — сторона императорская, Генрихъ V въ порфирѣ, дающій приказаніе схватить папу, его свита, бросающаяся исполнить приказаніе; направо — сторона папская, папа на престолѣ, въ тіарѣ, мантіи, окруженный епископами и разными духовными лицами. Какъ видно, Лессингъ изучалъ основательно эпоху; онъ даже сознательно измѣнялъ характеръ средневѣковаго дѣйствія. Такъ, напримѣръ, для приданія бо́льшаго единства картинѣ, онъ не допустилъ на сторонѣ императора ни одного прелата, тогда какъ ихъ было довольно при Генрихѣ V. Характеристика времени нарушается

---

* *Anton Springer:* Geschichte der bildenden Künste im neunzehnten Jahrhunderte. Leipzig, 1858.

Digitized by Google

еще тѣмъ, что и императоръ, и люди его свиты, являются безоружными, тогда какъ это всеоружіе и составляло существенную сторону свѣтской власти. Неужели этимъ художникъ хотѣлъ придать нравственнаго достоинства свѣтской власти? Онъ забылъ содержаніе времени: безъ оружія, все же напоминающаго рыцарство, изображаемая сцена должна превратиться въ кулачный бой. Въ великой исторической борьбѣ среднихъ вѣковъ, мы, вмѣстѣ съ Лессингомъ, вовсе не на сторонѣ Гибеллиновъ XII вѣка, но зачѣмъ же художникъ отнимаетъ у этой стороны въ своей картинѣ всякое достоинство, всякое значеніе, отнимаетъ даже существенный характеръ? Историческій живописецъ долженъ быть такъ же безпристрастенъ, какъ и историкъ. И у свѣтской власти была идея, руководившая дѣйствіями. У Лессинга же императоръ—фигура вполнѣ театральная, лишенная достоинства; исполнители его воли, точно наемные bravi; ни на одномъ лицѣ не написано сознанія о важности событія, о насиліи, совершаемомъ надъ намѣстникомъ Христа, надъ первымъ лицомъ христіанскаго міра, minor Deo, major homine, надъ владыкою совѣсти. Хоть бы достоинство, грубость и энергія физической силы были на сторонѣ императора, и того нѣтъ, даже лица лишены характеристики; всѣ они похожи другъ на друга. Но зато папская сторона полна духовной силы; ей принадлежитъ все нравственное достоинство. Лицо папы прекрасно: благородное, спокойное, строгое и рѣшительное; наклоненная поза его—величава. Онъ представитель идеи и духа въ общественномъ разладѣ того времени. Окружающіе папу, церковные чины, въ разныхъ положеніяхъ и съ разными выраженіями, придаютъ много живости правой сторонѣ. Тутъ видно господство сознательной идеи, и важный моментъ событія отражается въ лицѣ каждаго. Прибавьте къ этому роскошь техническаго исполненія, блескъ церковныхъ украшеній, золото, бархатъ и шелкъ мантій, сосуды, мебель и всю обстановку храма, гдѣ вполнѣ высказалось техническое достоинство художника. Вообще это самая замѣчательная картина историческаго содержанія на выставкѣ. Другія гораздо ниже ея.

Розенфельдеръ, директоръ академіи художествъ въ Кёнигсбергѣ, выставилъ большую картину: «Занятіе Маріенбурга на-

Digitized by Google

чальниками наемныхъ войскъ Нѣмецкаго ордена въ 1457 году.» Это событіе представляетъ совершенно мѣстный, мелкій интересъ; для уразумѣнія его, художникъ долженъ былъ представить длинную выписку изъ хроники, но зритель остается совершенно холоднымъ, и не можетъ принять никакого участія въ событіи, ни заинтересоваться этими фигурами въ рыцарскихъ латахъ и шишакахъ, фигурами, на изображеніе которыхъ художникъ употребилъ много труда и изученія. Другая картина его же: «Жена Іоахима, курфиршта Бранденбургскаго, Елисавета, принимаетъ св. Причастіе подъ обоими видами», въ то время, какъ мужъ ея, противникъ реформаціи, нечаянно входитъ въ комнату. И для ея уразумѣнія надобенъ длинный комментарій. Гораздо понятнѣе картина Француза *Шарля Конта*: «Іоанна Грей, защищающая протестантское исповѣданіе передъ своими судьями, католическими епископами». Конечно, невозможно изобразить въ картинѣ сущность ея защиты, но зато время, мѣсто дѣйствія, лица дѣйствующія, ясно говорятъ объ эпохѣ. Эта сцена — допросъ, происходящій въ мрачной темницѣ Лондонской башни. Судьи-прелаты стоятъ въ недоумѣніи, озадаченные пылкою рѣчью молодой женщины. На прекрасномъ лицѣ Іоанны блещетъ сила вдохновенія и убѣжденья, на немъ видна побѣда мысли. Малодушный мужъ ея — лордъ Додлей стоитъ на колѣняхъ передъ женой, цѣлуя руку ея и вымаливая прощеніе. Свѣжимъ историческимъ духомъ вѣетъ на зрителей съ этой картины Француза; она и проста и понятна; лица полны жизни и характера, а небольшой размѣръ ея придаетъ событію особенную энергію. Вотъ все, что было замѣчательнаго на выставкѣ изъ области исторіи. Необходимое лицо каждой нѣмецкой выставки — Лютеръ, являлся и здѣсь въ разныхъ видахъ. То молодымъ монахомъ въ Эрфуртѣ (картина дрезденскаго профессора *Гонне*), то въ брачной процессіи съ Катериною Бора (*фанъ-Пельтъ* изъ Брюсселя), то утѣшающимъ больнаго Меланхтона (г-жа *Энике*), и всякой разъ неудачно. Мы оставляемъ этотъ родъ живописи, чтобъ сказать нѣсколько словъ о другихъ.

Неизбѣжная миѳологія, отъ которой никакъ не могутъ отдѣлаться художники, имѣетъ на этотъ разъ своимъ представителемъ г. *Враске*, въ первый разъ появившагося на судъ публики съ огромною картиной, изображающей трагическую смерть

Digitized by Google

дѣтей Ніобы, подъ стрѣлами мстительныхъ боговъ. Размѣры картины колоссальны. Художникъ, очевидно, принадлежитъ къ подражателямъ Корнеліуса и Каульбаха, и картина его выиграла бы больше какъ фрескъ, чему и содержаніе соотвѣтствуетъ. Что̀ касается до этого содержанія, то художникъ всѣми силами старался быть оригинальнымъ. Его изображеніе не похоже ни на простой разсказъ Гомера, ни на стихи Овидія, ни на знаменитую группу Флоренціи. Это — собственная его иллюстрація поэзіи, передача на полотно прочувствованнаго художникомъ при чтеніи древняго миѳа. Но какъ трудно ему было сладить съ содержаніемъ, на вѣки завоеваннымъ пластикой, слишкомъ пластическимъ для живописи. Въ древней группѣ миѳическая безсмысленность страданія и смерти просвѣтляется въ мраморѣ; скорбь и мука получаютъ художественный характеръ. Какъ передать это благородство въ живописи, гдѣ средства ярче, ближе къ дѣйствительности? Сколько можно судить изъ описаній древнихъ и потому что нигдѣ не было найдено при Ніобидахъ ни Аполлона, ни Діаны — оба разгнѣванныя божества не являлись на сцену страшнаго дѣйствія. Они исполняли роль судьбы, дѣйствовали за облаками. Здѣсь же художникъ вывелъ ихъ на сцену, дѣйствующими вверху, въ освѣщенной солнцемъ части неба. Впечатлѣніе, производимое ихъ появленіемъ — непріятно. Внизу, подъ ихъ стрѣлами, развивается все страданіе насильственной смерти. Въ фигурахъ много жизни; рисунокъ вѣренъ и отчетливъ; но мы слишкомъ привыкли къ мраморнымъ Ніобидамъ, мы не можемъ помириться съ этой романтическою матерью, такъ далеко не похожею на древнюю, съ ея глубокою печалью въ могущественныхъ чертахъ, съ ея простой, но какою художественною позой. Греческимъ миѳамъ, греческой исторіи вообще не посчастливилось на выставкѣ. Какая ужасная вещь «Освобожденіе Альцесты Геркулесомъ изъ ада» (г. *Мила*)! «Гомеръ, поющій въ Делосѣ свои рапсодіи передъ собравшимися Греками» и «Эзопъ, разсказывающій народу свои басни» (обѣ картины *Витмера*), роняютъ идеальную Грецію.

(До слѣд. книжки).

Digitized by Google

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА, ВЪ НАЧАЛѢ XVII СТОЛѢТІЯ.

Путешествіе венеціанскаго посла Піеро-Контарини въ Англію въ 1617—1618 годахъ.

—

Г. Раудонъ Броунъ, который уже три года тому назадъ издалъ донесеніе венеціанскаго посольства о дворѣ Генриха VIII, отыскалъ въ библіотекѣ св. Марка депеши и дневникъ о посольствѣ Пьеро-Контарини. Они находились въ фамильной библіотекѣ Контарини, поступившей, по прекращеніи этого знаменитаго рода въ 1843 году, въ составъ общественнаго книгохранилища. Цѣль дипломатическаго посольства къ британскому двору состояла въ томъ, чтобы испросить посредство Англіи въ пользу республики, которой въ то время предстояла двойная задача: во-первыхъ усмирить въ заливѣ Кварнеро Ускоковъ, разбойничавшихъ на морѣ подъ покровительствомъ Австріи, во-вторыхъ, принять сторону герцога Савойскаго въ спорномъ вопросѣ о наслѣдствѣ монферратскихъ владѣній, такъ что если Венеція и не вступала еще въ открытую войну съ обѣими отраслями Габсбургскаго дома, Австріею и Испаніей, то, по крайней мѣрѣ, была поставлена въ непріязненныя къ нимъ отношенія. Судьбы этого посольства принадлежатъ политической исторіи Европы, для насъ же теперь особенно интересенъ «Дневникъ», веденный на пути капелланомъ посланника, Гораціемъ Бузино, и дающій понятіе о физіономіи европейскаго общества въ началѣ XVII столѣтія, не задолго до тридцати-лѣтней войны. Въ наше время случается, что посланникъ, отправляясь къ мѣсту своего назначенія въ сопровожденіи камердинера, или даже и совершенно одинъ, ѣдетъ на желѣзную дорогу, садится въ вагонъ и, по прибытіи на мѣсто, нанимаетъ перваго попавшагося ему извощика. Но въ то время посланники, въ родѣ Контарини, ѣздили съ свитою, изъ двѣнадцати человѣкъ, въ числѣ которыхъ находились капелланъ, курьеръ, дворецкій и соотвѣтственное количество низшей прислуги. Путешественники переѣхали Альпы

Digitized by Google

Шплюгенскою тѣсниной, и капелланъ замѣчаетъ при этомъ случаѣ, что итальянскія миль'и (miglia) превратились тутъ въ мили, церкви въ «нагія, мрачныя пещеры», религія въ ересь. Дорога на Шплюгенъ шла въ то время по высохшему каменистому руслу горнаго ручья и за деревней того же имени круто спускалась внизъ, такъ что достойный капелланъ сравнивалъ ее съ дорогой въ преисподнюю, тѣмъ болѣе, что долина, въ которую она вела, была населена обреченными геенне душами, то-есть, протестантами. И дѣйствительно, религіозная ненависть была тогда еще такъ сильна, что почтенный патеръ разсудилъ за благо перемѣнить костюмъ и спрятать свое выбритое гуменцо подъ рыцарскимъ шлемомъ. Въ Базелѣ посольство сѣло на рейнскую ладью или барку. При этомъ случаѣ мы узнаемъ, что достохвальный цехъ базельскихъ лодочниковъ, свѣдавъ о прибытіи цѣлаго общества путешественниковъ, собирался на сходку и рѣшилъ по жеребью, кому оно должно достаться въ добычу [1]). Счастливецъ, въ пользу котораго выпалъ жребій, избавясь такимъ образомъ отъ всякаго совмѣстничества, получилъ неограниченное право принимать иностранцевъ, какъ ему было угодно, и въ этой-то прижимкѣ заключался всегда глубокій смыслъ всякаго цеховаго устройства. На Рейнѣ старина еще сильно спорила тогда съ новизной: горожане и рыцарство не успѣли еще осилить другъ друга, рыцарскіе замки еще не торчали покинутыми гнѣздами, каменныя стѣны вокругъ деревень (какъ нынѣче вокругъ горскихъ ауловъ) еще не были разрушены, на рѣкѣ толпились веселыя барки, вездѣ сверкало оружіе, а холмы и тогда уже, какъ теперь, были покрыты роскошными виноградниками. Венеціанцы были въ восторгѣ, потому что ихъ барку останавливали у каждаго замка не хищные рыцари, требовавшіе пошлинъ за свободный проѣздъ, но нѣмецкіе бароны, желавшіе изъявить свое уваженіе къ достославной венеціанской республикѣ. Только подъ Брейзахомъ, принадлежавшемъ эрцгерцогу Максимиліану, неучтивый городской фогтъ, по излишнему усердію къ службѣ, продержалъ барку двѣ ночи, хотя капелланъ и старался пристыдить его за это недостойное обращеніе филологическимъ доказательствомъ, что имя Контарини означаетъ Comes Rheni, то-есть, рейнскій графъ [2]). На берегахъ вездѣ раздавались барабаны вербовщиковъ и безпрестанно встрѣчались солдаты, то на походѣ, то въ парадѣ, какъ бы предвѣщая наступленіе великой войны. На нидерландской почвѣ дипломатамъ въ первый разъ пришлось отвѣдать пива, изъ чего мы можемъ заключить, что въ то

[1]) Такъ и теперь у насъ дѣлаютъ жеребьи.

[2]) Имя это правильнѣе производится отъ Contadino, поселянинъ.

Digitized by Google

время, по крайней мѣрѣ на нѣмецкой части Рейна, этотъ прозаическій напитокъ не былъ во всеобщемъ употребленіи. Венеціанцы отзываются о пивѣ не слишкомъ восторженно. Совершенною новостью было для нихъ куреніе табаку; стало-быть, это наркотическоо зелье еще не было извѣстно въ Венеціи и весьма рѣдко встрѣчалось въ Германіи. Въ Голландіи, напротивъ, курили даже очень почтенныя женщины, но только тайкомъ и подъ предлогомъ, что онѣ дѣлаютъ это для здоровья. Въ Англіи табакъ назывался королевиной травой (herba reginae), и о новизнѣ куренія въ то время мы можемъ уже судить по подробному описанію трубки въ «Дневникѣ» капеллана. Въ Голландіи путешественники сѣли на открытую туземную барку, нисколько не походившую на гондолы венеціанскихъ лагунъ. Здѣсь его превосходительство, его преподобіе и всѣ прочія лица посольства принуждены были расположиться на гнилой соломѣ, какъ «дворяне изъ Реджіо» (этимъ титуломъ Венеціанцы и понынѣ величаютъ свиней, потому что Реджіо производитъ съ Венеціею значительную торговлю щетиной). Послѣ этого повсюду обращаютъ на себя вниманіе капеллана вѣтреныя мельницы, но не мукомольныя, а водоподъемныя, равно какъ и множество утокъ, журавлей и лебедей на свинцовой водѣ каналовъ, по которымъ тамъ и снмъ тянутся лодки, «нагруженныя горючею землею, извѣстною здѣсь подъ названіемъ торфа». Прибывъ въ Амстердамъ, капелланъ сознается, что этотъ городъ, по объему и удобству мѣстоположенія, можетъ сравниться съ Венеціей, а по торговому движенію даже превосходитъ ее. Гражданинъ угасающей республики, глядя на развитіе юныхъ силъ перваго въ то время всемірнаго торжища, утѣшаетъ себя благочестивымъ размышленіемъ, «что сыны міра сего всегда были умнѣе сыновъ свѣта». Нидерландская республика употребила всѣ средства, чтобы оказать должный почетъ адріатической сестрѣ своей въ лицѣ ея пословъ, и Контарини былъ осужденъ дортскимъ магистратомъ на великолѣпный банкетъ. Несчастные Венеціанцы попали здѣсь въ руки заматерѣлыхъ питуховъ, отъ которыхъ нельзя было ожидать пощады за бутылкой. Тосты за здравіе синьоріи и высокомощной республики повторялись съ ужасающею быстротой, и поле битвы уже покрылось безчувственными трупами. Въ заключеніе появилась «адская круговая чаша», наполненная самымъ крѣпкимъ виномъ. Видя приближающееся къ нему чудище, капелланъ пришелъ въ отчаяніе отъ мысли, что онъ непремѣнно или захлебнется, или сгоритъ за-живо, если ему придется проглотить эту грѣховную влагу. Чтобы спастись отъ бѣды, онъ схватилъ кружку пива и хотѣлъ разбавить имъ вино; но хоръ городскихъ сановниковъ разразился громкимъ смѣхомъ и остановилъ его восклицаніемъ: «Monsù

Digitized by Google

vu gatté tutt! » Бесѣда шла, какъ видно, на французскомъ, или на такъ-называемомъ французскомъ языкѣ. Переѣздъ къ устью Темзы, при суровой погодѣ, на суднѣ, нагруженномъ до послѣдней возможности, былъ тяжкимъ испытаніемъ для трусливыхъ путешественниковъ, страдавшихъ морскою болѣзнью. Достигнувъ берега, они остановились «на почтовой станціи» въ Гревзендѣ и пробыли тамъ до тѣхъ поръ, пока сдѣланы были всѣ необходимыя распоряженія для торжественнаго въѣзда посольства въ Лондонъ. Въ гостинницѣ брали съ нихъ нехристіанскія цѣны: посланникъ принужденъ былъ платить за обѣдъ по два дуката, или, на тогдашнія англійскія деньги, по десяти шиллинговъ съ персоны, хотя деньги въ ту пору были, противъ нынѣшняго, втрое дороже. Посланникъ отправился инкогнито въ Лондонъ пріискать себѣ квартиру съ помощью венеціанскаго «секретаря посольства», имѣвшаго тамъ постоянное мѣстопребываніе. Богатый лондонскій патрицій, сэръ-Пауль Пиндаръ, уступилъ ему свой домъ. Радіусъ Лондона съ тѣхъ поръ значительно измѣнился, и домъ, который теперь стоитъ, можетъ-быть, на цѣлый часъ ѣзды внутри столицы, въ то время былъ довольно удаленъ отъ центра, хотя все еще въ хорошей части города, неподалеку отъ модныхъ театровъ и въ особенности отъ тѣхъ, «которые держали лучшихъ собакъ для травли быковъ и медвѣдей». Вокругъ дома было открытое поле, гдѣ лордъ-мэръ дѣлалъ однажды смотръ шести тысячамъ городскаго ополченія. Проходя подъ окнами Контарини, ополченцы привѣтствовали его залпомъ изъ своихъ ружей и крикомъ: «Да здравствуетъ Венеція во вѣки вѣковъ!» не столько изъ уваженія къ св. Марку, сколько на зло испанскому посланнику, потому что они знали, что дѣйствія венеціянскаго посольства были направлены противъ Испаніи.

Оставляя въ сторонѣ описаніе придворныхъ праздниковъ и значительныхъ личностей, ограничимся нѣсколькими замѣтками капеллана насчетъ тогдашней физіономіи Лондона и уличной его жизни. По его отзыву, столица прекрасный городъ, богатый лавками, каждая съ вывѣской, точно трактиръ. Съ похвалою упоминаетъ онъ также о многочисленныхъ великолѣпныхъ колодцахъ, особенно въ центрѣ города; но съ другой стороны мы узнаемъ изъ его описанія, что «серебряная Темза», 250 лѣтъ тому назадъ была такъ же грязна, какъ и теперь. Рѣка, говоритъ онъ, до такой степени пропитана зловоніемъ, что даже бѣлье, выполосканное въ ней, сохраняетъ особенный запахъ Темзы. Новый городъ, на лѣвомъ, южномъ берегу рѣки, существовалъ уже тогда и имѣлъ «нѣсколько хорошихъ домовъ». Обѣ части Лондона соединялись прекраснымъ каменнымъ мостомъ (London-bridge), по обѣимъ сторонамъ котораго тянулись ряды

Digitized by Google

лавокъ, такъ что незнакомый съ мѣстностью человѣкъ, находясь на мосту, воображалъ, что онъ идетъ по обыкновенной улицѣ *. Постройка домовъ не нравится Венеціанцу. Лондонъ до большаго пожара былъ почти весь деревянный, но уже тогда существовало полицейское постановленіе, которымъ предписывалось строить дома «по крайней мѣрѣ на половину» изъ кирпича. Винтообразныя лѣстницы капелланъ находитъ утомительными, комнаты «мрачными и дурно расположенными». Окна были безъ ставень, и отворялись на двѣ половины, но отверстія половинокъ были такъ малы, что въ нихъ нельзя было выглянуть, вслѣдствіе чего капелланъ приводитъ восклицаніе одного Генуэзца: »О, жалкія окна! днемъ на запорѣ, а ночью настежь!» За грязь на улицахъ капелланъ старается вознаградить себя игрою словъ, что городъ слѣдовало бы назвать не Londra, а Lorda (грязный). Грязь эта употреблялась народомъ въ видѣ оружія, за которымъ стоило только нагнуться и которое весьма часто направлялось противъ Испанцевъ, гдѣ бы они ни показались, потому что, замѣчаетъ капелланъ, — это единственный народъ, гнушающійся всякимъ другимъ одѣяніемъ, кромѣ своего національнаго. Такъ однажды какой-то «бѣдный донъ», жертва нетерпимости лондонскихъ пролетаріевъ, былъ весь закиданъ грязью; въ другой разъ несчастный конюхъ испанскаго посольства, который наѣхалъ на ребенка и не столько ушибъ, сколько напугалъ его, едва спасся отъ бѣшенства народа, гнавшагося за нимъ до самаго посольскаго дома. Уже король Іаковъ съ опасеніемъ смотрѣлъ «на чрезмѣрное распространеніе» Лондона и самовластно велѣлъ срыть довольно большое число домовъ. Однажды капелланъ слышалъ, какъ король дѣлалъ лорду-мэру слѣдующее замѣчаніе насчетъ городской полиціи: «Обращайте у меня особенное вниманіе на два предмета, на большихъ чертей и на чертенятъ. Подъ большими чертями, я разумѣю ломовыя телѣги, которыя никогда не сворачиваютъ съ дороги, встрѣчаясь съ господскими каретами. Чертенята—это купеческіе ученики, или мальчики изъ лавокъ, которые два раза въ году, во вторникъ на первой недѣлѣ поста и перваго мая, берутъ такую волю и забываются до того, что, собравшись толпами отъ 3 до 4,000 человѣкъ, убиваютъ людей и сносятъ дома съ мѣста.» Зато и правосудіе, можно сказать, еще купалось въ крови. Капелланъ видѣлъ какъ вели на висѣлицу 15-ти лѣтняго мальчика, который въ первый разъ укралъ мѣшокъ коринки. «Не считая казней по чрезвычайнымъ случаямъ, прибавляетъ капелланъ, они въ концѣ наждаго мѣсяца разомъ казнятъ около 25 пре-

* Теперь этотъ мостъ открытъ.

Digitized by Google

ступниковъ.» Но въ то самое время, когда королевскія и аристократическія привилегіи находились еще въ полной силѣ, насъ поражаетъ замѣчательная черта плебейскаго своеволія. На улицахъ рѣдко встрѣчались кареты, но лишь только онѣ гдѣ-нибудь показывались, чернь тотчасъ навѣшивалась и карабкалась на нихъ, и капелланъ самъ былъ свидѣтелемъ, что когда кучеръ хотѣлъ отогнать назойливую толпу, то его и господъ его закидали съ ногъ до головы грязью: такъ возмутительна казалась «народу» эта аристократическая нетерпимость. Однажды посольство ѣздило въ театръ, гдѣ давали англійскую трагедію, которая, однакожь, не понравилась капеллану, потому что онъ не понималъ ни слова по-англійски. Посолъ при этомъ случаѣ немножко подшутилъ надъ нимъ. Патеръ не безъ удивленія говоритъ, что эти театры посѣщаются прекрасными, благовоспитанными дамами, которыя не считаютъ неприличнымъ сидѣть среди мущинъ. Контарини распорядился при этомъ такимъ образомъ, что капеллану пришлось занять мѣсто въ кругу молодыхъ и, можетъ-быть, не совсѣмъ благовоспитанныхъ дѣвушекъ. Къ довершенію всего, явилась еще маска, разодѣтая въ атласъ, бархатъ, парчу и кисею, съ бриллiантовыми перстнями на пальцахъ, которая подвергала цѣломудріе почтеннаго капеллана всѣмъ возможнымъ искушеніямъ, обращаясь къ нему, то на французскомъ, то на англійскомъ языкѣ; но онъ не поддался соблазну и оставлялъ всѣ ея любезности безъ отвѣта. Между тѣмъ посолъ и секретарь, которые, какъ по всему замѣтно, нарочно подготовили эту сцену для одной знатной дамы, чтобъ ее потѣшить, помирали со смѣху, глядя на бѣдственное положеніе капеллана.

(Изъ Ausland.)

Digitized by Google

ЗАМѢТКА.

—

Недавно на страницахъ *Атенея* мы высказали замѣчаніе, что у насъ иногда «люди, незнакомые съ природой и человѣческимъ организмомъ, принимаются трактовать о предметахъ, требующихъ основательнаго знанія наукъ естественныхъ и, разумѣется, впадаютъ въ ошибки.»

Замѣчаніе это вполнѣ подтвердилось статьею г. Т. въ сентябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» *. Авторъ этой статьи, поучая насъ, впадаетъ въ самыя наивныя ошибки. Довольно указать на нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы дать понятіе о прочемъ.

Вотъ, напримѣръ, опредѣленіе организма.

«Съ словомъ организмъ, поворитъ г. Т., въ естественныхъ наукахъ соединяютъ понятіе о системѣ частей, имѣющихъ извѣстныя отправленія и составляющихъ одно цѣлое, *носящее причину своего существованія* и своей дѣятельности *въ самомъ себѣ*.»

Какой же это организмъ *носитъ причину своею существованія въ себѣ самомъ?* Вѣдь это значитъ, говоря другими словами, что организмъ самъ собою происходитъ, самъ собою рождается. А такихъ организмовъ мы еще пока не знаемъ. На основаніи какихъ же фактовъ сдѣлано это опредѣленіе?... Вопросъ *о произвольномъ зарожденіи* (generatio spontanea) еще не рѣшенъ наукой, да еслибъ и былъ когда-нибудь рѣшенъ, то и тогда бы опредѣленіе г. Т. не выражало понятія объ организмѣ, потому что и тогда *причина существованія* послѣднято все-таки заключалась бы *не въ немъ одномъ*, а и въ тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, при которыхъ безформенная (аморфная) матерія могла бы принять первоначальную органическую форму.

---

* «Зоологія въ примѣненіи къ вопросу о женскомъ трудѣ».

Digitized by Google

Теперь не угодно ли взглянуть на глубину историческихъ свѣдѣній г. Т.

Онъ приписываетъ пишущему эти строки «проектъ о сооруженіи новаго царства человѣческаго», то-есть, выдѣленіе человѣка въ особое царство природы. Да будетъ извѣстно г. Т., что вопросъ о человѣческомъ царствѣ, какъ *о четвертомъ* царствѣ природы, имѣетъ цѣлую исторію, начало которой восходитъ до глубокой древности. Да будетъ ему также извѣстно, что въ новѣйшее время этимъ вопросомъ занимались многіе натуралисты, изъ которыхъ можемъ особенно указать, кромѣ Добантона, на Этьенна Жоффруа Сентъ-Илера, который *еще въ 1794 г.* произнесъ въ Музеумѣ натуральной исторіи Discours sur l'homme tendant à prouver qu'il *ne doit* être compris dans *aucune* classe d'animaux, и на его сына Исидора, который въ своей Histoire naturelle générale des règnes organiques прямо выдѣляетъ человѣка въ особое царство.

Не менѣе силенъ г. Т. и въ наукѣ о воспитаніи.

Онъ, напримѣръ, подсмѣивается надъ высказанною нами въ одномъ журналѣ мыслью, что женщинамъ (какъ матерямъ и воспитательницамъ) необходимо знаніе физіологіи, гигіены... Удивляемся, какъ можно въ настоящее время трунить надъ такимъ требованіемъ! Вѣдь въ наше время задача воспитанія сводится *на сохраненіе физическаго и нравственнаго здоровья дѣтей*: какъ же сохранить это здоровье, не зная законовъ здороваго организма, не имѣя понятія объ условіяхъ его правильнаго резвитія? Вотъ такими-то наивными ошибками наполнена вся статья г. Т.

А. Пальховскій.

Digitized by Google

ОБЪЯСНЕНІЕ.

—

Статья автора Объ употребленіи горячаго вина въ Россіи вызвала замѣчанія г. Н. С — каго и мое письмо. Въ № 91 «Промышленнаго листка» помѣщено возраженіе автора на мои замѣчанія. Врагъ всякой безплодной полемики и празднаго литературнаго ратоборства, я бы никогда не выступилъ въ защиту себя и всѣхъ нападающихъ на откупа, но послѣднія слова автора, въ которыхъ онъ обвиняетъ *молодыхъ учителей* въ безнравственности, въ желаніи проповѣдывать распространеніе потребленія горячаго вина въ Россіи и соединенныхъ съ нимъ соблазна и разврата, заставляютъ меня объясниться съ тѣмъ въ немногихъ словахъ. Прежде всего я исполняю долгъ вѣжливости, и извиняюсь передъ мужемъ, *42 года занимающимся политической экономіей*, что не призналъ въ немъ противника откуповъ. Но не я одинъ, кажется, въ этомъ ошибся, а всѣ читатели и бо́льшая часть журналовъ. Вольно же послѣ 42-лѣтняго занятія финансами и политическою экономіей писать такъ темно и запутанно. Если всѣ проекты автора пишутся такъ же темно, то много еще придется ему имѣть на своемъ вѣку противниковъ. Но въ этомъ еще не велика бѣда. Одному дается талантъ писать—другаго Богъ обижаетъ. Дѣло въ томъ, неужели послѣ 42-лѣтняго занятія политическою экономіей, вы пришли къ тому убѣжденію, что только возвышеніемъ цѣны на горячее вино, и возвышеніемъ, простирающимся до того, что нашъ бѣдный мужикъ при цѣнѣ 6 рубл. за ведро, долженъ продать двѣ четверти почти хлѣба, чтобы купить $^1/_7$ часть этой же четверти, можно предотвратить пьянство? Тутъ я по-

Digitized by Google

зволю себѣ уже оставить въ сторонѣ всякую вѣжливость, и обращаюсь прямо съ вопросомъ къ старому грѣшнику, 42 года занимавшемуся политическою экономіей. Неужели въ эти 42 года вы пришли къ тому убѣжденію, что только высокій акцизъ, ограниченіе продажи и казенная монополія могутъ уменьшить потребленіе горячаго вина и предотвратить, если не совсѣмъ уничтожить позорный порокъ пьянства? И вы ссылаетесь еще на Англію. Оставьте въ сторонѣ эту классическую страну здраваго финансоваго управленія, подарившую цѣлый міръ первымъ классическимъ экономическимъ твореніемъ. Англія много перепробовала системъ акциза на вино, много думала о предотвращеніи и ограниченіи пьянства, но ея лучшіе публичные органы и государственные люди пришли къ инымъ результатамъ. Вамъ это должно быть извѣстно, когда вы 42 года занимались политической экономіей, но позвольте же вамъ все-таки напомнить нѣсколько фактовъ. Еще въ 1736 году изданъ былъ законъ въ Англіи, которымъ предполагалось не только уменьшить порокъ неумѣреннаго употребленія джина, но совершенно искоренить его. Кромѣ высокой пошлины за право мелочной продажи джина, закономъ возвышенъ былъ акцизъ на джинъ до 20 шиллинговъ на галлонъ. Приняты были мѣры самыя строгія, за малѣйшее корчемство назначена была пеня во 100 ф. ст. И чтоже? Въ это самое время, не смотря на наказанія, на заключеніе и денежные штрафы, корчемство усилилось страшно, и до 7 милліоновъ галлоновъ джина продавалось ежегодно въ Лондонѣ. Такъ что высокій запретительный акцизъ должно было уничтожить, что и было сдѣлано въ 1742 году, когда прежнее запрещеніе и высокій акцизъ замѣнили акцизомъ умѣреннымъ.

Но вотъ еще одинъ примѣръ гораздо важнѣе. Его вы найдете въ № 783 Economist за нынѣшній годъ, въ статьѣ Whisky drinking in Scotland. Въ 1854 году возвысили акцизъ на водку, и чтоже? Не смотря на возвышеніе цѣны водки съ 6 шилл. 6 пен. за галлонъ на 11 шилл. 2 пен., потребленіе въ 1857 и 1858 годахъ увеличилось сравнительно съ потребленіемъ 1851 и 1852 гг. на 146,687 галлоновъ, а шотландское народонаселеніе переплатило въ послѣдніе два года вмѣсто 4,494,274 ф. стерл. 8,919,508 ф. стерл за водку. Чтоже на это сказать?

Digitized by Google

Economist говоритъ, что forbidden fruit is sweet, то-есть, что запрещенный плодъ сладокъ.

Чтоже такъ оскорбило въ моемъ письмѣ ваше нравственное чувство? Что могло васъ заставить сказать, что я и подобные мнѣ *молодые учители проповѣдуемъ безнравственность?* Не то ли, что я говорю на 528-й стр. о томъ, какъ распространеніе другаго напитка, вовсе не вреднаго, но здороваго, именно пива, можетъ ограничить потребленіе вреднаго для здоровья горячаго вина, особенно откупнаго? Не то ли, что я сожалѣю, зачѣмъ, благодаря откупу, ограничено у насъ производство пива, — откупу, который наложилъ свою руку на пиво, квасъ, медъ, лакъ и политуру; не то ли, что я сожалѣю о бѣдномъ мужикѣ, который на деньги, кровныя деньги, содранныя съ него откупомъ, могъ бы купить лошадь или исправить хозяйство? Васъ оскорбило, что я осмѣлился на минуту увлечься фантазіей, и представить себѣ нашего труженика и кормильца-крестьянина за сытнымъ обѣдомъ съ чаркой вина. За это минутное увлеченіе, за эту минутную грезу, — а они и безъ того такъ рѣдки, — вы швырнули въ меня такъ неблагородно грязью и въ моемъ лицѣ оскорбили цѣлое молодое поколѣніе. И вы могли серьёзно подумать, что я вѣрю въ возможность ежедневной чарки водки для подкрѣпленія силъ нашего мужика, измокшаго, измученнаго работой, когда онъ и мяса даже не знаетъ, кромѣ какъ развѣ на Рождествѣ, да на Святой Недѣлѣ? И за желаніе этой чарки, при которой, повторяю я опять, во всякомъ случаѣ труднѣе предположить пьянство, вы меня назвали проповѣдникомъ разврата? Въ такіе годы, и особенно послѣ 42-лѣтняго занятія политической экономіей, такое увлеченіе непростительно.

Кто пьянствуетъ, спрашиваю я васъ, вездѣ, не только что у насъ, но вездѣ, въ цѣлой Европѣ? Бѣднякъ, пролетарій, сословія угнетенныя, трудящіяся, лишенныя радостей и утѣхъ въ мірѣ. Они ищутъ случая забыться въ чаду одуряющаго ихъ напитка; они грубы, дики, необразованны, они не видятъ исхода изъ своего безвыходнаго положенія, и вотъ они идутъ себѣ искать утѣхи, — англійскій пролетарій въ громадные gin-palaces, магазины, гдѣ продается джинъ и водка, а нашъ бѣднягa идетъ въ кабакъ. Крестьянинъ зажиточный, домовитый всегда рѣже подвер-

Digitized by Google

женъ этому пороку, чѣмъ бѣдняки: послушайте, что говоритъ по поводу того же самаго Либихъ въ своихъ письмахъ: «Нерѣдко приписываютъ чрезмѣрно распространяющемуся употребленію горячаго вина бѣдность и нищету — это мнѣніе ошибочное. Употребленіе горячаго вина вовсе не причина, но слѣдствіе бѣдности, и человѣкъ, который имѣетъ возможность хорошо ѣсть, и который тѣмъ не менѣе становится пьяницей — составляетъ исключеніе.»

Неужели же, *занимаясь 42 года политической экономіей*, вы не пришли къ тому убѣжденію, что не стѣсненіемъ продажи, не монополіей, не возвышеніемъ цѣнъ на извѣстные предметы потребленія, вредно дѣйствующіе на народное здоровье, искорените вы такое ложное направленіе народнаго потребленія, а средствами иными, улучшеніемъ народнаго быта, народнымъ образованіемъ, свободой и удаленіемъ всякаго произвола, отъ котораго и бѣднѣетъ народъ, и пьянствуетъ.

Но довольно объ этомъ. Я заранѣе объявляю вамъ, что въ этомъ вопросѣ, ни съ вами и ни съ кѣмъ другимъ, не стану ломать литературныхъ копій. Общественное мнѣніе и сочувствіе рѣшило уже, кажется, на чьей сторонѣ болѣе правды—на сторонѣ ли *молодыхъ учителей, проповѣдующихъ безнравственность*, или на сторонѣ старыхъ прожектеровъ *42 года занимающихся политической экономіей*, изъ-за угла кидающихъ камнемъ въ молодое поколѣніе, отстаивающихъ учрежденія, въ смыслъ которыхъ всѣ давно уже потеряли вѣру. А припомните былые годы. И вы были молоды, и вы мечтали о народномъ благѣ, и вы многое порицали, и вы хотѣли многое измѣнить, и вы, однимъ словомъ, жили—а теперь? Старъ сталъ, слабъ сталъ, виноватъ тѣмъ сталъ, придется вамъ сказать, какъ говоритъ нашъ крестьянинъ, — ну и Богъ съ вами.

А какъ отрадно встрѣтить намъ, молодому поколѣнію, старца, украшеннаго сѣдинами, но сохранившаго въ себѣ весь благородный жаръ молодости, умѣряемый только жизненной мудростью. Съ жадностью прислушивается къ рѣчамъ его молодежь и черпаетъ новыя поученія въ его наполненныхъ житейской опытности, но проникнутыхъ любовью ко всему благородному и свѣжему, словахъ. И у насъ есть, слава Богу, такіе люди, и вамъ они, можетъ-быть, знакомы, или были знакомы; но они не

Digitized by Google

преслѣдуютъ молодыхъ увлеченій, а смотрятъ съ любовью на преемниковъ своихъ, на молодое поколѣніе, завѣщая ему свое драгоцѣнное умственное наслѣдіе, и не называютъ людей, смѣло бросающихъ перчатку лжи, угнетенію и подлой лести, *молодыми учителями, проповѣдующими развратъ*. А вы?

Ну и напишешь: властямъ непокорны;
Этимъ, братъ, всякаго можно унять.

И. Бабстъ.

Digitized by Google

ПОПРАВКИ.

Въ № 44 «Атенея».

На стран.	*Вмѣсто:*	*Напечатано:*
35	состоитъ не въ безпредѣльной	состоитъ въ безпредѣльной
36	предметовъ потребленія	предметовъ истребленія
38	передовые всѣ народы	передовые всего народа

Въ № 45.

83	Но и здѣсь соперничаетъ	Но и здѣсь соперничаютъ

Digitized by Google

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. М. ЩЕПКИНА И К°,

Коммиссіонера Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Министерства Государственныхъ Имуществъ,

на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина,

ПРОДАЮТСЯ ВНОВЬ ВЫШЕДШІЯ:

ОПЫТЫ ПО ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА. Б. Чичерина. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858 г. Ц. 1 р. Съ пересылкою 1 р. 50 к.

ОЧЕРКИ АНГЛІИ И ФРАНЦІИ. Б. Чичерина. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858 г. Ц. 1 р. Съ пересылкою 1 р. 50 к.

ЛИСТКИ БАРОНА БРАМБЕУСА. Спб. 1858 г. 2 части. Ц. 2 р.; съ пересылкою 2 р. 50 к. сер.

СТИХОТВОРЕНІЯ М. РОЗЕНГЕЙМА. Спб. 1858 г. Ц. 1 р. 50 к.; съ пересылкою 2 р. сер.

СЛОВАРЬ НОВЫЙ (ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ЧЕТЫРЕХЪ ЯЗЫКОВЪ), составленный Рейфомъ. Часть французская. Изданіе 3-е. Карлсруе. 1858 г. Ц. 2. р. 50 к. съ пересылк. 3 р.

ПИСЬМО СЕЛА НИКОЛЬСКАГО СТАРОСТЫ КУЗЬМЫ ФЕДОРОВА НѢТУХОВА къ помѣщику своему Ивану Петровичу Бѣлкину о бывшей въ селѣ Никольскомъ мірской сходкѣ на счетъ улучшенія крестьянскаго бытья. Написано для простаго народа, чтобы уразумѣли всѣ какая для крѣпостныхъ людей перемѣна будетъ. М. 1858 г. Ц. 15 к. Съ пересылкою 40 к. сер.

УКАЗАТЕЛЬ ДОСТОПАМЯТНОСТЕЙ ГОРОДА ПСКОВА, составленный инспекторомъ псковской семинаріи А. Князевымъ. М. 1858 г. Ц. 50 к. Съ пересылкою 80 к. сер.

ДМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ. Драма. Соч. Н. Полозова. М. 1858 г. Ц. 1 р. 50 к. Съ пересылкою 1 р. 80 к. сер.

ОПЫТЫ РУССКО-КАВКАЗСКОЙ ФЛОРЫ въ примѣненіи къ сельскому хозяйству и домашнему быту. Составленъ А. Оверинымъ и Н. Ситовскимъ. Ливрезонъ IV-й. Тифлисъ 1858 г. Ц. 1-му тому, состоящему изъ 6-ти ливрезоновъ, 4 р. сер.; съ пересылкою 5 р. 50 к. сер. Вмѣстѣ съ вышедшими ливрезонами выдается билетъ на полученіе послѣдующихъ выпусковъ.

Digitized by Google

ИСТОРІЯ РОССІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ. Сочиненіе С. Соловьева. Томъ V. Изданіе 2-е. М. 1858 г. Ц. 2 р. Съ пересылкою 2 р. 50 к. сер.

ИСТОРІЯ РОССІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ. Сочиненіе С. Соловьева. Томъ VIII-й. М. 1858 г. Ц. 2 р. Съ пересылкою. 2 р. 50 к. сер.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА, VII-й дополнительный томъ. Изданіе П. В. Анненкова. С.П.Б. 1857 года. Цѣна 1 р. Съ пересылкою 1 р. 50 коп.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ СТАНКЕВИЧЪ. Переписка его и біографія, написанная П. В. Анненковымъ, съ портретомъ Станкевича. М. 1857 г Ц. 1 р. 50 к. Съ пересылк. 2 р. сер.

МАГАЗИНЪ ЗЕМЛЕВѢДѢНІЯ и ПУТЕШЕСТВІЙ. Географическій сборникъ Н. Фролова. Томъ V-й, съ картой и 4-мя рисунками. М. 1858 г. Цѣна 3 р. Съ пересылкою 3 р. 75 коп.

СОЧИНЕНІЯ И ПИСЬМА СВЯТОГОРЦА, собранныя послѣ его смерти. С.П.Б. 1858 г. Цѣна 2 р. Съ пересылкою 2 р. 50 коп.

ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ. Эрнста Курціуса. Переводъ съ нѣмецкаго. I-го тома I-е отдѣленіе. (Изданіе Попова). М. 1858 г. Ц. 1 р. Съ пересылкою 1 р. 40 коп.

СМЫШЛЕНОСТЬ ЖИВОТНЫХЪ. Соч. С. Жолкевича. С.П.Б. 1858 г., съ 43-мя политипажами въ текстѣ. Цѣна 60 к. Съ пересылкою 85 коп.

КОШЕЛЕКЪ, ПОДЕНЬЩИНА И ПУСТОМЕЛЯ. Сатирическіе журналы 1760, 1770 и 1774 годовъ. Изданіе А. Аѳанасьева. М. 1858 года. Цѣна 1 р. Съ пересылкою 1 р. 50 коп.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ ШЕКСПИРА. Переводъ съ англійскаго Н. Кетчера, выправленный и пополненный по найденному Пэнъ-Колльеромъ старому экземпляру in folio 1632 г.

ЧАСТЬ 5-я. Тимонъ Аѳинскій.

Два Веронца.

Юлій Цезарь.

Антоній и Клеопатра.

Изданіе Солдатенкова и Н. Щепкина М. 1858 г. Цѣна каждой части 1 р. Съ пересылк. 1 р. 50 к. сер.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

О БІОГРАФИЧЕСКОМЪ И УГОЛОВНОМЪ ЭЛЕМЕНТѢ ВЪ ИСТОРІИ. . . . . Н. А. ПОПОВА.
НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ГИМНАЗІЯХЪ. . . А. Н. РОБЕРА.
ПИСЬМА ИЗЪ БЕРЛИНА. . . . . Н. П. БУЛИЧА.
ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА, ВЪ НАЧАЛѢ XVII СТОЛѢТІЯ. . . . . (Изъ Ausland).
ЗАМѢТКА. . . . . А. М. ПАЛЬХОВСКАГО.
ОБЪЯСНЕНІЕ. . . . . И. К. БАБСТА.

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,

и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атенея*, при книжномъ магазинѣ Н. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, *десять* рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. съ полтиною*.

Печатать дозволяется. Ноября 15-го, 1858 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе*.

Digitized by Google

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 47.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К°

1858.

Digitized by Google

Digitized by Google

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ ФОНЪ-ВИЗИНА,

изданныя П. Перевлѣсскимъ. Спб. 1858.

—

Въ 1768 году, во время пребыванія своего въ Парижѣ, датскій король Христіанъ VII посѣтилъ академію наукъ. Засѣданіе, происходившее 3-го декабря, открыто было рѣчью Даламбера. Обращаясь къ высокому посѣтителю, философъ говорилъ о философіи. Вотъ существенный смыслъ его словъ: «Философія, избѣгая блеска и парада, имѣетъ полное право на уваженіе людей, какъ ихъ просвѣтительница. Простота и скромность запрещаютъ ей цѣнить самоё себя: пусть эту услугу окажутъ ей или, вѣрнѣе, цѣлому свѣту властители народовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что разумъ, не смотря на всѣ препятствія, восторжествуетъ рано или поздно: обязанность царственнаго покровительства — ускорить моментъ торжества. Величайшее счастіе народа состоитъ въ томъ, чтобы тѣ, которые имъ управляютъ, пребывали въ согласіи съ тѣми, которые его просвѣщаютъ.» Присутствовавшій въ академическомъ собраніи инфантъ Фердинандъ, герцогъ пармскій, ученикъ Кондильяка, такъ восхитился рѣчью Даламбера, что написалъ къ нему слѣдующее письмо: «Истины, выраженныя вами, должны служить правилами для царей: я запечатлѣлъ ихъ въ душѣ моей. Рѣчь ваша тѣмъ болѣе доставила мнѣ удовольствія, что я нахожу въ ней чувства человѣколюбія, съ дѣтства мнѣ внушенныя. Знаю, какъ сильно просвѣщеніе содѣйствуетъ благу народовъ, направляя поведеніе государя. Знаю также, что уваженіе людей, просвѣ-

Digitized by Google

щающихъ народъ, способно облегчить всѣ правительственныя заботы» [1]).

Черезъ два года послѣ того парижская академія наукъ принимала у себя другаго посѣтителя — шведскаго короля Густава III. Его привѣтствовалъ тоже Даламберъ, въ частномъ академическомъ собраніи, 6-го марта 1771 года. Предметомъ рѣчи снова служила философія. Коснувшись того мнѣнія, что наука и литература не пользуются надлежащимъ ободреніемъ, онъ прибавилъ, что не вполнѣ раздѣляетъ его: ибо современный вѣкъ свидѣтельствуетъ противное. Впрочемъ, говоритъ онъ, еслибъ и дѣйствительно такъ было, нѣтъ причины огорчаться этимъ. Удѣлъ властителя — управлять людьми посредствомъ законовъ; удѣлъ философа — дѣйствовать на нихъ просвѣщеніемъ. Здѣсь разумѣется философія столько же свободная, сколько и скромная, мужественная и мудрая, твердая и приличная, которая, открывая людямъ полезныя истины, испытываетъ многія бѣдствія, примѣры чего видимъ въ Сократѣ, Баконѣ, Галилеѣ и другихъ. Философъ долженъ помнить, что если интересъ истины заключается въ томъ, чтобы озарять людей свѣтомъ, то интересъ враговъ истины въ томъ, чтобы препятствовать свѣту; что невѣжество любитъ тьму для вѣрнѣйшаго нанесенія ударовъ, тогда какъ разумъ, гордый собственною силой, ищетъ опоры въ самомъ себѣ, пренебрегая внѣшнею поддержкою. Разумъ, непризнанный и гонимый, долженъ знать, что гоненіе есть своего рода почетъ, ему воздаваемый, тайное признаніе его могущества, свидѣтельство боязни, которую испытываютъ злые при видѣ добра, творимаго людямъ. За тѣмъ, имѣя въ виду отношеніе высшей власти къ философіи въ своемъ отечествѣ, Даламберъ продолжаетъ: «но кромѣ внутренняго утѣшенія, существуетъ для насъ и другое — справедливость, воздаваемая философіи чужеземными народами, чуждыми личныхъ или малодушныхъ разсчетовъ, предубѣжденій, ненависти. Свѣтъ умственный походитъ на свѣтъ физическій: видимый вблизи, онъ ослѣпляетъ и поражаетъ; чтобы не безпокоилъ онъ органъ зрѣнія, нужно удалиться отъ него на извѣстное разстояніе [2]).

[1]) Histoire de l'Académie royale des sciences. Годъ 1768.
[2]) Ibid. Годъ 1771.

Digitized by Google

Когда тотъ же шведскій король, подъ именемъ графа Готландскаго, въ 1777 году прибылъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ императрицею Екатериною по случаю приготовляемыхъ ею морскихъ вооруженій, онъ, осматривая воспитательныя заведенія, посѣтилъ и обѣ академіи — художествъ и наукъ. Торжественное засѣданіе послѣдней по этому поводу происходило 23-го іюня. Директоръ академіи, Домашневъ, произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь, «коей содержаніе (какъ сказано въ тогдашнихъ вѣдомостяхъ) есть *доказательство философическаго титла, каковымъ вѣкъ нашъ славится*» *. «Эпоха наша—такъ началъ онъ рѣчь свою—почтена прекраснымъ названіемъ философской не потому, чтобы многіе имѣли право на имя философа, или, чтобъ увеличилось количество познаній, а потому, что *философическій духъ* сдѣлался духомъ времени, священнымъ началомъ законовъ и нравовъ: онъ освятилъ правосудіе человѣколюбіемъ, обычаи чувствомъ; онъ легъ въ основаніе двухъ важнѣйшихъ предметовъ — законодательства и нравственности.» Разумъ явился важнѣйшимъ руководителемъ дѣйствій. Такъ какъ онъ требуетъ просвѣщенія, то исходомъ и концомъ всѣхъ государственныхъ предпріятій служило просвѣщеніе народа. Когда въ Стокгольмѣ воздвигнутъ былъ Декарту памятникъ, котораго онъ долго и напрасно ожидалъ отъ Франціи, парижская академія наукъ благодарила Густава III за почесть, оказанную знаменитому философу. Въ отвѣтѣ своемъ (26-го іюня 1768 года), Густавъ, между прочимъ, написалъ: «Le plus sûr moyen de rendre les hommes meilleurs et plus heureux est de les éclairer, et le premier devoir des princes est d'honorer les lettres et ceux qui les cultivent.» Домашневъ, какъ бы воспоминая эти слова, обращаетъ ихъ въ совѣтъ правительству: «Владыки народовъ, разливайте свѣтъ наукъ! отъ общенія съ ними всѣ выигрываютъ — и дающій, и принимающій. Проигрываютъ только фанатизмъ и заблужденіе.» Просвѣщеніе, въ духѣ философскаго времени, направляетъ умъ къ истинѣ и чувство къ чести,

* Санктпетербургскія Вѣдомости 1777 г., № 51. Рѣчь Домашнева, напечатанная отдѣльно, помѣщена также, вмѣстѣ съ описаніемъ академическаго засѣданія, въ Актахъ академіи (Acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae, pro anno 1777, ч. I, стр. 12 — 20.)

Digitized by Google

внушаетъ любовь къ добродѣтели и уваженіе къ законамъ. Оно необходимо приводитъ къ общему благоденствію, которое не можетъ существовать безъ истины, правосудія и человѣколюбія. Такъ разсуждалъ Домашневъ въ другой своей рѣчи, 1776 декабря 29, по случаю пятидесятилѣтняго юбилея академіи наукъ: «Объ обязанности, которую имѣютъ ученыя общества присоединять къ физическимъ наблюденіямъ и нравственныя, коихъ важность указана новѣйшимъ періодомъ исторіи россійской.» Замѣчательно, что мысли, высказанныя директоромъ академіи наукъ, обращались не въ одной средѣ высшей ученой корпораціи: онѣ были повсюдными и, такъ-сказать, обиходными; ихъ слушали и академики, и воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній. Клеркъ, или впослѣдствіи Леклеркъ, извѣстный авторъ Русской Исторіи, при началѣ своего курса физики, натуральной исторіи и химіи произнесъ, на французскомъ языкѣ, рѣчь кадетамъ, переведенную Сулимой, 1773 г., подъ названіемъ: «Философическія разсужденія о воспитаніи, какову должно быть для произведенія желаемыхъ плодовъ». Въ этой рѣчи современная эпоха также называется «философическою»; также говорится, что «единое только владычество здраваго разсудка есть всѣхъ сильнѣе, славнѣе и неподвержимое перемѣнамъ человѣческимъ».

Въ философскомъ вѣкѣ, разумѣется, философія и ея служители пользовались особеннымъ уваженіемъ людей одномыслящихъ, между которыми находились многія владѣтельныя особы и ихъ министры. Если прежде, говоритъ Домашневъ передъ лицомъ шведскаго короля, цари призывали къ себѣ философовъ, то въ наше время цари считаютъ честью принадлежать къ философамъ. И дѣйствительно, явились «монархи-философы», которые не только усвоили философскія начала, но и старались осуществить ихъ въ законахъ и учрежденіяхъ. По поводу сочиненія ландграфа гессенскаго: «Catéschisme des souverains», преподающаго уроки истины, правосудія и человѣколюбія, Вольтеръ въ письмѣ къ нему, 18-го мая 1776 года, замѣчаетъ, что современная эпоха останется навсегда знаменитою ради успѣха нравственныхъ знаній, которыя произнесены людямъ съ высоты троновъ и которыми вдохновлялось правительство. Фридрихъ Великій, этотъ «вѣнчанный фило-

Digitized by Google

софъ», называлъ себя ученикомъ Вольтера, приписывая ему и личное вліяніе на самого себя, и общее вліяніе на Европу. Смотрите на мои дѣйствія, какъ на плодъ вашихъ уроковъ, писалъ онъ ему въ 1776 — 77; вы болѣе другихъ современниковъ способствовали къ освѣщенію Европы свѣточемъ философіи. Переписка между ними началась еще съ 1736 г., когда Фридрихъ Великій былъ наслѣднымъ принцемъ. Императрица Екатерина II, въ одномъ письмѣ къ доктору Циммерману, говоритъ, что въ 1740 году головы, даже менѣе всего философскія, хотѣли быть философами [1]). Она сама начала знакомиться съ сочиненіями Вольтера, имѣя только семнадцать лѣтъ отъ роду. Княгиня Дашкова, въ Запискахъ своихъ, показываетъ, что любимыми ея авторами были: Бель, Монтескье, Буало и Вольтеръ, и что она два раза читала книгу Гельвеція: О разумѣ [2]). Изъ другихъ лицъ, извѣстныхъ приверженностью къ философіи и сношеніями съ писателями XVIII вѣка, назовемъ Густава III, учредившаго, въ день коронованія своего, въ награду и отличіе талантовъ, орденъ Вазы и постановившаго однимъ пунктомъ орденскаго статута, что наслѣдный принцъ не можетъ быть коронованъ прежде полученія имъ этого ордена; Христіана VII, короля датскаго и министра его Струэнзе; Станислава Лещинскаго, получившаго наименованіе «благотворительный», о которомъ Вольтеръ писалъ Екатеринѣ: il est philosophe, il est tolérant par principe; Понятовскаго, короля польскаго; принца прусскаго Генриха, брата Фридриха Великаго; Фридриха ландграфа гессенъ-кассельскаго; палатина Карла-Теодора. — Между тѣмъ какъ Людовикъ XV не любилъ ни философіи, ни философовъ, и какъ то и другое преслѣдовалось его правительствомъ, сѣверныя державы открывали имъ свободный къ себѣ доступъ, интересовались ихъ ученьемъ, чтили ихъ перепиской, подарками и самыми лестными предложеніями. Этимъ объясняется знаменитый стихъ: C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière. Даламберъ, увѣдомляя Вольтера объ отказѣ своемъ быть воспитателемъ наслѣдника престола, Павла Петровича, прибавляетъ: «Il faut que

[1]) Сочин. Императрицы Екатерины II, изд. Смирдина, т. III, стр. 448.
[2]) См. извлеченіе изъ этихъ Записокъ въ Москвитянинѣ, 1842, № 1.

Digitized by Google

toute l'Europe sache que la verité, persecutée par les bourgeois de Paris, trouve un asile chez les souverains qui auraient dû l'y venir cherher; et que la lumière chassée par le vent du midi, est prête de se réfugier dans le Nord de l'Europe, pour venir ensuite refluer de là contre ses persecuteurs, soit en les éclairant, soit en les écrasant *. Сюда же относятся слѣдующія два мѣста изъ писемъ Вольтера къ Даламберу, 12-го февраля 1763 и 16-го іюля 1764: «Ne remarquez-vous pas que les grands exemples et les grands leçons nous viennent du Nord? . . Les souverains de la Zone glaciale donneront un grand exemple aux princes des Zones tempérées, et Fontenelle eût dit à Cathérine qu'elle est destinée à être *l'aurore boréale de l'Europe*. Впрочемъ, и южныя страны, не смотря на свое коснѣніе, не остались чужды сильному движенію мысли, по крайней мѣрѣ въ высшихъ своихъ сферахъ — правительственной и ученой. Въ Испаніи Кампоманесъ, министръ Карла IV, въ Португалліи Помбаль, въ Неаполѣ Маркизъ Тануччи, потомъ Петръ Леопольдъ Тосканскій, корсиканскій генералъ Паоли, приглашавшій Ж. Ж. Руссо для совѣта въ своихъ преобразованіяхъ, публицисты: Беккарія и Филанджіери, и многіе другіе раздѣляли съ монархами и правителями Сѣвера убѣжденіе, что философія, возбуждая и питая любовь къ человѣчеству, должна предписывать обязанности властителямъ и руководить народы на ихъ пути къ благоденствію.

Это философское направленіе эпохи должно постоянно оставаться на виду у исторіи русской словесности Екатерининa вѣка, желающей опредѣлить дѣятельность того или другаго литератора. Всѣ тогдашніе писатели болѣе или менѣе заплатили дань духу времени. Не столько прямо, то-есть вѣрнымъ изображеніемъ фактовъ общественной жизни, сколько непрямо, то-есть представленіемъ духовнаго настроенія образованнаго класса общества, раскрываютъ они свои понятія и убѣжденія. Сама Императрица подаетъ блистательный тому примѣръ «Наказомъ», законодательнымъ памятникомъ, смотрящимъ на разныя отношенія и условія гражданскаго быта подъ современ-

* Письмо отъ 2-го октября 1762 г. Письма къ Даламберу Императрицы Екатерины II, приглашавшей его въ воспитатели Павла Петровича, помѣщены въ его Oeuvres posthumes, 2 части.

Digitized by Google

нымъ угломъ зрѣнія. Около него группируются или, лучше сказать, къ нему примыкаютъ литературныя произведенія, связанныя и между собою, и съ Наказомъ единствомъ основныхъ воззрѣній. По отношенію къ принципамъ не было разъединенія между авторами, при всей разностепенности ихъ талантовъ и при всей разнохарактерности литературныхъ формъ. Но что̀ еще важнѣе и благотворнѣе — не было разномыслія между средой литературной и средой правительственной. Наоборотъ, первая дружно дѣйствовала съ послѣднею и патріотически содѣйствовала ей. Литераторъ имѣлъ счастіе гордиться даннымъ ему правомъ быть посредникомъ между великодушными намѣреніями высшей власти и его согражданами, о благоденствіи которыхъ власть заботилась. Съ одной стороны онъ разъяснялъ публикѣ сущность устроительныхъ плановъ, съ другой — отдавалъ на публичный судъ свои просвѣщенныя мнѣнія, которыми могли пользоваться и создатели плановъ, по крайней мѣрѣ благодарно и одобрительно принимая ихъ къ свѣдѣнію. Фонъ-Визинъ ясно понималъ такое высокоблагородное назначеніе литературы, произнося, отъ имени Стародума, слѣдующія слова: «Я думаю, что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ Россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ-сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободой, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованьемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть иногда полезнымъ совѣтователемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества» *. Въ этомъ смыслѣ понимаемое дѣло литератора есть вмѣстѣ и гражданскій подвигъ; сочиненіе становится патріотической заслугой. И дѣйствительно, справедливость требуетъ признать подобную заслугу за нашей литературой. Начиная съ Петра, она бодро и неуклонно слѣдовала за правительствомъ, которое шло впереди народа съ просвѣтительнымъ началомъ, какъ вожатый умственнаго движенія, гражданственнаго успѣха. Она, говоря словами Стародума, возвышала громкій голосъ противъ зло-

* Сочиненія фонъ-Визина, изданіе 3-е Смирдина, 1852 г., стр. 546 — 547.

Digitized by Google

употребленій и предразсудковъ, въ пользу блага и разума; она была патріотическою, честною гласностью. А если нельзя ей было такъ дѣйствовать, она не дѣйствовала никакъ: она обрекала себя молчанію. И это честное молчаніе исторія запишетъ на своихъ страницахъ на ряду съ тѣмъ нечестнымъ говоромъ, въ которомъ, какъ бы по особенной благости судьбы, отсутствіе нравственнаго достоинства всегда соединялось съ крайнимъ недостаткомъ литературнаго таланта.

Сочиненія фонъ-Визина служатъ яснымъ свидѣтельствомъ той высоты, на которую можетъ вознестись литература при вышеуказанномъ внутреннемъ согласіи двухъ сферъ, при отсутствіи вреднаго между ними разрыва, не открытаго (чего и быть не можетъ), но затаеннаго, которое возможно. Отношеніе его произведеній къ характеру эпохи, къ современному обществу обнаруживается именно въ томъ, что̀ общество представляло основнаго и существеннаго. Они имѣютъ предметомъ не внѣшнее его состояніе, а внутренній его смыслъ. Они разсуждаютъ не о матеріальномъ могуществѣ Россіи, не о политическомъ ея значеніи, не о славѣ побѣдъ и завоеваній, не о блескѣ и пышности торжественныхъ празднествъ, а объ задачахъ и успѣхахъ внутренняго устройства, о дѣлахъ гражданственности. И въ этомъ кругу гражданскихъ интересовъ они обращаютъ вниманіе не на фактическую только сторону, но на смыслъ и основаніе фактовъ. Они касаются коренныхъ идей, управлявшихъ текущею дѣйствительностью. Характеръ литературной дѣятельности фонъ-Визина можетъ обозначиться такою формулой: «просвѣщенное соотвѣтствіе умственному движенію эпохи, разумносознательное выраженіе основныхъ началъ современнаго ему гражданскаго устройства Россіи».

Если, по словамъ Густава Ш, вѣрнѣйшее средство нравственно возвысить людей и сдѣлать ихъ счастливыми заключается въ просвѣщеніи, то само собою разумѣется, что главное вниманіе правительства долженствовало обратиться на воспитаніе, какъ на самое дѣйствительное средство не только образованія, но и преобразованія народнаго. Императрица Екатерина въ этомъ пунктѣ, равно какъ и во многихъ другихъ, слѣдуетъ разсужденіямъ Монтескье и Беккаріи. Въ «Духѣ законовъ» (книга IV, глава 1) сказано: les lois de l'éducation

Digitized by Google

sont les premiers que nous recevons; elles nous préparent à être citoyens. Беккарія, въ сочиненіи своемъ: «О преступленіяхъ и наказаніяхъ», говоритъ, что воспитаніе есть вѣрнѣйшее, хотя въ то же время и труднѣйшее средство отвратить людей отъ преступленій (глава 41-я: средства предупреждать преступленія). Наказъ заимствуетъ то и другое: «правила воспитанія суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами (§ 347); самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія» (§ 248). Существенная идея современной философіи, по которой требовалось многосложныя и традиціонныя постановленія, управлявшія обществомъ, замѣнить простыми, здравыми правилами, извлеченными изъ природы и разума, легла въ основаніе и новой педагогической системы. Отсюда необходимыя качества послѣдней — естественность и раціональность. Авторитетами въ ея области были Локкъ и Руссо. Воспитаніе, устроенное по ихъ руководству, служило радикальной отмѣной прежняго, дотолѣ существовавшаго, перевоспитаніемъ. Оно долженствовало произвести полную реформу общества, создать «новую породу людей», по выраженію Бецкаго въ докладѣ Екатеринѣ II о воспитаніи юношества обоего пола (1764 г.).

Замѣчательно, что эта мысль о созданіи новой породы людей силою воспитанія обращалась въ кругу тѣхъ французскихъ писателей половины XVIII вѣка, которые преимущественно разсуждали о вопросахъ административныхъ и которые по общности многихъ началъ своего ученія получили названіе физіократовъ. Выписки изъ ихъ сочиненій, касательно этого предмета, приведены Токвилемъ въ L'Ancien régime et la révolution. Такъ, напримѣръ, единственное обезпеченіе отъ злоупотребленій власти Кене видитъ въ общественномъ воспитаніи, ибо деспотизмъ невозможенъ, если нація просвѣщена. Одинъ изъ учениковъ его говоритъ: «Пораженные бѣдствіями, которыя влечетъ за собою злоупотребленіе власти, люди выдумали множество способовъ совершенно безполезныхъ и выпустили изъ виду единственно дѣйствительное средство — «l'enseignement public général, continuel, de la justice par essence et de l'ordre naturel». Государство, по мнѣнію физіокра-

Digitized by Google

товъ, обязано не только управлять народомъ, но и давать ему извѣстный видъ, не только преобразовать людей, но и вполнѣ измѣнить ихъ. Оно, по словамъ Бодо, можетъ дѣлать изъ гражданъ все, что̀ ему угодно [1]).

Взглядъ физіократовъ на воспитаніе подробнѣе раскрытъ Тюрго въ одной запискѣ, поданной имъ Людовику XVI, 1775 года [2]). Пораженный печальнымъ состояніемъ современной французской жизни, Тюрго видитъ корень зла въ отсутствіи плотнаго государственнаго состава. Общество состоитъ изъ различныхъ классовъ, дурно между собою связанныхъ. Каждый занятъ только собственнымъ интересомъ, никто не исполняетъ своихъ обязанностей, не знаетъ своихъ отношеній къ другимъ. Чтобъ уничтожить духъ разъединенія, замѣнивъ его духомъ порядка и единства, необходимо направить силы и средства націи къ общему благу, сплотнить всѣ части государства по опредѣленному плану, такъ чтобы отдѣльные граждане были крѣпко привязаны къ семейству, семейства къ деревнѣ или городу, города и деревни къ округамъ, округи къ провинціямъ, наконецъ провинціи къ государству. Наилучшимъ для этого средствомъ служитъ новая система воспитанія. Тюрго предлагаетъ учредить «Совѣтъ народнаго образованія», который дѣйствовалъ бы въ одномъ духѣ и по однообразнымъ началамъ, и въ вѣдомствѣ котораго находились бы всѣ ученыя и учебныя заведенія, отъ академій до первоначальныхъ школъ. Въ томъ же духѣ слѣдуетъ составлять учебныя руководства, такъ чтобы изученіе обязанностей гражданина, какъ члена семейства и вмѣстѣ члена государства, служило основаніемъ всѣхъ прочихъ знаній. «Смѣю отвѣчать вашему величеству, говоритъ Тюрго въ заключеніе своего воспитательнаго плана, — что черезъ десять лѣтъ не узнаютъ вашей націи, и что образованіемъ, добрыми нравами, просвѣщенною ревностью къ службѣ отечеству она превзойдетъ всѣ другіе народы. Десятилѣтнія дѣти, достигнувъ юношескаго возраста, будутъ надлежащимъ образомъ приготовлены для государства; они будутъ любить

[1]) L'Ancien régime et la révolution, глава XV.

[2]) Mémoire sur les Municipalités, sur la hiérarchie qu'on pourrait établir entre elles et sur les services que le gouvernement en pourrait tirer. Oeuvres de Turgot, нов. изд. 1844, ч. II, стр. 502—509.

Digitized by Google

свою отчизну, покориться власти не изъ страха, а по разуму, помогать согражданамъ, признавать и уважать справедливость— первую основу обществъ».

Въ этомъ механизмѣ воспитанія, устроеннаго по извѣстнымъ началамъ, обращается особенное вниманіе на два коренные недостатка дотолѣ существовавшей педагогической системы: во-первыхъ, на развитіе спеціальнаго образованія въ ущербъ основному гражданскому ученію; во-вторыхъ, на отсутствіе нравственнаго элемента. Это ясно изъ мемуара Тюрго. Онъ жалуется на слабость этой науки, которая показываетъ общественныя обязанности человѣка. «У насъ есть, говоритъ онъ, методы и учрежденія для образованія геометровъ, физиковъ, живописцевъ, и нѣтъ ничего подобнаго для образованія гражданъ. Всѣ усилія наши стремятся къ приготовленію ученыхъ, людей съ умомъ и вкусомъ. Не достигшіе этой цѣли, оставляются безъ вниманія и становятся ничѣмъ. Новая система воспитанія должна образовать на всѣхъ ступеняхъ общества людей добродѣтельныхъ и полезныхъ, души правдивыя, сердца чистыя, ревностныхъ гражданъ». Но еще прежде Тюрго, мыслящіе люди во Франціи поставляли на видъ недостатокъ общаго и нравственнаго элемента въ образованіи, или иначе: недостатокъ воспитанія при многостороннемъ ученіи. Противъ него вооружается Дюкло, въ «Considérations sur les moeurs de ce siècle»: «On trouve parmi nous beaucoup d'instruction et peu d'éducation. On y forme des savans, des artistes de toute espèce; chaque partie des lettres, des sciences et des arts y est cultivée avec succès, par des méthodes plus ou moins convenables. Mais on ne s'est par encore avisé de former des hommes, c'est-à-dire, de les élever respectivement les uns pour les autres, de faire porter sur une base d'éducation générale toutes les instructions particulières, de façon qu'ils fussent accoutumés à chercher leurs avantages personnels dans le plan du bien général, et que dans quelque profession que ce fût, ils commençassent par être patriotes» *. Фонъ-Визинъ перифразируетъ отзывъ Дюкло, въ своихъ «Письмахъ изъ Франціи», слѣдующимъ образомъ: «Воспитаніе во Франціи ограничивается

* Глава 2: Sur l'éducation et sur les préjugés (Moralistes français, 1855).

Digitized by Google

однимъ ученіемъ. Нѣтъ генеральнаго плана воспитанія, и все юношество учится, а не воспитывается. Главное стараніе прилагаютъ, чтобъ одинъ сталъ богословомъ, другой живописцемъ, третій столяромъ; но чтобъ каждый изъ нихъ сталъ человѣкомъ, того и на мысль не приходитъ» (1778 г.). Такой перифразъ или вольный переводъ имѣлъ бы значеніе простаго заимствованія, весьма естественнаго и нерѣдкаго въ литературѣ подражательной, еслибъ онъ не прилагался и къ нашей системѣ прежняго воспитанія и не указывалъ тѣхъ ея недостатковъ, которые долженствовали исчезнуть при новой системѣ, раскрытой частью въ Наказѣ (въ статьѣ О воспитаніи), и полнѣе въ докладахъ Бецкаго и въ педагогическихъ сочиненіяхъ самой Императрицы. Какъ видно изъ «Доклада о воспитаніи юношества обоего пола», существенные недостатки состояли въ спеціальности ученія и въ опущеніи нравственной стихіи. Подобно физіократамъ, Бецкій вѣруетъ въ могущество воспитанія, посредствомъ котораго совершается «новое порожденіе народа». Эта мысль встрѣчается и въ «Разсужденіяхъ, служащихъ къ новому уставу кадетскаго корпуса» (напеч. 1766), гдѣ сказано: «новымъ воспитаніемъ новое бытіе даровать и новый родъ подданныхъ произвесть», и въ концѣ доклада, при представленіи генеральнаго плана московскаго воспитательнаго дома: «дѣло состоитъ въ произведеніи людей».

Къ этой педагогической системѣ, съ которою слѣдовало сообразоваться и въ семейномъ, и въ общественномъ воспитаніи, и по которой учреждены были у насъ закрытыя воспитательныя заведенія, относятся главнѣйшія сочиненія Фонъ-Визина. Достоинство его литературной дѣятельности есть достоинство разумносознательнаго ея отношенія къ современному воспитанію. Ея историческое значеніе опредѣляется выраженіемъ новыхъ педагогическихъ началъ, противопоставляемыхъ началамъ прежнимъ. Блистательные ея памятники — «Бригадиръ» и «Недоросль».

Фонъ-Визину, какъ и всякому литератору, предстояло здѣсь два способа дѣйствія: положительный и отрицательный. Онъ выбралъ послѣдній, по свойству своего таланта, но не ограничился имъ однимъ: рядомъ съ обличеніемъ ложныхъ и вредныхъ жизненныхъ явленій идетъ у него разъясненіе истинныхъ

Digitized by Google

и полезныхъ основаній жизни. Названіе комедіи: «Бригадиръ» не отвѣчаетъ ея содержанію, ибо главное лицо въ ней вовсе не Бригадиръ. Равнымъ образомъ не указывается ея содержаніе и заключительными словами піэсы: «Говорятъ, что съ совѣстью жить худо, а я самъ теперь узналъ, что жить безъ совѣсти всего на свѣтѣ хуже». Сентенція эта, конечно справедливая, относится къ нѣкоторымъ только лицамъ и наиболѣе къ самому Совѣтнику; но какимъ образомъ можетъ она касаться Добролюбова, Софьи и Бригадирши? За объясненіемъ идеи комедіи слѣдуетъ обратиться къ тѣмъ лицамъ, пустымъ и безцвѣтнымъ въ поэтическомъ значеніи, которыя справедливо называются резонерами, по своему малому дѣйствію или и совершенному бездѣйствію. Они участвуютъ въ піэсѣ только разсужденіями, словами. Имъ авторъ передаетъ свое право толковать смыслъ сочиненія. Въ «Бригадирѣ» эта обязанность возложена на Добролюбова. Онъ, вмѣстѣ съ Софьею, образуетъ второй рядъ дѣйствующихъ лицъ, противоположный первому, болѣе многочисленному — Бригадиру съ женой и сыномъ, Совѣтнику и Совѣтницѣ. Фонъ-Визинъ подражалъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, французскимъ драматическимъ образцамъ. У Корнеля, напримѣръ, трагическіе герои и героини расположены въ симметрической противоположности, подобно шашкамъ на шахматной доскѣ; такъ и фонъ-Визинъ разстанавливаетъ своихъ героевъ: на одной сторонѣ все хорошее, на другой все дурное. Добролюбовъ — портретъ, написанный въ противоположность портрету Иванушки. По его фамиліи видно, что онъ любитъ добро; а внушеніе этой любви, «благонравіе», образуетъ, по понятію Екатерины II, Бецкаго, фонъ-Визина и другихъ просвѣщенныхъ людей того времени, главную цѣль новаго воспитанія: «здоровое тѣло и умонаклоненіе къ добру (говоритъ инструкція князю Салтыкову о воспитаніи великихъ князей Александра Павловича и Константина Павловича) составляетъ все воспитаніе». Когда Иванушка, поссорясь съ отцомъ, обращается къ Добролюбову съ такими словами: «Вы, конечно, сами знаете много дѣтей, которыя дѣлаютъ честь своимъ отцамъ», Добролюбовъ отвѣчаетъ: «а еще больше такихъ, которыя имъ дѣлаютъ безчестье; правда и то, что *всему причиной воспитаніе*». Это дурное воспитаніе, какъ причина безчестья,

Digitized by Google

представлено въ лицѣ бригадирова сына: избалованный сначала дурой матерью, онъ потомъ былъ отданъ въ пансіонъ, содержимый какимъ-то французскимъ кучеромъ, и завершилъ свой курсъ образованія въ Парижѣ. «Онъ сдѣлался повѣсою, говоритъ отецъ его, — и тѣмъ хуже, что сдѣлался онъ повѣсою французскою. Худы русскіе, а французскіе еще хуже». Иванушка гордится тѣмъ, что по духу онъ принадлежитъ коронѣ французской, хотя тѣло его родилось въ Россіи. Влюбленный въ Совѣтницу, онъ находитъ въ ней единственный, но зато великій недостатокъ: «все несчастіе мое состоитъ въ томъ, что ты Русская».

Совѣтница, относительно понятія о томъ, какова должна быть женщина «новой породы людей», тоже что Иванушка по отношенію къ идеалу добродѣтельнаго, благонравнаго мущины: съ претензіями на свѣтскость, поклонница модъ, кокетка, зараженная пристрастіемъ ко всему французскому и весьма легко смотрящая на супружескія обязанности. Это—внѣшность европейской жизни, легко усвоенная русской женщиной, безъ всякаго понятія о томъ, въ чемъ заключается истинный европеизмъ, и безъ всякаго знакомства съ своимъ отечествомъ. Совсѣмъ другое дѣло — Софья, столько же благоразумная и нравственная, сколько Совѣтница неразумна и безнравственна. Софья не выходитъ изъ повиновенія родителямъ, хотя и видитъ ихъ несправедливые съ собой поступки; не измѣняетъ слову, которое дала жениху своему, хотя и не предвидитъ благопріятнаго оборота въ своей судьбѣ.

Но, «отверзая новыя врата просвѣщенію, Монархиня въ то же время и тѣмъ же самымъ полагаетъ новую преграду ябедѣ и коварству»: такъ говоритъ фонъ-Визинъ въ письмѣ къ «Сочинителю былей и небылицъ», то-есть, къ этой самой Монархинѣ. Однимъ изъ первыхъ ея распоряженій, по вступленіи на престолъ, были мѣры противъ взяточниковъ. Въ именномъ указѣ 1762 г. іюля 18 значится: «Съ истиннымъ огорченіемъ отъ давняго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидали, до какой степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возросло, что едва ли есть малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе, судъ, безъ зараженія сей язвы отправлялся: ищетъ ли кто мѣста — платитъ, защи-

Digitized by Google

ищается ли кто отъ клеветы, обороняется деньгами; клевещетъ ли кто на кого — всѣ происки свои хитрые деньгами подкрѣпляютъ. Многіе судящіе, освященное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ нашимъ должны показать правосудіе, въ торжище превращаютъ, вмѣняя себѣ ввѣренное отъ насъ званіе судіи безкорыстнаго и нелицепріятнаго за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дома своего, а не за службу, приносимую Богу, намъ и отечеству, и мздопріимствомъ богомерзскимъ претворяютъ клевету въ праведный доносъ, разореніе государственныхъ доходовъ въ прибыль государственную, а иногда нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго нищимъ» [1]). За указаніемъ сильно распространеннаго зла, послѣдовали вскорѣ нѣкоторыя мѣры къ его прекращенію: манифестомъ 15 декабря 1763 г. предписано «наполнить судебныя мѣста достойными и честными людьми, положивъ имъ довольное жалованье» [2]). «Бригадиръ» представляетъ, касательно этого предмета, также просвѣщенное отношеніе къ современнымъ нравамъ и современнымъ понятіямъ объ улучшеніи нравовъ. Въ лицѣ Совѣтника, выведенъ старинный подъячій, который бралъ съ виноватаго и праваго: съ виноватаго за вину, съ праваго за невинность. Послѣ вышеозначеннаго указа о лихоимствѣ онъ вышелъ въ отставку и удалился въ деревню, неправедно имъ нажитую. Чтобы выразить нѣсколько мыслей о поднятомъ тогда вопросѣ, Добролюбову навязанъ какой-то процессъ. Въ разговорѣ съ Совѣтникомъ, онъ показываетъ, что прошло то время, когда «всякій и съ правымъ, и съ не правымъ дѣломъ шелъ въ приказъ и могъ, подружась съ судьей, получить благопріятное рѣшеніе», что «если корыстолюбіе нашихъ лихоимцевъ перешло предѣлы, то всякій, не находившій своего права въ учрежденныхъ мѣстахъ, могъ обратиться прямо къ высшему правосудію». Но страхъ наказанія за лихоимство породилъ другую бѣду, указываемую Добролюбовымъ — судейскія проволочки: «бо́льшая часть судей нынѣче взятокъ хотя и не берутъ, да и дѣлъ не дѣлаютъ». Есть также указаніе на безграмотность подъячихъ, какъ на одну изъ многихъ причинъ дурнаго состоянія право-

[1]) Полн. Собр. Законовъ, № 11,616.
[2]) Ib. № 11,988.

Digitized by Google

судія, обратившагося въ кривосудіе: «сколько у насъ исправныхъ секретарей, которые экстракты сочиняютъ безъ грамматики, любо дорого смотрѣть! У меня, напримѣръ, есть одинъ, который что̀ когда напишетъ, такъ иной ученый и съ грамматикою вовѣки того разумѣть не можетъ».

Такимъ образомъ идея комедіи какъ бы двоится: съ одной стороны (и это главное) изображаются вредныя и смѣшныя послѣдствія ложнаго образованія, подъ управленіемъ иностранцевъ, состоящаго въ усвоеніи внѣшнихъ, пустыхъ отличій французской жизни; съ другой представляются лихоимство и ябедничество, которымъ правительство полагало преграды. Не въ «Бригадирѣ» только фонъ-Визинъ обличалъ эти важные общественные недостатки. Французское воспитаніе русскихъ юношей выведено въ другой комедіи: «Выборъ гувернера» и въ «Разговорѣ у княгини Халдиной». Лихоимство осмѣяно въ «Перепискѣ между Взяткинымъ и его превосходительствомъ***». Не довольствуясь однимъ сатирическимъ орудіемъ, фонъ-Визинъ предлагалъ и положительныя средства къ истребленію зла: просвѣщеніе вообще, учрежденіе въ университетахъ каѳедры политическихъ наукъ, гласность, состоящую въ печатаніи тяжбъ и рѣшеній, увеличеніе жалованья (см. «Разговоръ у княгини Халдиной», «Письмо къ сочинителю былей и небылицъ»).

Можетъ-быть нѣкоторые читатели найдутъ ошибочнымъ наше сближеніе комедіи фонъ-Визина съ докладами Бецкаго и Наказомъ, такъ какъ она предшествовала послѣднимъ въ своемъ появленіи. На это мы отвѣтимъ, что, поставляя литературныя произведенія въ зависимость отъ законодательныхъ памятниковъ и административныхъ распоряженій, мы вовсе не разумѣемъ подъ нею точнаго совпаденія временъ, въ которыя тѣ и другія узрѣли свѣтъ. Для насъ важно тождество идей, интересовавшихъ образованное общество. Одинъ выразилъ ихъ прежде, другой послѣ, не потому, чтобы тотъ прежде, а этотъ послѣ съ ними познакомился, но по другимъ обстоятельствамъ. Докладъ Бецкаго о воспитаніи напечатанъ за три года до Наказа; однакожь, право первенства въ составленіи новыхъ педагогическихъ началъ остается за Екатериною. Странно также думать, что Наказъ, напечатанный впервые 1767 г., былъ въ этомъ именно году начатъ и конченъ. Екатерина занималась

Digitized by Google

имъ съ самаго восшествія на престолъ; содержаніе же его, равно какъ и источники, откуда почерпалось содержаніе, были ей извѣстны еще задолго до редакціи.

«Недоросль» столько уже разъ подвергался весьма дѣльному критическому разбору, особенно въ статьѣ г. Дудышкина (Отеч. Зап. 1847, № 8 и 9) и въ сочиненіи кн. Вяземскаго: «Фонъ-Визинъ» (1848), что намъ нѣтъ никакой надобности повторять снова прежнее, всѣмъ извѣстное. Мы ограничимся здѣсь нѣсколькими замѣчаніями для поясненія главной мысли нашей касательно разумносознательнаго отношенія литературной дѣятельности фонъ-Визина къ философскому направленію Екатеринина вѣка.

Мы замѣтили, что послѣднія слова, которыми Совѣтникъ заключаетъ комедію «Бригадиръ», не указываютъ существеннаго ея содержанія. Въ «Недорослѣ», напротивъ, такія же слова прямо идутъ къ дѣлу. При видѣ отчаяннаго положенія Простаковой, восклицающей: «Погибла я совсѣмъ! Отъ стыда никуда глазъ показать нельзя! нѣтъ у меня сына!» Стародумъ говоритъ: «Вотъ *злонравія* достойные плоды!» Именно такъ, а не иначе, потому что цѣль піэсы, по выраженію кн. Вяземскаго, представить дурное воспитаніе, невѣжество и злоупотребленіе домашней власти. Но послѣдніе два предмета коренятся на первомъ. Причина ихъ—дурное воспитаніе или отсутствіе воспитанія: отсюда необходимо проистекаетъ злонравіе, тогда какъ хорошее воспитаніе есть источникъ благонравія. Таково существенное начало педагогическихъ понятій, изложенныхъ въ Наказѣ, докладахъ Бецкаго и инструкціи кн. Салтыкову. Мы уже знаемъ, что Наказъ (вслѣдъ за Беккаріей) въ воспитаніи полагаетъ надежнѣйшее средство сдѣлать людей лучшими; правила воспитанія (согласно съ Монтескье) называетъ онъ первыми основаніями, приготовляющими гражданъ; главною цѣлью воспитанія и главнымъ достоинствомъ человѣка ставитъ (принимая мнѣніе Локка) добродѣтель, благонравіе. Немногія наставленія его, сюда относящіяся, имѣютъ въ виду одни нравственныя качества, при которыхъ человѣкъ становится полезнымъ членомъ и украшеніемъ общества, и нисколько не упоминаютъ объ ученіи собственно. Инструкція предписываетъ воспитателю обращать преимущественное вниманіе на нрав-

Digitized by Google

ственный элементъ воспитанниковъ—на умонаклоненіе къ добру, образующее, вмѣстѣ съ здоровымъ тѣломъ, истиннаго, совершеннаго человѣка. «Кто стремится къ доброму и лучшему, тотъ счастливъ».—«*Главное достоинство* наставленія дѣтей состоять должно въ любви къ ближнему, въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обхожденіи ко всякому, въ добронравіи непрерывномъ, въ чистосердечіи и благодарномъ сердцѣ, въ истребленіи горячности сердца, пустаго опасенія, боязливости, невмѣстнаго страха», и т. д. Бецкій, во всѣхъ докладахъ своихъ по воспитанію, ставитъ на первомъ планѣ хорошее поведеніе, благонравіе: затѣмъ уже слѣдуютъ успѣхи въ наукахъ, образованный разумъ. Въ уставѣ академіи художествъ предписано: «паче всего разсматривать похвальное поведеніе и благонравіе учениковъ». Разсужденія, служащія руководствомъ къ новому уставу сухопутнаго кадетскаго корпуса, объявляютъ, что главное намѣреніе при заведеніи училищъ—«не науки только и художества умножать въ народѣ, но вкоренять въ сердцѣ добронравіе». Точно такъ же разсуждаетъ Стародумъ, и не разсуждаетъ только, но и указываетъ на дѣйствія правительства въ пользу осуществленія благонамѣренныхъ видовъ: «Несчастіямъ людскимъ причиною собственное ихъ развращеніе; но *способы сдѣлать людей добрыми въ рукахъ Государя*. Какъ скоро всѣ увидятъ, что *безъ благонравія* никто не можетъ выйдти въ люди, тогда всякій найдетъ выгоду быть благонравнымъ и всякъ хорошъ будетъ... Чтобъ въ достойныхъ людяхъ не было недостатку, прилагается *нынѣ* особливое стараніе о воспитаніи. *Оно должно быть залогомъ благосостоянія государства*... Я желалъ бы, чтобъ при всѣхъ наукахъ не забывалась *главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ—благонравіе*. (Дѣйствіе V, явленіе 1.)

Такъ какъ въ противоположность *злонравной* Простаковой выведена Софья, то, разумѣется, послѣдняя отличается *благонравіемъ*. Въ разговорѣ съ нею (дѣйствіе IV, явленіе 2) Стародумъ особенно напираетъ на это качество: «прямую цѣну ему даетъ *благонравіе*»; «какого воспитанія ожидать отъ матери, потерявшей добродѣтель? какъ ей учить ихъ *благонравію*, котораго въ ней нѣтъ?» «При нынѣшнихъ супружествахъ рѣдко

Digitized by Google

съ сердцемъ совѣтуются; дѣло о томъ, знатенъ ли, богатъ ли женихъ, хороша ли, богата ли невѣста; *о благонравіи* вопросу нѣтъ; никому и въ голову не входитъ, что добродѣтель все замѣняетъ, а добродѣтели ничего замѣнить не можетъ». Понятно, что необразованная Простакова, подобно Ханжихиной (въ комедіи Императрицы Екатерины: «О время!»), должна была враждебно смотрѣть на новое образованіе женскаго пола: «Вотъ до чего дожили! къ дѣвушкамъ письма пишутъ! дѣвушки грамотѣ знаютъ!» Противоположность Митрофану — Милонъ, не только воспитанный, но и благовоспитанный молодой человѣкъ. Въ «Недорослѣ», какъ и въ «Бригадирѣ», лица разставлены въ шахматномъ порядкѣ: на одной сторонѣ идеалы, на другой противоположности идеаламъ.

Домашнюю тираннію Простаковой останавливаетъ правительство, въ лицѣ Правдина, который, не имѣя внутренняго, необходимаго отношенія къ сюжету, важенъ, какъ органъ «человѣколюбивыхъ видовъ высшей власти». Ему предписано замѣчать «тѣхъ злонравныхъ невѣждъ, которые, имѣя надъ людьми своими полную власть, употребляютъ ее во зло безчеловѣчно». Онъ беретъ въ опеку домъ и деревни Простаковой, предостерегаетъ и Скотинина, приказывая ему повѣстить всѣмъ Скотининымъ, чтобы они людей своихъ побольше любили, или по крайней мѣрѣ не трогали ихъ. Поступая такъ, онъ дѣйствовалъ сообразно Наказу и учрежденію о губерніяхъ. Наказъ, въ главѣ XI, говоритъ: «какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобы законы гражданскіе злоупотребленія рабства отвращали» (§ 254); «Петръ Первый узаконилъ въ 1722 г., чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ; по первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася, неизвѣстно» (§ 256). Приведеніе этой мѣры въ дѣйствіе учинено учрежденіемъ о губерніяхъ.

Кн. Вяземскій замѣчаетъ, что первое явленіе пятаго дѣйствія (разговоръ Стародума съ Правдинымъ) приноситъ честь и писателю, и государю, въ царствованіе коего оно написано *.

---

* Фонъ-Визинъ, стр. 216.

Digitized by Google

Дѣйствительно, его должно назвать самой лестной похвалой, превышающей всѣ торжественныя оды. Похвала эта выговаривается Стародумомъ:

«Благодареніе Богу, что человѣчество найти защиту можетъ!... Гдѣ Государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ, что̀ законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подданныхъ беззаконно... Великій Государь есть Государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости есть та, чтобъ править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости... Достойный престола Государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ. Мы это видимъ своими глазами... Сколь великой душѣ надобно быть въ Государѣ, чтобы стать на стезю истины и никогда съ нея не совращаться! Сколько сѣтей разставлено къ уловленію души человѣка, имѣющаго въ рукахъ своихъ судьбу себѣ подобныхъ! И во-первыхъ, толпа скаредныхъ льстецовъ всеминутно силится увѣрять его, что люди сотворены для него, а не онъ для людей» [1]).

Эти золотыя мысли, выказывающія въ писателѣ благородное гражданское мужество, совпадаютъ также съ мыслями Наказа. Въ §§ 519 и 520, Екатерина объявила, въ чемъ ея истинная слава и какъ она смотритъ на ласкательство:

«Правда, что хорошее мнѣніе о славѣ и власти царя могло бы умножить силы державы его; но хорошее мнѣніе о его правосудіи равнымъ образомъ умножитъ оныя. Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожь мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа» [2]).

«Бригадиръ» и «Недоросль»—главнѣйшія произведенія фонъ-Визина, за которымъ какъ при жизни его удерживалось, такъ и по смерти удерживается почетное имя автора «Недоросля», автора «Бригадира». Основная ихъ тема—воспитаніе, какъ необ-

---

[1]) Сочин. фонъ-Визина, изд. Смирдина, 1852, стр. 174—175.

[2]) Наказъ, изд. 1820. См. также въ Полн. Собр. Законовъ.

Digitized by Google

ходимое начало гражданскаго благоденствія. На ту же тему написаны комедія: «Выборъ гувернера», «Разговоръ у княгини Хлдиной», «Переписка между Стародумомъ и помѣщикомъ Дурыкинымъ». Кромѣ воспитанія, и другіе интересы современнаго общества находили въ фонъ-Визинѣ человѣка мыслящаго, передоваго литературнаго дѣятеля. Можно сказать, что ни одно изъ важнѣйшихъ требованій просвѣщенія не ускользнуло отъ его вниманія: по поводу каждаго, подалъ онъ умный и честный голосъ. Мы уже видѣли, какъ благородно отозвался онъ на заботы правительства объ утвержденіи правосудія, объ искорененіи своевольнаго, негуманнаго обращенія съ подвластными. Въ Наказѣ говорится о *среднемъ родѣ людей*, къ которому отнесены всѣ — не дворяне и не хлѣбопашцы — упражняющіеся въ наукахъ, художествахъ, ремеслахъ и торговлѣ, равно питомцы училищъ и воспитательныхъ домовъ не дворянскаго происхожденія (§§ 380 и 381): фонъ-Визинъ, по свидѣтельству кн. Вяземскаго, перевелъ книгу о «третьемъ чинѣ» и написалъ о томъ разсужденіе. По Наказу, отличительное качество дворянскаго сословія — благородство, честь (§§ 357 — 375): фонъ-Визинъ, постоянно преслѣдуетъ съ одной стороны спесь, съ другой раболѣпство дворянъ. По заказу гр. Панина, пишетъ онъ политическое сочиненіе для Наслѣдника престола (Фонъ-Визинъ, кн. Вяземскій, стр. 285); въ «Словѣ на выздоровленіе Наслѣдника» даетъ ему совѣты, согласные съ воззрѣніемъ XVIII вѣка на истинную славу государя; въ пользу того же воззрѣнія переводитъ слово Марку Аврелію, какъ похвалу мудрому и благодѣтельному правленію; «Письмо отъ Стародума» показываетъ причины, препятствующія у насъ развитію краснорѣчія; знаменитые «Вопросы собесѣднику» затрогиваютъ всѣ существенные предметы русской жизни, русскаго характера, русскаго образованія. И во всѣхъ этихъ предметахъ — сознательное усвоеніе господствующихъ началъ времени, а не поверхностное увлеченіе ими съ голоса или примѣра другихъ.

Послѣ всего сказаннаго, мы находимъ мало опредѣлительнымъ и весьма скуднымъ мнѣніе г. Перевлѣсскаго о литературныхъ трудахъ важнѣйшаго писателя Екатерининыхъ временъ. Занимая три странички, подъ громкимъ титуломъ: «Значеніе фонъ-Визина», это мнѣніе не вводитъ въ точный и об-

Digitized by Google

ширный кругъ той дѣятельности, которая, повторяемъ, такъ разумно, такъ сознательно соотвѣтствовала направленію вѣка и правительственнымъ намѣреніямъ, въ духѣ вѣка начатымъ. «Въ комедіяхъ (заключаетъ свой отзывъ г. Перевлѣсскій), фонъ-Визинъ является вѣрнымъ, безпристрастнымъ живописцемъ нравовъ своей эпохи; въ этомъ—его высокое значеніе и право на безсмертіе.» Это не противно истинѣ, но этого недостаточно. Авторъ «Бригадира» и «Недоросля», умѣвшій лучше всѣхъ хвалить Екатерину, хвалить, какъ выразился въ одномъ мѣстѣ Княжнинъ, не «по восторгу, а по уму, не мечтой, а правдой», требуетъ болѣе подробнаго и отличительнаго сужденія. Конечно, главная цѣль изданія г. Перевлѣсскаго—изданія весьма полезнаго и добросовѣстнаго—состояла не въ характеристикѣ фонъ-Визина, а въ собраніи матеріаловъ о немъ, преимущественно критическихъ статей о его сочиненіяхъ, такъ-сказать «его литературы»; однакожь, изъ того, что̀ уже было написано о фонъ-Визинѣ и что̀ приведено въ изданіи г. Перевлѣсскаго, можно было извлечь, если не выработать, болѣе характеристическій взглядъ.

Кстати, сдѣлаемъ замѣчаніе касательно «литературы о фонъ-Визинѣ». По нашему мнѣнію, она не полна, потому что издатель вносилъ въ свою книгу лишь тѣ статьи, которыя самымъ заглавіемъ своимъ (О фонъ-Визинѣ или О сочиненіяхъ фонъ-Визина) прямо указывали на предметъ своего разсужденія. По этой причинѣ, г. Перевлѣсскій оставилъ безъ вниманія все, явившееся подъ другимъ заглавіемъ и непрямо относящееся къ фонъ-Визину, хотя здѣсь о фонъ-Визинѣ могло быть сказано очень многое. Къ числу такихъ опущенныхъ матеріаловъ укажу на статью профессора С. М. Соловьева «О Русскихъ историкахъ XVIII вѣка» (въ Архивѣ, г. Калачова) и на рѣчь г. Лавровскаго: «О педагогическомъ значеніи сочиненій Императрицы Екатерины II». Первая, говоря о Болтинѣ, сближаетъ его воззрѣніе на недостатки новой Россіи съ тѣмъ же воззрѣніемъ фонъ-Визина, ясно выступающимъ въ его комедіяхъ, особенно въ «Недорослѣ». Вторая, имѣя своимъ предметомъ собственно русское воспитаніе, показываетъ, какъ недостатки его отразились въ сочиненіяхъ Императрицы и фонъ-Визина. На мѣстѣ г. Перевлѣсскаго мы бы скорѣе исключили многое изъ

Digitized by Google

приведенныхъ имъ критическихъ матеріаловъ, напримѣръ статьи «Библіотеки для чтенія» (1844), «Пантеона» и «Репертуара» (1848), «Сына Отечества» (1848). Всѣ онѣ лишены значенія. Особенно послѣдняя (барона Розена), много наговорившая и рѣшительно ничего не сказавшая, странно фигурируетъ вмѣстѣ съ превосходной статьей г. Дудышкина (въ Отеч. Зап. 1847 г.).

Наконецъ, послѣднее слово о «поправкѣ», на стр. CCLVIII. Г. Перевлѣсскій говоритъ: «Въ перечнѣ произведеній Фонъ-Визина пропущена комедія *его* «Обманчивая наружность или человѣкъ нынѣшняго свѣта». Піэса эта, собственноручно переписанная Фонъ-Визинымъ, хранится въ И. П. Библіотекѣ. Она содержитъ только I-го дѣйствія 1-ое явленіе, конецъ 5-го и начало 6-го явленія. *Означенные отрывки мало говорятъ въ пользу піэсы.*» Здѣсь двѣ ошибки. Во-первыхъ, нельзя заключать о достоинствѣ или недостоинствѣ пяти-актной піэсы по тремъ явленіямъ, и то неполнымъ, одного перваго акта. Во-вторыхъ, піеса эта не сочиненіе Фонъ-Визина, а просто прозаическій переводъ стихотворной комедіи французскаго комика Буасси: «Les dehors trompeurs, ou l'homme du jour», что̀ можно угадывать по самымъ именамъ дѣйствующихъ лицъ: Флорисъ, Люсилія, Селіанта, и проч. Представленная въ первый разъ 1740 года, она, между прочимъ, помѣщена въ Répertoire du Théâtre français, ou recueil des tragédies et comédies restées au théâtre depuis Rotrou, par M. Petitot, t. XIV (1804). Изъ другихъ комедій Буасси переведены у насъ: «Разумный вертопрахъ», Владиміромъ Лукинымъ, большимъ недругомъ Фонъ-Визина (1768), «Французы въ Лондонѣ» (1782), и «Говорунъ» (1807). Послѣдняя передѣлана также Хмѣльницкимъ (1817). При сужденіи о тѣхъ или другихъ сочиненіяхъ нашихъ авторовъ, особенно XVIII вѣка, надобно быть крайне осторожнымъ: иначе какъ разъ обвинишь ихъ въ томъ, въ чемъ они виноваты только какъ смиренные переводчики, или воздашь имъ похвалу за то, что̀ также не принадлежитъ имъ нисколько.

Но какимъ образомъ, могутъ возразить намъ, соглашаются съ дѣятельностью Фонъ-Визина, идущею параллельно философскому направленію вѣка, тѣ его произведенія, въ которыхъ онъ становится какъ бы поперекъ этому направленію, напри-

Digitized by Google

мѣръ въ своихъ письмахъ о Франціи, и слѣдовательно впадаетъ въ непослѣдовательность, въ противорѣчіе самому себѣ? — По нашему мнѣнію, здѣсь нѣтъ ни противорѣчія, ни непослѣдовательности; или же надобно допустить ихъ въ томъ смыслѣ и въ той степени, въ какихъ они являются у Екатерины II, княгини Дашковой и другихъ просвѣщеннѣйшихъ людей того времени. Но этотъ предметъ завлекъ бы насъ слишкомъ далеко. Мы не отказываемся при случаѣ поговорить о немъ подробнѣе.

А. Галаховъ.

10 ноября 1858.
Петербургъ.

Digitized by Google

БРАТЬЯ ГРИММЫ.

Статья I-я.

—

Еслибы вамъ случилось проходить въ Берлинѣ по дорогѣ къ университету «подъ липами», или быть на публичномъ засѣданіи академіи, гдѣ отъ времени до времени собираются корифеи науки, васъ навѣрно поразили бы двѣ личности, которыя никогда почти не являются врозь, какъ-будто неразлучно соединенныя какой-то таинственной связью. Въ стройномъ ростѣ, въ легкомъ, но крѣпкомъ тѣлосложеніи, въ полныхъ достоинства пріемахъ, въ выразительныхъ, глубоко намѣченныхъ чертахъ лица, уже внѣшнимъ образомъ сказывается несомнѣнное родственное сходство. Одинаковые густые волосы, сѣдые и вьющіеся, тѣ же голубые, свѣтлые, проницательные глаза, тотъ же высокій, открытый лобъ, сообщаютъ ихъ лицамъ тотъ особый отпечатокъ, въ которомъ узнаются характеристическія черты нѣмецкаго учепаго: открытый характеръ, неутомимое постоянство въ трудѣ, духъ изысканій и неподкупность нравственнаго чувства.

Но при этомъ замѣчательномъ сходствѣ, которое съ первой молодости отразилось даже на одеждѣ (всегда тотъ же черный галстухъ съ отложнымъ воротникомъ рубашки, черный сюртукъ) и привычкахъ ежедневной жизни, болѣе внимательный наблюдатель по одной уже внѣшней физіономіи замѣтитъ, что передъ нимъ двѣ совершенно самобытныя личности, которыя, пополняя взаимно одна другую, не утрачиваютъ, однако, ничего изъ своей оригинальности, которыя неразрывно срослись между собой, не потерявъ своей самостоятельности, сродство

Digitized by Google

которыхъ основано не на однихъ только узахъ крови, а вытекаетъ изъ единства стремленій къ уразумѣнію истины, блага и прекраснаго.

Такъ иногда два дуба растутъ на одинаковой почвѣ: корни ихъ перевились подъ землею, вѣтви встрѣчаются въ воздухѣ, между тѣмъ какъ стволъ каждаго, отдѣльно и независимо, высится къ небу: одинъ крѣпче и массивнѣе, другой — стройнѣе и легче; одинъ, одѣтый въ густую, темную листву, другой, съ болѣе свѣтлой и нѣжной зеленью, они представляютъ тождество въ самомъ разнообразіи и разнообразіе въ сходствѣ. Таковы братья Гриммы, которыхъ нельзя вообразить себѣ врозь.

Широко раскинувъ свою сѣнь, даже въ области чужихъ народовъ, они корнями стоятъ на родной почвѣ: языкъ, исторія, обычаи, вѣрованія и право нѣмецкаго народа, вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ они берутъ свои соки и силу. Подобно рудокопу, погружаясь въ сокровенную глубь минувшихъ столѣтій, среди мрака вѣковъ, они роются, ищутъ и находятъ золотыя жилы, въ которыхъ сокрыты богатства народнаго духа. Съ рѣдкимъ терпѣніемъ, съ необычайной добросовѣстностью и глубокимъ знаніемъ разбираютъ они древнія, поблеклыя отъ времени хартіи, толкуютъ загадочный смыслъ таинственныхъ рунъ, развертываютъ свитки, разгибаютъ фоліанты, отыскивая памятники сокровищъ, завѣщанныхъ предками, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, современному поколѣнію: памятники германскаго языка, германскаго быта, германскаго права.

Своими изысканіями, сужденіе о которыхъ равняется панегирику, братья Гриммы оказали безсмертную услугу германскому народу: не увлекаясь, подобно инымъ ученымъ, въ даль, не жертвуя роднымъ и ближайшимъ для чужаго и отдаленнаго, они принесли цѣлую жизнь, всю свою плодотворную дѣятельность на возвышеніе и укрѣпленіе народнаго сознанія. Плодами своего дивнаго трудолюбія они не только обогатили науку, но проникли въ самую жизнь своего народа, снискавъ себѣ вѣчныя права на признательность не одного какого-либо сословія, а цѣлаго народа. Все вызванное ихъ усиліями изъ нѣдръ прошедшаго, живетъ теперь новой жизнью для утѣшенія, для блага современниковъ.

Доискиваясь въ темной области языковѣдѣнія корней и зако-

Digitized by Google

новъ производства словъ съ удивительнымъ разнообразіемъ ихъ сочетаній, они раскрываютъ германскому народу духъ языка и ту внутреннюю связь съ народнымъ характеромъ, которая часто таится въ одномъ словѣ; освѣщая наукой обычаи, обряды и юридическія отношенія старины, они учатъ своихъ соотечественниковъ разумѣнію основъ народной жизни, возстановляютъ духовную связь съ прошедшимъ и указываютъ имъ путь спокойнаго, органическаго развитія. Все, что только состоитъ въ связи съ народной жизнью, входитъ въ предѣлы ихъ дѣятельности: и нѣмецкая грамматика, которой они заложили и первыя основы и возвели самое зданіе, и древнее германское право, вырытое ими изъ груды развалинъ, и поэзія миннезенгеровъ и мейстерзенгеровъ, и народныя сказки, собранныя ими съ такой любовью и принесенныя въ даръ дѣтскому міру. Преданіе и исторія, языкъ и мысль германскаго народа были равно предметами ихъ изученія. Можно сказать, что въ двухъ братьяхъ отразились всѣ лучшія стороны германской жизни: въ нихъ мы находимъ свойства, которыя приписываются вообще всему нѣмецкому народу, въ такомъ прекрасномъ выраженіи, въ такомъ полномъ развитіи, что на нихъ можно указать какъ на типы германской народной физіономіи. Вся ихъ жизнь, вся ихъ дѣятельность представляютъ тому неопровержимое подтвержденіе.

Прежде чѣмъ приступить къ обозрѣнію и разбору ихъ ученыхъ трудовъ, я намѣренъ въ краткомъ очеркѣ представить исторію ихъ жизни.

Яковъ Людвигъ Карлъ и Вильгельмъ Карлъ Гриммы родились въ Ганау, въ странѣ древнихъ Каттовъ, въ Гессенъ-Кассельскомъ курфиршествѣ, первый 4-го января 1785 года, второй 24-го февраля 1786 года. Отецъ ихъ, человѣкъ съ прекраснымъ сердцемъ, съ любовью къ труду и къ строгому порядку въ дѣлахъ *, былъ переведенъ на мѣсто амтмана въ го-

* Имя Гриммъ извѣстно въ нѣмецкой литературѣ и прежде знаменитыхъ братьевъ. Уже въ 1520 году мы встрѣчаемъ мейстерзенгера Сигизмунда Гримма изъ Цвикау, который впослѣдствіи былъ докторомъ медицины въ Аугсбургѣ. Наиболѣе извѣстенъ жившій въ прошломъ столѣтіи, преимущественно въ Парижѣ, баронъ Фридрихъ Мельхіоръ де-Гриммъ (1723 — 1807), который, послѣ того какъ его сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ были осмѣяны въ Германіи, сталъ пи-

Digitized by Google

родъ Штейнау (Steinau an der Strasse), гдѣ вскорѣ умеръ, оставивъ послѣ себя вдову и шесть человѣкъ малолѣтныхъ дѣтей съ весьма скудными средствами. Изъ этихъ шести сиротъ намъ извѣстны пятеро. Кромѣ Якова и Вильгельма, третій братъ Эмилій Людвигъ Гриммъ получилъ извѣстность своими изящными гравюрами, между прочимъ собраніемъ портретовъ гёттингенскихъ профессоровъ (1824, folio). Сестра, которой дочь Амалія доставила, между прочимъ, нѣсколько замѣчаній для словаря своихъ дядей, была выдана за гессенъ-кассельскаго министра Гассенпфлуга, снискавшаго въ послѣднее время такую незавидную извѣстность, и скончалась въ 1837 году въ Кассель. Четвертый братъ Людвигъ издалъ превосходное собраніе географическихъ картъ, въ томъ числѣ весьма замѣчательную карту Палестины.

Мать, Доротея Гриммъ (1755 — 1808), нравственная, обожаемая дѣтьми, женщина, едвали могла бы существовать съ семействомъ на скудный доходъ, оставленный мужемъ, еслибы одна изъ ея сестеръ, Генріетта Филиппина Циммеръ, занимавшая выгодный постъ при дворѣ тогдашней гессенской ландграфини, движимая родственнымъ чувствомъ, не помогала съ рѣдкимъ самоотверженіемъ семейству бѣдной сестры. Черезъ ея же посредство оба мальчика, получивъ весьма ограниченное первоначальное образованіе на родинѣ, первый на 13-мъ, а второй на 12-мъ году отъ рожденія, поступили въ 1798 г. въ кассельскій лицей, гдѣ Якова едва приняли въ нижнее отдѣленіе четвертаго класса (одного изъ низшихъ въ нѣмецкихъ училищахъ): такъ слабо онъ былъ приготовленъ. Но вскорѣ, благодаря своему неутомимому прилежанію и ненасытной жаждѣ знанія, онъ успѣлъ наверстать потерянное, и такъ быстро

сать по-французски и почти всегда очень остроумно. Его нѣмецкая трагедія «Banise» растянута и написана съ педантскимъ соблюденіемъ классическихъ преданій. Напротивъ того, легкостью и остроуміемъ отличаются его: Lettre sur la musique française, Deux lettres sur la littérature allemande и Correspondance littéraire. Замѣчательно, что онъ имѣлъ званіе статскаго совѣтника русской службы и былъ полномочнымъ министромъ Императрицы Екатерины при Нижне-Саксонскомъ округѣ. — Альбрехтъ Людвигъ Гриммъ, ректоръ въ Вейнгеймѣ, писалъ сказки для дѣтей и извѣстенъ тщательной передѣлкой арабскихъ, греческихъ и римскихъ миѳовъ и кромѣ того прекрасными разсказами собственнаго сочиненія, и т. д.

Digitized by Google

подвигался изъ класса въ классъ, что уже въ 1802 году могъ поступить въ марбургскій университетъ, гдѣ, по желанію матери, посвятилъ себя изученію правъ, между тѣмъ какъ Вильгельмъ долженъ былъ остаться еще на два года въ Касселѣ, вслѣдствіе развившейся у него болѣзни въ сердцѣ, причинявшей ему ужасныя страданія. Тяжела была эта разлука для братьевъ, которые до того времени жили въ одной комнатѣ, спали въ одной постели, дѣля другъ съ другомъ и трудъ, и горе, и радости; но Якову, какъ старшему сыну, предстояла святая цѣль — возможно скорѣйшимъ окончаніемъ курса и полученіемъ мѣста облегчить хотя нѣсколько отъ тяжелаго бремени заботъ свою бѣдную мать, средства которой почти совершенно истощились. Онъ избралъ Право главнымъ образомъ потому, что отецъ его былъ юристомъ, и мать желала, чтобы старшій сынъ шелъ по его слѣдамъ. Еслибы предоставить выборъ на его волю, то, какъ онъ самъ впослѣдствіи разсказывалъ, онъ выбралъ бы непремѣнно ботанику, къ которой чувствовалъ особое влеченіе, подобно тому, какъ Вильгельмъ, быть-можетъ, выбралъ бы зоологію, потому что страстно любилъ собирать разныхъ насѣкомыхъ и бабочекъ. Это теплое сочувствіе къ природѣ навсегда сохранилось въ обоихъ братьяхъ; наклонности и взглядъ естествоиспытателя обнаруживаются даже въ ихъ лингвистическихъ изысканіяхъ. Отъ эпоса о Рейнеке вѣетъ, говорятъ они, «свѣжимъ лѣснымъ благоуханіемъ»; а Яковъ написалъ разсужденіе о «названіяхъ цвѣтовъ». Какъ часто проглядываютъ ботаническія познанія въ его «нѣмецкой миѳологіи!»

Во все время пребыванія въ Марбургѣ Яковъ долженъ былъ, какъ и всѣ почти нѣмецкіе студенты, вести жизнь очень ограниченную. Ни разу не удалось ему, не смотря на неоднократныя обѣщанія, получить хотя ничтожное пособіе или стипендію, въ то время какъ мать его, вдова заслуженнаго чиновника, воспитывала для государства четырехъ сыновей. Кажется, состояніе управленія и положеніе дѣлъ въ Касселѣ было тогда нисколько не лучше, чѣмъ въ наше время. Роскошная стипендія досталась, мимо бѣднаго сироты, его школьному товарищу, барону Эрнесту Фридриху фонъ-деръ Мальсбургъ (онъ былъ также ганаускій уроженецъ), который принадлежалъ къ высшей гессенской аристократіи и долженъ былъ со временемъ

Digitized by Google

сдѣлаться наслѣдникомъ одного изъ богатѣйшихъ помѣстій въ цѣломъ герцогствѣ. Это былъ извѣстный гессенскій дипломатъ, поэтъ и переводчикъ съ испанскаго; его переводъ Кальдероновыхъ драмъ не хуже перевода Гриса, который считается лучшимъ въ германской литературѣ. Такимъ образомъ, братья Гриммы были всѣмъ обязаны собственному достоинству и труду.

Вотъ что пишетъ самъ Яковъ объ этомъ періодѣ своей жизни: «Нужда поощряетъ къ труду, спасаетъ отъ искушеній разсѣянности и внушаетъ благородную гордость, которая поддерживается въ нашей душѣ сознаніемъ, что намъ собственной заслугой досталось все то, что другимъ даетъ случай рожденія. И многое, что вообще сдѣлано нѣмецкимъ народомъ прекраснаго и великаго, я не задумаюсь приписать именно тому обстоятельству, что Нѣмцы — народъ небогатый. Нѣмецъ всякій трудъ начинаетъ снизу, съ основанія, и постепенно подвигается въ гору, пролагая себѣ, особливо въ наукѣ, новые самобытные пути, въ то время, какъ другіе народы идутъ широкой, торной дорогой.»

Черезъ два года, въ 1804, Яковъ перевезъ брата къ себѣ въ Марбургъ, и съ этихъ поръ во все время своей студенческой жизни они уже не разлучались. Гегель правъ, говоря, что изъ всѣхъ видовъ любви, любовь братская — самый чистый, безкорыстный и благородный. Оба брата посѣщали одни и тѣ же чтенія и слушали однихъ и тѣхъ же профессоровъ, между которыми Савиньи и Вахлеръ оставили на нихъ прочное, неизгладимое впечатлѣніе. Скоро имъ посчастливилось сблизиться съ молодымъ профессоромъ Савиньи (род. 1779), вся личность котораго отличилась необыкновенной привлекательностью. Впослѣдствіи онъ имѣлъ вліяніе на весь ходъ ихъ развитія, на ихъ занятія и судьбу. Онъ сообщилъ имъ новое высшее направленіе, которое далеко оставило за собой избитую дорогу такъ-называемой хлѣбной науки. Къ началу нашего столѣтія относится та пора, когда въ Германіи съ одной стороны процвѣтала историко-критическая школа, представителями которой были Фридрихъ Августъ Вольфъ и Нибуръ, съ другой стороны въ поэзіи, чрезъ братьевъ Шлегелей и Тика, получила господство романтическая школа, и обѣ эти стихіи налагали свою печать

Digitized by Google

на всю умственную жизнь современной Германіи. Подъ вліяніемъ обѣихъ совершилось университетское образованіе братьевъ Гриммовъ.

Есть внѣшній, почти всегда вѣрный признакъ для отличенія романтиковъ отъ послѣдователей исторической школы. Послѣдніе почти всегда протестанты даже у католическихъ народовъ, между тѣмъ какъ первые почти всегда и вездѣ питаютъ сильную наклонность къ ультрамонтанизму, хотя и не всегда явно выказываютъ это. Сущность исторической школы составляетъ признаніе невидимо, но непрерывно дѣйствующей и живущей въ народѣ творческой силы, между тѣмъ какъ начало романтизма заключается въ отрицаніи этой силы.... (Впослѣдствіи Яковъ Гриммъ самъ написалъ разсужденіе «О поэзіи въ правѣ»!) У романтиковъ господствуетъ необузданная фантазія, въ исторической критикѣ—трезвый, неподкупный разумъ. Въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ историческая школа является съ охранительнымъ характеромъ, но методъ, внесенный ею въ историческія изслѣдованія—обоюдуострый мечъ.

Болѣе глубокое пониманіе законовъ преемственности историческихъ явленій отразилось и на юриспруденціи: Фридрихъ Савиньи является основателемъ и геніальнѣйшимъ представителемъ исторической школы въ области права. Своими изслѣдованіями и академической дѣятельностью Савиньи снискалъ всеобщее уваженіе. Но самые восторженные почитатели великаго ученаго согласятся, что своей дѣятельностью на государственномъ поприщѣ въ Пруссіи (онъ былъ министромъ юстиціи еще въ 1848 г.) онъ не только не оправдалъ, но даже обманулъ ожиданія, которыя общественное мнѣніе было въ правѣ возлагать на него. Изъ справедливаго отвращенія къ лишеннымъ всякаго практическаго смысла стремленіямъ современныхъ либераловъ, которые были готовы навязать идеальную форму государственной и юридической жизни—произвольное произведеніе собственной досужей фантазіи—всякому данному содержанію безразлично, у Савиньи явилась другая противоположная крайность. Вооружаясь противъ утопій, онъ готовъ былъ признать за дѣйствительное выраженіе народныхъ потребностей все, что̀ угодно, кромѣ того только, на что̀ именно указывало общественное мнѣніе. Отсюда же вытекало у него странное

Digitized by Google

стремленіе поддерживать во что бы ни стало устарѣлыя формы наперекоръ желаніямъ всѣхъ заинтересованныхъ, и уничтожать новыя, общепризнанныя формы, какъ напримѣръ Наполеоновъ кодексъ въ Рейнской Пруссіи. Но внѣ этихъ односторонностей, методу, введенному имъ, особливо въ изслѣдованіяхъ «О владѣніи» и въ «Исторіи римскаго права въ средніе вѣка» наука права обязана новымъ, богатымъ содержаніемъ. До того времени представляя сухой, мертвый механизмъ, подъ руками Савиньи она получила новую жизнь, раскрыла новый разнообразный міръ. Именно послѣднимъ сочиненіемъ была возстановлена связь между древностью, жизнью среднихъ вѣковъ и новымъ временемъ, связь, которую въ своемъ односторонемъ направленіи политическіе историки упускали прежде изъ виду.

Такой человѣкъ долженъ былъ оказать прочное вліяніе на нашихъ юношей. Они усердно пользовались отличной библіотекой Савиньи, въ которой Яковъ имѣлъ случай познакомиться кромѣ юридическихъ и съ другими сочиненіями, между прочимъ съ Бодмеровымъ изданіемъ нѣмецкихъ миннезенгеровъ, которыхъ ему суждено было потомъ такъ часто брать въ руки. Не забывая юридическія лекціи, и не слишкомъ разбрасываясь въ разныя стороны, братья въ то же время интересовались и другими предметами. Оживленныя чтенія объ исторіи и литературѣ Вахлера, котораго они были прилежными слушателями, раскрыли для нихъ новую область, ту самую, которую въ будущемъ имъ суждено было съ такимъ успѣхомъ возлѣлать и расширить. Начитанность и критическій талантъ Вахлера вызвали въ нихъ охоту къ изученію нѣмецкой старины и къ собственнымъ изслѣдованіямъ. Къ этому присоединялся тотъ благородный духъ, который жилъ въ то время между марбургскими студентами. Мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь то, что Яковъ говоритъ по поводу своей студенческой жизни, тѣмъ болѣе, что многое изъ сказаннаго имъ не лишено значенія и для насъ.

«Въ настоящее время правительство стало гораздо дѣятельнѣе прежняго слѣдить за училищами и университетами. Оно ужь, кажется, слишкомъ заботливо хочетъ удостовѣриться въ степени годности своихъ служителей и думаетъ достигнуть этого,

Digitized by Google

установивъ множество обязательныхъ испытаній. Мнѣ кажется, что со временемъ оно уменьшитъ свою строгость въ этомъ отношеніи. Не говоря уже о томъ, что такой надзоръ какъ бы подрѣзаетъ крылья свободному развитію юноши и стѣсняетъ его въ пору той невинной вольности, которая оставляетъ благотворные слѣды на все остальное время жизни и которая проходитъ безвозвратно, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что, если и можно опредѣлить мѣру обыкновеннаго таланта, то трудно найдти ее для необыкновеннаго дарованія и совсѣмъ невозможно для генія. Такимъ образомъ, множество правительственныхъ предписаній, опредѣляющихъ ходъ университетскихъ занятій, если ихъ строго соблюдать, производятъ только однообразную правильность, которая одна едва ли окажется достаточной въ чрезвычайныхъ случаяхъ жизни. Правда, этимъ удаляются изъ школы и изъ университета совершенно негодные элементы; но вмѣстѣ съ тѣмъ, быть-можетъ, задерживаются и превосходные. Правда, среднимъ числомъ теперь въ университетъ и въ школу поступаютъ ученики съ болѣе основательными свѣдѣніями, чѣмъ прежде; но зато среднимъ числомъ выходитъ какая-то посредственность успѣховъ. Все ужь какъ-то слишкомъ распредѣлено, предусмотрѣно и размѣрено наперед, даже и въ головахъ учащихся. Годовые труды безсознательно сообразуются съ экзаменомъ; студентъ, волей или неволей, долженъ слушать лекціи по всѣмъ предметамъ, изъ которыхъ его будутъ экзаменовать. Оттого ему не остается времени слушать тѣ, которые для него необязательны. Признавая нѣкоторые предметы какъ бы офиціальными и обязательными, правительство унижаетъ другіе».

1804 Савиньи предпринялъ ученое путешествіе, и изъ Парижа пригласилъ Якова, котораго онъ уже успѣлъ оцѣнить, пріѣхать туда помочь ему въ его ученыхъ трудахъ. Молодой человѣкъ, только что оставившій университетскія скамьи, съ радостью принялъ это лестное предложеніе, и чрезъ нѣсколько недѣль сидѣлъ уже въ почтовой каретѣ, и чрезъ Майнцъ, Мецъ, и Шалонъ, въ началѣ февраля 1805 года, прибылъ въ Парижъ, между тѣмъ какъ любящая мать каждую ночь вставала съ постели и, въ робкой заботливости о своемъ любимцѣ, справлялась о погодѣ. Франція представлялась ей гдѣ-то на краю свѣта, и,

Digitized by Google

съ затаеннымъ страхомъ, дала она свое согласіе на это, въ то время, еще весьма значительное путешествіе. Между тѣмъ Яковъ, подъ руководствомъ своего знаменитаго наставника, рылся въ сокровищахъ богатой парижской библіотеки.

Въ сентябрѣ 1805 года, онъ возвратился на родину и въ Марбургѣ свидѣлся съ Вильгельмомъ. Отсюда они вмѣстѣ отправились въ Кассель, куда переселилась изъ Штейнау ихъ мать, чтобы провести старость съ дѣтьми. Пускай извинитъ насъ читатель, если мы вдаемся въ слишкомъ мелочныя подробности, но въ жизни великихъ людей часто бываютъ интересны самыя ничтожныя обстоятельства. Въ Касселѣ Яковъ выдержалъ юридическій экзаменъ для поступленія въ государственную службу и искалъ мѣста, которое съ большимъ трудомъ, наконецъ, получилъ въ военной коллегіи, съ годовымъ окладомъ въ 100 талеровъ. Сухая, казенная работа тяготила его, особенно когда онъ сравнивалъ ее съ своими занятіями въ Парижѣ; также жалко было ему промѣнять свой модный парижскій костюмъ на гессенскій мундиръ съ неизбѣжной косой. Не смотря на все это онъ былъ доволенъ, и все свободное время посвящалъ изученію средневѣковой литературы и поэзіи, которыя все болѣе и болѣе привлекали его, и которымъ онъ съ 1810 года почти исключительно предался.

Между тѣмъ и Вильгельмъ, сдавъ свой экзаменъ въ 1807, ждалъ мѣста, котораго, однако, вслѣдствіе политическихъ событій, въ то время волновавшихъ Германію, не могъ получить. Незадолго передъ тѣмъ всесильная воля Наполеона низложила гессенскую династію и призвала Іеронима Бонапарта на престолъ вновь созданнаго Вестфальскаго королевства. Кто не знаетъ печальной исторіи того времени? Гессенское курфиршество было занято Французами, Кассель сдѣланъ резиденціей новаго королевства, а прежніе чиновники частью удалены, частію добровольно отказались отъ службы. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Яковъ Гриммъ, который, выведенный изъ терпѣнія безпрестанными непріятностями по службѣ, и, по примѣру Савиньи, нерасположенный къ нововведеніямъ Наполеонова кодекса, вышелъ въ отставку и такимъ образомъ лишилъ себя средствъ помогать старушкѣ-матери и семейству. Именно эта забота о семействѣ заставила его искать болѣе согласнаго

Digitized by Google

съ его наклонностями мѣста при кассельской публичной библіотекѣ, тѣмъ болѣе, что онъ успѣлъ пріобрѣсти навыкъ въ чтеніи рукописей (это искусство несравненно труднѣе, чѣмъ оно можетъ казаться непосвященнымъ) и ближе ознакомиться съ исторіею литературы. Но мѣсто, котораго онъ добивался, досталось другому; скоро затѣмъ послѣдовавшая смерть матери окончательно сразила молодаго человѣка: положеніе его въ это время было далеко не завидное.

Но и здѣсь оправдалась старинная пословица: «чѣмъ больше бѣда, тѣмъ ближе Богъ». Извѣстный историкъ Іоаннъ фонъ-Миллеръ, бывшій министромъ и статсъ-секретаремъ и въ это время управлявшій народнымъ просвѣщеніемъ въ Вестфальскомъ королевствѣ, познакомился съ Яковомъ, оцѣнилъ его способности и рекомендовалъ его кабинетсъ-секретарю короля Іеронима, Кузену де-Маренвиль. Чрезъ него-то Яковъ получилъ мѣсто библіотекаря при частной библіотекѣ короля, находившейся въ замкѣ Wilhelmshöhe. Когда Гриммъ обратился къ Кузену за инструкціями для своей служебной дѣятельности, то получилъ замѣчательный отвѣтъ, характеризирующій современное положеніе дѣлъ въ новомъ королевствѣ: «Vous ferez mettre en grands caractères sur la porte: Bibliothèque Particulière du Roi». Гримму было положено жалованье въ 2000 франковъ, которое потомъ, такъ какъ имъ остались довольны, было увеличено до 3000. Нѣсколько времени спустя, король Іеронимъ однажды утромъ лично объявилъ ему, что назначаетъ его аудиторомъ въ государственный совѣтъ (Auditeur au conseil d'Etat) съ оставленіемъ при библіотекѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему прибавили еще 1000 франковъ жалованья. Теперь онъ былъ совершенно обезпеченъ и съ удвоеннымъ усердіемъ могъ предаться своимъ любимымъ занятіямъ.

Новая должность не слишкомъ обременяла его работой. Іеронимъ, веселый и легкомысленный, любилъ болѣе бесѣдовать съ молодыми красавицами, чѣмъ съ старыми фоліантами. Занятія Гримма по службѣ въ государственномъ совѣтѣ ограничивались почти единственно обязанностью являться отъ времени до времени въ великолѣпномъ, шитомъ мундирѣ. Еслибы это приходилось слишкомъ часто, то вѣрно надоѣло бы молодому археологу. Безъ мелкихъ непріятностей, разумѣется, не

Digitized by Google

обходилось. Вестфальскій дворъ жилъ весело и роскошно; когда король однажды вздумалъ дать балъ въ Wilhelmshöhe, то приказано было всю библіотеку вынести, какъ и куда попало. Нѣсколько недѣль лежали дорогія книги въ самомъ ужасномъ безпорядкѣ, пока наконецъ ихъ перевезли въ Кассель и размѣстили во дворцѣ. Еще большею опасностью угрожалъ библіотекѣ случившійся въ 1811 году страшный пожаръ. Среди дыма и пламени солдаты лейбъ-гвардіи выбирали книги, клали ихъ въ холстинные мѣшки и потомъ кидали внизъ на дворцовую площадь. Къ полночи явился Яковъ Гриммъ и успѣлъ довершить въ нѣкоторомъ порядкѣ спасеніе ввѣренныхъ ему сокровищъ. Когда все было кончено, онъ было заблудился, спускаясь внизъ по одной изъ боковыхъ лѣстницъ дворца, и долженъ былъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ въ темнотѣ искать выхода, подвергаясь опасности задохнуться отъ дыма.

Въ томъ же году явился первый опытъ Якова въ области средне-нѣмецкой литературы, изслѣдованіе о нѣмецкихъ мейстерзгенгерахъ (Ueber den deutschen Meistergesang), замѣчательное произведеніе, которое въ зародышѣ уже заключало въ себѣ самобытный методъ и оригинальный способъ изслѣдованія, достигшіе полнаго развитія въ его послѣдующихъ сочиненіяхъ.

Между тѣмъ, какъ жизнь Якова принимала такимъ образомъ довольно удовлетворительный оборотъ, Вильгельмъ отправился въ Галле, гдѣ онъ, вслѣдствіе возвратившейся съ новой силой болѣзни сердца, прибѣгнулъ къ совѣтамъ знаменитаго Рейля и получилъ отъ него облегченіе. Онъ нашелъ здѣсь радушное гостепріимство въ домѣ извѣстнаго капельмейстера Рейхардта. Самъ Рейхардтъ, при нѣкоторыхъ странностяхъ и сильно развитомъ самолюбіи, былъ человѣкъ съ благороднымъ, впечатлительнымъ сердцемъ, артистъ въ полномъ смыслѣ; всѣ члены его семейства, и въ особенности взрослыя дочери, отличались образованіемъ и любезностью. Въ такомъ кружкѣ Вильгельмъ, не смотря на тяжелыя времена, которыя настали тогда для Германіи, могъ находить отраду и пищу для сердца, особенно когда, по вечерамъ, дочери артистически выполняли музыку, сочиненную отцомъ на пѣсню Гёте. Вообще, превосходство брата ставитъ Вильгельма какъ бы въ полу-тѣнь; но, постав-

Digitized by Google

ленный судьбою и одиноко, онъ тѣмъ не менѣе занялъ бы одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ученой литературѣ. Яковъ отличается болѣе строгимъ, исключительно научнымъ направленіемъ; въ Вильгельмѣ мы видимъ душу, болѣе доступную поэзіи; по всему нравственному существу своему, онъ стоитъ ближе къ романтизму, и въ самомъ дѣлѣ онъ первый сблизился съ главами романтической школы. Послѣ довольно долговременнаго пребыванія въ Галле, Вильгельмъ отправился, по рекомендаціи Савиньи, въ Берлинъ къ извѣстному поэту Ахиму фонъ-Арниму, и тамъ, не смотря на тревоги этого времени, пережилъ въ обществѣ сочувствующаго друга много счастливыхъ, свѣтлыхъ дней. Арнимъ имѣлъ на обоихъ братьевъ самое рѣшительное вліяніе. У него отчасти они научились съ любовью и теплымъ сочувствіемъ углубляться въ жизнь германской старины, именно съ ея внѣшней стороны, столь заманчивой для воображенія, между тѣмъ какъ отъ Савиньи они усвоили себѣ строгій научный методъ.

Мы должны признать великія заслуги романтиковъ, вызвавшія къ новой жизни германскую средневѣковую старину. Они указали эстетическому чувству своего народа на забытыя сокровища минувшихъ вѣковъ, они ввели его въ міръ восточной фантазіи и мудрости (особенно братья Шлегели); они обогатили исторію нѣмецкой литературы новыми, удачными воззрѣніями и успѣшно боролись съ одностороннимъ направленіемъ эстетики, которое хотѣло подвести подъ одинъ уровень всѣ времена и народы; наконецъ, благодаря имъ, занятіе старинной нѣмецкой литературой сдѣлалось современною, если можно такъ выразиться, модною наукой *. Но далѣе не простираются права романтиковъ на нашу признательность. Даже первая мысль—обращенія къ народной поэзіи, принадлежитъ не имъ; Гердеру должно приписать эту великую, безсмертную заслугу. Въ своей книгѣ «О бытѣ и искусствѣ нѣмецкаго народа» (Von deutscher Art und Kunst, 1773), Гердеръ, руково-

* Жена Фридриха Шлегеля, Доротея, урожденная Мендельсонъ, въ 1804 г. издала первое собраніе средневѣковыхъ стихотвореній и побудила своего мужа, въ слѣдующемъ году, издать старинную французскую поэму: Лотеръ и Маллеръ.

Digitized by Google

дясь свѣтлыми идеями Гаманна, возстановилъ права древней народной поэзіи, указалъ въ этихъ, такъ долго пренебрегаемыхъ пѣсняхъ источникъ и начало всей поэзіи и требовалъ для нихъ, по времени и по достоинству, первенства передъ позднѣйшими произведеніями личнаго творчества. Благодаря труду Гердера о Гомерѣ, мы научились понимать сущность эпоса, а въ его сужденіи о народныхъ пѣсняхъ были впервые высказаны истинныя понятія о свойствахъ народной поэзіи: понятія, которыя были потомъ приняты романтической школой и ея послѣдователями. Благодаря имъ, особенно братьямъ Гриммамъ, эти понятія получили бо́льшую опредѣленность, болѣе полное развитіе и много способствовали вѣрному разумѣнію всей поэзіи и ея исторіи. Словомъ, эти новыя понятія произвели, можно сказать, коренной переворотъ въ воззрѣніи на исторію и поэзію. Но познанія романтиковъ въ нѣмецкой древности были еще весьма недостаточны; къ ихъ воззрѣніямъ примѣшивались различные предразсудки, зависившіе отъ временнаго, преходящаго настроенія народа, ихъ методъ былъ несовершенный, можно сказать, даже ложный. Въ вольныхъ переложеніяхъ народныхъ пѣсенъ имъ не разъ случалось искажать характеръ старинной народной поэзіи (сто́итъ только вспомнить объ изданіи Брентано и Арнима «Des Knaben Wunderhorn») и выставлять ложныя эстетическія теоріи. Они составляли себѣ свое особое представленіе о средневѣковой жизни, такое, какое было нужно для ихъ эстетическихъ цѣлей и для противодѣйствія либеральному направленію вѣка. Понимать средніе вѣка *исторически* они или не умѣли, или не считали нужнымъ. Но изъ этого смутнаго, неопредѣленнаго сочувствія средневѣковой жизни вытекло то общее направленіе нашего времени, которое выразилось въ великихъ ученыхъ трудахъ, особенно братьевъ Гриммовъ. Болѣе самихъ теоретиковъ этой школы (именно Шлегелей) содѣйствовали возбужденію и оживленію этого сочувствія: Тикъ, Арнимъ и Брентано, потому что въ основаніи ихъ воззрѣнія было болѣе исторической истины и потому что они съ чистосердечнымъ увлеченіемъ изучали особенности жизни, мышленія и вѣрованій народа. Вотъ почему братья Гриммы, движимые благоговѣніемъ къ памяти Арнима, послѣ его смерти, при содѣйствіи его вдовы Беттины, урожденной Брен-

Digitized by Google

тано, издали полное собраніе его сочиненій, которыя до того времени вовсе не обращали на себя вниманіе публики или пришли въ забвеніе. И съ другими предводителями романтической школы Гриммы были довольно близки. «Германскій музеумъ» Фридриха Шлегеля (1812) украсился статьей Вильгельма Гримма, въ которой онъ нѣсколько романтическимъ, картиннымъ, но весьма выразительнымъ и изящнымъ языкомъ объяснялъ на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сказаніяхъ (напримѣръ—сказаніяхъ о Теллѣ) таинственный переходъ преданій и сагъ отъ одного народа къ другому.

На возвратномъ пути изъ Берлина, Вильгельму удалось въ Веймарѣ лично познакомиться съ Гёте. Великій поэтъ выразилъ сочувствіе къ стремленію братьевъ — воскресить древнюю народную литературу, и изъявилъ готовность всѣми средствами споспѣшествовать ихъ усиліямъ. Судя по этому, отъ него можно былобы ожидать болѣе вѣрнаго изображенія среднихъ вѣковъ, чѣмъ то, которое онъ представилъ намъ во 2-ой части Фауста.

Съ 1813 года началось великое движеніе германскаго народа во имя освобожденія отъ чужеземнаго ига. Оба брата радостно привѣтствовали святую брань, въ которой они, по своему положенію, не могли принимать участія съ оружіемъ въ рукахъ; зато своими учеными трудами они честно содѣйствовали оживленію народнаго самосознанія. 28 сентября 1813 Кассель былъ взятъ Чернышевымъ; Іеронимъ, вмѣстѣ со всѣмъ французскимъ войскомъ, очистилъ городъ и страну, а старый курфирштъ 21 ноября торжественно въѣхалъ въ свою столицу. Весь городъ слѣдовалъ за коляской природнаго государя по убраннымъ цвѣтами улицамъ. Въ скоромъ времени Яковъ, въ качествѣ секретаря при гессенскомъ посольствѣ, былъ отправленъ въ главную квартиру союзныхъ войскъ, и вмѣстѣ съ ними вступилъ въ Парижъ. На дорогѣ онъ, разумѣется, не забывалъ посѣщать значительнѣйшія библіотеки. Въ Парижѣ, при содѣйствіи своего друга Фёлькеля, который былъ сынъ извѣстнаго марбургскаго филолога и впослѣдствіи сдѣлался начальникомъ Гриммовъ по службѣ, онъ старался о возвращеніи похищенныхъ Французами литературныхъ сокровищъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отправился, также въ званіи секретаря посольства, для

Digitized by Google

присутствованія на конгрессѣ, въ Вѣну, гдѣ, кажется, его болѣе занимали нѣмецкія древности, нежели дипломатическія интриги. Здѣсь онъ сблизился со многими знаменитостями (Вильгельмомъ фонъ-Гумбольдтомъ, Варнгагеномъ фонъ-деръ-Энзе, Шлегелями, и проч.), издалъ собраніе романсовъ подъ названіемъ: Silva de romances viejos, и съ успѣхомъ занимался славянскими нарѣчіями, чтò доказывается его переводомъ сербской грамматики Вука Караджича и предисловіемъ къ ней. Его ученая извѣстность уже въ это время стояла такъ высоко, что прусское правительство выпросило у курфирста позволеніе поручить Гримму истребованіе назадъ драгоцѣнныхъ рукописей, похищенныхъ изъ разныхъ прусскихъ областей: Яковъ съ такою ревностью выполнилъ возложенное на него порученіе, что навлекъ на себя страшную ненависть парижскихъ библіотекарей, которые съ этихъ поръ не позволяли ему пользоваться библіотекой для своихъ частныхъ занятій. Одобрительное письмо государственнаго канцлера, князя Гарденберга, было единственной наградой за его труды.

Послѣ этого, наконецъ, онъ возвратился въ Кассель, гдѣ его между тѣмъ назначили секретаремъ посольства при сеймѣ. Но онъ рѣшительно отклонилъ отъ себя это новое званіе, и, чтобы имѣть возможность жить единственно для науки, отказался отъ завлекательнаго дипломатическаго поприща. Онъ чувствовалъ, что не рожденъ дипломатомъ, и потому охотно принялъ мѣсто втораго библіотекаря въ Касселѣ, съ окладомъ въ 600 талеровъ. Его положеніе имѣло ту выгоду, что Фёлькель былъ его начальникомъ, а Вильгельмъ, для того чтобы не разлучаться съ старшимъ братомъ, удовольствовался весьма скромнымъ мѣстомъ при той же библіотекѣ. Вмѣсто того, чтобы вѣчно строчить протоколы, онъ сталъ теперь трудиться надъ своей »Нѣмецкой грамматикой» (первый томъ которой вышелъ въ 1819 году), и этимъ трудомъ содѣйствовалъ распространенію и утвержденію въ германскомъ народѣ сознанія единства,—болѣе, быть-можетъ, нежели всѣ рѣшенія сейма.

Съ этой-то поры наступаетъ для обоихъ братьевъ самое цвѣтущее время ихъ плодотворной дѣятельности. Рядъ сочиненій, созрѣвшихъ въ тишинѣ, прославилъ ихъ имя и сдѣлалъ его дорогимъ для каждаго Нѣмца. Вмѣстѣ издавали они плоды своихъ

Digitized by Google

изслѣдованій, при первомъ появленіи получавшіе громкую извѣстность и доставлявшіе братьямъ почести и почетные титулы— не отъ правительствъ, но отъ университетовъ и академій. Первый орденъ, который получилъ Яковъ Гриммъ, былъ орденъ почетнаго легіона! Извѣстно проникнутое горькимъ негодованіемъ стихотвореніе, которое по этому случаю написалъ Гофманъ (фонъ-Фаллерслебенъ) *. Когда братья обратились къ правительству съ просьбою о необходимой для ихъ ученыхъ нуждъ прибавкѣ оклада, они получили — отказъ. Служба въ Гессенѣ стала для нихъ еще болѣе невыносимой, когда Якову было нанесено личное оскорбленіе: по смерти Фёлькеля, въ 1829 году, представился наконецъ случай для давно заслуженнаго повышенія, Гриммъ не получилъ мѣста главнаго библіотекаря. Мимо его это мѣсто досталось человѣку, который занималъ уже другія доходныя должности: это былъ тогдашній исторіографъ гессенскаго курфиршества, директоръ государственнаго архива и музея, Дитрихъ Христофоръ фонъ-Роммель, который съ 1804 по 1810 былъ профессоромъ древней литературы въ Марбургѣ, а 1810 былъ призванъ, въ званіи профессора и надворнаго совѣтника, въ харьковскій университетъ, гдѣ онъ оставался до 1815 года и потомъ возвратился на родину. Онъ извѣстенъ нѣсколькими сочиненіями, особенно Исторіей гессенскаго государства и Жизнеописаніемъ курфиршта Вильгельма I. Нельзя сказать, чтобы онъ не имѣлъ правъ на библіотекарское мѣсто, но Гриммъ былъ ближайшій кандидатъ и имѣлъ болѣе законныя права. При такихъ обстоятельствахъ братья, хотя съ глубокою скорбью, должны были проститься съ родиною и послѣдовали приглашенію въ Гёттингенъ, гдѣ къ новому 1830 году Яковъ занялъ мѣсто профессора и старшаго библіотекаря, Вильгельмъ былъ опредѣленъ вторымъ библіоте-

---

* Wenn die deutschen Fürsten wüssten,
Was Er that für's Vaterland,
Legionen Orden müssten
Längst schon schmücken sein Gewand.
Und was ward im Vaterlande
Ihm dafür zum Ehrenlohn?
Nur zu Deutschlands Spott und Schande
Frankreichs Ehrenlegion.

Digitized by Google

каремъ, и такимъ образомъ оба нашли новую, достойную ихъ, среду дѣятельности. Семь лѣтъ трудились они здѣсь словомъ и перомъ, совершивъ много великаго, воспитавъ рядъ отличныхъ учениковъ и послѣдователей, которые, въ ихъ духѣ и по ихъ слѣдамъ, разработывали языкъ, литературу и миѳологію нѣмецкаго народа. Всѣ, кто раздѣлялъ съ ними одинакія стремленія, признавали ихъ главами новой школы, путеводителями и наставниками въ германской филологіи. Ихъ удивительное, неутомимое трудолюбіе въ собираніи и изслѣдованіи матеріаловъ, ихъ глубокія познанія въ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ всѣхъ временъ (не говоря о другихъ языкахъ), рѣдкая проницательность и могучая способность соображенія, въ короткое время произвели такъ много глубокомысленныхъ трудовъ, проложившихъ новые пути и представившихъ новые изумительные результаты, что имя Гриммовъ сдѣлалось авторитетомъ для всѣхъ, знакомыхъ съ ихъ сочиненіями. Вильгельмъ еще 1825 г. женился на Доротеѣ Вильдъ и въ полной мѣрѣ наслаждался семейнымъ счастіемъ; Яковъ, оставшійся холостымъ, нашелъ мирный пріютъ въ семьѣ брата: книги и матеріалы и безъ того составляли общее ихъ достояніе. Они достигли, чего можетъ достигнуть ученый въ Германіи — скромнаго, но почетнаго положенія.

Но въ это-то самое время настали для нихъ дни испытанія, изъ котораго они вышли чистыми, какъ золото изъ горнила. Коренной законъ ганноверской конституціи, постановленный по обоюдному соглашенію между Вильгельмомъ IV, королемъ Великобританіи и Ганновера съ одной, и чинами королевства съ другой стороны, былъ отмѣненъ новымъ королемъ Эрнстомъ Августомъ въ силу двухъ патентовъ, изданныхъ тотчасъ по вступленіи его на престолъ 1837 г. Только семеро изъ профессоровъ гёттингенскаго университета, въ томъ числѣ и наши братья, вняли голосу совѣсти и громко, отложивъ человѣческій страхъ, возвысили голосъ противъ нарушенія присяги. «Для чего же и давать присягу, если ее можно нарушить»? Они не хотѣли, по словамъ Гервинуса, послѣдовать практическому совѣту пѣсни:

Lasst uns den Eid vernichten, uns zu retten,
Sonst retten wir den Eid, vernichten uns.

Digitized by Google

Эти семь человѣкъ были: Альбрехтъ, Дальманнъ, Эвальдъ, Гервинусъ, Веберъ и братья Гриммы. Тогда совершилось неслыханное дѣло: безъ слѣдствія, безъ суда, всѣ семеро были лишены мѣстъ, а трое изъ нихъ высланы изъ королевства. Какъ бѣглецы, какъ изгнанники, покинули они ганноверскую землю, взявъ съ собой одну незапятнанную честь и чистую совѣсть. Сознанію долга они пожертвовали почетнымъ и вѣрнымъ положеніемъ, чтобы идти навстрѣчу невѣрному будущему. Вѣнецъ мучениковъ украсилъ чело ученыхъ мужей. Объ этомъ событіи, о побужденіяхъ, руководившихъ имъ въ этомъ случаѣ, Яковъ Гриммъ (между 12 и 16 января 1838 года) написалъ отдѣльную брошюру: «Ueber seine Entlassung». (Вечеромъ 17-го ноября былъ подписанъ протестъ; 11-го декабря всѣ семеро были отрѣшены отъ мѣстъ. Трое изъ нихъ: Дальманнъ, Яковъ Гриммъ и Гервинусъ, за сообщеніе экземпляровъ протеста за границы королевства, были высланы. «Предписывается имъ, сказано въ королевскомъ приказѣ, въ теченіи трехъ дней оставить наши владѣнія; въ случаѣ же неповиновенія надъ ними будетъ наряжено строгое слѣдствіе, а сами они имѣютъ быть перевезены въ другое мѣсто въ королевствѣ»). 16-го декабря Яковъ переступилъ пограничную черту между страной, которая призвала его и которой онъ вѣрно и честно служилъ въ продолженіи 8 лѣтъ, и родиной, которая принимала его неохотно и даже отказала въ убѣжищѣ его товарищамъ по несчастію. Онъ разсказываетъ, что на границѣ Ганновера попалась ему навстрѣчу неизвѣстная старушка съ внукомъ... «Подай руку этому господину, онъ изгнанникъ», сказала она дитятѣ, указывая на него. Въ то самое время, когда жестокая мѣра правительства приводилась въ исполненіе, къ протесту названныхъ нами 7 человѣкъ присоединились еще 6 профессоровъ; это обстоятельство раскрыло наконецъ глаза министрамъ, которые въ 1833 году присягали конституціи и остались министрами въ 1837 г., и показало имъ, что они зашли слишкомъ далеко. Вильгельмъ послѣдовалъ за братомъ въ изгнаніе. Германія заплатила имъ уваженіемъ и любовью, а одинъ изъ нѣмецкихъ государей, истинно просвѣщенный покровитель науки, прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV, чрезъ нѣсколько времени призвалъ ихъ, по рекомендаціи Александра фонъ-Гумбольдта и Савиньи, въ

Digitized by Google

берлинскую академію, гдѣ они были съ избыткомъ вознаграждены за потерянное въ Гёттингенѣ.

Въ 1848 году Яковъ Гриммъ былъ избранъ депутатомъ во франкфуртскій парламентъ. Его встрѣтили съ восторгомъ, но тѣмъ не менѣе онъ самъ чувствовалъ, что онъ тутъ не на своемъ мѣстѣ: онъ любилъ ту свободу, которая идетъ рука объ руку съ закономъ и съ порядкомъ. Онъ сдѣлалъ одно только предложеніе: «отмѣнить ордена и всѣ знаки отличія, по крайней мѣрѣ на гражданской службѣ». Предложеніе это — само собою разумѣется — было отвергнуто огромнымъ большинствомъ голосовъ! Съ шумнаго поприща политическихъ преній онъ скоро удалился въ тишину кабинета и, вмѣстѣ съ братомъ, положилъ начало новому, безсмертному памятнику нѣмецкаго трудолюбія. Скоро вышли въ свѣтъ первые выпуски *Словаря*, заключающіе въ себѣ неистощимый кладъ знанія и свѣтлыхъ мыслей. Медленно, но твердо, подвигается этотъ гигантскій трудъ, который братья воздвигаютъ, какъ вѣнецъ своей дѣятельной жизни, на вѣчную память своего имени и своей братской любви, на славу нѣмецкаго народа. Великое дѣло, для котораго во Франціи потребовалась цѣлая академія, въ Германіи приняли на себя два брата: Яковъ и Вильгельмъ Гриммы.

Представивъ въ краткомъ очеркѣ жизнь братьевъ, въ слѣдующей статьѣ мы намѣрены говорить объ ихъ трудахъ и значеніи въ наукѣ, и наконецъ въ третьей и послѣдней подвергнуть безпристрастному обсужденію ихъ послѣднее твореніе, которое вызвало много похвалъ, но и много порицаній, болѣе или менѣе справедливыхъ.

Ю. Фёлькель.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Письма изъ Берлина къ Редактору.

—

II.

Религіозная живопись представлена еще бѣднѣе на выставкѣ, чѣмъ миѳологія. Остановиться рѣшительно не на чемъ, хотя картинъ довольно, хотя много именъ художниковъ и много разныхъ направленій, давно извѣстныхъ и давно обсуженныхъ. Въ этой отрасли живописи преданіе царитъ самымъ могущественнымъ образомъ: иначе и быть не можетъ. Здѣсь искусство обращается въ ремесло; оно исполняетъ заказы, и трудно отыскать внутреннее побужденіе къ творчеству, какъ у Овербека. Всѣ нововведенія кажутся здѣсь жалкими. Вотъ, напримѣръ, большая картина довольно извѣстнаго художника *Генца*: «Христосъ между мытаремъ и фарисеемъ». Что̀ это такое? Откуда, изъ какой жизни эти лица? Генцъ хотѣлъ подражать Венеціанцамъ, которые, какъ Павелъ Веронезъ, считали библейское событіе только предлогомъ для изображенія окружающей ихъ богатой жизни торговаго города, столь сильной, что они и освободиться отъ нея не могли. Оттого эта роскошь венеціанской жизни на ихъ картинахъ и приводитъ насъ въ восторгъ. По какому же праву г. Генцъ выводитъ ее теперь на сцену религіознаго событія? И смѣшно, и странно. Гораздо выше стоятъ тѣ религіозные художники, тѣ Назаряне или пре-Рафаэлиты, какъ называютъ ихъ, которые повторяютъ типы старыхъ мастеровъ Флоренціи, копируютъ головки Липпи

Digitized by Google

или Фьезоле, безъ ихъ вдохновеннаго чувства, безъ ихъ святой и трогательной граціи. Послѣднее уже невозможно: оно дается настроеніемъ эпохи, жизнью древнихъ художниковъ, въ кельѣ, въ молитвѣ, въ постѣ, въ экстазѣ. Никакое изученіе, никакое насильственное ломаніе себя въ духѣ и плоти не вернетъ человѣка къ прежнему. Послѣдовательнѣе было бы обратиться къ школѣ Джіотто; еще послѣдовательнѣе къ Византійцамъ: здѣсь религіозная живопись изображаетъ то, что̀ надо ей для ея литургическихъ потребностей; онѣ сложились разъ навсегда, и всякое отклоненіе будетъ несправедливою уловкой. Въ наше время живопись должна идти другою дорогой, ее ждутъ другіе идеалы. Между религіозными картинами выставки особенно выдается произведеніе *Плокгорста*: «Марія и евангелистъ Іоаннъ, возвращающіеся отъ гроба Спасителя»; но эта картина нравится не религіозностью содержанія, а обще-человѣческимъ чувствомъ, разлитымъ въ ней. Это глубокая, грустная элегія, это печаль у гроба: лица тутъ ничего не значатъ, и скорбь такъ же велика у гроба простаго человѣка для его любящихъ, какъ и у гроба Іисусова. Но вотъ картина директора дюссельдорфской школы, ея основателя, старика *В. Шадова*: «Усопшій Христосъ на лонѣ Маріи». Тутъ не ищите ничего человѣческаго, это самый упорный Назарянинъ, перешедшій въ деревенскаго маляра. Безыменныя дюжинныя произведенія нѣмецкихъ школъ, во множествѣ встрѣчающіяся въ музеяхъ небольшихъ городовъ Германіи и принадлежащія къ XV и XVI вѣкамъ, гораздо выше этой картины Шадова.

Перейдемъ теперь къ тому роду живописи, который больше другихъ имѣетъ произведеній на выставкѣ, именно къ разнообразному *жанру*, гдѣ исторія и поэзія и народная жизнь вызваны фантазіей художниковъ. Богатство содержанія поражаетъ съ перваго взгляда, сейчасъ видно образованныхъ художниковъ, которые и много читали, и много думали надъ жизнью. Они сами возбуждаютъ зрителя къ мысли, а это уже много со стороны художественныхъ произведеній. Невольно приходитъ намъ въ голову невыгодное сравненіе съ нашими академическими выставками въ Петербургѣ, которыя такъ бѣдны были жанромъ, что до сихъ поръ остаются въ памяти однѣ только выхваченныя изъ жизни картины покойнаго Ѳедотова. Зато

Digitized by Google

чего нѣтъ здѣсь? И фантастическая легенда, и иллюстрація любимаго поэта, и домашняя драма, и жизнь образованныхъ классовъ общества, и жизнь простаго народа, здоровая, крѣпкая, могучая. Я остановлю на короткое время ваше вниманіе надъ лучшими картинами, чтобъ показать какъ разнообразно ихъ содержаніе. Вотъ, напримѣръ, прекрасная картина римскаго пенсіонера *Ансельма Фейербаха*: «Прогулка Данта съ благородными женщинами Равенны». Какъ просты мотивы, но какъ много въ нихъ прелести! Какія благородныя, прекрасныя лица и у поэта, и у окружающихъ его Итальянокъ въ костюмахъ XIV вѣка. Бѣлокурыя головки женщинъ, точно копіи съ картинъ Пальмы Веккіо или Тиціана, которыхъ типы какъ усвоилъ себѣ Фейербахъ. Вглядываясь глубже въ эти лица, нельзя не догадаться, что эти женщины не простыя созданія земныя, а символы и изображенія добродѣтелей, которые Дантъ олицетворялъ въ «Новой жизни» и «Пирѣ», называя ихъ donne gentilissime и обращаясь съ ними какъ съ женщинами. Идеальнымъ спокойствіемъ проникнуты эти прекрасныя лица, переносящія насъ въ символическій міръ поэзіи Данта. Вотъ иллюстрація извѣстной сцены изъ Гётева «Гёцъ фонъ-Берлихингенъ», гдѣ епископъ бамбергскій играетъ въ шахматы съ Адельгейдою въ то время, какъ Либетраутъ поетъ пѣсню о Купидонѣ (картина *Мура*). Положеніе чрезвычайно изящно, и жаль только, что художникъ придалъ картинѣ своей большіе размѣры. Средневѣковой романъ о Тристанѣ и Изольдѣ послужилъ сюжетомъ для небольшой картинки *Стильке*, именно для сцены, гдѣ Яго этого романа открываетъ королю любовь жены его къ прекрасному рыцарю. Пестрый лагерь Шиллерова «Валленштейна» съ проповѣдью капуцина представленъ *Карломъ Бекеромъ*, у котораго на выставкѣ еще нѣсколько другихъ хорошенькихъ картинокъ. Фальстафъ Шекспира, въ извѣстной хвастовской сценѣ въ трактирѣ «Голова вепря» въ Генрихѣ V, отлично иллюстрированъ *Шрёдтеромъ*, который составилъ себѣ имя прекрасными иллюстраціями Донъ-Кихота. Молодой ученикъ дюссельдорфской школы, воспитанный, впрочемъ, въ Америкѣ и прославившійся своею картиной: «Переходъ Вашингтона чрезъ Делавару», прислалъ на выставку «Прогулку художниковъ по лугамъ Венеціи». Эта картина, однако, ни-

Digitized by Google

же его извѣстности. Онъ хотѣлъ представить роскошную жизнь венеціанскихъ художниковъ, изъ временъ Джорджіоне и Тиціана, ихъ поэтическія прогулки посреди цвѣтовъ, пѣсенъ и женщинъ, красотой которыхъ славилась Венеція XVI вѣка, но не смотря на прелесть красокъ, фигуры *Левье* страдаютъ недостаткомъ индивидуальной жизни и характера. Много другихъ картинъ останавливаютъ вниманіе особенностью содержанія и хорошимъ исполненіемъ; напримѣръ: «Тиціанъ съ своею дочерью Лавиніей» *(Крауся)*, «Квартетъ изъ временъ ванъ-Дика» (*Кразіусъ*), «Моцартъ, аккомпанирующій первой страсти своей—Алоизіи Веберъ» (*Боркманъ*); не говорю уже о множествѣ небольшихъ простыхъ мотивовъ, отдѣланныхъ очень изящно и носящихъ извѣстныя общія имена: La lettre, Le pardon, и проч.

Но эта поэзія, это богатство и разнообразіе содержанія дается художнику образованіемъ, чтеніемъ, духовнымъ развитіемъ; они приходятъ извнѣ, хотя, конечно, являются на полотнѣ прочувствованными душею. Но вотъ другой жанръ — сцены изъ народной жизни, — тутъ уже нужно все сердце, все чувство художника, тутъ нужно ему вполнѣ проникнуться сочувствіемъ къ народной жизни, переносить ее съ болью въ груди, чтобъ произвести что-нибудь достойное общаго вниманія. Въ наше время этотъ родъ живописи сильно развитъ въ Германіи, и не однѣ уже вѣчныя сцены изъ итальянской жизни, физіономіи нищихъ, бандитовъ, женщинъ изъ Альбано и Трастевере являются на выставкахъ, но и та жизнь, къ которой художникъ принадлежитъ по рожденію. Но какъ трудно возникновеніе этого рода живописи въ народѣ, какъ много для нея условій и какъ много требованій отъ художника! Для нея надо, чтобъ въ народѣ пробудилось чувство личности и самостоятельности, чтобъ его страсти, чтобъ личныя побужденія получили оправданіе, чтобъ народъ не былъ темною массой, простымъ орудіемъ другихъ классовъ, а имѣлъ бы права, землю, семейство, участвовалъ въ общемъ развитіи своей исторіи. Только такія условія помогли процвѣтанію фламандской живописи XVI и XVII вѣковъ, возведшей самую простую, будничную жизнь въ «перлъ созданія». Многими картинами изъ этого рода богата берлинская выставка, хотя и здѣсь, какъ въ другихъ родахъ,

Digitized by Google

нѣтъ высокихъ созданій, а однѣ порядочныя вещи, но общее впечатлѣніе благопріятно. Говорятъ, что настоящая выставка богаче въ этомъ родѣ прошлыхъ, а это очень важно: это большой успѣхъ и большой шагъ впередъ. Сколько хорошенькихъ сценъ изъ народной жизни разбросано по всѣмъ 17 или 18 комнатамъ академіи. *Мейерз* изъ Бремена представилъ сцену наводненія въ деревенской семьѣ; напрасно только эти дѣти такія чистенькія, такія умытыя. Сколько свѣжести чувства, юмора и вмѣстѣ печали въ этой картинѣ. Такова его же «Первая молитва ребенка», котораго учитъ мать молиться — простая, наивная идиллія изъ крестьянской жизни. Такова также молодая мать съ ребенкомъ на рукахъ, въ вечернемъ ландшафтѣ, ожидающая возвращенія мужа съ работы — *Плонгорста*. Здѣсь чѣмъ проще мотивы, но чѣмъ больше положено въ нихъ сердца и чувства, тѣмъ лучше для искусства. Истина чувства—главное дѣло. Сколько глубоко прочувствованнаго въ небольшой сценѣ *Іордана*, гдѣ цѣлое семейство хоронитъ меньшаго ребенка. Особенною національною характеристикой отличаются картины: *Мейерхейма* «Крестьянское семейство изъ Гессена» и *Гана* »Свадебный поѣздъ изъ великаго герцогства Мекленбург-Стрелицкаго». Граціей и дѣтскимъ юморомъ любуешься въ картинѣ *Кретчмера:* «Трубочистъ пришелъ», или въ сценѣ *Вейде*, представляющей какъ въ первый разъ снаряжаютъ въ школу мальчика. Простая жизнь свѣтится въ этихъ образахъ и такъ ясно улыбается зрителю. Особенною прелестью отличается картина *Дилленса*, спеціалиста по изображенію зеландской жизни, представляющая мастерскую зеландскаго портнаго. По достоинству она выше старыхъ Фламандцевъ. Портной Дилленса — фигура, исполненная народнаго юмора. Это нашъ Кирилычъ «Шинели». Онъ сидитъ, по обычаю всѣхъ портныхъ въ мірѣ, на столѣ, сложивъ ноги, какъ складываютъ ихъ его собратья. Его товарищъ утюжитъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Молодой деревенскій франтъ, въ красномъ жилетѣ съ мѣдными пуговицами, подошелъ къ окну, изъ котораго льется полный свѣтъ въ комнату, и выбираетъ какую-то часть одежды, а на улицѣ, какъ-будто поддразнивая его, остановились двѣ улыбающіяся, ярко освѣщенныя солнцемъ, бѣлокурыя дѣвушки, идущія на работу, съ граблями на плечахъ. Свѣжій, веселый

Digitized by Google

смѣхъ невольно овладѣваетъ при взглядѣ на эту картинку: вотъ что̀ значитъ сцена, выхваченная изъ жизни народной и непосредственно перечувствованная сердцемъ.

Почти треть нумеровъ берлинской выставки принадлежитъ ландшафтамъ, роду живописи, очень любимому въ наше время, не потому, чтобъ мы стали ближе къ природѣ, а потому, что овладѣли ею сильнѣе, болѣе цари надъ нею, чѣмъ прежде. И здѣсь, какъ и въ другихъ родахъ живописи, реальное начало беретъ верхъ надъ идеальнымъ, и не сентиментальная прелесть ландшафта, а существенныя явленія природы, ея дѣйствительная жизнь приковываютъ наше вниманіе и вызываютъ участіе. Тутъ не столько чувство составляетъ главное, а наблюденіе, знаніе. Изъ извѣстныхъ болѣе другихъ художниковъ нѣмецкихъ, одинъ только *Ахенбахъ*, этотъ удивительный поэтъ всевозможныхъ явленій европейской природы, отъ скалъ Норвегіи до солнечныхъ горизонтовъ Италіи, прислалъ на выставку свой «Вечеръ на виллѣ Боргезе» въ Римѣ, съ прекраснымъ эффектомъ вечерней зари подъ роскошными деревьями этой виллы. Но не смотря на это, выставка богата многими превосходными произведеніями, которыя переносятъ насъ во всѣ страны міра и даютъ перечувствовать поэтическую красоту природы далекой, никогда не виданной. Сѣверная природа является намъ въ ландшафтѣ *Вильгельма Рифсталя:* «Дюны на берегу острова Рюгена», съ проповѣдью народу пасторомъ. Песокъ, съ жалкою травкою и безконечное море: но сколько поэзіи въ этой пустынѣ, удачно уловленной художникомъ! *Максъ Шмидтъ* переноситъ насъ на берега Балтійскаго моря, одѣтые бурей, какая бываетъ только на сѣверѣ; *Гоге* на Гелголандъ, *Миллеръ* въ Норвегію, *Эшке* на островъ Гернсей, на зеленыя, тучныя нивы Англіи, *Шаттелеръ* на луга Фландріи, *Бурнье* — на песчаный берегъ океана во Франціи. Не стану говорить о множествѣ прекрасныхъ ландшафтовъ, изображающихъ горную природу Гарца, Тироля, Швейцаріи. Я люблю это паслажденіе мечтательнаго путешествія въ различныхъ поясахъ природы, въ различныхъ явленіяхъ ея. Это похоже нѣсколько на музыкальное наслажденіе, гдѣ звуки уносятъ душу далеко. Не даромъ въ ландшафтѣ и музыкѣ есть что-то общее. Сѣверная Италія, ея красивое Гардское озеро, изображено въ прекрас-

Digitized by Google

номъ ландшафтѣ *Циммермана*.—Италія, страна солнца и ясныхъ горизонтовъ, естественно нашла много художниковъ для природной красоты своей. Лучшіе виды римской Кампаньи принадлежатъ *Руту*, лучшіе виды береговъ Амальфи, Сорренто, Неаполя — *Вильгельму Брюке*. Но не одна природа Европы въ разныхъ видахъ ея изображена на выставкѣ. Мы переносимся и въ другія страны свѣта. Какой своеобразный ландшафтъ: «Берегъ Гуаско въ Чили», *Краузе*. Не знаю ничего оригинальнѣе «Африканскаго берега Чермнаго моря», *Герренберга*. Не берусь рѣшить — вѣренъ ли ландшафтъ этотъ природѣ, но волшебная прелесть его заманчива. Вдали море; лунный свѣтъ матовымъ серебромъ падаетъ на пустыню съ пальмами и тропическою растительностью, а впереди громадная масса слона, царя тѣхъ странъ, получающая въ неясномъ свѣтѣ мѣсяца фантастическіе размѣры...

Не смотря на происходившіе 12 ноября первоначальные выборы (Urwahlen), приготовленіемъ къ которымъ, въ продолженіе этихъ двухъ недѣль, были заняты здѣшнія газеты, онѣ начинаютъ понемногу успокоиваться, и дѣла пойдутъ своимъ чередомъ. Въ скоромъ времени можно ожидать прежняго застоя во внутреннемъ положеніи страны. Лихорадка была не на долго. Вчерашнія газеты были полны списками первоначальныхъ избирателей (Urwähler) изъ четырехъ избирательныхъ округовъ Берлина; сегодняшнія сообщаютъ доставленныя имъ свѣдѣнія изъ близкихъ къ Берлину городовъ о характерѣ выборовъ: общее мнѣніе то, что всѣ эти выборы въ либеральномъ духѣ. О большихъ городахъ само собою разумѣется, что выборы ихъ будутъ либеральны. Теперь слова: либеральный и министерскій имѣютъ равное значеніе, и въ этомъ-то все и дѣло. Для большей части избирателей въ Пруссіи главное, это — министерскій кандидатъ, а настоящій либерализмъ его — случайность. И при другомъ направленіи министерства, не думаю, чтобъ выборы могли быть въ духѣ оппозиціонномъ. Это очень естественно въ Пруссіи, странѣ въ высшей степени фео-

Digitized by Google

дальной, и при той системѣ выборовъ, которая утверждена уложеніемъ 1850 года. Выборы первоначальныхъ избирателей производятся большею частью людьми средняго сословія: купцами, домовладѣльцами, капиталистами, чиновниками; народъ занятъ своимъ дѣломъ и мало участвуетъ въ выборахъ, онъ работаетъ. Вотъ почему изъ числа тѣхъ, которые должны были принять участіе въ первоначальныхъ выборахъ, явилась только половина. Какъ приготовляются и устроиваются эти выборы, я вамъ сообщу выпиской изъ одной здѣшней газеты:

«Въ предварительное собраніе является десятая или осьмая часть избирательныхъ лицъ въ округѣ. Чиновникъ отъ города (Stadtverordnete) объявляетъ, что онъ позволилъ себѣ пригласить избирателей на предварительное совѣщаніе о кандидатахъ, и проситъ дѣлать предложенія. Тутъ начинаютъ кричать имена: Леманъ, Шульце, Крамеръ! И Леманъ, и Шульце, и Крамеръ выступаютъ и говорятъ, что они будутъ выбирать людей честныхъ, которые любятъ короля, отечество и притомъ уложеніе. За этими словами слѣдуетъ общее браво! И Леманъ, и Шульце, и Крамеръ выбираются въ кандидаты. Рѣдко, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ былъ въ состояніи сказать слово о томъ, что онъ понимаетъ подъ именемъ «конституціонный», или въ чемъ заключается, по его мнѣнію, задача будущаго собранія. Для кандидата это вообще темный лѣсъ. По большей части прежніе избиратели предлагаются вновь въ кандидаты; тогда они выступаютъ съ гордыми словами: «Господа! Въ прошлый разъ я заслужилъ ваше довѣріе, и теперь вновь постараюсь оправдать его.» Но тогда, какъ извѣстно, было министерство Мантейфель-Вестфаленъ, а теперь Зигмарингенъ-Ауэрсвальдъ. Къ этому подобные господа совершенно равнодушны. Они думаютъ, что если разъ сдѣлали дѣло («das Geschäft»), то и въ другой разъ сдѣлаютъ тоже, а избиратели того же мнѣнія. Въ большей части предварительныхъ собраній землевладѣльцы, а въ Берлинѣ домохозяева, составляютъ половину, а часто двѣ трети присутствующихъ. Конечно, все это люди очень почтенные, но у нихъ есть свои собственные разсчеты и интересы, а значительное число нанимающихъ у нихъ, также присутствующихъ въ собраніи, имѣетъ также свои интересы касательно увеличенія наемной платы, отказа отъ квартиры, и проч. А изъ

Digitized by Google

интересовъ и разсчетовъ составляется общій результатъ. Избиратели, собираясь въ назначенный день въ мѣсто выборовъ, получаютъ печатный списокъ кандидатовъ. Такъ какъ никто хорошенько не знаетъ кого онъ долженъ выбрать, то каждый механически подходитъ къ столу и называетъ печатныя имена. Вотъ и весь выборъ.»

Замѣтьте, что это говоритъ не отсталая газета, нарочно шиканируя, а одна изъ либеральныхъ, для которой лучшее устройство выборовъ—задача дѣятельности. Гдѣ же тутъ «политическое сознаніе массы», о которомъ кричатъ здѣшнія газетики? Давно пора зарубить на стѣнкѣ, что для народа не политическое сознаніе главное дѣло, а устройство быта. Въ одномъ собраніи избирателей, у полицейскаго чиновника, предложеннаго вновь въ кандидаты, спрашиваютъ—за кого онъ подавалъ голосъ въ прошлый разъ? «Конечно за министерскихъ кандидатовъ, отвѣчалъ онъ: я и теперь поступлю такъ же, но меня *радуетъ*, что министерскіе кандидаты принадлежатъ теперь другой партіи.» Не похожъ ли онъ на того англійскаго чиновника при королѣ Іаковѣ II, котораго слова сдѣлались знаменитыми въ исторіи: «У меня тринадцать причинъ быть на сторонѣ министровъ: жена и двѣнадцатеро дѣтей!» Чѣмъ была Англія при королѣ Іаковѣ II, тѣмъ Пруссія теперь при королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ IV.

Здѣшнія газеты прямо и косвенно продолжаютъ нападать на падшее министерство. Они держатся неблагородной политики vae victis. Volks-Zeitung была въ теченіе этихъ двухъ недѣль разъ конфискована полиціей: это первое запрещеніе новаго министерства, о которомъ мы поговоримъ еще съ вами. Выдумали какую-то темную исторію объ увеличеніи имѣній Мантейфеля, но она прошла, нигдѣ не найдя отголоска. Не смотря на явное нежеланіе отказаться отъ управленія страной, Мантейфель оставилъ свой постъ благородно и просто, и какъ Цинциннатъ удалился въ свои имѣнія въ прусскомъ Лаузицѣ. Онъ совершенно отказался отъ графскаго достоинства, отъ мѣста въ первой палатѣ, а вмѣсто пожалованныхъ ему регентомъ брилліянтовыхъ знаковъ Чернаго орла, онъ взялъ 3500 талеровъ и тотчасъ же пожертвовалъ ихъ въ пользу здѣшней боль-

ницы: Виѳанія. Каковы бы ни были его правила и убѣжденія, каково бы ни было его управленіе страной, онъ сошелъ съ поприща безкорыстно и благородно, какъ сходятъ всѣ государственные люди Пруссіи.

Н. Буличъ.

Берлинъ
2—14 ноября
1858.

ВѢРА МУШТАГИДА *.

(Съ нѣмецкаго.)

—

Нашъ муштагидъ шелъ вечеромъ домой,
Съ тяжелою отъ хмѣля головой,
Свалился въ грязь, и набожно вздыхаетъ:
«Какъ нынѣ свѣтъ въ порокахъ погрязаетъ!»

Знать, вѣрой муштагидъ былъ теплою согрѣтъ!
Лежитъ — и убѣжденъ, что съ нимъ упалъ весь свѣтъ.

Б*.

---

* Муштагидъ — шіитскій проповѣдникъ.

Digitized by Google

ЗАМѢЧАНІЯ НА СТАТЬЮ:

«Нѣсколько словъ о крестьянскомъ трудѣ, въ барщинномъ хозяйствѣ»,

напечатанную въ № 7-мъ «Сельскаго Благоустройства».

—

Каждый имѣетъ полное право опровергать какую-нибудь мысль или защищать какое-нибудь начало, и чѣмъ больше полемики, особенно въ отношеніи важныхъ вопросовъ, тѣмъ лучше: пусть обнаруживается истина отъ столкновенія разныхъ противоположныхъ мнѣній. Но желательнѣе всего было бы встрѣчать какъ опроверженіе чужой мысли, такъ и защиту своего начала — въ духѣ терпимости, умѣренности, съ отсутствіемъ которыхъ какъ-то не имѣется вѣры ни въ доводы, высказываемые съ гнѣвомъ, ни въ самые крѣпкіе риторическіе цвѣты, изъ какой хорошей матеріи ни были бы они сдѣланы. А главное, зачѣмъ бросать камешки въ литературу и заявлять какое-то свое высокомѣрное презрѣніе къ литераторамъ, принявшимъ на себя, чисто безкорыстно, святое дѣло вступаться за интересы темнаго бѣднаго сословія, надъ участью котораго только что восходитъ заря, по благодушію нашего благороднаго Монарха.

На эти мысли навела меня небольшая статейка, подписанная какакимъ-то г. новороссійскимъ помѣщикомъ въ № 7-мъ «Сельскаго Благоустройства». Авторъ ея возстаетъ противъ одной статьи, помѣщенной въ № 2-мъ «Современника». Я и не буду защищать послѣдняго. Дѣйствительно, справедливо замѣтилъ г. Кошелевъ (второй отдѣлъ С. Б. № 7-й стр. 9), что «Современникъ» слишкомъ обобщилъ исключительные случаи, а, по моему, онъ, подобно многимъ журналамъ, при толкахъ о настоящемъ вопросѣ, грѣшитъ еще и тѣмъ,

Digitized by Google

что постоянно имѣетъ въ виду одну только Великую Русь. Но если статья «Современника» и не безошибочна, то вызванныя ею «Нѣсколько словъ» г. новороссійскаго помѣщика наполнены маниловскими мечтами, или, лучше сказать, желаньемъ выставить грустную идею барщины въ вѣнкѣ изъ облинявшихъ и устарѣвшихъ цвѣтовъ краснорѣчія. Что есть въ Новороссійскомъ краѣ имѣнія превосходно устроенныя, гдѣ крестьянамъ и привольно, и хорошо, — это не тайна; что, можетъ-быть, самъ г. новороссійскій помѣщикъ довелъ свое имѣніе до возможной степени совершенства, — охотно соглашаюсь, ибо подобные факты существуютъ, хоть и довольно рѣдко: но послушайте что̀ говоритъ г. новороссійскій помѣщикъ.

«Нѣтъ, не Тенгоборскій и Гакстгаузенъ, а «Современникъ» не знаетъ или съ умысломъ ложно представляетъ *какимъ образомъ примѣняется къ дѣлу обычай, утвержденный закономъ о трехдневной барщинѣ*. «Современникъ» предлагаетъ данныя свои, какъ факты дѣйствительности, въ опроверженіе положеній этихъ политико-экономистовъ; да позволено же будетъ и пишущему эти строки представить данныя, какъ факты дѣйствительнаго хозяйства у *меня*, у извѣстныхъ *мнѣ* хозяевъ, по извѣстной *мнѣ* мѣстности. Знакомые съ дѣломъ на опытѣ пусть повѣрятъ съ фактами «Современника», и рѣшатъ: *на чьей сторонѣ перевѣсъ истины* (курсивъ въ подлинникѣ. Стр. 4–я).

Неужели же читающій міръ долженъ безусловно преклониться передъ такимъ авторитетомъ, если г. новороссійскій помѣщикъ скажетъ: у *меня*, у извѣстныхъ *мнѣ* хозяевъ, по извѣстной *мнѣ* мѣстности. Вѣдь хорошее можно и должно назвать по имени. Любопытно было бы знать, много ли хозяевъ извѣстно автору статейки и обширенъ ли горизонтъ знакомой ему мѣстности? Новороссія слава Богу не клиномъ сошлась, а занимаетъ пространство въ доброе королевство: какъ же отыскать Эльдорадо, гдѣ все такъ благоденствуетъ и гдѣ обязательный трудъ развиваетъ человѣка не только физически, но и морально! Любопытно было бы посмотрѣть на эту блаженную сторонку и сказать объ ней что-нибудь читателямъ, которымъ, конечно, пріятно было бы отдохнуть на страницахъ, наполненныхъ идиллическими картинами добраго патріархальнаго быта. Вѣдь авторъ статейки говоритъ вообще объ извѣстной ему мѣстности, слѣдовательно, разумѣетъ по крайней мѣрѣ значительную часть уѣзда, ибо порядочный хозяинъ, для того, чтобы судить и рядить печатно, не можетъ ограничиться изученіемъ быта въ меньшемъ размѣрѣ. Не знаю, можетъ-быть, мнѣ и удастся открыть такую благодатную полосу, но до сихъ поръ встрѣчая, какъ я уже сказалъ, изрѣдка хозяйства, въ которыхъ крестьяне живутъ припѣваючи, видѣлъ я также, и гораздо въ большемъ числѣ

Digitized by Google

факты, которымъ, безъ сомнѣнія, и не повѣритъ авторъ статейки. Правда, я никакъ не могу сказать, что знаю всю Новороссію: это было бы черезъ-чуръ дерзко съ моей стороны; но что мнѣ извѣстна значительная часть ея — это знаютъ и многіе гг. новороссійскіе помѣщики. Посѣщалъ я имѣнія по Днѣпру, по Конкѣ, посѣщалъ по Базавлуку, Ингульцу, Бугу, Ингулу, по Днѣстру, а если принять во вниманіе, что переѣзжалъ отъ одной рѣки къ другой въ разныхъ мѣстностяхъ и углублялся для своихъ этнографическихъ изслѣдованій въ степи, то окажется, что мнѣ знакомы разнаго рода имѣнія. И меня новороссійскій помѣщикъ ужь никакъ не можетъ упрекнуть въ кабинетномъ невѣдѣніи или въ поверхностности свѣдѣній, сообщаемыхъ иногда путешественниками, потому что кабинетъ мой постоянно въ крестьянской хатѣ, и свѣдѣнія сами рѣзко бросаются въ глаза со всѣми своими выпуклостями, со всѣми добрыми и дурными сторонами. Видалъ я имѣнія, гдѣ дѣйствительно устроены больницы, видалъ и такія, гдѣ крестьяне пухнутъ съ голоду, видалъ и кроткое обращеніе, и сцены изъ романовъ Бичеръ Стоу, все я видѣлъ собственными глазами, потому что живу преимущественно съ крестьянами. И меня не озадачитъ ни чей авторитетъ, — самые искусные цвѣты краснорѣчія не прикроютъ для меня ни грустной наготы, ни болѣе грустной идеи отжившаго начала, которую и теперь еще стараются проводить защитники не совсѣмъ чистаго права. Жаль, что г. новороссійскій помѣщикъ знакомъ, должно быть, лишь съ небольшою мѣстностью и небольшимъ числомъ хозяевъ; иначе онъ былъ бы другаго мнѣнія о трехдневной барщинѣ и о барщинной работѣ, которая, по его словамъ, «формируетъ даже изъ природнаго олуха, баглая, — работника, неотстающаго отъ другихъ, кромѣ *иныхъ причинъ*, даже по чувству самолюбія, чтобы не подвергнуться насмѣшкамъ и презрѣнію общества» (стр. 7). Эти-то *иныя причины*, для которыхъ есть болѣе употребительныя выраженія, и заставляютъ желать отмѣны обязательнаго труда и замѣны его трудомъ, основаннымъ на взаимномъ договорѣ.

Вѣроятно, въ той счастливой мѣстности, гдѣ живетъ авторъ статейки, нѣтъ тѣхъ малолюдныхъ имѣній, какія попадаются по разнообразнымъ балкамъ Новороссіи, гдѣ у помѣщика, владѣющаго пятью, семью стами десятинъ, стоятъ возлѣ усадьбы двѣ, три крестьянскія избы, вмѣщающія нѣсколько семействъ, обреченныхъ на вѣчную барщину, всѣ отъ мала до велика. Мущины пасутъ овецъ или скотъ, кто въ прислугѣ, женщины тоже исполняютъ разныя работы въ пользу владѣльца, и только изрѣдка, съ разрѣшенія господина, занимаются какимъ-нибудь дѣломъ для себя собственно. А развѣ нѣтъ такихъ помѣщиковъ, которые дѣйствительно обработываютъ свои поля

Digitized by Google

наемными, но купили себѣ нѣсколько душъ крестьянъ и распоряжаются ими, какъ домашними животными? Счастливая мѣстность, гдѣ обитаетъ авторъ статейки: тамъ все въ цвѣтущемъ состояніи, тамъ нѣтъ злоупотребленій. Завидная сторонка! Какъ бы мнѣ хотѣлось направить туда свою кочевку и отдохнуть какую-нибудь недѣлю въ этомъ уголкѣ, въ этой terra incognita. Конечно, какъ «непризванный адвокатъ» темнаго сословія, я не имѣлъ бы счастья заслужить расположеніе г. новороссійскаго помѣщика, но я поспорилъ бы съ нимъ о томъ, что далеко не вездѣ соблюдается трехдневная барщина. Я указалъ бы ему на разныя имѣнія, принадлежащія образованнымъ людямъ, гдѣ есть уже улучшенныя земледѣльческія орудія, людямъ, которые громко кричали о прогрессѣ, пока не состоялся извѣстный манифестъ, и у которыхъ крестьяне работаютъ понедѣльно. Но видѣлъ я обстоятельство и такого рода. Баринъ живетъ въ губернскомъ городѣ, и ему необходимы разные хозяйственные припасы: овесъ, сѣно, мука, масло, и т. п. Деревня лежитъ въ ста верстахъ. Крестьяне наряжаются на *барской* недѣлѣ, положимъ даже въ понедѣльникъ, и везутъ необходимые продукты. Между тѣмъ на дворѣ осень, а пути сообщенія въ Новороссіи извѣстны,—слякоть такая, что въ день нельзя сдѣлать болѣе двадцати верстъ. И бѣдные мужики, измучивъ скотъ, сами измокшіе, голодные,—потому что простолюдинъ въ дорогѣ ѣстъ запасъ сухаго хлѣба,—возвращаются въ четвергъ уже на *своей* недѣлѣ. Можетъ-быть въ блаженной сторонѣ, гдѣ живетъ авторъ статейки, подобные дни и постоянно засчитываются крестьянину, но есть и такія имѣнія, въ которыхъ потерянные крестьянами дни не возвращаются ни въ какомъ случаѣ и самое напоминаніе объ этомъ называется дерзостью. Въ иныхъ же экономіяхъ такіе дни возвращаются, но не огуломъ, а по одиночкѣ, напримѣръ, въ ненастье, или засчитываются за время болѣзни. Есть и большія имѣнія, гдѣ трехдневная барщина существуетъ преимущественно въ воображеніи, а въ иныхъ мѣстахъ работаютъ и по праздникамъ. Вы пишете: «во-первыхъ, что такія злоупотребленія рѣдки, а во-вторыхъ, если они даже случаются и могутъ ускользнуть отъ бдительности предводителя и земской полиціи, и т. д.» (стр. 5). Кому же вы это говорите, г. новороссійскій помѣщикъ? и неужели вы считаете своихъ читателей дѣтьми, которые не знаютъ о бдительности мѣстныхъ властей, или о томъ, какъ нетрудно ускользнуть злоупотребленіямъ. Какъ ни высоко я цѣню званіе предводителя дворянства, однакоже могу ли я, положа руку на сердце, поручиться, что каждый помѣщикъ, вступая въ это почетное званіе, такъ уже разомъ и отрѣшается отъ своихъ помѣщичьихъ интересовъ и становится идеаломъ чистоты и правды! Но

Digitized by Google

оставимъ предводителей, и обратимся къ земской полиціи. Чтоже, становой приставъ донесетъ на владѣльца за неисполненіе постановленій? Да развѣ онъ осмѣлится сдѣлать это? Кто ему доставляетъ разные домашніе продукты? А что ему скажетъ исправникъ, помѣщикъ того же уѣзда? Зачѣмъ вы намъ указываете на законы? Мало ли что положено, да исполняется ли какъ слѣдуетъ. Есть положеніе увольнять отъ барщины стариковъ извѣстныхъ лѣтъ, а вездѣ ли это дѣлается? Можетъ-быть у васъ въ блаженномъ уголкѣ и не гоняютъ стариковъ на работу, да я и самъ знаю имѣнія, гдѣ свято чтится это положеніе; но видалъ я и такія владѣнія, гдѣ не только заставляютъ стариковъ работать, но подвергаютъ ихъ даже тѣлесному наказанію. Земская полиція не можетъ не знать этого, но смотритъ на все сквозь пальцы: къ чему же вы указываете намъ на полицію?

Дѣйствительно, многіе помѣщики кормятъ въ голодные годы крестьянъ на свой счетъ, но если вы относите это къ великодушнымъ пожертвованіямъ, то позвольте мнѣ въ свою очередь спросить: выгодно ли было бы помѣщику изнурить рабочія силы свои и пожалуй лишиться ихъ?

Соглашаюсь вполнѣ съ вами, что у нѣкоторыхъ помѣщиковъ есть школы для распространенія грамотности, хотя открытіе этихъ школъ и сопряжено съ большими хлопотами для владѣльцевъ, по случаю разныхъ формальностей; но школъ вообще мало, зато же довольно помѣщиковъ, которые боятся учить крестьянина грамотѣ, на томъ основаніи, что изъ грамотнаго скорѣе выйдетъ *мошенникъ* и начнетъ еще *разсуждать*. А сколько порядочныхъ имѣній, гдѣ нѣтъ не только церкви, но даже молитвеннаго дома, тогда какъ средства позволяли бы владѣльцу помочь этому горю. Конечно, помѣщикъ можетъ поѣхать въ церковь и за 15 верстъ, но крестьянину, не имѣющему лошадей, — а у помѣщичьихъ крестьянъ въ Новороссіи лошадь большая рѣдкость, — и думать невозможно отправиться къ обѣднѣ.

Счастливый человѣкъ авторъ статейки, которому не удавалось видѣть ничего подобнаго! А если ему угодно, я повезу его въ различныя захолустья и покажу въ натурѣ многія черты изъ того быта, который такъ не нравится ему въ нашей литературѣ.

И кто же вамъ сказалъ, г. новороссійскій помѣщикъ, что литература наша питаетъ какія-то враждебныя чувства къ одному сословію въ особенности? Вѣдь всѣ почти пишущіе люди вышли изъ этого самаго сословія. Образованный человѣкъ, слѣдившій въ послѣднее время за отечественной литературой, не можетъ не отдать справедливости писателямъ нашимъ, которые всегда и вездѣ старались проводить идею справедливости въ судахъ и человѣчности во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ. Вы называете насъ «непризванными авдокатами»

Digitized by Google

темнаго сословія, воображая что укололи, или по крайней мѣрѣ сострили иронически. Но подумали ль вы хорошенько объ этой фразѣ? Неужели въ такомъ великомъ дѣлѣ, въ такомъ важномъ государственномъ преобразованіи какъ настоящее, одна сторона можетъ рѣшать всѣ вопросы безусловно, не спрашивая мнѣнія другой, которая словно и не участвуетъ въ этомъ животрепещущемъ вопросѣ. Вы, дѣйствительно, призванные судьи, но вы явились тогда, когда васъ позвали судить о вашихъ же собственныхъ выгодахъ. Сами же вы говорите, что бываютъ и злоупотребленія (только не въ вашей мѣстности): слѣдовательно, можно ли поручиться въ безукоризненности всѣхъ судей дѣла? И вотъ, г. новороссійскій помѣщикъ, явились и мы «непризванные адвокаты», явились по доброй волѣ участвовать въ великомъ дѣлѣ, явились открыто, благородно на великое поприще печати, готовые на все, во имя правды и добра, даже съ убѣжденіемъ, что въ насъ будутъ бросать грязью, иногда даже изъ-за угла, кому какъ удобнѣе? И въ нашей адвокатурѣ нѣтъ никакихъ уловокъ, нѣтъ затаенныхъ мыслей; мы не противъ сословій, мы противъ неправды, рутины и обскурантизма. Говоря о дурныхъ помѣщикахъ, какъ объ исключеніи, вы пишете, что по нимъ нельзя судить обо всѣхъ, и тутъ же острите, что есть плохіе литераторы, слѣдовательно, и по нимъ нельзя судить обо всей литературѣ. Однакожь, согласитесь сами, плохой литераторъ все-таки предпочтительнѣе беззаконнаго помѣщика: надъ плохимъ литераторомъ потѣшатся журналы, посмѣется публика, и онъ сойдетъ себѣ со сцены, не сдѣлавши никому вреда, но помѣщикъ, злоупотребляющій свою власть, не только хуже жалкаго литератора, но гораздо хуже чиновника-взяточника.

Плохо, если въ статьяхъ затаенная мысль сквозитъ сквозь риторическіе тропы и фигуры. Никакой ѳиміамъ правительству и современнымъ требованіямъ не уничтожитъ того особеннаго запаха, который испаряется изъ нѣкоторыхъ статей извѣстнаго направленія. Не такъ еще давно, именно въ ноябрѣ 1857 г., въ одномъ изъ лучшихъ журналовъ нашихъ, какой-то г. пензенскій помѣщикъ писалъ по поводу гласности: «Я не врагъ публичности, а думаю только, что *она еще рановременна*, или по крайней мѣрѣ приняла ложное направленіе въ томъ отношеніи, что голосъ ея слышится не оттуда, откуда бы слѣдовало. Публичность хороша и необходима, но органомъ и проводникомъ ея въ публику, при существующихъ сословіяхъ въ Россіи, должны быть *не лица и безвѣстныя секты, имѣющія Богъ знаетъ какое направленіе*, а преимущественно дворянское и городское сословія.»

Digitized by Google

Бросивъ такой доносъ въ литераторовъ, которые, по его мнѣнію, безъименныя секты, имѣющія Богъ знаетъ какое направленіе, г. пензенскій помѣщикъ тутъ же наивно замѣчаетъ: «Правда, что собранія наши, до настоящаго времени, находятся большею частью такъ-сказать въ полусонномъ и даже болѣзненномъ состояніи, но не въ столь безнадежномъ, чтобъ нельзя было пробудить и излѣчить.»

Какъ-будто можетъ проявить свою дѣятельность полусонный и болѣзненный органъ!

Вотъ, г. новороссійскій помѣщикъ, какія вещи писались нѣкоторыми практическими людьми, когда только еще ходила глухая молва о благодѣтельномъ настоящемъ преобразованіи; вотъ когда еще начали швырять грязью, тоже изъ-за угла, въ благородное сословіе литераторовъ. Но подобные возгласы въ защиту отжившихъ идей не могли находить ни малѣйшаго сочувствія въ развитыхъ и благонамѣренныхъ людяхъ.

Я вижу, что вы образованный человѣкъ, г. новороссійскій помѣщикъ, и пишете довольно гладко; однако зачѣмъ же, отстаивая землевладѣльцевъ отъ взводимыхъ, по вашему, на нихъ несправедливостей, вы дозволяете себѣ такъ рѣзко выражаться о литераторахъ, приводите даже примѣръ изъ басни, на который можно бы вамъ привести болѣе приличный примѣръ, и честите ихъ названіемъ «непризванныхъ адвокатовъ»? Еслибы гласность, къ которой, вы говорите, мы не привыкли, не возбуждена была этими «непризванными адвокатами», кто знаетъ, какъ долго тянулись бы разныя совѣщанія землевладѣльцевъ относительно предстоящаго улучшенія.

Какъ ни сыплете вы риторическими цвѣтами, какъ ни восхваляете благодѣтельную мѣру, однако невольно звучатъ у васъ нѣкоторые грустные тоны извѣстнаго мнѣ мотива, слышаннаго въ разныхъ губерніяхъ, при съѣздахъ землевладѣльцевъ для предварительныхъ совѣщаній. Опровергнувъ, по вашему мнѣнію, своего противника, тѣмъ что на его *да*, говорите вездѣ *нѣтъ*, какъ-будто этимъ и можно рѣшить дѣло, вы пишете: «Но самое краткое изложеніе здѣсь *дѣйствительныхъ отношеній* между землевладѣльцами и земледѣльцами показываетъ, что настоящія отношенія землевладѣльцевъ къ земледѣльцамъ не таковы, какъ это *представляютъ непризванные адвокаты послѣднихъ въ обвиненіе первыхъ;* что свободный трудъ, имѣющій быть основаніемъ будущихъ отношеній земледѣльцевъ къ землевладѣльцамъ вовсе не такъ невѣдомъ или враждебенъ сельскимъ хозяевамъ нашимъ, какъ это кажется знакомымъ лишь поверхностно съ нашимъ сельскимъ хозяйствомъ; что обязательный трудъ, *благо-*

Digitized by Google

Нѣтъ, г. новороссійскій помѣщикъ! *Семейство* не пріобрѣтается за деньги, членъ семейства не сдается за 300 рублей въ рекруты, не ссылается изъ прихоти въ Сибирь, тѣмъ болѣе на основаніи Божескихъ законовъ!

Повѣрите ли вы мнѣ, г. новороссійскій помѣщикъ, что въ вашемъ же краю проявилась личность землевладѣльца, какой еще не было видано до сихъ поръ по крайней мѣрѣ. Этотъ господинъ, считающій, что крестьяне ввѣрены его попеченію Божескими и гражданскими законами, радъ бы всѣми силами отстаивать это право, еслибъ представлялась хоть какая-нибудь возможность, но, разумѣется, долженъ идти за современнымъ ходомъ вещей. Тѣмъ не менѣе сердце его кипитъ благороднымъ негодованіемъ:

— Меня лишаютъ моей собственности, говоритъ онъ:—хорошо же, пусть отымаютъ! Я покажу что̀ значитъ переходное состояніе. Въ эти двѣнадцать лѣтъ я буду вдвое дешевле продавать водку въ своей деревнѣ, если нужно и втрое, и спою всѣхъ такъ, что черезъ двѣнадцать лѣтъ это будетъ толпа нищихъ. Пускай тогда идутъ на волю и увидятъ, что̀ значитъ быть свободными.

— Вѣдь вы же сами потерпите убытокъ, возразилъ ему однажды собесѣдникъ, съ удивленіемъ услышавъ такой оригинальный взглядъ на вещи.

— Чтожь, и потеряю! А докажу...

— Но вы этого не сдѣлаете.

— Какъ честный и благородный человѣкъ сдѣлаю.

— Но, извините меня, это не честно и не благородно.

— Клянусь вамъ, что спою всю деревню.

Въ заключеніе же не могу не выразить своего сожалѣнія, что авторъ статейки, назвавшись только помѣщикомъ, этимъ самымъ бросилъ нѣкоторымъ образомъ тѣнь на своихъ собратовъ. Мнѣ лично знакомы многіе новороссійскіе помѣщики, которые, хотя и не считали, можетъ-быть, до сихъ поръ крестьянъ ближайшею семьей, однако, уразумѣвъ благодѣтельное преобразованіе, съ полною готовностью споспѣшествуютъ этому благому начинанію. Они, вѣроятно, весьма недовольны на автора за его холостые, ни къ чему не ведущіе выстрѣлы, которые безполезны правительству, не испугаютъ «непризванныхъ адвокатовъ» и только мѣшаютъ добрымъ людямъ заниматься общеполезнымъ дѣломъ.

А. Чужбинскій.

Одесса.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ ФОНЪ-ВИЗИНА. **А. Д. ГАЛАХОВА.**
БРАТЬЯ ГРИММЫ. Статья I. . . . . **Ю. ФЕЛЬКЕЛЯ.**
ПИСЬМА ИЗЪ БЕРЛИНА. . . . . **Н. Н. БУЛИЧА.**
ВѢРА МУШТАГИДА. (Съ нѣмецкаго.). . . **Б*.**
ЗАМѢЧАНІЯ НА СТАТЬЮ: «Нѣсколько словъ о крестьянскомъ трудѣ въ барщинномъ хозяйствѣ». . . . . **А. С. ЧУЖБИНСКАГО.**

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,

и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атенея*, при книжномъ магазинѣ П. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, *десять* рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. сѣ полтиною*.

Печатать дозволяется. Ноября 22-го, 1858 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Кругъ*.

Digitized by Google

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 48.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРИСТА БАРФКНЕХТА И К°

1858.

Digitized by Google

Digitized by Google

КУЛАКЪ.

Поэма Н. Никитина. Москва, 1858.

—

Низшее сословіе нашихъ городовъ, мѣщанство, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Этотъ классъ русскаго народа выработанъ новѣйшею нашею исторіей, исторіей послѣднихъ полутораста лѣтъ. Процессъ его образованія объясняется исторіей русскаго города; свѣтлыя и темныя стороны городской жизни обозначили на немъ свое неотразимое вліянье. Въ послѣ-петровскій періодъ нашей исторіи, русскій городъ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ благопріятствовали ему жизненныя условія, сдѣлался средоточіемъ новаго быта, образованія и гражданственности для цѣлыхъ обширныхъ мѣстностей. И какъ все это ни было несовершенно и недостаточно, все-таки онъ началъ мало-по-малу принимать характеръ полу-европейскій; какъ ни былъ тѣсенъ кружокъ лицъ, выросшихъ подъ вліяніемъ петровскихъ преобразованій, но вліяніе это такъ или иначе отражалось и на другія городскія сословія, сначала, конечно, на внѣшнюю, потомъ и на внутреннюю жизнь ихъ. Русскій мѣщанинъ, или городской обыватель, былъ вначалѣ не что иное какъ крестьянинъ, переселенный въ городъ; но городская жизнь повѣяла на него своимъ духомъ и мало-по-малу наложила на него особенную печать. Предоставленный самому себѣ на новой почвѣ, нашъ мѣщанинъ долго оставался, да отчасти и теперь еще остается, чисто русскимъ человѣкомъ со всѣми его достоинствами и недостатками; вліяніе на него сельской жизни еще не изгладилось. Но, свободный отъ

Digitized by Google

общинной или помѣщичьей крѣпости, узнавшій и усвоившій себѣ потребности иного быта, соприкоснувшись, словомъ, съ внѣшнею стороной гражданственности, русскій мѣщанинъ, естественно, сдѣлался наружно образованнѣй, предпріимчивѣй мужика и менѣе послѣдняго сталъ сподрученъ къ какой бы то ни было эксплуатаціи, откуда бы она ни происходила, — отъ городской ли общины, или отъ незаконныхъ притязаній бюрократіи. На общественной лѣствицѣ мѣщанинъ стоитъ гораздо выше крестьянина (мы разумѣемъ здѣсь крестьянъ земледѣльческихъ губерній); но матеріальное существованіе его не рѣдко хуже крестьянскаго. Правда, мелкая городская торговля находится въ его рукахъ, но зато онъ не имѣетъ ничего обезпеченнаго; у него не всегда есть домъ, не всегда есть даже уголъ, — изъ него часто выходитъ самый жалкій голышъ. Будучи развитѣе крестьянина, онъ все-таки остается безъ всякаго настоящаго образованія, безъ прочныхъ нравственныхъ основъ; а потому и нравственное паденіе его, которому онъ подвергается чаще, нежели поселянинъ, бываетъ глубоко, а исцѣленіе — почти не возможно. Мы понимаемъ подъ именемъ мѣщанъ тотъ классъ городскихъ обывателей, который не только не записанъ въ гильдіи (ибо въ гильдіи, по нѣкоторымъ причинамъ, записываются и люди бѣдные), но и не владѣетъ притомъ значительною собственностью. Мѣщане богатые, не гоняющіеся за полноправностью, то-есть не записанные въ гильдейскіе цехи, слывутъ въ общежитіи подъ именемъ купцовъ. А мѣщаниномъ въ томъ же общежитіи обыкновенно называется нѣчто среднее между купцомъ и крестьяниномъ, — межеумокъ, которымъ не пожелаетъ сдѣлаться купецъ, но который часто бываетъ идеаломъ для сельчанина. Впрочемъ образъ жизни и степень образованія мѣщанъ, конечно, всегда зависитъ отъ значенія города, гдѣ живутъ они.

Наша литература какъ-то мало обращала вниманія на эту оригинальную жизнь. Купеческій бытъ представляла она иногда хоть съ отрицательной его стороны; но купеческій бытъ, жизнь «разбогатѣвшихъ крестьянъ во дворянствѣ», мало имѣетъ общаго съ жизнью мѣщанъ. Эта жизнь, какою представляется она намъ, по крайней мѣрѣ, въ литературѣ, похожая на жизнь

Digitized by Google

старинныхъ нашихъ бояръ по своей исключительности и затворничеству, возможна только въ тѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ старинныя купеческія фамиліи, гдѣ живо преданіе о жизни прадѣдовъ, гдѣ болѣе или менѣе распространено старообрядчество; въ городахъ же новыхъ, гдѣ быстро слѣдуетъ смѣна одного торговца другимъ, гдѣ, къ несчастію, такъ обыкновенны переходы отъ богатства къ бѣдности, такая жизнь не возможна. По крайней мѣрѣ, наше мѣщанство живетъ иначе: оно болѣе подвижно, измѣнчиво, менѣе странно и угловато. Оно стоитъ на перепутьи между образованіемъ высшихъ классовъ и невѣжествомъ низшаго; оно болѣе готово, чѣмъ крестьянство и даже чѣмъ заматерѣлое купечество, къ воспринятію новыхъ началъ, хотя до сихъ поръ еще составляетъ въ городской жизни ту же темную, безразличную массу, какую читатель встрѣчаетъ на крутогорскихъ картинахъ Щедрина и среди которой такъ ярко рисуются Голубовицкіе, Фурначевы, Хрептюгины, Рогули.

Г. Никитинъ въ своей поэмѣ рисуетъ намъ жизнь одного изъ представителей мѣщанскаго сословія, *Кулака*, или барышника, промышляющаго покупкой и продажей сельско-хозяйственныхъ произведеній, холста, перьевъ, нитокъ, щетины, разнаго тряпья,—словомъ, одного изъ тѣхъ героевъ, безъ которыхъ не обойдется ни одинъ городской или сельскій базаръ. Это мѣщанинъ самаго низкаго разряда, парія городскихъ обществъ. Онъ смѣтливъ, изворотливъ, неугомонно дѣятеленъ. Но эти качества рѣдко обезпечиваютъ ему безбѣдную жизнь: существо, все-таки болѣе другихъ несущее тяготу городской общины, существо нравственно-неразвитое и часто порочное, онъ большею частью оканчиваетъ вѣкъ свой такимъ же горемыкой, какъ и «Кулакъ» г. Никитина.

Содержаніе поэмы очень просто. Воронежскій кулакъ Карпъ Лукинъ (мы говоримъ: воронежскій, потому, во-первыхъ, что въ поэмѣ встрѣчается нѣсколько картинъ, очевидно указывающихъ на этотъ городъ, а, во-вторыхъ, потому, что, какъ извѣстно, самъ поэтъ уроженецъ и житель Воронежа), желая поправить жалкое свое положеніе, освободиться отъ страшной бѣдности, въ какую ввергнули его и недостатокъ средствъ для болѣе честной дѣятельности, и нетрезвое поведеніе, рѣ-

Digitized by Google

шается отдать дочь свою Сашу замужъ тоже за мѣщанина, но богатаго торговца, Тараса Тараканова. Въ достиженіи своей цѣли Кулакъ встрѣчаетъ сопротивленіе со стороны дочери и жены своей Арины: — дочери потому, что она любитъ другаго, бѣднаго, честнаго столяра Василья, жены — потому, что послѣдняя страстно любитъ дочь. Тараканов дѣлаетъ предложеніе и обѣщаетъ взять Сашу почти безъ приданаго, — чего же лучше! Лукичъ былъ деспотъ въ семействѣ и не посмотрѣлъ, разумѣется, на бабьи слезы; онъ даетъ слово жениху. Но какъ бы то ни было, сыграть свадьбу, сдѣлать хоть что-нибудь для дочери—надобны деньги, а у Лукича ихъ нѣтъ, достать взаймы трудно. Однако онъ рѣшается просить денегъ подъ залогъ дома. Послѣ долгихъ поисковъ, ему удалось занять сто рублей у профессора семинаріи Зорова. Свадьба сыграна; но дѣла не поправляются. Зять оказался негодяемъ и отрекся принять тестя въ часть по торговлѣ, на что такъ надѣялся Лукичъ. Тогда всѣ бѣды разомъ посыпались на голову бѣднаго Кулака: тутъ надобно взносить подати, а денегъ нѣтъ; тамъ умираетъ жена— нечѣмъ похоронить; дочь въ чахоткѣ; за неуплату въ срокъ занятыхъ денегъ выгоняютъ изъ дому. Читатель, въ концѣ поэмы, встрѣчаетъ его въ ужасномъ положеніи: зимою, въ базарный день, Лукича, уже сѣдаго, одѣтаго въ рубище, окружаетъ толпа народа. Одинъ мужикъ, раздраженный его плутовствомъ — несчастный не покинулъ своей профессіи—больно бьетъ его. За Кулака вступается столяръ Василій, очутившійся на базарѣ, выводитъ его изъ толпы, приглашаетъ къ себѣ и даетъ ему денегъ; Лукичъ тронутъ; они разстаются. Оставшись одинъ, Кулакъ оглянулся по сторонамъ, махнулъ рукой и отправился въ кабакъ.

Теперь посмотримъ, какъ воспользовался поэтъ этой интригой.

Кулакъ г. Никитина, герой поэмы,—натура сильная и энергическая, но глубоко падшая.

Быть-можетъ, съ дѣтства взятый въ руки
Разумной матерью, отцомъ,
Лукичъ избѣгъ бы жалкой муки —
Какъ нынѣ, не былъ кулакомъ.

Digitized by Google

Но этого не случилось. Воспитаніе, полученное имъ отъ отца, было самое жалкое, если только воспитаніемъ можно назвать пріученіе съ малолѣтства къ плутовству, пинки и колотушки, получаемые отъ отца и матери, безграничную свободу бѣгать по улицѣ и драться сколько душѣ угодно съ сверстниками, безтолковую грамотность и — конецъ концовъ — изученіе мудрой науки торгашества подъ менторствомъ опытнаго въ этомъ дѣлѣ купца.

Тутъ всѣ разсчеты —
Торговыхъ плутней извороты
Онъ изучилъ, и кошелекъ
Казной хозяйскою, какъ могъ
Наполнилъ.

Набивъ карманъ, онъ началъ торго́вать самъ. Все шло хорошо.

Но вдругъ за пень задѣло:
Тутъ неудача, тамъ сплошалъ...
Спустилъ, какъ воду, капиталъ
И запилъ...

Не привыкнувъ къ честному, здоровому труду, Лукичъ сдѣлался Кулакомъ и пріобрѣлъ печальную популярность въ городѣ,

По разнымъ плутнямъ, по наряду,
По вѣчной худобѣ сапогъ
И по загару смуглыхъ щекъ.

А между тѣмъ, повторяемъ, это—личность сильнаго закала, достойная лучшей участи. Въ богато надѣленной натурѣ ея заглохнуло много добрыхъ и благородныхъ инстинктовъ. Въ самыя горькія минуты своей жизни вотъ какъ исповѣдуется Лукичъ передъ читателемъ:

А вѣдь и я добро любилъ,
Оно вѣдь дорого мнѣ было!
И смѣлъ, и молодъ, помню, разъ
Въ грозу и непогодь весною

Digitized by Google

Я утопающаго спасъ.
Когда онъ съ мокрой головою,
Нагой на берегу лежалъ,
Открылъ глаза, пошевелился
И крѣпко руку мнѣ пожалъ...
Я, какъ ребенокъ, зарыдалъ
И радостно перекрестился!
И все пропало, все забылъ!..

Кулакъ могъ бы быть *Добра божественнымъ сосудомъ*, по выраженію автора, еслибы не испортила его жизнь. Познакомясь съ нимъ, какъ съ деспотомъ въ семействѣ, плутомъ и мошенникомъ на ярмонкѣ, гдѣ онъ обманываетъ какую-то бѣдную бабу, взглянувъ на него при покупкѣ лошади для помѣщика Долбина у коммиссаріатскаго чиновника Скобѣева, читатель встрѣчаетъ его въ новомъ положеніи, озабоченнаго замужствомъ дочери. И въ самомъ дѣлѣ, это замужство нарушаетъ обыкновенное теченіе жизни Кулака; онъ въ страшныхъ хлопотахъ и какъ бы нравственно отрезвляется. Но съ достиженіемъ цѣли, заботы его не только не уменьшились, но замѣнились еще цѣлымъ рядомъ безвыходныхъ страданій, для успѣшной борьбы съ которыми требуется иная мощь духа, не тѣ нравственныя убѣжденія, какими надѣлилъ авторъ своего героя. Но на этой борьбѣ (какъ бы ни велась она) г. Никитинъ основалъ интересъ своей поэмы и ею же думалъ возвысить Кулака во мнѣніи читателя. Автору, во что бы то ни стало, хочется сдѣлать своего героя героемъ трагическимъ. Съ половины поэмы Кулакъ находится постоянно въ трагическомъ положеніи; трагизмъ возрастаетъ съ каждымъ шагомъ впередъ. Но этотъ трагизмъ чисто внѣшній, такъ-сказать лирическій: во всѣхъ дѣйствіяхъ Лукича мы не видимъ и тѣни борьбы. Въ заботахъ героя поэмы объ устройствѣ судьбы своей дочери, мы видимъ одинъ эгоизмъ, не больше. Мы даже имѣемъ полное право сомнѣваться въ существованіи у него родительской любви: эта любовь нисколько не проявилась тамъ, гдѣ слѣдовало. Судя по ходу первой половины поэмы, читатель въ правѣ предполагать, что Лукичъ не способенъ ни къ такой глубокой горести при потерѣ жены, ни къ такому нравственному страданію, когда узнаетъ, что Тараканов оказывается холоднымъ негодяемъ, едва со-

Digitized by Google

гласившимся помочь тестю при погребеніи жены. Словомъ, личность Кулака на каждомъ шагу поражаетъ читателя неожиданностью: онъ никакъ не воображаетъ, чтобы Лукичъ въ концѣ поэмы могъ сдѣлаться другимъ человѣкомъ. Читатель не можетъ не видѣть, что автору угодно поставить своего героя въ трагическое положеніе — авторъ и ставитъ его, не жалѣя красокъ; трагизмъ увеличивается прекрасными лирическими мѣстами. Читатель не можетъ, правда, не сочувствовать этому трагизму; но сочувствіе это—какое-то невольное: въ характерѣ героя мы не находимъ чертъ истиннаго трагизма. Подобныя натуры способны къ трагизму комическому: таковъ «Городничій» Гоголя, когда онъ видитъ себя обманутымъ Хлестаковымъ, таковъ Большовъ Островскаго, когда его надуваютъ Подхалюзинъ и собственная дочь. Говоря это, мы не думаемъ утверждать, что лицо, подобное Лукичу, можетъ быть предметомъ одной комедіи, хотя комедія, дѣйствительно, лучшая литературная арена для его дѣятельности. Читатель страдаетъ за Лукича — человѣка, но не можетъ страдать за Лукича—Кулака. Впрочемъ, и человѣческое страданіе, возбужденное героемъ въ читателѣ, имъ не заслужено; напрасны его возгласы: «Я человѣкъ (homo sum etc.), отецъ, къ примѣру!» Герой, какъ человѣкъ, ничего не сдѣлалъ для возбужденія въ насъ человѣческаго состраданія; его восклицанія не болѣе, какъ слова; смерть жены и неизлѣчимая болѣзнь дочери имъ же подготовлены; онъ рѣшается на поступокъ, имѣвшій такое роковое значеніе въ его судьбѣ — на бракъ дочери, — безъ борьбы; мало этого — онъ принуждаетъ дочь къ замужству проклятіемъ; если обманулъ его надежды Тараканова, то вѣдь, надобно правду сказать, послѣдній ничѣмъ не обязанъ Лукичу — онъ далеко не стоитъ къ нему въ отношеніи Подхалюзина къ Большову. И хотя мы не можемъ быть такъ жестоки, чтобы сказать насчетъ бѣднаго Кулака: но дѣломъ вору и мука! но мы все-таки не раздѣляемъ съ авторомъ его увлеченія героемъ, не понимаемъ его симпатій; потому что высказанная поэтомъ мысль въ эпилогѣ —

И мнѣ по твоему пути
Пришлось бы, можетъ-быть, идти

еще не давала ему права свои задушевныя думы, свое собствен-

Digitized by Google

ное положеніе (изъ котораго выйдти — по истинѣ великое геройство!) присвоивать лицу, ничѣмъ не заявившему своего нравственнаго достоинства. Не можемъ не выписать слѣдующихъ прекрасныхъ, заключительныхъ стиховъ поэмы:

Мой братъ, никто не содрогнется,
Теперь взглянувши на тебя!
Пройдетъ, быть-можетъ, посмѣется,
Потѣху пошлую любя...
Ты сгибъ. Но великаль утрата?
Васъ много! *Тысячи кругомъ,*
Какъ ты, погибли, подъ ярмомъ
Нужды, невѣжества, разврата!
Придетъ ли наконецъ пора,
Когда блеснутъ лучи разсвѣта;
Когда зародыши добра
На почвѣ, солнцемъ разогрѣтой,
Взойдутъ, созрѣютъ въ свой чередъ
И принесутъ сторичный плодъ;
Когда минетъ проказа вѣка
И воцарится честный трудъ,
Когда увидимъ человѣка —
Добра божественный сосудъ?

Эта благородная эпитафія надъ нравственно погибшимъ Кулакомъ, всего лучше объясняетъ жалкую судьбу подобныхъ ему людей; она же могла бы навести автора на мысль: какими средствами надобно было ему воспользоваться, чтобы придать своему герою болѣе истиннаго трагизма. Проказа вѣка! Поэма г. Никитина много выиграла бы, еслибъ онъ болѣе коснулся этой проказы. Еще не достаточно, что онъ выводитъ какого-то старичишку, сборщика податей, отъ котораго Лукичъ отдѣлывается гривенникомъ, хотя и послѣднимъ; еще не достаточно, что онъ ставитъ своего героя лицомъ къ лицу къ отвратительному скрягѣ, къ ханжѣ и святошѣ Пучкову, прежнему соучастнику Лукича въ плутняхъ; нѣтъ! этого слишкомъ мало, и проказа остается необъяснимой. Еслибы поэтъ представилъ своего героя въ отношеніи къ той безразличной массѣ, къ которой онъ принадлежалъ, тогда мы увидѣли бы жертву, мы бы

Digitized by Google

поняли ея страданія. Для насъ уяснились бы причины нравственнаго ея паденія; мы узнали бы постороннюю давящую силу, больше бѣдности способную уничтожить въ человѣкѣ все благое, и убійственное равнодушіе, еще болѣе возмутительное, чѣмъ презрѣніе, оказываемое Кулакомъ иного рода, Скобѣевымъ, къ герою поэмы. Мы твердо убѣждены, что не одни отецъ и мать образовали изъ Лукича Кулака, а, еще болѣе, общественное его положеніе. Зачѣмъ же авторъ не выставилъ на судъ читателей нравственныхъ убійцъ своего героя? Зачѣмъ не раскрылъ онъ язвъ, порожденныхъ проказою вѣка? Если же Лукичъ не былъ жертвою этой проказы, то пусть извинитъ авторъ своего читателя, который не можетъ также горько оплакивать судьбу героя поэмы. Личность Лукича широко задумана г. Никитинымъ; но художественное ея выполненіе далеко не удовлетворительно. По всему замѣтно, что, размышляя о собственной судьбѣ, авторъ желалъ воплотить знакомую ему идею въ художественный образъ; но онъ не сладилъ съ матеріалами, приготовленными для этого, и надуманная мысль (рефлексія) все-таки беретъ перевѣсъ надъ творчествомъ фантазіи, а отсюда одинъ шагъ до паденія въ чистый прозаизмъ. Образъ Кулака, не смотря на нѣкоторыя удачныя частности, въ цѣломъ, относительно къ главной идеѣ, все еще безтѣлесенъ: идеалъ не выносился въ душѣ поэта, а потому и вышелъ на свѣтъ Божій, какъ заносчивый юноша, гордящійся похвальными листами, которыми угодно было г. Никитину снабдить его въ лирическихъ мѣстахъ поэмы, дѣлающихъ честь образованію и гуманности автора, но не поэтическому его таланту.

Изъ главныхъ (послѣ самого Кулака) лицъ поэмы, наиболѣе удались г. Никитину — *Арина* и *Таракановъ*. Впрочемъ, концепція первой личности не представляетъ особенныхъ художественныхъ трудностей: это — существо доброе, подавленное деспотизмомъ мужа, рано увядшее. Г. Никитинъ съ особенною любовью рисуетъ этотъ печальный, и къ сожалѣнію, такъ знакомый намъ образъ, которому посвящаетъ нѣсколько прекрасныхъ элегій. Вотъ одна изъ нихъ:

Уснуло доброе созданье!
Жизнь кончена. И какъ она

Digitized by Google

Была печальна и бѣдна!
Стряпня и вѣчное вязанье,
Забота въ домѣ приглядѣть,
Да съ голоду не умереть,
На пьянство мужа тайный ропотъ,
Порой побои отъ него,
Про бытъ чужой несмѣлый шопотъ,
Да слезы... больше ничего.
И эта мелочь мозгъ сушила,
И человѣка въ гробъ свела!
Страшна ты роковая сила
Нужды и мелочнаго зла!
Какъ громъ, ты не убьешь мгновенно,
Войдешь ты — полъ не заскрипитъ,
А душишь, душишь постепенно,
Покуда жертва захрипитъ!

Глава XIX, въ которой поэтъ описываетъ смерть Арины, по нашему мнѣнію, рѣшительно лучшая въ цѣлой поэмѣ. Таракановъ, зять Лукича, совершенно живое лицо. Этотъ господинъ принадлежитъ къ категоріи плутовъ, подобныхъ Подхалюзину и молодому Пазухину. Но не смотря на такое сходство, г. Никитинъ, очерчивая этотъ характеръ, успѣлъ остаться вполнѣ самостоятельнымъ: его Тарасъ Петровъ представляетъ собой не мрачную фигуру Пазухина, а наивно-плутовскую, вѣчно-улыбающуюся личность. Но читатель останется совершенно недоволенъ *Столяромъ* и *Сашей*. Столяръ вовсе не удался г. Никитину и уже слишкомъ напоминаетъ *Ваню*, одного изъ героевъ «Рыбаковъ», романа г. Григоровича. Вотъ какъ знакомитъ съ нимъ г. Никитинъ своего читателя:

Сосѣдъ столяръ высокъ и строенъ,
Не очень смуглъ, не слишкомъ бѣлъ,
Веселый взглядъ его спокоенъ
И простодушно твердъ и смѣлъ;
Въ обтяжку казакинъ изъ нанки,
Рубашка красная чиста;
Не въ тяготу ему рубанки
И не въ кручину бѣднота.

Но этотъ образъ вовсе не похожъ на дѣйствительнаго сто-

Digitized by Google

ляра, какимъ онъ является въ поэмѣ. Во-первыхъ, взглядъ человѣка, малодушно покидающаго безъ всякой помощи любимую женщину въ минуту самой тяжкой скорби (когда Сашѣ предстоитъ необходимость выйдти за Тараканова) и утѣшающаго ее такими словами:

Все вздоръ! Не надо унывать!
Повѣрь, все кончится словами...

или:

Мой совѣтъ —
Поудержись, грубить не слѣдъ (то-есть грубить отцу).
Что дѣлать! болѣе терпѣла,
Дождемся счастья...

—взглядъ этого человѣка твердымъ и смѣлымъ быть не можетъ, а, во-вторыхъ, если и *не въ тяготу рубанки и не въ кручину бѣднота* для человѣка, у котораго

Подушка — локоть обнаженный,
Подъ локтемъ — жесткая доска, и проч.

то это скорѣе свидѣтельствуетъ о его безпечности, чѣмъ о твердости и смѣлости. Впрочемъ, по выраженію автора, эта твердость *простодушная;* только *простодушіемъ* и можно объяснить плаксивую любовь столяра къ Сашѣ. Едва ли не правъ былъ Лукичъ, не соглашавшійся имѣть зятемъ такого человѣка, такого нюню, хотѣли мы сказать. Мы не думаемъ, чтобы подобная натура рѣшилась, въ порывѣ отчаянія (когда уже Саша была просватана), отправиться туда, куда угодно было автору проводить его,—въ кабакъ: слезы и хныканье ему приличнѣе. Впрочемъ, взрывъ былъ мгновенный, хотя и проявлялся неистовымъ кутежомъ, пляскою и пѣньемъ

Про туманъ на синемъ морѣ,
Да про худой таланъ и горе...

Появленіе матери столяра, бойкой женщины, но большой сплетницы, очень мѣтко очерченной г. Никитинымъ, съ сло-

Digitized by Google

вами: «Ахъ, дуракъ, дуракъ!» положило конецъ взрыву, и далѣе — все стало обстоять благополучно. Г. Никитина, думаемъ, соблазнилъ идеалъ непосредственной славянской доброты, безсознательныхъ подвиговъ; но эти славянскіе идеалы, *мужи, одаренные божественными доблестями*, и *чудныя дѣвы, какихъ поискать въ свѣтѣ*, крайне безплотны. Пора ихъ оставить въ покоѣ, когда сама жизнь еще не выработала матеріаловъ для ихъ воплощенія. Столяръ г. Никитина, впрочемъ, и не совершаетъ подвиговъ: конечно, поступокъ его—спасти отъ раздраженной толпы пьянаго, окровавленнаго Лукича, благороденъ и дѣлаетъ честь его сердцу; но развѣ это подвигъ? Если столяръ г. Никитина, напоминающій собой другіе литературные идеалы, неудовлетворителенъ въ художественномъ отношеніи, то положительно плоха вышла *Саша:* читатель не въ состояніи составить себѣ о ней никакого понятія. Не знаешь, какая мысль руководила авторомъ при созданіи этого лица: думалъ ли онъ представить *идеальную дѣву*, или нѣчто среднее между забитой Ариной и бойкой матерью столяра? не вышло, по крайней мѣрѣ, ни того, ни другаго. Поэма г. Никитина заключаетъ въ себѣ нѣсколько второстепенныхъ лицъ, которыя всѣ вышли удачны; большею частью это тѣ лица, къ которымъ ходилъ Лукичъ занимать деньги. Лучшія изъ нихъ — ханжи Пучкова, о которомъ мы уже упоминали, и профессора семинаріи Зорова. Двѣ сцены, въ которыхъ являются эти господа, необыкновенно любопытны. Нельзя не поблагодарить автора за то, что онъ хоть приподнялъ край завѣсы, скрывающей отъ большинства читателей два, мало знакомые имъ міра: съ одной стороны міръ внѣшней, безсмысленной религіозности, въ которую нерѣдко закутывается самая гнусная личность, съ другой — міръ педагогическихъ взятокъ, умственнаго застоя, рьянаго преслѣдованія всего живаго.

Общій выводъ нашего разбора во всякомъ случаѣ тотъ, что поэма г. Никитина принадлежитъ къ лучшимъ литературнымъ произведеніямъ послѣдняго времени. Указанные нами недостатки ея такого рода, что не даютъ намъ права сомнѣваться въ талантѣ автора. Если ему и не удалось истинно-художественное созданіе образа Кулака, то мы все-таки благодарны ему за то, что онъ широко задумалъ главную идею поэмы и не

Digitized by Google

мало сдѣлалъ для ея осуществленія; мы все-таки видимъ въ его произведеніи замѣчательную картину, хотя и не перваго мастера. Если сдѣланнаго недостаточно, то, независимо отъ степени дарованія, вина, какъ намъ кажется, заключается въ самой натурѣ его таланта, преимущественно лирическаго. Очерки, силуэты лицъ, вполнѣ удаются г. Никитину; но какъ скоро онъ задумаетъ рѣзче ихъ обозначить, глубже заглянуть въ душу своихъ героевъ, то тотчасъ же или увлечется подражаніемъ извѣстнымъ идеаламъ, или вдастся въ лиризмъ. Стихъ г. Никитина совершенно свободенъ, а въ лирическихъ мѣстахъ звучитъ съ особенною силой; прозаизмовъ встрѣчается немного.

Т. М — овъ.

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЕ О ЛЕРМОНТОВѢ.

—

Предлагаю читателямъ отрывокъ изъ моихъ Записокъ, въ которомъ рѣчь идетъ о М. Ю. Лермонтовѣ. Небольшой біографическій очеркъ этотъ можетъ-быть пригодится, въ числѣ другихъ матеріаловъ, для будущихъ составителей полной біографіи нашего поэта. Будучи товарищемъ Лермонтова по Юнкерской школѣ, постараюсь сообщить все что̀ знаю о немъ съ 1832 года. Пусть другіе изъ его товарищей сдѣлаютъ тоже. Воспоминанія исчезаютъ вмѣстѣ съ лицами, немного осталось изъ бывшихъ соучениковъ поэта, —

«Кто въ гробѣ спитъ, кто дальній сиротѣетъ...»

... Лермонтовъ былъ брюнетъ, съ блѣдно-желтоватымъ лицомъ, съ черными, какъ уголь, глазами, взглядъ которыхъ, какъ онъ самъ выразился о Печоринѣ, былъ иногда тяжелъ. Не высокаго роста, широкоплечій, онъ не былъ красивъ, но почему-то вниманіе каждаго, и не знавшаго кто онъ, невольно на немъ останавливалось.

Въ 1831 году, переѣхавъ изъ Москвы въ Петербургъ, онъ началъ приготовляться къ экзамену для вступленія въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, куда и поступилъ въ началѣ 1832 года (кажется, въ мартѣ), въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ *. Годомъ позднѣе Лермон-

* Въ то время юнкера, находившіеся въ школѣ, считались въ полкахъ и носили, каждый, своего полка мундиръ.

Digitized by Google

това, опредѣлясь въ гвардейскіе уланы, я поступилъ въ ту же школу и познакомился съ нимъ, какъ съ товарищемъ. Вступленіе его въ юнкера не совсѣмъ было счастливо. Сильный душой, онъ былъ силенъ и физически, и часто любилъ выказывать свою силу. Разъ, послѣ ѣзды въ манежѣ, будучи еще, по школьному выраженію, *новичкомъ*, подстрекаемый старыми юнкерами, онъ, чтобъ показать свое знаніе въ ѣздѣ, силу и смѣлость, сѣлъ на молодую лошадь, еще не выѣзженную, которая начала бѣситься и вертѣться около другихъ лошадей, находившихся въ манежѣ. Одна изъ нихъ ударила Лермонтова въ ногу и расшибла ему ее до кости. Его безъ чувствъ вынесли изъ манежа. Онъ проболѣлъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, находясь въ домѣ у своей бабушки, Е. А. Арсеньевой, которая любила его до обожанія. Добрая старушка, какъ она тогда была огорчена и сколько впослѣдствіи перестрадала за нашего поэта! Всѣ юнкера, его товарищи, знали ее, всѣ ее уважали и любили. Во всѣхъ она принимала участіе, и многіе изъ насъ часто бывали обязаны ея ловкому ходатайству передъ строгимъ начальствомъ. Живя каждое лѣто въ Петергофѣ, близь кадетскаго лагеря, въ которомъ въ это время, обыкновенно, стояли юнкера, она особенно бывала въ страхѣ за своего внука, когда эскадронъ нашъ отправлялся на конныя ученья. Мы должны были проходить мимо ея дачи, и всегда видѣли какъ почтенная старушка, стоя у окна, издали крестила своего внука и продолжала крестить всѣхъ насъ, пока длинною вереницей, не пройдетъ передъ ея домомъ весь эскадронъ и не скроется изъ виду.

Въ Юнкерской школѣ, Лермонтовъ былъ хорошъ со всѣми товарищами, хотя нѣкоторые изъ нихъ не очень любили его за то, что онъ преслѣдовалъ ихъ своими остротами и насмѣшками за все ложное, натянутое и неестественное, чего никакъ не могъ переносить. Впослѣдствіи и въ свѣтѣ онъ не оставилъ этой привычки, хотя имѣлъ за то много непріятностей и враговъ. Между юнкерами, онъ особенно друженъ былъ съ А. В. Вонлярлярскимъ * (извѣстнымъ беллетристомъ, авторомъ «Большой барыни», и проч.), котораго любилъ за его веселыя

* Въ то время Вонлярлярскій тоже былъ юнкеромъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка. Произведенъ офицеромъ въ гвардейскіе конно-піонеры.

Digitized by Google

шутки. Своими забавными расказами, Вонлярлярскій привлекалъ къ себѣ многихъ. Бывало, въ школѣ, по вечерамъ, когда нѣкоторые изъ насъ соберутся, какъ мы тогда выражались, «поболтать», расказы Вонлярлярскаго были неистощимы; разумѣется, при этомъ Лермонтовъ никому не уступалъ въ острота̀хъ и веселыхъ шуткахъ.

Зимой, въ началѣ 1834 года, кто-то изъ насъ предложилъ издавать въ школѣ журналъ, конечно рукописный. Всѣ согласились, и вотъ какъ это было. Журналъ долженъ былъ выходить одинъ разъ въ недѣлю, по середамъ; въ продолженіи семи дней накоплялись статьи. Кто писалъ и хотѣлъ помѣщать свои сочиненія, тотъ клалъ рукопись въ назначенный для того ящикъ одного изъ столиковъ, находившихся при кроватяхъ въ нашихъ ка̀морахъ. Желавшій могъ оставаться неизвѣстнымъ. По середамъ вынимались изъ ящика статьи и сшивались, составляя довольно толстую тетрадь, которая вечеромъ въ тотъ же день, при сборѣ всѣхъ насъ, громко прочитывалась. При этомъ смѣхъ и шутки не умолкали. Такихъ нумеровъ журнала набралось нѣсколько. Не знаю что̀ съ ними сталось; — но въ нихъ много было помѣщено стихотвореній Лермонтова, правда, большею частью, не совсѣмъ скромныхъ и не подлежащихъ печати, какъ напримѣръ: «Уланьша», «Праздникъ въ Петергофѣ», и другія. «Уланьша» была любимымъ стихотвореніемъ юнкеровъ; вѣроятно и теперь, въ нынѣшней школѣ, завѣтная тетрадка, тайкомъ, переходитъ изъ рукъ въ руки. Надо сказать, что юнкерскій эскадронъ, въ которомъ мы находились, былъ раздѣленъ * на четыре отдѣленія: два тяжелой кавалеріи, то-есть кирасирскія, и два легкой — уланское и гусарское. Уланское отдѣленіе, въ которомъ состоялъ и я, было самое шумное и самое шаловливое. Этихъ-то уланъ, Лермонтовъ воспѣлъ, описавъ ихъ ночлегъ въ деревнѣ Ижоркѣ, близь Стрѣльны, при переходѣ ихъ изъ Петербурга въ Петергофскій лагерь. Вотъ одна изъ окончательныхъ строфъ, — описаніе выступленія послѣ ночлега:

---

* Раздѣленіе это было не по фрунтовой части.

Digitized by Google

Заутро раннее свѣтило
Взошло межь сѣрыхъ облаковъ,
И кровли спящія домовъ
Живымъ лучемъ позолотило.
Вдругъ слышенъ крикъ: вставай, скорѣй!
И сборъ пробили барабаны [1]),
И полусонные уланы,
Зѣвая, сѣли на коней.

Въ одной изъ тетрадей того же журнала, было помѣщено слѣдующее шутливое стихотвореніе Лермонтова: *Юнкерская молитва:*

Царю Небесный!
Спаси меня
Отъ куртки тѣсной,
Какъ отъ огня.
Отъ маршировки
Меня избавь,
Въ парадировки
Меня не ставь.
Пускай въ манежѣ
Алёхинъ [2]) глазъ,
Какъ можно рѣже,
Тамъ видитъ насъ.
Еще моленье
Позволь послать —
Дай, въ воскресенье,
Мнѣ опоздать!

то-есть придти изъ отпуска послѣ зари, позже 9-ти часовъ и, разумѣется, безнаказанно.

Никто изъ насъ тогда, конечно, не подозрѣвалъ и не разгадывалъ великаго таланта въ Лермонтовѣ. Да были ли тогда досугъ и охота намъ что-нибудь разгадывать, намъ — юношамъ

---

[1]) Хотя при эскадронѣ были трубачи, но какъ въ отрядѣ, шедшемъ въ лагерь, находились подпрапорщики и кадеты, то подъёмъ дѣлался по барабанному бою.

[2]) Бывшій въ то время командиромъ юнкерскаго эскадрона, покойный Алексѣй Степановичъ С — евъ, котораго юнкера очень любили.

Digitized by Google

въ семнадцать лѣтъ, смѣло и горячо начинавшимъ жизнь, что̀ называется, безъ оглядки и разгадки. Въ то время Лермонтовъ писалъ не одни шаловливыя стихотворенія; но только не многимъ и не многое показывалъ изъ написаннаго. Разъ, въ откровенномъ разговорѣ со мной, онъ мнѣ разсказалъ планъ романа, который задумалъ писать прозой и три главы котораго были тогда уже имъ написаны. Романъ этотъ былъ изъ временъ Екатерины II, основанный на истинномъ происшествіи, по разсказамъ его бабушки. Не помню хорошо всего сюжета, помню только, что какой-то нищій игралъ значительную роль въ этомъ романѣ; въ немъ также описывалась первая любовь, не вполнѣ раздѣленная, и встрѣча одного изъ лицъ романа съ женщиной съ сильнымъ характеромъ, что̀ разъ случилось и съ самимъ поэтомъ въ его ранней юности, какъ онъ мнѣ самъ о томъ разсказывалъ и о чемъ, кажется, намекаетъ въ одномъ мѣстѣ записокъ Печорина. Печоринъ пишетъ, что одинъ разъ любилъ такую женщину, а передъ тѣмъ говоритъ: «Надо признаться, что я точно не люблю женщинъ съ характеромъ: ихъ ли это дѣло?» Но и безъ характера женщина, прибавлю я отъ себя, не большая находка. На такую женщину нельзя полагаться. Да и сама она, испытывая невзгоды и огорченія любящей женщины съ характеромъ, не пользуется ея наслажденіями... Романъ, о которомъ я говорилъ, мало кому извѣстенъ, и нигдѣ о немъ не упоминается; онъ не былъ оконченъ Лермонтовымъ и, вѣроятно, имъ уничтоженъ. Впрочемъ, впослѣдствіи, нашъ поэтъ замышлялъ написать романическую трилогію, три романа изъ трехъ эпохъ жизни русскаго общества (вѣка Екатерины II, Александра I и настоящаго времени), какъ говоритъ о томъ Бѣлинскій въ своей рецензіи втораго изданія «Героя нашего времени», въ «Отечественныхъ Запискахъ» *.

Поэма «Демонъ», не вполнѣ напечатанная и всѣмъ извѣстная въ рукописи, была написана Лермонтовымъ еще въ 30-мъ и 31-мъ годахъ, когда ему было не болѣе семнадцати лѣтъ. Я имѣю первоначальную рукопись этой поэмы, впослѣдствіи передѣланной и увеличенной. Въ нѣкоторыхъ монологахъ «Демона»,

---

* Т. XVIII. — Отд. VI. 1841 г.

Digitized by Google

поэтъ уничтожилъ нѣсколько стиховъ прекрасныхъ, но слишкомъ смѣлыхъ. Въ Юнкерской школѣ онъ написалъ стихотворную повѣсть (1833 г.) «Хаджи-Абрекъ». Осенью 1834 года, его родственникъ и товарищъ, тоже нашъ юнкеръ Н. Д. Юрьевъ, тайкомъ отъ Лермонтова, отнесъ эту повѣсть къ Смирдину, въ журналъ «Библіотеку для Чтенія», гдѣ она и была помѣщена въ слѣдующемъ 1835 году. Это, если не ошибаюсь, было первое появившееся въ печати стихотвореніе Лермонтова, по крайней мѣрѣ, съ подписью его имени.

Въ то время, въ Юнкерской школѣ, намъ не позволялось читать книгъ чисто литературнаго содержанія, хотя мы не всегда исполняли это; тѣ, которые любили чтеніе, занимались имъ, большею частью, по праздникамъ, когда насъ распускали изъ школы. Всякій разъ, какъ я заходилъ въ домъ къ Лермонтову, почти всегда находилъ его съ книгою въ рукахъ, и книга эта была: Сочиненія Байрона и иногда Вальтеръ-Скоттъ, на англійскомъ языкѣ; — Лермонтовъ зналъ этотъ языкъ. Какое имѣло вліяніе на поэзію Лермонтова чтеніе Байрона — всѣмъ извѣстно; но не одно это, — и характеръ его, отчасти схожій съ Байроновымъ, былъ причиной, что Лермонтовъ, не смотря на свою самобытность, невольно иногда подражалъ британскому поэту.

Наконецъ, въ исходѣ 1834 года, Лермонтовъ былъ произведенъ въ корнеты, въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, и оставилъ Юнкерскую школу. По производствѣ въ офицеры, онъ началъ вести разсѣянную и веселую жизнь, проводя время, зимой — въ высшемъ кругу петербургскаго общества и въ Царскомъ Селѣ, въ дружескихъ пирушкахъ гусарскихъ; лѣтомъ — на ученьяхъ и въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ, откуда, одинъ разъ, онъ совершилъ романическое путешествіе верхомъ, сопровождая ночью своего товарища на одну изъ дачъ, лежащихъ по петергофской дорогѣ. Путешествіе это описано имъ въ стихотвореніи «Монго» очень игриво, но не для печати.

Лермонтовъ, какъ сказано, былъ далеко не красивъ собой и, въ первой юности, даже неуклюжъ. Онъ очень хорошо зналъ это и зналъ, что наружность много значитъ при впечатлѣніи, дѣлаемомъ на женщинъ въ обществѣ. Съ его чрезмѣрнымъ са-

Digitized by Google

молюбіемъ, съ его желаніемъ *вездѣ* и *во всемъ* первенствовать и быть замѣченнымъ, не думаю, чтобы онъ хладнокровно смотрѣлъ на этотъ небольшой свой недостатокъ. Знаніемъ сердца женскаго, силою своихъ рѣчей и чувства, онъ успѣвалъ располагать къ себѣ женщинъ, — но видѣлъ, какъ другіе, иногда ничтожные люди, легко этого достигали. Вотъ какъ говоритъ о томъ одинъ изъ его героевъ Лугинъ, въ отрывкѣ изъ начатой повѣсти: «Я себя спрашивалъ: могу ли я влюбиться въ дурную? Вышло нѣтъ: я дуренъ и, слѣдственно, женщина меня любить не можетъ. Это ясно». Потомъ далѣе продолжаетъ: «Если я умѣю подогрѣть въ нѣкоторыхъ то, что̀ называютъ капризомъ, то это стоило мнѣ неимовѣрныхъ трудовъ и жертвъ; но такъ какъ я зналъ поддѣльность этого чувства, внушеннаго мною, и благодарилъ за него только себя, то и самъ не могъ забыться до полной, безотчетной любви; къ моей страсти примѣшивалось всегда немного *злости:* все это грустно — а правда!..» Въ обществѣ Лермонтовъ былъ очень злорѣчивъ, но душу имѣлъ добрую: какъ его товарищъ, знавшій его близко, я въ томъ убѣжденъ. Многіе его недоброжелатели увѣряли въ противномъ и называли его *безпокойнымъ человѣкомъ.*

1837 годъ былъ несчастливъ для нашего поэта, котораго перевели изъ гвардіи тѣмъ же чиномъ въ армію, въ нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій въ Грузіи. Въ то время Лермонтовъ написалъ стихотвореніе на смерть А. С. Пушкина, убитаго тогда на дуэли. Не удовольствовавшись первоначальнымъ текстомъ, онъ черезъ нѣсколько дней прибавилъ къ нему еще шестнадцать окончательныхъ стиховъ, вызванныхъ толками противной партіи и имѣвшихъ вліяніе на его участь. Мнѣ ничего неизвѣстно о пребываніи его въ Грузіи и на Кавказѣ за этотъ годъ, въ концѣ котораго (или въ началѣ слѣдующаго) онъ былъ возвращенъ снова въ гвардію, сперва въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ, а вскорѣ потомъ въ прежній, гдѣ служилъ. Въ февралѣ 1838 года, будучи еще въ гродненскихъ гусарахъ, при прощаніи съ однимъ изъ своихъ товарищей, того же полка, М. И. Ц—мъ, ѣхавшимъ на Кавказъ, для участвованія въ экспедиціи противъ горцевъ, Лермонтовъ написалъ ему на память восемь стиховъ. Вотъ они:

Digitized by Google

Русскій-Нѣмецъ бѣлокурый
Ѣдетъ въ дальную страну,
Гдѣ косматые гяуры
Вновь затѣяли войну.
Ѣдетъ онъ, томимъ печалью,
На могучій пиръ войны;
Но иной, не бранной сталью,
Мысли юноши полны.

Въ послѣднемъ двустишіи есть очень милая игра словъ; но я не имѣю права ея обнаружить.

Въ началѣ 1840 года, Лермонтова снова отправили на Кавказъ, за дуэль его съ молодымъ Барантомъ, сыномъ французскаго посланника. Въ апрѣлѣ онъ уже былъ на пути изъ Петербурга въ Ставрополь. Тогда-то, въ дорогѣ, онъ написалъ извѣстное стихотвореніе:

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную, и проч.

Прибывъ въ эту «сторону южную», онъ отправился въ горы, въ экспедицію противъ Чеченцевъ. Впослѣдствіи, онъ описалъ одно изъ дѣлъ съ Горцами, въ своемъ стихотвореніи «Валерикъ». Въ то время какъ Лермонтовъ уѣзжалъ на Югъ, изданъ былъ въ первый разъ его романъ: «Герой нашего времени»; черезъ годъ уже вышло второе его изданіе. Также при жизни поэта напечатаны были въ одной книгѣ его мелкія стихотворенія, самыя безукоризненныя, какъ выразился о нихъ покойный Бѣлинскій. До появленія ихъ вмѣстѣ, они помѣщаемы были, почти исключительно, въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Въ концѣ 1840 года, Лермонтову разрѣшенъ былъ пріѣздъ въ Петербургъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Передъ окончаніемъ этого отпуска и передъ послѣднимъ своимъ отъѣздомъ на Кавказъ весною 1841 г., онъ пробылъ нѣкоторое время въ Москвѣ и съ удовольствіемъ вспоминалъ о томъ. «Никогда я такъ не проводилъ пріятно время, какъ этотъ разъ въ Москвѣ», ска-

Digitized by Google

залъ онъ мнѣ, встрѣтясь со мной, при проѣздѣ своемъ черезъ Тулу. Эта встрѣча моя съ нимъ была послѣдняя. Въ Тулѣ онъ пробылъ одинъ день, для свиданія съ своей родною теткой, жившей въ этомъ городѣ. Вмѣстѣ съ нимъ на Кавказъ ѣхалъ его пріятель и общій нашъ товарищъ А. А. С — нъ. Они оба у меня обѣдали и провели нѣсколько часовъ. Лермонтовъ былъ веселъ и говорливъ; передъ вечеромъ онъ уѣхалъ. Это было 15 апрѣля 1841 года, ровно за три мѣсяца до его кровавой кончины. По пріѣздѣ въ Ставрополь, онъ былъ увольненъ, передъ экспедиціею, на нѣсколько времени въ г. Пятигорскъ. Покойный П. А. Гвоздевъ, тоже его товарищъ по Юнкерской школѣ, бывшій въ то время на кавказскихъ водахъ, разсказалъ мнѣ о послѣднихъ дняхъ Лермонтова. 8-го іюля, онъ встрѣтился съ нимъ довольно поздно на пятигорскомъ бульварѣ. Ночь была тихая и теплая. Они пошли ходить. Лермонтовъ былъ въ странномъ расположеніи духа, — то грустенъ, то вдругъ становился онъ желчнымъ и съ сарказмомъ отзывался о жизни и обо всемъ его окружавшемъ. Между прочимъ, въ разговорѣ, онъ сказалъ: «Чувствую — мнѣ очень мало осталось жить». Черезъ недѣлю послѣ того, онъ дрался на дуэли, близъ пятигорскаго кладбища, у подошвы горы Машукъ.

Вовсе не желая къ воспоминанію о смерти Лермонтова примѣшивать мелодраматизма, котораго, при жизни своей, онъ не терпѣлъ, ненавидя всякіе эфекты, я, невольно, долженъ передать одну подробность о его концѣ, сообщенную мнѣ П. А. Гвоздевымъ. 15-го іюля, съ утра еще, надъ городомъ Пятигорскомъ и горою Машукъ собиралась туча и, какъ нарочно, сильная гроза разразилась ударомъ грома, въ то самое мгновеніе, какъ выстрѣлъ изъ пистолета повергъ Лермонтова на землю *. Буря и ливень такъ усилились, что нѣсколько минутъ препятствовали положить тѣло убитаго въ экипажъ. Наконецъ его привезли въ Пятигорскъ. Гвоздевъ, услыхавъ о происшествіи и, не зная навѣрное что̀ случилось, въ смутномъ ожиданіи, отправился на квартиру Лермонтова и тамъ увидѣлъ окровавленный трупъ поэта. Надъ нимъ рыдалъ его слуга. Всѣ, тамъ находившіеся, были въ большомъ смущеніи. Грустно и

* Въ 5 часу пополудни. «Одесск. Вѣсти.» 1841 г., № 63.

Digitized by Google

больно было ему видѣть бездыханнымъ того, чья жизнь такъ много обѣщала! Невольно тогда пріятелю моему пришли на память стихи убитаго товарища:

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой. . .

А. Меринскій.

1856 г.
На Южномъ Бугѣ.

Digitized by Google

ТЕОРІЯ И ПРАКТИКА.

По поводу сочиненій профессора Мейера: *Очеркъ русскаго вексельнаго права.* Казань. 1857 г., и *Чтенія о русскомъ гражданскомъ правѣ.* Выпускъ I. Казань. 1858 года.

—

Ученье свѣтъ, а неученье тьма, — гласитъ пословица, и никто уже, повидимому, не сомнѣвается въ ея справедливости. Отцы наши отдавали насъ въ науку, торжествовали наше поступленіе въ университетъ, радовались добрымъ отзывамъ о нашихъ успѣхахъ, гордились нами, когда мы, окончивъ курсъ наукъ, и имъ, и самимъ себѣ казались молодыми учеными. Выросли у насъ дѣти: мы спѣшимъ учить ихъ, желаемъ видѣть ихъ людьми образованными, просвѣщенными наукой, — желаемъ не потому только, что наука открываетъ имъ карьеру, но — болѣе или менѣе — и потому, что наука, какъ всѣмъ извѣстно, просвѣщаетъ человѣка. Мы каждый день слышимъ объ этомъ громкія фразы, читаемъ объ этомъ въ книгахъ и — волей или неволей — сознаемся, что знаніе есть сила, что наука есть необходимость въ наше время. Усомниться въ этомъ — значило бы пойдти наперекоръ общему мнѣнію. Мы до такой степени привыкли слѣпо уважать науку, что готовы иногда всякаго, кто окончилъ курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, считать ученымъ, на все способнымъ и полезнымъ человѣкомъ, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

Но представимъ себѣ простаго, непредубѣжденнаго человѣка, который обо всѣмъ привыкъ судить по опыту, который

Digitized by Google

по нашему не учился, не читалъ нашихъ книгъ, не жилъ вмѣстѣ съ нами, не знакомъ съ нашими порядками, и, пріѣхавъ къ намъ въ первый разъ издалека, желаетъ знать что̀ у насъ дѣлается. Гдѣ у васъ наука? спроситъ онъ, — и мы поведемъ его въ свои гимназіи, лицеи и университеты; онъ увидитъ сотни молодыхъ людей, слушающихъ уроки преподавателей и чтенія профессоровъ, полюбуется на важную академическую обстановку, посмотритъ наши программы, послушаетъ отвѣты на экзаменахъ и подивится какъ процвѣтаетъ у насъ наука. Но, какъ человѣкъ практическій, привыкшій судить обо всемъ по дѣлу и по опыту, посѣтитель не удовольствуется этимъ первымъ обозрѣніемъ. Гдѣ же плоды вашей науки? спроситъ онъ насъ: безъ сомнѣнія, по тому, что̀ я видѣлъ въ ея оффиціальныхъ святилищахъ, заключаю, что и въ дѣйствительной жизни наука приноситъ у васъ великую пользу. Тогда, желая показать себя съ выгодной стороны, мы поведемъ его на академическіе диспуты, въ библіотеки и книжныя лавки, и станемъ ему показывать литературные и ученые труды, которыми сдѣлались извѣстны молодые люди, окончившіе курсъ наукъ въ университетахъ. Къ удивленію нашему, онъ и этимъ не удовольствуется. Неужели, спроситъ онъ, — молодые люди, которыхъ я видѣлъ на гимназическихъ и университетскихъ скамьяхъ, посвящаютъ себя исключительно ученымъ занятіямъ и должны непремѣнно избирать себѣ карьеру ученаго? О, нѣтъ, отвѣтимъ мы: какъ это можно! наши гражданскіе правители, наши судьи и чиновники, занимающіе въ канцеляріяхъ высшія должности, — всѣ большею частью окончили курсъ наукъ въ высшихъ, или спеціальныхъ, учебныхъ заведеніяхъ. — И вслѣдъ за тѣмъ мы поведемъ нашего гостя, — если пустятъ его вмѣстѣ съ нами, — въ наши суды, присутственныя мѣста и канцеляріи.

Увидитъ ли онъ здѣсь то, чего искалъ съ такою пытливостью, свойственной незваному гостю? Увидитъ ли на самомъ дѣлѣ плоды, которыхъ требовалъ отъ науки для жизни, почуетъ ли явственную связь жизни и дѣла съ наукой? сомнѣваемся. Обратясь къ однимъ съ словомъ о наукѣ, онъ услышитъ отъ нихъ громкія фразы, въ которыхъ будутъ звучать слова, схваченныя болѣе или менѣе вѣрною памятью, но не слышно будетъ духа

Digitized by Google

жизни, проникнутой твердымъ знаніемъ. Поговоривъ съ другими, подивится ихъ блестящему, многостороннему образованію и начитанности, но когда захочетъ удостовѣриться, насколько пріобрѣтенныя ими со всѣхъ сторонъ знанія прилагаются къ сферѣ, въ которой они призваны дѣйствовать,—увидитъ, что знаніе составляетъ для нихъ удовольствіе, блестящую сторону жизни, а дѣло—формальный, будничный трудъ, или средство для существованія. Подойдетъ къ третьимъ: тѣ назовутъ его мечтателемъ, и скажутъ ему: вѣрьте намъ, опытнымъ людямъ, что, узнавши настоящее дѣло, мы не можемъ надивиться, зачѣмъ насъ учили многому, что̀ никакой пользы намъ въ жизни не приноситъ. Не много найдется такихъ, которыхъ посѣтитель встрѣтитъ съ полнымъ сочувствіемъ: они скажутъ ему, что только съ помощью знанія стали въ свободныя отношенія къ своему дѣлу, только съ помощью знанія могли выбрать это дѣло и связать себя съ нимъ духовнымъ интересомъ, нашли и свѣтъ, и твердую опору для своей дѣятельности.

Кому изъ людей мыслящихъ не приходилось и за себя, и за другихъ, и за все общество сожалѣть о существующемъ у насъ разладѣ между наукой и жизнью, или, какъ вообще привыкли выражаться, между теоріей и практикой? Куда ни обернешься, вездѣ встрѣчаешь то же явленіе. Не этотъ ли разладъ причиной, напримѣръ того, что такъ рѣдко встрѣчается у насъ спокойный и добросовѣстный споръ о предметѣ науки, или о важномъ жизненномъ вопросѣ, и что большею частью начинающіе споръ тотчасъ же превращаются въ ожесточенныхъ противниковъ, готовыхъ колоть другъ другу глаза или недобросовѣстностью, или невѣдѣніемъ основныхъ началъ жизни и науки? Не оттого ли же происходитъ, что явленіе самое простое и очевидное вызываетъ у насъ взгляды и сужденія совершенно противоположные, что часто приходится цѣлому кружку, цѣлому собранію, цѣлому даже сословію до истощенія силъ доказывать истины, давно уже составляющія азбуку науки и жизни, и все-таки оставаться безъ успѣха? Не оттого ли такъ часто вопросъ, легко и удобно разрѣшающійся посредствомъ приложенія общихъ основныхъ началъ мышленія, не находитъ разрѣшенія въ умахъ, которые ищутъ его въ мелочныхъ подробностяхъ и случайной обстановкѣ факта, или въ мертвой

Digitized by Google

буквѣ, не имѣя желанія и силъ постигнуть духъ ея? Не оттого ли, наконецъ, такъ часто видимъ, что люди, горѣвшіе, повидимому, любовью къ наукѣ, покидаютъ ее при близкомъ знакомствѣ съ матеріальной стороной жизни, относятся къ наукѣ съ холодностью и мертвеннымъ педантизмомъ, если не съ презрѣніемъ, или, что̀ всего хуже, становятся лицемѣрами и шарлатанами въ наукѣ? что люди, выступающіе на дѣло съ благороднымъ стремленіемъ къ истинѣ, такъ скоро увлекаются противоположными стремленіями того круга, въ которомъ начинается ихъ дѣятельность? Все это, сказываютъ иные, происходитъ оттого, что жизнь и опытъ вѣрнѣе науки и практика вѣрнѣе теоріи.

Неправда. Такъ можетъ говорить только тотъ, кто не знаетъ смысла словъ: теорія и практика: слова эти употребляются у насъ сплошь-да-рядомъ и, подобно многимъ другимъ, произносятся безотчетно. Есть много людей, которые не въ состояніи возвыситься надъ обиходнымъ смысломъ явленій жизни и, скользя по ихъ поверхности, не даютъ себѣ труда глубже изслѣдовать сущность ихъ и скрытыя въ нихъ причины. Такіе люди всегда расположены бываютъ ставить теорію въ какое-то враждебное отношеніе къ практикѣ: если принадлежатъ къ числу теоретиковъ по профессіи,—они смотрятъ съ презрѣньемъ на практику, и наоборотъ. Но что́ такое практика? Что такое теорія? Что между ними общаго? Какими признаками одна отличается отъ другой? — Обо всемъ этомъ тѣ и другіе не хотятъ размыслить, или не мыслятъ какъ должно. Предполагать какой-то *существенный* разладъ между теоріей и практикой было бы также нелѣпо, какъ предполагать противорѣчіе между силами природы и явленіями, въ природѣ совершающимися. Въ сферѣ дѣйствительности, въ сферѣ практической нѣтъ ни одного явленія, которое было бы чуждо теоріи. Теорія и практика въ сущности одно и то же. Каждое явленіе таитъ въ себѣ идею, и ни одно немыслимо безъ идеи, въ немъ скрытой. Уловить эту идею, сознать ее, связать ее съ цѣлымъ рядомъ идей, взятыхъ изъ міра явленій однородныхъ, — вотъ въ чемъ состоитъ задача теоріи. Теорія, которая не такъ разумѣетъ идею явленія какъ она открывается въ дѣйствительности, есть теорія ложная. Практика, которая, довольству-

Digitized by Google

ясь инстинктомъ, не хочетъ знать идеи, открывающейся въ явленіяхъ, есть кривая, ненадежная, лицемѣрная практика. Одни и тѣ же явленія даютъ содержаніе теоріи и практикѣ, наукѣ и дѣйствительной жизни. Повидимому, разница между той и другой состоитъ въ томъ, что въ первой проникаются сознаніемъ явленія, которыя въ послѣдней представляются безсознательными. Но и это различіе можетъ быть допущено только въ томъ случаѣ, если теорія представляется намъ сама по себѣ, отдѣльно отъ практики, въ особой исключительной области. Еслибъ таково было нормальное отношеніе теоріи и практики, грустно было бы думать, что сфера дѣятельности человѣческой дѣлится на двѣ половины, а все человѣчество на два сословія, у которыхъ нѣтъ ничего общаго, которыя никогда не могутъ сойдтись и помогать другъ другу: наука, заключась въ самой себѣ, утративъ жизненное свое значеніе, сама признала бы свою несостоятельность; въ сферѣ дѣятельности практической нельзя было бы распознать свѣта посреди случайныхъ явленій. Къ счастью, это неправда: схоластическое понятіе о наукѣ отжило свое время, и необходимость связи, которую наука должна имѣть съ жизнью, не можетъ подлежать сомнѣнію. Мы не сомнѣваемся, что конечнымъ стремленіемъ всякой науки должно быть всевозможное сближеніе съ жизнью. Кто осмѣлится сказать, что истина, составляющая содержаніе и цѣль для науки, не должна и для дѣйствительной жизни имѣть то же самое значенье? Насколько наука должна быть проникнута истиной, настолько же и жизнь ею должна быть проникнута. Если явленія дѣйствительности принадлежатъ къ области безсознательной жизни, то наука поставляетъ себѣ задачей привесть ихъ въ сознаніе, уловить ихъ идею и связать ее съ цѣлымъ порядкомъ идей; сознаніе, по природѣ своей, стремится проникнуть безсознательное, слиться съ нимъ въ одно, какъ сливается духъ съ тѣломъ въ человѣкѣ: наука, по природѣ своей, стремится проникнуть жизнь и слиться съ нею.

Отчего жь у насъ теорія и практика до сихъ поръ стоятъ другъ противъ друга и другъ на друга сердятся, или посмѣиваются? Молодость ли науки и ея истолкователей тому причиной, закоснѣлость ли рутинныхъ преданій практики, неподвижность ли той среды, въ которой та и другая должны дѣйствовать, или

Digitized by Google

тупая, мертвенная обрядность, которою проникнуты наши общественныя отношенія? Что-нибудь изъ двухъ: или теорія у насъ не сходится съ практикой, или практика покуда не чувствуетъ потребности въ близкомъ знакомствѣ съ теоріей.

Посмотримъ ближе. Вотъ сфера, въ которой, казалось бы, теорія всего удобнѣе могла сблизиться съ практикой: — сфера юридическихъ отношеній, судебной дѣятельности. Содержаніемъ науки права служатъ тѣ же юридическія отношенія, которыми занимается практика, тѣ же положительные законы, на основаніи которыхъ судебная практика полагаетъ свои заключенія, выводя ихъ изъ непреложныхъ началъ права и юридической логики. Это — связь до такой степени естественная, что во многихъ государствахъ, гдѣ судебная власть получила самостоятельное значеніе и прочную организацію, судебная практика возвысилась до систематическаго единства, составляющаго качество науки: судьи получили неоспоримое право называть себя юристами, и многіе изъ нихъ свободно переходятъ съ каѳедры на судейское кресло, или обратно. Не станемъ удивляться, что мы, при историческихъ привычкахъ своихъ, не дошли еще до такого результата и остаемся при прежней формѣ суда, при прежнемъ дьякѣ, скрывающемся подъ покровомъ судейскаго приговора. Но нельзя не пожалѣть о томъ, что этотъ дьякъ сталъ уже старъ, и, часто изъ одного упрямства, либо изъ лѣни, отказывается отъ справокъ съ наукой. Можно было ему не знать ея тогда, когда вопросы, возникавшіе въ судахъ, были не многочисленны, и жизнь не обнаруживала еще того разнообразія интересовъ и столкновеній, которое теперь съ каждымъ днемъ умножается, когда задача судьи, такъ же какъ и задача законодателя, ограничивалась еще немногими и несложными предметами. А теперь безъ ясной идеи о сущности каждаго права и о всѣхъ юридическихъ его послѣдствіяхъ не скоро выберешься изъ хаоса запутанныхъ и противорѣчащихъ интересовъ, предъявляющихъ права свои на судѣ. Вопросовъ возникаетъ множество, и каждый настоятельно требуетъ разрѣшенья. Ихъ можно у насъ раздѣлить на два рода: одни не могутъ быть поняты и разъяснены удовлетворительно безъ историческаго изученія источниковъ законодательства XVII и XVIII столѣтій: таковы, напримѣръ, многіе вопросы вотчиннаго права, о на-

Digitized by Google

слѣдствѣ, о поземельномъ владѣніи, и проч. Въ разрѣшеніи другихъ вопросовъ, историческое изученіе стоитъ на второмъ планѣ, а на первомъ планѣ является изслѣдованіе о существѣ того юридическаго отношенія, которое дало поводъ къ вопросу. Здѣсь не рѣдко надо бываетъ долго вдумываться въ содержаніе дѣла и нѣсколько разъ разлагать предметъ на составныя его части, прежде чѣмъ придешь къ ясному сознанію простаго, кореннаго начала, дающаго разрѣшеніе. Для такой работы не всегда достаточно одного, такъ-называемаго, здраваго смысла, а нужно большею частью содѣйствіе юридической логики, нужно твердое сознаніе коренныхъ юридическихъ началъ: нуженъ въ пособіе труду и опытности взглядъ просвѣщенный и направляемый наукой. Чтожь, если въ одномъ случаѣ нѣтъ историческаго знанія, въ другомъ нѣтъ яснаго юридическаго сознанія? Послѣдствія извѣстны каждому: судья въ затрудненіи, но на помощь къ нему является приказная рутина — вѣрнѣйшее пособіе лѣни и равнодушію. Вопросы можно проглотить или обойдти, дѣло можно оттянуть, или разрѣшить его, благословясь, подъ словомъ: приказали: выйдетъ тотъ же приговоръ — e sempre bene. Притомъ у всякаго судьи «свой царь въ головѣ», всякій судитъ самъ по себѣ; а сослаться на статью или на букву закона, разумѣя ее по-своему, гораздо легче, нежели вдумываться въ смыслъ и духъ ея. Оттого происходитъ, что дѣла одинаковаго содержанія въ разныхъ мѣстахъ разрѣшаются разно, и что самый справедливый судья иногда не въ силахъ мотивировать и доказать юридически свое рѣшенье. Правда, что возможное единство въ судебныхъ рѣшеніяхъ достигается только при существованіи твердо организованнаго судебнаго сословія, но и то неоспоримо, что взгляды могутъ пріобрѣсть единство только посредствомъ общихъ понятій, даваемыхъ наукой. Извѣстно, что смѣшеніе понятій, — неизбѣжное при отсутствіи научнаго взгляда,—всегда и вездѣ вредитъ прямому воззрѣнію на дѣло и ведетъ къ неправильнымъ заключеніямъ: тѣмъ болѣе вредитъ оно въ дѣлѣ юридическомъ, гдѣ каждое заключеніе опирается на строгихъ выводахъ и точныхъ соображеніяхъ. Здѣсь одна ошибка въ воззрѣніи на сущность юридическаго отношенія, какъ бы тщательно ни было разъяснено матеріальное содержаніе дѣла, ведетъ непремѣнно къ ложному взгляду: а въ такую

Digitized by Google

ошибку вовсе не трудно впасть тому, кто не имѣетъ точнаго понятія о сущности и границахъ юридическихъ опредѣленій. Стóитъ, напримѣръ, вообразить себѣ договорное начало тамъ, гдѣ нѣтъ существенныхъ признаковъ договора, придать качество сознанія выраженью, въ которомъ нѣтъ юридическихъ признаковъ сознанія, поставить юридическое предположеніе не на той сторонѣ, на которой ему быть слѣдуетъ, и т. п.,— заключеніе непремѣнно выйдетъ ложное, и примѣненіе закона — неправильное, какъ бы ни было совершенно знаніе буквы закона. Смутное преданіе или приказная рутина—во всякомъ случаѣ шаткое, невѣрное основаніе для юридическаго взгляда. Притомъ надобно сознаться: приказныя преданія мало-по-малу исчезаютъ у насъ, и самая рутина колеблется, потому что, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, разорвана уже связь приказныхъ поколѣній. Преданія болѣе и болѣе утрачиваютъ прежнее свое значенье, потому что негдѣ уже имъ сохраняться; а преемственная передача ихъ отъ одного приказнаго поколѣнія къ другому сдѣлалась невозможна, съ тѣхъ поръ какъ старое поколѣніе было механически вытѣснено изъ судовъ, а на мѣсто его механически же поставлено новое. Послѣднее не имѣло времени учиться у своихъ предмѣстниковъ и воспользоваться ихъ опытомъ, на который смотрѣло не только безъ уваженія, но и съ недовѣрчивостью. Новому же поколѣнію, какъ бы добросовѣстно ни рѣшалось оно заняться своимъ дѣломъ, едва ли суждено когда-нибудь состарѣться въ приказахъ и передать свою, будущую, опытность преемникамъ, — едва ли суждено ему оставаться долго на мѣстахъ, на которыхъ, по роду занятій, только долговременное и постоянное упражненіе можетъ дать опытность: оно бѣжитъ, и его ведутъ и переводятъ дальше, дальше... Такимъ образомъ, опытность въ разрѣшеніи юридическихъ вопросовъ, доставшаяся иному добросовѣстному судьѣ послѣ прилежнаго изученія и упорнаго труда, пропадаетъ даромъ для тѣхъ, которые за нимъ слѣдуютъ и должны снова начинать тотъ же трудъ для себя,—если достанетъ рѣшимости, силъ и терпѣнья начать и продолжать его.

Итакъ, на преданія и рутину нельзя положиться. Чтóже поставитъ на мѣсто ихъ новое поколѣніе? Науку, — скажемъ мы рѣшительно, и надъ этимъ словомъ поневолѣ задумаемся.

Digitized by Google

Мы видимъ передъ собой сотни молодыхъ людей, которые, окончивъ курсъ юридическихъ наукъ, съ учебной скамьи прямо переходятъ на службу въ канцеляріи судебныхъ мѣстъ и становятся потомъ въ ряды дѣлопроизводителей и судей. Что вынесли они съ собою изъ науки, какой капиталъ собрали и внесли въ кругъ своей гражданской дѣятельности? Новые дѣлопроизводители и судьи заняли мѣсто прежнихъ, которые тѣмъ же путемъ пришли къ должностямъ своимъ, успѣвъ позабыть науку посреди канцелярскихъ формъ и обрядовъ: неужели съ новыми случится то же самое, что случилось съ прежними?

Представимъ себѣ молодаго человѣка, который начинаетъ службу, получаетъ мѣсто. Съ первымъ же вступленіемъ въ канцелярію онъ попадаетъ въ новый міръ, о которомъ никто не могъ дать ему понятія, котораго онъ и вообразить себѣ не могъ, когда слушалъ курсъ наукъ въ университетѣ, мечтая, можетъ-быть, о благородномъ призваніи судьи. Все ему чуждо въ этомъ мірѣ, и атмосфера присутственнаго мѣста должна на первый разъ отуманить его: какъ-будто попалъ онъ въ лѣсъ, гдѣ ни одна тропинка ему не знакома, гдѣ каждое явленіе кажется чѣмъ-то страннымъ и таинственнымъ. Дѣло его начинается съ переписки бумагъ — работы самой скучной и неблагодарной. Тяжелые и запутанные канцелярскіе формы и обряды ежеминутно сбиваютъ его съ толку, а самъ по себѣ онъ не въ силахъ привесть ихъ къ единству и найдти ключъ къ новой наукѣ, которая передъ нимъ открывается. Ключъ этотъ не хитрый и наука не мудреная, но надобно чтобы кто-нибудь показалъ ее: а такая благотворительная душа рѣдко встрѣчается въ канцеляріяхъ. Здѣсь, какъ извѣстно, всякому дѣло до себя, и дѣлопроизводители не охотно принимаютъ на себя роль учителей, особливо если смотрятъ на ученика подозрительно, какъ на новаго пришельца; да и некогда учить другихъ, когда самому на свое дѣло едва достаетъ силъ и времени. Шагъ за шагомъ молодой чиновникъ долженъ пробивать себѣ дорогу къ познанію канцелярскихъ таинствъ, еще не понимая ясно: зачѣмъ дѣлается все, что онъ вокругъ себя видитъ. Если въ немъ не много энергіи, если натура его такова, что требуетъ поддержки и ободренія изъ самой среды, въ которой призвана дѣйствовать,—мудрено ли, что молодаго человѣка скоро одолѣваютъ скука и отвраще-

Digitized by Google

ніе отъ дѣятельности, въ которой не видитъ онъ ничего живаго и возбуждающаго? — Бываютъ натуры терпѣливыя и вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченныя: эти, свыкаясь мало-по-малу съ механическимъ трудомъ, утрачиваютъ всякую способность осмыслить его для себя и попадаютъ въ ряды канцелярскихъ тружениковъ, для которыхъ нѣтъ надежды сдѣлаться когда-нибудь мастерами. Другіе только что начинаютъ понимать дѣло, какъ нападаетъ на нихъ демонъ мелкаго честолюбія, царствующій въ канцелярскомъ мірѣ; бѣда, если этому демону приходится въ юной еще душѣ бороться съ слабыми, или полузаснувшими идеальными стремленіями: легко достается ему побѣда. Молодые чиновники начинаютъ съ завистью слѣдить за привилегированными любимцами чиновной фортуны и мало-по-малу утрачиваютъ послѣдніе остатки сочувствія къ существеннымъ интересамъ своего дѣла, отдавая себя вполнѣ внѣшнимъ, формальнымъ его интересамъ: карьера становится послѣднею цѣлью всей ихъ дѣятельности. Иные, наконецъ, подъ гнетомъ матеріальной нужды, поневолѣ должны искать въ службѣ средства къ пропитанію, и не въ состояніи стать въ свободное отношеніе къ предмету своихъ занятій. Мы не говоримъ о тѣхъ сильныхъ, богатыхъ натурахъ, которыя въ состояніи всюду найдти дорогу и даже, если нужно, проложить новую; но и въ этихъ, счастливыхъ исключеніяхъ изъ общаго порядка, сколько предстоитъ усилій и борьбы смѣлымъ дѣятелямъ, сколько ихъ погибаетъ или остается на дорогѣ при столкновеніяхъ и съ людьми, и съ непреодолимою силой существующаго. Мы не говоримъ объ исключеніяхъ; но мудрено ли, что въ большей части случаевъ новые питомцы науки приходятъ на службѣ къ тому же результату, къ которому приходили ихъ предшественники, то-есть, къ равнодушію, формализму и обрядности. Съ этимъ равнодушіемъ какъ можетъ ужиться живая память объ наукѣ и живое къ ней сочувствіе? При этомъ господствѣ обрядности и мертвой буквы умираетъ духъ, безъ котораго всякая дѣятельность обманчива и безплодна. Идеальныя стремленія, когда-то наполнявшія душу молодаго человѣка, уступаютъ мѣсто матеріальнымъ инстинктамъ и мелкимъ интересамъ, и человѣкъ незамѣтно превращается въ чиновника, для котораго всякое дѣло есть бумага или собраніе бумагъ съ номерами, и всякій вопросъ

Digitized by Google

разрѣшается удобно формальнымъ приложеніемъ мертвой буквы на бумагѣ; а бумага все терпитъ и ничего не стыдится. Такъ образуются дѣлопроизводители, наполняющіе архивы присутственныхъ мѣстъ массою бумагъ, невѣдомо для кого и для чего писанныхъ,—такъ воспитываются равнодушные судьи, привыкающіе разрѣшать дѣло сообразуясь съ судьбою дня, съ мнѣніемъ предсѣдателя, съ влеченіемъ нравственнаго чувства или предразсудка, съ краснорѣчіемъ просителя. Такъ образуются, прибавимъ еще, изъ бывшихъ сторонниковъ правды и гласности—будущіе фанатики канцелярской тайны, мертвой обрядности и мертваго бумажнаго дѣла! Сколько бъ ни твердили эти люди объ наукѣ, сколько бъ ни произносили они длинныхъ рѣчей съ цитатами, сколько бъ ученыхъ книгъ и журналовъ ни читали въ своихъ кабинетахъ, — это люди, отрекшіеся отъ науки, это люди мертвой буквы, а не живаго знанія, которое даетъ смыслъ жизни и жизнью питается.

Кто жь виноватъ? Наука ли въ томъ отвлеченномъ, формальномъ видѣ, въ какомъ она нерѣдко преподается,—приказная ли рутина, или наконецъ сами молодые люди, слишкомъ скоро забывающіе интересы науки для мелкихъ интересовъ ежедневной жизни? Правда, преподаваніе наукъ, въ особенности юридическихъ, нерѣдко грѣшитъ у насъ излишнею формальностью; отъ науки дышетъ чѣмъ-то сухимъ, черствымъ, разобщеннымъ съ жизнью; преподаватели ея болѣе похожи бываютъ на жрецовъ, изрекающихъ таинственныя слова устами нѣмаго оракула, чѣмъ на живыхъ людей, живымъ словомъ объясняющихъ предметъ, по свойству своему неразрывно соединенный съ жизнью дѣйствительной; и наука самая живая превращается у нихъ въ систематическое собраніе формулъ и опредѣленій, подлежащихъ обязательному изученію. Многіе изъ нихъ считаютъ еще науку принадлежностью касты записныхъ ученыхъ, а себя считаютъ вправѣ изучать только мертвую букву, забывая о томъ, что духъ ея скрывается въ явленіяхъ жизни, и что при сближеніи только съ жизнью можно уразумѣть, самостоятельно усвоить себѣ и развить положенія науки. Другіе, прикрывая пустоту содержанія громкими фразами, заботятся только объ эффектѣ, который, съ помощью шарлатанства, не трудно произвесть на неопытныхъ слушателей: оболь-

Digitized by Google

щая и самихъ себя, и молодыхъ людей фантасмагоріей науки. Такіе преподаватели развиваютъ въ нихъ ложную самоувѣренность и неуваженіе къ труду, безъ котораго не дается истинное знаніе. — Съ другой стороны, могутъ быть виноваты сами слушатели. Наука ни къ чему не послужитъ тому, кто прощается съ нею навсегда, прощаясь съ академическою скамьей, и оставляетъ ее позади себя, какъ старое платье, или какъ дѣтскій учебникъ, надъ которымъ довольно уже поскучали въ школѣ. Напротивъ, кто полюбилъ ее, выросъ на ней, и воспитанный ею усвоилъ себѣ просвѣщенный духомъ науки взглядъ на жизнь и на дѣло, — тотъ никогда не утратитъ потребности повѣрять и развивать въ себѣ пріобрѣтенное знаніе и на всякомъ шагу будетъ встрѣчать случаи для его примѣненія.

Все это однакоже причины не существенныя. Ими однѣми еще нельзя объяснить вполнѣ, почему молодые люди, посвящающіе себя по окончаніи курса наукъ судебной дѣятельности, такъ скоро прощаются съ наукой и такъ часто, даже безъ борьбы и противодѣйствія, уступаютъ вліянію той среды, въ которой призваны дѣйствовать. Стало-быть въ этой самой средѣ есть что-то втягивающее, поглощающее не слишкомъ сильную личность. Не должно забывать, что только исключительныя натуры, сильныя яснымъ сознаніемъ истины и твердо вѣрующія въ побѣду ея, въ состояніи идти на-перекоръ всѣмъ условіямъ окружающей ихъ среды: противодѣйствіе средѣ помогаетъ еще движенію ихъ впередъ, развивая и укрѣпляя въ нихъ душевную энергію. Но натуры обыкновенныя, изъ которыхъ составлено огромное большинство, воспитываются подъ вліяніемъ той среды, въ которой суждено имъ жить и дѣйствовать, и поневолѣ должны уступать ему.

Дѣйствительно, нельзя не сознаться, что въ той средѣ, въ которой молодые юристы наши приготовляются къ практической дѣятельности, трудно, очень трудно имъ достигнуть самостоятельнаго развитія, въ согласіи съ началами науки. Однимъ изъ главныхъ препятствій къ тому служитъ механическая обрядность, которою проникнута вся канцелярская дѣятельность, все бумажное дѣлопроизводство. Если человѣкъ, вполнѣ уже знакомый со всею сложной и запутанной его системой, едва въ состояніи бываетъ выносить всю тяжесть ея и съ напряже-

Digitized by Google

ніемъ силъ добирается до содержанія дѣла, снимая съ него безчисленные покровы бумажныхъ формъ, если человѣку опытному трудъ этотъ кажется иногда невыносимымъ, чтоже долженъ чувствовать молодой, еще неопытный человѣкъ, когда ему, полному жизни, приходится стать лицомъ къ лицу съ міромъ мертвыхъ бумагъ, таблицъ и вѣдомостей, въ которомъ и для привычнаго дѣятеля чуть-чуть бьется жизнь гдѣ-то вдалекѣ скрытая? Правда, что въ бумагѣ, которую дадутъ ему переписывать, въ плодовитомъ прошеніи, которое сдадутъ ему на руки, въ тысячѣ рапортовъ, указовъ, отношеній, изъ которыхъ составлено дѣло, порученное ему, таится идея, что подъ грудою бумагъ скрывается человѣкъ страждущій, ожидающій, отыскивающій или защищающій свое право; но чтобъ добраться до этой идеи, чтобы имѣть всегда въ виду этого человѣка, представляемаго писаною бумагой, — для этого потребна такая сила отвлеченія, какой не можетъ имѣть молодой человѣкъ, только что начинающій дѣло. Покуда успѣетъ онъ возвыситься до понятія о нравственномъ долгѣ — тяжкаго и мелочнаго труда на пользу общую, покуда успѣетъ проложить себѣ тропинки посреди бумажнаго хаоса и пойметъ все достоинство труда, извлекающаго изъ глубины его прямую сущность дѣла и ясную его идею, сколько предстоитъ ему сухой работы, въ которой покуда не видитъ онъ смысла и цѣли, сколько ошибокъ и недоумѣній, а главное, сколько скуки, ослабляющей въ душѣ всякое живое стремленіе. Вотъ впечатлѣнія, которыя встрѣчаютъ молодаго человѣка на первыхъ шагахъ въ его служебной дѣятельности: итакъ нечего удивляться тому, что онъ слишкомъ скоро привыкаетъ относиться къ ней апатически, и, когда успѣваетъ пройдти первыя испытанія, мало-помалу увлекается механическимъ направленіемъ канцелярской работы.

Но это еще не все. Положимъ, что новый чиновникъ привыкъ наконецъ къ всѣмъ пеленкамъ и свивальникамъ канцелярской обрядности, и даже чувствуетъ себя въ нихъ свободно; положимъ, что передъ нимъ раскрылись уже высшія сферы канцелярскаго дѣла, въ которыхъ образуются вопросы, возбуждающіе умственную дѣятельность: теперь-то предстоитъ ему связать эти вопросы съ началами науки, съ положеніями права,

Digitized by Google

освѣтить жизнь взглядами науки, повѣрить науку жизненными вопросами. Повидимому, это было бы и не трудно, но на самомъ дѣлѣ здѣсь-то именно и оказывается рѣшительное вліяніе среды, къ которой относится дѣятельность. Къ сожалѣнію, одна изъ принадлежностей ея есть — *недостатокъ авторитета*, безъ котораго сліяніе науки съ жизнью не возможно, или по крайней мѣрѣ въ высшей степени затруднительно. Не объ томъ авторитетѣ говоримъ мы здѣсь, который разрѣшаетъ вопросы такъ, какъ герой македонскій разрубилъ гордіевъ узелъ, — внѣшнею волею и властью. Въ разумномъ мірѣ юридическихъ отношеній, гдѣ все разрѣшается силою идеи, — такой авторитетъ не мыслимъ. Мы говоримъ объ авторитетѣ, который основанъ на одинаковомъ, послѣдовательно вѣрномъ себѣ и кореннымъ началамъ права, примѣненіи законовъ посредствомъ правильно устроенныхъ, постоянно и независимо дѣйствующихъ органовъ. Подобнаго авторитета не можетъ быть тамъ, гдѣ еще не образовалось судебное сословіе въ видѣ самостоятельно дѣйствующей власти съ постоянною доктриной. Только при такихъ условіяхъ авторитетъ можетъ имѣть единство и силу руководительную: въ противномъ случаѣ сами собою образуются, вмѣсто центральнаго, дробные, мелкіе, мѣстные и случайные авторитеты, среди которыхъ всякій спорный вопросъ, не получая вѣрнаго разрѣшенія, только запутывается и становится еще болѣе спорнымъ.

Въ такомъ положеніи къ чему долженъ обратиться добросовѣстный юристъ – практикъ для того, чтобы найдти себѣ руководящую нить посреди множества вопросовъ, разно понимаемыхъ и разрѣшаемыхъ? Положиться на другихъ практиковъ, руководимыхъ рутиною или полузабытыми и смѣшанными преданіями, было бы крайне опасно, тѣмъ болѣе, что они сами большею частью не согласны другъ съ другомъ. Не всякому дается счастье воспользоваться совѣтомъ практика-юриста, просвѣщеннаго наукой и опытностью, въ разрѣшеніи вопросовъ: такихъ людей не много, и они рѣдко встрѣчаются. Къ чему же обратится въ такомъ случаѣ молодой юристъ, если не къ авторитету науки, когда онъ остался ей вѣренъ и не похоронилъ ея подъ грудою писаной бумаги? — Въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находится — одна наука въ состо-

Digitized by Google

яніи сказать ему надежное слово для дѣла и разрѣшить его недоумѣнія.

Вотъ почему съ особенною радостью встрѣчаемъ мы всегда тѣ произведенія нашей юной юридической литературы, въ которыхъ наука стремится подать руку практикѣ, и, пользуясь явленіями практики, пытается освѣтить и исправить темные и излучистые пути ея. Къ сожалѣнію, не много такихъ сочиненій, но тѣмъ они дороже для насъ. Къ числу ихъ, по всей справедливости, принадлежатъ сочиненія покойнаго профессора Мейера,

Мейеръ былъ представителемъ такого направленія, которое еще ново въ нашей юридической литературѣ. Въ сочиненіяхъ его является стремленіе одинаково драгоцѣнное и для теоретика, и для практика-юриста — стремленіе связать науку съ жизнью, обогатить науку выводами опыта, освѣтить сознаніемъ явленія дѣйствительной жизни и привесть ихъ въ систему, связавъ съ началами науки. Не безъ основанія упрекали нашихъ юристовъ-теоретиковъ въ томъ, что, ограничиваясь сферою отвлеченной науки, они слишкомъ мало обращали вниманія на связь ея съ дѣйствительной жизнью. Этотъ упрекъ ни въ какомъ случаѣ не могъ относиться къ Мейеру. И на профессорской каѳедрѣ, и въ литературной своей дѣятельности онъ трудился подъ вліяніемъ той мысли, что наука права беретъ изъ жизни свое содержаніе, и что всякая истина, добытая наукой права, должна быть плодотворна и для жизни. Собирая съ неутомимою ревностью факты изъ міра юридическихъ отношеній, онъ старался въ каждомъ уловить и прослѣдить идею, изъ каждаго извлечь матеріалъ для обогащенія науки. Только при такомъ направленіи общія начала права могутъ посредствомъ науки быть переданы обществу и привиться къ сознанію людей, призванныхъ къ практической дѣятельности. Самъ Мейеръ выразилъ мысли свои объ этомъ предметѣ въ замѣчательной брошюрѣ: *О значеніи практики въ системѣ современнаго юридическаго образованія.* (Казань, 1855 г.) Одно изъ послѣднихъ его сочиненій: *Юридическія изслѣдованія относительно торговаго быта Одессы* * всего

---

* Напечатано въ Юридическомъ Сборникѣ, изд. Мейеромъ (Казань 1855 г.).

Digitized by Google

лучше свидѣтельствуетъ о томъ, какую важность придавалъ покойный профессоръ для науки изслѣдованіямъ юридическихъ вопросовъ, возникающихъ посреди дѣйствительнаго быта. Это сочиненіе, не достаточно оцѣненное юридическою критикой и едва извѣстное практикамъ, которые всего болѣе могли бы извлечь изъ него пользы,—есть явленіе единственное въ своемъ родѣ, еще небывалое въ юридической нашей литературѣ. Городъ Одесса, по торговому своему положенію, служитъ центромъ разнообразныхъ сдѣлокъ, представляющихъ множество особенностей въ отношеніи къ торговому праву. Изъ этихъ сдѣлокъ возникаютъ любопытнѣйшіе юридическіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ часто представляется невозможнымъ для того, кто не имѣетъ понятія о юридической сущности самой сдѣлки и о мѣстныхъ условіяхъ, среди которыхъ она возникла. Притомъ изъ самой жизни, богатой юридическимъ содержаніемъ, выработались въ Одессѣ, помимо опредѣленій закона положительнаго, торговые обычаи: они пріобрѣли такое важное значеніе, что самъ законъ дозволяетъ коммерческому суду принимать ихъ въ основаніе своихъ рѣшеній. Между тѣмъ, обычаи эти существуютъ безъ опредѣленныхъ формулъ, въ одномъ только сознаніи торговаго сословія, или принимаются на вѣру безсознательно; въ случаѣ спора они истолковываются не одинаково спорящими сторонами: понятно, сколько затрудненій представляетъ самый процессъ извлеченія этихъ обычаевъ изъ безсознательной или полусознательной жизни — въ юридическое сознаніе, и сколько недоумѣній возникаетъ въ судахъ всякій разъ, когда идетъ дѣло о такомъ обычаѣ. Первая попытка собрать эти обычаи и разъяснить критически юридическое ихъ значеніе была сдѣлана Мейеромъ.

Къ сожалѣнію, ранняя смерть остановила полезную дѣятельность Мейера въ то время, когда онъ только что готовился къ новымъ трудамъ въ томъ же благородномъ направленіи. Онъ не успѣлъ еще обогатить юридическую литературу нашу трудомъ обширнымъ, но и то немногое, что̀ издано было имъ при жизни, драгоцѣнно для литературы уже потому, что указываетъ ученымъ юристамъ нашимъ новую дорогу для самостоятельной и плодотворной дѣятельности. По смерти Мейера, одинъ изъ бывшихъ слушателей его, г. Вицынъ, издалъ нѣсколько лекцій,

Digitized by Google

читанныхъ имъ въ Казанскомъ университетѣ. Объ этихъ изданіяхъ хотимъ мы сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Въ *Чтеніяхъ о вексельномъ правѣ* Мейеръ, повидимому, не имѣлъ цѣлію представить полное изложеніе постановленій русскаго законодательства о векселяхъ, исчерпать все юридическое содержаніе избраннаго имъ предмета. Онъ хотѣлъ сдѣлать очеркъ вексельнаго права, указать мѣсто, занимаемое векселемъ въ системѣ гражданскихъ обязательствъ, значеніе векселя въ общественномъ быту и объяснить юридическія отношенія, возникающія изъ вексельнаго обязательства для участвующихъ въ немъ лицъ. Съ этой цѣлью книга раздѣлена на двѣ части: въ первой объясняется юридическая идея векселя и историческое его происхожденіе. Первоначальною цѣлью векселя былъ переводъ денегъ, и потому переводный вексель долженъ былъ предшествовать простому; въ настоящее время вексель, при помощи свободной передачи, служитъ могущественнымъ орудіемъ кредита и вмѣстѣ орудіемъ, какъ представительный знакъ цѣнности. У насъ въ Россіи вексельное учрежденіе явилось не само собою, вслѣдствіе дѣйствительной потребности общества, а по волѣ правительства, какъ средство для его цѣлей и, какъ орудіе кредита, получило оффиціальное значеніе въ то время, когда существовавшія у насъ условія кредита не соотвѣтствовали еще формѣ, которая на Западѣ давно уже привилась къ общественному быту. Это обстоятельство было, по мнѣнію Мейера, причиною того, что еще и донынѣ вексель смѣшивается у насъ съ заемнымъ письмомъ, и въ самомъ порядкѣ взысканія по тому и другому не существуетъ строгаго различія.

Вторая часть книги начинается изложеніемъ различныхъ мнѣній, существующихъ въ наукѣ о природѣ и значеніи сдѣлки, представляющейся въ переводномъ векселѣ. Ни съ однимъ изъ этихъ мнѣній Мейеръ не соглашается вполнѣ и не выражаетъ вполнѣ собственнаго взгляда на этотъ предметъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ переходитъ къ изложенію постановленій русскаго права о векселѣ: именно о существенныхъ, формальныхъ принадлежностяхъ векселя, общихъ, и особенныхъ — для векселя переводнаго, о лицахъ имѣющихъ, право вступать въ вексельное обязательство о значеніи каждаго изъ необходимыхъ и второстепенныхъ участниковъ въ векселѣ. Далѣе, разсматри-

Digitized by Google

ваєтся сущность юридическихъ отношеній между всѣми участниками; наконецъ, разсматриваются довольно подробно отдѣльныя операціи, изъ которыхъ слагается движеніе векселя: переходъ отъ векселедателя къ пріобрѣтателю, передача или индоссаментъ полный и препоручительный, учетъ векселей; предъявленіе переводнаго векселя къ принятію, акцептъ, протестъ въ непринятіи, предъявленіе къ платежу, платежъ, посредничество за честь, протестъ въ неплатежѣ, обратный вексель съ обратнымъ счетомъ и предъявленіе ко взысканію. На послѣднихъ страницахъ говорится о векселяхъ фальшивыхъ, которые авторъ раздѣляетъ на вымышленные и подложные, о потерѣ векселя и о вексельномъ процессѣ. Еслибъ все это изложеніе было только повтореніемъ статей Свода Законовъ, оно не могло бы имѣть самостоятельнаго достоинства. Цѣль автора была не только познакомить своихъ слушателей съ догмою русскаго вексельнаго права, но объяснить имъ сущность каждаго юридическаго отношенія, возникающаго вслѣдствіе вексельнаго обязательства; съ этой цѣлью подвергаетъ онъ тщательному анализу каждое подобное отношеніе. Вексельное обязательство болѣе чѣмъ всякое другое нуждается у насъ въ такомъ объясненіи. Спросите людей коммерческихъ: весьма немногіе даютъ себѣ отчетъ въ томъ, какой именно отвѣтственности и почему именно подвергаютъ они себя, вступая въ то или другое отношеніе по векселю: оттого въ случаѣ спора, возникаютъ такія требованія и возраженія, которыя не могли бы вовсе имѣть мѣста, еслибъ каждому было доступно сознаніе о природѣ векселя, и еслибъ общими началами вексельной сдѣлки освѣщались всѣ юридическія ея послѣдствія. Поговорите съ практиками, съ судьями: увидите, что многіе изъ нихъ не знаютъ начальныхъ основаній вексельнаго права: оттого и при разрѣшеніи дѣлъ, и при консультаціяхъ юридическій взглядъ ихъ нерѣдко помрачается соображеніями ложными, вовсе не соотвѣтствующими природѣ векселя. Какъ бы ни было твердо познаніе буквы закона, оно еще не достаточно для разрѣшенія сложныхъ юридическихъ вопросовъ, когда необходимо бываетъ отдѣлить въ объясненіяхъ сторонъ и въ массѣ приводимыхъ ими фактовъ существенное отъ случайнаго, уловить идею каждаго вопроса и связать ее съ идеей закона.

Digitized by Google

Подобное происходитъ при химическомъ анализѣ: не достаточно знать механически каково бываетъ дѣйствіе того или другаго реактива, въ какомъ количествѣ каждое вещество должно быть употреблено для опыта; должно имѣть еще химическій тактъ, происходящій отъ точнаго познанія природы каждаго тѣла: тогда изслѣдователь не сбивается съ толку случайными обстоятельствами, изъ которыхъ каждое можетъ помѣшать успѣху опыта, если несвѣдущій химикъ путается въ явленіяхъ природы, не умѣя связать ихъ общею связью идеи.

Изложеніе книги вездѣ просто, ясно и послѣдовательно. Стараясь вездѣ выставить идею каждаго учрежденья, профессоръ не упускаетъ случая знакомить слушателя и съ тѣмъ, какъ она выражается въ дѣйствіи, на практикѣ; нѣкоторыя замѣчанія его доказываютъ, что онъ изучалъ вексельныя отношенія на дѣлѣ, старался собрать свѣдѣнія и о томъ, какъ обыкновенно исполняется законъ, какъ онъ разумѣется и какъ обходится.

Можно пожелать, чтобъ книга, изданная г. Вицынымъ, сдѣлалась извѣстною не только ученымъ, но и практическимъ юристамъ. Послѣдніе много нашли бы въ ней для себя новаго и полезнаго. Было бы уже великимъ успѣхомъ, когда бы, при внимательномъ чтеніи лекцій Мейера, познакомились съ вопросами вексельнаго права тѣ, которые не вдумывались въ нихъ прежде. Извѣстно, что кругъ обращенія векселей переводныхъ ограниченъ у насъ довольно тѣснымъ предѣломъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ сосредоточена заграничная торговля: оттого происходитъ, что иному дѣлопроизводителю переводный вексель, со всѣми своими послѣдствіями, представляется чѣмъ-то въ родѣ сфинкса, предлагающаго цѣлый рядъ неразрѣшимыхъ загадокъ. Зная законы, можно не знать, напримѣръ, что̀ значитъ вступиться за честь, какое именно обязательство выражается въ передачной надписи, почему необходимъ акцептъ, какая разница между протестомъ въ неплатежѣ и въ непринятіи, почему именно важно упущеніе протеста, по какому поводу законъ связываетъ съ этимъ упущеніемъ нѣкоторыя невыгоды, что̀ такое обратное требованіе, обратный счетъ, и т. п. Невѣдѣніе по всѣмъ этимъ предметамъ необходимо отражается во взглядѣ на дѣла, подлежащія разрѣшенью. Сколько разъ, напримѣръ, случалось, что векселедержатель, не

Digitized by Google

получивъ въ срокъ уплаты отъ первоначальнаго плательщика, послѣ протеста требуетъ отъ него удовлетворенія оффиціальнымъ порядкомъ, — не дождавшись удовлетворенья, переноситъ взысканіе на векселедателя, къ которому не обращался прежде съ протестомъ и съ простымъ требованіемъ платежа, и успѣваетъ въ своемъ искательствѣ передъ судомъ, тогда какъ, по строгости вексельнаго права, такое дѣйствіе представляется невозможнымъ. Для того, чтобы понять, что протестъ, требованіе платежа и обращеніе иска, здѣсь дѣйствія столь же различныя, какъ охраненіе вексельнаго права и формальное преслѣдованіе онаго, для этого требуется ясное понятіе о строгомъ значеніи каждаго дѣйствія, опредѣляемаго закономъ; а такое понятіе недоступно для одной рутины, не руководствуемой идеею.

Понятно, что добросовѣстный судья останавливается съ пытливостью на вопросахъ этого рода, ищетъ ключа къ разрѣшенію ихъ, но до сихъ поръ было довольно трудно найдти его тому, кто былъ не въ состояніи искать объясненья въ иностранныхъ сочиненіяхъ о вексельномъ правѣ. Собственная наша литература по этому предмету ограничивается покуда вексельнымъ правомъ Дильтея *. Книга эта въ свое время приносила пользу и, какъ видно, читалась много, потому что выдержала нѣсколько изданій. Сочиненіе Дильтея стало рѣдкостью, а главное, — давно уже устарѣло. Теперь оно имѣетъ цѣну болѣе въ историческомъ отношеніи; оно написано языкомъ тяжелымъ; въ основаніи его положено шведское вексельное право и уставъ Петра II; авторитеты, на которые оно ссылается, давно уже уступили мѣсто другимъ; потому что съ конца XVIII столѣтія, когда книга была издана, вексельное право далеко ушло впередъ — и въ наукѣ, и въ законодательствѣ. Поэтому трудно предположить, чтобы теперь кто-либо, кромѣ юриста по профессіи, охотно принялся за чтеніе книги Дильтея. Книга

* Вотъ полное заглавіе этой книги: «Начальныя основанія вексельнаго права, а особливо россійскаго, а купно и шведскаго, съ прибавленіемъ разныхъ россійскихъ узаконеній, къ тому принадлежащихъ, для употребленія въ Московскомъ юридическомъ факультетѣ, по удобнѣйшему способу расположенныя Филиппомъ Генрихомъ Дильтеемъ». Мы имѣемъ въ виду пятое изданіе: въ Москвѣ, въ Университетской типографіи, 1794 года.

Digitized by Google

г. Петерса * о томъ же предметѣ, изданная лѣтъ 10 тому назадъ, принадлежитъ къ разряду компиляцій и не имѣетъ ни ученаго, ни практическаго значенія.

Послѣдняя брошюра, изданная г. Вицынымъ въ 1858 году, содержитъ въ себѣ начало лекцій Мейера о русскомъ гражданскомъ правѣ, напечатанное въ первыхъ двухъ книжкахъ Ученыхъ Записокъ Казанскаго университета за текущій годъ. Желательно, чтобъ изданіе это не остановилось на первомъ выпускѣ и чтобы лекціи Мейера были напечатаны вполнѣ. Въ первомъ выпускѣ читатель знакомится съ общими взглядами профессора на сущность, нормальную систему и на источники гражданскаго права; но и здѣсь, во вступительной части курса, встрѣчается много любопытныхъ замѣчаній, напримѣръ о различныхъ способахъ толкованія законовъ, о значеніи обычая и юридическихъ воззрѣній народа въ числѣ источниковъ гражданскаго права. Наконецъ, здѣсь же встрѣчаемъ въ первый разъ критическое обозрѣніе системы гражданскаго права, принятой составителями Свода Законовъ.

К. П.

---

* О вексельныхъ оборотахъ, руководство для занимающихся торговлей составилъ І. Петерсъ. С.-П.-Б. 1849, въ 8 д. л. IV. 39. 22.

Digitized by Google

МАНЧЕСТЕРСКАЯ ШКОЛА И ВЕЛИКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ЕЯ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ.

—

Когда, мѣсяца три тому назадъ, *Атеней* дозволилъ себѣ указать на «существенный грѣхъ» въ организаціи народнаго представительства Англіи *, онъ конечно не могъ предвидѣть, чтобы событія такъ скоро подтвердили это указаніе, хотя и основанное на оцѣнкѣ настоящаго положенія англійскаго общества и дѣйствительныхъ отношеній его къ наличному составу законодательныхъ палатъ. Возобновленное теперь требованіе существенной реформы представительства и важная роль, какую играетъ въ этомъ дѣлѣ такъ-называемая Манчестерская школа съ г-мъ Брайтомъ во главѣ, налагаютъ на насъ обязанность сообщить читателямъ нижеслѣдующую статью, которая даетъ довольно ясное понятіе какъ о значеніи этой партіи, такъ и о ближайшихъ ея цѣляхъ.

Дѣло идетъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ о борьбѣ новой промышленной Англіи съ Англіею феодально-землевладѣльческой, — вопросъ величайшей важности не только для самихъ Англичанъ, но и для всего образованнаго міра. Борьба эта, конечно, не нова, однакожь есть еще не мало живыхъ людей, которые были свидѣтелями ея начала: она возникла почти съ того самаго времени, какъ сосѣдняя Франція разорвала тяготѣвшія на ней узы феодальныхъ и цеховыхъ стѣсненій; съ тѣхъ поръ, смотря по обстоятельствамъ, борьба то ослабѣвала, то усиливалась, но не прекращалась ни на одинъ мигъ, потому что элементы ея лежатъ въ самой основѣ новѣйшаго могущества, развитія и богатства Англіи: это именно тѣ новые интересы,

---

* Часть IV (№ 33) стр. 440.

Digitized by Google

которые вызваны къ жизни машиной и хлопчатой бумагой, въ противоположность интересамъ землевладѣльческой аристократіи.

Ближайшее, непосредственное и притомъ самое замѣчательное дѣйствіе примѣненія машинъ къ обработкѣ хлопчатой бумаги состояло въ томъ, что оно не только вызвало на сцену новыхъ людей съ новыми житейскими отношеніями, но и расплодило этихъ новыхъ людей неслыханнымъ дотолѣ образомъ. Въ прежнемъ обществѣ, занимавшемся земледѣліемъ и ремесленнымъ производствомъ, приращеніе народонаселенія медленно подвигалось впередъ и составляло съ небольшимъ милліонъ въ теченіе цѣлаго столѣтія; а въ послѣднія 40 лѣтъ оно вдругъ дошло до 13 милліоновъ. Такую быструю прибыль должно приписать исключительно новѣйшей промышленности, и это доказывается тѣмъ, что приращеніе въ промышленныхъ округахъ относится къ приращенію въ земледѣльческихъ округахъ какъ 37 къ 7, или, другими словами, что въ земледѣльческихъ округахъ народонаселеніе увеличилось на 7 процентовъ, а въ промышленныхъ въ то же время на 37 процентовъ. — Замѣчательно, что эти милліоны людей, выросшихъ какъ-будто изъ земли, появились сначала въ ланкаширскихъ округахъ хлопчато-бумажнаго производства, — мѣстѣ рожденія такъ-называемой Манчестерской школы, и уже оттуда, какъ изъ разсадника, распространились по всей Англіи. Но въ этомъ-то именно и обнаруживается странное, на первый взглядъ самому себѣ противорѣчащее, дѣйствіе машины, что съ одной стороны она, кажется, дѣлаетъ людей совершенно лишними, а съ другой все-таки вызываетъ ихъ въ такомъ огромномъ, невиданномъ доселѣ размѣрѣ. Мы можемъ принять за несомнѣнный фактъ, что ближайшая цѣль и ближайшее дѣйствіе машины заключается въ томъ, чтобы избавить человѣка отъ работы, которую онъ прежде производилъ самъ, и возложить ее на машину, такъ что съ каждымъ новымъ усовершенствованіемъ въ машинѣ устраняется отъ работы все большее и большее число людей. Но такъ какъ, по мѣрѣ усовершенствованія данной машины и усиленія ея производительности, получаемые отъ нея продукты постоянно дешевѣютъ, то естественно, что они находятъ себѣ болѣе сбыта, то-есть спросъ на нихъ возрастаетъ, потребность и потребленіе дѣлаются общими до такой степени, что для удовлетворенія потребителей становится необходимымъ заводить новыя машины все въ бо́льшихъ и бо́льшихъ размѣрахъ. Итакъ, если съ одной стороны улучшенная машина требовала, для управленія ею, менѣе людей, то съ другой стороны усиленная производительность и рас-

Digitized by Google

пространившійся сбытъ издѣлій требуютъ все болѣе и болѣе машинъ, а вмѣстѣ съ ними и болѣе людей, которые, однакожь, не работаютъ по прежнему, а только наблюдаютъ за ходомъ автомата, подносятъ ему сырые матеріалы и принимаютъ отъ него готовыя произведенія. Но уменьшеніе числа рабочихъ вслѣдствіе появленія и усовершенствованія той или другой машины далеко не соотвѣтствуетъ страшному возрастанію рабочаго народа, происходящему отъ размноженія машинъ и усиленія производства вообще. Поэтому-то доведенная до исполинскихъ размѣровъ производительность, снабжающая рынки всего міра изъ одной англійской провинціи, Ланкашира, собрала въ одно мѣсто ужасную массу народа и размножила ее въ такой прогрессіи, которой нѣтъ ничего подобнаго въ исторіи.

Не трудно понять, что житейскія отношенія этой новой массы людей должны были сложиться совсѣмъ иначе, нежели отношенія народонаселенія другихъ округовъ, занимающагося земледѣліемъ и ремеслами, и уже по этому самому породить въ ней новый образъ мыслей, новые взгляды на вещи, и, наконецъ, новую *систему* взглядовъ, новую теорію. Земледѣлецъ и ремесленникъ обмѣниваютъ произведенія своего труда прямо на хлѣбъ и на другіе предметы своихъ потребностей въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ они производятъ работу, или, по крайней мѣрѣ, на одномъ изъ ближайшихъ рынковъ. Напротивъ того, новые, такъ внезапно вызванные къ жизни милліоны людей, не имѣли опредѣленнаго, близкаго рынка. Весь міръ сдѣлался ихъ торжищемъ, и самымъ малымъ, самымъ ничтожнымъ рынкомъ для ихъ произведеній былъ именно тотъ, который находился у нихъ по сосѣдству. Эти милліоны, съ самаго появленія своего, должны были устремить все свое вниманіе на отысканіе новыхъ рынковъ; они должны были постоянно увеличивать размѣры своего производства и стараться объ усовершенствованіи своихъ орудій, чтобы быть въ состояніи продавать по самымъ дешевымъ цѣнамъ, обезпечить себѣ наибольшее число покупателей и убить всякую конкурренцію. Уже въ силу однихъ этихъ обстоятельствъ фабрикантъ, по необходимости, долженъ былъ сдѣлаться политикомъ и интересоваться отношеніями своей собственной страны ко всѣмъ другимъ. Вопросъ о тарифѣ становится для него вопросомъ: «быть или не быть?» потому что тарифъ служитъ паспортомъ для его произведеній. Но вопросъ о тарифѣ находится въ самой тѣсной связи съ политическимъ вопросомъ, а во главѣ политическаго вопроса стоитъ бюджетъ. Безъ бюджета, собственно говоря, нѣтъ политики, и милліоны новыхъ людей, оплачивающихъ бюджетъ, не могутъ быть рав-

Digitized by Google

нодушны къ тому, какъ распредѣлены подати относительно прочихъ классовъ общества. Этотъ вновь образовавшійся классъ, не имѣвшій дотолѣ никакого политическаго вліянія, не смотря на свое численное и общественное значенье, прежде всего долженъ заботиться о томъ, чтобъ его не обложили податью въ пользу господствующаго класса. Такимъ образомъ, денежный вопросъ очень легко можетъ обратиться въ политическій, и вопросъ о тарифѣ—незамѣтно вовлечь людей въ политику. Но тѣ же самыя обстоятельства, которыя содѣйствовали развитію въ людяхъ экономическихъ и политическихъ убѣжденій, помогаютъ имъ также найдти средства для того, чтобъ заставить признать эти убѣжденія и ихъ уважить. Люди, столпившіеся въ огромной массѣ на самомъ маломъ пространствѣ, подчиненные однимъ и тѣмъ же вліяніямъ, одушевляемые одинакими желаніями, стремящіеся къ одной цѣли, уже сами по себѣ поставлены въ такое положеніе, что желанія ихъ имѣютъ болѣе вѣсу, нежели желанія такого же, или еще бо́льшаго числа людей, разсѣянныхъ по обширному пространству, раздѣленныхъ разнообразіемъ работъ и не имѣющихъ непосредственной точки опоры. Кто можетъ опредѣлить впередъ, къ чему способны такія массы, какъ въ Ланкаширѣ, располагающія средствами самаго быстраго сообщенія и отлично организованныя, если они встрѣтятъ упорное сопротивленіе своимъ справедливымъ требованіямъ? Каждая фабрика (мельница, Mill, какъ называютъ ее Англичане), состоящая изъ нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ, составляетъ сама по себѣ организованную силу, во главѣ которой стоитъ фабрикантъ. Всѣ эти организованныя силы весьма тѣсно связаны между собой общими интересами и находятся въ безпрестанныхъ быстрыхъ сношеніяхъ посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, потому что, при проложеніи послѣднихъ, здѣсь принимались въ разсчетъ именно фабрики и заводы.

Въ виду такихъ огромныхъ средствъ и силъ, которыя, весьма естественно, ростутъ на ряду съ развитіемъ новыхъ массъ людей и появленіемъ новыхъ машинъ, такъ что всѣ желанія и потребности этихъ массъ принимаютъ въ глазахъ противной партіи угрожающую форму, уступчивость обыкновенно бываетъ политикою самою мудрой, единственной, которая можетъ предупредить насиліе и мятежъ. Въ руководителяхъ и представителяхъ у этихъ массъ также нѣтъ недостатка. Фабриканты, стоящіе во главѣ работниковъ, пріобрѣтаютъ въ школѣ жизни способность, необходимую для того, чтобы не только выступать основателями новыхъ ученій, проповѣдниками новаго взгляда на жизнь, но и примѣнять разультаты своей теоріи къ практикѣ. Школа же жизни, въ которой фабрикантъ пріобрѣтаетъ эту способность, троякая: во-первыхъ, фабрика, заставляющая его подвер-

Digitized by Google

гать цѣлыя массы той же самой неумолимой дисциплинѣ, которой автоматъ требуетъ какъ отъ него самого, такъ и отъ всѣхъ рабочихъ; во-вторыхъ, контора, состоящая въ сношеніяхъ со всѣми другими фабриками и управляющая финансовыми дѣлами его собственной фабрики; въ-третьихъ, наконецъ, биржа.

Одно изъ первыхъ правилъ, почерпнутыхъ фабрикантами въ самомъ кругу ихъ дѣятельности, гласитъ: Покупай на самомъ дешевомъ рынкѣ и старайся продавать на самомъ дорогомъ. Впрочемъ, фабриканты-философы умѣютъ придать этому матеріальному ученію нравственный, даже христіанскій и филантропическій оттѣнокъ. Они говорятъ: «Мы заботимся не столько о себѣ, сколько о милліонахъ работниковъ, которымъ мы должны доставлять постоянную работу; а это возможно только въ такомъ случаѣ, если мы будемъ производить дешевле всѣхъ фабрикантовъ на материкѣ. Только дешевымъ производствомъ мы можемъ надѣяться удержать за собою старые рынки, пріобрѣсти новые и такимъ образомъ доставить нашимъ рабочимъ постоянное занятіе. Но для того, чтобы производить дешевле фабрикантовъ всѣхъ другихъ странъ, мы должны прежде всего стараться покупать сырые матеріалы на самомъ дешевомъ рынкѣ. Пошлины на суровьё необходимо возвышаютъ цѣну фабричныхъ произведеній. Хлѣбъ такой же точно сырой продуктъ, какъ и хлопокъ: онъ употребляется рабочими и при обработкѣ хлопчатой бумаги, и если они принуждены платить за него дорого, то эта дороговизна имѣетъ вліяніе на цѣну и на сбытъ производимаго товара, во-первыхъ потому, что при дороговизнѣ хлѣба возвышается заработная плата, во-вторыхъ потому, что при высокой цѣнѣ на хлѣбъ уменьшается потребленіе фабричныхъ произведеній, такъ какъ каждый прежде всего помышляетъ объ обезпеченіи себя хлѣбомъ, необходимѣйшею изъ всѣхъ жизненныхъ потребностей. Изъ этого слѣдуетъ, что хлѣбные законы (corn-laws) находятся въ прямомъ противорѣчіи съ главнымъ закономъ нашей экономіи, который заставляетъ насъ покупать на самомъ дешевомъ рынкѣ и стараться продавать на самомъ дорогомъ.»

Продажа на самомъ дорогомъ рынкѣ, по логикѣ манчестерскихъ философовъ, составляетъ также одно изъ требованій гуманности. Они доказываютъ, что эта продажа — единственное средство, дающее возможность возвышать плату работникамъ и такимъ образомъ предоставлять имъ все большее и большее участіе въ выгодахъ производства. Даже тѣ работники, которые, какъ напримѣръ Чартисты, недовѣрчиво слушали умозаключенія манчестерской философіи, приняли ея сторону въ борьбѣ противъ землевладѣльцевъ, и именно въ вопросѣ о хлѣбныхъ законахъ, потому что интересъ Чартистовъ

Digitized by Google

прежде всего состоялъ въ томъ, чтобы справиться съ однимъ врагомъ — съ землевладѣльческою аристократіей, а потомъ уже готовиться на бой съ Коттонлордами *. Итакъ, мы имѣемъ полное право утверждать, что манчестерскіе философы, въ борьбѣ съ землевладѣльцами за свои ученія, имѣли на своей сторонѣ весь рабочій классъ, потому что они дѣйствовали въ интересахъ этого класса или, по крайней мѣрѣ, наибольшей части его, особенно въ борьбѣ противъ хлѣбныхъ законовъ и въ проведеніи начала относительно покупки на самомъ дешевомъ и продажи на самомъ дорогомъ рынкѣ.

Во всѣ глубокія тайны ученія о куплѣ и продажѣ философствующіе фабриканты или фабрикующіе философы преимущественно и прежде всего посвящаются на манчестерской биржѣ (Manchester-Exchange). И дѣйствительно, какая школа требуетъ столько тонкости ума, быстроты соображенія, діалектической ловкости, какъ это мѣсто ежедневныхъ сходбищъ коттонлордовъ, спекулянтовъ на хлопчатую бумагу, агентовъ потребителей хлопчатобумажныхъ товаровъ и производителей хлопка со всего міра? Если продажа и купля уже сами по себѣ могутъ быть названы діалектическимъ процессомъ, въ которомъ противники всевозможными доводами опровергаютъ и отстаиваютъ свои положенія, то-есть просимую цѣну съ одной, и предлагаемую съ другой стороны; то они имѣютъ еще гораздо болѣе права на это названіе въ такомъ мѣстѣ, гдѣ купля и продажа производятся на весь міръ, гдѣ часто нужно бываетъ однимъ вѣрнымъ взглядомъ измѣрить и опредѣлить потребности цѣлыхъ частей свѣта и, сообразно съ этими потребностями, распорядиться покупкой сыраго хлопка и продажею его въ дѣлѣ, не упуская при этомъ ни на минуту изъ виду всѣхъ опасностей, которыми угрожаетъ совмѣстничество и которыя нужно обойдти, какъ непріятельскія засады. Кипами сыраго и обработаннаго хлопка не такъ легко играть, какъ государственными бумагами: пониженіе и повышеніе цѣны его находятся въ такой же тѣсной связи съ судьбою милліоновъ, какъ пониженіе и повышеніе цѣны на хлѣбъ. Для того, чтобъ вѣрно опредѣлить впередъ пониженіе и повышеніе цѣнъ хлопчатой бумаги и сообразно съ этимъ распорядиться покупкой, продажей и производствомъ, необходимо имѣть тактъ и зрѣлость сужденія, которые пріобрѣтаются только на манчестерской биржѣ.

---

* Коттонлордами, или хлопковладѣльцами, англійскіе работники называютъ хозяевъ большихъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ, въ соотвѣтствіе Ландлордамъ, то-есть большимъ землевладѣльцамъ.

Digitized by Google

Итакъ, весь ходъ торговаго и промышленнаго дѣла, въ связи его съ фабрикой, конторою и биржей, былп тройною школой, въ которой образовались манчестерскіе дѣятели. Но главное значеніе въ этой школѣ имѣла биржа, гдѣ, вмѣстѣ съ діалектическою ловкостью, они усвоили себѣ логику, тотчасъ же прилагаемую къ дѣлу, то-есть къ куплѣ и продажѣ, логику, которая впослѣдствіи, когда они выступили на сцену главами полемизирующей школы, сдѣлала ихъ столь опасными въ парламентѣ, на митингахъ и вообще вездѣ, гдѣ они встрѣчаются съ своими противниками. Сами главы Манчестерской школы выражаются о хорошихъ сторонахъ своего дѣла или занятія (business) съ большею скромностью: «Только отрицательныя свойства этого дѣла — говорятъ они — придаютъ ему такое высокое нравственное значеніе. Дѣло не даетъ пороку укорениться и заглушаетъ его въ самомъ зародышѣ. Если оно не порождаетъ цвѣтовъ поэзіи и высокихъ сверхопытныхъ истинъ, то съ другой стороны, оно по крайней мѣрѣ мѣшаетъ распложенію сорныхъ травъ, и не позволяетъ имъ пустить глубокіе корни въ своемъ сосѣдствѣ».

Основныя положенія Манчестерской школы.

Обыкновенно считаютъ Манчестерскую школу представительницею началъ свободной торговли, но этотъ взглядъ столько же и ошибоченъ, сколько онъ распространенъ. Правда, что главы этой школы дали самое обширное значеніе понятію свободной торговли и требовали приложенія ея началъ къ религіи, къ воспитанію, къ учебной части, ко всѣмъ общественнымъ и духовнымъ отношеніямъ, въ которыя можетъ быть поставленъ человѣкъ. Весь соціальный, политическій, философическій и религіозный прогрессъ представлялся имъ подъ видомъ чего-то въ родѣ свободной торговли. Но въ этомъ обширнѣйшемъ значеніи своемъ свобода торговли вытекала только какъ слѣдствіе изъ другаго начала, была только однимъ изъ частныхъ примѣненій другаго, болѣе общаго, закона, которымъ опредѣлялся весь образъ мыслей и дѣйствій Манчестерской школы, который, безъ ея вѣдома, лежалъ въ основаніи всѣхъ ея тезисовъ, стремленій и всей ея борьбы. Этотъ болѣе общій законъ былъ не иное что, какъ производство по самымъ дешевымъ цѣнамъ, — основной, естественный законъ ихъ промышленнаго существованія и существованія милліоновъ, вызванныхъ ими къ жизни. Только посредствомъ производства по самымъ дешевымъ цѣнамъ они могли удержать за собою положеніе, занимаемое ими на всемірномъ рынкѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и положеніе свое въ Англіи. Производство для всемірнаго рынка въ свою очередь поро-

Digitized by Google

дило ихъ самихъ и ихъ работниковъ. Перестань они производить по самымъ дешевымъ цѣнамъ, будь они вытѣснены ихъ положенія, занимаемаго ими на всемірномъ рынкѣ, — и съ той же минуты коттонлорды перестанутъ быть коттонлордами, а работники ихъ не въ состояніи будутъ существовать какъ люди, потому что вмѣстѣ со всемірнымъ рынкомъ они лишатся и средствъ, которымъ обязаны своимъ существованіемъ. Все, что можетъ препятствовать производству по самымъ дешевымъ цѣнамъ или ограничить это производство, служитъ препятствіемъ или ограниченіемъ ихъ матеріальному существованію. Покупать на самомъ дешевомъ рынкѣ и стараться сбывать на самомъ дорогомъ — это только другая формула того же основнаго закона самаго дешеваго производства, потому что покупкою по самой дешевой цѣнѣ условливается и самое дешевое производство.

Главнымъ и очевиднѣйшимъ препятствіемъ такому производству были, какъ уже выше замѣчено, хлѣбные законы, то-есть постановленія, пошлины, и т. п., затруднявшія свободный ввозъ изъ-за границы. Поэтому отмѣна помянутыхъ законовъ была ближайшею великою цѣлью, за которую коттонлорды ратовали съ такимъ усердіемъ, какое мы привыкли встрѣчать только въ борьбахъ за религію или за религіозныя права и реформы. Но хлѣбные законы были только одной изъ пошлинъ, однимъ изъ препятствій, преграждавшихъ путь къ самому дешевому производству. Всѣ подати, всѣ пошлины, всѣ таможенные сборы въ сущности могутъ быть обременительны и стѣснительны для производства, и всѣ перемѣны, преобразованія и реформы въ системѣ налоговъ, которыхъ отчасти дѣйствительно добились, отчасти только требовали коттонлорды, должно разсматривать съ точки зрѣнія фабричнаго производства по самой дешевой цѣнѣ. Всѣ они, въ послѣднемъ результатѣ своемъ, клонятся къ тому, чтобы уменьшить расходы производства. Чѣмъ менѣе бремя налоговъ тяготѣетъ надъ производителями, чѣмъ вообще ровнѣе оно распредѣлено, тѣмъ болѣе представляется способовъ производить фабричныя издѣлія какъ можно дешевле.

Въ самой тѣсной связи съ налогами находятся финансы. На фабрикѣ финансовая часть, приходы и расходы, все это разочтено до малѣйшей подробности, устроено самымъ экономическимъ образомъ. Почему же, спрашиваютъ Манчестерцы, государство не можетъ быть управляемо такъ же экономически, какъ фабрика? Почему въ распоряженія приходами и расходами государства не можетъ быть введенъ тотъ же порядокъ, какой существуетъ на фабрикахъ? «Всякое сбереженіе въ государствѣ должно со временемъ отозваться и на фабрикѣ и дастъ намъ, фабрикантамъ, несущимъ часть бремени госу-

Digitized by Google

дарственныхъ расходовъ, возможность производить наши издѣлія по болѣе дешевымъ цѣнамъ.»

Въ попыткахъ своихъ къ преобразованію законодательства, судопроизводства, и т. п., послѣдователи Манчестерской школы такъ же точно руководятся идеею сокращенія расходовъ производства. Сообразно съ этимъ взглядомъ, законы прежде всего должны имѣть въ виду установленіе отношеній собственности. Но отношенія собственности находятся въ самой тѣсной связи съ отношеніями производства. Готовой собственности нѣтъ; ее нужно прежде произвести, потомъ поддерживать и увеличивать дальнѣйшимъ производствомъ. Даже поземельная собственность сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣны; она получаетъ свою цѣнность только вслѣдствіе положенной на нее производительной работы. Чѣмъ болѣе порядка въ отношеніяхъ производства, чѣмъ яснѣе законы, опредѣляющіе отношенія собственности, тѣмъ проще судопроизводство, рѣшающее споры и тяжбы о собственности, тѣмъ незначительнѣе издержки, сопряженныя съ переходомъ собственности изъ рукъ въ руки, тѣмъ дешевле, быстрѣе и энергичнѣе можетъ быть производительное употребленіе собственности вообще и фабричное дѣло по преимуществу. Даже всѣ реформы по учебной части, по части народнаго воспитанія, и особливо всѣ религіозныя реформы, предлагаемыя Манчестерскою школою, если повнимательнѣе вглядѣться въ нихъ, всегда, въ конечномъ результатѣ своемъ, имѣютъ въ виду только фабрику; настоящая, главная цѣль ихъ все-таки то же самое уменьшеніе расходовъ производства, хотя обыкновенно цѣль эта и скрывается подъ другими предлогами. Если, напримѣръ, манчестерскіе философы говорятъ, что государство не должно вмѣшиваться въ дѣла религіи, что оно должно каждому предоставить право согласовать свои поступки, свои дѣла, свое фабричное производство съ собственными убѣжденіями и съ собственною совѣстью, то они преимущественно поставляютъ этимъ на видъ государству, что оно не имѣетъ права тратить денежныхъ суммъ изъ того или другаго источника въ пользу какой бы то ни было религіи, хотя бы ей и присвоено было названіе господствующей. Содержаніе церковнослужителей какой бы то ни было секты на счетъ государства, въ то время, какъ всѣ прочія секты платятъ жалованье своему духовенству изъ собственнаго кармана, имѣетъ вредное вліяніе на дешевизну производства, на дешевизну торговли, и расходы, съ которыми сопряжена помянутая привилегія, въ послѣдней инстанціи все-таки падаютъ на тѣхъ же производителей и фабрикантовъ.

Такимъ образомъ, во всѣхъ борьбахъ за различныя преобразовательныя убѣжденія, начала и нововведенія,—борьбахъ, которыя частью

Digitized by Google

уже выдержали манчестерскіе фабриканты-философы, частью еще должны будутъ выдержать, — эта матеріальная основа, эти отношенія производства и денежные расчеты нигдѣ не проявляются во всей наготѣ своей: напротивъ того, нагая истина всегда болѣе или менѣе прикрывается соціальнымъ, политическимъ, философскимъ или филантропическимъ покровомъ. И это тѣмъ легче фабрикантамъ-преобразователямъ, что они требуютъ реформъ не для собственной пользы, а во имя пользы человѣчества, то-есть тѣхъ новыхъ милліоновъ людей, которые вызваны къ жизни промышленностью. Весьма естественно, что всѣ эти реформы встрѣтили сопротивленіе въ старомъ обществѣ, которое преимущественно существовало земледѣліемъ, то-есть въ ландлордахъ, владѣльцахъ поземельной собственности. Вся власть прежняго политическаго государства находилась въ ихъ рукахъ, и они также точно защищали установленныя ими учрежденія, напримѣръ хлѣбные законы, взиманіе десятины и т. п., какъ законы и мѣры, имѣющіе въ виду общее благо, то-есть благо тысячъ, существованіе которыхъ болѣе или менѣе связано съ земледѣльческими интересами. Но коттонлорды, такъ искусно прикрывая свои собственные интересы соціальнымъ, философскимъ или филантропическимъ покровомъ, старались въ то же время сорвать филантропическій, идиллическій и патріархальный покровъ, подъ которымъ ландлорды скрывали свои матеріальныя выгоды, и выставить въ отношеніи къ нимъ чистую истину во всей ея наготѣ. «Вся жизнь, говорили они, отъ колыбели и до гроба, есть процессъ купли и продажи; но только контора или лавочка, въ стѣнахъ которой совершается этотъ процессъ, не всегда доступна для взоровъ. И посмотрите, какъ хитро ландлорды умѣютъ загораживать свою контору патріархальными и феодальными формами. У ландлордовъ и аристократовъ такая же точно фабрика, какъ и у насъ. Эта фабрика — есть земля. Какъ они пріобрѣли свою фабрику, — покупкою, трудомъ или завоеваніемъ, до этого намъ въ настоящемъ вопросѣ нѣтъ дѣла. Производятъ они на своей фабрикѣ хлѣбъ; но вмѣсто того чтобъ пускать его прямо, непосредственно, въ продажу, они отдаютъ внаймы свою фабрику, то-есть землю, производящую хлѣбъ, и требуютъ за нее платы двойною монетой: во-первыхъ, настоящею, получаемою ими въ видѣ поземельной ренты, во-вторыхъ, патріархальною монетой, ибо фермеры, арендаторы, кортомщики проникнуты убѣжденіемъ, что они все-таки еще слишкомъ дешево платятъ аристократамъ, своимъ отцамъ и благодѣтелямъ, за великую милость, которую тѣ оказываютъ имъ, дозволяя пользоваться наемною землею».

Digitized by Google

Манчестерская школа и свобода торговли.

Мы уже выше замѣтили, что свободная торговля сама по себѣ есть только необходимое послѣдствіе другаго, болѣе общаго начала, заставляющаго коттонлордовъ всѣми мѣрами стараться о производствѣ по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Коттонлорды не ограничиваютъ требованій свободной торговли отмѣной тарифовъ и пошлинъ, съ цѣлью удешевить производство; они даютъ ей высшее значеніе. Свобода торговли, по ихъ мнѣнію, не можетъ быть отдѣлена отъ свободы самого человѣка. Свобода торговли есть только болѣе практическое слово для выраженія другаго обширнѣйшаго понятія — свободы дѣйствія, свободы воли, составляющей неотъемлемое право всякаго человѣка. Купля и продажа — это только формы, посредствомъ которыхъ мы взаимно обмѣниваемъ то, что сдѣлано нашими руками, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нашу дѣятельность. Въ этомъ процессѣ обмѣна, купли и продажи, мы не обязаны повиноваться никакимъ другимъ предписаніямъ, никакимъ другимъ законамъ, кромѣ законовъ нашего собственнаго интереса, поколику они опредѣляются и устанавливаются нашею собственною совѣстью. Всякое вмѣшательство государства въ это право свободной дѣятельности, а слѣдовательно и свободной торговли, есть нарушеніе свободы лица, его свободной воли и свободнаго дѣйствія вообще.

Далѣе они говорятъ: Все, что мы обмѣниваемъ между собой, принадлежитъ къ числу такихъ предметовъ, которыми мы взаимно поддерживаемъ жизнь другъ друга; это наши жизненныя потребности, и ограниченіе этихъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей таможенными пошлинами, таксами, и т. п., есть прямое нарушеніе начала самохраненія. Такое фискальное ограниченіе столь же несправедливо, какъ и несогласно съ политикой, и съ нравственной точки зрѣнія мы также точно не обязаны повиноваться подобнымъ фискальнымъ распоряженіямъ, какъ и произвольнымъ законамъ какого-нибудь тиранна. Государство для государственныхъ цѣлей можетъ облагать податью только собственность, а не средства и орудія, служащія къ пріобрѣтенію собственности. — Это положеніе, которое мы впослѣдствіи разовьемъ подробнѣе, особенно важно потому, что оно заключаетъ въ себѣ принципъ, на основаніи котораго манчестерская партія доказываетъ необходимость отмѣны всѣхъ косвенныхъ налоговъ.

Всѣ законодательныя постановленія относительно вывоза и ввоза какого бы то ни было товара, равно какъ и всѣ другія издаваемыя правительствомъ постановленія на счетъ мѣста, времени и прочихъ

Digitized by Google

условій покупки и продажи, манчестерскіе философы называютъ мѣрами, не только не согласными съ политикой, но и несправедливыми: прежде всего они видятъ въ нихъ ограниченіе свободной воли, свободной дѣятельности вообще, а потомъ уже покушеніе противъ свободы торговли по преимуществу. Вся исторія, все прошедшее, говорятъ они, заключаютъ въ себѣ постоянное стремленіе къ свободѣ торговли, а свобода торговли въ послѣднемъ развитіи своемъ ведетъ ко всеобщему миру. Отмѣна цеховъ, насколько она имѣла послѣдствіемъ свободу ремесленнаго производства, понимается въ этомъ смыслѣ какъ частное, сообразное съ тогдашними обстоятельствами осуществленіе идеи свободной торговли, и именно на слѣдующемъ основаніи: трудъ, какого бы рода онъ ни былъ, есть собственность, которою всякій воленъ распоряжаться по собственному усмотрѣнію. Всѣ постановленія цеха относительно времени обученія и т. п. должны разсматриваться какъ ограниченія этого права, — права свободнаго труда, въ силу котораго я воленъ, не допуская посторонняго вмѣшательства и вообще никакого контроля, распоряжаться своимъ трудомъ, составляющимъ мою собственность, какъ мнѣ угодно, и продавать его по собственному благоусмотрѣнію. Только тотъ, кому я предлагаю свой трудъ, имѣетъ право принять или не принять его, то-есть вымѣнять этотъ мой трудъ, эту мою собственность, на другую собственность, смотря по тому, согласно ли это будетъ съ его интересами, или нѣтъ. Итакъ, цеховое устройство противно духу свободной торговли, и отмѣну цехового устройства Манчестерская школа считаетъ шагомъ впередъ, первымъ шагомъ къ свободѣ торговли.

Съ этой же точки зрѣнія манчестерскіе философы объявляютъ себя противниками билля о десятичасовой работѣ, который былъ принятъ въ 1847 году вопреки всѣмъ ихъ усиліямъ, направленнымъ противъ этой мѣры. «Государство, утверждаютъ они, не имѣетъ права вмѣшиваться въ добровольныя сдѣлки между работникомъ и давальцемъ работы (хозяиномъ или заказчикомъ). Если мнѣ заблагоразсудится работать на своей фабрикѣ долѣе десяти часовъ въ сутки, то государство не въ правѣ запретить мнѣ это. Только самъ работникъ, и только онъ одинъ, долженъ рѣшить вопросъ, до какой степени условія работы согласны или не согласны съ требованіями его здоровья, благосостоянія, и проч.» Между тѣмъ манчестерская партія не можетъ не согласиться, что билль о десятичасовой работѣ былъ вызванъ филантропическими побужденіями, и что государство, сокращая время труда, нисколько не имѣло въ виду уменьшеніе заработной платы. Вся цѣль государства заключалась только въ томъ, чтобы

Digitized by Google

оказать защиту слабому противъ сильнаго, работнику противъ капиталиста, дѣтямъ противъ мастеровъ, потому что обмѣнъ труда, то-есть собственности, состоящей въ трудѣ, на другую собственность, какъ напримѣръ хлѣбъ, и т. п., въ сущности далеко не такъ свободенъ, какъ стараются представить это манчестерскіе философы, и если работникъ не захочетъ подчиниться предложеннымъ ему условіямъ, то онъ необходимо сдѣлается жертвою недостатковъ и нищеты. Но манчестерская партія рѣшительно не допускаетъ неравенства между работой и капиталомъ и не хочетъ ничего слышать объ этихъ «замаскированныхъ моральныхъ охранительныхъ пошлинахъ». Она утверждаетъ, что работа сама должна ограждать себя, и если она не въ силахъ этого сдѣлать, то всѣ опредѣленія закона, всѣ охранительныя пошлины въ мірѣ ни сколько не въ состояніи защитить ее, да и самая работа, въ такомъ случаѣ, не достойна защиты. Вообще филантропіи нѣтъ никакого дѣла до свободной торговли и свободныхъ сдѣлокъ. «Какъ въ искусствѣ вкусъ, въ морали совѣсть, такъ въ мѣнѣ, торговлѣ, сдѣлкахъ только личный интересъ можетъ быть вѣрнымъ, надежнымъ руководителемъ нашихъ поступковъ и дѣйствій». Но мы не должны упускать изъ виду оговорку, которою морализирующіе фабриканты постоянно сопровождаютъ свои разсужденія, желая смягчить жесткость словъ «личный интересъ». Не просто однимъ личнымъ интересомъ, говорятъ они, должны мы руководиться въ своихъ торговыхъ и промышленныхъ отношеніяхъ, но личнымъ интересомъ, «подъ блюстительствомъ справедливости».

Манчестерская школа и билль о реформѣ.

Въ отношеніи къ всѣмъ прочимъ политическимъ или финансовымъ мѣрамъ, состоявшимся и прежде и послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ, послѣдователи Манчестерской школы поступаютъ такъ же точно, какъ въ отношеніи къ биллю о десятичасовой работѣ: они переводятъ ихъ на языкѣ манчестерской философіи и стараются опредѣлить отношеніе этихъ мѣръ къ свободной торговлѣ. Такъ, напримѣръ, билль о реформѣ 1832 года, по мнѣнію Манчестерцевъ, тоже былъ одною изъ великихъ мѣръ, скрывавшихъ въ себѣ зародышъ свободной торговли; другими словами: это была пріуготовительная мѣра, приведшая впослѣдствіи къ свободной торговлѣ. Чтобы собственность, пріобрѣтенная торговлею и промышленностью была облечена политическою властью, чтобы она вообще имѣла какую бы то ни было политическую власть—это, говорятъ они, рѣшительно несовмѣстимо съ сущностью феодализма. Торговля и промышленность должны

Digitized by Google

были завоевывать каждый шагъ къ политической власти, то-есть къ равномѣрному представительству въ парламентѣ, у аристократовъ-помѣщиковъ, которымъ исключительно была присвоена эта власть. Только тогда, когда промышленность пріобрѣла въ обществѣ одинакое значеніе съ поземельною собственностью, только тогда могла она предъявить свои требованія на одинакія политическія права; предъявила же она ихъ единственно для того, чтобы политически утвердить на самомъ широкомъ основаніи общественныя начала свободной торговли. Возможно ли было бы, напримѣръ въ 1846 году, настоять на разрѣшеніи свободнаго ввоза хлѣба, еслибы, благодаря состоявшемуся въ 1832 году биллю о реформѣ, въ составѣ парламента не произошло значительныхъ перемѣнъ, вслѣдствіе которыхъ промышленный элементъ нашелъ въ немъ нѣкоторую, хотя все еще довольно слабую поддержку?

Но политическою властью своею промышленность обязана тому общественному положенію, которое она умѣла занять въ государствѣ. Всѣ старинные города и мѣстечки, съ присвоенными имъ политическими привилегіями — выбирать своими представителями аристократовъ-помѣщиковъ, вдругъ были отодвинуты на задній планъ громадными новыми общинами и городами, которые безъ всякихъ аристократическихъ преимуществъ, безъ политическихъ льготъ, безъ права голоса, безъ представителей, можно сказать, какъ грибы, выросли въ безвѣстныхъ пустыняхъ сѣвера. Это быстрое возникновеніе цѣлыхъ городовъ въ фабричныхъ округахъ ясно показало, что кромѣ земли и аристократическихъ титуловъ есть еще другой источникъ богатства и общественнаго могущества. Промышленный собственникъ 20,000 веретенъ, съ соотвѣтствующимъ числомъ ткацкихъ станковъ, могъ гордо поднять свое чело передъ владѣльцемъ 20,000 акровъ земли. Если одинъ чванился сотнями арендаторовъ и крестьянъ, состоявшихъ въ зависимости отъ него, то другой могъ указать на тысячи вольнорабочихъ, участь которыхъ была связана съ его собственною участью.

Вслѣдствіе этого коттонлорды прежде всѣхъ и громче всѣхъ заговорили въ пользу парламентской реформы. Ибо такъ какъ ландлорды, въ рукахъ которыхъ, до утвержденія билля о реформѣ, находилась вся законодательная власть, не соглашались добровольно пожертвовать своими интересами вновь возникшимъ интересамъ и притязаніямъ, то не оставалось другаго средства, какъ измѣнить составъ парламента, то-есть самую конституцію государства. «Постараемся прежде всего сдѣлать парламентъ тѣмъ, за что онъ выдаетъ себя,— представителемъ народа. Пусть Шеффильдъ, Бирмингамъ и Манче-

Digitized by Google

стеръ, населенные тысячами новыхъ «рукъ» (такъ называютъ они рабочихъ), пошлютъ туда своихъ представителей на мѣсто представителей гнилыхъ мѣстечекъ (rotten boroughs), гдѣ не осталось почти ни единой души, потому что души эти перешли во вновь возникшіе фабричные города и поселились тамъ вокругъ автоматовъ-машинъ, и тогда посмотримъ, могутъ ли эти представители народа, въ настоящемъ значеніи слова, одобрить такіе законы, которые облагаютъ пошлиной насущный хлѣбъ бѣднаго.»

Билль о реформѣ, прошедшій, благодаря энергической поддержкѣ со стороны коттонлордовъ, какъ мы теперь знаемъ, конечно, далеко еще не осуществилъ собою того народнаго представительства, о которомъ мечтали. Если парламентская реформа 1832 года дѣйствительно дала болѣе простора промышленнымъ интересамъ, то все-таки ни коимъ образомъ нельзя сказать, чтобы она поставила ихъ на ровную ногу съ аристократическими интересами. Еще менѣе можно сказать, чтобы интересы народа, въ собственномъ смыслѣ этого слова, интересы этихъ «новыхъ милліоновъ душъ», заявившихъ свое существованіе въ формѣ рукъ, нашли своихъ представителей въ новомъ парламентѣ. Но какъ бы то ни было, а проведеніе билля о реформѣ по крайней мѣрѣ дало возможность коттонлордамъ съ успѣхомъ подвизаться за отмѣну хлѣбныхъ законовъ и, слѣдовательно, сдѣлать первый шагъ къ осуществленію ихъ великой цѣли, — водворенію свободы торговли. До какой степени справедливо ихъ позднѣйшее увѣреніе, будто бы они въ самой борьбѣ за реформу парламента уже ясно имѣли передъ глазами эту частную цѣль со всѣми ея послѣдствіями,—такого вопроса мы не беремся рѣшить. Подобно тому какъ человѣкъ, преслѣдующій какую-нибудь цѣль съ величайшимъ упорствомъ, готовъ и во всѣхъ прежнихъ дѣйствіяхъ своей жизни видѣть одно постоянное стремленіе къ этой цѣли, такъ и Манчестерцы во всѣхъ прежнихъ борьбахъ своихъ видѣли и видятъ только борьбу за принципы своей философіи, развившейся, конечно, не вдругъ, а постепенно, вслѣдъ за опытомъ. Достигнувъ, съ помощью парламентской реформы, отмѣны хлѣбныхъ законовъ, они не остановились на этомъ частномъ осуществленіи торговой свободы, но составили себѣ какой-то идеалъ свободной торговли, и во имя его требовали свободы во всемъ: въ религіи, морали, воспитаніи, въ обученіи, въ идеяхъ, утверждая, что свободный обмѣнъ товаровъ долженъ идти рука объ руку съ свободнымъ обмѣномъ идей. При этомъ, однакожь, не должно забывать, что какой бы идеологіи и фразеологіи ни придерживалась Манчестерская школа для возвеличенія своихъ матеріальныхъ, соціальныхъ и политическихъ убѣжденій, во всякомъ случаѣ

Digitized by Google

матеріальный пунктъ,—необходимость самаго дешеваго производства, составлялъ и долженъ былъ составлять всю основу ихъ дѣйствій и помысловъ. Безъ производства по самымъ дешевымъ цѣнамъ не возможно было физическое существованіе приверженцевъ Манчестерской школы, и только вслѣдствіе того, что отъ ихъ существованія зависило существованіе цѣлыхъ милліоновъ людей, вопросъ объ этомъ существованіи, который собственно сводился на вопросъ о насущномъ хлѣбѣ, могъ принять такія скромныя, стыдливыя, благовидныя формы и выражаться такимъ возвышеннымъ языкомъ.

При всемъ разногласіи работниковъ съ убѣжденіями заказчиковъ и фабрикантовъ, естественные интересы первыхъ требовали, чтобы во всѣхъ вопросахъ, гдѣ дѣло шло объ уменьшеніи расходовъ производства, они становились на сторону коттонлордовъ противъ ландлордовъ и общими силами нападали на остатки феодализма, на аристократическія привилегіи, служившія препятствіемъ свободному производству и производству по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Аристократы очень хорошо понимали всю важность матеріальной и нравственной опоры, представляемой этимъ новымъ, могучимъ элементомъ вновь возникшаго прелетаріата, и старались отнять эту опору у коттонлордовъ, для того чтобы самимъ воспользоваться ею. Они сдѣлали эту попытку еще въ самомъ началѣ борьбы противъ хлѣбныхъ законовъ, и успѣли было убѣдить работниковъ, что собственно для нихъ не будетъ никакой выгоды въ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, потому что, вмѣстѣ съ пониженіемъ цѣнъ на хлѣбъ, необходимо должна будетъ уменьшиться и заработная плата. Но когда, не смотря на то, впослѣдствіи, даже Чартисты, заодно съ другими рабочими и фабрикантами, вступили въ борьбу противъ ландлордовъ, когда послѣдніе, наконецъ, должны были согласиться на свободный ввозъ хлѣба, то, какъ бы въ отплату за вынужденную уступку, они употребили всѣ свои усилія, чтобы провести невыгодный для коттонлордовъ билль о десятичасовой работѣ. И на этотъ разъ ландлордамъ дѣйствительно удалось обезпечить себѣ содѣйствіе работниковъ.

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.*)

Digitized by Google

ПОПРАВКА.

Г. Фелькель, доставивъ въ *Атеней* статью «Братья Гримны», напечатанную въ предыдущемъ №, забылъ сказать, что она, собственно, переводная, и принадлежитъ нѣмецкому литератору Максу Рингу.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. М. ЩЕПКИНА И К°,

Коммиссіонера Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Министерства Государственныхъ Имуществъ,

на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина,

ПРОДАЮТСЯ ВНОВЬ ВЫШЕДШІЯ:

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. Лекціи Степана Шевырева, ординарнаго академика и профессора. Часть 3-я, столѣтіе XIII, XIV и начало XV. М. 1858 г. Цѣна 2 рубл. Съ пересылкою 2 р. 50 к.

ИСТОРІЯ АРМЕНІИ. Моисея Хоренскаго. Перевелъ съ армянскаго и объяснилъ Н. Эминъ. М. 1858 г. Цѣна 3 рубли. Съ пересылкою 3 рубли 50 коп.

ПЛѢННИЦЫ ШАМИЛЯ. Воспоминаніе г-жи Дрансé. Переводъ съ французскаго К. Дзюбинскаго. Тифлисъ. 1858 г. Цѣна 1 рубль. Съ пересылкою 1 рубль 30 коп.

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГІИ, съ отдѣльными на оное вопросами. М. 1858 г. Цѣна 50 коп. Съ пересылкою 80 коп.

ЗАПИСКИ КОМИТЕТА АККЛИМАТИЗАЦІИ РАСТЕНІЙ, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго хозяйства. Книжка I-я. М. 1858 г. Цѣна 1 рубль. Съ пересылкою 1 рубль 50 коп.

ДРУГЪ МАТЕРЕЙ. Сочиненіе доктора К. Грума. Томъ I-й. Начальныя основанія дѣтской физіологіи, гигіены, діэтетики и болѣзненныя состоянія новорожденныхъ, болѣзни рта и пищеварительнаго канала. СПБ. 1858 г. Цѣна 1 рубль 80 к. съ пересылкою.

ПОЛНОЕ СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ, лечебныхъ грязей и купаній въ Россійской Имперіи. Доктора К. Грума, съ присовокупленіемъ краткаго описанія извѣстныхъ заграничныхъ минеральныхъ водъ, и паталогіи хроническихъ болѣзней. СПБ. 1855 г. Цѣна 3 рубли съ пересылкою.

Digitized by Google

ИСТОРІЯ РОССІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ. Сочиненіе С. Соловьева. Томъ V. Изданіе 2-е. М. 1858 г. Ц. 2 р. Съ пересылкою 2 р. 50 к. сер.

ИСТОРІЯ РОССІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ. Сочиненіе С. Соловьева. Томъ VIII-й. М. 1858 г. Ц. 2 р. Съ пересылкою. 2 р. 50 к. сер.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА, VII-й дополнительный томъ. Изданіе П. В. Анненкова. С.П.Б. 1857 года. Цѣна 1 р. Съ пересылкою 1 р. 50 коп.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ СТАНКЕВИЧЪ. Переписка его и біографія, написанная П. В. Анненковымъ, съ портретомъ Станкевича. М. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к. Съ пересылк. 2 р. сер.

МАГАЗИНЪ ЗЕМЛЕВѢДѢНІЯ и ПУТЕШЕСТВІЙ. Географическій сборникъ Н. Фролова. Томъ V-й, съ картой и 4-мя рисунками. М. 1858 г. Цѣна 3 р. Съ пересылкою 3 р. 75 коп.

СОЧИНЕНІЯ И ПИСЬМА СВЯТОГОРЦА, собранныя послѣ его смерти. С.П.Б. 1858 г. Цѣна 2 р. Съ пересылкою 2 р. 50 коп.

ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ. Эриста Курціуса. Переводъ съ нѣмецкаго. I-го тома I-е отдѣленіе. (Изданіе Попова). М. 1858 г. Ц. 1 р. Съ пересылкою 1 р. 40 коп.

СМЫШЛЕНОСТЬ ЖИВОТНЫХЪ. Соч. С. Жолкевича. С.П.Б. 1858 г., съ 43-мя политипажами въ текстѣ. Цѣна 60 к. Съ пересылкою 85 коп.

КОШЕЛЕКЪ, ПОДЕНЬЩИНА И ПУСТОМЕЛЯ. Сатирическіе журналы 1760, 1770 и 1774 годовъ. Изданіе А. Аѳанасьева. М. 1858 года. Цѣна 1 р. Съ пересылкою 1 р. 50 коп.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ ШЕКСПИРА. Переводъ съ англійскаго Н. Кетчера, выправленный и пополненный по найденному Пэнъ-Колльеромъ старому экземпляру in folio 1632 г.

ЧАСТЬ 5-я. Тимонъ Аѳинскій.

Два Веронца.

Юлій Цезарь.

Антоній и Клеопатра.

Изданіе Солдатенкова и Н. Щепкина М. 1858 г. Цѣна каждой части 1 р. Съ пересылк. 1 р. 50 к. сер.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КУЛАКЪ. Поэма Н. Никитина. . . . . Т. М—ОВА.
ВОСПОМИНАНІЕ О ЛЕРМОНТОВѢ. . . . . А. МЕРИНСКАГО.
ТЕОРІЯ И ПРАКТИКА. . . . . К. Н.
МАНЧЕСТЕРСКАЯ ШКОЛА И ВЕЛИКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ЕЯ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ. . . . . (Съ нѣмецк.)

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *трехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,
и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атенея*, при книжномъ магазинѣ Н. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, *десять* рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. съ полтиною*.

Печатать дозволяется. Ноября 29-го, 1858 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе*.

Digitized by Google

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 50.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К°

1858.

Digitized by Google

Digitized by Google

тельствамъ числится; Ипокренскій очень мало грамотѣ обученъ, и человѣкъ бы семейный, а все какая-то, такъ полагать надо, вѣтреность въ его головѣ состоитъ. Вчера, напримѣръ, въ одномъ нужномъ дѣлѣ перепуталъ всѣ слова, и вышло у него... что — «Мертвое тѣло пришить къ дѣлу, а рапортъ сотскаго предать погребенію» — противно всякому здравому смыслу!.. Остальные же двое нашей братьи — канцелярскіе служители — поступили на службу очень недавно, съ нашимъ, какъ бы сказать, ремесломъ совсѣмъ они незнакомы, да къ тому же какихъ-то тамъ барынь пріемыши, такъ ихъ тоже дѣломъ не обременяютъ. Павелъ Семенычъ, какъ начальникъ, надъ своимъ столомъ глава, во всѣ наши труды также не входитъ, а только, по собственному соображенію, перемѣнитъ какую-нибудь резолюцію, либо исправитъ справку, да подпишетъ, да за что-нибудь взыщетъ... И выхожу я во всемъ одинъ виноватъ и всѣмъ на-покрышку! А Павелъ Семенычъ, Богъ съ нимъ, этакой: любитъ все крикомъ. Еще нынѣче сталъ онъ ко мнѣ ровно помягче, а до того — что̀ бы, напримѣръ, съ лакеемъ, то и со мной... Да еще въ нынѣшнемъ свѣтѣ, глядишь, съ лакеями обращаются лучше! Натурально, кабы у меня состояніе, али кто-нибудь былъ, я бы, жалѣючи свое собственное здоровье, какъ человѣкъ не самоубійца, могъ бы въ свою пользу отвѣтить, чтобы сколько-нибудь себя облегчить; а въ теперешнемъ моемъ положеніи, какъ я,—ну-ка, попробуй, скажи: такъ находишься послѣ съ сумой, у окна постоишь, да попросишь! — Надо сознаться — нашъ братъ трудится болѣе изъ-за насущнаго хлѣба, чтобы себя пропитать; ну, а со временемъ... тоже... Я вотъ на среднемъ окладѣ... Ну, одинъ — проживу... У насъ на среднемъ окладѣ жениться не позволяютъ... А я бы, право, какъ теперь всѣ разсмотрѣлъ, могъ бы даже исправлять теперь... за самого столоначальника... могъ бы. Но меня бы покуда хоть на старшій окладъ посадили... тутъ и льготы даются!.. И еслибы я, какъ молодой человѣкъ—это я только такъ, напримѣръ — захотѣлъ и жениться... хорошенькую дѣвушку взять за себя... разрѣшатъ! — *(Пауза)*. Сегодня опять видѣлъ Раиду Павловну во снѣ — будто приходитъ въ правленіе и будто — проситъ меня перышковъ себѣ починить. *(Подходитъ къ картинкамъ и пристально разглядываетъ каждую изъ нихъ).* Вѣдь этакая фонаберія пришла... Показалось, будто на Раиду Павловну похожи... Сначала купилъ одну, а потомъ и другую... купилъ. Можетъ ли это быть, чтобы картина была все равно что живой человѣкъ!.. Другое бы дѣло... имѣть себѣ портретъ своего министра... Жаль, что вотъ не печатаютъ портретовъ съ нашего вицегубернатора: его бы особу пріятно было бы повѣсить здѣсь, на стѣнѣ.

Digitized by Google

(Читаетъ надпись надъ одною изъ картинъ). «Элисавета, королева *Аллицкая*». Вотъ эта еще туда и сюда... А только нѣтъ... Раида Павловна лучше!.. Ей-Богу, только на нее... на Раиду Павловну взглянешь — точно что отъ души отойдетъ... Всякія житейскія скорби забудешь... что претерпѣлъ... Такъ бы, кажись, всѣхъ бы обнялъ— весь бы міръ... да взялъ бы... да расцѣловалъ. *(Пауза).* Ахъ, кабы... разумѣется, чего быть не можетъ, а только такъ, напримѣръ... еслибы она... да вдругъ моя!.. Давайте вы мнѣ на выборъ... вотъ вамъ... будь ты тебѣ столоначальникъ... али Раиду Павловну возьми за себя... Такъ я никакой награды... ни чина... ни должности... вотъ тебѣ вдругъ пять-сотъ — не возьму! Она мнѣ... Раида Павловна... она пуще всего мнѣ дороже... Разумѣется, безъ того нельзя, чтобы я не на старшемъ былъ окладѣ... *(Пауза).* Бываю я у Павла Семеныча часто, видаю Раиду Павловну почесть каждый день... Да только видишь... а насчетъ слова, или чего-нибудь... совсѣмъ растеряешься... *(Раскланивается передъ одною изъ картинъ).* Съ добрымъ утромъ, Раида Павловна! Вотъ извольте поглядѣть, какая у насъ мебель, и все, что у меня есть! *(охорашивается).* Мериносовый халатъ, напримѣръ... все! *(Пауза).* Что-то скажетъ нынѣшняя ревизія? Подлинно, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливаешь себя, надрываешься... Ахъ, кабы!..

—

Ипокренскій *(въ дверяхъ раскланивается.)* Богъ милости прислалъ!

Сверчковъ. Милости просимъ, Борисъ Климычъ!

Ипокренскій. Тороплюся, мой благодѣтель, выходитъ такое дѣло. Я вѣдь не за чѣмъ прочимъ, а только такъ, помнючи васъ, шедши путёмъ, по дорогѣ. Былъ я у Воскресенья за ранней, а потомъ бѣгалъ на рынокъ: жена нездорова... Теперь какъ-будто къ слову пришлось, насчетъ тѣхъ двухъ двугривенничковъ-то: сегодня намъ срокъ, — обожди, благодѣтель!

Сверчковъ. Чтоже... отчего же... ничего-съ.

Ипокренскій *(кланяется и входитъ.)* Все ли въ добромъ здоровьи-съ?

Сверчковъ. Да только вотъ мѣсяца два тому назадъ грудь что-то все, ну немного и кашель, да по временамъ случается, покалываетъ что-то въ правомъ боку, а то ничего, настоящимъ образомъ я здоровъ.

Ипокренскій. Радуюсь, мой благодѣтель, и больно хорошо.

Digitized by Google

Сверчковъ. А чтоже супруга ваша, Борисъ Климычъ, лежитъ?

Ипокренскій. До лежанья ли намъ, благодѣтель, мы не господа. Тоже самъ-шостъ — по рубашкѣ, такъ шесть рубашекъ, по чулочкамъ—шесть чулочекъ. Надо объ этомъ подумать, а достатки-то наши, сами знаете—день прошелъ, и до насъ дошелъ. Вотъ вы люди холостые, такъ вамъ съ полà-горя.

Сверчковъ. Да, вѣдь нынче не позволяютъ, чтобы кто не на старшемъ окладѣ... Вотъ одни только вы... такъ вы еще, этого предписанія не было, женились.

Ипокренскій. Да, извѣстно, начальство наше, такъ въ родѣ сказать, нами руководствуетъ, а мы, что̀ называется... яко овцы! Впрочемъ, Геннадій Семенычъ, этотъ запретъ ничего-съ, оно хорошо-съ, начальство этимъ дѣлаетъ намъ же самимъ во пріятность.

Сверчковъ. Чтоже, по-моему, ежели когда кто изъ насъ и не на старшемъ бы окладѣ — я только такъ, напримѣръ — хорошую дѣвушку полюбилъ... кажется, ничего бы... отчего бы не разрѣшить?

Ипокренскій. Да, хорошую дѣвушку... такъ-то такъ! — Это я, Геннадій Семенычъ, къ случаю пришлось, заходилъ къ Петру Гаврилычу — чай, изволите знать?

Сверчковъ. Да это же кто же?

Ипокренскій. Что въ уголовной палатѣ служили секретаремъ лѣтъ ужь десять тому назадъ, — всего лѣтъ тридцать служили. Ну, извѣстно, вельможа. Были именинники, такъ я, для дня ихъ ангела— ихъ проздравить... какъ водится, тоже крендель съ собой принесъ... отъ усердія. Такъ что̀ бы вы думали... Не повѣрите? Вотъ, ей-Богу! Сначала это Петръ Гаврилычъ надо мной, при гостяхъ при своихъ, все шутили, все шутили, и бумажный колпакъ даже мнѣ на голову велѣли надѣть... Ну, извѣстно, отчего господъ не потѣшить—со временемъ надобность какая, и все... Потомъ, чтоже? Посадили за особый столъ, приказали всего подавать. Лакейство у нихъ все такое хорошее — дали мнѣ приборъ, какъ быть — ложка серебряная, а салфетка, что̀ называется — яко снѣгъ! Не посмѣлъ даже... все ужь объ голову объ свою обтирался. Тоже мы не безъ чувства. При всемъ этомъ — не господа. Петръ Гаврилычъ, дай Богъ здоровья, дали мнѣ тогда полтинничекъ; буде, слышь ты, хочешь — присылай жену свою ко мнѣ — полы помыть, заплачу... Ну, что̀ говорить, у нихъ домъ огромный... Вѣдь что, мой батюшка, дѣлать, какъ быть! Тоже, вѣдь, самъ-шостъ! Съ поклону голова не свалится, а безъ

Digitized by Google

труда не будетъ плода. Кабы не господа, такъ бы, что̀ называется, вотъ что!..

Сверчковъ. Нѣтъ, ужь я бы къ постороннему мужчинѣ не пошелъ, чтобы надо мной, какъ надъ кѣмъ-нибудь, такъ наругались: кажется, мы тоже составляемъ изъ себя образъ Божій; а жену свою, такъ я бы, какъ эти картинки, въ особую рамочку врѣзалъ, да и сталъ бы... только бы все смотрѣлъ—поклонялся, да любовался.

Ипокренскій. Да такъ-то такъ. Сначала оно точно, что все это какъ бы тебѣ сказать, очень для тебя любопытно, а опослѣ—что батюшка-тесть не скажетъ—мужъ, говоритъ, и жена—одна борона, одно тягло, — жена мужу подтвержденіе. (*Смотря на картинки*). Это я вижу, что барышни очень порядочныя... А вонъ у Ѳерапонта Данилыча, такъ нѣтъ никакихъ потретовъ-съ, однѣ стѣны натуральныя.

Сверчковъ. А что Борисъ Климычъ, еще когда, не женившись, были въ кого влюблены, али нѣтъ?

Ипокренскій. Да не что, одинъ разъ я подурачилъ. У крестненькаго дѣвка была Аграфена...

Сверчковъ, (*краснѣя.*) Эки вы! Да, вѣдь, я не про то. А вотъ въ барышню бы какую-нибудь.

Ипокренскій, (*продолжая смѣяться*). Нѣтъ ужь это не нашему брату-съ. Тоже, Геннадій Семенычъ, я не объ одной головѣ-съ. (*Серьёзно.*) Ну бы узнали-съ?

Сверчковъ. Опять вы не вникли. А вотъ какой-нибудь барышнѣ хорошенькіе стишки списать — это развѣ что-нибудь означаетъ? Вотъ мнѣ одинъ мой товарищъ по училищу говорилъ: барышня подарила ему двѣ конфеты: сердце и ножницы. Когда, говоритъ, вы кого полюбите - разлюбите, такъ ножницами и стригите это сердце. А онъ ей: нарисовалъ на память купидона, и при немъ стихи: «Страшитесь, прострѣлю, но вы отъ раны не умрете, лишь взглянете, вздохнете, и скажете—люблю». Это каково?

Ипокренскій. Да-съ. У меня вотъ то же послѣ крестненькаго остались стишки, да въ нихъ все разныя слова поминаются. Батюшка-тесть почиталъ, да бросилъ — сквернословіе, говоритъ, какое-то.

Сверчковъ, (*не слушая.*) Мнѣ бы вотъ тоже хотѣлось, чтобы для одной барышни хорошенькіе стишки списать, да какъ передать не знаю.

Ипокренскій. Да коли вы къ нимъ вхожи, такъ чтоже-съ? Гдѣ-нибудь въ такомъ темномъ мѣстѣ, да прямо имъ въ ручку... Можетъ-быть онѣ и того-съ... ничего-съ! Али еще этакъ вста-

Digitized by Google

нутъ, да вамъ же и сдѣлаютъ преферансъ — присядутъ тамъ что ли! Мнѣ намедни видѣть случилось, какъ онѣ это по-ихнему присѣдаютъ, точно, братецъ ты, падаютъ—ловки-съ!

Сверчковъ. Образованы.

Ипокренскій. Да ужь съ такой легкой комплекціей рождены. Сегодня встрѣтилъ за ранней Мавру Трифоновну съ дочкой. Барышня изъ себя такая — деликатная, только ужь больно блѣдна, въ лицѣ ни кровинки, сердцемъ-то нездорова.

Сверчковъ. Да чтоже вы, Борисъ Климычъ, все стоите, не сядете.

Ипокренскій. Нѣтъ, ужь лучше я такъ постою, да признаться, мнѣ и пора-съ. *(Переминаясь)*. Я только такъ, какъ помнючи васъ, по моей къ вамъ любви-съ, по пути, по дорогѣ-съ. Случается тоже, дай Богъ вамъ здоровья, меня не оставляете. Этто вотъ два двугривенничка дали взаймы, а также и насчетъ дѣлъ всегда свое пособіе мнѣ оказываете... Хотя бы и Павелъ Семенычъ, конечно, за всѣ ваши труды хоть бы когда вамъ руку подалъ въ правленіи — однако бы какое ни на есть поощреніе. То-то наше горе! Прости Господи, служишь семь лѣтъ, а выслужишь семь рѣпъ. Сегодня вотъ у насъ ревизія, велѣно всѣмъ быть во фракахъ, или въ сертукахъ, а у меня— вѣдь, сами посудите, самъ-шостъ! Что и ношу, такъ все по милости моихъ благодѣтелей. Спасибо, господа не оставляютъ. Этто дали мнѣ фракъ-съ, такъ еще за недостаткомъ не успѣлъ перешить-съ: онъ, знаешь ты такой широкой да длинный, и подъ фалдами сукно, такъ портной обѣщался мнѣ, при деньгахъ, изъ него форменный сертукъ выбрать, да сшить. *(Показывая на свой.)* А вѣдь это, что называется—яко тлѣнъ! Не знаю ужь, какъ и быть-съ. Конечно, вами, Геннадій Семенычъ, завсегда я такъ много обязанъ, и знавши, что вы—холостой человѣкъ, имѣете хорошихъ два сертучка, одинъ разъ тоже изволили мнѣ давать — надѣвать, но теперяче не смѣю обременить васъ...

Сверчковъ, *(вынимая изъ комода сертукъ)*. Извольте, Борисъ Климычъ, да только не изорвите...

Ипокренскій, *(завязывая сертукъ въ узелъ — съ азартомъ)*. Живъ не буду! Хоть бы, благодѣтель, осчастливили, когда-нибудь завернули къ намъ, посмотрѣли бы на наше сиротское житье... Вѣдь самъ-шостъ! Жена тоже, не знаючи васъ: вотъ, говоритъ, подлинно, какой человѣкъ, я, говоритъ, къ нему со всѣмъ моимъ сердцемъ... Конечно, она у меня, баба, собой не взяла, да зато не пьяница

Digitized by Google

какая, чужаго ни отнюдь не возьметъ, не вѣтреница: нечего сказать, во всѣхъ статьяхъ честная!

(Раскланивается со Сверчковымъ и, подходя къ дверямъ, сталкивается въ нихъ съ Бронзовымъ).

—

Бронзовъ. Здорово, Геннадій, это я. *(Ипокренскому)*. А ты зачѣмъ сюда — пряничная форма, вязаный носъ.

Ипокренскій. Э—эхъ, Ѳерапонтъ Данилычъ, съ человѣкомъ всякія поврежденія случаются... Будьте здоровы-съ. *(Кланяется и уходитъ)*.

Сверчковъ. Здравствуйте, Ѳерапонтъ Данилычъ, какъ поживаете?

Бронзовъ, *(не слушая)*. Ипокренскій-то вороватъ, увидѣлъ меня, и ноги поджалъ! Боится, чтобы я ему, какъ намедни въ правленіи, опять на голову песку не насыпалъ!

Сверчковъ. Какъ поживаете?

Бронзовъ. Поживаю я, братъ, лихо. Сегодня вотъ съ самой утренней зари такъ все шатаюсь. Крѣпко угорѣлъ вчера — четверть втроемъ выпили. Заходилъ на соборную колокольню — хороши виды. Вотъ маялся, маялся, да и зашелъ къ тебѣ. Нѣтъ ли, братъ? опохмѣли!

Сверковъ. Ѳерапонтъ Данилычъ, вы знаете, я не пью-съ.

Бронзовъ. Дай мнѣ хоть деньгами, все равно. Погоди. Ты, братъ, не сердись на меня, что я до сихъ поръ тебѣ не отдалъ. Бралъ до завтра, а вотъ ужь полгода есть. Прахъ знаетъ куда деньги идутъ. Батька, кажись, и порядочно высылаетъ, а, право, почти и дня не ведутся. Пріятелей много. Точно духомъ узнаютъ, когда вышлетъ отецъ. Тотъ говоритъ угости, другой угости, тамъ еще куда сунешь — такъ вотъ все и выходитъ. Да я, братъ, отдамъ. Погоди. Я тебѣ вотъ по душѣ скажу: я, братъ, льстить не умѣю, денегъ мнѣ хоть ты не давай, но я тебѣ по душѣ — я, братъ, терпѣть не могу, кто не пьетъ, и всѣхъ такихъ считаю чистыми подлецами, а вотъ ты только одинъ такой и выискался — не пьешь, а человѣкъ — душа.

Сверчковъ. Благодарю на добромъ словѣ, Ѳерапонтъ Данилычъ, но только, право, нѣтъ у меня теперь даже — гривенника.

Бронзовъ. Ну, коли такъ, ненадо. Да, мнѣ гривенника и мало. Нынче на эту сумму такіе пустяки даютъ водки, одинъ глотокъ, просто срамъ. Я не знаю, какъ правительство въ это не войдетъ. Въ трактирѣ уже въ долгъ давать перестали. Сегодня развѣ стаканъ воды

Digitized by Google

выпьешь, да трубку выкуришь... Г-мъ! Геннадій, попроси-ка у хозяевъ, — нѣтъ ли у нихъ хоть табачку, смерть затянуться хочется.

Сверчковъ. У насъ этого, Ѳерапонтъ Данилычъ, и въ заведеніи нѣтъ.

Бронзовъ. Этакое скверное заведеніе. Хоть бы понюхать чего-нибудь. Вотъ у нашего архиваріуса есть табакъ, такъ представь себѣ— вмѣсто духовъ, рому онъ подливаетъ. Какъ этакъ понюхаешь, особливо, знаешь, на-тощакъ, такъ тебя озадачитъ... *(Перебираетъ у Сверчкова бумаги).*

Сверчковъ. Легонько, Ѳерапонтъ Данилычъ, легонько: вы тутъ о чемъ справиться хотите?

Бронзовъ. Какія тутъ справки! Нѣтъ, это я только такъ, отъ нѣчего дѣлать. *(Смотря на картинки).* Ба! ба! ба! да ты и двухъ мамзелей себѣ подцѣпилъ! Тоже, вѣдь, чай, деньги плачены, а за что? Ну, скажи, зачѣмъ тебѣ эти рожи?

Сверчковъ. Чтожь, въ комнатѣ пріятно имѣть картинки.

Бронзовъ. Нѣтъ, ужь я этакой чепухи не заведу! Очень нужно! Взять, да...

Сверчковъ, *(перебивая)*. Не завернете ли сегодня, Ѳерапонтъ Данилычъ, въ правленіе по дорожкѣ — вѣдь нынче ревизія!

Бронзовъ. Какая къ чёрту дорожка, да и все ваше правленіе— очень нужно! До субботы не пойду. Впрочемъ, суббота завтра, ну, да все равно — какъ случится. А тутъ скоро праздники подоспѣютъ, намъ и на-руку. Скружился этто совсѣмъ. Съ понедѣльника на всю недѣлю. Въ понедѣльникъ у Самсонова были карты. Я рублей двадцать проигралъ — получу, такъ отдамъ. А случалось, мнѣ иные и вовсе не отдавали — ну, велико важное кушанье, съѣстся! — На другой день, это будетъ вторникъ, — у Веселовскаго на крестинахъ. Только что кого Богъ далъ—мальчика, али дѣвочку — хоть убей, не помню! Двѣнадцать лѣтъ дѣтей не было, а нынче вотъ родила. Мужъ, на радости, такое пиршество задалъ, просто стѣны дрожали. Ну-съ, такъ добрался я до середы. На именинахъ у Щепетильникова. А потомъ еще на свадьбу попалъ. Были танцы, какую-то барышню уронили, и бѣдняжка была въ такомъ положеніи...

Сверчковъ, *(съ участіемъ)*. Каково!

Бронзовъ. Хорошо-съ, то-есть просто никуда не годится. Въ четвергъ, послѣ присутствія... то-есть, я, какъ тебѣ извѣстно, въ присутствіе не ходилъ, а такъ только говорю, послѣ присутствія, судя по времени... прислалъ за мной Павелъ Семенычъ. Я, разумѣется, извиняюсь, что, по болѣзни и по домашнимъ обстоятельствамъ, принужденъ былъ... ну, въ правленіи не былъ. Не въ томъ дѣло, гово-

Digitized by Google

ритъ, этимъ ты не стѣсняйся, а лучше вотъ что: хочешь ты, говоритъ, жениться? А мнѣ ужь безъ него въ прошлое воскресенье засватали одну штуку. Да мнѣ, братъ, было не до того: въ ту пору денегъ прислали... понимаешь? Хорошо-съ. Ну, такъ вотъ, думаю себѣ, что за оказія! Павелъ Семенычъ ужь не свою ли дочь въ меня мѣтитъ? — такъ, сударь ты мой, въ ту статью оно и пошло. Если, говоритъ, Раида моя тебѣ не противна, такъ вотъ тебѣ, дамъ тебѣ домъ, да тысячу деньгами — хочешь? Я самъ себѣ: человѣкъ ищетъ гдѣ глубже... гдѣ лучше... ну, чёртъ, все равно, а пословица говорится: хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ, да и сама Раида — просто живописное обозрѣніе! А главное, братецъ ты мой, соблазняетъ меня готовое содержаніе. Павелъ Семенычъ кормить обѣщалъ... а то, бывало, какъ сегодня же, — деньги всѣ выдутъ, сиди себѣ на однихъ пустыхъ щахъ, либо даже на одномъ черномъ хлѣбѣ, а готовое содержаніе — гмъ! — отличное дѣло!

Сверчковъ, *(измѣняясь въ лицѣ)*. Ну, Ѳерапонтъ Данилычъ, а сама Раида Павловна, что?

Бронзовъ. Ничего. Не знаю. Вотъ погоди, постой. Пошелъ я отъ Павла Семеныча — думаю себѣ: надо проститься съ холостою жизнью. Старикъ-отъ свадьбой торопитъ — холостую жизнь проводить надо. Взялъ съ собою музыканта, на дорогѣ подхватили архирейскаго пѣвчаго, и пошли кутить... Ну, Геннадій, однако прощай — ты въ правленіе, а я въ заведеніе — холостую жизнь провожать; кланяйся тамъ нашимъ, не забудь своихъ, прощай, братъ!

Сверчковъ. *(Со слезами на глазахъ)*. Такъ вотъ какъ, Ѳерапонтъ Данилычъ, выпало вамъ какое счастье!

Бронзовъ. Да я, братъ, и забылъ тебѣ сказать еще новость. Павелъ Семенычъ въ отставку — довольно, говоритъ, послужилъ — пряжку въ петлицу, да боль въ поясницу — пора на покой.

Сверчковъ. *(Въ смущеніи)*. Полноте?

Бронзовъ. А свое мѣсто этакъ, въ видѣ того, какъ оно... хочетъ мнѣ передать.

Сверковъ. *(Бѣднѣя)*. Чтоже-съ... Всякому давай Богъ!

Бронзовъ. Да нѣтъ, не то: я про тебя говорилъ Павлу Семенычу, чтобы и тебя какъ-нибудь наградилъ по заслугамъ. Ну, что, со всѣмъ стараго лѣсу кочерга — всякій, говоритъ, сверчокъ знай свой шестокъ: ты, говоритъ, сынъ протопопа, а онъ безродный бобыль. Да ты, братъ, не обижайся, Геннадій—я, вѣдь не свое,—а ты лучше, плюнь на него, на стараго дурака; это знай: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ, пословица говорится.

Digitized by Google

Сверчковъ. Были и у меня, Ѳерапонтъ Данилычъ, мать и отецъ, тоже какъ и у прочихъ людей; только жили, не оставили мнѣ ничего; что и было деньженокъ, такъ все въ долгахъ пропало... А умерли они, не я жь виноватъ... Однако, говорятъ, мы, круглыя сироты, Божьи дѣти выходимъ.

Бронзовъ. Ну, полно! я этакъ, пожалуй, откажусь и отъ мѣста... Да вотъ развѣ только что старикъ заупрямится... Впрочемъ, ничего, коли это случится, стану за тебя горой: пускай не въ-зачетъ годовой окладъ жалованья тебѣ дадутъ...

Сверчковъ. Терпѣть, да трудиться, намъ не привыкать-стать. Я служу царю... Что будетъ, то и будетъ!

Бронзовъ. Нѣтъ, братъ, ты не думай, я вотъ, послѣ свадьбы стану и самъ заниматься. Полно, надоѣло. Я, братъ, всю чепуху эту брошу. Я вѣдь въ Петербургъ поѣду служить. Тамъ, я слышалъ, только стóитъ года два прослужить — послѣ и шлютъ тебя либо въ совѣтники, либо въ непремѣнные члены. Я вѣдь вотъ, братъ, что... Тьфу ты, пропасть! Хошь бы гдѣ одна рюмка была! Голова какъ пивной котелъ... Добро, соловья баснями не кормятъ... Геннаша, прощай-ко, братъ!

Сверчковъ. Прощайте, Ѳерапонтъ Данилычъ!

Бронзовъ. Скатертью, молъ, дорожка, скажи. *(Уходя).* Пойдемъ вмѣстѣ, найдемъ двѣсти, раздѣлимъ пополамъ. Кой чёртъ, двѣсти — хоть бы гдѣ въ канавѣ, на улицѣ, двугривенный завалился! *(Жметъ руку Сверчкову и уходитъ).*

Сверчковъ. (*Одинъ*). Такъ вотъ какъ! и Раида Павловна замужъ... вышла... ну, выдетъ! Впрочемъ, вѣдь она еще Ѳерапонту Данилычу не дала слова-то. Неужели заставятъ насильно?.. Она же такая скромная, какъ бы, такъ кажется, не по немъ. Ну, да вѣдь ужь это, какая кому судьба, говорятъ! — А только жаль и грѣхъ, если такъ, что она не совсѣмъ съ полной охотой...

—

Агаѳья Степановна. Съ добрымъ утромъ, Геннадій Семенычъ! Полно-ка, полно! Ты и вѣришь всему, что тебѣ этотъ, прости Господи, пьяница наболталъ. Да, положимъ, и такъ—отъ тебя таиться не буду. Вчера я точно ходила къ Маврѣ Трифоновнѣ, и какъ старухи самой дома не было, то Раида мнѣ потихоньку открыла — тятенька, дескать, съ маменькой хотятъ меня выдать, но только, говоритъ, женихъ мнѣ не нравится. Кто же это, молъ, барышня, какъ его прозываютъ? Чу, Бронзовъ. Я тутъ ужь не выдержала, отрекомендовала его въ по-

Digitized by Google

номъ видѣ, вывела гуська на свѣжую воду. Неужьто ему, въ самомъ дѣлѣ, чужой вѣкъ заѣдать? Погубить дѣвушку изъ-за ради своего окаянства? Не попущу! Я ей и молвила: вотъ бы-де тебѣ, сударыня, женишокъ — скромный, великатный, ничего не пьетъ и ничего такого не знаетъ: уйдетъ на службу, и придетъ со службы. Да, чай, мать моя знаешь — Геннадій Семенычъ Сверчковъ? Такъ и закраснѣлася!—Вѣдь ты мнѣ не говорилъ, а я все вижу! все знаю! На этотъ счетъ нашу братью, женщину, не обманешь! Когда ты самъ съ собой говоришь, я, грѣшница, бывало, и подслушаю. Такъ ты не бойся! И ты ей, по всему видимо, не противенъ. Глазъ мой никогда меня не обманетъ. Нынѣче не такія времена, насильно не выдадутъ. Возьметъ, да упрется, и вся не-долга! И меня, было, тоже, когда я была еще дѣвушкой, сдумалъ-было тятенька силой: ну, уперлась, посидѣла дня два въ заперти, въ темномъ чуланѣ, а все-таки на своемъ же поставила.

Сверчковъ. Спасибо вамъ, Агаѳья Степановна, за ваши ко мнѣ ласки и попеченія. Однако мнѣ пора одѣваться. Надо къ Павлу Семенычу. То бѣда, Агаѳья Степановна, что я говорить-то не мастеръ... Какъ-то все робко... Ну, да въ обществѣ нигдѣ не бываешь, корпишь надъ однѣми бумагами, а наша рѣчь, на письмѣ, что за рѣчь? Вездѣ все по формѣ, — дѣло извѣстное.

Агаѳья Степановна. *(Любуясь Сверчковымъ).* Сведи-ка васъ, Господи, вмѣстѣ! Не желала бы для Раиды лучшаго женишка! *(Уходитъ въ дверь направо, а Сверчковъ идетъ за ширмы, одѣваться).*

СЦЕНА II.

Зала въ домѣ Тихомандрицкаго.

Раида, *(съ носовымъ платочкомъ въ рукѣ).* Папенька и маменька хоть бы вспомнили про то, за кого меня отдаютъ! Матушка-попадья, Агаѳья Степановна, — она не солжетъ — этакія ужасти вчера говоритъ! Съ Бронзовымъ, говоритъ, водиться просто бѣда... а тамъ и пошла, и пошла... Ужь чего не порасказала! Страшно только вздумать, да мнѣ, дѣвушкѣ, и нехорошо... стыдно. Я всегда была дочь почтительная, а теперь—что хотятъ родители—не могу. Ужь замужъ, такъ сыскали бы кого поскромнѣе, а то, слышите, какой разгуляй-молодецъ! Говоритъ басомъ, зовутъ Ѳерапонтъ. Этакое имя Ѳерапонтъ.

Digitized by Google

Что хорошаго? Да пусть бы онъ былъ Ѳерапонтъ, только бы да не что-нибудь такое. Съ позволенія сказать, то ли дѣло Сверчковъ? Зовутъ Геннадій: у насъ вонъ и Геннадія монастырь недалеко; вышла бы замужъ, вмѣстѣ бы пошли помолиться. А ужь скромница какой— надѣнь на него женское платье, не различишь, что не дѣвушка!

Сверчковъ, *(съ бумагами въ рукахъ, робко раскланивается)*. Раиса Павловна, это вы-съ?...

Раиса. Здравствуйте, Геннадій Семенычъ, а вамъ папеньку угодно?

Сверчковъ, *(конфузясь)*. Нѣтъ-съ... Мнѣ все равно-съ... Павелъ Семенычъ навѣрно скоро выдутъ-съ... такъ лучше... я лучше подождусь.

Раиса, *(тихо)*. Поздравьте меня, Геннадій Семенычъ, меня помолвили.

Сверчковъ. Честь имѣю... поздравить-съ!...

Раиса. Я бы могла еще и въ дѣвушкахъ пожить, Геннадій Семенычъ, то ли дѣло! А тамъ, Богъ знаетъ, что́ можетъ случиться: еще можетъ, и не на радость я выду.

Сверчковъ, *(порывается что-то сказать, кашляетъ и краснѣетъ)*.

Раиса. Ахъ, Геннадій Семенычъ, повѣрите ли? подай мнѣ, Господи, только силу...

—

Тихомандрицкій, *(тихо подкрадываясь)*. Та-та-та! *(Дочери)*. А на что тебѣ, сударыня, нужно силу? *(Сверчкову)*. Ты зачѣмъ сюда, лоботрясъ?

Раиса, *(вскрикивая)*. Папенька!

Сверчковъ. Павелъ Семенычъ...

Тихомандрицкій. Молчать! *(Дочери)*. Ахъ, ты злое коренье! Такъ вотъ оно что! Тебѣ силу нужно! Вы амуриться здѣсь сошлись? Заговоръ противъ отца составлять? Все понимаю! *(Сверчкову)*. Каковъ! Да, послѣ этого, я тебя, негодный сверчокъ, масломъ залью!

Сверчковъ. Павелъ Семенычъ... дѣла-съ...

Тихомандрицкій. За такія дѣла вашего брата... Да я тебя сегодня же отъ должности прочь!

Сверчковъ. Павелъ Семенычъ, ей-Богу-съ...

Раиса. Что это будетъ, Господи! Да, папенька...

Тихомандрицкій. Молчать, я сказалъ! *(Сверчкову)*. Да я тебя, разбойникъ ты эдакой, въ казематъ запрячу! Да я тебя на поселеніе въ Сибирь сошлю! Въ каторжную работу сошлю!

Digitized by Google

Сверчковъ. Ей-Богу, я не виноватъ, Павелъ Семенычъ...

Раида. Папенька, я одна во всемъ виновата!

Тихомандрицкій, *(дочери)*. Сказалъ! *(Сверчкову)*. Рудники тебя заставлю копать! Не будетъ отъ меня тебѣ мѣста на всей планидѣ земной!

Сверчковъ. Простите меня, Павелъ Семенычъ.

Тихомандрицкій. Бобыль ты безродный! вонъ! *(Сверчковъ быстро уходитъ)*.

—

Раида, *(горько плачетъ)*.

Тихомандрицкій. До чего я дожилъ, правосудный Боже! Въ моемъ собственномъ домѣ — дебоширство, развратъ! *(Дочери)*. Сейчасъ на хлѣбъ на воду, негодная — сказалъ!

Раида. Я и безъ того, папенька, мало ѣмъ-съ, какъ вамъ угодно-съ.

Тихомандрицкій. Не ѣшь? Нѣтъ, ты у меня будешь ѣсть, я заставлю; да надѣну еще на тебя затрапезное платье.

Раида. Вся ваша воля-съ.

Тихомандрицкій. Молчать, я сказалъ!...

—

Мавра Трифоновна. Ну, что такое? что ты кричишь, полоумный? мыла что ли объѣлся? что ты кричишь?

Тихомандрицкій. А ты чего бранишься? Не успѣла придти, и заругалась тотчасъ!

Мавра Трифоновна. Не ругаюсь я, тебѣ ничего не сказали! Что ты такъ раскричался? Пожаръ что ли въ домѣ; я, чай, можно потише! Привыкъ у себя въ палатѣ.

Тихомандрицкій. Въ правленіи.

Мавра Трифоновна. Все одно палата, полоумный, здѣсь не палата! Нѣтъ въ тебѣ никакой деликатности!

Тихомандрицкій. Да ты выслушай!

Мавра Трифоновна. Что тебя выслушать! Вѣчно вздоръ какой. День-деньской отъ тебя нѣтъ покою: полоумный и есть!

Тихомандрицкій. Да отстань ты отъ меня, Бога ради! Ты вотъ лучше обрати вниманіе *(указывая на дочь)*. Ей мы самолучшаго жениха пріискали, а она, сударыня моя, только губу воротитъ!

Digitized by Google

Мавра Трифоновна. Что?... что?... воротить? *(Дочери)*. Ты смотри: вѣдь я разомъ приворочу! — Вотъ такъ возьму, да по макушкѣ-то и щелкну!

Раида. Маменька, еслибы не одно, я бы не противорѣчила.

Мавра Трифоновна. Говори со мною явственно!

Раида. Я бы сказала вамъ, маменька, да нельзя-съ...

Мавра Трифоновна. Врешь, льзи! Я же вотъ не отстану; весь твой долгій языкъ вытяну, ты мнѣ скажешь. Ну, сейчасъ говори — отъ кого и что, что такое, расказывай!

Раида. Мнѣ, маменька, стыдно, я дѣвушка!

Мавра Трифоновна. Мнѣ какое тутъ дѣло, что дѣвушка? Ну?

Раида. Будто, Ѳерапонтъ Данилычь еще когда учился... тамъ я не знаю... такъ ужь такой былъ... Маменька, что хотите, ей-Богу, стыдно сказать!

Мавра Трифоновна. Да, ты мнѣ хоть матушку-рѣпку пой! Дурища ты безтолковая, вся въ отца... Такой былъ! Ну, понимаю! И къ этому снизойдти не умѣешь! Нѣчего — до свадьбы все заживетъ! Ты у меня, не люблю, не выфантывай! Ишь ты, прошу покорно! Дѣвку замужъ, дѣвка не хочетъ! Да какого тебѣ, прости Господи, еще лѣшаго надо, полоумная!

Тихомандрицкій. Я въ молодости былъ самъ заугаръ, женился— какъ отрѣзало.

Мавра Трифоновна. Врешь, врешь, и теперь въ тебѣ блохъ-то много!

Тихомандрицкій. Ужь какія, матушка, теперь блохи!

Мавра Трифоновна. Знаю. *(Дочери)*. Кто же это про Ѳерапонта Данилыча такъ наблаговѣстилъ?

Раида. Маменька, я забыла-съ.

Мавра Трифоновна. Ты передъ матерью еще запираешься?

Раида. Маменька, да, вѣдь, она мнѣ по секрету сказала.

Мавра Трифоновна. Кто же ближе тебѣ... я, али какая-нибудь? Коли такъ, я отъ тебя совсѣмъ отступлюсь!

Раида, *(со испугомъ)*. Маменька, погодите! Я сейчасъ вамъ открою все — только, пожалуйста, ей-то вы ничего не говорите!

Мавра Трифоновна. Ну, не скажу, ну?

Раида. Говорила мнѣ матушка-попадья...

Мавра Трифоновна, *(со азартомъ)*. Ахъ, она, прожженый стихарь! Натко ты, что выпустила! Вздумала смущать нашу дѣвку! Вотъ я дамъ ей зо́рю, погоди она у меня!

Раида. Маменька, какъ же вы...

Digitized by Google

Мавра Трифоновна. А такъ же: ступай теперь въ свою комнату, да занимайся дѣломъ, а я пойду къ попадьѣ. Я ей все вызвѣзжу! *(Мужу)*. Ну, а ты, что съ ноги на ногу топчешься, полоумный? чай, въ палату пора! *(Уходитъ, и вслѣдъ за нею Раида)*.

Тихомандрицкій *(одинъ)*. Ушла! Эка дура, баба, балалайка безструнная! Жаль, что не служитъ въ правленіи... Я бы ей внушилъ, что̀ значитъ дисциплина, субординація. Ходитъ тоже за церковную службу, а сказалъ ей какъ-то разъ, по божественному, что жена, молъ, такъ и такъ, «да боится своего мужа»: такъ, говоритъ, это такъ, не для насъ, говоритъ, это написано, да къ тому же я, говоритъ, не святая. Какая святая! чистая баба чёртъ, да еще и тотъ лучше, отъ того отойдешь хоть съ молитвою! Что для другихъ брань, то у ней простой общественный разговоръ! *(Пауза)*. Правильно гдѣ-то замѣчено, что жизнь — это море, преисполненное всѣхъ бурь и треволненій. Смолоду держали меня въ ежовыхъ рукавицахъ, всякія многоразличныя истязанія, всякія скорби я претерпѣлъ — только гдѣ ничкомъ, да ползкомъ, да съ христіанскимъ терпѣніемъ, — только это-вотъ одно помогло! — Непріятности на всякомъ шагу. Дочь давича тоже: не пойду, говоритъ, я за Бронзова. Дурища необыкновенная! Бронзовъ у своего отца одинъ перстъ, единственнѣйшій наслѣдникъ, а у батьки денегъ не менѣе иного уѣзднаго казначейства, а батька теперь чуть не на ладонъ ли, по старости своей, дышетъ! Богатую раскольницу какую-то, говорятъ, призрѣвалъ въ приходѣ своемъ, писалъ за православную... Ну, и оберестилъ! Извѣстно: кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ? *(Вздыхаетъ)*. Да, тяжело!... Развѣ вотъ не утѣшитъ ли чѣмъ нынѣшняя ревизія. Совѣтникъ-то, Поликарпъ Петровичъ, ко мнѣ благоволитъ... Да вѣдь и я, съ своей стороны, не только что его самого, а и жену, да и всѣхъ его дѣтей, въ день ли ихъ именинъ, али въ какой высокоторжественный праздникъ, завсегда къ нимъ съ презентомъ: не пожалуются! — Этто, третьяго дня, Поликарпъ Петровичъ, меня спрашиваетъ: нельзя ли, говоритъ, исправнику, на какомъ-нибудь основаніи, загнуть выговоръ? мнѣ, говоритъ, это нужно.— На свѣтѣ, молъ, нѣтъ ничего невозможнаго, а вотъ какъ секретарь. — Мы, говоритъ, имъ недовольны: слишкомъ много на себя онъ беретъ, много умничаетъ.—Тутъ ужь я не выдержалъ, сказалъ всю правду — какъ, намедни, будучи въ одномъ мѣстѣ, нашъ секретарь отозвался о Поликарпѣ Петровичѣ крайне грубо и неблагопристойно. Чтожь? Это не ябеда, не клевета; я исполнилъ мой долгъ... *(Смотритъ на часы)*. Пора въ правленіе!

Digitized by Google

СЦЕНА III.

(Въ квартирѣ Сверчкова).

Сверчковъ. *(Входитъ и бросаетъ бумаги на столъ).* Ну, инъ быть такъ, пропадай моя голова! Трудился, не цѣнили, Раидѣ Павловнѣ желалъ всего лучшаго на свѣтѣ... А теперь, что она? Идетъ за неволю, будетъ несчастлива, а я? Мнѣ ужь слѣдуетъ и подавно! Пропадай моя голова! Я съ Раидой Павловной, Павелъ Семенычъ, — это вздоръ, — не амурился! Гдѣ ужь намъ, дуракамъ-нищеплётамъ... Намъ и любить не приказано. Мы такъ, мы не люди!

—

Агаѳья Степановна. Геннадій Семенычъ, свѣтъ ты мой, да что съ тобою случилось?

Сверчковъ. Э! должно полагать, послѣдніе дни доживаю я, Агаѳья Степановна. Павелъ Семенычъ обѣщался со свѣту согнать. А за что? Увидѣлъ меня вмѣстѣ съ дочерью, подслушалъ нашъ разговоръ. Узналъ, что Раидѣ Павловнѣ замужъ не хочется!

Агаѳья Степановна. Ну, эка важность какая! Пусть его перебѣсится, такой же будетъ! Полно-ка, ничего, не бойся: и надъ столоначальникомъ есть начальникъ. Ты, чай, это насчетъ ревизіи... Да какъ же онъ тебя тутъ оклевещетъ? Придетъ главное начальство — руку-то увидитъ, замѣтитъ, кто все писалъ. И секретаря спросятъ, и секретарь, я думаю, не откажется. Тоже въ человѣкѣ душа, не всякъ безъ души. А и нынѣшній вашъ вицъ-губернаторъ — я слышала — самый во все входящій, вникательный. И ужь вотъ не беретъ, человѣкъ неинтересный! Этто небольшую стерлядочку принесли къ нему на поклонъ, такъ и тое, такой бездѣлицы не взялъ! А до того, покойникъ, Андрей Ѳедоровичъ, дай Богъ царство небесное, — съ кого лычко, съ кого ремешекъ, съ бѣднаго полтину, съ богатаго тысячу!

Сверчковъ. Ладно бы, Агаѳья Степановна, кабы люди были все безкорыстные.

Агаѳья Степановна. О Раидѣ тоже не безпокойся. Я поговорила, и еще поговорю — дамъ ей наставленіе какъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать: *упрись* только, по себѣ сужу. Нынче не такіе законы пошли, насильно не выдадутъ.

Сверчковъ. Чтоже мнѣ теперь дѣлать, Агаѳья Степановна, какъ вы мнѣ посовѣтуете?

Digitized by Google

Агаѳья Степановна. А помолись Богу, да и на службу, въ твое правленіе. Пойдешь мимо собору, зайди, опять помолись. А тамъ ужъ самому тебѣ на разумъ придетъ, какъ и что.

Сверчковъ. *(Молится).*

Агаѳья Степановна. Вотъ такъ, вотъ это, батюшко, хорошее дѣло!

Сверчковъ, *(собираясь).* Ну, теперь, Агаѳья Степановна, прощайте-съ!

Агаѳья Степановна. Пошли тебѣ Богъ твое благополучіе!

(Сверчковъ уходитъ).

СЦЕНА IV.

Зала въ домѣ Тихомандрицкаго.

(Раида и Аделаида Ивановна Чекмарева сидятъ у стола за самоваромъ и пьютъ чай).

Раида. Аделаида Ивановна, въ чемъ другомъ, а не въ этомъ, я бы не прекословила. . .

Аделаида Ивановна. Важность! Бывши мальчикомъ пошалилъ!

Раида. Для меня, Аделаида Ивановна, по крайности это важно.

Чекмарева. Обыкновенно, мужчина.

Раида. Этакаго мужчины мнѣ не надо, бываютъ мужчины всякіе.

Чекмарева. Что говорить!

Раида. Говорятъ, знавши.

Чекмарева. Ну, полно — гдѣ тебѣ, дѣвушкѣ, про все знать.

Раида. Не къ тому говорится. А вотъ, между нами, Сверчковъ. — Я — для примѣра. — Надѣть на него мое платье,—не различишь, что не дѣвушка: такой скромный.

Чекмарева. Эко дѣло, — не различишь! И что тутъ хорошаго. Мужчина долженъ быть какъ мужчина.

Раида, *(не слушая).* Будь Геннадій Семенычъ — богатъ, какая бы невѣста пошла! Присватался бы ко мнѣ — тотъ же бы папенька выдалъ.

Чекмарева. Охота тебѣ мечтать! Кабы я не вышла за своего мужа замужъ, натурально была бы я за другимъ. Что говорить: Брон-

Digitized by Google

зовъ, али Сверчковъ? Бронзовъ съ вольнымъ духомъ мужчина. Кабы мнѣ да такой...

Раида. Полноте, Аделаида Ивановна, переливать изъ пустаго въ порожнее.

Чекмарева. Да ты, послушай ты только, выдь замужъ, попробуй — я тебѣ какъ другъ говорю.

Раида. Выйдти за немилаго, а потомъ — судьбу проклинать.

Чекмарева. Гдѣ ты обо всемъ объ этомъ, въ какой книгѣ ты прочитала? Милые-то развѣ мужья называются. У замужней женщины — мужъ, а у дѣвушки милый кто такой? сама не знаешь... А ты спроси, — что тебѣ скажетъ моя опытность!

Раида. Противъ сердца своего, Аделаида Ивановна, никого не полюбишь.

Чекмарева. Особенно — не можешь, — не люби. А по чести и долгу — что слѣдуетъ. Я сама вышла замужъ — тебѣ примѣръ, то же ничего особеннаго, а мужу вѣрна; захотѣла отъ мужа, денегъ взяла; захотѣла — что сшила, захотѣла — пролакомила. Мужъ ничего, и живемъ мы, какъ сыръ въ маслѣ катаемся.

Раида. А по моему, Аделаида Ивановна, такъ — либо совокупная любовь, либо — ты, дѣвушка, не ходи совсѣмъ замужъ.

—

Тѣже и Мавра Трифоновна.

Мавра Трифоновна. Ну, что, Аделаида Ивановна, матушка, подается ли она на путь истины — родная моя?

Чекмарева. А вотъ, Мавра Трифоновна, — все уговариваю.

Мавра Трифоновна. Да за чѣмъ тебѣ ее уговаривать? полно, Аделаида Ивановна,—брось ты. Умная ты женщина, а связалась съ полоумной. (*Дочери*). Слышь, не доведи меня до грѣха. Отца съ матерью не послушаешь — я, вѣдь, тебя прокляну, полоумная...

Раида, (*бросаясь къ матери съ воплемъ*). Маменька, маменька — что̀ вы это маменька, я согласна!.. Господи, что̀ со мной? Согрѣшила я грѣшная!..

Мавра Трифоновна. (*Гладитъ дочь по головѣ*). Ну, полно же. Ишь ты, выдумала. Прокляну ли я тебя. Мать родная свое дѣтище проклянетъ, — что ты! Это къ слову; а согласна ты, веселымъ пиркомъ и за свадебку. Въ самомъ дѣлѣ, дѣвчищѣ семнадцатый годъ: пора, матка, замужъ! Я на шестнадцатомъ году вышла, а на семнадцатомъ, сына ужь Богъ даровалъ!

—

Digitized by Google

Тихомандрицкій, *(входя, женѣ)*. Бутылку шампанскаго!

Мавра Трифоновна. Что ты, полоумный!

Тихомандрицкій. Бутылку шампанскаго!

Мавра Трифоновна. Съ ума ты, видно, сошелъ — не по одежкѣ протянулъ ножки; пьешь и простое, дешевое, и то бы, дай Господи, на свѣтѣ перевелось!

Тихомандрицкій. Дурища ты необразованная. Поздравь мужа... въ секретари!

Мавра Трифоновна. Ну, полно же врать!

Тихомандрицкій. Сказалъ! Какъ передъ Богомъ, такъ и передъ тобой.

Мавра Трифоновна. Ну, а прежній-то куда жь подѣвался?

Тихомандрицкій. Въ сломку, стало-быть, подъ сукно, уволенъ въ чистую — такая съ нимъ кувыркъ-коллегія приключилась.

Мавра Трифоновна. Да, вѣдь, справедливый, добрый былъ — чтоже ты все городишь?

Тихомандрицкій. Былъ, да весь вышелъ; теперь я за него!

Мавра Трифоновна. Ну, не что, слава Богу! *(Мужу)*. Теперь только уговоръ пуще денегъ, смотри: прибыли у насъ будетъ больше — не съ одного стола, а съ цѣлаго множества, — такъ прошу пировъ не дѣлать, и доходовъ не прогуливать.

Тихомандрицкій. Слушаю, госпожа секретарша.

Мавра Трифоновна. То-то! Я, вѣдь, знаешь ты, шутить не люблю, не посмотрю на тебя, что ты секретарь: за ушко, да и на солнышко!

Тихомандрицкій. Ладно, ладно. Больно не кстати развоевалась. А ты бы лучше обняла да облобызала меня. Начальство свое вниманіе обращаетъ, а жена бранится!

Мавра Трифоновна. Не привыкла я лизаться-то, да при другихъ лицемѣрить. На все часъ и мѣсто; мы, чай, Богомъ вѣнчанные, не какіе-нибудь.

Тихомандрицкій. Резонъ. *(Дочери)*. Ну, а ты что, дочь непокорная?

Мавра Трифоновна. Вздоръ, она покорилась.

Тихомандрицкій. Дѣло. *(Женѣ)*. Я и позабылъ тебѣ сказать еще новость: Бронзовъ занялъ мой стулъ.

Марья Трифоновна. Говори явственно!

Тихомандрицкій. Опредѣленъ замѣсто меня столоначальникомъ.

Мавра Трифоновна. Отъ часу не легче! Ахъ, вы, полоумные!

Тихомандрицкій. Тсъ! Ну, теперь, жена, поди-ка сюда!

Digitized by Google

Мавра Трифоновна. Ой ужь твои мнѣ секреты! Надоѣлъ со вздоромъ. (*Подходя къ мужу*). Ну, что? ну, что?

Тихомандрицкій. (*Тихо*). Можно будетъ Бронзову дома-то не давать, да и деньгами ему развѣ на платье. Я скажу, что это мѣсто онъ черезъ меня получилъ.

Мавра Трифоновна. А кто же за него хлопоталъ?

Тихомандрицкій. Да никто. Я думаю, вице-губернаторъ узналъ, что Бронзова отецъ — этакой почтенный протоіерей, ну и заблагоразсудилъ сдѣлать сыну его приличное повышеніе.

Мавра Трифоновна. Ой вы мнѣ, полоумные!

Тихомандрицкій. Тсъ!

Мавра Трифоновна. Нѣчего тсыкать-то, я не собака!

Тихомандрицкій. Ты молчи же, до времени.

Мавра Трифоновна. Пошелъ, убирайся!

—

Бронзовъ, (*въ полголоса*). А, чёртъ возьми, здѣсь и самоваръ на столѣ! значитъ есть къ чему придраться, выпить чайку съ прибавленьецемъ — можно! (*Обращаясь ко всѣмъ*). Миръ дому сему!

Раида. (*Про себя сквозь слёзы*). Экой женихъ, трезвымъ не видывала!

Тихомандрицкій. Ну, Ѳерапонтъ Данилычъ, вы нынѣче въ правленіи не были, и не знаете, стало-быть, всѣхъ нашихъ новостей?

Бронзовъ. Чего-съ? А вы подождите. Я хошь, Павелъ Семенычъ, въ присутствіи не былъ, да въ городѣ есть такой клубъ, собрались тамъ наши правленскіе, и мнѣ все разсказали.

Тихомандрицкій. Какъ же такъ?

Бронзовъ. Слушайте. Сижу я за особымъ столомъ, провожаючи холостую жизнь. — Раида Павловна, не тревожьтеось! — Входятъ наша братія-писатели: Груздевъ, Аѳонскій и Аристовъ. Слышалъ новость, говоритъ мнѣ Аѳонскій, — Павелъ Семенычъ у насъ секретарь, а ты, замѣсто его—столоначальникъ. Наше мѣсто, молъ, свято! Павелъ Семенычъ совсѣмъ и служить не хотѣлъ, а я вѣчно непремѣнный членъ одного здѣшняго заведенія! Нужды нѣтъ, говоритъ Аѳонскій, я былъ въ это время въ залѣ присутствія и слышалъ своими ушами, какъ вице-губернаторъ дѣлалъ всѣ назначенія... Тутъ я кое-что смѣтилъ, да это въ сторону. Хорошо-съ! Тотъ же часъ мы, по обыкновенію своему, дружно выпили, и пошло все такое.

Тихомандрицкій. Правда, Ѳерапонтъ Данилычъ, сущая правда. Я дѣйствительно хотѣлъ-было подать въ отставку, да самъ вице-

Digitized by Google

губернаторъ упросилъ, и поощрилъ высшей должностью. Въ такомъ случаѣ, говорю, ваше высокородіе, позвольте мнѣ замолвить словечко за г. Бронзова; сегодня онъ не пришелъ, по болѣзни, но, независимо отъ этого, заслуживаетъ всегда особенной похвалы: лучшаго преемника себѣ я не желалъ бы. Вы, говоритъ, хвалите, и довольно. Онъ, говоритъ, будетъ на вашемъ мѣстѣ.

Бронзовъ. (*Садясь къ столу*). Будемъ говорить лучше дѣло. Павелъ Семенычъ, съ прибавленьецемъ нельзя ли?

Тихомандрицкій. (*Приноситъ бутылку съ ромомъ, и ставитъ ее на столъ*). Самый лучшій, ямайскій.

Бронзовъ. Этакъ лучше. Будемъ разсуждать теперь насчет свадьбы. Вы мнѣ обѣщали, Павелъ Семенычъ, за Раидой Павловной домъ, да тысячу деньгами?

Тихомандрицкій. Да, но... это, Ѳерапонтъ Данилычъ, вдругъ нельзя же — надобно напередъ домъ очистить, да и деньги — прошу васъ разсрочить мнѣ по частямъ. Вы желаете со мной породниться, любите мою дочь — стало-быть, другъ друга мы не обидимъ?

Бронзовъ. (*Дѣлаетъ пуншъ*). Что Раида Павловна хороша, непреложно. Лучше жены мнѣ не надо... Ну, да мы это — въ сторону. Я, вотъ, пришелъ, вижу пуншъ на столѣ... то-есть самоваръ, а рому я спросилъ у васъ послѣ — ну, и разговорился. А то бы я прямо... Видите, я сегодня маленько въ куражѣ, за неимѣніемъ денегъ, шинельку свою въ ученье пустилъ... Раида Павловна не тревожьтесь! Этакая жена, какъ вы... Да не о женѣ рѣчь! Некогда этимъ заниматься (*пьетъ пуншъ*). Я вамъ, господа, всѣмъ по душѣ открою, — какъ я давича побывалъ въ этомъ клубѣ, да съ нашими правленскими разгулялся: нѣтъ, думаю себѣ, погоди, рано! не въ ту сторону вѣтеръ дуетъ; придетъ пора, поѣдемъ со двора, а теперь посидимъ у моря, да подождемъ погодки. Я за тѣмъ собственно, Павелъ Семенычъ, и пришелъ къ вамъ, чтобы извиниться. Я вамъ, по душѣ, — жаль съ холостою жизнью мнѣ разстаться!

(*На лицѣ Раиды замѣтно непритворное удовольствіе, въ то время какъ ея родители сильно волнуются*).

Тихомандрицкій. Ѳерапонтъ Данилычъ, вы шутите, али въ самомъ дѣлѣ?

Бронзовъ. Ретивое заговорило, Павелъ Семенычъ.

Тихомандрицкій. Да, послушайте однакожь... можетъ-быть вамъ наши кондиціи не нравятся — такъ мы ихъ перемѣнимъ.

Бронзовъ. Желаю дѣвства, Павелъ Семенычъ, и больше ничего!

Тихомандрицкій. Такъ я долженъ, сударь, напомнить вамъ...

Digitized by Google

какъ старшій... какъ отецъ... въ качествѣ будущаго секретаря... что это крайне нехорошо, что это... обманъ!

Бронзовъ. *(Допивая пуншъ).* Невѣсткѣ на отместку — вотъ теперь мы съ вами и квитъ! Вы сказали, что просили за меня вице-губернатора — а онъ до того еще, будь не простъ, свистнулъ къ отцу, что испечетъ меня въ столоначальники. Вонъ оно! *(Подаетъ Тихомандрицкому письмо).* Сегодня получено, только жаль, что не съ приложеніемъ. Впрочемъ, вышлетъ не-вдолгѣ. Батька пишетъ, что переписка-то съ нашими нàбольшими его *(указывая на карманъ)* пообрезонила.

Тихомандрицкій, *(возвращая Бронзову письмо, съ нѣкоторымъ смущеніемъ).* Да... все это правда... однакоже, клянусь вамъ честью, что и я въ свою очередь много просилъ за васъ.

Бронзовъ. Оставимъ астрономамъ доказывать, Павелъ Семенычъ... Раида Павловна, трубочку прикажите! *(Раида уходитъ, и поспѣшно потомъ возвращается).*

Тихомандрицкій. Чтòже, Ѳерапонтъ Данилычъ, положительно вы отказываетесь?

Бронзовъ, *(не говоря ни слова, снимаетъ со стѣны гитару и начинаетъ играть; въ это время появляется Ипокренскій, безпрестанно кланяющійся всѣмъ въ поясъ).*

Тихомандрицкій *(Ипокренскому).* Что тебѣ нужно?

Ипокренскій. Давича ихъ высокородіе при вашемъ высокоблагородіи изволили сказать, что насчетъ ревизіи, какое, то-есть, будетъ ихъ распоряженіе по нашему столу, приказали узнать отъ вашего высоблагородія.

Тихомандрицкій. Велѣно тебя зачислить на старшій окладъ. *(Ипокренскій кланяется въ землю).* Пошелъ же вонъ!

Ипокренскій *(пятится назадъ).*

Бронзовъ. Ипокренскій, пляши!

Ипокренскій *(въ смущеніи).* Ѳерапонтъ Данилычь, мое дѣло здѣсь подвластное... мнѣ какъ позволятъ-съ. *(Робко взглядываетъ на Тихомандрицкаго, который, съ досады, ерошитъ свои волосы).*

Бронзовъ. Я позволяю. На водку дамъ. Впрочемъ, ты не пьешь, ну такъ все равно — дѣтямъ на рубашки. *(Тихомандрицкому).* Павелъ Семенычъ, вмѣстѣ! *(Играетъ плясовую и притопываетъ).*

(Тихомандрицкій отворачивается въ сторону, Мавра Трифоновна плюетъ).

Бронзовъ. Да ну, Павелъ Семенычъ, алѐ-маршъ! *(Ищетъ въ карманѣ денегъ).* Кой чёртъ, неужьто опять! Здѣсь нѣтъ! и здѣсь нѣтъ! и выходитъ, что нигдѣ нѣтъ? Вотъ тебѣ и на! Послѣдніе пять

Digitized by Google

рублей, на что я надѣялся, больше чѣмъ на самого себя... Да дьяволъ ихъ побери! (*Съ азартомъ*). Голову свою продамъ, а денегъ добуду! (*Искоса посматриваетъ на Раиду и Тихомандрицкаго*).

Тихомандрицкій. (*Видя, что Ипокренскій все не уходитъ*). Пошелъ же вонъ, я сказалъ!

Бронзовъ (*Ипокренскому*). Погоди!

Ипокренскій. Я въ прихожей обожду-съ.

Бронзовъ (*выпиваетъ залпомъ стаканъ рому и потомъ подходитъ къ Тихомандрицкому*). Павелъ Семенычъ, вѣдь это я все нарочно... Ей-Богу, нарочно!... А я человѣкъ—слову своему слуга, меня въ ступѣ не утолчешь! Я, пожалуй, въ удостовѣреніе росписку дамъ... я, нижеподписавшій, симъ обязуюсь и клянусь, что женюсь... Да что же вы, чёртъ возьми, ничего не говорите? (*Становится на колѣни*). Дайте же мнѣ... какъ оно... благословеніе ваше!

Тихомандрицкій. Ѳерапонтъ Данилычъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ не шутятъ.

Бронзовъ. Въ первый и послѣдній разъ... благословите!

Тихомандрицкій, (*послѣ нѣсколькихъ минутъ притворнаго колебанія, говоритъ Бронзову*). Богъ васъ проститъ! (*Бронзовъ встаетъ*). Раида, поди сюда!

(*Раида медлитъ, Мавра Трифоновна ее подталкиваетъ; наконецъ Тихомандрицкій, потерявъ всякое терпѣніе, самъ подводитъ ее къ Бронзову и обоихъ благословляетъ*).

Тихомандрицкій, (*торжественно*). Дѣти мои, будьте счастливы! Мавра Трифоновна, теперь ваша очередь.

Мавра Трифоновна, (*Бронзову и Раидѣ*). Ну, живите съ Богомъ!

Бронзовъ, (*про себя*). А не закинуть ли теперь насчетъ десяти, или пятнадцати? Нѣтъ, покуда подожду... мое не уйдетъ!... А повеселиться можно! (*Обращаясь къ родителямъ невѣсты*). Такое событіе, въ жизни случившееся... можно выпить и поплясать.

Тихомандрицкій. Ну, ужъ такъ и быть.

Мавра Трифоновна. Теперь... зять...

Бронзовъ, (*наливаетъ рому, одинъ стаканъ беретъ самъ, а другой подноситъ Тихомандрицкому*). Освѣжитесь!

Тихомандрицкій. Крѣпко, сынокъ... Ну, да ужъ такъ и быть.

Бронзовъ. За здоровье того, кто любитъ кого! Раида Павловна—ваше! (*Пьютъ*). За будущее наше благоденствіе и потомство!

Digitized by Google

Бронзовъ (*кричитъ Ипокренскому, который прячется за дверями*). Эй, ты, скоморохъ, сюда!

Ипокренскій, (*появляясь*). Что, сударь, прикажете?... (*Начинаетъ всѣмъ кланяться*). Съ начатіемъ дѣла имѣю честь васъ поздравить-съ! Дай Богъ, во святой часъ!

Бронзовъ (*подноситъ Ипокренскому рому*). Ну, свищи!

Ипокренскій. Ѳерапонтъ Данилычъ, сами изволите знать, я не пью-съ.

Бронзовъ. Совсѣмъ растерялся. (*Настраиваетъ гитару*). Ипокренскій, валяй въ присядку, тесть приказалъ!

(*Ипокренскій взглядываетъ на Тихомандрицкаго, тотъ молча киваетъ головой въ знакъ согласія; Бронзовъ начинаетъ играть, Ипокренскій пляшетъ*).

Бронзовъ, (*въ умиленіи*). Вотъ оно! Вотъ оно! Такъ за сердце тебя и хватаетъ! Душа радуется! Не могу, не я пляшу, ноги пляшутъ! Тесть, вмѣстѣ! (*Схватываетъ Тихомандрицкаго подъ руку, и пляшетъ. Въ это время показывается въ дверяхъ Сверчковъ*).

Бронзовъ, (*увидѣвъ Сверчкова, выпускаетъ руку Тихомандрицкаго и подбѣгаетъ къ первому навстрѣчу*). Геннаша, братъ, поздравь! Женюсь на Раидѣ... на Раидѣ Павловнѣ!

Сверчковъ, (*измѣнясь въ лицѣ, говоритъ шепотомъ*). Ра... радуюсь!

Тихомандрицкій (*Сверчкову*). Ты, видно, о судьбѣ своей пришелъ узнать. Ну, благодари Бога, что я сегодня былъ въ духѣ: оставлянешься ты на службѣ... Ну, чего жь тебѣ еще болѣе нужно? Я вотъ теперь секретарь, за почтительность передъ своимъ начальствомъ; Ѳерапонтъ Данилычъ — столоначальникомъ, изъ уваженія къ его престарѣлому отцу, заслуженному протоіерею; Ипокренскій—на старшій окладъ... Ну, онъ хоть у насъ, надо правду сказать, и глупъ, и дуракъ, да господа его любятъ, многіе почтенные люди старались за него. Прочимъ всѣмъ? — вице-губернаторъ приказалъ объявить «хорошо, а будемъ надѣяться, что со временемъ еще будетъ лучше». Ну, теперь все слышалъ, пошелъ!

Сверчковъ, (*едва держась на ногахъ*). Всѣ съ повышеніемъ-съ... только я одинъ... ничего-съ!... изъ-за чего-съ?!.. (*Показывая на грудь*). У меня вотъ грудь-съ... (*Движеніе Тихомандрицкаго*). Я... ничего-съ!.. Прощайте, Павелъ Семенычъ!.. (*Уходитъ*).

Раида, (*внѣ себя*). Родители, дѣлайте теперь со мной что хотите... хоть проклините меня, но я теперь никогда... ни за кого... ни за что не пойду!

(*Общее недоумѣніе*).

Digitized by Google

СЦЕНА V.

(Дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ Сверчкова, спустя нѣсколько дней послѣ того, что случилось.)

Сверчковъ лежитъ, больной, на кровати; около него сидитъ Агаѳья Степановна.

Сверчковъ. О, Господи помилуй!

Агаѳья Степановна. Ненаглядное мое дитятко, все-то ты у меня скорбишь, да стонешь! Когда же намъ батюшка-Господь вышлетъ такую свѣтлую радость, и настанетъ во святой часъ твое облегченіе?

Сверчковъ. Нѣтъ, Агаѳья Степановна, не безпокойтесь! для меня... лучше... смерти... не будетъ!

Агаѳья Степановна. Что ты это, моя душенька, этакія богопротивныя слова говоришь! Бываютъ чудеса, что и мертвые изъ гробовъ своихъ выходили, а ты еще живой человѣкъ, живые люди не умираютъ!

Сверчковъ. Мнѣ бы, Агаѳья Степановна, какъ-нибудь... только бы... до городскаго лазарета добраться.

Агаѳья Степановна. Господь съ тобою, голубочикъ мой сизый! Натко ты, какое дѣло задумалъ! Да, вѣдь, въ лазаретъ отвозятъ лишь тѣхъ, самыхъ однихъ безнадежныхъ; тамъ ужь какъ разъ повершатъ!

Сверчковъ. Къ одному концу. Тамъ бы меня похоронили на казенный счетъ... ну, и содержаніе тоже — готовое... А здѣсь... только лѣчишься попустому... пролѣчишь всѣ деньги... и одежу пролѣчишь... Ничего не останется... И попъ-то меня не пойдетъ отпѣвать, какъ узнаетъ, что покойникъ-то голый... и на поминъ-то души не останется!

Агаѳья Степановна. Брось ты, говорю я тебѣ, всѣ эти зловредныя мысли твои, и не ссорься со мной. Одежа твоя у меня заперта, намъ она не понадобится, доколѣ ты здравъ не будешь — тогда я выряжу тебя сама словно куколку. Жалованье твое, напрасно боишься ты, никто у тебя не отыметъ. Я сама пойду, до самого генерала дойду, кинусь въ ноги, да выпрошу, чтобы не могли лишить тебя твоего царскаго жалованья. Не они даютъ, а самъ царь тебѣ даруетъ. Богъ дастъ, выздоровѣешь — заслужишь. А насчетъ своего содержанія, и думать ты не моги: за всю твою хворость, сколько ты пролежишь, не надо мнѣ ни за что ни копѣйки.

Digitized by Google

Сверчковъ. За чѣмъ же это... Я такъ не хочу... Агаѳья Степановна... я тоже еще покуда не нищій, а вы люди... не богатые.

Агаѳья Степановна. Ты не хочешь, да я хочу. Твое дѣло больное, подначальное.

Сверчковъ. Вы, вѣдь, мнѣ не родная...

Агаѳья Степановна. Нужды нѣтъ. Мнѣ за тебя Богъ отдастъ: Онъ, чай, побогаче тебя.

Сверчковъ. За что это вы такъ привязались ко мнѣ, Агаѳья Степановна... этого я... не заслужилъ...

Агаѳья Степановна. А за то, что ты сирота, добрый человѣкъ, вотъ и все. Вотъ и мой единоутробный сынокъ, Андрюшенька, тамъ въ полку на границѣ, коли, чего Боже сохрани, когда захвораетъ, и ему тоже Господь пошлетъ этакую же какую-нибудь старушенку какъ я; вотъ тогда мы и квитъ.

Сверчковъ. Хотѣлось бы только мнѣ одного...

Агаѳья Степановна. Радость ты моя—только вымолви. Самоварчикъ ли тебѣ согрѣть, горяченькаго чайку испить? я согрѣю. Али, можетъ, покушать чего, изъ этакой легонькой пищи не желательно ли?

Сверчковъ, (*не слушая.*) Хоть бы однимъ глазкомъ взглянулъ на нее... ну, да и... и закрылъ бы ужь ихъ потомъ... да и не открылъ бы...

Агаѳья Степановна. Знаю, знаю, это все ты, чай, по Раидѣ. Была я у нихъ, ходила вчера къ нимъ два раза. Пришла, да невѣстѣ твоей шепкомъ: ну, молъ, барышня, больно разнемогся у меня мой прекрасный царевичъ, и еще кое-что молвила. Какъ она, голубушка моя, вся затрепещется. Агаѳья Степановна, говоритъ, пусть меня судитъ Богъ и добрые люди, а только сердце мое больше не терпитъ, я къ нему побываю, повидаюсь съ нимъ хошь въ послѣдній разъ. (*Живо*). Это къ тому она сказала, что... хочетъ въ монастырь идти. И собралась-было совсѣмъ, да на ту пору пришли въ домъ родители, а кухарка-шельма, подслушавши, и дохни имъ про все, какъ мы промежъ себя разсуждали. Всполошились родители, напустились на меня, старуху. Такъ ты, говоритъ, опять съ переводами, опять сомущать нашу дѣвку. Вонъ, и впередъ сюда ни ногой. Я, было, сначала оправдываться, что яичнаго мыльца, молъ, принесла—барышнѣ мыться. Нѣтъ-ста, никакихъ резоновъ не принимаютъ! А дочка, словно истуканчикъ какой, стоитъ моя бѣдная горлинка, ни жива, ни мертва. Ужь они ее послѣ и приняли: ты, говоритъ, свой дѣвическій стыдъ позабыла, да еще, окромѣ того, за всѣ наши родительскія о тебѣ попеченія ты хочешь, чтобы всѣ видѣли, да знали,

Digitized by Google

да въ лицо намъ плевали. Коли такъ, знаемъ, говоритъ, что̀ теперь съ тобой дѣлать: отдадимъ мы тебя, противъ воли твоей, за приказнаго-старичишку, круглый годъ на одномъ горохѣ сидитъ, во фризахъ ходитъ, клюкой подпирается. Ты, говоритъ, заблудшая овца, говоритъ, ты, говоритъ, того и гляди, отцу-матери сраму надѣлаешь... Она, такъ, сердечная, сначала зарумянилась, потомъ стала — словно вешній снѣгъ, да какъ зальется слезами, горько, горько, инда у меня сердце взныло и ноженьки мои подкосились. Однакоже я бываю подчасъ сама горяча: какъ только оправилась, я себѣ сыскала для нихъ отвѣтъ; за барышню, да за честь свою я вступилась; нѣчего, произнесла имъ мою благодарность!

Сверчковъ. Напрасно вы объ этомъ... Агаѳья Степановна... мнѣ разсказывали... Впрочемъ... нѣтъ, ничего-съ... хорошо ли... худо ли... только бы хоть какая-нибудь... вѣсточка.

Агаѳья Степановна, *(глядя въ окно.)* А вонъ къ намъ и нашъ новый дохтуръ идетъ; я старому отказала, нечто̀ непутный какой, а вотъ этотъ, такъ просто — его лучше нѣтъ!

—

Бѣдаревъ. Добраго здоровья!

Агаѳья Степановна, *(кланяясь.)* Батюшка, Захаръ Алексѣичъ, я ужь васъ заждалася.

Бѣдаревъ. Г-мъ? А я все утро прошатался на рынкѣ, годовую препорцію капусты заготовлялъ... Вы еще не рубили?

Агаѳья Степановна. Не рубили... Больной-то у меня все долго не поправляется! Нельзя ли бы намъ какъ поскорѣй?

Бѣдаревъ, *(не слушая.)* Червь поѣлъ всю капусту, такая дороговизна, приступу нѣтъ.

Агаѳья Степановна. Ну, Богъ съ ней...

Бѣдаревъ. Нельзя же безъ варева, оно главное укрѣпленіе человѣку.

Агаѳья Степановна, *(не слушая.)* Нынѣшнюю ночь въ немъ такое распаленіе было: бредилъ все, да стоналъ.

Бѣдаревъ. Вотъ и Кузьма Андреичъ окончилъ тоже свое земное поприще.

Агаѳья Степановна, *(подмигивая однимъ глазомъ Бѣдареву.)* Ну, чтоже, батюшка, живутъ люди и умираютъ люди. Не всякая болѣзнь къ смерти. А Кузьма Андреичъ—наиболѣе отъ старости нездоровъ былъ и своей жизни *рѣшился*.

Digitized by Google

Бѣдаревъ. Что вы, Агаѳья Степановна, Господь съ вами: человѣкъ былъ еще, что̀ называется, въ самомъ соку.

Агаѳья Степановна, *(растерявшись.)* Такъ... какъ же онъ... такъ случилось... *(Поправляясь).* Ну, да знать плохо лѣчили.

Бѣдаревъ. Слѣдовало кровь пустить. Нынѣшніе лѣкаря всѣ противъ крови: но я учился у старинныхъ докторовъ, тѣ были коренаго образованія, доктора настоящіе.

Агаѳья Степановна, *(съ заботливостію.)* А нашему этого не нужно?

Бѣдаревъ. Чего-съ?

Агаѳья Степановна. А кровь отворить?

Бѣдаревъ. А вотъ завтра увидимъ. *(Сверчкову).* Что̀ вы изволите чувствовать?

Сверчковъ. Весь я... нездоровъ.

Бѣдаревъ. Нѣтъ, ужь вы скажите пообстоятельнѣе. Вмѣстѣ все быть не можетъ: потому въ медицинѣ разныя болѣзни насчитываются, и отъ каждой составляется свой медикаментъ.

Сверчковъ. И грудь, и бокъ... болитъ-съ... и кашель-съ... и какъ-будто бы... лихорадка...

Бѣдаревъ. Какъ вы полагаете, отчего это съ вами случилось?

Сверчковъ. Да я... право... не знаю.

Агаѳья Степановна *(Бѣдареву).* Отъ больно большихъ занятій, да отъ душевныхъ разстройствъ, мой батюшка, все произошло, скажу правду.

Бѣдаревъ. Надо вамъ прежде всего успокоиться.

Агаѳья Степановна. Легко это сказать, Захаръ Алексѣичъ! Въ томъ-то и дѣло, нѣтъ ли у васъ такого лѣкарствеца, чтобы голубчикъ мой рѣшительно обо всемъ позабылъ, будто бы только снова родился.

Бѣдаревъ. Ну, такихъ медикаментовъ мы не имѣемъ-съ.

Агаѳья Степановна. Такъ ужь какъ-нибудь и безъ нихъ нельзя ли намъ обойдтись.

Бѣдаревъ. А вотъ я пришлю вамъ ужо микстуру. Принимайте ее по стакану: утромъ, въ полдень, въ вечерни и на ночь.

Агаѳья Степановна. Насчетъ пищи какъ вы дозволите?

Бѣдаревъ. Кислаго и соленаго не употреблять.

Агаѳья Степановна. Стало-быть, и лимончику съ чайкомъ не годится?

Бѣдаревъ. Лимонъ можно, это растеніе. Если же они вкуша-

Digitized by Google

ютъ крѣпкіе напитки, то пусть пьютъ простое, императорское, а виноградное вино воспрещается.

Агаѳья Степановна. Нѣту, мой батюшко, не пьетъ онъ у меня ничего — ни простаго, ни императорскаго.

Бѣдаревъ. Такъ помните же: утромъ, въ полдень, въ вечерни и на ночь!

Агаѳья Степановна. Слышимъ, родной, не забудемъ!

Бѣдаревъ. Ну, такъ до свиданья. Завтра зайду. Богъ милостивъ — само собою все возстановится. *(Уходитъ).*

(Пауза).

Агаѳья Степановна. *(Со вздохомъ).* Уходили тебя, мое дитятко, злые люди.

Сверчковъ. Ну, Агаѳья Степановна, Богъ съ ними!.. Коли кто виноватъ, Онъ съ того взыщетъ, а наше дѣло... Богъ съ ними! Такая наша судьба... всѣхъ сиротъ... трудись... служи... да... и умри!

Агаѳья Степановна. Полно же, свѣтикъ мой, не тужи, — слышалъ, докторъ сказалъ, что, молъ, все возстановится!

Сверчковъ. Агаѳья Степановна... меня... ко сну что-то клонитъ.

Агаѳья Степановна. И очень я рада: этакимъ образомъ, не замѣтно, дастъ Богъ сонъ, всю болѣзнь соспишь. Пожалуй, скажу тебѣ сказочку, а не то замолчу, какъ изволишь.

Сверчковъ. Нѣтъ, ужь позвольте... я такъ усну... родная моя... Агаѳья Степановна.

Агаѳья Степановна. Ну, Господь съ тобою, мой ангелъ.

(Сверчковъ засыпаетъ; Агаѳья Степановна осторожно и заботливо отгоняетъ отъ него мухъ).

—

Бронзовъ, лѣкарь и экзекуторъ.

(При видѣ ихъ, хозяйка дѣлаетъ знакъ, что больной спитъ. — Разговоръ въ-полголоса).

Бронзовъ, *(ведя лѣкаря подъ руку).* Лѣкарь, мнѣ чтобы вотъ что... тамъ, какъ хотите... а мнѣ чтобы онъ вылѣченъ былъ! Лѣчи на мой счетъ!

Лѣкарь. Я радъ пособить, если можно.

Бронзовъ. Врешь, дудки. «Если»—въ сторону. Знаю, что можно. На то ты лѣкарь, чтобы вылѣчивать.

Лѣкарь. Я не Богъ.

Digitized by Google

Бронзовъ. Старая, братъ, пѣсня. Богъ сотворилъ человѣка, а ты, лѣкарь, жалованье получаешь — лѣчи. Не хочешь ли водочки? *(Вынимаетъ изъ кармана полу-штофъ).*

Лѣкарь, *(улыбаясь)*. Я ужь закусилъ.

Бронзовъ. Ты, братъ, не въ меня. Я такъ и передъ закуской, и послѣ закуски, и утромъ я рано, и вечеромъ поздно — таковъ ужь я постоянный, стало-быть, человѣкъ.

Лѣкарь. Смотрите, Ѳерапонтъ Данилычъ, наживете вы себѣ водяную.

Бронзовъ. А мнѣ, чёртъ съ ней. Водяная сама по себѣ, а водка сама по себѣ, а Бронзовъ самъ по себѣ. Насылай на меня что ты хочешь, а все-таки я не отстану, свой характеръ выдержу. Пей — душа мѣра. Двухъ смертей не будетъ, одной не миновать. *(Пьетъ)*. Такъ-то! *(Экзекутору)*. Ну-ка, фарисеевской закваски, Лука Иванычъ.

Экзекуторъ. Извините, не могу!

Бронзовъ. Была бы честь приложена, а отъ убытку Богъ избавилъ. Послушайте, лѣкарь! Вотъ у насъ Сверчковъ Геннадій захворалъ, а я съ горя запилъ. Ей-Богу, и въ присутствіе не хожу — остановились дѣла. Я безъ Геннадія какъ безъ рукъ — трехъ перечесть не умѣю... Зачѣмъ, коли такъ, я пойду? Разсудишь такимъ образомъ, да и маршъ въ заведеніе.

Лѣкарь. Вы не знаете *(указывая на Сверчкова)* что съ нимъ такое?

Бронзовъ. А, правду тебѣ сказать, — земля наша велика и обширна, а порядку въ ней нѣтъ: въ столѣ нашемъ, изволите видѣть, сидѣло насъ шестеро, только всѣ никто ничего; вотъ Геннадій Сверчковъ везъ-везъ на себѣ цѣлый возъ, да и того-съ... Складно ли сказано?

Агаѳья Степановна, *(подходя къ лѣкарю)*. Да еще, батюшка, сердечные недуги къ тому же совокупились.

Бронзовъ, *(Агаѳьѣ Степановнѣ)*. Что ты — врешь, али вправду?

Агаѳья Степановна. Я лжи не причастна!

Бронзовъ. Да любовныя обстоятельства—это вздоръ, а главное, подкузмила Сверчкова служба. И предшественникъ его отъ занятій умеръ, и передъ предшественникомъ его который сидѣлъ — и тотъ отправился къ отцамъ, восвояси. Все это случилось не вдолгѣ, въ царствованіе нашего отца-командира, Павла Семеныча... Ну, тоже, слѣдовало бы поощрить... А замѣсто того, умные люди распорядились — пошлаго дурака перевели на старшій окладъ, а Сверчкову — по усамъ текло, въ ротъ не попало.

Агаѳья Степановна *(Бронзову)*. Больно онъ по Раидѣ-то все убивается... да ты не говори!

Digitized by Google

Бронзовъ. Ба! ба! ба! Такъ вотъ оно что! То-то она сначала мнѣ слово дала, а потомъ, чёртъ возьми, вдругъ отказала: пусть, говоритъ, отъ отца, да отъ матери буду анаѳема, только не замужъ, а въ монастырь. Ну, да теперь ничего, батька деньги мнѣ выслалъ, пусть ее тамъ душу спасаетъ; спасибо, что развязала.

Сверчковъ, *(просыпаясь)*. Господи, какая тоска!

Экзекуторъ, *(подходя къ Сверчкову)*. Геннадій Семенычъ, къ вамъ записка отъ нашего г. Асессора.

Сверчковъ *(дрожащими руками распечатываетъ письмо)*. Что это... Боже мой!... *(Читаетъ)*. «Любезный Сверчковъ! Исправляя въ настоящее время должность совѣтника 1-го отдѣленія, по случаю увольненія сего послѣдняго, за болѣзнью, я успѣлъ собрать положительныя свѣдѣнія о неутомимыхъ занятіяхъ вашихъ по службѣ; нашлись добрые люди, которые и объ васъ замолвили доброе слово и расказали мнѣ подробно, кто вы такой. Весьма сожалѣю, что я не присутствовалъ при послѣдней ревизіи, находясь въ то время въ командировкѣ. Во всякомъ случаѣ я васъ не оставлю, и буду ходатайствовать о повышеніи вашемъ, чего вы вполнѣ заслуживаете. Зная, что больной особенно нуждается въ деньгахъ, я готовъ предложить вамъ на первый разъ 10 рубл. сер., которые препровождаю. Не стыдитесь принять отъ меня. Это не милостыня. Будете богаты, какъ-нибудь разочтемся. Желаю вамъ скорѣйшаго выздоровленія. Вашъ слуга, Асессоръ Дубровинъ.»

(Внѣ себя). Боже мой!... не во снѣ ли это?... Нѣтъ... это... не сонъ!... это... чудо... случилось... нѣтъ... я... теперь оживу!... *(Быстро схватывается съ постели, встаетъ, и хочетъ молиться: но вдругъ измѣняется въ лицѣ и упадаетъ безъ чувствъ на постелю.)*

Агаѳья Степановна, *(въ испугѣ)*. Батюшки, помогите! Что съ нимъ приключилось такое? Съ нами крестная сила! Не умеръ ли?!

Лѣкарь, *(ощупывая у Сверчкова пульсъ)*. Нѣтъ, онъ не умеръ. Подайте скорѣе воды... *(Агаѳья Степановна убѣгаетъ; лѣкарь пристально вглядывается въ лицо больному, и потомъ обращается къ Бронзову и экзекутору.)* Только, господа, надобно сказать вамъ всю правду — долѣе мѣсяца онъ не проживетъ.

А. Ивановъ.

Digitized by Google

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ОБЪ ОБЩИННОМЪ ВЛАДѢНІИ ЗЕМЛЕЮ.

(*По поводу статьи* М. Н. Юрьина, *въ № 44 Атенея.*)

Время величайшій изъ нововводителей.

Бакон.

—

Вопросъ объ общинномъ владѣніи землею, давно уже поднятый въ нашей литературѣ и съ такимъ живымъ участіемъ и убѣжденіемъ разобранный въ статьѣ г. Юрьина, естественно долженъ былъ еще болѣе оживиться появленіемъ этой статьи, такъ мастерски изложенной и происполненной для насъ самаго животрепещущаго интереса. Я ждалъ съ нетерпѣніемъ возраженій, на которыя подалъ надежду самъ издатель «Атенея», но ни одинъ голосъ не поднимается еще ни pro, ни contra, какъ-будто сказано объ этомъ дѣлѣ уже послѣднее слово, и вопросъ рѣшенъ окончательно во мнѣніи большинства. Раздѣляя съ авторомъ помянутой статьи его основныя убѣжденія относительно преимуществъ общиннаго владѣнія землею, я далеко не такъ понимаю дѣло, когда рѣчь идетъ о частномъ воззрѣніи на предметъ, объ устройствѣ общинъ въ Россіи. Если я впадаю въ ошибки, высказывая свое мнѣніе, я буду радъ убѣдиться въ нихъ и увидѣть, наконецъ, это дѣло въ истинномъ его свѣтѣ.

Въ моихъ понятіяхъ, устройство общинныхъ владѣній землею, какъ выраженіе народомъ сознанной потребности, при-

Digitized by Google

надлежитъ къ разряду тѣхъ прогрессивныхъ движеній народа, которыя должны были бы составлять эпохи въ исторіи его общественнаго развитія. Если внутреннее стремленіе къ сообществу, къ соединенію разрозненныхъ частей въ одно стройное цѣлое, глубоко почувствуется въ массѣ народа, — этотъ народъ вступаетъ въ періодъ сознательной жизни, — онъ на пути дѣйствительнаго и *натуральнаго* прогресса. И это потому, что каждый шагъ къ ассоціаціи есть шагъ къ великому единству, которое выражается основной идеей всего человѣчества: *все человѣчество — одинъ, нераздѣльный въ идеѣ организмъ.* Законы духа и тѣла у всѣхъ людей одинаковы и составляютъ естественную связь между нами. Первый проблескъ общенія, который выражается въ первомъ раздѣленномъ чувствѣ, въ первой раздѣленной мысли, уже освящаетъ для насъ эту идею и указуетъ человѣку путь, которому онъ долженъ слѣдовать. Это — первыя сѣмена будущаго общества, со всѣми его духовными преимуществами, со всѣмъ его политическимъ значеніемъ; это — первые зачатки исторіи, жизненнаго развитія идеи, развитія почти безконечнаго, потому что идея должна проникнуть все человѣчество и требуетъ для своего выраженія единства дѣйствительнаго, подчиненнаго законамъ единаго Разума.

Вотъ исходная точка и вотъ идеальный, недостижимый конецъ. Гдѣ бы мы ни стали, въ концѣ, или въ началѣ, — зрѣлище то же; впередъ ли посмотримъ, назадъ ли оглянемся, вездѣ непрерывная цѣпь усилій человѣка къ осуществленію великой идеи единства, идеи, не только не сознанной имъ, но часто даже не почувствованной, хотя обезпеченной въ развитіи своемъ неизбѣжными потребностями человѣка, слѣпо-опредѣляющими его цѣль и призваніе. Но обратимся къ *общинѣ*, къ этому рудименту, или зачатку высказанной нами идеи.

Вотъ что говоритъ объ этомъ г. Юрьинъ: «Только соединеніемъ разорванныхъ силъ въ одно правильное цѣлое, общеніемъ труда, дѣйствіемъ каждаго за всѣхъ и за себя и всѣхъ за каждаго, возможно уничтожить въ трудѣ его гнетущее вліяніе на жизнь обществъ и человѣка.» — Такое устройство, и по нашему мнѣнію, должно составлять цѣль историческихъ усилій, цѣль естественныхъ стремленій народа на поприщѣ его граж-

Digitized by Google

данскаго развитія. Но стараться опередить время, нарушить ходъ исторіи, значитъ мечтать о неестественномъ скачкѣ, — отступаться отъ природы. Удивляйтесь послѣ этого, если истина научная на практикѣ окажется утопіей! Мы ссылаемся на природу, мы беремъ ея истины за исходную точку, а на дѣлѣ забываемъ и то и другое, и наше скороспѣлое дѣло только отдаляетъ отъ насъ и безъ того далекую цѣль. Такая искусственность въ вопросахъ общественныхъ менѣе позволительна чѣмъ гдѣ-либо, потому что здѣсь идетъ рѣчь о благѣ милліоновъ людей, и слѣдовательно, хотя бы изъ одного человѣколюбія, а надо было бы для истины умѣть пожертвовать оригинальностью.

Если «мелкая собственность земли крестьянской на Западѣ вянетъ, изнуряемая долгами и безсиліемъ землевладѣльца обрабатывать ее какъ слѣдуетъ, и *вопіетъ объ ассоціаціи*», — то конечно потому, что Западъ переживаетъ тотъ историческій моментъ гражданскаго развитія, который даетъ чувствовать эту потребность, — моментъ, отъ насъ еще весьма далекій, когда еще и нѣтъ у насъ гражданства, когда народъ нашъ еще спитъ въ пеленкахъ и самъ еще не знаетъ ни силъ своихъ, ни свойствъ. Думаете вы, что и нашъ крестьянинъ не озадачитъ васъ вопросомъ: «гдѣ же будетъ тогда моя собственность?» Или вамъ кажется, что, бывши *вещью* и не зная до сихъ поръ своей *неотъемлемой* собственности, онъ можетъ легче Француза, или Нѣмца избѣжать привычки къ ней? Но то, за что заплатитъ онъ своимъ трудомъ, вольнымъ, или обязательнымъ, или рублемъ трудовымъ, не пріучитъ ли его къ понятію *о моемъ* и *о твоемъ?* Да если и будетъ въ его понятіяхъ неотъемлемое, неразрушимое *мое* и *твое*, такъ это только земля; не пожитки, не изба его, что можетъ сгорѣть при первомъ пожарѣ; это не деньги, что украдутъ у него, *если не зароетъ онъ ихъ въ землю*, это земля, которой никто не сожжетъ, никто не украдетъ. Пойдите, толкуйте ему о томъ, что право на землю есть право труда, право условное и ограниченное; онъ будетъ твердитъ вамъ одно: я заплатилъ вамъ за нее деньги, а деньги трудомъ заработалъ; деньги были мои, какъ же земля-то стала чужая? Нѣтъ, баринъ, не проведешь, не надуешь, скажетъ вамъ русскій крестьянинъ, какъ говорилъ уже французскій. А пусть ему время скажетъ то, что вы говорили, и онъ возьметъ это въ толкъ и вступитъ въ ком-

Digitized by Google

панію, у которой и денегъ, и силы, и разума больше; онъ почувствуетъ себя *частью* этого цѣлаго, чувство гражданства проснется въ немъ, онъ выйдетъ изъ тѣсной скорлупы своего неосмысленнаго эгоизма и бойко начнетъ свою новую исторію.

Вотъ ужь достигнута одна отдаленная цѣль, а за нею стоятъ на очереди другія, еще болѣе отдаленныя, — зачѣмъ же налагать руку на естественный ходъ событій, зачѣмъ выступать за возрастъ народа и учить его соціализму, когда еще онъ не знакомъ и съ интересами индивидуальными, когда еще онъ не успѣлъ *быть эгоистомъ*, и не знаетъ еще въ какой мѣрѣ станетъ его для самого себя?... Не спѣшите же! дайте ему время образумиться и убѣдиться фактически въ томъ, что̀ хорошо, что̀ дурно, гдѣ правда и гдѣ ложь. Не говорите ему объ исторіи его, онъ будетъ имѣтъ право не понимать васъ и не вѣрить вамъ: не вы ли сами привели на память римскій юридическій догматъ: servus est res? А врядъ ли *вещь* можетъ имѣть свою исторію! Тотъ сдѣлалъ, тотъ купилъ, тому-то продалъ, и въ землю закопалъ такой-то. Это, какъ видите, больше похоже на эпитафію, чѣмъ на исторію; а исторія его впереди, — народъ нашъ самъ создастъ ее, — дайте ему только право на это. Повторяю, не спѣшите видѣть въ ребенкѣ взрослаго человѣка; одно время его выроститъ, а вы дайте ему только просторъ для свободнаго развитія, да старайтесь направлять его природныя силы и свойства на все полезное и доброе.

Рано, или поздно, ассоціаціи должны являться естественнымъ результатомъ развитія всякаго труда, какого бы рода онъ ни былъ. Въ трудѣ земледѣльческомъ такой исходъ гораздо затруднительнѣе, по той простой причинѣ, что цѣлая община, такъ точно какъ и каждый членъ ея, нуждается *въ средствахъ* и, не считая уже самыхъ грубыхъ злоупотребленій, не представляетъ никакихъ особенныхъ преимуществъ, кромѣ развѣ нѣкоторой гарантіи для личнаго труда. Когда разовьются въ народѣ промышленныя силы, когда проникнетъ его духъ времени, духъ истинныхъ успѣховъ развитія, тогда пробудится въ немъ сознаніе преимуществъ соціальныхъ, тогда сами собой составятся общины, дѣйствительно полезныя для каждаго, потому что онѣ будутъ тогда фокусомъ всѣхъ силъ народныхъ, силъ трудовыхъ, промышленныхъ, политическихъ и нравственныхъ.

Digitized by Google

Если компаніи коммерческія составляются скорѣе и легче, то только потому, что образъ жизни торговаго класса во всемъ разнится отъ жизни хлѣбопашца: движимый интересами торговыми, купецъ — соціалистъ въ основаніи, соціалистъ тогда еще, когда его занятія даже не влекутъ за собой никакого дѣйствительнаго, формальнаго сообщества; перемѣняя безпрестанно мѣсто, приходя въ безпрерывное столкновеніе съ людьми всѣхъ возможныхъ сословій, а иногда и націй, — онъ легко проникается духомъ времени, легко чувствуетъ тѣ потребности и понимаетъ тѣ преимущества, которыхъ не почувствуетъ и не пойметъ землевладѣлецъ, вѣчно привязанный къ своей десятинѣ.

Въ основаніи будущаго общиннаго владѣнія лежитъ разъединенная, мелкая собственность; чѣмъ больше будетъ дробиться она, тѣмъ больше, тѣмъ живѣе будетъ чувствоваться недостаточность личнаго, одиночнаго труда, и тѣмъ ближе будетъ время составленія компаній, или настоящихъ сознательныхъ общинъ. И это потому, что во-первыхъ, нужда всего легче можетъ разшевелить моральныя силы, забитыя грубостью и однообразіемъ земледѣльческаго труда; во-вторыхъ, недостатокъ земли призываетъ хлѣбопашца къ другаго рода дѣятельности, которая обыкновенно направляется на спекуляціи, а онѣ обзаводятъ его бо́льшимъ, или мѣньшимъ капиталомъ и содѣйствуютъ развитію его понятій. Въ этотъ моментъ, онъ, или выходитъ изъ своего быта и вступаетъ въ коммерческій классъ, или превращается въ зажиточнаго фермера, или же, наконецъ, скупивши землю у сосѣдей, становится самъ маленькимъ помѣщикомъ. Такимъ образомъ, земля сосредоточивается скоро въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ, превращая остальное народонаселеніе въ безземельниковъ и бездомовниковъ, и только при успѣхахъ истиннаго образованія было бы возможно *естественное* составленіе общинъ, *какъ выраженія ясно-сознанныхъ преимуществъ такого устройства.*

Sed fugit interea, fugit irreparabile tempus!

Но, скажутъ намъ, неужели жь нѣтъ средствъ ускорить исторію народнаго развитія, нельзя ранѣе пробудить сознанія народа? Средства, отчасти, въ нашихъ рукахъ: уступите крестьянину та-

Digitized by Google

кое количество земли, чтобъ она только обезпечивала его существованіе; устройте, независимо онъ этого личнаго владѣнія, небольшую общественную запашку, доходы съ которой обращались бы въ Приказъ; отнимите у крестьянина право продавать свой участокъ сосѣду, а если онъ захочетъ оставить свой бытъ хлѣбопашца, пусть участокъ его поступаетъ въ общественную собственность съ оплатой отъ общества (міра) ея цѣнности въ десятилѣтній срокъ; этотъ участокъ пусть обязательно обрабатывается общими силами, а выручаемыя деньги съ него, поступая въ теченіи 10 лѣтъ на оплату ея стоимости, переходятъ потомъ въ Приказъ и причисляются къ тому общинному капиталу, основаніе котораго положено общественной запашкой и на который община, до поры до времени, пусть не имѣетъ никакого права, кромѣ рѣдкихъ случаевъ общественныхъ бѣдствій. Право наслѣдія должно было бы идти въ родъ одного изъ сыновей, выбраннаго произволомъ семьи, или деревенской сходки; остальные должны были бы обращаться въ вольнонаемныхъ хлѣбопашцевъ, или избирать себѣ иной родъ жизни, или же, наконецъ, покупкою нормальнаго количества земли *отъ помѣщика*, оставаться въ прежнемъ быту. За недостаткомъ прямыхъ наслѣдниковъ по мужской линіи, то-есть сыновей, земля переходила бы въ общинное владѣніе, по выходѣ въ замужство дочерей и по смерти старыхъ владѣльцевъ. И если къ этому озаботиться объ ускореніи народнаго образованія, — изъ такого устройства не надолго отстрочится составленіе общинныхъ хозяйствъ, особенно, если та общинная земля, которая составила бы съ теченіемъ времени значительный кусокъ, перешла бы, вмѣстѣ съ пріобрѣтеннымъ съ нея капиталомъ, въ непосредственную собственность новой общины, межь тѣмъ какъ до тѣхъ поръ оставалась бы собственностью только условною и даже обременительною для отдѣльныхъ лицъ. Поставьте только на видъ это условіе, и крестьянину не трудно будетъ догадаться, гдѣ больше выгоды: оставаться ли ничтожнымъ собственникомъ и обязательнымъ работникомъ псевдо-общественной запашки, или же примкнуть съ своимъ ничтожнымъ участкомъ къ міру и получать доходъ гораздо большій, при прежнихъ условіяхъ труда.

Чѣмъ лучше, чѣмъ плодовитѣе въ своихъ результатахъ цѣль, къ которой мы стремимся, тѣмъ больше мы должны стараться

Digitized by Google

сдерживать свой пылъ и умѣрять свое стремленіе, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе обезпечить достиженіе ея. «Люди, говоритъ Баконъ, должны были бы въ нововведеніяхъ своихъ дѣйствовать *какъ самое время*, которое производитъ великіе перевороты, *но постепенно и не давая ихъ чувствовать**).» Не упускайте же изъ виду этого полезнаго совѣта.

Имѣя убѣжденіе, что факты не могутъ ослаблять теоріи, если только она построена на истинѣ, я старался противопоставлять убѣжденіямъ автора свои убѣжденія, и не выходить изъ области принциповъ; еслижь и отступился отъ этого тѣмъ, что сдѣлалъ легкій очеркъ проекта естественнаго происхожденія общинъ, то только для того, чтобъ показать возможность *скорѣйшаго* достиженія цѣли безъ насилія и произвола, при помощи одной той искусственности, которая предоставляетъ природѣ все дѣло, а сама только пользуется извѣстными ея законами, заключая ихъ въ условія наиболѣе для нихъ выгодныя, и тѣмъ ускоряя ходъ желанныхъ явленій.

Въ статьѣ г. Юрьина есть много еще спорныхъ пунктовъ; но они не относятся прямо къ нашему дѣлу, и разборъ ихъ увлекъ бы насъ за границы предположенной цѣли. Если «счастье, напримѣръ, есть удовлетвореніе потребностей, а въ натурѣ человѣка нельзя (?) представить такихъ потребностей, для которыхъ нѣтъ удовлетворенія во всей вселенной», — то, слѣдовательно, счастливъ тотъ, кто имѣетъ потребности и можетъ удовлетворять имъ? Какъ похоже оно на счастье собаки моей за овсянкой, или голоднаго волка, разрывающаго добычу свою!.. А мнѣ казалось, что идеалъ *нашего* счастья въ Богѣ, и къ нему стремится *человѣкъ* двумя путями: въ религіи—чувствомъ, въ наукѣ—умомъ; мнѣ казалось, что чувство это ненасытимо, а умъ ограниченъ условіями матеріи; я думалъ поэтому, что истиннаго счастья нѣтъ на землѣ для человѣка, а есть только *довольство*, да *наслажденіе*... Но я оставляю перо, — я вспомнилъ извѣстное четверостишіе:

Cantantur haec, laudantur haec,
Dicuntur, audiuntur,

---

*) Oeuvres de Bacon. Trad. par Riaux. 1854. 2-me série, p. 311.

Digitized by Google

Scribuntur haec, leguntur haec,
Et lecta — negliguntur.

Жизненный опытъ остался на сторонѣ г. Юрьина. Чтожь остается думать послѣ этого о человѣкѣ?...

30 ноября 1858 года.

Ю. Савичъ.

Digitized by Google

ТРИ МѢСЯЦА ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Письмо третье.

Берлинъ.

—

Вотъ и Берлинъ, столица Прусскаго королевства, на рѣкѣ Шпре. Много прекрасныхъ зданій, университетъ, музей, значительныя фабрики и торговля: кажется, этимъ можно было бы ограничиться; но вы извините вашего путешественника, ежели онъ и на Берлинѣ остановится подолѣе, и Берлина не пройдетъ, не передавъ вамъ нѣсколько впечатлѣній, оставленныхъ въ немъ этою первою европейскою столицей за предѣлами Россіи. Я пріѣхалъ сюда въ 7 часу утра, и остановился въ hôtel d'Angleterre, близь музея и знаменитаго моста черезъ Шпре. Мои окна выходили прямо на эту незавидную рѣченку, которая несравненно менѣе нашей Москвы-рѣки, но изъ которой искусство и усилія трудолюбиваго народа сдѣлали прекрасную судоходную рѣку, по которой то и дѣло тянутся барки съ каменнымъ углемъ и съ припасами для Берлина. Не успѣли внести еще мои вещи, не успѣлъ я еще сбросить моего пальто, а ужь за паспортомъ явились, точно будто изъ опасной страны пріѣхалъ. И вѣдь это все Богъ знаетъ для чего. Завелся такой порядокъ, и держится, а зачѣмъ, къ чему эти полицейскія мѣры, это нянчанье съ человѣкомъ и вѣчныя опасенія, — этого, я думаю, и самый рьяный защитникъ полицейскаго порядка хорошо не въ состояніи объяснить.

Digitized by Google

Но это имѣетъ, впрочемъ, свои пріятныя стороны, щекотящія самолюбіе россійскихъ подданныхъ. Вѣдь пріятно въ самомъ дѣлѣ прочесть на другой день въ Fremdenblatt, что пріѣхалъ и остановился въ такой-то гостинницѣ der Kaiserlich-russische Collegien-Registrator, или Hofrath. Ну, что такое у насъ надворный совѣтникъ? а въ Германіи это чинъ великій. Befehlen sie Caffe, Herr Hofrath? Die Droschke ist da, Herr Hofrath. Ну оно и лестно. Сердиться на то, что паспорты даютъ и осматриваютъ нѣчего. Такъ оно и должно быть. Въ Пруссіи такъ заведено, значитъ оно и намъ пригодно. А ежели и есть тамъ, гдѣ-то за-моремъ островъ, гдѣ живутъ люди и не знаютъ паспортовъ, такъ это какая-то особь, о которой и говорить не стоитъ. Полицейская заботливость доходитъ въ Германіи до художественности. Въ Бреславлѣ отдалъ я переплесть свой паспортъ, исписанный и просвидѣтельствованный уже въ Варшавѣ чуть не на всѣхъ страницахъ. Я велѣлъ и вклеить листочки для могущихъ еще впереди представиться свидѣтельствъ. Въ Берлинѣ какъ-то не досмотрѣли, но въ Дрезденѣ, столицѣ Саксонскаго королевства, процвѣтающаго подъ мудрымъ управленіемъ министра внутреннихъ дѣлъ Бейста, гдѣ, по распоряженію военнаго министра, офицеры не смѣютъ ходить иначе какъ въ формѣ, тамъ полиція тотчасъ же замѣтила, что листки не прошнурованы, и на другой же день получилъ я свой паспортъ прошнурованный и промѣченный съ надписью: Королевско-Саксонская полиція: просмотрѣнъ, по формѣ брошюрованъ, перемѣченъ и засвидѣтельствованъ печатью. (Amtlich geheftet, foliirt und gesiegelt).

Но извините за это маленькое отступленіе. Сильно раздаются вездѣ въ Германіи голоса противъ излишнихъ, все опутывающихъ и все стѣсняющихъ, узъ бюрократіи, и раздаются совершенно справедливо. Вы на каждомъ шагу чувствуете себя здѣсь въ государствѣ полицейско-военно-бюрократическомъ. На каждомъ шагу форменные мундиры, то и дѣло гремитъ барабанъ, каждый день разводы; почтовое вѣдомство въ мундирахъ, полиція въ мундирахъ и въ каскахъ, ливреи на каждомъ шагу, а въ hôtel d'Angleterre стоитъ portier въ ливреѣ съ золотыми жгутами на плечахъ, ну рѣшительно какой-нибудь важный чиновникъ. Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ, ха-

Digitized by Google

рактеризующій вамъ это докучливое вмѣшательство бюрократіи всюду, вмѣшательство и дорогое, и не нужное: Умираетъ въ Берлинѣ родственникъ одного изъ нашихъ общихъ знакомыхъ. Умершій—протестантъ, но русскій подданный. Чтобы мирно предать его прахъ землѣ, на это потребовалось много времени и издержекъ. Сначала потребовалось свидѣтельство отъ приходскаго пастора, подпись пастора засвидѣтельствовала консисторія, печать и подпись членовъ консисторіи засвидѣтельствовало министерство духовныхъ дѣлъ, свидѣтельство министерства духовныхъ дѣлъ засвидѣтельствовано было министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, и сообщено за тѣмъ уже въ наше посольство. Я видѣлъ самъ своими глазами всю эту переписку, и слышалъ брань и негодованіе на прусскую бюрократію. Но это навязчивое вмѣшательство, конечно, не новость для насъ, знакомыхъ близко и съ судами, и съ консисторіями, и съ строительными коммиссіями; оно можетъ васъ разсердить, какъ у насъ, такъ и вездѣ на европейскомъ материкѣ, но — взгляните на прусскаго полицейскаго, на берлинскаго Schutzmann, войдите въ первое присутственное мѣсто, въ почтамтъ, въ тюрьму, и на васъ повѣетъ все-таки инымъ воздухомъ; вы чувствуете себя и среди бюрократической атмосферы свободнѣй, самостоятельнѣй; вы знаете что честь ваша не будетъ и не можетъ быть оскорблена наглымъ поступкомъ, безнаказанною, безсознательною грубостью; вы начинаете сознавать себя человѣкомъ свободнымъ,который имѣетъ свои права,начинаете понимать, что не вы существуете, работаете и живете для чиновничества, но что послѣднее существуетъ для васъ. Съ нами, Русскими, происходятъ, какъ мнѣ показалось, самыя разнообразныя измѣненія съ первымъ шагомъ за границу. Мы, какъ хамелеоны, безпрерывно мѣняемъ цвѣта, покуда, наконецъ, не успѣемъ примѣниться. Сначала, Русскій является такимъ подобострастнымъ, вѣжливымъ, такъ боязливо подходитъ къ чиновнику на дорогѣ, къ полицейскому, что обращаетъ на себя общее вниманіе. «Вѣроятно, Русскій», случалось мнѣ не разъ слышать о какомъ-нибудь пассажирѣ, о чемъ-то упрашивающемъ чиновника желѣзной дороги, и упрашивающемъ непремѣнно уже о какомъ-нибудь снисхожденіи, о чемъ-нибудь противномъ правиламъ дороги. Чиновники при дорогахъ во-

Digitized by Google

обще чрезвычайно вѣжливы, и рѣдко встрѣтишь съ ихъ стороны отказъ, если только есть какая-нибудь возможность услужить. Но потомъ, видя какъ все угодливо, видя, что люди здѣсь свободны, нашъ братъ начинаетъ чувствовать въ себѣ сознаніе собственнаго достоинства, самостоятельности, начинаетъ хорохориться, и у многихъ прорываются ужь барскія замашки, своевольничанье и даже грубость — но это до перваго отпора. Дадутъ окрикъ, укажутъ на законъ, и опять сдѣлаешься какъ шелковый. Привыкнешь конечно, обойдешься и станешь дѣйствительно гражданиномъ, уважающимъ законъ, сознающимъ и свои права, и обязанности, къ сожалѣнію только, кажется, до перваго шага на родной почвѣ, гдѣ васъ разомъ обдастъ иною жизнью, гдѣ вы, и послѣ короткаго отсутствія, не смотря на радость свиданія съ близкими и друзьями, не смотря на родную вашему сердцу жизнь, чувствуете себя сначала неловко и не по себѣ. Вы отвыкли уже немножко отъ дикой обстановки, хоть и изъ Европы же заимствованной, но дикой по формѣ и переложенной какъ-то на казацкіе нравы, и въ то же почти мгновеніе вы чувствуете какъ въ васъ самихъ начинаютъ шевелиться скиѳскія привычки, и смотришь — едва ступилъ на родную почву—норовишь уже кого-нибудь выбранить, хоть извощика на первый разъ.

Позвольте вамъ сообщить нѣсколько наблюденій.

Много пришлось мнѣ проѣхать таможень: вездѣ васъ встрѣчаетъ чиновникъ съ холодною вѣжливостью; берутъ ваши вещи, съ невозмутимымъ спокойствіемъ осматриваютъ ихъ; вездѣ довольно народа, все это дѣлается быстро, но безъ шума, безъ суетни, безъ грубости, безъ дикихъ формъ; комнаты, гдѣ смотрятъ вещи, удобныя, для всѣхъ есть мѣсто, и отпускаютъ васъ очень скоро.

Но вотъ бросаетъ пароходъ якорь въ Кронштадтѣ. Подъѣзжаетъ лодка съ таможенными чиновниками и солдатами. Былъ съ нами на пароходѣ деньщикъ одного офицера, съ которымъ ѣздилъ за границу. И онъ, и мы всѣ съ любовью привѣтствовали родной край. «Вотъ они, орлы-то наши!» закричалъ, не выдержавъ, служивый, глядя на усачей таможенныхъ. «Сейчасъ признаешь. Воинственное есть нѣчто.» Мы засмѣялись, но не прошло и десяти минутъ какъ слухъ нашъ былъ оскорбленъ самымъ

Digitized by Google

грубымъ ругательствомъ, которымъ чиновникъ чествовалъ одного изъ почтенныхъ, увѣшанныхъ медалями, усачей. Вотъ мы и у пристани въ Петербургѣ. Всѣ наши вещи взяли, ввели всю ватагу пассажировъ въ комнату. У однѣхъ дверей стоятъ два часовыхъ, чтобы никого не выпускать, у другихъ два часовыхъ, чтобы никого не впускать въ комнату, гдѣ досматриваются вещи и куда должны входить пассажиры по частямъ. Грѣшно каждому изъ насъ было бы пожаловаться на чиновниковъ петербургской таможни. Они несравненно любезнѣе и обходительнѣе многихъ заграничныхъ. Такъ же вѣжливо спрашиваютъ васъ, нѣтъ ли чего запрещеннаго, всѣми силами стараются скорѣе васъ отпустить; но спросимъ ихъ же самихъ, и каждый изъ нихъ самъ сознается, что внѣшняя обстановка дика, многосложна, запутанна и отзывается осаднымъ положеніемъ. «Что, братъ, воинственное есть нѣчто?» спросилъ я служиваго, съ грустью ожидавшаго своей очереди.—Точно, ваше благородіе, порядокъ-то тотъ лучше-съ.

Ѣдете вы въ Берлинѣ на желѣзную дорогу. Законъ говоритъ, и въ каждой каретѣ прибито объявленіе, что для избѣжанія сумятицы, вы должны извощику платить впередъ, дабы извощики не имѣли права толпиться у подъѣзда къ станціи. И дѣйствительно, вы пріѣзжаете, носильщики берутъ ваши вещи, вы выходите, и извощикъ отъѣзжаетъ, а на его мѣсто тотчасъ же становится другой. Вѣдь очень просто, кажется. Посмотримъ же на наши станціи. Извощики кричатъ: кто проситъ прибавки, кто ругается, что не додали; жандармы кричатъ, чтобы отъѣзжали, казаки граціозно трясутъ нагайками, а вѣдь ларчикъ такъ просто открывается, и можно избѣжать всей этой безурядицы. Дѣло только въ томъ, что тамъ нѣчего полиціи ни изъяснять закона, ни истолковывать его по-своему. Постановленія объ извощикахъ найдешь прибитыми въ каждой каретѣ или коляскѣ; каждый извощикъ знаетъ грамотѣ, и онъ не можетъ отговориться незнаніемъ, точно такъ же какъ ни полиція, никто иной не можетъ съ него потребовать ничего лишняго. Чего бы мы слѣдовательно ни коснулись, какой бы вопросъ ни затронули—результатъ одинъ, что безъ грамотности ничего не сдѣлаешь и что въ образованіи одно спасеніе.

Но возвратимся къ Берлину. На каждомъ шагу вы здѣсь

Digitized by Google

наткнетесь на что-нибудь королевское, даже гомеопатическіе кружечки масла, подаваемые утромъ за кофеемъ, были съ прусскимъ орломъ и съ надписью der Königliche Hof-Lieferant. Передъ окнами гостинницы, съ 7-ми часовъ утра, слѣпой нищій игралъ постоянно до 9 часовъ на флейтѣ «Боже царя храни». Расчетъ былъ вѣренъ у бѣдняка, потому что въ это время годя Берлинъ, какъ проѣзжая станція, кишитъ русскими туристами. Когда я, въ августѣ, возвращался назадъ и остановился въ той же гостинницѣ и въ томъ же №, знакомая флейта заиграла по прежнему въ 7 часовъ, но не русскій уже гимнъ, а god save the Queen. У слѣпаго старика расчетъ былъ опять вѣренъ. Это было время пребыванія королевы Викторіи въ Берлинѣ, когда всѣ гостинницы были биткомъ набиты Англичанами.

Я пріѣхалъ въ Берлинъ на Троицынъ день. Лекцій въ университетѣ не было цѣлую недѣлю, музеи и другія достопримѣчательности были два первые дня также заперты, оставалось одно: знакомиться съ берлинскими гуляньями, съ Кролевскимъ садомъ, съ тиргартеномъ, съ окрестностями Берлина, а мнѣ было это и легко, и весело, и удобно, благодаря нашей московской молодежи, медикамъ, которые были такъ обязательны, взяли на себя трудъ познакомить меня съ Берлиномъ и берлинскою жизнью. Не смотря на дурную дождливую и холодную погоду, въ первый день Троицы Берлинъ весь былъ на ногахъ; въ понедѣльникъ и во вторникъ погода прояснилась, и мои любезные путеводители таскали меня по вечерамъ изъ одного сада въ другой, съ гулянья на гулянье. Вездѣ народу много, вездѣ сады освѣщены цвѣтными фонарями, вездѣ гремитъ музыка, и музыка прекрасная, и все это такъ дешево, такъ доступно. Но зато какъ все просто и скромно. Не встрѣтите вы нигдѣ пышныхъ нарядовъ, приходятъ всѣ почти на гулянья пѣшкомъ, пѣшкомъ же отправляются домой. Былъ я не одинъ разъ въ саду Odeum, гдѣ извѣстный оркестръ Либига давалъ Symphonie-Concerte. Залъ всегда биткомъ набитъ, дамы сидятъ съ работой и слушаютъ; никто не шелохнется, офиціанты ходятъ на цыпочкахъ между рядами креселъ, и чуть зашумитъ кто изъ присутствующихъ, всѣ зашикаютъ. И это удовольствіе, столь рѣдкое и по цѣнѣ не всякому доступное у насъ, стоитъ здѣсь всего 15 коп. (5 грош.) Представимъ же себѣ, что почтенный

Digitized by Google

берлинскій бюргеръ хочетъ доставить и себѣ, и женѣ удовольствіе послушать хорошую музыку. Это удовольствіе обходится ему въ 30 коп. сер. Положимъ, что онъ вздумаетъ покутить, возьметъ извощичью карету туда доѣхать, возьметъ карету потомъ доѣхать до дому, и это ему будетъ стоить не болѣе 30 коп. (10 гр.). Такое удобство и такая дешевизнь не безъ вліянія на народный характеръ. Когда небогатый человѣкъ можетъ такъ дешево наслаждаться прекрасною музыкой, она дѣлается для него доступнѣй, она дѣйствуетъ на его душу, она отвлекаетъ простолюдина отъ другихъ грубыхъ, дикихъ увеселеній. Но съ другой стороны нельзя также не замѣтить, что, вѣроятно, въ самомъ народонаселеніи лежала и лежитъ потребность въ такомъ благородномъ развлеченіи, когда народъ умѣлъ себѣ устроить его такъ дешево и такъ удобно. Часто я бывалъ на этихъ публичныхъ гуляньяхъ, и ни разу не случалось мнѣ слышать залповъ хлопающихъ шампанскихъ пробокъ, рѣдко встрѣчалъ даже кого-нибудь за виномъ. Кофей и пиво, а главное пиво и сигары—вотъ почти единственные предметы потребленія. Пиво пьютъ здѣсь всѣ въ огромномъ количествѣ, мущины, женщины, даже дѣти. Рѣдкая дама не освѣжится легкимъ берлинскимъ пивомъ. Вотъ нѣсколько дамъ сидятъ за столикомъ. Изящества вкуса въ туалетѣ вы не ждите. Дикое сочетаніе цвѣтовъ на каждомъ шагу. Или голубое платье съ краснымъ бантомъ, или зеленое и при этомъ голубая шаль. Поражаютъ также непріятно полуперчатки, особенно на ручкахъ нѣмецкихъ дамъ, которыя не мѣшало бы скрыть совсѣмъ въ перчаткахъ. На столикѣ передъ дамами непремѣнно высокая, вершковъ въ пять,и узенькая стопка съ пивомъ, нѣчто среднее между пивомъ и нашими кислыми щами, съ сильной игрой, отъ которой послѣ нѣсколькихъ глотковъ Frau N или Z должна нѣсколько отворотиться и приложить платочекъ ко рту. Это пиво носитъ милое названіе die kühle Blonde. Возвращаясь разъ поздно вечеромъ, то-есть около 11 часовъ, а это для Берлинцевъ, встающихъ рано и рано принимающихся за работу, часъ уже поздній, слышу я за собой голосъ: Droschke! Droscke! Я велѣлъ остановиться. — «Ахъ, извините, что я васъ обезпокоилъ. Извощиковъ нигдѣ не могъ достать, а мнѣ еще далеко съ мальчикомъ.» —Сдѣлайте одолженіе,садитесь.—Маль-

Digitized by Google

чуганъ между тѣмъ,вижу я,едва держится на ногахъ. Мы вдвоемъ втащили его въ коляску. — Что̀ съ нимъ? спросилъ я, когда мы уложили ребенка, и прикрыли. — Онъ заболѣлъ?— «Ach nein, bester Herr, былъ отвѣтъ: это ничего», — и при этомъ почтенный бюргеръ засмѣялся и закурилъ у меня свою сигару.— Да онъ безпокоенъ: развѣ вы не видите? у него жаръ.— «Ach, nein, lieber Herr, der Junge ist janz besoffen. Der Grosspapa hat mit ihm Spass gemacht: hat ihm zu viel Baierisches Bier gegeben.» (Мальчуганъ опьянѣлъ: дѣдушка съ нимъ пошутилъ, напоилъ его черезъ-чуръ Баварскимъ пивомъ).

Прошли воскресенье и понедѣльникъ. Во вторникъ отперли музеи, и мы всѣ отправились въ новый музей. Что мнѣ вамъ сказать объ немъ. Я могу вамъ передать только то общее впечатлѣніе, которое произвелъ на меня музей, громко и ясно свидѣтельствующій объ образованности прусскаго правительства и его заботѣ о распространеніи ея. Музей превзошелъ всѣ мои ожиданія; да и могъ ли онъ не поразить меня, ничего подобнаго не видавшаго на своемъ вѣку, кромѣ Эрмитажа, гдѣ мнѣ удалось быть всего только два раза во время короткаго пребыванія въ Петербургѣ, да и то съ трудомъ, потому что доступъ къ нему сопряженъ съ большими хлопотами, когда не знаешь къ кому обратиться. А какъ легокъ доступъ въ берлинскіе музеи! Старый музей открытъ всѣмъ свободно безъ различія одеждъ, состояній, пола и возраста, съ 10 до 4-хъ часовъ; новый музей съ 12 до 2-хъ, съ платою 8 гр. (15 коп.) за входъ. Музеи мирятъ васъ въ эту минуту съ бюрократіей, съ чиновничествомъ, когда вы видите какъ благородно и щедро заботится правительство объ образованіи, какъ это образцовое по своей бережливости и по мудрому управленію финансами правительство широкою благодѣтельною рукой тратитъ свои избытки на удовлетвореніе умственныхъ потребностей народа, давая чувствовать свободнымъ допускомъ каждаго въ эти драгоцѣнныя хранилища памятниковъ искусства, что создается имъ все это не для себя, не изъ тщеславія, но ради общей пользы. Королевскіе музеи дѣлаются такимъ образомъ достояніемъ національнымъ. Въ залахъ музея встрѣтишь постоянно самую пеструю толпу, и представителей высшихъ сословій, и ремесленниковъ съ женами и дѣтьми, и солдатъ, и офицеровъ, и кадетъ, и т. д.

Digitized by Google

Какъ же не быть уровню народнаго образованія выше, ежели народъ всегда, когда захочетъ, можетъ свободно идти въ музеи, любоваться произведеніями искусства, и наглядным образомъ знакомиться съ жизнью вѣковъ минувшихъ?

Сколько предразсудковъ, сколько нелѣпыхъ суевѣрій пропадетъ у него, когда онъ собственными своими глазами видитъ всѣ произведенія и черпаетъ даромъ, или за бездѣлицу, свѣдѣнія, столь сильно способствующія къ расширенію круга ею понятій. Прусскіе кадеты, расхаживающіе по заламъ музея и стоящіе передъ великими созданіями греческаго искусства, или разсматривающіе превосходный видъ древнихъ Аѳинъ съ акрополемъ, не могутъ конечно повѣрить, чтобъ эта жизнь отличалась только, такъ-сказать, театральными, мишурными добродѣтелями, засмѣютъ каждаго, кто бы имъ осмѣлился это сказать, да слава Богу, и не приходится имъ того слышать. Крестьяне, ремесленники, гуляющіе свободно по музею, ѣдутъ потомъ домой, и въ своихъ семьяхъ разказываютъ о томъ что видѣли, привозятъ съ собой и описанія музея, и виды, потому что и это все доступно и дешево. Снимки же съ статуй, зданій, картинъ расходятся по всемъ городкамъ, и каждый издали можетъ пользоваться драгоцѣннымъ собраніемъ. Въ египетскихъ залахъ засталъ я разъ цѣлый пансіонъ, мальчиковъ около 15, съ учителемъ, стоявшимъ съ ними у стеклянныхъ ящиковъ, гдѣ хранятся предметы, относящіеся до религіозной и домашней жизни Египтянъ. Одна прогулка по музею съ учителемъ—и сколько новыхъ впечатлѣній для этихъ маленькихъ головокъ, сколько пользы для нихъ, когда, входя въ залъ, видятъ они на стѣнахъ превосходные виды замѣчательнѣйшихъ памятниковъ египетскаго зодчества съ вѣрною и мастерски переданною природой Египта, съ его раскаленнымъ небомъ и сыпучими жгучими песками. Вотъ на одной сторонѣ пирамиды Мемфиса, а вотъ изображенъ входъ въ пирамиду Хеопса; вотъ статуя Мемнона при лунномъ освѣщеніи, и т. д., и все это какъ живо! Такъ и видишь передъ собой слоями мелкій сыпучій песокъ, такъ и кажется, что одно дуновеніе вѣтра, и песчаныя волны заколыхаются и понесутся по воздуху. И среди такой-то природы работали сотни тысячъ людей для сооруженія памятниковъ, работали на скудной пищѣ, подъ ударами безжалостныхъ надсмотрщиковъ, сооружали гробницы для ца-

Digitized by Google

рей, и гибли сами тысячами. Васъ давитъ какъ-то, когда вы проходите по этимъ заламъ, уставленнымъ порфировыми колоссами, представляющими древнихъ царей въ сидячемъ положеніи, съ покоющимися на колѣнахъ руками, съ тупыми лицами, уставленнымъ саркофагами и муміями людей и животныхъ, и вамъ становится легко и хорошо, когда вы перейдете вдругъ въ греческій залъ, гдѣ на васъ сразу повѣетъ Европой и гдѣ глазу не хочется оторваться отъ видовъ Греціи, мастерскою рукой набросанныхъ на стѣнахъ зала. Здѣсь нѣсколько дней сряду ходилъ я съ незабвеннымъ нашимъ Ивановымъ, съ которымъ видѣлся каждый день въ Берлинѣ, и по цѣлымъ днямъ проводилъ вмѣстѣ. Это былъ рѣдкой души человѣкъ, страстно, благородно привязанный къ искусству, съ глубокими убѣжденіями, отъ которыхъ, однакожь, никогда не стыдился прямо и открыто отказываться, когда, послѣ долгой и мучительной, можетъ-быть, умственной и сердечной борьбы, онъ убѣждался въ своей ошибкѣ и въ ложномъ направленіи. Друзья и ученики Иванова въ долгу передъ цѣлою Россіей, которая вправѣ отъ нихъ требовать біографіи этой замѣчательной личности, этого истиннаго художника и честнѣйшаго гражданина.

Изъ картинъ Каульбаха, подъ великолѣпною лѣстницей музея, Ивановъ съ особенною похвалою отзывался о «Битвѣ Гунновъ» (Die Hunnenschlacht). Всякій разъ, бывало, когда мы ходили вмѣстѣ по музею, Ивановъ непремѣнно оттащитъ меня къ ней, простоитъ передъ ней долго, отойдетъ и непремѣнно опять воротится. Неучъ въ живописи и въ искусствѣ вообще, я не понималъ тѣхъ достоинствъ, о которыхъ мнѣ говорилъ покойникъ, и украдкой ускользалъ отъ него къ любимой моей картинѣ Каульбаха, къ «Крестовымъ походамъ». Изъ этихъ картинъ, въ которыхъ Каульбахъ задалъ себѣ цѣль представить рѣшительные моменты исторіи человѣчества, нравились мнѣ особенно двѣ: Die Blüthe Griechenlands («Цвѣтъ Греціи») и «Крестовые походы». Въ утлой ладьѣ пристаетъ къ берегамъ Греціи божественный пѣвецъ. Онъ на первомъ планѣ картины. Ѳетида выплываетъ изъ волнъ морскихъ слушать пѣсни слѣпаго рапсода. Отовсюду стремится греческій народъ слушать пѣвца и смягчить сладкими его пѣснями свои дикіе нравы. Вая-

Digitized by Google

тели, живописцы, поэты, мудрецы стоятъ тутъ же, прислушиваясь къ пѣвцу и черпая отсюда матеріалъ для своихъ созданій. Съ небеснаго же свода глядятъ олимпійскіе боги на смертныхъ.

Но его «Крестовые походы», этотъ величественный эпизодъ героическаго періода нашей Европы, нравятся мнѣ еще болѣе. Столько тутъ глубины и въ то же время граціи. Вдали видите вы святой Сіонъ, съ его зубчатыми стѣнами и башнями. На одномъ изъ холмовъ, группа крестоносцевъ и духовенства. Въ облакахъ является Спаситель, подлѣ него Пресвятая Матерь Божія, и окружены они сонмомъ мучениковъ за святую вѣру. Къ этому видѣнію простираетъ Готфридъ руки, а въ рукахъ у него корона. Самъ онъ на конѣ; на головѣ его терновый вѣнецъ, а за нимъ тянется крестовое воинство, среди котораго рѣзко выдаются герои Танкредъ и Богемундъ, на самомъ первомъ планѣ колѣнопреклоненный Петръ пустынникъ, съ воздѣтыми къ Спасителю руками, молящійся за кающихся, лежащихъ вокругъ него во прахѣ, или бичующихъ себя. Пѣвцы любви и рыцарской доблести, рыцари группами стоятъ тутъ же, а поодаль несутъ Сарацыны, на носилкахъ изъ лавровыхъ вѣтвей, благородную даму, съ прелестною бѣлокурою головкой, съ смиреніемъ и восторгомъ въ очахъ, обращенныхъ къ Сіону. На рукѣ у ней соколъ, подлѣ нея благородный рыцарь. Вся средневѣковая жизнь передъ вами на картинѣ, и что за великолѣпныя фигуры, что за лица, что за смѣлость кисти! Но я распространяться далѣе не смѣю. Я здѣсь не судья.

На пятый день послѣ моего пріѣзда пошелъ я къ директору прусскаго статистическаго бюро и профессору университета Дитерици. Я не засталъ его въ первый разъ дома. Онъ былъ въ засѣданіи географическаго общества. На другой день утромъ мнѣ посчастливилось съ нимъ видѣться. Дитерици еще свѣжій и бодрый старикъ. Ему подъ 70 лѣтъ, но на первый взглядъ вы не дадите ему и 60-ти. Съ 1844 года управляетъ онъ прусскимъ статистическимъ бюро, то-есть съ самой смерти основателя этого департамента—Гофмана. Сюда стекаются статистическія свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ управленія изъ всѣхъ вѣдомствъ, и, кромѣ того, еще донесенія изъ посольствъ и отъ

Digitized by Google

консуловъ съ статистическими свѣдѣніями о государствахъ и торговыхъ пунктахъ, при которыхъ состоятъ эти лица.

Долгомъ своимъ считаю и здѣсь упомянуть о той предупредительности и радушіи, съ которыми встрѣтилъ меня маститый статистикъ. Самъ повелъ онъ меня по комнатамъ бюро, уставленнымъ множествомъ шкаповъ, съ книгами и бумагами. Какая и тутъ простота. Ни гурьбы чиновниковъ, ни сторожей. Изъ его кабинета дверь ведетъ прямо въ департаментъ, а тамъ сидѣло всего только два молодыхъ чиновника, которымъ онъ меня представилъ, да былъ еще одинъ пожилой господинъ, которому онъ поручилъ отыскать и доставить мнѣ на домъ статистическія таблицы прусской монархіи. Статистическое бюро съ 1848 года соединено съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и раздѣляется на два отдѣленія—топографическое и собственно статистическое. Послѣднее главнымъ образомъ находится въ завѣдываніи Дитерици, и сюда стекается весь богатый матеріалъ свѣдѣній изъ провинцій, которыя здѣсь обработываются и для правительственныхъ цѣлей, и для науки. А какъ богатъ этотъ матеріалъ можно судить по слѣдующему: черезъ каждые три года доставляются въ бюро: 1) свѣдѣнія о численномъ составѣ народонаселенія, о числѣ строеній и скота; 2) таблицы промысловъ, ремеслъ, о числѣ ремесленниковъ и прислуги, о торговыхъ промыслахъ, объ извозѣ, трактирахъ и заѣзжихъ домахъ, о литературныхъ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ; 3) о предпріятіяхъ фабричныхъ и о фабрикахъ вообще; 4) таблицы церквей и школъ; 5) о заведеніяхъ для общественнаго здравія; 6) о личныхъ и промышленныхъ условіяхъ еврейскаго народонаселенія. Кромѣ всего этого доставляются еще *ежегодно* свѣдѣнія о рождающихся, умирающихъ и бракомъ сочетавшихся; о числѣ выселяющихся ежегодно изъ разныхъ провинцій и вновь прибывающихъ; да мѣстныя полицейскія власти доставляютъ ежемѣсячно свѣдѣнія о среднихъ цѣнахъ на предметы продовольствія и на другіе товары. Министерства доставляютъ съ своей стороны также въ статистическое бюро значительные матерьялы. Военное министерство сообщаетъ ежегодныя свѣдѣнія о численномъ составѣ арміи и о распредѣленіи разныхъ частей ея по провинціямъ; министерство финансовъ—о состояніи прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, о со-

Digitized by Google

стоянiи заводовъ, каменоломень, о горнозаводской вообще промышленности, о добычѣ соли, о ввозѣ, вывозѣ и транзитѣ въ предѣлахъ нѣмецкаго таможеннаго союза; министерство торговли — о состоянiи прусскаго купеческаго флота, о приходѣ и отходѣ кораблей въ прусскихъ портахъ; министерство внутреннихъ дѣлъ—о состоянiи земскихъ кредитныхъ учрежденiй и о страховыхъ отъ огня обществахъ; министерство юстицiи представляетъ свѣдѣнiя о числѣ смертныхъ приговоровъ и о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ. Министерство народнаго просвѣщенiя сообщаетъ свѣдѣнiя о состоянiи университетовъ, о числѣ въ нихъ учащихся и о числѣ вышедшихъ изъ гимназiй для поступленiя въ университетъ учениковъ. Наконецъ, управленiе монетнымъ дѣломъ сообщаетъ черезъ каждые полгода отчеты о вновь вычеканенной звонкой монетѣ и о перечеканкѣ старой.

Вся эта богатая масса статистическихъ матерьяловъ препровождается къ Дитерици, обработывается подъ непосредственнымъ его руководствомъ, и публикуется. Средства статистическаго бюро далеко не велики. По штату, на него ассигнуется около 20,000 талеровъ, включая сюда же и расходы по метеорологическому институту. Нельзя не замѣтить также, что статистическое бюро, въ настоящемъ своемъ составѣ, нѣсколько уклонилось отъ той высокой цѣли и потеряло то значенiе, которое думали ему дать и дѣйствительно дали основатели его князь Гарденбергъ и первый директоръ, извѣстный статистикъ и экономистъ Гофманъ. Гарденбергъ не только былъ глубоко убѣжденъ въ значенiи и важности статистическаго бюро для всѣхъ отраслей государственнаго управленiя, но считалъ вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ дѣломъ дать директору его по возможности болѣе независимое и самостоятельное положенiе. Уже въ 1812 году учрежденiе это было непосредственно подчинено государственному канцлеру. Гофманъ былъ дѣятелемъ совершенно самостоятельнымъ и оставался таковымъ даже по смерти Гарденберга, сносясь непосредственно съ высшими государственными сановниками и управленiями. Такъ продолжалось до 1844 года, въ которомъ Гофманъ, за преклонностью лѣтъ, вышелъ въ отставку, а Дитерици занялъ его мѣсто. Въ этомъ году статистическое бюро было подчи-

Digitized by Google

нено департаменту торговли. Что̀ было къ тому поводомъ, рѣшить трудно, но во всякомъ случаѣ это распоряженіе вызвало справедливое неудовольствіе со стороны лучшихъ статистиковъ и ученыхъ Германіи. Въ 1848 г. бюро было, правда, опять отдѣлено отъ департамента торговли и подчинено министерству внутреннихъ дѣлъ, но ему до сихъ поръ не возвращено то значеніе и то независимое положеніе, которое оно имѣло при своемъ основателѣ и первомъ директорѣ, а это безспорно одно изъ первыхъ и необходимыхъ условій центральнаго статистическаго учрежденія, если только правительство твердо убѣдилось въ необходимости его. Статистическое бюро или статистическій комитетъ важны не для одной какой-нибудь отрасли, но для всего государственнаго управленія. Оно получаетъ отъ всѣхъ и отовсюду необходимыя свѣдѣнія, но оно же съ своей стороны и доставляетъ всѣмъ имъ уже обработанный, очищенный матерьялъ и полную осмысленную картину матеріальныхъ средствъ государства, безъ чего правительство вѣчно будетъ ходить и дѣйствовать ощупью и впадать изъ одного промаха въ другой. Но чтобы имѣть возможность такой благотворной дѣятельности, статистическому бюро должно, повторяемъ мы, предоставить полнѣйшую самостоятельность и самое обширное и свободное поле дѣятельности. Не можемъ здѣсь не привѣтствовать отъ всей души учрежденіе у насъ центральнаго статистическаго комитета, начавшаго свою дѣятельность прекраснымъ изданіемъ «Статистическихъ таблицъ Россійской Имперіи», и успѣвшаго, будемъ надѣяться, завоевать себѣ совершенно самостоятельное положеніе, безъ котораго столь важное для государства учрежденіе не мыслимо и никогда не въ состояніи принести всей, по справедливости отъ него ожидаемой, пользы.

Два часа пробылъ я у Дитерици, которому много приходилось расказывать о нашихъ степяхъ, объ Оренбургскомъ краѣ, объ уральскихъ козакахъ и Башкирцахъ, съ которыми онъ знакомъ еще со времени отечественныхъ войнъ 1813 и 1814 годовъ, когда и Дитерици оставилъ ученыя занятія и взялся за саблю, чтобы отстаивать мечемъ честь и независимость родины.

— Были вы у Гумбольдта? спросилъ меня Дитерици.

— Нѣтъ, да я и не расчитывалъ его видѣть. Мнѣ совѣстно

Digitized by Google

его безпокоить. Онъ занятъ, да и безъ того у него столько бываетъ народа, что мнѣ какъ-то грѣшно кажется отнимать съ своей стороны драгоцѣнное время у маститаго ученаго.

— Нѣтъ, сходите непремѣнно. Онъ любитъ вспоминать то время, когда посѣтилъ мѣста, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Постойте, я дамъ вамъ къ нему письмо.—И Дитерици сѣлъ писать.

Не могу не расказать вамъ также маленькаго эпизода, который меня нѣсколько сконфузилъ у Дитерици.

Одинъ изъ нашихъ общихъ петербугскихъ знакомыхъ, давая мнѣ, какъ новичку, совѣты на дорогу, предписалъ, между прочимъ, обращать вниманіе на чины, титулы и достоинства профессоровъ и людей чиновныхъ, и между прочимъ сказалъ, что Дитерици человѣкъ превосходительный, и что ему слѣдуетъ говорить Excellenz. Какъ же мнѣ было не послушаться. Пришелъ я къ нему, какъ слѣдуетъ, въ черномъ фракѣ, и въ продолженіе разговора дѣйствительно два раза сказалъ Excellenz. Первый разъ ничего; прошло даромъ. Во второй разъ, вижу я, что Дитерици поморщился, потомъ улыбнулся и замоталъ головой. Но вотъ онъ написалъ письмо къ Гумбольдту и подалъ его мнѣ.

— Вы застанете его лучше всего въ первомъ часу дома. Когда же мы съ вами еще увидимся?

— Да если позволите мнѣ, Excellenz, присутствовать въ понедѣльникъ въ университетѣ на вашихъ практическихъ занятіяхъ съ студентами, такъ я непремѣнно явлюсь.

Тутъ Дитерици ужь не выдержалъ.

— Ich bin keine Excellenz, mein lieber Professor. Это ошибка.

Я сконфузился, но вывернулся тѣмъ, что указалъ ему на нашихъ тайныхъ совѣтниковъ (Дитерици geheimer Oberregierungs-Rath), которые очень превосходительны, и сказалъ, что меня его чинъ ввелъ въ ошибку. Дитерици улыбнулся. — Вотъ Гумбольдтъ, прибавилъ онъ, der ist wirklich Excellenz.

Я разстался съ почтеннымъ радушнымъ директоромъ статистическаго бюро и пошелъ прямо отъ него къ Гумбольдту. Но мнѣ не посчастливилось его видѣть. Когда я подходилъ къ его дому, изъ воротъ выѣхала карета, въ которой сидѣлъ геніальный авторъ «Картинъ природы» и «Путешествія въ центральную

Digitized by Google

Америку». Я еще за день купилъ картину, представляющую его въ его кабинетѣ, уставленномъ ящиками и пакетами, присылаемыми къ нему со всѣхъ сторонъ, и ту же минуту узналъ старца. Портретъ его чрезвычайно удаченъ на картинѣ. Я все-таки позвонилъ, чтобы передать карточку и записку Дитерици, и чтобы узнать когда удобнѣе всего застать Гумбольдта дома.

— Excellenz ist so eben zum Herrn v. Norow Excellenz gefahren. (Его превосходительство только что выѣхали къ его превосходительству фонъ-Норову).

— Когда же я могу надѣяться застать его дома.

— Завтра въ это же время, ежели они только не выѣдутъ въ Санъ-Суси.

Но и на другой день та же неудача. Получасомъ опоздалъ, пришелъ, и тотъ же камердинеръ объявилъ мнѣ, что Гумбольдтъ уѣхалъ къ королю.

И. Бабстъ.

Digitized by Google

СЕМЕЙНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

(Изъ Записокъ А. Щ.)

—

Чтобъ начать съ самаго начала расказъ о моемъ родѣ, я буду руководствоваться домашнимъ актомъ, переданнымъ мнѣ отъ внучатнаго брата, котораго отецъ занималъ когда-то значительную должность по духовному вѣдомству и имѣлъ случай выписать его изъ подлинныхъ документовъ. Изъ этого акта значитъ слѣдующее: неизвѣстно въ которыхъ годахъ, но полагать должно, никакъ не позже царствованія Михаила Ѳедоровича, былъ въ Калужской епархіи, Масальской округѣ, въ селѣ Спасскомъ, что̀ на рѣкѣ Перекшѣ, церкви Преображенія Господня священникъ Ѳедоръ Прокопіевъ. Этотъ Ѳедоръ Прокопіевъ, по неизвѣстности кто былъ отецъ его, потому что этого изъ актовъ не видно, долженъ быть признанъ, въ юридическомъ смыслѣ, дѣйствительнымъ родоначальникомъ нашей фамиліи, хотя она въ тѣ времена извѣстна была (какъ передавали мнѣ нѣкоторые родственники) подъ прозваніемъ Ивановыхъ. По смерти Ѳедора Прокопіева поступилъ на его мѣсто священникомъ сынъ его Григорій; по смерти сына священствовалъ въ той же церкви внукъ — Алексѣй; по смерти внука — правнукъ Иванъ, и такъ далѣе, въ нисходящемъ потомствѣ чуть ли и не до сегодня. Правнукъ Ѳедора Прокопіева Иванъ былъ моимъ *прадѣдомъ*. Этотъ прадѣдъ имѣлъ очень много дѣтей, которыхъ разбросалъ по разнымъ мѣстамъ, а самъ поступилъ въ монашескій чинъ. Съ того времени дѣти его стали быть извѣстными подъ фамиліею Щ.... Одного изъ нихъ, Петра, помѣстилъ онъ на свое мѣсто въ церковь Преображенія Господня священникомъ, — другаго, Аѳанасія, дьячкомъ въ какое-то село, — третій, поступившій въ военную службу, извѣстенъ былъ подъ именемъ Трифона Воина, и за-

Digitized by Google

мѣчателенъ тѣмъ, что защитилъ отъ разбоя карантинъ, во время мора. Это было такимъ образомъ: когда мятежники бросились къ зданію, съ цѣлію разграбить и избить всѣхъ тамъ находившихся, Трифонъ стоялъ на часахъ у самаго входа. Онъ извѣстенъ былъ всѣмъ этимъ людямъ потому, что любилъ вмѣстѣ съ ними выпить на славу: дѣйствительно, онъ едва держался на ногахъ въ то время, отъ излишняго употребленія вина. Увидя Трифона, мятежники подступили къ нему толпою и закричали: «Отойди лучше безъ грѣха, Трифонъ! а не то — худо будетъ!» Но онъ, не трогаясь съ мѣста, отвѣчалъ, едва шевели языкомъ: «Не могу! видитъ Богъ, не могу!» Посовѣстились эти люди возмущать дремоту почтеннаго человѣка, ибо видѣли, что онъ говорилъ правду, — и потому оставили его въ покоѣ — и карантинъ былъ спасенъ отъ грабежа. — Подобнымъ же образомъ пристроилъ прадѣдъ мой и еще трехъ другихъ сыновей. Что же касается до старшаго, Григорія, роднаго моего дѣда, онъ, по странному стеченію обстоятельствъ, перешелъ въ крѣпостное состояніе. Это произошло слѣдующимъ образомъ:

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, неизвѣстно въ которомъ году, былъ проѣздомъ въ селѣ Спасскомъ какой-то помѣщикъ-меломанъ. (Онъ можетъ-быть и проживалъ тамъ). Услыша въ церкви, во время Божественной литургіи, очень пріятный голосъ мальчика, пѣвшаго на клиросѣ, онъ спросилъ: чей онъ? и узнавъ, что это былъ сынъ священника, пригласилъ къ себѣ прадѣда моего на домъ и разговорился съ нимъ о его дѣтяхъ. Прадѣдъ сталъ жаловаться на судьбу свою, что дѣтей у него много, а воспитать и содержать ихъ средствъ нѣтъ, потому что приходъ не богатый. Помѣщикъ отозвался на это, что если онъ захочетъ отдать ему старшаго сына своего (то-есть моего дѣда, который прельстилъ его пѣніемъ), то онъ составилъ бы его счастіе. Прадѣдъ благодарилъ помѣщика за его доброту и вниманіе къ бѣднымъ людямъ... Неизвѣстно что́ далѣе происходило, но только въ скоромъ времени послѣ этого, должно полагать въ томъ же году, вышелъ указъ, единственный въ своемъ родѣ, дозволявшій дѣтямъ священниковъ переходить въ крѣпостное состояніе къ тѣмъ помѣщикамъ, къ которымъ сами пожелаютъ. Для приведенія въ исполненіе этого указа, учреждена была въ Москвѣ коммиссія изъ довѣренныхъ особъ, куда должны были являться всѣ священническіе дѣти, желавшіе перейдти въ крѣпостное состояніе. Какимъ образомъ эти дѣла дѣлались, мнѣ ничего неизвѣстно; но изъ копіи съ постановленія сказанной коммиссіи, гдѣ прописанъ и самый указъ, значится (копія эта хранится при бумагахъ брата моего), что изъ всего русскаго царства воспользоваться этимъ указомъ пожелали

Digitized by Google

только три или четыре человѣка, въ томъ числѣ и восьми или девяти-лѣтній дѣдъ мой Григорій. Какъ узналъ онъ объ этомъ указѣ и какъ могъ прибыть изъ Калужской губерніи въ Москву, явиться въ коммиссію и объявить, что онъ предпочитаетъ званіе крѣпостнаго человѣка званію служителя Божія? этого я никакъ не могъ дознаться. Знаю только, что онъ поступилъ въ крѣпостное состояніе къ тому самому помѣщику, который хлопоталъ, чтобъ устроить его счастье. Послѣ этого, опять неизвѣстно мнѣ какимъ образомъ перешелъ онъ отъ этого благодѣтельнаго помѣщика къ другому помѣщику—графу В... Слышалъ я однакожь, что при подачѣ ревизскихъ сказокъ изъ имѣнія графа В..., не помню при какой ревизіи, эти сказки были переписываемы рукою дѣда моего (вѣроятно потому, что онъ писалъ недурно), и въ нихъ собственноручно внесено было имъ и его собственное имя.

Должно полагать, что жизнь дѣда моего у Графа В... была очень спокойная, и жаловаться ему на судьбу свою не было, кажется, никакихъ причинъ: по крайней мѣрѣ я ничего не слыхалъ отъ отца своего по этому случаю, а дѣда самого не засталъ въ живыхъ при рожденіи. Когда онъ пришелъ въ совершенный возрастъ, ему дозволено было вступить въ бракъ съ казачкою изъ заштатнаго города М..., очень красивою женщиной, которая была потомъ кормилицею старшаго сына Графа В... Этотъ сынъ, не смотря на буйную и разгульную жизнь свою, имѣлъ къ бабкѣ моей постоянно самое доброе расположеніе, и сына ея, то-есть моего отца, держалъ постоянно при себѣ. А когда старшій сынъ Графа долженъ былъ ѣхать на службу въ Петербургъ, гдѣ онъ поступилъ въ гвардію, то и отецъ мой отправленъ былъ съ нимъ же. Во все время службы молод. Графа, отецъ находился при немъ безотлучно; исправлялъ всѣ должности — и камердинера, и дворецкаго, и повара, и кондитера, и парикмахера. Въ то время были въ большомъ употребленіи пудра и парики. Парикмахерскую должность исполнялъ онъ не рѣдко и при Потемкинѣ; ибо Графъ пользовался расположеніемъ свѣтлѣйшаго и находился почти постоянно при Дворѣ, а потому и отецъ мой лично былъ извѣстенъ свѣтлѣйшему.

Отецъ часто разсказывалъ, что Графъ былъ къ нему очень привязанъ во все продолженіе службы своей, дѣлилъ съ нимъ и радость, и горе, принималъ живое участіе въ дѣлахъ его, какъ-будто бъ они были его собственныя. Въ доказательство чему разсказывалъ часто слѣдующій анекдотъ. Въ то время при Дворѣ были въ большомъ ходу азартныя игры. Отецъ, глядя на Графа и на другихъ, пристрастился къ картамъ до того, что почти всѣ ночи проводилъ за ними. При каждомъ выигрышѣ отца Графъ радовался, точно какъ-будто самъ выигрывалъ,

Digitized by Google

а послѣ каждаго проигрыша грустилъ точно такъ же. Однажды, вставъ поутру, Графъ вышелъ въ комнату моего отца и увидѣлъ его спящимъ на богатомъ диванѣ, онъ одѣтъ былъ шелковымъ одѣяломъ, во всю величину комнаты разстилался превосходный коверъ, нѣсколько столовъ изъ краснаго дерева дорогой отдѣлки и дюжина стульевъ разставлены были по комнатѣ, огромное зеркало стояло у стѣны, въ отличной рамѣ. На столахъ было множество шкатулокъ разной величины, дорогой работы. По стѣнамъ вездѣ были развѣшаны часы всѣхъ возможныхъ сортовъ и фасоновъ. Графъ стоялъ нѣсколько времени въ нѣмомъ удивленіи. Потомъ сталъ звать отца тихимъ голосомъ, какъ будто боясь обезпокоить его: «Семенъ Григорьевичъ! Семенъ Григорьевичъ!» Отецъ, проснувшись, спросилъ: «Что угодно вашему сіятельству? — Нельзя ли, другъ мой, приготовить мнѣ чашку кофею? — «Сію минуту, ваше сіятельство», сказалъ отецъ. — Послѣ чего немедленно всталъ, приготовилъ кофей — и подалъ Графу. Принимая чашку, Графъ очень ласково завелъ разговоръ съ отцомъ: «Я сегодня позавидовалъ тебѣ, Семенъ Григорьевичъ! говорилъ онъ, — признаться по совѣсти — я даже и представить себѣ не могъ, чтобъ ты составилъ себѣ такъ скоро счастье. Отъ души поздравляю тебя!» Отецъ отвѣчалъ, что ему въ игрѣ посчастливилось. — На другой день, Графъ, желая опять полюбоваться счастьемъ отца моего, вошелъ поутру къ нему въ комнату и нашелъ его лежащимъ на голомъ полу, покрытымъ рогожею. Ни диванов, ни ковровъ, ни зеркалъ, ни часовъ, — ничего не было — все исчезло! — Графъ прежде остолбенѣлъ отъ удивленія, а потомъ съ досадою закричалъ: «Сенька! Сенька!» и когда отецъ, проснувшись, поворачивался на полу и спрашивалъ: «что угодно?» — «Злодѣй ты! сталъ Графъ упрекать его и съ грустью, и съ досадою: да что ты царство что ли хотѣлъ выиграть? — неужели ты не доволенъ былъ тѣмъ счастьемъ, что́ тебѣ судьба послала? — Ахъ ты злодѣй! злодѣй...» Послѣ этого Графъ нѣсколько дней ходилъ грустенъ и печаленъ, точно въ воду опущенный, до тѣхъ поръ, пока отцу опять удалось выиграть наконецъ значительный кушъ. Не смотря на свой скромный характеръ, Графъ, живя при Дворѣ, очень часто попадалъ въ просакъ, то-есть говорилъ нерѣдко такія вещи, о которыхъ тамъ расказывать не слѣдовало. Хотя дѣлалось это имъ безъ всякаго желанія обидѣть или скомпрометировать кого-нибудь; но все-таки выходило иногда нехорошо; а онъ, по своему откровенному характеру, никакъ не могъ удержаться отъ неосторожныхъ разговоровъ. Наконецъ, чувствуя самъ неловкость своего положенія, рѣшился онъ выйдти въ отставку и былъ уволенъ съ чиномъ бригадира. Послѣ чего, женившись, поселился въ имѣніи своемъ въ К... губерніи, гдѣ пре-

Digitized by Google

дался совершенно уединенной домашней жизни. Лѣтомъ жилъ въ имѣніи, а на зиму переселялся въ городъ К...къ.

Графъ В... имѣлъ тысячу превосходныхъ качествъ, рѣдкихъ въ тѣ времена. Былъ добръ, сострадателенъ, внимателенъ ко всему окружавшему его, до невѣроятности. Съ людьми своими обращался, если не совершенно такъ какъ отецъ съ дѣтьми, то по крайней мѣрѣ ближе всѣхъ расположенъ былъ къ этому благородному чувству. Для нихъ онъ готовъ былъ рѣшиться на всякое пожертвованіе. Чтобы развлечь себя и другихъ, онъ завелъ у себя домашніе спектакли, имѣлъ свой собственный очень хорошій оркестръ и очень много людей талантливыхъ и способныхъ къ драматическому искусству. — Кромѣ этого, онъ до такой степени былъ снисходителенъ къ разнымъ шалостямъ и дурачествамъ, которыя люди его позволяли себѣ иногда дѣлать на его счетъ, что если расказать о нихъ, то это покажется невѣроятнымъ. Изъ безчисленныхъ продѣлокъ ихъ, я приведу одинъ примѣръ, который совершенно ясно обрисуетъ Графа В... Однажды, зимою, вздумалъ онъ навѣстить, по сосѣдству, одного изъ знакомыхъ помѣщиковъ. Такъ какъ имѣніе его находилось верстахъ въ десяти не болѣе и обращеніе у нихъ было самое нецеремонное, то Графъ приказалъ заложить сани въ одну лошадь и, взявъ съ собою человѣка Абрама, отправился въ гости зàпросто. Туда доѣхали они благополучно. Но на обратномъ пути случилась исторія. Человѣкъ Абрамъ успѣлъ въ гостяхъ напиться пьянъ, чего Графъ сперва и не замѣтилъ. Но когда отъѣхали они уже версты полторы, человѣкъ, стоявшій на запяткахъ, закричалъ вдругъ кучеру «стой!» Кучеръ остановился, а онъ, скочивъ съ запятокъ и подойдя къ Графу, сказалъ очень серьёзно: «Въ саняхъ-то, я вижу, сидѣть гораздо покойнѣе, чѣмъ стоять на запяткахъ! подвинься-ка Графъ!» и не дожидая, пока Графъ подвинется, оттѣснилъ его къ сторонѣ и преспокойно усѣлся съ нимъ рядомъ. Тутъ Графъ дѣйствительно замѣтилъ, что Абрамъ пьянъ; но какъ съ пьянымъ человѣкомъ разсуждать было нечего, то онъ и не сказалъ ему ни слова. Проѣхавъ еще версты полторы, Абрамъ вздумалъ закурить трубку, досталъ изъ кармана табакъ, огниво, кремень, трутъ и сталъ высѣкать огонь такъ безцеремонно, что Графъ принужденъ былъ оберегать лицо свое отъ локтей сопутника, однако и тутъ не сказалъ ни слова. Въ это время трубка съ табакомъ упала наземь, Абрамъ опять закричалъ кучеру «стой!» вылѣзъ изъ саней и сталъ отыскивать въ снѣгу трубку, приказывая кучеру подождать. Отыскавъ ее, онъ подошелъ къ санямъ и началъ опять медленно высѣкать огонь, послѣ чего, снова садясь въ сани, обратился къ Графу съ словами: «Ты привыкъ, Графъ, слишкомъ широко сидѣть,—подвинься-ка еще маленько!» и оттѣснилъ его на самый

Digitized by Google

край. Когда пріѣхали домой, въ саняхъ сидѣлъ положительно одинъ только Абрамъ, а Графъ едва держался на облучкѣ. Подъѣхавъ къ крыльцу, онъ вдругъ соскочилъ съ облучка и, взбѣжавъ на крыльцо, закричалъ: «А, негодяй! — теперь ты попался!.. мошенникъ!... а!... дать ему, канальѣ, пьяницѣ, пять сотъ тысячъ милліоновъ палокъ сію жь минуту!» Абрамъ не только не испугался такого огромнаго количества палокъ, но тутъ же возразилъ: «Ты, Графъ, дома у себя очень смѣлъ! а въ полѣ тебя и не слыхать было!» Подобные анекдоты повторялись очень нерѣдко — и всегда оканчивались однимъ смѣхомъ.

Когда Графъ поселился въ имѣніи своемъ, то сталъ уговаривать отца моего жениться, что̀ тотъ наконецъ и исполнилъ. Послѣ этого предоставлена была ему полная довѣренность на управленіе всѣмъ имѣніемъ Графа, совершенно по его собственному произволу. Хотя отецъ не получалъ жалованья за исполненіе должности управляющаго, но зато могъ держать у себя въ деревнѣ, гдѣ жилъ совершенно отдѣльно, разный скотъ, какъ-то: лошадей, коровъ, и проч. и продавать ихъ, если находилъ выгоду, что̀ и замѣняло ему жалованье. Впрочемъ, отецъ до такой степени былъ всегда деликатенъ съ помѣщикомъ своимъ въ денежныхъ дѣлахъ, что самъ никакъ не рѣшался напомнить ему, что ему безъ денегъ трудно пробавляться, а Графу и въ голову не приходило, что управляющій его нуждался въ деньгахъ. Однакожь, не смотря на это, дѣла отца моего находились въ довольно хорошемъ положеніи до самаго того времени, какъ стали подростать у него дѣти. Съ этихъ поръ онъ началъ задумываться и размышлять о своемъ состояніи. Пока живъ и здоровъ Графъ, ему бояться нечего; но въ случаѣ смерти его, наслѣдники могутъ быть совсѣмъ не таковы и пожалуй сдѣлаютъ несчастнымъ не только его самого, но и дѣтей. Эти мысли постоянно и долго безпокоили отца. Онъ рѣшился наконецъ посовѣтоваться о своемъ положеніи съ нѣкоторыми дѣльцами и предлагалъ имъ на разрѣшеніе вопросъ: не имѣетъ ли онъ права отыскивать себѣ свободу, основываясь на томъ, что его дѣдъ и всѣ родственники принадлежали къ духовному званію — и что отецъ его, бывъ восьми лѣтъ, не имѣлъ никакого права выбирать себѣ родъ жизни, потому что не могъ имѣть даже и понятія что̀ такое крѣпостное состояніе. Одни говорили отцу, что онъ въ правѣ отыскивать свободы, а другіе, напротивъ, утверждали, что это невозможно, потому что дѣдъ, когда уже находился и въ совершенномъ возрастѣ, не жаловался на перечисленіе свое въ крѣпостные люди. Долго отецъ безпокоился, не зная что̀ дѣлать. Написалъ къ роднымъ своимъ, которые жили тогда въ Москвѣ и въ Калужской губерніи, и просилъ ихъ доставить ему какіе-нибудь документы, свидѣтельствовавшіе принадлежность его къ духовному званію. Дѣй-

Digitized by Google

ствительно, родственники доставили ему наконецъ документъ, который явленъ былъ Калужской губерніи въ Мѣщовскомъ уѣздномъ судѣ 1806 года іюля 11-го дня. Изъ этого документа, названнаго свидѣтельствомъ и заключавшаго въ себѣ удостовѣреніе многихъ лицъ духовнаго званія, видно было, что какъ отецъ мой, такъ и всѣ прочіе родственники наши, всегда принадлежали къ духовному чину — и что никто изъ нихъ и никогда не находился въ крѣпостномъ состояніи. Получивъ эту бумагу, отецъ упросилъ знакомыхъ дѣльцовъ написать ему просьбу, при которой намѣревался приложить и свидѣтельство. Когда просьба была написана и все уже приготовлено къ начатію дѣла, Графъ, увидѣвъ однажды отца моего, обратился къ нему вдругъ съ слѣдующими словами: «Я слышалъ, Семенъ, что ты мною недоволенъ, хочешь жаловаться на меня и отыскивать себѣ свободу!» Отецъ сталъ увѣрять Графа, что, напротивъ, онъ всегда доволенъ былъ его милостями и жалобы на него никогда и никому приносить не думалъ. Но что касается до отыскиванія свободы, это точно правда. Отецъ не только не отперся отъ своего намѣренія, но даже показалъ Графу на бѣло переписанную просьбу и подлинный документъ, присланный ему изъ Калужской губерніи. Графъ, прочитавъ просьбу и разсмотрѣвъ документъ, сказалъ отцу: «Оставь это, Семенъ. Будь увѣренъ, если ты мнѣ еще послужишь, я тебя со всѣми дѣтьми отпущу на волю.» Отецъ поблагодарилъ Графа за его милости и дѣйствительно оставилъ это дѣло въ ожиданіи обѣщанной Графомъ свободы.

Здѣсь слѣдуетъ объяснить, что Графъ В..., при всей добротѣ и при всемъ благорасположеніи своемъ къ окружавшимъ его людямъ, въ самомъ дѣлѣ былъ не что иное какъ помѣщикъ, который поддерживалъ систему крѣпостнаго состоянія съ такимъ же постоянствомъ и ревностью, какъ и всѣ другіе помѣщики, убѣжденія которыхъ по этому предмету раздѣлялъ онъ вполнѣ и былъ проникнутъ чувствомъ раболюбія въ самой высшей степени, то-есть онъ любилъ людей своихъ именно потому, что они принадлежали ему, что они были его собственность, а не потому, что должно любить ближняго, — и какъ скоро замѣчалъ въ человѣкѣ своемъ желаніе избавить личность свою отъ его притязаній, это невольно приводило его въ негодованіе. Слѣдовательно, обѣщаніе Графа дать свободу отцу моему должно принимать точно въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ принимаются слова какого-нибудь директора департамента, который занимаетъ у служащаго подъ его вѣдомствомъ чиновника нѣсколько тысячъ съ тѣмъ, что возвратитъ ихъ при первой возможности. Кромѣ того, еслибъ Графъ и дѣйствительно пожелалъ исполнить свое обѣщаніе, то Графиня не только воспрепятствовала бы ему въ этомъ, но и ожесточила бы его противъ своихъ

Digitized by Google

людей. — Графиня принадлежала къ числу самыхъ раболюбивыхъ созданій. Я увѣренъ, что при одной мысли, что она могла остаться безъ толпы горничныхъ и лакеевъ, она упала бы въ обморокъ. — Въ самомъ дѣлѣ, какъ Графъ такъ и Графиня до такой степени привязаны были къ крѣпостнымъ своимъ людямъ, что едва ли кто въ состояніи чувствовать подобную привязанность къ какимъ бы то ни было удовольствіямъ для удовлетворенія собственнаго самолюбія. Для нихъ не было высшаго наслажденія, какъ видѣть передъ собою толпу рабовъ преданныхъ, послушныхъ и готовыхъ съ радостью выполнять всѣ желанія ихъ. Все же прочее было для нихъ уже дѣломъ второстепеннымъ.

Изъ сказаннаго теперь можно легко видѣть, что съ тѣхъ самыхъ поръ какъ дошли до Графа слухи объ отыскиваніи свободы отцомъ моимъ, между ними все уже было кончено. Хотя Графъ продолжалъ по прежнему показывать удовольствіе свое всякій разъ, когда видалъ отца, между тѣмъ отношенія ихъ совершенно перемѣнились. Вскорѣ потомъ зашло дѣло объ одномъ изъ графскихъ крестьянъ, который нѣсколько разъ попадался въ кражѣ и вообще былъ дурнаго поведенія. Графъ, разговаривая съ отцомъ, сказалъ: «Я право не знаю что́ съ нимъ дѣлать. Ты какъ думаешь, Семенъ?» Отецъ отвѣчалъ прямо, что его слѣдовало выпороть хорошенько, а потомъ отдать въ солдаты. Графъ, выслушавъ его, съ такимъ рѣзкимъ тономъ замѣтилъ ему: «варваръ ты, братъ, какъ я вижу!» что отецъ тогда же просилъ его уволить отъ управленія имѣніемъ, на что Графъ немедленно и согласился. Съ этого собственно времени настали для отца горькіе и тяжелые дни. Приверженные Графу люди стали колоть ему глаза, что онъ человѣкъ неблагодарный, что напрасно пользовался милостями Графа, которыхъ не заслужилъ, и что оставаясь безполезнымъ, получаетъ между тѣмъ и хлѣбъ, и все необходимое содержаніе.

Въ это-то несчастное время судьбѣ угодно было чтобъ я родился на свѣтъ. Думаю, послѣ этого всякому можетъ быть понятно, почему все дѣтство мое, почти съ самаго рожденія, сопровождалось обстоятельствами постоянно неблагопріятными, и я долженъ былъ находиться безпрерывно въ кругу людей самаго низкаго разряда, которые во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководились грубыми суевѣрными и пустыми предразсудками, и для которыхъ слова здравый разсудокъ совершенно не имѣли никакого смысла...

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТРУЖЕНИКЪ. (Провинціальныя сцены). . . А. В. ИВАНОВА.
НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ОБЪ ОБЩИННОМЪ
ВЛАДѢНІИ ЗЕМЛЕЮ. . . . . Ю. И. САВИЧА.
ПИСЬМО ИЗЪ БЕРЛИНА. . , ... И. К. БАБСТА.
ИЗЪ ЗАПИСОКЪ. . . . . А. Щ.

Являясь еженедѣльно книжками, отъ *т ехъ* до *пяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,
и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, разказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атенея*, при книжномъ магазинѣ П. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 52-хъ книжекъ, *десять* рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. сь полтиною*.

Печатать дозволяется. Декабря 13-го, 1858 года.
Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе*.

Digitized by Google

итута.

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 51 и 52.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРИСТА БАРФКНЕХТА И К°

1858.

Digitized by Google

Гашишъ есть арабское названіе восточнаго растенія, извѣстнаго въ наукѣ подъ именемъ *Cannabis indica* и очень сходнаго съ нашею коноплею — *Cannabis sativa*. Этотъ видъ конопли, распространенный безъ воздѣлки въ Индіи и южной Азіи, весьма вѣроятно, далъ происхожденіе нашей европейской коноплѣ, вывезенной если не изъ Китая, то изъ Индіи, и принадлежащей къ тому же семейству и роду. Различія между ними самыя ничтожныя, и особенно замѣтны въ стеблѣ, который имѣетъ не болѣе 2, 3 футовъ вышины и отъ основанія пускаетъ вѣтви, противоположно на немъ сидящія; на стеблѣ незамѣтно волоконъ, которыя мы видимъ на стеблѣ европейской конопли, и запахъ ея гораздо слабѣе.

Самый распространенный на Востокѣ препаратъ гашиша состоитъ изъ *жирнаго экстракта* [1]), служащаго основаніемъ всѣхъ употребительныхъ смѣсей, къ которымъ всегда прибавляются пряности и даже иногда порошокъ шпанскихъ мухъ, съ цѣлью ограничить дѣйствіе гашиша исключительно чувственной сферой. Въ Индіи иногда прибавляютъ и опіумъ [2]), вѣроятно для того, чтобъ усилить его одуряющее дѣйствіе. Изъ всѣхъ смѣсей наиболѣе извѣстна распространенная между Арабами, подъ именемъ *Dawamesk'a*.

На Востокѣ употребляется гашишъ для произведенія пріятнаго возбужденія нервной системы, возбужденія, особенно необходимаго въ жаркомъ и однообразномъ климатѣ, гдѣ вѣчное, гнетущее солнце, гдѣ времена года никогда не смѣняются быстро и рѣзко, гдѣ и способности человѣка не выходятъ изъ однообразной и лѣнивой дѣятельности, если не вызывать ихъ изъ этой торпидности, отъ времени до времени, какимъ-нибудь особеннымъ стимуломъ. Если и при нашемъ благопріятномъ климатѣ, при всеобъемлющей дѣятельности, дающей пищу

---

[1]) Онъ приготовляется кипяченіемъ листьевъ и цвѣтковъ индѣйской конопли съ водою, къ которой прибавляютъ нѣсколько коровьяго свѣжаго масла, имѣющаго свойство, общее всѣмъ жирнымъ тѣламъ, растворять дѣйствующее начало гашиша; продолжая кипяченіе, выпариваютъ до густоты сиропа, процѣживаютъ сквозь холстъ, застуживаютъ и получаютъ такимъ образомъ масло зеленаго цвѣта и тошнотнаго вкуса.

[2]) V. *Cabanis*. Rapports du phisique et du moral de l'homme. 8-me éd. augmentée de notes par L. Peisse. P. 376.

Digitized by Google

всѣмъ требованіямъ натуры человѣческой, если и при нашемъ разнообразномъ, перемѣнчивомъ, многостороннемъ образѣ жизни, мы чувствуемъ еще потребность въ искусственныхъ возбужденіяхъ, — употребляемъ табакъ, кофей, чай и спиртные напитки, — то какъ же несчастному Арабу, Индѣйцу, Турку не искать болѣе сильныхъ возбудителей въ опіумѣ и гашишѣ? Умѣренное употребленіе этихъ средствъ могло бы быть для нихъ даже полезно, но какъ отграничить эту пользу отъ употребленія во зло? Если и мы такъ рѣдко рѣшаемся признать границей черту, которую указываетъ намъ просвѣщенный разсудокъ, если и при самыхъ выгодныхъ условіяхъ жизни намъ такъ трудно бороться съ нашими наклонностями и привычками, — какая жь остается гарантія за неразвитымъ, изнѣженнымъ и чувственнымъ обитателемъ Востока? . . И это злоупотребленіе опіума и гашиша является только эпифеноменомъ того нравственнаго паденія на Востокѣ, которое выражается многоразличнѣйшими фактами домашней и общественной жизни и представляется результатомъ дѣйствія многосложныхъ причинъ, по большей части *естественныхъ;* въ этомъ — объясненіе, но не оправданіе тѣхъ печальныхъ и унизительныхъ результатовъ, устраненіе которыхъ возможно было бы только при внѣшнемъ вліяніи, только при участіи Европейцевъ, весьма необходимомъ въ дѣлѣ, которое касается общечеловѣческихъ интересовъ.

Оставивъ пренія о томъ, дѣйствительно ли Непентесъ Гомера, которымъ Елена угощаетъ Телемака, состоялъ изъ индѣйской конопли, какъ то доказывалъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія Virey, — мы не имѣемъ никакихъ вѣрныхъ указаній, чтобы свойства гашиша были извѣстны древнимъ. Надо думать, что на Востокѣ употребленіе этого средства сдѣлалось всеобщимъ еще не такъ давно; еще во время крестовыхъ походовъ оно было секретомъ немногихъ лицъ, пользовавшихся имъ въ интересахъ своего тщеславія и фанатизма. Augustin Thierry * расказываетъ, что «подъ именемъ *гассас-*

* Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands. Bruxelles. 4-me édition. 1835. T. IV, p. 52 — 53.

Digitized by Google

сисовъ (hassassis), или *ассассиновъ* (assassins), во время крестовыхъ походовъ, слыли въ Европѣ религіозные фанатики-мусульмане, которые, въ надеждѣ удостоиться рая, жертвовали собой для внезапнаго пораженія враговъ своей вѣры. Всѣ вообще тогда вѣрили, что въ ущельяхъ Ливанскихъ обитало цѣлое племя этихъ энтузіастовъ, подъ предводительствомъ вождя, извѣстнаго подъ именемъ «Стараго Горца» (le Vieux de la Montagne), по знаку котораго вассалы его съ восторгомъ сбѣгались на смерть. Слово *haschischi*, которымъ называли ихъ по-арабски, происходило отъ названія одного опъяняющаго растенія, часто употребляемаго ими какъ возбуждающее, или одуряющее средство. Понятно, что одно имя этихъ людей, которые внезапно поражали кинжаломъ, умерщвляли вождей среди ихъ собственныхъ солдатъ и весело умирали, лишь бы ударъ ихъ вѣрно былъ нанесенъ, должно было внушать большой ужасъ крестоносцамъ и пилигримамъ. Они приносили оттуда такое живое воспоминаніе о страшномъ словѣ *ассассиновъ*, что это слово, въ то время еще новое, скоро сдѣлалось извѣстнымъ, и самые нелѣпые расказы объ убійствахъ пользовались у многихъ довѣріемъ».

Исторія говоритъ, что «Старый Горецъ», съ помощью гашиша, дѣйствовалъ на души тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ онъ избиралъ орудіями своего фанатизма; мы постараемся доказать возможность самаго баснословнаго вліянія при помощи гашиша, а теперь скажемъ только, что мы имѣемъ полное право вѣрить тому, что гашишины, по знаку вождя, низвергали себя въ пропасти, кидались въ огонь, вонзали кинжалъ себѣ въ сердце, или отправлялись, не взирая на препятствія и опасности, по указанію вождя своего, поражать вождей непріятельскихъ въ ихъ собственныхъ чертогахъ, среди толпы ихъ бдительной стражи *. Чудесность этого вліянія весьма упрощается по мѣрѣ изученія дѣйствія гашиша на мозгъ; но пока, мы выведемъ только одно заключеніе: въ средніе вѣка употребленіе гашиша не было еще повсемѣстно распространено на Востокѣ и свойства его еще не вездѣ и не всѣмъ были

* Moreau (de Tours). Du hachisch et de l'aliénation mentale, études psychologiques. Paris. 1845. P. 10 — 12.

Digitized by Google

извѣстны; но въ наше время употребленіе его сдѣлалось обычнымъ между Индѣйцами, Арабами и Турками; у первыхъ онъ извѣстенъ подъ именемъ Banque, у вторыхъ — hachisch, у третьихъ — Malach.

Первыя сколько-нибудь научныя свѣдѣнія о дѣйствіи гашиша получены въ Европѣ отъ англійскихъ врачей, поселившихся въ Индіи; потомъ, съ появленіемъ этого средства въ европейскихъ аптекахъ, врачи всѣхъ націй обратили на него серьёзное вниманіе и стали испытывать его дѣйствіе на здоровый и больной организмъ, и гашишъ вскорѣ занялъ почетное мѣсто въ ряду наркотическихъ средствъ. Изъ французскихъ врачей особенно Moreau (de Tours) способствовалъ научному опредѣленію наркотическихъ свойствъ этого растенія, имѣвши случай наблюдать его дѣйствіе сперва на Востокѣ, а потомъ и въ отечествѣ своемъ на самомъ себѣ и на другихъ, врачахъ и не врачахъ, и, наконецъ, на больныхъ умалишенныхъ въ Бисетрѣ. Результатомъ этихъ наблюденій явилось въ 1845 году его прекрасное сочиненіе о гашишѣ, единственное по полнотѣ, вѣрности наблюденій и легкости изложенія. Въ нашей литературѣ, кромѣ нѣкоторыхъ отрывковъ, необстоятельныхъ, необсуженныхъ и преувеличенныхъ, ничего еще нѣтъ о дѣйствіи этого средства; и хотя Moreau принимаетъ только личный опытъ за критеріумъ истины, и всѣхъ не испытавшихъ дѣйствія гашиша устраняетъ отъ сужденія объ немъ [1]), я думаю, что обстоятельнымъ описаніемъ и примѣрами можно дать полное и ясное понятіе о дѣйствіи гашиша такъ точно, какъ и о дѣйствіи всякаго другаго средства.

Начнемъ съ того, что въ нашихъ аптекахъ очень рѣдко встрѣчается настоящій гашишъ; по большей части это спиртный экстрактъ индѣйской конопли, выросшей на европейской почвѣ и чрезъ это утратившей бо́льшую часть своихъ наркотическихъ свойствъ. Оттого и мнѣнія у насъ такъ различны о дѣйствіи этого средства и о количествѣ [2]), потребномъ для про-

---

[1]) Moreau. L. C. P. 4.

[2]) Спиртный экстрактъ считается лучшимъ препаратомъ гашиша, потому что Cannabin, дѣйствующее начало гашиша, легко растворяется въ спиртѣ и сохраняется безъ порчи въ такой формѣ; между тѣмъ какъ масло жирнаго экстракта протухаетъ и становится чрезъ это негоднымъ для употребленія. Конечно

Digitized by Google

изведенія *фантазіи*. Фантазіей въ Левантѣ называютъ полное дѣйствіе гашиша: терминъ этотъ, замѣтимъ, весьма опредѣлителенъ, потому что главнѣйшее дѣйствіе гашиша выражается чрезмѣрнымъ возбужденіемъ всѣхъ умственныхъ и аффективныхъ способностей, причемъ остается нетронутымъ только сознаніе, только ваше *я*, которое является обезоруженнымъ, пассивнымъ свидѣтелемъ самопроизвольной дѣятельности всѣхъ способностей вашихъ. Это пассивное состояніе вашей личности съ одной стороны, самопроизвольная и оттого безпорядочная дѣятельность различныхъ способностой съ другой стороны, даютъ уже довольно ясное понятіе о томъ, чего можно ожидать отъ дѣйствія гашиша на мозгъ. Это рядъ разнообразныхъ сновъ *безъ сна*, это сны на-яву. Весьма замѣчательно, что этотъ первый моментъ дѣйствія гашиша является почти безъ всякихъ предвѣстниковъ: выраженіе лица, состояніе зрачковъ, пульса, — все остается пока въ нормальномъ состояніи, и даже внутреннее самоощущеніе измѣняется въ началѣ весьма рѣдко; правда, иногда наступаетъ смѣхъ безъ причины, но никакъ не вслѣдствіе веселаго настроенія, а въ полномъ смыслѣ слова безъ всякой причины, и иногда даже безъ всякаго повода; ему можно было бы найдти объясненіе *въ особенномъ состояніи нервовъ*, но это только faux-fuyant, который никакъ не дѣлаетъ его происхожденія болѣе понятнымъ, и лучше сравнить его, безъ комментаріевъ, со смѣхомъ истерической женщины во время приступа ея болѣзни. Послѣ этого вскорѣ наступаетъ какое-то безотчетное, разсѣянное состояніе, какая-то *внутренняя пустота*, зависящая отъ начинающагося разброда мыслей, которыя рѣдѣютъ все болѣе и болѣе, а между тѣмъ становятся все болѣе и болѣе ясными и рѣзко-опредѣлительными; пульсъ повышается, становится чаще, на лицѣ выражается глубокая сосредоточенность, которая отъ времени до времени смѣняется выраженіемъ радости, изумленія и восторга. Тутъ, са-

---

лучшимъ препаратомъ гашиша былъ бы Cannabin (еще не точно опредѣленное дѣйствующее начало), но добываніе его очень трудно, да и притомъ у насъ въ Россіи его нельзя найдти даже въ лабораторіяхъ. Количество хорошаго экстракта, потребное для произведенія полнаго дѣйствія, можно считать между 4-мя и 10-ю гранами. Но безъ опасности для жизни можно принимать его *до 30* гранъ.

Digitized by Google

мыя мимолетныя впечатлѣнія, знакомые предметы и лица, одни за другими, приходятъ на память въ самыхъ яркихъ чертахъ и на одинъ неуловимый мигъ, безпрерывно смѣняясь все новыми, какъ бы вытѣсняя другъ друга; это движеніе становится все быстрѣе и быстрѣе, такъ что въ теченіи 2-хъ, 3-хъ минутъ представленія становятся положительно неуловимыми, но тѣмъ не менѣе очень ярко изображенными. Пульсъ въ это время достигаетъ почти вдругъ 120 — 130 ударовъ въ минуту, и внутреннее самоощущеніе измѣняется весьма различно, смотря по обстоятельствамъ и лицамъ, но въ большей части случаевъ состоитъ въ ощущеніи какъ бы мельчайшаго дрожанія всѣхъ органическихъ фибръ, которое скоро переходитъ въ онѣмѣніе, сперва мѣстами, а потомъ и повсемѣстно, такъ что испытатель *перестаетъ чувствовать свое тѣло*. Понятно, какъ много средствъ пріобрѣтаетъ чрезъ это воображеніе, особенно при одновременномъ насильственномъ возбужденіи всѣхъ духовныхъ способностей *; его перестаетъ такимъ образомъ стѣснять и уличать безпрерывно докучливая реальность, тѣмъ болѣе, что притупляется совмѣстно вкусъ и обоняніе, а зрѣніе и слухъ такъ заняты внутреннимъ спектаклемъ, что имъ не до внѣшнихъ впечатлѣній: вы смотрите и не видите, слушаете и не слышите, — видите и слышите иначе. Впрочемъ зрѣніе и слухъ всегда дѣйствуютъ согласно съ степенью нашего вниманія: и безъ гашиша можно быть съ открытыми глазами и ничего не видѣть, равно какъ и при дѣйствіи гашиша являются отъ времени до времени свѣтлые промежутки, когда вниманіе можетъ остановиться на внѣшнихъ предметахъ, и тогда впечатлѣнія вѣрно передаются глазомъ и ухомъ; но эти впечатлѣнія остаются необсуженными и бываютъ или вовсе незамѣчены, или же принимаютъ самыя причудливыя формы, если воображеніе усвоитъ ихъ и приспособитъ къ своимъ фантастическимъ представленіямъ. Особенно, говорятъ, слухъ хо-

---

* *Примѣчаніе.* Прошу читателя не заключить изъ этого, что въ моихъ понятіяхъ воображеніе есть отдѣльная способность, или даже нѣчто въ родѣ отдѣльной личности: оно для меня и состоитъ именно въ возбужденіи всѣхъ, или нѣкоторыхъ умственныхъ способностей; оно есть только высшая степень свойства представленія (percepiio) и познаванія (concepiio), общаго всѣмъ этимъ способностямъ.

Digitized by Google

рошо проводитъ впечатлѣнія, потому что многими замѣчено сильное вліяніе музыки на гашишиновъ; но ухо играетъ въ этомъ фактѣ только пассивную роль, оно только проводитъ впечатлѣнія, а звуки воспринимаются центральнымъ органомъ звуковъ, гдѣ и достигаютъ до степени музыкальнаго чувства. Существованіе этого органа не подлежитъ сомнѣнію, хотя мы и не можемъ съ вѣрностью указать его мѣста въ мозгу; бо́льшимъ, или ме́ньшимъ развитіемъ его опредѣляется *музыкальный слухъ*; для *музыкальнаго таланта* потребно одновременное развитіе чувства прекраснаго и безконечнаго; а если къ этому еще прибавить хорошо развитыя мыслительныя способности, мы опредѣлимъ *геніальность* музыканта. При такомъ воззрѣніи мы не ошибемся, если скажемъ, что музыка должна производить на гашишина впечатлѣніе болѣе или менѣе сильное, смотря по степени развитія и разработки центральнаго органа звуковъ и по соотношенію его съ другими органами мозга; и мы поостережемся сдѣлать заключеніе, что слухъ его сдѣлался острѣе обыкновеннаго: мы скажемъ, напротивъ, что ухо не потеряло только способности проводить впечатлѣнія, но въ возбужденномъ состояніи находится собственно центральный органъ звуковъ, равно какъ и другіе органы различныхъ способностей человѣка. Это вліяніе музыки можетъ быть въ такихъ обстоятельствахъ чрезвычайно сложно, именно потому, что получаемое впечатлѣніе чувствуется гораздо сильнѣе обыкновеннаго, а между тѣмъ правильное обсужденіе его невозможно; поэтому, при сильно затронутомъ одномъ какомъ-нибудь чувствѣ, затрогиваются одновременно и всѣ другія гармонирующія съ нимъ чувства, и на этотъ тонъ настроиваются всѣ способности, вызывая изъ прошедшаго черты, понятія и полныя воспоминанія, которыя могутъ питать и поддерживать данное впечатлѣніе. Звуки погребальной музыки напомнятъ вамъ дорогія утраты, и горе забытое воскреснетъ въ душѣ вашей съ полною силой и проведетъ васъ заново по всѣмъ степенямъ того убійственнаго чувства, съ которымъ вы проводили вамъ близкихъ людей; гармонія торжественныхъ гимновъ преисполнитъ васъ самыхъ высокихъ, идеальныхъ чувствъ, превратится, быть-можетъ, въ воздушный хоръ невидимыхъ духовъ и, унося васъ все выше и выше, сольется въ одно съ гармо-

Digitized by Google

ніей міровъ, превратится въ идею стройности и вѣчнаго порядка... А если въ этотъ моментъ самаго высокаго поэтическаго созерцанія вдругъ грянетъ музыка веселаго танца, вы сразу очнетесь и преобразитесь, вы съ новымъ, оглушительнымъ упоеніемъ понесетесь съ кѣмъ попало въ шумную, дикую пляску!

Понятіе о пространствѣ и времени, такъ точно какъ и во снѣ, исчезаетъ, какъ и можно уже объ этомъ догадываться à priori: эти понятія предполагаютъ постоянное представленіе единицы мѣры, что̀ становится отъ навыка незамѣтнымъ для насъ, хотя естественно требуетъ яснаго сознанія и средствъ для внутренняго представленія такой единицы, а это не согласно съ тѣми безпорядками, которые производитъ въ умственной сферѣ гашишъ. Но кромѣ того, подвижность идей становится гораздо значительнѣе, такъ что быстрота представленій можетъ достигнуть до невѣроятнаго и ужь поэтому находится въ совершенномъ разладѣ съ условной единицей мѣры. Такимъ образомъ Магометъ, въ началѣ одного изъ своихъ видѣній, перевернулъ кувшинъ съ водой и успѣлъ осмотрѣть небо и землю со всѣми ихъ чудесами, прежде чѣмъ вода успѣла вылиться изъ сосуда *.

Итакъ, обстановивъ васъ самыми разнообразными картинами, показавъ вамъ мелькомъ все, чѣмъ богата ваша память, перепутавъ понятія ваши, закруживъ до сумашествія вамъ голову, если можно такъ выразиться, прихотливое воображеніе выноситъ васъ изъ тѣла вашего, о которомъ вы потеряли всякое сознаніе и доставляетъ вамъ *въ средѣ, ничѣмъ не ограниченной*, какое-то высокое блаженство, трудно передаваемое, но которое приблизительно можетъ быть выражено словами: я ничего не чувствую, кромѣ *самого себя*. Всякій гашишинъ непремѣнно вамъ скажетъ, что были у него удивительные моменты, преисполненные счастья, но котораго онъ выразить словами не можетъ; мнѣ кажется, что это именно то, что̀ и мнѣ такъ трудно перевести на слова; это — счастье свободы, это *избавленіе отъ цѣпей*... Лучшаго сравненія я не могу придумать.

Послѣ этого момента скоро начинаетъ пробуждаться чувствительность, и здѣсь наступаетъ обыкновенно рядъ уже чисто

* Moreau. L. c., p. 69.

Digitized by Google

тѣлесныхъ ощущеній, иногда чрезвычайно пріятныхъ. По большей части дѣйствіе гашиша заключается сномъ, глубокимъ и возстановительнымъ, послѣ котораго испытатель чувствуетъ себя бодрѣе и крѣпче, чѣмъ прежде, до опыта. Но должно замѣтить, что такое общее, разностороннее дѣйствіе замѣчается весьма рѣдко; обыкновенно же, среди разнообразнѣйшихъ представленій, ясно рисуется одна какая-нибудь идея, которая сообщаетъ свой характеръ бреду. Она можетъ быть явленіемъ случайнымъ и неожиданнымъ, но такъ же точно можетъ быть искусственнымъ произведеніемъ внѣшнихъ условій; всегда же она бываетъ результатомъ наисильнѣйшаго впечатлѣнія, удержаннаго памятью, впечатлѣнія, которое можетъ происходить отъ внутреннихъ условій, такъ точно какъ и отъ внѣшнихъ, какъ это мы увидимъ ниже.

Иллюзіи и галлюцинаціи, о которыхъ столько чудеснаго разсказывали испытатели гашиша, бываютъ, напротивъ, весьма рѣдко, по крайней мѣрѣ въ полномъ ихъ значеніи. Надо пояснить, что какъ иллюзіи, такъ и галлюцинаціи бываютъ двоякаго рода: во-первыхъ, съ однимъ только внутреннимъ изображеніемъ предмета, во-вторыхъ, съ изображеніемъ его во внѣшности. *Въ первомъ случаѣ* изображеніе предмета бываетъ только въ мозгу; наступаетъ оно при глубокомъ внутреннемъ сосредоточеніи, при полномъ самоуединеніи отъ внѣшняго міра; когда вслѣдствіе болѣзненнаго, или искусственнаго возбужденія мозга, внутренняя жизнь, состоящая изъ ощущеній, побужденій и представленій предметовъ, вызванныхъ памятью и сложенныхъ во всѣ возможныя формы воображеніемъ, достигаетъ очень сильнаго напряженія. Если въ это время, когда все вниманіе устремлено на эти внутреннія представленія и занято исключительно ими, получается какое-нибудь впечатлѣніе извнѣ, оно ясно почувствуется, но не можетъ быть, за недостаткомъ средствъ, вѣрно оцѣнено и понято; однако вниманіе, тѣмъ не меньше, ищетъ настойчиво объясненія и находитъ его въ сходныхъ съ полученнымъ впечатлѣніемъ чертахъ, которыя подставляются на его мѣсто, *до возсозданія яснаго внутренняго изображенія*, ложно объясняющаго данное впечатлѣніе. Это — неполная иллюзія, безъ представленія во внѣшности. Если это изображеніе составилось изъ однихъ внутреннихъ

Digitized by Google

данныхъ, безъ всякаго повода извнѣ, изображеніе называется неполной галлюцинаціей, съ однимъ психическимъ элементомъ. *Во второмъ случаѣ* соединяются всѣ условія настоящаго видѣнія: внутреннее изображеніе становится такимъ яснымъ, что достигаетъ полной наглядности и не можетъ уже имѣть мѣста только въ мозгу, гдѣ, не смотря на ясность его изображенія, оно имѣло только кажущійся характеръ дѣйствительности; здѣсь оно уже переходитъ во внѣшность, сообщая предмету, дѣйствительно существующему, формы воображаемыя, но съ такою ясностью, что, не смотря на то, что внѣшнія чувства вѣрно передаютъ впечатлѣнія при повѣркѣ предмета, сила внутренняго ложнаго убѣжденія извлекаетъ изъ нихъ только то, что̀ нужно для оправданія ложной идеи. Тѣмъ не менѣе, такая иллюзія, равно какъ и галлюцинація, долго и безъ ясныхъ промежутковъ удержаться не можетъ: внѣшнія чувства возьмутъ свое, реальность вытѣснитъ воображаемое представленіе. И для того, чтобъ оно вкоренилось, надо, чтобъ и въ отправленіи внѣшнихъ чувствъ произошло измѣненіе, надо, чтобъ и внѣшнія чувства доставляли сознанію данныя, согласныя съ ложной идеей; или же, чтобы въ мозгу произошло какое-нибудь матерьяльное измѣненіе условій воспріимчивости мозга и составленія понятій и мыслей, измѣненіе, ограниченное сферой однородныхъ впечатлѣній.

Итакъ, полныхъ представленій, соединяющихъ въ себѣ элементъ *психическій* и *сенсоріальный*, при наркотизмѣ отъ гашиша, почти никогда не бываетъ, и я наблюдалъ это явленіе только въ одномъ случаѣ; между тѣмъ какъ первый видъ представленій, съ однимъ элементомъ психическимъ, замѣчается постоянно, такъ что я не встрѣчалъ еще исключеній. Надо замѣтить, что мое мнѣніе противорѣчитъ мнѣнію Moreau [1]) и Judée [2]), которые находятъ, что полныя иллюзіи и галлюцинаціи бываютъ постоянными явленіями при наркотизмѣ отъ гашиша; вѣроятно они принимали исключенія за правило, или не довольно точно анализировали это явленіе во всѣхъ представлявшихся имъ случаяхъ.

---

[1]) L. c. P. 147 — 181.

[2]) Gazette des hôpitaux. 1855. № 70, p. 279.

Digitized by Google

Но не только однѣ умственныя способности приходятъ въ возбужденное состояніе и дѣйствіемъ своимъ составляютъ бредъ гашишиновъ, но въ равной мѣрѣ и способности аффективныя—*наклонности* и *чувства*, сила которыхъ можетъ въ свою очередь достигнуть небывалыхъ размѣровъ. Въ такомъ случаѣ онѣ сообщаютъ особенное направленіе мыслямъ и управляютъ всѣмъ этимъ внутреннимъ движеніемъ, приспособляя его къ своимъ потребностямъ и побужденіямъ. Поэтому степень ума, различіе способностей, наклонностей и чувствъ, различіе воспитанія, сбразованія и направленія имѣютъ самое ближайшее, непосредственное вліяніе на характеръ и свойства бреда; и это вліяніе таково, что хорошо зная человѣка, можно заранѣе опредѣлить будущее содержаніе его бреда. Относительно темпераментовъ,—сангвинической, и особенно нервный, представляютъ условія, наиболѣе выгодныя для дѣйствія гашиша; на холериковъ и холерико-сангвиниковъ онъ дѣйствуетъ несравненно сильнѣе, но легко производитъ у нихъ возбужденіе чрезмѣрно сильное и даже иногда опасное; на лимфатиковъ онъ дѣйствуетъ слабо, и пріемъ поэтому требуется больше обыкновеннаго.

Обратимся теперь къ наблюденіямъ. Я приведу только два изъ своихъ опытовъ, потому что ихъ вполнѣ будетъ достаточно для того, чтобъ понять главную сущность дѣйствія гашиша на мозгъ.

Опытъ 1-й. 1855 года, февраля 26, въ состояніи наиболѣе нормальномъ, принялъ я hachisch-dawamesk, приготовленія петербургскаго дрогиста L. G. Hardy *. Я ждалъ два часа—дѣйствія не было. Я легъ въ постель и погасилъ свѣчу, въ полной увѣренности, что и это — гашишъ только по названію, какъ и всѣ препараты его, прежде мною испытанные. Я замѣтилъ при этомъ необыкновенную подвижность мыслей; знакомыя лица, съ выраженіемъ наиболѣе характернымъ для каждаго изъ нихъ, безпрестанно являлись на умъ, исчезали и замѣнялись новыми. Я не хотѣлъ придавать этому никакого значенія, потому что

* Мнѣ неизвѣстно, жирный ли экстрактъ, или спиртный примѣшиваетъ Hardy къ своему dawamesk'у; но, судя по дѣйствію, если тамъ и былъ спиртный экстрактъ, то не болѣе 6 гранъ.

Digitized by Google

это могло быть просто дѣйствіемъ настроеннаго воображенія, и ужь началъ засыпать; вдругъ слышу бьетъ часъ на стѣнныхъ часахъ, и потянулся этотъ звукъ, и нѣтъ будто конца ему. Въ глазахъ зарябило, и я увидѣлъ себя въ какой-то средѣ, наполненной поразительной смѣсью цвѣтовъ, лицъ, фигуръ, ярко освѣщенныхъ и въ непрерывномъ движеніи; но разсмотрѣть, опредѣлить, узнать, — не было возможности, потому что вся эта обстановка мѣнялась, такъ быстро какъ въ калейдоскопѣ. Потомъ слышу шумъ каскада; вода падаетъ влѣвѣ отъ меня, но я напрасно стараюсь увидѣть ее; дѣлаю надъ собой усиліе... Вотъ ужь я проснулся, а вода все шумитъ, тянется звукъ часовъ стѣнныхъ и пестритъ вокругъ какая-то нескладная картина. Мнѣ стало страшно; но я вспомнилъ о гашишѣ и началъ присматриваться и прислушиваться; по мѣрѣ того какъ вниманіе напрягалось, картина блѣднѣла, звукъ часовъ рѣдѣлъ, шумъ каскада исчезалъ въ отдаленіи. Я расхохотался; мнѣ показалось необыкновенно смѣшнымъ безсиліе фантазіи и непрочность иллюзіи передъ дѣйствіемъ воли; я сдѣлалъ самодовольное движеніе, но въ то же мгновеніе замѣтилъ, *что у меня нѣтъ тѣла*, что я плыву въ какой-то эѳирной, прозрачной средѣ и такъ хорошо, такъ легко себя чувствую! Но вотъ поднимается буря и бросаетъ меня во всѣ стороны; у меня замираетъ духъ... Призываю опять на помощь волю свою, прислушиваюсь, и ясно слышу шумъ вѣтра; удвоиваю вниманіе, и замѣчаю, что вѣтеръ шумитъ у меня въ головѣ; еще усиліе, и я ужь могъ объяснить себѣ этотъ шумъ приливомъ крови къ головѣ; но едва явилось это объясненіе, и я ужь вижу какъ бѣжитъ кровь широкими струями по жиламъ моимъ; ощупываю себѣ руки и ноги, — чувствительность въ нихъ такъ уменьшилась, какъ послѣ умѣреннаго вдыханія хлороформа; это какая-то отерплость, похожая на ту, которая замѣчается при нажатіи нерва, напримѣръ, въ ногѣ, при неловкомъ сидѣніи. Я поднялся и зажегъ свѣчу. Въ головѣ была удивительная работа! мысль прыгала съ предмета на предметъ съ такою быстротой, что мнѣ становилось и смѣшно, и досадно; а между тѣмъ безпрестанно приходилъ мнѣ на память гашишъ и мысль о томъ, что я долженъ прослѣдить его дѣйствіе. Я потушилъ свѣчу и улегся опять. Члены опять начали терпнуть, и опять,

Digitized by Google

незамѣтно, потерялъ я сознаніе о тѣлѣ своемъ. Видѣнія были безпорядочныя и всѣ составлялись изъ отрывковъ мыслей, смотря по тому, какая изъ нихъ выражалась яснѣе: драгоцѣнный ли камень приходилъ мнѣ на умъ — и вотъ цѣлыя горы изумрудовъ и алмазовъ наростали вдругъ передо мной; они исчезли; на мѣстѣ ихъ остались огородныя овощи, и скоро весь міръ превратился въ капусту. Домъ вспоминался, — и сразу появлялись безконечные города; замѣчалъ ли на мостовой гдѣ-нибудь камень-дикарь, и въ мигъ одинъ перемѣнялась декорація, — ужь всюду торчали дикія скалы; но вотъ на одной изъ нихъ виднѣется мохъ — и все зеленѣетъ вокругъ, и скоро весь міръ покрылся газономъ; цвѣтокъ замѣтилъ на немъ, и цѣлый дождь цвѣтовъ сыплется уже сверху, снизу и со всѣхъ сторонъ, и все вокругъ меня превратилось въ букеты, букеты въ кусты, кусты — въ сады цвѣтущіе, и вотъ уже виднѣются деревья баснословной толщины, и громадные лѣса покрыли весь земной шаръ. Это сочетаніе образовъ отличалось совершенною независимостью: всѣ представленія однако являлись не во внѣшности, но внутри меня, въ мозгу моемъ, какъ и въ нормальномъ состояніи, съ тою разницей, что движеніе ихъ было необыкновенно быстро и совершенно произвольно, такъ что мое *я* являлось только постороннимъ зрителемъ. Что касается до *мышленія* — оно тоже было чѣмъ-то самостоятельнымъ и представлялось мнѣ какъ бы источникомъ чистаго разума, откуда я могъ забирать вполнѣ удовлетворительныя рѣшенія самыхъ мудреныхъ вопросовъ, — рѣшенія такія остроумныя, такія быстрыя, какъ-бы они уже были заранѣе приготовлены и лежали только въ запасѣ. Вѣрность заключеній моихъ была, конечно, только кажущаяся: но что замѣчательнѣе всего, такъ это то, что я тогда же сомнѣвался въ непреложности моихъ выводовъ, повидимому такихъ вѣрныхъ и положительныхъ; напримѣръ, мнѣ казалось, что пульсъ мой бьетъ до того часто, что удары его сливаются, представляя родъ непрерывнаго дрожанія, и я находилъ такое объясненіе: гашишъ возбуждаетъ, усиливаетъ сократительность всѣхъ мускулярныхъ волоконъ; поэтому въ артеріяхъ, кромѣ того сокращенія, которое происходитъ отъ повторенныхъ напоровъ крови, является еще отдѣльное независимое сокращеніе волоконъ фиброзной (средней) оболочки и

Digitized by Google

оттого происходитъ рядъ непрерывныхъ, слитыхъ дрожаній, наполняющихъ промежутки между пульсаціями. Кажется, объясненіе удовлетворительное, по крайней мѣрѣ для гашишина; но я недовѣрчиво смотрѣлъ на него, и намѣсто его, съ такою же независимостью, подставлялся вопросъ: «не ложно ли это объясненіе и не зависитъ ли это обстоятельство скорѣе отъ того, что утрачено всякое понятіе о времени?...»

Память, какъ и всѣ умственныя способности, была въ возбужденномъ состояніи; я никогда не могъ припоминать съ такою легкостью, какъ въ это время; никогда предметы не представлялись мнѣ съ такою ясностью, съ такою мелочною отчетливостью, какъ тогда: но такъ какъ всѣ представленія смѣнялись ежеминутно и я не могъ ни на чемъ остановить вниманія своего, то при такихъ условіяхъ помнить долго невозможно и въ каждый слѣдующій мигъ долженъ забываться мигъ предъидущій.

Мнѣ хотѣлось пить, воды около меня не было, — я рѣшился встать и позвать слугу; но разслабленіе тѣла моего было такъ для меня пріятно, что я могъ только съ большимъ трудомъ справиться съ этою восточною лѣнью. Я всталъ, но въ тотъ же мигъ забылъ объ этомъ; надѣлъ туфли—забылъ и это, халатъ—забылъ и объ немъ; машинально перешелъ я черезъ три комнаты, и съ каждымъ слѣдующимъ шагомъ забывалъ шагъ предыдущій. Разбудилъ человѣка, велѣлъ принести воды, взглянулъ на часы мимоходомъ, — было третьяго 25 минутъ. Возвратясь въ спальню, раздѣлся, легъ въ постель и совершенно забылъ обо всемъ этомъ, такъ, какъ-будто я и не вставалъ съ постели. Опять начался какой-то бредъ, опять меня мучила жажда, опять я рѣшился встать и позвать слугу и сталъ уже надѣвать туфли, какъ вдругъ при этомъ вспомнилъ, что я ужь это дѣлалъ одинъ разъ, и ясно мнѣ представилось какъ надѣвалъ я халатъ, какъ проходилъ черезъ комнаты, будилъ человѣка, и проч. Мнѣ стало страшно. Возможность дѣйствовать въ бреду, безъ всякаго сознанія, показалась мнѣ чѣмъ-то такимъ опаснымъ, угрожающимъ, какъ бы я ужь сдѣлалъ какое-нибудь преступленіе; я съ ужасомъ бросился въ постель и спрятался подъ одѣяло. Опять все вокругъ меня замелькало, но вотъ появились и женскія лица; бредъ сталъ принимать опредѣленный характеръ и

Digitized by Google

скоро весь перешелъ въ ощущенія, которыя изъ мѣстныхъ не замедлили сдѣлаться общими, и меня охватила такая чудесная, такая упоительная нѣга, какой въ дѣйствительности никто не испытывалъ. Вскорѣ появленіе человѣка съ водой напомнило мнѣ опять въ чрезвычайно непріятныхъ чертахъ опасность моего самозабвенія, такъ что это вдругъ разогнало мой чадъ, и я сталъ желать одного — уснуть поскорѣе.

По временамъ мнѣ казалось, что мозгъ мой растягивается, что черепъ тѣсенъ для него; по временамъ дыханіе стѣснялось и томило меня ощущеніе чего-то горячаго и тяжелаго въ груди. Я заснулъ послѣ 5 часовъ утра и часовъ черезъ 8 всталъ совершенно здоровымъ и бодрымъ.

Теперь перейдемъ къ другому опыту, за который я едва не поплатился жизнью: это произошло оттого, что дѣйствіе этого средства обыкновенно долго не приходитъ и, отъ нетерпѣнія ли, отъ особеннаго ли настроенія мыслей, всегда является *недовѣріе* къ тому, что дѣйствіе наступитъ. Вслѣдствіе такого страннаго недовѣрія, я въ теченіи 3-хъ часовъ принялъ 60 гранъ (безъ малаго золотникъ) очень хорошаго спиртнаго экстракта, въ достоинствахъ котораго я сомнѣвался только потому, что дѣйствіе долго не наступало.

Опытъ 2-й. Это было 30 іюня, 1855 года. Въ часъ по-полуночи я проглотилъ послѣднюю пилюлю. Въ три четверти втораго меня чрезвычайно разсмѣшило одно мѣсто въ медицинской статьѣ, которую читалъ я въ ожиданіи, но такъ какъ смѣхъ мой былъ черезъ-чуръ продолжительный и притомъ малоосновательный, то тогда же мнѣ пришла идея, что онъ зависитъ отъ начинающагося дѣйствія гашиша, и мысль о томъ, что я принялъ его слишкомъ много, тогда же начала безпокоить меня. Но такъ какъ я пересталъ уже смѣяться, а новаго ничего замѣтно не было, то я совершенно успокоился и сталъ собираться спать. Между тѣмъ, надо было мнѣ написать еще кое-что, и я сѣлъ въ кресло за письменный столъ; едва взялся за перо, какъ сталъ замѣчать быстро развивающееся дѣйствіе гашиша. Я схватилъ карандашъ и сталъ записывать свои ощущенія. Я писалъ отрывками, полу-словами, а иногда одной буквой надѣялся выразить цѣлую мысль. Такъ было отмѣчено необыкновенно быстрое движеніе мыслей, прыгавшихъ съ предмета на предметъ;

Digitized by Google

я долженъ былъ *гоняться* за ними, между тѣмъ ловить ихъ было трудно, а поэтому и писать невозможно. Я смѣялся безъ всякаго повода, и смѣхъ этотъ все усиливался до тѣхъ поръ, пока не переходилъ въ какія-то конвульсивныя болѣзненныя движенія груди, послѣ чего наступало судорожное сжатіе гортанной щели, припадки задушенія, и вслѣдъ за этимъ смѣхъ превращался въ рыданія; слезы всякій разъ заключали этотъ неистовый хохотъ, и послѣ нихъ наступало спокойное, пріятно-удовлетворенное состояніе, такъ что я могъ на нѣсколько мгновеній довольно отчетливо судить о своемъ внутреннемъ состояніи.

Съ самаго начала дѣйствія гашиша у меня стала вкореняться мысль о томъ, что я отравился: эта мысль безпрерывно подтверждалась тѣмъ, что у меня часто появлялись подергиванія въ рукахъ и ногахъ, а иногда сводило ручные пальцы, и мнѣ казалось, что не замедлятъ наступить общія конвульсіи, притомъ непремѣнно *тоническія*, такъ что ожиданіе столбняка сдѣлалось пунктомъ моего умопомѣшательства. Меня мучила жажда, и во рту было сухое, горячее ощущеніе, а между тѣмъ языкъ былъ влаженъ, такъ что это было только ложное ощущеніе, но тѣмъ не менѣе очень томительное. Въ головѣ я чувствовалъ что-то очень странное: точно черепъ мой наполненъ былъ кипящею жидкостью, такъ что я тогда же сравнилъ свою голову съ котломъ локомотива; а такъ какъ я по временамъ вскакивалъ изъ-за стола и бѣгалъ по комнатѣ, стараясь движеніемъ разогнать все усиливающееся опьяненіе, то въ это время идея о локомотивѣ на полномъ ходу вытѣсняла всѣ другія мысли, и я изображалъ собою длинный рядъ вагоновъ, наполненныхъ пестрою толпой: костюмы, лица, разговоры пассажировъ, смѣхъ, крикъ, гамъ, — все это я слышалъ и видѣлъ внутри самого себя. Когда я цѣплялся за какую-нибудь мебель, всѣ мои вагоны летѣли съ трескомъ въ бездонную пропасть, а я приходилъ на минуту въ себя, вспоминалъ объ отравленіи, подбѣгалъ къ столу, вписывалъ понѣсколько словъ и опять спѣшилъ на рельсы перевозить свою неугомонную публику изъ Петербурга въ Москву и обратно.

По временамъ сжимались очень сильно челюсти, и мнѣ казалось, что я скоро разжую и проглочу свои зубы. «Это начало столбняка, думалъ я: вотъ скоро наступитъ и общій столбнякъ,

Digitized by Google

а за нимъ и смерть». Отъ одной мысли о смерти меня бросало въ дрожь, мнѣ становилось холодно и страшно, и я спѣшилъ писать, чтобъ никого не обвиняли въ моей смерти, чтобъ торопились подать мнѣ помощь, дали бы рвотное, отворили кровь, и проч. Мысль о смерти всякій разъ такъ освѣжала меня, что я очень здраво понималъ опасность своего положенія и возможность удалить ее рвотнымъ; поэтому я нѣсколько разъ написалъ: «Рвотнаго!... Съ кровью не спѣшить... Рвотнаго! рвотнаго!... Скорѣй и побольше.» Я писалъ эти распоряженія для того, чтобъ обезпечить свое положеніе; мнѣ казалось, что я скоро упаду и не буду ужь въ состояніи говорить; а между тѣмъ я ужь давно послалъ за фельдшеромъ, который и не замедлилъ явиться. Я остановился передъ нимъ, скрестивши руки на груди, величественный и грозный; не могу припомнить по какому поводу я принялъ такую торжественную осанку, но она тогда же показалась мнѣ самому такою смѣшною, что я не могъ совладѣть съ собой и сталъ громко хохотать; чѣмъ дальше, тѣмъ утомительнѣе для меня становился смѣхъ этотъ; я сталъ захлебываться и, наконецъ, расплакался; тогда я объяснилъ ему полусловами въ чемъ дѣло, но мысли такъ рѣдѣли, такъ быстро и такъ далеко *отскакивали одна отъ другой*, что рѣшительно невозможно было соединить ихъ въ одну идею и передать ее словами; поэтому фразы были отрывчатыя, выговаривались послѣ долгихъ паузъ, и это молчаніе среди рѣчи состояло въ труднѣйшей для меня работѣ: я ловилъ разрозненныя мысли, соединялъ ихъ насильственно въ одно цѣлое и спѣшилъ выговаривать полусловами. Кончить своего объясненія я не могъ, указалъ ему на свои записки, а самъ сталъ бѣгать по комнатѣ. Фельдшеръ понялъ, что мнѣ нужно дать рвотное и пошелъ за нимъ въ больницу. Вскорѣ послѣ его ухода, отворяется дверь и входитъ человѣкъ мой; это меня взбѣсило, потому что я хотѣлъ скрыть отъ всѣхъ свое опьяненіе, которое могло сдѣлаться предметомъ уѣздныхъ сплетней. Я молчалъ, однакожь, и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, надѣясь, что онъ скоро уйдетъ; но такъ какъ онъ остановился у дверей, точно часовой, то мнѣ не трудно было догадаться, что его поставилъ тамъ фельдшеръ, для того, чтобъ поберечь меня; это меня примирило съ нимъ, и я пересталъ объ немъ думать.

Digitized by Google

Рвотное мнѣ дали въ половинѣ третьяго, а черезъ 5 минутъ случился со мной *припадокъ невыразимаго ужаса*; я иначе не могу назвать этого необыкновеннаго испуга, который произошелъ такимъ образомъ: бѣгая по комнатѣ, я вдругъ зашатался и чуть не упалъ; человѣкъ поспѣшилъ поддержать меня, но его прикосновеніе такъ испугало меня, такъ показалось мнѣ угрожающимъ и опаснымъ, что я закричалъ, что̀ было мо̀чи, съ выраженіемъ самаго ужаснаго отчаянья: точно я былъ на краю пропасти, въ которую меня толкнули, и я, падая, силился удержать равновѣсіе; я скорчился весь, подскочилъ, замахалъ руками и ногами, а на лицѣ у меня было столько ужаса, что оба человѣка въ свою очередь перепугались не на шутку. Они старались меня успокоить, и ихъ вкрадчивый голосъ скоро образумилъ меня. Я сталъ убѣждать ихъ не пугаться меня, готовъ былъ плакать и просилъ извиненія за толчекъ, данный одному изъ нихъ ногою въ грудь во время моего испуга. Вслѣдъ за этимъ припадкомъ я сильно ослабѣлъ, а такъ какъ я сначала еще объяснилъ людямъ, чтобъ они не позволяли мнѣ ни ложиться, ни садиться, ни долго стоять на одномъ мѣстѣ, пока не сдѣлается рвота, то они взяли меня подъ-руки и стали водить по комнатѣ; сперва я съ трудомъ передвигалъ ноги, но скоро опять появилась прежняя энергія въ мускулахъ, и я опять зашагалъ какъ и прежде. Это былъ избытокъ силъ, я чувствовалъ потребность издерживать ихъ; мнѣ казалось, что если я перестану бѣгать, то накопившійся излишекъ разразится въ конвульсіяхъ.

Внутреннее состояніе мое было самое ужасное; мысль, что я отравился, что вотъ сейчасъ же наступятъ судороги, что меня всего перегнетъ назадъ, такъ что голова сойдется съ пятками, что вслѣдъ за этимъ только наступитъ смерть, — эта мысль составляла основу моего бреда; однако и иныя представленія не оставляли меня, и одни смѣнялись другими. Но не возможно, да и безполезно было бы разсказывать содержаніе всѣхъ этихъ кошемаровъ; это былъ полный комплектъ нѣсколькихъ жизней, прожитыхъ мною въ нѣсколько минутъ.

Рвота наступила въ половинѣ четвертаго, и съ нею вышло нѣсколько еще не растворившихся пилюль. Что-то жгло меня во время рвоты по направленію пищепровода, и мнѣ казалось,

Digitized by Google

что отъ натуги оборвалась вся слизистая оболочка желудка и нищепріемнаго горла.

Въ первыя минуты послѣ рвоты мнѣ казалось, что весь ядъ удаленъ и что я уже впѣ опасности; но сильнѣйшее разслабленіе тѣла, вслѣдъ за этимъ наступившее, дало опять прежнее направленіе бреду и съ этихъ поръ началась уже моя смертельная агонія. О судорогахъ я болѣе не думалъ, но чувствовалъ постепенное приближеніе смерти, по мѣрѣ увеличивавшейся слабости. Я съ трудомъ передвигалъ ноги,—люди водили меня подъ-руки; наконецъ, я рѣшился покончить, потому что мнѣ казалось, что дальнѣйшая борьба со смертью унизительна. Я велѣлъ посадить себя на стулъ. Умирающимъ, прерывистымъ голосомъ дѣлалъ я порученія роднымъ своимъ, но тяжелое чувство разлуки не дало мнѣ окончить; нѣсколько слёзъ выкатилось изъ глазъ, — я махнулъ рукой и замолчалъ. Люди, замѣтивши, что я опускаюсь всѣмъ туловищемъ внизъ, уложили меня въ постель. Тотчасъ же начали терпнуть и застывать ноги; чувствительность исчезала снизу вверхъ, и это онѣмѣніе скоро перешло на грудь, потомъ и на руки. Я думалъ: «вотъ и смерть, не даромъ говорятъ, что она всегда начинаетъ съ ногъ... Вотъ и голова стынетъ... Вотъ только искра свѣтится... Гаснетъ...» Все кончилось. Чувствительность и сознаніе были совершенно потеряны, такъ что я не могъ бы въ дѣйствительности умереть съ бо́льшимъ убѣжденіемъ въ смерти.

Прошло не знаю сколько времени, и вотъ я очутился въ раю Магомета. Ощущенія, какихъ я никогда еще не испытывалъ, охватили все мое тѣло. Я забылъ о томъ, что я умеръ, зналъ очень хорошо, что я лежу въ постели, что это дѣйствіе гашиша, и не могъ достаточно надивиться небывалымъ ощущеніямъ. Не могу сказать, чтобы воображеніе показывало мнѣ какія-нибудь соблазнительныя картины; если онѣ и представлялись, то только мелькомъ и, очевидно, были произведеніемъ, а не причиной моихъ ощущеній. «Нѣтъ худа безъ добра», говорилъ я себѣ, вспоминая о надавнихъ еще мукахъ своихъ, и не сожалѣлъ о томъ, что принялъ гашишъ, и готовъ былъ бы опять мучиться столько же за нѣсколько минутъ такого блаженства. Но бла-

Digitized by Google

годѣтельный сонъ уже началъ овладѣвать упоеннымъ тѣломъ моимъ, и я уснулъ счастливый и довольный.

Я оправился вполнѣ только на четвертый день послѣ этого опыта; на второй же день я спалъ почти безъ просыпа, а на третій еще оставалась несвязность мыслей.

Изъ этого наблюденія видно, что при сильномъ дѣйствіи гашиша умопомѣшательство бываетъ полное, ясные же промежутки являются рѣдко и на самое короткое время; духовная свобода уничтожается, и поэтому дѣйствія гашиша въ такомъ состояніи совершенно безотчетны и могутъ сдѣлаться опасными, какъ для другихъ, такъ и для принявшаго, особенно подъ вліяніемъ какой-нибудь недоброй идеи; тѣмъ болѣе, что и самыя мимолетныя впечатлѣнія могутъ уже имѣть самое сильное вліяніе на направленіе мыслей, чувствъ и страстей гашишина, которыя легко достигаютъ величайшаго напряженія. — *Неожиданность* произведетъ уже здѣсь не испугъ, но ужасъ, доходящій до отчаянья; малѣйшее подозрѣніе становится убѣжденіемъ, и самое легкое неудовольствіе легко превращается въ ненависть, а эта, въ свою очередь, поднимаетъ цѣлую бурю самыхъ опасныхъ, истребительныхъ инстинктовъ, *особенно при темпераментѣ желчно-кровномъ*.

—

Представимъ себѣ теперь молодаго человѣка, которому отъ времени до времени, безъ вѣдома его, дается порція гашиша при самой восхитительной обстановкѣ, а между тѣмъ, хорошо разсчитаннымъ, подготовительнымъ воспитаніемъ, вкореняется въ немъ непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что только черезъ слѣпое повиновеніе вождю своему онъ можетъ достигнуть вѣчнаго пользованія тѣми блаженствами, которыхъ даетъ ему отвѣдывать, отъ времени до времени, его повелитель, — и мы поймемъ всю сущность того таинственнаго вліянія, которое «Старый Горецъ» имѣлъ на своихъ юныхъ адептовъ-Измаильтянъ. Конечно, безъ приличной подготовки, безъ этого искусственнаго вырабатыванія наклонностей и убѣжденій, безъ опредѣленнаго заранѣе направленія, результаты получились бы совершенно другіе. И мы можемъ сказать вмѣстѣ съ Trous-

Digitized by Google

seau [1]), что идеи, которыя овладѣютъ тѣмъ, кто принимаетъ гашишъ, находятся нѣкоторымъ образомъ въ нашихъ рукахъ: для этого достаточно сильно подѣйствовать въ извѣстномъ смыслѣ на его разсудокъ. Объ этомъ различіи дѣйствія говоритъ очень вѣрно и Cabanis [2]), хотя и не касательно гашиша; но опіумъ, по отношенію его къ организму, имѣетъ много сходнаго съ гашишемъ, поэтому замѣчаніе Cabanis будетъ здѣсь весьма умѣстно: «Хотя для султана, распростертаго на софѣ, опійное опьяненіе сопровождается представленіемъ самыхъ пріятныхъ наслажденій, но въ головѣ янычара, или спаги то же самое опьяненіе порождаетъ идеи истребленія и крови».

Правильность этого замѣчанія можетъ быть всегда повѣрена между восточными гашишинами и китайскими курителями опіума [3]), которые имѣютъ правиломъ удалять отъ себя все, что могло бы дать непріятное направленіе ихъ фантазіи, и окружаютъ себя, напротивъ, только тѣми предметами и лицами, которые могутъ направить дѣйствіе гашиша на ихъ ближайшіе интересы.

Итакъ, принимая въ соображеніе темпераментъ, характеръ, свойство ума и наклонностей, убѣжденія, вѣрованія, степень нравственнаго развитія того лица, которому хотимъ дать гашишъ, и, наконецъ, не упуская изъ виду внѣшней обстановки и внутренняго его настроенія во время опыта, мы съ вѣрностью можемъ предузнать въ какихъ чертахъ выразится бредъ и какое онъ приметъ направленіе. Понятно, что это задача не легкая, и я настаиваю только на *возможности* ея рѣшенія.

Цѣль и границы этой статьи не позволяютъ намъ войдти въ дальнѣйшія подробности объ этомъ занимательномъ предметѣ; желающіе могутъ обратиться къ сочиненію Moreau, которое, безъ сомнѣнія, вполнѣ удовлетворитъ ихъ любознательности. Я же прибавлю только въ заключеніе, что гашишъ, поступивши въ кровь, дѣйствуетъ не на *сознательный центръ*, который составляетъ духовную *сущность* человѣка и который остается нетронутымъ, а на *мозговые органы интеллектуальныхъ и аф-*

---

[1]) Trousseau et Pidoux. Traité de thérapeutique et de matière médicale. Paris. 1851. Quatrième édition. T. II. P. 100.

[2]) Cabanis. L. c. P. 375.

[3]) *Montfort*. Voyage en Chine. Page 84 — 86.

Digitized by Google

фективныхъ способностей человѣка, возбуждая въ высшей степени ихъ нормальную дѣятельность. Отъ этого приходятъ на память давно забытые и непрошенные предметы и лица, отъ этого одно за другимъ пробуждаются побужденія, наклонности, чувства и страсти, и ихъ безпорядочное столкновеніе порождаетъ бредъ безсвязный и сбивчивый, составленный изъ сплетенія сходныхъ понятій, или же, напротивъ, осмысленный какою-нибудь одностороннею идеей, которая сильнѣе другихъ поразила вниманіе наше и была произведеніемъ или внѣшнихъ впечатлѣній, или выработалась дѣйствіемъ внутреннихъ побужденій, наклонностей, чувствъ и страстей; вокругъ нея группируются *сами собой* сходныя впечатлѣнія, черты и понятія, что̀ и составляетъ однопредметность этого временнаго умственнаго разстройства. Вотъ въ чемъ состоитъ вся таинственность и весь *психологическій* интересъ дѣйствія гашиша на мозгъ.

1858 года, 22-го ноября.

Ю. Савичъ.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.

СПБ. Изданіе Смирдина-сына и К°. 1858.

—

Имя г. Плещеева такъ тѣсно связано съ воспоминаніями объ одной изъ лучшихъ эпохъ въ нашей литературѣ, что нельзя безъ особеннаго чувства привѣтствовать появленіе его въ печатномъ мірѣ послѣ осьми-лѣтняго молчанія... Онъ вступилъ на литературное поприще въ началѣ второй половины сороковыхъ годовъ, съ благословенія Бѣлинскаго, котораго тактъ рѣдко ошибался. Г. Плещеевъ писалъ довольно много, по преимуществу, стиховъ, которые вышли еще въ 1846 г. отдѣльной, маленькой книжкой. Эти юношескія произведенія его отличались глубокимъ чувствомъ, проникнутымъ какимъ-то безотчетно грустнымъ мотивомъ. Чтожь это было? Сантиментальность, или голосъ правды, исходящій изъ сердца и доходящій до сердца? Послѣднее вѣроятнѣе, потому что стихи г. Плещеева нравились тогдашнему поколѣнію, вовсе не сантиментальному. Его «Впередъ! безъ страха и сомнѣнья» сдѣлалось общеизвѣстной пѣснью; она до сихъ поръ сохранилась въ студентскихъ кружкахъ, даже безъ имени автора, а просто какъ пѣсня, положенная кѣмъ-то на музыку. Не была ли эта грусть результатомъ той неплодотворности, въ которой напрасно могъ упрекать себя энергическій человѣкъ? *Прозябаніе* сознанной въ самомъ себѣ энергіи доводитъ человѣка или до грустнаго, или до желчнаго настроенія. Г. Плещеевъ не холерикъ, а пото-

Digitized by Google

му онъ грустилъ и надѣялся, тосковалъ и вѣрилъ... и, наконецъ, замолчалъ на цѣлыя восемь лѣтъ. Такая исторія случалась не съ однимъ имъ: иной переставалъ и грустить и надѣяться, и тосковать и вѣрить, и даже думать, начавъ упорное молчаніе и обратясь къ созерцанію и вожделѣнію мірскихъ и небесныхъ благъ. И эта исторія не рѣдкость; поэтому г. Плещеевъ имѣлъ полное право, заговоривъ снова, спросить у своихъ друзей:

Все тѣ же ль вы, что́ были до разлуки?

и затѣмъ сказать о самомъ себѣ:

Но я — средь бурь, въ дни горя и печали,
Былъ вѣренъ вамъ, весны моей друзья,
И снова къ вамъ несется пѣснь моя,
Когда, какъ сонъ, невзгоды миновали.

Стихи г. Плещеева хороши тѣмъ, что составляютъ, такъ-сказать, программу жизни и чувствъ людей извѣстнаго характера, направленія и поставленныхъ въ извѣстной средѣ. Эта программа, кромѣ вѣрности своей, отличается силою поэтическихъ образовъ. Не смотря на субъективность большей части піэсъ, читатель не только тронутъ, но и заинтересованъ. Этотъ интересъ долженъ ли приписывать г. Плещееву своей личности, или поэтъ сумѣлъ придать его посторонними образами? — рѣшить трудно. Но вотъ та программа, о которой мы сказали: дѣтство составляетъ для человѣка одно изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній, какъ время непосредственной любви, вѣры, свободы въ средѣ сочувствующей—въ семьѣ; затѣмъ наступаетъ время грезъ, благородныхъ стремленій, время, о которомъ, впрочемъ, поэтъ вспоминаетъ какъ о безплодно прожитыхъ годахъ; тогда онъ имѣлъ между достоинствами множество несознанныхъ недостатковъ: онъ былъ, какъ кажется ему, и слабъ, и гордъ, и малодушенъ, и лѣнивъ къ труду; но зато была вѣра, любовь, не было сомнѣній, безотрадныхъ думъ, была живая надежда, хотя и ложная. «Зимніе морозы» поколебали всѣ мечтанія поэта; ему измѣнило все окружающее; является разувѣреніе въ самомъ себѣ, *убѣжденіе* (?) въ безплодности неравной борьбы и въ томъ, что

Digitized by Google

всякое нравдивое стремленіе рушится. Но такое байроновское разочарованіе минутно: поэтъ самъ противорѣчитъ ему на каждомъ шагу, въ самыхъ субъективныхъ дѣлахъ своихъ. Онъ говоритъ, что какъ ни грустно, а все есть у человѣка надежда, онъ совѣтуетъ другимъ смѣло вступать въ борьбу, чувствуетъ въ самомъ себѣ, порой, возрожденіе прежнихъ силъ, жалѣетъ того, кто не любитъ и не вѣритъ, прямо высказываетъ надежду, что придетъ пора обновленья міра свѣтлыми ученіями Христа, признается, что искусство, наука, природа и женщина вдохновляютъ его, что жить все хочется. Вѣроятно, въ минуту *байроновскаю* разочарованія, онъ пошелъ-было по торному пути жизни, по рутинѣ; но свернулъ-таки въ сторону, прельщенный заманчивыми, хотя и далекими, образами, и встрѣтилъ тамъ мракъ да тоску. Наконецъ, доходя минутами до отрицанія всякихъ надеждъ на будущее, и не находя утѣшенія въ воспоминаніяхъ о прошедшемъ, поэтъ жаждетъ любви къ женщинѣ и «ею лишь дѣлаются ясны дни его». Вотъ вся или почти вся программа стиховъ г. Плещеева, вотъ мелодія, на которую онъ варьируетъ. Оригинальность его варіацій состоитъ въ отсутствіи желчно-юмористическаго взгляда на жизнь, что, по нашему мнѣнью, убѣдительно доказываетъ самостоятельность поэтическаго таланта, пишущаго въ этоху Розенгеймовъ и Лиліеншвагеровъ. Г. Плещеевъ умѣетъ высказать поэтически свой субъективный взглядъ на общественные недостатки, не вдаваясь въ юморъ, къ которому, повидимому, неспособенъ, и ограничиваясь по большей части отвлеченными вопросами жизни. При всемъ этомъ, онъ не пишетъ, однако, такихъ стиховъ, которые удобно могутъ быть замѣнены повтореніемъ любаго благозвучнаго слова безъ смысла. Его книжка — собраніе стиховъ, которые могутъ вызвать въ душѣ человѣка искреннюю исповѣдь сердца, а не журналъ присутственнаго мѣста, не исходящая бумага ревизіоннаго стола. Лучше всего опредѣляетъ онъ самъ, въ комъ найдутъ сочувствіе его пѣсни:

Когда пора твоя придетъ
И съ жизнью выйдешь ты на бой,
Когда въ тебѣ житейской гнѣтъ
Оставитъ слѣдъ глубокій свой,—

Digitized by Google

И будешь, горе затая,
Ты тщетно ждать участья словъ, —
Тогда зови... и *пѣснь моя*
На грустный твой отвѣтитъ зовъ.

Юморъ г. Плещеева ограничивается по большой части слѣдующими образами, плохо скрывающими лихорадочно—раздраженное расположеніе духа поэта:

О, перестань! (говоритъ онъ сердцу своему) Понять бы можно
Давнымъ давно въ твои лѣта,
Что бредъ поэзіи ничтожный,
Что правда — вѣчная мечта!
. . . . . .
Сознай, что правда тамъ, гдѣ сила,
Гдѣ достиженье благъ земныхъ,
И все забывъ, что̀ ты любила,
Живи и бейся лишь для нихъ.

Одна или двѣ піесы—чисто юмористическія, но онѣ кажутся намъ несравненно слабѣе прочихъ произведеній поэта, который, повторяемъ, не холерикъ.—Двѣ дороги, по которой побрели нѣкоторые изъ современныхъ поэтовъ нашихъ, заклеймены—одна перомъ Новаго поэта, другая такъ недавно и такъ удачно г-мъ Лиліеншвагеромъ. Теорія художественнаго наэѳированія и теорія каранія оказались обѣ несостоятельны. Послѣдняя теорія, новѣйшая, глумилась надо всѣмъ тѣмъ, что̀ не юморъ, не сатира, называя все то фразами, пустозвономъ, отсталостью. И въ самомъ дѣлѣ, стихи въ родѣ плещеевскихъ кажутся намъ съ перваго взгляда чѣмъ-то старымъ и вмѣстѣ новымъ. Старымъ потому, что чувство *любви* и *надежды* въ стихахъ напоминаютъ намъ мадригалы и тому подобныя невинныя проказы нашихъ старичковъ; новымъ же потому, что на чувства г. Плещеева отвѣчаетъ сердце горячо и съ полнымъ участіемъ. Толки о борьбѣ, о правдивомъ стремленіи, о несбывшихся грезахъ кажутся намъ фразами, потому что не боролись мы, не стремились и не грезили о такихъ общихъ и важныхъ вопросахъ жизни, чтобъ имѣли право говорить о нашемъ мечтаньи съ нѣкоторою важностью. Но васъ поражаетъ искренность тона г. Плещеева, и вы вѣрите ему, вы убѣждаетесь, что были

Digitized by Google

же люди, которые жили, разрѣшали энергично отвлеченные вопросы жизни и которые жестоко побиты были «зимними морозами». Вы идете далѣе, задумываетесь, начинаете сами бояться «зимнихъ морозовъ», хоть вамъ за минуту казалось тепло; вы убѣждаетесь, что извѣстнаго рода обстоятельства ставятъ васъ въ ту неровную борьбу, изъ которой вы не выйдете дѣйствительнымъ побѣдителемъ, не потерявъ по крайней мѣрѣ надежды и не почувствовавъ въ себѣ и скорби, и тревоги, и горькаго сомнѣнья, и безотрадныхъ думъ. Вамъ кажутся толки о несбывшихся грезахъ фразами потому, что въ эту минуту вы сами грезите. Г. Плещеевъ, какъ человѣкъ слишкомъ вѣрующій и любящій, не разочаровываетъ васъ. Онъ говоритъ даже, что зло будто уже чуетъ, «Что торжество его прошло»—и даетъ также совѣтъ:

Поднявъ чело, иди безтрепетной стопою;
Иди, храня въ душѣ свой чистый идеалъ,
На слезы страждущихъ отвѣтствуя слезою,
И ободряя тѣхъ въ борьбѣ, кто духомъ палъ.

Да! не смотря на то, что наше время разражается сатирой, которая въ мелочныхъ лавочкахъ размѣнивается на Бардадымовъ и Розенгеймовъ,—не смотря на то—мы грезимъ, мы полны вѣры, любви, надежды, мы умиляемся на тѣхъ же благородныхъ осваніяхъ, на которыя опирался и г. Плещеевъ въ своемъ прошедшемъ. Разница та, что онъ боролся и теперь нашелъ, что его неровный бой былъ безплоденъ, а мы только *надѣемся* и въ самомъ дѣлѣ умиляемся передъ мечтой о *прошедшемъ* торжествѣ зла. Но не мѣшаетъ спросить себя, вмѣстѣ съ г. Плещеевымъ:

Но гдѣ тотъ вѣка проводникъ,
Что скупъ на рѣчи — щедръ на дѣло,
Что заглушивъ страстей языкъ,
Идя на подвигъ честно, смѣло,
Благой примѣръ являть привыкъ
Толпѣ, въ неправдѣ закоснѣлой?..

Маленькая книжка стиховъ г. Плещеева (101 стр.), изящно изданная, прочитается съ удовольствіемъ всякимъ, начиная

Digitized by Google

отъ студента и кончая институткой и уѣздной барышней. Въ атомъ видимъ мы также достоинство, рѣдко встрѣчаемое въ русскихъ книгахъ, которыя (даже беллетристическія) часто бываютъ недоступны для большинства, а слѣдовательно— болѣе или менѣе безполезны.

Для полноты обзора книжки, упомянемъ о тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя по содержанію своему не подходятъ къ разсмотрѣннымъ нами піесамъ. Таковы: «Вопросъ, послѣ чтенія газетъ», «Когда возвратился я въ городъ родной», «Трудились бѣдные, вы, отдыху не зная», «Была пора, своихъ сыновъ». Прекрасны также граціозностью своей: «Зимнее катанье», «Птичка», и др.

Мы сказали уже, что г. Плещеевъ субъективенъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Мы нисколько не противъ этого; но только нельзя не замѣтить, что стихи его бываютъ иногда растянуты, что встрѣчаются образы, недостаточно рѣзкіе, что мысли часто повторяются — и довольно однообразно. Г. Плещеевъ иногда не совсѣмъ удачно справляется съ своими мыслями, по крайней мѣрѣ несравненно менѣе удачно, чѣмъ съ чужими. Мы говоримъ о его переводахъ съ польскаго и нѣмецкаго, по большей части изъ Гейне, помѣщенныхъ въ книжкѣ. Рѣшительно, эти переводы — лучшіе въ нашей литературѣ; даже М. Л. Михайловъ не можетъ въ иныхъ случаяхъ сравняться съ г. Плещеевымъ, котораго переводъ съ малороссійскаго (въ № 10 Совр. 1858 г.) окончательно укрѣпляетъ за нимъ достоинство отличнаго переводчика. И вотъ широкое и прекрасное поприще для поэта, на которомъ онъ можетъ и выработать свой оригинальный талантъ, и принести огромную пользу отечественной литературѣ. Пора намъ познакомиться хорошенько и съ Байрономъ, и съ Барбье, и съ Андреемъ Шенье, и съ Анастасіемъ Грюномъ, и съ Арнтомъ, и съ Кёрнеромъ, и съ В. Гюго, и съ Гейне, даже съ Гёте, — да не въ отрывкахъ, не по методѣ добросердаго, почтеннаго Жуковскаго, который присылалъ намъ изъ-за границы Одиссею съ заклейками. Пора намъ не трусить Прометеевъ, Фаустовъ, Каиновъ, не прятаться въ кусты отъ «ямбовъ», потому только, что они французскіе, а не перекаленные въ русской кузницѣ.

Если отцы наши, въ старые годы, называли вольтеріанцемъ

Digitized by Google

какого-нибудь скромнаго, безвреднаго Чацкаго, то сыновьямъ ихъ не слѣдовать же по стопамъ родителей! Давайте намъ, г. Плещеевъ, переводовъ; давайте и стариковъ—Гёте и Байрона: не бойтесь, — мы ихъ не читали по-русски, а частью и ни покаковски, мы рады будемъ познакомиться на родномъ языкѣ съ тѣми идеями, которыя сдѣлали кругосвѣтное путешествіе, косвенно посѣтивъ и насъ...

Въ заключеніе скажемъ, что почти вся книжка г. Плещеева состоитъ изъ тѣхъ піэсъ, которыя въ послѣдніе два года печатались въ «Русскомъ Вѣстникѣ» подъ буквами А. П., и что, къ сожалѣнію, въ нее вошло очень мало стихотвореній изъ прежняго изданія... Г. Плещеевъ пишетъ также повѣсти, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто.

А. Тихменевъ.

PS. Эта статья была только-что написана, когда мы получили № 11 Совр. и прочли новое, прекрасное стихотвореніе г. Плещеева: *На улицѣ*, отличающееся объективностью отъ прочихъ произведеній его. Поздравляемъ талантъ поэта съ успѣхомъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ

Письма изъ Берлина.

—

III.

Исключительный интересъ послѣднихъ недѣль прусской жизни обращенъ былъ на выборы, разультаты которыхъ вамъ извѣстны изъ газетъ. Теперь происходятъ выборы дополнительные, замѣна членовъ, выбранныхъ въ разныхъ мѣстахъ понѣскольку разъ. Какъ ни важны эти выборы для будущей государственной жизни Пруссіи, вниманіе общественнаго мнѣнія Европы уже съ гораздо мѣньшимъ напряженіемъ относилось къ этой странѣ. Чудное дѣло: почему есть такія государства, гдѣ и незначительныя событія важнѣе значительныхъ въ другихъ? Процессъ Монталамбера, эта, повидимому, личная распря между Луи-Наполеономъ и католически-либеральнымъ графомъ, прикрывающаяся обще-человѣческими интересами, въ которой убійственный сарказмъ французскаго императора является чуть не справедливымъ воздаяніемъ за прежнюю двусмысленную дѣятельность публициста, воинственныя статьи «Presse» и «Patrie», отозвавшіяся на биржахъ, отодвинули прусскія событія на второй планъ. При всемъ уваженіи къ Германіи, къ ея гражданской жизни, къ ея духовному и матерьяльному развитію, нельзя не согласиться, что не она идетъ впереди европейскаго движенія, не она несетъ знамя исторіи. Это политическое безсиліе отзывается иногда очень горько въ словахъ и рѣчахъ чувствую-

Digitized by Google

щихъ людей Германіи. Вы помните, вѣроятно, статьи нѣмецкихъ газетъ во время соединенной китайской экспедиціи: ихъ надобно было читать, чтобъ видѣть нервически-женское раздраженіе германскаго духа, чтобъ невольно улыбаться китайскимъ симпатіямъ этихъ статей, которыя почти повторяли стихи Гейне:

Franzosen und Russen gehört das Land,
Das Meer gehört den Britten,
Wir aber besitzen im Luftreich des Traums,
Die Herrschaft unbestritten.

А между тѣмъ—какъ хороша жизнь въ этихъ многочисленныхъ столицахъ Германіи, соединяющихъ въ себѣ всѣ удобства столичной жизни и милыя сплетни, и полное знаніе недостатковъ другъ друга въ провинціи, гдѣ все на виду. Я не говорю о Вѣнѣ, о Берлинѣ, гдѣ жизнь имѣетъ ужь совершенно общій характеръ, гдѣ безразличіе столицы поглотило и сгладило особенности. Но поѣзжайте куда угодно: въ Ганноверъ, Дрезденъ, Кассель, Мюнхенъ, Штутгардтъ и проч., васъ вездѣ и преимущественно займутъ интересы духовные или эстетическіе. Вездѣ университеты, и въ каждомъ два, три громкія имени современной науки, вездѣ музеи, если не съ цѣльными мраморами, то съ обломками, если не съ мраморами, то съ гипсовыми отливками, если не съ настоящими картинами лучшихъ итальянскихъ мастеровъ, то съ удовлетворительными копіями: но зато сколько Гольбейновъ, Дюреровъ, Вольгемутовъ, Кранаховъ, Цейтбломовъ и другихъ нѣмецкихъ художниковъ. Вездѣ болѣе или менѣе хорошій театръ; въ Ганноверѣ двѣ знаменитыя актрисы, въ Дрезденѣ два знаменитые актера, вездѣ Kunst-Musik- и Sing-Vereine, вездѣ Lieder-Kränze, вездѣ литературныя общества, вездѣ, однимъ словомъ, духовная жизнь, посреди которой могли только возникнуть фантастическія, но проникнутыя чисто нѣмецкимъ содержаніемъ сказки Гофмана или изящно-пестрыя картины Вильгельма Мейстера. Недавно провелъ я нѣсколько пріятныхъ дней въ Брауншвейгѣ. Совѣтую вамъ остановиться въ гостинницѣ «Голубаго ангела,» гдѣ очень хорошенькая хозяйка и безконечный обѣдъ съ столь извѣстными нѣмецкими блюдами: брауншвейгская колбаса съ сладкимъ саго въ винѣ, Dampfnudel, ветчина съ картофелемъ и яицами,

Digitized by Google

Sauerkohl съ изюмомъ и черносливомъ, и свиное жаркое съ Apfelmuss; всѣ яства, какъ вы видите, располагающія къ мечтательности. Небольшой средневѣковой городокъ, съ узенькими домиками въ три, четыре этажа, съ огромными готическими соборами, памятниками могущественныхъ движеній средневѣковаго духа и императора Генриха Льва, съ обширнѣйшимъ дворцомъ во вкусѣ возрожденія, не меньше нашего Зимняго, гордо подавляющимъ всѣ остальные дома, которые кажутся въ сравненіи съ нимъ лачужками. Въ Брауншвейскомъ герцогствѣ 2000 человѣкъ войска и 20 формъ мундировъ всѣхъ возможныхъ родовъ; каждый день происходитъ ученье недалеко отъ прекраснаго памятника Лессингу, работы лучшаго скульптора въ Германіи—Ритчеля. Въ Брауншвейгѣ музей, извѣстный книгопродавецъ Фивегъ и извѣстный ученый Блазіусъ, который за ученое путешествіе по одной европейской странѣ былъ награжденъ изъ кабинета ея драгоцѣннымъ брильянтовымъ перстнемъ, а брильянтъ, по милости чиновниковъ, оказался фальшивымъ, въ чемъ убѣдиться имѣлъ удовольствіе самъ путешественникъ, какъ ученый минералогъ, безъ помощи ювелировъ. Въ Брауншвейгскомъ театрѣ и опера, и балетъ, и драма, и комедія, и все это очень порядочно, и театръ почти всегда полонъ, и жизнь полна. Я глубоко уважаю это покровительство, которое германскіе монархи всегда оказывали не столько наукѣ, въ которой есть непродажныя убѣжденія, сколько искусству. Посмотрите на Мюнхенъ, созданіе короля Людвига Баварскаго: весь городъ цѣлый музей съ превосходными копіями. Вамъ не нужно дѣлать далекихъ путешествій съ цѣлію изучать исторію искусства. Тутъ есть все. Вотъ копія съ знаменитой ложи Ланцы во Флоренціи, вотъ копія дворца Питти; широкая, но совершенно пустынная Ludwigs-Strasse—полна копій. Въ Мюнхенѣ есть и базилика, и романская церковь, и готическая, и итальянская среднихъ вѣковъ, и Возрожденія, и Zopfstyl, со всѣми подробностями, гдѣ ничто не забыто, все отдѣлано съ любовью, и притомъ какъ удобно для дилетанта: все ново, все съ иголочки. Вы не замараетесь о вѣковую пыль, васъ не поразитъ эта дисгармонія памятниковъ нѣсколькихъ столѣтій въ одномъ мѣстѣ, слѣды, наложенные исторіей; на новомъ полу готической

Digitized by Google

церкви вы не замѣтите, истертыхъ ногами безчисленныхъ поколѣній, могильныхъ плитъ рыцарей или епископовъ: вы изучаете искусство en beau. — Манія къ образовательнымъ художествамъ короля Людвига въ сынѣ его Максимиліанѣ переродилась въ манію къ наукѣ, къ поэзіи для поэзіи. Современная идеальная школа Мюнхена напоминаетъ въ миніатюрѣ великихъ идеалистовъ Веймара въ концѣ XVIII вѣка. Уйдемъ въ этотъ міръ художественнаго творчества, заткнемъ и закроемъ окна, чтобъ случайно не прорвался въ нихъ вѣтеръ современной исторіи, нагоняющій ревматизмы, распустимъ палату съ ея нѣсколько неумѣренными требованіями и поставимъ на изящно-отдѣланномъ новомъ театрѣ Мюнхена драму Кальдерона, съ соблюденіемъ всей испанской обстановки, съ монахами, инквизиціей, пылкими страстями, драму тутъ же объясненную Шакомъ, первымъ знатокомъ испанской литературы въ Германіи, живущимъ въ Мюнхенѣ, и разученную самымъ превосходнымъ образомъ подъ личнымъ наблюденіемъ лучшихъ литераторовъ. Для нихъ искусство — жизнь; все равно, откуда бы ни было взято содержаніе. Боденштедтъ пишетъ эпическую поэму изъ временъ Іоанна Грознаго, развивая внутреннюю драму сердца въ эпоху, когда не было и помину о сердцѣ. Павелъ Гейзе печатаетъ длинную поэму изъ первыхъ временъ христіанства. Литературный разговоръ идетъ о Сакунталѣ или Луизьядѣ. Нельзя не уважать высокихъ покровителей искусства въ Германіи (злые языки говорятъ, что теперь искусство въ ней есть орудіе реакціи), этихъ маленькихъ Перикловъ, которые почти изъ каждой столицы сдѣлали маленькія Аѳины, только, само собою разумѣется, что безъ агоры и Аристофана. И это покровительство началось давно, со временъ великаго Людовика XIV-го, вѣчнаго образца для нихъ. — Зато посмотрите съ какимъ одушевленьемъ, напримѣръ, оффиціальная газета княжества Рейсъ, «General-Anzeiger», вѣроятно не получаемая въ редакціи «Атенея», по поводу рожденія наслѣднаго принца, входитъ въ слѣдующія таинственныя пиѳагорейскія соображенія чиселъ: «Не только владѣнія обоихъ покойныхъ князей Генриха LXII и Генриха LXXII соединены теперь въ одно государство — княжество

Digitized by Google

Рейсъ младшей линіи, но въ лицѣ его высочества, настоящаго правителя, Генриха LXVII мы видимъ и соединеніе обоихъ чиселъ: такъ вычитая 5 изъ 72 получимъ 67, прикладывая 5 къ 62-мъ получимъ также 67. На высокую долю князя Генриха LXVII выпало соединить эти оба числа. Единственный сынъ его высочества, его свѣтлость наслѣдный принцъ, достигъ теперь 26 лѣтъ; вычитая 26 изъ 67 получимъ 41; его свѣтлость наслѣдный принцъ, въ текущемъ столѣтіи, въ высокомъ семействѣ своемъ Рейсъ младшей линіи есть XIV: вычитая 14 изъ 41 получимъ 27, и недавно рожденный принцъ, сынъ свѣтлѣйшаго наслѣднаго принца, есть Генрихъ XXVII. Такую тайную глубокую связь имѣютъ эти числа между собою!»

Новое прусское министерство, не смотря на то, что уже цѣлый мѣсяцъ прошелъ съ того времени, какъ оно сформировалось, до сихъ поръ еще положительно не высказало своихъ намѣреній и желаній, своей программы. Какой-то странный разладъ въ мнѣніяхъ вы слышите со всѣхъ сторонъ. Его слова и заявленія, а не дѣйствія, которыхъ нѣтъ еще, то приводятъ въ печаль либеральную партію и доставляютъ полную радость «Крестовой газетѣ»; то оно громко высказываетъ свое довѣріе къ народу, въ первый разъ сначала реакціи не нападая на довольно обширное право первоначальныхъ выборовъ, какъ на «несчастіе страны», а видя въ немъ народную основу представительства. До сихъ поръ вообще партія народа не имѣла большаго значенія: она являлась протестомъ, упрекомъ. На нее смотрѣли какъ на темную массу, въ которой лежатъ зародыши разрушенія. — Значеніе новаго министерства мы узнаемъ когда соберутся палаты и начнутся пренія, но уже и теперь имѣется свѣдѣніе, что соберутся онѣ только для опредѣленія бюджета и потомъ снова будутъ распущены. Съ 18-го ноября органъ прежняго министерства, газета «Zeit», перемѣнила заглавіе и выходитъ подъ именемъ «Preussische Zeitung». Она поступила въ вѣдѣніе новаго редактора, но эта газета не оффиціальна, а только officiös. Разница эта важна: вамъ предоставляется на волю принимать или не принимать слова ея за чистыя деньги. Она началась вводною статьею, въ которой, повидимому, была программа правительства, но такая неясная

Digitized by Google

и неопредѣленная, что изъ нея нельзя было вывести никакого положительнаго заключенія. Министерство какъ-будто испугалось своей популярности, надеждъ, возлагаемыхъ на него либералами разныхъ партій, и поспѣшило освободиться статьями оффиціальныхъ газетъ отъ «бурныхъ демократическихъ друзей своихъ», поспѣшило заявить, что живое движеніе всполыхнувшагося вдругъ общественнаго мнѣнія надобно направить по разумной дорогѣ, что само оно стоитъ выше всѣхъ партій и ихъ требованій, выше всякаго большинства. Не видите ли вы, вмѣстѣ со мною, въ этой опасливости министерства, въ этомъ желаніи отстранить отъ себя названіе партіи — общую въ Пруссіи боязнь парламентаризма, молодость конституціонной жизни, Пруссію Фридриха Великаго? Не остается ли Англія и свободною, и могущественною — все равно виги или торіи править ею? Свобода и могущество ея зависятъ не отъ личности министровъ, не отъ убѣжденій партій, къ которымъ принадлежатъ они, а отъ конституціи. Зато въ Пруссіи министерство и говоритъ палатѣ: мнѣ все равно—пользуюсь или не пользуюсь я вашимъ довѣріемъ; я все-таки остаюсь министерствомъ. Не мудрено, что англійскія газеты, по отношенію къ настоящей Пруссіи, принимаютъ тонъ гувернера: гладятъ по головкѣ мальчика, показываютъ ему пряникъ или стращаютъ ослиными ушами, что̀ ужасно обижаетъ Пруссаковъ, которые стоятъ только на томъ, что они образованнѣе Англичанъ.

То же самое недовѣріе къ минутному политическому движенію страны видно въ новомъ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ Флотвеля къ Regierungs-президентамъ и ландратамъ отъ 17-го ноября, прямо указывающемъ, что «въ предварительныхъ выборахъ для палаты депутатовъ стали выражаться такія ожиданія, желанія и надежды, исполненіе которыхъ настоящіе органы правительства, на основаніи задачи ихъ — сознательнаго исполненія королевской власти — считаютъ обязанностію своею отклонить совершенно.» Это было уже преувеличеніе, ибо никакихъ противо-конституціонныхъ желаній высказываемо не было и газеты держали себя вообще скромно, кромѣ развѣ «Крестовой», которая и до сихъ поръ находится въ нервическомъ раздраженіи, но ея неумѣренность неопасна для об-

Digitized by Google

щаго спокойствія. Властямъ, къ которымъ относился циркуляръ, предоставлено было противодѣйствовать всѣми законными путями этимъ ожиданіямъ; говорилось о достоинствѣ и важности преданія, и проч. — Больше недѣли послѣ того, какъ регентъ назначилъ новыхъ министровъ, вдругъ въ «Бреславльской газетѣ» явились отрывки изъ рѣчи, говоренной имъ новымъ органамъ правительства. Эта рѣчь очень важна, представляя собою какъ бы программу новаго правительства и вмѣстѣ съ тѣмъ выражая личный взглядъ регента. Но «Бреславльская газета» консервативна, а потому напечатала изъ этой рѣчи только то, что̀ ей нравилось. Болѣе полный текстъ появился въ одной изъ гамбургскихъ газетъ. Нѣкоторыя выраженія этой рѣчи были, между прочимъ, такого рода, что либеральная партія повѣсила голову: напримѣръ, что перемѣна министровъ не есть перемѣна системы, что не можетъ быть и рѣчи о разрывѣ съ прошедшимъ, что здоровыя консервативныя основанія составляютъ благо страны. Въ движеніи общественнаго мнѣнія видѣлись слѣды «намѣренно преувеличенныхъ идей», и особенно регентъ совѣтовалъ воздерживаться отъ идей либеральныхъ. Еще рѣзче это высказывалось въ отвѣтной рѣчи регента на адрессъ Трейбунда, самое сильное, какъ извѣстно, проявленіе реакціи послѣ движеній 1848 года. — Не много дней спустя, брошена была стрѣла и въ лагерь аристократической партіи, «которая не хочетъ стоять безусловно на почвѣ уложенія, но, подъ знаменемъ высокой преданности монарху, признаетъ это уложеніе на столько, на сколько оно соотвѣтствуетъ интересамъ партіи.» Министерство говоритъ, что у него ничего нѣтъ общаго съ этою исключительною партіей и нападаетъ на ея мнѣніе, считающее настоящее движеніе умовъ чрезвычайно опаснымъ для блага государственнаго, устраняетъ ея притязаніе, выраженное въ «Крестовой газетѣ», будто бы правительство совершенно на ея сторонѣ.

Вы видите уже изъ этого сопоставленія разныхъ заявленій правительства, въ какомъ положеніи оно находится, какъ оно лавируетъ между партіями и какъ мало оно высказывается. Оно не говоритъ чего желаетъ, а только требуетъ довѣрія къ себѣ. Особенно оно старается освободиться отъ *опаснаго дара*,

Digitized by Google

отъ либерализма, отъ названія министерства лѣвой стороны, которое ему навязываютъ. Оно очень боится демократической партіи и никакъ не вѣритъ, что ей ничего теперь не надо, кромѣ уложенія, закона. А демократической партіи и не слыхать совсѣмъ: органъ ея, «Народная газета», въ послѣднее время не высказала ни одного неумѣреннаго желанія; въ новую палату не выбрано ни одного депутата, который сколько бы нибудь былъ извѣстенъ своими демократическими мнѣніями. Впрочемъ, и самое положеніе министерства едва ли можно считать совершенно твердымъ. Недавно ходили по Берлину слухи о письмѣ королевы къ регенту, въ которомъ заключались упреки за измѣненіе правительственной системы, за охужденіе стараго порядка. Король можетъ выздоровѣть и воротиться, и тогда, кто знаетъ, можетъ все опять пойдетъ попрежнему.

Не смотря, однакожь, на неопредѣленность желаній министерства, выборы, конченные 24-го ноября, были вполнѣ въ его пользу: такъ велико было довѣріе къ нему народа, видѣвшаго въ немъ залогъ измѣненія старой правительственной системы. Между первоначальными избирателями, какъ я уже сообщалъ вамъ, было однакожь много приверженцевъ стараго министерства, а потому настоящій либерализмъ ихъ былъ сомнителенъ. Имъ хотѣлось только во что бы-то ни стало быть избирателями. Рѣдко случается, чтобъ на сторонѣ министерства было такое большинство, какое теперь въ Пруссіи. Какія умѣренныя желанія и требованія, и какъ рѣдко и мало они высказываются въ газетахъ! До сихъ поръ ни одна изъ нихъ не объявила, чего бы она хотѣла отъ новаго министерства. Дорога ему чрезвычайно углажена и препятствій не предвидится ни откуда: остается только, какъ больному, самому сочинять призраки и пугаться ими, что̀ оно до сихъ поръ и дѣлало. Такимъ образомъ, успѣхъ выборовъ зависѣлъ не отъ положительной дѣятельности новыхъ министровъ, вызвавшей къ себѣ сочувствіе, а отъ недовольства старыми. До сихъ поръ оно ничего не сдѣлало, сложило руки и, кажется, правитъ страной на прежнихъ основаніяхъ. Съ его стороны была только достаточно гарантирована свобода выборовъ, и всѣ обстоятельства благопріятствовали ихъ независимости. Выборы 1848 и 1849

Digitized by Google

годовъ происходили посреди революціонныхъ движеній; потомъ началась реакція, и правительство употребляло всѣ средства, чтобъ имѣть вліяніе на выборы. Теперешнее министерство отказалось по возможности отъ этихъ средствъ, такъ что въ новой палатѣ можно видѣть довольно ясное выраженіе желаній прусскаго народа, хотя и не прошли демократическіе кандидаты. Въ чемъ заключаются эти желанія — мы увидимъ изъ будущихъ засѣданій палаты. Статистическое сравненіе членовъ, по ихъ званію и положенію въ государствѣ, относительно къ прежнимъ выборамъ, показываетъ уже, что новая палата имѣетъ другой характеръ. Такъ, напримѣръ, уменьшеніе числа ландратовъ: въ 1855 году ихъ было 77, теперь только 27; увеличеніе числа юристовъ изъ 29 въ 48, и проч. Но все же поражаетъ насъ въ этой палатѣ преобладаніе чиновническаго элемента. Почти двѣ трети ея — чиновники. Ни въ одной конституціонной землѣ нѣтъ такихъ явленій. Конечно, прусскіе чиновники стоятъ неизмѣримо выше чиновниковъ другихъ странъ; всѣ они люди образованные, приготовляются служенію родинѣ наукой и разнообразными экзаменами; о чести, о служебномъ долгѣ, о безкорыстіи и справедливости они имѣютъ твердыя, практическія убѣжденія, но можно ли ожидать независимости отъ палаты, гдѣ бо́льшая половина членовъ состоитъ изъ людей, судьба которыхъ въ полномъ распоряженіи правительства? Что за народное представительство, которое во всѣхъ случаяхъ на предложенія министровъ будетъ говорить только: да? Оппозиціонный чиновникъ стоитъ въ противорѣчіи съ своею служебною дѣятельностью; онъ невозможенъ.

Какъ бы-то ни было, начало дѣятельности новыхъ министровъ, совпавшее съ болѣе либеральными, чѣмъ прежніе, выборами, до сихъ поръ вездѣ пользуется симпатіей. Ихъ прежняя жизнь свидѣтельствуетъ, что они люди не феодальныхъ мнѣній. Главный министръ Ауэрсвальдъ — личность во всѣхъ отношеніяхъ благородная. Въ февралѣ 1849 года онъ выбранъ былъ въ президенты первой палаты большинствомъ 141 голоса противъ 5. Онъ пользуется любовью всѣхъ партій, но, къ сожалѣнію, въ одной изъ прежнихъ парламенскихъ рѣчей своихъ, онъ самъ назвалъ себя *сыномъ времени* и опредѣлилъ это названіе тѣмъ, что настоящіе современные люди неспособны къ положительно

Digitized by Google

ясной дѣятельности: что онъ ни назадъ не отодвигается, ни впередъ не стремится. — Это либеральное министерство (бо́льшая часть членовъ его принадлежала къ умѣренной оппозиціи) вступило въ управленіе страной въ дни спокойствія, а не волненій, чего прежде не бывало въ Пруссіи: это можетъ-быть залогъ его прочности. Не въ первый разъ въ ней свободно мыслящіе министры, но они являлись въ опасныя минуты государственной жизни—въ бурю, и смѣнялись скоро, какъ только правительство чувствовало себя въ силѣ идти по прежней дорогѣ. На нихъ соглашались боязливо, неохотно, разставались съ ними съ радостью. Такова была министерская дѣятельность Штейна, Гарденберга, Шёна, Вильгельма Гумбольдта, оставившая глубокіе, прекрасные слѣды въ прусской исторіи. Теперь, съ точки зрѣнія старой монархіи, не было, повидимому, надобности въ перемѣнѣ системы, а потому новые министры являются произведеніемъ личной воли, личныхъ убѣжденій и намѣреній регента, и это дѣлаетъ ему большую честь. Никакія внѣшнія обстоятельства не вынуждали его выбора.

Всего любопытнѣе будетъ видѣть какъ выразится симпатія къ новому прусскому правительству въ остальной Германіи. До сихъ поръ еще мало фактовъ. Въ 1850 году, во время министерства Радовица, когда соперничество между Пруссіей съ одной стороны, и Австріей и Баваріей съ другой, дошло почти до объявленія войны, симпатіи Германіи къ Пруссіи, какъ къ представительницѣ успѣха, развитія, либерализма, были очень велики. Но съ тѣхъ поръ прошло восемь лѣтъ, реакція дѣйствовала усерднымъ образомъ, и трудно разбудить теперь симпатію въ отупѣвшемъ общественномъ мнѣніи Германіи. «Крестовая газета», вѣрная своей теоріи (ей нельзя отказать въ недостаткѣ логики), пугаетъ другія правительства Германіи, рисуя черными красками прусскія событія, которыя, думаетъ она, могутъ имѣть пагубное вліяніе и на сосѣднія страны. Она совѣтуетъ уже подумать о защитѣ *. Какъ разъединены между собою интересы

* Въ одной изъ сегодняшнихъ газетъ берлинскихъ напечано извѣстіе, что саксонское правительство обратилось къ прусскому кабинету съ представленіемъ объ опасности новыхъ мѣръ, предпринятыхъ здѣсь для возстановленія строгой законности.

Digitized by Google

германскихъ государствъ и какъ сильна въ нихъ реакція, вы можете видѣть изъ процесса извѣстнаго германскаго патріота Эрнста Морица Арндта, поэта войны освобожденія, девяностолѣтняго старца, всю жизнь мечтавшаго о соединенной Германіи. Этотъ литературный процессъ представляетъ германское pendant къ процессу Монталамбера и заключаетъ въ себѣ много забавнаго, потому что Арндтъ обвиненъ въ томъ, что онъ не скрылъ историческихъ фактовъ, случившихся за 50 лѣтъ до нашего времени. Обвиненіе относится къ одному мѣсту книги его «Wanderungen und Wandlungen mit dem Freiherrn von Stein», вышедшей въ нынѣшнемъ году и посвященной личнымъ воспоминаніямъ о великомъ прусскомъ министрѣ и разныхъ событіяхъ того времени, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Въ одномъ мѣстѣ этой книги Арндтъ разсказываетъ, что̀ дѣлалъ баварскій генералъ князь Вреде (а онъ былъ тогда французскимъ маршаломъ) въ замкѣ герцога Брауншвейгъ-Эльсъ, какъ онъ забралъ съ собою оттуда всю серебряную посуду, выдавъ самымъ наивнымъ образомъ росписку управителю. За тѣмъ Арндтъ разсказываетъ, что баронъ Штейнъ въ гостяхъ на дачѣ у банкира Мецлера, при пріѣздѣ туда же Вреде, сказалъ: «Съ такимъ проклятымъ грабителемъ не хочу я сидѣть въ одной комнатѣ.» Баварскія власти захотѣли видѣть въ этомъ мѣстѣ книги клевету на маршала Вреде, порицаніе баварскаго войска и его офицеровъ. Конечно, послѣ такихъ историческихъ фактовъ, какіе Арндтъ сообщаетъ съ наивностью воспоминаній старика, неловко видѣть, напримѣръ, статую генерала Вреде, или бюстъ его въ Ruhmes-Halle короля Людвига, у подножія колоссальной статуи Баваріи, или маршальскій орнатъ его въ историческихъ фрескахъ Мюнхена. По приказанію баварскаго министерства, судъ присяжныхъ въ Цвейбрюкенѣ, въ Пфальцѣ, приговорилъ Арндта, такъ какъ онъ не явился на судъ, — in contumaciam — къ двухмѣсячному тюремному заключенію, къ 50 гульденамъ пени и къ уплатѣ всѣхъ судебныхъ издержекъ. Трудно рѣшить—справедливъ, или несправедливъ этотъ приговоръ баварскаго суда, потому что трудно подтвердить или опровергнуть факты, приводимые воспоминаніями Арндта. Старикъ-профессоръ—лицо народное, а Вреде—маршалъ Наполеона I-го, исполняющій его приказанія,

Digitized by Google

клонящіяся къ порабощенію собственной родины, не можетъ принести большой чести патріотическому чувству баварской арміи. Тяжелымъ гнетомъ лежитъ на Германіи память Наполеона I-го; въ его времени заключается источникъ разнообразныхъ взаимныхъ упрековъ, дѣлаемыхъ правительствами германскими другъ другу. При воспоминаніи о времени до начала войны за освобожденіе, до 1813 года, до всеобщаго воодушевленія въ Германіи, вызваннаго неудачнымъ походомъ на Россію въ 1812 году и русскою арміею, явившееюся въ нѣмецкихъ предѣлахъ, право, блѣднѣютъ всѣ эти Ruhmes-Halle, Валгаллы, и проч., посвященныя великому прошедшему Германіи. Какъ мелочно и неловко баварское осужденіе старика Арндта. Противъ этого возстало общественное мнѣніе: молодежь боннскаго университета, въ соединеніи съ старыми ветеранами, при извѣстіи о приговорѣ цвейбрюкенскаго суда, тотчасъ же устроила торжественное факельное шествіе въ честь старика Арндта и тѣмъ отняла всю дѣйствительность у приговора. Мечтайте послѣ этого о соединеніи, о великой, единой, сильной Германіи. Нѣтъ, глубоки историческія причины разъединенія и передъ дѣйствительными фактами, въ тяжелые годы реакціи; а ни въ одной странѣ, я твердо въ томъ убѣжденъ, нѣтъ такой удобной почвы для нея какъ здѣсь, гдѣ разлетаются передъ ней въ прахъ самыя смѣлыя мечтанія.

Говоря о симпатіяхъ остальныхъ Германцевъ къ настоящему движенію въ Пруссіи, я укажу вамъ на одну корреспонденцію «Аугсбургской газеты» изъ южной Германіи, гдѣ такъ тяжелъ гнетъ католической партіи и конкордатовъ. По поводу піитистскаго направленія, которое такъ сильно развилось въ послѣдніе годы въ Пруссіи, эта корреспонденція высказываетъ надежду, что пройдетъ, наконецъ, то непримиримое отношеніе къ жизни, которое сдѣлалось особеннымъ отличіемъ евангелическаго духовенства Пруссіи, это лицемѣріе, это ханжество, стремящееся къ почестямъ и званіямъ, это фразерство, въ которомъ скрыты мелкія, эгоистическія цѣли. Въ Готѣ недавно сталъ выходить, подъ редакціею Коллячека, журналъ вовсе не крайняго направленія: «Stimmen der Zeit.» Въ статьѣ октябрьской книжки этого журнала, подъ названіемъ: «О научномъ духѣ

Digitized by Google

времени», помѣщена коротенькая характеристика современнаго направленія нѣмецкой теологіи. Она очень неутѣшительна. Не говоря уже о томъ какія явленія происходятъ въ католической части Германіи, — и протестантское духовенство не уступаетъ ни къ чемъ католическому. Протестантская теологія находилась всегда въ тѣсной связи съ нѣмецкою литературой. Въ послѣднее время было много различныхъ собраній протестантскихъ духовныхъ въ разныхъ мѣстахъ и съ разными цѣлями. Протестанскіе духовные произнесли много рѣчей, но что̀ заключалось въ нихъ? Цѣлію всего этого теологическаго движенія была ожесточенная война противъ просвѣщенія, гуманности. Самыя слова эти были уже подозрительны; на философію и раціонализмъ смотрѣли съ гордымъ презрѣніемъ. Назадъ, поколѣнія!—къ холодному догматизму Лютерова времени! вы должны забыть высокія стремленія Лессинга, Гердера, Виланда, Шиллера, Гёте, ихъ братьевъ по духу и послѣдователей! Почти всѣ богословскіе факультеты германскихъ университетовъ, за исключеніемъ іенскаго, подчинились этому направленію, не согласному съ духомъ XIX вѣка. Лучшіе профессора должны были замолчать; ихъ тѣснили со всѣхъ сторонъ. Даже многіе прежніе раціоналисты должны были плясать по одной дудкѣ. Мѣста пасторскія получали старовѣры; суперинтендантства давались самымъ ревностнымъ изъ ревностныхъ, тѣмъ, которые не шли далѣе понятій XVI вѣка: но нельзя же считать успѣхомъ то теперь, что̀ было при Лютерѣ. Студенты теологіи обязаны были остерегаться вещей ненужныхъ, не идущихъ къ дѣлу: философіи, исторіи, наукъ естественныхъ. Чѣмъ проще ихъ вѣра, тѣмъ они больше выигрываютъ. Невѣжество молодыхъ теологовъ, говоритъ авторъ статьи, въ наукахъ и познаніяхъ свѣтскихъ доходитъ до невѣроятія. Для будущаго, въ нихъ представляется толпа ни къ чему негодныхъ, несчастныхъ людей, а между тѣмъ настоящее нуждается въ дѣльныхъ домашнихъ учителяхъ: но какъ отдать образованіе дѣтей на попеченіе такихъ отсталыхъ людей? Конечно, такіе рѣзкіе приговоры возможны только подъ перомъ Германца, который знаетъ свои домашнія отношенія лучше человѣка посторонняго. Послѣдній, пожалуй, найдетъ ихъ преувеличенными, при взгля-

Digitized by Google

дѣ на это множество молодежи, жадно стремящейся учиться, при этомъ общемъ образованіи, разлитомъ во всѣхъ классахъ народа. Я имѣю удовольствіе сходиться, на археологическихъ лекціяхъ профессора теологіи здѣшняго университета Пипера, лучшаго знатока христіанскаго искусства въ Германіи,съ нѣкоторыми молодыми людьми, слушающими второй годъ богословскіе курсы, и долженъ сознаться, что питаю къ нимъ полное уваженіе. Съ другой стороны, не разъ случалось слышать отъ Берлинцевъ о странныхъ выходкахъ здѣшнихъ пасторовъ, позволявшихъ себѣ даже личныя нападенія во время проповѣди. Ихъ непримиримость, излишній и необдуманный піитизмъ извѣстны всѣмъ. При такомъ положеніи, здѣсь довольно часто случались въ послѣдніе годы переходы въ католицизмъ. Недавно надѣлалъ шуму такой переходъ приватъ-доцента теологіи въ берлинскомъ университетѣ, Леммера, молодаго человѣка съ отличными свѣдѣніями и уже сдѣлавшагося извѣстнымъ своими сочиненіями: «Жизнь папы Николая I-го» и «До-тридентинскіе противники реформаціи». Леммеръ родомъ изъ восточной Пруссіи, гдѣ нѣтъ ничего католическаго. Говорятъ, что на этотъ переходъ имѣло большое вліяніе недавнее путешествіе его въ Италію, но Леммеръ лучшій ученикъ Генгстенберга, а послѣдній такъ пламенно желаетъ католической власти, что нельзя тутъ отрицать и чисто-берлинскихъ вліяній. На прусскій піитизмъ, на странное положеніе здѣсь евангелической церкви указываютъ и слова регента въ рѣчи его къ министрамъ, о которой я выше упомянулъ: «Со всякаго лицемѣрія, со всякаго притязанія на святость (Scheinheiligkeit), говоритъ онъ, однимъ словомъ, со всякаго духовнаго явленія, служащаго эгоистическимъ цѣлямъ, надобно срывать маску,гдѣ только возможно. Настоящая религіозность проявляется во всемъ поведеніи человѣка; это надобно всегда имѣть въ виду и отличать ее отъ внѣшнихъ кривляній и выставокъ». Не смотря на полную свободу всякаго исповѣданія въ Пруссіи, утвержденную уложеніемъ, современнымъ диссидентамъ и такъ-называемой «свободной общинѣ» въ Магдебургѣ нѣсколько разъ запрещены были собранія. Для новой палаты вопросъ о диссидентахъ стоитъ на очереди.

Вы замѣтили, вѣроятно, въ газетахъ извѣстіе о недавней и

Digitized by Google

случайной смерти въ Лондонѣ Іоганны Кинкель, нѣмецкой изгнанницы послѣ событій 1848 года. Вся жизнь ея создалась изъ поэзіи, музыки и любви, и какой любви! Люди всѣхъ партій, всѣхъ убѣжденій говорили о ней съ восторгомъ; ея смерть вызвала со всѣхъ сторонъ непритворную скорбь. Газеты и журналы помѣщаютъ о ней теперь воспоминанія. Въ самомъ дѣлѣ, эта прекрасная дочь Рейна, лучшая женщина современной Германіи, не имѣвшая никакихъ несносныхъ признаковъ синяго чулка, пользовалась общею любовью. Я помню въ прошломъ году на Рейнѣ расказы о ней одного ея прежняго знакомаго: у раскащика блестѣли слезы на глазахъ. Тяжела подобная смерть на чужбинѣ, въ изгнаніи, но Іоганна Кинкель оставила слѣдъ въ исторіи и обществѣ; ея простая, полная высокой любви и самоотверженія практическая дѣятельность не умретъ въ кругу ея родныхъ и друзей; могила ея ни въ какомъ случаѣ не заростетъ травою забвенія. Вотъ отрывки изъ стихотворенія Фрейлиграта, также изгнанника; оно написано тотчасъ послѣ похоронъ и только вчера напечатано:

...«Кучка сиротъ ея, которыхъ бодро она учила жизни и веселымъ тонамъ пѣсенъ, печально стоитъ у открытаго гроба; и твердо, хотя и походитъ оно на кровь, съ журчаніемъ вырывающуюся изъ раненой груди, звучало надъ покинутыми дѣтьми слово отца. Покойся же посреди свѣта и воздуха, и не будемъ скорбѣть, что Драхенфельсъ и Эльбергъ не возвышаются надъ твоею могилой, что она не блеститъ въ утренней росѣ, не пылаетъ въ лучахъ заката тамъ, гдѣ посреди луговъ и виноградниковъ катится родной Рейнъ... Мы сложили тебя въ могилу, какъ военнаго товарища нашего; ты лежишь на чужой межѣ, какъ-будто сраженная прежнимъ врагомъ; изгнаніе вотъ поле битвы, на которомъ ты пала, съ однимъ желаніемъ въ глазахъ, съ одною общею всѣмъ намъ цѣлью. Здѣсь твое почетное мѣсто, посреди дикихъ полевыхъ цвѣтовъ Англіи; нѣтъ земли, которая бы больше имѣла права владѣть тобою въ гробѣ! Покойся, гдѣ тебя поразила смерть, гдѣ ты билась и боролась! Нѣтъ для тебя достойнѣе кладбища, какъ здѣсь, въ землѣ Британцевъ!... Все, что̀ давало содержаніе и направленіе твоей жизни, подымается надъ могильнымъ холмомъ тво-

Digitized by Google

имъ: свобода, любовь и поэзія! Прощай же! и пусть весенній жаворонокъ обсыплетъ могилу твою звучною пѣснью и свободное дыханіе моря окружитъ ее своимъ ропотомъ и прохладитъ воспаленные слезами глаза странника!»

Н. Буличъ.

Берлинъ, (30 ноября) 12 декабря.

Digitized by Google

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О НАШИХЪ РЕМЕСЛЕННИКАХЪ.

По поводу Замѣтки г. Пискунова, *въ ноябрьской книжкѣ «Современника».*

—

Въ № 16 «Атенея» напечатано было «Нѣсколько словъ объ улучшеніи быта нашего ремесленнаго класса». Изложивъ нѣкоторыя причины настоящаго, жалкаго его положенія, мы предложили на судъ читающей публики, какъ средство нѣсколько помочь горю, проектъ объ учрежденіи *«Акціонерной компаніи ремесленныхъ заведеній.»*

Долго не было отзыва на эту статью. Мы подумали, что проектъ нашъ признанъ неудобоисполнимымъ, не заслуживающимъ вниманія, что, наконецъ, самый вопросъ объ улучшеніи быта ремесленниковъ еще не созрѣлъ и заслоняется другими, болѣе важными современными вопросами, и рѣшились, до-поры до-времени, прекратить о немъ всякую рѣчь. Но вотъ явилась въ XI книжкѣ «Современника» Замѣтка г. Пискунова на статью нашу.

Еслибъ авторъ Замѣтки только хулилъ или ободрялъ направленіе нашей статьи, мы не стали бы ни оправдываться, ни благодарить, но онъ, не совсѣмъ понявъ статью, опровергаетъ ее, и это вызываетъ насъ на объясненіе.

Г. Пискуновъ началъ за здравіе, а свелъ за упокой. «Честь и хвала г-ну Н. Женнину, говоритъ авторъ на первыхъ строкахъ Замѣтки, за начатую имъ впервые рѣчь о ремесленномъ сословіи. Пришла, наконецъ, пора подумать объ улучшеніи положенія этого класса.» А кончается статья тѣмъ, что не зачѣмъ было и подымать этого вопроса, что положеніе ремесленниковъ само собою, «безъ всякихъ долгихъ и

Digitized by Google

напрасныхъ разсужденій», придетъ въ великолѣпное состояніе, какъ только, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, родится свободный трудъ, что тогда ремесленникъ «мгновенно» очутится у Христа за пазухой.

Всѣ эти упованія очень утѣшительны, и многое изъ сказаннаго въ Замѣткѣ справедливо, да только относительно, а далеко не безусловно.

Крестьянскій вопросъ — самый старый, изъ поднятыхъ въ послѣдніе два-три года, болѣе всѣхъ созрѣвшій, — вопросъ, надъ которымъ трудились всѣ передовые люди нашего времени, надъ которымъ трудится теперь вся Россія и который неподдѣльно интересуетъ все, что́ сколько-нибудь законно пользуется правами человѣка. Почти въ такомъ же положеніи было дѣло и въ мартѣ нынѣшняго года, когда мы писали статью нашу, напечатанную въ «Атенеѣ». Тогда уже ясно видно было, что такъ или иначе, крѣпостныхъ на Руси не будетъ. Въ нашей литературѣ тогда уже было сто разъ повторена и доказана мысль автора Замѣтки, «что отъ настоящаго порядка вещей, кромѣ частнаго, смертельнаго вреда для Кондрашки и для Петрушки, происходитъ вредъ общій, государственный», что отъ существованія помѣщичьяго права страдаетъ не только крестьянинъ, но и его помѣщикъ, что мѣстная болѣзнь одного органа развилась злою язвой по всему организму. Такъ къ чему же, безъ надобности, повторять одно и то же?

Вотъ на основаніи чего мы почти ни слова не сказали о значеніи дѣла освобожденія крестьянъ и неразрывно связаннаго съ нимъ освобожденія труда. При маленькомъ вниманіи, можно было бы замѣтить, что мы касались этого, какъ дѣла почти конченнаго, что личность мастероваго являлась передъ нами при составленіи проекта, какъ личность свободнаго человѣка; на крѣпостное его состояніе смотрѣлось какъ на временное, которое долго продлиться не можетъ.

Вотъ собственныя слова наши: «Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія, школы для образованія новаго поколѣнія ремесленниковъ получатъ еще большее значеніе. Если компаніи удастся искоренить мнѣніе, «что въ ученьи парень только балуется, а дѣлу не учиться», всякій мужикъ, мало-мальски зажиточный, въ семьѣ котораго два-три сына, охотно посвятитъ одного изъ нихъ ремеслу, а нѣтъ, такъ міръ отдастъ въ ученье одного изъ своихъ членовъ.»

Или вотъ другое мѣсто изъ той же статьи:

«Пришло, наконецъ, время, когда нашему мужичку объявляютъ, что онъ тоже человѣкъ; надо помогать этому дѣлу и показать это не только жителю села, но и жителю города, не только земледѣльцу, но и ремесленнику.» Неужели же мы предполагали, что земледѣлецъ бу-

Digitized by Google

детъ вольнымъ, а ремесленникъ останется, Богъ знаетъ почему, крѣпостнымъ? Не ясно ли, что подъ фразою: «показать ремесленнику, что онъ тоже человѣкъ», мы разумѣли оградить его не отъ произвола помѣщика, а отъ произвола мастера, у котораго мальчикъ въ ученьи или работникъ въ службѣ?

(Мы предпослали настоящей статьѣ нашей это маленькое объясненіе на томъ основаніи, что г. Пискуновъ, въ Замѣткѣ своей, постоянно упрекаетъ насъ въ томъ, что мы упустили изъ виду значеніе дѣла освобожденія труда.)

Приведя высказанное нами мнѣніе, что ремесленникъ-ученикъ страдаетъ отъ жестокости мастера, который дурно его кормитъ, дурно одѣваетъ, дурно содержитъ, да еще въ добавокъ жестоко бьетъ, авторъ Замѣтки задаетъ себѣ вопросъ: «кто виноватъ въ томъ?» и разрѣшаетъ его слѣдующимъ образомъ:

«Г. Женнинъ полагаетъ, что виноваты въ этомъ мастера и хозяева мастерскихъ заведеній. Но отчего же тѣ, которые отдаютъ мальчиковъ въ ученье къ мастерамъ, не наблюдаютъ какъ эти мастера обращаются съ учениками? отчего они допускаютъ мастеровъ обращаться жестоко? отчего они не ограждаютъ ихъ нравственнаго и физическаго развитія? Можетъ-быть, мастеръ бьетъ мальчика потому, что въ контрактѣ, заключенномъ господиномъ, дозволено бить, лишь бы не увѣчить. Можетъ-быть, мастеръ обращается безчеловѣчно съ мальчикомъ потому, что какъ бы онъ безчеловѣченъ ни былъ, онъ знаетъ, что ему за это бѣды не будетъ. Кто же тутъ виноватъ? По-моему, мастера тутъ въ сторонѣ. Тутъ вина и причина несчастнаго состоянія ремесленныхъ мальчиковъ лежитъ гораздо глубже.

«Какъ мы ни хотѣли бы вооружиться противъ мастеровъ, продолжаетъ авторъ, но рука наша на нихъ не подымается. Причиною несчастнаго состоянія мальчиковъ не мастера, не ихъ жестокія жены и кухарки, а другія обстоятельства. Мастера жестоки, слова нѣтъ, но какъ же вы хотите, чтобы эти люди своекорыстные, невѣжественные были лучше и милосерднѣе къ мальчикамъ, нежели просвѣщенные люди, которые отдаютъ мальчиковъ этимъ мастерамъ. Мы знаемъ случаи, возмущающіе душу, мы знаемъ вопіющіе факты о мастерахъ и ихъ обращеніи съ мальчиками, а все-таки мы мастеровъ не винимъ.»

Напрасно, г. Пискуновъ, у васъ не подымается рука на мастеровыхъ-хозяевъ. Напрасно вы силитесь доказать, что причина жалкаго положенія нашего ремесленника лежитъ *единственно* въ крѣпостномъ его состояніи. Мы твердо убѣждены, что при существованіи крѣпостнаго права, положеніе ремесленника *никогда* не улучшится, такъ же точно, какъ не улучшится положеніе кого-либо изъ насъ, Русскихъ;

Digitized by Google

но не менѣе твердо убѣждены и въ томъ, что съ освобожденіемъ ремесленника отъ помѣщичьей зависимости, положеніе его не сдѣлается «мгновенно» блестящимъ. Взгляните на Западъ. Тамъ нѣтъ ни помѣщиковъ, ни крѣпостныхъ, а сколько трудится общество надъ устройствами быта рабочаго класса. А намъ, прежде нежели мы станемъ пользоваться результатами трудовъ Запада или сами трудиться на томъ же пути, надо еще заботливою и тщательною рукой срѣзать всѣ болѣзненные наросты, оставленные на нашемъ организмѣ вѣковою, мучительною болѣзнью, очистить всѣ раны, смыть весь нагной. Общественные недуги, точно такъ же, какъ и физическіе, могутъ имѣть въ основаніи своемъ нѣсколько причинъ или, если они имѣютъ и одну причину, то время могло дать ей способность пустить отпрыски, а отпрыскамъ — окрѣпнуть и развиться въ самостоятельныя причины. Для излѣченія этихъ недуговъ, надо отыскать всѣ причины, и дѣйствовать на каждую изъ нихъ.

Надъ нашимъ ремесленникомъ тяготѣютъ, въ настоящее время, два помѣщичьи права, одинаково для него невыносимыя, одинаково не позволяющія ему выработаться и развиться какъ должно: право его барина и право его хозяина. И то и другое не должно существовать. Вотъ почему мы предложили людямъ, обладающимъ капиталами и сочувствующимъ бѣдственному положенію низшихъ классовъ, покуда общество будетъ трудиться надъ постановкою преградъ различнымъ, существующимъ у насъ произволамъ, проектъ объ учрежденіи компаніи для устройства ремесленныхъ заведеній, на основаніяхъ, сколько нибудь честныхъ и разумныхъ. Мы вовсе не предполагали, что осуществленіе этого проекта можетъ быстро помочь всему ремесленному сословію, но думали, что помочь понемногу десятой, сотой его долѣ — тоже не лишено значенія. Г. Пискуновъ признаетъ нашихъ мастеровыхъ-хозяевъ и жестокими, и невѣжественными, и своекорыстными и, при всемъ томъ, увѣренъ, что съ выходомъ изъ крѣпостнаго состоянія, мальчику, остающемуся въ зависимости отъ подобныхъ людей, будетъ очень хорошо. — Полноте, г. Пискуновъ! Лучше — будетъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, потому что вмѣсто двухъ золъ, останется одно; но отъ немного лучшаго до очень хорошаго еще далеко.

Вы видите всю причину настоящаго хода дѣлъ въ томъ, что помѣщикъ, отдавая мальчика въ ученье, предоставляетъ дѣлать съ нимъ мастеру все, что̀ угодно, *лишь бы не увѣчить*. Ну, а не будетъ помѣщика, кто будетъ отдавать мальчика въ учечье? — Дѣдъ, отецъ, братъ — все равно. Положимъ, что эти люди не сдѣлаютъ подобнаго условія съ мастеромъ, положимъ даже, что попросятъ вовсе не бить мальчика, но вы же сами говорите, «что если дать человѣку власть

Digitized by Google

и не ограничить эту власть de jure и de facto, онъ непремѣнно, раньше или позже, въ большей или меньшей степени, но употребитъ ее во зло.» Это, по вашему мнѣнію, уже въ натурѣ человѣка. Какъ же этотъ отецъ, братъ, дѣдъ, ограничатъ власть мастера? Люди эти живутъ, можетъ-быть, за тысячу верстъ отъ Петербурга или Москвы [1]), и въ пять-шесть лѣтъ не получатъ о мальчикѣ никакого извѣстія. Имъ даже невозможно узнать, гдѣ содержатъ учениковъ хорошо, или гдѣ дурно, потому что при печатаньи, въ вѣдомостяхъ С. Петербургской полиціи, результатовъ осмотра различныхъ мастерскихъ, учрежденною для этого коммиссіею, не упоминается имя содержателя мастерской, въ которой обнаружено дурное содержаніе учениковъ, а говорится только, что *одинъ*, такого-то цеха, мастеръ оказался виновнымъ въ безчеловѣчномъ обращеніи съ учениками, дурномъ ихъ содержаніи, и проч. и проч. — Общество, г. Пискуновъ, и одно только общество можетъ своими могучими руками оградить насъ отъ наглаго произвола людей, въ зависимость которыхъ ставитъ насъ судьба. Эту-то мысль и пытались мы высказать въ одномъ мѣстѣ первой статьи нашей, которое вы не совсѣмъ поняли [2]).

Высказавъ, такимъ образомъ, мнѣніе, что дурное положеніе нашего молодаго поколѣнія ремесленниковъ имѣетъ единственнымъ основаніемъ крѣпостную ихъ зависимость, авторъ спрашиваетъ себя: отчего происходитъ грустное состояніе ремесленника, по выходѣ его изъ ученья? «Неужели оттого, говоритъ г. Пискуновъ, что его били и преслѣдовали съ малолѣтства? Но отъ побоевъ онъ остался живъ, преслѣдованія онъ вынесъ. Нѣтъ, не въ суровости и побояхъ хозяина заключается бѣда ремесленника, а въ его безвыходномъ положеніи. Онъ и вынесъ бы побои мастера терпѣливо, еслибы зналъ, что они тутъ и кончатся, что его наука и страданье не пропадутъ даромъ; еслибы онъ надѣялся, что, пріобрѣтая знанія, онъ будетъ со временемъ господиномъ своего труда и своихъ знаній. Но онъ не имѣетъ этой надежды. Онъ знаетъ, что послѣ побоевъ мастера, его начнетъ бить судьба и бить пока не изобьетъ.» — Слѣдовательно, опять виновато единственно отсутствіе свободнаго труда?

Здѣсь мы не можемъ не согласиться съ авторомъ Замѣтки, въ особенности относительно первыхъ годовъ жизни ремесленника, по выходѣ его изъ ученья. Тутъ чувствуетъ онъ, больше чѣмъ когда-ни-

---

[1]) Эти города составляютъ главные пункты, гдѣ образуются ремесленники.

[2]) То мѣсто, гдѣ мы говоримъ, что вездѣ, гдѣ нѣтъ общественнаго суда надъ дѣйствіями отдѣльныхъ членовъ общества, явленіе, подобное нашему ремесленнику-ученику, вполнѣ естественно.

Digitized by Google

будь, всю тяжесть крѣпостной своей зависимости. Онъ не успѣлъ еще пріискать себѣ новаго мѣста, не успѣлъ осмотрѣться; старый хозяинъ даетъ жалованье самое ничтожное, на томъ основаніи, что я, дескать, тебя недавно за уши рвалъ, а староста или баринъ требуютъ со всевозможными угрозами оброкъ — и оброкъ большой: — за тебя, каналью, сколько лѣтъ платили,—или велятъ ѣхать въ деревню, гдѣ все знаніе, вся жизнь ремесленника потратится не для него. Но за всѣмъ тѣмъ, нельзя допустить, чтобы все дурное послѣдующей жизни мастероваго обусловливалось *единственно* крѣпостною его зависимостью. Все, видѣнное и перечувствованное въ бытность его въ ученьи, неминуемо должно произвесть свою долю вліянія: и дурное содержаніе, и дурной примѣръ подмастерьевъ, и ежеминутно переносимыя оскорбленія, и безконечный рядъ побоевъ *. И хотя г. Пискуновъ увѣряетъ, что побои забываются, и что нашъ рабочій классъ не отъ нихъ напивается пьянъ и поетъ: «Ай, разлюли малина!» но мы не повѣримъ г. Пискунову. Мы убѣждены, что на большинство побои дѣйствуютъ страшно вредно, хотя, впрочемъ, есть, и не между рабочимъ классомъ, люди, сожалѣющіе, что ихъ въ дѣтствѣ мало били. Но такіе люди становятся теперь довольно рѣдки, и оригинальность ихъ вкуса ставитъ ихъ въ исключительное положеніе.

Относительно осуществленія предложеннаго нами проекта объ устройствѣ обширныхъ мастерскихъ, въ которыхъ рабочіе получали бы вознагражденіе, сообразное съ способностями и прилежаніемъ, а при мастерскихъ — школъ, въ которыхъ обходились бы съ учениками почеловѣчески, авторъ Замѣтки говоритъ слѣдующее:

«Что это будетъ? промышленное ли предпріятіе для полученія выгодъ и дивидендовъ, или человѣколюбивое заведеніе для улучшенія настоящаго и образованія будущаго поколѣнія ремесленниковъ? Въ проектѣ г. Женнина заключаются оба эти принципа, то-есть выгода и человѣколюбіе. Какъ было бы хорошо, еслибы оба эти принципа можно было совмѣстить, и проектъ автора, основанный на такихъ началахъ, могъ бы быть приведенъ въ исполненіе! Но, увы! выгода и человѣколюбіе — во всякомъ промышленномъ предпріятіи — все равно, что два кота въ мѣшкѣ (просимъ извиненія за сравненіе), которые

---

* Подтвержденіемъ этому, хотя и въ слабой степени, можетъ служить тотъ фактъ, что нравственное и матеріальное положеніе мѣщанъ-ремесленниковъ нисколько не лучше, если только не хуже положенія крестьянъ-ремесленниковъ. Намъ вообще очень жаль, что, по обстоятельствамъ, совершенно отъ насъ независящимъ, мы не въ правѣ приводить нѣкоторыхъ фактовъ и чиселъ. Они бы, какъ и всегда, помогли разъясненію многаго.

Digitized by Google

никогда вмѣстѣ не уживутся, а будутъ постоянно враждовать и царапать другъ друга, и предпріятіе не пойдетъ. О соединеніи въ какомъ-нибудь промышленномъ предпріятіи выгоды и человѣколюбія можно только мечтать, но на дѣлѣ это соединеніе пока неосуществимо. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ нѣкоторой степени, оно можетъ существовать, но для этого нужны всегда огромныя усилія и напряженія, которыя не дадутъ соотвѣтственныхъ результатовъ.»

Вотъ на эти-то *нѣкоторые случаи* и *нѣкоторыя степени*, которыхъ, при желаніи, по нашему мнѣнію, окажется очень много, мы и расчитывали, г. Пискуновъ. Эти-то очень обыкновенныя вещи, называемыя вами *огромными усиліями* и *напряженіями*, и нужны для успѣшнаго хода дѣла. По вашему, значитъ, нельзя заботиться о томъ, чтобы не растерять свой капиталъ и, въ одно и то же время, быть человѣколюбивымъ?

Вы говорите дальше: «Статочное ли дѣло составить такую компанію ремесленныхъ заведеній, въ которой можно было бы соединить и производить всѣ ремесла? Авторъ самъ находитъ, что это дѣло невозможное и предлагаетъ устроивать лишь такія мастерскія, которыя будутъ *болѣе выгодны*. Но это будетъ уже коммерція, а не человѣколюбіе. Вы устроите одну, двѣ, три мастерскія, которыя будутъ приносить выгоды, а исключите 30, которыя будутъ невыгодны. Вы примете на попеченіе въ ваши мастерскія 100, 200, 300 ремесленниковъ, а исключите 1000, 2000, 3000. За чѣмъ же это? За тѣмъ, вы скажете, что принимать всѣхъ будетъ невыгодно для компаніи. А человѣколюбіе??»

Позвольте васъ спросить, г. Пискуновъ, если вы видите 10 человѣкъ тонущихъ, и одного изъ нихъ вы можете спасти навѣрное, между тѣмъ какъ изъ-за желанія спасти всѣхъ вы должны неизбѣжно сами утонуть, не спася все-таки никого, — вы не спасете этого человѣка на томъ основаніи, что не человѣколюбиво спасать одного, когда тонутъ десятеро??

Но дѣло не въ воззрѣніи автора Замѣтки на человѣколюбіе, а въ томъ, что онъ не понялъ насъ. Мы никогда не предполагали, чтобы осуществленьемъ нашего проекта весь ремесленный классъ былъ приведенъ мгновенно, какъ по манію волшебнаго жезла, на высшую ступень благосостоянія. Не существуетъ, кажется, такой мѣры; зло, вкоренявшееся вѣками, вѣками только и искореняется. Мы не думали также соединять спекуляціи съ человѣколюбіемъ — двухъ котовъ въ одномъ мѣшкѣ, по остроумному выраженію г. Пискунова: но, будучи твердо убѣждены, что требовать отъ одного сословія громадныхъ жертвъ въ пользу другаго — и тщетно и неразумно, мы предложили проектъ,

Digitized by Google

въ которомъ, *какъ намъ кажется*, соединены выгоды обѣихъ сторонъ. Капиталисты, не теряя процентовъ на свои капиталы, дѣлаютъ доброе дѣло и—хотя, правда, исподволь—но существенно помогаютъ ремесленникамъ.

Положимъ, что компанія устроила бы только одну мастерскую, приняла бы въ нее только 200 человѣкъ, но пошли бы дѣла хорошо и оказалось бы возможнымъ увеличить ее, тогда завести другую, принять еще 200 человѣкъ. Но тутъ не такъ еще важна прямая польза, приносимая настоящему поколѣнію ремесленниковъ, какъ важно основательное и хорошее образованіе будущаго поколѣнія. Ремесленникъ, созданный школою компаніи, зналъ бы свое дѣло хорошо, не имѣлъ бы надобности работать кое-какъ, получилъ бы понятіе о важности труда честнаго и, неизбитый морально и физически, не былъ бы поставленъ въ грустную нравственную необходимость безсознательно мстить своимъ ученикамъ за все, что̀ самъ перенесъ отъ учителей. Компанія нашла бы вѣрно возможность снабжать заимообразно, хоть лучшихъ изъ учениковъ своихъ школъ, средствами для заведенія маленькихъ мастерскихъ внутри Россіи, и чрезъ нѣсколько лѣтъ намъ удалось бы, можетъ-быть, встрѣтить въ какомъ-нибудь Юхновѣ или Константиноградѣ и порядочнаго кузнеца, и порядочнаго слесаря, и порядочнаго сапожника.

Г. Пискуновъ указываетъ еще въ своей Замѣткѣ на ремесленницъ и замѣчаетъ, что мы въ статьѣ нашей ничего не сказали ни о положеніи ихъ, ни о томъ, должна ли въ нихъ принять участіе компанія. — Намъ очень хорошо было извѣстно положеніе этой части ремесленнаго сословія, но мы не говорили о ней на томъ основаніи, что она не составляетъ и $^1/_4$ доли ремесленниковъ-мужчинъ (около $22^0/_0$)*, и что поэтому мы очень естественно занялись большинствомъ. Компанія же можетъ распространить свою дѣятельность на ремесленницъ только тогда, когда дѣятельность эта уже достигнетъ очень значительныхъ размѣровъ

Н. Жемчужинъ.

1858 года, 30-го ноября.

---

* Таково отношеніе этихъ классовъ въ Петербургѣ.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ.

—

НАШЪ ВѢКЪ.

Вѣкъ гордый, тяжкій вѣкъ! Вѣкъ, тысячи годовъ
И тысячи идей въ наслѣдіе пріявшій!
Наслѣдникъ эгоистъ, наслѣдіе вѣковъ
Своей гордынею безжалостно поправшій!
«Не изумляйтеся!» гремитъ его глаголъ
На западѣ — и слышенъ на восходѣ.
«Весь путь чудесъ умъ дерзостно прошелъ;
«Не изумляйтеся! Нѣтъ дивнаго въ природѣ.»
— И всѣ во прахъ, — и Шеллингъ, и Платонъ.
«Мы всѣ философы!» вѣкъ тучный восклицаетъ,
— И геній мыслящій, тѣмъ кликомъ пораженъ,
Съ земли на небо улетаетъ.
Вѣкъ гордый, тяжкій вѣкъ, прикрытый пеленой,
Сотканною изъ нитей позлащенныхъ;
Подъ пышной тканію, подъ яркой мишурой
Скрывая сердца мракъ, свой духъ изнеможенный,
Онъ издѣвается надъ пламенемъ сердецъ,
Надъ духомъ творчества, надъ изліяньемъ чувства:
«Мы всѣ творцы, намъ всѣмъ одинъ вѣнецъ!
«Нѣтъ избранныхъ, нѣтъ геніевъ искусства!»
И всѣ во прахъ! — и молодой орелъ,
Едва широкими крылами размахнувшій,
Встрѣчая всюду мракъ и слыша сей глаголъ,
Слагаетъ крылія прекрасныя вздохнувши.

Digitized by Google

Я БѢДЕНЪ.

Я бѣденъ, да, а почему?
Не я ли самъ виной тому?
До роковыхъ минутъ я мыслилъ,
Что дорогой ношу я кладъ
Въ душѣ моей, что я богатъ:
Но какъ невѣрно я расчислилъ,
Какъ безразсудно проигралъ
Свой бѣдный, тощій капиталъ!
Не взвѣся Божіихъ даровъ,
Не разгадавъ предназначенья,
Я въ путь потекъ на первый льстивый зовъ,
Не думая о камняхъ преткновенья.
Потекъ — и ослабѣлъ, напрягся — изнемогъ,
На изнемогшаго посыпались удары, —
И только милосердый Богъ
Не далъ еще допить мнѣ чаши страшной кары.

Т. Пилянкевичъ.

Digitized by Google

ИСТОРІЯ НАРОДНАГО БЫТА И НРАВОВЪ ГЕРМАНІИ.

Deutsche Kultur-und Sittengeschichte, von J. Scherr. *2-te Auflage. Leipzig. 1858.*

—

Исторія народнаго быта вообще принадлежитъ къ числу самыхъ малообработанныхъ отраслей новѣйшей исторической науки. Есть много частныхъ, болѣе или менѣе удачныхъ, попытскъ представить извѣстный періодъ развитія даннаго народа, но начертаніе общей исторической картины быта не удавалось еще никому: средства науки далеко не доросли до такого подвига, и конечно еще надолго суждено ей довольствоваться только частными попытками, а, главное, подготовкою и разработкой матерьяловъ будущаго зданія. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если, при всемъ богатствѣ исторической литературы въ Германіи, даже и она не можетъ указать ни на одно сочиненіе, которое, обнимая собою всю жизнь германскаго народа, представляло бы хотя сколько-нибудь удовлетворительное изображеніе быта его въ цѣломъ: — задача необыкновенной трудности уже и потому, что нигдѣ подведеніе частностей подъ общія точки зрѣнія не сопряжено съ такими опасностями дать рѣшительный промахъ.

Нельзя, однакожь, въ ожиданіи будущихъ благъ отказывать себѣ въ удовлетвореніи живой потребности узнать по крайней мѣрѣ главныя черты народнаго быта въ историческомъ его развитіи. Нельзя не благодарить и за то, что̀ дѣлается для этой

Digitized by Google

цѣли по мѣрѣ наличныхъ средствъ, по мѣрѣ подготовленныхъ и обработанныхъ уже матерьяловъ. Книга, съ которою намѣрены мы познакомить читателей, далеко не отвѣчаетъ даже и тѣмъ требованіямъ, которыя, при нынѣшнемъ состояніи научнаго запаса, можно справедливо поставить автору; но сравнительно малый ея объемъ и популярная цѣль, которую имѣлъ въ виду сочинитель, побуждаютъ взглянуть на дѣло иначе и, помимо многихъ частныхъ недостатковъ и увлеченій, отдать справедливость критической разборчивости г. Шерра, его правдолюбію и трезвому взгляду на предметъ. Авторъ равно далекъ и отъ логической неопытности того французско-русскаго дилетанта, у котораго ходъ отечественной цивилизаціи представленъ какъ-то задомъ напередъ и потому въ постоянной разладицѣ съ самимъ собою, также какъ и отъ односторонности молодаго англійскаго философа, г. Бокля (Buckle), который строитъ исторію цивилизаціи на статистическихъ таблицахъ, вовсе исключая изъ ряда движущихъ ее силъ элементъ свободной, нравственной воли человѣка, что̀, разумѣется, приводитъ его къ самымъ удивительнымъ заключеніямъ, столько же рѣзкимъ, сколько и несправедливымъ.

Шерръ раздѣляетъ исторію германскаго быта на три главныя эпохи: католико-романтическую (до реформаціи), протестантско-теологическую (почти до половины прошлаго вѣка), и человѣчно-свободную, которая возникла съ Лессингомъ и Кантомъ, но далеко еще не достигла своего конца. Изъ этого раздѣленія уже видно, съ какой точки авторъ смотритъ на развитіе германскаго народнаго быта: именно, какъ на постепенный переходъ отъ несвободы и односторонности духовнаго и свѣтскаго феодализма среднихъ вѣковъ къ состоянію духовной полусвободы и полуограниченности, когда господствовали уже не папа или соборъ, а символическія книги въ рукахъ присяжныхъ протестантскихъ богослововъ, съ одной стороны, и разныя политическія стѣсненія — съ другой, послѣ чего наступило, наконецъ, время полнаго освобожденія отъ всякой непризнанной, чисто-внѣшней и чуждой власти, — время философіи, просвѣщенія и человѣчности, то-есть взаимнодѣйствія и нѣкотораго рода круговой поруки между народами всего образованнаго міра. Но надо отдать справедливость г. Шерру, у него

Digitized by Google

это не заранѣе сколоченныя рамы, въ которыя волею-неволей должны втискиваться факты и событія, а скорѣе естественныя границы или окраины, порождаемыя простою группировкой данныхъ, безъ всякаго насилія.

Католико-романтическій періодъ начинается изображеніемъ первоначальнаго быта Германіи.

Не станемъ вслѣдъ за авторомъ говорить о томъ, какъ индо-германскія племена пришли съ плоскогорья Азіи въ Европу; какъ одна отрасль потянулась въ Скандинавію, оттуда двинулась къ югу и заселила непроходимые лѣса Германіи; какъ Германцы-язычники охотились на зубровъ и медвѣдей, дрались съ Римлянами, раздроблялись на множество мелкихъ племенъ и потомъ снова соединялись въ большіе союзы: остановимся только на послѣдней борьбѣ отходящаго язычества съ распространяющимся христіанствомъ. Уже съ переселеніемъ народовъ, древній, чисто-германскій бытъ потерялъ свою самостоятельность, подчиняясь мало-по-малу вліянію романскаго элемента, который образовался на югѣ Европы изъ смѣшенія племенъ германскихъ съ Римлянами и съ обитателями ихъ провинцій. Побѣжденные были образованнѣе побѣдителей, и латинскій языкъ естественно сталъ проводникомъ образованности для всего западно-европейскаго міра. Онъ долго держался въ прежнемъ своемъ видѣ у духовенства и ученыхъ, но у народа скоро превратился въ особенную смѣсь, которая получила названіе романской. Вмѣстѣ съ новымъ языкомъ родилась и новая поэзія, также смѣсь римскаго христіанства съ германскимъ язычествомъ: исконное у Германца уваженіе къ женщинѣ, развитое теперь поклоненіемъ Св. Дѣвѣ, внесло въ эту поэзію возвышенный женскій идеалъ. Любовь (Minne) къ Богу и любовь къ женщинѣ составляли главные элементы этой поэзіи. Но введеніе христіанской вѣры совершалось постепенно и не всегда путемъ убѣжденія. Извѣстно, какъ Карлъ Великій, при которомъ христіанство фактически одержало верхъ надъ германскимъ язычествомъ, умертвилъ разомъ 5000 Саксонцевъ, не соглашавшихся признать ни его власть, ни его новую религію. Шерръ приводитъ много любопытныхъ анекдотовъ изъ этой эпохи, которые показываютъ, какія побужденія заставляли иногда язычника-Германца принимать крещеніе. Такъ импера-

Digitized by Google

торъ Людовикъ Благочестивый раздавалъ всѣмъ, приходившимъ къ нему креститься въ Свѣтлый праздникъ, красивую бѣлую одежду, имѣвшую символическое значеніе чистоты. Однажды собралось такъ много народу, что этихъ одеждъ оказалось недостаточно. Людовикъ приказалъ на скорую руку приготовить ихъ изъ простынь. Какому-то датскому предводителю эта рубашка не полюбилась. — «Я уже въ десятый разъ прихожу сюда креститься, закричалъ онъ съ гнѣвомъ, и всегда получалъ отличное бѣлое платье, а на что мнѣ такой мѣшокъ!» И не захотѣлъ креститься. — Между духовными лицами были такія, которыя крестили язычниковъ и въ то же время сами приносили жертву Тору. Какъ бы то ни было, обращеніе наконецъ совершилось. Новое западное общество вступаетъ въ соприкосновеніе съ магометанской цивилизаціей, и вотъ передъ нами одна изъ самыхъ характеристическихъ, самыхъ интересныхъ сторонъ средневѣковаго быта — рыцарство.

«Рыцарство есть соціальный продуктъ романтики, говоритъ Шерръ. Начало его надо искать въ южной Франціи и Испаніи, гдѣ непосредственныя сношенія съ Маврами развили бо́льшую изысканность въ образѣ жизни и утонченность въ обычаяхъ. Южный климатъ, красота женщинъ, самый характеръ народа, живой и чувственный, способствовали распространенію и утвержденію вліянія восточнаго элемента, и такимъ образомъ укоренились обычаи, принятыя правила общественной жизни, отъ которыхъ никто не могъ уклониться. Крестовые походы имѣли двоякое вліяніе на этотъ новый кодексъ обычаевъ и приличій. Во-первыхъ, европейскіе народы еще болѣе сблизились съ Востокомъ, который придалъ новый полетъ фантазіи поэтовъ и разсказчиковъ; во-вторыхъ, слово рыцарь, означавшее прежде просто всадника, стало почетнымъ именемъ человѣка, сражавшагося съ невѣрными за святое дѣло, рыцарство стало почетнымъ сословіемъ, освященнымъ даже Церковью, постановившею особенный обрядъ посвященія въ рыцарство. Кандидатъ долженъ былъ готовиться къ этой церемоніи особенными молитвами, исповѣдью и причащеніемъ; онъ долженъ былъ провести ночь на караулѣ у священнаго поста (veille des armes). Послѣ этого, въ бѣлой одеждѣ, какъ-будто для принятія св. Крещенія, преклонялъ онъ колѣна передъ алтаремъ и получалъ

Digitized by Google

изъ рукъ пастыря рыцарскій мечъ. За тѣмъ, въ кругу рыцарей и дамъ, произносилъ онъ свой рыцарскій обѣтъ: почитать и защищать всѣми своими силами Церковь, быть вѣрнымъ своему ленному государю, быть снисходительнымъ и терпѣливымъ, не заводить несправедливыхъ ссоръ, защищать вдовъ и сиротъ, и проч. и проч. Послѣ этого давали ему рыцарскую одежду, надѣвали на него золотыя шпоры, еще разъ преклонялъ онъ колѣна, и какой-нибудь, уже посвященный, рыцарь давалъ ему три удара мечемъ по плечу. Далѣе подносили ему шлемъ, щитъ и копье, подводили лошадь, на которую онъ долженъ былъ вскочить въ полномъ вооруженіи, безъ помощи стремени, и сдѣлать нѣсколько эволюцій. Послѣ этого онъ уже становился рыцаремъ и посвящалъ себя служенію Церкви и — избранной дамѣ своего сердца. Безграничное уваженіе къ женщинѣ, котораго источникъ мы указали выше, составляло существенную часть рыцарской courtoisie. Девизъ французскихъ рыцарей: «Богу мою душу, мою жизнь — королю, мое сердце — дамамъ, мою честь — мнѣ самому!» вполнѣ выражаетъ благороднаго витязя цвѣтущей эпохи рыцарства.

Чтобы поближе ознакомиться съ германскими рыцарями, посмотримъ на ихъ домашнюю жизнь, на ихъ обычаи, и проч. Передъ нами рыцарскій замокъ, одинъ изъ богатыхъ замковъ. Онъ окруженъ стѣною. Двѣ башни выдаются впередъ, и между ними находятся ворота. Башни служатъ для охраненія этой внѣшней ограды. Такія предосторожности, безъ сомнѣнія, не были излишними: общественная безопасность по дорогамъ вовсе не существовала, о гостинницахъ не было помину, и потому мужчины и женщины путешествовали обыкновенно верхомъ на собственныхъ лошадяхъ, и на ночь укрывались въ какой-нибудь укрѣпленный замокъ. Только уже въ XIII вѣкѣ рыцарство стало перемѣнять свой характеръ, и главными грабителями по большимъ дорогамъ сдѣлались сами же рыцари. Одинъ изъ владѣтельныхъ князей Германіи избралъ себѣ девизомъ: «Богу другъ, всѣмъ людямъ врагъ!» Но объ этомъ ниже. За первыми, внѣшними воротами замка стоялъ огороженный «скотный дворъ», гдѣ были хозяйственныя строенія и стойла. Между этимъ дворомъ и собственно замкомъ лежалъ глубокій ровъ, чрезъ который велъ подъемный мостъ, а тамъ — новая зубчатая стѣна и

Digitized by Google

новые ворота, за которыми находилась еще галлерея, загражденная рѣшеткою. Эта рѣшетка была послѣднею преградой; за нею начинался уже главный дворъ замка, внутренній, или почетный. Тутъ было устланное дерномъ мѣсто, колодезь и липа, любимое дерево Германцевъ. На этомъ дворѣ стояли два главныя строенія: собственно жилые покои (Palas, palais) и сторожевая башня (Berchfrit, beffroi), гдѣ находился постоянно часовой и которая служила послѣднимъ убѣжищемъ въ случаѣ осады. Сторожевая башня была существенною частью всей системы, такъ что бѣдные рыцари скорѣе обходились безъ дома, и въ такомъ случаѣ поселялись въ ней. Въ домѣ была главная зала, пріемная и парадная комната, украшенная съ особеннымъ тщаніемъ и обставленная мягкими скамьями. Женское отдѣленіе находилось особо, и заключало въ себѣ не менѣе трехъ комнатъ: спальню хозяйки, въ которой обыкновенно проводило время все семейство, комната, гдѣ совершались женскія работы, — преимущественно тканье и пряжа, — и комната для прислужницъ и работницъ.

Къ числу особенностей тогдашняго времени надо отнести отсутствіе вилокъ, изобрѣтенныхъ только въ концѣ XVI столѣтія. Необыкновенной величины кубки доказываютъ, что рыцари были падки на вино... впрочемъ нѣтъ, не на вино, а на пиво: вино составляло еще рѣдкость, и пили его съ различными пряностями. Уже позже винодѣліе стало улучшаться, благодаря заботливости монаховъ. Ѣли два раза въ день. Столъ былъ усыпанъ цвѣтами, увѣшанъ гирляндами; на головы гостей надѣвали вѣнки; богатые кубки и разнаго рода сосуды были выставлены на особенномъ «трезурѣ». Время между утреннею и вечернею трапезой было посвящено занятіямъ; рыцари дрались, охотились, жены ихъ занимались хозяйственными дѣлами. Послѣ вечерняго стола слушали музыку, разговаривали, читали, играли и танцовали. Передъ сномъ было обыкновеніе выпивать порцію вина, приготовленнаго особеннымъ образомъ.

Костюмъ рыцарей блисталъ всѣми цвѣтами радуги, которые имѣли особенное значеніе. Рыцари научились на Востокѣ языку цвѣтовъ и восточная одежда сильно бросилась имъ въ глаза. Они доводили пестроту до того, что, напримѣръ, лѣвая нога была одѣта въ желтый цвѣтъ, правая въ красный, и т. п. Въ

Digitized by Google

особенности замѣчательны были ботинки, оканчивавшіяся спереди длиннымъ загнутымъ вверхъ остроконечіемъ, къ которому вздумали прицѣплять погремушки. Это изобрѣтеніе, должнобыть, понравилось рыцарямъ, потому что погремушки вскорѣ появились на колѣняхъ, на поясѣ, на рукавахъ, и проч. Во время упадка рыцарства, въ мужскомъ костюмѣ появился такой варіантъ, о которомъ въ наше время даже упомянуть можно только въ спеціальномъ трактатѣ, допускающемъ свободу выраженій, а женщины безстыдно начали обнажать грудь.

Истинный рыцарь презиралъ искусство письма и чтенія, называлъ ихъ pfäffische Künste, поповскими искусствами; все воспитаніе мужчины направлено было на развитіе тѣлесной силы и ловкости, на владѣніе оружіемъ. Рыцарь долженъ былъ знать главныя молитвы и правила турнира, — больше отъ него ничего не требовалось.

Отъ женщинъ требовалось знаніе домоводства. Онѣ воспитывались въ монастыряхъ, или у воспитательницъ, и по образованію стояли выше мужчинъ; онѣ большею частью умѣли читать и писать. Иной рыцарь, получивъ billet-doux отъ своей дамы, носился съ нимъ нѣсколько дней, пока кто-нибудь, обыкновенно его писецъ, не посвящалъ его въ таинство невѣдомыхъ ему знаковъ. Еще около 980 г. монахиня Росвита (бѣлая роза) писала на латинскомъ языкѣ комедіи въ стихахъ, подражаніе Теренцію.

Отличительную черту рыцарскаго быта составляло гостепріимство. Путешественника всегда ожидалъ радушный пріемъ въ замкѣ, когда онъ искалъ ночлега. Жена рыцаря, или его старшая дочь, встрѣчала гостя въ залѣ, снимала съ него тяжелое вооруженіе, безъ котораго нельзя было путешествовать, и выносила для него изъ гардеробной чистую, новую одежду. Когда гость шелъ спать, хозяйка провожала его, и осматривала все ли въ порядкѣ, хорошо ли устроено его ложе. На ночь рыцари облачались въ костюмъ нашего праотца Адама до грѣхопаденія. Есть указанія на то, что гостепріимство и радушіе рыцарей не останавливалось на этой внимательности, что гостю предлагали «uff guten glouben» особеннаго рода угощеніе, извѣстное, говорятъ, и до сихъ поръ у многихъ дикихъ народовъ. Обычай этотъ очень долго сохранялся въ нѣкото-

Digitized by Google

рыхъ мѣстахъ Германіи, такъ что даже во время реформаціи остались слѣды его въ Нидерландахъ.

Странное противорѣчіе существовало между соціальнымъ и гражданскимъ положеніемъ женщины. Передъ закономъ она не имѣла относительно мужа никакихъ правъ, но на дѣлѣ восторженное обожаніе женщины, о которомъ мы говорили, ставило ее повелительницей общества. Бракъ не препятствовалъ рыцарскому поклоненію; напротивъ, почти всегда для поклоненія избирались замужнія женщины. Это поклоненіе совершалось методически, съ соблюденіемъ установившихся обрядовъ; выбравъ себѣ «госпожу», рыцарь долженъ былъ пройдти чрезъ рядъ тяжелыхъ испытаній, прежде нежели она соглашалась признать его своимъ любимцемъ. Разумѣется, тщеславіе женщинъ не знало предѣловъ, и требованія ихъ доходили иногда до безумія; впрочемъ, и безуміе рыцарей доходило до исполненія этихъ требованій. Служеніе избранной госпожѣ представляло нѣкоторыя общія черты съ служеніемъ вассала своему ленному господину: до того феодализмъ проникалъ все, даже сердечныя отношенія. Такъ, напримѣръ, вассалъ долженъ былъ на ночь сопровождать своего господина (или рыцарь избранную госпожу) въ спальню и присуствовать при ихъ разоблаченіи, прислуживать имъ при этомъ и, наконецъ, уложить въ постель. Неизвѣстно, измѣнялся ли при этомъ ночной костюмъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдствія этой церемоніи очевидны. Госпожа, принимая въ свое покровительство рыцаря, имѣла право давать ему поцѣлуй: но всегда ли оставалась она въ предѣлахъ этого права? врядъ ли. Замѣтимъ, какъ circonstances aggravantes, что дамы не воздерживались въ то время отъ употребленія вина, насыщеннаго пряностями, что за празничными столами, даже у владѣтельныхъ особъ, разносили сладкія печенья самой странной формы, что на кубкахъ были вычеканены самыя безнравственныя группы, на столахъ разставлены такого же рода статуэтки. Обряды брачнаго торжества представляли подробности, чрезвычайно тяжелыя для стыдливости новобрачной...

Къ числу забавъ и удовольствій принадлежали турниры, танцы, зимою катанье на саняхъ, которое было запрещено впослѣдствіи духовенствомъ, потому что происходило обыкновенно ночью, а

Digitized by Google

нравственность рыцарей, какъ читатель могъ замѣтить даже по нашимъ умолчаніямъ, была не изъ самыхъ чистыхъ.

Турниры всѣмъ извѣстны. Дрались массами, или одинъ на одинъ тупыми копьями, или острымъ оружіемъ, при чемъ жизнь рыцарей ставилась ни во что. Награда побѣдителю первоначально состояла изъ недорогой золотой цѣпи, или вѣнка, оружія и т. п., но впослѣдствіи рыцари дрались просто изъ-за денегъ, и разъѣзжая повсюду, предлагали единоборство на пари; однажды въ Магдебургѣ, въ 1229 г., данъ былъ большой турниръ, на которомъ, въ награду побѣдителю назначалась ein gelüstiges Fräulein.

Танцы были двоякаго рода: въ комнатѣ состояли они въ медленномъ, монотонномъ движеніи подъ звуки инструментовъ и пѣнія, нарочно для этого сочиненныхъ танцовальныхъ пѣсенъ; другой родъ танцевъ—Reien, происходилъ на открытомъ воздухѣ, и состоялъ изъ бѣшеныхъ, шумныхъ прыжковъ и сильныхъ движеній; скромность была совершенно изгнана изъ среды веселившихся.

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами особенностяхъ рыцарскаго быта проявляется странная смѣсь двухъ совершенно противоположныхъ крайностей: идеальнаго поклоненія женщинѣ и грубой чувственности. Мало-по-малу вторая брала перевѣсъ. Ослабленіе императорской власти вызвало въ рыцаряхъ другое низкое чувство, корыстолюбіе, и не видя надъ собою карающей руки, они стали предаваться грабежамъ, обижать слабѣйшихъ, — совершенная анархія грозила повергнуть Германію снова въ дикое состояніе. Здѣсь не мѣсто расказывать, какъ сильнѣйшіе владѣтельные рыцари убѣдились наконецъ въ необходимости центральной власти, какъ выбрали они въ представители этой власти Рудольфа Габсбурскаго, небогатаго владѣльца, для того чтобы новая центральная власть не была слишкомъ сильна, и проч. и проч. Все это дѣло исторіи.

Та же двойственность, то же соприсутствіе чистаго спиритуализма рядомъ съ животной чувственностью находится и въ рыцарской, романтической поэзіи. Эта поэзія, какъ и самое рыцарство, родилась на югѣ Франціи. Въ основаніе ея легъ хри-

Digitized by Google

стіанскій спиритуализмъ. Но это не было кабинетное составленіе строфъ, сообразно съ предписаніями того или другаго авторитета, это была живая поэзія, въ которой долженъ былъ отразиться весь бытъ народа (или рыцарства, потому что народа въ то время не было), а не одна какая-нибудь часть его. Вотъ отчего къ этому духовному началу примѣшался чисто вещественный элементъ, соотвѣтствовавшій чувственнымъ потребностямъ рыцарства. Какъ бы въ то время суевѣріе ни затемняло ученіе Христа, но сущность его,—любовь и побѣда духа надъ плотью,—оставалась та же. Новое, неразвившееся общество не могло сдержать влеченій чувственности, и тѣло поработило духъ, въ противность ученію. Отсюда эта двойственность, эта борьба крайняго спиритуализма съ крайнимъ сенсуализмомъ, проявившаяся въ жизни и въ поэзіи. —Форму свою эта поэзія почерпнула отъ испанскихъ Мавровъ. Провансальскіе трубадуры воспѣвали любовь, съ ея мученіями и радостями, всѣ проявленія рыцарской, еще не испорченной, жизни; долго было бы перечислять всѣ формы легендъ, новеллъ, веселыхъ и грустныхъ пѣсенъ, и проч. Sirventes, похвальныя или сатирическія пѣсни, въ особенности важны, какъ проявленіе оппозиціи всѣмъ злоупотребленіямъ. Трубадуровъ не стѣсняла цензура, ихъ рѣзкое слово еще въ XIII-мъ вѣкѣ карало эгоизмъ и корыстолюбіе духовенства. Къ лирической поэзіи южной Франціи присоединилась эпическая сѣверной, гдѣ труверы (труверы и трубадуры, слова, происходящія отъ одного корня—trouver) поэтизировали норманскія, кельтическо-бретанскія, французскія саги, христіанскія легенды и древніе миѳы, и составили такимъ образомъ новый міръ романтическихъ героевъ; масса эпическихъ поэмъ, рыцарскихъ романовъ, мартирологій, аллегорій, и проч. быстро наводнила всю западную Европу. Крестовые походы, познакомивъ рыцарей съ Востокомъ, внесли въ эту поэзію новый живительный элементъ, придали ей новый фантастическій колоритъ.

Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ и Готфридъ Страсбургскій были въ Германіи два главные представителя романтической эпопеи, и притомъ первый былъ чистѣйшій идеалистъ: въ своей поэмѣ «Парсиваль» хотѣлъ онъ показать побѣду духа надъ

Digitized by Google

чувственнымъ міромъ; * напротивъ того, Готфридъ не покидалъ земли, оставался въ области человѣческихъ страстей, въ противоположность идеализму и мистицизму Вольфрама. Его поэма: «Тристанъ и Изольда», не окончена. «Рѣзкое раздвоеніе, существовавшее въ области романтики, говоритъ Шерръ, выразилось вполнѣ въ Вольфрамѣ и Готфридѣ. Эти два превосходные поэта въ первый разъ олицетворили антитезу между спиритуализмомъ и чувственностью, духомъ и вещественною природой, субъективной идеалистикой и объективной художественностью—антитезу, которая упорно прошла чрезъ всю нашу литературу и въ позднѣйшее время проявлялась въ Клопштокѣ и Виландѣ, Шиллерѣ и Гёте, Берне и Гейне».

Лирическая поэзія въ Германіи имѣла представителями миннезенгеровъ. Мы видѣли уже, какое значеніе въ дѣйствительной жизни пріобрѣло поклоненіе Minne, любви, идеалу женщины.

Упомянемъ здѣсь кстати о началѣ христіанской драмы. Новое ученіе, въ своей первоначальной строгости, вооружилось всѣми своими силами противъ языческаго искусства. И это было естественно и необходимо. Притупленіе всѣхъ человѣческихъ чувствъ достигло такихъ чудовищныхъ размѣровъ во время Римской имперіи, что самыя звѣрскія картины производили только легкое щекотаніе на загрубѣвшіе нервы публики; развратъ и жестокость были главными возбуждающими средствами. Представляя сожженіе Геркулеса на горѣ Этѣ, давали эту роль приговоренному къ смерти преступнику и дѣйствительно сожигали его на сценѣ; въ комедіи «Majuma» толпы совершенно нагихъ женщинъ изображали картину купанья. Духовенство употребляло всѣ усилія, чтобы уничтожить это чудовищное проявленіе животныхъ страстей: но радикальное исцѣленіе, то-есть совершенное уничтоженіе театра, было невозможно, такъ же, какъ невозможно было бы уничтожить живопись, или музыку. Актеры и актрисы были осуждены на все-

---

* Эпилогъ этой поэмы, похожденіе сына Парсивалева, Лоэнгрина (Lohengrin), послужилъ темою для одной изъ оперъ современному музыканту-реформатору Рихарду Вагнеру.

Digitized by Google

общее презрѣніе, сохранившееся еще отчасти до нашихъ временъ, вмѣстѣ со многими другими отжилыми воззрѣніями вѣковъ минувшихъ. Шерръ говоритъ даже, что и теперь иногда отказываютъ праху актера въ чести быть погребеннымъ въ освященномъ мѣстѣ, хоть, къ сожалѣнію, ограничивается этимъ общимъ замѣчаніемъ и не приводитъ примѣровъ. Актеровъ и актрисъ не крестили, не вѣнчали, словомъ, не принимали въ лоно Церкви, прежде нежели они откажутся отъ своего ремесла. Но театры не уничтожались. Тогда духовенство рѣшилось дѣйствовать иначе: противопоставить языческой драмѣ драму христіанскую, которая бы вытѣснила и замѣнила первую. До XV-го столѣтія развивались эти духовныя мистеріи. Мало-помалу исключительность содержанія исчезала, стали брать сюжеты изъ миѳологіи, легендъ, и рядомъ съ духовною драмой, появилась новая, морально-аллегорическая.

Но возвратимся къ описанію сословій, и разсмотримъ состояніе духовенства, городскихъ обывателей и крестьянъ.

Съ того дня, какъ папа возложилъ императорскую корону на Карла Великаго, католическая Церковь стала вѣрною союзницей Карловинговъ. Короли, въ свою очередь, дарили земли церквамъ и монастырямъ, учреждали десятину во вновь обращенныхъ земляхъ. Зависимость германской Церкви отъ Рима не составляла даже вопроса; на первомъ же соборѣ (743) всѣ епископы присягнули папѣ. Но уже и въ это далекое время нравы духовенства были страшно испорчены. Хотя бракъ въ то время не былъ запрещенъ, но это не препятствуетъ имъ вступать въ незаконныя связи; имъ не дозволено носить оружіе, а епископы и аббаты, въ полномъ вооруженіи, въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ сражаются во главѣ своихъ людей. Что касается до монастырей, они приносили сначала пользу своими школами, въ которыхъ особенно преподавался латинскій языкъ: обстоятельство чрезвычайно важное, потому что оно спасло отъ гибели бо́льшую часть дошедшихъ до насъ памятниковъ древне-классической словесности. Впрочемъ, большинство монаховъ отличалось самымъ жалкимъ невѣжествомъ, въ соединеніи съ грязнѣйшею чувственностью и безстыдною спекуляціей на суевѣріе народа.

Такъ продолжалось до Григорія VII, который рѣшился осу-

Digitized by Google

ществить свою идею папской власти, которая бы стояла выше всякой земной. Три главныя мѣры способствовали къ осуществленію этого намѣренія: запрещеніе симоніи, продажи духовныхъ должностей, запрещеніе свѣтской власти замѣщать духовныя должности и запрещеніе духовенству вступать въ бракъ. О другихъ безчисленныхъ мѣрахъ нечего говорить; всѣ онѣ клонились къ одной и той-же цѣли.

Между тѣмъ нравственность духовенства развращалась все въ бо́льшихъ, ужасающихъ размѣрахъ. Высшее, принадлежа къ одному сословію съ рыцарями, давало низшему примѣръ легкомыслія, безнравственности и чувственности, — низшее слѣдовало примѣру и погрязало въ развратѣ. Въ 1273 г. Лютгихскій епископъ публично хвалился своею связью съ хорошенькой настоятельницей и присовокуплялъ, что у него въ два года родилось 14 человѣкъ дѣтей. Монастыри, мужскіе и женскіе, превратились въ притоны гнуснѣйшаго разврата. Въ средствахъ къ расточительности и удовлетворенію низкихъ страстей не было недостатка. Сверхъ огромныхъ недвижимыхъ имѣній и десятины, возраставшей вмѣстѣ съ улучшеніемъ хозяйства, низшему духовенству исправленіе духовныхъ требъ, а высшему—симонія, производившаяся при самомъ папскомъ дворѣ, давали неисчерпаемый источникъ доходовъ. Къ этому присоединили еще продажу грѣхоотпускныхъ граматъ и поддѣльныхъ реликвій. Это дошло до колоссальныхъ размѣровъ наглости.

Суевѣріе и фанатизмъ, по случаю «черной смерти», истребившей въ 1348—50 годахъ милліоны людей, нашли виновниковъ страшнаго бича, и началось избіеніе Евреевъ, то же что-то въ родѣ черной смерти. Евреи жили въ Европѣ особнякомъ, фанатически устранялись отъ всякой связи съ христіанами, глубоко презирали ихъ и платили имъ за вражду враждою. Еврей не могъ имѣть недвижимой собственности, не могъ заниматься ремесломъ,—ему позволяли только денежныя дѣла, презрѣнныя въ эпоху натуральнаго хозяйства, и Еврей сталъ синонимомъ ростовщика. Разумѣется, всѣ деньги собирались въ руки Евреевъ, которые отдавали ихъ на страшные проценты. Взаимная ненависть и презрѣніе возрастали. При первомъ религіозномъ порывѣ крестовыхъ походовъ, крестоносцы истребили массы Евреевъ, въ совершенномъ убѣжденіи, что совершаютъ дѣло богоугодное.

Digitized by Google

Потомъ, когда идея истреблять враговъ Гроба Господня отжила свое время, умѣли находить частные поводы: такъ, въ 1287 г., въ Бернѣ разнесся слухъ, что Евреи убили ребенка, имѣя надобность въ христіанской крови для своихъ религіозныхъ обрядовъ. Пытка, разумѣется, подтвердила истину обвиненія, указала на виновныхъ—и началось страшное преслѣдованіе. Любопытно бы узнать, на чемъ основывается это обвиненіе, которое даже въ наше время повторяется въ странахъ, не связанныхъ съ Бернома воспоминаніемъ объ эпизодѣ 1287 г. Двѣнадцать лѣтъ спустя, въ 1298 г., «der Edle von Rintflisch» собралъ народъ и избилъ въ Вирцбургѣ и Нирнбергѣ до ста тысячъ Евреевъ, за то, что они, будто бы святотатственно поступали съ св. Дарами. Наконецъ, въ XIV вѣкѣ, какъ мы сказали, появилась черная смерть. Басня объ отравленіи колодцевъ, которая почти такъ же стара, какъ самые колодцы, пущена была въ ходъ. Отравители, разумѣется, Евреи. По всей Германіи началась рѣзня и бойня—только въ Авиньонѣ папа принялъ несчастныхъ подъ свое покровительство, — но ничего не могъ сдѣлать.—Оставимъ эту мрачную картину, передъ нами еще довольно мрачнаго.

Въ концѣ XIII столѣтія необходимъ былъ новый толчекъ дѣлу образованія, потому что въ старыхъ монастырскихъ школахъ, со времени Карла Великаго, весь кругъ ученія заключался въ программѣ Боэція, министра при Теодорихѣ, состоявшей изъ trivium и quadrivium, то-есть грамматики, реторики и діалектики въ первой группѣ; ариѳметики, музыки, геометріи и астрономіи—во второй. Не говоря уже о томъ, что программа не соотвѣтствовала болѣе потребностямъ времени, самыя школы пришли въ невѣроятный упадокъ. Такъ, въ знаменитомъ прежде С. Галленскомъ аббатствѣ оказалось (1291), что ни аббатъ, ни весь капитулъ, не умѣли писать. Горизонтъ средневѣковыхъ свѣдѣній былъ еще болѣе стѣсненъ послѣдовавшимъ со стороны духовнаго начальства ограниченіемъ права читать и переписывать книги. Но слабый лучъ свѣта, не смотря на это вольное и невольное желаніе совершенно загасить его, проникнулъ въ новое учрежденіе—университетъ. Въ XII вѣкѣ духовныя школы Франціи и Италіи были преобразованы въ университеты. Германія послѣдовала примѣру, и въ 1348 г. былъ основанъ прагскій, въ 1365 г.—вѣнскій университетъ. Вслѣдъ за тѣмъ

Digitized by Google

открыты были университеты въ Гейдельбергѣ, Кёльнѣ, Эрфуртѣ, и т. д. Эти заведенія въ то время не обнимали собою весь міръ науки; они были по преимуществу спеціальны. Такъ въ Салерно преподавалась медицина, въ Болоньи правовѣдѣніе, въ Парижѣ— богословіе. Преподаваніе происходило на латинскомъ языкѣ. Лекціи обыкновенно диктовались. Степени баккалавра, лиценціата, магистра и доктора существовали съ самаго начала. Профессорамъ платили слушатели, и пока вся сумма за лекцію не была собрана, профессоръ не начиналъ читать. Духовное и свѣтское правительство покровительствовало всѣми силами этимъ заведеніямъ, освободило ихъ отъ гражданскихъ повинностей, даровало имъ право собственнаго суда. Академическія степени получались посредствомъ диспутовъ, совершавшихся съ соблюденіемъ самыхъ странныхъ строгостей. Такъ, напримѣръ, въ Парижѣ докторъ теологіи долженъ былъ защищать публично свои тезисы въ продолженіи 12 часовъ сряду, не смѣя въ это время ни ѣсть, ни пить. Что касается до образа жизни студентовъ того времени, то она характеризуется распоряженіемъ 1251 года, вслѣдствіе котораго «похитители дѣвицъ, воры, и убійцы не должны быть признаваемы за студентовъ».

Въ университетахъ преподавались преимущественно: богословіе, философская діалектика, правовѣдѣніе и медицина. Знаніе латинскаго языка давно уже познакомило западныхъ Европейцевъ съ римскимъ правомъ, и оно было принято въ основаніе всего ученья. Впрочемъ, все это было погружено въ густой туманъ схоластики.

Не можемъ пройдти молчаніемъ одной изъ страшнѣйшихъ язвъ среднихъ вѣковъ: пытки и уголовнаго суда. Римское право очень медленно проникало въ эту область, и Божій судъ, сохранившійся отъ временъ язычества, долго губилъ неповинныхъ. До нашихъ временъ сохранился еще одинъ видъ этого обветшалаго учрежденія — дуэль. Испытаніе огнемъ и водою представляло другой видъ доказательства виновности или невинности подсудимаго. Иногда онъ долженъ былъ брать голыми руками раскаленное желѣзо или пройдтись по немъ босикомъ. Если при этомъ не оказывалось обжоги, подсудимый объявлялся невиннымъ. Обжоги дѣйствительно могло не оказаться, когда

Digitized by Google

желѣзо было раскалено до-бѣла: этотъ способъ доказательства не только губилъ невинныхъ, но и спасалъ преступниковъ. Тогда не знали еще опытовъ Бутиньи и Лейденфроста! Испытаніе водою производилось различнымъ образомъ. Подсудимый долженъ былъ голой рукой вынуть изъ кипятка какой-нибудь камень или кольцо; или его бросали въ холодную воду, и если онъ тонулъ, то считался невиннымъ, если оставался на поверхности, — виновнымъ. Вѣроятно, такое мнѣніе было слѣдствіемъ языческаго понятія о водѣ, какъ элементѣ чистомъ, неспособномъ принять въ себя нечистаго злодѣя. Было еще испытаніе крестное. Обвинителя и обвиненнаго ставили у крестовъ, съ поднятыми вверхъ руками: кто прежде падалъ отъ усталости или опускалъ руки, тотъ былъ виноватъ. Безъ сомнѣнія, при такихъ испытаніяхъ, палачи могли спасать подсудимыхъ, посредствомъ различныхъ хитростей. Мало-по-малу Божій судъ выходилъ изъ употребленія, и его мѣсто заступили пытки. Наказанія были такъ же утонченно звѣрски, какъ самая пытка. Съ необыкновенною щедростью ослѣпляли, отрѣзывали носы и уши, вырывали языки, клеймили, и т. п. Пытки достигли впрочемъ самыхъ чудовищныхъ размѣровъ уже въ XVII столѣтіи, о чемъ рѣчь впереди.

Бросимъ теперь взглядъ на города. Тамъ, можетъ-быть, найдемъ мы какую-нибудь свѣтлую сторону, которая ослабитъ нѣсколько мрачное впечатлѣніе картины. Городскіе обыватели занимаютъ самое почетное мѣсто въ исторіи Германіи; они сокрушили кору феодализма, они обусловили весь характеръ новой исторіи. Ходъ развитія городовъ одинъ и тотъ же, въ Германіи, во Франціи и въ Италіи; только въ Италіи оно совершалось быстрѣе, потому что тамъ можно было опереться на муниципальный кодексъ древняго Рима. Замокъ короля или вообще владѣтельной особы, или монастырь, составляли главное ядро города. Тутъ селились свѣтскіе или духовные вассалы, служители короля, потомъ сосѣдніе свободные владѣльцы, а также земледѣльцы и ремесленники. Связанные общими интересами противъ вѣчной опасности, грозившей имъ извнѣ, они вскорѣ образовали крѣпкій организмъ. Такъ какъ понятіе о равенствѣ было чуждо среднимъ вѣкамъ, то городскіе обыватели были рѣзко раздѣлены на сословія. Вассалы исключительно обладали полити-

Digitized by Google

ческими правами, податныя же сословія ремесленниковъ и земледѣльцевъ достигли ихъ только впослѣдствіи. Посредствомъ купли, подарка или договоровъ, городскія общины пріобрѣтали отъ императора или владѣтельнаго лица различныя права и привилегіи (чеканку монеты, судъ, рынки, и проч.). По мѣрѣ ослабленія власти императора увеличивалась автономія городовъ, внѣшняя опасность уменьшалась, и внутри ихъ яснѣе и яснѣе обозначались враждебныя партіи: аристократическая партія вассаловъ, и демокрическая—ремесленныхъ цеховъ, развившихъ внутри себя собственную организацію и получившихъ наконецъ политическое значенье. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ народонаселенія, города стали принимать характеръ независимыхъ республикъ. Новый, демократическій элементъ не только сравнялся въ правахъ съ «патриціями», но большею частью даже пріобрѣлъ перевѣсъ. Въ этомъ развитіи самостоятельности германскихъ городовъ важную роль игралъ примѣръ городовъ Италіи, въ которыхъ не угасло воспоминаніе о древней республиканской жизни, и воспользовалось борьбою папской іерархіи съ императорскимъ феодализмомъ, чтобы отвоевать себѣ республиканскую свободу и самостоятельность. Германскіе города развивались отдѣльно, индивидуально, каждый завоевывалъ права собственно для себя; отъ этого во всей Германіи не было двухъ городовъ, которые бы имѣли совершенно одинакія права. Но общія черты были для всѣхъ одинаковы.

Въ борьбѣ папъ съ императорами, составляющей сущность всей внѣшней исторіи Германіи, города большею частью оставались вѣрны свѣтскому владыкѣ и не склонялись передъ «громами Ватикана»; тѣмъ менѣе могли они допустить какое-нибудь притѣсненіе или несправедливость со стороны рыцарей. Ремесла и торговля требовали общественной безопасности, и потому, когда по пресѣченіи гогенштауфенскаго дома грабежи по дорогамъ организовались, съ своей стороны, въ рыцарское ремесло, городскіе обыватели должны были найдти собственное средство противъ анархіи. Они нашли его въ ассоціаціи.

Города начали заключать между собою союзы, основанные на охраненіи общихъ интересовъ. Самый замѣчательный изъ нихъ, ганзейскій, получилъ начало въ 1241 году. Гамбургъ и Любекъ заключили между собой оборонительный и наступа-

Digitized by Google

тельный союзъ, къ которому черезъ шесть лѣтъ присоединились Брауншвейгъ и потомъ Бременъ, а въ XIV стол. ганзейскія конторы были открыты въ Лондонѣ, Новгородѣ и многихъ другихъ городахъ. Главною цѣлью ганзейскаго союза было охраненіе и распространеніе гражданской свободы. На дѣлѣ цѣль эта была достигнута и даже еще обойдена. Въ рукахъ Ганзы находился весь Сѣверъ. Скандинавскіе короли были отъ нея въ зависимости; флоты ея разгоняли морскихъ разбойниковъ, на сушѣ прокладывала она дороги и прорывала каналы. Черную сторону этой картины представляетъ узкій, мелочной эгоизмъ, который воспрепятствовалъ этимъ городскимъ союзамъ составить общее, національное цѣлое и подавить ту исключительную особность, въ которой лежалъ зародышъ неизбѣжной смерти.

Города былъ окруженъ рвомъ, къ которому подступъ охранялся башнями, за рвомъ находились валъ и стѣна, съ зубцами и башнями. Шерръ указываетъ на обстоятельство, приносящее честь горожанамъ, именно на то, что первыя каменныя, прочно и богато построенныя зданія, были зданія общественныя, а не частныя. Великолѣпные соборы и ратуши воздвигались среди жалкихъ частныхъ домишекъ обывателей. Но уже въ XIV и XV вѣкахъ начали воздвигаться богатыя палаты. Еще въ XIII появились стоки для нечистотъ и во многихъ мѣстахъ даже мостовыя. Есть положительныя свидѣтельства о томъ, что многіе города, которыхъ улицы стали гораздо позже непроходимы отъ грязи, въ началѣ XIII или XIV вѣковъ имѣли уже мостовыя. Первый примѣръ поданъ былъ Парижемъ въ 1185 году.

Никто не хотѣлъ селиться за оградою, выставлять все свое имущество, какъ приманку рыцарямъ-разбойникамъ: оттого города строились чрезвычайно тѣсно; улицы были узки, кривы, перепутаны. Стѣсненные съ боковъ дома росли вверхъ, причемъ, для большаго выигрыша мѣста, часто верхній этажъ выступалъ впередъ, что было въ нѣкоторыхъ городахъ запрещено, потому что стѣсняло движеніе воздуха въ улицахъ и безъ того слишкомъ узкихъ. Одежда городскихъ жителей, — все-таки въ первое время, — отличалась отъ рыцарской своею про-

Digitized by Google

стотой. — Вотъ какъ описываетъ ее очевидецъ XIV вѣка. Цитата относится къ Цюриху.

«Верхнее платье, безъ рукавовъ и пуговицъ, спускалось до ногъ и было плотно закрыто на шеѣ. Женщины носили его шире и длиннѣе и опоясывались. Руки, одѣтыя въ узкія рукава камзола, выходили наружу сквозь широкія прорѣхи. Голова была открыта: шапки и шляпки носили только знатныя особы. Женщины отличались отъ мужчинъ длинными волосами, которые кудрями падали на плеча и обыкновенно были окружены вѣнкомъ. Въ траурѣ лобъ закрывался полотномъ. На плеча мужчины и женщины накидывали широкій плащъ. Золота, серебра, шелку и драгоцѣнныхъ каменьевъ почти не было видно. Шапки (Gugelmützen) были введены только въ 1350 г., когда были уже въ употребленіи остроконечная обувь и гремушки; вскорѣ послѣ того укоротили мужское одѣяніе, чтобы выставить на видъ яркоцвѣтные штаны. Отъ шапки спускались два конца по спинѣ до пятъ. Женское платье стали вырѣзывать спереди больше, чѣмъ на ладонь. Сзади пришивался родъ чепца (eine Haube genäht), въ локоть длины и болѣе. Съ боковъ платье застегивалось и шнуровалось. Обувь была такъ заострена, что на остріе можно было что-нибудь насаживать. Сверху она была переплетена и увязана шнуркомъ».

Вмѣстѣ съ увеличеніемъ богатства, съ появленіемъ роскоши въ убранствѣ домовъ, измѣнялась простота этого костюма: въ иномъ мѣстѣ раньше, въ другомъ позже, и, наконецъ, жены городскихъ обывателей стали соперничать въ роскоши съ женами рыцарей. Уже въ 1220 году проповѣдники въ Майнцѣ говорили противъ шлейфовъ, называя ихъ, «танцовальною залой чертенятъ» и прибавляя, что «еслибы женщинамъ нужны были хвосты, то Господь Богъ, безъ сомнѣнія, снабдилъ бы ихъ чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ.» Впрочемъ, черный цвѣтъ остался принадлежностью администраціи, и совѣтники (Rathsherren) всегда облачались въ него, идя къ должности. Роскошь костюмовъ была доведена вскорѣ до того, что въ срединѣ XIV столѣтія появились въ городахъ противъ нея законы.

Бонфини, посѣтившій Вѣну въ 1490 г., пишетъ между прочимъ: «Нѣтъ жилища, гдѣ бы не было чего-нибудь замѣчательнаго. Почти при всякомъ домѣ есть порядочный чистый дворъ

Digitized by Google

и еще задній, пространныя залы, хорошіе зимніе покои. Пріемныя комнаты красиво выложены паркетомъ, прекрасно меблированы, снабжены печами. Во всѣхъ окнахъ вставлены стекла, иногда очень красиво разрисованныя, съ желѣзными прутьями отъ воровъ. Подъ землею пространные винные погреба и подвалы; тамъ находятся аптеки, складочные магазины, мелочныя лавочки и наемные покои для пріѣзжихъ и обывателей. Въ залахъ и лѣтнихъ покояхъ держатъ столько птицъ, что гуляя по улицамъ можно подумать, что находишься среди веселой зеленой рощи. На улицахъ и рынкахъ кипитъ живѣйшая дѣятельность. До послѣдней войны, кромѣ дѣтей и несовершеннолѣтнихъ, было 50,000 жителей и 7000 студентовъ. Стеченіе купцовъ громадно, зато и наживаютъ здѣсь громадныя деньги.»

Все это хорошо, если справедливо. Но есть другой свидѣтель, Эней Сильвій Пикколомини (впослѣдствіи папа Пій II), отъ котораго можно узнать (замѣтимъ въ скобкахъ, — онъ не нахвалится нѣмецкими городами), что днемъ и ночью на улицахъ происходитъ драка: то ремесленники дерутся съ студентами, то придворные съ обывателями, то сами граждане между собою. Рѣдко какое-нибудь торжество кончается безъ убійства и кровопролитія. Почти у всякаго гражданина есть питейный домъ и таверна, куда онъ зазываетъ своихъ товарищей по цеху и lichte Fröulein (веселыхъ дѣвицъ).» Мужей Пикколомини представляетъ очень снисходительными. Если какой-нибудь дворянинъ, рыцарь, посѣтитъ иного счастливца, имѣющаго кромѣ капиталовъ хорошенькую жену, счастливецъ за оказанную ему честь выноситъ дорогому гостю вино и поручаетъ женѣ забавить посѣтителя. Дальнѣйшія подробности о нравахъ горожанокъ читатель можетъ найдти у Шерра. Мы скажемъ только, что на цѣлебныхъ водахъ, въ Баденѣ напримѣръ (въ Аргау), развратъ доходилъ до послѣднихъ степеней безстыдства.

Намъ осталось разсмотрѣть положеніе послѣдняго класса общества, крестьянъ. Крѣпостная собственность, варварское слѣдствіе феодализма, развилась особенно послѣ Гогенштауфеновъ, въ самую наглую систему владѣнія. Привилегіи всѣхъ остальныхъ сословій, дворянъ, городскихъ обывателей и духовенства увеличивались, — права крестьянъ совершенно уничтожались. Изъ древнегерманскихъ свободныхъ Odalbauern

Digitized by Google

превращались они постепенно въ обязанныхъ, въ крѣпостныхъ и въ совершенныхъ рабовъ. Центральная власть слабѣла, а возрастающіе въ силѣ мелкіе независимые владѣльцы дѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, чтобы подавить права крестьянъ и поработить ихъ окончательно. «Крѣпостное право, широкое основаніе пирамиды средневѣковаго общества, имѣло начало въ правѣ завоеванія. Военно-плѣнные со всѣмъ своимъ потомствомъ доставались въ собственность и произволъ побѣдителя. Впослѣдствіи крѣпостное состояніе было употребляемо какъ наказаніе противъ податныхъ крестьянъ, не платившихъ положенной подати, или не бывшихъ въ состояніи уплатить ее. Случалось и то, что бѣдный, задолжавшій человѣкъ, которому грозила голодная смерть, добровольно отдавался въ кабалу богатому и сильному, лишь бы только существовать. Наконецъ, въ рукахъ рыцаря всегда было средство, приписать крестьянъ себѣ въ собственность,—насиліе; это средство, разумѣется, значительно развилось и стало чаще употребляться съ тѣхъ поръ, какъ верховная власть ослабѣла и крестьянскія общины не могли уже искать суда передъ королемъ. Крѣпостной крестьянинъ принадлежалъ своему господину вполнѣ, со всѣмъ своимъ имѣніемъ, честью и жизнью.» Имъ торговали какъ вещью, и цѣны стояли очень не высоко. Шерръ приводитъ въ примѣръ объявленіе рыцаря Конрада Ураха, въ 1333 г., продавшаго конвикту одного монастыря двухъ женщинъ и, «всѣхъ, могущихъ отъ нихъ произойдти, дѣтей,» — за 1 флоринъ 43 крейцера, что составитъ на русскія деньги не много болѣе одного рубля серебромъ. Но можетъ-быть деньги были несравненно дороже? Это справедливо. Однако, въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ, что поденщикъ могъ заработать въ день до 1 флорина 12 крейцеровъ. Въ подлинномъ актѣ сказано, что рыцарь продалъ этихъ двухъ женщинъ за три фунта геллеровъ: въ фунтѣ—геллеровъ было 240, три фунта составятъ 720 геллеровъ — ровно 720 куриныхъ яицъ, потому что въ то время яицо стоило геллеръ. Лошади стоили дороже, отъ 12 до 14 фунтовъ геллеровъ, а хорошій жеребецъ и до 30, то-есть за него можно было дать двадцать женщинъ съ потомствомъ... Рыцари не ограничивались матерьяльнымъ притѣсненіемъ своихъ рабовъ; считая ихъ за собственность, они въ своихъ взаимныхъ ссорахъ и дракахъ безчеловѣчно разоряли

Digitized by Google

другъ у друга поля и убивали крестьянъ, не думая вовсе о крестьянахъ и желая только нанести вредъ своему врагу, рыцарю, и его собственности. Но феодальная спесь не остановилась на этомъ. Рядомъ съ физическими пытками были придуманы нравственныя униженія, которыя способны были утушить въ рабѣ послѣднюю искру человѣческаго достоинства. Такъ, напримѣръ, въ числѣ первинокъ отъ скота и плодовъ земныхъ рыцари помѣстили другаго рода первинки, въ которыхъ роль скота игралъ самъ крестьянинъ и его семейство. Отъ этого возмутительнаго злоупотребленія силы крестьяне иногда откупались, и это дѣлалось все чаще и чаще, такъ что Marcheta (дѣвичья повинность) превратилась просто въ подать по случаю свадьбы; но въ началѣ количество суммы, которую требовалъ рыцарь за то, чтобы не возмущать семейнаго спокойствія новобрачныхъ, опредѣлялось съ самымъ нахальнымъ цинизмомъ. Феодальная страсть къ грабежу не прекращалась даже въ случаѣ смерти крестьянина: лучшій скотъ его, лучшее платье, лучшая часть постели, если у него была постель, отбирались во имя рыцаря.

Мы приберегли къ концу свѣтлую сторону, свѣтлый уголокъ этой картины. На южной и сѣверной границѣ Германіи, въ особенности до XIV вѣка, были независимыя крестьянскія общины, пользовавшіяся благосостояніемъ. У австрійскихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ завелась страсть корчить изъ себя рыцарей. Они носили мечи, женщины ходили съ шлейфами и были воспѣты позднѣйшими миннезенгерами. На сѣверѣ, между Эйдеромъ и Эльбою, окруженные моремъ и болотами, жили издревле свободные Дитмарсы. До 1234 года оборонялись они отъ рыцарей, которые предприняли на нихъ даже крестовый походъ; папа Григорій IX объявилъ его походомъ «на еретиковъ,» императоръ Фридрихъ II утвердилъ его, но крестьяне мужественно отбили рыцарей. Второе, болѣе сильное войско одолѣло ихъ наконецъ; послѣ геройскаго сопротивленія они должны были уступить многочисленному и искусному врагу. Шесть тысячъ ихъ легло на мѣстѣ, остальные убѣжали къ своимъ свободнымъ сосѣдамъ Рюстрингцамъ. Наконецъ, припомнимъ всѣмъ извѣстную швейцарскую драму, которую знаетъ всякій, хотя бы только по оперѣ Россини — Карлъ Смѣлый, Вильгельмъ Телль тожъ.

Digitized by Google

Печальную картину представляла Германія въ началѣ XVI столѣтія. Власть императора ослабѣла; единство исчезло, множество мелкихъ властителей стремилось къ независимости; въ городахъ была оппозиція противъ самовластія рыцарей; притязанія духовенства были ненавистны и тѣмъ и другимъ; все было въ распаденіи, всякій видѣлъ въ другомъ врага, не было никакой связи въ этой нескладной громадѣ. Идеализмъ романскаго духа исчезъ, осталась одна грубѣйшая чувственность; надъ міромъ науки тяжелымъ свинцомъ лежала схоластика; всякій заботился только о корысти и власти; у всякаго было на это свое оружіе: у рыцаря мечъ, у купца деньги, у духовенства суевѣріе; только у народа, на которомъ лежала вся эта грозная масса, не было ничего, кромѣ безнадежнаго отчаянія.

Такое состояніе не могло продолжаться. Общество достигло до того момента, за которымъ слѣдуетъ или разложеніе, или возрожденіе, но во всякомъ случаѣ катастрофа. Этою катастрофой начинается новая исторія.

Бросимъ бѣглый взглядъ на политическое состояніе Европы въ началѣ XVI-го столѣтія.

Италія распалась на части и представляла лакомый кусокъ для всѣхъ испанскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ завоевателей, но все-таки, даже и въ этомъ упадкѣ, производила чарующее вліяніе на образованный міръ сокровищами своей литературы и искусствъ, властвовала надъ Европой посредствомъ папъ, которыхъ авторитетъ былъ такъ силенъ, что даже правленіе Александра VI и его незаконныхъ сыновей не могло поколебать его въ основаніи, а только ослабило. Теперь сидѣлъ на папскомъ престолѣ Левъ X, Медичи; согласно съ преданіями своего рода, онъ воздвигалъ колоссальныя зданія, любилъ и лелѣялъ искусства, и всю свою расточительность покрывалъ доходами съ Германіи. Владѣтельные домы Италіи имѣли представителей, которые послужили Макіавелли образцомъ для его всѣмъ извѣстнаго идеала. На сѣверѣ, въ Генуѣ и Венеціи, а особенно въ послѣдней, аристократическая тираннія была развита до самой крайней степени. — Въ Испаніи до такой же степени доведенъ былъ абсолютизмъ, при помощи инквизиціи, и народъ стремился вознаградить потерю свободы блескомъ заморскихъ завоеваній. —Во Франціи желѣз-

Digitized by Google

ная рука Людовика XI и старанія его наслѣдниковъ смирили буйныхъ вассаловъ, которые превратились въ толпу безнравственныхъ придворныхъ низкопоклонниковъ.

Власть германскаго императора, какъ мы уже говорили, съ прекращеніемъ Гогенштауфеновъ постоянно ослабѣвала, и Германія распадалась на независимыя мелкія государства, вслѣдствіе расширенія власти владѣтельныхъ особъ и узкаго самолюбія племенъ. Были люди, которые и тогда уже могли сообразить пагубныя слѣдствія этого распаденія. «Горе вамъ, нѣмецкіе князья, говорилъ Грегоръ фонъ-Геймбургъ, горе вамъ, издающимъ несправедливые законы и употребляющимъ ложныя умствованія, чтобы свергнуть императорскую власть, развратить народъ и сѣсть ему на спину неограниченными тиранами! О ты, слѣпая, безумная Германія! Ты не хочешь подчиниться одному императору и подчиняешься вмѣсто того тысячѣ владыкъ.» Но всѣ старанія людей, которые не только словомъ, но и дѣломъ хотѣли противудѣйствовать злу, были безуспѣшны. Максимиліанъ I, «послѣдній рыцарь», обладалъ въ слишкомъ сильной степени качествами благороднаго рыцаря, чтобы понять необходимость реформы. Сверхъ того онъ былъ нерѣшителенъ, многое начиналъ и при первыхъ затрудненіяхъ пугался: словомъ, онъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, послѣдній рыцарь, послѣдній человѣкъ стараго, уже отжившаго времени.

Всѣ важные вопросы, отъ которыхъ зависѣла участь цивилизаціи, сгруппировались около трехъ главныхъ пунктовъ: гнета схоластики, католицизма и неравенства сословій; эпоха Возрожденія представляетъ поэтому три главныя борьбы: гуманизма съ схоластикой, реформацію и крестьянскія войны. — Нѣмцы издревле отличались способностью усвоивать себѣ и воспринимать чужое и доводить его строгимъ путемъ логики до послѣднихъ результатовъ. Такъ восприняли они чуждый имъ рыцарско-романтическій элементъ — и совершенно усвоили его; такъ и первый лучъ новаго свѣта блеснулъ въ Италіи, гдѣ еще въ первой половинѣ XIV-го столѣтія занятіе классическими древностями стало потребностью всѣхъ образованныхъ людей: — Германія восприняла этотъ лучъ и раздула изъ него пламя гуманистическаго движенія, вскорѣ поглощенное страшнымъ взрывомъ реформаціи. Итальянцамъ были извѣстны всѣ пружины,

Digitized by Google

весь механизмъ папской іерархіи; Германія видѣла эту фантасмагорію издалека, со всей сценической обстановкой; Италіянцы же были за кулисами, внутри самой машины, знали всѣ колеса, знали всѣхъ двигателей; многое, что издали казалось величественнымъ, вблизи было смѣшно, и Итальянцы смѣялись. Смѣялись сами представители іерархіи, читая Декамеронъ Боккачіо, самую веселую сатиру на современное ему духовенство; смѣялся самъ папа, когда при дворѣ его давали комедію Макіавелли «Мандрагола», въ которой заклеймена была позоромъ мелочная и безсовѣстная казуистика и въ уста священника вложена теорія, оправдывающая невѣрность жены. Всѣ смѣялись, потому что въ самомъ дѣлѣ было смѣшно, и притомъ не страшно. Видя только мелкость пружинъ, живя за кулисами, Итальянцы были совершенно безпечны и равнодушны къ вопросамъ, составлявшимъ весь узелъ эпохи. А если среди нихъ появлялся кто-нибудь настолько дерзкій и неблагонамѣренный, чтобы ясно высказать слово «реформа», — на того была инквизиція съ ея кострами. Такъ погибъ Савонарола (1498), такъ погибъ Джіордано Бруно (1600).

Самая удобная почва для церковной реформы была въ Германіи. Вѣчный антагонизмъ императоровъ съ папами присоединялъ политическую сторону къ религіозной и рано началъ развивать въ Германцахъ оппозицію, созрѣвшую въ разсматриваемую нами эпоху. Уже въ началѣ XIII-го столѣтія Вальтеръ von der Vogelweide, замѣчательнѣйшій изъ миннезенгеровъ по обширности взгляда, не ограничился воспѣваніемъ минны; въ его пѣсняхъ нашлось мѣсто и чувству скорби при видѣ разстройства Германіи по смерти Генриха VI, и чувству негодованія по случаю безстыдныхъ интригъ духовенства во время крестоваго похода Фридриха II. Онъ не страшился назвать папу вторымъ Іудою и клеймить безпощадно вѣроломство и безнравственность духовенства. Въ этихъ обличеніяхъ была только высказана еще не ясно сознанная, но уже существовавшая мысль большинства. Замѣчательно, что даже въ крестьянскомъ сословіи оппозиція противъ духовенства показывалась, то тамъ, то сямъ. При такомъ раннемъ проявленіи оппозиціи, къ счастію Германіи, невозможно было ввести сюда инквизицію, остановившую на столько вѣковъ развитіе несчастной Испаніи,

Digitized by Google

заплатившей, какъ говоритъ инквизиторская статистика, въ продолженіе семи лѣтъ (1481—1487) по крайней мѣрѣ 10,000 сожженными заживо, 6000 заочно, да 97000 лишенными свободы и имущества. Марбургскій монахъ Конрадъ, котораго папа назначилъ главнымъ судьею надъ еретиками въ Германіи, такъ необузданно принялся за преслѣдованія, что всѣ сословія безъ исключенія тотчасъ же потеряли вкусъ къ ауто-да-фе, и когда фанатикъ, не смотря на предостереженія и угрозы, продолжалъ свирѣпствовать, его убили. Никто не захотѣлъ занять его мѣста, и тѣмъ кончилась попытка ввести инквизицію въ Германіи. Но инквизиція была своего рода Протей: неузнанная никѣмъ въ новомъ видѣ, невѣроятно долго держалась она тамъ и поглотила до ста тысячъ совершенно невинныхъ жертвъ. Глава о преслѣдованіи вѣдьмъ принадлежитъ къ числу самыхъ любопытныхъ въ сочиненіи Шерра. Мы не можемъ здѣсь вдаваться въ изъясненіе причинъ, породившихъ вѣрованіе въ вѣдьмъ, домовыхъ и проч.; ограничимся указаніемъ, что преслѣдованіе большею частью выпадало на долю женщинъ, вѣроятно потому, что онѣ играли важную роль въ древнемъ германскомъ язычествѣ, то-есть служили дьяволу, такъ же какъ и потому, что женщина была причиною грѣхопаденія. Вотъ чѣмъ разрѣшилось рыцарское поклоненіе идеалу женщины.

Такъ какъ преслѣдованіе вѣдьмъ составляетъ отдѣльный эпизодъ, совершенно противорѣчащій общему движенію реформы, какимъ-то чернымъ клиномъ глубоко вдающійся въ просвѣтленную среду, то мы разсмотримъ его здѣсь, чтобы уже больше къ нему не возвращаться. Начало ему положено буллою папы Иннокентія VIII, 1483 г. «Съ прискорбіемъ услышали мы, пишетъ папа, что въ такихъ-то и въ такихъ-то частяхъ Германіи, многія лица обоего пола, забывъ собственное спасеніе и отложившись отъ католической вѣры предаются дьяволу (слѣдуетъ замѣтка о succubi и incubi) и посредствомъ волхвованій производятъ преступленія, портятъ женщинъ, плоды земные, и пр. и пр.» Въ заключеніе повелѣваетъ онъ профессорамъ теологіи Генриху Институру и Якову Шпренгеру, вмѣстѣ съ Іоанномъ Гремперомъ, дѣйствовать по уставу инквизиціи противъ всѣхъ и каждаго, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, арестовать виновныхъ и лишать ихъ жизни и имущества. Кецер-

Digitized by Google

мейстеры, которыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобы наблюдать и доискиваться, не завелась ли гдѣ какая ересь, тотчасъ принялись за дѣло. «Извѣстно, говоритъ Шерръ, что Нѣмецъ все дѣлаетъ методически, если можно употребить въ этомъ случаѣ такое выраженіе: научно, даже безумствуетъ съ методою. — Нигдѣ преслѣдованія вѣдьмъ не производились съ такимъ упорствомъ, съ такою системой и основательностью, какъ въ Германіи.» Шпренгеръ съ товарищами прежде всего написалъ толстую книгу, Malleus maleficarum, въ которомъ изложены были главныя положенія и правила для соблюденія при предстоящихъ процессахъ. Весь томъ сводится на два главные пункта: 1) что всякаго колдуна и всякую вѣдьму должно судить духовнымъ судомъ и инквизиціей, 2) что такъ какъ преступленіе это необыкновенно, исключительно, crimen excepĺum, то и процедура должна быть необыкновенна, и самыя средства—открыть истину, также необыкновенны.

И подлинно, они были необыкновенны. Все могло подать поводъ къ обвиненію, рѣшительно все: бѣдность и богатство, здоровье и болѣзнь, необдуманное слово, хорошая и дурная репутація. Случится ли повальная болѣзнь — вѣдьмы виноваты; родится уродъ—тоже; не посѣщаетъ женщина церкви—вѣдьма; посѣщаетъ часто — это подозрительно. Осмѣлится кто-нибудь усомниться въ возможности вѣдьмъ, онъ павѣрное колдунъ; другой слишкомъ усердно пишетъ доносы — видно хочетъ отклонить отъ себя подозрѣніе. Въ первыя пять лѣтъ до 1489 г., кецермейстеры сожгли много народу, такъ что духовные и свѣтскіе правители вздумали-было сдѣлать оппозицію, но инквизиторы и друзья ихъ, юристы, вскорѣ успѣли убѣдить ихъ не противиться, постановивъ, чтобы двѣ трети имущества казненнаго шло владѣтелю, а треть судьямъ, духовенству, шпіонамъ, и проч. «Я самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаю мнѣніе тѣхъ, говоритъ Шерръ, которые утверждаютъ, что въ процессахъ надъ вѣдьмами судьи дѣйствовали по совѣсти и съ убѣжденіемъ, что преслѣдованіе вѣдьмъ было родъ эпидеміи, охватившей обвиненныхъ и обвинителей. Это была эпидемія, но эпидемія искусственная, произведенная систематическимъ притупленіемъ здраваго смысла въ народѣ (Verdummung).» Впрочемъ, онъ самъ непосредственно за этимъ вынужденъ при-

Digitized by Google

знать, что вѣра въ волхвованіе была сильно распространена и даже освящена ученіемъ Лютера. Извѣстно, что Лютеръ не только вѣрилъ въ черта, но даже получилъ отъ него визитъ и угостилъ его чернильницей.

Процессъ надъ вѣдьмами совершался съ такимъ варварствомъ, которое превосходитъ всякое воображеніе. Сначала спрашивали обвиненную, вѣритъ ли она въ вѣдьмъ. Если она говорила, что нѣтъ, то во всякомъ случаѣ обрекалась смерти за ересь. Если да, то оставлялась въ подозрѣніи и заключалась въ тюрьму. Съ этой минуты до самой смерти начинался для нея рядъ страшныхъ истязаній. Въ темницѣ приковывали или привязывали ее такъ, что она не могла пошевелить ни однимъ членомъ; сажали ее не въ комнату, а въ нишу, продѣланную въ стѣнѣ, или спускали въ глубокую и узкую яму. Въ этомъ неподвижномъ состояніи, часто лишенная вовсе свѣта, сидѣла она нѣсколько дней. Затѣмъ старались выманить у нея признаніе, обѣщая ей безнаказанность, и если она хоть немного уступала, ее сожигали. А не удавалось это, — прибѣгали къ слушанію свидѣтелей, въ числѣ которыхъ могли быть даже клятвопреступники, на томъ основаніи, что они въ этомъ случаѣ, изъ ревности къ вѣрѣ, можетъ-быть, скажутъ правду. По выслушаніи свидѣтелей приступали къ испытанію водою. Обвиненная, совершенно нагая, съ скрученными вмѣстѣ руками и ногами, привязывалась къ концу каната и была спускаема на воду. Если она не тонула, дѣло рѣшено — вѣдьма; а погружалась она ко дну, ее возвращали въ темницу, если только между показаніями свидѣтелей находилось хотя одно важное. Послѣ этого пытались еще предварительно взять свое такъ-называемыми «кроткими мѣрами», которыя заключались въ томъ, что ее кормили самымъ соленымъ мясомъ и не давали пить; нѣсколько ночей сряду не допускали ее сомкнуть глазъ. Если она не сознавалась, приступали къ отыскиванію «чертова клейма» (stigma diaboli), то-есть брили ее совершенно и тщательно осматривали, нѣтъ ли на тѣлѣ какой-нибудь родинки: не оказывалось—значитъ дьяволъ умѣлъ ее стереть; если же находили ее, то глубоко прокалывали иглой. Отсутствіе крови было доказательствомъ сношенія съ нечистымъ, а появленіе ея ничего не доказывало. Этимъ оканчивались «кроткія мѣры». Приступали къ пыткѣ, отъ

Digitized by Google

которой не избавляла даже беременность. По «кроткимъ мѣрамъ» читатель можетъ судить каковы были крутыя. Сдавливаніе ногъ до тѣхъ поръ, пока сломятся кости, поднятіе на дыбу съ выворачиваніемъ плечныхъ составовъ, разможженіе пальцевъ, сожиганіе спирта и смолы на головѣ, спинѣ, и проч. и проч., словомъ всѣ, что̀ можетъ придти въ голову чудовищно-звѣрскаго, все пущено было въ дѣло. И пытка эта производилась съ какимъ-то ожесточеніемъ, со страстью. Законъ запрещалъ пытать болѣе четверти часа и повторять пытку. Кецермейстеры придумали средство нарушить его, приказывая не «возобновлять», а «продолжать» пытку...

Сожженія вѣдьмъ производились —

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ —

до 1749 года, когда въ Германіи сожжена была послѣдняя, Марія Рената, 70-лѣтняя монахиня. Въ Швейцаріи послѣдняя казнь была еще позже — въ 1785 г., тому назадъ 76 лѣтъ [1]).

Между тѣмъ дѣло реформы началось. Мы уже сказали, что первое проявленіе гуманизма произошло въ Италіи. Образованный, но безхарактерный Пикколомини, впослѣдствіи папа и врагъ реформаціи, первый внесъ его въ Германію. Мы не станемъ входить въ подробности объ этомъ движеніи и позволимъ себѣ указать на другую статью, въ которой читатель найдетъ очеркъ его [2]). Оппозиція противъ всего существующаго порядка вещей обнаружилась не только въ кругу гуманистовъ и свободно мыслящихъ богослововъ, но проникла и въ массу народа, гдѣ, конечно, приняла характеръ чисто практическій, обиходный. Такъ крестьяне требовали, «чтобы ихъ пастыри, кромѣ духовныхъ овецъ, запасались духовными коровами», для огражденія безопасности ихъ женъ отъ сластолюбивыхъ поползновеній духовенства. Всѣ три оппозиціи, духовная, гуманистическая и сословная, имѣли много общихъ сторонъ, потому что стояли за одно и то же дѣло, только смотрѣли на него съ разныхъ точекъ зрѣнія. Полемика принимала все болѣе и болѣе рѣзкій характеръ.

---

[1]) По свидѣтельству Вальтеръ-Скотта, въ Шотландіи послѣдняя вѣдьма была потребована на судъ въ 1800 году, но шерифъ не захотѣлъ судить ее, чѣмъ она сама была очень недовольна.

[2]) Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, №№ 39 и 40 «Атенея».

Digitized by Google

Старые профессоры высшихъ учебныхъ заведеній, съ своей стороны, упорно стояли за схоластику. Въ 1517 г. началась реформація, то-есть прибиты были Лютеромъ къ дверямъ церкви въ Виттембергѣ его знаменитые 65 тезисовъ, а въ 1525 вспыхнуло крестьянское возстаніе въ Швабіи, Франконіи и Эльзасѣ. Крестьяне надѣялись на Лютера, — и ошиблись. Лютеръ былъ исключительно теологъ и не выходилъ изъ своей сферы. Онъ упорно стоялъ за крѣпостное право, говорилъ, что простой человѣкъ долженъ быть обремененъ трудомъ, чтобы не зазнался; совѣтовалъ сначала крестьянамъ смириться, и когда увидѣлъ, что они не смиряются, написалъ памфлетъ «противъ грабительскихъ и разбойничьихъ крестьянскихъ шаекъ», въ которомъ энергически взывалъ въ князьямъ, чтобы они рѣзали и убивали безпощадно возмутителей. Онъ никакъ не понималъ, чтобы подобное движеніе могло согласоваться съ его ученіемъ, котораго онъ не довелъ до послѣдняго результата. «Разсудокъ говоритъ тебѣ, что 2 и 5=7, проповѣдывалъ онъ: но если начальство скажетъ тебѣ, что 2 и 5=8, ты долженъ ему вѣрить противъ собственнаго чувства и убѣжденія».

Между тѣмъ какъ Лютеръ такъ рѣзко противорѣчилъ самъ себѣ, новое ученіе распространялось. Толчекъ былъ данъ; нашлись люди, подобные Цвингли, которые не отступили отъ слѣдствій, допустивъ первое положеніе; владѣтельные князья принимали сторону реформы, потому что на императорскомъ престолѣ сидѣлъ католикъ Карлъ V, и реформа вела ихъ къ дорогой независимости. Католики противопоставили своимъ врагамъ іезуитовъ, о которыхъ такъ много говорено и писано, что мы не станемъ о нихъ говорить.

Борьба разрѣшилась тридцатилѣтнею войной, разрушившей окончательно единство Германіи, превративъ ее во множество мелкихъ абсолютныхъ монархій. Князья стали во всемъ подражать Людовику XIV; къ размельченію владѣній присоединилась религіозная нетерпимость; права народа исчезли, подати увеличились до невѣроятности; что̀ сталось съ сословіями и ихъ нравами, ты сейчасъ увидимъ.

Въ придворную жизнь извнѣ примѣшались чувственные обычаи, введенные испанскимъ Нидерландцемъ Карломъ V, но рядомъ съ чужеземною внѣшностью сохранилась старая герман-

Digitized by Google

ская грубость, или, пожалуй, простота обращенія. Простота эта заключалась въ томъ, что вещи назывались ихъ собственнымъ именемъ, и женскія уста произносили слова, позволительныя теперь только въ лексиконахъ. Шерръ приводитъ два отрывка изъ писемъ герцога и герцогини Деннебергъ, фактически доказывающіе эту истину. При всемъ томъ женская половина высшаго общества въ XVI-мъ вѣкѣ еще не была испорчена подражаніемъ Парижу и версальскимъ нравамъ; бо́льшая часть нѣмецкихъ принцессъ были отличныя хозяйки. Мы не можемъ входить въ большія подробности и будемъ упоминать только о самыхъ замѣчательныхъ фактахъ: въ журнальной статьѣ нельзя исчерпать даже главныхъ явленій исторіи цивилизаціи. Такъ какъ придворная жизнь этой эпохи не представляетъ ничего особенно рѣзкаго и замѣчательнаго, то мы ограничимся краткою помѣткою о появлявшейся уже въ то время роскоши въ праздникахъ и торжествахъ. Кое-гдѣ завелись метрессы. Но пагубныя слѣдствіи имѣла для Германіи метода воспитанія княжескихъ сыновей. Одни посылали ихъ въ Виттембергскую школу, другіе приставляли къ нимъ воспитателей или гофмейстеровъ, но воспитаніе всегда завершалось поѣздкою къ императорскому и версальскому дворамъ, откуда они возвращались безнравственными верхоглядами.

Схоластика, царствовавшая въ университетахъ до реформаціи, должна была уступить мѣсто болѣе свободному направленію, основанному на началахъ гуманизма; это движеніе было такъ сильно, что даже католическія высшія заведенія вынуждены были сдѣлать уступку требованіямъ времени; умные іезуиты сами стали во главѣ движенія, и въ католическихъ университетахъ наука шла свободнѣе, нежели въ протестантскихъ. Число преподавателей въ XVI вѣкѣ было еще очень незначительно: въ Іенскомъ (1564) ихъ было шестнадцать; въ Кёнигсбергскомъ въ годъ его основанія (1544) только тринадцать. Это уже показываетъ, что кругъ занятій не былъ обширенъ. Полицейское чутье уже наложило руку на свободу преподаванія; каждому доценту назначенъ былъ предметъ и строго опредѣленное число часовъ чтенія. Профессоровъ посадили на жалованье, и они должны были во всемъ повиноваться указаніямъ начальства и слѣдовать предписанному направленію. Въ нихъ раз-

Digitized by Google

вился сервилизмъ. Число слушателей было очень непостоянно и различно. Гейдельбергскій университетъ въ 1546 году хотѣли было даже закрыть, между тѣмъ какъ въ Виттембергѣ въ 1549 году было 1,000, а въ 1561 г. 2½ тысячи студентовъ *. Студентская жизнь, вѣроятно, представляла много привлекательнаго, потому что кто имѣлъ средства — оставался въ университетѣ по 10, по 12 лѣтъ. Генрихъ Эль (Oel) умеръ въ 1638 г. студентомъ въ Лейпцигѣ, проживъ на свѣтѣ ровно сто лѣтъ. Замѣтимъ еще обычай назначать въ ректоры владѣтельныхъ князей или знатныхъ дворянъ, иногда еще совершенно молодыхъ.

За быстрымъ движеніемъ умовъ XVI столѣтія послѣдовало затишье, и въ началѣ XVIII университеты значительно упали. Благородная любовь къ наукѣ почти совершенно исчезла, каѳедры были заняты педантами и невѣжами. Студенты безпутствовали, дрались на дуэляхъ, писали развратныя пѣсни.

Дворянство продолжало, по преданію, разбойничать, или превращалось въ придворныхъ, по образцу французскаго. Впрочемъ, теперь уже разбои не всегда проходили даромъ, и нѣсколько графовъ и рыцарей казнены за грабительство по большимъ дорогамъ. Къ прежнимъ любимымъ занятіямъ — охотѣ, пьянству, танцамъ, собакамъ и лошадямъ, присоединилась еще картежная игра, быстро проникнувшая во всѣ слои общества. Во внутреннемъ домашнемъ быту быстро развивалась роскошь. Но все-таки дворянство не могло соперничать въ богатствѣ съ

---

* Вотъ табличка годовъ учрежденія главнѣйшихъ германскихъ университетовъ:

Прага 1348.
Гейдельбергъ 1386.
Эрфуртъ 1392.
Лейпцигъ 1409.
Фрейбургъ 1430 (или 1457).
Базель 1459.
Тюбингенъ 1477.
Виттембергъ 1502.
Марбургъ 1527
Іена 1548.
Гельмштедтъ 1575.
Гиссенъ 1607.
Ринтельнъ 1621.
Инспрукъ 1672.
Вѣна 1365.
Кёльнъ 1388.
Вирцбургъ 1403.
Ростокъ 1415 (или 1419).
Грейфсвальдъ 1456 (или 1460).
Ингольштадтъ 1472 (или 1459).
Майнцъ 1477.
Франкфуртъ на Одерѣ 1505.
Кёнигсбергъ 1544.
Диллингенъ 1554.
Альтдорфъ 1578.
Падерборнъ 1614.
Киль 1665.
Галле 1694.

Digitized by Google

патриціями имперскихъ городовъ, которымъ торговля доставляла произведенія всѣхъ концовъ свѣта, пока тридцатилѣтняя война не раззорила Германію. Эта война подѣйствовала въ особенности пагубно на низшее сословіе. Толпы мародеровъ и отпускныхъ солдатъ шайками ходили по деревнямъ, грабили, убивали.

Изобрѣтеніе книгопечатанія дало новый толчекъ движенію умовъ; Гуттенбергъ не могъ болѣе кстати изобрѣсти это могущественное средство для распространенія идей. Въ 1456 году была напечатана первая книга, а въ 1530 г. Карлъ V изобрѣлъ цензуру. Впрочемъ, Шерръ напрасно приписываетъ ему честь этого изобрѣтенія; еще въ 1486 году майнцское духовенство сдѣлало неудачную попытку наложить цѣпи на юное книгопечатаніе, которому было всего 30 лѣтъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что Лютеру въ это время исполнилось только три года. Карлъ V воспользовался майнцскимъ изобрѣтеніемъ, какъ большой капиталистъ пользуется изобрѣтеніемъ бѣднаго механика. Настоящимъ основателемъ періодической словесности въ Германіи былъ Томазіусъ, боровшійся всѣми силами съ ученымъ педантизмомъ. По случаю сатиры его, въ которой онъ доказывалъ, что не принадлежитъ ни къ какому факультету, что онъ не теологъ, не юристъ, не математикъ и не философъ, Совѣтъ галльскаго университета собща написалъ на него доносъ въ такомъ смыслѣ: «Четыре факультета были учреждены и покровительствуемы высокими предками его свѣтлости курфиршта, слѣдовательно это есть посмѣяніе родственниковъ курфиршта, поэтому и посмѣяніе особы его свѣтлости; ergo Томазіусъ долженъ быть преданъ суду, какъ оскорбитель величества и возмутитель.» Томазіусъ дѣйствительно былъ преданъ суду, но дѣло кончилось благополучнѣе, нежели послѣдній процессъ Монталамбера. Этотъ самый Томазіусъ былъ также во главѣ смѣлыхъ порицателей процессовъ надъ вѣдьмами.

Между тѣмъ какъ Германія распалась на множество мелкихъ абсолютныхъ монархій, вслѣдствіе ли лежащей въ самой натурѣ Германца склонности къ разъединенію, какъ говоритъ Шерръ, или вслѣдствіе общаго хода событій, во Франціи окончательно утвердился абсолютизмъ, какъ послѣдняя внѣшняя форма проявленія католическаго и романскаго элемента. L'état

Digitized by Google

c'est moi! говорилъ Людовикъ XIV; l'état c'est moi! повторяли вслѣдъ за нимъ всѣ мелкіе германскіе князьки. Но для удовлетворенія такимъ потребностямъ романизма надо было много денегъ, и среднее сословіе выступило во Франціи на первый планъ.

Въ Германіи реформа оставила область религіи, но не умерла. Стремленіе къ эманципаціи перешло въ область художественнаго творчества и науки. Между тѣмъ какъ въ Германіи совершался этотъ умственный переворотъ, у сосѣдей ея начался политическій.

Жизнь въ Германіи въ продолженіе XVIII столѣтія представляетъ самую пеструю смѣсь противоположностей: смѣлость мысли рядомъ съ утонченнѣйшей чувственностью; мистическія бредни рядомъ съ благороднѣйшими поэтическими стремленіями; циническій скептицизмъ рядомъ съ самымъ наивнымъ вѣрованіемъ, колоссальные пороки и чистѣйшій идеализмъ, безчувственный эгоизмъ и сантиментальная мечтательность, все это перепутано и перебито.

Общественная жизнь среднихъ кружковъ всего менѣе пострадала отъ чужеземнаго вліянія на сѣверѣ Германіи. Назначеніемъ женщины попрежнему оставалось домашнее хозяйство. Женщина не могла никуда показываться одна, вездѣ долженъ былъ сопровождать ее родственникъ, или слуга, или горничная. Вслѣдствіе развившейся въ семьѣ патріархальности, она должна была безгранично повиноваться старшему въ родѣ. Чтеніе романовъ было на дурномъ счету.

При дворахъ было нѣсколько иначе. Со времени Леопольда I при вѣнскомъ дворѣ къ испанскому этикету стали присоединяться парижскіе моды и обычаи, а Карлъ VI окончательно утвердилъ ихъ право гражданства, заведя у себя maitresse en titre. Министры Цинцендорфъ, Бартенштейнъ и знаменитый Кауницъ, совершенно были офранцужены и всѣми силами старались утвердить въ Вѣнѣ парижскій «тонъ». Леди Монтэгю, посѣтившая Вѣну въ 1716 году, говоритъ, что вмѣстѣ съ легкими нравами перешло туда изъ Парижа и ханжество. Но не могло перейдти къ Нѣмцамъ французское «poli»; при всей роскоши внѣшней обстановки, въ разговорахъ существовала циническая свобода; самое отборное общество восхищалось саль-

Digitized by Google

ностями площадной комедіи. Азартныя игры были запрещены; любимыми занятіями дамъ были стрѣльба въ цѣль и танцы. А въ городѣ продолжались драки и буйства, которыхъ ничто не могло остановить. При Маріи Терезіи, по окончаніи войны за наслѣдство престола, вѣнскій дворъ сдѣлался блестящимъ и роскошнымъ. На безпрестанные балеты, спектакли, карусели, и проч. стекалось иногда до 2000 гостей. Придворный штатъ обходился ежегодно въ 6 милліоновъ гульденовъ. Золотой столовый сервизъ вѣсилъ $4^1/_2$ центнера. Въ придворныхъ конюшняхъ стояло 2,200 лошадей. Аристократія, разумѣется, подражала этой роскоши, а для пополненія казенныхъ суммъ учреждена была всенародная лотерея.

Марія Терезія очень строго заботилась о цѣломудріи своихъ подданныхъ. Были даже учреждены особенные «комитеты цѣломудрія», тайная полиція надъ нравственностью прекраснаго пола, которую Кауницъ превратилъ просто въ тайную полицію. Марія Терезія была неумолимо строга къ падшимъ овцамъ, между тѣмъ какъ Кауницъ ѣздилъ во дворецъ въ сопровожденіи своихъ метрессъ, которыя дожидались его выхода въ экипажѣ. Однажды она вздумала-было замѣтить Кауницу, что его жизнь не соотвѣтствуетъ требованіямъ строгой нравственности.

— Ваше величество, сказалъ Кауницъ,—я пришелъ къ вамъ говорить о вашихъ дѣлахъ, а не о моихъ.

Кауницъ былъ большой оригиналъ. Онъ такъ желалъ прослыть за Француза, что нарочно коверкалъ нѣмецкій языкъ. Онъ ни съ кѣмъ не женировался. Папа Пій VI, будучи въ Вѣнѣ, посѣтилъ его. Показывая гостю свою картинную галлерею, Кауницъ такъ безцеремонно повертывалъ его туда и сюда, что Пій, по собственному его выраженію, былъ tutto stupefatto.

Первый король прусскій былъ извѣстенъ подражаніемъ Парижу. Тотъ же блескъ и та же расточительность. Но сынъ его, Фридрихъ Вильгельмъ I, тотчасъ по вступленіи на престолъ объявилъ, что онъ хочетъ быть Нѣмцемъ. Читатели знакомы съ этимъ отцомъ Фридриха Великаго хоть по Маколею; поэтому мы приведемъ здѣсь только нѣкоторыя дополнительныя черты. Онъ терпѣть не могъ претензій дворянства и обложилъ его податью. Графъ Дона подалъ ему на французскомъ языкѣ за-

Digitized by Google

писку, въ которой, какъ предводитель прусскаго дворянства, старался доказать вредъ этой мѣры. Tout le pays sera ruiné: этими словами оканчивалась записка. Король написалъ слѣдующую резолюцію:

«Tout le pays sera ruiné? Nihil kredo, aber das Kredo, dass den Junkers ihre Autorität wird ruinirt werden. Ich shabilire die Souveränität wie einen Rocher von Bronce.»

Его скупость, его страсть къ великанамъ извѣстны. Онъ даже пробовалъ, посредствомъ систематическихъ браковъ съ великаншами, развести у себя племя гигантовъ, — но проектъ не удался. Извѣстны также его прогулки по Берлину съ тростью въ рукахъ. Однажды какой-то Жидъ, завидѣвъ эту трость, бросился бѣжать, но не успѣлъ. «Зачѣмъ ты бѣжалъ?» спросилъ король.—Испугался, ваше величество, отвѣчалъ Жидъ.—Фридрихъ началъ его бить, приговаривая: «Ты долженъ не бояться меня, а любить, а любить!»

Послѣ обѣда отправлялся онъ въ свою «табачную», гдѣ сидѣлъ до 4 часовъ утра. Тутъ окружали его министры и генералы, всѣ съ трубками въ зубахъ, даже и не курящіе; тутъ рѣшались государственные вопросы. Въ этой коллегіи былъ забавникъ, родъ шута, Гундлингъ, котораго король, въ насмѣшку дворянству, ученымъ и бюрократамъ, осыпалъ почестями. Его замѣнилъ магистръ Моргенштернъ; — этому Фридрихъ Вельгельмъ приказалъ однажды защищать передъ франкфуртскими профессорами тему: «Ученые всѣ дураки и шарлатаны». Послѣ диспута, на который Моргенштернъ явился въ шутовскомъ костюмѣ, король поздравилъ его, свиснулъ и захлопалъ въ ладоши. Всѣ присутствующіе также свиснули и принялись апплодировать.

Этотъ «германизмъ» прусскаго короля можетъ считаться образцомъ нравственности и приличія, если сравнить его съ тѣмъ, что происходило при другихъ дворахъ. Самый роскошный и блистательный былъ Дрезденскій. Подъ старость Фридрихъ Вильгельмъ сдѣлался религіозенъ. Въ 1728 году посѣтилъ онъ Дрезденъ. Четыре недѣли продолжались пиршества. Однажды, послѣ сильной попойки, Августъ повелъ его... Но пусть расказываетъ сама маркграфиня Байрейтъ, дочь прусскаго короля: «Постоянно разговаривая, шли они изъ одной комнаты

Digitized by Google

въ другую; остальные гости, и между ними мой братъ Фридрихъ, слѣдовали за ними. Наконецъ достигли большой, прекрасной комнаты, убранной съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ. Отецъ мой удивлялся всему этому изяществу, какъ вдругъ стѣна опустилась и представилось самое необыкновенное зрѣлище. Дѣвушка, прекрасная какъ Венера и граціи, небрежно лежала на постели, въ костюмѣ нашихъ прародителей до грѣхопаденія, показывая тѣло, бѣлое, какъ слоновая кость, и формы Медицейской Венеры. Кабинетъ, въ которомъ она находилась, былъ освѣщенъ такимъ множествомъ свѣчъ, что онѣ горѣли ярче дня. Король и Грумбковъ (прусскій министръ) были увѣрены, что (старый) король непремѣнно попадется на эту удочку. Но вышло совершенно иначе. При первомъ взглядѣ, король взялъ свою шляпу, закрылъ ею лицо моему брату и приказалъ ему удалиться. Потомъ обратился къ польскому королю, и сказавъ: «Она очень хороша», ушелъ изъ комнаты. Въ тотъ же вечеръ замѣтилъ онъ Грумбкову, что подобныхъ вещей не любитъ, и чтобы онѣ больше не повторялись.»

Эта Венера была Итальянка Формера, первая метресса Фридриха, которому отецъ заслонилъ лицо шляпой. — Другіе дворы уступали Дрезденскому въ роскоши, но доводили безнравственность до еще бо́льшаго цинизма.

Во второй половинѣ XVIII-го столѣтія эта картина нѣсколько улучшилась. Фридрихъ II и Іосифъ II совершенно преобразовали свою обстановку. Извѣстна слабая сторона Фридриха: презрѣніе къ нѣмецкому языку и въ то же время совершенное незнакомство съ нимъ, и страсть острить и смѣяться надъ людьми, которые не могли ему на это отвѣчать. Приведемъ здѣсь нѣсколько фактовъ, въ которыхъ проявились эти качества. Фридрихъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать замѣтки на поляхъ подаваемыхъ ему бумагъ. Эти замѣтки чрезвычайно интересны для біографовъ великаго государя. Всегда рѣзкія, онѣ не отличаются правописаніемъ, но часто очень остроумны. Такъ, напримѣръ, при всей своей привязанности къ дворянству, онъ былъ очень строгъ ко всякому, кто хотѣлъ выйдти за кругъ опредѣленныхъ правъ. Гофмаршалъ, графъ Шулембургъ, просилъ у Фридриха офицерское мѣсто для своего сына, потому что онъ графскаго рода.

Digitized by Google

«Iunge Grafen, написалъ король, die nichts lernen, seindt Ignoranten bey allen Landen, in England ist der Sohn des Königs nur Matrose auf ein Schiff, um die Manoeuvres dieses dienstes zu lernen. Im Fal nun einmal ein wunder geschehen und aus einem Grafen etwas werden solte, so Mus er sich auf Titel und geburth nichts einbilden, den das seindt nur narenspossen, sondern es kömt nur allezeit auf sein Merit personnel an.»

Какъ онъ понималъ нѣмецкую словесность, всего лучше покажетъ слѣдующій разговоръ его съ Геллертомъ. Маіоръ Квинтъ Иціліусъ, приближенный къ королю, доставилъ знаменитому баснописцу аудіенцію.

— Ты профессоръ Геллертъ? спросилъ Фридрихъ, обращаясь къ нему съ ненавистнымъ для Нѣмца *Er*.

— Я, ваше величество.

— Англійскій посланникъ говорилъ о тебѣ много хорошаго. Откуда ты?

— Изъ Гайнихена, близь Фрейберга.

— Скажи, отчего у насъ нѣтъ ни одного хорошаго нѣмецкаго писателя?

— Ваше величество видите одного передъ собою, замѣтилъ Иціліусъ:—даже Французы перевели его и назвали нѣмецкимъ Лафонтеномъ.

— Это слишкомъ! откровенно сказалъ Фридрихъ.—Ты читалъ Лафонтена?

— Да, ваше величество, но не подражалъ ему; я оригиналъ, хотя еще и не знаю, хорошій или нѣтъ.

— Да, такъ одинъ нашелся: отчего же у насъ нѣтъ больше хорошихъ авторовъ?

— Ваше величество предубѣждены противъ Нѣмцевъ.

— Нѣтъ, этого я не скажу.

— По крайней мѣрѣ противъ нѣмецкихъ писателей.

— Это правда. Отчего нѣтъ у насъ хорошаго историка?

— У насъ нѣтъ въ нихъ недостатка. У насъ есть Масковъ, Крамеръ, продолжавшій Боссюэта.

— Возможно ли, чтобы Нѣмецъ продолжалъ Боссюэта?

— Да, такъ, и удачно. Одинъ изъ ученѣйшихъ профессоровъ вашего величества сказалъ, что онъ продолжалъ его съ

Digitized by Google

такимъ же краснорѣчіемъ, но съ большею историческою вѣрностью.

— Понялъ онъ его?

— Всѣ такъ думаютъ.

— Почему никто не займется Тацитомъ? Его бы надо перевесть.

— Тацита трудно переводить, у насъ есть плохіе французскіе переводы.

— Это справедливо.

— Есть много причинъ, почему Нѣмцы еще не отличились во всѣхъ отрасляхъ словесности. Науки и искусства процвѣтали у Грековъ, — а Римляне въ то время еще вели войны. Можетъ-быть теперь воинственный вѣкъ Германіи; можетъ-быть у Нѣмцевъ еще не было Августа и Людовика...

— Въ Саксоніи было два Августа.

— Въ Саксоніи и положено хорошее начало.

— А! такъ ты бы хотѣлъ одного Августа на всю Германію?

— Не совсѣмъ такъ: я бы только желалъ, чтобы каждый государь въ своей землѣ поощрялъ таланты.

— Ты никогда не выѣзжалъ изъ Саксоніи?

— Я былъ одинъ разъ въ Берлинѣ.

— Тебѣ надо путешествовать.

— Ваше величество, на это у меня не станетъ ни здоровья, ни денегъ.

— Дурныя времена теперь.

— О, да! и еслибы ваше величество хотѣли даровать Германіи миръ...

— Развѣ я могу? Или ты не знаешь? Я одинъ противъ трехъ.

— Я занимаюсь древней исторіей предпочтительно передъ новой...

— Какъ ты думаешь, кто выше въ эпопеѣ, Гомеръ или Виргилій?

— Гомеру, кажется, надо отдать предпочтеніе, потому что онъ оригиналъ.

— Но Виргилій глаже (polirter).

— Гомеръ слишкомъ далеко отъ насъ, мы не можемъ точно судить о его языкѣ и нравахъ. Я вѣрю Квинтиліану, предпочитающему Гомера.

Digitized by Google

— Но не должно быть рабомъ сужденій древнихъ.

— Я не рабъ ихъ, а слѣдую имъ только тогда, когда отдаленіе мѣшаетъ мнѣ произнести собственный судъ.

— Онъ издалъ также нѣмецкія письма, вмѣшался маіоръ.

— А! А писалъ ты что-нибудь противъ канцелярскаго слога?

— Какъ же, ваше величество.

— Но почему это не перемѣнится? Это дьявольское наважденіе! (Es ist was Verteufeltes). Они приносятъ ко мнѣ цѣлые листы, — и я въ нихъ ничего не понимаю.

— Если ваше величество не можете этого перемѣнить, то я тѣмъ менѣе. Я могу только совѣтовать, а вы приказываете.

— Не знаешь ли ты на память какой-нибудь изъ своихъ басенъ?

— Не думаю, память у меня очень слаба.

— Припомни, а я покуда похожу... Ну? Есть?

— Да, ваше величество, — «Живописецъ».

Геллертъ продекламировалъ свою басню.

— Хорошо; есть въ его стихахъ гладкость; я все понялъ. А вотъ Готштедъ читалъ мнѣ переводъ Ифигеніи; передо мной былъ французскій оригиналъ,—и я все-таки ни слова не понялъ.

На другой день, за столомъ, Фридрихъ сказалъ, что Геллертъ est le plus raisonnable de tous les savans allemands. Еще характеристичнѣе отзывъ Фридриха о драмѣ Гёте Goetz von Berlichingen: imitation détestable de ces abominables pièces de Shakspeare. Къ концу жизни ему, впрочемъ, надоѣли Французы. Всѣми силами каралъ онъ фанатизмъ и нетерпимость, и основывалъ свой либерализмъ на неограниченномъ правѣ располагать жизнью и собственностью подданныхъ. Какъ истинный прогрессистъ, далъ онъ полную свободу слову и печати, и прибавилъ: «Разсуждайте сколько хотите и о чемъ хотите, — только повинуйтесь!»

Галломанія изъ дворца проникла во всѣ слои берлинскаго общества и «легкіе нравы» завелись и здѣсь. Отзывы замѣчательнѣйшихъ людей того времени о Берлинѣ, его бытѣ, совсѣмъ не лестны.

Дворъ Іосифа II не представлялъ, казалось, ничего особеннаго; зато въ самомъ государствѣ совершались реформы, часто неудачныя, но всегда свидѣтельствовавшія о благород-

Digitized by Google

номъ сердцѣ и прекрасныхъ чувствахъ императора. Онъ видѣлъ въ себѣ перваго слугу отечества. На этомъ основывались всѣ его дѣйствія. Онъ сократилъ на половину придворный штатъ, никогда не игралъ въ карты, и когда въ Версали спросили его: почему? онъ отвѣчалъ: «Государь, проигрывающій въ карты, расточаетъ деньги своихъ подданныхъ.» Онъ былъ слишкомъ пылокъ и хотѣлъ быстро совершать свои реформы: вотъ отчего онѣ часто не удавались. «Іосифъ всегда дѣлаетъ второй шагъ прежде перваго», говорилъ Фридрихъ. Въ Іосифѣ были черты, ставящія его гораздо выше Фридриха. Онъ не поддался вліянію французоманіи, и всегда былъ Нѣмцемъ; онъ разъ навсегда оставилъ привычку говорить *Er*, и всѣмъ, даже своимъ лакеямъ, говорилъ *Sie*; онъ совершенно уничтожилъ въ своемъ государствѣ цензуру указомъ 1781 года, прекратилъ притѣсненія не-католиковъ, упразднилъ 700 изъ 2000 монастырей, и проч. Онъ самымъ рѣзкимъ образомъ высказывалъ свое презрѣніе къ аристократіи, основывающей свои права исключительно на одномъ рожденіи, съ намѣреніемъ возводилъ въ баронское и графское достоинство купцовъ, даже Евреевъ, наконецъ положилъ цѣну 20000 гульденовъ за графскій дипломъ; въ новомъ кодексѣ всѣ подданные были сравнены передъ закономъ, и въ Австріи въ первый разъ увидѣли дворянъ у позорнаго столба, въ исправительномъ домѣ или на галерахъ.

Но во всѣхъ этихъ реформахъ Фридрихъ II шелъ впереди. Въ 1754 году уничтожилъ онъ пытку, прекратилъ обычай казнить дѣтоубійцъ на турецкій манеръ: въ мѣшокъ да въ воду; настоятельно продолжалъ начатое отцомъ его освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія, — что дѣлалъ и Іосифъ; — наконецъ, всѣми силами старался покровительствовать торговлѣ и ремесламъ. Не его вина, что въ то время существовали самыя дикія понятія о политической экономіи. Не смотря на громадное развитіе монополіи во всѣхъ видахъ, онъ успѣлъ собрать столько денегъ, что послѣ его смерти осталось налицо 72 милліона талеровъ и ни копѣйки долгу: цѣль его, значитъ, была достигнута, потому что онъ считалъ количество денегъ мѣриломъ благосостоянія государства. Это заставляло его иногда дѣлать самыя странныя распоряженія: такъ онъ прекратилъ

Digitized by Google

постройку дорогъ, чтобы иноземные возчики, оставаясь долѣе на дурной дорогѣ, тратили болѣе денегъ.

Мы приберегли къ концу этого обозрѣнія имена двухъ неважныхъ владѣтельныхъ особъ, которыя рѣзко выдѣляются изъ толпы остальныхъ. То были Францъ Людвигъ Эрталь, епископъ бамбергскій и вирцбургскій, и Іосифъ Эммерихъ, курфирштъ и архіепископъ майнцскій, достойные стать на раду съ Фридрихомъ и Іосифомъ. По смерти Эммериха, какъ подозрѣваютъ, отравленнаго іезуитами, архіепископомъ майнцскимъ сдѣлался Эрталь (другой Эрталь), орудіе іезуитовъ, уничтожившій нововведенія своего предшественника и расточавшій кровныя деньги своего народа на угощеніе французскихъ эмигрантовъ, которые вносили страшный развратъ во всѣ прирейнскіе города Германіи. При немъ былъ въ Майнцѣ, въ 1792 году, послѣдній конгрессъ германскихъ государей.

Во что обратился этотъ конгрессъ! Избирательный императоръ,—домъ Гамбургскій успѣлъ сдѣлать его наслѣдственнымъ de facto,—былъ представителемъ Германіи; но дѣла въ высшей инстанціи рѣшались на сеймѣ. Онъ раздѣлялся на три коллегіи: курфирштовъ, князей и городовъ. Курфиршты избирали императора и,предлагая избираемому различныя условія (Wahlcapitulationen), довели дотого, что императорская власть превратилась въ блѣдный призракъ, а имперія въ олигархію.

Засѣданія сейма происходили въ Регенсбургѣ, подъ предсѣдательствомъ майнцскаго архіепископа. Дѣла производились чрезвычайно медленно, останавливались отъ мелочной формальности, отъ вѣчныхъ переписокъ, отписокъ; то туда, то сюда разсылалась цѣлая библіотека толстыхъ актовъ, мнѣній, рекурсовъ и проч.,а объ интересахъ Германіи не было и рѣчи.Дѣло начиналось императорскимъ предложеніемъ, которое поступало на обсужденіе въ отдѣльныя коллегіи; послѣ длинныхъ,неповоротливыхъ и чинныхъ разсужденій, собирались голоса,составлялось мнѣніе, которое шло на ратификацію императора. Если онъ не давалъ ратификаціи, всѣ колеса неуклюжей машины собирались снова, и снова начинала она скрипѣть и дребежжать, расточая даромъ время и живую силу. Важнѣйшія дѣла, въ особенности тайныя, рѣшались комитетами, избранными изъ коллегій; эти комитеты назывались Reichsdeputationen, а рѣ-

Digitized by Google

шеніе ихъ, съ позволенія сказать, Reichsdeputationshauptschluss.

Кромѣ того, что медленность была въ самой сущности процедуры, она еще усугублялась враждою религіозныхъ партій: corpus catholicorum и corpus evangelicorum, соперничествомъ Австріи съ Пруссіей, мелкими претензіями и обидчивостью членовъ сейма, и, въ довершеніе, самымъ скучнымъ и смѣшнымъ схоластическимъ педантизмомъ, который, какъ извѣстно, еще и до сихъ поръ не совсѣмъ истребленъ въ Германіи, хотя проявленія его, благодаря новому стремленію писать книги для народа и большинства, и слѣдовательно человѣческимъ, а не глубоко ученымъ стилемъ, становятся со дня на день все рѣже и рѣже.

Германія была унижена въ политическомъ отношеніи статьями Вестфальскаго мира; но это самое униженіе заставило большинство Германцевъ обратить взоръ свой на внутреннее развитіе. Это стремленіе тотчасъ же получило религіозный характеръ; въ то время какъ при дворахъ было царство чувственности, въ среднихъ слояхъ общества развился піетизмъ, проникнувшій отчасти и въ высшіе слои, облекшійся въ форму тайныхъ обществъ. Но вскорѣ ясно обозначилось стремленіе къ прогрессу, котораго представителями были, какъ мы видѣли, Фридрихъ II и еще болѣе Іосифъ II. — Мы не можемъ здѣсь распространяться о ходѣ этого движенія. Статья наша и безъ того слишкомъ длинна.

Новѣйшій періодъ разобранъ Шерромъ далеко не такъ подробно и удовлетворительно, какъ остальные; поэтому мы извлечемъ изъ этой части только одинъ эпизодъ, о безземельномъ пролетаріатѣ и пауперизмѣ, который существуетъ въ Германіи, хоть и не въ такомъ грозномъ развитіи, какъ въ Англіи. Пролетаріатъ развивается вмѣстѣ съ успѣхами промышленности: это ея черная сторона, ея органическое зло, противъ котораго до сихъ поръ еще не найдено никакого радикальнаго средства; да и палліативныя оказывались неудовлетворительны. Самое выгодное положеніе въ этомъ отношеніи представляетъ Швейцарія, гдѣ нѣтъ еще большихъ городовъ, этихъ резервуаровъ, притягивающихъ всѣ испорченные соки общественнаго организма, гдѣ фабричные работники еще не

Digitized by Google

совершенно перестали быть землевладѣльцами. Въ остальныхъ частяхъ Германіи, большею частью, у нихъ нѣтъ земли, и тамъ каждый торговый кризисъ оплачивается жизнью несчастныхъ, умирающихъ съ голода, страдальцевъ. Есть еще другой родъ пролетаріевъ,—безземельные батраки на службѣ у крестьянъ: такой батракъ заработываетъ на югѣ Германіи, смотря по времени года и по роду полевой работы, отъ 6 до 12 крейцеровъ (или копѣекъ серебромъ), на сѣверѣ отъ 2 до 4 Silbergroschen (почти столько же); но не все дни въ году рабочіе, иной день и ничего не заработаешь, а на эти деньги надо прокормить всю семью. Не трудно понять какъ живутъ эти земледѣльческіе пролетаріи, каково ихъ физическое и моральное состояніе. Ихъ состояніе хуже рабства фабричныхъ работниковъ, потому что они не могутъ такъ легко и скоро мѣнять мѣсто жительства и хозяина; сверхъ того, «ошибочно мнѣніе, что крестьянинъ снисходительнѣе обращается съ своимъ батракомъ, нежели фабрикантъ съ работникомъ». Нѣмецкій крестьянинъ, даже зажиточный, богатый, возмутительно равнодушенъ ко всѣмъ высшимъ интетересамъ. Часто сельскій учитель получаетъ меньше доходу, нежели свинопасъ. Въ большихъ городахъ фабричные пролетаріи собраны большими массами, между тѣмъ какъ земледѣльческіе разсѣяны по закоулкамъ и не подлежатъ непосредственному наблюденію; вотъ отчего о послѣднихъ меньше говорятъ, и исключительное вниманіе обращено на первыхъ. Въ самыхъ страшныхъ размѣрахъ развился фабричный пролетаріатъ въ Силезіи, гдѣ старательный ткачъ въ 1844—45 г. могъ заработать не болѣе 3—4 серебряныхъ грошей, то-есть отъ 9 до 12 копѣекъ въ недѣлю, и на это долженъ былъ содержать все семейство. Въ Кёльнѣ скиталось по улицамъ до 30,000 нищихъ, которымъ помои съ винокуренъ замѣняли супъ.

Пауперизмъ убиваетъ въ этихъ несчастныхъ все человѣческое. Шестилѣтній ребенокъ уже на фабрикѣ; если сложеніе его перенесетъ всѣ тягости и лишенія, то какая жизнь ждетъ его впереди! Статистическія таблицы полиціи и уголовныхъ судовъ показываютъ явственно вліяніе умножающагося пролетаріата на нравственность. Въ преступленіяхъ главное мѣсто занимаетъ, разумѣется, воровство. Часто пролетарій оканчива-

Digitized by Google

етъ свои страданія самоубійствомъ. Такъ въ Берлинѣ, въ началѣ столѣтія, приходилось одно самоубійство на 1000 смертныхъ случаевъ, въ 1822 году уже одно на 200, а теперь навѣрное на 50. Въ такой же прогрессіи возрастаютъ случаи сумашествія. Карьера женщины изъ семейства прелетарія не требуетъ объясненій. «Фабричныя дѣвушки, пока онѣ молоды и недурны собой, говоритъ Шерръ, становятся добычею самихъ фабрикантовъ, и я могу назвать фабриканта-милліонера, который умѣлъ найдти средство возвращать въ свой кошелекъ израсходованныя имъ на это деньги, вычитая ихъ впослѣдствіи съ своихъ жертвъ, подъ рубрикою «Zeitversäumniss, упущеніе времени».

Приступая къ картинѣ новѣйшаго періода, Шерръ говоритъ:

«Камера-обскура, въ которую я сейчасъ намѣренъ ввести читателя, отражаетъ мрачные образы; до того мрачные, что мы, можетъ-быть, подвергнемся порицанію благомыслящихъ людей, которые охотно прикрываютъ всегда наготу отечества мантіею патріотизма. Но это обстоятельство не удержитъ меня отъ исполненія долга историка цивилизаціи, тѣмъ болѣе, что, по моему мнѣнію, именно въ наше время существуетъ серьёзная потребность, на всѣхъ пунктахъ исторгнуть націю изъ самообольщенія, отъ котораго необходимо проистекаетъ безпечная сонливость, отразившаяся на всей нашей исторіи. Гордые своимъ духовнымъ богатствомъ, мы слишкомъ легко забываемъ какъ много, безконечно много надо еще сдѣлать, чтобы дать доступъ народу въ эту сокровищницу, перечеканить золотые и серебряные слитки науки въ ходячую монету, другими словами, освѣтить лучемъ знанія и гуманности тѣ слои народонаселенія, которые еще и въ XIX-мъ вѣкѣ погружены въ глубокій мракъ. Пагубное самообольщеніе принимать тѣ нравственныя и духовныя заблужденія, о которыхъ мы будетъ сейчасъ говорить, за разрозненныя, болѣзненныя проявленія, и на основаніи этого не обращать на нихъ вниманія; эти заблужденія суть симптомы, доказывающіе присутствіе заразы, распространившейся по всѣмъ слоямъ общества. Безъ сомнѣнія, проявленія этого зла вызываются большею частью матерьяльною нуждой (какъ мы сейчасъ говорили),—но все-таки пауперизмъ не единственный его источникъ. Напротивъ, оно проявляется и въ зажиточныхъ,

Digitized by Google

даже въ богатѣйшихъ сословіяхъ, часто еще съ бо́льшимъ звѣрствомъ и утонченностью, нежели въ бѣднѣйшихъ классахъ, что́ доказываетъ, съ какими всесторонними трудностями должно еще бороться очеловѣченіе германскаго общества, идущее, не смотря на то, впередъ.»

Затѣмъ слѣдуетъ довольно грустная картина всѣхъ темныхъ сторонъ современнаго общества, съ заключительнымъ, исполненнымъ тоскливаго ожиданія въ далекой будущности желаніемъ соединенія Германіи въ одно цѣлое, въ единый нераздѣльный организмъ. «Нѣмецкое *общее отечество* (Gesammtvaterland), говоритъ онъ, уже не пустое слово; «Германія» изъ простаго географическаго понятія превратилась, въ душѣ каждаго мыслящаго и чувствующаго Нѣмца, въ понятіе нравственное. Потребность общаго отечества въ насъ сильна. Я съ радостью отмѣчаю ее здѣсь, какъ лучшій результатъ исторіи германскаго быта и нравовъ.»

Шерръ справедливъ съ нѣмецкой точки зрѣнія. Дѣйствительно, отрадно должно быть для Нѣмца придти къ такому убѣжденію, что, рано или поздно, идея единства Германіи должна непремѣнно осуществиться. Жаль только, что послѣдняя эпоха изложена у Шерра слишкомъ поверхностно, между тѣмъ какъ на нее слѣдовало бы обратить преимущественное вниманіе. Отъ этого и самый выводъ его становится бездоказательнымъ, отрѣзаннымъ отъ всего сочиненія, афоризмомъ. Во всякомъ случаѣ, стремленіе къ національному единству составляетъ въ наше время безспорный фактъ не въ одной Германіи, гдѣ оно въ 1848 году потерпѣло блистательное fiasco; мы видимъ его и въ Италіи, и на Іоническихъ островахъ, взывающихъ къ Греціи, и въ соединенныхъ Румынскихъ княжествахъ.... Какъ и когда осуществятся эти pia desideria?

А. Кронебергъ.

Digitized by Google

ТРИ МѢСЯЦА ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Письмо четвертое.

Берлинъ.

—

Въ понедѣльникъ, 18-го мая, вакація, продолжавшаяся цѣлую недѣлю, кончилась, и лекціи начались. Въ 8 часовъ былъ я уже въ университетѣ, нѣсколько напоминающемъ своимъ фасадомъ старое зданіе нашего университета, и стоялъ въ сѣняхъ главнаго входа передъ объявленіями профессоровъ, написанныхъ ихъ собственною рукой, гдѣ обозначено что́ они намѣрены читать въ теченіе настоящаго семестра и въ какой аудиторіи. Въ университетѣ было совершенно пусто, и эта пустота поражаетъ васъ, привыкшихъ къ цѣлому батальіону солдатъ, сторожей и разнаго чиновнаго люда въ нашихъ университетахъ. Вмѣсто всей этой грозной и воинственной обстановки навстрѣчу попалась мнѣ пожилая, чисто одѣтая женщина, въ чепчикѣ, съ метелкой въ рукахъ, выходившая изъ корридора. Это была жена привратника, которая мнѣ и указала аудиторію, гдѣ долженъ былъ читать Ридель. Аудиторія не велика; по стѣнамъ, весьма грязнымъ, вѣшалки для шинелей, простые деревянные столы и лавки, изрѣзанные и исписанные. На одномъ столѣ отрывокъ студенческой пѣсни:

Ich habe den ganzen Vormittag
In einem fort studieret.

Это по нашему,— только у насъ вырѣзываются иногда болѣе самостоятельныя поэтическія произведенія, выхваченныя прямо

Digitized by Google

изъ жизни. Я живо помню столъ, въ одной изъ аудиторій нашего университета, на которомъ въ теченіи четырехъ лѣтъ ясно можно было читать четверостишіе, вырѣзанное рукою одного изъ нашихъ предшественниковъ:

О, изверги занодавцы!
Вамъ удалось меня надуть.
Позвольте жь мнѣ теперь, мерзавцы,
Хоть здѣсь немножко отдохнуть.

Но вотъ понемногу начали сходиться слушатели. Ихъ собралось къ Риделю немного, не болѣе 12 человѣкъ. Почти всѣ были съ шотландскими пледами на плечахъ, въ низенькихъ, блинами на головѣ сидящихъ, фуражкахъ. Пледы и пальто вѣшаетъ каждый съ зонтикомъ на вѣшалку, тутъ же въ аудиторіи. Стало-быть и тутъ нѣтъ никакой нужды въ сторожахъ шинелей. Каждый съ чернильницей, которую или ставитъ передъ собой, или вонзаетъ въ столъ; у каждаго тетрадка для записыванія лекцій, рѣшительно у каждаго, — явный признакъ, что о литографированныхъ лекціяхъ нѣтъ и помину. Минутъ черезъ 10 вошелъ Ридель, снялъ съ себя пальто, и положилъ его на возлѣ стоявшій стулъ, тутъ же поставилъ свой зонтикъ, и взошелъ на каѳедру. Ридель читалъ о представительной системѣ и объ отвѣтственности министровъ. Онъ излагалъ чисто только теорію и основанія представительнаго правленія; изложеніе и формы лекціи чрезвычайно вялыя, безжизненныя. Ни одного не привелъ онъ примѣра изъ исторіи развитія конституціоннаго начала въ Европѣ. Но мнѣ ли объ немъ судить по одной лекціи? Я могу только сказать о внѣшней формѣ, — и она дѣйствительно не блестящая. Отъ Риделя перешелъ я къ Гиршу, объявившему курсъ новой исторіи съ половины XVIII столѣтія. Имя это, совершенно неизвѣстное, заинтересовало меня. Ранке не читалъ въ это время. У Гирша было болѣе слушателей, чѣмъ у Риделя, но также не свыше 20 человѣкъ. Онъ читалъ въ этотъ день объ отношеніи Англіи къ ея сѣверо-американскимъ колоніямъ и о причинахъ отторженія послѣднихъ. Онъ говоритъ краснорѣчиво, но вдается въ лишнія подробности, пересаливаетъ изложеніе массою совершенно ненужныхъ анекдотовъ; нѣтъ у него въ изложеніи

Digitized by Google

той мужественной сжатости, которая составляетъ главное достоинство каждой лекціи. Притомъ онъ производитъ пренепріятное впечатлѣніе своими жестами. То прищуритъ глазъ, то улыбнется, то начнетъ размахивать руками, то стукнетъ кулакомъ по каѳедрѣ. Гиршъ еще не старый человѣкъ, сочиненій его я не знаю, и въ исторической литературѣ его имя не пользуется извѣстностью. Въ берлинскій университетъ, такъ мнѣ разсказывали, вступилъ онъ, благодаря покровительству Шталя, но на сколько это вѣрно — не могу вамъ ручаться.

Дитерици назначилъ свои практическія камеральныя упражненія по понедѣльникамъ въ 6 часовъ. Въ назначенный часъ былъ я въ аудиторіи, гдѣ пашелъ четырехъ студентовъ, а черезъ четверть часа прибылъ и профессоръ. Дитерици сѣлъ съ нами на лавку, а одинъ изъ слушателей взошелъ на каѳедру, и началъ читать свое сочиненіе, написанное на заданную тему. Темы задаются каждую недѣлю. Нынѣшній разъ задано было написать о значеніи статистики въ ряду государственныхъ наукъ, и о различныхъ опредѣленіяхъ статистики. Чтеніе продолжалось около получаса. Потомъ, каждый изъ присутствующихъ дѣлалъ свои замѣчанія, Дитерици же руководилъ доспутомъ, поясняя или поправляя не точно высказанную мысль. Въ 7 часовъ упражненія кончились.

Что такого рода практическія упражненія безспорно полезны, нѣтъ сомнѣнья. Нѣчто въ родѣ этого, только домашнимъ образомъ, существовало и существуетъ и у насъ. Каждый изъ насъ вспоминаетъ о многихъ незабвенныхъ для насъ учителяхъ, у которыхъ мы собирались, пользовались совѣтами, указаніями, книгами и пособіями, бесѣды съ которыми направляли нашу дѣятельность и освѣщали темные для насъ пути науки. Такой обычай и теперь не прекращается, слава Богу. Если только учащаяся молодежь имѣетъ довѣріе къ преподавателю и если кто изъ нихъ желаетъ ближе ознакомиться съ предметомъ, его увлекшимъ, онъ смѣло всегда можетъ расчитывать на всѣ возможныя пособія со стороны преподавателя, на которомъ, съ одной стороны, лежитъ прямо обязанность содѣйствовать желанію молодыхъ людей ближе познакомиться съ наукой, и который, съ другой стороны, не въ состояніи остаться равнодушнымъ къ этимъ желаніямъ, зная, что только такимъ путемъ,

Digitized by Google

покуда, можетъ онъ у насъ подготовить себѣ преемниковъ и новыхъ дѣятелей.

Нашимъ читателямъ, вѣроятно, памятна прекрасная статья профессора кіевскаго университета Бунге, по поводу брошюры іенскаго профессора Фишера «Объ институтѣ для практическихъ занятій по государствовѣдѣнію» *. Соглашаясь вполнѣ съ почтеннымъ авторомъ относительно пользы практическихъ упражненій и замѣны устныхъ экзаменовъ подачей сочиненій, — я сомнѣваюсь только, чтобы при настоящемъ обязательномъ посѣщеніи лекцій, при годичныхъ экзаменахъ и при той массѣ предметовъ, которыми на каждомъ курсѣ завалены наши студенты, требованія сочиненій были возможны. Если каждый изъ преподавателей будетъ требовать сочиненій или извлеченій изъ статей, содержащихся въ лучшихъ руководствахъ, то учащимся не достанетъ на это ни времени, ни силъ. Почтенный авторъ самъ указываетъ на несообразность въ раздѣленіи факультетовъ, на разнородность предметовъ въ одномъ, на недостатокъ нѣкоторыхъ предметовъ въ другомъ. «Изучающихъ, говоритъ онъ, подавляетъ не одно число предметовъ преподаванія, но и отсутствіе между ними строгой связи, объединяющей ихъ основною мыслью.» Но не забудемъ далѣе, что съ 3-го и 4-го курса нашихъ факультетовъ, всѣ эти предметы считаются главными, и потому я не думаю, чтобы по каждому возможно было требовать сочиненія. Здѣсь, для успѣха такого рода занятій, при современномъ положеніи университетовъ и составѣ факультетовъ, при обязательномъ слушаніи лекцій, необходимо соглашеніе между преподавателями, необходимы взаимныя уступки, а будто онѣ такъ легки. Нѣтъ—мое глубокое убѣжденіе, и почтенный авторъ самъ, кажется, не противъ того, что только уничтоженіе обязательныхъ лекцій, свобода выбора предметовъ для занятій, уничтоженіе годичныхъ экзаменовъ, и дадутъ средства и возможность къ учрежденію институтовъ, подобно іенскому, для практическихъ занятій науками государственными, учрежденію, совершенно свободному, опирающемуся только на взаимномъ желаніи, съ одной стороны,

---

* «Русскій Вѣстникъ». Апрѣль 1858.

Digitized by Google

ознакомиться ближе и освоиться съ наукою,—а съ другой облегчить всѣми средствами къ тому пути и возможность. Дай Богъ, чтобы возможность учрежденія подобныхъ институтовъ скорѣе представилась, а теперь покуда, при настоящей организаціи и настоящемъ положеніи нашихъ университетовъ, домашнее занятіе съ двумя, тремя молодыми людьми, желающими заниматься, можетъ замѣнять намъ и практическія упражненія и подачу сочиненій. Я можетъ-быть ошибаюсь, но мое убѣжденіе то, что палліативами въ дѣлѣ реформы нашихъ учебныхъ заведеній ничего не сдѣлаешь. Намъ надо согласиться въ основныхъ взглядахъ и главныхъ вопросахъ. Рѣшимъ сначала что̀ такое наши университеты—школы ли, гдѣ за хорошее ученіе и допропорядочное поведеніе даютъ чины, гдѣ приготовляются люди для государственной службы, или это высшее учебное заведеніе, всѣмъ открытое, съ полною свободой преподаванія, безъ которой не мыслимо развитіе науки, съ полною свободой ученія и выбора предметовъ занятій, безъ чего не мыслимо строгое занятіе наукой, и должны ли реформы, въ необходимости которыхъ ни одна душа не сомнѣвается, произойдти въ первомъ или во второмъ смыслѣ. Въ такія минуты, когда всѣми, и учащими и учащимися, чувствуется вся неловкость положенія, когда само время вызываетъ новыя потребности, тутъ необходимо ставить вопросъ прямо и рѣшительно. Немножко же свободы преподаванія съ извѣстнымъ пріемомъ полицейскаго надзора и съ обязанностью подавать программы; обязательныя лекціи и въ то же время извѣстнаго рода свобода, публичность и вмѣстѣ съ тѣмъ замкнутость, все это составляетъ такого рода странное мѣсиво, которое переваривать трудно̀ и плоды котораго у насъ всѣхъ передъ глазами. Если принимать наши университеты за соединеніе нѣсколькихъ высшихъ школъ, съ цѣлью образовывать спеціалистовъ, тогда слѣдуетъ имѣть постоянно эту цѣль въ виду. Тогда между учащимися и учащими отношенія должны быть совершенно иныя; тогда учащійся обязанъ во всемъ покоряться программѣ заведенія или его оставить; тогда репетиціи и экзамены совершенно у мѣста, тогда преподаватель не можетъ и не смѣетъ, по смыслу и цѣли самаго заведенія, отступать отъ утвержденной совѣтомъ ли учителей или высшимъ училищнымъ комитетомъ, или кѣмъ бы то ни было

Digitized by Google

программы. Школа должна быть школой. Но если наши университеты должны быть высшими учебными заведеніями, хранителями и сѣятелями истинныхъ современныхъ началъ науки, а не механическими только дрессировщиками молодыхъ людей для того или другаго поприща, тогда университеты должны получить опять совершенно отличную отъ настоящаго положенія организацію. Пусть такой щедротами правительства основанный институтъ будетъ свободно открытъ для всѣхъ желающихъ учиться, пусть свободное, внѣ всякаго контроля, кромѣ одного общественнаго мнѣнія, стоящее изложеніе современныхъ требованій науки привлекаетъ слушателей изъ стремленія къ образованію, ради науки, а не ради степени или чина. «Неразумно и унизительно для науки, говоритъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ ученыхъ преподавателей, Моль, смотрѣть на университетъ, какъ на соединеніе нѣсколькихъ заведеній, назначенныхъ для выучки необходимыхъ по разнымъ отраслямъ государственной службы рабочихъ. Пошлое, механическое примѣненіе науки является у многихъ скоро само собой, или пріобрѣтается навыкомъ на службѣ. Но плохое понятіе можно составить себѣ о народѣ, высшее умственное и духовное развитіе котораго заключается единственно только въ дѣловомъ навыкѣ или дѣловой годности; плохо тому государству, гдѣ люди, имъ управляющіе, въ то же самое время не самые образованные граждане и не стремятся, для улучшенія и облагороженія народной жизни, вносить въ нее благотворныя истинныя начала, выработанныя наукой».

Само собою разумѣется, что при такого рода организаціи университета, кромѣ полной свободы преподаванія, должна существовать полная свобода ученія. Да иначе и быть не можетъ, потому что университетъ будетъ открытъ всѣмъ желающимъ. Тогда уничтожается сама собой необходимость университетской полиціи, университетскаго суда, странной и отзывающейся средневѣковыми обычаями изъятости отъ общедѣйствующихъ и для всѣхъ обязательныхъ законовъ; тогда не нужны будутъ мундиры, рѣзко отличающіе студентовъ отъ остальныхъ гражданъ, или безобразные бурсацкіе пріемы, обычаи и внѣшніе признаки, образующіе изъ нѣмецкихъ студентовъ какую-то касту, порождающіе въ ней какое-то дикое понятіе о необходимости кор-

Digitized by Google

поративной исключительности, имѣвшей смыслъ въ средневѣковыхъ университетахъ, но отнюдь не теперь; тогда университетъ будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, учрежденіемъ, снабженнымъ всѣми необходимыми для ученыхъ занятій пособіями, гдѣ призваны люди извѣстные своими трудами и своимъ преподаваніемъ излагать публично, всѣмъ приходящимъ, науку въ современномъ ея положеніи; тогда и преподаватели, подвергнутые контролю общественнаго мнѣнія, и слушатели, стекшіеся по доброй волѣ и единственно съ желаніемъ учиться, возстановятъ, вслѣдствіе самой необходимости, вслѣдствіе самого положенія, ту нарушенную гармонію, которая должна существовать между слушателями и преподавателями. Повторяю опять мое глубокое убѣжденіе, что вопросъ о томъ—чѣмъ должны быть наши высшія учебныя заведенія, долженъ быть поставленъ прямо и рѣзко. Отъ рѣшенія его зависитъ весь характеръ будущихъ реформъ, необходимость которыхъ равно всѣми сознается.

Позволю сдѣлать себѣ еще одно замѣчаніе. У насъ слишкомъ, кажется, вкоренилось мнѣніе, что нѣмецкіе университеты—это идеалъ высшихъ учебныхъ заведеній, и что ихъ преимущественно слѣдуетъ принимать за образецъ, въ виду могущихъ случиться у насъ преобразованій. Нѣмецкая студенческая жизнь представляется нашимъ студентамъ издали какимъ-то идеаломъ студенческой жизни, съ gaudeamus igitur, съ веселыми сборищами, съ полною независимостью, съ любовью вмѣстѣ съ тѣмъ къ наукѣ; профессорскую корпорацію мы привыкли считать стоящею внѣ всякихъ житейскихъ дрязгъ, преданныхъ только наукѣ, привѣтствующихъ и съ радостью принимающихъ въ свою среду всякую новую молодую выдающуюся личность. Мнѣ случалось слышать совершенно иные отзывы, и каждый изъ насъ, хоть сколько-нибудь слѣдящій за періодическою нѣмецкою литературой, знаетъ какъ повсемѣстно и громко раздаются клики о необходимости реформы нѣмецкихъ университетовъ. Во внѣшнемъ устройствѣ и въ цѣлой организаціи нѣмецкихъ университетовъ сильна еще вымирающая вездѣ корпоративная средневѣковая исключительность, которая, подобно многимъ другимъ обломкамъ временъ давно минувшихъ, подобно цехамъ, сохранили внѣшнюю свою безобразную форму, не ужи-

Digitized by Google

вающуюся съ новыми потребностями времени и потерявшую весь смыслъ, какой она имѣла въ старину, въ эпоху возникновенія университетовъ. «Наши университеты, говоритъ одинъ изъ современныхъ дѣятелей, это корпораціи, потерявшія все, что составляло силу и значеніе средневѣковыхъ корпорацій, и сохранившія только ненавистныя ея стороны, именно—привилегіи и насиліе». То время, когда университеты были совершенно самостоятельными союзами, когда до 2000 юношей, подъ предводительствомъ 46 учителей, вышли изъ Праги, тѣснимые Чехами, и подъ звуки gaudeamus igitur вступили въ Лейпцигъ, гдѣ положили, благодаря радушному пріему маркграфа Фридриха Воинственнаго, основаніе лейпцигскому университету,—то время прошло безвозвратно.

Пользуясь борьбою между свѣтскою и духовною властью, они, подобно ремесленнымъ корпораціямъ, подобно городамъ, умѣли отстаивать свою самостоятельность, выговорить себѣ привилегіи, и образовать своего рода государство въ государствѣ. При такомъ независимомъ положеніи, университеты были хранителями духовной свободы, образованія и науки. Между учителями и слушателями были совершенно свободныя отношенія и тѣсная связь, обусловливаемая общею опасностью и дружною борьбой противъ враждебныхъ образованію силъ. Слушатели были, конечно, не мальчики, а взрослые люди, выбиравшіе себѣ, какъ напримѣръ въ итальянскихъ университетахъ, ректора, и произносившіе судъ надъ учителями. Университеты принимали живое участіе во всѣхъ общественныхъ вопросахъ, на нихъ любила преимущественно опираться свѣтская власть, въ средѣ этой свободной корпораціи находили защиту гонимые фанатизмомъ духовенства еретики, здѣсь засвѣтилъ впервые лучъ гуманизма и началась реформація. Преслѣдуемые духовенствомъ, университеты вынуждены были отдаться въ руки государству, подчиниться ему, и, сохранивъ во многомъ свои внѣшнія формы, свои привилегіи и цеховое устройство, они сдѣлались тѣмъ не менѣе учрежденіемъ государственнымъ и должны были испытать всѣ послѣдствія, происшедшія вездѣ въ Европѣ, во всѣхъ слояхъ жизни отъ этого переворота, возвысившаго идею государственнаго единства надо всѣми строптивными и враждебными единству корпоративными союзами.

Digitized by Google

Протестантизмъ въ Германіи, какъ извѣстно, много содѣйствовалъ къ утвержденію княжеской власти и образованію новаго европейскаго государства со всѣми ея аттрибутами, бюрократіей и чиновничествомъ. Онъ привлекъ къ себѣ свѣтскую власть именно тѣмъ, что оказался несравненно болѣе чиновникомъ, нежели католицизмъ, отстаивавшій вездѣ и всюду свою независимость. Университетскіе факультеты сдѣлались орудіемъ въ рукахъ центральной власти и послушными исполнителями ея велѣній. Преподаватели сдѣлались чиновниками, состоящими въ государственной службѣ, служители учениками, обязанными готовиться къ той или другой отрасли гражданской дѣятельности. Цѣлое XVII-е и до половины XVIII столѣтія университеты нѣмецкіе, и въ особенности протестантскіе, отличались преслѣдованіемъ всего, что только нѣсколько отзывалось свѣжестью, новизной или реформами. Богословскіе факультеты въ протестантскихъ университетахъ славились дикимъ гоненіемъ на все, что только осмѣливалось подвергать критикѣ основы протестантизма; долгое время въ профессора философіи назначались богословы, а факультетъ строго смотрѣлъ и надзиралъ за тѣмъ, чтобы философія не была опасна государству. Этотъ факультетъ налагалъ свою руку не на однихъ только членовъ университета, но преслѣдовалъ и гналъ даже совершенно независимыхъ ученыхъ, шедшихъ своей дорогой. Юридическіе факультеты многихъ университетовъ отличались такою же нетерпимостью, такою же безпощадною жестокостью и строгостью приговоровъ. Укажемъ на одного изъ знаменитыхъ представителей лейпцигскаго юридическаго факультета—Карпцова, хвалившагося тѣмъ, что онъ подписалъ 400 смертныхъ приговоровъ.

Спенеръ, Томазій, представители живаго направленія въ наукѣ и жизни, преслѣдовались до конца своей жизни профессорами; великій Лейбницъ отказался отъ университетскаго поприщи потому, что не въ состояніи былъ вынести педантизма лейпцигскихъ профессоровъ; по настоянію піетистовъ, членовъ галльскаго университета, выгнанъ былъ философъ Вольфъ, долженъ былъ даже въ 24 часа оставить прусскія владѣнія подъ опасеніемъ смертной казни. Изъ нѣмецкихъ университетовъ, боявшихся за свои привилегіи, подчинившихся, ради сохраненія своихъ потерявшихъ уже всякій смыслъ корпоративныхъ

Digitized by Google

формъ, вполнѣ государству, выходили самые ревностные доносщики. Университеты стали какими-то уродливыми обломками средневѣковой жизни. Это были корпораціи, гдѣ учителя составляли какую-то касту, много способствовавшую къ тому, что подъ словомъ *ученый* разумѣлся человѣкъ совершенно не отъ міра сего и гдѣ учащееся юношество точно также боязливо держалось за сохраненіе своихъ безсмысленныхъ уже союзовъ и грубыхъ нелѣпыхъ обычаевъ, и почитало себя въ противоположность ко всѣмъ остальнымъ гражданамъ или филистерамъ существами совсѣмъ иного рода, существами привилегированными, монополистами буйства, которымъ все остальное должно уступать. Говоритъ же студенческая пѣсня:

Die Philister sind uns gewogen meist,
Sie wissen recht gut, wass der Bursche heisst.

Какъ образовались и сложились эти внѣшнія формы студенческаго сожитія, формы не только для насъ, но и для остальной Европы совершенно чуждыя — это также легко объяснить.

Старинное и понятное въ первоначальныхъ университетахъ раздѣленіе членовъ его по національному ихъ происхожденію, по которому каждый слушатель примыкалъ къ своимъ землякамъ, осталось, подобно многимъ другимъ утратившимъ всякій смыслъ и всякое значеніе внѣшнимъ формамъ, при университетахъ, и получило характеръ въ высшей степени дикій и безобразный. Не національное уже происхожденіе, не какую-нибудь идею выражали собою эти студенческіе союзы (Landsmannschaften): это просто мертвый обломокъ старинной привилегированной корпоративной исключительности, проявлявшейся въ дикихъ, странныхъ и грубыхъ обычаяхъ студенческаго быта (Komment), въ наглыхъ выходкахъ противъ всего, что только не носило имени студента и что принадлежитъ филистерскому міру; а между тѣмъ въ самыхъ формахъ студенческаго общежитія, въ ихъ обычаяхъ, въ слѣпомъ подчиненіи имъ и къ рабскомъ повиновеніи старшимъ (Seniores) проявляется какъ нельзя болѣе та же филистерская натура. Смыслъ учрежденій утратился, привилегіи и формы остались: не мудрено послѣ этого объяснить, отчего они дошли до такой нелѣпости. Вслѣдствіе академическаго права носить шпагу, студенческіе

Digitized by Google

союзы поставили себѣ за правило стремиться къ возможно совершеннѣйшему владѣнію оружіемъ. На большей въ этомъ дѣлѣ опытности опирается чиновничья іерархія студенческая. Молодой, неопытный еще въ первомъ семестрѣ, рубака нынѣшнихъ называется фуксомъ, а тамъ онъ становится прогорѣлымъ фуксомъ (Brandfuchs), за тѣмъ молодымъ буршемъ, потомъ старымъ буршемъ, старымъ домомъ (altes Haus) и, наконецъ, поросшею мхомъ головою (bemoostes Haupt). Будь все это ради забавы, ради шутки—тутъ ничего не было бы и не можетъ быть отвратительнаго, но надо знать какъ все это свято и ненарушимо соблюдается, какою китайскою обрядностью связана вся эта жизнь. Узы, связующіе эти студенческія общины, за неимѣніемъ высшихъ цѣлей—это общія попойки, принимающія колоссальные, какъ мнѣ разсказывали съ Гейдельбергѣ, размѣры. Эти общественныя попойки, въ особо для того нанятыхъ каждымъ союзомъ кнейпахъ, сопровождаются цѣлою сѣтью самыхъ уморительныхъ церемоній. Пить никто не можетъ, не пожелавши кому-нибудь здоровья (Vortrinken), каждый долженъ помнить кто первый выпилъ его здоровье, кто второй. Въ такомъ порядкѣ онъ и отвѣчать долженъ, и если онъ только ошибется, то это уже оскорбленіе съ его стороны, и дуэль неизбѣжна. А сколько споровъ между корпораціями за первенство при какомъ-нибудь торжественномъ случаѣ, споровъ, ведущихъ за собой часто драки и вмѣшательство полиціи; а главное, сколько дикости и наглости и грубости въ отношеніи ко всѣмъ остальнымъ жителямъ мужскаго и женскаго пола, жителямъ, о которыхъ академическое населеніе думаетъ какъ о модахъ, созданныхъ на ихъ потѣху. Разныя корпораціи имѣютъ каждая свои особенныя правила и законы. Такъ, напримѣръ, берлинскіе бурши, пользующіеся въ послѣднее время особеннымъ королевскимъ расположеніемъ, правиломъ своимъ поставили (такъ мнѣ передавала наша учащаяся молодежь) никогда на своихъ сходкахъ не говорить ни о политикѣ, ни о литературѣ, вести строгую цѣломудренную жизнь и всю свою дѣятельность сосредоточить на пивѣ. Они при этомъ ужасно грубы; ихъ не любятъ, и гдѣ только есть возможность, берлинскіе уличные мальчишки не преминутъ сдѣлать имъ какую-нибудь непріятность, какъ это и было при торжественномъ въѣздѣ

Digitized by Google

молодой принцессы прусской въ Берлинъ, когда студенты, именно Burschenschaft, нарядившись въ фантастическіе полурыцарскіе, полужандармскіе костюмы, даже съ эполетами, явились также верхами на торжественное шествіе. Мальчишки караулили ихъ въ разныхъ мѣстахъ, когда эти рыцари печальнаго образа возвращались домой, перепугали криками и гиканьемъ лошадей, и многіе изъ рыцарей слетѣли наземь.

Присоединимъ ко всему этому еще одно великое зло—это привилегію изъятія отъ общаго для всѣхъ остальныхъ гражданъ суда. Это изъятіе есть не что иное какъ остатокъ того дикаго, грубаго хаотическаго вѣка, когда возникли университеты, и отсюда происходятъ всѣ тѣ болячки, которыми страдаетъ нѣмецкая университетская и студенческая жизнь. Отсюда проистекаютъ дуэли, кастическая исключительность, и мнѣніе что все должно покориться студенту, мнѣніе, доводящее, напримѣръ до того, что въ мою бытность въ Гейдельбергѣ вывѣшены было разомъ на доскѣ имена 12-ти исключенныхъ студентовъ, въ томъ числѣ пять за тяжкое оскорбленіе почетныхъ гражданъ. Такое изъятіе умерщвляетъ въ молодомъ человѣкѣ чувство справедливости и подавляетъ сознаніе гражданскихъ обязанностей. Если студенты имѣютъ свое особое судилище, такъ отъ чего же не имѣть такого же купеческимъ прикащикамъ и подмастерьямъ? Когда сохранили привилегіи нѣмецкіе студенты, отъ чего же не сохранить ихъ и для цеховыхъ?

Но замѣчательнѣе всего, что изъ самыхъ разгульныхъ и неукротимыхъ бурсаковъ выходили по большей части самые раболѣпные чиновники и фанатики-піетисты. И это опять понятно. Нѣмецкая студенческая жизнь, студенческій Komment —это какая-то странная смѣсь властолюбія съ раболѣпствомъ, дерзость въ отношеніи къ равнымъ себѣ, нахальство и наглость въ отношеніи ко всему нестуденческому, и слѣпое рабское повиновеніе сеніору и своему конвенту. Былъ моментъ, когда университеты Германіи должны были обновиться, когда и учителя и студенты были затронуты общимъ великимъ движеніемъ конца прошлаго столѣтія, когда профессора забыли свои кабинеты и вмѣстѣ съ молодежью взялись за мечъ на защиту родины, когда громко вездѣ заговорили о реформахъ, когда въ благородномъ порывѣ, столь свойственномъ и всегда присущемъ

Digitized by Google

юности, студенты соединились съ цѣлью нравственно переродиться, съ цѣлью предаться наукѣ, образовать себя и, вооружившись такими силами дѣйствовать дружно для въ установленія единства и политическаго значенія Германіи. Судьбы этого благороднаго рѣшенія и Вартбургской сходки извѣстны. Съ 1817-го года и по 1848-й наступилъ цѣлый рядъ безпрестанныхъ преслѣдованій университетовъ, въ отношеніи къ которымъ каждое нѣмецкое правительство хотѣло, кажется, перещеголять другъ друга въ полицейскомъ надзорѣ надъ ними и въ особенности надъ преподавателями. Не будемъ уже говорить объ Австріи, гдѣ императоръ Францъ сказалъ въ Ольмюцѣ профессорамъ, что дѣло не въ знаніи, не въ ученіи, а въ томъ, чтобы ему приготовили подданыхъ богобоязненныхъ и съ хорошимъ поведеніемъ, но даже Пруссія оказала въ дѣлѣ преслѣдованія особенное рвеніе. Вмѣсто того, чтобы предоставить преобразованіе самимъ университетамъ, вмѣсто того, чтобы обновить ихъ уничтоженіемъ остатковъ средневѣковаго ихъ устройства и расширить кругъ ихъ дѣйствія, признавъ за ними право самостоятельности и иниціативы во всемъ, что дѣйствительно ихъ касается, самостоятельности и свободы, безъ которыхъ universitas litterarum не мыслима, а не глупыхъ привилегій и исключительности,—нѣмецкія правительства не тронули послѣднихъ, а наложили руку на главное, на жизненную силу университетовъ, на свободу преподаванія. Припомнимъ всю эту блестящую когорту знаменитыхъ учителей, изгоняемыхъ то изъ того, то изъ другаго университета, припомнимъ геттингенскихъ профессоровъ, припомнимъ Велькера и Роттека, Маргейнеке, Гофмана фонъ-Фаллерслебена, Фишера (Vischer), и многихъ другихъ, припомнимъ мѣры германскаго сейма съ самого 1819 года, клонившіяся всѣ къ ограниченію академической свободы преподаванія, припомнимъ все, что дѣлалось въ Пруссіи въ министерство Эйхгорна, который сказалъ публично 25-го августа 1844 года въ Кёнигсбергѣ, что въ отношеніи только къ естественнымъ наукамъ онъ можетъ дозволить полную и неограниченную свободу преподаванія, но что преподаваніе исторіи, права, философіи и богословія имѣетъ, по его мнѣнію, совершенно иныя условія. Здѣсь министръ сильно скло-

Digitized by Google

нялся на сторону австрійскаго взгляда на преподаваніе. Когда, напримѣръ, профессора Hotho, Vatke и Benary хотѣли издавать въ Берлинѣ журналъ для изложенія науки въ ея могущественномъ воздѣйствіи на формы жизни и общества, то министръ отвѣчалъ, что преслѣдованіе такого плана не приличествуетъ цѣли университета и призванію университетскихъ преподавателей, что отсюда произойдутъ разныя непріятныя столкновенія, потому что редакторы безъ практическаго живаго пониманія Церкви и государства будутъ говорить въ своемъ журналѣ объ этихъ предметахъ, вѣроятно, съ точки зрѣнія той философіи (именно Гегелевой), которая, по мнѣнію его превосходительства, равно какъ и прочихъ высокихъ прусскихъ сановниковъ, совершенно несовмѣстима съ господствующею протестанскою Церковью и съ государственными началами. При такомъ гнетѣ, при такомъ взглядѣ на университеты, какъ на заведенія для выучки необходимыхъ для государства богослововъ, врачей и чиновниковъ, университетская жизнь въ Германіи не могла не упасть. Положимъ, что въ голосахъ, раздававшихся и раздающихся тамъ противъ современнаго положенія нѣмецкихъ университетовъ, много преувеличеннаго, много горечи, но все же они свидѣтельствуютъ, что потребность въ реформахъ сильна и реформы неизбѣжны. «Можемъ ли мы сказать, восклицаетъ одинъ изъ профессоровъ, что желаніе реформы въ области протестантской церкви, что движеніе въ пользу суда присяжныхъ и стремленіе къ измѣненію устарѣвшихъ нашихъ общественныхъ отношеній нашли себѣ отголосокъ въ нашихъ университетахъ? Даже о естественныхъ наукахъ нельзя сказать, чтобы развитіе ихъ и занятія ими въ университетахъ шло въ уровень съ потребностями времени. Университеты наши продолжаютъ по прежнему готовить кандидатовъ на пасторскія мѣста, акцессистовъ и докторовъ медицины изъ того же матеріала, который изъ-подъ пресовальнаго заведенія, называемаго гимназіей, загоняется въ аудиторіи, и радуются, что приготовляютъ государству чиновниковъ, себѣ же доставляютъ деньги за коллегіи.» Положимъ, что въ этихъ словахъ слишкомъ уже много горечи. Духъ времени, общее образованіе, все шире и шире проникавшее въ жизнь, много способствовало къ устраненію разныхъ злоупотребленій

Digitized by Google

и дикостей академической жизни, но общій голосъ, и притомъ даже людей умѣренныхъ, — тотъ, что нѣмецкіе университеты остаются до сихъ поръ еще при своей корпоративной исключительности, что отсюда происходятъ какъ необходимыя послѣдствія то, что профессора составляютъ какую-то касту, а между студентами развилась сословная исключительность и *реноммажъ*, и что вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій университеты отдалились отъ жизни и ея насущныхъ потребностей.

Чиновничья іерархія, этотъ сладкій подарокъ бюрократіи, вкоренялась и въ нѣмецкихъ университетахъ, съ тѣхъ поръ, конечно, когда послѣдніе сдѣлались вполнѣ учрежденіями государственными. Въ настоящее время одни ординарные профессора имѣютъ значеніе и голосъ въ факультетахъ. Положеніе приватъ-доцентовъ, составляющихъ настоящій ученый пролетаріатъ, — самое бѣдственное. Если у бѣднаго доцента нѣтъ особенной протекціи, то онъ нерѣдко 10 и болѣе лѣтъ ведетъ самую плачевную жизнь, не получая за свои труды никакого вознагражденія, не имѣя даже и ганорарія, потому что какъ ни свободенъ буршъ, но чиновникъ и въ немъ сидитъ, и ординарный профессоръ въ глазахъ его всегда болѣе имѣетъ значенія. Нерѣдко старый приватъ-доцентъ не имѣетъ иныхъ средствъ для жизни, кромѣ репетиторій, то-есть онъ проходитъ въ послѣдній семестръ съ лѣнивыми студентами слушанныя ими у ординарныхъ профессоровъ лекціи для приготовленія къ экзаменамъ, да занимается переводами и корректурами. Во многихъ, по преимуществу въ маленькихъ, университетахъ господствуетъ въ величайшихъ размѣрахъ непотизмъ.

Только тотъ и достигаетъ профессуры, кто поддерживается главными ординарными профессорами. Бываютъ люди, отъ рожденія уже такъ-сказать предназначенные въ профессора, которые по достиженіи извѣстнаго возраста и по исполненіи извѣстныхъ формальностей занимаютъ мѣста своихъ отцовъ или родственниковъ. Что положеніе приватъ-доцентовъ въ разныхъ нѣмецкихъ университетахъ неблистательно, тому могутъ служить доказательствомъ два происшествія съ двумя молодыми учеными въ Гейдельбергѣ и въ Боннѣ, случившіяся въ нынѣшнемъ году. Одно изъ нихъ надѣлало много шума въ Германіи, потому что случилось съ человѣкомъ, пользующимся общимъ уваженіемъ,

Digitized by Google

докторомъ правъ Бекгаузомъ, приватъ-доцентомъ боннскаго университета. Общее участіе, принятое въ этомъ дѣлѣ журналистикой, доказываетъ еще яснѣе, какъ общественное мнѣніе въ Германіи стоитъ выше университетовъ при ихъ современной организаціи. Докторъ Бекгаузъ изложилъ все свое дѣло въ маленькой брошюрѣ, изъ которой мы извлекаемъ главный ходъ дѣла, бросающій яркій свѣтъ на то, что́ можетъ въ настоящее время происходить въ стѣнахъ нѣмецкаго университета, даже при полной гласности и при могущественномъ вліяніи, какое завоевало себѣ общественное мнѣніе.

При самомъ уже началѣ своихъ чтеній, Бекгаузъ встрѣтилъ затрудненія и прижимки. Одинъ изъ ординарныхъ профессоровъ, тайный юстицъ-совѣтникъ Бекингъ, заявилъ мнѣніе, что молодому доценту не слѣдуетъ дозволять читать главныхъ коллегій, именно, исторію римскаго права и пандекты. Мнѣніе свое онъ заявилъ изъ опасенія соперничества, потому что всѣ эти предметы преподаетъ Бекингъ. То же самое повторилось и въ слѣдующій семестръ. Едва только объявилъ Бекгаузъ, что будетъ читать Institutiones, какъ Бекингъ разразился ругательствами на Бекгауза, встрѣтившись съ нимъ на улицѣ, и требовалъ настоятельно перемѣны предмета лекцій. Бекгаузъ долженъ былъ уступить и согласиться. Чтоже будетъ съ приватъ-доцентомъ, говоритъ Бекгаузъ, когда ему дозволяютъ читать только побочные предметы, когда онъ для обезпеченія своего положенія обязанъ робко и боязливо слушаться ординарнаго профессора. Гдѣ же ему возможность выказать свою способность читать главныя отрасли науки, когда именно ему въ этомъ отказываютъ, или преслѣдуютъ на каждомъ шагу, если онъ только осмѣлится соперничать съ ординарными профессорами. Цѣлый юридическій факультетъ смотрѣлъ также непріязненно на молодаго доцента, умѣвшаго въ короткое время привлечь къ себѣ слушателей, но не доводилъ своей непріязни до тѣхъ грубыхъ и грязныхъ выходокъ, какія себѣ позволялъ Бекингъ и которыя разоблачаютъ передъ нами весь этотъ міръ сплетней и мелочныхъ придирокъ, которыми такъ богата мѣщанская жизнь небольшихъ городовъ. Съ особеннымъ рвеніемъ освѣдомлялись о частной жизни молодаго доцента, гдѣ онъ ежедневно обѣдаетъ или ужинаетъ. Бекингъ не выдержалъ даже,

Digitized by Google

чтобы не сдѣлать замѣчанія. «Вы молодые люди, сказалъ онъ Бекгаузу, что-то очень модничаете. Отлично, это отлично. Вы сидите тамъ въ гостинницѣ «Звѣзда» и кутите.» Въ этомъ тонѣ продолжалъ Бекингъ свои упреки, точно будто передъ нимъ стоялъ школьникъ, и закончилъ напоминаніемъ, что факультетъ имѣетъ неограниченную власть надъ доцентами, и дѣйствительно, по статутамъ боннскаго университета факультетъ обязанъ *слѣдить за образомъ жизни доцентовъ*.

Послѣ такихъ столкновеній, Бекгаузу дѣлали на каждомъ шагу непріятности, а между тѣмъ расположеніе слушателей видимо къ нему увеличивалось. На него напали съ ожесточеніемъ за то, напримѣръ, что онъ осмѣлился предложить студентамъ, для облегченія изученія Gaii institutiones, нѣмецкій переводъ ихъ, имѣя въ виду, что Французы давнымъ-давно уже приняли этотъ способъ. Предложить нѣмецкій переводъ Гайя — это сочли за такое преступленіе, которое явно доказываетъ неспособность доцента. Вражды много накипѣло въ сердцахъ профессорскихъ противъ молодаго ученаго, и потому можно себѣ представить, что̀ съ ними сдѣлалось, когда Бекгаузъ, исполняя желаніе многихъ студентовъ, объявилъ въ ноябрѣ 1857 г., что будетъ объяснять пандекты. Объяснять пандекты! — пандекты, которыя составляли до сихъ поръ монополію ординарныхъ профессоровъ, и это осмѣливается объявить приватъ-доцентъ, который можетъ брать на себя только второстепенные предметы, — нѣтъ! это было уже слишкомъ, и черезъ нѣсколько недѣль, вслѣдствіе рѣшенія юридическаго факультета, Бекгаузъ потерялъ право читать лекціи. Онъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія, но министръ отвѣчалъ, что это дѣло факультета. Бекгаузъ не остановился, и, 18-го мая нынѣшняго года, обратился съ просьбою прямо къ королю.

Общественное мнѣніе было вполнѣ за него. «Кёльнская газета», «Франкфуртскій журналъ», «Аугсбургская газета» приняли сторону молодаго доцента. Берлинскій Kladderadatsch въ нѣсколькихъ нумерахъ жестоко издѣвался надъ боннскими париками, но чѣмъ исторія кончилась — не знаю. Что нѣмецкіе университеты нуждаются въ реформѣ — это общій голосъ, это высказалось громко на профессорскомъ конгрессѣ въ Вѣнѣ, въ 1848 году,

Digitized by Google

устами лучшихъ представителей университетской жизни, это не перестаютъ и до сихъ поръ высказывать лучшіе органы общественнаго мнѣнія. Изъ плодовъ, которые принесъ для нѣмецкихъ университетовъ 1848-й годъ достаточно уже указать на отмѣненіе многихъ стѣснительныхъ для университетовъ постановленій Франкфуртскаго сейма и объявленіе полной свободы преподаванія и науки, высказанное въ государственной германской конституціи и отдѣльными правительствами. Но этимъ и ограничилась вся реформа, хотя со всѣхъ сторонъ раздавались голоса съ требованіями послѣдней, и хотя многія правительства, и главнымъ образомъ прусское, требовали отъ всѣхъ своихъ университетовъ мнѣнія относительно предполагаемыхъ реформъ. До сихъ поръ ничего еще не сдѣлано; разсказанные же мною выше эпизоды университетской нѣмецкой жизни и требованія лучшихъ представителей науки указываютъ ясно на то, что эпоха реорганизаціи нѣмецкихъ университетовъ не заставитъ себя долго ждать.

Несчастіе молодыхъ, позднѣе выступающихъ на историческое поприще народовъ, позднѣе знакомящихся съ цивилизаціей, заключается въ томъ, что они, заимствуя у опередившихъ ихъ въ образованіи и гражданственности народовъ формы послѣдней, перенимаютъ ихъ нерѣдко механически, перенимаютъ только внѣшнія формы, не разбирая—заключаютъ ли въ себѣ эти формы жизнь, исполненную силы и содержанія, или это — учрежденія, утратившія свое значеніе и представляющія собой безжизненныя обломки старины. Ошибка наша состояла не разъ въ томъ, что мы пересаживали на свою почву такія учрежденія и формы европейской жизни, которыя въ самой Европѣ доживали послѣднія свои минуты, хоть бы, напримѣръ, гильдіи и цехи, стѣснительныя и всеопутывающія формы бюрократіи, съ совѣтниками, ассессорами, и т. п.

Неужели же и теперь, когда Европа отчасти сбросила съ себя уже завѣщанныя ей стариной формы общественной жизни, не согласныя съ ея современными потребностями, или же еще борется съ остатками ветхихъ учрежденій и взываетъ громко къ реформѣ своей общественной жизни, неужели же наша задача, перенимать снова эту ветошь, хоть бы формы университетской жизни, такъ, какъ онѣ существуютъ въ настоящее время въ Герма-

Digitized by Google

ніи. Неужели же онѣ должны служить предметомъ подражанія и идеаломъ для тѣхъ реформъ, которыя и у насъ необходимы, и у насъ предполагаются. Не забудемъ еще и того, что въ Германіи были всегда силы въ обществѣ, которыя все-таки удерживали университеты отъ совершеннаго паденія, которыя умѣли сохранить и сохранили науку и образованіе. Эти силы были, съ одной стороны, преданія той университетской жизни, когда университеты являлись дѣйствительно хранителями независимой свободной мысли, съ другой стороны, гласность и общественное мнѣніе, этотъ благодѣтельный и неумолимый контроль, котораго не избѣгали и университеты, которому невольно должны были всегда подчиняться и верховная власть, и даже ординарный профессоръ и тайный оберъ-юстицъ-совѣтникъ Бекингъ.

Въ заключеніе я позволю себѣ привести постановленія конгресса нѣмецкихъ профессоровъ, бывшаго 21-го сентября 1848 въ Іенѣ. Постановленія эти состояли въ слѣдующемъ: 1) Науки и преподаваніе должны быть совершенно свободны, а не подлежать полицейскому надзору. Каждый читаетъ тотъ предметъ, по которому онъ имѣетъ степень, но можетъ излагать и другія отрасли наукъ, близкія къ его предмету; въ случаѣ же сомнѣнія, дѣло передается на разсмотрѣніе двумъ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ факультетамъ. (Меньшинство же требовало, чтобы каждый имѣлъ право преподавать все то, къ чему считаетъ себя только способнымъ.) 2) Ученіе должно быть вполнѣ свободно. Обязательныя лекціи, обязательный планъ ученія должны быть уничтожены, равно какъ и обязательство учиться только въ своихъ университетахъ. Если правительство и Церковь необходимымъ условіемъ допущенія къ экзамену считаютъ посѣщеніе университета, то не считать это посягательствомъ на свободу ученія. Употребленіе латинскаго языка предоставляется благоусмотрѣнію факультовъ. (Меньшинство требовало совершенной отмѣны употребленія латинскаго языка.) 3). Corpus academicum долженъ состоять изъ всѣхъ преподавателей. Во всѣхъ дѣлахъ, касающихся слушателей, corpus academicum подкрѣпляется депутатами изъ студентовъ, которые также имѣютъ право голоса. Ординарные профессора перестаютъ быть исключительными членами совѣта

Digitized by Google

(Senatus). Совѣтъ долженъ состоять изъ 12 членовъ полнаго академическаго собранія, половина которыхъ черезъ каждое полугодіе замѣняется новыми. Corpus academicum долженъ дробиться на ученыя отдѣленія. Во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ, полицейскихъ, уголовныхъ, подчиняются всѣ члены университета, какъ учащіе такъ и учащіеся, господствующимъ въ государствѣ законамъ.

Изъ присутствовавшихъ на этомъ съѣздѣ укажемъ на Фангерова, Рау изъ Гейдельберга, Стоя, Геттлинга изъ Іены, Мишле и Геффтера изъ Берлина, Фольца и Вехтера изъ Тюбингена, все имена, пользующіяся извѣстностью, и всѣ они высказали громко и положительно необходимость реформы и преобразованія нѣмецкихъ университетовъ. Мы позволяемъ себѣ указать нашимъ читателямъ, желающимъ ознакомиться съ устройствомъ и организаціей университетовъ нѣмецкихъ, и по преимуществу прусскихъ, на сочиненіе Ренне: Ludvig v. Rönne das Unterrichtswesen des Preussischen Staates.

Я вышелъ вмѣстѣ съ Дитерици и проводилъ его до дому.

— Не можете ли вы мнѣ доставить случай осмотрѣть тюрьму одиночнаго заключенія, спросилъ я его.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ готовъ исполнить ваше желаніе, отвѣчалъ мнѣ почтенный старикъ, — но это не такъ легко, какъ вы думаете. Заведеніе это состоитъ подъ особеннымъ покровительствомъ короля, подъ его личнымъ контролемъ. Министерство не имѣетъ никакого здѣсь вліянія. Тюрьмою завѣдуетъ Вихернъ, который его устроилъ и во всемъ сносится лично съ королемъ. У насъ было много споровъ по поводу введенія системы келейнаго заключенія; большинство въ министерствѣ было противъ него, и настоящее заведеніе выстроено по личному желанію короля, въ видѣ опыта. Въ его управленіе покуда никто не мѣшается. Вотъ почему я здѣсь ничѣмъ не могу помочь. Да вы были у Гумбольдта?

Я разсказалъ свою неудачу.

— Сходите еще разъ, — Гумбольдтъ вамъ легко можетъ доставить средства побывать въ тюрьмѣ.

Мы разстались.

Digitized by Google

На другой день, часу въ десятомъ, взялъ я извощика и поѣхалъ на-авось, попытать счастія, въ тюрьму, находящуюся за городомъ, около станціи Берлино-Гамбургской желѣзной дороги, въ Моабитѣ. Часовой указалъ мнѣ квартиру директора. Я вошелъ, и опять вышелъ, потому что директоръ былъ въ саду. Я въ садъ. Минуты двѣ я ходилъ около ограды, отыскивая входъ, но вотъ ко мнѣ подбѣгаетъ хорошенькій ребенокъ, дѣвочка.

— Что вамъ угодно, mein Herr.

— Мнѣ нужно говорить съ директоромъ.

Ребенокъ отворилъ мнѣ калитку, побѣжалъ въ бесѣдку, а вслѣдъ за тѣмъ изъ бесѣдки вышелъ пожилой, съ сильною просѣдью, невысокаго роста господинъ, въ простомъ сѣромъ пальто.

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

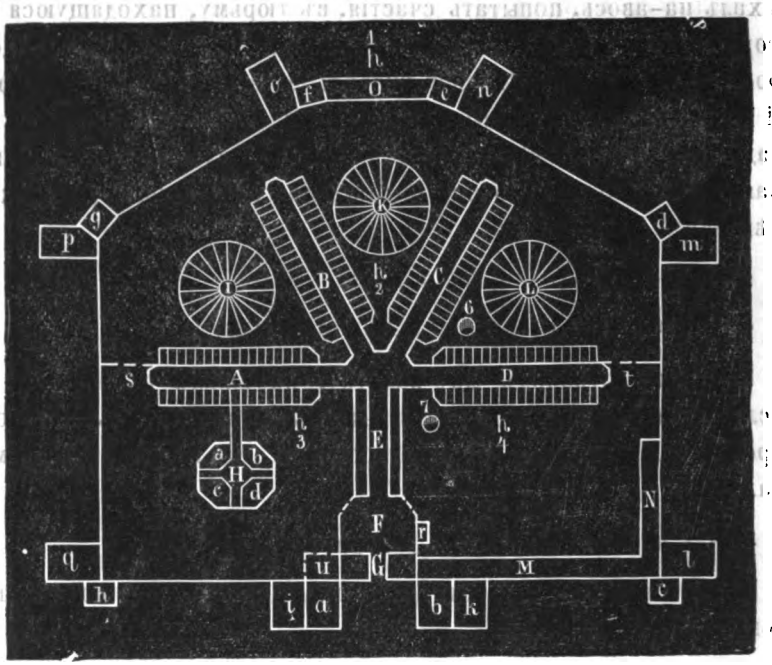
Я объяснилъ ему причину посѣщенія и просилъ позволенія осмотрѣть тюрьму.

— Пожалуйте въ пріемную комнату. Я черезъ четверть часа къ вашимъ услугамъ. Дитя мое, обратился онъ къ своей дочкѣ, — проводи ихъ.

Я пошелъ за моею маленькою проводницей, сторожа отворили намъ тяжелые ворота, какой-то чиновникъ въ синемъ, военнаго покроя сюртукѣ, съ малиновымъ воротникомъ, встрѣтилъ насъ, и ему передалъ ребенокъ приказаніе впустить меня въ пріемную комнату. Минутъ черезъ десять явился самъ директоръ и повелъ меня показывать заведеніе. Чтобы лучше понять расположеніе зданія и устройство его, я прилагаю здѣсь планъ зданія, съ поясненіями, подаренный мнѣ почтеннымъ директоромъ.

Digitized by Google

ТЮРЬМА ОДИНОЧНАГО ЗАКЛЮЧЕНІЯ ВЪ БЕРЛИНѢ.



Объясненіе буквъ и знаковъ на планѣ.

A, B, C, D.) Кельи заключенныхъ.
E) Правленіе, церковь и больница,
F) Передній дворъ передъ входомъ въ зданіе.
G) Переднее строеніе и ворота.
H) Школа. a) Библіотека, b, c, d, классныя комнаты.
I, K. L.) Отдѣльные садики для гулянья.
M, N.) Сараи.
O) Разныя квартиры.
a, b, c, d, e, f, g, h, квартиры для прислуги.
i. k, l, m, n, o, p, q, дворики при квартирахъ.
R) Помѣщеніе военной команды.
S, T.) Стѣны, отдѣляющія зданіе.
U) Пристройки къ директорской квартирѣ.
1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 — Колодцы.

Отдѣленія заключенныхъ по роду занятій.

	Флигель A.	*Флигель B.*
Отд.	1) Токари	1) Ткачи, столяры, мотальщики
	2) Скульпторы	2) Корзинщики
	3) Башмачники	3) Etiquetschläger.

Digitized by Google

Флигель C.	Флигель D.
1) Пуговичники	1) Писарй.
2) Щеточники	2) Портные.
3) Ткачи	3) Мастера разныхъ издѣлій изъ кожи.

Изъ перваго этажа, занятаго кухней, прачешной и т. д., ведутъ чугунныя лѣстницы во флигеля, расположенные лучеобразно, гдѣ находятся кельи. Чистота вездѣ безукоризненная; вездѣ половики, вездѣ прекрасный воздухъ, вездѣ порядокъ; по прислуги, кромѣ дежурнаго, да двухъ, трехъ рабочихъ, занятыхъ какимъ-то дѣломъ, никого не видно. Все дѣлается быстро въ совершенномъ порядкѣ, и ни толкотни, ни шуму, ни крику.

— Отворите № такой-то, пожалуйста, сказалъ директоръ дежурному, и мы вошли въ келью.

— Здравствуйте, любезный, сказалъ ласково директоръ заключенному, и подалъ ему руку. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ 22-хъ, довольно пріятной наружности. Мы его застали за работой, за станкомъ, на которомъ онъ вытачивалъ какую-то вещицу. Комната заключеннаго свѣтлая, шаговъ пять въ длину и ширину. Изъ мебели—столъ, два стула, складная постель, которую заключенный, вставая поутру, самъ прибираетъ и прячетъ въ шкафъ. Въ шкафѣ же на полкѣ необходимая для обѣда утварь. Директоръ спросилъ его о здоровьѣ, потому что молодой человѣкъ былъ чрезвычайно блѣденъ. Заключенный жаловался на отсутствіе аппетита.

— Что же вы не скажете доктору, продолжалъ директоръ. Я вамъ его пришлю. Да, кстати: вамъ, кажется, есть письма въ конторѣ, изъ дому. Я вамъ занесу ихъ.—Глаза бѣднаго затворника замѣтно просіяли.

— Они имѣютъ право получать письма? спросилъ я.

— Не только получать письма, но и видѣться съ родственниками. Да кромѣ того уставъ говоритъ, что мы обязаны посѣщать ихъ по крайней мѣрѣ шесть разъ въ день, то-есть пасторъ, докторъ, директоръ и инспектора.

Мы заходили потомъ еще въ нѣсколько келій, и хотя заключенные, по отзыву директора, не жаловались на свое болѣзненное состояніе, но блѣдность замѣтна на всѣхъ лицахъ. Изъ

Digitized by Google

келій повелъ меня директоръ въ церковь, гдѣ для заключенныхъ устроены ложи въ родѣ клѣтокъ, и расположены рядами одна подъ другой. Пасторъ видитъ всѣхъ, всѣ они видятъ пастора, но другъ друга никто не видитъ. Точно такого же устройства и классныя комнаты. Во время классовъ заключенные хранятъ строжайшее молчаніе. Если что́ кому непонятно, онъ молча дѣлаетъ знакъ учителю и получаетъ объясненіе. Предметы ученья: законъ Божій, чтеніе, письмо, ариѳметика, географія и исторія. Классы бываютъ по часу въ день. Директоръ показывалъ тетради заключенныхъ, которые, при поступленіи въ тюрьму, почти не умѣли писать, а теперь писали довольно правильно и порядочно. Изъ классныхъ комнатъ мы спустились внизъ и вышли на дворъ, гдѣ мнѣ показали садики для гулянья. Садики расположены такъ же лучеобразно и клѣтками. Каждый садикъ образуетъ отдѣльную клѣтку, куда входитъ заключенный, пользуется по часу или по получасу свѣжимъ воздухомъ и ходитъ за своими цвѣтами. Почти у каждаго есть грядка. Выпускаютъ ихъ по одиночкѣ и въ маскѣ. Когда мы взошли опять на верхъ—раздался звонокъ. Это былъ часъ обѣда. Въ дверяхъ каждой кельи есть отверстіе, сквозь которое заключеннымъ подаютъ въ оловянной посудѣ обѣдъ. Директоръ попросилъ меня отвѣдать. Обѣдъ состоялъ въ этотъ день изъ похлебки, овощей и вареной говядины. Хлѣбъ—ситный и отлично испеченый.

Я спросилъ директора—нельзя ли мнѣ гдѣ достать устава исправительнаго заведенія, а равно какъ и свѣдѣнія о состояніи здоровья заключенныхъ, но получилъ въ отвѣтъ, что заведеніе существуетъ еще очень недавно, въ видѣ опыта, что свѣдѣній оффиціальныхъ онъ дать не можетъ, но «повѣрьте мнѣ на слово, прибавилъ онъ, что со времени открытія (1-го ноября 1856) прошло вотъ уже 18 мѣсяцевъ, а у насъ не было ни одного случая помѣшательства, ни одной попытки самоубійства; здоровье арестантовъ весьма удовлетворительно, и мы почти не имѣемъ нужды прибѣгать къ исправительнымъ мѣрамъ, такъ арестанты тихи и покойны. Все, что́ я могу вамъ дать — такъ вотъ этотъ планъ», и онъ передалъ мнѣ планъ, помѣщенный выше.

Digitized by Google

Наша тюрьма не велика, продолжалъ онъ, но вы посѣтите непремѣнно Брухзальскую тюрьму въ Баденѣ, которая намъ служила образцомъ. Я вамъ дамъ свою карточку къ директору Фюслину, который вамъ съ удовольствіемъ все покажетъ, и онъ подалъ мнѣ свою визитную карточку. Мы разстались, и я поспѣшилъ домой готовиться къ отъѣзду. Въ 6 часовъ вечера поѣздъ отправляется въ Дрезденъ.

И. Бабстъ.

Digitized by Google

СЛОВО

о духовномъ просвѣщеніи Россіи (*).

Праздникъ академіи есть праздникъ науки: праздникъ духовной академіи есть праздникъ вѣры и науки. Если же вѣрѣ свойственно праздновать торжество Православія, а наукѣ свойственно праздновать торжество разума: то — каково должно быть значеніе праздника въ духовной академіи?!

Вы не потребуете, а я не стану — теперь разсуждать, въ какой степени удовлетворяетъ этому значенію нашъ нынѣшній праздникъ. Но есть желаніе сердца, которое не хотѣлось бы, да и не должно, скрывать: желаніе, чтобы праздники нашихъ академій когда-нибудь составляли торжество духовнаго просвѣщенія — всей Россіи.

Духовное просвѣщеніе конечно имѣетъ связь съ религіознымъ чувствомъ, однимъ словомъ — съ благочестіемъ. Однакожь не о благочестіи теперь я говорю, а о духовномъ просвѣщеніи. Просвѣщеніе это, правда, относится непосредственно къ духовному сословію; однакожь не это сословіе теперь я имѣю въ виду а — весь народъ русскій.

Въ настоящее время, когда такъ сильно возбуждено дѣло отечественнаго просвѣщенія, имѣется ли въ виду духовное про-

---

(*) Сказано въ храмовой праздникъ (и вмѣстѣ — день открытія) Казанской духовной Академіи, 8 ноября 1858 года.

Съ отраднымъ чувствомъ занимствуемъ мы у «Православнаго Собесѣдника» это живое *Слово*, желая ему всевозможнаго распространенія. *Ред.*

Digitized by Google

свѣщеніе отечества? Если такъ: слава Богу! значитъ Россія на вѣрномъ пути истиннаго, полнаго прогресса. А оставить эту задачу въ сторонѣ, значило бы оставить —цѣлую половину дѣла.

Трудно ли понять эту задачу? Вотъ народъ, всею душею преданный вѣрѣ отцовъ, для котораго вѣра все: его мудрость, его добродѣтель, его сила и утѣшеніе въ жизни. Но этотъ народъ — въ церкви, какъ дитя за матерью, только повторяетъ за Церковію слова вѣры и молитвы, безъ яснаго сознанія, а внѣ церкви — въ немъ и около него тьма, тьма религіознаго невѣдѣнія, суевѣрій, лжеученій. И не этотъ ли туманъ низменныхъ полей русской народности закрываетъ и задерживаетъ свѣтъ просвѣщенія, теперь озаряющій пока только вершины Россіи? — Вотъ милліоны людей, полагающихъ всю вѣру и спасеніе въ томъ, чтобы въ крестномъ знаменіи слагать два, а не три перста, чтобы аллилуія пѣть дважды, а не трижды, и еще—*бритва да не взыдетъ на лице ихъ* (Числ. 6, 5): но правда ли, какъ это пусто и смѣшно? Но это непобѣдимое упорство въ невѣжествѣ, это ожесточенное отдѣленіе отъ Церкви и общества, эта мрачная ненависть ко всему современному, наконецъ это раздраженіе противъ существующихъ порядковъ въ Церкви и государствѣ, заклейменныхъ именемъ антихриста: нѣтъ! Это уже не пусто и не смѣшно. Это ужасно! Это язва, которая разъѣдаетъ тѣло Россіи и разслабляетъ ея внутреннюю жизнь.

Вотъ—общество, твердое въ духѣ русскаго Православія, неизмѣнное въ чувствахъ вѣры и благочестія. Но—насколько свѣта въ этомъ духѣ? Какъ глубоко дно этихъ чувствъ? Если тутъ—только церковный обрядъ, только урочное молитвословіе, постъ, праздникъ... ну, не глубокое дно! Если знаніе вѣры ограничено только грамотою по церковной книгѣ, или только символомъ вѣры и другими, забытыми впрочемъ, уроками дѣтства,—и дальше не идетъ; если вѣра свѣтитъ въ душѣ, какъ тусклая лампадка предъ иконами, когда кругомъ темнота ночи, а человѣкъ спитъ: не много свѣта! При этомъ-то неяркомъ свѣтѣ мирно почіетъ несильная совѣсть, дремлющая подъ негромкій, неопредѣленный и поэтому успокоительный говоръ религіозныхъ чувствъ; по этому-то неглубокому дну религіозной жизни расчитанно движутся нетяжелые грузы некрупныхъ добродѣтелей, которыми и довольствуются невысокія чувства и неширокія

Digitized by Google

потребности души. Думаемъ ли мы, что это не отзывается въ ходѣ народнаго просвѣщенія и общественной жизни? А эта неохота, да и неспособность мыслить о предметахъ вышечувственныхъ и вышеобыденныхъ, это неясное сознаніе разумно-нравственнаго, однимъ словомъ человѣческаго достоинства, эта неподвижность къ чему-либо лучшему въ жизни? А этотъ разладъ вѣры съ жизнію, благочестія съ нравами, десницы съ шуйцею, когда первая прилежно дѣлаетъ крестныя знаменія, а послѣдняя знаменуется вовсе-противокрестными дѣлами?...

Вотъ—образованные классы общества, конечно неисключающіе вѣры изъ своего образованія: и ничего не можетъ быть прекраснѣе и плодотворнѣе для жизни общественной, какъ свѣтъ вѣры въ образованномъ кругу. Но, если въ этомъ кругу должны образоваться и изъ него развиваться въ обществѣ всѣ лучшія идеи и убѣжденія: то не въ правѣ ли мы искать и ожидать здѣсь и тѣхъ свѣтлыхъ понятій, которыми этотъ кругъ можетъ помочь намъ въ великомъ дѣлѣ нравственно-религіознаго образованія народа? — Какихъ понятій? Такихъ напримѣръ, что истинное просвѣщеніе состоитъ не въ подчиненіи вѣры свѣтскому образованію, или бродячимъ понятіямъ времени, какія бы они ни были и откуда бы ни пришли, этому обману чувствъ и воображенія на базарѣ житейской суеты: а состоитъ въ стройномъ, гармоническомъ единеніи разума и вѣры, науки и откровенія, жизни гражданственной и религіозной; что свобода совѣсти, провозглашенная современнымъ просвѣщеніемъ, должна вести людей конечно не къ тому, чтобы они разнуздали свой умъ, сердце и волю и пустили ихъ на всѣ четыре стороны — думать, чувствовать и дѣлать, какъ случится: а развѣ къ тому, чтобы сознательно, по убѣжденіямъ ума и сердца, усвоять себѣ чистый свѣтъ истины и твердую силу нравственную — въ вѣрѣ истинной, которая есть одна, а не всѣ истины, такъ какъ и не всѣ ложны; что точное и ясное познаніе своей вѣры, прилежное занятіе вѣрою, не должно оставаться, да и считаться не должно — принадлежностію только привелегированной на то касты, а должно быть по возможности общимъ украшеніемъ образованныхъ сыновъ вѣры; что и каста эта не должна считаться принадлежностію — больше Церкви, чѣмъ общества, а столько же общества, сколько и Церкви; что образованнымъ людямъ свой-

Digitized by Google

ственно показывать другимъ, необразованнымъ, примѣръ — не пренебреженія къ своей Церкви, ея внушеніямъ и правиламъ, а уваженія, и въ томъ, какъ во всемъ хорошемъ, предшествовать народу мыслію здравою, чувствомъ свѣтлымъ и доброю волею; что между Церковію и обществомъ не должно быть слишкомъ плотной стѣны, внутрь которой изъ общества люди входили бы только въ урочные дни и часы на молитву и изъ-за которой служитель Церкви выходилъ бы въ общество только въ важнѣйшія эпохи людской жизни, или только для сбора подаяній, а внѣ этихъ случаевъ онъ былъ бы въ обществѣ лишній... Не такъ ли? — Не такъ ли думаютъ и сами истинно образованные люди? И въ нашихъ словахъ да не слышится горечь какая-нибудь, или сдержанная укоризна, или сословное предубѣжденіе.... о нѣтъ! Сказать ли? Пріятно возбужденная сила жизни пробуждаетъ особенно живые голоса въ природѣ — на утренней зарѣ. Теперь Россія на зарѣ своего возрожденія: и мы тѣмъ смѣлѣе возвышаемъ голосъ, что въ нашемъ образованномъ обществѣ видится уже заря тѣхъ свѣтлыхъ понятій, слышатся уже отголоски тѣхъ отрадныхъ чувствъ, на которыя мы теперь указываемъ. Мы только выяснили и развили ихъ.

Итакъ свѣта и свѣта, свѣта духовнаго — вотъ чего требуетъ религіозная жизнь русскаго народа, по всѣмъ степенямъ ея. Конечно, кто же, какъ не мы, должны быть проводниками этого свѣта? Откуда, если не изъ нашихъ святилищъ, онъ долженъ свѣтить народу? Но это можетъ быть только тогда, когда свѣтъ этотъ не будетъ заключенъ только въ нашихъ стѣнахъ; когда наши учебныя учрежденія получатъ общественное значеніе; когда наше просвѣщеніе не будетъ оставаться замкнутымъ для общества въ себѣ самомъ и въ насъ, а свѣтлымъ, живымъ потокомъ прольется въ его духъ и жизнь и возьметъ свою долю во всецѣломъ его образованіи. — Вотъ тогда и праздники нашихъ академій сдѣлаются праздниками духовнаго просвѣщенія — не для насъ только, а и для всей Россіи. Аминь.

Digitized by Google

ПОПРАВКИ.

Въ № 50 *Атенея*, стран. 453, строка 14 снизу, вмѣсто: 8 гр., должно быть: 3 гр., и стран. 455, строка 17 снизу, вмѣсто: подъ, должно быть: надъ.

Digitized by Google

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. М. ЩЕПКИНА И К°,

Коммиссіонера Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Министерства Государственныхъ Имуществъ,

на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина,

продаются вновь вышедшія:

ОЧЕРКИ ПЕЧЕРСКАГО КРАЯ. Чтеніе для взрослыхъ дѣтей. Съ тремя рисунками, вырѣзанными на деревѣ. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858. Цѣна: въ бумажкѣ 60 к., въ папкѣ 75 к., съ пересылкой каждая по 80 к. сер.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. Лекціи Степана Шевырева, ординарнаго академика и профессора. Часть 3-я, столѣтіе XIII, XIV и начало XV. М. 1858 г. Цѣна 2 рубл. Съ пересылкою 2 р. 50 к.

ИСТОРІЯ АРМЕНІИ. Моисея Хоренскаго. Перевелъ съ армянскаго и объяснилъ Н. Эминъ. М. 1858 г. Цѣна 3 рубли. Съ пересылкою 3 рубли 50 коп.

ПЛѢННИЦЫ ШАМИЛЯ. Воспоминаніе г-жи Дрансé. Переводъ съ французскаго К. Дзюбинскаго. Тифлисъ. 1858 г. Цѣна 1 рубль. Съ пересылкою 1 рубль 30 коп.

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГІИ, съ отдѣльными на оное вопросами. М. 1858 г. Цѣна 50 коп. Съ пересылкою 80 коп.

ЗАПИСКИ КОМИТЕТА АККЛИМАТИЗАЦІИ РАСТЕНІЙ, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго хозяйства. Книжка I-я. М. 1858 г. Цѣна 1 рубль. Съ пересылкою 1 рубль 50 коп.

ДРУГЪ МАТЕРЕЙ. Сочиненіе доктора К. Грума. Томъ I-й. Начальныя основанія дѣтской физіологіи, гигіены, діэтетики и болѣзненныя состоянія новорожденныхъ, болѣзни рта и пищеварительнаго канала. СПБ. 1858 г. Цѣна 1 рубль 80 к. съ пересылкою.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ ОБЪ ОСАДѢ СЕВАСТОПОЛЯ Н. Берга. 2 тома, съ 2-мя планами. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858. Ц. 2 р. 50 к. Съ пересылк. 3 р. сер.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ АЛЬБОМЪ Н. Берга, съ 37-ю рисунками большаго формата; при нихъ текстъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858 г. Ц. 7 р. Съ пересылк. 8 р. сер.

ШИЛЛЕРЪ ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, изданный подъ редакціею Н. В. Гербеля. Спб. 1858 г. 4 части. Ц. 5 р. 25 к., съ пересылкою 6 р.

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ СКАЗКИ. А. Н. АѲАНАСЬЕВА. Изданіе 2-е. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, выпускъ 1-й. М. 1858 г. Ц. 50 к. Съ пересылкою 75. к. сер.

ВСЕОБЩАЯ ФЛОРА ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ. Составилъ и издалъ Д. Ч. Московскаго Общества Любителей Садоводства П. В. Романовъ. Часть 1-я. М. 1857 г. Ц 1. 50 к. Съ пересылкою 1 р. 80 к. сер.

ИСТОРІЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Соч. Н. Устрялова. 3 тома, съ портретомъ его и альбомомъ картъ, плановъ и снимковъ. Спб. 1858 г. Ц. 8 р. Съ пересылкою 11 р. сер.

СОЧИНЕНІЯ И ПИСЬМА Н. В. ГОГОЛЯ, съ его портретомъ. VI томовъ. Изданіе П. А. Кулиша. Спб. 1857 г. Ц. 12 р. Съ пересылкою 15 р. сер.

ФИЛОСОФСКІЙ ЛЕКСИКОНЪ (А. Б. В.). Томъ I-й. Кіевъ, 1857 г. Ц. 2 р. 50 к. Съ пересылкою 3 р. сер.

ДѢТСКІЕ ГОДЫ БАГРОВА-ВНУКА, служащіе продолженіемъ Семейной Хроники С. Аксакова. Москва, 1858 г. Ц. 3 р. Съ пересылкою 3 р. 50 к. сер.

ЧЕТЫРЕ СТАТЬИ Н. Т. о нѣкоторыхъ современныхъ вопросахъ и поэтѣ Віоло. Спб. 1858 г. Ц. 40 коп. Съ пересылкою 65 к.

ЗАДУШЕВНЫЯ БѢСѢДЫ. Изданіе Н. Токарева. Спб. 1858 г. Цѣна 35 коп. Съ пересылкою 60 коп.

ВЗГЛЯДЪ на настоящія отношенія между помѣщиками и ихъ крѣпостными людьми. Н. Т. Спб. 1858 г. Цѣна 20 коп. Съ пересылкою 45 коп.

О ФИЗИЧЕСКОМЪ ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ въ періодъ ихъ первоначальнаго развитія, или наставленіе матерямъ ходить за ними въ это время, и вообще о наблюденіи за ними во все продолженіе ихъ младенческаго періода и послѣ отнятія ихъ отъ груди. Соч. доктора Н. Массе. М. 1858 г. Ц. 1 р. 50 к. Съ пересылкою 2 р. сер.

Digitized by Google

ИСТОРІЯ РОССІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ. Сочиненіе С. Соловьева. Томъ V. Изданіе 2-е. М. 1858 г. Ц. 2 р. Съ пересылкою 2 р. 50 к. сер.

ИСТОРІЯ РОССІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ. Сочиненіе С. Соловьева. Томъ VIII-й. М. 1858 г. Ц. 2 р. Съ пересылкою. 2 р. 50 к. сер.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА, VII-й дополнительный томъ. Изданіе П. В. Анненкова. С.П.Б. 1857 года. Цѣна 1 р. Съ пересылкою 1 р. 50 коп.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ СТАНКЕВИЧЪ. Переписка его и біографія, написанная П. В. Анненковымъ, съ портретомъ Станкевича. М. 1857 г Ц. 1 р. 50 к. Съ пересылк. 2 р. сер.

МАГАЗИНЪ ЗЕМЛЕВѢДѢНІЯ и ПУТЕШЕСТВІЙ. Географическій сборникъ Н. Фролова. Томъ V-й, съ картой и 4-мя рисунками. М. 1858 г. Цѣна 3 р. Съ пересылкою 3 р. 75 коп.

СОЧИНЕНІЯ И ПИСЬМА СВЯТОГОРЦА, собранныя послѣ его смерти. С.П.Б. 1858 г. Цѣна 2 р. Съ пересылкою 2 р. 50 коп.

ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ. Эриста Курціуса. Переводъ съ нѣмецкаго. I-го тома I-е отдѣленіе. (Изданіе Попова). М. 1858 г. Ц. 1 р. Съ пересылкою 1 р. 40 коп.

СМЫШЛЕНОСТЬ ЖИВОТНЫХЪ. Соч. С. Жолкевича. С.П.Б. 1858 г., съ 43-мя политипажами въ текстѣ. Цѣна 60 к. Съ пересылкою 85 коп.

КОШЕЛЕКЪ, НОДЕНЬЩИНА И НУСТОМЕЛЯ. Сатирическіе журналы 1760, 1770 и 1774 годовъ. Изданіе А. Аѳанасьева. М. 1858 года. Цѣна 1 р. Съ пересылкою 1 р. 50 коп.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ ШЕКСПИРА. Переводъ съ англійскаго Н. Кетчера, выправленный и пополненный по найденному Пэнъ-Колльѐромъ старому экземпляру in folio 1632 г.

ЧАСТЬ 5-я. Тимонъ Аѳинскій.
Два Веронца.
Юлій Цезарь.
Антоній и Клеопатра.

Изданіе Солдатенкова и Н. Щепкина М. 1858 г. Цѣна каждой части 1 р. Съ пересылк. 1 р. 50 к. сер.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

О ДѢЙСТВІИ ГАШИША НА ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ ОРГАНИЗМЪ. . . . . Ю. Н. САВИЧА.
СТИХОТВОРЕНІЯ А. П. ПЛЕЩЕЕВА. . . . А. Г. ТИХМЕНЕВА.
ПИСЬМА ИЗЪ БЕРЛИНА. III. . . . . Н. И. БУЛИЧА.
ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О НАШИХЪ РЕМЕСЛЕННИКАХЪ. . . . . Н. П. ЖЕПИНА.
СТИХОТВОРЕНІЯ. . . . . Т. ПИЛЯНКЕВИЧА.
ИСТОРІЯ НАРОДНАГО БЫТА И НРАВОВЪ ГЕРМАНІИ. . . . . А. И. КРОНЕБЕРГА.
ТРИ МѢСЯЦА ЗА ГРАНИЦЕЙ. Письмо четвертое. . . . . И. К. БАБСТА.
СЛОВО О ДУХОВНОМЪ ПРОСВѢЩЕНІИ РОССІИ. . . . . .

Являясь ежемѣсячно двумя книжками, отъ *осьми* до *десяти* листовъ въ каждой, АТЕНЕЙ будетъ сообщать:

1. Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной литературы;
2. Хронику важнѣйшихъ новостей въ общественной и государственной жизни современныхъ народовъ,

и 3. Статьи историческаго содержанія, записки (mémoires), путешествія, расказы, литературныя замѣтки, ученыя и художественныя извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ конторѣ *Атенея*, при книжномъ магазинѣ Н. Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина, и у книгопродавцевъ: Ѳ. О. Свѣшникова, въ домѣ университетской типографіи, и И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

У книгопродавца С. А. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгартъ.

ВЪ ПАРИЖѢ

Въ конторѣ Русскаго Агентства газеты Le Nord, boulevard de la Madelaine, 5.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ контору *Атенея*, въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 24-хъ книжекъ, *десять* рублей, съ пересылкою *одиннадцать рубл. съ полтиною*.

Печатать дозволяется. Декабря 18-го, 1858 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе*.

Digitized by Google

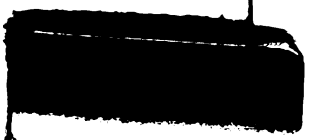
Digitized by Google

Digitized by Google

Stanford University Libraries
3 6105 013 034 132

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.



Digitized by Google